Дереник Демирчян

ВАРДАНАНК

КНИГА ПЕРВАЯ

Над долиной Тарона хмурилась ночь. Все утопало во мраке. Лишь вдали, над волнообразными уступами гор, в россыпи лихорчдочно мерцавших звезд торжественно светлело небо.

В воздухе тянуло прохладой ранней весны.

Как мрачное видение маячил во тьме аштишатский монастырь. Казалось, ничто не в силах смутить его величавый покой. Холодный ветерок зябко посвистывал между ветвями деревьев, обнаженные вершины которых тянулись к небу.

Но молчаливый покой монастыря был кажущимся. Из-за стен внезапно вырвался багровый луч, заскользил по сумрачным стенам и деревьям. Свет приближался, дрожа и колеблясь. Ржаво скрипнули ворота, распахнулась и, высоко подняв факел, из них в л тел коренастый монах с вьющейся остроконечной бородкой. Он посторонился и, освещая дорогу, пропустил в ворота пожилого, высокого роста воина.

Опустив глаза, воин прошел мимо расступившихся перед ним монахов и молча остановился, видимо, кого-то нетерпеливо ожидая. Поправив свой узкий тугой пояс, на котором висел меч в ножнах с золотой насечкой, он взглянул на небо. Изогнутый орлиный нос придавал горделивую суровость резко очерченному лицу воина, тонкий рубец прорезал сверху донизу правую щеку.

Опаленное солнцем обветренное лицо с короткой седой бородой свидетельствовало о жизни, проведенной в битвах и походах, вдали от домашнего очага. Чем-то старозаветным веяло от этого крепкого человека, какой-то огромной духовной мощью. Лишь печать грусти – черта людей, перенесших много испытаний, – да пепельно-серые кудри, падавшие на плечи, слегка смягчали суровый облик этого мужа. Он производил впечатление человека молчаливого, словно чем-то постоянно озабоченного, привыкшего мыслить и действовать, человека, который, приняв решение, будет защищать его с оружием в руках. Железные мускулы и вся его осанка говорили о необычайной жизненной энергии, не сломленной годами.

Монахи, разделившись на два ряда, выстроились по обе стороны от него, скрестив руки на груди. Лишь один из них-юноша с одухотворенным лицом и мечтательными глазами, по-видимому, мирянин, еще не принявший пострига, но проживавший в монастыре, – близко подошел к воину.

– До рассвета далеко еще, Спарапет, – почтительно промолвил он. – Ты бы отдохнул, прежде чем пуститься в путь.

Воин молча взглянул на него и с жестом нетерпения повернулся в сторону монастырского двора.

– Поторопись, Арцви! – донесся оттуда чей-то голос.

Немного погодя послышался конский топот. Монахи быстро расступились, и молодой воин вывел двух скакунов.

Пожилой воин спокойно подошел к одному из них, собрал поводья и вставил ногу в стремя. Телохранитель помог ему вскочить в седло.

Молодой мирянин, с тревогой следивший за пожилым воином, тоскливо спросил:

– И долго будет длиться это испытание?

– Долго, – как бы про себя промолвил воин, с горькой усмешкой опуская взор. Помолчав, оь многозначительно прибавил:

– Ты ведь и сам воин, должен понимать.

Затем, поправившись в седле, он взглянул на монаха, который светил ему. Тот быстро

подошел.

– Значит, вы отправитесь вдвоем в Арташат завтра же?

– Конечно! Непременно – отозвался тот, многозначительно глядя прямо в глаза воину.

– Там есть бесстрашные опровергатели лжеучения огнепоклонников, но… Впрочем, увидимся, поговорим.

Воин не закончил свою мысль, но, как бы что-то вспомнив, вновь оглядел монахов и продолжал:

– Нужно сразу покончить со всем этим, не время теперь мудрствовать!

Монахи подошли ближе. Воин обратился к ним:

– Надеюсь, вы хорошо уразумели, что решено нами? Повторяю вновь: не вступать в прения о вере ни между собой, ни с царем персов! Не время мудрствовать. Тем паче следует прекратить имущественные споры и всякие пререкания с нахарарами о первенстве. Откажитесь от распрей, проповедуйте единение. Ведь бедствие надвигается на час, и неслыханное бедствие!

И он не то с упреком, не то с недоверием оглядел монахов, в глазах которых читалась глубокая печаль.

– Прощаюсь с вами в надежде…

– Господь – прибежище наше и надежда! -отозвались монахи.

Один из них, согбенный старец с лицом цвета меди, дрожащими устами прошептал начало молитвы: «Направь, о господи, стопы мои…»

Остальные монахи осенили себя крестным знамением.

– Ну, в путь, – вымолвил воин и обратился к монахам:- Пребывайте с миром!

– Путь добрый! – отозвались монахи в один голос.

Воин отдал поводья. Конь его заплясал на месте, грызя удила, затем рванулся вперед. Всадник осадил его и пустил шагом. Телохранитель Арцви следовал за своим господином.

При свете факела монахи молча провожали всадников глазами. Багровый свет еще некоторое время озарял лица монахов я сумрачные стены монастыря.

Всадники ехали по каменистой тропе. Прихотливо извиваясь, она спускалась в равнину. На востоке появились зеленоватые отсветы. Близился рассвет. Звезды побледнели. Неясные очертания стали проступато из мрака, когда всадники достигли долины.

Пожилого воина не покидало тяжелое раздумье. Следовавший за ним Арцви с трудом сдерживал своего коня, рвавшегося вперед. Скакун плясал, тряс гривой и поводил горящими глазами, с трудом смиряясь под рукой опытного всадника, не позволявшего ему вырваться вперед.

Погруженный в свои тревожные мысли, пожилой воин неосторожно тронул своего коня шпорой. Тот взвился на дыбы и помчался вихрем. Конь Арцви, казалось, только этого и ждал, бешено рванувшись, он тоже помчался. Удержать его было невозможно. Он обогнал переднего скакуна. Тот в свою очередь, подобрался, и кони помчались, по ровному лугу, стремясь обогнать друг друга.

Бешеная скачка, соответствовала душевному состоянию пожилого воина. Ему хотелось рассеять угнетавшие его думы, поскорее добраться до места назначения и освободиться от тревоги. Что до Арцви, то он наслаждался душевно и физически скачкой. Исполинской силой веяло от этого ладно скроенного, плотного, но гибкого юноши. Лицо его было исчерчено рубцами- следами ран, полученных в боевых схватках. Проницательные глаза не покидала добродушная усмешка.

Скачка, возможно, длилась бы еще долго, но Пожилой воин осадил своего скакуна. Тот рванулся было, но всадник так натянул поводья железной рукой, что конь захрапел и замедлил бег. Труднее оказалось обуздать скакуна телохранителя. Кружась на месте или взвиваясь на дыбы, разгорячившийся конь старался сбросить седока. Но в конце концов унялся и он, и оба коня пошли некрупной иноходью.

На лугу справа показались какие-то всадники. Заметив воина и его спутника, они, стремясь сократить дорогу, поднялись на холм и рысью пустились наперерез.

Впереди ехала группа женщин, девушек и юношей во главе с немолодой уже, высокой и худощавой женщиной. Что-то орлиное в ее лице напоминало лицо пожилого воина. Перевитые лентами густые косы были закреплены на лбу и на затылке, одежда высоко подобрана шелковым поясом. Рядом с нею ехала красивая девушка лет двадцати.

Все они были вооружены копьями, мечами и луками. У подножия холма они пустили коней вскачь. Рядом с сильными конями бежали, высунув языки, гончие. Группа возвращалась с охоты. Притороченные к седлам две кабаньих туши подбрасывало во время скачки.

Охотники были забрызганы грязью и покрыты густым слоем пыли. Но осанка и одежда выдавали их знатное происхождение. В те суровые, патриархальные времена даже в семьях нахараров считалось совершенно естественным, чтобы женщина носила оружие. Не только в крестьянских, но и в княжеских семьях женщины умели обращаться с оружием, привыкнув с детства принимать участие не только в опасной охоте на диких зверей, но и в стычках с персидскими войсками, стоявшими в нескольких крепостях Армении и часто совершавшими набеги на мирное население.

Всадники постепенно замедлили скачку и перешли на шаг. Окинув их испытующим взглядом, пожилой воин сурово спросил:

– Почему вы возвращаетесь так рано?

– Мы спешили, чтобы попасть на сегодняшние военные игры, отец, – ответила немолодая женщина, видимо, чего-то не договаривая.

– Гм!.. – горько и невесело усмехнулся воин, еще не связывая преждевременное возвращение охотников с тревожившими его вестями. Он задержал на миг восхищенный взгляд на девушке: ее дикая красота, прекрасная посадка, придававшая ей воинственный вид и свидетельствовавшая о том, что она не настолько хрупка, чтобы испугаться боя, смягчили мрачное настроение старого воина.

– Кто убил кабанов? – спросил он. – Не ты ли?

– Все вместе, отец Спарапет, – просто и свободно отозвалась девушка. – Первой пронзила его копьем я, когда он на меня накинулся, но потом все подоспели и прикончили его.

– Ты устал, отец? – озабоченно спросила пожилая женщина.

– Нет, – коротко ответил тот, видимо, вновь возвращаясь к своим мрачным мыслям и показывая, что беседовать он не расположен.

Однако охотники производили странное впечатление. Все они были покрыты грязью и пылью гораздо больше, чем обычно бывает во время охоты. На плече у девушки виднелась запекшаяся кровь, щека была расцарапана. Юноши имели потрепанный вид; у некоторых были привязаны к седлам переломанные копья, а в руках они держали копья и мечи персидского образца. Все это не могло ускользнуть от внимания воина. Он придержал коня и обратился к дочери:

– Что у вас там произошло?

– Разбойники ночью напали!.. – смущенно отозвалась та.

– Откуда?

– Воины из персидских гарнизонов, отец… Человек девять-десять… Видно, ехали на разбой в Зарехаван. Хотели увезти ее, – кивнула она головой в сторону девушки. – Двоих мы убили, остальные ускакали. Молодые наши славно бились..

Пожилой воин вновь окинул всех испытующим взглядом и задержался на юношах, которые, застеснявшись и покраснев, низко опустили головы.

– Не успела я остановить ее, как она тоже кинулась на одного из нападавших и едва не поплатилась: копье только слегка задело ей плечо.

Девушка от сильного смущения не знала, куда смотреть. Но пожилой воин неоусидгнно прекратил расспросы и, мрачно покачав головой, пришпорил коня.

Все ехали молча.

Казалось, пожилой воин удовлетворил свое любопытство. Больше он не заговаривал нч

с кем. Дочь в молчании ехала рядом: чувствуя, что отец чем-то озабочен, она не пыталась заговаривать с ним.

Некоторое время они ехали рядом, но воину хотелось остаться одному.

– Поезжайте вперед!

Дочь поняла его желание и пришпорила своего коня. Остальные последовали за нею, подюкяя утомленных коней. Лишь теперь ста та заметна окровавленная повязка на затылке одного из юношей.

«Недурно поработали!» – ухмыльнулся про себя воин.

Всадники свернули к холму, на склонах которого стоял замок. Взмыленные и еще не успокоившиеся кони стали шагом подниматься вверх по склону.

Старший воин пробормотал что-то. Арцви взглянул сначала на него, затем на замок. Там царило необычное оживление. У ворот стояли нерасседланные кони, а немного в стороне – большая группа явно взбудораженных спешившихся всадников, державших коней на поводу.

Со стороны замка во весь опор мчался всадник. Старший воин выпрямился в седле и нетерпеливо всматривался в него, словно сам себя спрашивая: «Еще что-нибудь новое?!»

Всадник круто осадил коня:

– Прибыли азарапет с князьями Арцруни, Рштуни и Мокским, государь Спарапет!

– Давно прибыли? – спросил воин.

– Только что, государь.

Воин показал на беспорядочную толпу всадников:

– А сепухи почему прервали занятия?

– Они узнали о событиях!

Воин въехал в ворота замка сопровождаемый своим телохранителем. Во дворе толпились сепухи и о чем-то жарко спорили. Увидав воина и его спутника, они тотчас замолчали и почтительно склонились перед ними Сепухи ждали, что он расскажет им о полученных вестях, но воин, спешившись, лишь окинул их быстрым взглядом и с мягким упреком спросил:

– Почему вы прервали занятия? Идите. Я сам вызову вас. Сепухи разошлись и воин вошел в замок. Встретивший его на пороге дворецкий с глубоким поклоном сообщил:

– Гости в приемной, государь. Ждут.

Воин прошел в зал. Один из сидевших в приемной четырех нахараров был Ваан Аматуни, последний азарапет аршакидской Армении, лишенный своей наследственной должности персом Деншапухом присланным в Армению для проведения подушной переписи Это был полный старик с одутловатым благообразным лицом, большими выпуклыми карими глазами спокойно глядевшими из-под крутых черных бровей Около него сидел мокский нахарар Артак- статный юноша с умными и печальными пазами и угольно-черными бровями. Лицо его было окаймлено легким пухом первой бородки.

Рядом с ними небрежно развалился на подушках заплывший жиром Артак Рштуни -человек с вялым лицом и ленивым взглядом. Четвертый бы. высокий и полный, широкий в кости мужчина лет пятидесяти, с военной выправкой – глава рода Арцруни, Нершапух, На его изрытом оспой, но пухлом и румяном лице сверкали синие глаза.

Новоприбывший остановился на пороге и осенил себя крестом. Гости встали и, по одному подходя к нему, горячо его облобызали. Царившее до его прихода молчание и трогательная встреча свидетельствовали о том, что все охвачены необычайным волнением, все встревожены каким-то надвигавшимся грозным событием.

Воин снял шлем, передал его дворецкому и вручил ему же свой меч. Расступившиеся перед ним нахарары с глубоким почтением проводили его к особому сиденью в глубине зала, рядом с очагом, и заняли свои места, лишь когда он сел. Все молча ждали, когда он заговорит.

– Получили, конечно, известие… – начал он спокойно и сдержанно. – Указ царя царей обращен и к святейшему отцу и к нам. Надо или дать ответ на каждый пункт указа, или

явиться ко двору царя царей. Копию указа переслал мне святейший отец. Я получил ее в Аштишате. Как угнали вы о нем?

– Гонец твой сообщил мне. А князья пожаловали на военные игры, – объяснил азарапет.

Вновь наступило молчание. Князья обменялись взглядами, все хотели высказаться, но не знали, с чего начать и кому говорить первым.

– Недобрым пахнет… – пробормотал азарапет. Он заглянул в глаза воину и покачал головой – Каков же будет наш ответ? Чем кончится поездка в Тизбон?.. Недобрым пахнет!

– Да, недобрым, – подтвердил тот.

Нершапух Арцруни, которою ни физический, ни душевный склад не предрасполагали к долготерпению и сдержанности, с болезненной усмешкой обратился к новоприбывшему:

– Государь Мамиконян, ужели нам надо спокойно, по доброй воле, самим предаться на милость царя царей?! Да ведь…

Он, очевидно, хотел добавить нечто более резкое и определенное; его заросшие рыжеватой щетиной рябые щеки вспыхнули, точно их обдали кипятком; он тяжело перевел дыхание и умолк,, не досказав своей мысли до конца. Бормоча что-то невнятное, он гневно оглянулся на нахараров, как бы ожидая отклика на свой вопрос.

Сдвинув угольно-черные брови и не поднимая на него глаз, как бы размышляя вслух, задумчиво заговорил Артак Мокац. Его слегка женственный голое звучал спокойно и мягко:

– Я, государи, в недоумении и сомнении. Действительно, каков должен быть ответ наш и на какой ответ даст свое согласие марзпан?.. Мы знаем свой долг. Но ведь перед владыкой арийцев за нашу страну непосредственно отвечает марзпан! Разлад возникнет между нами Вот что тяжело…

Князь Мамиконян искоса кинул на говорившего быстрый взгляд. Все замолчали.

Ваан Аматуни водил глазами по комнате. Он задерживал взгляд то на очаге, в котором тлели головни, то на охотничьих трофеях, украшавших стену, то на распластанной на полу тигровой шкур, то на светильниках, в круглых чашах которых чернели плавающие в масле фитили, то на полке в глубокой стенной нише, где сверкали золотом и драгоценными камнями пергаментные фолианты в переплетах из слоновой кости. Он смотрел – и ничего не видел.

– О чем ты задумался? – очнувшись, обратился он к Спарапету. – Что должно случиться, того не миновать. Избежать этого мы не можем, не так ли? Стало быть, надо ответить на письмо или отправиться в Тизбон.

Несмотря на преклонный возраст, Аматуни сохранил свой живой ум и энергию. Его слова как бы таили в себе упрек собеседникам.

Но они не вывели Вардана Мамиконяна из сосредоточенного раздумья.

– Ответим или нет, хватит у нас сил или нет – одно ясно, – вскипел вдруг неуравновешенный нахарар Арцруни, – никто из нас не согласится принять веру Зрадашта!

– Никто, конечно, государь Арцруни! – слегка повысил голос Артак Мокац. – Но ты мне вот что скажи: какое решение примет марзпан? Вот основной вопрос…

Вардан встрепенулся.

– Да, это основной вопрос! – загорелся он. – Тут-то и найдет коса на камень! О, Азкерт знал, какой выбрать час!.. Еще бы- человек победил греков, победил гуннов… Против него ни одной сильной державы. Перед ним лишь мы. Вот когда он нам станет коленом на грудь!

– Да, государь Арцруни, ты прав: хотим мы этого или нет – но быть большому кровопролитию! Без этого не обойдется… – задумчиво проговорил мокский нахарар. – Но какое решение примет марзпан? Какую позицию займут нахарары? Здесь требуется единодушие. Будем ли мы единодушны?

Артак Рштуни, который с застывшим взглядом молча внимал ему, как бы не в силах осознать все значение происходившего, наконец заговорил:

– Зачем нам утруждать себя? Пусть Азкерту ответит католикос: он разжирел за наш счет и рвется к власти… Зачем нахарарам вмешиваться в споры о вероучениях?

Вардан Мамиконян опустил сверкавшие гневом глаза. Остальные нахарары напряженно ждали.

– Их прижали к стене! – продолжал Артак Рштуни. – Они будут бороться за свое дело да еще постараются и нас втянуть в эту борьбу. Но неужели духовенство желает добиться победы ценой нашей крови, чтобы потом захватить новые владения и всю власть? Зачем нам проливать кровь за духовенство? Нам сейчас не хватает крови и для самих себя…

– Государь Рштуни, не время сейчас спорить и идти против духовенства! – со сдержанным укором остановил его Вардан Мамиконян. – Ответ Азкерту – это дело не только духовенства… И Спарапет поспешил положить конец неприятному спору.

– Кончим на этом, государи мои. Объединим духовенство и нахараров и общими силами дадим ответ Азкерту. Настало тревожное время для страны…

Вардан говорил уверенно и просто, без оттенка повелительности, но в его голосе звучала металлическая твердость вождя, диктующего свою волю.

Слова Артака Рштуни открыли ему тайного противника, которого необходимо было обязательно убедить, но позднее. «Он не один, будут и другие противники…» – с горечью подумал Вардан, но, сдержав себя, решительно обратился к нахарарам:

– Необходимо выехать в Арташат немедленно!

– Необходимо! – подтвердил азарапет. – И да будет нам прибежищем господь!

Он со вздохом поднялся с места и подошел к окну. Встали и остальные нахарары.

Вардан с нахарарами только вышел из зала, как перед ним появилась престарелая женщина с худым, изможденным лицом и порывистыми движениями. Это была его мать. Она была взволнована и дрожала всем телом. Высоко вскинув сухие, как ветви терновника, руки, она бросилась к сыну и глухим низким голосом выкрикнула:

– Смертельная опасность грозит отчизне! Судьба возлагает защиту на тебя, сын мой…

Вардан поцеловал ее дрожащую руку.

– Успокойся, мать, успокойся! – прошептал он с улыбкой, одновременно и скорбной и ласковой.

Старуха прошла вперед, направляясь с нахарарами и Варданом к каменкой террасе замка. Во дворе толпились обитатели замка, кое-кто из сепухов, не занятых на военных упражнениях, и другие воины.

Мать Вардана осенила себя крестным знамением и перекрестила всех, сто находился во дворе.

Она вся преобразилась. Казалось, она не видела окружавших ее людей. Глаза ее, пылавшие под серебристыми бровями, были устремлены в таинственные дали, где в этот миг совершались кровавые злодеяния.

– Шапух восстал из могилы, он идет искоренить народ армянский… Восстаньте против сатаны, защитите отчизну! Клянитесь в этом! – выкрикивала она.

– Клянемся, мать! – отозвался за всех Ваан Аматуни. Весь двор замер в молчании. Чудилось, что из могилы восстал кто-то из предков рода Мамиконянов и явился принять клятву собравшихся в том, что никто не изменит священному делу родины.

В это простое, будничное утро все были охвачены высоким вдохновенным порывом. Собравшиеся даже не представляли себе, какое новое, необычайное событие встревожило в этот день обитателей замка; им даже не объяснили, что именно произошло. Однако внезапный ночной отъезд Спарапета, озабоченные лица нахараров и неопределенные слухи встревожили всех. Мысли невольно обращались к персидскому царю, от которого обычно исходили все бедствия армян. Но в чем же состояло бедствие на сей раз?.. Обитателей замка угнетало необычайное волнение матери Вардана, ее полные ярости слова, суровое молчание самого Вардана.

Старая госпожа дрожащим, взволнованным голосом сказала Вардану:

– Отзови сына из Греции, пусть вернется, чтобы стать воином отчизны, довольно ему учиться!..

– Зохрак и сам не останется в Греции, – мягко и ласково сказал Вардан. – Будь

спокойна…

Служанки взяли ее под руки и увели.

Покой и мир покинули замок. Обитатели его тревожно ждали великих испытаний.

Вардан в сопровождении нахараров вышел из замка и направился к площади. Как раз в это время там происходило учение всадников. Сепухи – все молодежь, – забыв о необычайных событиях в замке, были увлечены своей военной игрой; воины попарно, группами или в одиночку стремительно носились по площади, поражая мишени стрелами и пронзая копьями воображаемых врагов. Некоторые бросались с мечами друг на друга, прикрывая головы щитами. Площадь гремела от гула молодых голосов и конского топота.

Внезапно пронзительный крик прорезал воздух и перекрыл общий шум. Все смолкло на площади, затем послышались отдельные голоса: «Что это, что случилось?..» Всадники погнали коней к фехтовальщикам. Разделившись на две группы по пять человек в каждой, всадники бились друг с другом. Игра всех опьянила, По лицам уже струилась кровь. Начав бой как учебную игру, они увлеклись ею и в состоянии опьянения и самозабвения наносили друг другу тяжелые удары. Это было видно по их ярости. Они уже не придерживались никаких правил. Их мечи с лязгом ударяли по щитам, высекая искры. Слышалось бешеное ржание разъяренны; скакунов. Всадники же с налитыми кровью глазами, с грозным рычанием налетали друг на друга, сверкая мечами в воздухе.

– Отбой! Отбой!.. – восклицали вокруг них сепухи, размахивая мечами и тесня сражающихся своими скакунами.

– Но те ничего, казалось, не сознавали.

– Нахарары, нахарары здесь! Прекратите… – снова послышались восклицания. Все было напрасно.

Но вот один из сражавшихся свалился с коня, товарищи окружили его.

В это мгновение на сепухов соколом налетел Арцви. Он сидел безоружный на своем неоседланном скакуне. Одним бешеным скачком он перескочил через огромный ров, на что никакой благоразумный наездник не решился бы даже в случае крайней необходимости, и столь же бешено врезался в самую гущу состязавшихся.

Арцви был похож на дьявола. На искаженном лице его глаза сверкали, как ножи.

Участники игры в последний раз рассекли воздух мечами и расступились.

– Щенки бешеные!.. – крикнул Арцви, который в раздражении готов был и сам схватиться с кем-нибудь.

Сепухи гневно корили сражавшихся.

Вардан и нахарары подошли к раненому, которого с трудом сдерживали пять воинов. Он рвался расплатиться со своим обидчиком.

– Пустите! – рычал он. – Дайте мне убить его!

– Манук, нахарары тут… Манук, молчи! – понизив голос, увещевали раненого окружившие его воины.

– Позовите-ка сюда этих «храбрецов»! – распорядился Вардан.

Окружив обоих участников схватки, воины подвели их к Вардану. Они тяжело дышали, злобно косясь друг на друга. Высеченными из камня казались их широкие груди и могучие мускулистые руки. Один другого красивей и стройней, они являли собой чудесно подобранную группу безрассудно отважных бойцов.

– Ранили тебя? – спокойно обратился Вардан к воину.

Придерживая рукой раненое плечо, тот потупил голову.

Вардан оглядел воинов. Все молча ждали его решения: он был известен своей строгостью. Однако на сей раз Спарапет молча приглядывался к ним. Узнавая каждого, он заговорил, не повышая голоса.

– Ищете битвы и найти не можете? Если так уж сильно чешутся у вас руки, то знайте: найдется дело! И скоро!

Опустив головы, воины молчали. Вардан, сдерживая улыбку, обернулся к раненому:

– Если ранен, значит и виновен, приятель! Что сказать тебе еще? Иди. Свое наказание

ты уже получил. Раненый тяжело вздохнул.

– Постой, да ты не Манук ли?

– Манук, Манук, государь! – в один голос подтвердили сепухи и воины.

– Это ты отвел меч, занесенный на меня кушаном?..

– Он, он самый, государь! – подтвердили сепухи.

Вардан с доброй улыбкой глядел на воина: во время войны персов с кушанами Манук спас жизнь Спарапету, неожиданно окруженному врагами во время одной из схваток. Сейчас, весь красный и готовый провалиться сквозь землю от стыда, Манук только молча, с жалким видом оглядывался по сторонам.

– Если можешь идти один, ступай, – пусть тебе перевяжут Руку.

Манук повернулся, бормоча еле слышно:

– Рану того, кто меня сегодня ранил, перевязывать уже не придется!

Вардан, рассмеявшись, опустил руку ему на плечо, ласково потрепал и слегка подтолкнул, как бы давая ему понять, что надо уйти.

Манук удалялся, все ускоряя шаг.

– Бесценный боец! – шепнул как бы самому себе Вардан.

Здесь, среди воинов, в кругу этих беззаботных и удалых юношей, Спарапет на миг забыл гнетущую его заботу. Он был рад, что попал сюда. Да, в них, в этих юношах, – и сила, и надежда, и жизнь, и радость! Старый полководец, проведший всю жизнь в седле, под открытым небом, в дружном кругу соратников, впервые за это утро, после короткого общения с бойцами, почувствовал некоторое облегчение. К нему вернулась надежда, что минет и эта буря, настанут лучшие дни…

Разумеется, как полководец и политик, он ясно представлял себе, какая надвигается буря. Но вера в лучшее, обыкновенная, простая человеческая надежда все же воодушевляла его. Здесь, в кругу молодых бойцов, ему даже казалось, что, быть может, горькая чаша минует его… Но нет, эту чашу ему придется испить до дна, до последней капли! Горькое чувство вновь овладело им, он повернулся к сепухам:

– Вывести по очереди отряды и возобновить занятия!

– Будет исполнено! – отозвались сепухи.

– Приступайте!

Сепухи разошлись. Вардан обратился к нахарарам:

– События развернутся не скоро, но могут нагрянуть внезапно, как потоп. Встряхнитесь, князья, подготовьте ваши полки!

Нахарар Арцруни обернулся к Вардану, пытливо вгляделся в него, словно видя его в первый раз и только теперь догадываясь, в чем дело:

– Государь Мамиконян, ты и впрямь ждешь войны? Вардан изумленно взглянул на него:

– А много ли случалось споров между нами и персами, которые не кончались бы войней?.. Я – Спарапет. Если нагрянет беда, ответ держать – и за вас и за себя – придется мне…

Нахарар Арцруни призадумался, как бы соображая, но прозрение пришло не сразу.

– Ну, первый удар придется принять мне: ведь мой Васпуракан – ворота из Персии. Поэтому я и спросил.., Артак Мокац рассмеялся:

– Удары-то все мы примем. И первый и последний!

Вардан ласково взглянул на красивого юношу и положил руку ему на плечо. Он и ранее очень любил этого находчивого, умного и скромного молодого нахарара. Но в час, когда на отчизну надвигалось новое бедствие, Вардану особенно по душе пришелся этот ответ.

Настроение его поднялось.

– Помоги нам бог! – воскликнул он, с облегчением переводя дух, и, оглядывая широко раскинувшуюся равнину Тарона, тихо добавил:- Жаль, нарушили наш покой…

Равнина Тарона начинала дымиться. Туман подбирал свои лохмотья и, влача их за собой, отходил к западу. Весна уже открывала свой праздник. Сильнее начинало пригревать

солнце. Воздух был нежен, чист, сердцу хотелось мечтать, оно гнало прочь мысли о нависшей опасности.

На шелковой лазури неба обозначились стремительно приближающиеся черные стрелы. С кликами «курлы-курлы» они проплыли над головами нахараров.

На вершине заброшенной башни аист уже приводил в порядок свое хозяйство.

Ничто, ничто не предвещало войны…

Нахарары покинули площадь. Но еще долгое время продолжали доноситься издали возгласы молодых бойцов и громкий топот их коней.

Вардан пригласил нахараров вновь вернуться в замок. Немного спустя они все уже сидели за столами в трапезной.

Полуденное солнце лишь слегка смягчало прохладу ранней весны. По горному перевалу ехал вооруженный отряд человек в тридцать, с двумя всадниками во главе. О том, что это персы, можно было догадаться издали по удлиненным, похожим на кувшины, головным уборам, по длинным плоским мечам, которые висели на поясах, туго стягивавших короткие кафтаны. На свинцово-серые морщинистые лица большинства воинов уже наложила свою печать преждевременная старость; белки их глаз пожелтели от болотной лихорадки. Один из ехавших впереди – чернобородый человек лет пятидесяти, плотно закутавшийся в грубо вытканную мешкообразную накидку из верблюжьей шерсти, – сидел съежившись. Второй – еще молодой военный, желтолицый, с наглыми глазами, в глубине которых постоянно играла злая усмешка, – накинул широкий кафтан поверх своих доспехов. Он часто заслонял глаза ладонью, как бы высматривая что-то вдали.

– Говорил: «Прижмешь эти монастыри, да так, Чтоб духу их не осталось», – рассказывал первый всадник. – И, поверишь ли, столько дани, сколько я при этом Деншапухе собрал, и за двадцать лет не выколотишь!

– Море неисчерпаемое, а не страна! – откликнулся военачальник.

– Какое там море?! Ведь мы выжимаем именно так, как повелел Деншапух. А какого моря хватило бы на это? Прежде-то выколачивали только из крестьян. А теперь, когда мы принялись и за монастыри, да и крестьян поприжали, ты погляди только, что получится…

Военачальник хихикнул и, зевнув, пришпорил коня.

– Но ведь это Сюник! Это владения марзпана! Как же это Деншапух не щадит его? – задал он вопрос.

– Если хочешь знать, именно Сюник-то и велел он прижать! Говорил: «Выжги, вытопчи все. Так, мол, повелел Азкерт…» Ну, я и жгу! Мне-то что? Я сборщик дани!

– Угу! – вдруг оживился военачальник, блеснул глазами. – Вот он, монастырь, показался уже! А где же деревня, а?

– Деревня рядом, за утесом.

Впереди показались двое верховых. Они ехали в том же направлении, но не спеша, и персы вскоре догнали их.

На одном невысоком бойком старике с хитрыми, подвижными маленькими глазками была богатая одежда персидского покроя. Его сопровождал простой воин-армянин.

– Ты перс? – задал ему вопрос сборщик дани.

– Немножко, – ответил старик не то в шутку, не то серьезно, с полнейшим спокойствием разглядывая персов.

Сборщик с полуулыбкой ждал, чтоб он объяснил свои слова.

– Много жил в Персии, – докончил старик – Куда едешь?

– К марзпану.

Они довольно долго ехали бок о бок.

– А вы куда направляетесь? – справился старик.

– В монастыри, в деревни… Кто его знает…

– Ага… – пробормотал старик, окинул взглядом весь отряд и многозначительно умолк. Он сообразил, что перед ним один из сборщиков дани, назначенный персидским азарапетом.

Вскоре отряд доехал до обнесенного оградой монастыря. Показалось невдалеке и

селение с рассыпанными по склонам горы лачугами.

Два персидских воина подъехали к ограде и принялись колотить в ворота древками копий. Изнутри никто не отзывался. Один из воинов спешился и, подняв с земли камень, принялся бить им в ворота. Но и на этот раз никто не отозвался. Лишь после того, как весь отряд начал ломать ворота, они распахнулись и из них вышел высокий, дородный, бородатый и суровый на вид монах, с нависшими густыми бровями. Смело выставив вперед широкую грудь, он обратился к сборщику:

– Зачем ломаете ворота монастыря?

– А вы почему не открываете? – прикрикнул сборщик.

– Мы молились.

– Успеете еще помолиться! А ну, быстрее сдавай остаток подати, мешки с зерном, вьючных животных и несите сюда мерки…

Монах (это был настоятель) что-то пробормотал; он мрачно подвинулся, чтобы дать дорогу начальнику персидского отряда, и сам вслед за ним прошел в глубь монастыря. Собравшиеся монахи тревожно перешептывались.

– Не проговоритесь о тайнике… – вполголоса и многозначительно напомнил настоятель, – не то ответите на страшном суде!..

– Терпите, если придется… – тихо добавил толстый и низенький рябой монах; передник на его выпирающем брюхе указывал, что это монастырский эконом.

По его распоряжению монахи начали выносить мешки с зерном.

Воины спешились и бродили по маленькому двору монастыря, смеясь и гогоча засматривали в кладовые и в храм. На паперти выросла гора мешков; принесли мерки и, открыв несколько мешков, начали мерить зерко. Видимо, это надоело сборщику, в он начал считать на глаз. Настоятель запротестовал:

– Осенью мы сдали полностью все, что причиталось с нас А ты снова берешь!

– Война! – объяснил сборщик. – Вы должны помочь. – Не собираешься же ты захватить все достояние монастыря. Поступай по закону, имей совесть!

– Все делается по закону и совести. Несите!

Низенький и толстобрюхий эконом, запыхавшись, бочкой катился взад и вперед, покачиваясь на ходу. Его рябое лицо выражало лишь одно – страх за поставленные под угрозу запасы. Настоятель побагровел; обливаясь потом и тяжело дыша, он поспешил к воинам, которые собрались взломать низкую, запертую на замок дверь.

– Удалитесь отсюда, воинам не место здесь! – крикнул он, пытаясь заслонить дверь.

К нему присоединился и эконом. Но воины не слушала их. Раздобыв откуда-то топор, они начали высаживать дверь. Та быстро подалась; тогда они ворвались и стали вытаскивать из тайника тяжелые кожаные бурдюки с маслом и сыром.

Во двор несмело вошли крестьяне. Полные тревоги, понимая, что появление персов сулит беду также и им, они напряженно следили за событиями.

Эконом, которого несколько воинов притиснули к двери кладовки и душили, внезапно прорвался сквозь цепь воинов и кинулся к крестьянам, выкрикивая:

– На помощь! Позовите сюда старшину Бакура! Пошлите верхового к марзпану!.. Все забрали! Поспеши, брат Аракэл!

Аракэл, широкоплечий крестьянин с грубоватым лицом, остро и злобно глянул на эконома.

– Чего тебе от меня надо? Вот сейчас и мне на горло наступят, потребуют отдать остаток налога марзпану…

Во двор вошел старшина Бакур, пожилой, пышущий здоровьем мужчина с толстыми усами, широким лбом и пронизывающими глазами.

– Бакур! Старшина! Помоги! – задыхаясь, возопил эконом. – Пошли скорей человека к марзпану…

Лицо Бакура приняло озабоченное выражение. В душе он был согласен с экономом: беззаконие при сборе дани могло распространиться и на крестьян, а этим был бы поставлен

под угрозу остаток налога, причитающегося марзпану. За это отвечал головой он как старшина. Ему необходимо было вмешаться. Но он колебался, выжидая.

А во дворе монастыря происходило нечто омерзительное. Настоятель цеплялся за выволакиваемые мешки, пытаясь приостановить грабеж. Он отталкивал воинов, которые, взломав дверь еще одной кладовой, начали выносить новые кожаные бурдюки с маслом, сыром и солониной, копченое мясо и нанизанные на нитку сушеные фрукты. Эконом содрогнулся, мячиком подкатился к бурдюкам и крикнул монахам:

– Не давайте проклятым, отбирайте обратно!

Монахи – и старые и молодые – кинулись ему на помощь. Они так толкались, так рвали из рук воинов припасы, словно боролись за свою жизнь. Точно первобытные люди выбежали из пещер и дерутся из-за дичи Звериные инстинкты проснулись у обеих сторон. Защищая свои запасы, настоятель уже не помнил о своем сане: растрепанный, в разорванной рясе, со сверкающими алчностью глазами, он метался по двору, хватаясь за мешки. Но вот воины отогнали его и, вытащив припасы, сложили посреди двора. Тогда настоятель с неожиданной, невероятной силой боднул одного из воинов головой в живот, прорвал цепь и, набросившись на груду припасов, обхватил большой тяжелый кожаный мешок. Переваливаясь по-медвежьи с ноги на ногу, он потащил его обратно к двери кладовой. Воины кинулись за ним и вцепились в мешок. Началась потасовка, каждая сторона тащила мешок к себе. Обливаясь потом, со вздувшимися на шее жилами, настоятель напрягал все силы, чтобы не выпустить мешок из рук. Ряса его разорвалась, обнажилась косматая грудь. От бешенства он рычал, как зверь, задыхался.

Сборщик дани, разъяренный сопротивлением монахов, сделал знак начальнику отряда, который молча, с недоброй улыбкой смотрел на все происходившее. Тот выхватил свой меч и, подойдя к настоятелю, кольнул его острием в плечо. Настоятель ничего не почувствовал. Перс снова нанес удар. Настоятель упал, на четвереньках подполз к двери кладовой и схватился рукой за новый мешок, который выносили из кладовой. Третий удар – уже в голову- заставил его выпустить мешок и растянуться на земле.

Монахи отступили, подняли настоятеля и унесли его в монастырь. Собрав в одну кучу отобранные припасы и зерно, персидские воины разожгли костер, вынесли медные котлы и начали готовить себе обед.

Сборщик дани на глаз подсчитывал собранное. Подойдя к своему коню, он снял привязанные к седлу дощечки, на которых ножом нанесены были какие-то черточки, затем подозвал начальника отряда и предложил вполголоса:

– Приступим к деревне…

– Подождем, пока подойдут наши… – возразил тот, почуяв какую то опасность при виде мрачных лиц крестьян.

– Да, могут взбеситься, собаки!.. – пробормотал сборщик, искоса бросив злобный взгляд на крестьян. Он сел на ближайшую могильную плиту и начал наносить новые знаки на свои дощечки.

Старшина решил, что настало удобное время для беседы. С ним вместе подошел к сборщику и старик, направлявшийся к марзпану.

– Почему не по закону берете? – проговорил Бакур, обращаясь к сборщику. – Столько по закону не полагается. Это ведь страна марзпана!

Сборщик взглянул на него и, ничего не ответив, снова углубился в свои расчеты. Старшина повторил сказанное, но сборщик молча встал и начал всматриваться в дорогу, по которой приехал На вершине холма показался отряд. Его-то он поджидал.

Оскорбленный Бакур молча отошел. За ним также молча последовал и старик.

– Этак они и село выпотрошат и марзпану ничего не оставят… Пойду потороплю нашего сборщика!

Отряд подошел и остановился перед монастырем. Воины были в кувшинообразных головных уборах. Грузный чернолицый командир спешился и, войдя во двор, остановился перед сборщиком:

– Чу, как у вас?

– Тут кончили. Скоро будет готов обед для воинов. Действительно, обед вскоре поспел. Воины группами уселись вокруг костра, принялись за еду, приготовленную из награбленных припасов. Как только с едой было покончено, сборщик дани кивнул командиру:

– А теперь в село!

Подъезжая к селу, сборщик обратил внимание на оседланных коней, привязанных к деревьям и плетням. В селе царило какое-то смятение. В хижины заходили люди, выносили какие-то мешки.

Въехав в село во главе вооруженною отряда, сборщик приказал вызвать старшину. Тот явился. У него был встревоженный вид.

– Кто эти люди? Что они здесь делают? – спросил сборщик.

– Это люди марзпана, – объяснил старшина, – собирают остаток осеннего налога…

Персидский сборщик побагровел от ярости.

– Прежде чем собрать дань царю царей, вы даете марзпану?! Да как вы осмелились?! Накладываю запрет на весь урожай!

Его помощники в сопровождении воинов рассыпались по селу.

Воины врывались в хижины, забирали мешки с зерном и заставляли крестьян сносить и складывать эти мешки на сельской площади, где сидел сборщик.

Напрасно Бакур требовал, чтобы, во-первых, взвесили все собранное зерно, и затем, чтобы не трогали того, что принадлежало марзпану. Не слушая его, сборщик чертил знаки на своих дощечках. Когда же старшина еще громче повторил свое требование, сборщик пригрозил:

– Ты противишься законам царя царей?! Язык у тебя прикажу вырвать!

– Я действую по закону царя царей! – нахмурился старшина. – Дань мы всегда платили, но разве так платили? И дань мы сами собирали. Где мы находимся? Разве это не страна марзпана?..

– Это страна царя царей!

– Зачем же вы разоряете село, раз оно принадлежит царю царей?! – гневно возразил старшина. – Марзпан от меня потребует свой налог. Какой же ответ я дам ему?

– Ответ ты дашь Деншапуху. Война сейчас, поймите это!

Поняв, что сборщик просто грабит село, старшина созвал людей марзпана и распорядился отделить причитающийся марзпану налог.

Услыхав об этом, крестьяне переполошились:

– Что ж, а нам с семьями в воду бросаться?! Все собрались вокруг старшины.

– Хоть ты над нами сжалься! Сжечь село собираетесь, что ли?!

– Не могу, маргпан повесить меня прикажет, – отмахнулся тот и обратился к армянским сборщикам:-Отделите налог марзпана!

Между персидскими и армянскими сборщиками началось дикое соревнование в ограблении крестьян. С лихорадочной поспешностью таскали все, что попадалось под руку, стараясь опередить друг друга.

Село наполнилось воплями, криками. Женщины и дети метались взад и вперед, призывая на помощь. Аракэл подошел к персидскому сборщику:

– Сколько же мы должны платить? И марзпану, и царю? Сборщик рассмеялся:

– Что еще вам делать, если не платить дань?

– Марзпан отбирает, ты отбираешь… Что же будет с крестьянином?

– Крестьянин – что мышь: сколько ни отбирай, он себе в норку опять натаскает!

Аракэл умолк, мрачно задумавшись, и опустил голову. Воин-перс толкнул его концом копья, требуя, чтоб он продолжал перетаскивать мешки. Аракэл обернулся, злобно взглянул на война и пошел к своей хижине. Выйдя с тяжелым мешком на спине, он со стоном побрел к площади. Жена его, стоя перед хижиной, вопила по-армянски:

– Да чтоб он подох, этот царь! Сколько раз ему платить? Разве дань весной берут? Да и марзпан у них научился: чего они не доделали, то он доканчивает.,. Смерти нашей, что ли,

они хотят?

Сборщик перс со смехом спросил:

– Что говорит эта женщина?

– А что ей говорить? Не хочет платить, – объяснил командир отряда.

– То есть как это она не хочет? Кушаны близко. Войску хлеб нужен. – И с новым взрывом смеха он прибавил:- Это еще ничего! Скоро их самих возьмем! Будут для войска на своем горбу всякую кладь таскать, – вьючный скот у нас погиб.

При этих словах персидские воины начали гоготать, поглядывая на Аракэла. Жсна снова накинулась на него с бранью:

– А ты чего вес им отдаешь? Что ж, нам-то всей семьей помирать?

Аракэл не обращал на нее внимания. Жена схватила его за Руку:

– С тобой я говорю. Или ты не слышишь?

– Убирайся! Не то хуже будет!.. – прорычал Аракэл и вошел в хижину.

Воины, пересмеиваясь, последовали за ним. Когда Аракэл выходит с мешком на спине, один из воинов начал покалывать его сзади копьем, как подгоняют скот. Аракэл со стоном бросил мешок наземь и остановился, чтоб отереть пот и перевести дыхание. Воины торопили его, подталкивая концами копий, Аракэл медленно зашагал дальше.

– Но-но! – подтолкнул его снова один из воинов.

Сдав мешок сборщику, Аракэл отер пот со лба и снова молча повернул в свою хижину.

Его односельчане, уже покончившие со своей работой, скрестив на груди руки, бледные, молчаливые, следили за всем происходящим.

Вот Аракэл вышел с пустым мешком в руках и швырнул мешок наземь.

– Ну вот, теперь все дочиста обобрали! Оставили нас голыми и голодными… Чего еще вам надо? Говорите! Один из воинов со смехом отозвался:

– Найдется еще что-нибудь!.. Неси!

– Что найдется? Может, мясо мое возьмете?! – огрызнулся Аракэл. – На, бери!.. – И он выпятил обнаженную грудь.

– Война, милейший! Всем надо чем-нибудь пожертвовать, – бесстыдно ухмыльнулся сборщик.

– Потух очаг наш, Аракэл! – запричитала старая крестьянка и, присев, начала бить себя по коленям.

Аракэл шагнул вперед и крикнул односельчанам:

– Что очаги у нас в домах потушили – это еще можно стерпеть! Но смотрите, чтоб они душу нашу не осквернили!

– О чем это собака лает? – злобно насторожился сборщик.

– О чем лает?! – ответил ему в гневе Аракэл. – Я не лаю! Еще не поднял головы крестьянин!..

Он переждал миг, и вдруг глаза у него сверкнули яростью.

– Так ты лая хочешь? Получай же! – задыхаясь, хрипло взвизгнул он и, кинувшись к сборщику, с такой силой ударил его ногой в грудь, прямо в сердце, что тот упал мертвый.

Аракэл вырвал копье у воина и пронзил первого накинувшегося на него перса. Крестьяне растерялись. Некоторые подались назад, другие присоединились к Аракэлу, начали избивать персидских воинов дубинами и забрасывать камнями.

Женщины подняли крик, собирая разбежавшихся детей. Одни начали помогать мужьям, другие растерянно застыли на месте, не зная, что делать.

– Беги, Аракэл!.. Спасайтесь, ребята! – послышались голоса сельчан.

Аракэл оглянулся. Неподалеку стояли на привязи кони людей марзпана. Аракэл бросился туда, вскочил на коня и пустил его во весь опор в горы.

Персидские воины, опомнившись, принялись хватать и избивать разбегавшихся крестьян. Нескольким крестьянам удалось вырваться. Они кинулись бежать туда же, куда ускакал Аракэл, – в горы.

Остальных крестьян персы сперва зверски избили, а потом заставили снести все

отобранное зерно во двор монастыря и оттуда – к берегу Аракса; все награбленное было перевезено в Персию.

Горизонт замыкала волнообразная линия Сюнийских гор.

На вершине крутого утеса грозно чернел замок, похожий на расправившего крылья орла. Прямо перед замком зияла пропасть. Река, бурлившая на ее дне, рассекала Сюник на две части, постепенно теряясь в лабиринте дальних ущелий.

В оврагах лежали еще снег и лед, а на солнцепеке капало со скал; чернела освобожденная земля. Весна уже дохнула теплом.

Стоял солнечный полдень. В той части замка, которая нависала над пропастью, перед широким окном в кресле резного дуба сидел немолодой мужчина.

Черные, блестящие, словно агат, волосы крупными завитками спускались ему на затылок, свисали на золотисто-смуглые щеки. Маленькая вьющаяся бородка была похожа на гроздь черного винограда. Длинные брови оттеняли выпуклый упрямый лоб. Сверлящим взглядом смотрели умные, проницательные глаза, губы были тесно сжаты.

По плащу персидского образца, остроконечной шапке и обуви с загнутыми носками его можно было бы принять за перса, если б не пергаментные фолианты, лежавшие в нише, и не молитвенники с инкрустированными крестами на серебряных и золотых переплетах.

У ног его на узорном ковре лежали пергаментные свитки, которые он неторопливо перебирал, по очереди просматривая, откладывая в сторону и вновь возвращаясь к некоторым из них.

Вот он негромко хлопнул в ладоши. Вбежал старик, также в одежде персидского покроя, и, подобострастно склонившись, остановился у порога. Это был дворецкий.

– Вернулся Кодак?

– Вернулся, государь марзпан, – ответил дворецкий. – Я не осмеливался помешать тебе…

– Пусть войдет!

Старик удалился.

Марзпан рассеянно посмотрел на дверь, на продолжавший колыхаться черный занавес и задумался. Он поднял вопросительный взгляд лишь тогда, когда в комнату вошел тот, кого он ждал.

– А, это ты? – задумчиво произнес он.

– Желаю здравствовать тебе, государь марзпан! – приветствовал его вошедший. Кланяясь до земли, он прошел вперед и поцеловал марзпану руку.

Это был старик, присутствовавший при том, как персы взимали дань.

– Рассказывай, – вымолвил марзпан спокойно и мягко.

Вошедший, которого марзпан назвал Кодаком, отступил, пятясь к двери, и присел на корточки у порога.

– По повелению твоему я вернулся из Тизбона по Артазской дороге…

– В Арташате был? – нетерпеливо прервал его марзпан. – Что там делает католикос?

– Он собирает духовенство.

– Когда сообщили Спарапету?

– Немедленно! Ему была переслана копия указа.

– Как же иначе? Ведь он властелин!.. – усмехнулся марзпан. – А князья собираются в Арташат?

– Выехали, едут.

– Что у них в мыслях?

– Намерены сопротивляться.

Марзпан встал и мерным, сдержанным шагом заходил по комнате. Подойдя к окну, он вздохнул и молча остановился. В глазах его отражались глубокая печаль и затаенная горечь. Он долго глядел в окно, словно надеясь, что утесы ил и ущелья ответят на гнетущие его вопросы. Видимо, очень уж горьки были эти вопросы, не в первый раз они возникали. Но как всегда, не находя ответа, везде видя перед собой глухую стену, он с безнадежным жестом

обернулся к Кодаку:

– Но на кого же, на что они надеются? Кодак ответил презрительной усмешкой.

– Нет, нет, ты мне скажи – на кого они надеются? – повторил свой вопрос марзпан. – Греки сломлены. Иверы и агваны слабее нас. Гунны – угроза и персам и нам… На кого же они надеются?.. Хотя бы кто-нибудь мне растолковал! На таронца, что ли? Выходит, что таронец должен обуздать царя царей? Не понимаю… Ничего не понимаю!

Кодак молча внимал этому монологу марзпана; как человек, привыкший считаться с реальной обстановкой, он и сам всецело разделял его точку зрения.

Долго не садился на свое место марзпан. Однако, успокоившись, он остановился перед Кодаком.

– А не говорили в Арташате, что мне, как правителю страны, следовало бы находиться там?

– Не скрою – говорили! – бесстрастно подтвердил Кодак. – Особенно потому, что, мол, и марзпан причастен к этому делу. Почему, мол, так неожиданно удалился?

– Когда же поймут эти люди, что царь царей не нуждается в советах Васака?!

Марзпай горько закусил губу и после долгого Молчания вновь уселся в кресло. Г – Ладно!.. Видел ты Варазвагана в Тизбоне?

– Видел.

– Он по-прежнему подкапывается под меня? Кодак улыбнулся, помолчал и мягко сказал:

– Государь марзпан, тобой только он и жив, непрестанно возносит моления о здравии и благополучии твоем! Васак заинтересовался:

– О чем ты это?

Кодак с лукавой улыбкой опустил глаза:

– Михрнерсэ держит его при себе, чтобы через него прибрать к рукам тебя… А он и старается.

Кодак многозначительно взглянул на Васака. Тот задумался, зная, что проницательный и хитрый старик на ветер слов не бросает, и прекрасно понял смысл сказанного Кодаком: азарапет Персии приютил у себя зятя Васака – Варазвагана, изгнанного марзпаном из Сюника. Варазваган бежал в Персию, отрекся от веры, поступил на службу к азарапету, стал орудием персов. Это должно было вынудить и Васака стать таким же и даже большим орудием в их руках, если только он дорожил своим положением.., Азарапет Персии намеревался превратить марзпана в свою игрушку.. Вот что было горько Васаку!

Дворецкий доложил:

– Сельский старшина Вардадзора…

– Пусть войдет! – равнодушно приказал Васак. Вошел старшина Бакур и молча остановился у дверей.

– Говори! – повелел Васак.

– Государь марзпан, – доложил Бакур, – сборщики Деншапуха разграбили монастырь, вывезли все запасы зерна, угнали скот, избили монахов, ранили настоятеля…

– Это все? Из-за этого ты и явился? – укоризненно заметил Васак.

Удивленный Бакур замялся, затем продолжал:

– Потом они стали грабить крестьян. Пошли из дома в дом и все выволокли. Крестьяне восстали, убили сборщика и двух воинов…

– Убийц задержали? – прервал Васак, сверкнув глазами.

– Не успели, государь, они бежали в горы. Но, государь марзпан, сборщик захватил то, что причиталось тебе. Он себе позволил такое…

– Васак махнул рукой, приказывая замолчать. Бакур, напуганный злобным взглядом марзпана, смущенно размышлял, не напутал ли он чего-нибудь, не допустил ли чего лишнего… Он нерешительно добавил:

– Я вмешался, сказал, что это земля марзпана, как вы смеете? Дань царю, царей имеет меру. На то есть закон. А вы не соблюдаете!..

Васак топнул ногой.

– Довольно! – крикнул он. – Сейчас же вернись в село; и если немедленно не приведешь ко мне убийц – сам будешь повешен в ущелье вместо них! Понял? Ну, убирайся!

Бакур, пятясь, отошел к двери и скрылся за занавесом, более изумленный, чем обиженный таким неожиданным и унизительным приемом.

– Козни Деншапуха! – проговорил Кодак. – Он хочет, чтобы ты восстал против царя. Поэтому-то он больше всего и притесняет твой удел. Я там был, сам все видел. Невозможно было терпеть…

Васак недовольно слушал старика, сознавая в душе, что тот говорит правду. А Кодак продолжал, словно размышляя вслух:

– Если только, конечно, все это – не козни самого азарапета арийцев…

– Азарапета? Почему?..

– Чтобы, с одной стороны, испытать твою покорность, вынудить тебя отказаться от протеста, остаться преданным ему. А с другой стороны – ослабить твою страну.

Васак разъярился. Кодак был прав. Но ему понравилось, что так рассуждает и даже осмеливается вслух говорить об этом человек, известный своей продажностью.

– Михрнерсэ не пойдет на это! – отрезал он.

– Я тоже так думаю, – тотчас же поправился Кодак.

– А каковы ею намерения? – спросил Васак, вновь возвращаясь к волновавшим его мыслям.

– Относительно чего, государь марзпан?

– Собирается он послать войска в Армению?

– Не заметил…

– Ладно! Иди! – сказал Васак, помолчав. – Зайдешь ко мне ночью.

Кодак встал.

– Прости за дерзость, – сказал он, испытующе взглянув на Васака. – Собираешься ехать в Аргашат?

– Да! И скоро! -ответил Васак, тряхнув головой. – Да, да, очень скоро, не то наши черноризцы заварят там кашу…

– Разрешаешь удалиться?

Васак сделал знак рукой. Кодак удалился.

Марзпан ударил в ладоши и приказал вошедшему дворецкому:

– Шубу!

Дворецкий удалился и быстро вернулся с собольей шубой в руках. Васак, морщась, медленно надел ее и вышел. В коридоре к нему присоединился телохранитель.

Выйдя из замка, Васак направился к обрыву. Долго стоял он, глядя вниз, туда, где в причудливых нагромождениях лежали обломки скал. Вдали, в залитой солнцем долине, курился над лугами пар. Где-то недалеко на вершине скалы щебетала птичка возвещая приход весны.

Васака не оставляли угнетавшие его заботы. Варазваган… зять его, изгнанный им из Сюника за жестокое обращение с женой- сестрой Васака… Марзпана удручало мнение Кодака, что азарапет держит при себе его личного врага с целью прибрать к рукам его, Васака. Васак помнил, что Варазваган честолюбив, падок на почести, на высокое положение. Он стал вероотступником, послушным орудием персидского двора. Выходило, что азарапет стремится натравить Васака и Варазвагана друг на друга. Если Васак не станет на путь уступок и сотрудничества с персами, тогда это охотно сделает Варазваган. А если победу одержит Варазваган, марзпаном будет назначен он, вместо Васака. «И погубит страну, отродье сатаны!..» – простонал Васак.

Он все еще был во власти этих тяжелых дум, когда его слуха коснулись веселые молодые голоса. Васак оглянулся. Навстречу ему шли двое юношей. Они несли в руках луки; колчаны за их плечами были полны стрел: очевидно, они шли упражняться в стрельбе.

– Отец! – воскликнул младший. – Бабик уверяет, что мы едем в страну персов… Верно

ли это?

– Верно! Не едем… – отшутился Васак, с улыбкой заглядывая в глаза сыну.

– Перестань шутить, отец! – и, подбежав к Васаку, он обнял его.

Это был златокудрый круглоголовый мальчик с большими синими глазами. Нежная белая кожа делала его похожим на девушку. Его спутник, Бабик, был высокий юноша с черными глазами, которые глядели из-под густых бровей не совсем дружелюбно.

– Ну что ж, едем в страну персов? – с улыбкой спросил его Васак.

Юноша упрямо взглянул на отца, помолчал и нехотя ответил с усмешкой:

– Тебе решать, ехать или нет, а ты меня спрашиваешь?

Васак ласково оглядывал сыновей. Казалось, он забыд все удручавшие его заботы, попал в новый и светлый мир.

Он всегда чувствовал себя совершенно одиноким. Одно было ему дорого в жизни, одно согревало ему сердце и скрашивало его одиночество – почти болезненная любовь к детям.

– А вам разве не хотелось бы поехать в Персию? – мягко спросил он.

– Зачем нам ехать в страну персов? – недовольно отозвался Бабик.

– А военное образование? Ведь ты обещал мне, Бабик, что будешь изучать военные науки!

– Военное образование мы можем получить и здесь- упрямо возразил Бабик.

– Здесь это невозможно! – по-прежнему мягко, но решительно заявил Васак.

– Я туда не поеду! – отрезал Бабик. – Так и знайте – не поеду! Пусть едет Нерсик, если ему хочется…

Васак с тревогой взглянул на Бабика и, не отводя от него тяжелого взгляда, глубоко задумался. Его одолевали тягостные мысли. Он попытался их отогнать и вновь обратился к Бабику:

– Об этом рано еще говорить. Посмотрим! Ведь мы еще не едем, чего ж ты боишься?

– Я не боюсь! – отозвался Бабик. – Но я не поеду.

– Настанет время – поедешь.

– Никогда не поеду!

Васак нахмурился. Его больно задели дерзкие ответы сына.

– Нерсик, – обратился он к младшему, пытаясь отвлечься от тягостных мыслей, – ты сегодня виделся с матерью?

– Виделся.

– Чем она была занята?

– Зайди к ней сам – и узнаешь! – вмешался Бабик. – ты так занят приемом посетителей и разговорами с ними, что не выберешь времени зайти к матери!

– Так-так, дорогой!.. – кротко согласился с ним Барак. – Упрекай меня, ты имеешь на это право…

– Что ты упрекаешь отца? – заступился Нерсик. – Ведь он марзпан, у него тысяча дел и обязанностей.

– Ну, вот видишь! – попытался отшутиться Васак.

– Ничего не значит! – стоял на своем Бабик. – Пусть найдет время повидаться с матерью!

– Да нет у него времени! – возразил Нерсик.

– Захочет – найдет!.. – твердил Бабик.

Васак с грустью, но беззлобно внимал непочтительным словам сына. Вероятно, в глубине души, перед судом собственной совести, он сознавал правоту мальчика. К тому же он слишком любил детей. Воля его как бы растворялась в этой любви. Возможно, что непосредственные и грубоватые упреки Бабика даже облегчали ему душу.

Нерсик обнял отца:

– Отец, а мать поедет с нами в страну персов? Вопрос больно поразил Васака.

– Зачем?

– Но разве она позволит нам одним уехать на чужбину?

– Она и слышать не хочет о нашем отъезде! – прервал Бабик.

Васак помрачнел. Он хмуро и задумчиво взглянул на Бабика и долго в молчании разглядывал его. Затем, сдерживая себя, спокойно спросил:

– Разве воины повсюду возят своих матерей с собой? Ответь ты, Нерсик. Он потерял разум…

– А мы непременно должны стать воинами?

– Непременно. Это ваш путь. Вы должны пройти полную военную подготовку.

Нерсик опустил голову.

– Но я хочу поступить в монастырь, отец.

– В монастырь? – изумился Васак и добавил:- Кто внушил тебе эту глупую мысль?

– Мать! – с каким-то злорадством объяснил Бабик. – Она все время читает нам евангелие и говорит о богословах…

– И очень плохо делает, – воскликнул Васак, с гневом отталкивая Нерсика. – Я скажу ей. Я ей запрещу делать из вас монахов!

– А мы в монастырь все-таки уйдем! – строптиво твердил Бабик.

Васак косо взглянул на него, но промолчал. Он стал беспокойно прохаживаться по площадке – к обрыву и обратно.

Со стороны ущелья внизу показалась группа духовных лиц. Они поспешно поднимались к замку, цепляясь за уступы. Видно было, что они сильно торопятся. Телохранитель Васака, который до этого держался на почтительном расстоянии, увидя их, подошел к обрыву. Те издали заметили марзпана и направились прямо к нему, видимо, желая говорить с ним. Наконец, они одолели подъем и остановились у обрыва. От группы отделился старый монах и пройдя несколько шагов, крикнул:

– Разреши обратиться, государь марзпан!

– Что случилось? – недбвольно спросил Васак.

– Разреши! Два слова только, во имя всевышнего! – повторил старый монах.

Васак сделал рукой знак телохранителю. Тот пропустил пришедших, и они быстро поднялись наверх.

– Подойдите!.. – неохотно приказал Васак.

Просители подошли ближе. Старый монах, волосатая грудь, непокрытые седые кудри и жалкая власяница которого свидетельствовали о том, что он принадлежит к какому-то неимущему монастырю, к тому же вконец разграбленному персами, упал перед Васаком на колени и стал бить себя в грудь:

– Обобрали нас! Дочиста разорили нас сборщики Деншапуха!.. Даже не посмотрели, богатый монастырь или бедный! А ведь наш-то совсем убогий!.. Обложили нас непосильными налогами, все унесли… Теперь если нас поджечь, даже и дыма не будет… Спаси нас, государь марзпан!..

– Спаси нас!.. – воскликнули вслед за ним и остальные монахи, утомленные крутым подъемом и тяжело переводившие дыхание.

Простонародные обороты речи старца, ветхая и изодранная одежда монахов, свидетельствовавшая о нужде братии, о том, что монастырь ограбили до нитки, не вызывали никакого сочувствия у Васака; наоборот, им овладевала ярость – ярость и против Деншапуха и против Азкерта Деншапух был тем персидским вельможей, которого Азкерт послал в Армению для переписи населения и якобы для облегчения бремени налогов. Однако, едва прибыв в Армению, он сразу принялся подрывать внутренние устои страны, выполняя тайные указания персидского двора. Чтобы разогнать духовенство и ослабить церковь, он обложил тягчайшими поборами монастыри и церкви. Не стеснялся он применять и прямое насилие, чтобы вынудить население принять вероучение магов. Для рассмотрения же всех жалоб он назначил судьей одного из могпэтов.

Все это было известно Васаку. Знал он и про насилия. Но он молчал и, запершись у себя в замке, мучительно искал выхода из создавшегося положения. Он думал днем и ночью, но ни для страны, ни для себя – марзпана этой страны – ничего придумать не мог. Он

сознавал лишь одно: чтоб распутать узел, нужны меры необычайные, чувствовал, что голыми руками защитить страну невозможно. Либо разбушевавшийся поток снесет ветхую плотину и затопит страну, либо надо возвести новую плотину, которая выдержала бы напор разъяренной стихии…

Васак с отвращением взглянул на приникших к земле монахов и гневно воскликнул:

– Идите в свой монастырь, уплатите налог! Потом разберемся…

– Нет у нас, государь марзпан, нет ничего! Одна шкура на теле да душа в теле! – клялся старый монах.

– Ступайте, ступайте! – сурово повторил Васак.

Телохранитель выступил вперед.

Старец поднялся и простер к небу свои почернелые, исхудалые руки в лохмотьях. Его губы задрожали, он что-то невнятно пробормотал, задыхаясь и глотая слезы, и отвернулся от Васака. Вслед за ним спустились обратно в ущелье и все монахи.

– Не позволять ни крестьянам, ни монахам подходить к замку! – приказал Васак телохранителю, искоса глядевшему на монахов.

Васак долго еще смотрел им вслед. Он почувствовал укор совести, но знал, что дальше этого дело не пойдет, монахам он все равно никакой помощи не окажет. Его душило бешенство, но и из-за монахов: ущерб, нанесенный им, он воспринимал как оскорбление себе, своей власти.

– Деншапух сделался властелином у нас в стране! – с горечью выговорил Бабик.

Словно ужаленный, Васак обернулся к нему и яростно прикрикнул:

– Сейчас же вернись в замок!

Взгляд его был дик и зловещ. Бабик знал суровый характер отца; он молча удалился, опустив голову. За ним с виноватым видом последовал и Нерсик, хотя он-то лично ни в чем не провинился.

– Деншапух… пес!.. – со стоном выговорил Васак и, подняв с земли камень, швырнул его в пропасть. Помолчав, он приказал телохранителю:

– Позови конюшего!

Через несколько минут появился какой-то шарообразный человек и стал перед марзпаном.

– Приготовь коней! Завтра утром выезжаю в Арташат!

– Слушаю! – кланяясь, ответил пискливым голосом конюший.

Васак собрался вернуться в замок, но какое-то необычное движение на противоположном склоне привлекло его внимание. Группа всадников, хлеща коней, скакала по узкой тропе к замку. Вот они остановились, пристально вглядываясь в горы.

– Что там такое? – обратился Васак к слугам.

– Погоня за беглецами, – объяснили те.

Васак напряг зрение и только сейчас заметил несколько человек, которые с непостижимой ловкостью и быстротой карабкались вверх по скалам, направляясь в сторону леса.

– Это крестьяне, государь марзпан! – подал голос телохранитель.

Толпившиеся у подножия скал конные преследователи искали тропу, которая вывела бы их наверх. Но вот беглецы добрались до опушки, вошли в лес и скрылись из виду.

– Где уж теперь догнать их!.. Точно сгинули! – проговорил телохранитель.

Васак нахмурился. Это были крестьяне из Вардадзора во главе с Аракэлом – те, которые убили сборщика и персидских воинов.

В одном из внутренних покоев восточного крыла замка, выходящем окнами на ущелье, сидела женщина в черном. Видимо, поглощенная какими-то невеселыми мыслями, она вперила суровый и сосредоточенный взгляд черных глаз в рукопись, лежавшую на аналое. Накинутый на голову и плечи черный шелковый платок четко обрамлял ее бледный мраморный лоб и лицо. Сходящиеся на переносье бархатисто-черные брови говорили о скрытой и непокорной силе Резко очерченный нос придавал лицу надменный вид Однако

внимательный взор подметил бы в ее задумчивых глазах глубоко затаенную печаль, которая незаметно, но упорно тбчит Вошедшая в комнату высокая худощавая женщина быстрым и пытливым взглядом оглядела госпожу.

– А, Дзвик, это ты? – молвила та.

– Вараздухт! – доложила Дзвик, многозначительно взглянув на свою госпожу; распахивая дверь, она пригласила:- Княгиня здесь. Пожалуйте!

В покои вошла хрупкая, смуглая молоденькая женщина с нежно-желтоватым, цвета слоновой кости, лицом и умными, проницательными глазами. Она была ослепительно хороша. Ее длинные черные ресницы трепетали, словно крылья бабочки. Однако было в ней что-то от дикой кошки: она казалась гибкой, бесстрашной и хищной.

Легкая судорога свела лицо госпожи, но она пересилила себя и улыбнулась. Вараздухт быстро подошла к ней и обняла. Потом, бросив взгляд на рукопись, прошептала:

– Опять за чтением, госпожа Парандзем?

Та взглянула на Вараздухт молча и с тревогой. Почувствовав эту тревогу, причина которой, как видно, не была для нее тайной, она попыталась отвлечь княгиню:

– А где же Бабик и Нерсик?

– Не знаю. Пошли на охоту или на стрельбище, – отвечала госпожа Парандзем, не отводя от Вараздухт настороженного взгляда.

Долго сидели они обе неподвижно и молча, погруженные каждая в свои мысли, не отводя взгляда друг от Друга.

– Не намеревается ли марзпан выехать сегодня? – тревожно спросила Вараздухт.

– Не знаю! – с горечью ответила княгиня Парандзем.

В это мгновение вошел Васак. Он сумрачно оглядел сначала госпожу Парандзем, затем Вараздухт и, пройдя вперед, остановился посреди комнаты.

Дзвик застыла на месте, внимательно следя за ним.

– Зачем ты сбиваешь с пути сыновей? – обратился Васак к жене. – Зачем ты убеждаешь их идти в монастырь? Я беру их с собою в Персию, чтоб дать им военное воспитание. Священниками они не будут! И зачем ты так изнежила их? Где это слыхано, чтоб юноши и шагу не делали без матери, чтоб они всюду таскали с собой мать?! Распорядись приготовить одежду для обоих: на днях мы отправляемся в Персию!

Затем, не дожидаясь ответа Парандзем, он обратился к Вараздухт:

– Пойдем!.. – быстро повернулся к двери и вышел. Вараздухт поспешила за ним.

Парандзем с молчаливым гневом глядела им вслед. Дзвик, непринужденное поведение которой и присутствие в комнате свидетельствовали о том, что она является скорее близкой и заслужившей уважение наперсницей, чем простой служанкой, то окидывала косым, недружелюбным взором Вараздухт и Васака, то отворачивалась к окну, чтобы скрыть свое негодование.

– Марзпан уезжает куда-нибудь, госпожа? – спросила она, пытливо глядя на Парандзем.

– Одному богу это ведомо!.. – с горечью ответила Парандзем. – Что мы знаем о его намерениях?!

О Вараздухт Дзвик не обмолвилась ни словом, чтоб не ранить еще сильнее самолюбие госпожи. Но вот глаза их встретились, и этот безмолвный обмен взглядами сказал им больше, чем слова.

– Уедет он, не сидится ему!.. – проговорила Дзвик, продолжая невысказанную мысль.

– Не все ли равно? – печально отозвалась Парандзем.

– Зачем ты так говоришь, госпожа? Вот собирается же он в Персию…

– Что мне от этого? И детей моих с собой увозит…

– Ну и хорошо, пусть и детей возьмет, лишь бы сам уехал отсюда! – не сдержала себя Дзвик.

Парандзем помолчала, горько задумавшись, потом с тихой усмешкой сказала как бы про себя:

– Уедет в Персию и ее с собой возьмет!.. Не впервые. Разве они не были в Персии пять лет тому назад?

Дзвик, скрестив руки на груди, утвердительно кивнула.

– Да будет проклят день, когда они встретились!.. – пробормотала она.

Они надолго замолчали. Дзвик сидела в углу, у окна, украдкой поглядывая на взволнованное лицо своей госпожи. Парандзем глубоко переживала недавнюю сцену. Поведение Васака не было неожиданностью для домашних, как не были неожиданностью и наезды Вараздухт и ее тайные встречи с Васаком. Казалось, что Парандзем смирилась со своей судьбой, – вот уже сколько лет тянется это невыносимо оскорбительное положение…

Что именно было у Васака с Вараздухт – никто в точности не знал. Это было непроницаемой тайной. Вараздухт была племянницей зятя Васака, Варазвагана, и посещала Васака на правах родственницы. Но Васак, никого не стесняясь, уединялся с ней, проводил с ней долгие часы в своих покоях, и это было вызовом даже со стороны такого деспота, как Васак.

Вошел Нерсик. Он был взволнован и печален.

– Подойди ко мне! – ласково позвала его Парандзем. Но Нерсик, как бы не слыша, отошел к окну и стал около Азвик, схватив ее за руку.

– Кто тебя обидел? – тихо спросила Дзвик.

– В Персию хочет нас взять! – воскликнул Нерсик дрожащим от слез голосом. – Что мне там делать?

– В Персию? – простонала Парандзем. – Он уже и вам сказал это?

– Не хочу я ехать! Не поеду! – расплакался Нерсик.

– Ну вот, поглядите-ка!.. – произнесла Дзвик, с укоризной глядя на Парандзем.

– Теперь он и детей мне не оставит! – с волнением и тревогой воскликнула Парандзем и обратилась к Нерсику: – Поди ко мне, не бойся! Ты еще не едешь…

– Я не боюсь! Но когда он начинает говорить, меня в дрожь бросает… Никуда я без тебя не поеду!

– И не поедешь!.. Не плачь эхе… Разве к позволю увезти тебя?

– А он говорит – мы непременно, непременно должны ехать… За дверью послышался шум, гул голосов и гневный возглас Бабика:

– Вон с глаз моих, червь несчастный Не то голову тебе снесу!

Дзвик выбежала.

– Что случилось, Бабик? Войди!.. – уговорила она юношу и, ласково взяв его за руку, ввела в покои.

Следом за ними вошел молодой человек в персидском одеянии, толстогубый, с иссиня-пунцовыми вздутыми щеками. Быстро переводя глаза с Парандзем на Бабика, он, видимо, ждал, чтоб Бабик успокоился.

– Сказано тебе, убирайся! Я не пойду! – крикнул Бабик. Молодой человек обратился к Парандзем:

– Госпожа, государь марзпан повелел ему в два месяца закончить изучение персидского языка А он не идет на урок… Он говорил по-персидски.

– Почему именно в два месяца? – переспросила Парандзем по-армянски.

– Ведь они в Персию едут, – ответил юноша опять-таки по-персидски.

– В два месяца изучить персидский! Когда же изучать армянский?! – возмутился Бабик.

Наставник презрительно ухмыльнулся:

– Вы персам должны служить. К чему вам армянский язык? Бабик так толкнул его ногой, что тот ударился головой о стену. Дрожа от злобы, глубоко оскорбленный наставник обратился к Парандзем:

– За что он меня бьет? Что я такого сказал? Ведь скоро вы все станете персами! – уже с явным намерением уязвить настаивал он.

– Вон отсюда! – вздрогнув, крикнула Парандзем. – И чтоб ты не смел ходить к моим детям!

Что-то бормоча себе под нос, наставник направился к выходу.

– Ну-ка, постой! – гневно приказала госпожа. Тот остановился.

– Не смей ворчать, когда находишься у меня в покоях! Понял?!

Тот не ответил.

– Не смей ворчать, когда находишься у меня в покоях! – повторила госпожа. – Понял? Отвечай!

– Понял, – пробормотал наставник по-персидски.

– Отвечай по-армянски, негодяй! – прикрикнула Парандзем. Наставник злобно взглянул на нее и ответил вновь по-персидски:

– Я не армянин, я перс.

Дзвик подбежала, чтоб вышвырнуть его вон, но Парзндзем остановила ее и обратилась к молодому человеку:

– Ты даже не перс. Раб – не перс!.. Раб всегда остается пресмыкающимся гадом. Теперь уходи!..

Наставник удалился, кусая губы.

Бабик и Нерсик вышли. Парандзем металась по комнате. Она почувствовала, что в присутствии детей не следовало заходить так далеко и выдавать свои взаимоотношения с супругом. Но то, что Васак так открыто уединился с Вараздухт, вывело ее из себя. Она не могла не дать выхода своему возмущению.

– У меня он отнимает детей, у детей отнимает родной язык- сквозь рыдания повторяла оскорбленная женщина. – Много отнял он у меня, но я прощала… Лишь бы детей мне оставил!

Внезапно ворвался Васак. Он побледнел от ярости и тяжело дышал. В такие минуты он бывал страшен. Следом за ним показался персидский наставник. Но он только переступил порог и остановился у занавеса, боясь встречи с госпожой. Васак глянул на Дзвик и приказал:

– Позови Бабика и Нерсика!

Дзвик вышла. Васак молча расхаживал по комнате, ни разу не взглянув на Парандзем. Но и Парандзем на него не смотрела. Вошли Бабик и Нерсик. Сверкая глазами, Васак приказал:

– Сейчас же ступайте на урок персидского языка! И отныне не сметь говорить по-армянски! Будете говорить только по-персидски. Поняли?

Мальчики молчали.

– Кому я говорю?? – прикрикнул Васак.

– Я армянского не оставлю! – упрямо заявил Бабик, исподлобья глядя на отца. В эту минуту мальчик был очень на него похож.

– Подойди сюда, – не повышая голоса, приказал Васак. Бабик подошел.

– Бей! Персам служить я все равно не стану! Васак ударил его по лицу.

– Хоть убей! Не буду слугой персов!..

Васак повторил удар.

– Ты осмеливаешься противиться мне?

– Да! Персам я служить не буду!

Лицо Васака исказилось, а глаза налились кровью; казалось, сейчас они выскочат и? орбит. Он повалил Бабика наземь и в каком-то исступлении стал избивать его Никто не осмелился вмешаться. Молча, с ненавистью смотрела Парандзем на мужа. Дзвик прижалась к стене. Нерсик не сводил с отца испуганных глаз. Зато персидский наставник с безмерным упоением взирал на происходящее.

Васака выводило из себя молчание Парандзем. Это молчаливое осуждение только усиливало его ярость. Но еще сильнее бесило его то, что и Бабик не произносил ни слова и не просил пощады.

Наконец, Васак прекрати, избиение. Он с трудом перевел дыхание и, глядя на посиневшего от боли и бессильной злобы Бабика, гневно повернулся к Парандзем:

– Превратила мой дом в церковь… Восстанавливаешь детей против меня?! Закачаешься ты у меня на виселице вместе с твоими детьми…

Парандзем взглянула на мужа без страха Глаза ее сверкали Васак прочел в них благородное возмущение, и это подействовало на него сильнее всяких слов. Он отвернулся и приказал персидскому наставнику;

– Уведи их и приступи к занятиям. Если они будут говорить по-армянски – не сносить тебе головы!

– Как прикажешь, государь… – скороговоркой пролепетал тот, взглядом приглашая Бабика и Нерсика последовать за ним. Мальчики вышли. Васак обратился к Парандзем:

– Если еще раз повторится подобное, я их прикончу! Отныне в моем доме армянской речи слышно не будет!

Он быстро удалился.

Опасаясь новой беды, Дзвик побежала вслед за ним. Предчувствие не обмануло ее: из комнаты Бабика послышался какой-то грохот. Дзвик вбежала туда Бабик повалил наставника и избивал его. Кровь лилась уже у того из рта и из носа. Он хрипел, пытался вырваться, звал на помощь, но Бабик все бил и бил его, не помня себя.

– Бабик!.. Бабик!.. – кинулась к нему Дзвик. – Оставь, оставь его!

Бабик лишь пуще разъярился. Он продолжал наносить удары даже не глядя, куда они попадают. Лишь с большим трудом, после настойчивых уговоров, удалось Дзвик вырвать наставника из его рук. Тот вскочил, отряхнул свою одежду, отер окровавленное лицо и нос и прохныкал:

– Вот пожалуюсь сейчас князю… – задаст он тебе! Бабик рванулся к нему:

– Слушай, ты! Меня он не убьет, но я тебя наверняка убью! Дзвик подошла к наставнику:

– Оставил бы ты его в покое…

– Да ты взгляни только, что он со мной сделал… – плаксиво возразил ют.

– В ущелье брошу твой труп, матерью моей клянусь! – пригрозил Бабик.

– Оставь его!.. Уходи! – увещевала Дзвик.

Наставник, что-то бормоча, вытер лицо и сел на место.

– Получил урок? – сказал Бабик. – Ну и замолчи! Будешь ты у меня жаловаться!..

Дзвик схватила его за руку, уговаривая:

– Ну, довольно, Бабик, госпожа беспокоится!..

– Пусть не смеет унижать армян! Не позволю, чтобы оскорбляли армян! – с возмущением твердил Бабик. Дзвик вернулась к Парандзем.

– Что там случилось? – спросила та.

Дзвик рассказала. Парандзем встревожилась:

– Дом наш превратился в ад!.. И не армяне мы и не персы, а воюем друг с другом!

– Ну и похож же наш Бабик на отца… Вылитый князь Васак!. – заметила Дзвик. – Такой же бешеный! Каково-то ему будет в Персии?!

Васак вернулся в свои покои. Он все еще тяжело дышал от гнева. Увидев его в таком состоянии, Вараздухт воздержалась от вопросов.

Оба молчали. Вараздухт хорошо был известен необузданный, вспыльчивый нрав Васака, – она знала, что сейчас надо переждать. Как бы продолжая прерванную беседу, она вымолвила:

– Деншапуху лишь в одном случае удастся победить нас… Ярость Васака еще не совсем улеглась Он сумрачно взглянул на свою гостью.

– В одном лишь случае, говорю, Варазвагану удастся побелить тебя там… Какие у тебя вести о нем?

– Козни строит.

– Больше предлагает?

– Да – В таком случае этому не предвидится конца. Михрнерсэ начнет – не в обиду тебе будь сказано. – водить вас обоих за нос…

– Уже начал…

Вараздухт задумалась и вывела следующее заключение:

– Выходит, что мне придется-таки съездить еще раз в Персию! Варазвагана нужно свалить.

– Поезжай.

– Быть может, мне и на этот раз будет грозить смерть, но я все-таки поеду!

– Поезжай.

– Да. Но не странно ли? Ведь и в тот раз я едва спаслась от гибели, а на своем постояла, утвердила тебя марзпаном! Что ж, рискну еще раз! Постараюсь еще больше возвысить тебя!

Вараздухт окинула Васака восхищенным взглядом, точно увидела его впервые. Она любовалась им.

Затем она пояснила:

– Я так и вижу тебя в другом одеянии и на ином посту…

– На каком это посту? – все еще гневно и рассеянно переспросил Васак.

– Облеченным высшей властью, еще более великим!.. И это сбудется, мой государь, мой марзпан, властелин мой!

Схватив его руку, она прильнула к ней лицом.

Васак не сопротивлялся, но и не откликнулся лаской; он продолжал ходить из угла в угол. Вараздухт почувствовала холодок и объяснила это еще неулегшимся гневом Васака. Но ее женское самолюбие было все-таки уязвлено.

– Твоему возвышению мешает Варазваган! – продолжала она развивать свою мысль. – Точно так же, как ты – помеха его возвышению. В выигрыше остается один лишь Михрнерсэ, который ни одному из вас не доверяет высшей власти. Но этой власти персы никому добровольно не уступят. А ты или Варазваган должны суметь заставить их. Тебе следовало бы повернуть дело так, чтоб Михрнерсэ убедился в превосходстве твоих сил. С этим соперничеством необходимо покончить!

Васаку понравились дельные рассуждения Вараздухт. Он остановился, улыбнулся и потрепал ее по щеке.

Вараздухт восторженно взглянула на него, и в ее глазах вспыхнул огонь страстной любви. Она питала к Васаку чувство, какое свойственно лишь очень пылким натурам; они бывают захвачены раз и на всю жизнь, для них любовь становится единственным смыслом существования. Они живут между блаженством и терзаниями.

Чувство становится для них мукой, когда им грозит опасность потерять предмет их любви или когда им только чудится, что такая опасность существует…

Вараздухт целиком отдалась этому чувству, когда произошел разрыв между Варазваганом и Васаком. Доведя до могилы свою первую жену, сестру Васака, и изгнанный за это из Сюника, Варазваган бросил вторую жену, уехал в Персию и там принял чужую веру. Это восстановило против него его племянницу Вараздухт, которая стала настойчиво действовать против него в интересах Васака. Она отправилась в Персию, поселилась у Варазвагана и через его жену – персиянку проникла в круг влиятельных женщин персидского двора. С помощью их мужей она подготовила назначение Васака марзпаном Армении. Варазваган смекнул, что кто-то подкопался под него, и начал следить. Подозрение пало на Вараздухт. Он собирался уже расправиться с нею и с трудом отказался от намерения убить ее, вняв доводам и заверениям своей жены. Разумеется, назначая Васака, Михрнерсэ скорее всего исходил из того расчета, что Васак – нахарар, и что князь из столь знатного рода, как владетели Сюнийские, предпочтительнее, чем какой-то изгнанник Варазваган. Учитывая это, Варазваган, в свою очередь, подкупал персидских вельмож, и те поносили Васака, выставляя его человеком, не пользующимся никаким влиянием среди армянских нахараров. Удалось настроить против Васака и Деншапуха, и тот добился было у персидского царя смещения Васака с поста правителя Армении и назначения Варазвагана. Вот тогда-то и сыграла большую роль Вараздухт: с помощью весьма влиятельной супруги одного персидского вельможи ей удалось отменить задуманное смещение и убедить всех,

что Васак пользуется большим авторитетом среди нахараров Армении.

Связь между Васаком и Вараздухт возникла ранее и по иному поводу. Однажды Вараздухт пришла к Васаку с жалобой на бесчеловечность Варазвагана: замучив насмерть сестру Васака, он теперь истязал и вторую свою жену. Эти жалобы Вараздухт и послужили поводом к участившимся встречам ее с Васаком.

Ослепительная красота юной Вараздухт, ее нетронутая свежесть, ее ум и бесстрашие пленили Васака, и он ее полюбил. Он стал вызывать ее к себе и расспрашивать о поведении Варазвагана. Постепенно эти расспросы сменились беседами на иные темы. Васак стал заглядываться на Вараздухт. Заметив это, она вначале пыталась избегать встреч с ним. Но с течением времени она почувствовала, что и сама начинает привязываться к Васаку, хотя он и был значительно старше нее. Затем ею овладело то влечение, которое, возникнув не сразу, нарастает с непреодолимой силой, чтоб не погаснуть уже никогда. Ей были чужды честолюбивые замыслы или надежды, кроме связанных с возвеличением Васака. Когда изгнанный Варазваган бежал в Персию и начал там подкапываться под Васака, она проявила невиданную смелость, решившись отправиться туда же, чтобы расстроить козни своего дяди и спасти Васака. И именно в этой борьбе и приобрела Вараздухт свой жизненный опыт, там и научилась она бесстрашию в осуществлении дерзких планов.

Ей и в голову не приходило требовать от Васака чего-нибудь большего, чем то чувство, которое он питал к ней. Зная историю замужества Парандзем, она только жалела ее. Васак был в семье деспотом. Установив жесткий распорядок внутренней жизни он требовал от всех беспрекословного подчинения. И поскольку все действительно подчинялись ему, внешне в замке все обстояло благополучно. Но Васак был не только деспот, – он не знал стыда и нисколько не стеснялся принимать у себя молодую женщину, уединяться с нею в своих покоях. Знала Вараздухт и то, что до замужества Парандзем мечтала уйти в монастырь и вышла замуж за ненавистного ей Васака лишь по принуждению самодура-отца. Но даже в подневольном браке она имела право требовать хотя бы простого покоя и обычного «счастья». Не оказалось ни того, ни другого. Васак давно остыл к жене и жил в замке своей обособленной жизнью. Парандзем знала, что ее муж поглощен чуждыми ей сложными государственными делами. Это было понятно. Но когда в жизни Васака возникла какая-то тайна, проникнуть в которую Парандзем не удавалось, она стала следить за ним. Ее прислужница – преданная ей и умудренная жизненным опытом Дзвик – всегда осведомляла ее о происходящем в замке.

Парандзем несколько сбивало с толку рвение, какое проявляла Вараздухт в делах Васака. Разумеется, Васак не посвящал Парандзем в государственные дела, но ей было известно, что Вараздухт ездила в Персию по его поручению, что она орудует там против Варазвагана и что Васак тайно совещается с нею о государственных делах. Одновременно она безошибочным женским чутьем догадывалась, что между ними существует и сердечная связь. Для нее оскорбления, разнузданное поведение Васака уже не были новостью, – эта история тянулась без перерыва уже пять-шесть лет и, по-видимому, должна была продолжаться и впредь. Об этом знала и сама Парандзем…

От взгляда Вараздухт на Васака веяло теплом. Его настроение поднялось.

– Знаешь ли, Духт, – сказал он, садясь в свое кресло, – если и на этот раз наше дело завершится успехом, всегда все будет удаваться нам.

– Как это? Почему? – садясь рядом с ним, спросила Вараздухт.

– Так всегда бывает у людей высокопоставленных: свои дела они сами продвигают только наполовину, а затем все идет благодаря усилиям других.

Вараздухт рассмеялась:

– И что же, дошли мы сейчас уже до второй половины?

– Покуда нет. Долог еще путь…

– Когда же мы дойдем до половины? – лукаво спросила Вараздухт.

– Не знаю, – серьезно ответил Васак, – это зависит от судьбы…

Он умолк и стал задумчиво глядеть в окно.

Вараздухт вскочила, подошла к Васаку и взволнованно сказала:

– Я доведу дело до конца!.. Я должна увидеть завершение нашего дела!.. Но с одним условием: чтобы благодаря моим усилиям ты дошел до вершины!

Васак улыбнулся и, слегка щелкнув ее по кончику носа, спросил:

– Что же ты будешь делать тогда?

– Что я буду делать? Я буду с тобой!

– А если я зайду слишком далеко?

– Я пойду с тобой!.. Я здесь не останусь… Нет у меня здесь ничего и никого!.. Одна только несчастная мать…

Васак вздохнул и в раздумье устремил взор вдаль.

– Тяжело тебе будет! Боюсь, как бы ты не осталась на полпути…

Вараздухт порывисто обняла его и, прильнув к нему, воскликнула:

– Не останусь я! Не останусь! Здесь ужасно… Я оторвана от родных, от близких, от подруг… Меня все ненавидят… И прежде всего – твоя супруга. Да и весь замок вместе с нею! Нет, нет, я не останусь здесь! И не говори об этом!

Они умолкли.

– Ты знаешь, что я завтра выезжаю в Арташат? Вараздухт вздрогнула.

– Уезжаешь?

– Да. Там сейчас затеваются большие дела. И там неладно.

– Что же могло там произойти?

– Большие осложнения, вызванные новыми притеснениями. Как будто недостаточно было того, что Деншапух возбуждает духовенство, – теперь у нас и могпэт Ормизд сидит и надеется поживиться… Азкерт с Михрнерсэ задумали темное дело, требуют отречения от веры. Получен указ Михрнерсэ.

– Ты уезжаешь?.. – почти не слушая, повторила Вараздухт.

– Вернись к себе и жди, пока я отправлю тебя с верным человеком в Персию. Деншапух подкапывается под меня. Поезжай, попытай счастья еще раз.

Вараздухт ожила. Стало быть, она еще может пригодиться Васаку в важном деле…

Она обняла и поцеловала его. Как ни был Васак поглощен и взбудоражен своими замыслами, как ни был он озабочен ближайшим будущим и преисполнен злобы и ненависти к многочисленным своим врагам, в особенности к некоторым армянским нахарарам и персидским вельможам, – этот поцелуй смягчил и растрогал его. Он загорелся и сам обнял пылкую возлюбленную, которая была ему предана всем сердцем, которая отдала на служение ему весь свой разум и готова была отдать и самую жизнь свою.

Замеченные Васаком беглецы, которых преследователи оттеснили к окрестностям замка, затерялись в горах, покрытых густым лесом. Из восьми беглецов только один был пожил! м, хотя и крепким мужчиной, остальные же-Энергичные юноши. Все они легко карабкались по горам и вскоре убедились, что преследователи потеряли их след.

– Теперь пусть весь мир обыщут, нас они не найдут! – засмеялся один из юношей. – Сам дьявол не найдет! -добавил он через минуту. – Теперь мы избавились…

– Село горит… чего стоит наше избавление? – с горечью пробормотал другой из беглецов, мрачно взглянув вниз, в ущелье.

Старшина Бакур, сопровождаемый десятком всадников, обшаривал села и горы Сюника, чтоб напасть на след Аракэле и его товарищей. Он расспрашивал крестьян, неожиданно врывался по ночам в села, надеясь поймать беглецов врасплох. Но чем больше он искал, чем больше расспрашивал об Аракэле, тем быстрее распространялась весть о случившемся и тем большее смятение охватило села Сюника. Ведь случай с поборами произошел не только в родном селе Аракэла: говоря словами пословицы, «это был верблюд, который должен был опуститься на колени перед домом каждого». По всему Сюнийскому краю неслись вест и о жесточайших поборах, вымогательствах, избиениях и убийствах.

Непооглядная ночная темень окутала дремучий лес, через который ехал Бакур со своими всадниками, поднимаясь по горной тропинке Кони осторожно и медленно

пробирались в непроглядном мраке, лишь инстинктом находя дорогу среди бесчисленных обрывов и провалов. Всадники не видели друг друга, каждый только слышал голоса товарищей и цокот копыт. Иногда громом отзывалась пропасть, в которую падали камни, иногда оставался неслышен и самый звук падения.

Наконец, они добрались до горной долины и вышли из лесу; Бакур узнал от одного из своих родичей, что Аракэла видели в этих местах, и надеялся захватить беглецов. Упорство и смекалка горца подсказывали Бакуру, что они где-то близко.

Выйдя на ровною дорогу, кони пошли легкой рысью.

– Огонь! – вдруг воскликнул родич Бакура.

– Где?..

Бакур натянул поводья. Действительно, крохотной искрой мелькнул впереди огонек – и пропал. Пустили коней, но огонек больше не появлялся. Бакур все же продолжал ехать в том направлении, где мелькнул свет.

– Это хлев, а в хлеву – они! – уверенно заявил проводник и обратился к Бакуру:

– Вы стойте здесь, а я пойду проверю…

– Иди.

Родич Бакура осторожно подъехал к какому-то строению, еле различимому в темноте. Бакур оглянулся, решив в случае надобности свернуть вправо, к лесу. Кони фыркали, втягивали ноздрями воздух, грызли удила, а иногда поднимали головы и прядали ушами, очевидно улавливая какие-то звуки. Для них воздух был полон тайных знаков,..

Прошло много времени, пока из темноты выплыл родич Бакура и сообщил:

– Он в хлеву! И другие с ним.

Нужно было ехать или к хлеву, иди обратно в село, чтобы вернуться с более многочисленным отрядом Бакур решил, что возвращаться нет смысла.

Подъехали к хлеву. Оттуда нес, о дымом. Значит, горит костер поди отдыхают… Бакур решил ворваться немедленно. Оставив двух человек при конях, сам он с остальными осторожно подошел к двери, распахнул ее и быстро вошел Сидевшие там вскочили и потянулись к оружию. Но случилось нечто неожиданное ни одна сторона не прибегла к оружию, все застыли на своих местах.

В хлеву в самом деле находились Аракэл и его товарищи, но там было и довольно много крестьян из других сел. Бакур сообразил, что это тоже беглецы Окинув всех взглядом, он вложил меч в ножны и, хмыкнув, сказал:

– Ну, теперь как понять: я вас поймал или вы меня?

– Понимай так, как сердце скажет, старшина Бакур! – со вздохом ответил один из крестьян – человек в рваной одежде, с взъерошенными волосами.

Не вставая, он с глубоким и печальным спокойствием оглядел Бакура и его спутников и рукой пригласил подойти поближе, присесть. И сделал он это так просто и даже дружелюбно, словно приехали в гости близкие друзья.

Бакур подсел поближе к огню. Его люди уселись около двери, холодно разглядывая находившихся в хлеву; а были это крестьяне различного возраста, доведенные до крайней степени нужды и бедности. Они были спокойны, потому что больше ничто уже не могло им грозить, они все претерпели. Это и было причиной того, что так мирно встретились и беседовали крестьяне-беглецы и поставленный нахараром старшина. Бакур хорошо понимал всю силу, которую придавало им их отчаяние, и решил приспособиться к положению.

Лохматый крестьянин устремил затуманенный взор на Бакура и покачал головой:

– И тебя в горы погнали? Выходит, сборщики должна опустошить все села?

Бакур пристально оглядел его.

– Много у вас взяли?

– Ты спроси: что нам оставили… Не пойму я, чего это они стали рыскать последнее время по селам, точно золки ненасытные.

Бакур задумался.

Крестьяне молча рассматривали его. Поглощенные своими горестями, они даже не

задумывались над тем, что среди ник находится представитель власти с десятью вооруженными подручными, которые обязаны задержать и потащить их всех на суд. В их взглядах и поведении читалось полное пренебрежение к этой опасности.

Бакур покачал головой и усмехнулся:

– Гм… Как будто не хватало у меня забот, когда я был старшиной. Еще и суд навязали мне на шею! Какое мне де„и до сбора налогов? Я вмешался, чтобы не взяли того, что причитается марзпану. Ведь закона больше нет. Кто раньше поспел – тот и утащил!

Никто не отозвался на его слова.

– Ни закона, ни справедливости не осталось, – медленна и задумчиво продолжал Бакур, не отводя глаз от огня. – Ни закона, ни справедливости!

– А что давали нам закон и справедливость, когда они были? – с пренебрежением взглянув на него, спросил лохматый. – Не были мы разве пленниками того же перса, да еще и князя? Теперь перс озверел. Чего он добивается, не пойму. Погубить нас хочет, что ли?

– Если так будет идти дальше, наверняка погибнем! Все пропадем!.. – невесело отозвался другой крестьянин, у которого лоб был перевязан грязной тряпкой.

– Разорится земледелец! – убежденно добавил крестьянин, который сидел рядом с ним.

Было очевидно, что Аракэл говорить не хочет. Сидя рядом с Бакуром, он глядел на огонь, глубоко задумавшись, словно но за ним пришли эти вооруженные люди. Никто из беглецов словно и не думал об опасности. Как будто они сидели в доме, где есть покойник, где несчастье уже произошло и нечего больше бояться и нечего задумываться.

– А село-то как, село? – вдруг нарушил тишину Симон.

– Что ж, село? – выходя из задумчивости, ответил Бакур. – Сожгли дом у Аракэла, жену убили. Своих двух убитых взвалили на арбы. А все зерно и все достояние монастыря и села увезли на крестьянских волах да на крестьянских спинах. Потом переправили через Аракс. А от марзпана войско прибыло. Да только затем, чтоб персов охранять…

Аракэл не двинулся, не поднял глаз, даже услышав об убийстве жены; он мрачно молчал, неподвижный, как камень.

– Прислал войско, чтоб персов охранять?! – послышался возмущенный голос одного из беглецов. – Его край разоряют, а он молчит?!

– Перс преданность его испытывает. Вот он и показывает преданность. На нашей шкуре!

– Человек за власть держится, – с горечью отозвался Симон. – Вот тебе и наш марзпан…

– Нас волку в пасть толкает, чтоб волку свою преданность доказать!

Бакур нахмурился. Это было слишком уж большой дерзостью, – нужно было подтянуть узду.

– Признавайте власть марзпана, поддерживайте честь марзпана, – марзпан ведь ваш!

Все на минуту замолкли. Но пожилой крестьянин спокойно возразил:

– Марзпан не наш. У нас никого нет и ничего нет, кроме горя! О нем мы и толкуем. А марзпан марзпаном всегда останется…

Молчание стало напряженным.

– Эх! – встрепенулся Бакур. – Пора!

Он поднялся на ноги. Поднялись и воины. Поколебавшись с минуту, Бакур обратился к Аракэлу:

– Ну, Аракэл…

– Ты меня ждешь? Я не пойду, – отозвался просто и холодно Аракэл, не отводя взгляда от огня.

– Марзпан приказал.

– Уходи, я не пойду! -повторил Аракэл, продолжая спокойно смотреть на огонь.

– Что ж мне делать? – сдерживая злобу, растерянно повернулся Бакур к крестьянам.

– Он не привычен к виселице, старшина Бакур! – отозвался один из беглецов, русоголовый юноша. – Боится, что в петле ему будет неудобно.

Все рассмеялись.

– Что ж, – возмутился Бакур, – я, значит, должен висеть вместо него?

– Ну и что? Ведь ты крестьянский защитник! – вновь подал голос русоголовый.

– Иди, иди! Не повесят! – выкрикнул растрепанный кремнии. – Столько народу по рукам и ногам связали, что на виселицу веревки не осталось!

Бакур задумался, решив было подождать еще немного, – может, выйдет что-нибудь. Но, видя, что Аракэл продолжает безразлично лежать у огня, он впал в отчаяние, понимая, что попытка применить силу вызовет кровопролитие.

– Пойдем! – обратился он к своим, махнув рукой, и вышел из хлева, бормоча: – Да падет ваш грех на ваши головы!

Воины злобно оглядели лежавших на боку, сидевших и стоявших статных юношей, крепких, как дубовые кряжи, и пожилых крестьян. Потом, ворча, последовали за Бакуром.

– Не по зубам оказалось! – мотнул головой пожилой крестьянин.

Кто то выглянул из хлева вслед Бакуру:

– Поехал отряд собирать, собака…

– Соберет! – нахмурился растрепанный крестьянин. – Собак много…

– Выходит, холодно нам стало здесь!.. – заметил пожилой крестьянин. – Пойдем уж. Ну, Аракэл?

– Да! – очнулся от задумчивости Аракэл.

– Что ж мы будем делать? Куда пойдем? Думали вы об этом?

Аракэл уперся хмурым взглядом в землю и глухо сказал:

– Я знаю одно; марзпан не выпустит нас из рук, раз его самого персы из рук не выпускают. Ведь мы пролили кровь персидских сборщиков!

– Что ж, так и должны мы всю жизнь мыкаться по горам и долинам? – нахмурился Симон.

Аракэл полупрезрительно взглянул на него:

– О своей голове думаешь? Ты о селах подумай!

– Что села? С селами все кончено.

– А если с селами кончено, мы не в счет. – Он подумал с минуту и прибавил:- Села-то он в Персию не угонит! Еще до этого не дошло. Вот семьям нашим будет туго, если только не попрятались они по домам у родных, у знакомых… А за нами охотиться будут!

Он оглядел юношей, затем резко спросил;

– Кто из вас хочет вернуться домой?

– Домой вернуться? – удивился один. – Да нас живьем сожгут!

– Ну, вот и помните, что сожгут! В этом нашем марзпанском краю правды нет. Пойдем поищем, где она есть. Это горе не только наше – всего народа…

– Нигде ее нет, правды! – горько произнес Симон, Аракэл спокойно и просто обратился к юношам:

– Идете с нами?

– Куда же, если не с вами! – отозвались юноши невесело, во решительно.

Помолчали немного, стали медленно собираться.

Первым вышел Аракэл. Симон тоскливо оглянулся и зашагал за ним, далее шли юноши. Шагая по тропинкам, все думали о том, что прежде всего необходимо уйти от погони; поскольку на родное село и семьи неминуемо обрушится месть марзпана и персов -домой возврата нет.

И вот все пошли за Аракэлом. А он не терял надежды. Па что он надеялся, никто не знал – ни юноши, ни Симон, ни даже сам Аракэл, шагавший впереди уверенно и задумчиво. Несокрушимое ли здоровье крестьянина, железные ли мускулы поддерживали в нем неукротимый дух? Придавал ли ему силы жизненный опыт? Но какую силу мог вдохнуть в него опыт его горькой, беспросветной жизни? Ведь Аракэл не жил, а постоянно вел борьбу, – борьбу за кусок хлеба, за клочок земли. Какую же надежду и силу мог дать ему опыт, вынесенный из этой неравной борьбы? Что хорошего видел в жизни крестьянин? Об этом

Аракэл не помнил. Но надежда все же теплилась, не угасала. Он не терял мужества, которое всегда приходило ему на помощь во врсмя самой тяжелой работы, в дни голода, в дни бедствий.

Аракэл шел вперед.

Поздно вечером Бабик с Нерсиком вошли в покои матери. Молчаливый и угрюмый Бабик подошел к матери и молча снял ее.

Нерсик встал чуть поодаль, всхлипнул и разрыдался: глядя на Бабика и вспоминая перенесенные им побои, он как бы заново переживал обиду, пережитую в этот день братом, и почувствовал острую жалость к нему. Парандзем крепко прижала Бабика к груди и не могла сдержать слезы. Сколько оскорблений, горечи, унижений накопилось у нее на душе! И вот все прервалось, – ей невмоготу стало далее нести на душе этот тяжелый груз.

Дзвик подошла к Нерсику, обаяла его и отвела к окну, тихо увещевая.

– Не плачь, родной мой, не плачь! Если ты сам не пожелаешь стать персом, кто тебя может заставить?

Бабик порывистым движением вырвался из объятий матери, «о сжатыми кулаками встал посреди опечивальни и глухим от боли и ярости голосом воскликнул:

– Не побои отца меня оскорбляют… Меня оскорбляет то, что он дал мне в наставники армянина с пресмыкающейся рабской душой, который лижет пятки персам и смеет оскорблять «ой народ!

Парандзем отерла глаза.

– Вот и хорошо, дитя мое, что ты все эта понял даже лучше меня! обвил руками шею матери:

– Прочти нам то, что ты обещала, мать!

– Прочту, дитя мое, прочту, успокойся только! И не прекословьте вы очень князю. Он разгневается, может вас убить.

– Пусть убивает! – воскликнул Бабик. – Он бил меня на глазах у раба и пса! Это все равно, что убить меня!

– Нет, нет, Бабик! – успокаивала его мать. – Пока в твоем сердце живет любовь к твоему народу, ты не убит. Поди ко мне, сядь. Ты также, Нерсик! Я почитаю вам.

– Да, да!.. – обрадовался Нерсик, поспешно усаживаясь на ковер у ног матери. – Читай!

– Прочту, прочту, родной… Бабик, сними с полки вон ту новую рукопись.

Бабик принес рукопись, заглядывая на ходу то в ее начало, то в конец.

– Но она не закончена, мать! – заявил он. – Где вторая половина?

– Она не дописана. Ее пишет Мовсес Хоренаци. Работа еще не завершена.

Из-за болезни матери Вардану не удалось выехать на следующий день в Арташат. Душевное потрясение оказалось слишком сильным для престарелой женщины: она слегла и начала бредить. Вардан Мамиконян глубоко любил свою мать и всегда считался с ее мнением. Он никогда не решался выехать, не простившись с нею. Каждый раз, отправляясь в дальние походы, на Чорскую заставу или в Нюшапух против кушанов, он непременно приходил перед отъездом поцеловать ей руку, получить ее благословение, и лишь после этого пускался в путь.

Теперь он по нескольку раз в день заходил в опочивальню к матери, тревожно присматриваясь к тому, как ее лечат иерей и старый лекарь.

Жизнь в замке как будто потекла по привычному руслу. В коровниках и овчарнях мычал и блеял еще не выпущенный на подножный корм скот. По двору взад и вперед сновали слуги, С поля доносились выкрики и смех сепухов и всадников.

Уединившись в башне в небольшом покое, Артак Мокзц просматривал рукописный фолиант. Иногда он устремлял взгляд в далекие, только что освободившиеся от снега луга, которые, проснувшись, ждали прихода весны. В открытое окно уже вливалось ее первое нежное благоухание.

Артак углубился в чтение рукописи. Это был философский трактат о природе воздуха, воды, огня и земли. Артак и сам не сумел бы сказать, сколько он просидел, когда заметил,

что, перелистав много страниц, не вникнул в их смысл. И только теперь он осознал, что до его слуха довольно давно доносятся женские голоса. Или это только почудилось ему?.. Артак напряг слух, но голосов уже не было слышно. Он вновь принялся за чтение. Но благоуханье весны отвлекало его мысли. Взгляд его тянулся к долинам и горам, и какое-то смутное, но сладостное чувство заполнило его сердце. Он приподнял голову и, кинув взгляд на выступ скалы, заметил двух женщин.

Одна сидела, другая стояла рядом с ней. Обе смотрели в сторону долины, так что видеть их лица Артак не мог. Обе были в богатых одеяниях и, по-видимому, принадлежали к княжеской семье.

Артак подошел к окну, надеясь узнать их. Однако те долго не оборачивались. Артак уже собирался вернуться к своей рукописи, когда одна из женщин – та, которая стояла, – повернулась лицом к окну. Видение благородной красоты внезапно поразило Артака. Это была совсем еще молоденькая девушка, волнистые черные волосы обрамляли прелестное лицо; из-под угольно-черных бровей горделиво и чуть повелительно глядели сверкающие глаза. Она бросила взгляд в сторону башни и увидела Артака. Оба упорно не отводили глаз, словно испытывая друг друга.

Спутница девушки что-то сказала ей и тоже обернулась в сторону окна. Это была немолодая женщина, с исхудалым и измученным лицом, очень похожая на Вардана Мамиконяна.

– Привет князю Артаку! – вставая, промолвила она с ласковой улыбкой. – В кои веки показался, наконец!

– Приветствую княгиню… – отозвался Артак. То была дочь Вардана – госпожа Шушаник, супруга иверийскго князя Вазгена. Она гостила в доме отца.

– В путь собираешься, князь Артак?.. – сочувственно спросила она, намекая на недавние события.

– Собираюсь, госпожа Шушаник! Приехали мы на пир, уезжаем навстречу беде…

Артак заметил, что девушка не отводит от него внимательного взора.

– Такова жизнь!.. – вздохнула госпожа Шушаник. – Среди бедствий родились мы на свет, среди бедствий и уйдем из него…

– Выстоим, госпожа Шушаник! – уверенно отозвался Артак. – Нам не в первый раз! Да и не в последний, должно быть!

Артак взглянул на девушку и почувствовал приток такой силы, она так забурлила у него в жилах, что он даже как будто обрадозался приближению бедствия, которое ему предстояло встретить грудью. В сердце его ворвалась радость обретенной красоты, ликование молодости, славы, отваги, героизма.

От Артака не укрылось, что неприветливый взгляд девушки потеплел, когда он сказал: «Выстоим!»

Госпожа Шушаник заметила восхищение во взоре Артака. Она рассказала о своем путешествии из Иверии в Тарон, о том, как, приехав поздней осенью, она вынуждена была задержаться в замке из-за заморозков и метелей.

Она сказала также, что беспокоится за свой дом в Иверии и желала бы как можно скорей выехать обратно.

– Жаль, госпожа, что мы должны будем двигаться походным порядком, – сказал Артак. – Не то до Арташата ты могла бы ехать с нами…

– Нет, это невозможно, – вздохнула госпожа Шушаник. – Но я дам тебе письмо и попрошу переслать его из Арташата в Иверию моему супругу.

– С величайшей охотой, госпожа Шушаник! Но спеши, мы выступим, вероятно, завтра или послезавтра.

– Письмо я заготовлю. А тебя прошу пожаловать сегодня вечером в мои покои, мне нужно поговорить с тобой.

– Слушаю, госпожа!

Княгиня Шушаник кивнула в знак благодарности и прощания и обратилась к девушке:

– Пойдем к бабушке, Анаит! Узнаем, как она себя чувствует.

Девушка, которая стояла как чудесное видение, повернулась и легко сбежала по камням вниз. Обе пошли в сторону замка. Когда они скрылись за оградой, Артак услышал звонкий смех девушки.

Но кто она? Судя по ее головному убору, она была или землячкой Артака, или уроженкой какой-нибудь местности, расположенной по соседству с его родиной. Да и по типу она была истой горянкой…

Артака охватило страстное желание узнать, кто она. Но кого спросить? Свято блюдя законы благопристойности, подобающей учтивому гостю, Артак здесь, в замке Мамиконянов, ни к кому обратиться с расспросами не мог. Но и сдержать себя, успокоиться он также был не в силах. Он должен узнать! Положиться на случайную встречу? Но случай, возможно, и не представится вовсе; наконец, Артак сам мог скоро выехать из замка… Все свои надежды он возложил на госпожу Шушаник. Вздохнув, пытаясь облегчить грудь от тяжкого и сладостного гнета, он взялся опять за рукопись. Но вскоре заметил, что читает невнимательно и все думает о встреченной девушке.

Вечером к Артаку зашел слуга и от имени княгини Шушаник передал приглашение навестить ее.

Артак застал ее одну. Девушки, которую он надеялся увидеть у княгини, не было. Это огорчило Артака. Ему не приходило в голову, что он может не встретить девушку в покоях госпожи.

Госпожа Шушаник была в черном. В руках она держала пергаментный фолиант с заложенным в него пергаментным же листком. Грустная улыбка пробежала по ее лицу, когда вошел Артак.

– Готовлю письмо, князь. Благоволи присесть и расскажи мне, как дела твои. Значит, предполагалась охота, а получается война?

– Ты уже знаешь это, госпожа Шушаник?.. Шушаник дружелюбно улыбнулась. Затем, меняя тему, она с мягким лукавством спросила Артака:

– А ты не спрашиваешь о девушке, которая была со мною сегодня?

– О чем же мне спрашивать, княгиня?.. – уклончиво, скрывая волнение, спросил Артак.

– Не хочешь, значит, спросить?

– По правде сказать, очень хочу!

– Вот и хорошо, дорогой Артак. Поскольку… – И госпожа Шушаник рассмеялась.

– Что поскольку? Продолжай, княгиня!

– Поскольку и она хотела узнать, кто ты.

– Узнала?

– Узнала и… удивилась.

– Чему?

– Тому, что вы соседи, и такие близкие, а друг друга ни разу не встречали.

– Кто же она, госпожа Шушаник?

– А-а!.. Не терпится?

– Нет, почему же, потерплю!.. – слукавил Артак.

– И совсем нет надобности терпеть, дорогой! К чему скрывать? Девушка тебе понравилась. И…

Артак хотел было отпереться, солгать и обратить все в шутку, но не смог и с замирающим сердцем ждал, что скажет княгиня.

– И ты ей…

Артак почувствовал, что в груди у него что-то сладостно встрепенулось. Он задыхался и еле выговорил охрипшим голосом:

– Кто она?..

– Свояченица нахарара Рштуни. Я ее очень люблю и каждый раз, приезжая на родину, приглашаю к себе. И если твое сердце чует, что тебе предстоит с кем-нибудь связать свою судьбу, то знай, это именно с ней!

Артаку вновь захотелось возражать, лукавить, но доброжелательный тон княгини победил его, принуждая к искренности и откровенности.

– Не мучай себя и не лги своему сердцу, Артак. Если полюбишь ее, не ошибешься.

– Но я и не говорил еще о своей любви. Я даже с тобой стесняюсь говорить об этом, госпожа Шушаник…

– Совершенно не надо стесняться, дорогой.. Правда, ты о любви не говорил, но в сердце у тебя любовь, хотя ты, быть может, и сам того не ведаешь!

Они оба умолкли.

– И потом ведь я тебе ничего не предлагаю, Артак, – немного холодно прибавила госпожа Шушаник. – Одно только скажу; счастливы те супруги, которые встретили друг друга на путях любви!.. Ты сам знаешь, каково тем, кто вступает в брак в интересах княжеских родов или из иных соображений…

Внезапно занавес откинулся, и вошла девушка. Она сделала движение, чтоб повернуть обратно, но княгиня Шушаник немедленно остановила ее:

– Нет, нет, Анаит, не уходи! Князь – не чужой человек. Он гость мой, заходи, не стесняйся.

Анаит зарделась и, опустив голову, застыла у занавеса.

– Войди же, Анаит! Говорю тебе, князь – мой гость. Думаю, этого довольно.

Однако Анаит не двигалась с места. Тогда княгиня сама встала и, взяв ее за руку, подвела к своему креслу. Анаит села на подушку у ее ног.

Госпожа Шушаник стала рассказывать Артаку о жизни в Иверии. Понемногу освоилась с обстановкой и Анаит. Она начала прислушиваться к беседе, порой улыбаясь. Потом и Артак рассказал о своем путешествии в Грецию и в Египет.

В покоях уже царили сумерки. Вдали за горами угасало солнце, и его медные отблески падали в глубину ущелий. Одинокая звезда блеснула в бездне небес.

И в то время, как Артак мягким голосом образно и с увлечением продолжал свой рассказ, Анаит, прижавшись к коленям княгини, доверчиво и дружелюбно глядела на него. Они и сами: не заметили, как успели так быстро сблизиться.

Иногда рассказ Артака прерывали короткие вопросы, вначале одной лишь княгини, а затем и Анаит. Отвечая им, Артак рисовал жизнь в Греции и Египте со всем присущим ей многообразием и красочностью. Он описывал греческие театры, собрание философов, книгохранилища и храмы, рассказывал о пирамидах Египта, о сфинксе, самуме и зное пустыни…

Непроницаемый мрак прильнул к окну снаружи. В полутьме комнаты смутными видениями казались госпожа Шушаник и Анаит.

Слуга внес светильник. Артак увидел, как в трепетной игре света и теней менялось лицо Анаит. Она казалась ему дивным изваянием. Девушка была поистине прекрасна. Артак был охвачен вдохновением: он отдавался музыке слова, которым овладел за годы, посвященные наукам. Он чувствовал себя счастливым.

Внезапно вбежала служанка и взволнованно сообщила, что у Старшей госпожи опять начался бред.

Княгиня Шушаник поспешно вышла; Артак остался наедине с Анаит. Он прервал свой рассказ. Оба сидели молча, какое-то необычное чувство околдовало и сковало обоих. Они молчали, опустив головы и не смея поднять взгляд друг друга, но краем глаза каждый видел другого.

Артак чувствовал волнение девушки так же, как ей передавалось его волнение. Оно было полно еще неизведанной радости, подобной приходу юной весны, когда еле-еле начинают набухать почки.

Молчание лучше и красноречивее всяких слез раскрывало им обоим, что они стали близки к дороги друг другу.

Артак и сам не понимал, как он решился, как осмелился он обратиться к Анаит и спросить ее – правда, голосом, который ему самому показался чужим:

– Анаит, я приеду к твоему родителю. Как ты скажешь, приехать мне…

Анаит не ответила, не пошевельнулась.

Артак был смущен. Он взглянул на девушку, не зная, как быть дальше. Но Анаит подняла свои черные, как ночь, глаза и глубоко заглянула в глаза Артаку. Ни тени смущения или робости не было в ее взгляде.

– Анаит!.. Приехать мне к твоему родителю?

– Приезжай!.. – прошептала наит и вновь опустила глаза. Настало долгое молчание. Но Артак набрался смелости и сказал на этот раз уверенней:

– Приеду, пока не началась война! А там, кто знает… Анаит вздрогнула. В ее взгляде мелькнуло смятение и грусть, Немного погодя она спросила:

– Значит, войны не миновать?..

– Не миновать.

– Но из-за чего?

– Якобы из-за веры. В действительности же царь персидский желает покончить с нашей независимостью, уничтожить армянский народ.

Анаит помолчала и немного погодя спросила снова:

– И ты уйдешь на войну?

– Как же, Анаит. Ведь я воин…

Анаит опечалилась. Она то поднимала ласковый взгляд на Артака, то рассеянно играла бахромой подушки. Девушка, видимо, хотела многое сказать, но не могла решиться.

Артак понял это.

– Но я приеду к вам раньше, чем начнется война. Анаит подняла глаза и улыбнулась. Но почти тотчас же две крупные слезы показались в глазах.

В эту минуту вошла госпожа Шушаник, незаметно окинула обоих взглядом, и сделала вид, что не замечает волнения Лнаит.

– Анаит огорчена тем, что не избежать войны, – объяснил Артак.

– Война нужна, чтобы установить мир. – возразила Шушаник. – Нельзя допускать, чтобы посягали на нашу свободу! – Она обратилась к Анаит:- Крепись! Война кончится, а страна останется!..

Затем княгиня сообщила, что положение больной не улучшается и Спарапет не знает, как ему поступить: с одной стороны, он тревожится за мать, с другой – ему необходимо спешно выехать в Арташат.

– Но едва ли удастся выехать ранее, чем через пять-шесть дней… – заключила княгиня.

От Шушаник не укрылось, что Артака обрадовали ее слова. Но она не подала и виду, что заметила это, и от души порадовалась за него.

Было уже поздно, следовало пройти к нахарарам. Артак встал.

– Уходишь? Зайди ко мне завтра, я хочу показать тебе одну рукопись, – сказала госпожа Шушаник.

– С величайшей охотой! – ответил Артак и, бросив последний взгляд на Анаит, поклонился и вышел. Слуга посветил ему, и Артак по лестнице поднялся в приемный покой.

Там находился Вардан Мамиконян с остальными нахарарами. Нетрудно было догадаться, что они обсуждают не подлежащие оглашению дела. Когда Артак вошел, беседа на миг прервалась, но Спарапет кинул на Артака взгляд, выражавшей полное доверие и сердечную близость.

– Ответ держать будем веем народом. Как един человек. Ответ должен быть ясный и за него мы несем полную ответственность. Кто же будет с нами?.. И как все повернется?.. Вот грозный вопрос!

Ваан Аматуни и Нершапух глубоко задумались.

Вардан протянул Артаку пергаментный свиток. Артак взял его и прочел:

«Государь Мамиконян!

Да будет ведомо тебе, что указ царя царей, поверг здесь всех в смятение великое. Возникает опасность распрей. Спеши елико возможно. Надобно пресечь брожение и поднять

народ. Промедление смерти подобно.

Армавир владетель Аршаруни, Араван Вананди.

Атом Гнуни.

Следовал ряд других подписей.

– Это уже не дни Шапуха!.. Это испытание, грозящее гибелью. Тут необходимо единомыслие и единодушие всего народа! Настал роковой час… – проговорил Вардан.

– Значит, ждешь войны? – мрачно спросил Нершапух.

– А ты чего ждешь – мира? Старый замысел Шапуха, злые козни Врама – уничтожить пород армянский и страну его – не удались. Теперь взялся за это Азкерт. Без войны не обойтись! Вера – только предлог. Поедем в Арташат, созовем собрание и обдумаем, как организовать сопротивление.

Присутствующие молчали.

– И поспешим! – как бы размышляя вслух, повторил Вардан. – Ибо грянет не война, а всесокрушающая буря…

Светильник озарял его задумчивое лицо. Проницательный, сверкающий взгляд был устремлен в бархатистую мглу, лежавшую за окном. Казалось, в этой бездонной тьме пытался Вардан увидеть грядущее…

Из внутренних покоев на террасу быстро вышла немолодая худощавая женщина. Измученное и озабоченное лицо ее выражало скрытую скорбь. За нею следовали служанки с различными дорожными вещами.

Эта немолодая женщина, супруга Вардана Мамиконяна, сама руководила укладкой. Негромким, спокойным голосом отдавала она распоряжения, не поднимая головы и ни на кого не глядя. Она собирала своего супруга в поход…

Артак был готов к отъезду. Его тонкому, немного бледному, одухотворенному лицу шлем придавал воинственный вид. Анаит с затаенной тревогой следила за приготовлениями. Госпожа Шушаник взяла ее за руку, привлекла к себе и поцеловала в лоб. Девушка печально опустила голову.

Артак украдкой поглядывал на нее. Иногда их взгляды встречались, и каждый читал в глазах другого смешанное чувство грусти и блаженства.

На террасу вышел Ваан Аматуни. Он тяжело дышал и негромко кряхтел: старик боялся долгого пути.

Собрались и остальные нахарары.

– Государи, навестим перед отъездом Старшую госпожу, – предложил Ваан Аматуни.

Нахарары вошли в опочивальню старой княгини. У ее изголовья горели свечи, чертившие причудливые тени по стенам затемненной опочивальни. Больную лихорадило, она с трудом дышала. Уста ее шевелились, шепча непонятные слова.

Вардан подошел к матери, снял с головы шлем и опустился на колени. Ваан Аматуни склонился над ней.

– Старшая госпожа… – шепнул он.

Больная не расслышала его.

– Слышишь ли ты меня, Старшая госпожа? – повторил он чуть громче.

Больная подняла веки и сурово взглянула на него пылающими глазами.

– Азарапет? – отозвалась она хрипло.

– Пришли проститься с тобой! Выступаем… – сказал Ваан Аматуни.

Больная вытянула сухую, как ветвь терновника, руку и сурово вымолвила:

– Если на войну – путь добрый!

– Может случиться, что и на войну, госпожа…

– А-а, так…- вздохнула больная.

Она повернула голову к Вардану и окинула его грозным взглядом:

– Не посрами меч предков… Без победы не возвращайся!.. Иди, да будет с тобой господь! Вели вызвать из Греции моего Зохрака… Пусть сын будет рядом с тобою!

Вардан взял руку матери и прилгнул к ней долгим поцелуем.

Больная напрягла силы и села в постели. Ее проникновенный взор и внезапно озарившееся лицо вкушали и страх и глубокое почтение. Она казалась воплощением духа рода Мамикинянов, вдохновляющим потомков на великие подвиги.

– Идите! Освободите страну Армянскую!..

– Мир тебе, мать, – молвил Вардан и, обняв ее, поцеловал в плечо.

Больная костлявыми руками обняла сына и также поцеловала его. Вслед за Аматуни подошли к ней и остальные нахарары, склонялись к ее руке к отходили к двери.

У входа молча столпились взволнованные родные и слуги.

Все вышли на террасу.

– Отец, я не хочу возвращаться к мужу… – печально, но решительно вымолвила госпожа Шушаник.

Вардан понял дочь. После довольно долгого молчания он ответ ил:

– Не возвращайся! Он на дурном пути. Боюсь, как бы не стал вредить нашему делу…

– Да просветит его господь!.. – простонала Шушаник и разрыдалась.

Вардан обнял ее, поцеловал, подошел к жене:

– Пошлешь гонца за Зохраком…

Он просто и быстро простился с женой, вновь обнял дочь, погладил волосы Анаит, улыбнулся всем и стал спускаться по лестнице.

– В путь! – приказал он. Начали прощаться и нахарары.

Артак подошел к госпоже Шушаник, поцеловал ей руку, придал письмо и взглядом попрощался с Анаит.

– Возвращайся поскорее, Артак! – улыбаясь, шепнула ему госпожа Шушаник.

– Скоро, очень скоро!.. – отозвался также шепотом Артак.

– Весточку перешлешь… – напомнила госпожа Шушаник. – Будем ждать, смотри!..

Артак улыбнулся и кивнул ей.

Подвели коней. Слуги и телохранители едва удерживали их, пока нахарары садились в седла.

Между скакунами метался повеселевший Арцви, точно наставник, показывающий успехи своих питомцев. Схватив поводья скакуна Спарапета, он свободной рукой оттянул книзу стремя. Как подброшенный пружиной, вскочил в седло Вардан.

– Ну, оставайтесь с миром! – произнес он и поскакал к воротам.

За ним последовали нахарары. Долгое время отказывался пройти в ворота лишь скакун Арцви: он то пятился назад, то сворачивал в сторону. Арцви вышел из себя и так огрел его плетью, что тот вылетел из ворот молнией.

Все замерли, молча прислушиваясь к удаляющемуся топоту копыт, который, постепенно затихая, как перекаты осыпающихся камней, заглох в ночном мраке.

Над Айраратской равниной торжественно расцветало весеннее утро. Зарделись вершины обоих Масисов, улыбнулась зеленовато-голубая даль небес. Раздувшись, как огромный желтый дракон, стремительно мчался Аракс. Пробуждались поля навстречу новой жизни. Вдали, между рядами тополей, вились голубые ленты дыма. Тут и там уже пахали крестьяне.

Между Араксом и Мецамором, покоясь среди садов, но окруженный крепостными валами, лежал Арташат. Глухой шум свидетельствовал о пробуждении утренней жизни в армянской столице.

Городские ворота были распахнуты, и под их сводами уже началось оживленное движение. Двое пожилых длиннобородых стражей сонно переговаривались друг с другом, глядя на воды Аракса. Прямо против ворот тянулся узкий Арташатский мост. Течение Аракса разбивалось у его подножия, но видно было, что весенний паводок грозит его древним устоям.

Один из стражей, синие глаза которого были воспалены после бессонной ночи и почти смыкались от усталости, звучно зевнул и, подняв взор к бойнице башни, сонливо позвал:

– Лусерэс, солнце уже взошло! Смени нас, дай нам уйти!..

Однако дозорный на башне, не слушая его, внимательно разглядывал что-то черневшее вдали, у западного подножия Масиса.

Дальнозоркость позволяла Лусерэсу различить мелькавшие в воздухе наконечники копий, сверкавшие на солнце шлемы всадников. Он затрубил в рог, и тотчас из городских ворот вылетели три конника и помчались через мост навстречу приближающимся: один – прямо по равнине, другой свернул вправо, третий – влево.

На сторожевой башне, с луками наготове, показались стрелки. Стражи прошли к дороге, ведшей на мост.

Однако трое верховых, посланных на разведку, присоединились к подъезжавшим и спокойно возвращались вместе с ними в город: это были нахарары со своими отрядами – Вардан Мамиконян, Аматуни, Артак Мокац и Артак Рштуни.

Лусерэс вновь затрубил в рог, чтоб оповестить крепостного воеводу о прибытии нахараров, и приказал снова распахнуть настежь городские ворота. Тотчас с грохотом были выбиты запоры, и ворота, скрежеща, раздались.

Жители сбегались со всех сторон. Появился крепостной воевода – низкорослый и круглый, как шар, с живыми движениями и глазами, похожими на орешки. Он приказал оттеснить назад все прибывавших горожан, усилил внутреннюю стражу у городских стен и, распорядившись держать проезд свободным, сам вышел навстречу подъезжавшим.

Нахарары и их отряды с дробным топотом проехали по мосту и уже приближались к воротам. Среди них выделялись суровое лицо Вардана, на коротко подстриженной бороде и длинных волосах которого осела желтоватая дорожная пыль. Лица остальных- Ваана Аматуни и нахараров Мокского, Рштуни и Арцруни – раскраснелись и выглядели утомленными. Вид взмыленных коней, от которых валил пар, свидетельствовал о том, что долгий путь был покрыт ими быстрым маршем.

Стража взяла «на караул» и с поклоном выстроилась по обеим сторонам городских ворот. Прибывшие въехали. Топот коней по каменному настилу узких улиц отдавался эхом по городу.

Из домов и закоулков выбегали поглазеть горожане, но всадники, быстро проскакав по городу, остановились перед высоким зданием из тесаного камня.

Тотчас же из пристроек выбежали служители, подхватили поводья скакунов. Нахарары спешились и, разминая затекшие от долгой езды ноги, по каменной лестнице поднялись на второй ярус здания.

Большая группа нахараров, очевидно, заранее собравшаяся здесь, радушно и почтительно приветствовала прибывших. Несколько человек спустились вниз и облобызались с ними.

Вардан окинул встречающих пытливым взглядом. Это были знатнейшие представители страны: крепкий, хотя и сутулый Гадишо Хорхоруни, с замкнутым, непроницаемым и недобрым взглядом; рядом с ним – Гют Вахевуни, с холодной усмешкой на рябом лице. В глаза Вардану заглядывал, как бы пытаясь что-то прочесть в них, Шмавон Андзеваци, как видно, сильно встревоженный полученными вестями. Сонно оглядывался Варазшапух Галуни. Все они молчали и не двигались с места. Лишь Атом Гнуни, статный чернобровый юноша с великолепной воинской выправкой, крепко расцеловался с Артаком Мокац: видно было, что они связаны большой дружбой.

Нахарары, подхватив под руки Ваана Аматуни, с почтительной заботливостью помогли ему подняться на террасу. Обняв рукой за плечи нахарара Гнуни, Вардан любовным взглядом окинул его великолепно сложенную фигуру. И действительно, юноша был на редкость строен и хорош собой.

– На охоте был? – с лаской в голосе обратился к нему Вардан.

– Нет, государь, я водил свой отряд на занятия в ущелья… – смущенно ответил Атом.

Артак Мокац дружески схватил Атома за руку, и они вместе поднялись наверх. Нахарары почтительно расступились перед Вааном Аматуни и Варданом, которые первыми вступили в приемный зал дворца, где обычно происходили совещания по вопросам

государственной важности. В этом же дворце обычно останавливались и высокопоставленные гости.

Сыростью пахло в просторном приемном зале, хотя и пышно убранном тканями и коврами. Вдоль стен были расставлены сидения с подушками, в нишах разложены пергаментные фолианты с инкрустацией из драгоценных камней на переплетах. По углам стояли высокие канделябры и курильницы для ладана. Но запах сырости смягчало раннее весеннее благоухание нагретой земли и расцветающих деревьев, вливавшееся через открытые окна.

Тотчас же вслед за нахарарами в зал вбежал седой краснолицый старик и лихорадочным шепотом приказал следовавшим за ним служителям подать гостям воду для омовения. Нахарары УМЫЛИ и вытерли лица и руки.

Все находились во власти какого-то странного напряжения. Никто не решался заговорить о событиях, все ждали слева Вардана Мамиконяна или Ваана Аматуни.

Наконец, охрипшим голосом, с какой-то неопределенной интонацией Ваан Аматуни осведомился:

– Прибыл уже марзпан?

– Прибыл, азарапет! – оживившись, в один голос отозвать нахарары.

Аматуни помолчал, как бы подытоживая свои силы, затем спросил:

– Что же говорил он об указе царя царей?

– Ничего, ни единого слова! – ответил Гют Вахевуни, многозначительно оглядываясь на нахараров.

Вновь воцарилось молчание. Гют Вахевуни придал своему лицу загадочное выражение. Казалось, он знал, что Ваан Аматуни ничего доброго от марзпана не ждет, но предпочитал не высказывать своего мнения.

Вардан пытливо и сумрачно оглядывал нахараров, словно стремясь узнать по их лицам, как сами они относятся к событиям.

– Прибыл католикос? – спросил он спокойно.

– Он в Эчмиадзине, на церковном соборе, – ответил воевода крепости, который стоял у входа, скрестив руки на груди. Тон его был торжествен, как это и приличествовало значительности событий.

Вардан помолчал, вновь оглядел словно онемевших нахараров и с выражением тяжкой озабоченности произнес:

– Государи нахарары, надобно елико возможно скорее созвать совещание с участием марзпана и католикоса: пусть представители страны решат, какой ответ мы даем царю царей…

Никто не отозвался. Необходимость созыва общегосударственного совещания сознавали все, но как ответить на указ царя Персии – вот в чем вопрос.

Наконец, заговорил Гют Вахевуни:

– Созвать совещание легко. Дать ответ гораздо труднее…

– Труднее, да! – подтвердил Вардан. уловив насмешку. – Однако… ответить надо!

– А как ответить? – пробормотал Гют Вахевуни.

– Мы не знаем, что решат нахарары и духовенство, но ответ должен быть определенный: или да, или нет!..

К марзпану был послан гонец с извещением, что нахарары собрались и готовы приступить к совещанию.

Вечером прибыл ответ: поскольку явились не все нахарары, совещание откладывалось на неделю.

Ночь над Арташатом была полна движения и голосов пробуждающейся весны. В безлунном небе лихорадочно сверкали звезды. Теплый ветер приносил в покои Васака Сюни благоухание пробуждающейся природы.

Марзпан занимал дворец свергнутых незадолго до этою армянских царей.

Приемный зал был скудно освещен. Фрески, цветные ткани ковры несколько оживляли

его сумрачный вид. Вдоль стен, па известном расстоянии одно от другого, были расставлены роскошные сиденья с вышитыми подушками для нахараров. В нишах сверкали драгоценными камнями пергаментные фолианты в кожаных переплетах.

Посередине пола был выложен мозаикой большой круг с изображениями орлов, тигров, львов. Огромный бархатный занавес над дверью, на стенах оленьи рога, золотые семисвечники по углам, серебряная и золотая утварь и пышные украшения, каменная резьба оконных наличников – все, все пробуждало печальные воспоминания об Арташссе, последнем отпрыске царственного рода Аршакидов.

На троне сидел Васак. Он был в полном облачении марзпана. На голове у него была усыпанная драгоценными камнями золотая тиара, под которой блестела белая парчовая повязка. Этот головной убор дополняли золотые шаровидные серьги и золотое ожерелье. Легкая соболья мантия, обувь из красного сафьяна и кольцо с изображением вепря – знаки достоинства марзпана Армении- дополняли царственный вид Васака.

Светильник отбрасывал сумрачный свет на стены; на одну из них угловато и причудливо падала тень марзпана.

Поглощенный своими мыслями, марзпан сидел точно в оцепенении, не замечая ни окружающего, ни позднего часа.

Его вывел из забытья дворецкий, который, осторожно войдя, доложил:

– Прибыл гонец, он говорит, что приближается Деншапух с тем персом, который доставил указ, и с другими вельможами.

Васак мгновенно очнулся. Он быстро, но не теряя достоинства, сделал знак рукой, приказывая ввести посетителей во дворец. И пока он прислушивался к грохоту ворот и к приближающимся шагам, по его лицу несколько раз пробежала недобрая и лукавая усмешка. Затем оно приняло непроницаемое выражение.

Вбежал дворецкий и отдернул занавес. Первым вошел Деншапух, затем перс, доставивший указ, и другие. Васак поднялся, с подобающей пристойностью медленно склонился в приветствии и некоторое время не" поднимал склоненной головы; затем он выпрямился и движением руки пригласил гостей сесть на подушки. Гости, храня глубокое молчание, чинно расселись. Все продолжали хранить молчание. Затем Васак, который также уселся, вновь поднялся и молча повторил приветствие. Посетители ответили ему тем же. Все снова уселись.

– Надеюсь, приход ваш к добру? – сказал, наконец, Васак, намекая на необычный час появления Деншапуха.

– Доброе – от солнца! – ответил Деншапух. – Теперь же час ночной…

Васак догадывался, что Деншапух пришел с какими-то требованиями, но ни один мускул не дрогнул на его лице. Он молча ждал, что скажет Деншапух дальше. Вновь роцарилось тяжелое молчание.

Деншапуху было лет за пятьдесят. Это был человек с маленькими черными, как уголь, глазами и с завитой черной, как смоль, бородой. Его характерная дынеобразная голова, расширявшаяся посредине, казалось, давила на виски и глазницы, и от этого глаза его приобрели как бы удивленное выражение.

Хосров – перс, доставивший указ, – украдкой переводил коварный взгляд с Васака на Деншапуха, не поворачивая головы и не двигаясь. Пожелтевшая от болотной лихорадки кожа придавала ему вид мертвеца. Если б не бегающие глаза, он мог бы сойти за мумию.

– Чем же могу я служить арийским вельможам? – задал вопрос Васак.

Деншапух слегка кашлянул и, вновь опустив глаза, сказал;

– Ответ на указ запаздывает. Царь царей может сильно разгневаться…

– Гнев царя царей надо предупредить… – серьезно и опасливо отозвался Васак.

– Но почему запаздывает ответ?

– Ответ задерживаю я! – пояснил Васак. Деншапух косо глянул на него.

– Пристойно ли заставлять ждать повелителя? – сказал он с укором. – А я полагал, что с ответом тянут ваши нахарары и духовенство…

– Хм… Допустимо ли это? – съязвил сухим и сиплым голосом Хосров, только и ждавший возможности сказать колкость Но Васак сделал вид, что ничего не замечает. Он уселся удобнее в кресле и уверенным голосом повторил:

– Ну да, ответ оттягиваю я и буду тянуть еще, чтоб не дать возникнуть возмущению или волнениям…

– Возмущению? Волнениям? – повторил Деншапух. – Тогда как они осмелятся?!

– Как? Да очень просто! – с горькой усмешкой возразил Васак. – Разве это будет впервые? А при Шапухе? А при царе Аршаке? А при Васаке Мамиконяне? Ну-ка, вспомните!

– Но на этот раз повелитель безжалостно подавит всякую попытку к восстанию! – заявил Деншапух.

Васак притворно зевнул, затем опять деланно-небрежно и как бы безразлично возразил:

– Если бы повелителю было угодно применить силу, он бы прислал войско. Но он прислал указ. Значит, его цель – убедить и вразумить. Ему угодно было допустить обсуждение и несло исследование учений Зрадашта и Христа.

Деншапуха оскорбило такое превратное толкование намерений персидского царя.

– До каких же пор должны мы ожидать ответа?

– До тех пор, пока не сумеем убедить каждого из нахараров в отдельности, пока наше духовенство не успокоится, не одумается, не смирится, – вновь покривил душой марзпан.

Васак с самого начала почувствовал, что Деншапуха задевают его слова. Он видел, как невыносим Деншапуху его властный тон, его манера начинать обсуждение вопросов и обрывать, диктовать свое мнение и утверждать себя главой и правомочным распорядителем во всех государственных делах. Васак так себя держал, что, даже разговаривая с другими, задевал Деншапуха. Он намеренно стремился подчеркнуть свое неизмеримо более высокое в сравнении с присутствующими вельможами положение. Деншапуха он люто ненавидел, как человека, посланного привести в исполнение волю Азкерта там, где Васаку самому надлежало выполнять ее в качестве марзпана. Он стремился свести на нет роль Деншапуха, вытеснить его не поступаться своим высоким положением ни в Армении, ни перед повелителем персов. Он не обмолвился ни одним словом об ограблении монастыря и села, и это также задело Деншапуха. Не в меньшей степени и по тем же причинам соперничества ненавидел и Деншапух Васака. Он так же, как и Васак, стремился уронить авторитет соперника. Но Васаку, как человеку Солее умелому и облеченному более высокими полномочиями, как марзпану, всегда удавалось его обезвредить.

Немного погодя Васак улыбнулся, как бы желая показать, что считает и этот вопрос исчерпанным. И чтоб пристойно закончить беседу, он добавил, с насмешкой глядя Деншапуху прямо глаза:

– Немного трудно будет, но постепенно мы своего добьемся. Он хлопнул в ладоши и приказал немедленно появившемуся дворецкому подать гостям яства.

И пока служители разносили на подносах вяленую дичь, сушеные фрукты и тонкие старые вина, Васак решил придать беседе непринужденный характер.

– Тешился ли повелитель охотой за эту зиму? – спросил оя Хосровй.

Хссров стал описывать одну охоту на берегу Тигриса, где кабан настиг повелителя в камышах и едва не вонзил в него клыки, но один из царских телохранителей бросился между кабаном и гн Релителем и заслонил собой царя, пока остальные добивали зверя.

– Величайшее счастье!.. – заметил Васак. – А телохранитель?

– Погиб. Все внутренности вывалились… Однако Деншапух был не из тех, кого можно было разговорами отвлечь от основной цели. Он также настроился на веселый и стал выведывать, каково положение в Арташате.

– Как настроены нахарары? В мире они друг с другом? – спросил он притворно небрежно.

– Они возносят молитвы о благоденствии царя царей! – отпарировал коварный вопрос Васак и добавил: -Дружба и мир среди нахараров необходимы на службе у царя царей. Остальное- их личное дело…

Неожиданно вошел дворецкий и, с трудом сдерживая волнение, доложил:

– Гонец сообщает, что азарапет Вехмихр и могпэт Ормизд прибыли в Арташат и жалуют сюда!

– Встретить с факелами! – распорядился Васак. Деншапух встрепенулся, хмель сразу слетел с него. Ему не понравилось, что оказывают почести человеку, который был назначен азарапетом благодаря ему, а теперь лезет из кожи вон, чтоб над ним возвеличиться.

За дверью послышался громовой кашель, и в дрожащем свете факелов в зал вошел азарапет Вехмихр, преемник смещенного по проискам Деншапуха Ваана Аматуни, – дородный великан с круглыми голубыми глазами, заплывшими жиром. Плащ из тонкой шерстяной ткани вздымался и опадал на его широкой груди. Не приветствуя никого, он стал посреди зала. Вошедший вместе с ним могпэт Ормизд, назначенный верховным судьей Армении взамен отмененных высших духовных садов, повел себя столь же неучтиво. Это был старик с желтым лицом и глазами фанатика. Яевшапух многозначительно взглянул на Вехмихра. Видимо, готовилась какая-то вылазка против Васака, и Вехмихр ждал лишь знака, чтоб начать. Того же, очевидно, ждал и могпэт…

Васак не предложил сесть ни Вехмихру, ни Ормизду, – они так и продолжали стоять посреди зала.

Деншапух незаметно подал знак Вехмихру, и тот начал:

– Я так и знал, что дело дойдет до этого! Да будет тебе ведомо, что от повелителя прибыл гонец…

– Да будет к добру его приезд! – отозвался Васак внешне невозмутимо. – И какую же весть он привез?

– Он привез гнев повелителя!.. А ты тут сказки рассказываешь?!. От имени царя царей я требую сегодня же написать ответ и отослать повелителю!

– Знаешь что?.. Как бы я не заставил написать этот ответ сейчас же! – сказал Васак, угрожающе глядя на отдувающегося Вехмихра. – Но смотри, берегись! За содержание ответа я в таком случае не ручаюсь!

– Это почему? – косо глянул на него Вехмихр.

– Почему? – с насмешкой повторил Васак. – А потому что, если тебе угодно знать, я-то – огнепоклонник по приказанию моего повелителя. Но не в моих силах в один час сделать огнепоклонниками всех армян!

– Заставь их! Наказывай! Принудь!

– Поток бурлит и беснуется, однако скала стоит на месте й Не обращает на него внимания. А ты бы лучше сел пристойным образом, чтоб мы могли вместе подумать, как убедить наших армян принять огнепоклонничество…

– Мы не намерены вновь навлекать на себя гнев повелителя. Сегодня же вели написать ответ!

Могпэт, у которого разлилась желчь, что-то бормотал себе под нос и вертел головой. Проглотив слюну, он резко сказал:

– Духовные суды продолжают тайно заседать. Для чего же тогда направил меня сюда царь царей? Когда же сгинет это проклятое племя ваших монахов?! Ведь царь царей всей душой ненавидит их и ждет не дождется возможности прислать сюда жрецов…

– Духовенство наше одним ударом меча не уничтожить, государь могпэт! Чтоб истребить всех наших священников, потребуется несколько месяцев. Желаешь, я приступлю к этому, а ты так и сообщи своему повелителю!..

Васак насмешливо подчеркнул слова «своему повелителю».

Вехмихр растерялся. Деншапух отвел глаза, чувствуя, что удар Вехмпхра не попал в цель.

Васак хлопнул в ладоши и велел вошедшему дворецкому:

– Пошли гонца к Спарапету, азарапету и нахарарам, пригласи их сюда. Пусть передает от моего имени, что дело не терпит отлагательств…

Воцарилось напряженное молчание. Все испугались дурных последствий этих

энергичных пререканий. Деншапух сознавал, что, оказывая на Васака такое давление, он сам берет на себя вину за ответ, который будет дан на указ, и если царь царей заинтересуется, как составлялся этот ответ, – то его роль может раскрыться. То же, хотя и в меньшей степени, осознал и азарапет Вехмихр, но, будучи лишь орудием в руках Деншапуха, он надеялся избежать прямой ответственности.

Васак же, все последние дни ломавший голову в поисках выхода из создавшегося положения, казалось, нашел его сейчас: его «вынудили», его «торопили» царские сановники, и он «вынужден был подчиниться». От ответа, написанного при подобных обстоятельствах, он ничего доброго не ждал, но решил использовать этот оборот дела, чтобы ловким движением снова всплыть на поверхность и утопить Деншапуха.

Молчание не нарушалось, поскольку каждый из присутствующих был озабочен только своей личной судьбой. Вехмихра, между прочим, уязвило и то, что Васак, обращаясь к дворецкому, велел пригласить к себе среди прочих нахараров и азарапета: ведь в глазах персидского двора Ваан Аматуни был сановником смещенным и не имел права ни быть азарапетом, ни даже именоваться им! «Нет, в этой стране ничего не изменилось! А если и изменилось, то только внешне…» – подумал Вехмихр.

То же самое сознавал и могпэт, только что высказавший недовольство тем, что духовные суды продолжают тайно заседать. О несломленном сопротивлении армян раздумывал и Деншапух Он обложил непосильными поборами монастыри и церкви и угнетал народ тяжкими налогами, чтоб заставить его принять огнепоклонничество, как единственный выход из невыносимого положения. И что же?.. Повсюду непоколебимое сопротивление!.. А теперь и этот марзпан, призванный помогать ему в мероприятиях персидского двора, также проявляет сопротивление. «Нет, неладно все идет, неладно! – с горечью повторял он про себя. – Ничего еще не сделано. Я сместил азарапета, а его продолжают именовать азарапетом! Я привез могпэта, а он не пользуется здесь никаким влиянием!..» Задумался Деншапух и над собственным своим положением: он уже видел самого себя в опасности.

Через окна упали в зал снопы света и затрепетали на стенах. Послышался скрип ворот Быстрым шагом вошли Вардан Мамиконян и Ваан Аматуни, Их сопровождали остальные нахарары. Когда они дошли до середины зала, Васак встал и приветствовал их. Нахарары почтительно ответили на его приветствие. Марзпан вновь сел и пригласил нахараров занять места.

Васак вынул из-за пояса смуглую узкую руку, сверкнул золотым кольцом и многозначительно взглянул на нахараров.

– Я счел необходимым пригласить вас во дворец в присутствии царских сановников, – заговорил он спокойным голосом, – за что и приношу извинение нахарарам. Но сейчас я принужден просить вас подготовиться к созыву совещания в ближайшие же дни для составления подобающего ответа на указ царя царей…

Все молчали, ожидая дальнейших слов Васака.

– Сановники царя царей настаивают на том, чтоб ответ на указ был написан сегодня же утром. Царь царей, по заявлению этих достойных лиц, наистрожайшим образом требует скорого ответа.

Вардан окинул быстрым взглядом присутствующих и сказал:

– Если желательно кому-либо знать, каков будет мой лично ответ, я могу заявить напрямик и сейчас же. Однако я полагаю, что вельмож интересует ответ не только мой. Вам угодно знать ответ всего нашего народа? Это вы услышите из его же уст.

– Согласись, Спарапет, что нам должно дать царю царей ответ пристойный и миролюбивый, – сказал Васак.

Остальные нахарары продолжали хранить каменное молчание. Казалось, они остерегаются говорить или, быть может, по молчаливому сговору согласились предоставить слово двум первым нахарарам страны…

Но вот нашел нужным вмешаться Ваан Аматуни:

– Пристойный ответ и будет, несомненно, дан. Прежде всего к нам обратился ведь не царь царей, а азарапет арийцев, и царя царей мы не оскорбим, что бы ни случилось. А азарапету мы ответим на то, чего, в сущности, он и требует от нас: высказать суждение о двух вероучениях и выбрать из них то, какое мы пожелаем…

– И какое вы избираете? – прервал его могпэт Ормизд.

– Государь могпэт, мы свое вероучение избрали, и даже очень давно! Свидетель тому – Шапух…

– Ты сейчас скажи, что вы избрали?

– Для арийцев- веру Зрадашта, для нас – христианство. Может ли быть иначе?

Деншапух вскочил с места:

– Да это мятеж! Вы хотите кровопролития? Вардан со спокойным пренебрежением взглянул на Деншапуха сбоку и произнес:

– Мы не ищем кровопролития, мы бежим от него. Но если кровопролитие уж очень будет гнаться за нами, то мы обернемся к нему лицом! Вот! – Затем он обратился к Васаку: – Прости меня, государь марзпан, я не хотел бы далее заниматься пустословием. Мы имеем дело с азарапетом Персии, ему и будем отвечать.

– Истинно так, – поддержал его Васак. – Мы имеем дело с азарапетом Персии!..

– Видимо, не приходится ждать здесь чего-либо доброго! – гневно воскликнул Деншапух. – Я вижу, что… Васак махнул рукой, перебивая его:

– Пожелал этого ты сам… Мне остается лишь стараться, чтоб не случилось по-твоему.

Деншапух подал знак, персидские сановники встали.

– Идем.

– Все, что в силах моих, я сделаю для царя царей. А что невозможно – невозможным и останется! -повысил голос Васак.

Деншапух холодно склонился и направился к выходу. За ним последовали и остальные персы.

Дворецкий с почтительным поклоном проводил гостей до двери, откуда двое факельщиков должны были проводить их по улицам Арташата в отведенные им покои.

Недолгая суета, последний раскат громового кашля Вехмихра – и все вокруг дворца марзпана погрузилось в тьму.

Смущение и растерянность овладели теми, кто еще оставался в тронном зале. Резкие ответы Вардана были не по душе ни самому Васаку, ни некоторым из нахараров. Васак вел игру, желая обуздать Деншапуха. Однако он совершенно не желал, чтобы Вардан возглавил восстание. Он стал выжидать. Ему хотелось, чтобы с требованием умеренности выступили нахарары, а не он.

Ждать пришлось недолго. С неожиданной и дерзкой прямотой нарушил неловкое молчание Артак Рштуни:

– Государи нахарары! Я думаю, всем нам ясно, что ответ царю царей составить надо. Но ведь указ направлен духовенству! Почему же отвечать должны нахарары, а не духовенство?

– Указ направлен и духовенству и нахарарам. И ответить на него должны и нахарары и духовенство! – сказал Вардан.

– Государь Мамиконян, нахарары могут остаться в стороне от этого спора!

– Почему так? – гневно пробормотал Ваан Аматуни.

– Дело идет о религии, это не касается нахараров.

– Дело идет не только о религии, а о сохранении власти нахараров, о свободе. И без мнения нахараров никакой ответ не может быть послан! – твердо заявил Вардан.

Васак сделал знак, что хочет говорить.

– Я полагаю иначе. Спарапет в одном прав- в ответе надо выразить и мнение нахараров. Но весь вопрос в том, кто будет говорить с царем царей. Указ направлен «вельможам страны армян», то есть нам, нахарарам. Но указ-то ведь религиозный! Не будем спешить, обдумаем, кто должен отвечать: мы, нахарары, или же духовенство?

Вардан вспыхнул:

– Это уж решайте по своему разумению, государь марзпан и государи нахарары! Но я полагаю, что в ответе должно быть и ясное слово нахараров, ибо за решение духовенства, в случае возможного кровопролития, будут отвечать и нахарары!

Васак почувствовал, что Вардан повлиял на нахараров, и поспешил положить конец обсуждению:

– Обдумаем все это, обсудим на собрании нахараров… А до этого не будем ничего разглашать.

– Как знать, государь марзпан… Может, придется и разгласить, – возразил Вардан и поднялся.

Склонившись в почтительном поклоне, он вышел. За ним последовали остальные нахарары, кроме Гадишо, Гюта и Артака Рштуни.

Оставшиеся ждали, чтобы первым заговорил Васак. Создалось положение, при котором первый заговоривший делался как бы ответственным за последствия или же инициатором некоего заговора. Молчание длилось долго, так долго, что уже переставало скрывать намерения нахараров. Почувствовав это, Гадишо взглянул на Васака и вздохнул:

– Что ж, государь марзпан, мы зашли в тупик?

– Завтра от нас потребуют определенного ответа, – отозвался Васак. – Положение крайне тревожно. Здесь, между собой, спорить и ссориться нам нетрудно: погрызем – и помиримся. Но вступать в спор с царем царей опасно, смертельно опасно. Он не простит нам двусмысленного ответа. Ответ ему нужно дать определенный и окончательный.

– Мы и дадим ему ответ определенный и окончательный, – заявил Гадишо.

– В чем он будет заключаться? – спросил Васак. Насторожились и остальные.

– Нахарары в смятении, – продолжал Гадишо. – Но ведь все мы – люди; если уступка – признак слабости, то и упорство тоже слабость. Нахарары пойдут за Спарапетом.

– Ты уверен? – удрученно спросил Васак.

– Да уж уверен… Недаром жизнь прожили, кое-что повидали.

Васак задумался над тем, возможно ли посеять разлад среди нахараров, самому оставаясь в стороне. Уже намечалось явление, имеющее крайне важное значение: нахарары начинали разбиваться на группы. Трое фактически уже примкнули к Васаку. Этот переход следовало закрепить. Поэтому Васак начал пространно описывать тяжкие последствия, которые постигнут Армению в случае противодействия царю царей.

– Упаси меня господь руку наложить на вашу совесть, государи нахарары… Но знайте, мы стоим на краю гибели. Камня на камне не останется в стране! С землей сровняются города и села, погибнут все наши владения… Взвесьте все это!

– Что же ты советуешь? – задал вопрос Гют.

– Уговорите Спарапета! – сказал Васак. – Обратитесь к нахарарам, пусть они вместе с вами убедят Спарапета! Когда ему станет ясно, что вы все стоите за мир, он будет вынужден уступить!

– Ты подал хорошую мысль, государь! – сказал Гют.

– С этого и начните. Действуйте через нахараров! Пусть они упросят Спарапета. И спешите, пока не рассвело!

– Не будем откладывать, – вставая, сказал Гют. Незаметно усмехнувшись, встал и Гадишо. Их примеру последовал и Артак Рштуни.

– Действуйте просьбами, увещаниями, убеждением! – заключил Васак. – Все мы христиане и, вероятно, христианами останемся. Все дело в том, чтоб выказать готовность к выполнению воли Царя царей. А потом минет время – и все вернется на прежнее место. Не следует вызывать раздражения. Не так ли, государь лорхоруни?

– Так-то так, государь марзпан. Только опасаюсь я, что наши распалятся и все погубят.

– Нет, нет, государь Хорхоруни! Ты не отчаивайся, ступай. Приложи все усилия!..

– Сделаю все, что в силах моих, государь марзпан. Но ведь есть безумства, покончить с которыми можно, лишь совершив их. И разум нередко возвращается лишь после того, как

совершено безумство.

– Будем оттягивать. Пусть хорошо все обдумают! Пусть проявят благоразумие! Будем тянуть с ответом, ведь ответ нужен такой, который потушил бы гнев царя царей и дал бы нам выиграть время.. Пройдет время – с ним пройдет и многое…

– Ведь дома у себя мы останемся теми, кем были! – довольно откровенно заявил Гадишо. – Кто войдет к нам в дом? А если и войдет, кто нам влезет в душу? Продержаться, власть свою сохранить- вот главное!

Васаку очень понравились эти слов? Гадишо. Он увидел в Гадишо своего будущего приверженца.

Нахарары простились с Васаком очень поздно, уже за полночь.

– Будем оттягивать, чтоб одумались, – пробормотал Васак задумчиво. Но потом добавил с недоброй усмешкой: – Нет, не так! Будем тянуть, чтоб перегрызлись!

Васак встал с кресла, потянулся и стал ходить по залу; затем он остановился перед узким окном и взглянул в сад и на небо.

Природа, равнодушная и чужая, была поглощена своим делом. Ни в мерцании бесчисленных звезд, ни в напоенной весенним благоуханием ночной темноте не находил Васак ничего, что могло бы подсказать ему, как поступить, как предотвратить великое бедствие, которое он рассматривал под совершенно иным углом зрения и стремился отвести совершенно иными способами, чем остальные нахарары.

Одно становилось для него ясным: далее править страной «свободно» и «мирно», как марзпан, он уже не сможет. Он знал, что о нем злословят и на него клевещут и Деншапух и Эсеров с Ормиздом и Вехмихром. Они постараются так раздуть его неудачи и так настойчиво станут порочить его, что добьются у Азкерта его свержения с поста марзпана.

Васак всегда чувствовал, что большинство нахараров относится к нему враждебно, – одни из зависти, другие из-за его тяготения к персам, третьи по разным другим причинам… Теперь, когда станет известно, что он не сторонник сопротивления персам, все станут его открытыми врагами.

Едва светало; нахарар Мокский еще спал глубоким сном, когда неожиданно его разбудили.

Открыв глаза, Артак с минуту не мог сообразить, где находится. Темные своды и затененные углы смотрели на него приветливым, но незнакомым взглядом. Вспомнив, что он находится в Арташате, Артак повернулся в постели и глубоко вздохнул.

Благоухание весны напомнило ему весну на родине.

У него сладко защемило сердце, и, вновь закрыв глаза, он отдался мечтам.

В его воображении возник образ любимой, оставленной далеко-далеко за горами. Образ ее стал то всплывать, улыбаясь и тоской маня к себе, то бледнеть и удаляться, погружаясь в небытие.

Любовь владела сердцем молодого князя. Ему захотелось вскочить с постели, выйти в сад, глядеть на деревья, поля, горы – жить! Сладостными казались ему утро, земля, Арташат, отчизна, жизнь.

От наплыва чувств глаза юноши увлажнились, он прижался лицом к шелковой подушке, стыдясь самого себя. Как внезапно, как быстро эта едва знакомая девушка стала такой близкой, такой родной, что ему уже трудно жить без нее!

Как мало он пробыл с нею, какой краткой была их беседа. Они едва видели друг друга, едва зацвела их любовь- и грозные события уже разлучают их. Война!.. Тиран протянул свои когти к Анаит. Да к одной ли только Анаит? К этой весне, к этой благоухающей земле, к этому вот народу, который, проснувшись, мирно гонит своих быков в поля. Все, все, вся страна в опасности!

Эти мысли растревожили Артака, он сел в кровати. И достаточно было этого слабого движения, чтоб за дверью послышалось покашливание слуги: он давал знать, что ждет приказаний. Артак хлопнул в ладоши. Слуга внес умывальный таз, мыло, полотенце. Артак умылся и надел вычищенную одежду.

Он только было поднялся, чтоб выйти в сад, как снова поспешно вошел слуга.

– Нахарар Атом Гнуни жалует сюда…

Артак вышел было навстречу гостю, когда занавес раздвинулся и появился статный юноша со спокойно горделивой осанкой. Он на мгновение задержался у входа и, дружески улыбаясь, произнес:

– Привет и доброе утро!

– Привет! Добро пожаловать, князь! Благоволи войти.

– Рановато поднялся ты, – тоном мягкого упрека заметил Атом.

– Да и ты! – в тон ему отозвался Артак. Атом окинул взглядом комнату и предложил:

– Не хочешь ли, сойдем в сад?

– С радостью, князь! – отозвался Артак. Юноши вместе спустились в дворцовый сад. Распускались почки, молодые побеги наливались соками весны. Земля покрывалась мягким зеленым ковром.

– Почему ты печален сегодня? – спросил Атом.

– Печален? Нет, князь, я просто задумался, – ответил Артак с улыбкой, устремив взор свой вдаль.

– Как ты полагаешь, чем все это кончится? – продолжал – Войной! – ответил Артак.

– Так и я полагаю. Но вот «дядя» что-то запнулся… «Дядей» они называли Вардана Мамиконяна.

– Верно, – согласился Артак. – Но все равно войны нам не избежать…

– Да, не избежать!

На миг они оба умолкли. Атом рассеянно стал извлекать меч из ножон, но вложил его обратно, задумчиво глядя себе под ноги.

– «Дядя» большой войны опасается… – раздумчиво сказал Артак. – Большая война потребует единодушия всех нахараров! А такому единодушию не бывать…

– Не бывать! – подтвердил Атом. – Не стоит и думать об этом. Готовится война, и ее нужно встретить.

– И я так думаю! – оживился Артак.

– Знаешь что, давай будем готовиться сами! И полки свои выведем на учение сегодня же.

– Согласен!

– Перетянем на свою сторону сочувствующих нахараров и, когда пробьет час, выступим против персов во всеоружии!

Радость овладела Артаком, и мысли его снова устремились вдаль. Он ощутил особенно острую тоску по Анаит, которую встретил на пороге великого дня. «Как она будет гордиться, увидев меня во главе отряда, идущего в бой!..» – подумал он и даже как будто обрадовался войне.

Атом присел на каменную скамью и мечом стал чертить на земле линии.

– Взгляни-ка! – произнес он. – Мне кажется, первый удар будет направлен от подножия Масиса в сторону моста на Араксе.

– Почему ты так думаешь? – насторожился Артак. В нем тотчас же пробудился интерес к науке войны.

– Иного пути у них нет. («Они» были персы: так обычно выражались воины, побывавшие в сражениях.) Они будут рваться к сердцу страны и будут торопиться. Стало быть, выберут кратчайший путь…

– Они могут пройти и через Зареванд, чтоб опередить удар Спарапета против их левого крыла!

– Левое крыло? Как это?..

– Именно левое крыло, – если Спарапет нанесет удар в момент, когда они будут переходить через Артак. Если же они успеют выйти на Айраратскую равнину, то надо ударить им в тыл!

На прекрасное лицо Атома легла тень раздумья. Он помолчал с минуту и, как бы

размышляя вслух, сказал:

– Не спорю; возможно, что так! Вопрос только, где в этот час будет Спарапет?

Эта новая мысль воспламенила Артака.

– Спарапету нужно быть в долине Багреванда!

– А почему не в Айрарате? – не сдавался Атом.

– Багреванд делит страну надвое. Нельзя допускать, чтоб они туда прорвались. Это наша ахиллесова пята, дорогой Атом!

– Но тогда нельзя также допустить, чтоб они ворвались и к нам! Нужно нанести им удар у самых ворот! – вскочил Атом. – Да, Артак, ты прав, ты совершенно прав! Это у тебя дельная мысль…

Атома убедили доводы Артака. Его охватила тревога.

– Артак! Надо немедленно двинуть войска к границе, если мы хотим отвести удар врага! А мы сидим здесь и занимаемся разговорами… Ах, очень уж медлит Спарапет!

– Хотел бы я знать, почему он медлит? Ведь это не в его обычае.

Атом умолк. Несколько минут он молча шагал по аллее взад и вперед, затем остановился и, заложив руки за пояс, сжимавший его тонкий стан, поглядел вдаль.

– Нет, нет, Артак, медлить нельзя! Давай двинем наши отряды, будем перетягивать нахараров на нашу сторону! Тогда и «дядя» тронется с места. А то смотри, Артак, будет поздно, непоправимо поздно!

Атом волновался. Он тяжело дышал и с тревогой заглянул в глаза Артаку.

Артак поднялся.

– Ты прав! – сказал он.

– Этого мало – сказать, что я прав! – возбужденно подхватил Атом. – Нас ждет огромная работа, а мы сидим здесь и гадаем о намерениях марзпана. А марзпан не менее медлителен, чем «дядя»…

– Если только тут нет чего-то похуже!… – едва слышно добавил Артак, многозначительно взглянув на Атома.

– И верно! Кто его знает, этого марзпана. Он старый сановник.

По аллее быстрым шагом приближался седой смотритель дворца. С несвойственной его возрасту поспешностью он почти подбежал к ним и, запыхавшись, сообщил:

– Владетель Мамиконян просит вас спешно пожаловать во дворец. Нахарары в сборе.

– Собираются в храм? – осведомился Артак.

– Не знаю этого, государь, – ответил смотритель. Артак и Атом спешно направились во дворец.

Было уже за полночь, когда нахарары Аршавир Аршаруни, Магхаз Брив, Шмавон Андзеваци, Араван Вананди и Варазшапух Палуни, заметив свет в комнате Нершапуха Арцруни, вошли к нему.

– С добром? – лукаво улыбаясь, спросил Нершапух.

– Добро от нас, а вот от кого зло – не ведаю!.. – со смехом ответил нахарар Аршаруни.

Нершапух потер глаза и отложил в сторону фолиант, который читал. Видимо, он томился скукой и занялся чтением, чтоб скоротать ночь.

Он понимал, что нахарары пришли неспроста, и выжидал, пока они заговорят сами.

Слово взял Аршавир Аршаруни:

– Государь Арцруни, мы поговорили меж собой и вот находимся во власти сомнения. Кто будет руководить нами в это грозном испытании? Наши старейшие танутэры – нахарар сюнийский и ты. Возьмите же на себя руководство либо ты, либо он!

Нершапух не ожидал такого решительного обращения: нахмурился.

– Нахарары в сомнении и относительно того, кто должен взять на себя бремя сие – мы иль духовенство?

– И мы и духовенство! – ответил, стряхивая с себя заду! чивость, Нершапух. – Требование отречения от веры предъявлено всему народу!

– Тем паче нам вождь необходим…

– И мы напрасно выжидаем: марзпан ничего не предпримет, Азкерт не уступит, духовенство не сдастся! – закончил Аршавир Аршаруни.

– Может, найдется и иной выход… – произнес с непонятной улыбкой Араван Вананди, оглядываясь на Магхаза Врива и Ва разшапуха Палуни.

– Иного выхода, быть может, ищет и марзпан, а я иного выхода не вижу!.. – промолвил Нершапух.

– Хорошо! – заключил Аршавир Аршаруни. – Стало быть, все же нужно, чтоб один из нахарарских родов руководил нами!

– Я не могу. Не по силам мне сие! Передайте бразды правления Спарапету. Он воин и муж многоопытный.

Князья молчали. Нершапух положил руку на сердце:

– Один у нас человек, кому это дело по силам: Спарапет! Государи, невеликим разумом своим я решаю так: вручите бразды правления Спарапету!..

– А марзпан? – задал коварный вопрос Варазшапух.

– О чем ты? – резко спросил Нершапух.

– А марзпан не сможет руководить?

– Спросите его самого, я этого не знаю!.. – уклонился от прямого ответа Нершапух.

– Не доверяешь ему? – не отступал Варазшапух.

– Не знаю его! – вышел из себя Нершапух. – А кого не знаю, на того не хочу полагаться! Хотя и сомневаться в нем не хочу.

– А Спарапета знаешь? – продолжал упорствовать Варазшапух.

Нахарары возмутились.

– Государь Палуни!.. – с укоризной обратился к нему Аршавир Аршаруни.

– Я задаю вопрос – отвечайте! – вспылил Варазшапух. – Чем заслужил ваше доверие Спарапет? Случалась еще когда-нибудь подобная беда, и когда боролся он с подобным врагом?

– Ты сказал умное слово, государь Палуни! – заметил Нершапух сдержанным и спокойным тоном, что никак не вязалось с его горячим нравом. – Человек испытывается на деле. А в подобном деле не были доселе испытаны ни Спарапет, ни марзпан… Но обычно человек прислушивается к голосу своего сердца. Спрашиваешь – почему? Не знаю! Но я избираю Спарапета, и совесть моя спокойна. Выбирайте и вы, кого сочтете достойным.

– Нет, нет, конечно Спарапета… – раздумчиво проговорил Аршавир Аршаруни. – И тем более, что сам не соглашаешься руководить…

– Я воин рядовой, государи! Мое дело – сражаться. Переговоры и обсуждения не по моей части.

Наступило молчание. Все почувствовали известное облегчение. Лишь Варазшапух как будто еще более помрачнел. Но, исподлобья оглядев князей, он понял, что далее настаивать, пожалуй, опасно. Хотя он не сочувствовал Вардану, но и Васак не был его кандидатом.

– И не ошибетесь!.. – решительно заключил Нершапух, как бы подытоживая вслух свои мысли.

– Вот и стало легче, государи! – сказал Аршавир Аршаруни. – Что греха таить – от сомнений на меня малодушие нашло… Никакое испытание не страшно, когда борешься. Особенно если есть у тебя и вождь… Благословен будь, князь, обрадовал ты меня!

Он ожил, воспрял духом. Почувствовав опору, он уже увереннее смотрел на надвигающиеся события, беспримерность которых временно смутила князей.

– Пойдем же, государи… – обратился он к нахарарам. Нершапух, который безостановочно ходил взад и вперед по комнате, остановился и, отчеканивая каждое слово, произнес:

– Итак, государи, от грешной души моей предлагаю вам сие решение. Если ошибаюсь, да будет мне господь судьей… Если я прав, да будет милость его! Передайте бразды правления спарапету, – и помоги нам бог!

– Помоги нам бог! – с воодушевлением повторили все присутствующие.

Нахарары вышли из покоев Нершапуха.

Вдоль крепостной стены был разбит сад. Из-за его высокой глиняной ограды были видны деревья. Низенькая деревянная калитка, всегда наглухо запертая, скрывала сад от любопытных глаз. Лишь голубой дымок, поднимавшийся над ним, говорил о том, что в саду есть люди.

Вот за калиткой жемчугом рассыпался девичий смех. Выглянули лукавые глаза и исчезли, и снова раздался взрыв смеха.

– Где же, где?.. – спросил женский голос.

– Ты не видишь? Вон там, у дома Лусерэса!

– Ой, Дешхо! И Арцви с ним!

– А батюшка-то навеселе!

По узенькой уличке, где всегда хозяйничали куры и воробьи, наваливаясь на плечо Арцви и качаясь, шел по направлению к саду немолодой, но красивый чернобородый мужчина. Судя по одежде, это был человек незнатного происхождения. Он то и дело валился набок, но Арцви поддерживал его могучей рукой.

Вдруг пьяный остановился и повернулся лицом к Арцви.

– Знай, Арцви, сегодня великий день! – и он потряс в воздухе указательным пальцем.

– Да, великий! – согласился Арцви, поворачивая захмелезшего лицом к саду.

– Нет, говорю тебе – великий день! – упорствовал пьяный вновь останавливаясь.

– Идем же, отец! – улыбаясь, звал его Арцви.

Но пьяный упирался, – он не желал трогаться с места.

– Дни царя Аршака вернулись! – вопил он. – Говорю – великий день настал! Не умер народ!.. Народ жив… Великий день!

Арцви подтолкнул его, и пьяный, который до сих пор упирался, теперь и сам заспешил, увлекая Арцви за собой.

Едва они подошли к калитке, как она распахнулась и показались две прелестные молоденькие девушки, по-видимому, сестры. Одна из них лукаво оглядела Арцви, затем, выйдя навстречу, положила руку на плечо его спутнику.

– Батюшка, никак ты чем-то опечален? – заглядывая ему в глаза, спросила она.

– Сегодня великий день! – крикнул тот и, покачиваясь, кинулся к калитке, навалился раньше на одну, потом на другую ее половинку, оторвал от глинобитной ограды кусок затверделой земли и ввалился в сад.

Из небольшого домика, стоявшего в глубине сада, показалась невысокого роста, полная женщина с золотистыми волосами. Она поглядела на вошедших, рассмеялась, затем весело направилась к ним.

– Ага, дела-то у тебя, видно, хороши! – вплотную подойдя к пьяному и заглядывая ему в глаза, снова засмеялась она.

– А если у меня на душе хорошо? – ответил тот. – Вот привел в гости Арцви, – открывай большой карас!

– Десять карасов открою, лишь бы тебе было весело! – отозвалась жена.

Пьяного под руки проводили к домику.

– Привел скакунов в царские конюшни и не дает моим служителям подойти к ним!.. Сам чистит, сам за ними убирает! Ах, ах, ах!.. – погрозил он Арцви пальцем. – Э, парень, тридцать лет я состою конюшим! Скакунов я не видел, что ли? Кто же смотрел за скакуном Спарапета, когда тебя на свете не было?

Арцви смотрел на старого конюшего, ничего ему не отвечая: пьяный забавлял его.

– Садись же, брат Вараж, отдохни!.. – обратился он к старику.

– Сесть? Я сажусь только на коня! Никуда больше не сяду!..

– И пищу на коне принимаешь? – весело справилась жена конюшего.

– И хоронить меня на коне повезут!..

Девушки расхохотались, весело переглядываясь с Арцви, приход которого их обрадовал.

– Где же теперь собрать тебе поесть? В комнате или на коне? – шутливо осведомилась жена.

– Приведите сюда всех коней! На конях ужинать будем!.. – распорядился Вараж, усаживаясь на край врытой в землю ступы для толчения зерна.

Жена Ваража и обе его дочери, как видно, привыкли к подобным сценам. Они проворно разложили под еще не покрывшимся листвой тутовым деревом тюфяки, принесли подушки. Вараж и Арцви уселись.

– Магтах! – крикнул Вараж, хлопая кулаком по подушке.

– Говори, муженек! – отозвалась жена, подмигивая Арцви.

– Что тебе больше по душе – вино или скакун?

– И то и другое!

– Ага, вот теперь вижу, что ты моя жена!.. Ну, доставай вино А скакуны готовы?

Вараж глянул на Арцви и ткнул его кулаком в грудь.

– Скакуна мне не хочет доверить, сам за ним смотрит!., эге! Ты это кому коня не доверяешь? А? Да я и родился-то на коне! – Затем он повернулся к младшей дочери:-Зови гусанов, Дешхо! Да и этих язычников во Христе!

Девушка обрадовалась:

– Сейчас позову, сейчас!

Она заторопилась подавать на стол. Все горело у нее под руками. Ее глаза излучали сияние, свойственное юности. Густые упругие локоны разлетались вокруг ее головы, рассыпались по высоким плечам и гибкой спине. Каждый миг она казалась новым и неповторимым воплощением жизнерадостной и ликующей красоты.

– Луис, неси сюда старые чаши!.. – приказал Вараж, обращаясь к старшей дочери, которую полнота и золотистые волосы делали похожей на мать.

Смеясь, перебегая дорогу сестре и толкая ее, она помогала накрывать на стол, двигаясь легче и быстрее, чем можно бы по ожидать при ее полноте Немного дальше, между деревьями, Магтах разводила костер, Затрещал сухой лозняк, и в воздухе заплясал веселый огонь.

Словно из-под земли появился перед костром тучный муж чина с такими выпученными глазами, точно кто-то душил его, Пыхтя, он подсел к костру и принялся помогать Магтах раздувать огонь. Затем он засучил рукава и стал нанизывать на дереч вянные шампуры выдержанное мясо.

– Сто лет тебе жить, Мартирос, сто лет! – окликнул его Вараж. – Что же ты запоздал?

– Только сейчас заметил дым!.. – необыкновенно густым басом отозвался Мартирос.

Сосредоточенно, с урчанием, похожим на выдохи испорченных мехов, разминал он нанизанное на вертела мясо, ожидая, пока на углях спадет пламя.

– Еще часок – и мясо бы размякло! – еле внятно буркнул Мартирос с видом знатока. – Не дай господь гусанам опоздать!

– А что, какая в этом беда? – осведомилась Магтах.

– Как только зашипит верхний слой, – тотчас нужно запить его пятилетним вином. Опоздал ты на самую малость-и пропал вкус! Нет его! Ну, неси кабана, того, что взяли на Араксе…

И он стал бормотать себе под нос разные правила поварской премудрости.

Магтах достала из плетеной корзины мясо убитого на охоте кабана и передала Мартиросу. Тот взял, понюхал и с кислым видом отложил в сторону.

– Из Мецамора это, а не с Аракса!.. Давай!

– Чего тебе дать?

– Дай кабана с Аракса, дай говорю! – вскипел Мартнрос – Из той корзины!

Магтах придвинула вторую корзину. Мартирос с ворчанием начал разглядывать мясо:

– Вот это с Аракса, хотя Хорвирапский… Для него нужны железные шампуры…

С большим удовлетворением нанизал он пухлыми пальцами кабанье мясо на шампуры и прислонил их к дереву.

– Пусть обдаст немного дымком…

Магтах помогала Мартиросу, как мастеру, способному творить чудеса. Мартирос был их соседом и всегда в подобных случаях сам заявлялся к ним и распоряжался стряпней.

– Где ты пропадал целый день? – спросила она улыбаясь.

– Дома. Спал… – хрипло отозвался Мартирос.

– Зачем? А ночь для чего – И ночью спал.

– Слышал новости?

– Нет. А что?

Магтах стала рассказывать, нр Мартирос слушал ее вролелу ха. Все его внимание было поглощено шампурами; он все ждал с едва сдерживаемым нетерпением, чтобы пламя на углях опало – момент, приближение которого сильно его заботило.

– Понимаешь – отвратить хотят нас от веры!.. – заключила Магтах.

– Отвратить от веры? Это нехорошо!.. – равнодушно пробор мотал Мартирос. – А ну-ка, неси!

– Как же можно отречься от христианской веры?

– А что, нельзя? – рассеянно спросил Мартирос и отер рукавом раскрасневшееся, лоснившееся от жира лицо и толстую шею – Ах, что ты, это грех! Как можно?! – испуганно откликнулась Магтах. – Священник говорил…

Она нагнулась было над корзиной, но в этот момент Мартирос, с ужасом уставив заплывшие жиром глаза на огонь, закричал:

– Неси скорей!

Магтах по ошибке подсунула ему мясо из Мецамора.

– Да, так вот, священник говорил, что…

– Неси же! – прикрикнул Мартирос.

– Да что подать тебе?

– Кабана с Аракса подай, безмозглая женщина! Да ну тебя с твоими священниками вместе! – распалился толстяк, задыхаясь от прилива крови, вызванного гневом.

– Ой, не слышали бы мои уши!

Магтах поспешила подать ему мясо кабана с Аракса. Сопя, со страшно сосредоточенным видом установил Мартирос шампуры над кучкой раскаленных углей. Пот с его побагровевшего лица, со складчатой, заплывшей жиром шеи начал капельками скатываться в огонь. Но Мартирос ничего не замечал.

Вараж и Арцви, сидя на ковре, ждали шашлыка. Из-за ограды послышались голоса. Это соседские юноши, знакомые с привычками Ваража, ждали часа, когда он, по обыкновению, позовет их всех к себе.

– Куда делись гусаны? – спросил Вараж у Дешхо.

– Здесь, сидят в погребе… – отвечала Дешхо е лукавым взглядом.

– Горло промачивают? Дешхо фыркнула.

– Пусть! – засмеялся Вараж. – Вино будет петь, а не они.

В эту минуту из погреба вышли гусаны, неся с собой музы кальные инструменты. Их было трое. Старший, варпет, был не высок ростом, но крепок, как дуб. Его багровое лицо сплошь за росло густой черной бородой, доходившей до самого пояса. Короткая сильная шея была вся в складках. На нем был простой шерстяной подрясник, перетянутый веревкой. Волосатая грудь была открыта и выгнута, как у драчливого петуха. Второй гусан – худощавый, высокий юноша с красивым лицом, был одет так же, как и варпет. Третий же, до черноты смуглый, был похож на негра.

– Добро пожаловать! Вот в добрый час пришли! – радостно приветствовал гусанов Вараж. – Хорошо подоспел, варпет Горнак-Симавон!

– Такова жизнь!.. Каждый час – к добру! – отозвался варпет, присаживаясь и делая знак товарищам.

Присели и те, отирая рот рукавом. Вино слегка затуманило им головы.

Постепенно стекались соседи Ваража, как видно, – желанные гости на его пирушках.

– Да светит тебе солнце! – приветствовали они.

– Да будет к тебе солнце милостиво! – отзывался Вараж. Юноши, сидевшие на глинобитной ограде, нетерпеливо зашумели.

Вараж оглянулся на них:

– Эй, непутевые, пора! А ну…

Парни мигом сорвались, подбежали и уселись кругом. Магтах, со смехом толкая некоторых из них, разостлала добавочную скатерть.

Гости принялись за еду. Вараж распорядился наполнить чаши:

– Возьмите чаши! За долголетие Спарапета!

– Долгой жизни ему! – гулом отдались голоса пожилых, поддержанные громкими возгласами юношей. Все осушили чаши.

– Мартирос, торопись! Время уходит! – крикнул Вараж. Но Мартирос еще не завершил цепи своих обрядов. Он рассерженно и хрипло пробормотал что-то в ответ.

Магтах, Дешхо и Луис подбежали к нему и стали торопить:

– Давай же, Мартирос!

Гневно взглянув на девушек, Мартирос стал что-то бормотать, тревожно отмахиваясь от них. Он был безмерно возмущен тем, что осмеливаются посягнуть на установленные им порядки. Он вновь косо оглядел фыркавших девушек, поднял шампуры, ощупал мясо толстыми пальцами и приказал девушкам нести к столу.

– Беда ведь может свалиться и внезапно! – буркнул он рассерженно и снова начал нанизывать мясо на шампуры.

Гусаны достали инструменты из шелковых чехлов.

Варпет Горнак-Симавон прошелся пальцами по своему бамбирну, подтянул струны и, сделав знак товарищам, начал играть. Те стали вторить ему на своих инструментах. Глуховатые низкие звуки слетали с этих инструментов – грозный рокот и воинские ритмы, зовущие в бой. Это были мужественные и ликующие древние сказы.

Настроение Ваража еще более поднялось.

– А ну, дайте, дайте им по голове! – выкрикивал он. – В бой!..

Вараж воспламенился, вскочил с места:

– А ну, пляску!

Гусаны заиграли мелодию боевой пляски. Загоревшиеся юноши повскакали с мест и, став плечом к плечу, начали один из тех боевых танцев, которые завершаются игрой мечами. Они группами наступали друг на друга и, ударив кулаками, мгновенно поворачивались, сшибаясь со следующей группой.

В танец вступили и дочери Ваража, подававшие юношам связки мечей. Из соседних домов пришли другие девушки и тоже вступили в пляску. Такое поднялось, что земля дрожала под ногами.

Стемнело. Ужин продолжался при свете факелов, которые Дешхо и Луис прикрепили к стенам и деревьям. Зрелище было волшебное.

Дешхо и Луис в хороводе подруг ветром летали между рядами юношей, привлекая их пламенные взоры.

Но даже в урагане пляски девушкам удалось перехватить быстрые взгляды, которые Дешхо метала в Арцви, меж тем как тот с беспечной улыбкой наблюдал за соперничавшими в игре девушками и юношами. Дешхо, которую, как видно, давно пленил Арцви, прямо пронизывала глазами простодушного телохранителя Спарапета.

Луис, знавшая тайну сестры, улучив минуту, скользнула к Арцви и спросила шепотом:

– Принес хаварцил? Арцви утвердительно кивнул головой.

Луис немедленно опять вступила в танец, подлетела к Дешхо и шепнула ей на ухо:

– Принес!

Дешхо тотчас же выскользнула из хоровода, побежала к давильне. Она почувствовала какой-то необъяснимый страх после сообщения сестры. Прижав руку к бьющемуся сердцу, она склонилась к камню, и вдруг слезы, сладостные слезы брызнули из ее сияющих глаз…

Луис, заметившая исчезновение сестры, немного погодя подошла к ней с зажженной лучиной. Увидев Дешхо в слезах, она ласково привлекла ее к себе и, пригнувшись к уху, шепнула:

– Потерпи еще немного: как только он опьянеет, я тебе выкраду его любовь! На груди у него спрятан приворотный корень…

Дешхо разрыдалась еще пуще. Сестра присела рядом с ней, обняла ее кудрявую голову и прижала к груди.

– Не любит он! Нет любви у него!.. – рыдала Дешхо.

– Полюбит, полюбит!.. – успокаивала Луис. – Говорила же старуха Мариам.

Дешхо с грустью и надеждой взглянула на сестру.

– Я тебе правду говорю. Вот выкраду у него хаварцил, – положишь его под подушку, и любовь зажжется в его сердце!

Пока в давильне сестры сговаривались выкрасть у Арцви любовь, пляска вокруг стола уже утихла, и сотрапезники, снова рассевшись вокруг скатерти, слушали песни гусанов.

Хотя собутыльники и были достаточно разгорячены вином, но прохлада весенней ночи уже давала себя чувствовать.

– Приберите в погребе! – распорядился Вараж. – Ведь там лежит то, что сердцу дорого!

Дешхо и Луис, которые тоже подошли и с удовольствием слушали гусанов, взяли лучины и побежали в погреб. Там стояли врытые в землю огромные карасы, полные вина. Юноши последовали за девушками. Подхватив Ваража, Арцви хотел помочь ему спуститься в погреб. Но Вараж заупрямился. Подтащив Арцви к дереву, покачиваясь и тыча пальцем в ярко горевшую лучину, он стал креститься и что-то шептать.

– Что это он делает? – со смехом спросила Магтах.

– Это бог. Тоже бог… Хороший бог!.. – лопотал Вараж, опускаясь на колени перед огнем.

– Поклоняешься огню? – спросила Магтах немного смущенно, но все же продолжая смеяться.

– Да, да, ты только взгляни, как он хорош! Любой девушки стоит…

– Разум-то есть у него в голове? – обратилась Магтах к Арцви и Мартиросу, и, вырвав лучину, затоптала огонь ногой.

– Э-э-э-э!!! – рассерженно оттолкнул ее Мартирос. – Огонь- это жизнь, почему ты его убила? – И он грозно уставился выпученными глазами на Магтах.

Магтах гневно накинулась на мужа:

– А если б священник увидел?

– Выдрать бы утром бороду твоему священнику, а вечером – жрецу! – огрызнулся Вараж и, не удержавшись на ногах, рухнул прямо на костер.

– Сгорит!.. Что он делает! – кричала, вытаскивая его из огня, Магтах. – Да встань же ты! Идем! Наказанье с тобой!.. – И, поддерживая, повела его к погребу.

– Хо-хо-хо-хо! – трясясь от смеха, точно наполненный доверху бурдюк, загрохотал Мартирос.

Дешхо весело следила за этой сценой. Она подлила вина Мартиросу.

– Братец Мартирос, какая вера лучше – языческая или христианская? – лукаво глядя на Мартироса, спросила она.

– Не вмещаются у меня в голове эти ваши понятия: «язычник», «христианин»… – ответил Мартирос, принимаясь снова раздувать костер.

Огонь вспыхнул, и пламя прыгнуло Мартиросу в бороду.

– Ну, ну, не тронь! – жирной лапищей спокойно отогнал его Мартирос.

Огонь разгорался. Это обрадовало Мартироса. Поматывая головой, он загудел:

– «Куст розовый, краса ясная!..» Дешхо, принесла бы воды! – прервал он сам себя и снова завел:- «Краса ясная, куст розовый!..»

Дешхо прибежала с водой, налила в чашу. Мартирос не спеша принял чашу и весело оглянулся кругом:

– Ну как не сказать?.. На шашлык нужно приходить в сад рано поутру, до первого луча солнышка, чтоб сердце у человека расцвело! Вдруг услышишь – пичужка с пичужкой перекликается. Интересно знать, о чем?.. А там тысячью листьев зашелестела чинара. Тоже интересно знать, о чем?…

Он поднес чашу к пересохшим губам, но не стал пить. Он точно замер, сверкнув глазами и улыбаясь.

– Что случилось, братец Мартирос? – удивилась Дешхо.

– Да ты послушай, как разговаривает братец ручей! Слышишь? Вода! Источник жизни!

Арцви забавляла своеобразная филисофия Мартироса. С обычной улыбкой в глазах следил он за толстяком, который с таким увлечением выполнял свои поварские обязанности.

Мартиросу, который теперь вкушал блаженство отдыха, не терпелось поделиться своими заветными мыслями.

– Ведь вот тот же шашлык, а вкус другой! Все свою пору знает и свою меру!. Скажем, фазан. Тот любит медленный огонь, да и то, чтобы утром!.. Вон глянь-ка на звездочку: то она выглянет, то спрячется за горой. Это самое подходящее время. Нанижешь, скажем, куски мяса на шампур, подержишь над огнем и видишь: мясо начинает шевелиться, куски друг друга толкают. Значит, время приспело! Эх! – И Мартирос передернул плечами, как бы собираясь пуститься в пляс. – Только ухо востро надо Держать, прислушиваться к шашлыку, когда он разговаривать начнет. Склони ухо, – кусок куску говорит: «Тише ты, тише, тише!» Мол, жарься в меру, не пережаривайся! Так они и поджариваются мерно да верно. А если – упаси бог! – пережаришь, как зашипят они на тебя: «Ш-ши… Тащ-щи!..» Тут уже нужно доставать и поскорее на стол!

Арцви тоже захмелел; он прикрыл глаза, и его охватила сладкая дремота – то ли от жара, который шел от костра, то ли от вина. Ему чудилось, что он в море, плывет по волнам. Море спокойно, волны шепчут: «Тише… осторожней…» – «Нет, спит…» – «Ой, не спит…» – «Нашла!..» – «Ну, бежим…» В грудь ему пахнуло холодком. Он проснулся. Петли его куртки были расстегнуты. Он запахнулся, взглянул на Мартироса: тот похрапывал, сидя на корточках.

Арцви осмотрелся. Ему почудилось, что только что отбежала от него Луис. Но в саду было безлюдно. Из узенького оконца погреба выбивался тусклый луч света. Изнутри доносился негромкий говор и музыка. Арцви хотел было встать и тоже пойти в погреб, сам не зная, наяву все это происходит или снится ему, как вдруг он заметил прямо против себя Дсшхо: прислонившись к дереву, она внимательно глядела на него. Арцви не двигался, не заговаривал. Молчала и Дешхо. Ее глаза сияли счастьем, смешанным со страхом. Она держала руку на груди, и было видно, что она что-то крепко в руке сжимает. И чем крепче она сжимала руку, тем сильнее овладевало ею то чувство, которое, подхватив человека, уносит его точно на крыльях сладкой мечты…

Но Арцви продолжал глядеть на нее с обычным простодушием и улыбался. Счастливое неведение юноши терзало Дешхо, но делало Арцви еще более желанным. Вот он поднял руку, пошарил у себя на груди, как бы что-то ища, но не нашел. Арцви стал осматриваться кругом.

Дешхо следила за ним с затаенной усмешкой.

– Что ты ищешь? – спросила она мягко.

– Луис просила принести ей из дому… И вот нет его… – как бы сам себе пояснил Арцви.

– Ну, теперь ты отдашь сердце тому, кто держит в руке твой хаварцил! – кинула со смехом Дешхо и убежала.

Арцви, ничего не поняв, поглядел ей вслед и направился к погребу.

Затуманенными глазами смотрели пирующие на гусанов, основательно выпивали, слушая их песни и игру.

Сиял чертог Ваагна

В честь прихода златокудрой Астхик…

Светало. Гусаны заиграли нежную мелодию, посвященную утренней заре. Неугомонный Вараж снова заговорил о своих скакунах: это было признаком того, что скоро он, никого не спрашивая, выведет из конюшен всех скакунов и, посадив юношей, устроит скачки.

– Светает уже, дядюшка Вараж… – начал один из юношей, Тигран, которому подмигнули остальные.

– Что, скакунов? Нет скакунов для вас, дьяволята шальные! Какие из вас наездники?

– Дядюшка Вараж, пора уже! – стал упрашивать Тигран.

– Рассвело ведь уже, дядюшка Вараж! – вскочив с мест, заговорили сразу все юноши.

– Ну, выводите коней, черт с вами! – воскликнул Вараж, тоже вскакивая и обращаясь к соседям и гусанам:

– Вставайте все!

Старого конюшего охватила привычная страсть. Дрожа от нетерпения, он засучил рукава и вышел на улицу. Гости встали и, подтягивая пояса, последовали за ним. Арцви удалось ускользнуть. А юноши, перепрыгнув через ограду, вперегонки кинулись к царской конюшне и ворвались к сторожу.

– Выпускай коней! Вараж приказал!

Сторож, привыкший к выходкам Ваража, улыбнулся, зевнул, как человек, только что проснувшийся, и, подойдя к воротам конюшни, постучал в них. Вышел мрачного вида старик.

– Ну, в чем дело? – огрызнулся он скрипучим голосом.

– Брат Вараж требует коней, дедушка Маркос! – объяснил Тигран, лукаво поглядывая на старика.

– Дать вам коней, чтоб вы их в болотах вываляли? – возмутился тот.

– Брат Вараж распорядился! – настаивали юноши.

– Нет для вас коней! – упорствовал Маркос. Юноши растерянно переглянулись: что делать – идти обратно или остаться и настаивать?

– Подождем, пока сам придет… – предложил Тигран, усаживаясь на камень. Уселись и остальные.

– Зря ждете! – заявил Маркос. – Не будет вам коней. С деланным смирением Тигран молчал, подмигнув товарищам, чтоб и те следовали его примеру.

– И где это слыхано, чтоб полоумным доверяли скакунов, – нате, скачите на них! – ворчал Маркос. – Я их скреб, чистил, они У меня блестят, и все для того, чтоб вы их вываляли в грязи?

Юноши молча переглядывались, еле удерживаясь от смеха.

– Да вы на «Бурю» поглядите – ведь огонь, а не лошадь. Потерпит она разве человека у себя на спине? Стрелой выскочит и сбросит, только выкупаешься в грязи.

– Такая уж она бешеная?!.. – с деланным испугом переспросил Тигран.

– Молния! – выразительно подчеркнул Маркос.

– Молнию приходилось видеть: страшная штука…

– Вот именно, что молния!

– Я смог бы удержаться в седле? – с деланной скромностью спросил Тигран.

Маркос остро глянул на юношу.

– Это не ты ли тогда перескочил через топь Мец-Морут?

– Он, он! – хором подтвердили юноши. – Тигран у нас славный наездник, дедушка Маркос.

– Ага… Ну, тебе доверю! Ты, видно, сынок самого сатаны! – сказал Маркос. – А нам и мухи не доверю, не то что коня!

Юноши не отозвались. Вновь воцарилось молчание. Но Маркос, видимо, молчания не переносил. Он продолжал ворчать:

– Скакуны – они ведь гордые, тоже честь свою берегут! Неумелый всадник только коня позорит. Вот был здесь знаменитый персидский наездник. Приходит ко мне и просит дать

ему скакуна. Спрашиваю: «Брат Вараж, дать?» А Вараж глазом показывает: дай, мол, «Бурю»! Вскочил перс на коня – и только мы его и видали: сорвался конь, помчал его… да об камни… По кускам его потом собирали. Подох! И чтоб после этого я коней давал?!

Юноши едва не фыркнули. Тигран удержал их строгим взглядом.

– Ну, чего вы расселись? – вдруг распалился Маркос. – Небось теперь Вараж сам себя грызет!.. Выводите коней!..

– Позволяешь? – вскакивая, спросил Тигран.

– Ну да! Да!.. Чего вы расселись? Живей!

Юноши сорвались с мест, кинулись в конюшню. Каждый уже заранее облюбовал себе скакуна. Поднялась веселая кутерьма. Коней, почуявших, что их выводят на волю, трудно было удержать.

– Эй, щенята! – в новом приступе ярости завопил Маркос. – Не сбейте им ноги об камни. Не погубите коней! Будь вы прокляты! Кто вас привел сюда? – И вдруг напустился на одного из юношей: – Да вы поглядите, что он делает, несчастный! Узду на коня надевает! Брось! Он по утрам узды не терпит.

Но юноши не обращали внимания на упрямого старика, зная, что человек он все-таки не злой.

– Бедные мои кони! Бедные кони!.. – прослезился Маркос жалостью оглядывая скакунов. Вдруг он подскочил к одном из юношей и плетью огрел его по спине:- Колено подбери, колено! Не срами скакуна!

Юноша подчинился. Наконец, все сели на коней.

– Ну, скачите! Надеюсь на вас… Смотрите, не осрамите меня, не свалитесь! А если хоть одну ссадину на коне увижу, убью, клянусь солнцем моим!..

Внезапно он захохотал:

– А ну, юнцы-храбрецы, летите молнией!

Скакуны рвались и выходили из себя. Наездников так и подбрасывало. По узеньким уличкам они понеслись к городским воротам.

Сторож закрыл дверь конюшни. Маркосеще стоял, глядя вслед удалявшимся всадникам. Он пробормотал что-то, глотал слюну, стремглав кинулся в другое крыло конюшни и вывел от-туда могучею скакуна. Вскочив ему на спину, он пустился вслед за юношами, сам вслух стыдя себя:

– Забыл ты, старый черт, как сражался вместе с Чичракеци? Молнией небось тогда летал… Ну, держись теперь, догоняю!.. – крикнул он и, пустив коня во весь опор, врезался в ряды молодых.

Однако Лусерэс отказался открыть городские ворота.

– Что это, чего вы там застряли? Гоните! – выходил из себя Маркос. – Что там случилось, Лусерэс?

– Рано еше, не время открывать ворота.

– Да чего там? Открывай! Вараж приказал.

– Не то что Варажу – и деду его не открыл бы!

– Мне-то откроешь!

– А твоему и прапрадеду не открыл бы! Маркосразъярился.

– Открой, не то выбью! – И он пустил своего скакуна прямо на ворота. Конь взвился на дыбы, стал копытами бить в створку, едва не подмяв под себя Лусерэса. Тот рассвирепел, выхсач тил меч и бросился на Маркоса.

– Как? На скакуна?! – вышел из себя Маркос. – На скакуна меч поднимаег. "Топчите его конями! -крикнул он юношам и сам погнал коня на Лусерэса. Из сторожки высыпали сторожа, вооруженные копьями.

В этот момент на углу показались Артак и Атом, вышедшие на раннюю прогулку, видимо, не без какой-то определенной цели.

– Нахарары!.. Нахарары!.. – предупредили юноши.

– Пусть и нахарары! – рычал Лусерэс. – Чтоб он на меня скакуна гнал?

Артак ускорил шаги.

– Перестать! Разойдитесь! – приказал он.

Спорящие не слушали, с налитыми кровью глазами наступая друг на друга. Тогда Атом Гнуни стремительно бросился между ними и так оттолкнул Лусерэса, что тот растянулся на земле.

– Разойдитесь! – произнес он спокойно и просто. Споривши опомнились и отошли друг от друга.

– Да что тут случилось? – спросил Артак. Выступил вперед Маркос:

– Хотели коней вывести в поле – не разрешает…

– Зачем выводили?

– Погонять в поле по утренней прохладе… Приказ Ваража! – пояснил Маркос.

– Правильно делаете! – одобрил Артак и распорядился открыть ворота.

Лусерэс, придерживая рукой окровавленный подбородок, кивнул страже.

Ворота распахнулись, и скакуны вылетели так стремительно, что в мгновение ока наездники пропали из виду. Артак и Атом вышли следом за ними и направились к мосту, перекинутому через Аракс.

Аракс бушевал. Благоуханием молодой зелени веяло от Айраратской равнины. Артак вдохнул свежесть весеннего ветерка, с лаской обвевавшего ему лицо, и взглянул вдаль. В нежной небесной лазури плыло небольшое, пронизанное светом облачко, направляясь к далеким, еле различаемым горам и еще дальше. Зачем стремилось оно в такую даль?.. Но ведь и «она» была там, далеко-далеко, за дымными горами, в глубинах горизонта…

Что делает «она», о чем думает в этот миг? Так же ли дрожит и трепещет, так же ли тоскует и томится?.. Артак прикрыл глаза и, прислонившись к перилам моста, начал прислушиваться к ворчанию Аракса. Река успокаивала его.

На мгновение перед его закрытыми глазами возник милый образ на каменистом холме. Глубокие ласковые глаза глянули на него с безграничной любовью, с тоской и пропали в бархатной тьме. Артак вздохнул и открыл глаза.

Атом разглядывал городскую стену. Указывая на стоянку персидского гарнизона, он промолвил:

– Как близко от моста!

– Слишком близко! – подтвердил Артак, выходя из задумчивости.

– Не правда ли? Вот с этого конца они закроют нам подступ к мосту, перережут путь к обороне, и неприятель беспрепятственно пройдет через мост! – Атом задумался. – Выход только один: поджечь их лагерь! – сказал он решительно. – Ведь если предложить им отвести войска – это может вызвать подозрение. А пожар будет «случайностью»…

– Так и сделаем. И в самом городе места им не отведем, – пусть располагаются в поле!

– Лучше всего перевести их на восточную окраину. Прекрасная ловушка… Там можно их окружить и перебить весь отряд.

– Совершенно правильно! – заключил Атом. – Так и сделаем! Лишь тогда и можно будет сказать, что мост наш и в наших руках.

– Будь они прокляты! – вздохнул Артак. – Наша родина – и не нам принадлежит… Повсюду чужие гарнизоны, крепостные воеводы, сановники, тираны!..

Он с горечью взглянул в глаза Атому и безрадостно покачал головой.

– Знаешь что, князь? – продолжал он задумчиво, устремив глаза на Аракс. – Мы перестали быть самими собой! Вот что нас губит…

Атом воспросительно взглянул на него.

– Да! Мы не знаем самих себя, не любим, не уважаем! Нет у нас национальной гордости. Мы сами себя презираем, и чужестранцы только следуют нашему примеру. Мы пресмыкаемся перед ними, прося, чтоб нас полюбили, но они нас ненавидят из-за этого еще больше, ибо пресмыкающиеся всем противны. Мы страшимся проявить уважение к самим себе, мы боимся обидеть чужестранцев. Нахарары с душами рабов – вот великое зло нашего народа!

Лицо Артака вспыхнуло от волнения и горечи. Атом же глядел на него растерянно. Что он говорит? Неужели они и впрямь таковы? Сам он этого не чувствовал. Атом родился в горах, получил военное воспитание вдали от столицы, от марзпанского двора и дворцовой обстановки и не задумывался над тем – свободный он человек или нет. Такие вопросы и не приходили ему в голову! Он так же бессознательно чувствовал себя свободным, как не сознавал своей молодости и своих сил. Он был вполне здоров духом.

Артак же продолжал все с большей и большей горечью:

– Вспомни, Ваан Мамиконян стал предателем, продался врагам родного народа, стал орудием в их руках… И какое же получил он воздаяние?! Что может быть дороже нации?! Видел я армян на службе у персов – из кожи лезли, защищая интересы своих хозяев! Запрещали своим детям говорить по-армянски, сами дома говорили на персидском языке, содержали дома у себя магов, поклонялись огню и стыдились признаться, что они армяне. Они ненавидят свой народ, свой язык, свою веру. Они жаждут превратиться в персов, но не могут – их пороки при них: отсутствие самолюбия, пресмыкательство, раболепие. Эх! Наименее требовательные из всех животных в мире – вот кто они! Тьфу!

Артак повернул голову в сторону поля, откуда слышались яростные крики.

– Что это такое? – спросил он с недоумением.

– Скачки! – пояснил Атом. – Парни состязаются.

– А ну, пойдем туда!.. – предложил Артак, забыв на мгновение свою горечь.

В поле происходили конные состязания. Юноши скакали по просторному и покрытому кустарником полю. Там уже собралась Довольно большая толпа: горожане и жители ближайших окрестностей явились поглазеть на интересное зрелище. Оба нахарара были близко, когда подоспел запыхавшийся Мартирос и, сложив руки на животе, вперил выпученные глаза в наездников.

Вараж выступил навстречу приближавшимся нахарарам.

– Эге, Вараж, да ты никак пьян?! – проговорил Артак с напускной строгостью.

– Нет, князь, не пьян! – заявил Вараж, еле удерживаясь на ногах.

– Ну скажи тогда, кто же пьян? – настаивал Артак.

– Вино пьяно, князь… – смешался Вараж.

– Ах, вот как? А это что за скачки?

– Скакунов играть вывел, князь. Артак засмеялся.

– И сам играешь с ними?

– Но ведь скакуны мои братья, князь!

Наездники боялись получить нахлобучку, но Артак распорядился:

– Ну скачите! Посмотрим!

Юноши вновь приготовились к скачке. Артак и Атом стали у препятствий – между густым кустарником и болотами. Юноши, собравшись на дальнем краю поля, ждали сигнала. Вараж, подал знак. Юноши помчались. Кони были без уздечек, только с короткими недоуздками и без седел. Они легко доскакали до препятствий и перелетели через них. Вот они попали в лабиринт небольших болот, между которыми поднимались островки суши и вились тропинки. Оттуда, кружа и обгоняя друг друга, они поскакали в обход опасных ям и трясин. Затем они сделали круг и тем же путем вернулись к исходному пункту.

– Горячие скакуны! – заметил Атом.

– И парни горячие, – дополнил Артак, внимательно приглядываясь к наездникам. Часть из них были еще мальчики, остальные – зрелые юноши. Разгоревшиеся, вспотевшие, они держались с прекрасной боевой выправкой и были красивы, несмотря на рваную одежду.

«Вот будет отборная конница», – думал Артак, ласковым взглядом обводя юношей.

– Ну, а с мечами как вы управляетесь? – загорелся и Атом, подходя к ним.

– Тигран! – позвал юношу Вараж и передал ему свой щит и меч. – Бери, стань между ними: возьмите мечи и вы, Гурген, Ара, Корюн! Догоняйте Корюна!..

И, повернувшись к Горнак-Симавону, он подал знак. Выйдя вперед, гусаны достали свои бамбирны.

Вооружившись мечами, которые, как всегда, захватил с собой Вараж, юноши ждали сигнала, с трудом сдерживая нетерпеливых скакунов.

Толпа хлынула и тесно окружила гусанов.

Вараж снова подал знак Горнак-Симавону; тот кивнул в от вет и, подобравшись в комок, точно собирался вступить в единоборство, рванулся вперед, бросил бамбирн на руку и ударил по струнам. Затем он ударил еще сильней, топнул ногой, повернулся, сделал шаг вперед, шаг назад и, все ударяя по струнам, начал:

– Бей, бей, бей, бей!.. Товарищи подхватили:

– Зранг… зранг… зранг… зранг!..

Тряся пышной своей бородой, Горнак-Симавон низким голосом прогремел: …к Ваагну воззову К драконоборцу огненнокудрому!..

Драконоборец прянул,
Прянул, как огонь
Из огней, как порождение огня, -
Как солнце очи его!
Избивал драконов – аждахаков
Могучий драконоборец!..

«Бей-бей-бей-бей!..» – гудели струны, а гусаны, гулко топая ногами по земле, вторили Горнак-Симавону. Народ окружил певцов еще тесней, люди слушали их с горящими глазами.

– Пойте! – рявкнул Вараж.

Толпа загудела. Варпет побагровел, муекулы на его шее напряглись; сверкнув глазами, он сурово и властно взглянул на Ваража и пророкотал:

О храбром Тигране спою,
Храбреце, храбрейших храбрее,
Что сталь зубами жевал,
Сиалу в кулаке выжимал,
В кулаке выжимал,
Моря сливал воедино,
В клочки разрывал врагов…

– В бой! – воскликнул охваченный воодушевлением Вараж.

– В бой! – подхватила толпа.

Варпет воспламенился. Прижимая к волосатой груди свей огромный бамбирн, он снова рванул по струнам и, грозно вперив пылающие глаза в юношей, начал речитативом воспевать подвиги бесстрашного Тиграна:

И шагнул, побежал и пошел он к огромному хребту Понта, И сплющил, утоптал под пятой своей огромный хребет Понта.

И отвел-отогнал пурпурное море Понта, -
Весь мир трепетал, бежал перед ним!..

Охваченные восторгом юноши внимали варпету, как завороженные. Он рычал уже, выкрикивал, топая ногой, призывая к соревнованию, к бою:

– Когда Тигран пошел на Рим, звезды все вместе с ним пошли, леса покинули свои горы – валом за ним пошли; воды пред ним раздались, горы пред ним расступились… Под землею огненные потоки вслед за ним потекли, земной шар с места сорвался, на другую основу поднялся!..

Вселенную за собой повлек
Храбрец – храбрейших храбрее!..

Глаза у юношей горели. Стиснув зубы, они в самозабвении внимали гусанам, как если бы своими глазами видели перед собой Тиграна в бою.

Древнее сказание воспламенило слушателей. Вараж совершенно потерял самообладание и сопровождал песню исступленными телодвижениями. Внезапно он махнул рукой Горнак-Симавону.

Тот опустил свой бамбирн наземь, извлек из-за пазухи трубу, кивнул товарищам, которые уже приготовили большой и малый барабаны.

Барабанщик прижал барабан к животу, остальные взяли инструменты в руки. Горнак-Симавон поднес трубу к губам: его багровые щеки раздулись, и с пронзительной звенящей ноты началась дикая боевая мелодия. Казалось, оглушительный клекот хищной птицы разорвал воздух.

Вараж махнул рукой. Корюн дал волю своему скакуну, остальные юноши поскакали за ним. Началось опасное и трудное состязание: юноши стремились догнать и «изрубить мечами» Корюна, который с непостижимой ловкостью ускользал от них. К тому же все происходило среди болот.

Корюн, однако, не довольствовался одним удачным бегством от преследователей: неожиданно повернувшись, он иногда сам кидался то на одного, то на другого своего преследователя и «поражал» их такими ударами меча, что, будь это на самом деле, противник свалился бы замертво. Нанеся удар, Корюн вновь пускал коня вскачь, кружа между кустами и топью.

Толпа колыхнулась, заволновалась и двинулась вперед.

– Летите! – вопил разгоряченный Вараж. – Бросьте Азкерта в преисподнюю!

– Хо-хо-хо-хо-хо! – смеялся Мартирос, еле держась на ногах.

Вдруг преследователям удалось окружить Корюна. Тот повернул коня, прорвался и погнал скакуна к большому болоту. Он мчался так бешено, что становилось страшно, как бы он не попал в болото и там не остался. Преследователи скакали вслед за ним, но медленней и осмотрительней, чтобы успеть вовремя сдержать коней. Корюну именно это и было нужно. Он продолжал гнать коня вперед и внезапно, на всем скаку круто повернул обратно, но так неожиданно, что, пока преследователи пришли в себя и смогли перехватить его, он вихрем промчался мимо них, перелетел через препятствия и поскакал дальше.

– Драконоборец! Льву подобный! – послышались в толпе восклицания. – Доблесть Ваагна снизошла на него!.. – восхищались зрители, употребляя сравнения, оставшиеся от языческих времен.

Вараж подал знак к отбою. Горнак-Симавон диким завываниям оборвал переливы трубы. Юноши подскакали к нахарарам.

– Молодец! – воскликнул восхищенный Артак.

– Отважен и ловок! – отозвался Атом. Артака подхватил общий подъем.

– Не попробовать ли и нам? – вдруг повернулся он к Атому.

– Почему нет? Попробуем! – охотно согласился тот.

– Подведите скакунов! – распорядился Вараж. Артак и Атом начали выбирать себе коней.

– Дайте мне выбрать для вас, государи! – вмешался Вараж.

– Смотри, выбирай самых неукротимых!

– Все они неукротимые. Не считай их за смирных, – просто наездники на них отменные.

Вараж отобрал двух скакунов: того, который ходил под Корюном, и другого, на котором ездил Тигран.

Атом и Артак вскочили на коней. Почувствовав новых седоков, скакуны стали биться, стараясь сбросить их. Они поднимались на дыбы, кидались в стороны. Но всадников это не смущало. Дав коням вволю порезвиться, они прибрали их к рукам.

– Начнем, что ли? – обернулся Артак.

– Лети!.. – откликнулся Атом.

Кони неслись стрелой. Они взяли все препятствия и, сделав кРуг, помчались обратно. Атом подхватил на скаку лежавший на земле меч и одним ударом снес верхушку куста, через который °н должен был перескочить и позади которого начиналось опасное топкое место.

И так быстро, легко и просто сделал он это, что со стороны все могло и впрямь показаться простым и легким. Артак, как менее опытный наездник, особо выдающейся

сноровки не проявил.

Вараж, у которого хмель постепенно проходил, снова опьянел – и еще сильней – от восхищения конями. Его не заинтересовала ловкость наездников, он думал только о скакунах.

– Хороших скакунов выходил, Вараж! -похвалил Артак, подъезжая к старому конюшему.

– Конь – это жизнь, князь!.. – ответил Вараж. Он взглянул на Маркоса. Тот ответил ему многозначительным взглядом.

– Позволяешь?.. – повернулся Вараж к Артаку.

– Что, зависть взяла? Давай! – согласился Артак.

Внезапно преобразившиеся Вараж и Маркосвырвали у Корюна и Тиграна веревки, сняли их с шеи скакунов, отбросили в сторону и мигом вскочили на коней. Старики как будто сразу помолодели: спины у них выпрямились, осанка стала молодцеватой, они точно слились со скакунами в одно целое.

– А ну!.. – крикнул Вараж и полетел вперед. Маркоспомчался за ним и вскоре догнал. Взбешенный Вараж свирепо глянул на Маркоса и угрожающе рявкнул:

– Ну…

Маркос, однако, не отставал. Выйдя из себя, Вараж грозил ему кулаком, требуя, чтоб Маркосотстал. Но Маркосне намерен был уступать, да и не понимал, почему он должен это сделать.

Они перемахнули через все препятствия и намного быстрее, чем юноши, вернулись назад. Вараж от гнева забыл о присутствии князей и обо всем на свете. Он соскочил с коня и, подбежав к Маркосу, замахнулся на него кулаком.

– Ты же знаешь, что мой скакун твоего духа не выносит?! Зачем ты ему лез под самый храп?

– Почему это он моего духа не выносит? – возмутился Маркос.

– Нет, ты мне скажи, зачем ты ему под храп лез?! – повторил Вараж и ударил Маркоса.

Не остался в долгу и Маркос: ответил еще более сильным ударом. Юноши с трудом разняли драчунов.

Артак и Атом хохотали до упаду, глядя на ссору этих двух завзятых конников.

– Нет, князь, до моей «Бури» никакому скакуну не дотянуться! А он своим дыханием полез ей прямо в ноздри! Мой копь его не терпит!

– Да он по мне с ума сходит! – возмутился Маркос. Вараж рванулся было, чтоб ударить его.

– Кончай, Вараж!.. – приказал Артак. Вараж с ворчанием отступил:

– Нахараров не уважает!.. Хоть при нахарарах должен был бы признаться, что я его обогнал! – и, задыхаясь от ярости, вновь обратился к Маркосу:- Ладно, еще вернемся на конюшню, там я из тебя кишки выпущу!

– Хо-хо-хо-хо!.. – гремел басовитый хохот Мартироса. Скакуны были в поту. Вараж внезапно опомнился:

– Эй, скорее гоните по конюшням, – простынут… Юноши вскочили на коней и мелкой рысью направились в город.

– Хорошо смотри за конями, Вараж… – сказал Артак. – Война у нас на носу.

– Из-за этого я и грызу себя!.. – отозвался Вараж.

– И парней продолжай приучать – славные выйдут из них воины! – продолжал Атом, кладя Варажу руку на плечо.

– Огонь парни у меня!.. – похвалился Вараж, забывая о своем раздражении.

– Молодец, хорошо знаешь свое дело! – одобрил Артак.

Из городских ворот вырвался конный воин, ведя на поводу двух оседланных скакунов. Подскакав к нахарарам, он доложил, что Спарапет спешно зовет их к себе. Нахарары тотчас поскакали в город.

Вараж взглянул на Маркоса. Тот как-то ежился и все держался за бок.

– Ну, что это с тобой? – с грубоватой заботливостью осеведомился, подходя к нему, Вараж.

– В боку боль схватила… – простонал Маркос.

– Да что ты?! – с беспокойством воскликнул Вараж. – Держись за мое плечо, друг…

Маркоснавалился ему на плечо. Вараж обнял его, и она медленно поплелись в город. Но через несколько шагов Марков упал и стал корчиться от боли. Вместо того чтоб подбодрить его, Вараж испуганно воскликнул:

– Вот беда! Не сорвал ли ты себе, случайно, почки?

– У Мец-Морута схватило!.. – со стоном пояснил Маркос. – Если б не это, моя «Молния» обогнала бы твою «Бурю»… Вараж чуть не обезумел от ярости:

– Что?! «Молния» обогнала бы мою «Бурю»?! Голову разобью тебе, если еще раз повторишь это!..

– И раз повторю и десять раз повторю!

– Эх, и толкает же меня сейчас сатана под руку: «Выпусти из него кишки!» – покачал головой Вараж. Маркосзастонал и вновь схватился за бок.

– Ну, потерпи немного, дойдем – позову лекаря… Не разрывай же мне душу! Потерпи!

И он вновь заботливо подхватил Маркоса.

Прохожие со смехом и шутками наблюдали эти препирательства.

Немного позже из городских ворот выехал Арцви верхом на неоседланном своем коне, ведя на поводу скакуна Спарапета.

Конь Спарапета и его собственный были поставлены в те же дворцовые конюшни, где стояли кони остальных нахараров Напрасно конюхи указывали Арцви, что уход за конями – их дело, просили его пойтк отдохнуть: Арцви никому не доверял ухода за скакуном Спарапета и своим собственным. Он решил вьь вести их за городскую стену, к берегу Аракса, чтоб искупать в проточной воде.

Засучив рукава и подвернув штаны, он вместе с конями вошел в реку.

На самом берегу разлеглись на солнцепеке два персидских воина и, разинув рты, сонливо озирались по сторонам.

Внимание одного из них привлекли скакуны Арцви. Он при встал и начал их разглядывать. Ему не понравился Арцви ни своей заботой о конях, ни своим вольным поведением. Особенно его задело то, что Арцви раза два взглянул в сторону персов, но как бы и не замечал их.

– Эй!.. – окликнул перс Арцви. – Кто ты? Как ты смеешь купать здесь коней?..

Арцви скользнул взглядом по его лицу и спокойно продолжал делать свое дело.

– Эй, с тобой говорят!.. – вновь окликнул его перс. Второй также привстал.

– А, что?.. Кто это?..

– Оборванец какой-то!.. – с гневом объяснил первый. – Купает коней в запрещенном месте! Эй, оглох ты, что ли?! Здесь ты и проехать на коне не смеешь, не то, чтоб купать их!

Арцви и не взглянул в его сторону.

Тогда персидский воин схватил камень и швырнул его в Арцви. Камень попал в скакуна Спарапета. Конь рванулся, еще миг – и, вырвав повод из рук Арцви, ускакал бы.

Арцви, не выпуская из рук поводьев обоих скакунов, подошел к персидскому воину и так ударил его ногой в грудь, что тот растянулся на земле без дыхания.

Второй воин сорвался с места, схватил с земли камень и также бросил в Арцви. Тот отклонился в сторону, вскочил на своего коня и, опять ведя на поводу скакуна Спарапета, кинулся на перса и смял его. На вопли перса выскочили его товарищи.

Из-за городских стен высыпала толпа, горожане также направились бегом к месту схватки. Подоспели и юноши, принимавшие участие в скачках.

Персидские воины забрасывали Арцви камнями, но тот ловко уклонялся от ударов; не оставаясь ни мгновения на месте, он носился вокруг персов, внезапно поворачивая коня, бросался на них и прорывал их окружение.

Скакуны разгорячились даже больше, чем сам Арцви. Они с ржанием вставали на дыбы

и с таким бешенством бросались на персидских воинов, что те разбегались во все стороны. Послышались голоса:

– Хватит тебе, Арцви… Уезжай! Слышишь, Арцви?..

Но Арцви, весь окровавленный, со зловещей улыбкой на устах, сверкая глазами, продолжал нападать на воинов, пока не рассеял их.

На городской стене показался персидский сипай.

– Что здесь случилось? – крикнул он гневно и изумленно. Ему рассказали.

– Стрелами его! – приказал он. Воины кинулись за луками.

Но в это мгновение к сипаю подбежал крепостной воевода-армянин. Он в бешенстве сверкнул глазами на сипая и прикрикнул:

– Посмей только, глупец!

Сипай махнул рукой стрелкам. Те опустили луки. Приблизившись к парапету, сипай стал громко грозить Арцви.

Воевода в свою очередь подошел к парапету и знаком приказал Арцви отъехать. Арцви, наконец, опомнился. Проехав с проклятием мимо трупа первого воина, он снова погнал коней в воду и стал осматривать их, нет ли на них ран или ушибов. Убедившись, что открытых ран нет, он начал растирать ушибленные камнями места и вновь купать коней, как если б ничего не случилось.

– Кто этот щенок? Схватить его!.. – разгневанно крикнул сипай.

– Придержи язык. Руки у тебя коротки!

Внизу продолжал толпиться народ. Воевода спросил:

– Что все-таки тут произошло? Ему рассказали.

– Они скоро запретят нам и воду сливать! – крикнул Вараж.

В толпе захохотали.

– Пришли, на голову нам сели, да еще нашу же воду для нас жалеют! – с гневом крикнул Маркос.

Воевода что-то гневно пробормотал себе под нос и обратился к сипаю, явно сдерживая себя:

– Чего вы хотите от населения? Почему вы не сидите спокойно?

– Мы воины повелителя арийского! – отрезал сипай. – Границ постоя нашего войска не смеет пересекать никакой чужеземный воин!

Кровь бросилась воеводе в голову. Это был человек небольшого роста, но тучный, и потому он весь побагровел от гнева.

Очевидно, присутствие персидских войск давно раздражало его. Сжав кулаки, он шагнул к сипаю:

– Вот ваши границы! Их и держитесь! – зарычал он, задыхаясь, с налитыми кровью глазами. – Вам отвели место, чтоб вы сидели там смирно. А вы норовите сесть нам на голову! Если вы еще раз осмелитесь затронуть не то что коня Спарапета, а хотя бы осла простого жителя, я сброшу вас со стены!

С внутренней стороны на городскую стену поднялся в это время начал! ник персидского отряда. Он продвигался медленно, нахмурив брови. Воины поспешно расступались перед ним, и он прошел между ними, не удостоив их взглядом.

Усевшись в отдалении на выступ стены, он пальцем подозвал к себе крепостного воеводу и сипая-перса.

Сипай подбежал и смиренно приветствовал его. Воевода не сдвинулся с места.

Перс свирепо взглянул в его сторону и снова пальцем позвал к себе.

– Я буду отвечать отсюда! – спокойно отозвался воевода. – Спрашивай!

– Кто этот щенок, который убил моего воина? – разъярился тот.

– Этот смельчак вон там купает коней. Он телохранитель Спарапета.

Перс вскочил с места и приказал сипаю:

– Иди вели схватить его!..

Воевода быстро обернулся и сделал знак рукой столпившимся на дальней башне

армянским воинам. Там затрубили в рог. Тотчас со стен, из садов и дворов, из ближайших зданий стали сбегаться сотни воинов армян, вооруженных копьями и луками.

Перс, как видно, не ожидал подобной дерзости и оробел, но, не желая сдаваться, шагнул вперед и крикнул:

– Смотри, я прикажу голову тебе отрубить! Ты восстаешь против царя царей?!

– С царем царей я дела не имею, я тебя пытаюсь образумить! Или это ты и есть царь царей?

Толпа внизу загоготала.

Побагровевшее лицо военачальника выдавало его ярость, но страх сдерживал его. Чтоб как-нибудь пристойно выйти из положения, он еще раз пригрозил:

– Это тебе даром не пройдет… Подожди у меня только!.. – И, быстро повернувшись, спустился со стены.

Толпа с хохотом повалила к реке, где хмурый Арцви спокойно купал коней.

– Арцви, подох тот перс! – крикнул ему Корюн.

Арцви, не оглядываясь, продолжал свое дело.

Со стены спустились воины персы; они унесли труп убитого и подобрали двоих тяжелораненых, с ненавистью разглядывая толпу и вполголоса ее проклиная.

Горожане оживленно и громко обсуждали события. Персы удалились. Толпа окружила пожилого горожанина, судя по кожаному фартуку и замаранным сажей рукам и лицу – кузнеца, который озабоченно говорил:

– Вот так-то мы и жили со времен Шапуха и до нынешнего Азкерта!

– Уж приказали бы изрубить их, отметить хотя бы! – воскликнул Корюн.

– Э-э… Если дело дойдет до мести, мало ли за что нужно будет мстить! – вздохнул жилистый и крепкий, как копье, дед Абраам. – Сколько я себя помню – вся моя жизнь прошла в войнах да в мести персам! Мы жаждем мира, персу нужна война. Нет и десяти лет, как я вернулся домой, развел сад, – и вот опять говорят о новой войне!

– У нас что ни песня, что ни сказание – все о персах, о крови да о войне! – подтвердил Горнак-Симавон, перебирая струны своего бачбирна.

– А много войн довелось тебе видеть, дед Абраам?.. – подсели к старику юноши.

– Как же было не видеть, милые мои, человек-то я старый… Не в дни ли Шапуха то было, сына первого Азкерта, который четыре года над нами царем сидел?.. Узнал он о болезни отца и поспешил в Персию, но, уходя, приказал своему наместнику схватить наших князей и угнать их в Персию. Я был тогда в войске Нерсеса Чичракеци. Дал он приказ – и мы все поднялись как один человек. Шли днем и ночью, коней загоняли, но настигли персов у Хэра. Они давай оборачиваться к нам лицом. А мы на них!.. Ну и битва была – любо-дорого! Вышибли вон, и духу их не стало… Но тяжелые были времена, что ни говори!.. – закончил со вздохом дед Абраам. – Много мучили нас, много наших царей сгноили они в Башне забвения… Ногами они нас топтали, задыхались мы под их пятой, – чтоб они погибли!..

С противоположного берега прошла через мост группа крестьян. Они шли медленно, видно, колеблясь, пройти ли им прямо в город, или же присоединиться к беседовавшим на лугу горожанам.

Один из крестьян вышел вперед, остановился перед беседовавшими, всех оглядел и хмуро поздоровался. Он был немолод, смуглое до черноты лицо его заросло черной, как смоль, вьющейся бородой. Подошли и спутники его и стали полукругом перед сидевшими горожанами.

– Благоденствия всем!, – приветствовали они, усаживаясь. Один из них, усевшись, внимательно всех оглядел мрачным взглядом и хрипло откашлялся:

– Хмм…

– Откуда вы, братья? – спросил дед Абраам.

– Из Масьяц-Вотна… Из Акори… Из Масьяц-Виха… Отовсюду! – отозвались крестьяне.

– Недавно князья в большой спешке проехали мимо, – заметил один из крестьян,

по-видимому, житель какого-нибудь пригородного села. – Крепко душит нас в последнее время перс, все налоги дерут! А у вас что слышно, Оваким?

– Ты погоди, что еще после с налогами будет, брат Гор! – отозвался Оваким. – Тогда-то скажешь, что дерут…

– Все дерут да дерут!.. Совсем совесть потеряли!.. – глухо простонал сидевший немного подальше крестьянин из Акори, мучительно вытягивая шею, словно придавленную непомерно тяжелой ношей. – Персу – налог, князю – налог, монастырю – налог… Все с крестьянина дерут! Семь шкур содрали! Иссушили нас, обессилели мы…

– Так, Езрас… Правильно ты говоришь!.. – поддержали его другие крестьяне – уроженцы Акори.

– Хмм… – вновь прокашлялся хмурый крестьянин. Он, видимо, близко принимал к сердцу каждое услышанное слово.

– Разве не так я говорю, брат странник? – обратился Езрас к крестьянину, понуро сидевшему в стороне. Это был Аракэл из Вардадзора.

Аракэл молча повернул к нему лицо. К беглецам из Вардадзора по пути присоединились мятежные крестьяне, спасавшиеся! от преследований своих князей или персидских сборщиков; собравшись в группы, они направлялись в Арташат, думая как-нибудь там устроиться.

На противоположном берегу Аракса появилась большая и беспорядочная группа людей в черном; они быстро приближались к мосту, поднимая облака пыли, и, перейдя мост, подошли к беседовавшим. Это были монахи, обросшие, длиннобородые одни в пышных одеждах, другие в рубище. Громко стуча посохами, они шагали так быстро, словно уходили от погони или сами за кем-то гнались. Впереди шествовал настоятель сюнийскогся монастыря – Григориос; подаваясь вперед всем своим грузным телом, залитый потом, который, смешавшись с дорожной пылью, образовал корки у него на висках и на шее, – он вел за собой всех этих измученных и хмурых монахов. Непосредственно позади него, пыхтя, отдуваясь и уткой переваливаясь с ноги на ногу, шел эконом сюнийского монастыря.

Подойдя к сидевшим на лугу горожанам и крестьянам, монахи остановились, не решаясь войти в город: они еще не знали, что творится в Арташате. Их многочисленность объяснялась тем, что в эти годы монастыри полны были монашествующих дармоедов. Когда же их сытое и беспечальное существование было поставлено под угрозу, они бросили свои монастыри и стали бродить по дорогам. Так они сливались в толпы и шли в столицу. Сюнийский же настоятель, оправившись от ран, направлялся в Арташат, чтобы протестовать против беззакония персов. В числе монахов была и братия того захудалого монастыря, которая бесплодно просила Васака о защите. Были здесь и монахи из Айраратской долины; один из них – старик с длинными волосами, падавшими ему на плечи и грудь, выступил вперед.

– Да снизойдет на вас мир, дети мои! – глухим печальным голосом произнес он.

Собеседники поднялись и молча поклонились ему.

– Откуда вы, святые отцы? – спросил Оваким.

– Из монастыря Святого Акопа, брат мой во Христе! – простонал старый монах. – Есть и из других монастырей; все бежали от сборщиков. Вот, – показал он на настоятеля сюнийского монастыря, – отец Григориос из Сюника, он ведет нас в Арташат. Мы с жалобой к владыке и к нахарарам. Ворвался в монастыри перс Деншапух, обложил непомерной данью… Не по силам бремя! Горько и тяжело! Ненасытны они, аки волки, и безжалостны, аки звери…

– Будь они трижды прокляты! – яростно прогремел, задыхаясь и отирая пот со лба, сюнийский настоятель. – Руку подымают на духовенство, алтарь веры стремятся разрушить, хотят завладеть всем достоянием нашим, властью, нам от бога данной, монастырями, паствой нашей верующей, дабы в бездомных и нищих нас обратить!

– Истребить нас хочет перс! Истребить! – простонал старый монах. – Все хватает, не разбирая – монастырское перед ним или нахарарское…

– Азкерт с нахарара тянет, и оба вместе – с крестьянина… Ваше дело легкое, вам-то что? Знай молись да хлеб уминай… – усмехнулся Аракэл.

– Дай бог вам долготерпения! – без обиды благословил его старый монах. – Правду ты сказал, тянем и мы… Кругом послышался смех. Отец Григориос злобно глянул на Аракэла и вдруг узнал его:

– Врага от друга не различаешь, сын мой! Не по-христиански говоришь!

– Врагов я видел, отец Григориос, друга не встречал!

– Не знаешь ты еще врага… Погоди, узнаешь! – злобно посулил настоятель.

Мимо собеседников шагом проехал Арцви.

– Арцви, что это с тобой приключилось? – окликнул его дед Абраам.

Арцви застенчиво усмехнулся, придержав коня.

– Арцви, верно, что от персидского царя недобрый приказ получен? – спросил кузнец Оваким.

– Верно, – отвечал Арцви, подбрасываемый плясавшим под ним скакуном. – Готовьте копья – будет война!

Он поскакал к городским воротам и въехал в город.

– Готовы копья у нас! – успели крикнуть вслед ему юноши.

– Опять война?! Вот дела!.. – безрадостно покачал головой худой, истощенный крестьянин.

– Э-э, братец ты мой, – повернулся к нему дед Абраам. – Как же иначе? Где царь да князь – там всегда война и кровь! – Он громко расхохотался.

Крестьянин из Акори косо, с неодобрением взглянул на него:

– Не говори так, Абраам: ведь нагрянет перс, принесет нам иго, поборы, рабство, резню…

– А чем лучше перса наш князь? – пренебрежительно бросил Аракэл.

– Братец ты мой, да ведь перс что волк: попадет в стадо, так не довольно того, что нажрется, – он всех овец передушит, разорвет! Наш князь хоть страну-то защитит…

– Защищать-то он свою страну защитит! – грубо и насмешливо отрезал Аракэл. – Страна-то у нас ведь княжья…

Дед Абраам круто повернулся и строго взглянул на Аракэла:

– Если страна княжья, то ты где живешь? У тебя свое место в стране есть?

– Почему нет? – пожал плечами Аракэл и насмешливо прибавил:- Вот когда дело дойдет до моей страны, тогда я и отвечу!

– Э-э, да о чем вы тут? – заволновался Езрас, передергивая выглядывавшими из ветхого рубища худыми голыми плечами. – Столько времени разговариваете, а того понять не хотите, что Азкерт прислал приказ: отдавайте, мол, мне всю вашу страну с народом вместе!

Аракэл пренебрежительно взглянул на Езраса:

– Ты о чем? Страна с народом – что это тебе? Птичье гнездо? Взял в руки и передал? Как это можно – отдать страну? – Он даже привстал от изумления.

– Вот станет он над душой, возьмет – тогда и узнаешь, как отдают!..

– Как бы не так! Не возьмет! – стоял на своем Аракэл. – Кто ему страну отдаст?!

– Да нахарары – вот кто!

– Нахарары?!. – так резко повернулся Аракэл, что все испуганно отодвинулись. – Налогами нас притесняли, из камя хлеб выжимали и отбирали, а теперь страну им отдать?! Вот для чего съехались нахарары и духовенство? Не будет этого!

– Будет, брат странник! Будет! – простонал Езрас. – Душит нас проклятый! Плохо нам, поистине плохо! Веру нашу отнять хочет!..*

---

* До принятия армянами христианства (в 301 г. н.э.) в их пантеон входило много богов

персидского языческого пантеона. (Прим. перев.).

Аракэл махнул рукой.

– Подумаешь – «вера»!.. Были мы с ним одной веры, так разве не рвался он всей страной овладеть? Все ясно: не в вере тут дело, а в народе и в его земле! Вот что перс хочет отнять, чтобы сесть нам на шею! В пленников нас обратить, в рабов!

– Вот, вот… А то – «вера», мол! Какая там вера?! Скажи: народ, земля! Это мы и есть – народ и земля…

– Спарапет приехал. Как посмеют они теперь страну отдать?! – вмешался какой-то воин.

– Не посмеют отдать, нет! – раздался со всех сторон гул голосов. – Если отдавать, скорей, марзпан отдаст. А Спарапет страны не отдаст!

Внезапно со стороны города донесся колокольный звон – зловещий, мрачный, похожий на погребальный…

Все вскочили.

– Что это, что? – послышались тревожные голоса.

– Идем! – воскликнул Оваким и бросился бежать в город. Толпа последовала за ним.

В городе царило смятение. Набат гудел все громче. Население высыпало из домов. Все спрашивали друг друга, что случилось, и никто не мог дать ответа.

Распространившиеся за последние дни вести, приезд нахараров, посещения марзпана персидскими сановниками, ночные совещания – все это вызывало тревогу среди населения.

К хлынувшей в город толпе пришлых стали присоединяться местные жители. Разбухая с быстротой горного потока, толпа свернула ко дворцу. Народ начинал понимать, что в храме и во дворце совершается нечто недоброе, касающееся всей страны. Люди с беспокойством следили за дворцом, ожидая, что оттуда покажется кто-нибудь и объяснит, что там происходит.

Внезапно из ворот выскользнули трепещущие языки факелов и мрачным багровым блеском осветили тысячеликую толпу, бурлившую на всех улицах города.

– Дорогу, дорогу! – взывал гонец, мускулистый и подвижный юноша, размахивая в воздухе жезлом и стремительно прорезая толпу. – Раздайтесь шире! Нахарары идут!..

Народ расступался, образуя неширокий проход. Все впились глазами во дворец, откуда должны были появиться нахарары.

– Настали вновь дни Шапуха… Проклятие персам!.. – послышался чей-то голос.

Нахарары вышли. Лица их были мрачны и озабочены. Впереди шли Ваан Аматуни, Нершапух Арцруни, Вардан Мамиконян и Гадишо Хорхоруни.

Позади шла группа телохранителей.

– По закону предков поступайте! Не отдавайте! – выкрикнул дед Абраам, когда нахарары поровнялисъ с ним.

– Вспомните дни Шапуха! – воскликнул еще кто-то.

Толпа зарокотала, качнулась и тронулась с места; все пошли за нахарарами. Но телохранители оттеснили народ. Толпа снова остановилась.

Нахарары проследовали в храм, который находился в нескольких кварталах от дворца. Тяжелым, гнетущим молчанием встретил храм вступивших под его своды князей. Холодом смерти пахнуло нахарарам в лицо.

Слабое мерцание лампад, не рассеивая мрака, скопившегося в углах и нишах, зловеще оттеняло воспаленные лица монахов. Они обступили католикоса, который, как некое мрачное изваяние, восседал на резном дубовом троне. Это был еще не очень старый, крупного сложения человек с властным взглядом больших черных глаз. Лицо его пожелтело от ночных бдений, но во взгляде читались ум и спокойствие умудренного богатым

жизненным опытом философа и вместе с тем пыл непреклонного борца.

Когда вошли нахарары, он отвел глаза от пергаментных листов, которые сжимал в сильной руке, сосредоточенно, но спокойно изучая их. Чуть поодаль от трона, на ветхом ковре, прикрывавшем каменный пол, сидел невысокого роста старик священнослужитель, впрочем, довольно крепкий. На коленях у него лежала дубовая дощечка, на которую был наколот лист пергамента. Старец обдумывал что-то и записывал тростниковым пером, время от времени совещаясь с другими священнослужителями, сидевшими рядом с ним. Это был епископ Езник, по прозвищу Кохпаци, прекрасно владевший греческим, ассирийским и персидским языками и хорошо знакомый с учением Зрадашта,, опровержение которого он составил в свое время. Из помогавших ему двух пастырей один был тем аштишатским богословом, которому Вардан Мамиконян предложил выехать в Арташат для участия в составлении ответа Азкерту. Звали его иерей Гевод. В нем совмещались черты умного и волевого пастыря и пламенного патриота. За ними, внимая им обоим и не отводя от них взора, сидел другой из провожавших Вардана в Аштишат – Егишэ, молодой полумонах-полувоин с мечтательными глазами и вдохновенным лицом. Он был взволнован и больше наблюдал со стороны, чем участвовал в обсуждении. В душе его глубоко запечатлелись события последних дней, и он напряженно и встревоженно следил за их развитием. Как человек начитанный и одаренный поэтическим даром, он также был привлечен к составлению ответа персидскому царю вместе с Езником Кохпаци и Гевондом.

Остальные присутствовавшие в храме были епископы, высокие сановники церкви, прибывшие из Айрарата, Тайка и Армении Высокой, чтоб принять участие в обсуждении надвигавшихся событий.

Появление нахараров вызвало в храме движение. Все привстали, чтоб приветствовать их. Ваан Аматуни вместе с Варданом Мамиконяном прошел вперед, приложился к руке католикоса и молча стал чуть в стороне от него.

Наступило молчание, которое обычно бывает, когда люди не решаются говорить, опасаясь, что первое же их слово вызовет неприятную и нежелательную вспышку.

Нахарарам принесли табуреты, и они расселись по старшинству. И у священнослужителей и у нахараров было основание тревожиться. Власть духовенства была поставлена псд угрозу. Азкерт стремился уничтожить прежде всего религию, монастыри, их поместья. Он хотел подорвать материальную основу существования духовенства, чтобы принудить армян принять огнепоклонство, ассимилировать их, вытравить самую идею сопротивления, а после этого уничтожить духовенство, нахарарство, истребить и самый народ армянский.

Тревогой охвачены были и нахарары. Они чувствовали, что вера – лишь предлог, что Азкерт задумал уничтожение нахарарства…

Католикос встал, осенил нахараров крестным знамением и, с волнением глядя в глаза Вардану, произнес:

– Настало испытание, уготованное для нас лукавым, государь Мамиконян!..

– Испытание будет для всех нас, святейший отец! – ответил Вардан. – Если мы окажемся малодушны, заслуженным будет и наше бедствие..

Вновь наступило гнетущее молчание. Католикос тревожно оглядел собравшихся.

– Где марзпан? Разве нам надо приглашать его? – с упреком проговорил он.

– Не подобает марзпану участвовать в подобном совещании! – мрачно возразил Гадишо.

– Это почему же? – спросил чуть изумленно Ваан Аматуни.

– Марзпан представляет власть в стране!

– А мы, нахарары?

– Мы – представители власти в наших уделах, а марзпан- представитель персидского царя, – все так же мрачно, не поднимая глаз, настаивал Гадишо.

Нахарары молча задумались над его ответом.

Ваан Аматуни сказал:

– Хорошо, государи! Как бы то ни было, но именно марзпан должен подписать наше ответное послание царю. Царь будет считаться прежде всего с ним. И сколько бы он ни отмалчивался, когда-нибудь заговорить ему все же придется!

Никто не отозвался на эти слова. Некоторые нахарары нахмурились, слушая бывшего азарапета Армении, враждебное отношение которого к марзпану было хорошо известно всем.

– Говорил ты с ним, владыка? – обратился к католикосу Ваан Аматуни. – Сообщил он тебе что-либо?

– Ни слова. Безмолвствует, как камень…

Вардан Мамиконян обменялся многозначительными взглядами с католикосом и затем с Вааном Аматуни. Нахарары хмуро молчали. Невозможно было угадать, о чем они задумались.

– Он марзпан… Его положение иное! – как бы недовольный подобным оборотом беседы, заметил Гют Вахевуни.

– Почему иное? – холодно возразил Ваан Аматуни. – Вопрос ясен: или да, или нет – Сам же ты говорил, государь Аматуни, что и царь царей считается прежде всего с ним… Я хочу сказать, что его положение трудней.

– Это наше общее положение, государь Вахевуни! – возмутился Ваан Аматуни.

– Не знаю, не знаю! – неприязненно оборвал эти пререкания Гют и хмуро оглянулся на Гадишо, который исподтишка следил за ним, по-видимому, разделяя его взгляды.

Тем временем католикос начал жаловаться на перса Деншапуха, на притеснения церкви и на тягчайшие поборы, которыми тот обложил монастыри и церкви.

Ваан Аматуни, которого в качестве смещенного персами азарапета Армении больше всего касались интриги и произвол Ден-шапуха, лишь в угрюмом молчании внимал жалобам католикоса.

Вардан был грустен, говорить ему не хотелось. Он видел, как удручающе подействовал на нахараров непререкаемый тон указа о вероотступничестве и как затрудняются они сказать что-либо решающее. И действительно, вот прошло уже сколько времени после его прибытия и встречи с нахарарами, но никто не произнес еще ни единого прямого слова об указе. Как будто указ этот относился не к ним, а к кому-то другому, чьего решения они и ждали…

Это подавленное настроение возникло у Вардана еще в ту ночь, когда он посетил аштишатский монастырь. Он тогда же осознал, что на его народ надвигается беспримерное, небывалое еще испытание, размеры коего он и затруднялся и избегал определять. И через невиданное это испытание должен был пройти весь народ в целом – со своими крестоянами, сепухами, нахарарами и марзпаном, равно как и со своим духовенством. Что скажет этот народ, когда испытание подступит, нависнет над головой?.. Вот что занимало сейчас все мысли Вардана. Он чувствовал, что медлить далее нельзя, необходимо перейти к делу.

Посланный к марзпану гонец вернулся и сообщил об отказе Васака Сюни участвовать в собрании нахараров и духовенства.

– Государь марзпан просил ответ по написании представить ему, – закончил гонец.

– Значит, остались только мы и с нами совесть наша! – сдерживая возмущение, сказал Вардан – Приступайте же, святые отцы!

Католикос поднялся и, обращаясь к Езнику Кохпаци, торжественно вымолвил:

– Возьми указ царя царей!

Все присутствовавшие встали. Езник Кохпаци взял в руки истрепавшийся от частого изучения свиток указа и выжидающе взглянул на католикоса.

– Обернитесь лицом к западу! – повелел католикос. Все повернулись к западу. Католикос продолжал:

– Святые отцы и нахарары земли армянской! Пробил последний час раздумья для составления нашего ответа. Прочитаем же в последний раз указ царя. Читай, святой отец!

Езник Кохпаци начал читать звучным голосом:

– «Михрнерсэ великий, азарапет Ирана и не Ирана вождям армянским посылает привет

великий.

Знайте, всякий, кто под небом живет и законов маздаизма не придерживается, глух тот и слеп и дэвами Аримана совращен!»

В указе восхвалялось вероучение Зрадашта.

Далее следовала основная часть – осмеяние христианства: выставлялась как заблуждение вера христиан в то, что бог создал добро и зло, равно как и смерть.

– «…Если страна Румов (Византия), по причине великого безумия своего, заблуждается и к великому своему урону нашей совершенной веры не приемлет, то почему следуете вы ее заблуждению? Какой веры ваш повелитель держится, ту примите и вы…»

Езник дошел до заключительной части указа:

– «Ныне выбор перед вами: или отвечайте на мое послание слово за словом, или явитесь ко Двору и перед великим судилищем предстаньте!»

– Повернитесь к стороне молитвенной! – повелел католикос. Все повернулись лицом к востоку. Никто не нарушал молчания. Католикос обратился к присутствовавшим:

– Государи нахарары и святые отцы! Что решили вы? Молчание было ему ответом. Католикос вновь обратился к нахарарам:

– Ужели нет у нас друзей во всем мире? И никто не придет нам на помощь?

– Никто! – отозвался желчный и обычно молчаливый Манэч Апахуни. Холодом повеяло от его ответа.

Католикос сдержал свое возмущение.

– Воззовем ко всему человечеству! Пусть оно вступится за нас!

– К кому же воззовем, владыка? – сумрачно спросил Вардан.

– К византийцам, сирийцам, иверам, агванам!.. Вардан ответил не сразу:

– Будем искать помощи – я не возражаю. Надо обратиться ко всем врагам персов. И мы обратимся. Но прежде всего объединимся мы сами, обратимся к самим себе. Готовы ли вы объединиться, чтобы сообща противостоять тирану?

– Мы, пастыри духовные, к сопротивлению готовы. Готовы ли к тому же и вы?

– Готовы! – произнес Вардан.

Католикос обернулся к остальным нахарарам.

– Мы готовы… – отозвалось большинство нахараров.

– Я имею замечание, государи… – поднял голос Гадишо, по своему обыкновению с непроницаемым выражением вперив взор в Землю. – Послание царя направлено «вельможам армянским»… Как же попало оно в руки духовенства и почему отцы духовные участвуют в составлении ответа?

Волна смятения прокатилась по собранию. Вопрос нахарара Хорхоруни показался метким.

– На основании чего полагаешь ты так, государь Хорхоруни? – спросил Ваан Аматуни.

– На основании слов самого указа: «Не верьте пастырям вашим, ибо они обманщики. То, что словом проповедуют, на деле сами не выполняют…» Ясно, что послание обращено к нахарарам и направлено против духовенства!

Католикос вздрогнул и взволнованно обратился к Гадишо:

– Государь Хорхоруни, вождями армянского народа являются все те, кто в дни испытаний проливали за него кровь и будут ее проливать и впредь. А мы свою кровь пролить готовы!

Князь Вахевуни с глубоким удовлетворением заметил, что слова Гадишо задели католикоса, и, будучи не в силах сдержать злорадство, насмешливо сказал:

– Поскольку святейший владыка сам признает, что указ относится к духовенству, которое давно уже стремится присвоить себе нахарарскую власть, – пусть духовенство и держит ответ перед Азкертом!

– Государи нахарары, танутэры страны Армянской! – воскликнул, дрожа от волнения, католикос. – Знайте, мы духовной властью не поступимся! Кровью своей будем защищать завет и дело Григория Просветителя! Не отдадим монастырей и владений наших!

– Не препятствуем вам, святейший отец! Идите и сражайтесь! – усмехнулся Гют.

– Не отмежевывайся, государь Вахевуни! – сурово упрекнул его католикос. – В этой борьбе принуждены будут принять участие и нахарары!

– О каком принуждении идет речь? – вспылил Гют. – Вы применяете власть? Уж не возомнили ли вы себя и впрямь властью?

Толпа вокруг храма волновалась. Со всех сторон слышались встревоженные голоса.

– Почему так тянут? С кем они ссорятся? Персы есть между ними, что ли? Почему не принимают решения?

– Нет единодушия, видно!..

– Почему нет единодушия? Не хотят сохранить страну, что ли?

А страсти разгорались в храме все сильнее и сильнее. Вардан поднял руку.

– Оставьте споры, владыка, и вы, государи нахарары! – сказал он спокойно, но властным голосом. – В час, когда мы всем народом стоим перед вопросом жизни или смерти, нет ни сильных, ни слабых мира сего. Ответ держать нужно всем народом… Завершим дело, встанем на защиту родной страны, а за старые споры можно и после приняться! Добровольное отречение не спасет нас, государи, как бы в душе ни надеялись на это некоторые из нас! Азкерт знает, что, сколько бы мы ни отрекались, все же мы останемся армянами и будем ему угрозой в его споре с Византией. Вот почему он стремится уничтожить нас! Отдадим ли мы нашу власть, страну, нашу родину?!

– Не дадим, Спарапет! – откликнулись нахарары и духовенство.

– А если так, то подумайте о том, что на войну необходимо выйти всем народом! Следовательно, нам необходимо единение – единение нахарарства, духовенства, народа! Необходимо всенародно записаться в воины отчизны!

– Господь истинный! – откликнулись многие нахарары, воодушевленные и словами Вардана и волнением народных масс, голос которых проникал в храм.

– Пусть не пытается здесь никто принуждать нас! – решительно заявил Гют. – Мы не намерены ставить под угрозу свою власть ради духовенства!

– Государь Вахевуни, – обратился прямо к Гюту Вардан, – скажи, ужели ты дашь согласие на вероотступничество?

– Государь Мамиконян, я не настаиваю, чтоб мы дали согласие на вероотступничество. Но допустим на мгновение, что мы Для виду согласимся. Разве не останемся мы теми же нахарарами и владетелями, господами своей самостоятельности и свободы? Напрасны опасения!

Все быстро обернулись к нему. Широко раскрыв глаза, с возмущением глядел на него Вардан.

– «Нахарары», «владетели», «самостоятельность» и «свобода»?! Конец господства нахараров – вот чего жаждет Азкерт! Уничтожил государство наше, теперь уничтожает и нахарарство… Он стремится путем вероотступничества оторвать нас от нашей опоры – от народа. Он хочет превратить нас в бесправных изгнанников, в людей без родины, рассеять нас и развеять на чужбине, вдали от родины… Можно ли после этого говорить о нахарарстве, о независимости и свободе?! Мираж и самообман!..

Слова Вардана подействовали удручающе: они казались близкими к истине. Вардан продолжал:

– Никаких уступок! Погибнем все, если между нами не будет единения. Помните об этом и будьте разумны! И предупрежу даю тебя, государь Вахевуни, что никто из нас не правомочен говорить от имени всех нахараров!

– Правильно это! Истинная правда! – откликнулись азарапет, Артак Мокац, Атом Гнуни и Аршавир Вананди.

Но против Вардана действовал скрытый антагонизм части нахараров, каменное молчание которых сковывало волю собравшихся. Самым странным, однако, было то, что в числе молчавших был и Нершапух Арцруни – один из самых крупных и влиятельных нахараров страны. В час грозного испытания, когда более, чем воздух, было необходимо

единение, спаянность, возникали распри, разлад, открывалась возможность предательства, смут и распрей, которые могли привести страну к гибели.

Выступив вперед, Вардан решительно обратился к Гюту:

– Довольно! Скажи нам свой окончательный ответ, государь Вахевуни!

Гют побледнел. Глаза его сверкнули.

– Поскольку духовенство издавна стремится поставить свою власть выше власти нахараров, пусть и в этот роковой час оно само держит ответ перед Азкертом! Не намерены мы проливать кровь за духовенство, и нет у нас повода к борьбе против царя царей!

– И мы лично дадим наш ответ самому царю царей в Тизбоне! – добавил Гадишо.

– Значит, вы не намерены встать на защиту страны, государи нахарары? – спросил Гевонд.

– Что-о?! Ты намереваешься стать судьей совести нашей, начетчик несчастный?! – разъярился Гют.

Толпа вокруг храма напрягала слух, – отзвуки разгоревшегося спора доходили и до нее. Вот ясно послышался голос Гевонда:

– Страх смерти сковал вас, туман бесчувствия объял ваши души! Блуждаете вы подобно лунатикам и не видите ничего кругом, говорите – и не мыслите. Чего требует от нас исчадие ада, щит зла, орудие сатаны?!.

– Будь осмотрительней, отец! – с угрозой прервал его Гют.

– Сандарамет преисподней, мне ли его страшиться?! – не слушая, повысил голос иерей. – Неужели молчать мне, покориться, когда он требует, чтоб мы погасили свет и приняли тьму?

– Что ж, ты осмелишься противостоять царю арийскому? – с угрозой спросил Гют.

– Государь Вахевуни, если даже целое полчище тиранов станет передо мной, я и тогда буду противоборствовать им!

– Молчи, мятежник! – вышел из себя Гют.

– Пусть я мятежник, но не слепец! – не уступал Гевонд.

Внезапно воцарилось зловещее молчание. Все ждали, что вот-вот раздастся лязг мечей. Внутри храма происходил беспримерный поединок между нахараром, стремившимся сломить дух противника, и иереем, который выступал против него с неслыханной смелостью.

Толпа, всколыхнувшись, придвинулась вплотную к храму, пораженная этим непристойно резким столкновением нахарара со священнослужителем. Это неслыханное событие можно было объяснить лишь тем, что Гевонд уже считал себя воином – защитником родины.

– Вон из храма! – прогремел Гют.

– Что делается, боже, что делается?! – прокатилось по толпе.

– Вон из храма!.. – повторил разъяренный Гют.

– Государь Вахевуни!.. – послышался предостерегающий голос Вардана.

– Государь Вахевуни!.. – вторили ему некоторые нахарары. На паперти послышались ошеломленные голоса:

– Смотрите, смотрите, что творится!..

– Священника! Священника из храма выгоняют!

Оцепенев, все растерянно глядели на двери: там совершалось нечто неслыханное и отвратительное – телохранители Гюта выволокли из храма иерея Гевонда, который потрясал кулаком, задыхаясь и дрожа всем телом.

– Повелеваю прочесть воззвание к воинству армянскому! – послышался из храма яростный голос католикоса.

– О-о-о! Слышите, братья? Воинство созывают! Вот до чего дошло!..

Внутри храма послышались встревоженные голоса нахараров.

– Святой отец, чрезмерно это!..

Многоголовая, густая, безмолвная народная масса непрерывно и тяжело напирала и

продвигалась вперед, туда, где происходил спор – к храму. И сколько бы ни отталкивали назад эту непокорную массу, она не ослабляла своего безостановочного, неодолимого напора.

Возглас католикоса смутил всех – и нахараров, и духовенство, и народ. Обращение к воинству армянскому знаменовало час крайней опасности. По старинному, неписаному закону, вооруженные силы страны, известные под именем «воинства армянского», в иерархии государства числились даже выше нахарарства и в исключительных случаях подчинялись непосредственно католикосу.

Выведенный из храма иерей Гевонд громко возгласил:

– Народ армянский! Воззови к воинству своему! Пусть оно поднимется на защиту страны! Князья отказываются ее защищать!..

И тотчас, рассекая толпу, к храму со всех сторон устремились группы воинов. Одновременно туда же хлынула толпа горожан, которая, однако, была вынуждена уступить дорогу ринувшейся в храм мрачной, фанатической массе монахов, возглавляемых настоятелем сюнийского монастыря отцом Григориосом и старым монахом. Высоко подняв кресты, монахи угрожающе потрясали им в воздухе.

Единению собравшихся в храме был нанесен удар. Намечался раскол, Гют выступил вперед и заявил:

– Восстаньте, если хотите, вместе с воинством вашим против царя царей! Мы в мятеже участия не примем!

– Вы затеваете предательство в час страшного испытания! – бросил ему Вардан. – И вы ответите за это перед страной! Опомнитесь!

– Мы мятежного послания не подпишем! – крикнул в ответ Гют.

Вместе со своими единомышленниками он направился к выходу, но остановился в дверях храма.

Толпа по ту сторону дверей всколыхнулась:

– Что случилось? На чем решили? Какой ответ дают?..

– Артавазд вырвался из недр Масиса!.. Конец стране Армянской!.. – исступленно прозвучал чей-то хриплый голос. Это был голос Зареха из селения Акори у расселины Масиса.

Тысячи лиц повернулись к нему, дрожь ужаса пробежала по толпе. Мрачное предчувствие охватило ее: казалось, сейчас погибнет нечто гораздо большее, чем думали, – самое основное, сама твердь земная, и в разверзшуюся под ногами бездну стремительно полетит тот мир, в котором зародились и испокон веков мирно существовали люди. Казалось, приходил конец роду людскому, надвигалась гибель мира…

– Конец стране Армянской!.. Спасайте!.. – стоном прокатилось по толпе.

– Как это конец стране Армянской?! О чем вы говорите?! – с гневом выкрикнул Аракэл.

– Отдают страну Армянскую Азкерту… Отдают землю родную!.. – отозвались голоса.

– Как отдают? Кто отдает? – зарычал Аракэл. Он пробился сквозь толпу и злобно огляделся. – Кто отдает? Черноголовые или нахарары? – И решительно повернулся:- Идем посмотрим, кто это там отдает и кто берет, и о чьей стране разговор?

– В уме ли ты?! Опомнись! Головы тебе не сносить! – возразил один из стоявших рядом с ним.

– Головы не сносить? – разъярился Аракэл. – За то, что землю родную хотим защитить?! Да если ее отдадут чужестранцам, то что для нас смерть? Чем она нам страшна?

И вдруг, весь преобразившись, он вскочил на камень и обратился к народу:

– Слушайте, братья! Не чужим за наше дело стоять! Родная земля, да разве это не вы сами?

– Мы! – послышались бесчисленные могучие голоса.

– А раз родная земля – это мы, то ведь и бой идет за эту родную землю. Записываюсь в воины и посвящаю дух свой делу защиты родины! Кто со мной? Идем! За родину! – крикнул

он и быстро зашагал к храму.

– За родину! Идем! – пронеслось громом.

– Конец наступает стране Армянской!.. Спасайте!.. – вновь прокаркал зловещий голос Зареха.

Толпа всколыхнулась, раскачалась и потекла густым и тяжелым потоком. Плечом к плечу шли Вараж, Ерзас, Маркос, Горнак-Симавон, Мартирос, кузнец Оваким, дед Абраам, крестьяне-беглецы, ремесленники, воины.

– Двигайтесь!.. Двигайтесь! – понукали задние ряды. А передние кричали:

– Стой, стой!.. Не напирай!

Но никто никого не слушал. Толпа напирала, она текла к храму упорно, безостановочно, грозно.

Какой-то разъяренный сепух кинулся было на Аракэла, но тот так толкнул его и толпа так подхватила его, что сепух утонул в человеческом потоке, который повлек к храму и его.

Нараставший грозный гул толпы обеспокоил собравшихся в храме. Там только сейчас поняли, что подступает народ и чем это грозит.

– Что это?.. Ворваться хотят?.. – с тревогой повернулся Гют к Гадишо.

Гадишо кинул злобный взгляд на сурово глядевшего в его сторону Вардана и с горькой улыбкой обернулся к дверям храма – туда, где стоял Гют. А перед Гютом открылось зрелище, еще более ужасное и грозное, чем все, что ему когда-либо приходилось видеть в жизни.

С мрачной решимостью, с воловьим упорством протискивался вперед крестьянин Саак, прокладывавший дорогу тем, кто шел позади него. Народ все сметал на своем пути. И вот уже передние ряды, теснимые сзади, подступили вплотную к дверям храма. Стража и княжеские телохранители выставили навстречу им острия своих копий. Через открытые двери подошедшие заглянули внутрь храма и на мгновение опешили, встретив суровые и осуждающие взгляды князей и духовных пастырей.

– Отгоните толпу! – с яростью приказывал телохранителя вышедший из себя Гют. Те выступили вперед.

– Назад! Назад!.. Осади! – кричали они, стараясь перекрыть гул толпы.

На минуту толпа дрогнула.

– Стойте!.. Стойте!.. Отойдите! – послышались вопли теснимых. Передние ряды пытались отойти. Но ничего не вышло. Течение продолжало нести их вперед.

И вот перед заграждавшими вход воинами появился Аракэл: смело вырвавшись из передних рядов, он бросился к дверям. За ним тотчас последовали другие, и толпа подступила вплотную.

Находившиеся внутри увидели себя окруженными со всех сторон. Неумолчное, грозное рычание массы угнетало их, парализовало их волю и мысль. Все усиливаясь и усиливаясь, оно превращалось в титанический ропот, ропот возмущения и ярости, смешанный с молитвой и надеждой.

– Как вы дерзнули ворваться в храм?! – крикнул Гют, пытавшийся этим окриком заглушить свой собственный страх.

– Во имя священной родины! – вновь возопил Зарех.

– Во имя священной родины! – загремела в ответ толпа, словно она лишь теперь с ужасом увидела грозившую родине гибель В храме колыхались новые лица: выплывало лицо Зареха со взором, который затуманило исступление; лицо Саака, с яростным, безмолвным упорством остановившегося впереди всех и казавшегося наиболее грозным. Его взгляд давил Гюта. Страх вызывала эта еще недавно покорная толпа. Ее мужество и воодушевление, ее отчаяние и решимость были способны смести все: и власть, и веру, и церковь, и закон.

– Вон! Вон отсюда! Куда вы лезете, бесстыжие? – кричал Гют.

Аракэл, на которого устремлены были все глаза, шагнул вперед:

– Мы пришли стать на защиту родины!

– И ты осмеливаешься так говорить с князем, раб презренный! – вспыхнул Гют и

обернулся к телохранителям:- Выбросить его!

– Князь! – еще ближе подступил Аракэл. – Свидетель наверху – бог, внизу – народ армянский: я присягнул быть воином, отдать себя родине… Я не знаю страха и смерти не боюсь!..

Воин родины… Это была добровольная присяга, обет стоять насмерть перед врагом, решение во что бы то ни стало победить врага, не считаясь ни с его силой, ни с чем, ни даже со смертью, Поборов смерть, пройдя через нее, народ – грозный, отбросивший страх и нерешительность, – уже сам был страшен и грозен. Он не подчинялся больше ни князю, ни царю, он восставал против них, говорил им в лицо всю правду, клеймя несправедливость и насилие. Не имело смысла спорить с ним, пытаться сломить его волю, даже уничтожить его: он решил бороться до победы. И принимал обет воина родины лишь гот, кто непоколебимо решил защищать справедливость и свободу против несправедливости и насилия. Злоупотреблять правом воина родины не осмелился бы никто: приносили присягу лишь те, кто был охвачен возвышенным, священным воодушевлением, кто искренне посвятил себя великому делу.

Клич «За народ! За землю!» разрешал каждому то, что доселе казалось запретным. Он давал право спорить с царями, марзпанами и князьями. Толпа почувствовала, что лишь с этим кличем может она требовать от сильных мира сего, чтобы они защищали страну от врага, от сборщиков дани, от персидского ига. Это был клич народной ярости, – народ требовал восстания, сопротивления.

В этот высший миг напряжения всех своих сил народ создал сам себя. Подхватив иерея Гевонда, воинов и монахов, народные массы с непреодолимой силой ворвались в храм.

Вардана, который не без тревоги следил за этим вторжением, также больно задело попрание власти, забвение должного почтения. Но с проницательностью опытного полководца он сумел проникнуть в смысл этого вторжения и оценить его.

Сделав несколько шагов по направлению к дверям, он громко приказал затерявшимся в толпе сепухам и телохранителям.

– Оставьте народ в покое! – И бросил суровый взгляд на Гюта.

Сепухи и телохранители отступили.

– Что смутило вас, братья? – обратился Вардан к толпе, продвинувшейся еще глубже в храм.

Аракэл выступил вперед и промолвил, не поднимая сумрачного взора:

– Спарапет! Мы пришли узнать, какой ответ вы даете Азкерту. И вот говорим вам: дайте ответ, какой пожелаете, но мы все присягнули! Мы будем сражаться и страну не отдадим, как бог свят!

– Присягнули в этом и мы, брат крестьянин! Не отдадим, клянусь господом истинным! – вдруг вспыхнув, отозвался Вардан.

– Истинный господь, не отступимся! – громом прокатилось по толпе.

Вардан осенил себя крестным знамением; в толпе последовали его примеру.

«Воин родины!» У Гадишо и Гюта эти слова вызвали глубокую тревогу.

Но пока Гют стоял в нерешительности, Аракэл подступил еще ближе.

– Всем народом считаем себя воинами родины! Мы будем защищать страну! Так и передайте царю!.. – точно мечом отрубил он.

– Будем защищать!.. Воины родины! – тысячью голосов загремела воспламенившаяся толпа.

Атмосфера накалялась. Люди преобразились. Казалось, рухнула основа мира. Простолюдин восстал, поднялся, стер вековую черту, отделявшую его от князя, сравнялся с ним, стал самостоятельной силой. И это было самым страшным для нахараров, страшным и неожиданным, как землетрясение, наводнение, как извержение вулкана.

Нахарары – единомышленники Васака – были охвачены бешенством, и лишь страх смерти вынудил их снести это унижение. Не менее тяжелым и неприятным показалось создавшееся положение и сторонникам Вардана; но они чувствовали, что иного выхода нет,

что началось нечто небывалое, невиданное, но неизбежное, и что с этим положением надо примириться и молчать хотя бы во имя спасения своей власти и страны.

В наступившем молчании Вардан взошел на ступеньку алтаря и поднял руку, требуя молчания. Толпа затаила дыхание.

– Государи нахарары, святые отцы, народ армянский! Мы стоим перед грозным могуществом арийцев. Тиран занес над нашей страной меч уничтожения. Под предлогом веры посягает он на наше самовластие, на нашу страну, нашу свободу. Готовы ли вы бороться, защищать родную страну?

– Готовы!.. – в один голос отозвалась толпа.

– Готовы и мы!.. – воскликнул Артак.

– И мы! – повторил Атом.

К ним присоединился и Аршавир Аршаруни, и даже Нершапух, осознавший, наконец, всю важность происходящего.

Остальные нахарары – и сторонники и противники Вардана – также выразили согласие с его словами.

– Много мы думали, много и спорили. Бились, чтоб отыскать слово мира для царя царей. Но слово мира, направленное тирану, – это согласие покориться ему, пойти на предательство и смерть! И да поможет нам бог!

– Да поможет нам бог! – грянул народ. Вардан загорелся:

– Предки наши завещали нам защиту отчизны. Ценою своей крови отстояли они свободу и отчизну и нам оставили завет – хранить неприкосновенными святыни эти. Защитим же завещанные нам сокровища! Умрем, но не отдадим врагу ничего!

– Умрем, но не отдадим! – загремел мощный многоголосый ответ народа.

Тяжелое дыхание толпы, власть ее тысячеокого взгляда подавляли всякое сопротивление. Развеялись, как дым, раздумье и словопрения, козни и интриги. Страна всколыхнулась, сдвинулась непоколебимо и бесповоротно.

Вардан почувствовал, что наступил решающий миг. Медлить далее было бы опасно.

– Братья! – возвысил он свой голос. – Указ требует от нас ответа. Дадим же достойный ответ!

– Истинно!.. Дадим ответ! – подхватили многие князья, и лишь Гадишо многозначительно переглянулся с Гютом и Артаком Рштуни.

– Святейший отец! – обратился Вардан к католикосу. – Пробил час. Повели приступить к составлению ответа!

– Да ниспошлют нам святыни наши и наша совесть должную мудрость! – провозгласил католикос. – Приступим!..

Заполнившая храм масса нахараров, духовенства, народа и воинства опять всколыхнулась. Тысячи голов поднялись к небу.

Когда движение замерло и рокот утих, католикос обратился к Езнику Кохпаци, Гевонду и Егишэ:

– Повелеваю вам, отец Езник, и тебе, отец Гевонд, равно как и тебе, брат Егишэ, – пишите опровержение учения маздаизма!.. Господь наш и народ армянский да будут вам оплотом!

– Аминь!.. Аминь!.. Аминь!.. – мощным эхом откликнулось слово народного одобрения.

Тотчас воцарилось спокойствие, какое нисходит на людей, переступивших порог смертельной опасности, будь то посреди бешено стремящегося потока, перед отверстой пастью хищного зверя или под мечом врага, – миг высшего напряжения и одновременно высшего спокойствия. Еще момент – и пройдена черта, поздно будет отступать, «свершилось»!

Волна надежды, мужества и боевого воодушевления подхватила всех. Пронесся вздох облегчения. Люди начали перешептываться, появилась улыбка на лицах… Все почувствовали, что свершилось таинство обета, все присягнули на единение. Это сознание

так властно овладело всеми, так ярко сверкало у всех в глазах, что высказаться против него уже никто не мог.

Гадишо опустил голову, и это удручающе подействовало на его сообщников. Они также смотрели понуро, молча выжидая, как будут развиваться события далее.

И покуда каждый воспринимал происходящее по-своему – кто с воодушевлением, а кто и с малодушием, – три человека, весьма между собой несхожих по строю мыслей и по натуре, сидели, поджав скрещенные ноги под себя, с дощечками для письма на коленях и набрасывали на пергаменте черновик ответа.

Наконец, Езник, человек трезвого ума, привыкший подчинять чувства разуму, подал знак Гевонду и Егишэ, что пора объединить и отделать все написанное. Он взял их рукописи, просмотрел, сделал нужные указания и изменения, перечитал все снова и, встав, сообщил во всеуслышание, что ответ готов.

По храму пробежал шепот, все замерли.

– Читай! – повелел католикос Гевонду.

Гевонд взял в руки текст и стал размеренно, четко читать суровым своим голосом:

– «Католикос армянский Овсеп с братией от старших пастырей и до самых младших в миролюбии великом шлет привет тебе, Михрнерсэ, великому азарапету арийцев и не арийцев, наивеличайшему Спарапету арийцев!..»

Это было общепринятой и пристойной формой обращения, от которой не пожелал отказаться Езник Кохпаци хотя бы во имя сохранения собственного достоинства.

Затем в ответе давалось толкование сущности христианства, составленное Езником как с исключительной смелостью, так и с глубокой философской обоснованностью. Мир был им представлен как некое многообразие веществ, управляемых высшим и всесильным началом.

Внимая ему, участники собрания как бы впервые почувствовали силу и красоту высокой мысли. Полемизируя с Михрнерсэ, которого в стране арийцев прозвали эрпэтан-эрпэт – то есть главой знатоков, толкователей закона, – Езник в ответе намеренно обращался к нему следующим образом:

– «Когда бы ты хоть малость откинул в сторону стремление власть свою раздуть и как равный с равными в спор вступил, признаем мы, что в чем-либо ином ты был бы мудр весьма…»

Артак, стоявший с Атомом чуть поодаль и напряженно прислушивавшийся к чтению, задумался. Гевонд читал дальше:

– «Мир материален, и все его вещества различны и друг другу противоположны. Но един творец всех противоречий, сводящий их всех воедино и любовью примиряющий их друг с другом. Умеряет он жар огня прохладой воздуха, жестокую суровость воздуха – жаром огня, равно как и дробит на мельчайшие частицы землю трением ее о затверделое гладкое дно воды…»

«Вот как следует приступать к войне! – подумал Артак. – Необходимо вначале подавить дух арийцев… Молодец, отец Езник, славно ты начинаешь!..»

– «Но если ошибаешься ты по неведению твоему, – читал меж тем Гевонд, – то мне, достоверно все это ведающему, следовать за тобой в заблуждении твоем не подобает…»

Гевонд потрясал своей львиной гривой, голос его рокотал под сводами храма, воспламенял сердца.

Пока ответ еще касался вопросов богословия, он действовал на разум слушателей. Но когда Гевонд подошел к боевой части, народ дрогнул, хлынул вперед и обступил его. И вот послышались слова:

– «От веры нашей не отторгнут нас ни ангелы и ни люди, ни меч и ни огонь! Отныне обо всем том, что здесь изложено, ты нас уже не спрашивай, ибо обет веры нашей дан нами не смертному, чтоб могли мы обмануться, подобно дитяти, – господу богу дан наш обет, и нерушим он, и не будет отказа от него ни ныне, ни присно, ни во веки веков!..»

Гевонд закончил чтение, неровными шагами приблизился к католикосу и дрожащей рукой протянул ему пергамент.

– Приемлете ответ сей? – обратился католикос к нахарарам, к духовенству и к народу.

– Приемлем! – отозвались нахарары и духовенство. Аракэл приложил руку к сердцу в знак смирения и промолвил:

– Спарапет, мы люди простые, с письмом и грамотой дела не имеем. Мы в бой пойдем, но родины не отдадим. Если смысл вашего письма таков, – мы приемлем!

– Приемлем! – прогремела толпа.

Напряженная атмосфера разрядилась. То, что было немыслимо сказать вчера, было сказано сегодня. Следовательно, сказать это слово было возможно… И как хорошо, что оно было наконец сказано Охваченный чувством гордости, Артак не сводил глаз с Езника и Егишэ.

«Как же может слыть мудрецом тот невежественный старец в сравнении с подобными философами?! Они мир исследовали, проникли в его тайны. У них разум, высокая мысль, изысканный вкус и светлая чистота нравов… Ужели подобает им марать руки в саже, поддерживая неугасимой стихию, подчиненную наигрубейшему воздействию со стороны воды и ветра?»

Артак еще раздумывал над этим, когда Вардан Мамиконян вдруг обнажил свой меч и, взмахнув им, оглядел князей.

– Поклянемся же остаться верными стране родной! – воскликнул он вдохновенно.

Его движение было символом воинской присяги.

Нахарары немедленно последовали его примеру и, выхватив мечи, подняли их. Незавидным было положение Гадишо и Гюта Особенно неловко чувствовал себя Артак Рштуни. Тайно примкнув к сторонникам Васака, он не переставал колебаться до этого момента…

И Гадишо и Гюту страстно хотелось бы уклониться от воинской присяги. Но, оглядевшись вокруг и заметив пылающие восторгом грозные лица, взглянув на народ, заполнивший теперь уже весь храм, они сочли за лучшее покориться течению событий и, поневоле обнажив мечи, подняли их над головой.

– Посвящаем себя защите отчизны! – громко произнес Вардан.

– Посвящаем себя защите отчизны! – отозвались нахарары.

– Посвящаем себя защите земли и народа! – возгласил Аракэл.

– Посвящаем себя!.. – прогремел ответно народ.

– Клянемся объединить отряды, оружие, уделы наши и крепости, составить единое войско и единую силу страны нашей! – воззвал Вардан.

– Клянемся объединить! – отозвались нахарары.

– После сего правомочен Спарапет объединить все полки нахараров в единое войско страны Армянской! – сформулировал принятое решение Ваан Аматуни.

– Правомочен по воле и благословению господа! – освятил присягу католикос, осеняя крестом присутствующих.

Грозное бедствие, нависшая над страной опасность объединила все три сословия, веками враждовавшие и ненавидевшие друг друга. Сама жизнь повелела отложить на время непримиримость, дабы каждый мог спасти свое положение, свою жизнь, свое достояние, свой удел и потом возобновить прежнюю междоусобную борьбу.

Церковное пение зазвучало грозно, по-боевому. И в этой раскаленной атмосфере было принято и освящено ответное послание. Артаку показалось, что какие-то могучие крылья подхватили его. Он коснулся своим мечом меча Атома, взглянул на его сосредоточенное прекрасное лицо, почувствовал, что Атом смотрит на него, хотя и не поворачивает головы, – и прилив новой силы заполнил все его существо.

Артак смотрел на Вардана, преображенного какой-то чудодейственной силой и помолодевшего, с глазами, сиявшими радостным и победным светом. Он заметил, что постепенно взгляды всех присутствующих обратились к Спарапету. И он понял, что в этой накаленной атмосфере, в этой запутанной религиозной полемике, в великой сутолоке народного брожения рождается тот великий полководец, который призван вести за собой

весь народ…

Куда он поведет народ, куда приведет его – было скрыто непроницаемым туманом. Но в этот миг, после сковывавшего всех оцепенения, после стольких колебаний и сомнений, вся тревога пропала. Конец! Вот он – вождь, полководец… Разумеется, он был им и прежде, но служил он тогда царю арийцев. Теперь он будет служить делу родной страны!

Пение утихло. Слышалось лишь, как дышит народ. Католикос обратился к присутствующим:

– Прием лете ли вы сей ответ и согласны ли, чтоб он был отослан азарапету арийскому?

– Приемлем! – почти единогласно отозвались нахарары.

– А вы, святые отцы? – обратился католикос к членам духовного собора.

– Приемлем! – ответили прибывшие из всех областей страны епископы.

– А ты, народ армянский, приемлешь?

– А мы с самого начала согласны были и приемлем! -воскликнул Аракэл.

– Согласны! Приемлем!.. – прогремел и отозвался эхом внутри храма и вокруг него ободряющий тысячеустый голос народа.

– Глас народа – глас божий, – произнес католикос, осеняя всех крестным знамением.

– Итак, да будет ответ сей отослан азарапету арийскому!..

Артак оглядел народ, напряженно следивший за происходившим. Он заметил, как суровы и решительны сделались лица. Удивительная сила кроется в великих решениях, – какой ясностью и радостью озаряется жизнь после их принятия!.. И пусть последуют испытания и кровопролитие! Теперь стало ясно, как надлежит поступать – сопротивляться. Теперь есть народ, который пожелал бороться, и есть вождь, который поведет его на бой. Важно то, что теперь каждый знает, что ему надлежит делать..

Участники собрания радостно и оживленно обсуждали события.

– Слава господу, перед нами ясный путь! – говорил Артак Мокац. – Знаем теперь, куда идем…

Вардан подошел к католикосу, обсудил с ним порядок отсылки ответного послания и затем обратился к нахарарам:

– Государи! Послание будет зачитано перед марзпаном и затем уже вручено сановнику, доставившему нам указ. Согласны вы?

– Да будет так! – отозвались нахарары.

– Итак, государи, чиста ныне совесть наша перед господом и родиной. Чиста она и перед нами самими… Приветствую мужественное решение, принятое вами. Пойдем же, дело не терпит промедлений. Отпусти нас, святейший отец! – сказал Вардан в заключение.

Католикос прочел краткую молитву и распустил собрание. Нахарары двинулись к выходу, и народ расступился, теснясь, чтоб дать им пройти. Радостные лица, решительные взгляды свидетельствовали о том, что в этот день поистине была одержана победа…

Действительно, в этот день народ сумел разорвать окутывавший его туман и овладел драгоценнейшим из сокровищ – он познал самого себя.

Артак сжал руку шедшего рядом с ним Атома, который ответил ему таким же пожатием.

– Будем сражаться, князь? – спросил Артак, склонившись к его уху.

– Сражаться, чтоб жить! – с ясной улыбкой отозвался Атом.

Они прошли сквозь расступившуюся толпу и вместе с представителями духовенства направились ко дворцу. Народ медленно выходил из храма. Лица казались оживленными, преобразившимися.

– Расшевелились наши наверху!

– Пошел ответ тирану!

– О власти разговор идет, Акобос, о власти! Разве откажутся они от власти?! Да где же хотя вон эти даровой хлеб найдут? – Говоривший указал на монахов, наводнивших столицу подобно стаям черных воронов.

Кто-то протяжно сказал:

– Ох, и сколько же земли надобно, чтоб их прокормить!..

– Да разве насытишь их? Пропади они пропадом!

– Замолчи, язычник! Грех!

– Да ну тебя, скажет тоже!.. «Грех»!.. Эй, заводи, что ли, Горнак-Симавон!

Все окружили Горнак-Симавона. Тот достал из-за пазухи трубу, подмигнул остальным гусанам, приказывая вторить ему, и оглушительно громко заиграл мелодию воинственной пляски. Пустились в пляс сотни людей Запылали факелы. Народ нес охапки жердей и раскладывал их кучками: начиная плясать, танцоры выхватывали жерди и зажигали их от факелов. Толпа распевала оставшуюся еще от времен Аршакидов языческую воинскую песню, которую народ прежней, независимой Армении сложил в дни своей вольной мощи:

Наверх, наверх по Масису,
По Масису наверх,
Вольные храбрецы наверх,
По Масису наверх!
Дым отчизны, вейся вверх,
По Масису вверх,
Зовом вольным воззовите наверх,
По Масису наверх!

Воспевая хвалу свободе, стремительно кружилась цепь пляшущих.

Из дворца пришли полюбоваться Атом, Артак Мокац, Гевонд, Егишэ и Езник. В этой языческой пляске им чудился вольный народный дух, пробуждение которого было так необходимо в час испытания. Встрепенулся даже Гевонд, вспомнивший юношеские годы, когда и он принимал участие в подобных увеселениях. Сейчас ему и его братьям по сану это уже не подобало, но пляска какой-то необъяснимой силой воодушевляла даже их.

– А ну, в середину! – обернулся Артак Мокац к молодым воинам.

Махнул рукой юношам и Атом. Воины и юноши быстро сплели вторую цепь вокруг первой цепи хоровода, и пляска разгорелась. С лязгом сшибались поднятые вверх мечи. Появились огромные, в человеческий рост, барабаны, и их воинственный рокот оглушающе отдавался в ближних улицах города. Составив широкий круг, угрожающе сверкая глазами, неслись в пляске Вараж и его «язычники», усердно притопывая ногами и поводя могучими плечами.

Все – и ремесленники, и торговцы, и прибывшие в город крестьяне, монахи и князья, – все вступили в пляску, забыв, что находятся под стенами храма, Откуда-то шэигнали быков, зарезали и зажарили; под песни и ликование начали опоражнивать бурдюки с вином.

А исполинский хоровод продолжал кружиться и греметь под крики толпы:

– Бей… Рази!.. Голову царю снеси!

И до утра тяжко ухала земля и гремела воинственная песня свободы.

Когда Васаку сообщили, какой ответ написан персидскому царю, когда он узнал об обете нахараров и мятежном поведении народа, ему показалось, что он видит странный и дикий сон. Васак встряхнулся, потер лоб, подошел к окну, выглянул из него – понял, что не спит, что все это происходит наяву, и осознал весь ужас случившегося. Его будто обухом ударило. Он почувствовал, чго колесо судьбы как бы соскочило с оси и стремительно катится в бездну. Очень уж круто повернула государственная колесница на неожиданном повороте…

И как он допустил это? Ведь он надеялся хитростью обезвредить, сковать противостоящие ему силы. Он полагал, что среди князей так укоренились верноподданнические чувства, что они так уже обезличены и усмирены, так дрожат за свое княжеское звание, что им и в голову не придет ответить царю царей столь смело. Не был ли персидский азарапет устами царя царей? Ведь послать такой ответ Михрнерсэ означало восстать против самого царя царей!..

– Нет, и как я допустил до этого?! – повторил уже вслух Васак. – Что же делать теперь?.. Повернуть вспять покатившееся колесо? Заставить считать несовершившимся

совершившееся?.. Невозможно! Но что же последует за этим? О, несомненно, – величайшее, грозное бедствие и злополучие… Прежде всего буду смещен я сам с поста марзпана. У нахараров отберут их княжеское звание и владения, а семьи угонят в Персию. Персидские войска растопчут всю страну. И то, чего не удалось добиться словом убеждения, будет достигнуто огнем и мечом, разрушением и кровопролитием… Нет! Нужно положить конец этому безумию!..

Васак почувствовал, что у него меняется взгляд на совершившееся. Теперь он ясно наметил свое будущее отношение к мятежным нахарарам и особенно к Вардану Мамиконяну.

Глухой и стародавний антагонизм, имевший и ясные и скрытые причины, сейчас сорвал с себя покрывало и обратился во вражду и ненависть.

Да, у Васака Сюни нет после этого никакой возможности примириться с Варданом Мамиконяном! Они враги!

Он ждал, чтоб ему принесли текст послания, о котором его люди могли дать пока лишь отрывочные сведения.

Вошел дворецкий и доложил, что прибыл гонец от собрания нахараров.

Васак оглядел гонца и знаком приказал говорить.

– Государь марзпан! Спарапет и владетель Арцруни просят тебя пожаловать на собрание: будет зачитан ответ.

– Все ли в сборе?

– Все, государь марзпан.

– Выйди и жди во дворе!

Гонец удалился. Васак решил уступить, принять приглашение, хотя это и было для него унизительно. Но он предпочел, скорей, пойти сам, чем собрать мятежников у себя во дворце. Дворецкий принес Васаку одеяние и знаки достоинства марзпана. Васак стал переодеваться, приказав личной охране выстроиться у ворот, на улице. Одевшись, он взял жезл, быстро вышел из дворца и вскочил на подведенного ему нарядно убранного скакуна. По знаку марзпана, его окружила свита, состоявшая из богато одетых и вооруженных горцев мужественного вида – юношей и старых воинов, составлявших его личную охрану в течение долгих лет.

Гонец выступил вперед, и Васак в полном молчании торжественно проследовал по улицам Арташата.

Навстречу вышла из дворца большая группа служителей. Они почтительно приветствовали Васака. Телохранители выбежали вперед и, подхватив стремена, помогли ему сойти с коня.

Затем Васака с подчеркнутыми знаками почтения проводили в зал для приемов, где собрались уже все нахарары и духовенство во главе с католикосом.

При виде Васака все встали и поклонились, отвечая на его приветствие. Нахарары проводили его к предназначенному для марзпана креслу. Васак сел, и лишь после него заняли свои места все нахарары.

Немедленно нахарары встали опять и в свою очередь приветствовали марзпана, который ответил им медленным наклонением головы.

– Ответное послание готово, государь марзпан! – молвил католикос. – Если повелишь, огласим его.

Васак мановением руки выразил свое согласие. На сей раз католикос сам взял в руки пергамент, развернул его и стал читать.

Васак, казалось, не слушал его: он пытливо всматривался по очереди в лица нахараров, духовных пастырей, своих сторонников, глядел на Вардана и неприметно поглядывал в сторону Ваана Аматуни.

Начало ответа ему показалось не плохим. Религиозно-философские пререкания он полагал менее опасными. Но когда, вслед за полемическими пунктами, он услышал оскорбительные выпады по адресу азарапета персидского, его охватило сильнейшее

беспокойство. Он вновь окинул взглядом всех нахараров, одного за другим. Они казались изменившимися. На их лицах читалась какая-то тревожная решимость…

«Эти люди решились!» – подумал Васак.

Это было ясно и по всему их виду и в особенности по спокойной уверенности их взглядов.

Закончив чтение, католикос остановился и выжидающе взглянул на Васака. Обратили взгляды на него и все нахарары.

Васак задумался, затем, как бы обращаясь к самому себе, вымолвил:

– «От веры этой не могут отторгнуть нас ни ангелы и ни люди, ни меч и ни огонь…» Гм, что и говорить!.. Вам – мятеж, а мне – ответственность?! Ответное послание готово. Ответ на ответное послание тоже. Ответы на ответы тоже… – продолжал он негромко, с усмешкой.

Все были изумлены, все ждали, что Васак объяснит, в шутку ли он говорит, или всерьез.

Но нет, он не шутил!

– Итак, ответное послание написано. Да, государи нахарары! «Скажите, когда писался ответ, все ли было взвешено, все обдумано, все взвешено, и лишь после этого бил составлен ответ?» – «Да!» – «А где был марзпан?» – «В столице…» Так не удивляйтесь, государи нахарары, если первым ко двору буду призван именно я!

– Мы и не удивимся! – отозвался Вардан холодно и чуть пренебрежительно.

Васак вздрогнул, словно от неожиданно полученного удара.

– Ну да, государь марзпан, во главе всех дел страны поставлен марзпан, и он несет ответственность за все. Такова уж должность марзпана!

– Должность марзпана установлена персидским двором и прежде всего установлена для служения великой арийской державе. Сидеть в этом кресле и внимать вашему ответному посланию мог бы перс! Случайно сижу я…

Вардан спокойно прервал его:

– Согласен ли ты дать этот ответ?

– Я христианин и армянин! – гневно ответил Васак Сюни. – С духом послания я, разумеется, согласен! Но ведь одновременно я – марзпан, я – сановник царя персидского! Стало быть, я не могу участвовать в ответе так же, как не мог явиться в храм, когда вы этот ответ составляли. Здесь – вы, а там – царь персидский. Я отошлю ваш ответ царю царей и скажу так: «Вот наши нахарары – твори волю свою…» Вардан возвысил голос:

– Зачем ты постоянно поминаешь имя царя персидского и связываешь этот вопрос с царем царей? Предоставь царю царей заниматься делами его государства! А наше дело- наша совесть, наша страна, наша свобода! Если ты хочешь запугать нас, так и скажи!

– Мы уже посвятили себя смерти, государь марзпан! – произнес Ваан Аматуни. – А страшнее смерти в этом мире уж ничего нет… Мы связаны обетом!

– И господь бог – опора наша! -подтвердил католикос, подымаясь, чтобы прочесть молитву. Все встали; встал и Васак. Когда католикос закончил молитву, Васак сказал:

– Я ничего против не имею. Я требую лишь объединения разрозненных княжеских сил… Объединения всей страны Армянской!.. Поймите это!.. Переждите некоторое время…

Вардан сухо возразил:

– Ждать без конца мы не имеем возможности. Сейчас нам грозит уничтожение, и беда не будет ждать. Я воин, и я иду предупредить грядущую беду.

– Да воздаст господь каждому по совести его и разумению его! – сказал католикос. – Вот, государь марзпан, вручаем тебе наше ответное послание. Соблаговоли передать его сановнику, доставившему указ…

Католикос протянул пергамент; Гевонд подбежал, принял послание и передал Васаку.

Марзпан взял пергамент, свернул его, задумался на мгновение, затем встал.

– Да осенит господь доброй мыслью всех нас! – промолвил он, взглянул на Гадишо, понял смысл его ответного взгляда и решительно направился к выходу.

– Пребывайте с миром! – приветствовал он на прощание участников собрания.

– Иди с миром! – послышалось ему в ответ.

Наступившее тяжелое молчание свидетельствовало о том, что уход марзпана не принес нахарарам успокоения, а наоборот, смутил их. И смущение вызвали не только возражения марзпана. Чувствовалось, что еще какое-то сомнение тайно грызет души многих.

Молчание нарушил взволнованный и встревоженный католикос:

– Единения нет среди нахараров! Марзпан не согласен с нами… Вот в чем горе…

– Единения нет!.. – холодно подтвердил Манэч.

– Но единение необходимо. Мы связаны священным обетом! Мы клялись стоять насмерть, объединиться! Заговорил Вардан:

– Я начинаю бояться, что и это единение нахараров и духовенства не даст нам спасения!

Нахарары с тревогой и изумлением обернулись к нему.

– Тогда о какой же войне может идти речь? – с насмешкой заметил Манэч.

– Войну не мы затеваем, а Азкерт! – резко оборвал Вардан.

– Но разве война так уж неизбежна? Что представляем мы собой рядом с могущественными арийцами? – опять поднял голос Манэч. – Да и не готовы мы к войне, если б даже и пожелали воевать!..

– На весь народ гроза надвигается, о какой готовности может тут идти речь? – укоризненно возразил Вардан. – И князь, и простолюдин…

– Вот тут-то и таится корень зла – в этом простолюдине, в этом звере, которого вы выпустили из клетки! – не сдержал себя Гют, которого, очевидно, все еще угнетало пережитое им оскорбление.

– Совершенно правильно!.. – холодно и пренебрежительно произнес Гадишо. – Не так опасен Азкерт, как наш внутренний враг – простолюдин! Но теперь уже поздно, – добавил он со злобой. – Уже вырвался на волю этот зловещий поток! Теперь он все унесет…

– Да, унесет!.. – повторил с усмешкой и Вардан.

Вновь наступило тяжелое молчание. Вардан нарушил его:

– Так вот, государи, владетели страны Армянской! Тут удивляться нечему! Вы все медлите встать на защиту ваших исконных владений, а простой народ уже поднялся, чтобы защищать самого себя.

На лицах нахараров читались удивление и обида. Артак Рштуни не смог сдержать себя и с яростью, к которой приметалась ненависть, спросил:

– А кто позволит простому народу подняться? Как он посмеет?

Сухо и сумрачно Вардан отчеканил:

– Простой народ – это войско… Простой народ вас кормит и поит… Простой народ – это страна!..

– Простой народ – это войско?.. Но хозяин войска – я! Я погоню его – оно двинется, не погоню – оно не дерзнет!

– Государь Рштуни, ты народ в пропасть не погонишь… Не знаете вы народ! А у него есть своя воля!.. – с горькой насмешкой укорил Вардан. Затем он с угрозой повторил:- Народ восстанет!.. Не смирится он с бесчеловечными поборами, с угрозой уничтожения! Он ни перед чем не отступит…

– Он восстанет против своих владык?! – крикнул взбешенный Гют. – Тогда следует обуздать его хотя бы силой оружия!

«Мне и самому не по душе, что простолюдин вышел из повиновения… – подумал Вардан. – Но это уже не в наших силах! Простолюдина с самого начала в борьбу втянул сам враг…»

Но вдруг Вардан вспылил:

– Ты это кого обуздать собираешься, и зачем?! Кто же пойдет в бой в этот грозный час? Я и ты? И только? Это будет война простолюдина, и вести ее будет он сам! Да! – с горечью продолжал Вардан немного спустя:- Восстанет народ! И восстанет яростно, дико, как некая

стихийная сила… Он все будет сокрушать! И, быть может, будет сокрушен и сам… Мы обязаны возглавить все народное ополчение. Если спасение возможно, то спасет нас только народ! Если же погибнет он, то погибнем и мы… Простолюдин должен сражаться! Персы уничтожили нашу государственность. Теперь они хотят уничтожить и нахарарский строй и духовенство, и для этого тянутся лапами к основе нашей – к народу. К нашему последнему оплоту… Поэтому теперь, когда простолюдин поднялся на войну, наш долг – повести его на эту войну! В противном случае, предупреждаю, он нас поведет, если не ведет уже…

– Правда истинная! – подхватили Артак, Атом, Аршавир и несколько других нахараров. Но Нершапух молчал, не поднимая сумрачного взора.

– Простой народ – это страна, и страною мы живы! – с облегчением заговорил католикос. – Значит, будем уповать на простолюдина, и да спасет господь страну Армянскую!..

– Аминь! – откликнулись духовные пастыри, осеняя себя крестным знамением.

Католикос встал. Он умиротворенно перекрестил нахараров и простился с ними. За ним последовало все духовенство.

Нахарары встревоженно и сумрачно молчали. Вардан почувствовал, что сомнение вновь прокрадывается в их сердца. Он прямо, без обиняков сказал:

– Вы все еще во власти сомнения, государи? Оно не покинет вас, пока вы не увидите твердой надежды и залога успеха!.. Так слушайте: мы посылаем воззвание о помощи в Иверию, в Агванк, в Византию и к армянским князьям областей, отошедших к византийцам…

– Это необходимо! На это наша единственная надежда! – почти крикнул Нершапух, тяжело переводя дыхание.

– Несомненно… Истинная правда!.. – оживились нахарары.

– Мы обратимся к ним! – продолжал Вардан. – Это необходимо! У нас тогда будет выбор: примкнуть к той или иной стороне или пойти против нее…

Бросив при этих словах взгляд на Гюта, Гадишо и некоторых других нахараров, Вардан с возмущением заметил недовольство на их лицах. Он порывисто встал и нанес прямой удар:

– Но разве имеем мы право забывать слова императора, направленные персидскому царю: «Пока армяне будут жить в своей стране, покоя у нас не будет. Я пошлю моих армян во Фракию, а ты повели отогнать своих на восток!..» И чтоб после этого они стали помогать нам?! Если даже и помогут, то только из вражды друг к другу. Но чтоб они помогли нам стать на ноги?.. Не надейтесь на это! Мираж это и самообман. Мы обратимся к иверам и агванам, вместе с нами страдающим от тирании Азкерта. Вот они-то придут!

– Придут! – отозвались нахарары.

– Завтра же пошлем посольство к иверам и агванам!

– Непременно!.. Обязательно!.. Непременно!.. – подхватили нахарары.

– Но одновременно с этим, государи, повелите составить общегосударственное войско из ваших полков! – добавил Вардан.

– Обязательно! – согласились нахарары.

Было решено просить помощи у Иверии, у агван и у армянских князей отошедших к Византии областей, – просить их тайно готовиться и подоспеть с помощью, когда достоверно станет известно, что война неизбежна. В Византию решено было отправить особое посольство и на продолжительное время, поручив ему непременно убедить эту примирившуюся с Персией державу в необходимости помочь армянам.

– Каждое посольство будем отправлять в надлежащее время! – предложил Вардан.

Нахарары выразили согласие. Видно было, что они успокоились.

– Но одновременно не упускайте из виду народ, учитывайте его силу! – вновь предупредил Вардан. – Я уверен, что в конце концов нам придется рассчитывать только на него… Не притесняйте его. Будьте справедливы и благожелательны к нему… Облегчите налоги, вооружите его…

– Правильно! Правильно!.. – вновь послышались голоса среди нахараров.

– Будьте благожелательны и к духовенству! – увещевал Вардан.

Напряжение заметно разрядилось. Гют и Артак Рштуни сдали позиции, поняв молчаливый знак Гадишо. Аршавир Аршаруни, Артак Мокац и Атом Гнуни переговаривались в радостном возбуждении. Гют, Гадишо и нахарар Рштуни тоже старались выказать удовлетворение. Примирение и соглашение казались достигнутыми. Разговорился даже Вардан.

– Государь Мамиконян, недаром ты духовного происхождения: болеешь душой за духовенство! – шутливо обратился к Вардану Артак Рштуни.

– Не называй меня Мамиконяном, зови меня Спарапет – и будет правильно! – с полуулыбкой отозвался Вардан. – Мне нужны военные силы. Я обязан победить. Иначе ты первый станешь меня порицать, государь Рштуни! Кто мне поможет, тот и друг мне, будь он хоть дьявол из преисподней! – промолвил он и добавил:- Война требует объединения сил. Война против общего врага объединяет даже бывших противников. На войне не отказываются ни от каких сил, которые можно использовать. Не будем скрывать – нахарары ненавидят духовенство. Но ведь война не дело приязни или же неприязни. Война вещь суровая, она требует подсчета сил. А духовенство сегодня сила, значит, с ним надо объединиться, хотя величайшей нашей надеждой остается все же народ. Он сам, по своей воле поднялся против тирана; тут уже не принуждение, тут вольная стихия, необузданная сила… А я буду рад и ничтожной мошке, которая присоединится к нам и увеличит наши силы! Надо победить! А победить без единения у нас нет никакой возможности.

Нахарары еще долго слушали Спарапета, постепенно проникаясь новыми мыслями, пробуждаемыми неотвратимостью войны Васак покинул собрание в большом смятении. Он чувствовал, что ему противостоит какая-то могучая сила, и с ней еще будет великая борьба.

Он счел унизительным для себя говорить о мятежном поведении народа, о стычках между толпой и его воинами, но, спускаясь по лестнице дворца, мысленно вернулся к этим событиям.

– Все сошло с пути, все смешалось… – пробормотал он.

Всю дорогу он был озабочен.

Он видел, что ему предстоит опасная и трудная двойная борьба: внешняя – против интриг и злобы персидских сановников, и внутренняя – против нахараров.

Но о борьбе за иное, великое дело он не осмеливался еще и думать. Мысль давно копошилась у него в мозгу. Но теперь, когда надвинулось смутное время, потребность всесторонне обдумать эту борьбу делалась все более и более острой. И Васак решил больше не заниматься посланием к персидскому царю, а спокойно и серьезно обдумать именно это великое дело.

«Пора! Пора!.. – думал он. – Иначе будет поздно!..»

Неподалеку от своего дворца он заметил персидских воинов, выстроившихся перед воротами. Васак сделал знак рукой, и тотчас один из всадников его охраны пришпорил коня, поскакал к воротам и вернулся обратно:

– Государь, Деншапух там с Хосровом, могпэтом Ормиздом, Вехмихром и другими сановниками!

Васак нахмурился. У него задергалась щека. Наступал час жесточайшего испытания, – сейчас потребуется все его самообладание…

Когда Васак вошел в приемные покои дворца, гости почтительно поднялись и приветствовали его безмолвно и с достоинством.

– Я собирался уж сам просить вас пожаловать!.. – спокойно обратился к ним Васак, с медлительной торжественностью опускаясь в кресло. – Рад вашему приходу. Трудные дни настали…

Васак вздохнул и посмотрел на Деншапуха. Тот ответил ему ласковым взглядом. Очевидно, он был доволен. События в храме, содержание ответного послания, народные волнения – все это было весьма по душе Деншапуху. Постепенно набиралось все больше и больше материала, необходимого для того, чтоб опорочить Васака в глазах персидского

двора… Близился час падения марзпана.

– Ответное послание готово? – ехидно спросил Хосров.

– Нахарары составили его. Я отправился туда, чтоб прочесть его и взять для передачи вам. Вот оно! – И Васак протянул пергаментный свиток.

Хосров поспешно поднялся, подошел и принял его. Деншапух злобным взглядом впился в пергамент, выжидая, чтоб Хосров прочел послание вслух.

– Читать?, – обратился Хосров к Деншапуху.

– Желаешь – читай… – отозвался тот.

Хосров приступил к чтению. И сразу руки у него стали дрожать. Глотая горькую слюну, могпэт что-то бормотал невнятное. Внезапно Хосров сорвался с места и воскликнул:

– Проклятие Ариману!

Потрясая в воздухе рукой, он швырнул пергамент на пол. Васак устремил на него суровый взгляд и, не повышая голоса, приказал:

– Сам, своею же рукой подними!.. Немедленно! Безмозглая голова…

Хосров, оробев, поднял пергамент.

– То, что написано царю, – царю и принадлежит, а не твоей, ничтожной особе… Вытри пергамент!

Хосров присмирел окончательно и краем широкого своего рукава старательно вытер пергамент, который, конечно, никак не мог испачкаться, упав на чистый ковер.

Деншапух помрачнел, почувствовав, что Васак вновь сумел выпутаться из опасного положения.

– Читай дальше! – приказал Васак.

Хосров продолжал чтение. Теперь уже могпэт забормотал и закашлял. В его безжизненных, мутных глазах внезапно вспыхнула искра – искра ярости. Раза два он сделал движение, как бы желая заговорить, но Васак так сурово глядел на него, что Ормизд затаил дыхание. Деншапух, однако, был спокоен. Он приписывал суровый тон Васака озлоблению проигравшего дела человека, не сомневаясь в неминуемом и скором его падении. И в предвкушении этого радостного события он исподтишка, со злорадством следил за растерянностью попавшего в капкан волка…

Когда Хосров окончил чтение и, дрожа от ярости и возмущения, взглянул на Деншапуха, тот с улыбкой спросил Васака:

– Почему нет здесь твоей подписи?

– А зачем это нужно? – ответил вопросом на вопрос Васак. – Если нет подписей всех нахараров, следовательно, послание составлено не всеми.

– И кто же не принимал участия в составлении послания?

– Все выяснится на совете!.. – неопределенно ответил Васак, не желая открывать Деншапуху имена своих сторонников: ведь Деншапуху ничего не стоило через своих людей опорочить их, подкопаться и под них…

Но поскольку перс продолжал выжидательно смотреть на Васака, тот нарочито подчеркнуто и многозначительно заявил:

– Не принимал участия… я!

– Почему же? – с насмешливой улыбкой осведомился Деншапух.

– Потому что я – доверенное лицо царя царей!.. – стремясь уколоть Деншапуха, напомнил ему Васак Сюни. Деншапух ядовито усмехнулся себе в усы.

– А ты-то сам разве не армянин?

– Армянин и по крови и душой! Деншапух задумался над новым вопросом!

– Что же ты намерен делать теперь?

– Исполнить повеление моего царя.

Деншапух умолк. Однако Васак продолжал упорно сверлить его взглядом.

– Это отрадно!.. – внезапно вставил Деншапух. – Отрадно, что ты лично не принимал участия в составлении ответа… Хотя бы и для вида… Ты ведь армянин!.. Конечно, трудно тебе… Ты не хотел к тому же оскорбить царя царей…

Васак спокойно ждал, чтоб Деншапух излил весь накопившийся яд.

– Но вот жаль: не сумел ты обуздать ваших князей… Уж очень они дерзки, разнузданны. И не страшатся кровопролития…

Сдерживая раздражение и внешне сохраняя полное спокойствие, Васак подтвердил:

– Да, они дерзки и не страшатся кровопролития – это верно!

– Этого тебе скрыть не удастся Гляди, до чего довели людей злые мысли: они смеют противостоять царю царей, словно имеют дело с каким-нибудь сборщиком налогов!..

– Такими они раньше не были! – возразил Васак. – Они были смиренны и покорны!.. И я уверен, что они гораздо легче приняли бы учение маздаизма, если б не насилия, учиненные за последний год в селах и монастырях… Твои люди – истинные враги царя царей, а не сборщики! Они избивают, грабят, присваивают себе отнятое добро и не доставляют собранных податей по принадлежности!

– Кто тебе сказал? – прервал его уязвленный Деншапух.

– Великий азарапет Михрнерсэ – могущественный военачальник Ирана и не Ирана!.. – раздельно выговаривая каждый слог, громко ответил Васак.

То был весьма удачный удар. Стало быть, на бессовестность Деншапуха указывал сам великий Михрнерсэ?! Однако ведь именно Михрнерсэ и предписывал проводить все эти мероприятия неуклонно, хотя и крайне осторожно. Но Деншапух зарвался, переступил все границы дозволенного…

Однако он не намерен был уступать: он чувствовал себя сильным.

– Отпусти нас, государь марзпан! – сказал он, вставая.

– Доброго вам пути! – отозвался Васак.

Вехмихр, который внимал беседе безмолвно, покачал головой и произнес:

– И вся эта смута должна была произойти именно в дни моего азарапетства! Прискорбно…

Хосров свернул пергамент.

Персы откланялись и вышли.

«Началось!..» – сказал сам себе Васак и распорядился позвать Кодака: он намеревался поручить ему сопровождать Хосрова в качестве гонца с ответным посланием. Это было знаком уважения к Михрнерсэ.

Кодак вошел, бледный, с повязкой на голове. Васак взглянул на него и нахмурился.

– Ну, как здравствуешь? – спросил он насмешливо.

– Сам изволишь видеть, государь!.. – сдавленным, едва слышным голосом отозвался Кодак. – Внутри у меня что-то надорвалось…

– Вот поедешь – живо поправишься!

– Куда, государь? – встревожился Кодак.

– В Персию. Будешь сопровождать Хосрова. Для почета.

– В Тизбон придется ехать?

– Если поспеете – в Тизбон. Опоздаете – в Нюшапух.

– Государь, болен я…

– Если очень болен – умрешь. А выживешь – доставишь мне крайне нужные сведения. И, помимо этого, постараешься в пути уверить Хосрова…

– Относительно тебя?

– Правильно ты смекнул: в безупречности моего поведения, в непричастности моей к составлению ответного послания. Свали всю вину за этот ответ и за восстание на Мамиконяна с нахарарами и на Деншапуха, чтоб только они и попали в пасть этому взбесившемуся барсу… Важное я даю тебе поручение, и награда будет соответственная.

Кодак колебался. Но непреодолимая страсть к интригам, владевшая им, как пьяницей владеет страсть к вину, заставляла его согласиться. Тем не менее, желая набить себе цену, он стал отнекиваться и притворяться, что колеблется.

– Государь, себя я не жалею. Душа моя рвется! Но ведь болен я…

– Не подохнешь! – сурово оборвал его Васак. – Поправишься! А вернешься с удачей-

князем сделаю!

– Я не себе славы ищу, государь! Я твою славу своей почитаю… Лишь бы силы мне позволили!.. – напустил на себя смирение Кодак. – Да вот сил нет у меня…

Однако, заметив морщины гнева на лице Васака и спеша предотвратить грозу, он тут же заявил:

– Поеду уж, государь! Не беда, если и умру в дороге! Лишь бы помочь твоему делу… Вот только очень уж круто повернули персы…

– Армяне – хочешь ты сказать!

– Нет, государь мой, именно они – персы! И всякая беда, какая может с тобой приключиться, придет только от них, – пусть отсохнет мой язык. Услуги хитрого старика, преследовавшего, конечно, лишь чисто личные, корыстные цели, были все же крайне необходимы Васаку, хотя алчность Кодака и была ему противна. Кодак верно служил марзпану, нередко подвергая опасности собственную жизнь, но делал это, будучи убежден, что Васак его не оставит, вызволит из беды, и дело, в конце концов увенчавшись успехом, принесет ему выгоду и возможность возвеличения. Васак прекрасно понимал, что алчный и вероломный старик не пожертвует ни одним своим волоском, если будет уверен в близкой гибели или падении своего господина. Горько было сознавать это Васаку; он чувствовал себя одиноким во всем мире…

– Так, говоришь, персы?.. – в горьком раздумье протянул он. Кодак вздохнул наполовину искренне:

– Да ведь это персы торопили с ответом! Они знали, что, подстегивая нахараров, вызовут возмущение и вина за все падет на тебя! Если бы дан был срок, послание было бы написано в духе покорности…

Это было отчасти справедливо. Васак лишний раз убедился, что Кодак верно понял сущность событий. Он и позавидовал и порадовался подобной проницательности старика, рассчитывая, что тому, быть может, удастся в пути или в особенности при дворе уладить его дела.

– Выедешь завтра же!.. Да! С тобой поедет Гют Вахевуни.

– Гют Вахевуни?!

– Да. Для почета.

– Понятно.

– Осторожнее с ним! Лишнего не болтай!

– Государь, не впервые мне!

– Ну, иди, приготовься!

Кодак поднялся и, кряхтя, скорее, для придания себе значительности, чем от действительного недомогания, вышел.

– Лиса… – пробормотал вслед ему Васак и направился в сад.

Дворецкий, приготовившийся сопровождать его, не отводил взора от его уст, ожидая приказаний. Ему не пришлось ждать слишком долго.

– Возьмешь гонца и пойдешь к Хосрову. Предупреди его, что спутником ему я назначаю князя Вахевуни, а советником – Кодака.

– Будут еще приказания?

– К подаркам добавишь меч, усыпанный самоцветами, золотой сосуд для омовений и отборные яства. Слугам выдай шелковые плащи, золота и припасов на дорогу.

– А скакунов каких?

– Из сюнийских конюшен.

– Будет исполнено! – отозвался дворецкий, следуя за Васаком.

Васак махнул рукой. Дворецкий удалился, и Васак спустился в сад. День был ясный. Солнце приятно пригревало.

«Так… Только персы, а не армяне?! – с горечью подумал Васак. – Нет, и армяне также! Да, я одинок!.. Меня не любит никто. Нахарары холодны ко мне, иные прямо враждебны; народ непокорен; персидский азарапет Михрнерсэ и продаст и купит всякого, сам Азкерт –

необузданный деспот… Что же может изменить это положение?..»

Васак все более и более чувствовал потребность отдаться той заветной, затаенной мысли, которая давно влекла его.

«В корне, в корне надо изменить все это… Надо осуществить то, что задумано!..»

Он прошел через лужайку в виноградник. Увядшие красно-желтые листья рассыпались по земле, как пестрые заплаты. Вдоль глинобитной ограды, на сухом дне арыка лежали мелкие разноцветные камешки, которые занесло сюда поздней весной или летом. Кое-где на сухой прошлогодней траве еще валялись сморщенные и сгнившие яблоки и орехи. Прямо напротив грозно высился Большой Масис. В его бездонных недрах сидит на цепи Артавазд…

Вдали, в глубине долины, тянулся к небесам столб голубого дыма. Из города доносился глухой стук кузнечных молотов и мирный лай псов.

Все вокруг дышало миром… Васак постепенно подпадал под обаяние этой мирной гармонии и опять возвращался к своей мечте.

Придут, придут иные дни! И придут они благодаря ему, Васаку Сюни… Армения подпадет под его власть. Тогда он растопчет всех этих Деншапухов, уничтожит Варазваганов, враждебных кахараров и этих одержимых монахов!.. Страна окрепнет, и тогда останется перед Азкертом он один, неоспоримый марзпан, а затем и царь. Сольются ли в конце концов армяне с персами?.. Едва ли!.. Но важно не это… Страна будет сильной, она подымет голову, и тогда уж ни перс, ни византиец не осмелятся притязать на нее. А что творится теперь? Народ ему не подчиняется, нахарары его не слушают, Варазваган и ему подобные не перестают под него подкапываться!.. Все жаждут его гибели… Все – армяне, персы, Варазваган, Михрнерсэ! Он и жене своей ненавистен, и детям…

Нет, нет – надо смести все препятствия и осуществить свою мечту, надо неуклонно идти к этой великой цели! И это возможно. Нужны лишь ум, терпение, труд, упорство и неумолимость…

Вдали показался Гадишо Хорхоруни в сопровождении дворецкого.

– В добрый час пожаловал, князь! – приветствовал его Васак.

– Но с безрадостным сердцем!.. – возразил Гадишо, спокойно глядя своими умными глазами на Васака.

– Сердце наше вмещает и грусть и радость. Оставим же грусть и предадимся радости!

Васак кинул взгляд на дворецкого, и тот поспешно направился ко дворцу.

Гадишо рассказал о намерении нахараров предложить оборонительный союз Византии, Иверии, агванам и князьям отошедших к Византии армянских областей. Васак призадумался было, но потом сказал:

– Постараемся помешать заключению этого союза…

– Ты прав. Помешать всегда легче, – подумав, согласился Гадишо.

Немного спустя слуги под наблюдением дворецкого поднесли на большом подносе, покрытом расшитой золотом скатертью, изысканные яства и вино. Нахарары уселись на невысоких скамеечках, и Васак разлил вино. Дворецкий и слуги отошли на почтительное расстояние.

– Наши Аршакиды мне вспомнились… Утерянная независимость наша! – молвил Васак. – Бесценный клад мы потеряли, князь!

– Всегда кажется бесценным то, что потеряно! – полушутливо возразил Гадишо.

– Да, как например, здоровье, молодость, возлюбленная… Бери чашу, пью за твое долголетие!

Они осушили чаши, молча поглядели друг другу в глаза и тотчас отвели взоры, умолкли. Молчание не мешало им, они и без слов понимали друг друга.

– Говоришь – армянское царство?.. – повторил с кривой улыбкой Гадишо, задумчиво глядя вдаль. – Да, оно потеряно! И ничего ты тут не поделаешь.

Васак посмотрел ему в глаза и негромко сказал:

– Оно вернется. Это – истина, как истинна эта земля, эти небеса, поля, наш Масис!

– Каким же образом?

– Увидим!.. Об этом я и думаю… Если мы захотим, оно вернется!

– Не знаю я человека, который мог бы что-либо создать в этой стране.

Васак бросил пытливый взгляд на Гадишо и умолк. Его огорчило, что такой рассудительный человек, как Гадишо, потерял надежду.

«Все они – маленькие люди в конце концов…» – подумал он безрадостно, вновь наполняя чаши вином.

– Что ж, выпьем, если так.

Они выпили. Гадишо с горькой улыбкой покачал головой.

– Нет человека! – сказал он. – Нужного человека нет!

– Говоришь, нет?.. – переспросил Васак.

«Есть он, этот человек!» – ответил он сам себе и, стиснув зу бы, впился глазами в собеседника.

Гадишо поднялся и сделал несколько шагов к ограде. Вла дения Васака лежали на небольшой возвышенности, и городски» стены не закрывали горизонта, позволяя видеть всю Айраратскук равнину.

Волнения в столице и селениях Айраратской равнины нашл! отклик и в остальных городах и селах Армении. Слухи, все боле и более волнующие и невероятные, стали доходить до самых отдаленных уголков и горных областей страны. Народ встрепенул ся, сбросил с себя оцепенение. Призыв к защите родины застави; многих задуматься над вопросами свободы, совести, национал! кого самосознания. И народ почувствовал, что в общем, близко: всем деле он представляет собой одно целое. И это движение а мопознания разлилось по всей стране, докатилось до самых о даленных, самых глухих ее уголков.

Народ настороженно ждал, как развернутся события. Среди нахараров наблюдалось необычное оживление.

– Мы попали в течение, и оно унесет нас, хотим мы этого или не хотим… – так однажды сказал Аршавир Аршаруни, когда после отправки ответного послания некоторые из нахараров стали задумываться над вопросом, что будет дальше…

Гадишо Хорхоруни через своих сторонников установил наблюдение за нахарарами, отвергшими требование Азкерта, и стал разрабатывать меры противодействия их начинанию. Однако он совершенно прекратил всякие споры с ними, тем более что в накалившейся обстановке это сделалось прямо-таки опасным; затем он с большей осмотрительностью стал навещать Васака, совершенно замкнувшегося в себе и надевшего маску непроницаемости. Они оба понимали, что поднявшееся движение остановить невозможно и что только тогда, когда оно развернется полностью, можно будет оценить, насколько оно разрушительно.

Сам Вардан, обуреваемый тревогой, окончательно склонился в пользу решительных действий. Ему стало совершенно ясно, что ответное послание царю персидскому вызовет крайне серьезные последствия: поднявшаяся буря не может утихнуть внезапно, она должна разрастись и с яростным гулом пронесется вскоре по всей Армении. Против могущественной державы арийцев встала маленькая страна, и ей предстояло вступить с врагом в роковой поединок, чреватый всякими случайностями и грозными последствиями. Обстановка настоятельно требовала немедленного действия, борьбы, воодушевления…

И Вардан приступил к подготовке войска.

Неизвестно было, когда именно события развернутся. Но нужно было быть готовым во всякую минуту.

Нершапуха Арцруни охватило беспокойство и жажда деятельности. Он часто призывал к себе Атома Гнуни и Артака Мокац, давая им распоряжения. Стало заметно, что нахарары ищут поддержки друг у друга. …На востоке, за покрытыми лесом холмами, начало светать. В бывшем дворце Аршакидов Вардан размеренно ходил взад-вперед по залу, изредка кидая взор в сторону занавеса, скрывавшего дверь: по-видимому, он ждал кого-то.

Он подошел к мраморному столику, на котором лежали свитки пергамента, развернул, перечел – и снова положил на стол.

Дворецкий ввел крепкого на вид старого сепуха, и тот смиренно склонился перед

Спарапетом. Вардан ответил на поклон и пригласил вошедшего присесть на мраморную скамью, стоявшую в нескольких шагах от стола. Вошедший твердой поступью подошел, но не сел. Он был высок ростом, седина уже посеребрила его черные волосы. У него было привлекательное энергичное лицо, из-под черных бровей глядели умные глаза.

Вардан сказал сепуху, что назначил его послом в Иверию, и стал обьяснять, какую возлагает на него миссию. Сообщив некоторые сведения о положении в Иверии, Вардан закончил:

– Узнаешь, как они приняли указ Азкерта, что намереваются делать и что уже сделали. Разузнаешь поточнее о взаимоотношениях бдэшха Ашуша и царя. Царь Иверии – наш единомышленник и друг мне. Но следует узнать, как сильно сопротивление бдэшха его намерению восстать против Азкерта. Разведаешь, единодушны ли в этом вопросе иверские князья. Если тебя спросят, заявишь и царю и бдэшху, что армяне решили сопротивляться. Насчет же марзпана скажешь, что он решил подчиниться решению нахараров, духовенства и народа, то есть защищать родину.

– Исполню твое приказание, Спарапет! – негромко и спокойно отозвался сепух, бросая взгляд на послания, которые Вардан держал в руке.

– Сперва заедешь в Мцхету, к царю, – продолжал Вардан. – Не бойся оказать ему предпочтение, как бы своевластны ни были иверийские князья и как бы ни стремился бдэшх подчинить себе всю страну! Помни, что царь страстно ненавидит Азкерта и, конечно, пожелает сам возглавить восстание! А он – прирожденный полководец, смелый и умный!

– Будет исполнено, государь. Вардан задумался.

– Я уверен, что Иверия будет на нашей стороне. Ведь наше дело – это также их дело! -как бы говоря сам с собой, пробормотал он. – То, что будет с нами, будет и с ними… Да! – словно припомнив что-то, он нахмурился:- Посмотришь там, не мутит ли мой зять – князь Вазген… Не интригует ли против царя?

– Тяжело мне будет в Цуртаве!.. – отозвался сепух.

– Тяжело, и очень!.. Отец у него – бдэшх, вот и рассчитай. Да, тяжело. Но Ашуша – человек разумный. Разберется! Оказывая почести ему и царю, старайся не задевать самолюбия бдэшха. Но все это, конечно, не важно. Ты только постарайся убедить бдэшха…

– Слушаю. Постараюсь убедить!.. – кивнул сепух.

– Сам ты видел, какой ценой нам удалось достигнуть здесь единения… Но окончательно ли это? – вздохнул Вардан.

– Немало затруднений будет и в Иверии… – помолчав, продолжал он. – За спиной у них – Ворота Аланов, удобный проход для гуннов… Узнаешь, что там говорят об этом. Эта крайне важно! Иверы не так боятся нашествия гуннов через Морскую за ставу, как через Ворота Аланов. Вот об этом разузнай получше – Исполню, как велишь! – кивнул задумавшийся сепух-посол.

Не отводя умных глаз от лица Вардана, он старался проник нуть в смысл его наказов. Вардан не хотел раскрывать перед се пухом (как не открывал и перед нахарарами) одолевавшие его сомнения и подлинные свои мысли. У него зародилось подозрение, что Васак может изменить обету и пойти по своему особому, может быть, и враждебному пути. Но он не решался говорить об этом вслух, чтоб не создавать паники среди тех нахараров, которые еще не решили достаточно твердо вступить с врагом в открытый бой. Вардан решил ждать, пока события назреют еще больше и нахарары примирятся с мыслью о неизбежности борьбы: он не придавал слишком большого значения их «окончательному решению».

Точно так же рассматривал Вардан и события в Иверии. Ожидаемая от иверов помощь была ценна по нескольким соображениям. Прежде всего, Иверия лежала на дороге к Воротам Аланов, через которые могли прорваться на юг варварские полчища гуннов. Кроме того, Иверия могла на севере стать опорным пунктом для тех персидских войск, которые напали бы на Армению через Агванк… А иверы могли бы закрыть этот путь для персов, иверы могли бы перебить стоявший в Тбилиси персидский гарнизон, составить общий фронт с армянами против персов. И, наконец, участие Иверии в сопротивлении персам имело еще и

крупное моральное значение для Армении… Все это диктовало величайшую осторожность в переговорах с Иверией, тем более, что Вардан знал: Васак не станет сидеть сложа руки, Васак также действует.

Вардану не приходило еще в голову, что Васак встанет или уже встал на путь прямой измены родине. В действиях Васака ему виделась горячность правителя, усердствующего марзпана, а также слабость человека, еще не разглядевшею всю величину опасности, грозившей со стороны персов.

– Итак, постараешься убедить бдэшха, что иного пути спасения, кроме сопротивления персам, у нас нет.

Сепух благоговейно внимал: он впервые видел Спарапета таким озабоченным.

«Тяжелая будет война!..» – мелькнуло у него, и он задумался над тем, как ему получше выполнить возложенное на него ответственное поручение.

– Наибольшую смекалку придется тебе проявить, когда будешь беседовать с бдэшхом. Во время чтения письма, возможно, будет присутствовать и зять мой, князь Вазген. Остерегайся его! Дай ему понять, что наш народ, скорее, согласится воевать, чем подчинится указу персидского царя. Узнай там, нет ли у бдэшха связей с марзпаном. Относительно меня скажешь, что я с марзпаном в мире. Повторяю: будешь там говорить, что армянские нахарары дали обет сопротивляться царю персов. Скажешь, что весь наш народ поднялся с оружием в руках. Пусть они подумают, что значит такое наше решение!

Вардан встал, подошел к послу и положил руку ему на плечо:

– За тобой будут следить как наши люди, так и сторонники персов. Действуй смело и решительно. Громко и открыто объяви, что армяне решили не поступаться своей свободой и родиной, что вопрос о вере лишь предлог, а на самом деле Азкерт хочет поработить нас!

Он отпустил посла, напутствуя его следующими словами:- Будешь говорить со всеми спокойно. Старайся убедить, но не спорь. Иверский народ – брат наш. Что опасно для нас, опасно и для них: они это знают. Объясняй это повсюду, говори о том, что мы все так думаем, что мы надеемся видеть их рядом с собой в борьбе против тирана… Ну, с богом, доброго пути! Вот письма: это-царю, а это – бдэшху. -И Вардан передал сепуху два послания.

Сепух, глубоко склонившись перед Варданом, взял пергаментные свитки, поцеловал их, приложил к глазам, повернулся, чтоб уйти, – и остановился в нерешительности.

– Ну, в чем дело? – спросил Вардан. – Что-нибудь непонятно?

– Да нет же, Спарапет! – пробормотал сепух и с принужденной улыбкой взглянул на Вардана. – Трудное ты дал мне поручение… Сумею ли справиться? Не раз посылал ты меня послом, но это поручение не похоже на прежние…

– Да, на этот раз оно труднее… Но я не сомневаюсь, что агваны и иверы помогут нам! – спокойно ответил Вардан. – Иди, господь тебе в помощь!

Сепух вновь поклонился и ушел.

В сопровождении Артака вошел Атом. Они раньше не осмеливались беспокоить Спарапета, но не могли заснуть всю ночг и вид у них был утомленный. Остановившись в дверях, они прс данными глазами смотрели на Вардана.

– Войдите, князья! – мягко пригласил Вардан, догадавшийся, что молодые нахарары почуяли, какая его снедает тревога. Преданность этих юношей трогала его, и он с любовью улыбнулся им.

– А вы почему не спите? Влюблены? Соловьев слушали?

– Спарапет… – заговорил Атом. – Нас тревожит мысль о том, с кем будут иверы, агваны, армянские князья отошедших к грекам областей. Неужели не с нами?

Вардан понял, что молодые люди жаждут откровенной беседы. Он не уклонился, – он и сам чувствовал потребность в такой беседе… Поднявшись, Вардан подошел к окну и стал говорить об Иверии и Агванке, не столько беседуя, сколько излагая вслух накопившиеся в течение ряда лет наблюдения.

– Мы – армяне, иверы, агваны – народы с одинаковой судьбой. Следовательно, мы –

один народ!.. – проговорил он.

Эти слова Вардан произнес с таким жаром, словно он сам был послом, который говорит с народом Иверии от имени народа армянского.

– У них нет иного пути, кроме нашего! – так же горячо продолжал он. – И если они не хотят порабощения и пожелают сохранить свою свободу, они пойдут с нами! Нет иного пути для наших народов, если они хотят сохранить независимость. И они пойдут, обязательно пойдут с нами! Иверы и агваны – народы свободолюбивые!

Вардан выглянул в окно. Уже начинало светать. Ночь отступала. Небо на востоке порозовело. Вершины деревьев в саду замерли, словно прислушиваясь к чему-то, затаив дыхание.

– Они присоединятся к нам! – продолжал Вардан, не огводя глаз от окна. – Я уверен, что так поступят и царь и многие из иверских князей, которых я знаю. А народ поступит так же, как поступил наш. Я опасаюсь лишь тех князей, которым может прийти в голову, что, когда Азкерт насытится нашей кровью, он потеряет аппетит и не сожрет Ивершо. Вот эти-то иверские разумники и вызывают у меня опасение! Точно так же, как и наши собственные…

Вардан отвернулся от окна и пошел к своему креслу. …Несколько дней подряд давал он подробные наказы послам, которых направлял к предполагаемым союзникам и которые должны были выехать без промедления.

Не спали, однако, и его противники. Гадишо, сопровождаемый Артаком Рштуни, часто навещал Васака. Но иногда, без ведома рштунийского нахарара, он уединялся с марзпаном, о чем-то подолгу и тайно совещаясь с ним.

В свою очередь и Васак направил верных людей в Иверию, в землю агваиов и к армянским князьям отошедших к Византии областей, чтоб пом«шать мероприятиям Вардана, приказывая им действовать тайно и осмотрительно. Особенно большие надежды возлагал Васак на своего тезку, князя Васака Мамиконяна, которому и направил отдельное послание.

Среди остальных князей Врив Магхаз, Шмавон Андзеваци и Араван Вананди, из соображений личной дружбы к Аршавиру Аршаруни, решили примкнуть к сторонникам Вардана, хотя часто и переспрашивали с недоверчивой улыбкой:

– Но в чем же будет наше сопротивление? В чем именно будет оно выражаться?!

– Спарапет укажет! – обнадеживал их Аршавир Аршаруни, который безгранично верил в Вардана.

Но время шло. Дела в Арташате были закончены. Пора было уже и разъехаться по местам, чтоб привести в порядок отряды и подготовить их к слиянию в единое войско.

Вечером Вардан созвал нахараров на террасе удельного дворца.

– Где собирать полки, если возникнет надобность? – спросил Аршаруни.

– Придет время, видно будет!.. – задумчиво ответил Вардан. – Но с набором отрядов не медлите. Где будет нанесен удар нам или где ударим мы, покажет будущее…

– Государь Спарапет, но с кем же марзпан? – спросил Артак Мокац.

– Да, да! – подхватили остальные нахарары. – С кем он? Вардан нахмурился, затем негромко вымолвил:

– С совестью своею и со своим богом, конечно…

– Нет, из этого ничего не выйдет! – возразил неудовлетворенный Артак. – Или он с нами, или он против нас! Мы должны это знать!

Вардан не желал распространяться в присутствии всех нахараров. Он вновь повторил, не повышая голоса:

– Он марзпан, назначенный персами, и не хочет опорочить себя перед Азкертом… К тому же он находится во власти заблуждения, надеясь, что сумеет закончить спор миром. Верю, что в дни бедствий он одумается.

Он не хотел высказываться до конца и предпочитал до поры до времени обходить этот вопрос. Да, по правде говоря, он и сам еще не уяснил себе окончательно позиции Васака: было ли это изменой, или осторожностью.. Он надеялся, что Васак примкнет к ним, если удастся объединить все силы сопротивления. Позицию-же Гюта, Артака Рштуни и Гадишо

он объяснял обычным антагонизмом, царящим среди нахараров.

– Одумается ли он? – как бы сам себя спросил нахарар Вананди.

– Марзпан – армянин и христианин! – сурово повысил голос Вардан. – Он так же обязан ответом перед родиной, как и мы!

– Но пойдет ли он с нами? – настойчиво повторил свой вопрос Вананди.

– Время покажет, кто с нами и кто против!.. – уклонился от прямого ответа Вардан. – Тогда и мы определим наше отношение…

Араван Вананди не стал настаивать дальше.

– Не буду скрывать, – добавил Вардан неохотно. – Марзпан, а с ним и кое-кто из нахараров без воодушевления смотрят на наше дело. Это нас огорчает, но остановить не может… Доброй ночи, князья!

Нахарары стали расходиться.

По дороге мокский нахарар спросил Артака Рштуни, которы! безразлично взирал на все окружающее:

– Завтра выезжаешь, князь Рштуни? Рштуни лениво промолвил:

– Посмотрим!.. Есть еще здесь дела.

– Хочу подождать тебя, выедем вместе.

– Что ж, подожди! – не совсем дружелюбно ответил Рштун Артак Мокский не замечал этого отношения к себе. Княз. Рштуни он знат издавна как человека сонливого и бездеятельного, и этим объяснял его тон.

Он намеревался отправиться с князем Рштуни в его родовой удел, чтоб увидеть Анаит, тоска по которой сжигала его. Вся земля Рштуника казалась ему обетованной землей. Даже в нахараре Рштуни, несмотря на его непривлекательную наружность и неприветливость, было что-то от Анаит: ведь он был ее зятем, ее земляком… Артак с любовью смотрел даже на него, радуясь тому, что тот находится здесь, рядом с ним. Следовательно, существует и возлюбленная Артака, она не мечта бесплотная! О, если б нахарар Рштуни знал, как он дорог Артаку! Скорей, скорей туда, в Рштуник! Пора, давно пора…

Нахарары разошлись по своим покоям. Артак повел Атома к себе. Последний вечер ему хотелось провести со своим любимым другом и соратником.

– Вот и прошли дни!.. – промолвил Артак.

– Поедем, передохнем немного, а начнется – встретимся вновь!.. – отозвался Атом.

Спокойно и лениво лаяли собаки. Издали доносилась перекличка сторожей, была глубокая ночь. Глухо шипел Аракс.

Артак все смотрел в темное небо. Одинокая яркая звездочка, подобно желтой бабочке, трепетала в вышине.

Красивое лицо Атома казалось суровым. Из-под обычной его мягкости выплыла истинная сущность – душа воина, железная сила и жажда подвига.

«Этого ничто не остановит!» – думал Артак, восхищаясь горделивой осанкой своего друга, его обаянием. Атом действительно привлекал к себе каждым движением, приятно было глядеть на него.

– Если события развернутся этим летом, – заговорил Атом, – они протянутся до самой зимы…

– И даже дольше, – возразил Артак. – Мы будем изматывать друг друга: персы – нас, мы – персов…

– Смотря по тому, как силен будет наш удар и где он будет нанесен! – возразил Атом.

– Все равно! Вся наша надежда на том, что нам удастся измотать силы врага. Если не сумеем добиться этого, мы пропали!

– Верно, верно! – Атом, вздохнув, поднялся и стал ходить по залу.

– Я верю, «дядюшка» возглавит большие дела! – остановился он перед Артаком. – «Дядюшка» – человек большого размаха. Он спасет нашу страну!

– Да, он нашел верный путь…

– Нашел народ!.. А если ты с народом, ты не пропадешь!

– Помнишь, он говорил: «Нас спасет простолюдин… Не притесняйте его, будьте к нему справедливы и благожелательны…»

– Что значит «благожелательны»? Не передавать же им бразды правления! Спарапет прав – сражаться-то они будут, но…

– Нет, нет, нужно проявить благожелательность! Воздать народу должное…

Атом упрямо взглянул на Артака, но промолчал.

Лишь под утро, когда пропели петухи, ушли спать и молодые князья.

Нахарары во главе с Варданом отправились на прием к Васаку, чтоб попрощаться с ним.

Васак принял их довольно приветливо.

– С твоего позволения хотим вернуться к себе, – сказал Вардан так, как если бы до этого ничего не проиеходило.

– Что ж, пора!.. – спокойно отозвался Васак. – Будем надеяться, что все окончится мирно…

– Мирно ли? – неосторожно обмолвился нахарар Вананди, улыбаясь.

– Будем надеяться! – повторил Васак. – Иначе мы пропали…

Все молчали, ожидая возражений Вардана. Но Вардан не отозвался на эти слова.

– Быть может, устоим, государь марзпан? – закинул удочку Артак Мокац.

– Кто же будет сражаться? Я да вы? Вы да я?.. Подсчитайте силы, и ответ будет ясен!

Но и Васак не желал открывать свои карты. Не ожидая ответа, он прибавил:

– Предоставим все событиям! Господь покажет нам разумный выход!..

– Истинно! – согласился Вардан.

– Будем надеяться, – кивнул Васак. – Ну, путь добрый вам!..

На следующее утро Вардан созвал нахараров в последний раз перед выездом. Явились все, даже Гадшпо с Артаком Рштуни. Веем было любопытно, какой наказ даст Вардан.

– Князья, мы сегодня расстаемся… Но никогда еще не случалось нам так расставаться. Никогда еще родина не налагала на нас столь тяжких обязательств. Мы должны держать ответ перед совестью и перед народом нашим. Ступайте же, князья, собирайте полки! Через гонцов поддерживайте связь и друг с другом и со мной. Сообщайте, сколько у кого отрядов, численность боеспособных людей, род вооружения. Я и сам не буду сидеть у себя в Тароне: хочу объехать всю страну. Не теряйте меня из виду. Если прибудут гонцы от иверов и агванов юш будут получены какие-либо другие важные вести, немедленно сообщите мне…

Проезжая мимо дворца марзпана, князья заметили Васака. Он сидел в саду и, опустив голову, что-то чертил на земле обломанной веткой.

Нахарары быстро выехали за городские ворота.

Вардан склонился к уху Нершапуха.

– Не нравится мне чрезмерная осмотрительность этого человека!

– Не изменил бы!

– Не думаю!.. Впрочем, увидим…

По загорелому лицу Вардана скользнула тень. Он устремил взгляд на Масис и молча ослабил поводья. Затем, вновь поравнявшись с Нершапухом, он вздохнул:

– Народ пойдет за нами. Народ мудр…

Вдали мирно поднимались к небу голубые столбы дыма.

Народный поток хлынул из городских ворот: вслед за нахарарами бежали возбужденные толпы горожан. Впереди всех – брат Зарэ, кузнец Оваким и дед Абраам. С пылающими лицами, задыхаясь от бега и обливаясь потом, они выбивались из сил, стараясь на отстать от Вардана.

– Арцви, эй, Арцви! – окликали юноши телохранителя Спарапета. – В следующий твой приезд мы тоже будем воинами!

Арцви отвечал лишь улыбкой, не позволяя себе разговаривать в присутствии Спарапета.

Вардан придержал коня. Он был взволнован зрелищем народного воодушевления. Его

внимание привлекли дед Абраам и брат Зарэ. Он остановил скакуна и позвал их.

– Зачем вы утомляете себя, отцы? Идите домой!

– Государь Мамиконян, веди нас в бой за свободу! Мы не страшимся смерти! – простирая к нему жилистые сухие руки, воскликнул брат Зарэ.

– Будем думать о жизни, отец, – ответил Вардан. Оваким рванулся к Вардану и схватился за стремя:

– Много раз водил ты нас в бой, Спарапет! Не лишай же твоих воинов и этой битвы за свободу!

– И я старый твой воин, сын кой, возлюбленный сын мой! – взволнованно выступил вперед дгд Абраам.

– Воин, дед? – переспросил Вардан, ласково глядя на него.

– Да не омрачится вовек взор твой, Спарапет, сколько раз видел ты меня в бою? Дай поцеловать твою руку…

Дед, дрожа, склонился над рукой Вардана, чтоб поцеловать ее. Но Вардан, нагнувшись, сам взял руку старика и прижался к ней устами.

Дед Абраам расплакался.

– Дышу еще, жив я, приду к тебе воином и на этот бой! – произнес он со слезами. – Да будет тебе оплотом народ армянский, защитник родины!

Присутствующие молча смотрели на эту волнующую встречу.

– Арцви! – вдруг прервал молчание Тигран. – Как только вернешься, приходи посмотреть, какой у меня конь!

Вардан оглянулся. Тигран, вспыхнув, укрыл лицо за спиной Арцви.

– Подойди ко мне, юноша! – позвал его Вардан. Тиграна вытолкнули вперед. Лицо у него горело от смущения, и он стоял потупя взор.

– Проходишь боевое учение? – спросил Вардан.

– Удалой юноша, государь Спарапет! – вмешался Арцви. – Хочет стать конником…

Вардан ласково погладил его по голове.

– Вступишь в мой полк, когда вернусь!

– А мы? А мы, государь Спарапет?! – выбежали вперед остальные.

Вардан увидел себя окруженным воинственными юношами. Сияя белозубой улыбкой на смуглых, загорелых лицах, они нетерпеливо и взволнованно ждали его ответа.

– Всех возьму в мой полк, если хорошо пройдете боевое учение!

– Прошли уже! Закончили! – зашумели юноши.

– Хорошо! – улыбнулся Вардан. – Продолжайте упражняться – служба воина трудна! Вардан пришпорил коня.

– Ну, пребывайте с миром!

– Путь добрый! – напутствовал его народ, наводнивший всю равнину.

Вардан ускакал. Нахарары пришпорили коней, чтоб не отставать от него.

– Да отведет от тебя господь опасность, наш Спарапет! – с любовью крикнул ему вслед дед Абраам.

– Надежда армян! – вторил ему брат Зарэ.

А кузнец Оваким, тяжело дыша и полуоткрыв толстогубый рот, смотрел вслед Спарапету с растерянной улыбкой на вымазанном сажей лице.

Долго продвигался отряд нахараров вдоль берегов Аракса, местами топких, местами песчаных. На почти обнаженных чернеющих полях едва подымались первые всходы. Хлеб мирно пробивался на свет божий, не считаясь ни с чем. Земля выполняла свое назначение, предоставляя людям самим решать свою судьбу.

Артак, выехавший немного проводить Атома, остановился. Склонившись на прощание перед Варданом и князьями, он сказал отставшему от отряда Атому, обнимая его:

– Да сопутствует тебе удача, князь!

Скакун Атома плясал на месте, не давая своему всаднику проститься с другом.

– Оставайся с миром! – обнимая Артака, отозвался Атом. – Да будет к добру наша

встреча!

– Встретимся скоро! – сказал Артак дрогнувшим голосом. – И крепко будем биться рядом!

– Дай бог!..

– Ну, буду ждать!.. Езжай, князь, не мешкай!.. – крикнул Артак вслед Атому, чей конь, не дождавшись, чтоб всадник ослабил поводья, рвался вдогонку отъехавшему отряду.

– Догоню! – улыбаясь, сказал Атом, тщетно стараясь натянуть поводья.

Телохранитель сорвался вслед за ним.

Артак увидел, как Атом мчался, перескакивая через камни и груды щебня, чтобы догнать князей, островерхие шлемы которых маячили вдали на фоне чистого неба.

Он еще стоял на месте и глядел вслед любимому другу, уже начиная тосковать по нем. Атом еще раз обернулся, помахал рукой и исчез за поворотом.

Артак опустил голову и, погруженный в раздумье, возвратился в Арташат.

Народ шумными потоками возвращался в город, тепло и взволнованно поминая своего Спарапета. Артак изумлялся: как случилось, что народ сам избрал себе вождя? Где кроется тайна тех внутренних, невидимых уз, которые связывают народ и вождя?

Но народ выносит свои решения очень просто: он присматривается, прислушивается к голосу сердца – и решает…

Вернувшись во дворец, Артак в грустном раздумье остановился на террасе. Еще недавно все здесь было полно жизни, а теперь все замкнулось в безмолвии… Никого не было. Старик домоуправитель сказал, что Гадишо вышел с Артаком Рштуни.

День клонился к вечеру, тени удлинялись и сгущались. Голоса детей на улицах Арташата, громкий лай собак и стук кузнечных молотов навевали мирное настроение.

Васак, в последние дни проводивший все свое время в саду, заметил приближающегося Гадишо. Тот шагал быстро и казался взволнованным, что не вязалось с общим обликом этого обычно сдержанного человека.

Подойдя к Васаку, он, после короткого обмена приветствиями, молча и мрачно уселся рядом с ним.

– Что случилось, князь? – спокойно спросил Васак.

– Спарапет с нахарарами направился в селения Айрарата. Васак с горькой улыбкой покачал головой.

– Опаздываем мы, во всем опаздываем! Гадишо насмешливо ответил:

– Конечно, опаздываем!..

Васак умолк, задумался на мгновение и решительно произнес:

– Но больше опаздывать не будем! Надобно положить конец волнениям!

– Пресечь их надобно! – подтвердил Гадишо. Взволнованный и мрачный Васак стал прохаживаться перед каменной скамьей.

– Но открыто сделать это не удастся!.. – как бы размышляя вслух, заговорил Гадишо. – Слишком уж воспламенен народ. Пожар этот из тех, которые гаснут лишь тогда, когда пожрут все, что может гореть. Как бы нам не остался один пепел, государь марзпан!

Васака охватило раздражение против спокойно философствующего Гадишо.

– Я не буду ждать, чтоб огонь пожрал все! Я потушу его в самом начале!

– Если только сможешь… Это было бы самым разумным!.. – промолвил Гадишо. – Но беда всегда приходит внезапно!

Сурово глядя на Гадишо, Васак дал ему договорить и затем негромко спросил:

– Не желаешь ли взяться за дело вместе со мной, князь?

– Желаю! – пытливо взглянув на него, отозвался Гадишо.

– И пойдешь до конца?

– Если начну, то пойду до конца! – ответил Гадишо. Васак помолчал, затем, не сводя с собеседника испытующего взгляда, сказал:

– Необходимо найти опору при персидском дворе. Мы должны заставить персов служить нам!

Гадишо молча ждал, пока Васак договорит. Но и Васаку хотелось, чтобы высказался Гадишо, а тот молчал. – Итак, персов – против персов!.. – отчеканил Васак.

– И армян – против армян… – досказал Гадишо; и нельзя было понять, всерьез он это говорит или в шутку.

– Возможно, что и так. Уничтожать всех, кто будет против нас!

– К чему ты стремишься, что задумал, государь марзпан? Скажи мне ясно и напрямик! – уже серьезно спросил Гадишо.

– Что задумал? – мечтательно протянул Васак.

Он чуть было не поддался мимолетному желанию открыть Гадишо свою заветную тайну, но почувствовал, что это может быть роковой ошибкой, и сдержал себя.

– Хочу подавить мятеж.

– Каким образом?

– При помощи персидского войска.

– Тогда персы овладеют страной! Васак холодно отозвался:

– Уже овладели!.. А другого выхода у нас нет. Надо во что бы то ни стало удержаться у власти, сблизившись с Азкертом.

– Что же, отречься от веры? – с интересом переспросил Гадишо.

– Этого я не требую.

– Но если станут принуждать?

– Какое значение может иметь в государственных делах, отрекся кто-нибудь или нет? Я лично этого не требую. Хотя… при подобных обстоятельствах стесняться в выборе средств не приходится, – нужно признать и это…

Васак ступил на скользкую почву.

– Значит, будем воссоздавать государство? – спросил Гадишо. – Армянское государство?..

– Как знать? Но почему бы и нет, если это будет в наших силах! Пусть за нами и останется то, что попадет нам в руки, – не стал далее уклоняться Васак.

Гадишо, очевидно, догадывался о большем, чем этого хотелось бы Васаку. Но стоило ли таить и дальше то, что было недосказано?

Васак умолк и не проронил более ни слова. Это могло оказаться опасным.

Васак сидел в боевых доспехах перед дверью конюшни, разглядывая скакунов. Он хорошо знал всех своих коней, но хотел лично убедиться, в какой они форме. Конюший вывел скакуна темной масти и провел его перед Васаком.

– Хорош! – кивнул Васак. – Выводи следующего.

Конюший передал повод молодому подручному и сам вывел могучего темно-рыжего коня, который бешено взвился на дыбы, едва очутился во дворе.

– Самая пора взять его под седло, государь! – проговорил конюший, восхищенным взором глядя на коня. – Прикажешь седлать?

– Седлай! – приказал Васак. Он направился в сад.

Со стороны дворца показался Гадишо, тоже в боевом облачении. Он был явно в хорошем настроении.

– Не опаздываем мы? – справился он.

– Опаздываем, но я хочу подождать, чтоб перс Хосров выехал раньше нас, – объяснил Васак.

– Он едет в сопровождении Гюта?

– Вот именно. Необходимо проложить дорогу к персидскому двору: наше дело вскоре будет решаться в Персии… А вот и Гют.

Сопровождаемый дворецким, к ним приближался Гют Вахевуни в дорожной одежде.

– Все готово? – спросил его Васак.

– Пришел проститься, – ответил Гют. – Перс ждет только меня, чтобы выступить.

– Кто у него сейчас?

– Деншапух с Вехмихром и Ормиздом. Заперлись и долго шушукались. Видно,

наговаривают ему.

– Если б тебе удалось добиться их смещения!.. Дело наше было бы наполовину выиграно. В пути можешь немного позлословить на мой счет; свали на меня вину за ответ царю царей. Постарайся сблизиться с Хосровом. Упроси его доставить тебе возможность быть принятым Азкертом. Предварительно повидайся с азарапетом и обнадежь его уверениями, что я и мои сторонники доведем дело с отречением от веры до успешного конца. Когда будешь говорить с царем, старайся очернить перед ним в первую голову Хосрова, а затем и Деншапуха с Вахмихром и Ормиздом. Скажи, что марзпан просит прислать людей, преданных царю царей… Если только добьешься этого, князь…

– Не пожалею усилий, государь марзпан! – заверил Гют.

– Ну, желаем тебе доброго пути!.. – заключил Васак.

– Да, я поспешу! Они меня ждут, – ответил Гют.

Они обнялись, и Гют удалился.

До самого вечера Артак с нетерпением ждал возвращения нахарара Рштуни. Ему не терпелось расспросить о Рштунийском крае, о замке, о жизни в замке, обо всем, что окружало там его любимую Анаит. И о чем бы ни стал рассказывать ему нахарар Рштуни, Артак с огромной радостью внимал ему: в нахарарe Рштуни он чувствовал родного и близкого себе человека.

Но нахарар что-то запаздывал.

Наступила темнота, безмолвно было все вокруг. Тоска охватила Артака. Он вышел из своей опочивальни и вместе с телохранителем зашагал по улицам Арташата.

Город спал. Лишь в одном из домов слышался плач ребенка, да в другом дворе свет лучины падал на молоденькую девушку. Девушка светила пожилому мужчине, который что-то мастерил в конюшне.

Полоса света упала на Артака. В этот миг мужчина внезапно взглянул на девушку, вздрогнул и сделал ей знак. Не поняв его, девушка обернулась и взглянула на Артака. Как она была похожа на Анаит!..

Артак хотел было остановиться, но скромность ему помешала. Девушка спокойно оглядывала его, направив свет ему прямо в лицо. Артак прошел дальше. Он чувствовал нежность к этой девушке, – только потому, что она была похожа на Анаит.

Вновь объяла Артака темнота. Вскоре они дошли до ограды храма.

На стук телохранителя кто-то подошел к калитке.

– Кто там? – спросил подошедший, не открывая.

– Открой князю Артаку!

Дверь распахнулась, Артак вошел во двор.

– Где келья отца Егишэ? – справился он у привратника.

Тот проводил его. В глубине двора из узкого оконца падал на камни тусклый свет.

Телохранитель постучал. Вышел отец Егишэ со светильником в руке. Увидев Артака, он с приветливой улыбкой сказал:

– Пожалуй в келью, князь!

– Пришел к тебе в гости, святой отец! – сказал Артак. – Принимаешь?

– Что ты, князь, господь послал тебя!

Они вошли в келью. Телохранитель присел на камне у двери.

Сырость придавала стенам и сводчатому потолку запущенный вид.

Посредине, на звериной шкуре стоял дубовый аналой, на кожаной подставке которого, под огнем светильника, желтели страницы раскрытого фолианта. Соломенная циновка в углу была покрыта овчиной.

Монах садил Артака на шкуру, а сам, поджав ноги, уселся на циновке. Его глаза горели воодушевлением, вызванным событиями последних дней.

– Что решила братия? – справился Артак, имея в виду единодушное решение духовенства сопротивляться требованиям Азкерта.

– Братия закончила призыв к восстанию, направленный к Айраратской стране, – не

подымая глаз, ответил Егишэ. – Через день-два выступим в нагорные области.

– С вами будут и нахарары?

– Кто из них пожелает… В этой войне никто не будет обращать внимания, идет ли с ним еще кто-нибудь, или нет. Каждый будет готов выступить, хотя бы в одиночку. Сгинул страх, государь: дух восстал и побеждает плоть!

– Надеюсь, что побеждать мы будем и на поле битвы! – с ударением, весело произнес Артак.

– Да будет нам оплотом дух победы! Не может быть поражения, если человек не страшится смерти. Сила его неиссякаема, и гибель она несет противнику… Смертью смерть поправ, будем жить бессмертным духом: побеждая смерть – проходит жизнь к дальнейшему бытию своему!

Артака воодушевили слова Егишэ. Он осознал, какой грозной силой является человек, поборовший страх смерти: ведь его нельзя победить. Единственное оружие врага – смерть, но смерть уже бессильна…

– Однако слепа та смерть, которая не освящена сознанием. Смерть должно принять сознательно. И правильно сказал некий наш древний мудрец, что «смерть без сознания необходимости ее – только смерть, а смерть, сознательно принятая, – бессмертие…»

Дверь кельи мягко распахнулась, и из ночной тьмы выплыло суровое лицо Езника Кохпаци. За ним следовал, улыбаясь, иерей Гевонд. В дверях были видны и другие пастыри.

– Благословение обители сей! – сказали вошедшие.

– Пожалуйте! – ответили, вставая, Егишэ и Артак; последний с поклоном предложил вошедшим сесть на шкуру.

– Не беспокойся, князь! – отказался Езник Кохпаци. – Мы привыкли сидеть на циновках.

Он подошел к Егишэ и уселся на циновке. Остальные расположились рядом с ним, а то и прямо на каменном полу.

– С добром ли пожаловал, князь? – спросил Езник.

– Не вовремя зашел проведать вас! Томлюсь одиночеством… – ответил Артак – Нахарары уже выехали. Вскорости выеду и я.

– Да будет с тобой господь!

– И с вами также!.. – отозвался Артак. – Но где же святейший отец и отцы епископы?

– Отдыхают! – отозвался Езник Кохпаци. Помолчав, Артак обратился к Езнику:

– В бытность мою в Александрии узнал я, что ты посвятил себя изучению философии…

– Ничтожными силами своими составляю опровержение лжеучения персидского. Давно уже могпэтан-могпэт тщится разобрать религию нашу и науки. Не имел я и в мыслях нарушить скромность и незваным войти в ряды мужей ученых. Не положено зазнаваться и мудрецам, не то что мне, ничтожному. Но поскольку могпэтан-могпэт в гордыне невежества и скудоумия своего дерзает противоборствовать высочайшей истине, долгом почитаю воздать ему должное мерой должной!

– По душе мне твое начинание, и близко оно к моим мыслям, – промолвил Артак. – Не позволяют мне воинские занятия отдаться наукам, но с радостью просмотрел бы я твой труд, если он при тебе…

– Вступление готово, – ответил Езник.

– Обяжешь меня, если дашь посмотреть.

Езник кивнул юноше-иноку, который, весь превратившись в слух, стоял в темноте за дверью.

– Еще в Александрии я задумал другой труд – в защиту Аристотеля против Платона. Но нападки персов вынудили меня выступить против их лжеучения. Жалею только, что вместо великого мудреца имею я своим противником жалкого и скудоумного софиста!..

Вернулся инок и передал Езнику Кохпаци довольно объемистую рукопись. Езник взял ее, бережно и с любовью вытер волосатыми руками и протянул Артаку, Любознательный

юноша, большой любитель книг, таким же бережным движением приняв рукопись, прочел вслух:

– «Если кто-нибудь пожелает говорить о невидимом и извечном всемогуществе его, надлежит тому очиститься мыслью и с очей своих удалить гной, дабы…»

Продолжение Артак стал читать про себя. В наступившей тишине глаза всех присутствовавших были устремлены на молодого нахарара-философа, который даже в эти бурные дни не переставал интересоваться наукой. Артак углубился в чтение; лишь время от времени он слегка морщил лоб и полузакрывал глаза, углубляясь в смысл каждого нового прочитанного им аргумента.

– Когда пройдет година испытаний, полагаешь завершить свой труд? – спросил Егишэ.

– Надежду питаю… – задумчиво ответил Езник, не подымая глаз.

Артак опустил рукопись на колени. Он воздержался от высказывания похвал возвышенной мысли и классическому слогу Езника, считая, что вряд ли подобает ему поощрять столь ученого монаха.

Но блеск его глаз и сосредоточенное молчание более чем красноречиво свидетельствовали о его восхищении. Это почувствовал и сам Езник, поняли это и остальные присутствовавшие, с уважением и любовью взиравшие на юношу.

– Святой отец! – заговорил Артак. – В ответном послании ты утверждал следующее: «Имя ему – творец земли и небес; и до сотворения мира существовал он, вездесущий и самосущий». Могло ли не быть этого творца, то есть могла бы быть вселенная не создана?

Езник ответил:

– Если вездесущ он и предсущ, то предвечен он и безначален, то есть вне времени и непознаваем!..

Богословское собеседование развернулось; в него втянулись и остальные присутствовавшие.

Безмолвствовал один лишь иерей Гевонд. Он заговорил, когда собеседование подходило к концу.

– Возмущения достойно не только невежество могпэтан-могпэта. Вот Михрнерсэ, который зовется мудрейшим из мудрых, – эрпэтан-эрпэт… Пусть будет он и высокомудр и выше нас знаниями своими… Но по какому праву насилует этот изверг наш дух? Тиран, который желает видеть вокруг себя только рабов, – сам раб в душе! Вот что возмущения достойно. Можем ли мы допустить, чтоб раб стал господином над свободным духом? И кому можем мы жаловаться на пленение духа, если сами позволим ввергнуть себя в рабство?

Артаку очень понравилось страстное возмущение, звучащее в речи Гевонда, но он хотел уяснить себе с помощью этого иерея одно противоречие в заповедях христианства.

– Как же ты согласуешь, святой отец, свои мысли со словами спасителя: «Не противься злу»?

Гевонд воспламенился:

– А как же мне оставаться верным христианству, если меня превратят в огнепоклонника и лишат возможности как противостоять злу; так и склоняться перед ним? Чтоб осуществлять непротивление злу, нужно оставаться христианином со свободной волей. Священна воля человека. Нет воли моей на что-либо – в конец! Свободной волей избрал я себе веру и не хочу отрекаться от нее. Душу свою я сам, по воле своей, желаю спасти – или погубить. Не пожелаю добра ни от кого против воли моей! Противоборствую насилию, как господин своей воли. И да сгинет перед моей волей все: и войска, и идолы, и цари, и мудрецы!..

– Хорошо, святой отец! Но в ответном послании ты утверждал, что «от веры этой нас отторгнуть не могут ни земные силы, ни небесные…» Ты восстаешь, значит, и против сил небесных?

– Хотя бы и против них, если они посягнут на мою волю! Никаким земным, равно как и небесным силам не дано власти над духом! Дух свободен. Огнем и мечом следовало бы стереть насилие с лица земли!

Гевонд горел воодушевлением. Он был похож на пророка, возглавляющего народное восстание. Своим воодушевлением он зажег слушателей.

– Они хотят проникнуть и в семьи наши, отнять у нас наш язык, загрязнить нравы, внести раздоры. Как? Говорить только по-персидски? Не петь песен Гохтана? Отречься от прекрасной письменности родного народа? Пренебречь наследием предков? О нет, неизмеримо слаще будет смерть!

– Ты прав, святой отец! – воскликнул Артак. – Победим, сокрушим врагов вольного духа! Свобода – превыше жизни!

– Желаю сего – и не желаю того… Согласен на это – и не согласен на иное… Се – я, а не кто иной, и не в моей воле быть кем-либо иным! Свята моя воля, и еще святее свобода… Я сам – господин, и сам себе слуга. Таким должен быть человек.

– Будь благословен, святой отец! – промолвил Езник. – Ты – надежда наша, ты – наша свобода!

– Пожелайте – и вы достигнете! Пожелайте – и вы победите! Жизнью жертвуйте, чтоб сберечь неизмеримо более драгоценное- свободу человека… Ее достоин не всякий… Рабской душе она ненавистна и вызывает отвращение. Раб презреннее, нежели зверь, поскольку и зверю свойственно стремление к свободе!

Философ с душой воина умолк Внимавшие ему опустили горящие глаза. Пылкий и свободолюбивый дух Гевонда глубоко взволновал Артака.

«Он свернет горы и рассечет моря!» – думалось ему. – Пойдем на врага! Победим насильника, чтоб жить свободно в родной любимой стране! – воскликнул он, с силой ударяя по рукояти меча.

Долго продолжалась горячая задушевная беседа молодого нахарара с пастырями-философами. Была уже глубокая ночь, когда Артак встал, чтоб склониться в прощальном привете перед присутствующими.

– Оставайтесь с миром до того часа, когда мы удостоимся свободы! – произнес он.

– Иди с миром, князь! – в один голос благословили его пастыри-философы, вставая.

Петухи уже перекликались в городе, когда Артак вышел за ограду храма. Арташат был погружен в глубокий сон. Лишь из окон дворца марзпана падал отблеск света на деревья. Там не спали, там что-то затевалось.

Артак добрался до удельного дворца, прошел в свою опочивальню, но долго не мог заснуть. Лежа с открытыми глазами, он смотрел в потолок. Он все еще находился под влиянием беседы с Гевондом. «Прав иерей! Сила народа – в познании самого себя. Не может сгинуть народ, познавший себя! Велика сила познания. Что представляет собой народ эллинов? Разве велико занимаемое им пространство? Но он дал Аристотеля, Платона, Софокла и Пифагора, он создал Акрополь, науки, философию, армию и мощное государство Мы также любим истину, науки и искусство. Мы создали прекрасный язык, которым свободно можно излагать Аристотеля и Платона. У нас есть философы, исследующие вселенную. Армянином был Тигран Второй, так же, как и Мушег Мамиконян. На протяжении веков мы противостояли Ассирии, Риму, Греции… У армянского народа есть дух, есть мысль, он – творец ценностей! Суждена ли нам гибель? Нет! Мы победим и персов. Залогом тому то, что у нас есть Вардан Мамиконян, Атом Гнуни, воины Арташата, народ Айрарата, юноши-всадники, Арцви, который копытами своего коня топчет персидских воинов. Нет, мы не мертвы! Мы живы, и мы будем жить во веки веков!..

Артаку доставляли радость эти мысли о силе народного духа. Стоит принять смерть за народ!

Лишь под утро подкрался к Артаку сон.

Долго не спал и Васак. Отсутствие князей развязало ему руки. Он направил конный карательный отряд в Айраратскую равнину для подавления народного движения, настойчиво стараясь через предателей выловить зачинщиков.

С Гадишо Хорхоруни и с Ар гаком Рштуни Васак часто совещался о том, как сломить народное сопротивление. Решено было направить Гадишо к другим нахарарам – к Манэчу

Апахуни (хотя и присутствовавшему при составлении ответного послания, но державшемуся очень настороженно и в стороне от всех), к князю Арсену Габегуни, к Тироцу Багратуни, к Нерсэ Урца и некоторым другим нахарарам, – чтоб окончательно завербовать их и настроить против Бардана Мамиконяна и его сторонников.

Была выработана линия поведения и по отношению к персидским вельможам. Поскольку Васак поручил Гюту добиться их смещения, он стал заверять их в своей любви и дружбе. Часто приглашая Деншапуха с Вехмихром и Ормиздом на беседу к себе и угощая богатым ужином, Васак не переставал твердить им о своей преданности, стараясь лестью и восхвалениями усыпить их подозрения.

Не оставались в долгу и персидские сановники: по той же самой причине они старались заверить Васака в своей дружбе В его честь устраивались ответные богатые ужины, и его тоже не переставали уверять, что Хосрову даны указания хорошо говорить о марзпане при персидском дворе.

Умолкла столица после пережитых волнений. Получив от Васака подробные наказы всячески противодействовать Вардану, выехал в свой родовой удел и нахарар Артак Рштуии. Артак Мокац, с тоской и нетерпением ждавший дня его отъезда, с бьющимся от радости сердцем присоединился к нему.

Деншапух установил наблюдение за Васлком и Гадишо. Двоедушием и тайным предательством был отравлен, казалось, самый воздух Арташата.

Мраком своих лесов, сырой мглой своих глубоких, ущелий, сиянием своих горных вершин замыкал родовой удел князей Рштуни южное побережье Бзнунийского моря. Казалось, никто никогда не нарушал вековою покоя этого девственного края.

Замок Рштуни возвышался своими гранитными башнями среди окружавших его исполинских сосен.

У ворот, опустив голову на грудь, дремал привратник. Из замка не доносилось и шороха, хотя уже начинал подступать рассвет. Лишь петухи приветствовали рождение дня, да утренняя звезда печально тянулась своими тускнеющими лучами к лесам и ущельям.

В одном из отдаленных покоев замка меркло пламя светильника. На ложе полусидела осунувшаяся Анаит, не шевелясь и уставя свои большие глаза в одну точку, неподвижная, как мраморное изваяние. В углу, подложив одну руку под локоть другой и опираясь на нее подбородком, сидела ее младшая сестра Астхик и с грустью глядела на нее. Прикованная к постели Анаит, скедаемая непонятным недугом, таяла, как свеча; чувствовалось, что мысли ее далеко от этого замка, от этого туманного края.

Сестра, по-видимому, исчерпала уже все слова утешения. Но, стараясь рассеять Анаит, она и сама поддалась тоске. Те переживания, которые подтачивали силы больной, начинали угнетать и еще не знакомую с ними молоденькую девушку.

– Ну что ж, Анаит, – возобновила она свои уговоры, с жалостью и грустью глядя на больную сестру. – Чему поможешь думами?.. Пожалей свою молодую жизнь Изменившаяся до неузнаваемости Анаит не шевелилась и по прежнему смотрела в одну точку. Едва ли даже доходили до ее сознания многократно обращаемые к ней слова утешения. Ничто на свете, никакие мольбы не в состоянии были залечить ее рану. Она любила, и ничто не могло помочь ей: ей надо было одно – видеть своего любимого – Анаит! Слушай же меня, Анаит! – вновь окликнула ее Астхик.

Анаит не отвечала. Ее глаза были полны такой тоски, что у младшей сестры защемило сердце.

– Анаит!.. – в третий раз окликнула она.

Анаит взглянула на нее и вдруг с рыданием упала на подушку Казалось, слезы приносили ей некоторое облегчение.

– Я была спокойна, весела, здорова! Откуда же он явился и заполонил мое сердце?..

– Надейся, Анаит! Приходит время, и открываются закрытые двери! – утешала младшая сестра.

– Ах, Астхик! – вздохнула Анаит, закрывая глаза, – Пока это будет, я зачахну… Он

приедет, будет искать меня – и не найдет, будет звать – и я не откликнусь.

– Знаешь, Анаит, ведь и меня посетила любовь! – улыбаясь, внезапно призналась Астхик.

Анаит грустно поглядела на нее и вздохнула.

– Да, да! – твердила Астхик. – Я от тебя заразилась, я тоже люблю!.. Только вот не знаю – кого… Мне тоже грустно! Я жду, а его нет и нет!

– Ах, Астхик, не поддавайся любви! Ты не знаешь, что это… Она увлечет тебя за собой в чужие края, и ты не вернешься… Ты думаешь, я здесь? Меня нет здесь!

Вошла высокая, еще молодая женщина с синими глазами и огненными косами. Судя по богатой одежде, она принадлежала к княжескому роду. Неслышно скользнув к Анаит, она с лаской коснулась ее лба.

– Анаит, дитя мое, ты извелась, довольно, – мягко произнесла она Анаит молча, широко раскрытыми глазами взглянула на мать; долго не отводила она застывшего взора и вновь задумалась, вновь унеслась мыслью, забылась.

– Ах, что же мне делать, что делать? – растерянно и безнадежно шептала мать.

– Пришла колдунья, матушка? – шепотом спросила Астхик.

– Ах, зачем ей приходить, чем она может помочь? Ведь мы не знаем, чем больна Анаит.

– Узнаем, матушка! Когда-нибудь узнаем…

– Будь она проклята, эта болезнь! Анаит с укором взглянула на мать:

– Не надо, матушка…

Мать через силу улыбнулась, горестно глядя на нее.

Дверь распахнулась. В сопровождении старой смуглой женщины вошел пожилой мужчина с суровым лицом; из-под густых бровей он оглядел Анаит и, подойдя, стал у изголовья. Это был отец девушек.

– Как она? – спросил он раздраженным голосом. Мать, с опасением взглянув на него, промолчала – Как тебе? – обратился он прямо к Анаит.

– Ну зачем спрашивать?.. Она больна, – ответила вместо Анаит мать.

Он задумался, затем вновь обратился к жене:

– Когда же она поправится?

Жена, очевидно, привыкшая к его странностям, ответила:

– Не знаю, увидим… Отец обратился к Анаит:

– Ты сама мне скажи, когда ты поправишься?

– Не знаю, отец, – слабо и грустно отозвалась Анаит – Как это не знаешь – Не в моей воле болезнь моя.

– А в чьей же?

– В божьей воле.

– Мне нет дела до бога! – гневно возразил отец Анаит. – Поправляйся, слышишь?! Чтоб к завтрашнему дню ты была здорова! – И он обратился к старухе:

– Приступай к заклинаниям!

Старуха с таинственным видом достала из за пазухи завернутые в тряпицу засушенные травы и цветы и, осыпая ими ложе Анаит, начала нараспев свои заклинания:

– Сыплю розы – розой тебе расцвести!.. Лилией, жасмином, нарциссом! Боль твоя – как трава засохнет, как лист опадет. Сердце твое зацветет!

Затем, достав какую-то лепешку, она большим пальцем отковыряла кусочек:

– Вот вороний жир, вот толченая тигровая кость. Покушай – и пройдет твоя болезнь.

Анаит не взяла протянутого ей кусочка.

– Бери! – приказал отец Анаит знала непреклонный нрав отца, – взяла и через силу проглотила.

– Сандарамета велением, дэвов волхвованием, боль твою – ветеркам, от ветерков – морю, морю – ее поглотить, бездне – выпить. Да сгинет бесследно и безвозвратно боль твоя!..

Отец с нетерпением и тревогой ждал действия снадобья.

– Ну, полегчало? – справился он – Полегчало, батюшка! – отвечала Анаит, чтоб избавиться от дальнейших расспросов.

– Ну смотри же, завтра едем домой!

Анаит, с ужасом взглянув на него, побледнела, но промолчала, не смея прекословить суровому отцу.

Отец вышел. Мать с нежностью обняла Анаит, шепнула:

– Не дам увезти тебя, не бойся! Сама слягу и притворюсь больной, заставлю отложить отьезд.

– Как ты себя чувствуешь, Анаит? – ласково обратилась к больной вошедшая в опочивальню молодая женщина. Она казалась старше Анаит и Астхик. Ее гордая осанка говорила о том, что она знает свое значение в доме.

– Хорошо, сестрица, – ответила на ее вопрос Анаит.

– Поправляйся же, поправляйся скорее, чтоб быть здоровой, когда приедет мой супруг. Он не простит нам, если застанет тебя в постели.

Анаит задумчиво улыбнулась, печально глядя на княгиню.

– Ах, сестрица! Я боюсь – не поправиться мне! – со вздохом проговорила она.

– Нет, нет, выздоравливай скорей, бога ради! – повелительно сказала та.

Супруга князя Рштуни привыкла говорить со всеми повелительным тоном, даже когда хотела проявить нежность. Она была похожа на Анаит, но полнее и величавее ее.

– Смотри же, Анаит, выздоравливай, – я повезу тебя в Аштишат! – повторила она, уже выходя из опочивальни.

Встала и мать, ласково пригладила кудри Анаит и вышла вслед за старшей дочерью. Удалилась и старуха.

– Анаит, подойди к окну, хотя бы ненадолго, – попросила Астхик.

Анаит устало глядела на сестру, молящим взглядом отклоняя предложение.

– Нет, нет, подойди – увидишь, тебе легче станет, – настаивала Астхик.

Она подбежала, обняла Анаит. С ее помощью больная встала, подошла к окну и опустилась на скамеечку.

Перед ее глазами открылось глубокое, как пропасть, ущелье, тянувшееся до самого Бзнунийского моря. Со дна ущелья полз наверх туман, похожий на белоголового дракона, пригретого первыми лучами солнца. Унылая дорога терялась в скалах. В глубине небес, словно далекое облако или столбы пыли, проступали горы. Там… там находился он, ушедший, затерявшийся вдали! Он забыл Анаит, перестал ее любить и ушел далеко-далеко, к прекрасным девушкам других краев… – Далеко-далеко!.. – вслух проговорила Анаит.

Астхик обняла сестру и, склонив голову ей на плечо, мечтательно устремила взор на далекие горы.

На персидском плоскогорье было еще довольно холодно. Хосров с Кодаком и Гютом верхом пересекали песчаные степи. От скуки и усталости они молчали; каждый из них перебирал в уме козни, которые ковал против другого. Это как бы укорачивало долгий путь. Сладостна была надежда на то, что в некий счастливый день через труп поверженного соперника придет удача.

Трудности сделались еще более ощутимы после того, как стало известно, что незачем ехать в Тизбон: Азкерт выехал в область Апар, граничащую со страной кушанов. Стало очевидно, что и азарапет будет там; приходилось поворачивать в Апар.

Холодный дождь сек путников, на свинцово-сером небе не было ни малейшего признака прояснения. Промокший Кодак, который пустился в путь еще не оправившись после болезни, весь посинел и дрожал. Ежились также Хосров с Гютом. Усталые кони с монотонным хлюпанием вытаскивали ноги из мокрой земли. День близился к концу, холод усиливался, к дождю стал примешиваться снег.

В стороне показалось какое-то здание, похожее на обломок скалы. Это был караван-сарай. Измученные путники оживились при виде его.

Над крышей вился тонкий дымок, но ветер тотчас же разрывал его в клочья.

– Остановимся здесь, – сказал молчавший весь день Хосров и приказал телохранителям позаботиться о ночлеге Двое телохранителей выехали вперед. Когда Хоеров с Гютом доехали до караван-сарая, хозяин и слуги вышли приветствовать их.

– В добрый час пожаловали! – говорил пышноусый, низкорослый толстяк, хозяин караван-сарая, с трудом сгибая заплывшую жиром шею.

– Приготовь помещение, и быстро! – приказал Хосров.

– Слушаю! – вновь склонился перед ним хозяин. – Пожалуйте в дом!

В караван-сарае Хосров приказал подать обед. Накрыли стол, и путники стали жадно утолять голод. Хозяин, стоя на коленях, отдавал распоряжения слугам, и те приносили одно блюдо за другим. Горевший в углу на жертвеннике священный огонь бросал живой и мягкий свет. Хотя в стене было пробито отверстие, во легкий дымок стелился и в помещении.

– Кто еще есть в караван-сарае?

– Подчиненный азарапета, – отвечал хозяин. – Направляется в Армению.

– Его имя?

– Вшвасп.

– Когда он призовет тебя, сообщи ему, что здесь остановился проездом из Армении посланный с указом Михрнерсэ.

– Будет исполнено.

Еда оживила и согрела путников. Началась беседа. Хозяин вышел, чтобы исполнить распоряжение Хосрова, и вскоре вернулся с сообщением, что Вшнасп просит пожаловать к нему. Переждав немного, Хосров направился к Вшнаспу.

Кодак загорелся:

– Как бы нам узнать, зачем он направляется в Армению?

– Или о чем они сейчас беседуют? Несомненно, он попытается очернить марзпана, проклятый перс!

– Когда он вернется, отвлеки его беседой, а я пойду к этому Вшнаспу и выпытаю у него всю правду.

– Как ты думаешь, зачем он едет в Армению? – спросил Гют.

– Чтобы узнать, что делает марзпан.

– Марзпан? А не Деншапух?

– Нет, именно марзпан! Деншапух сделал промах и лишь вызвал раздражение. А марзпан положил начало вероотступничеству.

Хосров вернулся не скоро. Его рассерженный вид свидетельствовал о том, что ему пришлось выслушать от Вшнаспа не особенно приятные вещи.

– Повелитель разгневан, что ответ на указ Михрнерсэ запоздал. Он ищет виновных…

Это объяснение Хосрова показалось Кодаку подозрительным. Он решил, что здесь что-то кроется неладное. Поэтому, когда Хосров уселся, Кодак вышел под предлогом головной боли и направился к хозяину караван-сарая.

– Если ты устроишь мне свидание с Вшнаспом, любезный, я оставлю тебе моего запасного коня.

Хозяин встал, хотя и не поверил обещанию.

– Сообщи, что посланный марзпана желает видеться с ним наедине.

Хозяин ушел; немного погодя он вернулся и пригласил Кодака к Вшнаспу.

Кодак со смиренным видом вошел в занимаемые Вшнаспэм покои и у двери преклонил колена. Вшнасп сделал ему рукой знак подняться, но он остался на месте и лишь присел на корточки.

– Государь, я счастлив, что встретился с тобой! – начал Кодак. – ты знаешь, несомненно, о злосчастном и своевольном ответе нашего духовенства и князей…

– Знаю! – отрезал Вшнасп, круглолицый, крупноглазый, неприветливый, даже суровый на вид юноша. – Куда же вы направляетесь сейчас? Навстречу ярости царя царей?..

– Но мы – посланцы вероотступников – возразил Кодак.

– Кто же эти вероотступники? – с пренебрежением переспросил Вшнасп.

– Марзпан, Гадишо Хорхоруни, Артак Рштуни, Гют Вахевуни, сейчас пребывающий в караван-сарае, и твой смиренный слуга.

– Что же вы намерены делать?

– Смягчить гнев царя царей.

– Не таков гнев царя царей, чтобы можно было его смягчить!

– Как же нам поступить?

– Из этих пустых хлопот ничего не выйдет. Бростье это! Ваше ответное послание навлечет на вашу голову большие бедствия.

– Ответное послание не было бы написано в таком духе, если бы Деншапух и Хосров не торопили марзпана и н«е раздражали духовенство!

– Оставьте эти обвинения! Вы там, у себя в Арташате, стали заниматься опасными кознями. Отдаете вы себе отчет, куда везете это послание? В Персию! Царю царей! Понимаешь ли ты, какая это дерзость?

Кодак смешался и замолк, съежившись, как попавший под дождь воробей. Его хитрые глаза бегали; он лихорадочно искал выхода, спасения.

– Дай нам совет, господин! – попросил он смиренно.

– Какой совет? – раздраженно отозвался Вшнасп. – Отправляйтесь и получите заслуженное воздаяние! Ваша дерзость перешла все границы. Если царь царей не повелит сейчас же набить травой ваши шкуры – радуйтесь жизни в Башне забвения!

Кодак молчал.

– Удивительная дерзость! – продолжал Вшнасп. – Насмеяться над царем царей – и самим же везти ему эту насмешку… Да что вы за народ? Мятежники, смутьяны, непокорные бунтари!.. Греция дрожит перед царем царей, кушаны тысячами гибнут под его ударами! Кто смеет противостоять ему? Вся вселенная преклонилась перед ним! А эти – смотри-ка! – осмеливаются восставать против грозной арийской державы! Да кто вы такие! Исполины? Непобедимая сила? Государство? Свободный народ?.. Посмотрите-ка! Еще ответ везут!.. Убирайся, не показывайся мне на глаза! Мне не о чем больше говорить с вами. Уходи!

Кодаку показалось, что ему нанесли удар мечом по голове. Он упал духом, растерялся и еле смог пролепетать:

– Оставайся с миром!..

Вшнасп даже не ответил ему.

Кодак спешил унести ноги. Выходя, он чувствовал на себе яростный взгляд Вшнаспа. Он остановился на обширном внутреннем дворе, чтобы прийти в себя; верблюды, опустившись на колени, пережевывали жвачку, с пренебрежением глядя на него.

«Это Персия! – подумал он. – Все чужие, кругом враги».

Кодак пригорюнился. Старая лиса, ловко и не раз выскальзывавшая из запутанных сетей и вероломных ловушек, поникла головой.

Кодак вышел из ворот и стал вглядываться в пустынную и мрачную даль. Он чувствовал свою беспомощность и одиночество вдали от Армении, в глубине негостеприимной и враждебной Персии.

Дождь прекратился, лишь последние крупные капли, подхваченные ветром, обрызгивали лицо и руки. Кодак прошелся вокруг здания и стал мысленно перебирать в памяти свою богатую событиями жизнь. Он, сын простого конюшего, своей сметливостью и хитроумием привлек внимание отца Васака и стал постепенно возвышаться на политическом поприще. Даже самому Васаку он оказал немало услуг. Кодак был привязан к Васаку, преклонялся перед его умом и всегда находил у него службу и защиту. Исколесив всю Персию и будучи вхож к придворным вельможам, он досконально изучил все тонкости искусства угождать, привык к неразборчивости в средствах, научился интриговать и подкапываться и сделал все это как бы своей профессией. Служа Васаку и содействуя ему в его замыслах, он иногда предавал даже его. Постоянно сталкиваясь с корыстолюбием и ненасытной жадностью персидских вельмож, он сам постепенно превратился в жадного корыстолюбца и привык сносить унижения и оскорбления.

«Что тут можно предпринять?» – спрашивал он себя, удрученный своими думами. Куда же они направляются – зверю в пасть? Где был их разум? И что ему делать, чтобы обелить марзпана? Ошибкой был этот его выезд в Персию. Его соблазнили обещания марзпана, но теперь он может попасть в Башню забвения… Кто его тогда спасет? Какой безумец за него заступится? Ведь имя человека, брошенного в эту башню, вычеркивается из памяти людской. За одно упоминание – голова с плеч!.. Потянулся за возвышением – и пришел к порогу гибели и забвения!

Он вернулся в покои к молчаливо сидевшим Хосрову и Гюту. Последний, по его расстроенному виду, сообразил, что свидание с Вшнаспом было не из приятных. Когда, под предлогом болей в желудке, Кодак лег в постель, продолжая думать с закрытыми глазами, Гют попытался узнать что-либо у Хосрова.

– Какое положение занимает при дворе этот Вшнасп? – спросил он.

– Высокое! – ответил Хосров намеренно кратко, чтоб уколоть Гюта.

– Я тоже такого мнения. Иначе его не послали бы в Армению.

Хосров даже не соблаговолил ответить. Он начал уже выказывать пренебрежение Гюту.

– Ты не узнал, по какому делу едет он в Армению? – продолжал Гют.

– Какое тебе дело до этого? – гневно оборвал его Хосров. – Что ты копаешься в государственных тайнах?

– Я спросил, полагая, что это не возбраняется, – сказал Гют. Он умолк и тоже лег.

Хосров вышел подышать после спертого и тяжелого воздуха караван-сарая. Кроме того, он начинал уже тяготиться своими спутниками. Вшнасп сообщил ему многое о событиях при дворе, о гневе царя царей и недовольстве Михрнерсэ. Уже самое опоздание ответного послания сильно разъярило их. Михрнерсэ был уверен, что армяне примут его указ как исходящий от царя царей и немедленно подчинятся. Однако армяне дерзают медлить с отречением от веры и задерживают ответ!.. Эта неслыханная дерзость повергла в изумление придворных, которые с большим нетерпением и любопытством ожидали увидеть зрелище казни виновных в ослушании. Хосрову сейчас казались смешными интриги в Арташате, мелочные препирательства, изучение настроения армян и излишняя осторожность Деншапуха. И тут-то Хосров с ужасом вспомнил, что он и сам выказал слабость и терпел проволочки, в то время когда нужно было приказывать и принуждать. Лишь теперь, здесь, в глубине Персии, почувствовал он ее силу и подумал: что значит какая-то крохотная Армения рядом с ее могуществом? И стоило ли вообще разговаривать с армянами?

Он решил немедленно переменить позицию. Вызвав через телохранителя хозяина караван-сарая, он приказал сейчас же приготовить себе отдельное помещение.

– Не должен же я почивать вместе с этими нечистыми! – сказал он.

Ему тотчас же было отведено более просторное помещение, и туда были перенесены его вещи. Гют и Кодак поняли, чем это вызвано. Они почувствовали обиду и унижение. Кодак вышел посмотреть, как происходит переселение Хосрова, и нашел его сидящим у двери на подушке, принесенной слугами, пока готовили помещение.

– Недоволен нами господин? – не смог сдержать Кодак своей обиды.

Хосров не ответил.

Кодак сгорал от стыда. Он понял, что напрасно поставил себя в унизительное положение да еще в присутствии слуг, – но было поздно. Нужно было найти какой-нибудь достойный путь к отступлению.

Кодак повторил свой вопрос громче.

Хосров злобно повернулся к нему, вскочил с подушки и пнул его ногой.

Кодак еле удержался на ногах.

– Почему ты бьешь меня? – спросил он, растерявшись, и сделал шаг вперед.

Хосров принял это за попытку напасть на него и ударил Кодака еще раз. Кодак упал. Хосров стал топтать его ногами, пока у Кодака не хлынула изо рта кровь. Кодак лежал ничком; задыхаясь, он выплюнул набившуюся в рот землю.

– Плюешь? На кого плюешь, собака и собачий сын?! – рассвирепел Хосров, продолжая с остервенением наносить удары.

Из всех углов караван-сарая высыпали купцы, служащие и воины и стали наблюдать за происходящим. Вначале они глядели с удивлением и даже со страхом, но вскоре, увидев, что избиваемый – иноверец, стали одобрительно смеяться и переговариваться.

Стоя в дверях, с заложенными за спину руками, Вшнасп следил за происходящим. Вышедший из своего покоя Гют на минуту онемел, увидев такое беспримерное унижение. В нем вспыхнуло самолюбие, он шагнул вперед, схватил Хосрова за руку и отбросил его в сторону. Хосров в ярости обернулся к нему, но Гют так на него посмотрел, что тот сразу остыл. Гют повернулся к Вшнаспу, но тот зевнул и пошел к себе в покои.

– Встань! – приказал Гют Кодаку. – Как ты позволяешь себе осквернять свой рот нечистым прахом этой страны?

Хосров злобно повел глазами.

– Это какую страну ты называешь нечистой? – с угрозой придвинулся он к Гюту.

Гют, не отступая ни на шаг, негромко ответил:

– Я готов умереть, но сделай одно движение – и голова слетит у тебя с плеч. Ты ведь знаешь, в какой стране я родился…

– Заткни рот! – крикнул Хосров.

– Это ты заткни рот! – воскликнул Гют, хватаясь за рукоятку меча.

– Убивают! Помогите! – завопил в ужасе Хосров. Вновь показался Вшнасп.

– Что это, вы еще не кончили? – прикрикнул он. Гют крикнул в ответ:

– Вы позорите посла, направленного к царю царей, избиваете людей марзпана! Пусть мой труп останется здесь! Но что, если царь царей потребует сведения, которые я везу ему? Об этом вы подумали?

– Кто ты? – подошел к нему Вшнасп.

– Князь армянский и слуга царя царей! Так вы почитаете ваши законы? Таково ваше гостеприимство? Плкио я на ваши покои, я скорее лягу спать в поле. А тебя я еще увижу при дворе! – погрозил он пальцем Хосрову.

Вшнасп понял, что они перешли границы; он рукой сделал знак Хосрову успокоиться.

– Вам не нравится Армения, но царь царей с ней считается… Я доложу ему обо всем, и вы еще попляшете у меня!

Наступило неловкое молчание. В толпе стали перешептываться. Кодак, не вставая с земли, счищал с себя пыль.

– Плюнь ты на эту землю! – крикнул ему в ярости Гют. – Встань!

Кодак сплюнул, встал и, вытирая лицо ладонью, лишь размазывал кровь и пыль. Это вызвало громкий смех. Кодак пригрозил смеявшимся и вошел в помещение, сопровождаемый Гютом.

– Чем это ты занимаешься здесь? – подошел к Хосрову Вшнасп, награждая его пощечиной. – Существует для тебя закон или нет? Даешь этим собакам повод распустить язык при азарапете? Убирайся!

Хосров съежился и проскользнул к себе. Вшнаеп махнул толпе, та рассеялась.

Войдя в помещение, Кодак, в ответ на расспросы Гюта, рао сказал ему все.

– Напрасно связался ты с этой собакой! – заметил ему Гют. – И кто дал тебе право всюду совать свой нос?

– Я доверенное лицо марзпана! – огрызнулся Кодак.

– Ты, собачий помет! – рявкнул Гют.

Кодак злобно взглянул на него, но затем смирился.

– Ударь и ты, если так! – сказал он, рыдая.

– На тебе! – размахнулся Гют.

– Сделаешь еще лучше, если совсем убьешь! – не унимала Кодак.

Гют потянулся к мечу. Кодак, потеряв голову, потрясал руками в воздухе.

– Горе мне!

– Молчи!

– Не буду молчать! Я не прощу такой обиды! Говорят о персах… Нет, это армянин – перс, армянин!.. Чего ты смотришь? Кончай со мной, убивай!

Гют рассмеялся и, подойдя к Кодаку, положил руку ему на плечо.

– Не превращай меня в перса. Я армянин.

– Ты не армянин, а перс! – зарыдал Кодак. – Не пожалел моей старости…

– Хорошо, хорошо, успокойся! – стал его увещевать, Гют. – Не удержал я руки…

Кодак с охами и стонами пошел к своей постели, лег и укрылся с головой.

– Погоди уж, я им еще покажу! – пригрозил он кому-то, вновь высовывая голову из-под одеяла.

– Оставь похвальбу и спи! Довольно! – приказал Гют, тоже ложась.

Наступило молчание, вскоре нарушенное храпом Гюта. Кодак, привстав, принялся счищать грязь со своих ушибов и растирать помятые бока, одновременно перебирая в памяти все случившееся. Он был человек в такой же мере беспокойный и упорный, сколько выносливый и терпеливый. Но на этот раз он горел как в огне и не мог успокоиться. Его сжигали злоба и бессильная ненависть. Мстительность горца проснулась в нем и не позволяла г/дать до утра, когда он смог бы что-нибудь предпринять против Хосрова. Далеко было и до дворца, где он надеялся свести счеты со своим врагом и погубить его.

«Стать вероотступником? – думал он. – Скорее издохну, но не отступлюсь! Поклонюсь тысяче огней, чтоб остаться живым, но от веры не отступлюсь…»

Он взглянул на огонь, который трепетал в жертвеннике, и вдруг, подхлестнутый какой-то мыслью, подбежал к нему, приподнялся и помочился. Огонь зашипел и сник. Кодак вернулся в постель. Покой снизошел на него, и он заснул.

Когда утром Гют взглянул на Кодака, тот еще спал. При дневном свете отчетливо видны были следы побоев на его лице. Гют почувствовал жалость к Кодаку и обиду за него. Возмущало не столько самое избиение дерзкого старика, сколько то, что его унижали как армянина.

Вошел хозяин и спросил, что изволит нахарар заказать себе на завтрак. Гют еще не успел произнести и слова, как хозяин, обратив внимание на жертвенник, в ужасе воскликнул:

– Кто погасил священный огонь?

– Разве он потух? – равнодушно спросил Гют. Хозяин растерянно смотрел на жертвенник.

Проснулся Кодак.

– Кто погасил священный огонь? – обратился к нему хозяин.

Кодак взглянул и ответил:

– Скажи мне, как же это сам священный огонь дозволил, чтоб его погасили?

Хозяин побоялся поднимать шум и, осмотрев золу, заявил:

– Не подложили дров; огонь сам погас. Он вышел, чтобы вновь принестй огня.

– Кто же потушил огонь? – заинтересовался Гют.

– Я! – ответил Кодак.

– Почему?

– Я армянин и христианин: Не место их священнбму огню в моих покоях!

– Как же ты его дотушил?

Кодак рассказал…

Гют хотел рассердиться, но не удержался и расхохотался.

– Что же это за божество, которое можно погасить мочой? – философствовал Кодак.

Гют вновь стал серьезен.

– А если бы узнали?

– Что же, убили бы нас.

Гют взглянул на неукротимого старика и махнул рукой. А тот объяснил:

– Ведь армяне могут таить месть тысячу лет, но отметить они должны! Сильно он меня оскорбил, князь.

– Что же, теперь ты успокоился? – не удержался от улыбки Гют.

– Нет, не утолил еще всей жажды мести.

– Сдержи себя и не позволяй себе больше таких безумств! – строго сказал Гют. – Ты государственный деятель или тушитель огня?

– Это не мешает государственным делам, князь. Где надо действовать словом, а где – иными способами!.. Не смейся надо мной, князь. Уж так получилось…

Хозяин принес огонь и снова возжег жертвенник.

– Как же это он потух? Все-таки я не понимаю, – качая головой, бормотал хозяин.

– Огонь тухнет от ветра, от песка, от воды, – с серьезным видом разъяснил Кодак.

Гют сурово взглянул на него:

– Ты замолчишь или нет?

– Я молчу, молчу! О чем же говорить? Но я не боюсь смерти, я посвятил себя ей.

Хозяин спросил, какие будут дальнейшие распоряжения князя.

– Принеси завтрак и узнай, проснулся ли Хосров. Кодак оделся, пошел умываться и, вернувшись, уселся на своем ложе.

– Они избили меня, но я поступил не как царь Аршак Второй!

Гют, предвкушал развлечение, не мешал ему разглагольствовать.

– Ты спросишь – как? Но ведь заключив Аршака в Башню забвения, Шапух Второй велел посыпать половину пола в его темнице землей Армении и половину – землей Персии. Стоя на земле родины, царь Аршак, воспрянув духом, издевался над персом; на земле же персидской он впадал в уныние и смирялся. Я же боролся и тогда, когда стоял на персидской земле!..

– Быть тебе вскоре царем армянским! – пошутил Пот.

– Смеешься надо мной, князь? Но я не уронил чести армянина!

Хозяин принес обильный завтрак. Кодак, забыв свои обиды, быстро подсел к подносу.

– Хосров встал и ждет тебя, князь, – сообщил хозяин.

– Скажи ему, чтоб он явился ко мне! – приказал Гют.

– Слушаю!

Хозяин вышел и быстро вернулся:

– Не хочет идти, господин! – доложил он испуганно.

– Ступай и от моего имени прикажи ему прийти! – сверкнул на него глазами Гют.

Тот испугался и вышел неуверенной походкой. Ворвался Хосров и кинулся прямо к Гюту:

– Это ты мне приказываешь явиться? Ты?..

В ту же минуту Гют дал ему оплеуху. Хосров открыл рот, чтоб завопить, но получил вторую оплеуху, затем третью, четвертую…

Хосров испугался; он хотел было позвать на помощь, но Гют схватил его за ворот.

– Если пикнешь – убью как собаку! Будешь знать, как бить моих людей, да еще в моем присутствии!..

– Ну что, почувствовал армянскую силу? – подбежал к нему Кодак. Он тоже хотел ударить Хосрова, но Гют отбросил его в сторону и приказал Хосрову:

– Ступай распорядись насчет коней, пока я кончу завтракать!

Хосров выбежал из покоев. Он был так напуган, что сейчас же бросился исполнять приказание Гюта. У него мелькнула мысль сбежать, опередить Гюта, но он побоялся, что тот его догонит. И, как всегда бывает в подобных случаях, он испугался больше, чем нужно было, и подчинился.

Предутренние облака уже разошлись, и в просвете между ними выглянуло солнце. Гют приказал подавать коней. После всего, что произошло, Кодак решил не оставлять хозяину своего запасного коня.

Когда они, выйдя на балкон, собирались спуститься вниз, показался Вшнасп. Он с интересом оглядел Гюта, который сдержанно приветствовал его. Вшнасп ответил на привет и многозначительно сказал:

– Перенес беспокойство, князь?..

– Да, пришлось прибить это животное! Он пристойно вел себя в пути; не знаю уж, что с ним случилось в этом караван-сарае, – дерзнул поднять руку на одного из людей марзпана… Ну, пребывай с миром! – И, обращаясь к Хосрову, сказал повелительным тоном: – Ступай вперед!

Хосров вышел. Вшнасп, не знавший, как ему отнестись к словам Гюта, смог лишь пробормотать:

– Иди с миром!..

Посольство выехало.

Кодак удовлетворенно молчал. Он был рад, что Гют выка зал свой нрав. Хорошо зная Персию, Кодак знал также, как трус ливы персидские чиновники перед людьми сильными.

Немного спустя он обратился с вопросом к Хосрову:

– Доберемся в два дня, как полагаешь?

– В полтора доедем, – ответил Хосров с наружным смире! нием, хотя и было ясно, что он затаил месть.

«Псам кину тебя на съедение! Подожди только!» – повторял в уме Кодак. Покачиваясь в седле, он, чтоб разозлить Хосрова стал громко напевать какой-то церковный мотив.

Вдали, влево от дороги, что-то чернело. Было похоже на ка раван, но очень многолюдный.

Гют стал вглядываться.

– Да это войско, государь! -высказал догадку телохранител!

Действительно, вскоре стало видно, что это идет войско. О пахи устало поднимали глаза на Гюта, отдавая ему честь. Гю остановился, чтоб пропустить их.

– Куда вы направляетесь? – спросил он.

– В Апар, господин, – ответил тот. – На войну с кушанами.

Воины были молоды, но медлительны в движениях. Их помятые лица свидетельствовали одновременно и о распущенности их нравов и о бесконечных трудных походах. Они были обожжены солнцем и обветренны, черны и грязны, покрыты потом и пылью. Тяжело ступая и раскачиваясь на ходу, они тоскливыми и грустными глазами оглядывали путников.

– Спят на ходу, – заметил Кодак. – Нет в них живости наших воинов.

– Но бьются они неплохо, – возразил Гют. Кодак с особенным интересом изучал всадников и, как сын смотрителя конюшни, глазами знатока рассматривал коней.

– Бабки у коней толсты, но кони не выносливы, как наши! Гют глядел задумчиво и невесело.

– Дело не в этом, – они сильны численностью своей! Этим они покоряют весь мир.

Войска прошли. Кодак стал излагать свои соображения. Гют не препятствовал ему, потому что они говорили по-армянски, да и беседа как бы скрашивала дорогу.

– Все это – признак войны. Азкерт теперь будет решать быстро и без снисхождения? – говорил Кодак.

Гюту была известна сообразительность старика в подобных делах, и он задумался над словами Кодака. Не станет он слушать объяснений. Будет расправа, и суровая! – продолжал Кодак. – С ним у нас ничего не выйдет. Наша надежда – Михрнерсэ.

– Чем же лучше Михрнерсэ? – спросил Гют.

– Указ составлен по его повелению. Ведь это он писал, увещевал, а в конце и требовал или ответить по пунктам, или явитьсяко двору. Пока соберется суд, мы выиграем время…

Соображение это показалось правильным, и Гют согласился с ним.

– Главное – сперва увидеться с Михрнерсэ, заручиться его покровительством, – заключил Кодак. – Но если дело дойдет до царя царей – мы пропали. Война с кушанами, вероятно, разъярила его.

Они ехали позади войска.

Гют приказал обогнать. Пришлось отъехать довольно далеко, пока, опередив колонну,

они смогли поскакать вперед.

Князь Артак Мокский и нахарар Рштуни выехали довольно поздно. Артак торопил нахарара, но тот под предлогом нездоровья и усталости все оттягивал отъезд.

Дорога шла через горные перевалы и плоскогорья. Гора, за нею другая, затем третья – и в некий день завершится для Артака этот долгий путь. Он не разговаривал, он мечтал.

Замкнулся в себе и нахарар Рщтуни, сторонившийся Артака, так что оба были довольны.

Бдительность Артака усыпляло одно обстоятельство: это было его отношение ко всему, что имело отношение к Анаит. Он прощал нахарару Рштуни его грубость, пренебрежительные интонации и недружелюбие, так как считал его человеком близким, родным. Артак не мог отделять враждебные друг другу явления: Анаит – от нахарара Рштуни, свою любовь – от войны, от дела сопротивления и ответного послания персидскому царю. Чувство любви захватило его, затуманивало его мысли, усыпляло его. Нахарар Рштуни, много передумавший в Арташате и ехавший домой с совершенно иными намерениями, чем Артак, глядел на своего непрошеного спутника с чувством неприязни. Он решил избавиться от Артака при первой возможности, тем более что, согласно решению Васака и его приверженцев, должен был внедрить у себя дома культ поклонения огню. Ему было поручено вносить всюду, где это было возможно, раздоры и силой подавлять сопротивление персам.

Артак со страстью отдавался волновавшим его думам. Война казалась ему чем-то отвлеченным, каким-то тяжелым кошмаром, и только Рштуник был реальностью. Артак слышал уже благоуханное, дыхание этой страны – влажное, слегка соленое. Оно влекло, манило его.

И вот внезапно, точно из-под земли, показалось светло-голубое, как небо, Бзнунийское море.

Артак вздохнул, его глаза увлажнились: он стосковался по морю. Вспомнились сказки старой няни, мечты детства…

Долго ехали они – день, два… Синяя даль наверху, синяя даль внизу опьяняли Артака. Проехали Арцруник и, наконец, вот он – Рштунинский край!

Было уже темно, когда они подъехали к замку князя Рштуни. Сумрачно и негостеприимно глядел на них похожий на скалу замок. Ни один луч света не золотил его темных стен.

Басом залаял сторожевой пес, что-то метнулось у ворот, какие-то тени кинулись к неистово лаявшему псу.

– Кто там?

– Отворите князю! – отозвался один из телохранителей.

Сторожа придержали пса, одни из них забежал вперед и приказал открыть ворота. Со стесненным сердцем оглядел Артак двор. Тьма, тишина – ни малейшего проблеска жизни. Не ужели ее нет здесь?.. Но ведь она, может быть, и не здесь, а в доме отца. Как он не подумал об этом?

Они спешились. На террасе показались какие-то женшдны, они подошли ближе.

– Князь! – послышался шепот одной.

– И князь Артак с ним! – добавила другая.

Принесли светильники. Мрак, ревниво охранявший от Артака неведомые тайны, отступил. Артак огляделся: народу было много, но Анаит не было. Ясно, ее нет в замке.

– Соблаговоли пожаловать в покои! – пригласил нахарар Рштуни.

Артак последовал за ним с тяжелым сердцем. И тач как не было той, от которой он ждал ответа на мучивший его вопрос, он напряг слух, надеясь хоть что-нибудь – хотя бы одно слово – услышать о ней. Но так и не услышал ничего. И понимая, что расспрашивать невозможно, он впал в уныние и даже не заметил, как все поднялись по лестнице и вошли во внутренние покои.

Обычно немногословный и даже неприветливый, нахарар Рштуни проявил

приличествующую случаю любезность и приказал оказывать гостю услуги и заботу. Нахарар даже стал шутить. Но Артак точно ничего не слышал; он равнодушно умылся и прошел в покои, куда был подан ужин.

– Эх, устали мы! – сказал нахарар Рштуни. – Пора и отдохнуть!

Беседа не занимала Артака. Его терзали сомнения. Каменное молчание, невозможность услышать хотя бы что-нибудь, относящееся к Анаит, действовали на него удручающе. Из перешептываний и переглядываний некоторых слуг он заключил даже что С Анаит стряслось несчастье. Артак настолько растерялся, что не смог учесть простого, но важного обстоятельства: никто ничего от него не скрывал, – хотя бы потому, что никто не знал его заветной тайны.

Но почему же все молчат?..

Но вот, наконец, заговорили.

– Поправилась госпожа? – спросил нахарар Рштуни.

– Поправилась, государь, – ответил дворецкий.

– Очень хорошо! А мать моя?

– Благодарение богу, здорова и Старшая госпожа.

– Из домашних никто не болеет?

– Никто, государь… – чуть замялся дворецкий. «Значит, ее нет здесь!» – подумал Артак, и эта мысль обожгла его.

– Что с тобой, князь? Почему ты приуныл? – справился нахарар Рштуни.

– Устал, – объяснил Артак.

– Поди ложись, отдохни!

Да, Артаку не терпелось уединиться, чтобы вдали от чужих глаз свободно пережить свои муки, ходить из угла в угол, быть может, найти кого-нибудь, кого можно было бы расспросить.,.

Дворецкий проводил его в высокую комнату в боковой башне. В очаге горел слабый огонь. Из узкого окна можно было видеть бездонную пропасть, на дне которой бурлил бешеный горный поток. Ветер врывался в окно, принося с собой свежесть леса и реки. Лес нашептывал свою сказку. Казалось, среди его могучих деревьев кружится мать лесов и пляшут дриады.

Артак глядел на эту красоту, и сердце щемило еще больше.

Становилось все темней и тише. Двор потонул во мраке. Лишь время от времени слышалась сонная перекличка стражи, да пес то заливался лаем, то вновь умолкал.

Артак взглянул на звезды – до рассвета было еще далеко. Он лег, укрылся с головой меховым покрывалом, закрыл глаза и попытался мысленно воспроизвести образ Анаит. Но это ему не удавалось. Перед ним возникала желтая лента пыльной дороги, каменные громады гор, высокая трава, мох на скалах, водопады, простор Бзнунийского моря… Иногда возникало и глядело на него, затем искажалось и таяло лицо какой-то девушки. Но она была и незнакома, и совершенно не похожа на Анаит… Все, все представало перед его глазами, не было лишь ее! Словно и не встречал он ее никогда и не было ее на свете.

Мучительная ночь словно остановила свое течение, словно окаменела, не кончалась. Как будто решив более не просыпаться, спали и замок, и люди, и деревья, и пропасть. …Величественный, широко раскинувшийся храм как бы благословлял народ, призывая к благоговейному молчанию заполнявшее его людское море. И вот, точно поднятий народной массой, Вардан Мамиконян простер руку и воззвал:

– Страшная весть, народ армянский! Арийское войско наводнило равнину Айраратскую… Вперед! Поднимайтесь все навстречу неприятелю!..

Народ загремел и двинулся Артак очнулся; кругом не было никого. В окно билась летучая мышь, – она покружила под сырым, гладко вытесанным каменным сводом и вновь выскользнула за окно Спала страна Рштуни.

Артак подошел к двери, приоткрьш ее. На скамье, присло нившись к холодному камню стены, дремал слуга.

Артак оглядел двор. Ни малейшего признака жизни. Тусклая полоса света вырывалась из соседнего помещения, чья-то тень мелькнула на стене напротив и растаяла, В покое, который, по видимому, находился рядом с опочивальней Артака, не спали, и там находился не один человек… Кто же там? Узнать не был» возможности…

Артак не решился спуститься по внутренней каменной лест нице. Он снова лег, устремив взор в потолок. Вдруг он вздрогнул – в окно ворвался ветерок и донес гул бегущей внизу рек» Тьма еще более сгустилась. Артак вздохнул.

Он то закрывал, то вновь открывал глаза, тщетно пытаяс заснуть, но это никак ему не удавалось Внезапно он заметил, чт свод, выложенный камнями, напоминающими сталактиты, сд лался виден более ясно.

– Светает! – прошептал Артак; сердце у него замерло.

Он вскочил и выглянул в окно. Постепенно приобретала очертания пропасть, хотя фата предрассветного тумана еще скрывала и ее, и застывшие в вековой неподвижности скалы, и взьерошенную гриву реки, стремительно мчащейся от одного порога к другому. Взлетала вверх серебряная водяная пыль, осыпая верхушки сосен и елей, которые росли у обрыва. Всю ночь напролет бились воды, прокладывая себе путь к извечной цели – к Бзнунийскому морю.

Наступил рассвет. Кончились ночные муки Артака. Ясный день сулил ему надежду. Артак примирился с мыслью, что Анаит не в замке. Но ведь можно было направиться к ней домой! Он убеждал самого себя, что нужно иметь терпение. Может быть, потребуется день, два, – все равно, он решил при первой же возможности выехать на поиски Анаит. Но как объяснить свой отъезд, какой предлог придумать?..

Однако, несмотря на все трудности, Артак чувствовал, что к нему вернулась бодрость: он во что бы то ни стало узнает, куда исчезло существо, ставшее причиной стольких его терзаний.

Дворецкий пригласил Артака завтракать, он воспользовался случаем:

– Кто находится в замке?

– Много народу, государь. О ком ты спрашиваешь? – ответил вопросом дворецкий.

– Есть ли гости?

– Нет, государь.

– А родственники и близкие нахарара?

– Есть, государь.

– Кто?

– Тесть и теща князя…

– Одни? – с волнением переспросил Артак.

– С ними и одна из дочерей.

– Которая?..

– Астхик. Вероятно, владетель Мокский знает ее?

– Нет, не знаю! – глухим голосом ответил Артак. – Но разве у тестя нахарара одна незамужняя дочь?

– Нет, две…

– Где же другая?

– Она… не знаю, государь… Вероятно, дома… Не знаю.

– Как это ты не знаешь?

– Что мне сказать, государь? Считай, что я человек бестолковый, но я не знаю, как сказать…

– Странно! – едва сдержал свой гнев Артак.

– Изволь пожаловать, государь, нахарар ждет! – вновь повторил дворецкий свое приглашение.

Артаку хотелось бежать из этого неприветливого замка, упорно хранившего какую-то тайну, бежать в горы, кричать, стенать… Но приличие вынуждало его принять приглашение.

Предшествуемый дворецким, он направился в зал» где за столом ожидал его нахарар

Рштуни.

Солнце повсюду рассыпало свои золотые стрелы: сверкала золотая и серебряная посуда, сверкало вино в чащах. Аромат яств возбуждал аппетит.

– Прошла твоя усталость? – спросил князь Рштуни, пристально всматриваясь Артаку в лицо.

– Нет, не прошла.

– Пройдет! Благоволи отведать! – пригласил нахарар, жадно накидываясь на еду.

Артак с трудом заставил себя есть. Его мучила смутная тревога, раздражал этот зал, люди, даже это светлое и радостное утро, Какая может быть радость, когда нет Анаит, и неизвестно, где она!

За завтраком никого из посторонних не было. Это еще более усугубляло мучения Артака. Он боялся расспрашивать нахарара, а тот не заговаривал ни о замке, ни о семейных делах.

Артаку чудилось что-то непонятное в том, что дворецкий ночью сказал об обитателях замка князю, а утром – ему самому. Какая-то тайна была вокруг Анаит…

– Спустимся в ущелье – предложил Рштуни. – Разомнемся немного после дороги!

Артак согласился. Он надеялся, что если даже никто им не повстречается вне замка, то в проходах и на террасах он заметит кого-нибудь, уловит какой-нибудь знак…

Дворецкий доложил, что скакуны готовы. Нахарар встал, потянулся и направился к двери. Артак последовал за ним, напрягая все свои силы и внимание. Внезапно дверь соседнего с его помещением покоя открылась и – о, счастливое мгновение! – Анаит… Артак рванулся к глядевшей на него девушке, сделал шаг -и остановился, сраженный обманувшим его сходством. То была Астхик… Артак не был знаком с ней. Он прошел мимо нее, замедляя шаг, чтоб услышать хотя бы одно слово. Ни звука…

Нахарар обернулся, сурово взглянул на девушку. Та исчезла за дверью. Они спустились во двор, никого больше не встретив. По террасе пробегали лишь слуги.

Сев на коней, выехали из замка, по каменистой тропе спустились в ущелье и стали подниматься по противоположному склону горы.

– В замке есть больные? – вдруг спросил Артак.

– Нет никаких больных! – буркнул нахарар; затем с раздражением, причины которого Артак не понял, он заговорил громко и недовольным тоном: – С чего бы тут болеть?.. Пищи мало? Или спины у них болят от работы? У меня в Рштунике воздух не позволяет болеть!

Артак отчасти был согласен с этим.

– Но ведь, может случиться, что кто-нибудь вдруг и заболеет. Что ты тогда будешь делать? – спросил он.

– Что я сделаю? – вскипел иахарар. – Выброшу из замка! Замок не богадельня!

Так стали выявляться странности в характере рштунийского нахарара. Конечно, хорошо, чтобы никто не болел, – это было у нахарара похвальное желание, но не удивительно ли, что он вообще запрещал болеть? Требование упрямого князя могло привести лишь к тому, что при нем не смели бы упоминать о больных.

Артак и нахарар ехали по ущелью Кони разгорячились и начали покрываться потом. Прогулка на лоне природы несколько подняла настроение Артака. Заметив, что прояснилось лицо и у нахарара, он ошибочно принял это за проявление дружелюбия. Любовь, заставлявшая трепетать его сердце, украшала и возвышала в его глазах и природу и человека Он с улыбкой обратился к нахарару Рштуни:

– Родные княгини часто гостят у тебя в замке?

– Часто, – кратко ответил нахарар своим густым басом и взглянул искоса на Артака.

– Всей семьей?

– Всей, – подтвердил Рштуни, уже заинтересовавшийся, куда заведут эти расспросы.

Они проехали дальше. Артак переменил позиции.

– Далеко до их замка?

– У них замка нет. Мой тесть простой сепух. То обстоятельство, что Рштуни вдруг

ответил ему уже не так кратко и резко, ободрило Артака. Он продолжал расспросы:

– Та девушка, котороя гостила в замке Огакан, также бывает с родными?

– Всегда.

– А теперь она здесь, в замке?

– Да, здесь, – ответил нахарар, с интересом разглядывая Артака. Ему хотелось спросить, почему это так интересует его гостя, но он сдержался и с некоторым лукавством, которого не был лишен, хотя и напускал на себя простодушие, стал ждать, чтоб Артак хоть немного поведал о своей тайне.

– Но она не показалась. Может быть, она отлучилась куда-нибудь? – спросил Артак; сердце у него замирало.

– Не знаю, – ответил нахарар и погнал коня. Артак последовал за ним. И так как он умолк, Рштуни, переждав немного, сам спросил:

– У тебя к ней дело?

– Нет, я просто так спросил, потому что не вижу ее в замке… Что за человек твой тесть?

– Кошку видал? Смешай уксус с перцем, свари в нем кошку и съешь с когтями, – вот и будет мой тесть!

– Такой строгий? – рассмеялся Артак.

– Крапива! Супругу мою мне пришлось вырвать у него ценой тысячи уловок. И когда, получив его согласие, я уже шел с нею в церковь, он вдруг взял свое согласие обратно!

– Причина?

– Быть может, кто-нибудь и знал причину, но не он. В последнюю минуту, вероятно, ему втемяшилось в голову: «нет»! Настоящий самодур. А уж упрям, как верблюд!..

– Значит, вырвать у него девушку – это воинский подвиг?

– Мука. Пытка! Знаешь, зачем он приехал ко мне?

– Зачем?

– Чтобы следить за дочерью – моей княгиней: как бы она не стала беседовать со мной, улыбаться мне, заниматься мной!

– А кем же ей заниматься?

– Господь его ведает. Если он не найдет человека, которому мог бы прекословить, он начинает противоречить самому себе: сперва скажет «да», потом «нет» – и кончено!..

– Да, трудно у него просить дочь…

– Легче постричь яйцо, чем вырвать один волосок у моего тестя!.. Да, крепкий это орешек!

Нахарар Рштуни, человек обычно ленивый и немногословный, не был лишен юмора. Он и сейчас стал подтрунивать над своим тестем.

Артак испытывал к нему все большее и большее расположение.

Чувствуя, что напал на слабую струнку нахарара, он вдруг придержал коня и сказал:

– А ты знаешь, ведь один из наших нахараров заглядывается на Анаит!

– Кто?

– Кажется, Атом Гнуни.

– Гм!.. – хмыкнул себе под нос Рштуни, мысленно добавив: «Кто другого дураком считает, часто сам остается в дураках». Он разгадал Артака, но не показал вида.

– Значит, Атом вскоре заявится со сватовством?

– Вероятно. Но как ему быть с твоим тестем?

– Тестя он должен взять в качестве приданого: в иглах недостатка ощущать не будет.

– Что ж, и заберет! Если нравится невеста, понравится и тесть.

– Противный человек даже и в пасху противен! – со смехом заметил Рштуни.

На этом беседа кончилась, но Рштуни задумался: значит, Артак заехал к нему ради Анаит.., И этот его противник надеется взять в жены девушку из его замка?.. «Да ты ее не увидишь, как ушей своих», – решил он и, вновь помрачнев, умолк.

Прогулка длилась недолго. По возвращении в замок Артак стал искать Анаит. Для него

все еще было тайной: почему она не показывалась?

День он провел в обществе нахарара, который говорил мало, иногда неприязненно оглядывая Артака. За обеденным столом, кроме них, сидели два немногословных и сдержанных сепуха, которые держались по отношению к Артаку т,ак же, как их князь: они говорили мало и окидывали его подозрительными взглядами. Когда же Артак заговорил о войне за родину, о том, что должны быть готовы все, они отвечали вежливо, но в неопределенных выражениях.

Но кто же были эти люди, удостоившиеся чести стать сотрапезниками князя Рштуни? Одно было ясно: они пришли по приглашению нахарара. Из-под густых бровей сепухи часто обменивались заговорщическими взглядами, и было очевидно, что, прибыв по срочному и важному делу, они терпелиро выжидают конца трапезы.

Нахарар многозначительно посмотрел на дворецкого, который сократил церемониал обслуживания и подал сладкие блюда.

– Выпьем, князь, за ясное солнце! – поднял чашу за здоровье Артака нахарар, чтобы завершить обед любезностью. Подняли чаши и остальные, как велел обычай.

Обед был кончен. Артак выразил желание подняться к себе. Нахарар с радостью отпустил его. Дворецкий проводил Артака и уже собирался оставить его, когда Артак внезапно спросил:

– Скажи мне, ориорд Анаит здесь, в замке? Точно молния поразила дворецкого. Он смотрел на Артака и молчал.

– Не знаешь? – переспросил Артак.

– Не знаю, государь! – отозвался тот, обрадовавшись, что Артак сам подсказывает ему ответ.

– Неужели она не приезжала в замок?

– Нет.

– А князь знает, что ориорд здесь, или не знает? Дворецкий использовал этот вопрос:

– Не знает, государь.

– Хорошо, можешь идти.

Артака как будто ударили обухом по голове. Он был ошеломлен. Что же это, нахарар говорил, не зная наверняка? И если дворецкий не знает, в замке Анаит или нет, – то кто же может это знать? И кого еще расспрашивать после этого?

Спускался вечер. Солнце окрасило в кровавый цвет суровые стены замка. Где-то поблизости мычало стадо. В потемневшем ущелье засветился, как светлячок, небольшой костер. В глубокой дали терялась таинственная зеленоватая гладь Бзнунийского моря.

Слуга зажег светильник. Покой озарился красноватым светом. Тоска легла Артаку на сердце. Опять надвигалась ночь… Когда она кончится?..

Замолкли голоса в замке и вокруг него. Артак перенесся мысленно в замок Огакан. Он представил себе покои княгини Шушаник, сидящую перед ней на подушке Анаит. Она существовала, дышала, она внимала ему, говорила с ним, согласилась с ним обручиться… Где же она? Она была жемчужиной – и упала в море? Она была дымом – и рассеялась? Вот он здесь уже вторую ночь и не может узнать, хотя бы, жива ли она.

Ему хотелось плакать.

– Нет, не придет, не придет, не придет она! Нет ее! – проговорил он и ударил но столу. Раздался какой-то странный звук. Он прислушался. Нет, это не он, это кто-то другой ударил по чему-то твердому. Он вслушался внимательней. Нет, ему показалось! Но вот опять… Уже отчетливо послышася тихий стук в дверь. Он подошел к двери, открыл ее. На обычном месте спал слуга. Артак вгляделся пристальней и вдруг заметил у колонны какую-то тень. Она быстро скользнула, приблизилась.

– Это ты стучала? – спросил Артак.

– Я, князь…

– Говори!

– Следуй за мной…

Артак тихо прикрыл дверь и пошел за тенью. Он дрожал. У него пересохло во рту, сжимало в горле. Тень нашла его руку и остановила его. Мягко и нежно было ее прикосновение.

– Осторожнее, князь!.. Умоляю… – шепнула тень.

– Она здесь? – дрогнул Артак.

– Здесь, князь!.. Но осторожнее. Следуй за мной…

Быстро открыв дверь, тень ввела Артака внутрь незнакомого покоя и так же быстро, прикрыла ее. Артак огляделся и увидел Анаит. Она сидела, одетая, на своем ложе, глядя на Артака испуганными, широко открытыми глазами, как бы о чем-то умоляя. Так глядели они друг на друга долго-долго, словно завороженные.

Наконец, Артак подошел поближе и шепнул:

– Что случилось е тобой, Анаит?..

Анаит молчала. Вдруг губы ее дрогнули, она прижалась лицом к подушке и разрыдалась.

Астхик вышла из комнаты и притворила за собой дверь.

– Говори, Анаит! Скажи хоть одно слово… – склонившись над ней, шептал Артак.

Но слезы Анаит продолжали литься, как весенний ливень, они облегчали ей сердце. Артак дал ей выплакаться.

– Ну, говори теперь, Анаит! Успокойся! – попросил, наконец, Артак.

Анаит отыскала его руку, сжала и привлекла к своей груди.

Артак задрожал и опустился на колени. Его рука затрепетала в шелковистой теплоте; он не знал – его ли сердце билось так, или сердце Анаит… А она стискивала руку Артака, как бы что-то рассказывая, как бы молча жалуясь на что-то. Вот она приподнялась, села, взглянула на Артака и печально улыбнулась.

Артак присел на ее ложе.

– Ты больна, Анаит?

Анаит отрицательно покачала головой и вздохнула.

– Но почему ты так исхудала?

Анаит впилась глазами в Артака, но глядела на него отчужденным взглядом, как будто не узнавая его. Она смотрела долго, мучительно долго, и вдруг упала в его объятия. Тоска, восторг, любовь слились в едином вздохе, и с этим вздохом Анаит потеряла сознание.

Артак привстал и потряс руку Анаит:

– Но ты болела…

Анаит устало прикрыла глаза.

– Зачем же было болеть? Ведь я сказал, что вернусь! Ведь я не мог пропасть. Видишь, вот я приехал…

– Как мне было знать?.. Тяжело мне было! – прошептала Анаит.

Артак обнял ее, они умолкли. Артак с болью приглядывался к ней. Она истаяла за время его отсутствия, но муки сделали ее еще прекраснее. Благородное лицо девушки казалось одухотворенным. Зрелость сквозила во всем ее облике, в ее движениях, во взгляде.

Артак и Анаит, беседовавшие друг с другом только однажды, чувствовали себя как давние и близкие друзья. Они могли бы рассказать друг о друге тысячу вещей, как если б постоянно жили вместе, не разлучаясь…

– Анаит, я хочу поговорить с твоим отцом…

Дверь распахнулась, и в покой испуганно вбежала Астхик:

– Отец!..

Анаит затрепетала. Артак вскочил, выскользнул за дверь. Он едва добрался к себе, как на лестнице, которую освещал слуга, показался отец Анаит. Артак присмотрелся – какое суровое, жесткое лицо!

Мечта развеялась, но на руках своих, на устах, на лице Артак еще чувствовал нежное прикосновение любимого существа. Он подошел к окну и выглянул: ущелье, лес, скалы – все, что прошлой ночью казалось ему враждебным, сейчас представлялось милым, родным,

теплым; даже опочивальня с ее холодными сводами. Артак лег, закрыл глаза и вскоре заснул.

В ту же ночь, при дрожащем пламени светильника, нахарар Рштуни вел беседу со своими двумя гостями. Он говорил осторожно, иногда переходя на шепот и оглядываясь на дверь, хотя за нею никого не было: дворецкому был отдан строгий приказ удалить стражу и самому уйти от дверей подальше.

Очевидно, разговор шел об очень важном и тайном деле, и оба таинственных гостя были в этом деле нужными и влиятель ными сообщниками.

– А на чьей стороне этот нахарар? – спросил один из них.

– На стороне Вардана, – ответил князь Рштуни. – И самое опасное то, что он мой сосед. Теперь вы сами понимаете, как осторожно вам нужно действовать!

Спрашивавший закрутил усы и впился пытливым взглядом в беспросветную тьму, лежавшую за окном.

– Мы будем действовать и по-иному, – сказал он. – Будем время от времени засылать людей в Мокскую область с ложными слухами.

– Да, да! – одобрил нахарар. – Пусть распространяют слухи, что мы здесь примкнули к защитникам веры и собираем отряды против персов.

Второй заговорщик, голубоглазый и светловолосый юноша, слушал, стараясь не упустить ни одного слова. Он явно волновался: страсть к интригам, которая, по-видимому, кипела в нем постоянно, ныне захватила его целиком.

Кроме того, стремление выслужиться, угодить князю было физической потребностью как для него, так и для его товарища. По их спинам прошел приятный холодок, когда нахарар закончил:

– Я знаю, что в моих владениях нет людей, более преданных мне, чем вы. Добейтесь успеха, а о награде позабочусь и я и сам царь царей! Сегодня вы – сепухи, завтра можете стать князьями!

Сепухи склонились чуть не до земли.

– Да подаст нам господь по великодушию твоему, князь!

– Благодарность наша – от неба до земли! Нахарар Рштуни задумался.

– Еще кого можем мы привлечь на нашу сторону?

– Государь, – вмешался светловолосый, – дело касается церкви. И мы здесь сможем меньше, чем лица духовные. Нельзя ли их также привлечь?

– Ты о Зангаке говоришь? Да, правильно! – подхватил орлиноносый – Он ведь как-то продал купцу потир из церкви!

– Не продал бы он и нас! – пошутил князь.

– Продаст при случае и нас! – подтвердил светловолосый – Но нам именно такой человек и может пригодиться.

– Это верно, – согласился князь. – Нам нужны люди, способные продать все на свете.

– В этом отношении положись на нас, государь! – заверил светловолосый – Но он одновременно и верный человек, – отметил сепух с орлиным носом – На того, кто способен все продать, можно положиться: он человек решительный, что ни говори…

Нахарар с удовлетворением слушал своих сообщников.

– Итак, кончаю, – заключил он – Будем поодиночке приводить жрецов, как случайных путников, остановившихся у того или другого из нас. Они будут возжигать жертвенники для себя. Кого это касается? Они будут поклоняться огню, и окружающие постепенно свыкнутся с этим. Таким образом, жрецы незаметно начнут проникать в дома и обращать в свою веру кого только можно будет.

– Господь тому порукой! – в один голос сказали сепухи.

– А вы будете делать то же самое среди моих воинов. Теперь идите с миром.

Сепухи простились и ушли.

Нахарар потянулся, зевнул и, усевшись поудобнее, хлопнул в ладоши. Вошел дворецкий.

– Что в замке? – спросил князь – Да продлит господь дни твои, князь. Все спят.

– А нахарар Мркский?

– Спит также.

– Хорошо Приставь стражу к двери ориорд Анаит.

– Будет исполнено, государь!

– Следи, с кем будут говорить ориорд Астхик и ее мать – госпожа Эстер, а также моя супруга… И чтоб не встречались они с нахараром!

– Слушаю, государь.

– Смотри же, головой ответишь! Так и знай!.. Дворецкий ужаснулся:

– Когда я был тебе неверен, государь? Когда я ослушался тебя?

– Ну, смотри! Это дело важное. Не должен нахарар Мокский видеться не только с ориорд Анаит – за это я убью тебя! – но и с ее родными…

Дворецкий подошел ближе.

– Разреши доложить, государь, ведь они все же могут встретиться Удалим на день-два ориорд Анаит из замка, пока не уедет нахарар!

– Хорошо, так и сделай!

– На рассвете, пока нахарар будет спать, я отправлю их в имение: скажу, что старуха знахарка будет лечить ориорд Анаит целебными травами.

– Скажешь, князь так распорядился.

Дворецкий вышел.

Царь Иверии Михрдат принял посла Вардана у себя во дворце, в присутствии придворного советника и толмача. Михрдат – бодрый старик лет семидесяти, с розовым лицом, обрамленным серебряными кудрями, с проницательными и несколько грустными глазами – внимательно разглядывал сепуха, видимо, заранее догадываясь, о чем шла речь в послании, которое тот держал в руках.

– От Спарапета? – спросил он.

– Совершенно верно, государь, – подтвердил сепух и, подойдя ближе, вручил царю свиток.

Царь развернул и, увидев, что послание написано по-армянски, передал толмачу. Толмач пробежал письмо глазами, еще раз – уже медленней – перечел его и, заучив содержание, начал переводить вслух:

– «Царю Иверии от Спарапета армян Вардана Мамиконяна привет великий!

Государь, насколько ведомо мне, и в Иверию послал царь персов Азкерт повеление отречься от веры христианской и принять огнепоклонство. Хорошо зная многоопытность твою и полагаясь на великую мудрость твою, я уверен, что ты хорошо понимаешь, к чему приведет наши страны принятие такого повеления. Мы, армяне, отвергли требование царя и составили ответное послание. Если ныне и ты, государь, вместе с народом твоим решишь отвергнуть это злокозненное требование, то просим без промедлений поставить нас в известность о решении вашем, ибо грозен час и промедление гибелью веем нам грозит.

Спарапет армян Вардан».

Царь хранил молчание, не отводя пристального взора от посла.

– А что делает марзпан? – спросил он, наконец.

– Прилагает усилия завершить спор миром, – ответил сепух.

– Миром? – покачав головой, вымолвил царь. – Когда же это был угоден мир царям Персии? Не бывает мира с волком! Сказал бы, что он – марзпан, и поступает как марзпан…

– А как Спарапет? В добром ли здоровье? – помолчав, спросил он с улыбкой. – Сильно разгневан, да?..

Советник кинул многозначительный взгляд на царя.

– Этот человек не знает покоя! – задумчиво промолвил царь. – И вот снова у него повод к тревоге… Эх, не впервые персидская змея свертывается в кольцо и ложится нам на грудь! Вон персидский гарнизон засел в Тбилиси, на полдороге между Мцхе-той и Цуртавом… Шагу нельзя нам сделать. О каком мире может идти речь? – вдруг воскликнул он с прорвавшимся гневом. – О каком мире, если приходится прятать свое войско от врага,

который вторгся в нашу страну? А у вас разве не то же самое? Разве не стоят персидские гарнизоны и в ваших крепостях?..

– Мы, армяне, решили сопротивляться! – спокойно произнес сепух. – Мы все дали клятву и готовы принять войну, если нам ее навяжут.

– Трудное дело война!.. – покачал головой советник. – Пронеси, господи, такую беду…

– Другого выхода нет у них, – возразил царь. – Да избавит их господь!.. Но едва ли, – войны не миновать… Он опустил глаза и долго молчал, задумавшись.

– Ну что ж, ответ мы напишем! – наконец, вымолвил он. – Князья наши изучают указ царя персов и обсуждают ответ. Молю господа, чтобы даровал он нам разум и указал путь к единодушию! Армяне – братья нам. Их борьба – наша борьба. Будем надеяться, что с божьей помощью придем к общему решению.

– Я буду ждать ответа в Мцхете, государь, – промолвил сепух.

– Будешь ждать адесь? Нет, лучше не жди. Ты, я знаю, должен увидеться (если еще не виделся) с бдэшхом Ашушей. Поезжай к нему в Цуртав.

– Я должен вручить и ему послание от Спарапета, – подтвердил сепух, не желая ничего скрывать от царя и одновременно подчеркивая, что предпочтение было оказано царю и послание было вручено ему первому.

– Передай, пусть бдэшх прочтет, обдумает. Он человек разумный!.. -кивнул царь. – Пока съездишь к нему и вернешься, будет готов и наш ответ. А может быть, бдэшх и сам приедет сюда… Ну, это выяснится потом, – сказал он, взглянув на советника.

Скрестив руки на груди, советник молча поклонился.

– Значит, сегодня же выедешь? – спросил царь.

– Сегодня же, государь.

– Торопись. В этом деле медлить нельзя. Не примем мер вовремя – нам же будет хуже.

Отвечая на вопросы царя, сепух рассказал о событиях в Армении.

Когда он ушел, царь быстро обернулся к советнику:

– Князья не дали сегодня окончательного ответа; они ждут приезда Ашуши. А я боюсь, что Ашуша, со своей стороны, ждет решения князей. Таким образом, дело затянется. Персы решили нанести удар, чтобы покончить и с Арменией и с Иверией. Они хотят обойти нас так же, как обошли Аршакидов, и поставить меня в такое положение, в каком был последний царь армянский. Да, надо биться плечом к плечу с армянами! Другого выхода у нас нет.

Советник наклонил голову в знак согласия.

Бдэшх Ашуша принял посла Спарапета сдержанно и сухо.

– А почему марзпан не был в храме? – спросил он, не отводя тяжелого взгляда от сепуха. – Почему не подписал он ответное послание? Почему противится решению нахараров?..

– Но это понятно, государь бдэшх, – спокойно объяснил сепух. – Ведь он марзпан…

– А-а, марзпан!.. – с ударением повторил бдэшх. -Да, трудное дело, оно грозит войной! Думали вы об этом или нет? Думали вы, что такую войну может развязать лишь тот, кто уверен в победе? И тот, кто решится на нее, рискует всем: или мы, или они!..

Сепух ответил после паузы:

– Мы все обдумали, государь бдэшх. Но иного выхода нет.

– Выход найдется. Я не одобряю действия вашего марзпана: стоять в стороне, как стоит он, неразумно. Он не должен был держаться отдельно от нахараров, он должен был убедить их, что надо выиграть время. Ты знаешь, что значит выиграть время в таком деле? Это – большая удача!

– Не всегда она дается, такая удача! – невесело возразил сепух.

– Всего можно добиться, если только человек не ленив. Я хорошо знаю персов: они упорны и настойчивы. Но, убедившись, что ты готов отстаивать свое, они остерегаются доводить дело до крайности. Видишь, как они ставят вопрос о вере? Ведь ясно, что дело тут не в вере: они хотят забрать нашу страну и покончить с нами. Но открыто этого не говррят. Остерегаются! Они якобы устраивают обсуждения, приглашают нас на диспуты – не знают,

что еще выдумать… А идти напролом боятся. Да, необходимо выиграть время! Ты здесь не задерживайся. Возвращайся к Спарапету и передай мой смиренный привет. Скажи, что отвечу ему лично…

Сепух склонился в прощальном привете.

– Скажешь Спарапету, что я не одобряю действий марзпана. Вопрос должен быть разрешен иначе. И есть надежда, что спор с персами удастся покончить миром.

Беседа не дала сепуху удовлетворения, но заставила его оценить осмотрительность бдэшха.

«Свое дело он разумеет», – подумал сепух, выходя из дворца и собираясь обратно к царю.

Близился полдень, когда сепух остановился у придорожного родника. Спешившись и передав коня телохранителю, он опустился под тенистым деревом на траву.

Немолодой крестьянин расширял русло ручья. Сильными мозолистыми руками он выгребал из воды тину и песок, бормоча под нос:

– Пьют себе воду, а не подумают о том, что источник может заглохнуть. Разве только один раз приходится пить из родника? Больше он не пригодится?

– Желаю тебе удачи, брат! – сказал ему сепух.

– Спасибо! Да будет и тебе удача! – отозвался крестьянин, не поднимая головы.

Сепух, уже расположившийся на отдых, с доброй улыбкой смотрел на старания крестьянина. Очистив родник, тот поднял голову и, взглянув на сепуха, признал в нем чужеземца.

– Откуда ты, из какой страны? – приветливо спросил он. – Из Армении.

– Это и по разговору твоему видно! И лицо у тебя смуглое! Вот, возьми чащу, пей! – И крестьянин протянул ему деревянный ковшик.

Сепух с наслаждением напился.

– Хорошая вода! – похвалил он.

– Хорошая вода да хороший ломоть хлеба – что еще нужно человеку!

– А что, разве нет этого? – спросил сепух.

– Почему нет? Есть и вода, и хлеб, да только не всегда их тебе оставляют…

– Кто-нибудь отнимает?

– Конечно! Тот, кто засел в кре«,сти Тбилиси! Ведь персидский царь и указ прислал уже, чтоб мы отреклись от своей веры…

– А вы что, не хотите отрекаться?

– А зачем это ему надо, чтоб мы отреклись? Неужели он у себя в Тизбоне только о том и горюет, чтобы мы спасли наши души для загробной жизни? Отощает он или подохнет, если душа моя будет кипеть в смоляном котле? Да?

– Чего же он, по-твоему, добивается?.. – спросил сепух.

– А дьявол его знает! Вероятно, недоброе что-то задумал. Когда ж это было, чтобы царь да задумал что-нибудь хорошее для крестьянина?..

– А если он войной пойдет на твою родину, что ты сделаешь? – с лукавой улыбкой спросил сепух.

– Э, брат, кто бы ни пошел войной на родную твою землю, разве отдашь ему – возьми, мол? Только вот силен перс, будь проклят день, когда он родился на свет божий! Выпей еще.

Сепух с удовольствием выпил еще воды, поблагодарил крестьянина и простился с ним.

Собравшиеся в царском дворце князья Иверии обсуждали ответное послание царю Азкерту. На совещании присутствовали и бдэшх Ашуша с сыном – князем Вазгеном.

Первым высказался князь Арсен, имевший большой вес среди князей Иверии.

– Я, собственно, не понимаю, что у нас общего с армянами? – заявил он – Будут они воевать с персами или помирятся с ними, отрекутся они от веры или будут ее защищать – это их дело! Зачем нам лезть в чужие дела?

– Очень правильно сказано! – откликнулся един из сидевших поодаль князей.

– Мы должны считаться со своими интересами, – продолжал князь Арсен – Может

быть, нам удастся покончить дело миром. Дадим обещание, получим отсрочку, будем тянуть – ив конце концов отведем беду – Правильно! Правильно! -отозвались князья. Царь, терпеливо слушавший Арсена, увидел, что дело принимает опасный оборот.

– А если Азкерт не пожелаете уступить? Если он будет настаивать? Что тогда? – спокойно спросил он.

Вопрос задел Арсена. Он со сдержанной злобой взглянул на царя.

– Если будет настаивать – найдем выход! А пока попросим дать нам отсрочку.

– Раз он так душит армян, он и нам не даст отсрочки! – искоса взглянув на Арсена, возразил князь Вахтанг. – Сейчас он нШтупит на горло армянам, но потом, когда он с армянами покончит, мы столкнемся с ним лицом к лицу…

Князь Арсен поднял голову:

– Вот и будем ждать того времени, когда мы окажемся лицом к лицу. Зачем нам лезть первыми? Пусть начинает перс! Он увидит тогда, на что мы способны! Я не из тех, кто согласен отдать Иверию персам…

– Но когда ты будешь сильнее: сейчас или когда придется стоять перед ним один на один? – спросил князь Вахтанг.

– Когда с армянами будет покончено, еще пройдет известное время, и все выяснится. А сейчас, в самый разгар, не стоит соваться очертя голову!

Остальные князья молчали: видимо, слова князя Арсена оказали на них влияние. Царь решил, что благоразумнее пека помолчать. Он хотел, чтобы все противники единения исчерпали свои доводы.

Слово взял бдэшх Ашуша.

– Я, государи, иначе смотрю на это дело. Конечно, так легко уйти от беды нам не удастся. Сейчас мы еще можем размышлять, потому что рядом с нами стоят армяне и сила их еще не сломлена Князь Арсен сказал: выиграем время, пока до нас еще очередь не дошла… Но ведь очередь-то до нас уже дошла! Указ-то ведь касается и нас! Так пойдем же с армянами, а потом увидим, как развернутся события и как нам действовать дальше. Наше спасение, конечно, не в том, чтобы в самом конце борьбы остаться одинокими или же в самом начале пойти с другими и неразумно растратить свои силы. Не будем без нужды ввязываться в большие дела, но не станем и отходить от них в сторону.

– Какой же ответ послать Азкерту? – спросил царь.

– Такой, какой дали армяне! – неожиданно стал на его сторону Ашуша. – Напишем, что мы не согласны отречься от пашей веры. А потом, вместе с армянами, посмотрим, как повернется дело. Может быть, пойдем по пути, выбранному армянами; может быть, найдем другой путь и поведем армян за собой. Но пока мы вместе с армянами представляем известную силу, не станем сами ослаблять себя, отходя друг от друга в сторону.

Князя Арсена охватил гнев: Ашуша, поначалу как будто поддерживавший его, сказал в заключение нечто прямо противоположное его взглядам.

– Не пойму я… В голове у меня не умещается: почему так необходимо, чтобы пролилась наша кровь? – громко сказая он. – Где же тут здравый смысл?

Царь жестом предложил ему успокоиться и с мягким укором проговорил:

– Не понимаю и я, в чем же ты, искренне озабоченный благом родины, видишь ее благо?.. За кого будем мы проливать кровь? Только ли за армян? И только ли за нас будут проливать свою кровь армяне? Знай, князь, персы щадить нас не будут!..

– От них мы зла не видели, – возразил князь Арсен.

– А что хорошее видели мы от них? – в свою очередь повысил голос царь, – Они держат в Тбилиси свой гарнизон, они сдирают бесчеловечные налоги, они отправляют нашу конницу на войну с кушанами, они похищают наших девушек и юношей для своих дворцов и гаремов! Ну что хорошего видели мы от них? Они обращаются с нами, как со своими безответными подданными-Все больше воодушевляясь, царь поднялся. – Нам нужна свобода. Мы должны спасти нашу страну, нашу честь, нашу независимость! А для этого мы должны идти вместе с армянами!

Царь говорил горячо, убежденно. Слова его проникали князьям в самое сердце, обуревавшие их сомнения рассеялись.

– Правильно! Истину сказал царь! Пойдем с армянами! Перс – наш общий враг!

– Не будет у нас мира с персами, пока мы не свободны! – вновь повторил царь. – Они и сами не угомонятся, пока мы будем зависимы.

Слова старого полководца убедили князей. Они поднялись и последовали за царем в храм, где духовенство должно было составить ответ на послание Азкерта, требовавшего отречения от веры.

Ответ этот гласил: «Не отрекаемся мы от веры своей!», – иными словами: «от родной страны»…

В храме было полно народа. Яростный гул прокатился по толпе, когда патриарх Иверии вновь огласил указ Азкерта. Народ не присутствовал на совещании во дворце, но решительно и без колебаний высказался против отречения.

– Не отречемся от своей родины, от своей свободы! – слышались восклицания. – Хватит и того, что они сидят у нас на шее!.. Пишите: родины не отдадим!

Патриарх вновь обратился к царю, к князьям и к народу:

– Согласны отвергнуть указ? Клянетесь стоять до конца?

– Согласны!.. Клянемся! – гремел народ.

Царь поднял руку в знак одобрения и повелел приступить к составлению ответа.

Когда выходили из храма, князь Вазген сказал с громким смехом, стараясь, чтобы царь услышал:

– Посмотрим, как вы будете защищать от персов Ворота Аланов!

Удар был нанесен метко. Царь обернулся к Вазгену:

– Правильно, князь! Но ешс большие полчища гуннов и алланов хлынут в Иверию, если мы останемся одни!

Однако, несмотря на этот отпор, многим иверским князьям в словах Вазгена послышалось зловещее предсказание.

И угроза и предупреждение имели под собой реальную почву.

Спустя два дня царь передал сепуху послание к Вардану Мамиконяну. Он сообщал, что иверы готовы сопротивлятсля указу Азкерта рядом с армянами и помогут им всеми доступными средствами.

Сепух был сильно удивлен, когда увидел бдэшха Ашушу, весело беседующим с царем и князьями.

«Вот умница!» – вновь мелькнуло в голове у посла.

Уже светало, когда перед глазами Гюта, Кодака и Хосрова в туманной дали показались дымки города Нюшапуха. Маленькие плоские глинобитные дома его напоминали тесно уложенные груды кирпичей. Но вот суровую наготу пустыни сменили зеленые тополя, подымавшие свои вершины к небесам. Путники уже подъезжали к городским воротам, когда оттуда вышел караван желто-красных верблюдов; мерно раскачивая тюки с товарами, верблюды прозвенели своими бубенцами и прошли.

Путники въехали в город, и тотчас их обоняния коснулся тяжелый запах грязного жилья, смешанный с дымом и пылью. Мальчишки месили грязь во дворах; перед домами сидели как бы застывшие старики с больными глазами; проходили женщины, одетые в черные от сажи и грязи лохмотья, почти голые маленькие девочки с красивыми большими глазами и молодые девушки со сморщенными, усталыми лицами…

Миновали базар, который лежал посреди города, весь в пыли, в грязи, заваленный падалью. Густой дым поднимался от неугасимого огня жертвенников. Такой же горьковатый дым струился и из-за почернелых дверей капищ; изнутри доносились гнусавые напевы жрецов и фанатические выкрики, вырывавшиеся из хриплых глоток молящихся.

– Где находится дворец Михрнерсэ? – спросил Гют у Хосрова.

Хосров не ответил. Он, очевидно, уже пришел в себя после дорожных унижений, к нему вернулось чувство превосходства и ощущение власти Гют обратился с тем же вопросом

к поровнявшемуся с ними конному сипаху. Тот указал на просторное здание из необожженного кирпича в возвышенной части города.

– Я тебе еще покажу, свинья ты этакая! – угрожающе бросил Гюд Хосрову и, пришпорив скакуна, оставил Хосрова позади, что было для перса унижением.

– Исчадие Аримана! – пробормотал себе под нос Хосров, втягивая голову в плечи.

Он попытался догнать и опередить Гюта. Но это было трудно. Когда же Хосров все-таки поравнялся с ним, Гют хлестнул наотмашь его коня, тот метнулся в сторону, и Гют опять проехал вперед. Через несколько мгновений оп с Кодаком и своими телохранителями достиг дворца Михрнерсэ.

Стража преградила им путь.

– Посольство из Армении! – сказал Гют. Начальник стражи окинул Гюта взглядом и понял, что перед ним человек высокого сана.

– Имей снисхождение, государь! – проговорил он. – Азарапет здесь не принимает. Помещение для гостей – рядом.

– А этот гонец-перс будет принят здесь? – спросил Гют, указывая на Хосрова.

Начальник стражи замялся и сказал вполголоса:

– Персидских сановников он принимает… Таков приказ, господин…

– Ладно! – сказал Гют. – Проводи меня в помещение для гостей.

Вышел хозяин постоялого двора, оглядел Гюта, униженно склонился перед ним и пригласил войти:

– Дом принадлежит вам, приказывайте!

Гют взглянул в сторону дворца Михрнерсэ и увидел, как низко склонилась стража перед Хосровом, как подхватили его коня, как, высвободив ноги Хосрова из стремян, ему бережно помогли спешиться, как, поддерживая под руки, его ввели во дворец, – и все так осторожно, словно он был сделан из тончайшего фарфора.

Несмотря на свой невзрачный наружный вид, выложенное из необожженного кирпича здание внутри оказалось нарядным, пышным и благоустроенным. За сводчатым входом открывалась вторая дверь, и лестница вела в сад, вокруг которого были расположены малые и большие покои с балконами. Невысокие двери были украшены цветными изразцами.

Гюту и Кодаку, так же как и их телохранителям, отвели отдельные помещения. Слуги толпились в дверях, ожидая приказаний. Все проявляли вежливость, не лишенную оттенка угодливости и раболепства.

Гют умылся, приказал телохранителю подать ему новую одежду из узорных шерстяных тканей, переоделся и уселся на подушку, опираясь на другие, подложенные ему за спину.

Подали яства и вино. Но Кодак не стал есть вместе с Гютом: здесь их роли уже определились: Кодак, как подчиненный, не имел права сидеть за одним столом с князем; соблюдать это правило было необходимо. Поэтому Кодак отказался от завтрака: он заявил, что сможет дотронуться до еды лишь после нахарара. Но в комнату он вошел и уселся на корточках у самой двери, перед Гютом. Хозяин и слуги намотали себе это обстоятельство на ус и стали прислуживать Гюту с еще более глубоким почтением.

Их бесшумная беготня взад и вперед привлекла внимание остальных постояльцев – князей и вельмож из Междуречья, Индии, Греции и нагорий Кавказа, пестрота одеяний которых придавала постоялому двору живописность.

Гют закончил завтрак, приказал вызвать хозяина и спросил, кто должен доложить Михрнерсэ о его прибытии.

– Я вызову распорядителя приемов, – предложил хозяин.

– Хорошо, что эта собака раньше нас попала во дворец! – сказал Кодак.

Гют вначале не отозвался, но потом, передумав, недоверчиво переспросил:

– Почему?

– Он первым пожалуется Михрнерсэ, и тот разъярится. А потом, прочитав ответное послание, рассвирепеет еще более!

– И ты с этой глупой головой надеешься быть принятым во дворце?

– Вот уже тридцать лет, – не гневайся, – как я нахожусь при марзпане и служу ему этой глупой головою.

– А знаешь, что сделается с тыквой, если ее тридцать лет держать в погребе?

Кодак быстро взглянул на него и невозмутимо ответил:

– Тыква сгинет, господин. Но я-то говорю не о тыкве, а о голове Кодака! Если б мы… – продолжал он спокойно и медленно, как бы размышляя вслух, – если б мы подоспели в первую минуту ярости Михрнерсэ, о почетном приеме нельзя было бы и мечтать. А так он полает, полает, и пока мы подоспеем, он уже будет только ворчать… А это не опасно!

– Нет, оказывается, голова у тебя не такая уж глупая! – смеясь, сказал Гют.

– Дворцовая голова! – не без гордости сказал Кодак. – Что же касается тыквы, то она произрастает на огороде.

Старик был намного умней и хитрей, чем казался на первый взгляд. Он намеренно напускал на себя простоватость: чтобы скрыть свою проницательность.

Вошел пышно разодетый посланец азарапета Персии. Он церемонно приветствовал Гюта и, придав серьезное выражение своему красивому юному лицу, с полуулыбкой сообщил:

– Азарапет не может принять вас сегодня. Приказано передать, чтоб вы ждали приглашения.

– Причина? – не скрывая возмущения, спросил Гют. Посланец сурово и сдержанно ответил:

– Дальнейшее – излишне! Я сказал вам все! – и, повернувшись, быстро удалился.

Кровь бросилась Гюту в голову. Его гнев усиливало еще то обстоятельство, что посланец говорил в присутствии хозяина постоялого двора. Когда последний вышел, Гют стал в ярости ходить по комнате взад и вперед.

– Не волнуйся, – сказал Кодак, – желчь разольется! Я отомщу и за это: как бы ни было, я армянин и сюниец!..

Гют не отозвался. Унижение так подействовало на него, что у него дрожали руки. Он часто направлялся к двери, как бы намереваясь выйти. Но куда идти?.. Кругом Персия, сотни фарсахов отделяют его от родной страны. И кому поведать о своем унижении? От кого узнать о способах мщения? Кто будет ему защитой, если его внезапно заточат в темницу? Гют хорошо понимал, что его миссия могла и не увенчаться успехом. Он вспомнил, что в Персик есть армянские нахарары и армянское войско. Но где они? Близко или далеко? Да и чем могли они помочь?

Один Кодак оставался невозмутимым. Он встряхнул головой и сказал каким-то новым и внушительным тоном:

– Слушай меня, государь! Оставим дорожные шутки! Ты не лишен разума, точно так же, как я не лишен опыта. Давай поразмыслим вместе На царя царей надежды нет – это ясно! Он неразумен и необуздан. А Михрнерсэ – человек разумный, и его гнев знает меру. Давай рассчитывать на него и искать пути. Умный враг – наполовину друг!

Гют на этот раз прислушался к словам старика, тем более что ничего другого ему и не оставалось.

– Гм-м!.. Говоришь, наполовину друг? – протянул он задумчиво.

– Ведь если против тебя ополчится разумный враг – то по разумному же поводу. Попробуй, предложи ему разумный мир, – увидишь, примет он или нет… Азкерт – это бешеный тигр: дай ему трех овец, он все равно бросится на тебя. Михрнерсэ же нужно наше вероотступничество, а не наша кровь.

Гют усмехнулся с горечью и насмешкой.

– Хорошо, хватит! – молвил он, с досадой отворачиваясь.

Кодак глядел ему вслед. Его взгляд был спокоен, но в глазах мелькнули едва заметные искорки. Он вышел в сад, мурлыча себе под нос единственную известную ему духовную мелодию.

Настроение у него было не очень плохое.

Хосрова также задержала стража. Коней с телохранителем отослали в конюшни позади дворца, а самого его ввели в один из внутренних дворов. Здесь он ждал очень долго, пока явившийся служитель не сообщил, что Михрнерсэ приказывает ему явиться Хосров поспешил; он знал расположение дворца. Дойдя до последнего большого двора, посреди которого был разбит сад, служитель проводил его ко дворцу, стоявшему в глубине сада. Стены дворца были облицованы цветными изразцами. Хосров в сопровождении дворецкого вошел, служитель отдернул перед ним шелковый занавес, и величественный полутемный зал открылся взору Хосрова. Прямо против него, перед изразцовой печью, восседал на ковре худощавый старец. Облокотясь на бархатные и шелковые подушки, он, казалось, дремал с открытыми глазами. Маленькие немигающие глазки на его белом, как мел, мертвенном лице не выдавали глубоко затаенных мыслей я страстей. Перед старцем были разложены пергаментные свитки, тушь для письма и тростниковые перья.

Хосров опустился на колени у двери. Старец повел носом. Стоявший за Хосровом дворецкий шепнул ему, что азарапет релит ему подойти. Хосров подошел ближе и снова опустился на колени.

Старец, не двигаясь, остановил на нем долгий, проницательный взгляд и губами сделал движение, означавшее, что Хосров может говорить.

– Всемилостивейший владыка! Я привез ответное послание армянских вельмож на твой указ…

Старец знаком приказал передать ему послание.

Хосров достал из-за пазухи свиток, развернул его и подал, стоя на коленях. Каждую минуту он ждал, что Михрнерсэ вспылит и не станет читать дальше. Однако тот, неподвижный, как мумия, бесстрастно продолжал читать. Дочитав, он молча опустил послание себе на колени.

– Что еще?.. – негромко спросил он.

– Послание составлено армянскими вельможами и духовенством во главе с марзпаном. Подстрекателем и зачинщиком был Сларапет. Нахарары заодно с ним, народ восстал и дерзко позорит нас; наших воинов перебили и собираются изгнать наше войско из страны…

Михрнерсэ слушал без всяких признаков волнения. Он подождал некоторое время, подумал и спросил:

– Марзпан участвовал в составлении послания открыто или тайно?

– Открыто, господин, на глазах у всех!

– Может, внешне выказывал покорность, а тайно подстрекал составить это послание?

– Открыто выказывал непокорность и подстрекал на глазах у всех!

– Как там действовали Деншапух с Вехмихром и могпэтом?

– Они прилагали все усилия, чтобы воспрепятствовать отсылке этого послания, но армяне их и слушать не хотели.

– А марзпана они торопили с ответом?

Допрос становился опасен, но Хосров не почувствовал этого и ответил:

– Да, господин, они сильно теснили его и настаивали, но добиться чего-либо не смогли!

Михрнерсэ чуть повел глазами в сторону дворецкого.

– Пригласить членов совета, господин? – тотчас спросил дворецкий – Могпэтан-могпэт, жрецы и вельможа собрались уже…

– Зови.

Дворецкий вышел.

Михрнерсэ взглянул на послание, затем на Хосрова, оглядел его еще внимательнее, чем в первый раз, и очень спокойно спросил:

– А ты что там делал?

– Я оказывал всяческую помощь Деншапуху и всем нашим…

Михрнерсэ перестал обращать на него внимание и вновь уставился в точку, от которой, очевидно, часами не отводил глаз. Он проявил большое хладнокровие как при чтении послания, так и расспрашивая Хосрова. Казалось, он примирился с положением и от

дальнейших расспросов отказывается Занавес раздвинулся, и в зал вошел могпэтан-могпэт – густо-бородый, круглолицый и длинноносый старик с черными глазами, глбоко запрятанными под нависшими бровями. Его кожа и одежда были пропитаны сажей, несмотря на частые омовения. Неуклюжее, грубое и огромное туловище выпячивалось из-под длинного плаща.

За ним следовала большая толпа длинноволосых жрецов. После них вошли вельможи. Все члены совета выстроились у входа и смиренно склонились перед Михрнерсэ. По его знаку все прошли вперед и выстроились полукругом вдоль стен просторного зала. Затем он знаком пригласил могпэтан-могпэта сесть; тот выступил вперед и сел на подушки.

Михрнерсэ приподнял голову и, устремив чзор в окно, заговорил:

– Вот ответ армян на наш указ. Читать его должно скачала только перед самим царем царей. Выполним его повеление!.. А сейчас полагаю необходимым заявить вам: ответное послание написано языком красноречивым и в воинственном духе. Не могу не сказать, что некоторые из вас, возможно, восхитятся им… Разумеется, оно обосновано… Но дело не в красноречии и не в бессмысленной дерзости. Мы расширяем державу. И в настоящий час и в будущем нам предстоят большие сражения, у нас будет нужда в людях. Подумайте об этом!.. Выслушаем же повеление царя царей!.. – закончил он и спокойно махнул рукой. Это было знаком того, что заседание совета окончено. Все покинули зал.

Пота и Кодака Михрнерсэ так и не принял. На Гюта это унижение страшно подействовало. Он даже не пожелал поехать в лаерь под Нюшапухом, где его должны были встретить армянские князья и армянская конница.

Один Кодак оставался безмятежным, считая все происходящее естественным. Он много вращался в свете и знал, что подобное положение неизбежно при крупной игре.

– Бывает князь! – говорил он – Волна и набежит и спадет Жизнь – это буря.

Гют уже свыкся с философией Кодака. В отчуждении, которым его окружила Персия, беседы с Кодаком развлекали его, под чье же бывали и поучительны. Многое стало ясным для него в Персии.

– Что греха таить, князь, – продолжал развивать свою мысль Кода к – Людей, льстящих и раболепствующих, вообще не любят. Любят только смелых, со свободной речью и вольный нраьом. Мы поступаем и как первые и как вторые. Но мы не умели делать хорошо ни первое, ни второе. Пусть мы и унизимся, князь, если мы хсгим через это унихеиие возвыситься! Унижусь – ноги буду лизать, возвышусь – головы сниму!

– Если уж унизился – конец!.. – безрадостно отозвался Гют.

– Не всякое унижение есть унижение, князь! Оно остается унижением, если человек не мечтает возвыситься. Ты думаешь, я селю в ту ночь, когда мне вспоминаются побои Хосрова? Пятки мои он еще будет лизать! Недаром я сын конюшего сюнийца.

– Поэтому нас так приняли у Михрнерсэ! – бросил Гют.

– Ничего, лишь бы сердце было у нас чисто. Главное – не теряй самообладания и гордости. Ведь с навозом приходится дело името. Будь горд! Что такое их двор, или сам их азарапет, или этот взбесившийся медведь Азкерт?

– Гм! «Взбесившийся медведь»! -задумчиво повторил Гют. – Однако перед ним дрожит вселенная…

Потянулись томительные дни. Гют почти не вставал с постели, ожидая приезда нахараров. Один лишь неугомонный Кодак повсюду шнырял, ко всему принюхивался, заводил знакомства с персидскими сановниками и втирался к ним в дружбу. Жизнь… Все могло пригодиться в жизни. Скоро прибудет марзпан, надо его спасать.

И Кодак старался разузнать через знакомых персидских сановников, какие настроения царят во дворце. Он узнал подробно, кто из придворных с кем дружит или не ладит; он рассказывал всем о Васаке, о его переходе в веру Зрадашта, о группировавшихся вокруг него вероотступниках, всюду создавал выгодное мнение о Васаке.

– Человек отрекся от своей веры, он служит делу, почему же подвергать его преследованиям? – говорили между собою придворные и не пропускали случая замолвить об

этом слово самому Михрнерсэ.

В конце концов последний и сам начал подумывать о том, что если Азкерту не удастся добиться вероотступничества путем насилия, то это можно будет устроить через Васака.

– Внести раскол!.. – обмолвился он как-то перед одним из ближайшил сановников, по обыкновению устремляя задумчивый взор в одну точку – Вот и я говорю то же самое! – отозвался тот, заговорщически понижая голос, как будто кто-нибудь мог подслушать и помешать им. Затем он прибавил:- Не пренебрегай этим стариком, юсподин! Он очень многое знает, и из его рассказов можно очень многое выяснить.

– Что именно?

– То, что Деншапух притесняет Вехмихра и Ормизда; он подкапывается под марзпана и вредит делу. Его следовало бы отозвать…

Михрнерсэ спокойно ответил:

– Нет, пхсть останется! Пусть они с марзпаном соревнуются – это будет полезно для нашего дела. Нужно всех выслушивать и всем поддакивать. А они пусть следят друг за другом и все выведывают друг о друге. Точные сведения обо всем будут до нас доходить от них самих. Васак же в наших руках…

Кодак выдвигался. Он стал своим человеком у многих важных сановников, даже добился через них приема у Михрнерсэ. Тот присмотрелся к нему, расспросил его. Ему понравились смирение и образ мыслей Кодака.

Однажды Михрнерсэ вызвал его и стал расспрашивать о Васаке.

– Что он за человек?

– Честолюбец, государь! Чтоб не потерять звания марзпана, он все продаст. Поэтому Спарапет и не любит его…

– Нехорошо, что честолюбец! – прибег к хитрости Михрнерсэ.

– Он горяч и мстителен, – добавил Кодак. – Кровопролитие, избиения, яд – он на все способен для достижения намеченной цели…

– Что это за цель?

– Стать царем армянским! – рискнул Кодак, пытливо следя за впечатлением, какое производят его слова. Михрнерсэ задумался.

– С чьей же помощью надеется он стать царем?

– С твоей помощью, государь! Поэтому он сейчас и старается любой ценой провести дело с отречением от христианства. А если он и не станет царем, то дело ведь все-таки будет сделано! Он сильно тревожится, что звание марзпана может отойти к Варазвагану…

– Он сам говорил об этом?

– Да, и приказал мне опорочить Варазвагана в твоих глазах, чтоб быть спокойным за свое звание. Продажная душа, господин.

– Что же он может продать?

– Армению! Лишь бы остаться ее марзпаном!

Михрнерсэ это суждение понравилось. Он и сам держался о Васаке того же мнения и был доволен, что оно подтверждается со стороны. Это подавало ему новую мысль: опираясь на Васака, вызвать разлад между армянскими нахарарами. Михрнерсэ не возлагал особых надежд на применение силы в деле отречения армян от веры. Ответное послание ясно показывало, что персы натолкнутся на сплоченный, готовый к кровавой борьбе народ.

«Уж если они посвятили себя подвижничеству, то, действительно, ни меч и ни огонь их не возьмет!» – подумал Михрнерсэ.

– Хорошо, останешься здесь! Вызову, когда понадобится. Иди! – сказал он Кодаку.

– Оставайся с миром! – раболепно склонился чуть ли не до земли Кодак, встал и удалился с опущенной головой.

Он думал о том, что становится влиятельным человеком, чувствовал, что высказанное им о Васаке мнение понравилось Михрнерсэ, что Михрнерсэ, вероятно, будет теперь опираться на Васака и что он, Кодак, укрепил позицию Васака при дворе…

Вечерело. Перед воротами постоялого двора в Нюшапухе придержал коня молодой

всадник. В его красивых синих глазах играла улыбка, хотя движения его были нетерпеливы. На юноше было княжеское одеяние, он был легко вооружен, как и его телохранитель. Их вид и быстроногие скакуны выдавали чужеземное происхождение. Всадники спешились.

Телохранитель привязал коней к дереву и спросил своего господина:

– Прикажешь доложить?

– Скажи, что приехал князь Арсен Энцайни, начальник отряда армянской конницы в персидском войске.

Телохранитель подошел к двери и передал поручение телохранителю Гюта. Тот вошел к Гюту и, вернувшись, пригласил князя войти.

– Привет нахарару! – произнес новоприбывший, останавливаясь в дверях.

– Добро пожаловать! – отозвался Гют. – Войди, князь!

Гют поднялся навстречу гостю и обнял его. Кодак, скрестив руки на груди, ждал, пока приезжий поздоровается и с ним. Гость не замедлил сделать это.

– Какое унижение, князь! – взволнованно начал гость. – Мы в лагере узнали, что Михрнерсэ вас не принял… Такова, значит, благодарность за наши действия у Марвирота? Нет. князь, чем больше оказываешь им услуг, тем больше они тебя унижают!

– А что у вас в отряде? – спросил Гют.

– Всем полком поклялись сражаться за родину!

Гют почувствовал укол: ему показалось, что Арсен намекал именно на него, тогда как тот лишь простодушно и искренне делился с ним своим возмущением.

– Персы ненавидят меня за то, что я армянин. Но я не перестану быть армянином только потому, что персы меня за это ненавидят! – с достоинством заключил Арсен.

Гют был смущен. Его жгло оскорбленное самолюбие, но выхода он не находил, ведь он сам стал на путь, неизбежно ведущий к унижениям и потере чести. Он прибыл по делу Васака, которого ставил очень высоко и с которым очень считался, надеясь, что тот сумеет создать для князей достойное положение.

– Оскорбление нанесено, князь. Теперь уж поздно! – сказал он Арсену. – Князьям послано повеление явиться ко двору, на суд. Имя наше опозорено.

– Чистое имя пасть не может, в какую бы грязь его ни ввергли. Унижением честь не сохранить. Будем сопротивляться, князь! Отомстим персам за все! Вспомни, сколько наших погибло, воюя за них. Пусть и мы погибнем, но будем хотя бы воевать за самих себя…

Арсен с благородным гневом взглянул на Гюта и добавил:

– Мы решили отправить гонца к нашим, чтоб они сюда не приезжали и подняли восстание.

– Проиграем, – произнес Гют.

– Не проиграем! Я плохой христианин, да и отец мой тоже частенько забывал, какая разница между огнем и святым крестом. Но если вздумают насиловать мою волю, я буду биться за свою веру не на жизнь, а на смерть! Это уже вопрос не веры, а свободной воли… Едем со мной в лагерь, князь, здесь тебя могут унизить еше больше.

Гют скривил губи.

– Унизить могут всюду. Бахвальством честь не убережешь. Тут разум нужен. Нужно проложить себе путь к власти.

Арсену остался непонятен смысл этих слов Гюта, но на него повеяло каким-то холодком. Как будто глухая стена выросла между ними. Гюту было нанесено оскорбление, а од, видимо, соглашался его проглотить…

Арсен заговорил о другом.

– Сильно ли сопротивлялся марзпан требованию о вероотступничестве? Гют замялся:

– Марзпан прилагал все усилия к тому, чтобы предотвратить бедствие.

– Но выполнил ли он свой долг перед отчизной?

– Так же, как и всякий армянин.

– Вот это хорошо! Это достойно марзпана! – воодушевился Арсен. – Значит, опасность, грозящая отчизне, объединила марзпана и Спарапета?

Гют не ответил.

– Конечно, могут найтись изменники и вероотступники. Они всегда найдутся… Но их и мы будем клеймить раскаленным железом!

Он начинал уже раздражать Гюта, который помрачнел и умолк.

Арсен почувствовал какую-то неприязнь с его стороны, какое-то внутреннее сопротивление. Причины он не понял, но стал прощаться.

– Приходи, приходи к нам, князь, когда станет тяжело на душе, – сказал он.

– Приду, – безразлично отозвался Гют, Арсен ускакал.

Арсен прибыл в Нюшапух не только для того, чтобы навестить Гюта. Отъехав от постоялого двора, он повернул коня на север, миновал сады и, выехав за город, остановился перед великолепным домом.

Тотчас же к нему выбежали слуги, очевидно, хорошо знавшие его, подхватили поводья и, приветливо улыбаясь, придержали стремя.

– Дома князь?

– Дома, дома, господин! – радушно сказал один из слуг.

Видно было, что Арсен желанный гость в этом доме. Он спешился и, предшествуемый слугой, пошел по длинному крытому проходу во внутренний двор и через него – к дому. Его встретил хозяин – персидский князь Вахтанг, молодой еще человек с красивым и приветливым лицам. Его улыбка говорила, как он рад приходу Арсена.

– Да будет к добру наша встреча, князь! – воскликнул он, обнимая гостя, взял его за руку и повел в сад.

– Весна выходит из завязи цветка и из земли! – проговорил он. – Роза уже в пути, и соловей летит за нею…

– Пишешь новые песни? – спросил Арсен с лукавым взглядом.

– Не я пишу, весна пишет! – ответил хозяин. – Скоро будем сидеть на зеленой траве и отдадим себя во власть песням и вину!..

Слуги разложили подушки под стеной украшенной орнаментами беседки, принесли яства и вина. Арсен с Вахтангом повели поэтическую беседу о солнце, луне, небе, земле, воде и огне.

Пришел музыкант и затянул нежную и сладостную мелодию.

Арсен внимал вдохновенным словам Вахтанга, но глаза его как будто искали чего-то вокруг маленьких строений, расположенных в саду, как будто его влекла к ним некая таинственная сила. Но никого не было видно.

Вахтанг воодушевился и начал читать нараспев:

Прекрасен, пышен,
Статен и величествен,
Прилегает он на нежных крылах весны!
Его юный дух источает любовь!
Отважен он и стоек душой,
Златопламенна повязка у него на челе,
В очах его улыбка – словно россыпь звезд, Златокудр он, златоперст, златорожден!

Покуда Вахтанг с Арсеном развлекались песнями в честь вина и красоты, из глубины сада в весеннем чистом воздухе колокольчиком прозвенел смех. Две молоденькие девушки направлялись ко дворцу. Не замечая ни Вахтанга, ни Арсена, они гнались по траве за золотисто-желтой бабочкой, которая, как бы играя с ними, перелетала с места на место и увлекала их за собой. Девушки, казалось, уже накрывали ее ладонями, когда она садились на траву, но бабочка ускользала и летела в сторону беседки. Девушки бежали вслед за нею и были уже совсем близко от беседки, когда заметили, что там кто-то есть. Одна из девушек оказалась прямо перед Арсеном и так и застыла. Лицо ее было цвета слоновой кости, тонкие брови дугой лежали над миндалевидными глазами, тугие черные косы падали на плечи. Сквозь длинные ресницы она окинула Арсена глубоким, быстрым взглядом и, легко повернувшись, убежала. За ней последовала вторая девушка, которая отличалась от нее лишь

немного меньшим ростом.

– Цветет наша Хориша! Весна – наша Хориша! – вздохнул Вахтанг. – По ком вздыхает ее любовь?..

Арсен взял чашу и, опустив глаза, молча выпил. Он чувствовал, что из маленького окна соседнего домика за ним следят, то показываясь, то исчезая, два любопытных взыяда. Вахтанг, возбужденный вином и песнями, вздыхая, читал стихи. Он приказал перенести поднос с яствами на берег ручья и предложил Арсену расположиться на зеленой траве. Уже цвели миндаль, слива, персик, сквозь их густые ветви, как белая гряда облаков, виднелись вдали покрытые снегом горные вершины. Вскоре Вахтанг задремал. Слуги принесли покрывала, накрыли его и оставили наслаждаться сном на свежем весеннем воздухе. Музыкант наигрывал нежную, убаюкивающую мелодию.

Арсен поднялся и пошел в глубь сада. Спустившись на берег реки и вслушиваясь в ее журчание, он сел на камень.

Неожиданно появившаяся за его спиной девушка в черном, с родинкой на щеке, вывела его из задумчивости. Осторожно оглядевшись, она позвала:

– Князь!.. Князь!..

– А, Диштрия, ты?

– Князь, не уезжай! Останься ночевать!

– Почему?

– Она просит.

Арсен мечтательно прикрыл веки.

– Где я увижу ее?

– В нижней комнате. Приходи после полуночи, когда утренняя звезда поднимет голову над вершиной горы. Я напою сторожей.

– Хорошо!.. Диштрия…

– Приказывай, князь…

– Диштрия, как она похорошела!

– А разве она не была хороша? Влюбленные всегда хорошеют еще больше.

– Она прекрасна, Диштрия! Прекрасна, как огонь!..

– Я пойду, князь! Меня могут увидеть, – осторожно оглядываясь, шепнула Диштрия.

– Иди, Диштрия, и отнеси ей фиалку: пусть приложит к сердцу! – сказал Арсен, срывая цветок и передавая Диштрии.

– О, она обезумеет от радости! -воскликнула Диштрия и, схватив цветок, скрылась.

Арсен, который именно на этом месте всегда уславливался о свидании с любимой, вернулся к Вахтангу; сев рядом со спящим, он стал слушать музыканта. Прибежала Диштрия и принесла ему маленькую пергаментную рукопись. Арсен развернул ее. Она была испещрена золотыми буковками и рисунками. Арсен стал читать. Это были стихи. Он читал и одновременно слушал игру музыканта. Стихи волновали его, но еще сильнее заставляла его трепетать мысль об утренней звезде, которая должна появиться на небосводе среди ночной тишины… Она сияла и приближалась, неся ему пламя любви.

Спокойно дышал спавший Вахтанг, обратив к небесам свое доброе, беззаботное лицо; музыкант, как неумолчный ручеек, тянул свою мелодию; пташки со щебетанием порхали с одного дерева на другое; с жужжанием пролетала пчела; голубым шатром нависало небо. Жизнь, любовь, красота казались вечными, не имеющими предела.

– Война!.. – внезапно вспомнил Арсен. Черная туча легла ему на душу. Все его мысли устремились к далекой отчизне – туда, куда мчалась сейчас грозовая туча.

Арсен закрыл глаза.

Оставит ли он Хоришу здесь, уедет ли на родину один?.. Или же возьмет ее, усадит на своего коня и увезет к себе, в свою страну? Но как может он оставить Хоришу? Война войной, любовь любовью!..

Незадолго до обеда Вахтанг проснулся. Заспанными глазами взглянул он на Арсена и улыбнулся весело и сердечно.

– Сон разморил меня, – проговорил он, потягиваясь. – Проедемся верхом в горы?

– Поедем, – согласился Арсен.

Подали коней под расшитыми седлами, и князья поскакали к покрытой фиолетовыми тенями горе. По затененной густым кустарником тропинке они взбирались вверх. Чем выше поднималась тропа, тем становилась трудней. По расщелинам с грохотом стекали мутные вешние потоки. Позади, опускаясь к песчаной и солончаковой пустыне, лежал Нюшапух, дымки вились над его домами.

Еще дальше виднелись пестрые шатры огромного лагеря Азкерта. Они напоминали многоцветный убор осеннего леса…

Вдруг из кустарников выскочила козуля.

– Гони! – крикнул Вахтанг, стрелой срываясь в погоню. Арсен помчался за ним. У них не было с собой ни оружия, ни собак, преследовать козулю не имело смысла, но их охватила страсть охотников. Поднявшись довольно высоко, они потеряли козулю из виду. Кони были в мыле, у них тяжело вздымались бока. Всадники спешились, сели отдохнуть, не выпуская поводьев из рук.

– Знаешь, что сейчас убежало от нас? – спросил Вахтанг.

– Что?

– Любовь!.. Ее всегда надо вовремя увидеть и поймать. Упустишь миг-и она скроется, как эта козуля! В любви человек должен действовать, как охотник…

– Значит, если я встречу любовь, я не должен упускать ее из рук?.. – многозначительно переспросил Арсен.

– Если упустишь – значит, ты самый бестолковый человек на свете, достойный осмеяния!

– Где бы ни было и кто бы она ни была?..

– Где бы ни было и кто бы она ни была!

– И ты не будешь меня порицать?..

– Клянусь, не буду!

– Дай руку! – сказал Арсен, протягивая руку.

– Вот! – воскликнул Вахтанг. – Знаешь, что говорит поэт?..

Весна за тобой гналась, – где ты был, отвечай?

За весной гонишься ты, – где она сейчас?

Ты был мудр тогда, когда был безумен,

Безумен ты сейчас, когда стал гудр!..

Война!.. Мысль о ней вновь пронеслась в голове у Арсена. Сколько сердец сразит война! Арсен взглянул вниз: дворец Вахтанга на изумрудном холме, ручей, позолоченная солнцем глиняная ограда, за которой мечтательно цветут миндаль, слива и персик, – и где-то близко она, звезда утра… Значит, за сотни фарсахов от дома, на чужбине, где только небо такое же, как на родине, и должна была настигнуть его любовь?.. Почему она не спрашивает, кто перед нею, кого она поражает и где?..

Тоска омрачила душу Арсена.

Он хотел было заговорить о войне, но внезапно почувствовал потребность закрыть глаза и не думать о ней.

«Придет война – будем воевать!.. Пока ее нет – будем жить!» – подумал он.

Но перед его мысленным взором выплыл Азкерт с его змеиным взглядом, с пеной у рта, Азкерт, призывающий стереть с лица земли Армению… Пламя ненависти вспыхнуло в сердце Арсена, и он унесся мыслью к своей родной стране, которая лежала там- в туманной дали. Тысячи армянских юношей обрекают себя на смерть; матери, прижав к груди детей, ждут с широко раскрытыми глазами, что будет… Он вспомнил своего сурового рыцаря-отца, его орлиный грозный взгляд и завет: «Береги родину. Она – самое драгоценное на свете!..» Припомнил, что сказал певец Гохтана:

Дорог ты, как жизнь,

Очень дорог;

Как свобода,

Мил ты мне – дым из дымоходов

Дома моего родного!..

Арсен прижался лицом к земле, вдохнул в себя ее запах. Ему почудился аромат родной земли…

– Война! – прошептал он, подняв голову.

– Что? – спросил Вахтанг.

– Ничего, ничего! – отозвался Арсен.

Вахтанг, который тоже смотрел в небо, поднялся.

– Ну, вставай! Едем, пора!

Они сели на коней и медленно спустились в город. Освежившиеся и бодрые, подъехали они ко дворцу. На каменном кругу фонтана сидели сестры. Хориша снизу взглянула на Арсена.

Арсен вздрогнул, опустил глаза и снова поднял их. Хориша словно целилась… И вдруг, как бы выпустив стрелу, она улыбнулась. Арсен с трудом перевел дыхание.

Обед накрыли в зале. За столом сидела немолодая женщина величественного вида, с медлительными движениями, с приветливым и добрым взглядом. Ласково поцеловав Арсена, она усадила его рядом с собой.

– Забыл ты нас, редко бываешь!..

– Война с кушанами виновата, мать! Возможно, настанет день, когда и вовсе не приду…

– Ормпзд да хранит тебя! – с испугом прервала его женщина. – Зачем ты омрачаешь нам душу?

И в смерти храбрец прекрасен,

В храбреце и смерть прекрасна,

Ничто не связано столь тесно,

Как смерть и храбрец прекрасный! – произнес Вахтанг, у которого запас цитат из персидской поэзии был неисчерпаем.

– Где же Хориша и Ормиздухт? – спросила госпожа у прислужницы.

– Ушли в сад.

– Поди позови их.

Служанка вышла. Арсен благодарно взглянул на госпожу. Та поняла и незаметно улыбнулась.

– Ты похожа на мою мать, госпожа, – сказал Арсен.

– Не похожа – а я и есть твоя настоящая мать! – пошутила госпожа. – Тебя похитили у меня и увезли в Армению. Теперь я тебя не выпущу!

– Тем лучше! У меня будут две матери! – возразил Арсен, обнимая ее.

Открылась дверь, вошли Хориша и Ормиздухт, сели рядом с матерью и стали тайком переглядываться с Арсеном.

Госпожа была тещей Вахтанга, к которому она перешла жить после смерти своей старшей дочери – его жены. Вахтанг, давший обет вторично не жениться, посвятил себя поэзии.

Едина любовь, если она прекрасна,

И единый раз любовь прекрасна… – декламировал он меж тем, как, прильнув к плечу матери, Хориша не сводила глаз с Арсена, которого этот смелый, упорный, красноречивый взгляд пронизывал и околдовывал.

Госпожа замечала эти взгляды и улыбалась. Она впервые увидела Арсена в тот день, когда армянская конница вошла в Пюшапух, чтоб вместе с войсками Азкерта выступить в поход против кушанов. Вахтанг был на этой войне вместе с Арсеном. Однажды, когда конный кушан занес меч над головой Вахтанга, подоспевший Арсен отбил удар и сразил кушана. Там, в походе, и сблизился с Арсеном Вахтанг, а после войны ввел его к себе в дом.

Трапеза продолжалась до поздней ночи; встав из-за стола, все спустились в сад.

Серебро луны сверкало между черными кипарисами.

Пора было ложиться спать. Госпожа ушла с девушками на спою половину, а Вахтанг с Арсеном легли в зале. Вахтанг уснул почти сейчас же, не договорив какого-то четверостишия. Что касается Арсена – сон бежал от его глаз. Он смотрел в ердик на потолке: звезды чертили в небе свои вечные письмена.

Арсен ждал, когда взойдет утренняя звезда. Он тихо вышел в сад, спустился к реке и сел на прибрежный камень. Ожидание казалось ему долгим, оно было мучительно. Приближение счастливого мига свидания наполняло его тревогой. Арсен все боялся, что Диштрия не придет, что-нибудь случится, проснется кто-нибудь, помешает – и улетит счастье, которое дается так нелегко и иногда бывает неповторимо.

Он смотрел в сторону, откуда должна была появиться Диштрия. Иногда ему казалось, что вдали проплывает тень, но нет – то был осман зрения.

На далеком горизонте, в глубокой тьме ночной пустыни, блекла золит истая луна, сменив серебро своего сказочного лика на медный отблеск умирания. И вот – не обманчивое ли это видение вновь во мгле сада? Арсену показалось, что в темноте замаячила чья-то тень и застыла, то ли в нерешительности, то ли из осторожности… Он взглянул на восток. За спиной горы, щуря огненные ресницы, устремив свой вечный взор на землю, выплыла утренняя звезда, – она плыла гордо, величаво.

Сердце сжалось у Арсена. Он увидел, как тень колыхнулась и заскользила вдоль стены. Вплотную подойдя к Арсену, Диштрия шепнула ему на ухо:

– Пройди в комнату Она там. Одна…

– Веди! – с трудом проговорил Арсен.

– Идем, скорей… Осторожней!.. – скользя вперед, шептала Диштрия, ведя его за руку Когда Арсен вошел в комнату Хориши, дверь за ним захлопнулась, но заточение было сладостным и казалось милее свободы. Хориша сидела на ковре, низко опустив голову. Ее черные волосы рассыпались по ковру. Она приподняла голову, взглянула на Арсена и вновь опустила ее, Арсен подошел и, молча сев рядом, обнял ее. Хориша задрожала. Арсен поцеловал ее в плечо.

– Хориша!.. – шептал он, задыхаясь. – Говори! Скажи что-нибудь…

Хориша молчала, ей было трудно дышать.

Внезапно она обняла его, затрепетала, и они слились в поцелуе. Арсен чувствовал в своих объятиях теплое и нежное тело Хориши; прикосновение жгло его. Светильник затрещал и погас. Комната погрузилась в темноту. В окне ярче стали звезды. В углу сада, в жертвеннике, взметнулись языки вечного огня.

Горсть песка ударилась в дверь: настал час разлуки.

– Хориша, пора…

Хориша вздохнула, отпустила его и вновь прильнула к нему.

Дождь песчинок усилился.

– Хориша, пора!..

– Будь что будет!.. Останься, не уходи!.. – молила она.

Арсен вновь крепко сжал ее в объятиях, и. вновь ими овладело забвение.

В дверь постучали. Послышался шепот Диштрии: она торопила.

Арсен встал. Хориша не поднимала головы, не открывала глаз.

Арсен осторожно вышел, прикрыл дверь и, спускаясь по лестнице, столкнулся лицом к лицу с Диштрией. Он обнял ее и поцеловал. Диштрия, вздохнув, отвела его руку и шепнула:

– Уходи скорее, князь…

– Если б ты знала, Диштрия! Милая Диштрия!.. Диштрия сама обняла Арсена и вновь вздохнула. Арсен быстро скользнул в гстую тень.

Диштрия вошла в комнату Хориши. Обхватив голову руками, Хориша рыдала.

– Хориша!.. Ты плачешь?..

Хориша упала на свое ложе, зарывшись головой в подушку.

– Ты вступила в жизнь, милая! Будь счастлива!.. – шептала Диштрия, обнимая Хоришу.

– Плачь, плачь! Сладки твои слезы сейчас, как весенний дождь…

Хориша испуганно взглянула на Диштрию и прошептала:

– А если он уедет и не вернется?

– Как он может? Как может?..

– А если уедет на войну?

– Твоя любовь будет охранять его! Лишь бы ты крепко его любила.

– Кто может любить его сильнее меня?..

Небо побледнело, звезды стали скрываться в зеленовато-голубом бархате, прокричали петухи. Где-то далеко на улице раздалея топот копыт – проехал первый всадник.

Уже светало, когда Хориша, наконец, уснула.

Осторожно, неслышно вышла от нее Диштрия и спустилась к реке. Предутренний ветерок шелестел в ветвях деревьев, в полутьме земля казалась незнакомой и загадочной. Весна благоухала в деревьях, кустах и цветах.

День открыл глаза. Диштрия вздохнула и пошла обратно к дому.

Армянская конница была возмущена. Беспримерное унижение, которому подвергся Гют, потрясло и всадников и князей-командиров. Люди, безропотно шедшие за Азкертом на войну с кушанами, тяжело переживали оскорбление, которое он им нанес.

В шатре начальника конницы Гарегина Срвантцяна собрались армянские князья, обсуждая, как им ответить на удар. Все чувствовали – и это было в первый раз, – что не отплатить нельзя…

– И правильно делают! – произнес с горечью князь Гарегин. – Спарапет у Марвирота спасает персидскую державу, вдали от родины мы годами воюем с кушанами в защиту персов, платим им дань… И вот…

Прислонившись к столбу, поддерживающему шатер, скрестив на груди руки, взволнованный князь с горькой улыбкой глядел вдаль.

– Многого мы не доделали!.. Не собрали войска… не присоединились к нахарарам…

– Хорошо поступили наши, послав мятежный ответ! – воскликнул Арсен.

– Ответное послание доказывает, что наши очнулись, – сказал Гарегин. – Великие события происходят на родине. Наши решили восстать. Нужно и нам готовиться. С нами могут сыграть недобрую шутку.

– Возможно, – ответил Арсен.

– Пока не поздно, мы должны начать, – заявил Гарегин.

– Но как?.. – почти одновременно откликнулись все присутствующие.

Гарегин ответил не сразу. Он испытующе оглядел всех и четко произнес:

– Отказаться служить им!..

Храбрый юноша, всегда бросавшийся в самую гущу боя, поразил всех своим смелым предложением.

«Храбрецы находчивы»! – думал Арсен, глядя на него.

Подобное предложение в устах любого другого показалось бы ему неприемлемым, но с Гарегином он согласился тотчас же, ибо верил в его отвагу.

– Нам нужно быть готовыми, нужно поскорей принять решение! – продолжал Гарегин. – Нас могут попытаться обезоружить, окружить, перебить… Мы должны быть наготове, чтоб отразить все эти попытки.

Гарегина знали, ему верили, и его предложение было принято.

Князь Нерсэ, который старался не упустить ни одного его слова, проговорил:

– Беда неминуема, князь. Следовательно, мы должны быть готовы встретить ее… Веди нас, я лично согласен!..

– Мы все согласны! – откликнулись остальные князья.

– Посоветуй, как и когда действовать? – спросил Арсен. – Судьба готовит нам большое испытание. Встретим же опасность, как подобает воинам!..

– Не надо думать, что Азкерг так уж неуязвим, – продолжал Гарегин. – Византия бессильна перед ним, поскольку она боится гуннов. Но Азкерт боится и гуннов и кушанов!

Наш удар, который, как я надеюсь, сейчас готовит Спарапет, будет весьма чувствителен. Увидите, мы еще будем сражаться бок о бок с гуннами!

– Вполне возможно, – согласился Арсен. – Спарапет позаботится обо всем.

Этот обмен мыслями незаметно для самих собравшихся внес успокоение в их души. В первый раз они осознали, что их преследуют именно за то, что они – армяне; в первый раз они осознали нанесенное им оскорбление; и дух их воспрянул вместе с чувством оскорбленной национальной гордости.

– Эх, князья! – вздохнул Гарегин. – Разве осмелился бы этот злобный зверь так поступить с Васаком Мамиконяном?.. Доблесть Васака Мамиконяна умерла в нас… Надо, чтоб она воскресла!

– Раз мы его вспоминаем, значит, она воскресла! – воскликнул Арсен. – Не умер Васак Мамиконян!..

– И не умрет никогда! – отозвался Нерсэ.

– Господь правый нам судья! – отозвались и остальные. Князь Гарегин поднял руку и торжественно произнес:

– Объединяемся и даем обет сражаться не отступая!

– Сражаться не отступая!.. – в один голос отозвались князья.

Они обнимали друг друга, целовались и давали клятву в верности. Все почувствовали, что теперь они – сила, которую ничто не может сломить.

Князья разошлись по своим шатрам. Вышел и Арсен. Его волновали новые мысли, никогда ранее не приходившие ему в голову. Конечно, любовь к родине жила в нем всегда, но сейчас он почувствовал, что готов, не задумавшись, отдать жизнь за родину. И тут же возник перед ним образ девушки, которую он любил. Что будет с Хоришей, если война разлучит их? А что разлучиться придется, в этом сомневаться нельзя было. Арсен знал, что будет в первых рядах, как только война разразится. Он не простит оскорбления, нанесенного армянскому народу Азкертом. Надо не быть человеком, не иметь ни малейшего чувства собственного достоинства, чтобы стерпеть подобное унижение национальной гордости. Нет, Арсен будет именно в первых рядах сражающихся!

Он не мог заснуть. Арсен вновь вышел из шатра и оглядел горизонт. Вон там, по ту сторону мрачной пустыни, лежит путь к отчизне. Спит сейчас народ армянский – старики и дети, женщины и юноши, молодые и старые… Спят тысячи тысяч живых существ, которым грозит уничтожение. Чем виноваты трудолюбивые крестьяне, вкушающие короткий час отдыха после утомительного дневного труда на своей пашне? Чем виноват грудной младенец, который, проснувшись, сосет грудь матери? Разве в этом просторном мире не хватит места для всех?..

Арсен смотрел в сторону пустыни, и перед его глазами вставал величавый, спокойный Масис – символ свободы его отчизны. У Масиса учатся люди на его родине высоко держать голову!

Арсен вспомнил свое детство, родной замок, няню с ее сказками об Артавазде, Ваагне, Арташесе… ее рассказы о Васаке Мамиконяне, о доблести, проявленной им в боях против персидского царя Шапуха…

На востоке засияла утренняя звезда. Арсен глядел на нее, и перед его глазами раскрывался уже не огненный символ любви, а пламя, которое зажжет пожар войны. Кровью веяло от этой звезды…

– Война!.. – прошептал Арсен и потряс кулаком.

Да, война против ненавистного, злобного Азкерта, надменного деспота, задумавшего растоптать своей грязной пятой Армению! Война против придворных вельмож, разжигающих его ядовитую ненависть к Армении…

Война!.. Под развалинами этой войны он, быть может, потеряет ту, которую так горячо полюбил…

Пусть родина даст ему силы!..

Он вошел к себе в шатер и лег. Душа его раздваивалась.

Прозвучали хриплые звуки персидской боевой трубы: то был сигнал побудки; он призывал тысячи воинов сбросить сон, идти на воинские упражнения, быть может, двинуться в поход…

Кушаны наводняли все пространство за восточными горами. Они были подобны грозовой туче, несущей гибель.

Князья вышли из шатров. Видно было по их лицам, что никто не спал в эту ночь.

Гарегин сказал:

– Я решил так: послать гонца к Спарапету и известить его, что мы вместе с родиной и будем за нее биться.

– Хоть сегодня! – воскликнул Арсен.

– Согласны! – отозвались князья.

Необходимо было спешить с отправкой гонца, ибо могло случиться, что с объявлением похода на кушанов им немедленно пришлось бы приступить к действиям. Нужно как можно скорей сообщить на родину о принятом решении и подбодрить соотечественников, давших клятву противостоять грозной персидской державе.

Значение Кодака в кругу персидских вельмож все возрастало. Гют заметил, что Кодак начинает относиться к нему свысока, поскольку с Гютом никто уже не считался и даже близко к нему не подходил. А Кодака вызывали часто, с ним даже советовались. Догадки Гюта подтверждались еще и тем, что Кодак все более замыкался в себе и уже не обо всем считал нужным ставить Гюта в известность. Это было оскорбительно, но Гют ничего сделать не мог. Он был здесь всего лишь не допущенным ко двору чужеземцем, послом, не оправдавшим доверия. А Кодак проделал огромную работу. Прежде всего он восстановил доброе мнение о Васаке, выставив его инициатором в вопросе отречения от веры; затем он сумел пошатнуть и доверие к Деншапуху, – Михрнерсэ уже колебался в своих дальнейших намерения относительно него; это было ясно из его настойчивых и многочисленных расспросов о деятельности Деншапуха.

Но и у Кодака был здесь могущественный соперник, который мутил воду и спутывал его расчеты. Этот враг был вхож к Михрнерсэ, часто совещался с ним, имел большие связи среди персидских вельмож. То был Варазваган – зять и кровный враг Васака, отрекшийся от веры, предложивший Ми онерсэ свои услуги и бывший в его руках опаснейшим орудием против Васака. Он жил в Нюшапухе и часто наведывался в лагерь к персидским военачальникам, стремясь через них сблизиться с командующим персидским войском Мушканом Нюсалавуртом и через него добиться представления Азкерту.

Кодак узнал, где он живет, и однажды зашел к нему.

Варазваган принял его в зале, убранном и обставленном с роскошью, какую Кодак видел только у персидских вельмоэч. Варазваган восседал на подушках с видом могущественного князя. Ею длинная шея, иссиня-черные, цзета вороньего крыла, густые волосы, брови и борода произвели на Кодака отталкивающее впечатление. Полный подозрительности взгляд не предвещал ничего доброго. Кодак решил напрячь все свои силы, все свое лукавство, чтобы выведать у него хоть что-нибудь о его намерениях относительно Васака, хотя с первого же взгляда было видно, что задача будет не из легких.

Довольно долгре время молчание не нарушалось и беседа никак не завязывалась.

Несмотря на то, что за последнее время Кодак уже занял значительное положение, он старался не подчеркивать этого, чтоб не раздразнить Варазвагана. Он сел на корточки в углу, на почтительном расстоянии, положив ладони обеих рук на колени. Это было знаком смирения.

– Зачем прибыл в Персию? – заговорил, наконец, Варазваган.

– Прибыл с Хосровом, как попутчик.

– А еще?..

– Чтоб подкопаться под тебя! – выпалил Кодак. Удар не попал в цель, – это и без того было известно Варазвагану. Он безразличным тоном спросил:

– Что ж, удалось?

– Удалось, государь!

Кодак продолжал оставаться в положении нападающего.

– В чьих глазах?

– Михрнерсэ.

Варазваган кинул на Кодака холодный взгляд и переспросил:

– И подкопался?

– Подкопался, государь! Михрнерсэ полагал, что Васак тайно подстрекал армянских нахараров к отсылке ответного послания и лишь прикидывается другом арийской державы. Но теперь он изменил свое мнение о Васаке.

– В том смысле, что Васак не заодно с Варданом?

– Именно так!

Варазваган выпрямился, прямо взглянул Кодаку в глаза и долго не отводил испытующего взгляда.

– А против меня какие ты козни строил?

– Я доказал, что ты только мешаешь Васаку. Что ты соперничаешь с ним и порочишь его.

– Поверил тебе Михрнерсэ?

– Нет, государь! Не поверил он и в искренность Васака по отношению к Персии.

– Чего же ты желаешь ог меня? Зачем ты явился ко мне?

– Чтоб предложить тебе мои услуги! – И Кодак, не моргнув глазом, уставился на него выжидательно.

– Потерял надежду на Васака, переходишь ко мне?

– Так, государь.

– Следовательно, ты человек продажный?

– Да, господин. Само дело таково: в жизни то одно удается, то совсем обратное…

Варазваган с усмешкой оглядел Кодака.

– А если представится случай – предашь и меня?

– Предам! – подтвердил Кодак.

Это уже показалось верхом наглости. Варазваган разозлился.

– Почему же?

– Если ты ослабеешь, государь, – с новой энергией начал Кодак, чувствуя, что пора нанести решительный удар, – кто же останется тебе верен? Сам-то ты останешься верен Михрнерсэ, если он падет? Что значат слова «предатель» или «верный человек»? Дай мне верное дело, и я буду ему верен!

– Значит, ты служишь лишь своей выгоде?

– Как и ты – своей выгоде! – ответил встречным ударом Кодак. – Кто же действует против своей выгоды? Варазваган переменил тему.

– Хорошо. Как идут дела Васака в Армении?

– Весьма успешно. Он собрал вокруг себя много сторонников. Многие армянские нахарары тайно тяготеют к нему.

– Есть надежда, что дела пойдут у него успешно и здесь?

– Есть. Но небольшая. Ему повредило ответное послание, отсылку которого он не сумел предотвратить. Он, вероятно, проиграет. Сейчас надежнее твое положение. Если б ты был на его месте – проиграл бы и ты. Но там был другой; другой и проиграл!.. Ты только потому и держишься крепко, что ты в стороне. От него уже многого не ждут, а ты еще способен внушить надежду. Михрнерсэ намекал мне на это…

Варазваган ничего не ответил. А Кодаку только это и нужно было: он почувствовал, что Варазваган что-то знает о подобных планах Михрнерсэ.

– Это стало особенно очевидно после взрыва ярости Азкерта, – добавил Кодак.

Варазваган промолчал. Кодак развил свой удар.

– Вот это и поколебало мою веру в Васака. Гиблое дело, государь! Когда была эта вспышка ярости, я заметил, что Михрнерсэ уже сделал выбор. Во время же моего

вчерашнего свидания с ним я почувствовал, что он намерен передать звание марз пана тебе…

Варазваган вновь дал промах: он промолчал.

Кодак стал заметать следы.

– Большую милость оказал бы мне государь, если бы согласился принять меня на службу… Ты спрашивал: служу ли я ради своей выгоды? И я тебе искренне признался: да, служу ради выгоды. А выгода моя в том, чтобы служить большому человеку. Люблю удачливые дела и удачливых людей!

– А если ты обманешь и меня? – улыбнулся Варазваган.

– Не допускай этого! Не доглядишь -обману!

Кодак хорошо усвоил себе ту истину, что величайшая хитрость нередко заключается в искренности, и старался ловко играть на этой струне. Он обдумывал, как еще доказать Варазвагану свою готовность служить ему, и такое доказательство быстро нашлось.

Варазваган спросил:

– А как ты меня порочил перед Михрнерсэ?

– Я его убеждал, что ты имеешь в мыслях примкнуть к Вардану, чтобы вместе с ним свалить Васака. Я говорил, что Васак никогда не примкнет к Вардану, даже для того, чтобы погубить тебя. Мое суждение понравилось Михрнерсэ. Это было очень удачным ходом против тебя…

– И после этого ты дерзнул прийти ко мне?! – сурово спросил Варазваган.

– Дерзнул, господин! – не смутился Кодак. – Я думал, что мое прямодушие спасет меня. Будет разумно с твоей стороны, если ты простишь меня и подаришь мне свою дружбу. Ведь пользы тебе даже от моей смерти не будет никакой. Я пришел к тебе, потому что знаю тебя: ты человек разумный.

Варазваган не знал, на что решиться: немедленно выкинуть презренного старика или подождать, выслушать его до конца, выудить у него еще что-нибудь. Кодак уловил это колебание и не преминул им воспользоваться:

– Государь, ты хочешь выгнать меня?.. Возможно, ты так и сделаешь. Но я хочу напомнить тебе, что наступают смутные дни. Васак падет, но следующая волна может вновь поднять его. Счастье может улыбнуться и тебе. Дай же мне возможность послужить тебе хотя бы это время.

– Ладно, господь с тобой! – смягчился Варазваган. – Я подумаю… Пока ступай.

– Благодарю тебя, государь! – сказал Кодак. – Но пока что я не на службе у тебя, Я пока служу Васаку. Этому ты уж поверь!

– Почему?

– Низкое дело моя служба, но выполнять ее нужно красиво. Вопрос чести! Ведь ты еще не взял меня к себе… Варазваган рассмеялся.

– А если и вовсе не возьму?

– Тогда я буду действовать во вред тебе! – засмеялся и Кодак.

Он почувствовал, что в Варазвагане совершился перелом. Ведь всякая хитрость имеет в конце концов свои пределы. Даже самый хитрый человек не может перехитрить весь мир. Но Кодак почувствовал, что и сам может переступить границу, и посему попросил разрешения удалиться.

– Иди с миром! -молвил Варазваган. – Заходи еще, побеседуем.

– Постараюсь! – как-то неуверенно ответил Кодак. – Но зайду непременно, если найду возможность принести тебе пользу.

Он удалился.

«И на умного предателя можно до известной степени полагаться…» – подумал Варазваган.

Он стал раздумывать о том, что дала ему беседа с Кодаком. В большей своей части она представляла бесполезные хитросплетения. Но одна высказанная Кодаком мысль запомнилась ему: слова Кодака о том, что он, Варазваган, примкнет даже к Вардану, если

этим сумеет погубить Васака, а Васак на это не пойдет… Это была опасная мысль, если только Кодак ее действительно высказал. Если же еще не высказал, то нужно заблаговременно обезопасить себя от подобных подозрений. Позиция Васака тем именно и была прочна, что он был непримиримым противником Вардана.

Варазваган решил прикинуться внешне врагом Вардана и одновременно пытаться сблизиться с ним, чтобы при его помощи свалить Васака.

Ни Варазваган, ни Кодак не заметили, что их беседа протекала не совсем тайно, что через отверстие в стенной нише их подслушивала Вараздухт, прелестные глаза которой сверкали в полутьме, как глаза кошки, предвкушающей удачную охоту на воробьев. Хитроумие и напористость Кодака понравились ей, она понимала его, была довольна им.

По уходе Кодака Варазваган прикрыл глаза, как бы желая вновь все продумать. Вдруг, точно вспомнив о чем-то, он вскочил и, быстро подойдя к нише, заглянул в нее. Там никого не было. Он успокоился, вновь уселся, хлопнул в ладоши и приказал вошедшему дворецкому:

– Коня и всех телохранителей!

Немного спустя он выехал во дворец Михрнерсэ.

Когда кончилась беседа Кодака с Варазваганом, Вараздухт выскользнула из своего укрытия и направилась к третьей жене Варазвагана, персиянке Михрдухт.

– Что рассказывал старик? – спросила та.

– Он старается все запутать, будь он проклят! – мрачно ответила Вараздухт.

– С добром он бы не пришел! – негромко сказала Михрдухт.

– Марзпан, видно, подослал его строить козни против дяди. Он выставляет себя врагом марзпана, хочет пробраться на службу к дяде, чтоб подкопаться под него.

– Но Варазваган не из тех, которые легко попадаются на удочку! – заметила Михрдухт. – И что он сказал?

– Говорит: посмотрим. Он и сам хотел что-нибудь выпытать у старика, чтоб поставить марзпану ловушку.

Жена Варазвагана испытующе взглянула на Вараздухт своими хитрыми голубыми глазами. В ней вызывал подозрение столь горячий интерес Вараздухт к делам дяди, так же как к необъяснимый ее приезд в Персию. А теперь, когда Вараздухт так порочила Кодака, это подозрение еще более углубилось. Несколько лет тому назад, поверив Вараздухт, она оказала ей содействие и даже спасла ее от смерти. Но теперь у нее мелькнула мысль, что дело нечисто. Вараздухт почувствовала это и более к вопросу о Кодаке не возвращалась. Она понимала, что Кодак интригует против Варазвагана и пытается войти к нему в доверие, чтобы выуживать необходимые сведения. Но взаимное недоверие и тайная вражда делали бесполезными все их усилия перехитрить друг друга: обе стороны держали ухо востро. Каждый надеялся лишь на промах противника, на какой-нибудь его неосторожный шаг.

Однако задачи Вараздухт не ограничивались действиями против Варазвагана. Она стремилась установить связь с персидскими вельможами из окружения Михрнерсэ. Это было невозможно: она была женщиной, и ни один из этих вельмож не стал бы говорить с ней о дворцовых интригах. Надо было действовать через их жен. Но и на это было мало шансов, поскольку не все жены сановников интересовались дворцовой жизнью и мало разбирались в ней. Вараздухт же намеревалась довести кое-что до сведения Михрнерсэ через Арамаиду, его младшую сестру, слывшую женщиной очень умной и влиятельной. Михрдухт приходилась Арамаиде родственницей и имела к ней доступ. Именно вокруг этого и собиралась Вараздухт плести свою паутину, надеясь познакомиться с сестрой Михрнерсэ. Она не желала лично «предупреждать» Варазвагана, предпочитая сделать это через его жену, и так расписала той вероломство Кодака, что Михрдухт не могла не рассказать Варазвагану. Михрдухт так чернила Кодака, что Варазваган даже спросил ее, откуда ей все известно.

Михрдухт указала на первоисточник – Вараздухт. Варазваган вызвал последнюю к себе и спросил:

– Ты знаешь Кодака?

– Знаю! – подтвердила Вараздухт.

– Зачем он сюда приехал?

– Чтобы разузнать, что ожидает Васака. В Армении опасаются, что Азкерт намерен сурово наказать нахараров!

Варазвагану это показалось весьма правдоподобным. Он задумался.

– А Васаку чего опасаться?

– Да ведь он против нахараров открыто не выступал. Откуда знать Азкерту, на чьей он был стороне?

– Гм…

– Затем, дядя, следует учесть и то, что Васак надежд не оправдал: он не смог обуздать нахараров, помешать отправке дерзкого ответного послания…

– Что ж мог он сделать?

– Многое! Но он побоялся уронить себя в глазах нахараров.

– А сейчас он не боится уронить себя в глазах Азкерта?

– Значит, боится, раз послал Кодака!

Варазвагану это объяснение тоже показалось правдоподобным, хотя он и не знал, как отнестись к Вараздухт. Он не доверял ей, как, впрочем, не доверял никому на свете, – таковы все заговорщики и предатели. Но тем не менее смелая и разумная речь племянницы ему нравилась. Да, объяснения казались правдоподобны! Но… но почему принимала Вараздухт столь живое участие во всех этих делах?.. Вот что было подозрительно!

– Ну, хорошо, – чуть улыбнулся Варазваган, – раз все это было тебе известно, почему ты не предупредила меня?

– Тебя?.. Но разве я не знаю, что ты видишь человека насквозь с первого же взгляда? – также с улыбкой ответила Вараздухт.

Варазваган задал внезапный вопрос:

– А ко мне зачем он приходил?

– Этого я не знаю, – ответила Вараздухт и почувствовала, что допустила ошибку: Михрдухт могла передать мужу, что Вараздухт тайком подслушивала его беседу с Кодаком. – Но, по правде сказать, догадываюсь…

– Какова его цель?

– Свалить тебя.

– Почему ты так думаешь?

– Ну, дядя, не столь же ты наивен, чтобы считать меня наивной!.. Какова его цель?.. Васаку известно, что ты здесь наговариваешь на него. Он знает, что пока ты жив – ты ему враг. Он не успокоится на том, чтобы только уронить тебя в глазах Михрнерсэ, – он будет стараться раз и навсегда с тобой покончить.

– Каким же образом?

– Этого я не знаю. Быть может, он подошлет убийцу. Быть может, будет добиваться, чтобы тебя бросили в тюрьму… Кто знает!

– Выдумываешь ты что-то! – оборвал ее Варазваган.

– Не знаю, дядя. Боюсь я его. Не принимай его к себе на службу.

– Ну, хорошо, почему же ты обо всем этом не говорила мне, а сообщила только Михрдухт?

– Да ведь я знаю – ты опять сказал бы, что я выдумываю… Что бы я ни сказала, ты бы мне не поверил… Вот я все тебе рассказала, а ты все-таки веришь этому отвратительному старику, а не мне, своей племяннице!

– Тебе я верю, разуму твоему не доверяю! – засмеялся Варазваган. – Зачем человеку, ищущему моей смерти, приходить ко мне?.. Чтоб раскрыть свои намерения?..

– Чтоб именно этим способом скрыть их! Варазваган кивнул головой: она была права.

– Да дело и не в этом, дядя! -добавила Вараздухт. – Истинных намерений Кодака я, конечно, знать не могу, но одно я знаю хорошо: он ни днем, ни ночью не отходил от марапана, все шептался с ним. Сам посуди: что может его заставить прийти к тебе, если у

него нет тайных замыслов?..

Варазваган сделал попытку поймать ее врасплох:

– А ты что делала в замке марзпана?

– Навещала княгиню Парандзем. Марзпан избивает своих сыновей, он груб со своей женой, ненавидит ее, пренебрегает ею. А я бываю у княгини из жалости. Марзпан не любит и меня.

– А кого он вообще любит? – презрительно сказал Варазваган.

Слова эти были очень знаменательны. Варазваган почти начинал доверять племяннице…

«Неразумно всех считать предателями! – мелькнуло у него в голове. – На сто предателей может оказаться и один не предатель!..»

– Оставайся здесь, – предложил он Вараздухт. – Постарайся сблизиться с Кодаком, вычедать его истинные замыслы. Вараздухт отказалась:

– Нет, дядя! Не такой он простак, чтоб можно было его обойти. Кроме того, ему известна и моя близость к княгине Пара чдзем.

Варазваган снова потерял нить. Вдруг в голове у него зародилась новая мысль.

– Очень ненавидит мужа княгиня Парандзем?

– Они месяцами не видят друг друга.

– Может ли случиться, чтобы княгиня Парандзем замыслила покушение на жизнь мужа? Вараздухт пошла на попятный:

– Не могу сказать… Вряд ли… Она очень добрая и мягкая женщина.

– А ты пошла бы на это?

– Я не знаю…

– Не смогла бы?

– Да, ты прав, не смогла бы.

Варазваган решил пока задержать племянницу у себя. Ему не удавалось раскусить ее, а следовало бы… Либо он сильно ошибался, подозревая ее, либо она действительно могла быть ему полезна. Было бы неразумно отпускать ее, не выяснив или только наполовину выяснив это.

– Ты сказала много справедливого. Подумаем об этом! – заметил он таким тоном, что у Вараздухт не осталось сомнения: Он ее замыслов не разгадал.

Пребывание в доме дядя было своего рода лишением свободы, домашним заточением, избегнуть которого было равносильно бегству. И Вараздухт примирилась с положением, придумывая способ выскользнуть из западни, и – если только окажется возможным – выскользнуть с выигрышем. Она только сейчас почувствовала, что, полюбив Васака, неосторожно связалась с человеком, представлявшим собой воплощение вероломства.

В конце концов Варазваган разгадал тайные помыслы Кодака. Несомненно, старик явился к нему, чтоб усыпить его бдительность и затем раскинуть свои сети среди вельмож и царских сановников. Варазваган стал больше считаться с племянницей, а та изо всех сил старалась завоевать его доверие.

Однажды она заявила Варазвагану:

– Кодак – человек продажный, но, в конце концов, он, скорее, предаст тебя, нежели Васака. Он будет верен ему, а не тебе!

Это было справедливо, Варазваган и сам так думал, однако продолжал принимать у себя Кодака, не желая выпускать его из-под наблюдения.

Чувствуя, что подозрения Варазвагана и Михрдухт не рассеиваются, Вараздухт как-то раз заявила дяде, что хочет вернулся домой.

– Почему ты хочешь уехать? – удивился Варазваган.

– А зачем же мне дальше оставаться, дядя? Мне хотелось йовидати тебя, а теперь пора домой. Мать у меня одна осталась… Варазваган призадумался.

– Не уезжай пока! – сказал он. – Оставайся. Я хочу через тебя разузнать, какие козни строит против меня Кодак.

– Если ты этого хочешь- хорошо, дядя.

– Смотри, постарайся!..

Они окинули друг друга недоверчивым и пытливым взглядом.

Покуда волновались отдельные лица и группы, колесо времени вращалось, неуклонно приближая момент, когда должно было разразиться бедствие. Время не спешило, но и не медлило. Оно текло, как обычно. Но людям не дано знать тайны его течения, не дано видеть что-нибудь сквозь завесу, предательски накинутую им на грядущее.

В те часы, когда в Нюшапухе плели интриги Кодак, Варазваган, Михрнерсэ и персидские вельможи, когда разъяренный Азкерт даже во сне бредил местью, когда в своих шатрах готовили молниеносный удар в тыл персам армянские князья, когда в далекой Армении из села в село, из города в город переходили отряды крестьян-беглецов, руководимые Аракэлом и Сааком, призывая к восстанию и отказу от уплаты налогов персам, когда из монастыря в монастырь, проповедуя верность христианской вере, ходили Гевонд, Езник и Егишэ, а нахарары, то соглашаясь друг с другом, то вступая в споры, собирали полки в своих уделах, – в эти часы, пересекая солончаки и пески Персии, мчался в Армению гонец с указом Азкерта. Он вез повеление царя армянским нахарарам явиться ко двору. Повеление это было чревато тяжкими последствиями. Никакая сила уже не могла остановить надвигавшееся несчастье, оно должно было неминуемо разразиться. Недаром оно подготовлялось в течение столетий.

Два враждебных друг другу течения наметились в стране. Одно, перекатываясь из села в село, из города в город, несло пламенное слово, которое поднимало народные массы. Другое ползло тихо и скрытно, оставляя позади себя страх, сомнение, неверие и бессилие.

Народ назвал эти два течения по именам их вождей: «Вардананк» и «Васакианк».

Облокотившись на подушки, долго, неподвижно сидел Вардан у себя в зале. Его глаза под изогнутыми бровями были полны глубокой думы. Вся страна ждала его слова, от него ждали чудес. Но он-то на кого может надеяться? Рухнул трон Аршакидов, гунны стучатся в вооота Византии, черной грозовой тучей застилая небо империи. Нет уже Ассирии, нет Рима, нет сил, могущих угрожать Азкерту! Поднимается буря, и одинокий корабль бросает на волнах. Необходима помощь, иначе неминуема гибель…

Но кто же подаст эту помощь?

Наедине с самим собой Вардан уже не думал о том, что нужно кого-то подбодрить. Пусть об этом заботятся доугие! Вардан напряженно изыскивал пути спасения. Его орлиный нос, огрубевшая кожа и жесткие волосы придавали суровый вид худощавому лицу.

События быстро следовали одно за другим. Еще никогда не сталкивался Вардан со стоть тяжелой задачей: поставить против первостепенной, мощной державы старое, развалившееся государство. Сопротивляться было необходимо, каков бы ни был результат этого сопротивления. Но как поставить народ перед выбором между жизнью и смертью?..

Нет, необходима поддержка, нужны свежие силы! Ведь он не юноша – подобно Артаку, и не безрассудный забияка – подобно Атому. Он испытанный, закаленный в боях полководец. Он знает, что такое война. Нужны силы. Где же искать их, к кому обратиться? Греческий полководец Анатолий, сидя в Междуречье, не сводит глаз с Персии, чтоб вовремя отразить ее внезапный удар; он не любит армян и ради них не позволит поцарапать нос хотя бы одному из своих греков. Среди персов нет никого, кто относился бы к армянам дружелюбно. Правда, иным Вардан в свое время спас жизнь, за других он замолвил слово перед Михрнерсэ и добился для них повышения или награды. Но… «проклят человек, возлагающий надежды на ближних»! Они мигом забудут все старые заслуги, лишь только прозвучат боевые трубы Азкерта.

Брови Вардана сошлись, на лбу пролегла глубокая складка. Но вот в его глазах мелькнула какая-то искра… Вардан встал и долго ходил взад и вперед по залу. Тень его – то удлиненная, то неестественно укороченная – мелькала по стенам и по полу. Вот он становился перед окном и выглянул наружу.

Белесый, как бы ватный туман спустился на священную землю Тарона.

Кто знает, каким пожаром будет она вскоре охвачена, какие беды на нее надвигаются!..

Пет, нужны силы! И они есть!…

Занавес над дверью колыхнулся, вошел Ваан Аматуни.

– Не берет меня сон! – промолвил он. – Но я знал, что и ты ке спишь.

Он уселся на подушки, взял в руки пергаментный фолиант и начал читать. Вскоре он забыл обо всем окружающем.

Вардан остановился, занятый возникшей у него мыслью.

– Я полагаю, – сказал он, – что вы все-таки должны подумать о помощи…

Ваан Аматуни, казалось, не слушал его.

– Само собой, это будет война на истощение, – продолжал Вардан. – Но почему же не попытаться найти союзников?

– Союзников у нас нет! – тотчас же отозвался Аматуни, кладя рукопись на место.

Вардан не стал пояснять свою мысль. Он вновь отошел к окну. К воротам замка приближался всадник; вот он подскакал, искры летели из-под копыт коня.

Обменявшись несколькими словами со стражей, всадник въехал г,о дсор.

– Так ты творишь, нет у пас союзников? – переспросил Вардан.

– Кто они? – усмехнулся азарапет и испытующе взглянул на Вардана.

– Не союзники, а вспомогательная сила! – ответил Вардан. – А гунны? Гунны, упершиеся в Чорскую заставу? Вот кто ныне враг Азкерту! А враг моего врага – мне друг…

– Ничего не выйдет! – безнадежно покачал головой азарапет. – Это племена дикие и вероломные…

– Что ж делать! Беда заставит!.. Нужно спасти страну, спасти какой бы то ни было ценой!

– Хорошо, но что могут сделать гунны?

– Что могут сделать гунны? Да очень многое! Они наводнят весь север Персии и вместе с кушанами отвлекут часть сил Азкерта. Тогда-то мы и нанесем свой удар!

– А как же Чорская застава, Спарапет?

– Придется ее снести. Пусть поток хлынет в Персию!

– Гм…

– Как же иначе? Или позволить бесчисленному персидскому войску насесть на нас? Мы должны воевать не для того, чтобы погибнуть. Мы должны победить и жить!..

Азарапет задумался. Уже не впервые ставили его в тупик смелые замыслы Спарапета. «И откуда только берется у него!» – подумал он.

– Гунны в конце концов станут нам поперек горла! – заметил он вслух. – Чорская застава охраняет путь не только в Персию. Ведь этот поток…

– Поток?.. Пусть персы его и сдерживают! – с гневом оборвал Вардан. – Что же, мы будем постоянно охранять Чорскую заставу для того, чтоб персы могли без опасений нападать "на нас?.. Дадим им занятие! Пусть оно отвлечет их!

– Ну что ж, дадим, – согласился азарапет.

– Вся опасность в том, – продолжал Вардан, – что есть и Ворота Аланов!.. Гунны постоянно туда рвутся, чтобы через них проникнуть в Иверию. А этого допустить нельзя!

У занавеса показался дворецкий.

– Государь, прибыл Мелкон.

– Введи.

В покой вошел пожилой человек с кругловатым лицом и безволосым подбородком. Едва сохраняя серьезное выражение, он склонился в приветствии и, переминаясь с ноги на ногу, остановился в дверях.

Вардан подошел к нему и смерил его взглядом с головы до нсг.

– Ну, что скажешь? – промолвил он. – Ты не забыл еще язык гуннов?

– Забыл, Спарапет, но снова выучу, если понадобится! – отвечал Мелкон, подняв веселые глаза на Вардана.

– Сколько ты знаешь языков? – спросил Вардан.

– Владею языками почти всех племен, государь Спарапет!

– Так же, как персидским?

– Ну, персидский – это мой второй родной язык, государь! Ведь я уроженец Тизбона.

Вардан поджал губы, задумался. Мелкон спокойно ждал, не сводя с него глаз.

– Знаешь, что тебе придется сделать? – сказал Вардан. – Поедешь к царю гуннов!

– Относительно скакунов?

– Нет, по более важному делу. Объяснишь ему, что мы, армяне, не будем противиться, если он перейдет Чорскую заставу. Но лишь при условии, что он не тронет агванов, иверов и, конечно, армян… Пусть идут на персов в направлении Пайтакарана! Мы снесем Чорскую заставу и сами ударим на персов отсюда.

Мелкон нетерпеливо топтался на месте.

– Ну, в чем дело? – спросил Вардан.

– Государь Спарапет, чтоб произвести впечатление на гуннов и убедить их, необходимы пышность, золото, оружие, скакуны. Нужен посол княжеского звания!

– Правильно! Царь гуннов пожелает говорить с человеком высокопоставленным. Таким человеком и будет аианский князь Ваан. Отведешь посла гуннов к нему или поедешь с ним к царю гуннов. Там видно будет. – Вардан подумал немного.

– Кого ты возьмешь с собой?

– Не надо никого, государь. Одному легче вывернуться…

– Ладно, поступай, как тебе удобнее. Ну, иди отдохни!.. Мелкон удалился.

– В этом году войны не будет, я думаю, – заметил азарапет.

– Гм!.. Она именно в этом году и начнется. Еще этим летом…

Азарапет вопросительно поднял глаза.

– Этим же летом! – повторил Вардан.

– Но ведь ответное послание еще должно дойти до места назначения!

– Пустое! Войско уже двигается в данную минуту. Нам спешить надо!

– Откуда двигается войско? – насторожился азарапет. – У тебя есть сведения?

– Сведений мне не надо. Военное дело таково: дворы переговариваются, а войска передвигаются.

– Но откуда? – повторил вопрос азарапет.

– Через страну агванов. Персы ударят на нас не с юга, а с севера, откуда мы их не ждем.

– Не слишком ли далеко это для них?

– Именно с севера, чтоб сломить агванов и иверов, чтоб обуздать гуннов – нашу последнюю надежду…

– А-а, поэтому ты и обращаешься к гуннам?.. – догадался азарапет.

– А как же? Я опасаюсь, что нас вызовут в Персию. Нужно подготовить удар и наметить, кто нас будет заменять в случае нашего отсутствия. А это дело сложное и долгое. Кто знает, может быть, мы и не вернемся…

– Если не вернемся – страна погибнет!..

– Нужно сделать так, чтоб не погибла! Нужно найти выход. И он будет найден…

Эти обнадеживающие слова окрылили азарапета. Он давно знал Вардана как человека, которому чуждо бахвальство и который не пьянеет от успеха. И когда такой человек говорит: «Можно сделать так, чтобы страна не погибла!» – ему можно верить. Азарапет знал, как непреклонна воля Вардана. Если Вардан что-либо решил, он с железным упорством будет добиваться осуществления своего решения до самого конца.

Вошел высокий немолодой мужчина с гордой осанкой; слегка косо прорезанными миндалевидными глазами он напоминал Вардана. Как и у Вардана, его худощавое лицо выражало силу воли, губы его были так же тесно сжаты.

Он слегка задержался в дверях.

– Это ты только что въехал в замок? – спросил Вардан.

– Нет, Спарапет, то был Мелкон. Я находился в полку и нораньше вернулся, чтобы отдохнуть.

– Недолго придется тебе отдыхать. Надо проверить полки кахараров. Ты получил сведения от князей?

– Получил. Готовы полки у Гнуни, Аршарни, Вананди, Абегени. Нет сведений от Палуни и Хорхоруни… Вот список.

– Состояние вооружения?

– Плохое… почти повсюду плохое.

Вошедший замолк, не садясь на подушку, предложенную ему Варданом.

– Немедленно пошли к князьям – пусть пополнят вооружение! Выедешь сам, проверишь, сообщишь мне. Через дней пятнадцать я выеду принимать полки.

– Будет исполнено! – отвечал тот, опустив усталые глаза.

У него был измученный вид, он еле держался на ногах. Его пожелтевшее лицо говорило, что он выполняет какую-то большую к трудную работу и не справляется с ней не потому, что плохо работает, а потому, что дел много.

– Это тебе не Марвирот и не набег гуннов, – строго продолжал Вардан. – Перед этой войной побледнеет все испытанное нами ранее.

И, подступив к нему вплотную, он сурово заглянул ему в глаза, отчеканил:

– Мы выступаем против персидской державы! Понимаешь ты это?..

– Понимаю, Спарапет! – отвечал вошедший смиренно и покорно. – Но ведь…

– Что? Оправдываться хочешь?.. Брось! – отрезал Вардан. – Когда дело идет о войне, оправданий нет. Кто победил-тот прав, кто побежден – тот и виноват! Азкерт не брат ни мне, ни тебе. Это ты мне родной брат по отцу!..

Азарапет рассмеялся.

– Ну, раз он тебе родной брат, то перестань его донимать! Взгляни – от князя Амазаспа и без того остались кости да кожа! Прости его.

Вардан мягко улыбнулся, но почти тотчас же опять стал строг.

– Дело в том, что время не ждет. Оно обернется против нас и будет заодно с Азкертом! А мы собираем полки, но не вооружаем их? Ты знаешь, какой нам нужен запас вооружения? Выиграет тот, кто дольше продержится.

Вардан молча прошелся по залу и остановился перед азарапетом:

– Опаздываем мы, азарапет! Преступно опаздываем! Азарапет привстал.

– Значит, ты полагаешь, что война начнется этим же летом?

– Война уже началась, азарапет, пойми это! Ведь ты – старый воин! Раз наметились противники – значит, война началась.

Это заявление заставило азарапета встряхнуться. «Да, воин сразу чует запах войны!» – подумал он.

– Война – не одно только сражение. Сражение завершает войну. Стоит персидское войско в стране Апара? Стоит оно в Пайтакаране? Куются ковы при дворе Азкерта? Брызжет он пеной ярости против нас? Набирает он пополнение в войска? Значит, война началась! Никогда не бывает слишком рано начать приготовления – вот тебе слово воина!..

Амазасп почтительно и благоговейно внимал брату.

– Ты прав, Спарапет, я сделал промах с вооружением… Думаю, что на князей можно нажать. Но я все свое время посвятил проверке боеспособности отрядов. По одному проверял каждого воина, заставил проводить военные игры ночью, в самых непроходимых ущельях. Проверил копыта и бабки у коней. Кони в прекрасном состоянии. Походы они проделали отлично. Я обучал наступательным действиям в поле, – прошли очень удовлетворительно. Я в первую голову обращал внимание на отбор бойцов. Без боеспособности воина чего стоит его вооружение? На это и ушло у меня время…

Вардан слушал внимательно. Ему нравились скромные и дельные объяснения брата, но довольствоваться достигнутым было не в его характере.

– Это хорошо, но мало. Необходимо заботиться обо всем одновременно! Найди людей, действуй через них. Не бери всего па себя одного, но следи, заставляй следить за исполнением; проверяй сам и заставляй проверять других. Выматывай душу!

– Ты прав, конечно, – скромно согласился Амазасп. -Буду работать, как ты указываешь..

– Да, да!.. Вот поработаешь, будешь лезть из кожи – и увидишь, что все-таки этого мало, мало! Война – зверь прожорливый. На миг закроешь глаза – глядишь, вооружение исчерпано! Ну, ступай спать, завтра дгл у тебя по горло!

– Да уж, пойду! – сказал Амазасп и после небольшой паузы прибавил: – От Артака Мокского вестей нет, Спарапет…

– Послал гонца?

– Послал в замок Рштуни и предписал спешно покинуть Рштуник. Он уехал к себе, и с тех пор от него нет известий.

– Срочно пошли второго гонца, пусть тотчас сообщит, как его отрядом. Спит он, что ли? Или и его подталкивать надо?..

– Утром пошлю гонца.

– Сейчас пошли! – отрезал Вардан. – Тоже спишь? Амазасп невесело усмехнулся, он чувствовал смертельную усталость Внезапно он побелел, покачнулся и упал без чувств.

– Э-э, что это с ним? – подбежал азарапет.

– Ничего, – невозмутимо ответил Вардан. – Устал сильно.

– Неси воды! – приказал азарапет вбежавшему дворецкому.

Вардан ходил взад и вперед, лишь изредка скользя взглядом по лицу лежавшего без сознания брата.

Дворецкий обрызгал лоб и лицо Амазаспа водой. Тот все еще не приходил в сознание. Вмешался и испугавшийся азарапет, тревожно поглядывавший на Вардана, который, не подходя близко, ждал, чтобы брата привели в чувство. Наконец, Амазасп пришел в себя и привстал. Ему дали воды, он отпил, оглянулся со смущенной улыбкой, встал на ноги и с помощью дворецкого вышел.

Вардан окликнул его:

– Гонца пошли сейчас же! Рано утром зайдешь ко мне. Но когда тот вышел, Вардан проговорил негромко:

– Бедный мой Амазасп! Как ты устал…

Он спокойно взглянул на азарапета и, увлеченный какой-то новой мыслью, произнес:

– Значит, более или менее удовлетворительные сведения у нас имеются только насчет четырех полков. Что касается остальных – все гадательно. Нет, если так будет продолжаться, мы все проиграем!

Он кликнул дворецкого:

– Пусть подадут коней!

– Куда ты собрался? – забеспокоился азарапет.

– К нахарару Хорхоруни. Там что-то тоже заглохло.

– Да, как будто… Один поедешь?

– Да, с Арцви, так меньше привлеку внимания. А в этом крае – тишина, как будто он стеной отгорожен. Подозрительно…

– Хочешь выехать сейчас же?

– Завтра у меня другие дела. И потом я хочу лично удостовериться.

– Отдохнул бы ты немного…

– Нет возможности. Ты оставайся, я вернусь завтра или через день… – затем он повернулся к дворецксму – Распорядись, чтоб князю Амазаспу дали выспаться до утра, пусть отдохнет. При переутомлении от работы толку нет… Да, азарапет, – обратился он вновь к Аматуни, – составь обращение к князьям Димаксяну, Аравагени и Дзюнакану. Они недостаточно осведомлены, – пусть примутся за дело!

– Хорошо, Спарапет! – отозвался с дружеской почтительностью Аматуни и улыбнулся.

Вардан простился с ним и пошел одеваться.

Немного погодя во дворе замка зацокали копыта, и, постепенно удаляясь, звуки замерли вдали.

«Неугомонный дух!» – подумал азарапет, вновь взяв рукопись и погружаясь в чтение.

Но вскоре голова его склонилась на грудь, и он задремал.

Всю ночь не сходил с коня Вардан. Со стороны Бзнунийского моря дул холодный ветер.

Погруженный в раздумье, Вардаи ех»л, опустив глаза в землю, не поворачивая головы, и вскоре стал дремать в седле.

Но Арцви все время оглядывался. Никого – ни одного живого существа, ни зверя, ни птицы. Только звезды, похожие на поблескивающие вдали маленькие язычки пламени, колеблемые ветром, лили на землю холодный и неприветливый, тусклый свет.

Внезапно конь Вардана остановился, запрядал ушами и вновь рванулся вперед. Вардан заметил, что по склону ближайшего холма, в том же направлении, в каком ехал он, промелькнула какая-то черная тень.

Он обернулся. К нему подлетел Арцви.

– Нас преследуют, – просто сказал Вардан.

– Знаю, Спарапет! – так же невозмутимо подтвердил Арцви, подвешивая шлем к поясу и высоко держа непокрытую кудрявую голову, чтоб лучше улавливать ночные звуки.

Вардан перестал дремать, не проявляя, однако, и никакого беспокойства. Иногда лишь, осматриваясь по сторонам, он пришпоривал коня.

Прошло немало времени, но пока ничего не случилось. Преследовали ли их в самом деле?..

Вардан прислушался. Иногда до него долетали отрывистые звуки: кэт-кэт… Не то камень падал, не то били копыта, не то бряцало оружие.

Вардан придержал скакуна, взглянул на Арцви.

– Что скажешь?..

– При нем колчан и меч!

– Он один по-твоему?..

– Ветер доносит топот только одного коня. Вардан отдал поводья и вновь задремал… Восток побледнел. Справа, параллельно дороге, лежала глубокая, еще погруженная во тьму ложбина. Вардан придержал коня.

– Не показался?

– Побереги себя, государь Спарапет, проезжай скорее, не останавливайся! – с тревогой торопил Арцви, заслоняя его собой и своим конем.

– Гони! – вдруг пронзительно крикнул он.

Как будто камень скатился где-то слева. Или это завыл ветер? Однако Арцви не отводил тревожного взора с правой стороны дороги. Внезапно над самой головой Вардана раздался свист.

– Стрела! – воскликнул Вардан.

И прежде чем Арцви смог что-либо ответить, над головой Спарапета с ноющим визгом пролетела вторая стрела. Было ясно: стрелок сидел в засаде и оттуда осыпал Вардана стрелами.

Арцви хлестнул коня и поскакал влево, к краю ложбины, чтобы найти удобное место, где можно было бы перескочить через нее.

– Вернись! – крикнул Вардан.

Но Арцви не слушал: он рассвирепел, а в такие минуты он уже себя не помнил. Он продолжал скакать, а невидимый стрелок не переставал выпускать свои стрелы. Одна уже вонзилась Вардану в левую руку. Вардан вырвал ее. Другая вонзилась в круп скакуну Арцви. Но Арцви не замечал ничего: он гнал коня.

– Назад, говорю тебе! – снова крикнул Вардан. Но конь Арцви слетел в овраг. Предположив, что Арцви разбился о камни, Вардан помчался к нему, хотя из засады продолжали сыпаться стрелы. Но вот со дна оврага послышался звук потревоженных камней: очевидно, Арцви остался невредим, нашел брод и гнал коня вверх по склону, чтоб выбраться из оврага. Вот он нашел тропинку, конь вскарабкался и мощным скачком

поднялся на равнину. Из-за камней выскользнул человек, вывел спрятанного коня, вскочил на него и понесся к берегу моря. Арцви полетел за ним.

Было уже довольно светло, и скачка двух ловких наездников была отчетливо видна. Они то сближались, то отдалялись друг от друга; беглец временами оборачивался назад и выпускал стрелу в Арцви. Этим мгновением пользовался Арцви, чтоб нагнать его, но резвый конь уносил беглеца, как на крыльях. Однако Арцви все-таки настиг его. Тот выхватил меч. Сверкнул и меч Арцви. Они начали кружиться, наседать друг на друга, нанося удары и отражая их щитами. Беглец налетел и пытался нанести удар снизу. Но Арцви отбил удар, наскочил на противника и свалил его. Беглец упал с коня, и тот умчался прочь. Арцви соскочил наземь и склонился над раненым. Это оказался не молодой уже, пышноусый, крепкий на вид воин. Полуоткрыв рот, он тускнеющими глазами смотрел на Арцви.

– Кто ты? – пригибаясь к самому его лицу, спросил Арцви. Умирающий не отвечал. Взор его быстро мутнел.

– Откуда ты? Говори, будь ты проклят! – воскликнул Арцви, встряхивая его.

Умирающий пошевелил губами и кашлянул; изо рта его побежала струйка крови.

– Говори, кто подослал тебя?..

– Нахарар!.. – прохрипел умирающий и кулаком погрозил в сторону Вардана. Но пальцы его разжались, и рука бессильно упала наземь – Спарапета хотел убить? Умирающий хрипел.

– Спарапета хотел убить? Да, собачий сын?! Вот и подыхай…

Умирающий попытался привстать, но упал на бок; подвернув голову и одну руку, он откинул другую назад и застыл.

Арцви внимательно оглядел его с головы до ног, всмотрелся в лицо, тщательно осмотрел одежду, обувь и, сев на скакуна, с окровавленным мечом в руке поскакал к Спарапету, спокойно ехавшему по дороге.

– Кто это был? – спросил Вардан, потряхивая рукой, из которой сочилась кровь.

Арцви, не отвечая, занес руку под седло, высвободил переметную суму, достал полоску материи и, склонившись над раненой рукой Вардана, быстро смазал и перевязал ее.

– Конь у тебя ранен! – заметил Вардан.

– Конь?.. – как ужаленный, вскрикнул Арцви и быстро обернулся. Как это он не заметил, что стрела попала в его коня?!

Арцви застонал:

– Лучше уж в меня попала бы эта стрела!.. Он соскочил наземь и, глотая слезы, промыл коню рану, приложил к ней тряпицу с какой-то мазью и громко всхлипнул.

– Ну, в чем дело? – полушутя, полусердито спросил Вардан.

– Бедное животное было ранено, а я его гнал… Совесть где была у меня?..

Он рукавом вытер глаза и вскочил в седло.

Как бы припомнив что-то, Вардан обернулся к Арцви:

– Ты не узнал, кто это был?

– Он умер, государь. Я спросил, кто его подослал, а он успел только прохрипеть: «нахарар», и больше я ничего не разобрал…

– Нахарар?! -Вардан сжал губы. – Какой же это нахарар, интересно?..

– Судя по одежде, он из Рштуника, но вот обмотки на ногах такие, как носят в здешних местах, в Хорхорунике. Да и меч тоже здешний.

– Значит, по-твоему, он был из Хорхоруника?

– Не знаю, Спарапет! Вардан вздохнул.

– Не так уж важно, – сказал он с горечью, – был ли он уроженец Хорхоруника, или Рштуника: он был армянин, и подослал ею армянский нахарар!

Вардан с отвращением тряхнул головой и дал шпоры коню.

То же сделал и Арцви.

Вскоре показалось озеро, окаймленное кружевной лентой пены. На северо-востоке раскинула свой белый шатер гора Сипан.

Дорога вновь убаюкала Вардана. Полузакрыв глаза, он навевал про себя:

Славься, свет, свет, -

Добрый свет, свет,

Солнца встающего свет!..

С улыбкой, открывавшей два ряда белоснежных зубов, Арцви любящими и веселыми глазами смотрел на Вардана; ему нравилась языческая песня Спарапета.

Покрытые мыльной пеной и потом кони устали и громко фыркали. Золотой шар над морем запылал. Волны загорелись. Уже был виден игравший красками город и обнесенный валом замок князей Хорхоруни. Тянулись ввысь голубоватые тонкие клубы дыма.

В маленьком придорожном селе сидели на кровлях старики.

Они поспешно вставали и осеняли себя крестом, когда Вардан проезжал мимо них. Из дверей одной землянки выглянула и весело усмехнулась Арцви молоденькая златоволосая девушка.

Миновав село, путники направились в город. При их приближении всполошившаяся городская стража выступила вперед и стала перед Спарапетом, скрестив руки на груди.

– Дома ли владетельный князь Хорхоруни? – спросил Вардан.

– Дома, государь Спарапет!

Вардан въехал в город. Узнавая его, люди стали его окружать, все население потекло за ним. Юноши бежали к нему, обгоняя друг друга. Один, не в силах сдержать себя, крикнул:

– Спарапет!

– Возьми нас, Спарапет! – вторил ему другой. Остальные подхватили:

– Возьми нас! Возьми!

– Мы хотим к тебе!..

Вардан счел неудобным распоряжаться в чужом городе. Ответив юношам дружеской улыбкой, он пришпорил коня. Вскоре он уже стоял перед воротами цитадели.

Ему навстречу вышел Гадишо и со всеми подобающими знаками почтения пригласил войти. Здесь, у себя дома, он оказывал Вардану больше внимания, был более весел и предупредителен, чем в Арташате. Это показалось Вардану подозрительным. Он насторожился и начал незаметно следить за каждым взглядом и движением Гадишо. Но тот был спокоен и открыто смотрел Вардану в глаза.

Кто же был тот нахарар, имя которого не успело сорваться с уст сраженного убийцы? Почему было на нем платье рштунийца и обувь хорхорунца? А место, где произошло событие?.. Откуда начал он преследовать Вардана? Трудно было найти ответ на эти вопросы…

Гадишо провел Вардана в чудесный, весь залитый солнцем зал, откуда открывался вид на море. Зал был убран прекрасными звериными шкурами; на стене позади княжеского сидения висела шкура молодого тигра; над ней – чучело орла, распластавшего могучие крылья. По углам стояли похожие на жертвенники высокие бронзовые треножники с чашами, полными разноцветных морских камешков. На полках были расставлены фолианты в переплетах, тисненных золотом. Пол был устлан пестрыми коврами.

Гадишо усадил Вардана на подушку и справился о его здоровье.

– Редко показываешься в моем краю, Спарапет! – упрекнул он Вардана.

– Времени не хватает! – отозвался Вардан. – Дел много. Не всюду поспеваешь и всюду опаздываешь…

– Ив голову не могло мне прийти, что ты ко мне пожалуешь! – продолжал Гадишо.

«Отводит подозрение от себя!» – мелькнуло у Вардана в голове.

– Так неожиданно!.. Если бы я знал заранее, я пригласил бы всех нахараров, мы вместе встретили бы тебя, поехали бы поохотиться…

Вардан вздохнул:

– Эх, прошло время охоты! Тяжкие дни настали -надо держать отчет перед страной…

Гадишо опустил глаза и умолк.

– Собираешь свой полк? – спросил Вардан.

– Только-только приступил, Спарапет! – Да и не думаю я, чтоб война началась в этом году.

– Начнется или не начнется, а готовыми надо быть! – заметил Вардан.

– Успеем, Спарапет, не беспокойся!..

Вардан не знал, как разгадать тайну подосланного убийцы. Разговор не клеился. У обоих собеседников было неспокойно на душе. Вардан не мог уяснить самому себе облик Гадишо, проникнуть в его мысли. Чересчур был он спокоен, чересчур уверенно глядел он на Вардана долгим, свободным, упорным взглядом; трудно было уловить в этом взгляде хотя бы тень скрытой предательской мысли… А какая-то мысль была… Было очевидно, что Гадишо говорил одно, а думал явно другое. Но Гадишо всегда слыл человеком скрытным, замкнутым. Вардан знал это и не сделал ни малейшего намека на свое дорожное приключение. Но почему не заговаривает об этом сам Гадишо? Еще не знает? Или не хочет?.. Возможно, что весть еще не дошла… Весьма подозрительным было и невнимание Гадишо к ране на руке Вардана, тем более что кровь, пропитав перевязку, проступала сквозь нее. Много времени прошло прежде, чем он, наконец, спросил:

– Что это за кровь, Спарапет? Уж не сбросил ли тебя конь?

– Да, что-то в этом роде, – ответил Вардан и пристально взглянул на Гадишо. Последний, как будто начавший проявлять интерес к беседе (так, по крайней мере, показалось Вардану), вновь к ней охладел. Но и Вардан не продолжал начатого разговора: он хотел убедиться, насколько искренне Гадишо заинтересовался его раной. Он переменил разговор.

– Каково было настроение марзпана после нашего отъезда? Нашел ли он общий язык с персами? – спросил он.

– С персами-то легко, ты бы об армянах подумал! – возразил Гадишо.

– А что у него вышло с армянами? – равнодушно переспросил Вардан.

– Да армяне считают его чуть ли не изменником!..

Вардан почувствовал, что Гадишо раскидывает ему сети. И когда Гадишо начал осторожно порицать действия Васака, желая этим замаскировать свое сообщничество с ним, Вардан отпарировал его выпад: он и сам стал осуждать Васака, вместо того чтоб его защищать, надеясь этим усыпить бдительность Гадишо. Но проницательный князь Хорхоруии легко разгадал его маневр и согласился с его мнением. Все было понятно, – но не совсем. Однако взгляд Гадишо все-таки не отрывался от раны на руке Вардаеа, Один раз он спросил о ней и получил неопределенный ответ; спрашивать вторично было бы неосмотрительно.

Вардан чувствовал какую-то скованность в поведении Гадишо, но объяснить ее себе не мог. Он стал тщательнее следить за направлением взгляда Гадишо, за тем, как часто и насколько внимательно разглядывает тот его рану.

– Когда ты выехал из Огакана, Спарапет? – спросил Гадишо.

– Этой ночью.

– Значит, ты всю ночь провел в седле и устал, конечно?.. Позавтракай и приляг отдохнуть…

Гадишо закинул удочку, но успел замести следы…

– Ничего, ехали мы спокойно, – ответил Вардан.

– Ну конечно, спокойно! – согласился Гадишо. – Дорога ровная, коням легко. Хотя в темноте нетрудно и споткнуться… Гадишо ходил вокруг да около…

Вардан нанес ему скрытый удар:

– Все может случиться… если должно случиться…

– Ну да! – согласился Гадишо.

Но пора было перейти к делу. Вардан сообщил о цели своего приезда, напрямик заявив, что должен произвести смотр княжескому полку.

Скрывая свое недовольство, Гадишо приказал дворецкому:

– Передай от моего имени князю Хорену: пусть выведет отряд на берег моря!

Дворецкий исподлобья посмотрел на Гадишо, перехватил его многозначительный взгляд и неохотно вышел.

Когда Вардан и Гадишо выехали из замка, собравшийся на площади народ заволновался и бросился к Вардану.

Гадишо мрачно разглядывал толпу, которая восторженно приветствовала Спарапета.

Конница и пехота были скоро выстроены вдоль берега. К Вардану подъехал молодой князь Хорен Хорхоруни и благоговейно склонился к его руке. Вардан поцеловал его непокрытую голову; он давно знал молодого князя.

– В добром ли здравии князья Атом и Артак? – спросил юноша застенчиво, с любовью глядя на Вардана.

– Ждут тебя с отрядами! – весело ответил Вардан, уже забывая свое намерение во что бы то ни стало расследовать историю с покушением.

Спарапет не мог думать ни о чем другом, когда видел войско. Он подъехал к коннице. Скакуны беспокойно мотали головами, отгоняя мух. Тысячи юных, но суровых глаз были обращены к Вардану. Молодые воины с резко очерченными гордыми лицами казались орлами в человеческом облике, – только приказать, и они ринутся в свой орлиный полет!

Вардан осенил их крестом. Бойцы тоже перекрестились.

– В добром ли вы здоровье, молодцы? – спросил Вардан.

– В добром здоровье, Спарапет… – загремело в ответ.

Глядя на них ласковыми глазами, Вардан проехал перед строем и направился к пехоте. Опираясь на копья быстроногие, широкоплечие стрелки изредка показывали свои укрытые за щитами лица.

Вардан обратился к воинам с приветственным словом:

– Я знаю, братья, что среди вас нет ни одного труса! – начал он. – Закаляйте себя, берегите коней, проводите учения, – близится час испытания! Князь ваш государь Гадишо и ближайший ваш начальник князь Хорен с чистой совестью могут теперь смотреть в глаза народу нашему. Да придаст вам силы любовь к отчизне, дети мои. Будьте здоровы!

Вардан повернулся к Гадишо:

– Вид и вооружение надежны. Ну-ка! – предложил он Хорену.

Хорея громко скомандовал:

– Отряды, стройся!…

Отряды развернулись, построились и приступили к военным упражнениям.

Выставив щиты и подняв копья, медленно начиная свой бег, двинулась вперед пехота; затем, потрясая копьями в воздухе м постепенно ускоряя бег, она стремительным броском кинулась вверх по холму. Мелкими отрядами воины окружили холм со всех сюрон и, взяв в кольцо воображаемый отряд неприятеля, с победными кликами воткнули копья в вершину холма.

Вслед за пехотой выступила конница. Мгновенно сорвавшись, она пустилась вскачь по широкому побережью. Комьями летели песок и галька, земля дрожала от конского топота, и через мгновенье отряд чернел уже вдали, словно тень тучи, пронесшейся шад побережьем.

Затем начался бой конницы и пехоты. Отряды перемешалась, нападая, отбегая и сшибаясь с громкими кликами. Стук мечей о щиты, звон копий, ржание коней, оглушающий топот – все смешалось. Пыль поднялась к небу столбом.

Напрасно командовал Хорен: «Отбой!…» Его никто не слушал. Но вот знаменосцы взмахнули знаменами. Это подействовало. Схватка прекратилась, и воины, тяжело дыша, построились.

Разгоряченный, обливающийся потом, Хорен подъехал к Вардану. Тот повернулся к Гадишо и весело произнес:

– Молодцы у тебя в отрядах, князь!

– И молодец начальник! – улыбнулся Гадишо, глядя на Хорена.

Вид войска, красота боя, молодая отвага воинов заставили и Вардана и Гадишо на миг забыть глухую взаимную вражду. Освеженные и радостные, с улыбкой смотрели они на

отряды и друг на друга.

– Среди воинов есть и твои соратники по Марвироту! – сообщил Вардану Гадишо.

– Где они? – обрадовался Вардан. Хорен крикнул:

– Бойцы Марвирота, вперед!

Тотчас из рядов конницы и пехоты выступила довольно многочисленная группа воинов и выстроилась перед Варданом, приветствуя его радостно и почтительно.

– Ну как, в добром ли вы здоровье, молодцы? – спросил Вардан.

– Да пошлет тебе бог долгой жизни, Спарапет! – отозвался один из воинов. Остальные повторили это благопожелание.

– Ну, господь вам защитой! Будьте здоровы! Такими же молодцами хочу я вас видеть в предстоящих боях! Бойцы насторожились.

– Может, придется скоро и воевать! – объяснил Вардан. – За отчизну!..

– За отчизну?! – повторил один из воинов. – Часто приходилось нам кровь проливать, а уж за отчизну и жизнь отдадим!

– Будем достойны этого подвига! – отозвался Вардан и вдруг пристально вгляделся в воина:

– Погоди, не с тобой ли я встретился в бою при Марвироте?..

– Да, Спарапет, я сражался рядом с Мануком! – радостно подтвердил воин. – Когда он обрушил меч на голову кушана, другой кушан собрался пронзить его стрелой. Но тут-то я этого врага и прикончил! Тогда ты меня и приметил…

Вардан только сейчас припомнил этот случай. Правильно, так и было! Как он мог забыть!..

– Ничего, когда-нибутъ заплачу свой долг! – пошутил он.

– У тебя один долг перед нами, Спарапет! – воскликнул воин. – Это – себя беречь, чтоб нами командовать…

– Аминь, аминь! – произнес Хорен, который внимал этой дружеской беседе старых соратников, сияя от радости.

– Ну, будьте здоровы, дети мои! – сказал Вардан. Он взглянул на Гадишо, но тот был хмур.

– Отряд у тебя в полной боевой готовности, – отметил Вардан. – Дай бог, чтоб и у других было такое войско!

Гадишо молчал. Его обеспокоил горячий прием, оказанный Спарапету его собственными воинами. Он почувствовал, что на пути приверженцев Васака горой встают народные массы, и задумался над тем, как прибрать к рукам хотя бы свои отряды. Сильно не нравился ему и восторг Хорена. Брат мог оказаться большой помехой ему в дальнейшем, если бы возник вопрос о формировании государственного войска…

Они проехали по берегу.

– Каково у вас настроение народа? – спросил Вардан. – Не было ли изменников?

– Нет – глухо ответил Гадишо.

– Изменники накличут когда-нибудь беду на нашу голову! – проговорил Вардан. – Вот только победим, и надо будет окончательно рассчитаться с ними!

– А если мы будем побеждены? Возможно, что именно изменники спасут нас! – съязвил Гадишо.

– Если будем побеждать – все равно, кто будет нас преследовать, изменники или персы: и те и другие – нам враги.

Мысль о подосланном убийце вновь овладела Варданом. Дело было не в опасности, которой он подвергался, не в полученной ране, – Вардан был старым воином. Его интересовал вопрос о том, кто же был тот нахарар, который подослал к нему убийцу, да еще в такой критический час…

И, должно быть, пахарар этот не один. Нити заговора должны были тянуться издалека, быть может, из Арташата или из Тизбона…

Поведение Гадишо, его мрачный вид, его многозначительные я двусмысленные

взгляды – все заставляло Вардана думать, что убийцу подослал именно он!..

Вардан был в этом почти уверен. Но когда он сообщил о своем намерении немедленно выехать в родовую область князей Арцруни, Гадишо возразил:

– Не выезжай ночью, опасно!

– Почему?

– Разбойники появились. Один постоянно бродит между моими и твоими владениями. Давно я выслеживаю его, да все не удается выловить.

Это сбило Вардана с толку.

Следовательно, покушавшийся мог оказаться и простым разбойником? Что ж, возможно!.. Но зачем должен был нахарар подсылать разбойника?.. Что за корысть была разбойнику заявлять, что его послал нахарар? Ведь это не спасло бы его от смерти.

Все, все убеждало, что убийца пришел именно отсюда!

На нем была рштунийская одежда. Но кто же мог послать его из Рштуника? Ведь нахарар Артак Рштуни был все время с Варданом…

В замок вернулись к обеду. Обед был пышный. Гадишо был достаточно умей, чтоб безупречно выполнить долг гостеприимства.

Беседовали о государстве арийцев.

– Трудное дело берем мы на себя, Спарапет, – сказал Гадишо. – Все может случиться!…

– Все может случиться! – согласился Вардан. – Но войну начинаем не мы, а Азкерт. Кто же виноват? Однако начнет войну он, а закончим ее – мы!

– Дай бог! – сказал Гадишо, позевывая.

После обеда легли отдохнуть.

Арцви неотступно следовал за Варданом. Он не отходил даже от двери зала, не обращая внимания на сердитые взгляды телохранителя Гадишо, возмущенного таким недоверием.

Под вечер, когда сумерки уже накинули на землю свое пепельное покрывало, Вардан выразил желание выехать. Гадишо вновь предостерег его против ночной поездки.

– Если бояться разбойников, то из замка выходить нельзя! – возразил Вардан. – Хорошими были бы мы воинами!…

– Долг гостеприимства – предупредить гостя, – сказал Гадишо.

Вошла почтенного вида старая женщина с умными большими глазами, удивительно похожими на глаза Гадишо. Она перекрестила Вардана и протянула ему для поцелуя свою полную белую руку.

– Живи долго, сын мой! – благословила старуха, усаживаясь на подушку и дружелюбно улыбаясь Вардану.

– В добром ли здравии, княгиня? – приветливо спросил Вардан. Он давно был знаком с матерью Гадишо и уважал ее.

– Слава всевышнему, сын мой! Лишь бы тебя нам бог сохранил, а мы живы и здоровы. Как себя чувствует Старшая госпожа?

– Хворает в последнее время.

– Что же это с ней?

– Слухи об отречении встревожили ее. И вот… лихорадка.

– Все мы сейчас встревожены, Спарапет, – сказала старая княгиня. – Что ожидает нас? Наступает страшный день, судный день. Оба моих сына, и Гадишо и Хорен, пойдут в бой…

– Все мы пойдем в бой, мать-княгиня, никто дома не останется! Это война народная. Я уже вызвал из Греции своего Зохрака.

– Да, слышала я об этом. Но вот Гадишо против войны. Они с Хореном иногда спорят до рассвета. Гадишо очень умен, но Хорена он убедить не может. Хорен хочет, чтоб война была.

– Она и будет! – засмеялся Вардан.

– Но родителям-то каково? Кто спросит материнское сердце? Вардан взглянул на

княгиню:

– А ты согласна, чтоб у тебя в доме поставили атрушан и заставили тебя поклоняться огню?

– Пусть меня господь помилует, меня и мой дом! – в испуге вымолвила старая княгиня. – Пусть я лучше увижу страшный суд, чем это!..

Гадишо внимал этой беседе, все более мрачнея. Значит, дух Вардана проник и в его семью! Этот человек повсюду! Повсюду! Где же приверженцы Васака?!

Гадишо выразил желание сопровождать Вардана, собравшегося посетить князя Рштуни. Присоединился к ним и Хорен. На улицах и на плоских крышах было полно народа.

– Едет, едет! – слышалось со всех сторон. Народ хлынул к Вардану: в нем видели сказочного героя. Слышались слова благословения, добрые пожелания, вздохи; люди осеняли своего Спарапета крестным знамением…

В замке Огакан вокруг Мелкона собралась группа молодежи. Мелкон рассказывал о подвигах Спарапета.

– Дело было в Нюшапухе, – говорил он. – Во дворце собрались персидские вельможи. Говорили о битее у Марвирота, стали хвалить армянскую конницу Спарапета.,. Один из вельмож, – это был Нуширван, который армян ненавидит, – возьми да и скажи: «Мы Вардана за то любим, что он на армянина не похож». Только он это вымолвил, как получил от Спарапета такую оплеуху, что искры из глаз посыпались… Все заволновались. Нуширван кричит: «Сейчас же расскажу Азкерту!» А Спарапет ему: «Для того я и дал тебе, чтоб ты пожаловался Азкерту. Пусть он знает и пусть все знают, что армянин всегда похож на армянина, а не на кого-либо другого!»

– Душу отдам за Спарапета! – воскликнул один из сепухов. В это время кто-то сильно постучал в ворси а.

– Откройте Гонец!..

Ворота протяжно заскрипели, по камням зацокали копыта. Кто-то громко приказал:

– Разбудите Спарапета! Скорей!.. Высунул голову Ваан Аматуни.

– Что тут такое? Чего вы шумите?

Гонец подал ему свиток. Азарапет рассерженно спросил:

– Что это такое?

– Марзпан послал Азкерт приказывает всем нахарарам немедленно явиться в Персию к его двору, па суд. Вот копия указа.

– Ага, вот оно что?! -задумчиво произнес азарапет. – Он обратился к гонцу:- Но Спарапета нет. Он уехал.

– Марзпан велел спешить. Он говорит, что иначе персидское войско двинется на Ардоению.

– Где был католикос, когда пришел указ? – спросил азарапет.

– В Эчмиадзине.

– Знает он об указе?

– Нет.

– Почему?

– Марзпан сказал, что к католикосу указ не относится, это дело государственное.

– Хорошо! – сказал Аматуни и обратился к сепухам:- Немедленно пошлите гонца за Спарапетом в Хорхоруник!

Когда гонец покинул замок и вдали замер топот его коня, азарапет, приблизив свиток к лампаде, стал читать его.

– Вот оно как! – сказал он со вздохом.

Грамота Азкерта о вызове князей поразила Армению, как удар грома. От нее веяло зловещей угрозой.

В грамоте поименно перечислялись вызываемые к персидскому двору: марзпан Армении и нахарары Арцруни, Хорхоруни, Мамиконян, Мокский, Рштуни, Вахевуни, Андзеваци и бывший азарапет Армении – Ваан Аматуни. Тем самым Азкерт выдавал свое

намерение покончить с верхушкой нахарарства.

Чего еще можно было ожидать? Азкерт мог бросить князей в заточение, казнить их и наводнить войсками Армению. Он мог прчнудить нахараров к вероотступничеству… Выдержат ли они? Устоят ли против пыток?..

Более всех тревожился католикос, считавший себя ответственным за дело веры перед богом. Он боялся, что нахарары могут отречься и церковь останется без защиты.

Он немедленно пригласил марзпана и всех нахараров, принявших обет подвижничества во имя защиты родины, собраться в Зчмиадзине, чтоб всем вместе выработать ответ Азкерту.

От встречи с нахарарами в Арташате католикос воздержался, так как там под влиянием Васака и его сторонников могли возникнуть разногласия. Эчмиадзин был более свободен от посторонних влияний.

Из тех же соображений предпочитали собраться в Эчмиадзине и сторонники Спарапета. Сочли за лучшее не протестовать против этого решения и сторонники Васака. Они даже старались явиться в Эчмиадзин первыми, боясь, как бы не были приняты без них какие-нибудь слишком серьезные решелия, а главное – остерегаясь навлечь на себя подозрения в несогласии с большинством.

Кроме приглашенных, прибыло множество могахов. Их возглавляли отец Григориос и старый монах.

Едва успела осесть поднятая ими пыль, как жители, окружив кузнеца Овакима и деда Абраама, стали с жадным любопытством расспрашивать их о происходящих событиях. На площади под городскими стенами, которая была обычным местом народны собраний, монахи смешались с крестьянами, окружавшими Аракэла. Сидя на большом плоском камне, Аракэл думал о чем-то, положив ладони на рукоятку большого меча. Рядом с ним, на траве, расположились Саак, Езрас и Зарэ.

Плотной стеной стояли взволнованные и встревоженные люди и настороженно ждали их стова. Аракэл, кузнец Озаким, дед Абраам, Езрас, Саак, точно так же как Вараж, Маркоси Горнак-Симавон, уже стали руководящим центром народного движения. И главным вожаком был Аракэл. Трагические события, оторвавшие его от семьи и родного села, его положение беглеца и обет воина родины укрепляли его самого в этом сознании. Аракэл чвствовал, что мирной и защищенной законами жизни для него не будет, пока не изменится положение во всей стране, что его самого ожидают бури и опасности. Это безнадежное и вместе с тем полное неясной надежды будущее давало ему силы и воодушевляло его. Народ чувствовал это и верил ему Съезд нахараров и духовенства в Эчмиадзнне, куда народ не был приглашен, казался бы вполне естественным в обычное время. Но в час грозного бедствия, в час, когда решалась судьба страны, намерение выносить решения без участия народа вызывало тревогу. Что они там решат? Что предпримут?.. Останутся ли верны тому обету, который дали в Арташагском храме, когда писали ответ Азкерту?.. Ведь среди них есть и такие сторонники покорности, как нахарары Вахевуни, Хорхоруни и другие, не говоря уже о марзпане. Правда, все нахарары поклялись оставаться верными отчизне и защищать ее. Но выполнят ли они это обещание?

Из толпы послышались голоса:

– Решать будут князья и монахи?.. А мы и знать не должны, что это будет за решение?

– Нас не спрашивают…

– То есть как это не спрашивают? Ведь страна-то наша?!

– Не станут нас спрашивать.

– А сражаться-то кто будет?

– Как кто? Войско.

– А войско – разве это не мы?

– Их власть – их воля.

– Тогда уж давай прямо в воду!

Из тесно стоявших рядов высунулась голова, и гневный голос крикнул:

– Зачем в воду? Не знаем мы разве, что нам делать?

– А что? И нам в Эчмиадзин идти?

– Ну да, в Эчмиадзин!

– В Эчмиадзин, чтобы слушать обедню и воевать за веру?

– Зачем тебе воевать за веру? Ты за себя воюй! Враг-то у нас общий.

– Не забывайте, братья, что дело идет о родине, о стране нашей! Все мы – воины родины!

– Верно! – подхватили со всех сторон.

– Верно-то верно, а что же нам делать?

– Что? Пойти вместе с ними, сказать, что нужно бороться! Разве ответ, который послали царю персов, не война? Война и кровь! Значит, придется воевать.

– А кто говорит, что не придется?.. Аракэл пристально взглянул на говоривших.

– Погодите! – сказал он. – Значит, власть у них в руках и они пошли решать свои дела. Нас ни о чем не спрашивают. Может, и спросят, когда очень уж тую придется Чго ж, подождем! А пока должны решить и мы, что нам делан, – мы, простой народ, который хочет встать на защиту своей родины! Помните, одним нам сделать это будет трудно. Однако мы должны ясно понимать вот что: подымутся они вместе с нами – хорошо; не подымутся, не замутят сражаться – мы все раьпо сражаться будем!

А теперь пойдем посмотрим, что они намерены делать. Постараемся, чтобы они делали то, что только мы можем их заставить делать!

– Правильно! – послышалось опять со всех сторон.

– Идем!..

На эчмиадзинской дороге показались бегущие люди. Когда они приблизились, стало видно, что это крестьяне. Их лица говорили, что произошло или должно произойти что-то необыкновенное.

– Где можно найти людей из Арташата, которые дали обет? – спрашивали они. – Знайте, нахарары решили подчиниться Азкерту. Они едут в Тизбон!

Когда Васаку донесли, что нахарары и духовенство собрались в Эчмиадзине, он решил, что настал час выехать туда и ему. Его сопровождал Гадишо, который в последнее время почти не выходил из его дворца.

Долина Айрарата была напоена душистым дыханием полей и садов. Раскаленное солнце обжигало глиняные ограды виноградников. Дорога, по которой ехали Васак и Гадишо, вилась среди зарослей камыша.

С юга двигался караван. Верблюд-вожак надменно глятл в сторону Васака и с пренебрежением проплыл мимо. Хозяин каравана и погонщики пали ниц, когда Васак и Гадишо поровнялись с ними.

Васак придержал коня и знаком подозвал к себе хозяйка каравана – смуглого коренастого человека с заметно пробивающейся сединой. Тот подбежал и со сложенными на груди рукамч остановился у обочины дороги.

– Откуда? – спросил Васак.

– Из Тизбона, государь марзпан… – ответил караванщик – По дороге войско встретил?

– Встретил, государь. Оно шло в Нюшапух.

– Много? – равнодушно спросил Васак.

– Тысяч сорок-пятьдесят. Прошел слух, что Азкерт собирается на кушанов…

– А сам он где?

– Еще в Тизбоне.

– Ступай! – сухо и неприязненно бросил Васак. Гадишо последовал за ним.

– В Нюшапух направляется!.. А мои лазутчики спят! -пробормотал Васак. – Не свернул бы вдруг сюда…

– Вряд ли! – спокойно отозвался Гадишо.

– Ведь он коварен, как змей…

– Но и мудр!.. – пояснил Гадишо. – Если б он желал добиться своего силой оружия – не начал бы с посылки указа. В ожидании нашего ответа он пока будет действовать мирными

способами…

Васака и раньше изумляли хладнокровие и рассудительность Гэдишо. Он чувствовал невольное почтение к этому человеку, никогда не терявшему самообладания.

Издали донесся постепенно усиливавшийся перезвон колоколов. Васак натянул поводья.

– Эчмиадзин?

– Эчмиадзин! – подтвердил Гадишо.

– Там таронец… нет сомнения! Прибыл раньше нас и уже начал действовать!..

– Как видно…

Васак со злобой и отчаянием взглянул на Гадишо:

– Что же это? Он хочет весь народ поднять на ноги? Да я вызову из Зареванда персидские войска!

– Вот теперь ты дело говоришь! – отозвался Гадишо.

– Едем в Эчмиадзин! Я запрещу ему мутить страну! Я изгоню оттуда этого сумасшедшего Гевонда…

Но едва они подъехали к Эчмиадзину, как справа на дорогу хлынула многолюдная процессия, возглавляемая иереем Гевондом. То были жители Айраратской равнины, направлявшиеся в Эчмиадзин. Казалось, море выступило из берегов и нет никакой силы, которая могла би преградить ему путь. Оно бурлило и рокотало, грозя все смести и уничтожить.

Внезапно появилось еще большее скопление народа, возглавляемое Варданоы и нахарарами. Обе процессии слились воедино. Вардана Мамиконяна и пахараров несло течением навстречу Васаку. Вардан не сводил с марзпана сурового взгляда.

Сотник Врам придвинулся к Васаку, Гадишо поднял руку, как бы призывая толпу к спокойствию. Страх охватил Васака.

Князья въехали в Зчмиадзин и вошли в храм. Под его мрачными сводами было полно духовенства: многие прибыли издалека, по собственному почину все были встревожены.

Католикос обратился к князьям:

– Подчиняетесь ли вы? Поедете ли вы в Персию? Воцарилось тягостное молчание.

– Государь марзпан, отвечай! Подчиняешься ли ты вызову?

– Я – марзпан и подданный царя царей. Какое иное решение могу я принять – А ты, государь Арцруни, старейший из нахараров армянских? Подчиняешься ли ты вызову?

– Нет иного выхода, святейший отец! Возможно, что это к добру…

– Не к добру! – повысил голос католикос. – Не к добру! Венец мученичества вы можете принять и здесь!

– Венец мученичества ждет нас и там, владыка! – возразил Нершапух. – Неужели ты сомневаешься?

Католикос с тревогой оглядел остальных йахараров.

– Обращаюсь и к вам, танутэры и князья! Что предпочтительное- ехать или не ехать? Нужно ли ехать?.. Государь Мамиконян, дай ответ перед богом и народом!

– Надо ехать, святейший отец, – ответил Вардан. – Ехать необходимо, владыка, – повторил он. – Быть может, там, на месте, нам удастся предотвратить беду. Необходимо выиграть время!

– А если испытания породят смятение в ваших сердцах?.. Если кто-либо из вас ослабнет духом?!

– Слабые духом падут от нашей руки, прежде чем успеют примкнуть к врагам! – с непоколебимым спокойствием произнее Вардан.

Присутствующие со страхом взглянули на него.

Католикос высоко поднял евангелие и воскликнул:

– Поклянитесь на этом евангелии, что останетесь верны богу и народу своему! Государь марзпан, государь Арцруни, государь Мамиконян!..

Васак, Нершапух и Вардан подошли один за другим и, положив руку на евангелие, по

очереди произнесли:

– Клянусь!..

После них присягнули и остальные нахарары.

Воцарилось торжественное молчание, какое наступает после принятия больших решений. Внезапно послышался нарастающий гул толпы, собравшейся под стенами храма.

– Люди добрые, они ехать согласились!.. – раздался чей-то полный злобы и тревоги возглас у самых дверей.

– Едут?

Толпа стала ломиться в храм.

– Эй, вы там! Потише! – крикнул один из сепухов, стоявших у входа.

Толпа на миг притихла.

– Князья и танутэры земли армянской! – возгласил католикос. – Натуре человеческой свойственно поддаваться соблазну, сатанинскому наваждению и впадать в малодушие… Помните же – на вас уповает народ армянский! Останьтесь верны вашей родине и святой вере! Да будет вам опорой народ армянский! Идите! Да будет с вами мир!..

– Оставайтесь с миром!.. – отвечали нахарары и, приложившись к руке католикоса, двинулись к выходу. Едва они показались, как народ хлынул им навстречу. Площадь огласилась гулом тысячи голосов. Напрасно пытались телохранители проложить нахарарам дорогу – толпа не расступалась.

После событий у Арташатского храма это было уже вторым проявлением дерзости и неповиновения. Васак потемнел от бешенства и взглянул на Гадишо. Но тот, скризая яросто, хранил молчание. Васак еще обдумывал, что предпринять, когда раздался окрик.

– Братья, преградите им дорогу! Не давайте им уезжать!..

– Разойдись! Разойдись! – кричали конные телохранители, размахивая плетьми и напирая на народ. Но толпа не поддавалась. Она оттеснила телохранителей и вплотную окружила нахараров.

Васак и некоторые другие хотели было приказать телохранителям разогнать народ силой. Но вмешался Вардан.

– Не трогать! – строго приказал он, выступая вкеред. Толпа затаила дыхание.

– Что вас смущает, братья? – спросил Вардан. Он и сам был недоволен столь необычным к дерзким поведением просто людина, но сдерживал себя.

Расталкивая ряды, вперед прошел Аракэл.

– Куда это вы едете?.. – с мрачным укором спросил он.

Все остолбенели: дерзость крестьянина переходила всякие границы. Его, конечно, ожидает суровая кара…

Но Аракэл, как бы опьяненный собственной смелостью, подошел к Вардану вплотную.

– Куда это вы едете? – настойчиво и резко повторил он и, заметив разъяренное лицо едва сдерживавшего себя Васака, пренебрежительно бросил ему:

– Мы на свою жизнь рукой махнули, государь! Нас смертью не запугаешь!..

Он еще раз грубо крикнул Вардану:

– Хотите ехать к тирану? А страну на кого оставляете?

– Народ армянский поклялся защищать страну! – торжественно ответил Вардан.

– Все мы поклялись, Спарапет! – не отступал Аракэл. – Но не предадут ли нас?

– Кто бы ни предавал, народ сам себя не предаст! – ответил Вардан. – Ваша воля – в ваших руках. Действуйте, как найдете нужным…

– Не уезжайте! – повторил Аракэл. – Мы умрем, а страны не отдадим! Поднимите народ – все пойдем!

– Все пойдем! Не уезжайте!.. – послышались бесчисленные голоса.

Вардан поднял руку, требуя, чтоб его выслушали.

– Откиньте подозрения и сомнения!.. – решительно сказал он. – Мы поклялись и сейчас клянемся перед вами, что не отдадим родину насильнику!

– Спасением души клянитесь перед народом, князья! – воскликнул дед Абраам.

– Клянитесь! – подхватили со всех сторон.

– Клянусь перед народом армянским, – перекрестился Вардан, – и свидетельствую, что клятву принесли все князья!

Васак дрожал от бешенства. Как бы ему хотелось перебить все это осмелевшее простонародье! Но он испытывал странное ощущение бессилия: его пугало грозное воодушевление толпы. Он видел, что и остальные нахарары переживают то же самое, и взял себя в руки.

– Оставайтесь с миром! – закончил Вардан, ласково и грустно взглянув на Аракэла и на толпу. – Страну мы оставляем на попечении войска армянского и давших обет подвижников! – повторил он.

– К вам взываем, князья! Не предавайте родину! – поднял голос дед Абраам.

– Спарапет, если уж так решили – уезжайте! А мы умрем, но родину не отдадим! – крикнул Аракэл.

– Не отдадим!.. Не отдадим!.. – гремела толпа.

– Заверяю вас и клянусь вновь перед вами и отчизной: не отречемся мы от страны нашей! А если отречемся – пусть и родина отречется от нас! Оставайтесь с миром…

– Иди с миром!.. Доброго пути! Да будет вам удача во всем! – напутствовала их толпа.

– Направь их на стезю праведников, господь всемилостивый! – возгласил иерей Гевонд. – Высоко подняв крест, он присоединился к шествию нахараров.

Оглушительно гудели колокола.

В толпе замелькали шлемы – это воины пробивались к Вардану: они надели шлемы в знак боевой готовности.

Вардан остановил коня и громко обратился к ним:

– Дети мои, не оставьте народ без защиты! Может случиться, что мы и не вернемся. На вас оставляем мы народ армянский!

– Будь спокоен, Спарапет! – воскликнул один из воинов. – Крови своей не пожалеем, народ не оставим!

– Держитесь там крепко, а мы будем здесь держаться! – подхватили воины.

– Да светит вам солнце ясно! Оставайтесь с миром! – махнул рукой Вардан.

Воины проталкивались к нему, наперебой целуя ему руку. Послышались рыдания: то плакали женщины в толпе.

– Сердца свои закалите, князья! – в последний раз крикнул нахарарам дед Абраам. – Умрите, но не отрекайтесь. Если отречетесь, домой не приходите!

Эти слова старика глубоко укололи сердце Вардана. Он вздрогнул и взглянул на воинов, на толпу.

– Будьте защитой родине!

– Смерть изменникам родины! – кричал народ на всем пути следования нахараров.

Нахарары выехали за городские ворота, направляясь в Арташат, чтоб оттуда следовать в Персию. Народ провожал их до самой столицы.

Нахарары, невольно ставшие свидетелями беспримерной близости Вардана с народом, с тревогой думали о том, как события последних дней изменили их собственные взаимоотношения с народом. Народ поднял голову, он сломал стену, которая всегда стояла между князем и крестьянином. Но одновременно нахарары почувствовали и то, что сейчас, в эти трудные дни, не время разубираться в этих новых взаимоотношениях. А сторонники Вардана находили, что все происходящее именно теперь и должно происходить.

Бесконечно раздражены были и сторонники Васака. Они со злобой смотрели на народ. Но и народ быстро это почувствовал: в нем проснулся дух сопротивления, на сторонников Васака начали глядеть косо.

Зловещие складки на лбу у Васака, его плохо скрываемое желание разогнать народное шествие заметил и Гевонд. Пальцами, похожими на орлиные когти, он схватил под уздцы скакуна Васака и крикнул, весь дрожа:

– Не мешай народу, государь! Отныне мы не боимся ни князей, ни царей! Отныне

судьей нам – лишь совесть наша!

Толпа расслышала эти слова и стала напирать. Сотник Врам размахивал плетью, стараясь оттеснить народ, вплотную окруживший Васака, но это ему не удавалось. Из дальних рядов слышались выкрики людей, воодушевленных присутствием Васака:

– Марзпан с нами! Он записался в воины родины!

А Гевонд продолжал трясти узду его коня. Несмотря на все усилия Васака отстранить Гевонда и успокоить храпевшего коня, иерей продолжал выкрикивать:

– Будь подвижником! Встань во главе народа в войне за отчизну – Государь марзпан, свыше сил наших отвергать волю народа Не препятствуй! -воскликнул Вардан.

Над площадью стоял непрерывный, сплошной гул, подобный гулу водопада Горе тому, кого толпа хотя бы на миг заподозрила в враждебности. Васак рванул узду, чтоб высвободить ее из рук Гевонда, но тщетны были его усилия: коня стиснула толпа. Кснь храпел, взвивался на дыбы, отдавливал людям ноги. Но, охваченные воодушевлением, они ничего не чувствовали.

Вардан движением руки подал знак свернуть на улицу, идущую в направлении Масиса.

– Вперед! Вперед! – прокатилось по толпе.

Течение подхватило всех, в том числе и Васака, коня которого не выпускал вцепившийся в узду мертвой хваткой Гевонд. Но Васак уже не сопротивлялся: страх, прокравшийся к нему в сердце, на время вытеснил ярость. Васак понял, что сейчас его жизнь в опасности, и весь съежился, как затравленный волк. Стыдясь за свое беспримерное унижение, он избегал смотреть на Гадишо. Иногда до него доносилось рычание Врама, иногда, урывками, ухо улавливало и голос Гадишо: нахарар переговаривался с сотником как с равным. Это произвело еще более угнетающее впечатление на Васака, и страх еще глубже проник в его сердце: лишь в пору грозной опасности забывается различие в званиях…

– Глубже садись в седло, князь! – предупреждал Врам Гадишо.

– Мой конь бесится! Отодвиньтесь!.. – обратился Гадишо к толпе, прижавшей его ноги к бокам скакуна – Не разговаривай, государь!.. – предостерег Врам.

Гадишо взглянул на побледневшее лицо Врама и понял, что они подвергаются даже большей опасности, чем он полагал. С трудом протискиваясь сквозь городские ворота, шествие медленно выплывало в поле. Глиняная ограда раздалась, ворота рухнули, вырванные из пазов. Стража отбежала в сторону. Начальник городской стражи бранился, но течением унесло и его.

Вардан подал знак остановиться.

– Освободи государя марзпана! – приказал он Гевонду. Но Гевонд не выпускал поводьев из рук.

– Освободи, говорю тебе! – повысил голос Вардан.

– Государь Мамиконян! – выкрикнул иерей. – Если марзпян верен своей клятве, он должен пойти с нами!..

– Государь марзпан верен клятве! – ответил Вардан. – Освободи его!

– Пусть его господь освободит! – сказал Гевонд, разжимая руку. – Вот я отпускаю его… Иди с миром!

– Ну, в путь, государь марзпан! И ты, князь!.. – обратился Вардан к Гадишо.

– Пребывайте с миром!.. – с деланым спокойствием откликнулся Васак и повернул коня в сторону Арташата.

Толпа раздалась, чтобы пропустить его. Все существо Васака было полно отвращения, смешанного со страхом, к этой пропахшей потом, тяжело дышавшей, разгоряченной людской массе. Он торопился вырваться, словно из тюрьмы.

– Слава богу! – пробормотал Врам.

Проехав немного, они оглянулись. Толпа черной тучей ползла к Араксу, чтобы разлиться еще шире.

– Мы были на волосок от гибели. – промолвил Гадишо. Васак все еще избегал смотреть на него. Сгыд, ярость, чувство унижения и горечь бессилия душили его. Он не решался

заговорить. Ведь если и следовало ему говорить, то с достоинством грозного властелина, вслед за гневным словом которого должна была бы литься кровь… Только такие слова должен был бы слышать из его уст нахарар, который примкнул к нему как сторонник и видел в нем вождя. А вождь этот пал, стиснутый народом, остановленный каким-то юродивым монахом… Сейчас лишь одно могло еще вернуть ему вес, поднять его достоинство, – но не сопротивление обезумевшей толпе мятежников, не плети Врама, не копыта скакунов и даже не осторожные, изощренные хитросплетения политики: отныне ему были необходимы сила, оружие, виселицы. Нужно было пролить разгоряченную кровь, нужно было ее выпустить из пылающих сердец!

– Кровь! И только кровь! – забывшись, вслух заключил Васак.

– Не сокрушайся, государь! – попытался утешить его Гадишо. – Это – как весенний поток: сперва он беснуется, а потом высыхает и мелеет на дне оврага… Так бывает и с властью в государстве…

Рассуждения Гадишо уже безмерно раздражали Васака. Он обернулся и взглянул на нахарара горящими волчьими глазами.

– В государстве? С властью? Здесь нет власти! Вот когда мы возьмем власть в руки, тогда мы поговорим о ней!

Гадишо хлестнул коня, чтоб поровняться с Васаком, чей конь уже несся вскачь. Васак, отдавший поводья, полоснул Гадишо сверкающим взглядом, подобным взмаху меча. С его искривленных уст срывались невнятные восклицания. Бешеной скачкой он пытался развеять мысли, которые его переполняли. Они были опасны, и Васак гнал их от себя. Но когда перед ним вдруг опять возникли недавние события, он забылся и громко воскликнул:

– Я! Я – тот человек..

Это был его ответ на слова Гадишо, однажды сказавшего, что нет человека, способного восстановить сильную государственную власть в Армении…

Когда кони пристали, Васак приказал Враму следовать за ними на расстоянии и обратился к Гадишо:

– Государь Хорхоруни! Спрашиваю тебя перед богом и совестью твоей: согласен ли ты, чтоб мы вместе возглавили власть в нашей стране?

– Согласен, государь марзпан! – торжественно ответил Гадишо.

– Клянись!

– Клянусь перед богом и своей совестью!..

– Но нам придется заставить всю страну отречься от веры. Понятно?..

– Понятно, государь марзпан.

– Будешь помогать мне?

– Буду.

– Мы в союзе?

– В союзе!

Гадишо воспрянул духом:

– Государь марзпан, я все видел! Я видел безвластие!.. Я – человек действия. Или мы – нахарары, а они – наш народ, или мы – мусор, и место наше на свалке! Довольно! Слишком долго терпели мы этого полоумного таронца!

– Вот! Именно это говорю и я, – полоумный таронец! Надо стереть его с лица земли! Его и приспешников… Ну, в последний раз: готов ты отречься? – вдруг круто повернул Васак.

– Отречься?

– Притворно, конечно! – тотчас же поправился Васак.

– Готов, ибо не верю ни во что.

– Ну, тогда за дело! Создадим сильную сатрапию в составе персидского государства… А затем увидим. Это потребует немало времени, друг Гадишо! Много воды утечет… Быть может, и несколько лет…

– Увидим!..

Накануне дня, назначенного для выезда в Персию, Вардая вызвал к себе на тайное совещание нахараров, давших обет. Приглашены были Нершапух Арцруни, Артак Мокац, Атом Гнуни, Ваан Аматуни, Шмавон Андзеваци, Аршавир Аршаруни и брат Вардана. Вардан объяснил, как велика опасность: всем именитым нахарарам приказано предстать перед персидским двором и царским судилищем, то есть вдали от родины отдать себя на полный произвол необузданного тирана…

– Положение крайне тревожное, – сказал Вардан. – Приспешники марзпана могут предать нас и сорвать наше дело, тогда как дружное общее сопротивление помешало бы Азкерту прибегнуть к крайним мерам, и тогда для нас открылся бы выход.

– Государь Мамиконян, не лучше ли было бы нам остаться здесь и отказаться ехать на суд? – спросил Аршавир Аршаруни. – Ведь все равно мы и на суде не пойдем на вероотступничество…

– На суде мы будем бороться, мы будем защищаться. Быть может, нам все-таки удастся образумить безумного Азкерта.

Эти доводы не убедили нахараров. Вардан почувствовал это. После недолгого молчания он заговорил яснее и решительнее:

– Не подчиниться вызову, не явиться – значило бы дать повод немедленно двинуть в Армению персидские войска. А выставить наши пока еще не организованные народные массы против прекрасно обученных персидских войск – значите бы дать врагу возможность разбить нас наголову. Не отрицаю: являясь на суд к Азкерту, мы подвергаем себя смертельней опасности… Но возможно, что дело ограничится тюремным заключением… А может случиться – хотя это и очень гадательно, – что найдется путь и к примирению… Одно несомненно: наша поездка поможет выиграть время, необходимое для того, чтоб собрать все наши войска и подготовить народ к восстанию! Тянуть, выгадывать время – вот единственное разумное решение, вот способ накопить силы! Оттягивать дело персов, торопиться с нашим делом… и с завтрашнего же дня! Действовать так, как если бы сражение ожидалось на следующий день… Вот, государи нахарары, моя мысль!

Вардан говорил, внимательно следя за нахарарами. Молчание выдавало их глубокое волнение и сомнения. Испытывал сомнения и Вардан, но он себя сдерживал, не желая омрачать настроение доверившихся ему нахараров. Он был похож на проводника, который ведет путников сквозь густой туман, сознавая, что гибель почти неизбежна, но все же настойчиво ищет пути спасения, ни на минуту не позволяя себе поддаться отчаянию.

Вардан вновь окинул нахараров испытующим взором и поставил вопрос ребром:

– Но, может быть, кто-нибудь хотел бы уступить Азкерту?

– Никто! Нет и не может быть такого! – с нотой оскорбления в голосе одновременно откликнулись Артак и Атом. Слово взял Нершапух:

– Государь Мамиконян, ведь и мы патриоты… мы также на уступки Азкерту не пойдем. Нас удручают лишь грозные размеры грядущих испытаний. Очень уж малы наши силы!..

– Да, очень малы… Но как бы там ни было, а принять войну нам придется.

– Придется!.. – подтвердил Нершапух. Вардан перешел к заключительному слову:

– Нас могут предать гибели. Будьте к этому готовы! Свыкнитесь с этой мыслью так, как если бы это должно было случиться неминуемо. А тем, кто остается, мы наказываем: безотлагательно собирайте государственное войско, соедините воедино все нахарарские полки. Государь Гнуни, тебе предстоит возглавить это дело. На князя Амазаспа возлагаю обеспечение вооружением и боевыми припасами. Князь Аршаруни, следи, чтоб не нарушалось единство среди нахараров. Ну, вот и все, государи мои. Сдержите клятву?

– Сдержим!

– Бог вам в помощь! С завтрашнего же дня к делу! На князей будто снизошло успокоение.

– Еще одно последнее слово – сказал Вардан. – Не забывайте простого народа, вовлеките его в общее дело! Мой строжайший наказ: не позволяйте раньше времени

неорганизованно вывести народ на бой… Облегчите его судьбу. Помните: простой народ – наша главная надежда!..

– Да, видно уж так… – вздохнул Аршавир Аршаруни.

В замке Васака жизнь текла по-будничному, как обычно протекала на протяжении многих лет. Никакие события не нарушали- по крайней мере внешне – ее однообразия. Только Бабик с Нерсиком иногда, возвращаясь с охоты, развлекали княгиню Парандзем новостями из жизни лесов и горных ущелий.

Однако под покровом этого спокойствия скрывалось тайное волнение: то и дело мелькали какие-то лица, слышалось перешептывание.

Княгиня Парандзем жила почти отшельницей. Уйти в монастырь было ее девичьей мечтой, которая не получила осуществления только из-за того, что девушку насильственно выдали замуж за марзпана. Теперь же, пользуясь тем, что Васак крайне редко появлялся в замке, княгиня пыталась хотя бы отчасти приблизить свою жизнь к жизни отшельницы. Будучи женщиной образованной, она проводила все свое время в чтении и в заботах о воспитании сыновей.

Утро было туманное. Мглистая пелена, переползая с горы на гору, из ущелья в ущелье, то открывала, то закрывала мрачно зияющие пропасти и провалы.

В покое княгини Парандзем, облокотившись на выступ узкого окна, сидела Дзвик. Разглядывая что-то передвигавшееся по дороге, она щурила свои живые, острые глаза. Вот она откинулась назад, покачала головой и с горечью улыбнулась, затем снова выглянула из окна. Да, там, далеко-далеко, медленно приближались два черных пятнышка, постепенно обозначаясь яснее и отчетливее. Уже стало видно, что это двое всадников. Они направлялись к замку…

Дзвик не заметила, как вошла Парандзем. Княгиня спокойно оглядела ее своими грустными черными глазами и, взяв лежавшую на аналое рукопись, открыла ее на заложенной странице, чтоб приняться за чтение.

– Что ты там увидела, Дзвик? – мягким грудным голосом спросила она.

Дзвик тихо и с тревогой сказала:

– Едет!..

Парандзем вскинула руки и с испугом взглянула на Дзвик.

– Чуяло мое сердце! – выговорила она. – Давно томится сердце у меня. Вдруг он увезет детей в Персию? У нее перехватило дыхание.

– Но сколько же лет должны были бы они учиться в этой проклятой стране, госпожа, если бы, не дай бог, он впрямь повез их туда?

– Дело не в учении! Дело в том, что он хочет их обратить в персов! До тех пор и будет держать их там, пока они не забудут родную землю, отрекутся от матери, станут бог весть кем, – такими, как он сам…

Последние слова Парандзем вымолвила еле слышно, как бы от себя самой скрывая тяжелые мысли, которые давно жгли ей мозг. К чему стремится Васак Сюни? Он не любит армянских нахараров и не скрывает этого. Он ненавидит Мамиконидов, особенно Вардана… За что? За их ненависть к тирании Персии? Но если он ненавидит Вардана Мамиконяна и других нахараров, которые защищают родную страну и являются ее оплотом, то что же представляет собой он сам, Васак Сюни? На чьей он стороне?..

Парандзем хорошо знала Васака. Ничего хорошего не ждала она от этого человека. Придет день, и Васак покажет себя. Какие темные дела творит он?

Парандзем терзалась, предчувствуя, что Васак будет причиной бедствий родной страны… Пусть бы он был деспотом в семье, неверным супругом, лишь бы только оставался преданным, верным сыном родины… Но и этого не было, – вот что углубляло незаживающую рану в сердце женщины, страстно любившей родную землю.

Тяжелым горем было для нее и то, что Васак требовал от сыновей отречения от народа, отрывал их от родины, заставляя служить Азкерту – врагу армянского народа…

Вот он явится и, как всегда жестокий, потребует детей, не считаясь с чувством матери,

вырвет их из ее объятий, увезет в далекую, чужую, враждебную страну… И если даже они вернутся, то в каком облике? Сохранят ли они ее заветы, останутся ли верны своей вере и языку, своему родному народу?..

Вбежали Бабик и Нерсик. У них был встревоженный, испуганный вид.

– Он едет, мать!.. – дрожа, сказал Нерсик.

– Что ж из этого? Пусть едет!.. Чего ты дрожишь, дитя мое?.. – едва сдерживая слезы, сказала Парандзем и обняла его.

Но она и сама чувствовала, что ее слова звучат неубедительно.

– Я не хочу разлучаться с тобой! Я умру без тебя! – рыдал Нерсик.

– Я не дам увезти тебя, не бойся! Куда он может увезти тебя от меня? – пыталась успокоить мальчика Парандзем. Нерсик смотрел на нее глазами испуганной лани.

– Давай убежим, Бабик! – вдруг, кинувшись к брату и хватая его за руку, воскликнул он.

– Мы не поедем! Зачем нам бежать?.. – произнес Бэбик резко и решительно, не отводя глаз от окна. Парандзем охватило беспокойство.

– Бабик, родной, молю тебя, не спорь с отцом! Он тебя убьет…

– Пусть убивает! Он давно уже убил меня! – с горечью вымолвил Бабик.

– Нет, нет, не говори так! Он вспыльчив, ты знаешь его нрав… Бабик, прошу тебя, будь осторожен! -умоляла Парандзем. Но Бабик, не слушая ее, отошел от окна.

– И хоть бы кто-нибудь спросил его, – произнес от тоном упрека, – зачем он хочет увезти своих детей в страну, против которой восстали наши князья, наш народ?!

Сердце Парандзем сжалось:

– Ах, дети мои! Бедные мои дети!

В замке начался переполох. Как видно, все уже заметили приближение Васака. Наконец, распахнулись ворота, прозвучал и вдруг затих дробный топот коней по мощеному двору.

Заметались слуги. Пробежал побледневший дворецкий, за ним – Парнаваз, наставник детей. Вышла на террасу даже Дзвик. Не вышли только Парандзем с сыновьями.

Васак поднял глаза, как бы ища их, и, не найдя, тревожно спросил:

– Где дети?

– Они у себя в покоях, государь марзпан! – со страхом ответил дворецкий, словно Васак считал его виновным в том, что сыновья не вышли встречать его.

– Они больны?

– Нет, государь! – еще более испуганно ответил дворецкий.

Васак нахмурился и что-то пробормотал. Он чувствовал себя уязвленным. Как суров и требователен он ни был, как безжалостна ни наказывал он всякого за малейшее ослушание – детей он любил страстно и глубоко. Он огорчался, не встречая взаимности с их стороны, их постоянное сопротивление его приказаниям приводило его в ярость – он обрушивался на мальчиков с кулаками. В такие минуты его любовь превращалась в ненависть, и он способен был убить сыновей. Он был деспотом и в любви своей…

Васак быстро поднялся в свои покои и внимательно огляделся. Ни одна вещь не покинула своего обычного места, ничто не обнаруживало перемены отношения к нему! А перемены следовало ожидать, она должна была произойти.

– Сюда никто не входил? – с гневом обратился он к дворецкому.

– Никто, государь! – уверенно отвечал дворецкий, не уловив смысла вопроса Васака.

– Ни Бабик, ни Нерсик? Они ни разу не заходили сюда? – спросил Васак снова.

– Нет, государь.

– Может быть, ты запрещал?

– Как смел бы я не позволить им войти, если бы они захотели, государь? – оправдывался дворецкий Васак умолк и хмуро направился к своему креслу. Нигде – ни на кресле, ни на каких бы то ни было других предметах – не было и следа пыли: усердный дворецкий, не в пример всем прочим обитателям замка, был едва ли не единственным

человеком, который следил за тем, чтобы запустение не воцарилось в покоях марзпана. Васак не переставал оглядываться по сторонам. Ничто не изменилось с того дня, когда он говорил здесь с Кодаком, когда приказывал сыновьям изучать персидский язык и избил их за ослушание. Нет, ничто не изменилось! Но не изменился и он, оставаясь так же одиноким в молчаливом окружении открыто или тайно сопротивляющихся ему людей.

Горечь, а затем и ярость овладели им. Он снова спросил:

– Но почему же не входили сюда Бабик и Нерсик? Разве им ничего не надо было – хотя бы рукописи какой-либо?

– Не захотели ничего брать, государь! – вновь постарался подчеркнуть свою ревностную службу дворецкий, не уясняя себе, как больно задевает Васака то обстоятельство, что сыновья ничем с ним не связаны.

Словно он умер и придавлен холодным могильным камнем… Да, живой мертвец…

Не появляется и жена его, которой он никогда не запрещал. входить, но ноги которой не было никогда в его покоях, даже когда ока Сыпала ему так нужна.

«Живые не входят в склеп к мертвецу!» – с горечью сказал себе Васак Он долго молчал, с тоской ожидая, что как нибудь переменится само собой это тягостное состояние… И, как бывало с ним обычно, когда он не находил естественного, свободного выхода своим чувствам, он вспылил и приказал немедленно вызвать сыновей.

Любовь и гнев, горечь и бешенство из очереди подступали к его сердцу. Неукротимое властолюбие, бывшее главной движущей силой в его характере, искало себе выхода. Васак со страстным нетерпением ждал прихода сыновей.

Почему они запаздывают? Может быть, еще раздумывают, идти им или нет? Может быть, еще не решили, желают они видеть отца или не желают?!.

Мальчики вошли. Они холодно приветствовали отца и молча стали у дверей. Васак с горечью и гневом молча смотрел на них, с трудом переводя дыхание, не зная, что им сказать.

– Ну, а дальше? – наконец, смог он выговорить. Сыновья молчали.

– Вам больше нечего сказать мне? Так и будете стоять в дверях, как слуги?..

– Что же нам делать? – испуганно спросил Персик.

– Вы даже не знаете, что вам нужно делать? – с еще большей горечью промолвил Васак.

– Мы боимся, что ты опять будешь нас бить! – сказал Нерсик. Глаза его наполнились слезами.

– Бить? А за что я бью?..

– Откуда я знаю? – наивно глядя в глаза отцу, ответил Нерсик.

Это обезоружило Васака. Он с любовью посмотрел на Нерсика и сказал:

– Подойди ко мне…

Нерсик подошел и прижался к отцу. Васак обнял его и поцеловал. Потом он взглянул на Бабика.

– Л ты чего надулся? Все еще не забыл?

– Нет – отрезал Бабик с нескрываемой ненавистью и злобой.

– До сих пор не забыл?

– Не забуду никогда, что ты бил нас, да еще в угоду этому презренному отщепенцу!

– Кто этот отщепенец?

– Кто? А этот ублюдок Парнаваз!

Васак сдержал свой гнев, и сам этому удивился. Душевная усталость сковала его в такую минуту, когда он и сам думал, что уничтожит дерзкого юношу на месте.

Тоном спокойного упрека он сказал:

– Отчего ты всегда так груб и непримирим? Когда же ты станешь более воспитанным? Ведь ты сын князя, марзпана, а не какого-нибудь простолюдина!

– Я, конечно, не простолюдин, но прежде всего – я армянин! А этот презренный Парнаваз задевает мою честь… Он более усердно старается совратить меня, чем это сделал бы любой перс! Он пресмыкается перед персами, лижет им ноги сам и хочет, чтоб это делал

к я…

Понуро слушал Васак своего сына, не зная, как быть. Сын проявлял больше воли и сознательности, чем он ожидал… От кого же у мальчика эти черты, если не от той, которая сейчас упрямо остается в своих покоях, не желая показываться?

– А как же ты думаешь жит в мире с персами? – сурово спросил он – Еще посмотрим, что раньше придется делать, -жить с ними в мире или воевать? -усмехнулся Бабик.

Васак насторожился:

– Как это – воевать?

– Ну да – воевать за родину!

– Кто тебе сказал, что может быть война с ними?

– Весь Сюник об этом говорит. Ты же сам вместе со Спарапетом поднялся против Азкерта, а меня думаешь удержать?!

– А ты при чем? Какое тебе дело до того, что решили нахарары?

– Эх, отец, уж если Спарапет призовет к восстанию и весь народ подымется, неужели мне оставаться в стороне? Ты-то сам остался бы?

Васаку показалось, что пощечина обожгла ему лицо.

– Убью тебя на месте, щенок! – вскричал он. – Кто распоряжается в стране – марзпан или Спарапет? Ты смеешь в моем присутствии произносить имя Спарапета?! Убирайся отсюда сейчас же и скажи, чтоб приготовили все: завтра мы выезжаем в Персию. Ты также! – обратился он к Нерсику.

Нерсик схватил руку отца:

– Нет, нет, отец!.. Азкерт будет притеснять и мучить армян, будет война, а нас ты хочешь отвезти в страну врагов!

– Говорю тебе, иди приготовься! Нерсик заплакал.

– Счастлив сын Спарапета, он будет сражаться с персами! – выговорил он сквозь слезы.

Васак с силой оттолкнул его от себя. Нерсик ударился головой о стену и упал. Изо рта у него хлынула кровь, он стал захлебываться. Васак бросился к нему, взял его на руки и перенес в к село. Не выпуская из объятий, он поцеловал его.

– Хорошо, успокойся!.. – произнес он глухо. С молчаливым и суровым осуждением глядел на отца Бабик. «Весь в мать!» – с горечью и гневом подумал Васак. Он кликнул дворецкого:

– Вели готовить коней и запасы на дорогу. Скажи Враму, чтоб одел телохранителей: завтра выезжаем в Персию через Арташат.

Бабик бросился к двери. Казалось, он собирается бежать.

– Куда? Вернись! – крикнул вслед ему Васак. – Верни мальчишку!.. – приказал он дворецкому. – Врам!.. В дверях появился сотник.

– Приведи Бабика!

Плачущий Нерсик, заметив искаженнее злобой лицо отца, перестал плакать и обнял Васака.

– Не надо, отец! Пощади, отец!..

Врам привел Бабика.

Васак шагнул к нему и с угрозой спросил:

– Ты что, не понял, что мы едем в Персию?

– Понял… – ответил Бабик сурово и спокойно.

– Куда же ты бежал?

– Никуда. Куда мог я бежать от матери? – Бабик взглянул отцу прямо в глаза.

– От матери?.. Ты в Персию едешь! При чем тут мать?

– Как же я ее одну здесь оставлю?

– Почему одну?

– Неужели я один поеду в Персию?

– Если я с тобой, это значит, что ты один? Бабик тяжело вздохнул и покачал головой:

– Не понимаю, отец, чего ты хочешь от нас?

– Я хочу, чтобы вы получили военное образование и заняли подобающее вам высокое положение. А вы упорствуете! Одичали здесь… Я не потерплю этого! Приготовьтесь: завтра рано утром выезжаем в Арташат. А теперь идите!

Бабик и Нерсик, удрученные, побежали к матери. Узнав об их предстоящем отъезде, Парандзем побледнела и схватилась за сердце. Страшная весть сразила ее. До сих пор она лишь глухо сопротивлялась Васаку, находя утешение и опору в любви детей. Теперь, когда у нее отнимали и это, когда ей предстояло остаться одной, хватит ли у нее сил бороться открыто?..

Тревога охватила ее. Удар грозил давно, она его всегда ждала, но лишь теперь, когда он был нанесен, она почувствовала всю его силу. Парандзем сделала движение, чтоб встать, пойти к Васаку…

– Что мне делать?.. Как упросить его? – в смятении обратилась она к Дзвик.

Нерсик приник к матери.

– Иди, мать, попроси его, чтоб он не брал нас с собой. Я не могу ехать!

– Ах, бедные мои дети!.. – простонала Парандзем, поднимаясь.

– Не стоит его просить! – сумрачно промолвил Бабик. – Все равно он на своем настоит и возьмет нас. Напрасно только мать будет унижаться перед ним.

– Значит, ты едешь? – испуганно спросил Нерсик.

– Нет! – решительно ответил его брат.

– Как? Ты хочешь сопротивляться?! – ужаснулась Парандзем – Бога ради, не делай этого! Ты накличешь беду на свою голову!

– Пусть делает со мной, что захочет, – я не еду!

Парандзек в отчаянии всплеснула руками:

– Что мне делать, господи?! Что делать?..

Она не знала, на что решиться. Допустить, чтоб детей увезли? Но для нее это было равносильно смерти… С другой стороны, она трепетала при мысли, что если Бабик откажется ехать – Васак в ярости может его изувечить…

Всю ночь она провела, то сидя у окна, то шагая взад и вперед по опочивальне. Сыновья не находили для нее слов утешения; они сами нуждались в утешении.

Месяц выплыл из глубины гор. Его сияние печально лилось во мглу громадного ущелья, на дне которого сонно бормотала река. Тоскливо кричала какая-то ночная птица. Сердце у Парандзем разрывалось. Ей хотелось плакать, плакать навзрыд и долго. Но она была лишена и этой безрадостной возможности облегчить сердце. Малейшее проявление отчаяния с ее стороны заставило бы еще более страдать разлучаемых с нею детей, а она не хотела быть причиной их огорчений… Она овладела собой и села.

– Идите ко мне! – обратилась ока к детям, придвигая аналой, на котором разложена была их любимая рукопись- творение Мовсеса Хоренаци. – Сядьте около меня, родные мои…

Бабик и Нерсик сели рядом с ней. Парандзем начала им читать. Почему она читала и почему выбрала именно этот час и эту рукопись – осталось непонятным для мальчиков. Но на них подействовала торжественность матери, и они молча подчинились ее желанию.

Парандзем читала громко, с воодушевлением. Проникнутое патриотическим чувством творение «отца истории» зажигало ее. Оно говорило о том, что народ армянский мал численностью, но велик своими деяниями, достойными увековечения… Летописей повествовал об армянских царях, которые не знали, что такое рабство, рассказывал о Тигране Втором, который вел победоносные войны с грозным Римом.

– Значит, наши предки воевали… – в раздумье заметил Бабик.

– Так началось бытие народа. И сам прародитель наш Гайк битвой положил основание истории нашей, – подтвердила Парандзем, довольная тем, что отвлекла его мысли.

– Всегда и везде видишь этих тиранов, этих насильников! – с горечью продолжал Бабик. – Они приходят, чтоб поработить нас! Но хорошо, что наши стоят грудью за родину и каждый раз уничтожают врагов…

– Нужно было бы и Азкерта уничтожить, как Гайк-прародитель уничтожил Бэла! – вставил слово Нерсик. – Ничего, уничтожим и его! – заявил Бабик.

Парандзем продолжала чтение. Отрывок о Шамирам и Ара Прекрасном захватил мальчиков. Парандзем пояснила, что враги часто прибегают к уловкам, к обольщению, желая во что бы то ни стало сломить армян. Необходимы мужество и чистота, чтоб противостоять обольщению.

– Самая совершенная красавица – ничто перед родиной! – говорила она. – И так же богатство, пышная жизнь и слава… Дороже всего на свете – отчизна. Она превыше всех земных сокровищ!

Нерсик всхлипнул.

– Почему же ты плачешь, родной? – сама еле сдерживая слезы, спросила Парандзем. – Не плачь, хороший мой, я все это читаю вам, чтоб помнили вы, чтоб не забыли вы меня, народ свой, язык родной…

– Но неужели мы все-таки должны ехать?! Я не хочу! Не хочу! Понимаешь, не хочу?! – громко заплакал Нерсик.

– Не плачь, родной! Ведь ты вернешься! Не останешься же ты там навсегда!.. – утешала Парандзем, обнимая его.

– Там и останемся… Не вернемся! – рыдал Нерсик.

Парандзем прижала голову мальчика к своей груди. Нерсик дрожал всем телом. У Парандзем сжалось сердце: она внезапно вспомнила, как кормила маленького Нерсика грудью, – тогда он плакал, сам не зная почему. Счастливый плач, блаженные дни! А теперь…

Парандзем взглянула на Бабика. Печально и сосредоточенно внимал он чтению, сдвинув брови и глядя в окно.

– И почему это засело у него в голове преклонение перед всем персидским, и только перед персидским? – возмущенно воскликнул он вдруг. – Персидское военное искусство… Служение персам… Неведомы ему, что ли, деяния наших предков? Чести нет у нас, не народ мы, что ли?! О чем он думает?..

– Он хочет нас сделать предателями родины! – воскликнул Нерсик. – А я в огне гореть буду, но родине не изменю!

– Так, родной. Будь верен стране родной! – отозвалась Парандзем.

– Я к Спарапету пойду на службу! Он – защитник страны! – воскликнул Бабик.

– Спарапет – великий патриот. На него уповайте! Спарапет и сына своего вызывает из Греции, чтоб он тоже защищал родину! – подтвердила Параидзем.

– Счастливец! – позавидовал Нерсик. – Вот поедем в Персию – непременно поступлю там к нему в конницу!

– Не говорите об этом при отце, бога ради! Убьет он вас!

– Пусть убьет! Лишь бы Спарапет принял меня в свой полк – и я стану его воином, как и сын его! А там пусть убьет!

– Мать! – вдруг вскочил с места Бабик. – Что же это он задумал? Отречься от родной страны?!

– Ах, Бабик, не говори об этом! Лучше мне умереть раньше, что это свершится! – воскликнула Парандзем.

– Но почему он приходит в ярость, когда мы упоминаем имя Спарапета? Что он имеет против Спарапета?..

– Он – марзпан.. Он опасается за свое положение… – пояснила Парандзем.

– Но Спарапета, Спарапета за что он ненавидит? Что ему сделал наш Спарапет? – гневно настаивал Бабик.

– Спарапет – великий человек, как можно его ненавидеть?

Он защитник родины!.. Если отец ненавидит его – это большой грех. Ах, да вразумит господь и меня и вас, бедные мои дети!.. – И Парандзем, взглянув на детей, поникла головой.

Ночь текла быстро. Наутро Бабику и Нерсику предстоял долгий путь. Им надо было

дать выспаться.

– Ну, лягте, усните, усните, родные мои! – сказала Парандзем, хотя ей хотелось, чтоб последняя ночь перед разлукой длились бесконечно, чтоб злосчастное утро не наступало.

– Нет, нет, мы не хотим спать!.. – сказал Нерсик, обнимая Парандзем.

Он как будто снова превратился в маленького ребенка, и это еще более разрывало сердце бедной матери. Бабик же был поглощен своими мыслями; он словно обдумывал какие-то решения.

– Не поеду!.. – решительно произнес он вдруг.

Парандзем с ужасом взглянула на упрямого юношу, вскочила с кресла. Бабик взволнованно ходил по комнате. Мать стала ходить за ним, убеждая его подчиниться воле отца, хотя и сознавала, что это принесло бы ей величайшее горе.

Наконец, мальчиков одолела усталость, и они заснули на ложе Парандзем. Дзвик укрыла их и вместе с Парандзем села у изголовья, чтоб в последний раз на них наглядеться.

Глядя на сыновей, Парандзем вспоминала разные случаи из их младенчества, вспоминала свои мечты о том, что ее дети изучат творения славнейших летописцев, поедут в Александрию, Рим, Византию, будут открывать на родине школы, поручат летописцам составить историю родной страны, сами будут творить, посвятят себя наукам… Холодность и грубость мужа она сносила безропотно, убаюкивая себя своими мечтами Теперь эти мечты развеялись: отныне она должна жить без проблеска надежды, одинокая, обездоленная и покинутая… Она, которая никогда не стремилась к близости с деспотом-супругом, избегала его! А теперь, оказывается, что она лишняя в этом доме, что ее презирает муж, сам заслуживший ее презрение.

Сердце Парандзем переполнилось мучительной болью, она горько заплакала. Только тогда разрешила себе и Дзвик предаться печали и зарыдала вслед за госпожой. Долго плакали они, словно над открытой могилой.

Парандзем вновь взяла Мовсеса Хоренаци и начала вполголоса читать. Она читала летопись, как молитву над изголовьем больного. Но труд этот своим героическим содержанием и высокой духовной настроенностью так увлек ее, что она стала читать уже полным голосом. Казалось, она вступила в бой со злом, но одновременно боролась и с собственным малодушием, стараясь одержать победу над самой собой. Громкое чтение придало ей мужества, новых сил для наступающих испытаний. Она почувствовала, что и сама обязана принять участие в той великой войне, которая вот-вот разразится над родиной.

Парандзем чувствовала, что ее борьба с мужем – не простая семейная распря; что их несогласие насыщено тем же духом возмущения, которым сейчас охвачена вся страна; что и сама она участвует в борьбе за отчизну и что дети следуют ее примеру. Она вспомнила, что из Армении поедут в Персию и другие армянские нахарары, верные защитники страны, во главе с Варданом Мамиконяном; что теперь в общем деле восстания против тирании, в общей готовности отдать всю свою кровь, но не поступиться свободой, есть доля ее сыновей и ее собственная.

Парандзем дочитала последнюю страницу и, перекрестив спящих сыновей, произнесла:

– Идите и вы в бой за родину! Видно, такова воля господня!..

Дзвик снова разрыдалась и припала к ногам спящих детей.

Но с этой минуты Парандзем преобразилась. Ее осунувшееся лицо приобрело торжественное выражение, вновь засветилось гордостью.

Наступал рассвет. Ночь в душе Парандзем рассеялась, как рассеивалась темнота, окружавшая замок. Чае, с которого должен был начаться самый черный день в ее жизни, приближался спокойно. Парандзем грустно, но все же как-то по-новому глядела на спящих сыновей. Новый свет озарял их лица в глазах любящей матери: отныне это были уже не только ее дети, но и сыновья ее народа, который посвятил себя борьбе с тираном.

Дети проснулись, и Парандзем целовала их, как воинов, готовых умереть за свой народ, но во что бы то ни стало добиться его освобождения!..

– Ну как, хорошо выспались? – спросила она озабоченно.

– А вот ты и вовсе не спала!.. – упрекнул ее Бабик.

– Я отдбхнула, родной! Не думай обо мне…

– Как это не думать? – возразил Бабик. – Только о тебе должны мы отныне думать и заботиться!

– Эх, Бабик! – вздохнула Парандзем. – Забота у нас у всех великая… Весь народ в заботах сейчас…

– Правильно! – подтвердил Нерсик, уже проснувшийся, но лежавший с закрытыми глазами. -Теперь и мы должны бороться за спасение нашего народа!

Бабик глубоко задумался о том, что ожидало его и брага. Еще недавно ему казалось невозможным расстаться с матерью, но теперь ее слова дали новое направление его мыслям.

Дзвик подала завтрак, но никто к нему не притронулся. Парандзем упрашивала детей поесть чего-нибудь, но безуспешно – волнение лишало их аппетита.

– Во дворе замка царило оживление. Слуги принесли хурджин и ящики, укладывали и увязывали вьюки. Дорожный повар – сухопарый, унылый человек – раздраженно корил слуг: походную кухню собирали всю ночь, а она все еще не была голова. Постельничий раскладывал и увязывал одежды, его по конники размещали связки лечебных трав, фляги с водой, постельные шкуры, шатры, навьючивали мулов. По мощеному двору гулко цокали опыта.

Вошел дворецкий и передал Парандзем, что марзпан приказывает Бабику и Персику одеться и спуститься во двор. Нерсик разрыдался. Бабик заявил, что не поедет. Бросив на него бесстрастный взгляд, дворецкий предупредил, что марзпан сильно разгневан: пусть лучше молодые ккязья одеваются, может худо кончиться…

Он удалился, но ничего не доложил Васаку относительно ответа сыновей. Видя, что дети не появляются, Васак сам поднялся в опочивальню Парандзем. Дворецкий последовал за ним.

– Что это, в монастырь собираешься отправлять детей, что Тик задерживаешь их? – гневно обратился Васак к Парандзем.

– Придут!.. – ответила Парандзем, не глядя на него.

– Почему они еще не одеты? – сурово оглядывая детей, спросил Васак и приказал дворецкому:- Принеси их одежды!

Дворецкий вышел. Воцарилось тягостное, свинцовое молчание. Васаку хотелось бы многое сказать Парандзем, так же как и она хотела бы многое сказать Васаку, но никто из них не знал, с чего начать… Дворецкий запаздывал.

– Почему так противятся они моей воле? – спросил Васак, не глядя на жену.

– Не хотят ехать в Персию!.. – ответила та просто и холодно – Это ты их учишь не подчиняться мне! – бросил Васак.

– Зачем мне их учить? Они сами все понимают.

– Понимают, что не надо ехать в Персию?..

– Понимают, что надо и чего не надо. Едва сдерживая свое бешенство, Васак снова спросил:

– Но почему они враждуют со мной?

– Тебе лучше знать! – ответила Парандзем, повернувшись к Васаку и глядя ему прямо в глаза.

– Что это должен я знать? – спросил Васак.

– Они – твои сыновья: что ты сам вложил им в душу-то и видишь в них теперь!

– Это я вложил им в душу имя этого презренного?..

– Кто этот «презренный»? – выпрямилась Парандзем, не отводя глаз от Васака.

– Этот твой безумный Спарапет!

– Спарапет – защитник народа! -воскликнула Парандзем. – И как это поворачивается у тебя язык…

Она еще не договорила, как муж обрушил на нее сильный удар.

Безобразная, тягостная сцена разыгралась на глазах у Дзвик, дворецкого и обоих

мальчиков…

Вежливый и обходительный в дворцовой обстановке и среди князей, марзпан у себя дома без стеснения проявлял свой бешеный, необузданный нрав горца.

Парандзем упала, но ни один звук не сорвался с уст гордой женщины.

Дзвик и дворецкий давно привыкли к подобным сценам: первая с тоской глядела на Васака, а второй, опустив глаза в землю, бесстрастно ждал, когда князь кончит «учить» жену.

– Пусть немедленно одеваются и спустятся во двор! – приказал Васак, выходя.

Во дворе замка собрались все его обитатели. Одни пришли помочь и услужить, другие – просто поглазеть на уезжающих. Васак окинул взглядом вьючных лошадей и мулов, верховых коней и повернулся в сторону покоев Парандзем.

– Ну, где дети? Поторопите их там…

Дворецкий вполголоса доложил, что дети отказываются ехать. Васак сделал знак Враму, который, ожидая приказаний, не сводил с него глаз В рам сунул плеть за пояс и побежал в покои княгини.

– Одевайтесь! – приказал он Бабику и Нерсику.

– Уходи! Мы не едем- воскликнул Бабик.

– Одевайся, Бабик!.. -грустно и мягко сказала Парандзем. – И ты, Нерсик!

– Но я не хочу, мать! Не хочу и не хочу! Понимаешь ты?! – зарыдал Нерсик, обнимая мать.

Парандзем спокойным голосом убеждала сына одеться.

– Одевайся же, Бабик! Одевайся, родной!

– Мать! – не выдержав, заплакал и Бабик.

– Идите, дети мои! Отныне вы – воины за дело народа- напутствовала детей Парандзем, помогая им надеть принесенное дворецким платье.

Бабик оделся первым. Нерсик последовал его примеру.

Уже одетые в дорогу, они стали перед Парандзем. Несчастная оглядела их с головы до ног с безграничной материнской тоской, с жалостью и лаской. Так смотрят на самое дорогое существо, с которым через несколько мгновений предстоит расстаться навсегда…

С глухим стоном обняла она обоих мальчиков, прижала к себе и крепко поцеловала. Бабик и Нерсик осыпали поцелуями мать и рыдавшую Дзвик. Через силу улыбаясь, Парандзем за руку вывела детей на террасу и окинула печальным и суровым взглядом собравшихся во дворе. На супруга своего она даже не взглянула.

Врам хотел было подтолкнуть мальчиков, чтоб заставить их шагать быстрее.

– Убери руку! – прикрикнул на него Бабик. Он спустился во двор, подошел к своему коню, осмотрел его и вымолвил сумрачно и грустно:

– Оставайтесь с миром!

– Езжай с миром!.. Путь добрый! – отозвались собравшиеся. Кони рвались и били копытами.

Васак поднялся на террасу и, подойдя к Парандзем, взял ее за руку:

– Не терзай себя… Вернутся же они! Парандзем не ответила.

– Ну, оставайся с миром! – произнес Басак.

– Иди с миром – еле слышно отозвалась Парандзем. Обняв и поцеловав ее, Васак быстро спустился во двор. Почуяв простор за открытыми воротами, кони рванулись. Караван, спускаясь в ущелье, вскоре скрылся из виду. Он уходил в Персию…

Нахарары с телохранителями и слугами, вытянувшись длинной цепью, продвигались через безрадостные пустыни Персии к Нюшапуху. По вызову Азкерта ехали к персидскому двору Васак Сюни, Вардан Мамиконян, Нершапух Арцруни, Ваан Аматуни, Артак Рштуни, Гадишо Хорхоруни, Артак Мокац, Манэч Апахуни и Щмавон Андзеваци. Трудности пути, усталость, душевная тревога – все делало эту поездку еще более тягостной.

Васак следовал отдельно, в стороне, стараясь как можно реже встречаться с Варданом. Он охотно допускал к себе всех остальных нахараров, приветливо беседовал с ними,

осторожно прощупывая их настроение и пытаясь склонить на свою сторону. В самых мрачных красках рисуя перед ними предстоящее свидание с Азкертом, он не оставлял собеседникам никакой надежды на снисходительность царя, сгущая до пределов и без того мрачные краски и внушая своим спутникам ужас перед ожидающими их испытаниями.

Свою походную кухню и вьючных животных Васак оставил в хвосте каравана – там, где следовал обоз остальных нахараов. Сам же он ехал впереди, и несколько мулов с предметами первой необходимости следовали за ним на некотором расстоянии. Бабик и Нерсик ехали рядом. Мальчики выглядели утомленными. Они загорели на солнце, лица их были обветрены. В пути многое привлекало их внимание, и они с любопытством ко всему присматривались. Но с наибольшим интересом и чаще всего оборачивались они назад, чтобы видеть Вардана Мамиконяна. Не гонясь за сохранением полагающегося ему по званию и положению особо почетного места среди нахараров, Вардан ехал в их рядах. Он то выезжал вперед, то отъезжал в сторону, то останавливался, поджидая отстающих, неизменно сохраняя свою полную скромности простоту, в прямую противоположность Васаку, который и повелительным голосом и осанкой всегда подчеркивал свой высокий сан марзпана.

Бабик и Нерсик не сводили глаз с Вардака, старались не пропустить ни одного его слова. Вардан был их кумиром. Глядя на него, они забывали обо всем пережитом. Близость к предмету их поклонения помогала им переносить разлуку с матерью. Мечта стольких месяцев – встретиться с Спарапетом – осуществилась, и это счастье длилось уже недели… Правда, Васак строжайше запретил детям даже приближаться к остальным нахарарам и говорить с ними, приказав Враму и остальным телохранителям следить за мальчиками. Но, несмотря на это, те часто находили случай и повод, как будто случайно, подъехать к Вардану, ловили его слова, обрывки его бесед, огорчаясь, когда расстояние не позволяло им все услышать или все понять. Надзор и слежка приводили мальчиков в ярость. Они чувствовали себя на положении пленников, особенно из-за того, что им столь строго было воспрещено даже близко подходить к Спарапету.

Чем дальше продвигался караван, тем неприветливее становилась местность. Справа протянула к путникам свои огромные серые лапы великая Иранская пустыня. Припав жадной, ненасытной пастью к возделанным областям, она неустанно вгрызалась в них, обгладывая их и пожирая Временами взвивался и кружился в бешеной пляске песчаный смерч, дыша, палящим зноем.

Тоска давила Вардана. Сколько раз проходил он по этой дороге в Апар, спеша на войну с кушанами за Азкерта или его предшественника.. Но тогда была у него какая-то цель: служа персам, он, по крайней мере, чувствовал, что защищает государство, и платой за его службу бы па предоставленная его родине относительная независимость… Что же дала ему добросовестная служба по охране Персии от ее врагов?.. Вот она, награда – утомительная, дальняя и унизительная поездка на суд. За что? За то, что он защищает свою родину, ее свободу?

Вот там, впереди всех, едет он – марзпан страны Армянской, ревностный слуга Азкерта; тот, который не захочет поступиться ни одним из своих золотых украшений ради освобождения отчизны… О чем он думает, что предпримет при дворе? Неужто ради блага отчизны не должен он пожертвовать званием марзпана? Но кто знает?..

Весеннее солнце жгло. Зной вызывал жажду, нагонял сонливость. Гадишо, проехав вперед, беседовал с Васаком, остальные нахарары дремали в седлах. Вардан, устремив взор в безотрадную пустыню, думал о прсдсюящих испытаниях. Иногда взгляд его падал на Бабика и Нерсика. Не спрашивая никого, он все же догадывался, что Васак везет сыновей либо на службу при персидском дворе, либо для того, чтоб дать им воспитание в Персии.

– Если б Спарапет заговорил с тобой, что бы ты ему сказал? – спросил Нерсик своего брата.

– Я бы спросил: откуда у него шрам на лице? В каком сражении получил он эту рану?

– И какой большой шрам, ты только взгляни!

Бабик обернулся и глазами встретился с Варданом. Юноша сурово и пристально глядел

на Спарапета, как бы желая заверить его. Не думай, что я не смогу сражаться! Я не уступлю твоим всадникам, если дело дойдет до боя, так и знай!..»

Вардан давно заметил, что братья так внимательно разглядывали его. Ничьего о них не зная, он превратно понял взгляд Бабика и, с неудовольствием отвернувшись, перевел взор на Нерсика, который со смущенной улыбкой опустил глаза.

«Младший более привлекателен, чем старший», – подумал Вардан и вспомнил о своем сыне.

С течением времени Вардан привык к мальчикам и к их пристальным взглядам. Узнав, что их везут в Персию на службу, он Чувствовал к ним жалость.

Васак и Гадишо, всесторонне обсудив положение и учтя возможности, какие могли ожидать их при персидском дворе, изыскивали способы выйти сухими из воды.

– Может ли царь предписать силой провести отречение от веры? -задал как-то вопрос Васак.

– Так он и поступит! – усмехнувшись, подтвердил Гадишо с полной и твердой уверенностью.

Васак оглянулся. Вардан беседовал с нахарарами, и как будто тревожно: не был ли он также озабочен грядущим л не изыскивал ли он пути к спасению?

– Отречение от веры произойдет непременно! – сказал Васак и испытующе взглянул на Гадишо. – Ты на это согласился. Согласится и Гют и, возможно, еще двое-трое из князей в армянской коннице… Найдутся согласные и у нас в стране. Но эти, эти!.. Этот таронец! Этот упрямый старый черт!

Васак подразумевал Ваана Аматуни. Гадишо улыбнулся.

– Теперь уж не имеет значения, кто будет противиться отречению. Отныне мы уже не кахарары страны Армянской, поскольку у нас нет ни отчизны, ни народа… Мы вернем их себе лишь ценой нашего отречения…

– Нет, мы еще представляем собой известную цельность! – возразил Васак. – Мы должны послужить примером для народа, так как что нашему слову армяне скорей пойдут на отречение, чем по принуждению персов. И значение свое мы можем еще более поднять, если будем разумны. Все этому благоприятствует…

– Я ожидаю раскола, – заявил Гадишо.

– И я также… И это еще более возвысит наших сторонников! – сказал Васак, злобно сверкнув глазами.

Гадишо неприятно поразил этот блеск в глазах Васака: ему почудилось коварство, безудержное стремление к власти и готовность ради этого предать всех – в том числе и его самого, Гадишо Васак очень скоро укрепил в нем это подозрение – Наш вес подымется еще более по сравнению с Деншапухом и прочей-мелочью, поднимется также и от сопоставления с этими «подвижниками»! Азкерт предоставит нам еще большие полномочия, еще большую власть. Ты полагаешь, что этот низов ухудшает наше положение? Нет! Сейчас мы можем предпринимать самые смелые шаги, стремиться к самым дерзновенным целям Час настал… Верен ли ты слову своему?

– Верен! – ответил Гадишо, угадавший по торжественному тону Васака, что тот хочет приоткрыть ему дверь в свой душевный мир. – Говори…

– Слушай же: высшая власть, о которой мы однажды говорили на Айраратской равнине, ныне сама дается нам в руки! Если есть у нас разум, если мы созрели, если в груди у нас бестрепетное сердце государственных мужей – то вот он, день наш! Итак, за дело – Как же следует нам поступить?

– Дадим согласие на отречение – и я и ты. И еще до того, как Азкерт прикажет!

– Но что скажут нахарары?

– Мы тайно это сделаем, через Михрнерсэ… Гадишо усмехнулся:

– Какую же цену будет иметь такое отречение? Не понимаю…

– Большую цену! – отозвался Васак. – Спарапет будет сопротивляться Азкерту. Жаль, что он не успел еще распорядиться о слиянии полков в государственное войско! Понимаешь,

князь, кто подготовлял мятеж в стране? А Михрнерсэ войны не хочет. Ему куда выгоднее мирное отречение армян, проведенное нашими же руками… Да, мы еще представляем большую ценность, не сомневайся в этом!..

– Ну что ж, поживем – увидим…

Бабик сделал знак брату прислушаться: говорил Спарапст, он, видимо, доканчивал какую-то фразу… Нерсик услышал:

– Не сделаем этого мы – так сделает народ! Это дело народа, не властелинов… Его совершат общегосударственное войско и народное ополчение…

– Но без нас народу не справиться! – возразил Ваан Аматуни.

– Эх, азарапет! – рассмеялся Вардан. – Когда человек готов идти на смерть, ему все будет удаваться! Самая большая помеха – это страх смерти. Не отчаивайся! Атом Гнуни к остальные – способные полководцы.

– Дай бог! Дай бог! – проговорил старик азарапет, качая головой. Взгляд его случайно пал на мальчиков.

– Куда это везет он детей?

Вардан с улыбкой взглянул на азарапста. Бабик ждал, что он скажет хотя бы слово о них, но Вардан промолчал.

– Очень уж он озабочен!… – проговорил азарапет, намекая на Васака. – Боится за свое звание, иначе так не волновался бы. А жизнь он всегда сумеет как-нибудь спасти.

– Жажда власти и приведет его к гибели!.. – заметил Вардан.

Когда караван приблизился к Нершапуху, Васак выслал вперед гонца известить Михрнерсэ о прибытии марзпана и армянских нахараров. Он готовился обставить свой въезд в Нюшапух, ко дворцу Азкерта, большой пышностью. Издавна узаконено было обычаем, что по прибытии армянской конницы во главе с нахарарами в столицу персов или в какую-либо иную царскую резиденцию царь высылал им навстречу именитого военачальника и справлялся о благоденствии и благополучии страны Армянской. Приветствие приносилось от имени страны Персидской и самого даря, и повелитель лично присутствовал при торжественном прохождении армянской конницы.

А перед каждой войной персидский царь всегда объявлял благодарность армянской коннице за прибытие в Персию и прославлял ее перед придворными сановниками и вельможами, припоминая деяния предков прибывших армянских воинов и поименно называя отличившихся храбрецов.

Васак ждал без малейшей тени сомнения, что такой же прием ожидает их и на сей раз. Он был уверен, что Гют и Кодак уже подготовили почву и что, хотя бы из внимания лично к нему, Михрнерсэ не откажет в достойном и приличествующем приеме, если даже и не пожелает выказать приветливости в отношении остальных нахараров.

Недалеко от города он остановился, подождал, пока подъехали все нахарары, и обратился к Вардану:

– Переждем здесь, пока вернется гонец.

– На сей раз нас не пожелают принять по старому обыкновению, – возразил Вардан. – Мы для них теперь не нахарары, а простые люди без звания и значения!

Едва сдерживая раздражение, Васак молча отвернулся. Вар дан понял это и повторил:

– В приглашении царя было сказано: «От рода Сгони – по имени Васак; от рода Мамиконян – по имени Вардан…» И точно так же о других. Они уже лишили нас звания нахараров и перечисляют только по родам…

– И только из-за этого мы должны таить злобу против повелителя? – ядовито спросил Васак.

– Прости, государь марзпан, но я не питаю никакой надежды на то, что нам удастся добиться достойного приема у царя персов. И это безотносительно к тому, таим мы злобу или нет.

– Наше поведение вынудит Михрнерсэ сказать нам подобающие почести! – упорствовал Васак.

– Блаженны верующие!.. Будем ждать хотя бы целый месяц! – усмехнулся Вардан, сходя с коня. Его примеру последовали другие нахарары. Спарапет уселся на придорожный камень, передав поводья Арцви.

Васак спешился не сразу – он считал это ниже своего достоинства. Но гонец сильно запаздывал, и Васак приказал слугам приготовить место, где он мог бы отдохнуть.

В некотором отдалении от дороги слуги быстро разостлали на земле роскошный ковер и разложили подушки. Васак уселся и пригласил сесть всех князей. Азарапет и Гадишо первыми приняли приглашение, за ними последовали другие нахарары, за исключением Спарапета и Артака Мокац.

– Государь Мамиконян, государь Мокац, пожалуйте! – пригласил их Васак, указывая на подушки рядом с собой.

– Благодарствую, государь марзпан! – отказался Спарапет. – Мне и здесь спокойно.

Гонец все не появлялся. До дворца Михрнерсэ было недалеко, и ему давно пора было вернуться.

Вардан терпеливо выжидал, однако без малейшей надежды на то, что почетный прием состоится. Васака, которому уже становилось ясно, что пророчество Спарапета оправдывается, снедали нетерпение и беспокойство. Время шло, а гонца все не было.

– Почему опаздывает гонец?

– Ждет гостеприимства!.. – рассмеялся Артак.

– По-видимому! – усмехнулся себе в усы Спарапет.

Прямо перед ними шумел город. У стен копошились люди, всаднпки въезжали в городские ворота и выезжали из них, – но никто не направлялся в их сторону…

– Едем, государь марзпан! – сказал азарапет с ядовитой усмешкой. – Едем! Встречать нас никто не будет!

– Будем ждать гонца! – с глухой яростью вымолвил Васак. Но вот на взмыленном коне прискакал гонец.

– Почему так долго, ослиная башка?! – накинулся на него В аса к.

Гонец не смутился; отирая рукавом пот, он ответил:

– От дверей Михрнерсэ меня прогнали, государь марзпан!..

– Ты что, не объявил, кто прибыл?! – вспыхнув, оборвал его Васак.

– В том-то и горе, что объявил, государь марзпан, да только меня и слушать не захотели. Говорят – знаем, кто прибыл, убирайся назад!

– Кто это сказал?

– Сперва стража у ворот… Я стал добиваться, чтоб сообщили распорядителю приемов. Он вышел и говорит: Михрнерсэ не велел встречать, пусть сами входят в город…»

Вардан вскочил на своего скакуна и с яростью в голосе воскликнул:

– Вставайте, государи нахарары! Чем больше мы будем гнаться за почетом, тем больше натерпимся унижений!..

Нахарары поднялись. Поднялся и Васак. Он был сломлен.

– И на что нам нужны почет и гостеприимство персов? – с гневом и горечью продолжал Вардан. – На свадьбу приехали мы или на сватовство? Нас вызвали, чтобы судить, а не для того, чтобы оказывать нам почести.

– Но существует же благопристойность! – возразил Васак.

– Для зверя она не существует. Зверю нужно, чтобы ему совали пищу!

Васака покоробила неуважительная речь Спарапета по адресу персидского двора, но не время было возражать; он подав»ч свое недовольство и вновь обратился к гонцу:

– Но почему ты так задержался?

– Государь марзпан, когда мне отказали в приеме во дворце Михрнерсэ, я поскакал к нашей коннице – сообщить о нашем прибытии, сказав себе: «Как бы ни сделали чего с князьями ни ними!..»

– Неплохо придумал… – промолвил азарапет.

– Лишнее все это… Не надобно нам никакого приема! – раздраженно повторил Вардан.

– Мы приехали спорить, а не любезничать!

Лицо у Васака дрогуло, мускулы напряглись. Он искоса с ненавистью взглянул на Спарапета и сделал судорожное движение горлом, как бы глотая что-то.

Первый раз в жизни Васак Сюни столкнулся с такой унизительной неожиданностью: он не знал, где ему искать пристанище.

«Разве раньше так принимали армянских нахараров при персидском дворе?!» – с горечью подумал он.

Но гонец Васака поступил неглупо, обратившись к армянскому конному полку. Результатом было то, что армянские князья – командиры конницы – во главе с князем Гарегином Срвантцяном выехали со всей конницей навстречу прибывшим. Это было очень смелым шагом со стороны князя Гарегина: находясь в подчинении у Мушкана Нюсалавурта, он самовольно, не спросив разрешения, выводил свою конницу для встречи армянских нахараров…

И вот, выйдя из городских ворот, армянская конница под развевающимся армянским стягом помчалась к стоянке нахараров.

Как ни противился Спарапет всякому приему, а тем более торжественному, но тут сердце у него дрогнуло. Не в силах сдержать свое волнение, старый конник натянул поводья. Скакун его взвился на дыбы и, завидев мчащихся коней, стал играть, как бы прося, чтобы его пустили вскачь.

Васак сел на коня. За ним последовали остальные нахарары, и все двинулись навстречу армянской коннице. Нахарары увидели крепких, хорошо сложенных, сильных воинов, которые казались несравненно более подвижными и живыми, чем пожелтевшие от болотной лихорадки персидские воины; беспокойные, горячие кони выделялись сухим, стальным сложением.

Еще немного, и обе группы остановились одна перед другой.

– Добро пожаловать! – возгласил князь Гарегнн Срвантцян, выхватывая из ножон и высоко поднимая свой меч. С обеих сторон обнажили мечи.

– Привет вам! – произнес Васак.

– Привет! Привет!.. – воскликнул Спарапег.

Выехавший вперед князь Гарегин обнял Васака и с благоговением склонился к руке Вардана, который обнял его и с волнением поцеловал. Обнялись к остальные.

Вардан с любовью оглядывал всадников. Тысячи сияющих армянских лиц светились радостной упыбкой.

– Спарапег!.. Спарапет!.. – восторженно кричали кониккн, окружал Вардана.

Это было очень не по душе Васаку, но поток чувств оказался сильней всякой дисциплины. Князь Гарегин с извиняющей и ласковой улыбкой взглянул на всадников и опустил глаза.

– Здоровы ли, молодцы? – спрашивал Вардан всадников.

– Лишь бы ты был здоров, Спарапет, а мы здоровы! – отозвался красивый высокий воин, смущенно краснея.

– Мне-то что сделается, я всегда должен быть здоров!.. – пошутил Вардан, при виде войска всегда забывавший все свои печали и заботы. – Потерь нет? – обратился он затем к князю Гарегину.

– Никаких, Спарапет, все здоровы!

– Главное – здоровье, все остальное – пустяки! – с улыбкой и отозвался Вардан.

Наступило короткое молчание. Но всадники не могли без волнения смотреть на Спарапета, у многих глаза уже были полны слез.

– Спарапет… Бесценный наш Спарапет!..

– Не взяла нас смерть, довелось-таки свидеться!

Вардан очнулся от завладевших им мыслей и чувств. Он обратился к Гарегину:

– Ну, командуй!

Гарегин громко отдал команду:

– Полк, стройся!..

Конница выстроилась. Васак проследовал вперед. За ним следовали нахарары, за нахарарами – войско. Шествие замыкали слуги. Войдя в город и пересекши его, все направились к стоянке персидских войск.

На обширном поле, словно лес, раскинулась стоянка. На огромном пространстве разместилось стотысячное войско Азкерта, кипя от непрестанного движения людей. Под лучами солнца сверкали оружие и сбруя. Между разноцветными шатрами толпились воины, то заходя, то выходя из них.

Стан был разбит на несколько частей – по роду оружия. В одной его части была расположена тяжеловооруженная щитоносная и панцирная пехота, подобно черной туче обложившая поле во всю ширину, от подошвы гор до края поля. За пехотой расположены были отряды в десятки тысяч конников; развевающиеся гривы коней трепало порывами ветра. Поодаль был отгорожен загон для исполинских боевых слонов, у некоторых на спинах были укреплены башенки, откуда защищенные стрелки поражали неприятеля.

Вокруг слонов сновали воины «полка бессмертных» – той десятитысячной воинской части, которая неизменно сохраняла свою численность как в мирное время, так и во время войны, немедленно пополняя понесенные потери, за что и носила название «матьян гунд» – то есть «полк бессмертных». В промежутках между различными частями стана, под ковровыми навесами, кишел лагерный рынок, где индусские, персидские, греческие, армянские и сирийские купцы и поставщики продовольствия продавали войску всякого рода снедь и вооружение. Там же находились кузнецы, сапожники, шорники, портные и другие ремесленники, обслуживавшие войска.

В глубине небольшой рощи стоял огромный шатер, верней – несколько шатров конусообразной и пирамидальной формы, соединявшихся между собой Они были обтянуты тонким шелком бирюзового, розового и зеленого цвета.

Это и была походная ставка Азкерта. Длившаяся уже много лет война с кушанами нередко заставляла его покидать раскаленный Тизбон, перекочевывать в страну Апар и жить там среди своих войск – в этом необычном шатре, форма которого была заимствована у тех же кушанов.

От расположенного неподалеку шатра Мушкана Нюсалавурта какой-то сепух прискакал к армянской коннице. Подъехав к Гарегину Срвантцяну, он крикнул:

– Полководец спрашивает, почему ты без приказа вывел конницу?

Гарегин даже не ответил ему. Вардан холодно взглянул на сепуха и просто сказал:

– Исчезни.

Сепух, смутившись, хотел что-то возразить, но, узнав Вардана, потупил голову и медленно отъехал.

Армянская конница, следуя за нахарарами, проехала к своей стоянке. Князья спешились и вошли в шатры.

Васак уединился в отведенном ему шатре и немедленно послал телохранителя с гонцом в город – разыскать Гюта и Кодака. Чтоб не возбуждать подозрений, Гадишо се перешел к нему, а остался с Варданом.

Перед Варданом стояли шесть юношей – ккязья из армянской конницы. Среди них обращал на себя внимание своей горделивой осанкой, юношески свежим лицом, острым взглядом и тесно сжатыми губами князь Гарегин Срзантцян. Стоявший рядом с ним бледный и задумчивый юноша, Нерсэ Каджберуни, не сводил с Вардана грустных глаз. Третий, также хорошо известный Вардану, был вечно улыбающийся и беспечный князь Арсен Энцайни.

– Ну, как вы тут живете? Как проводите время? – спросил Вардан.

– Эх, тянем лямку! – ответил князь Гарегин с горечью и насмешкой.

– Обогащаем богатого! – вздохнул Арсен, морща синеглазое живое лицо, и переменил тему:- А что делается у нас на родине, Спарапет? Как там? Помнят ли еще о нас?..

– На родине неладно. Вы уже осведомлены об указе царя и о нашем ответе… Нас вызвали на суд. Князья насторожились – Мы слыхали об этом, но подробностей не знаем. В

чем дело? – спросил Арсен.

Вардан рассказал. Князья выслушали его и с беспокойством переглянулись.

– Да чего же война!.. – воскликнул Арсен.

– Почему война, государь Энцайни? – не согласился Гадишо. – Еще может открыться дверь к примирению…

– Нет, указ составлен так, что примирение становится невозможным! – возразил Арсен. – Нам не миновать войны… Как твое мнение, государь Срвантцян?

Гарегин, не отвечая, внимательно присматривался к Гадишо, которого знал понаслышке в Армении, но никогда еще с ним не встречался. У Гадишо была плохая слава, – говорили, что он надменен и себялюбив…

Высказанная им готовность искать примирения с персами тяжело подействовала на Вардана. Спарапет вышел из шатра, чтоб немного побыть одному, но его тотчас окружили воины. Многие из них не раз сражались рядом с Варданом и были ему лично известны.

– Ну, молодцы!.. – обратился к ним Вардан. – Хорошо вам здесь?

– Какое там хорошо!.. – отозвался одни из воинов. – Далеко от родины, далеко от семьи…

– И служишь не своим, а чужим!.. – добавил второй.

– Притесняют нас сильно, Спарапет, – вмешался третий, проталкиваясь поближе к Вардану. – Ведь прижмешь их – так и дух вон.. А туда же – смеются над нами, бранью осыпают, оскорбляют!

Опустив голову, Вардан с грустью слушал эти жалобы. Сколько таких воинов пало в песках Марвирота, чтоб спасти от смерти Этих самых персов, ныне насмехающихся над ними!

Вардан шел по лагерю, окруженный воинами. Он крепко любил свою конницу, любил конников, любил беседовать с ними. Это было его старинной привычкой. Но сегодня он чувствовал особую потребность в общении с ними: ему хотелось развеять свою тревогу, забыть, что он вызван сюда издалека для того, чтобы идти под суд за стремление сохранить свободу своей совести.

В шатре князя Срвантцяна завязалась беседа. Гадишо рассказывал о событиях в Армении. Князья из армянской конницы доверчиво расспрашивали его, и Гадишо поведал им о составлении ответною послания, о народных восстаниях на Айраратской равнине, об унижении нахараров. Он рисовал народное движение, сгущая краски, представляя его как дело безответственное, опасное и безумное.

Князья слушали его, затаив дыхание и со смущением. Один лишь Гарегин Срвантцян отнесся к рассказу Гадишо с подозрением и неприязнью. Он никак не мог уяснить себе: что собственно было неправильного в действиях нахараров и народа? Что же еще остается делать народу, если его вынуждают отказаться от независимости?

– А где Спарапет? – спросил Арсен Энцайни, выглянув наружу.

– Ты не знаешь разве Спарапета? Как увидит свою конницу, непременно должен пойти к воинам, поговорить с ними! – улыбнулся грустный Нерсэ Каджберуни.

– Но ведь устал он с дороги! Позовем его, пусть приляжет, отдохнет!

– Только среди своих воинов он и отдыхает! – засмеялся Шмавон Андзеваци.

– Что говорит Спарапет – в состоянии мы воевать? – с любопытством спросил Арсен.

– Он избрал путь восстания – восстания без войска, без помощи соседей, в одиночку! – проговорил Гадишо, искоса взглянув на Гарегина Срвантияна, недоверчивое молчание и отчужденный вид которого беспокоили его.

Но Гадишо знал, что стоявший перед ним человек занимает видное положение среди князей конницы и пользуется у них большим влиянием. Почувствовав его затаенную неприязнь, Гадишо решил переменить тему, обратить все в шутку.

– Будущее подобно неразрезанному арбузу! – сказал он – Посмотрим, что принесут нам события: воину или мир…

– И война и мир зависят от нас самих!.. – отозвался Гарегин с едва уловимым

пренебрежением.

– Как это от нас? – повернулся к нему Гадишо. – У нас ведь нет такой силы, как у персов. Нашу судьбу решаем не мы.

– Значит, если мы отречемся от родины – будет мир, не отречемся – быть воине? Как просто! – уже с нескрываемой насмешкой произнес Гарегин.

Гадишо понял, что больше нельзя таиться и вилять, надо нанести меткий ответный удар.

– Вопрос о том, соглашаться ли нам на отречение, или не соглашаться, надо решать всем народом! Еще посмотрим, все ли будут согласны отречься и все ли решат сопротивляться…

– Вот это правильно!.. – согласился Гарегин.

– Да, в этом-то и все дело!

Гадишо и Гарегин оглядели друг друга с зарождающейся ненавистью.

Молча и с грустью наблюдал за ними, не вмешиваясь в спор, Нершапух Арцруни, которому постепенно становился ясен облик Гадишо, хотя он и не мог еще сказать наверняка – пойдет ли Гадишо с восставшими, или против них.

Вардан, беседуя с конниками, обошел уже весь лагерь и сидел в одном из шатров. Конники, которым не хватило места, тесно окружили шатер, стараясь уловить хотя бы обрывки беседы.

– Спарапет, я все не решайся спросить – заговорил сотник Аршам – Зачем вы приехали? Верно ли, что Азкерт велит нам перейти в его веру?

– Верно! – подтвердил Вардан.

Аршам с растерянной улыбкой ждал, что Вардан объяснит, какой же был дан ответ на это требование царя. Но Вардан молчал, устало и грустно опустив голову.

– Государь Спарапет, как же мы можем отречься от веры? Ведь это значит сделаться персами!

– Да, сделаться персами!.. – с горечью подтвердил Вардан.

Воины переглядывались, не понимая: мирится ли со всем этим сам Вардан, согласен ли он принять веру персов, или нет. Аршам понурил голову.

Наступило тяжелое молчание. Аршам все не переставал ждать, что Вардан еще что-нибудь скажет. И вот Вардан выпрямился и взглянул воинам в глаза.

– Знаете что, дети мои? – просто заговорил он. – Азкерт домогается отказа нашего не от веры, – он добивается, чтоб мы от родины нашей отступились. Вот чего ему не терпится добиться! Наша независимость колет ему глаза. Дело тут не в вере, деле в родине нашей!..

– Э-э! Кто же это от своей родины отступается? – с возмущением откликнулся Аршам.

Гул одобрения пробежал среди воинов.

– Вот так! – заключил Вардан, – Вера – предлог. Отдадим веру – потеряем вместе с нею и все остальное…

– Теперь понятно!.. – пробормотал Аршам. Но у Вардана уже закрывались глаза от усталости. В шатер протиснулись воины с кувшинами воды.

– Не будет умываться? – спросил шепотом один.

Аршам рукой сделал им знак удалиться.

Вардан уже спал. Его укрыли походным платой.

– А ну, выходите! – распорядился Аршам.

Бойцы потихоньку удалились. Вышел и Аршам. Арцви, устроив скакунов, уже явился стеречь своего Спарапета к сел у входа в шатер.

Аршам вполголоса спросил его:

– Значит, решил он не подчиняться Азкерту?..

– Подчиняться?! Не знаете вы Спарапега, что ли! -также вполголоса и укоризненно сказал Арцви, немного отходя в сторону от шатра.

Воины тотчас же тесно окружили его.

– Что же он намерен предпринять? – иосьшалиеь вопросы.

– Он уж найдет, что предпринять! -рассмеялся Арцви.

– Дать отпор! Восстать!.. – вспылил один из воинов. – Мало царю Азкерту, что каждый оставил свой дом, семью, родину, пришел сюда, на эту чужбину, проливать за персов кровь? Чего еше он хочет от нас?! Зверь атакий!

– Назвал зверем – и конец? -отозвался другой воин.

– Да разве похож он на зверя? – подхватил еще один. – Зверь благодарность чувствует… Один охотник льву рану залечил, так лев его потом и не тронул!

– Жизнь отдадим, а не отречемся! – воскликнул первый беец.

– Правильно! – подхватили остальные. – Стоять за веру – значит стоять за родину!

– Вот дурные люди! – заговорил Аршам. – В зной сгорай за них, в холод мерзни за них, в бою погибай за них – и все только для того, чтоб они родину твою не трогали! Даже родины нам оставить не хотят? Благодарности нет у них, у безбожников!..

– Народ весь на ноги подымается!.. – произнес Арцви. – Все решили защищать родину!..

– Что тут решать? – воскликнул Аршам. – Да я родного сына своими руками убью, если он изменником окажется!.. – Затем он строго приказал: – А ну, расходитесь!.. Посмотрим, что нам завтрашний день принесет…

Бойцы разошлись.

Пришли слуги, чтоб отвести Вардана в приготовленный ему шатер. Аршам объяснил им, что Спарапет уже спит у воинов. Это означало, что беспокоить его нельзя, – привычка Вардана была хорошо известна. Посланные удалились.

Спустилась темнота. Лагерь затих.

Васак не спал. Он ждал, когда придут Гют и Кодак. Земля горела у него под ногами. Ему нанесли глубочайшее унижение: его не встречали, он принужден жить в шатре наравне с другими нахарарами! Он, которого всегда принимали с почетом в палатах и дворцах, с которым так часто совещался Михрнерсэ! Он, желанный и чтимый гость властелинов, должен терпеть подобное унижение!.. И по чьей вине?.. По вине нескольких недальновидных безумцев, вообразивших, что они могут противостоять великой персидской державе!..

Васаку не терпелось как можно скорее выбраться из этого лагеря, уйти от нахараров и хотя бы на один час раньше других поставить в известность персидский двор, что он согласен на отречение.

В шатер вошел Гадишо.

– Не спишь, государь марзпан? – с усмешкой спросил он.

– Жду наших… Хочу узнать, что им удалось сделать. Нехорошо, что мы все вместе здесь остановились… Надо бы увидеться с персидскими вельможами. Возможно, нас вызовет и сам Михрнерсэ… А здесь это неудобно…

– Хочешь перебраться отсюда?

– Обязательно, и без промедления.

Долго ходил по шатру Васак, пока улеглось его раздражение; но что ему предпринять, он не знал. Один лишь Кодак мог бы ему помочь, если только не последовало еще приказания явиться на суд.

Но ведь такое приказание могло прийти раньше, чем явится Кодак! Надо спешить, чтобы предотвратить беду… Нет, вся надежда на Кодака, вся надежда!

Но разве этим исчерпывались все унижения? Что только не ожидало его!.. Горькое чувство овладевало Васаком. Что ему делать? Что предпринять?.. Он как будто лишь сейчас осознал полностью, чем грозил вызов в Персию. Васак укорял, осуждал себя за то, что поддался слабости, не выказал нужной решительности, не был достаточно суров и безжалостен. Он как будто только теперь понял, что у него есть враги не только среди армян, но и среди персов, что враждебные ему силы все растут и растут… Нужно приложить величайшие усилия, нужно напрячь последние силы, найти новые методы борьбы, наметить новые цели. Этого, конечно, не достичь за одну ночь; потребуется много времени, чтобы все обдумать и найти выход…

На следующее утро нахарары собрались в шатре Гарегина Срвантцяна. Они ждали гонца от Азкерта, или хотя бы от Михрнерсэ, с приглашением явиться на прием, если не на суд. Но гонец не появлялся Персидский двор хранил убийственное молчание.

Невозможно было предположить, чтобы персидские власти не заметили или не были осведомлены о прибытии нахараров. Наоборот, они все заметили и все знали, и сейчас следили за каждым шагом нахараров, но намеренно хранили мертвое молчание, чтоб глубже оскорбить и унизить армян.

– Но мы не считаем себя униженными!.. – говорил Вардан – Пусть себе молчат! Будем сидеть здесь хоть целую вечность!

Нахарары соглашались с ним.

– Посмотрим, у кого раньше иссякнет терпение!.. – добавил Вардан.

Подчеркнутое пренебрежение длилось несколько дней. В лагере не показался ни один сановник, ни один гонец. Зловещее молчание царило и при дворе, и в войсках, и во дворце Михрнерсэ.

Лагерь армянской конницы сохранял достоинство. Вардан с полным самообладанием обсуждал положение с нахарарами и князьями – командирами конницы, беседовал с бойцами, ничем не выдавая снедавшей его тревоги. Не за себя тревожился он, – он думал о том, что гроза может разразиться преждевременно: ее предвестники уже налицо…

Арсен вернулся в лагерь после посещения Вахтанга, который сообщил ему, что виделся с сестрой Михрнерсэ, Арамаидой, и говорил с самим Михрнерсэ. Тот отказался принять армянских нахараров, поскольку Азкерт еще не вызывал их к себе. Но Вахтанг сообщил очень важное известие: Михрнерсэ сказал ему, что хотя Азкерт и грозится казнить всех нахараров или отправить их в ссылку, но он, Михрнерсэ, ищет способа предотвратить подобный исход, придав делу форму судебного разбирательства.

Васак посетил – и это впервые за все время пребывания в лагере -Вардана в его шатре. Он был взбешен создавшимся положением, во всем винил Вардана и не мог даже себя сдержать:

– До каких же пор, Спарапет, сидеть нам здесь, среди всех этих животных? – обратился он к Вардану.

– Пока настоящие животные поймут, что мы прибыли сюда не для того, чтоб сидеть среди животных…

– Но ведь двор не явится сюда к нам! Это мы должны явиться ко двору!..

– Прости меня, государь марзпан, но я-то сам являться к этому двору не намерен.

– Но ты раздразнишь персов!

– Ничего, они нас тоже довольно дразнили…

– Но должен же быть конец унижению?

– Пусть эти крепкоголовые подумают об этом! – вскакивая с места, воскликнул Вардан. – Унижен не я, – это они себя унизили!

– Значит, ты хочешь довести дело до столкновения? – повысил голос Васак.

– Нет, – подчеркнуто мягко, чтоб сильнее задеть Васака, ответил Вардан, – я намерен лишь призвать этих бешеных быков к благоразумию!

Васака разбирал гнев, но решительный и спокойный тон Спарапета обезоруживал его.

– Тогда я буду действовать один, и так, как подскажет мне моя совесть! – сказал он.

– Поступай, как найдешь нужным, государь марзпан. Я ничего не боюсь.

– Ты отвечаешь за себя одного, но за страну…

– За страну?! – с яростью прервал его Вардан. – Я не боюсь отвечать и за страну!.. Он сильно побледнел.

В шатер к Вардану зашли бдэшх Ашуша и агванский князь Ваган с сопровождающими их сепухами. Они тепло обнялись с Варданом, как товарищи по несчастью. Когда все уселись, Вардан улыбнулся:

– Говорят же: «Смерть на людях – это свадьба!»

– Правильно молвил, Спарапет! – подтвердил агванский князь.

Вардан стал расспрашивать своих гостей об Иверии, Агванке и Армении, так как они прибыли из тех краев позже, чем армянские нахарары. Ашуша ответил, что пока везде спокойно. Все ждут.

– Гроза разразится позднее, – дополнил агванский князь.

– Не дадим ей разразиться! – возразил Ашуша.

– Как мы помешаем? Отречемся? – не без насмешки спросил Вардан.

– Нет, зачем же? Будем защищать веру! -в тон ему ответил Ашуша. – Найдем способ…

– Дай бог! – отозвался Вардан. Наступило молчание.

– Если б только марзпан согласился немного помочь нам! – понизив голос, сказал Ашуша Вардану. – Тогда нам было бы легче…

– Чем же он может помочь нам?

– Пусть бы он только не сразу уступил им.

– Не понимаю! Не уступать сразу, чтобы уступить позднее? – нахмурился Вардан.

– Поговорим об этом наедине!.. – уклонился от ответа Ашуша.

По распоряжению Михрнерсь, иверским и агванским князьям отвели шатры вдали от лагеря армянской конницы. За ними следили, не позволяя общаться с армянами. Ясно было, что Михрнерсэ стремится внести раздор между армянами, иверами и агванами…

Однажды утром, когда уже свыкшиеся со своим положением армянские нахарары беседовали друг с другом в шатре Гарегина Срвантцяна, вдали показался всадник; почти у самого шатра он резко осадил коня.

Это был гонец от персидского царя.

– Царь царей повелел вам явиться! И без промедления!..

– Непременно! Безотлагательно! – вставая, с тонкой насмешкой отозвался Арсен. – Ну что ж, пора идти на свадьбу – то ли воду таскать, то ли дрова рубить!..

– За ответное послание ответ держать! – поправил его Нерсэ Каджберуни и обратился к Гарегину Срвантцяну:-Так будем же отвечать хорошо, князь!

– Как нам подобает! – с недобрым блеском в глазах отозвался князь Срвантцян. – В войнах с кушанами мы проливали кровь за тирана персидского, так неужто мы поскупимся для родины нашей?!»

– Родина, бесценная!.. – с тоской вздохнул мечтательный Нерсэ Каджберуни. – И кровь и жизнь за нее отдадим!

Князьям подали скакунов. Гонец пустил коня вскачь, чтоб заставить спешить и нахараров. Однако те, по знаку Вардана, придержали своих скакунов и ехали торжественным и мерным шагом, еще более замедляя его по мере приближения ко дворцу и намеренно придавая своему шествию торжественный характер. Впереди всех ехал Васак со своей свитой.

У дворца их встретили очень холодно, без обычных приветствий. Не произнесли принятого приветствия и нахарары, в напряженном молчании вошедшие в проход между приемными палатками. Их остановили в проходе. Неизвестна была причина этой задержки, длившейся, впрочем, недолго.

Подавляло царившее здесь молчание. Сквозь щели занавеса видны были сановники, неподвижно застывшие в ожидании чего-то, но никакого движения не было заметно.

Наконец, занавес раздвинулся, и распорядитель приемов с деланной улыбкой провел нахараров внутрь.

Вошедших встретило каменное молчание.

На возвышении, откинувшись на подушки, сидел, тяжело дыша, Азкерт. На приличествующем отдалении полукругом выстроились советники. Царь арийцев был осанистый, тучный, не очень высокого роста человек, почти безбородый, с крупным носом. Самым неприятным на его лоснящемся, одутловатом, желчном лине были круглые выпуклые глаза. На нем был зеленый плащ и вытканные золотом черные парчовые шаровары: па голове красовалась золотая зубчатая корона в форме пирамиды с золотым шариком – знаком солнца и луны – на лбу.

Рядом с Азкертом сидел один лишь Михрнарсэ, застывший в хмурой неподвижности каменного изваяния и уставившийся, по привычке, в одну точку. Немного поодаль восседал могпэтан-могпэт. Остальные же придворные стояли, скрестив руки на груди.

Зал, напоминави ни весенний улыбающийся луг, освещался сверлу, и золотые ленты солнечных лучей висели в воздухе, скрещиваясь перед Азкертом. Богато расписанные с гены и вытканные па ярких коврах цветы придавали грозному судилишу ядовитою красоту, не смягчая, однако, ясно ощутимой зловещей угрозы.

Распорядитель приемов неожиданно и грубо остановил нахараров у порога. Справа и слева, отдельными группами, стояли иверские и агванские князья. Их заранее привели и поставили отдельно, чтоб, устрашив зрелищем расправы с армянами, привести к повиновению. Сотни недобрых взглядов устремились на нахараров, но самым злобным из них был взгляд Азкерта: немигающие черные свирепые глаза его словно источали яд.

Ответное послание только что было оглашено, и буря назревала. Едва показались нахарары, как Азкерт вытянул голову движением развернувшейся очковой змеи и впился в них немигающим взглядом.

Михрнерсэ знаком подозвал стояещего на некотором отдалении писца и повелел:

– Огласи список преступников! Писец развернул длинный свиток.

– Ни звания княжеского, ни прозвища почетного! Только род и имя одно!.. – камнем упали слова Михрнерсэ. Писец читал:

– «Из рода Сюни – по имени Васак; из рода Арцруни – по имени Нершапух; из рода Рштуни – по имени Артак; из рода Хорхоруни – по имени Гадишо, из рода Мамиконян – по имени Вардан; из рода Мокац – по имени Лртак; из рода Апахуни – по имени Манэч; из рода Аматуни – по имени Ваан; из рода Андзеваци – по имени Шмавон».

– Здесь они? Пусть выступят вперед!.. – повелел Михрнерсэ, прекрасно знавший всех нахараров в лицо.

Нахарары выступили вперед.

Азкерт махнул рукой Хосрову и протянул ему пергаментный свиток. Хосров подбежал, принял свиток и остановился в ожидании – Читай!.. – приказал Михрнерсэ вполголоса.

Во избежание нареканий в неправосудии делу придавался характер судебного разбирательства.

Хосров с желчными и ядовитыми подчеркиваниями огласил ответное послание армян.

Хотя советники и сановники Азкерта уже один раз выслушали это послание, но, будучи зачитано в присутствии авторов, оно производило неизмеримо более сильное впечатление. Персы с яростью смотрели на нахараров, особенно на Вардана и Васага. которых все хорошо знали.

Ни один мускул не дрогнул на лице Вардана. Он стоял неподвижно, высоко подняв голову, горделивый и величавый. Герой Марвирота возвышался, как статуя, среди толпы. Казалось, вот-вот гусаны начнут воспевать его подвиги…

Могпэтан-могпэт, который и до этого кипел, как смола в котле, вскочил и, рванувшись с простертыми руками к Азкерту, злобно выкрикнул:

– «Армению осуди!.. – так рек Мазда. – Тебе повелеваю – иди в страну мятежную, что не признает меня, и побори ее!..»

Могпэтан-могпэт обернулся к жрецам. Рыча от ярости, они выбежали вперед и, пчв ниц перед Азкертом, завопили:

– Арминию осуди!.. Это она – зачинщица восстаний! Это она подстрекает другие племена Придворные молчали, тайком окидывая друг друга недоверчивыми взглядами: каждый хотел бы угадать, что думает другой. Послание подействовало не на всех одинаково. Стоявший несколько в стороне пожилой, болезненного вида вельможа с тонкими чертами лица бросил беглый взгляд на Вахтанга, в насмешливых глазах которого мелькали какие-то искры. Тот уловил этот взгляд, придвинулся поближе.

– Но какое бесстрашие!.. – осторожно шепнул вельможа на ухо Вахтангу.

– Бесстаршие – удивился Вахганг, прикрывая задумчивые глаза. – Скажи лучше – какая

находчивость, красноречие какое!.. Однако будем осторожны!.. – предостерег он. – Как бы не раздразнить быков…

Другие вельможи казались крайне разъяренными. Смелость и дерзновенный тон послания, его убедительность сивели их из себя.

Хосров закончил чтение. Наступило тягостное молчание. Все ждали, когда заговорит Азкерт. Не было сомнения, что прольется кровь… Все устремили глаза на царя. И вот, наконец, прорвалась его ярость:

– Сопротивляться смеете? Восставать?! – загремел он. – Глумиться надо мной? Посылать мне мятежные послания? Мне – мятежные послания?! Осмеливаетесь поднимать голос? Угрожать?.. На что вы надеетесь?.. Что я не сотру вас с лица земли так, чтоб и следа вашего ненавистного племени не осталось во всем мире?! На кого же возлагали вы свои надежды? На греков? На кушанов? На бога вашего? На храбрость свою?.. Говорите же – на кого?..

От слов Азкерта, словно от языков пламени, запылал зал. С обезображенным яростью лицом Азкерт снова крикнул:

– Отвечайте, как вы дерзнули? Как дерзнули, отвечайте!.. Вардан подал голос:

– Если прикажешь, государь, мы ответим.

– Да, да! Отвечайте! – ядовитым взглядом как бы ужалил его Азкерт. – Как осмелились вы написать мне такой ответ? Отвечайте!

– Молчать не будем, скажем.

– Говорите же! Говорите!.. Почему вы молчите? Вы… мятежники!.. Дерзкие предатели!..

Азкерта душило такое неудержимое бешенство, что кровь бросилась ему в голову. Казалось, его сейчас хватит удар. Он весь посинел, почернел и, вскочив с места, зашатался.

Придворные всполошились… К Азкерту кинулись, поддержали. Атмосфера накалялась…

И вот один из вельмож, будучи уже не в силах сдержать свою злобу, выступил вперед и крикнул исступленно:

– Приведи слонов, повелитель! Пусть слоны растопчут их ногами!

– Слонов!.. Растоптать!.. – исступленно и яростно вопили сановники.

– Слонов! – повелел Азкерт. – Привести слонов!

– Неразумно это, князь Пероз, – послышался чей-то предостерегающий голос, обращенный к первому вельможе. Но тот уже проталкивался между армянскими нахарарами, направляясь к выходу. Подбежал распорядитель приемов и приказал нахарарам покинуть палаты, но те не двинулись с места.

Пероз был лицом весьма влиятельным при дворе; его выступление произвело сильное впечатление. Придворные загудели, раздались – и из их рядов выступил вперед низкорослый, но крепкий, как дубовый кряж, военачальник. Его полное рябое лицо горело, как будто его окатили кипятком, жилы на шее вздулись. Весь побагровев, он пытался что-то сказать Азкерту, который с дергающимся лицом смотрел на него свирепым и безумным взором.

Военачальник решительно шагнул вперед: его тревожило приказание Азкерта, вызванное подстрекательством Пероза.

– Государь Мушкан, осторожнее!.. – послышался сзади предостерегающий голос.

– Поберегись, полководец!.. – раздались и другие голоса.

Однако Мушкан Нюсалавурт не прекращал своих попыток образумить Азкерта: безумие предложения Пероза было явным. Подбежавший к Мушкану воин сообщил ему на ухо, что весь лагерь поднялся на ноги и «бессмертный полк» вместе со слонами двигается ко дворцу.

Вбежал Пероз, действовавший по наущению могпэтан-могпэта и считавший, что нашел для себя путь к возвышению. Придворные испуганно перешептывались. Всем были известны приступы безумия Азкерта, но на сей раз оно перешло все границы и принимало уже

постыдные размеры.

Перозу делали знаки успокоиться, но он, с налитыми кровью, как у разъяренного быка, глазами, продолжал неистовствовать, никого не слушая.

Мушкан свирепо глядел на Пероза. Как воин и полководец он прекрасно сознавал, что значит привести слонов и дать им растоптать нахараров: вид крови привел бы слонов в ярость, и они могли заодно разнести весь дворец! Да и вообще выводить слонов из загона было очень опасно; это можно было делать лишь на поле битвы, – ибо, выпустив слонов, их потом очень трудно бывает сдержать. Но Мушкан напрасно старался втолковать это бесновавшемуся Перозу.

Еще более встревожившись и почти задыхаясь от возмущения, Мушкан вновь обратился к Азкерту:

– Повелитель, позволь вернуть слонов в лагерь!

Азкерт мрачно взглянул на него: гнев его еще не остыл, дыхание вырывалось с хрипом. Приподнявшись на подушках, он злобно оглядел советников и проговорил:

– Ученые вы… мудрецы, судьи!.. Так судите же! Решайте! Выносите приговор!

– Повелитель! – заговорил один из советников. – Армяне находят поддержку у единоверных греков. Чтоб раз навсегда лишить их о той поддержки, обрати их в нашу веру! Тогда они нам подчинятся!..

Вперед выбежал обезумевший Пероз.

– Но почему столь разнузданны они, почему не смиряются, не склоняются? Почему так упорны, так смелы? Вот это объясните вы мне!.. Свысока смотрят на нас!.. – ядовито и негодующе подчеркивая слова, выкрикивал он. – Считают, что мы ниже их! Строптивый народ! Строптивый духом!..

Лицо ею исказилось ненавистью, он уже рычал:

– Раздавить надо этот дух, стереть с лица земли! Вытравить- вот приговор! Отречение всем народом! И немедленное! Без отлагательств!.. Неужели мы еще будем спрашивать у них согласия?

Михрнерсэ склонился перед Азкертом, затем повернулся к нахарарам:

– Почему безмолвствуете вы, почему не слышим мы слов мольбы? Ты был марзпаном, – обратился он к Васаку. – Говори же, ответствуй: так ли должно писать азарапету царя царей?

– Ответ у меня есть! – отвечал Васак мрачно. – Но в час сей, под угрозой привода слонов, я говорить не буду.

– Настанет час – заговоришь!

– Заговорю.

– Говори ты! – обратился Михрнерсэ к Вардану. – Скажи, так ли подобает отвечать царю царей?

Вардан выступил вперед. Его величавая осанка, уверенный и решительный взгляд приковывали к себе внимание всего судилища. Нахарары насторожились, Васак посмотрел на него испытующе. Гадишо многозначительным взглядом предлагал Васаку не давать Вардану говорить за них. Но Васак знаком дал понять: «Пусть говори г!..»

– Поскольку, наконец, мне дана возможность, я буду говорить! – начал Вардан. – Да будет ведомо тебе, государь азарапет! Я знаю, что нахожусь перед создателем могущества арийского. Знаю и то, какой ответ нами написан. Да будет известно царю царей, что мы будем сражаться против внешних врагов арийского государства и будем платить ему положенную дань. Но и только!.. Того же, что мы получили в наследие от предков наших – родину нашу, нашу свободу и наш власть, – этого мы никогда и никому не отдадим! Вот о чем мы писали… Угодно тебе – предоставь нам свободно жить в стране наших предков. Не угодно: вот – мы, и вот – вы, поступайте, как пожелаете. Ответ написан. И того, что написано, не стереть…

– Ты смеешь… дерзаешь… – прорычал Азкерт.

– Не надо, государь! – прервал его Вардан. – Прежде чем явиться к тебе, мы сами уже

вынесли решение о своей жизни и смерти!..

Внезапно издалека донесся глухой, зловещий гул. То стонала земля под грузной поступью слонов. Приближался «полк бессмертных»… Ужас объял даже членов судилища, ожидавших в оцепенении, что у них на глазах разъяренные слоны сейчас растопчут армянских нахараров. Чудилось – остановилось время! Нахарары замерли. Перед лицом неминуемой смерти невозмутимым выглядел лишь один Вардан, хотя и он напряженно ждал дальнейших событии.

– Слоны пришли, повелитель! – со свирепой радостью возопил Пероз.

Михрнерсэ встал, склолклея перед Азкерюм.

– Повелигель, отошли слонов сегодня. Брось преступников в темницу! Пусть продлится для них ожидание смерти!

– Достойно и справедливо! – откликнулся весь совет.

– В темниц, дерзновенных! – крикнул дрожа Азкерт. – Бросьте их в темницу!

– Достойно и справедливо! – вторил совет.

– Сгною их в темнице, на куски разорву! Растерзаю, замучаю их, чтоб они поняли, что значит могущество арийское! -вопил Азкерт.

– Достойно и справедливо! – вторил совет.

Михрнерсэ подал знак. Вбежал евнух – главный палач; помощники, одетые белое, несли за ним инструменты и кандалы. Нахараров быстро за ковали в цепи.

Тогда они вспомнили слова Вардана, сказанные им перед отъездом: «Может быть, ссылка, темница… Нужно выиграть время!..»

Они ухватились за эту надежду…

У Васака в последнюю минуту мелькнула мысль: не заявить ли о своем отречении, спасти свое положение?..

Но вот Михрнерсэ махнул рукой, приказывая помедлить, а взглянул на Азкерта. Тот переждал немного и произнес:

– Повелеваю вам немедленно принять веру Зрадашта! Ничто не в силах отклонить меня от моего решения. Вы повинны в великом преступлении против меня, и только отречением от нечистой веры вашей можете вы искупить вашу вину. Итак, повелеваю вам: отрекитесь! А если не выполните моего повеления, прикажу в мучениях умертвить вас, войска пошлю в страну вашу, в пустыню превращу ее! Детей ваших и жен сошлю в Сакастан!..

Михрнерсэ вновь подал знак и приказал подбежавшему распорядителю приемов:

– Ашушу и Вагана держать отдельно от остальных, – впредь до нового приказания.

Распорядитель туг же у входа отвел в сторону бдэшха и агванского князя. Это не осталось незамеченным.

– Спаслись!.. – шепнул Васак Гадишо.

– Нет еще! – шепотом же возразил Гадишо, пристально глядя вслед уводимым.

Главный палач сделал знак помощникам, и закованных нахараров, в окружении стражи, вывели из дворца. Несметная толпа кишела на дворцовой площади. Посреди площади стоял «бессмертный полк» со слонами, под ноги, которых предполагалось, согласно велению Азкерта, бросить нахараров.

В предвкушении кровавого развлечения толпа бурно заволновалась, когда показались обреченные. Однако, увидев, что их проводят мимо слонов и ведут дальше, она в ярости взревела:

– Слонам.. Под ноги слонам! Растоптать!..

Слоны заволновались, угрожающе подбросили хоботы вверх, начали рыть землю ногами, готовясь к нападению. Мушкаи Нюсалавурт в бешенстве погрозил толпе кулаком и обратился к «бессмертному полку»:

– Назад! В лагерь!

«Бессмертный полк» повернул обратно. Мерно раскачивая свои холмоподобные тела, ушли и слоны.

Под охраной усиленной стражи нахараров вели сквозь беспорядочную, бушующую

толпу. Побледневший и мрачный Васак с ненавистью смотрел по сторонам, как бы отшвыривая от себя любопытные взгляды. Гадишо опустил голову, но был спокоен. Гарегин Срзантцян сдерживал толпу властным движением руки. Шедший рядом с ним Артак Мокац не отрывал взгляда от Вардана, который не утратил своей горделивой и величественной осанки. Издевавшиеся над нахарарами зеваки, внезапно заметив Вардана, умолкли и стали рассматривать его широко рскрытыми глазами. Спокойным и добрым взглядом, свойственным сильному человеку, смотрел Спарапет. С мятежной и вызывающей смелостью поворачивал вправо и влево свое лицо Нершапух, шевеля губами.

Невыносимо тяжелым было положение воинов армянской конницы. Вырвавшись всякими правдами и неправдами из своих шатров, они пробились сквозь толпу и шли рядом со стражей, не в силах сдержать свою ярость и горе. Впереди них шагал сотник Аршам. Армянские конники шли, расталкивая встречных и наступая им на ноги, – воины были на грани бешенства, и нетрудно было догадаться, что они готовы на все. Заметив это, Гарегин Срвантцян одними глазами указал на бойцов Аршаму, приказывая сдержать их. Аршам обернулся и пригрозил:

– Спокойно! Не затевайте тут ничего!

– Ладно, сами понимаем – отвечали воины. – Но если хотя бы пальцем тронут кого-нибудь- ни на что не посмотрим! Костьми ляжем, а не дадим наших в обиду! Бог свидетель.

– Всех перебьем, а наших в обиду не дадим! – подхватил другой конник.

Глядя на всех налившимися кровью глазами, воины, казалось, обезумели от сдерживаемого с трудом бешенства. И когда из толпы, кто-то бросил в нахараров камнем, конники, как один, метнулись к обидчику и смяли его под ногами. Подобно стаду овец, толпа отхлынула и рассеялась. Группа воинов, которые конвоировали арестованных, бросилась на армянских конников. Закипела ожесточенная схватка. Разбежавшаяся толпа вновь начала собираться..

Столкновение могло принять угрохающие размеры, но начальник стражи отозвал своих воинов Армянские конники, однако, продолжали следовать за нахарарами, окровавленные и разъяренные, они шли рядом с нахарарами, обсрегал их от самосуда толпы, уже, впрочем, не осмеливавшейся ни словом, ни действием оскорблять их.

Начальник стражи, чувствуя, что не справился со своими обязанностями и не смог оградить неприкосновенность арестованных нахараров, на поведение армянских конников смотрел сквозь пальцы.

Нахараров провели по улицам Нюшапура к тюрьме – мрачному полуподвальному строению с высокой оградой из необожженного кирпича и глины. Открылись массивные ворота, и нахараров ввели во двор. Дверь вела в темный подземный лабиринт темницы.

Мрачное, сырое и затхлое подземелье поглотило их.

Пол темницы был земляной, грязный, нельзя было и думать о том, чтоб сесть, не говоря уж о гом, чтоб лечь…

В первые минуты нахарары молча и растерянно осматривались кругом, оглядывая стены и ниши. Затем все придвинулись к Вардану и Васаку, как будто ожидая услышать от них ответ на вопрос: что делать дальше?

– Государь Мамиконян! – со сдержанным укором выговорил Васак. – До сих пор мы молча переносили бесчестие и кару… Но до коих же пор?

– До коих пор? – повторил Вардан. – Эго известно вам самому.

– Но каков будет конец?

– Конец пусть укажут персы. Возможно, его укажут и некоторые из нас! Но, по крайней мере, для меня лично вопрос ясен.

Васак не ответил. Остальные нахарары молчали. Чувствовалось, что эти двое имеют еще много что сказать друг другу, и все ждали.

– Но необходимо найти путь примирения с царем! – снова заговорил Васак.

– Ищи этот путь! – неприязненно ответил Вардан. – Для меня такого пути нет!..

Возможно, что вспыхнул бы ожесточенный спор, если бы не вошли двое: один высокий дородный человек свирепого вида с жезлом в руке, а другой – худой, длиннобородый, с согбенной спиной. Высоко поднятым над головой светильником второй осветил помещение. Свет, казалось, еще более подчеркивал мрачный и зловещий вид темницы.

Высокий, бывший, по-видимому, начальником тюрьмы, молча и внимательно оглядел заключенных, про себя пересчитал их и, повернувшись, удалился. Сопровождавший его последовал за ним до двери, находившейся довольно далеко. Затем, вернувшись, постоял немного, осматривая стены и пол, и также удалился. Сейчас же вошли четыре тюремных служителя с циновками и разостлали их на полу Помощник тюремщика вошел вновь, взглянул на циновки и прикрикнул на служителей:

– Зачем принесли циновки? Нужно было только паласы!

– Унести циновки? – многозначительно спросил один из служителей.

– Куда уж уносить! Несите паласы и подушки.

Пока служители выполняли его распоряжения, он молча и внимательно разглядывал нахараров. Служители принесли паласы, разложили их на циновках. Один принес и установил в углу большой карас. Помощник тюремщика нагнулся к карасу, понюхал и крикнул на служителя:

– Что это – вода или вино, животное ты этакое? Служитель замер в испуге. Помощник тюремщик приказал:

– Унеси сейчас же и принеси воды!

Служитель немедленно вынес карас и вернулся с другим.

Распорядившись принести хлеба, помощник вышел. Служители принесли хлеб, несколько грубых чаш и мисок и тоже удалились.

– Ну что ж, будем угощаться! – с горечью сказал Вардан, опускаясь на палас.

Артак Мокац уселся рядом Подошел к ним и Нершапух; Васак, Гадишо и Артак Рштуни сели в стороне. Остальные нахарары, измученные физически и душевно, бессильно опустились на паласы.

Васак ломал себе голову над тем, как бы увидеться с Кодаке м: узнать от него, что сделано им до сих пор и чем он может помочь теперь В суматохе он ре сумел повидаться и поговорить с Гютом наедине.

Ему бы хотелось переговорить и с другими нахарарами, но в последние дни – и сегодня особенно – нахарары были во власти тяжелых дум, не располагавших к беседе Вардану захотелось пить. Артак Мокац вскочил и, взяв чашу, нагнулся над карасом; зачерпнув из него, он сразу же увидел, что в чаше – вино, а не вода, которую приказал принести помощник тюремщика. Вардан взял чашу и заметил:

– Вот странный человек – Странный!.. – согласился Артак Мокац.

Обратили внимание на необычные распоряжения тюремщика и остальные нахарары.

Скоро стало темнеть. Мрак объял заключенных. Они молчали, каждый был погружен в свои думы. Лишь Ваан Аматуни читал вслух молитву.

Вошел помощник главного тюремщика со светильником в руке Артак Мокац обратился к нему и потребовал воды. Не ответив ни слова, тот вышсл и немедленно вернулся с большим кувшином Ашушу и Вагана ввели в один из внутренних покоев царской ставки. Распорядитель приемов почтительно пригласил их опуститься на подушки и удалился.

– Ну, раз их отвели в темницу, значит, они проиграли! – со смехом проговорил Ашуша.

Ваган глядел на него с изумлением.

– Да, проиграли! – уже совершенно серьезно повторил Ашуша – Нас отделили от армян, – медленно произнес Ваган; серые его глаза пристально глядели на Ашушу. – Но с некой целью?

– Уж во всяком случае не для спасенья нашей души-отрезал с горечью Ашуша.

– Ты полагаешь, что нас не будут принуждать к отречению? Ашуша горько улыбнулся.

– А ты полагаешь, что Михрнерсэ поверит нашему отречению или отречению армян?

– Зачем же принуждать?

– Это хитрый маневр Михрнерсэ: он-то знает, что наши народы примут ложное наше отречение за действительное…

В шатер заглянул дворцовый служитель и быстрым движением отдернул занавес. Ашуша узнал вошедшею старца: это был приближенный Михрнерсэ, придворный по имени Врам.

С добродушной усмешкой оглядев князей, он опустился на подушку и знаком предложил князьям занять место рядом с ним.

– Нехорошо получилось! – небрежно промолвил он. – Но армяне сами виноваты. Убедите их, пусть отрекутся, – кончим дело.

– Как можно их убедить, государь, если они решили не отрекаться? – возразил Ваган.

– Зачем отрекаться? – небрежно махнул рукой Врам. Ваган с изумлением взглянул на него. Ашуша отвел глаза.

– Ну да! – повторил Врам. – Нет никакой надобности отрекаться! Убедите их – пусть согласятся на притворное отречение. Да и вы сделайте то же самое. А потом уезжайте все домой! Ведь это – повеление царя царей! Разве можно шутить? Хорошенько обдумайте!..

Врам долго еще развивал свою мысль Слушая его со вниманием, Ашуша не сделал ни одного движения, не откликнулся ни одним словом. Ваган с сомнением переводил взгляд с Врама на Аг.ушу. Растерянность и сомнения Вагана еще более возросли, когда он увидел, что Ашуша молчит и не дает никаких обещаний, а Врам собирается уйти.

– Ну, желаю вам удачи и мудрого решения!.. Пребывайте с миром!

– Иди с миром, государь! – приветливо отозвался Ашуша. Не успел Врам выйти, как князь Ваган.нетерпеливо повернулся к Ашуше.

– Хитрит! – усмехнулся Ашуша. – Отрекаться не надо, надо лишь притвориться…

– И как ясно он дал это понять! – засмеялся Ваган. – Какой удачный выход он нам подсказал…

– А ты думал, что только мы умны?

Занавес отдернулся. В шатер вошли палачи с молотками и цепями; их сопровождали воины во главе с десятником. Палачи быстро заковали в цепи Ашушу и Вагана.

– Следуйте за нами в темницу! – проговорил с каменным равнодушием старший воин.

Князья последовали за ним, онемев от обиды и гнева.

Покуда армянские нахарары томились, терпя унижения вместе с бдэшхом и агванским князем, их друзья и враги выбивались из сил: одни старались их спасти, другие – погубить.

Варазваган вертелся вокруг Михрнерсэ и других вельмож, вновь настоятельно предлагая свои услуги персидскому двору. Заточение Васака и нахараров вызвало среди вельмож разговоры о том, что Азкерт намерен назначить в Армению другого марзпана. Это окрылило Варазвагана. Он уже прямо ставил перед персидскими князьями вопрос о своем назначении на этот пост, прося их содействия перед Михрнерсэ.

Но не спал и Кодак. Он напряг все свои силы, призвал на помощь все свои способности. Теперь или никогда! Он решил вызволить Васака. Сближение с Варазваганом помогло ему в этом совершенно случайным образом: однажды он увидел у него Вараздухт и узнал, что она бывает у князя Вахтанга вместе с женой Варазвагана, которая состоит в близком родстве с тещей Вахтанга. Следовательно, Вараздухт может обратиться с просьбой к Вахтангу…

На второй день их заточения к армянским нахарарам вошел помощник тюремщика и вызвал Арсена Энцайни. Когда последний в изумлении выступил вперед, тюремщик заявил, что Арсена освобождают. Неприятно были изумлены и нахарары: освобождение Арсена не могло почитаться хорошим признаком. У всех родилось далее подозрение: не смалодушничал ли он, нет ли у него каких-то темных связей?..

Выйдя из тюрьмы, Арсен увидел у ворот Вахтанга, который привел с собой коня и для него.

– Едем домой, я тебе расскажу, что и как случилось! – сказал Вахтанг Арсену, пуская вскачь своего коня. Арсен поскакал за ним.

– У меня была Вараздухт, – объяснил Вахтанг. – Она пришла просить меня, чтоб я похлопотал о твоем освобождении. Вот, поистине, преданная соотечественница!..

– Не ожидал! – удивился Арсен.

– Все хорошее обычно приходит оттуда, откуда мы его не ждем!..

– А что нового? – спросил Арсен.

– Сейчас расскажу…

И Вахтанг стал рассказывать Арсену о событиях дня.

Поведение Вараздухт объяснялось довольно сложным сплетением обстоятельств. Началось с того, что Кодак, тайно встретившись с ней, посоветовал ей пойти к Вахташу и просить его добиваться освобождения Васака через Михрперсэ. Это не представлялось невозможным, поскольку мать Хоруши и супруга Варазвагана были родными сестрами и Вараздухт вместе с нею часто бывала в доме Вахтанга.

Но Вараздухт поступила гораздо хитрее и умнее. Она пошла к Вахтангу и стала просить его добиться освобождения… князя Арсена Энцайни. Это должно было скрыть ее подлинную цель- освобождение Васака. Кодак не знал, что Арсен часто бывает у Вахтанга. Последний заявил, что, хотя он и не подумал об этом сам, но почитает своим долгом хлопотать об освобождении Арсена. Он пошел к сестре Михрнерсэ, Арамаиде (она приходилась теткой по отцу ею покойной жене), и попросил ее добиться у Михрнерсэ освобождения Арсена – как «колеблющегося в вере» армянского князя, которого можно использовать для внесения раскола среди нахараров.

При жизни своей супруги Вахтанг был очень дружен с Арамаидой, а Михрнерсэ считался со своей сестрой и был очень привязан к ней: именно Арамаида несколько лет тому назад спасла от смерти Вараздухт, которую преследовал рассвирепевший Варазваган.

Вахтанга и Арсена у ворот дома дожидалась мать Хориши. Арсен подошел к ней, обнял и поцеловал ей руку. Вошли в дом.

– Ах, терзают они вас! – промолвила госпожа.

– Да, терзают! – подтвердил Арсен.

– Арамаида говорит, что нахараров собираются через два дня бросить под ноги слонам, – грустно сказала госпожа.

– Но за что? – спросил Вахтанг, замерев от ужаса.

– За то, что они не сразу выполнили приказ повелителя.

Арсен оцепенел. Ему стало стыдно за себя, за то, что он не в тюрьме. Теперь, при этом страшном известии, он был охвачен одной мыслью: как спасти заключенных?!

Вахтанг удалился к себе. Госпожа усадила Арсена рядом с собой и стала расспрашивать его о пережитом: она очень беспокоилась за Арсена, которого любила почти как мать.

– Где же Хориша и Ормиздухг? – спросил Арсен.

– У себя, – улыбнулась господа. – Ведь у нас гостит Вараздухт- дочь сестры Варазвагана Она хотела тебя повидать.

– Зачем?

– Ей бы хотелось, чтоб ты помог ей спастись из когтей Варазвагана. Он не разрешает ей вернуться в Сюпик, хочет погубить бедную девушку! Подозревает, что она участвует в каких-то кознях против него!.. Подожди, я пойду приведу ее. Поговори с ней, – сказала госпожа с лукавой улыбкой заговорщицы.

Она быстро поднялась и вышла.

Тотчас же в покой скользнула Хориша. Она пополнела, стала еще прекраснее, в глазах появилось более сознательное выражение. Упав в объятия Арсена, она разрыдалась.

– Почему ты плачешь, Хориша? – спросил Арсен.

– Мне все сказали, я знаю о решении царя! – Хориша еще крепче прильнула к его груди. – Если тебя тронут, я пойду рядом с тобой, – скажу, что и я христианка!..

Вошла госпожа в сопровождении Вараздухт; она глазами делала знаки Хорише удалиться, но Хориша медлила.

– Они – земляки! – сказала тогда госпожа. – У них есть, вероятно, что сказать друг другу! – И обратилась к Вараздухт:- Не стесняйся, князь свой человек у нас и поймет тебя! Говори смело, он тебе не откажет.

Вараздухт, не двигаясь с места, поникла головой. Госпожа вышла и увела с собой Хоришу. Арсен внимательно присматривался к Вараздухт, – чем-то она была ему неприятна, несмотря на всю свою красоту.

– Говори же, я слушаю тебя! – сказал Арсен. Вараздухт подошла и села на ковер.

– Князь, у меня просьба к тебе, – начала она, ЁОДЯ пальцем по вышивке на своей одежде и не подымая головы, – Молю тебя, поговори с госпожой, пусть она мне устроит прием у Арамаиды. Не скрою от тебя: я хочу себя спасти. Я буду жаловаться на Варазвагана…

– Почему? Разве он не родственник тебе? – с изумлением спросил Арсен.

– Он жаждет погубить меня. Догадался, что я помогаю нахарарам, что это я передаю им вести в тюрьму через помощника тюремщика. Вчера он был у Михрнерсэ и сообщил, что нахарары решили не отрекаться и принять мученический венец. Михрнерсэ намерен завтра бросить их под ноги слонам.

– Хорошо, допустим, что отречение Варазвагана притворно. Какой же смысл Михрнерсэ удалить его?

Вараздухт смутилась. В начале этого свидания она составила себе не очень высокое представление об уме Арсена, хотя и знала, что именно такие простодушные люди, как он, способны иной раз ставить опасные ловушки другим. Сохраняя хладнокровие, она ответила:

– Он мешает Васаку в его усилиях обратить армян в огнепоклонничество исключительно для того, чтобы самому занять его место. Сам он не сильнее Васака. В Армении все считаются с Васаком и любят его, а Варазвагана проклинают…

– А Васак действительно имеет такие помыслы? – поразился Арсен.

– Боже упаси! Я должна так говорить только для того, чтоб уломать Михрнерсэ. Я должна разоблачить Варазвагана, должна раскрыть, что он расхищал казну и навез большие богатства к себе в дом. Это истинная правда!.. Я расскажу, что его отречение притворно!

Арсен почти дал убедить себя.

Он обратился к Вахтангу и госпоже с просьбой ввести Вараздухт к Арамаиде, и как можно скорей, так как дело это касается жизни и смерти армянских нахараров. Его просьба была уважена, и Вараздухт предстала перед Арамаидой.

Это была высокого роста, худощавая пожилая женщина. Ее умные острые глаза изобличали ум и проницательность. Она пристально взглянула на Вараздухт, державшуюся скромно, даже смиренно. Когда та склонилась к ее руке, Арамаида мягко оттолкнула ее и спросила, морща лоб:

– Подожди-ка! Не ты ли это была у меня несколько лет назад?

– Я, госпожа, – подтвердила Вараздухт.

– Тебя преследовал Варазваган? Он хотел погубить тебя?

– Он этого и сейчас добивается, госпожа! – сказала Вараздухт.

Арамаида встала и, взяв с собой Вараздухт, повела ее прямо к брату.

Сидя на своей подушке и отливая из кубка шербет, Михрнерсэ был поглощен изучением какой-то рукописи, которая, как видно, сильно занимала его. Когда вошли обе женщины, он поднял голову, приветствуя их улыбкой, более похожей на свирепую гримасу.

– Входите! Подойди! – обратился он к Вараздухт. Вараздухт не решилась подойти ближе. Тогда Арамаида взяла ее за руку, повела за собой, сана села рядом с Михрнерсэ и передала ему просьбу Вараздухт.

– Почему же хочет он погубить тебя? – спросил Михрнерсэ.

– Он подозревает приверженца Васака в каждом, кто прибыл из Сюника, и добивается его гибели. Но ведь я – дочь его сестры! Как у меня подымется рука на кровного родственника, сколь бы ни был Васак полезен персидскому правительству?!

– Садись рядом со мной, дочь моя! Расскажи, как действовал Васак в Армении.

– Васак продвигал дело с отречением от веры и добился хороших результатов. Несколько князей уже тайно отреклись. Сам-то он давно уже огнепоклонник, но опасается Вардана и потому не открывается Зная об этом, Варазваган боится потерять свой вес в глазах азарапета Персии и стремится погубить Васака. Впрочем, это их личные дела, меня пусть они оставят в покое.

Михрнерсэ нахмурился. Вараздухт почувствовала, что ей удалось заставить его думать о Васаке, но, чтоб замести следи, она стала рассказывать о Варазвагане, о совершенных им насилиях, о его темном прошлом, о его хищениях и корыстолюбии.

– Хорошо, довольно, можешь удалиться, дочь моя! – сказал Михрнерсэ холодно, но с видом человека в чем-то убедившегося.

«Дочь моя!» – это обращение Вараздухт запомнила…

Склонившись перед Михрнерсэ, она уже собралась уходить, когда вошел Вахтанг.

– Что делают нахарары? Вероятно, ты имеешь тайные сведения? – уставился на него Михрнерсэ.

– Они решили принять мученический венец. А казнь… Ты ведь знаешь армян: для них смерти не существует, если они решили идти на подвиг!

– Что говорит Спарапет Вардан?

– Как раз Спарапет Вардан и призывает их к подвижничеству. По моему разумению, государь, следовало бы их судьбу смягчить.

– Завтра же выпускаю на них слонов!.. – негромко, в глубоком раздумье, сказал Михрнерсэ.

– Но ведь Васак и некоторые другие отступились уже, государь!

– Так пусть они заявят об этом… – Михрнерсэ не закончил начатой фразы.

Арамаида и Вахтанг встали. Они оба почувствовали, что ветер подул в другую сторону.

Жизнь заключенных в тюрьме становилась все более и более невыносимой. Сырость, насекомые, тяжелый воздух, унизительное положение и мысли о родине, которой грозит опасность, терзали и подтачивали их силы.

Васак несколько раз обращался к Вардану и остальным князьям, предлагая обсудить положение, поискать какой-либо выход. Но Вардан неизменно заявлял каждый раз, что иного выхода, кроме вероотступничества, нет, – а на этот путь он не станет.

В тот вечер, когда Вараздухт посетила Михрниерсэ, заключенные пережили большую тревогу: главный тюремщик непрерывно сновал взад и вперед, он то останавливался и впивался в них взглядом, то удалялся, не сказав ни слова; так же поступал и его помощник. И вот, воспользовавшись минутой, когда старший тюремщик вышел, помощник задержался, отстал и вновь вернулся к заключенным. Он, очевидно, хотел что-то сообщить им, но опасался быть замеченным.

– Подойди-ка сюда, приятель! – подозвал его Вардан. Тот подошел.

– Что случилось? – спросил Вардан. – Почему вы непрерывно снуете взад и вперед?

– Ничего нет, князь! – отвечал тюремщик, не отводя от него взгляда.

– Уж не казнить ли нас собираются? – не то в шутку, не то серьезно настаивал Вардан.

– Да, князь, завтра собираются выпустить на вас слонов… Повелитель разгневан тем, что вы медлите с отречением.

– Хорошо, можешь идти! – сказал Вардан, покачав головой. – Значит, они все еще надеются…

Помощник вышел было, но сейчас же вернулся.

– Имей снисхождение, князь! – сказал он. – Я хочу сказать тебе еще кое-что. Вы – одновременно и князья и заключенные. Сегодня вы еще живы, а завтра вас растопчут слоны. Что такое отречение?.. Кто полезет к вам в душу узнавать – искренне ваше отречение или притворно? Изъявите покорность и уезжайте к себе на родину молиться вашему богу! Не в первый раз это будет, да и не в последний…

Вардан свирепо сверкнул на тюремщика глазами. Тот попятился и выбежал вон. Все молчали. По всей видимости, были среди присутствовавших и такие, которые разделяли

взгляды тюремщика… Васак заметил, какая воцарилась многозначительная тишина, и оценил ее как признак перелома.

Было за полночь, когда помощник тюремщика явился снова. Он осторожно приблизился к Ваану Аматуни и сообщил ему, что пришел князь Арсен с одним персидским вельможей; он поручил сообщить нахарарам, что казнь назначена на завтра. Пусть нахарары спешат с решением…

В темноте тюремщик приблизил губы к уху Аматуни и шепнул ему:

– Во имя любви к Христу, спасите души ваши! Аматуни удивился:

– Кто же ты сам?

– Я христианин… верую и исповедую веру истинную…

– Иди сообщи им, что мы думаем над этим! Тюремщик вышел.

Приближался рассвет. Приближался грозный день. Нужно было спешить… Аматуни сказал:

– Князья, роковой час наступает! Не было бы беды, если бы погибли только мы. Но ведь погибнет и страна… Решим, что делать!

Во тьме совещались также Васак и его сторонники. Жестокая ясность положения давала им возможность действовать более открыто. Гадишо, Гют Вахевуни, Артак Рштуни и Манэч Апахуни говорили друг другу:

– Ночь проходит. Какое же мы вынесем решение? К этой группе подошел и бдэшх Ашуша вместе с князем Ваганом.

– Князья! -заговорил он решительным тоном. – Надо решать!

– Каково же твое решение, государь бдэшх? – спросил Васак.

– Притворное отречение! Ведь все равно, рано или поздно, придется пойти на это. Опасно упускать удобный час…

– Гм… Ты думаешь, это убедит его? – задумался Васак.

– Убедит. Должно убедить!

Ашуша направился к Вардану. За ним потянулись и сторонники Васака.

Отблеск священного огня, горевшего на атрушане в тюремном дворе, проникал к заключенным через узкую щель в стене, выхватывая из тьмы лица собравшихся вокруг Вардана нахараров. Вардан печально улыбнулся Ашуше.

– Ты хочешь предложить мне согласиться на отречение? – негромко спросил он.

– Ты уловил мою мысль, Спарапет, – кивнул Ашуша. – Да, на отречение, но… притворное!

– И ты надеешься на успех?

– Не буду скрывать- сильно надеюсь! Вардан помедлил с ответом.

– Решиться на притворное отречение, а персов уверять, что мы отрекаемся искренне, – значит почитать их за детей несмышленых! Отречься притворно и позволить убедить наш народ, что мы отреклись искренне, – значит предать наш народ.

– Грозен час, государь Мамиконян. Сообщи свое решение! – молвил Васак.

– А ты сам что-нибудь решил? – спросил Вардан.

– Я жду решения остальных.

Общее молчание длилось долго. Никто не решался ни заговорить, ни даже пошевелиться.

Наконец, Нершапух повернулся к Ваану Аматуни:

– Что же нам делать, азарапет? Смерти я не боюсь, но родина…

– Никто здесь смерти не боится! – громко ответил азарапет. – Страшно только за родину…

– Что ты хочешь сказать? – встрепенувшись, резко спросил Вардан.

– То, что мое слово будет едино с твоим! – спокойно ответил азарапет.

– Отречение – вопрос не совести, князья! – заговорил Вардан – Совесть свободна, она свои дела уладит. Наше отречение – вопрос государственный. Притворство, ложь- говорите вы? Но притворство притворством и останется! То, что будет обманом здесь, будет обманом

и там! Никто и нигде не должен знать истину. Да, только так Другого выхода нет!

– Другого выхода нет! – откликнулся Нершапух Арцруни. – Мы пленники. Нас долго держать в заточении не будут, не дадут нам выиграть время. Завтра – конец. А что будет с родиной?

– Но, по крайней мере, на родине сейчас царит единение! – нахмурился Вардан. – Единение менаду ее верными защитниками и теми, кого они считают своими вождями! А весть о нашем отречении вызовет разлад, раскол и смятение, и растерявшаяся страна погибнет в неравной войне. Как же нам показаться на родине с этим притворным отречением и скрывать его притворность? Кому можем мы объяснить, кого мы уверим, что мы не предатели? Все смешается, все будет нам во вред и врагу на пользу! А всдь мы клялись народу ничего не уступать…

Слово взял бдэшх Ашуша.

– Ты прав, Спарапет! Прав во всем! – сказал он. – Но ведь если мы останемся в живых – это тоже победа. Остаться в живых сегодня, значит быть победителем завтра!

– Убивать нас не станут! -отмахнулся Вардан. – Если бы он хотел нас уничтожить, он бы сделал это вчера. Час безумия упущен… Теперь же наше дело в руках Михрнерсэ. А у него ясная голова на плечах. Да и с кушанами дела идут не так, чтобы можно было нас тронуть сейчас, не из тех мы, кого можно проглотить безнаказанно. Это ему ведомо! Он притворно поверит нашему притворному отречению и отправит нас домой с настоящими жрецами и настоящим войском… Вот тогда разразится настоящее бедствие, когда придет жрецы и войска!

– Значит, и ты сознаешь, государь Мэмиконян, что они растопчут страну! – выступил Васак. – Нет выхода иного… Согласимся на отречение!.. На притворное отречение!

– Да, да! Для виду… – подхватили Гадишо, Гют, Артак Рштуни и Манэч.

– Согласимся притворно.. А когда, с божьей помощью, доберемся до родины – откинем прочь всякий обман. Да и время выиграем!..

– А вы как решили? – обратился Вардан к своим сторонникам.

Первым выступил Нершапух:

– Государь Мамиконян, ми думаем согласиться на притворное отречение. Но если ты полагаешь, что среди нас есть изменники, – знай, мы пойдем за тобой в огонь и в воду! Решай сам…

– Необходимо согласиться, Спарапет!.. – сказал свое слово и Аматуни. – Необходимо во имя спасения страны! Многое делается во имя родины такого, на что не решится никто ради своей личной выгоды. На нас смотрит народ, от нас ждет он спасения. Нам надо остаться в живых, чтобы спасти его!

– Но что же ты предлагаешь нам во имя спасения родины? – поднял голос и Васак. Вардан вспыхнул:

– Что?.. Ты думаешь, я остановлюсь перед любым способом спасения родины?! Много мы перенесли бурь – и много раз находили путь к спасению. Что же, пусть падет и этот грех на мою голову – не на вашу. Я согласен. Но с одним условием: клянитесь все, что на родине вы все вместе со мной заявите во всеуслышанье всю истину!..

– Клянемся! – в один голос откликнулись все.

– Клянемся! – подтвердил и Васак. – Вернувшись в Армению, мы будем снова открыто исповедовать христианскую веру. Согласись же, Спарапет!..

– Вот это меня затрудняло. И только это может заставить меня согласиться!

– Клянемся господом богом и священной родиной нашей! – провозгласил Ваан Аматуни.

– Клянемся! – подхватили нахарары.

Через тюремного служителя Аматуни вызвал главного тюремщика. Тот явился немедленно и радостно оглядел заключенных Азарапет поручил ему поставить Михрнерсэ в известность о принятом нахарарами решении.

Все население Нюшапуха собралось на поле, прилегающем к лагерю, – посмотреть

казнь армянских нахараров. Уже готовили слонов, возбуждая их вином и дымом ладана. Они злобно рыли ногами землю и подбрасывали вверх свои хоботы.

Воины армянской конницы не помнили себя от бешенства. Лишь Нерсик и Бабик были спокойны и радостны: значит, их отец тоже был в числе защитников родины!.. Эта мысль воодушевляла их. Вместе с армянскими воинами они пошли на поле – проститься со своим отцом и другими нахарарами. Тяжелым должно было быть зрелище, но они старались сохранить твердость духа, как подобало детям защитника отчизны.

Толпа зарычала. Это было знаком того, что приближались осужденные. Армянские воины сбились в одну кучу. Вот показались нахарары… Но слонов все еще не выпускали из загона. Изумлению толпы не было границ, когда появились нахарары: верхом на скакунах они проследовали к стоянке армянской конницы, и там со всеми почестями их пригласили спешиться. Нахарары были не умыты и не одеты, но все же не были похожи на только что вышедших из тюрьмы заключенных. Васак, Гадишо, Рштуни, Гют и Манэч держались спокойно, еле скрывая свою радость. Надломленными и печальными выглядели Артак, Нершапух, Ваан Аматуни и Шмавон. А Вардан, вероятно, за всю свою жизнь не выглядел столь смятенным, да и не имел никогда к тому подобных причин… Привьмный к опасностям, всегда неизменно свободный внутренне, он первый раз в жизни совершил насилие над своей совестью; первый раз он обманывал себя и других, кривил душой и лукавил Он испытывал такие острые укоры совестч, такой стыд, что готов был провалиться сквозь землю, лишь бы никого не видеть, – в особенности своих воинов, которые ел огрели на него с напряженным изумлением.

Толпа глядела в сторону загона, удивляясь, почему запаздывают слоны. Окликали сторожей, но никто не отзывался. Заподозрив, что казнь нахараров отменена, толпа стала готовиться побить осужденных камнями. Армянские воины бросились к себе в лагерь за оружием и скакунами и с угрожающим видом вернулись. Атмосфера накалялась. Еле уловимый знак, одно какое-нибудь слово – и избиение началось бы.

Положение спас главный тюремщик, ехавший во главе стражи. Он придержал коня и закричал:

– Окажите почести нахарарам: они признали учение маздаизма!

– Признали?! -зарычала толпа.

– Закон маздаизма!.. – еще громче крикнул тюремщик. – Почтите же их!..

Люди отбросили прочь приготовленные камни и с шумом бросились целовать нахарарам руки, осыпать поцелуями поводья и гривы их коней. Нахарары старались как-нибудь избавиться от этих ггоздравлений, но тщетно.

К Вардану подбежал Аршам, впился в него испытующим взглядом и заметил в глазах Спарапета неизъяснимо глубокую тоску. Вардан видел, как армянские воины, убитые стыдом и скорбно, прижались друг к другу, как бы оцепенев от горя, и смотрели на него глазами, полными упрека и отчужденности. Он мысленно молился, чтобы не навлечь опасности на себя или на них.

Бабик и Нерсик стояли, крепко держась за руки, и следили глазами за Васаком. Тот спокойно взглянул на сыновей и кивком приказал им пойти в лагерь.

Когда в лагерь прибыли нахарары, ни один воин не подошел к ним. Только служители приняли коней и откинули пологи шатров.

Вардан поспешил войти в шатер, чтобы не чувствовать устремленных на него глаз, которые жгли его. Он не в силах был перенести и взгляды товарищей своих. Артак внимательно следил за Варданом, очевидно, желая заговорить с ним, но Вардан именно его и избегал, пожалуй, больше, чем остальных. Нершапух что-то шептал про себя. Шмавон выглядел разъяренным, – этот молчаливый и необщительный человек, который до сих пор не принимал активного участия ни в каком решении, стал уже тяготиться вынужденным отречением. Войдя к Вардану, он мрачно сел рядом с ним. Немного спустя вошли, следом за азарапетом, Нершапух и Артак Мокац.

– Напрасно мы отрекались, нужно было отказаться, – пусть бы нас растоптали насмерть

слоны!.. С каким лицом покажемся мы теперь нашим родным и народу? – проговорил Шмавон.

– Эх, оставим гордыню! Много мудрых и отважных людей знал я, которые не сумели избегнуть западни, – со вздохом отозвался Вардан. -Попались и мы. Вероятно, сделали какую-нибудь ошибку, загордились… Нелегкая вещь – родина! Не всякий достоин иметь родину.

Вардан говорил со жгучей горечью. Нахарары слушали его безмолвно, в душе соглашаясь с ним и желая дать ему возможность облегчить наболевшее сердце.

– Когда же будет конец этим терзаниям? – удрученно воскликнул Вардан. – Когда же мы выберемся отсюда к себе домой?!

– Ты скажи мне, Спарапет, что они задумали? – обратился к Вардану Артак, намекая на приверженцев Васака.

– Не знаю, что задумали, но условие остается условием: немедленно по прибытии на родину мы заявляем о ложности нашего отречения- резко сказал Вардан.

Появившийся в этот момент гонец известил Васака, что Михрнерсэ приглашает его к себе во дворец и просит пожаловать с сыновьями. Обрадованный Васак предложил гонцу подождать, пока он оденется так поворот судьбы! – с насмешкой заметил азарапет.

– Рьбка нырнула в воду… – сказал Нершапух. – Из-под слоновых ног он поднимается к новым почестям в сане марзпана!…

Вместе с гонцом прибыла группа военачальников и пышно разодетых дворцовых служителей. Все ждали Васака у его шатра. Васак одевался, приказав одеваться также Бабику и Нерсику.

– А нам зачем ехать? – недовольно возразил Бабик.

– Быстрее, быстрее! Сейчас не время расспрашивать! – торопил Васак.

– Мы же не отрекались, зачем же Михрнерсэ принимать нас? – упорствовал и Нерсик, с опаской поглядывая на отца. Васак сверкнул глазами:

– Быстрее, говорю вам, одевайтесь!

Бабик мрачно покорился, его примеру последовал и Нерсик, и вскоре все трое были готовы. Васак вышел из шатра, у которого его ждали Гадишо, Гют, Рштуни и Манэч. Они уже не скрывали своей близости к Васаку и враждебность к приверженцам Вардана. Решение об отречении было им очень на руку. Отречение было притворное – стало быть, они «притворялись»… Что же было предосудительного в том, что они «притворялись» очень умело и перед всеми?.. Они имели на это право. Тем более, что и сам Вардан должен был понять и признать, что, если подать повод к подозрению, – все дело будет в опасности. И сам Вардан обязан притворяться столь же «умело»…

Стоя у входа в свой шатер, Вардан следил за отъездом Васака. Это, конечно, не было столь уж важным событием: подразумевалось само собой, что отрекшийся от веры марзпан должен был вновь удостоиться почестей и быть приближенным к Михрнерсэ белее, чем все остальные; ведь Михрнерсэ поверил в искренность отречения Со всех сторон все, все благоприятствовало Васаку и его единомышленникам. Вардан вынужден был молчать… Пусть лишь до прибытия на родину, но как далеко было еще до родины. И чего только не могли натворить Васак со своими сообщниками до прибытия на родину!..

Васак простился с нахарарами, сияя от радости; чтобы придать еще более торжественный вид своему выезду, он ехал медленно Когда он скрылся из вида, Аршам, следивший за ним с группой воинов, заметил:

– Радуется! Едет получать цену за свое отречение!

– А Спарапет приуныл!.. – заметил один из воинов.

– Совершил смертельный грех, конечно, должен приуныть! – отвернувшись, с возмущением пробормотал Аршам.

– И Спарапет от нас отступился! – простонал кто-то.

Воины разошлись.

Целый день все были глубоко подавлены. Вардан лежа а у себя в шатре, ни с кем не

разговаривая. Принесли обед, но он и не дотронулся до еды. Казалось, он перенес тяжелую болезнь – за один день он так осунулся и пожелтел, точно болел месяцами. Никогда в жизни не чувствовал он такой горечи. И самым тяжелым было то, что он вынужден таиться, притворяться перед своими воинами.

К вечеру пришли маги и стали устанавливать атрушан в головной части лагеря армянской конницы. Полюбоваться зрелищем пришли также воины из персидского лагеря. Персы весело заговаривали с армянскими воинами, но те не отвечали им ни слова и глядели на них холодно. Один из магов подошел к княжеским шатрам и хотел было войти к Вардану, но Артак преградил ему путь:

– Нельзя!

Маг повернул обратно. Объясняя такой прием непривычкой к огнепоклонству, он не придал ему значения.

Вскоре послышалась молитва магов: они приучали лагерь…

– Начали! Первый урок дают – горько пошутил Вардан, обращаясь к вошедшему Артаку.

Артак с болью взглянул на Вардана, на его искаженное и измученное лицо и стал у его изголовья. Он также терзался и чувствовал себя униженным.

– Спарапет, случалось ли тебе попасть в величайшую опасность, из которой не было надежды спастись – проговорил он – Как поступал ты в такой момент?

– Тогда я был господином себе: я сражался и вызволял себя! – отвечал Вардан – Но там шел бой А это – шутовство.

– Будем на родине – освободимся от греха лжи! Лишь бы не сочли нас за изменников! Не то ослабеет страна. А в вопросах войны вера места не имеет – Мы загрязнили совесть наших воинов, душу наших братьев, – с горечью возразит Вардан. – Душу к этому приучить нельзя…

– Поедем на родину и кровью смоем грех! Пусть другие после нас живут с чистой совестью… А что скажешь о марзпане, Спарапет? – переменил разговор Артак.

– Здесь марзпан виляет; я испытаю его там, дома. И если он отрекся на самом деле – горе ему!..

Прибывший от Васака гонец привез известие о том, что Азкерт и Михрнерсэ решили пышно и торжественно отметить отречение нахараров и принятие ими учения Зрадашта.

Был установлен следующий порядок: рано утром нахарары с армянской конницей должны ждать в полной готовности; как только наступит час «зари», они должны предстать перед могпэтан-могпэтом на большом поле персидского лагеря, где совершится их первое поклонение солнцу вместе со всем персидским войском, с повелителем персов и персидскими вельможами. Затем они примут участие в большом совете в палатах Азкерта.

Вардана точно ударили обухом по голове. Но он сдержался и с горечью вымолвил:

– Ну что ж, если мы согласились быть шутами, мы должны и вести себя, как шуты…

Пышно разодетая группа всадников явилась вместе с магами и придворными вельможаги в лагерь армянской конницы, чтобы сопровождать нахараров на поле, где должен был состояться обряд поклонения солнцу. Обширное поле ходило ходуном – так его запрудили воины, кони и слоны. Пыль стояла столбом. Наконец, солнце чуть позолотило облака.

Армянская конница во главе с Варданом и Васаком расположилась между двумя крылами персидского войска.

Сотни барабанщиков и трубачей, трубя в трубы и ударяя в барабаны, вышли из-за шатров и гурьбой направились к полю. За ними следовал Азкерт со своей огромной свитой, в которую входили Михрнерсэ с придворными, могпэтан-могпэт и полководец Мушкан Нюсалавурт. Войска прогремели приветствие, похожее на гул урагана в лесу. Когда шествие приблизилось, все войско склонило свое оружие и знамена в честь Азкерта, ехавшего мерным шагом на могучем коне. На царе была осыпанная бриллиантами корона и вытканный золотом, украшенный драгоценными камнями плащ. На Михрнесрэ также был

нарядный красный плащ с роскошно вышитой золотою каймой. За Азкертом ехали придворные в праздничных одеяниях и островерхих шапках. Азкерт остановился на площади перед армянскими нахарарами. По одну его сторону стоял Михрнерсэ, по другую – могпэтан-могпэт, окруженный именитыми магами. Армянским нахарарам, стоявшим между рядами персидских войск, предложили выйти и подойти к свите Азкерта. Новообращенным воздавались почести.

Азкерт и его свита спешились Хрипло, с сатанинской силой, прозвучала витая труба..

Восток все более светлел. На вершине юры что-то сверкнуло, и, наконец, показалось огненное солнце. Все войско вместе с Азкертом и тысячами людей пало ниц.

Могпэтан-могпэт выбежал вперед и, простирая руки к солнцу, воззвал:

– «Я сущий, я есмь Мазда!» Преклонимся же перед Агурамаздой – праведным повелителем истины. Поклонимся Амшасбанде – хранителю и дарителю благ!.. Поклонение водам, деревьям, животворному духу природы! Поклонение Агурамазце, кем сотворен дух этот! Поклонение Зрадашту, Кава Виштаспу, Фрашошдре и Джамаспе и всем древним жрецам огня!..

Все замерло, оцепенело. За целый час молитвы не дрогнул, казалось, ни один листок. Вардан чувствовал себя в каком-то кошмаре. Лежа ничком, он дрожал всем телом. Артак и Нершапух держались, на всякий случай, рядом с ним, с обеих сторон, Могпэтан-могпэт закончил молитву, подал знак, по которому все встали, и запел высоким гнусавым голосом какую-то мелодию, к которой присоединили свои голоса тысячи магов. Мелодия росла, ширилась, и вот она понеслась по всему лагерю. Это был гимн солнцу. В такт мелодии войско потрясало копьями, мечами, щитами и знаменами, воздевая их к небу.

Мелодия тянулась, повторялась, умолкала… Толпа перевела дух. Азкерт вложил меч в ножны; повернувшись, он оглядел армянских нахараров с их конницей, в знак удовлетворения кивнул головой и, сев на коня, повернул к полю.

Придворные последовали за ним, держась полукругом. Азкерт оглянулся и что-то приказал. Ближайший к нему вельможа, подъехав к Васаку, с почтительным поклоном сказал ему:

– Царь царей приказал вам сегодня вечером пожаловать в его палаты Теперь же состоится торжественный смотр войскам в вашу честь. Не расходитесь.

– Признательны повелителю, – ответил Васак, сияя от радости.

Придворный погнал коня назад к царской свите. Васак обратился к нахарарам:

– Это великая честь, государи мои!

Он с трудом сдерживал свое ликование. Уловив это, Вардан неприязненно взглянул на него. Васак заметил свой промах, но не придал этому значения. Он был весь поглощен перспективой ожидающих его великих успехов; ему казалось, что начинается осуществление его мечтаний и сегодня заложен первый камень…

Он бросил на нахараров взгляд повелителя и повернул коняв сторону Михрнерсэ. За ним последовала его свита.

– Уже окружает себя царской пышностью! – заметил азарапет.

Расслышавший его слова Гадишо отозвался:

– Но ведь он царского происхождения!

– Ты подтверждаешь сказанное мною, князь Хорхоруни!

В этот момент от свиты Азкерта отделился Мушкан Нюсалавурт, пустил коня на середину площади и, подняв мясистую руку, выкрикнул могучим голосом:

– Торжественным шагом, впер-е-ед!

Вновь зазвучали трубы, загрохотали барабаны, и правое крыло персидских войск, оторвавшись от дальнего края поля, стало, разворачиваясь, проходить мимо Азкерта. Двигалась щитоносная, вооруженная копьями и луками пехота. Она приближалась, мерно покачиваясь, заставляя дрожать землю. Проходили воины с пепельно-серыми, желтыми, черными и смуглыми лицами, закаленные в кровопролитных сражениях. Вид у них был свирепый – они славились бесчинствами, резней мирного населения и ограблением

захваченных городов.

Долго длилось прохождение пехоты. За ней следовали отряды разноплеменных всадников, похожие на разбойничьи шайки. Это были бешеные наездники, готовые растоптать все живое под копытами своих коней.

Вардан, глядя на них, мысленно представлял себе тот день, когда он со своей конницей врежется в их ряды и будет валить их, как град валит колосья.

Наконец, вышел пресловутый «полк бессмертных» вместе со слонами – гордость войска Азкерта. Мушкан Нюсалаврт, для безопасности, заботливо оцепил несколькими рядами всадников поле вокруг Азкерта и его свиты и лишь тогда, подняв руку, дал знак вывести слонов. Главный надзиратель, сидевший в башне на ведущем слоне, пронзительно крикнул остальным, затем вскинул остроконечный жезл и завертел им в воздухе. Слои качнулся в сторону, закружился и стал пятиться, повернувшись задом вперед. Вожак ударил его жезлом между ушами. Слон рассвирепел, выбросил хобот вверх и, повернувшись, тяжело побежал. За ним двинулись и остальные с слоны. Они пробегали, сотрясая на своих спинах зубчатые башенки, набитые стрелками. За слонами следовали, подгоняя их копьями, отряды всадников. Положение становилось опасным. Азкерта попросили отодвинуться. Отклоняясь то в одну, то в другую сторону, временами порываясь броситься на зрителей, слоны, подгоняемые конными копьеносцами, прошли, наконец, за линию прохождения войск А Душкана Нюсалаврта гызвали к Азкерту, и Азкерт что-то ему приказал. Мушкан оглянулся в сторону армянской конницы. К Васаку подскакал один из военачальников Азкерта с извещением, что царь царей повелевает армянской коннице пройти перед ним.

Васак поспешил распорядиться:

– Это особая честь, Спарапет! Поспешите…

Но Вардан не намерен был выполнить повеление Азкерта. Убеждать его или медлить хотя бы мгновение нельзя было. Вардан и сам понимал, что подвергать опасности жизнь нахараров не следовало, и кивнул Гарегину Срвантцяну, который был его помощником по коннице. Гарегин сейчас же обратился к хмурым воинам:

– За мной, вперед!

И вихрем полетел, как ветер, на край поля. Всаднчки пришпорили коней и помчались вслед за ним.

Гарегин понял Вардана – или вообразил, что почил его мысль. Домчавшись до поля, он повернул коня в сторону площади и скомандовал:

– На седлах стоя!..

И сам, вскочив на седло и стоя на нем во весь рост, помчался на площадь. За ним, тоже стоя на конях, мчались остальные всадники. Поровнявшись с Азкертом, они выхватили мечи и, размахивая ими в воздухе, с многоголосым гиканьем промчались вперед так быстро, что их едва успели разглядеть. Гарегин проделал этот маневр, чтобы дать исход накопившемуся гневу и показать превосходство своих всадников.

Вардан понял его и почувствовал облегчение, хотя и подметил омраченные ненавистью лица персидских вельмож, в особенности Пероза. Когда же Гарегин вновь повернул конницу и псмчался с нею на проходивший в этот момент по площади отряд пехоты, Вардан почувствовал безграничное удовлетворение и взглянул на Пероза даже со злорадством. Пехота, полагая, что армянская конница закончила свое прохождение, шла к себе в лагерь. Все застыли, чувствуя, что вот-вот она будет смята под копытами скакунов. Но всадники перемахнули через них. Не задев никого из разбежавшихся в разные стороны персидских воинов, конница промчалась к дальнему краю и исчезла за ним, появилась вновь и спокойным шагом направилась на свое место. Азкерт наклонением головы показал, что остался доволен. Васак с радостью отметил это, а в глазах его сверкнуло ликование.

Нюсалаврт подал знак, что смотр окончен. Трубы затрубили отбой, войско застыло, ожидая отбытия цари. Азкерт поднял руку, помахал войску и повернул коня.

Войска освободили площадь, над которой долго еще колыхалась пыль, подобран туману.

Вардан с нахарарами вернулся в лагерь.

В большом шатре полукругом расположились Азкерт, его придворные, персидские военачальники, могпэтан-могпэт, маги и армянские нахарары: Азкерт давал пышный ужин в честь новообращенных. Все сидели, поджав ноги, на шелковых, вышитых золотом тюфяках и подушках. Перед каждым стоял маленький поднос, уставленный яствами, фруктами и напитками. Между гостями снова, и пышьо разодетые слуги.

Армянские нахарары только усаживались, когда Михрнерсэ, через одного из придворных, пригласил к себе Васака, подчгркнуто оказывая ему почести. Васак встал и, с торжественным видом подойдя к Михрнерсэ, уселся рядом с ним.

Азкерт поднял руку. Все замерли, и царь обратился к армянским нахарарам:

– «Сдружились – сравнялись!» – так говорит пословица, – сказал он. – Теперь вы – персы. Между нами и вами теперь разницы нет. И греки уж не могут обращаться к вам с предложением слиться с Ники. Идите и крепите мощь нашей и вашей Персии И да поможет вам Агурамаздз!..

– Истина, – отозвался весь зал.

– Государь марзпан, – продолжал Азкерт, – тебе вручаю я кормило власти. Ты должен распространить учение маздаизма на всю Армению. Иди с миром и действуй с помощью богов!

– Да будет по слову твоему, повелитель! – кричал Васак, вставая и склоняясь перед ним по персидскому обычаю.

– Государь Спарапет, – продолжал Азкерт, – тебе я передаю армянское войско. Спешно собери его и поведи против кушанов. Храбрецам место не дома, а на поле битвы!

Вардан холодно отдал поклон и сейчас же сел.

Затем последовали увеселения.

– Развеселите-ка нас немного! – приказал Азкерт.

Вошли музыканты и стали наигрывать веселые мелодии. Их сменили полунагие женщины, плясавшие танец живота с непристойными телодвижениями.

Вардан не поднимал глаз и не прикасался к еде. Он попросил Артака и Нершапуха сесть рядом, завел с ними беседу, и это позволяло ему не смотреть вокруг себя. Не случайно оглянувшись, Вардан перехватил взгляд Пероза. Вардан припомнил слова Пероза о том, что армяне надменны и нужно сломить их дух. Оба посмотрели друг на друга пристально и неприязненно и обменялись холодной, недоброй улыбкой, говорившей, что они хорошо друг друга поняли.

– Пероз смотрит на тебя, – заметил Артак.

– Да, сегодня его праздник! – ответил Вардан мрачно. – Посмотрим, чей праздник будет завтра…

До полуночи длилось пиршество, к лишь когда Азкерт встал и удалился к себе, разошлись приглашенное.

Михрнерсэ мягко захлопал в ладоши. Тотчас вошел дворецкий.

– Бдэшха Иверии – сонно и равнодушно выговорил азарапет Персии.

В ожидании прихода Ашуши он прикрыл глаза и зашевелил губами, словно дожевывая недоеденный кусок.

За дверью что-то зашелестело. Дворецкий беззвучно отвел рукой занавес и с глубоким поклоном пропустил вперед Ашушу.

Сузив глаза, Михрнерсэ пристально взглянул на вошедшего и медленно раздвинул губы в улыбке, придавшей его лицу еще более свирепое выражение. Склонившись в поклоне, Ашуша остановился у двери. Еле заметным движением худой руки Михрнерсэ пригласил его сесть на подушку. Ашуша уселся. Он был в дорожном одеянии, с подвешенной к поясу кривой саблей.

– Пригласил тебя, государь бдэшх, чтоб сообщить радостную весть, о которой молчал до сего времени…

– Надеюсь, государь азарапет, что это радость для Персии! – приветливо улыбаясь,

ответил Ашуша.

– Ну да, для Иверии, – шутливо поправил его Михрнерсэ. – Радуюсь случаю сообщить тебе, государь бдэшх, что царю царей угодно было особо отметить незапятнанную верность Иверии арийскому государству, не в пример Армении, на которую не надеется ни царь царей, ни я… Не можем мы похвалиться верностью нам, государь бдэшх! – слегка покачал головой Михрнерсэ. – А тебя я пригласил, чтобы сказать, что ты не должен торопиться о отъездом. Ведь Иверия не собирается восстать или же присоединиться к армянам? Следовательно, тебе нечего там делать сейчас, и ты можешь остаться здесь.

Ашуша вздрогнул.

– Остаться здесь?.. – медленно повторил он, едва сдерживая тревогу.

– Ну да. Царю царей угодно было заявить, что он хотел бы иметь возможность иногда совещаться с тобой… относительно армян!

Ашуше известно было коварство Михрнерсэ. Ничем не выдавая себя, он молча наклонил голову.

Это было единственно разумным, – Ашуша это знал.

Два государственных человека поняли друг друга. Больше не было сказано ни слова.

Васак беседовал с сыновьями о своих планах. За эти последние два дня он стал необычайно общительным и поведал детям неожиданную новость: он берет их с собой в Сюник.

– Ах, отец, ведь я так стосковался по дому, матери, замку, родине! – запрыгал Нерсик – Ну, готовьтесь, завтра выезжаем! -приказал Васак.

– Но зачем же ты привез нас сюда? – спросил Бабик.

– Ну что ж, вы повидали мир, чужие края…

– Ничего хорошего мы не видели, – возразил Бабик. – Видели поклонение солнцу и огню, наглотались дыма от атрушанов…

– Об этом молчи! – оборвал Васак, сурово взглянув на сына.

– Молчу. Поговорим дома.

В этот момент вошел дворецкий Михрнерсэ: его господин приглашал Васака к себе. Васак пошел весьма охотно: его радовало расположение Михрнерсэ, достигнутое за последние дни. Он прилагал все усилия, чтоб еще белее подогреть это расположение, утвердить его и использовать.

Михрнерсэ был серьезен и задумчив. Он улыбнулся Васаку своей гримасой и вновь принял серьезное выражение. Это было плохим предзнаменованием.

– Я вызвал тебя для небольшого сообщения. Повелитель требует заложников.

– Заложников?.. – переспросил Васак, еще не совсем понявший всю серьезность этого заявления.

– Ну да, заложников. Обыкновенных заложников! Это простой и распространенный обычай. Он спросил у меня, кого из нахараров оставить заложником. А я сказал ему: «Поскольку это не имеет особого значения, пусть считаются заложниками сыновья марзпана. Они прибыли, чтоб получить воинское образование и, стало быть, все равно остаются. Так зачем же нам задерживать у себя нахараров?»

У Васака перехватило дыхание. Едва сохраняя хладнокровие, он спросил:

– Но если таков обычай, то ведь можно взять заложников и из числа нахараров?..

– А к чему держать нахараров здесь, когда у них есть дела в Армении? Да и Вардан скорей пожертвует жизнью, ко не останется заложником и не даст никого из своих! Впрочем, зачем нам лишние заботы? Мы возьмем заложников у вполне преданного нам человека! К чему брать у людей сомнительных? А преданнее всех, конечно, ты, государь марзпан. Да это и мне приятней: ведь я Бабика и Нерсика люблю, как собственных сыновей. Они останутся у нас, будут обучаться воинскому искусству, а ты в Армении посвятишь себя нашему делу. Мы же знаем друг друга, друг другу доверяем. Ты – одно, нахарары- другое! Да, заложником остается ведь и бдэшх Ашуша.

– Ашуша?! – содрогнулся Васак.

– Ну да! Царю царей так угодно. Уж не знаю, зачем он повелел так…

Васак чувствовал, что задыхается. Он ответил:

– Я безмерно счастлив, что ты так доверяешь мне… Я привез Бабика и Нерсика не только для того, чтоб дать им воинское воспитание, но в дар тебе… Однако…

– Они и будут жить при мне. Я не отпущу их никуда, не дам им терпеть какие-либо лишения – нет, нет! Они получат у меня хорошее воспитание! Ну, очень, очень рад, что и ты радуешься вместе со мной. Итак, вы выезжаете завтра. До завтра твои сыновья с тобой, после твоего отъезда они – мои сыновья. Иди же побудь с ними, успокой свою грусть, приласкай их, сын кой!..

Васак старался сохранить непринужденность, прощаясь с Михрнерсэ. Но в лагере, увидев сыновей, он почувствовал страшную, неописуемую боль в груди. Он как будто только сейчас почувствовал, как сильно любит их, и любит еще сильней потому, что теряет их: ведь еще неизвестно, как продвинется в Армении дело с отречением, как поведет себя армянский народ и сами нахарары. Сможет ли он убедить их, чтоб они подольше придерживались притворного своего отречения, хотя и оставаясь христианами в душе, и не мешали ему продвигать отречение от веры в Армении?..

– Что сказал тебе Михрнерсэ, отец? – спросил Нерсик. Васак молчал, с глубокой тоской глядя на сына.

– Не видишь? Что-то скверное сказала ему эта старая лисица! – вмешался Бабик.

Васак вызвал слуг и велел подать коня.

– Уезжаешь, отец? – спросил Персик. Васак молчал.

– Тогда и мы будем готовиться, отец!

Васак, вновь не ответив ни слова, быстро вышел и уехал в лагерь, к Гадишо.

– Не по душе мне эта Персия! – сказал Бабик. – Коварные здесь люди…

– Поедем домой и поступим к Спарапету! – воскликнул Нерсик. – Он-то не вероотступник!

Бабик метнул на Нерсика быстрый взгляд.

– Ты тоже заметил это? Да?..

– А вот отец – вероотступник…

– Отец и дома был вероотступником!.. – возразил Бабик. – Я не говорил этого ни тебе, ни матери, чтоб не огорчать вас… Но…

– Доедем до Сюника – и давай убежим в Тарон, к Спарапету!

– Как же ты убежишь? Приведут обратно.

– А я снова убегу. Я не могу стать огнепоклонником! Мать умрет от горя!.. – сказал Персик дрогнувшим голосом.

Вместе с Мушканом Нюсалавуртом и могпэтан-могпэтом Михрнерсэ подробно разработал порядок отправки в Армению воинских сил, а также и жрецов, которые должны были сопровождать отпускаемых на родину нахараров. Приготовления к отъезду велись поблизости от лагеря армянской конницы.

Там царила суматоха. Жрецы и персидские воины сновали по лагерю взад и вперед, вызывая сильное раздражение у армянской конницы и нахараров.

Нахарары находились перед шатром Гарегина Срвантцяна, когда а в лагерь въехал Васак. Его сопровождал агванский князь Ваган, незаметно поглядывавший на бледное, перекошенное лицо марзпана.

– Что-то случилось с марзпаном!.. – заметил Гарегин.

– Не заложника ли потребовали? – встревожился Вардан, он шагнул было к Васаку, но остановился, заметив, что тот, ни на кого не глядя, направился прямо к шатру Гадишо. Князь Ваган повернул к шатру Гарегина.

– Михрнерсэ оставляет заложниками обоих сыновей марзпана… – сообщил он, соскакивая с коня.

– И… Ашушу? – с болью договорил Вардан.

– Да.

Все умолкли, опустили головы. Удар, нанесенный Васаку и Ашуше, для многих оказался неожиданным.

Тяжелое молчание нарушил Вардан, который почувствовал страстное желание высказаться.

– Я рад, что оказался прав: вы убедились саки, что персам нельзя уступать! Обмануть себя они не дадут, ибо никому не верят, ибо привыкли сами всех обманывать. С ними можно только враждовать, потому что враждовать они умеют!.. Но я совсем, совсем не радуюсь, что двое юношей остаются здесь нашими заложниками. Не радует меня и то, что мы оставляем здесь Ашушу, ибо персам он тоже не друг.

Он с минуту молчал, затем промолвил:

– Жаль Ашушу!.. Это – потеря и для Иверии и для нас… Жаль!

Семьсот жрецов во главе с могпэтом Михром, отряд отборной конницы и армянские нахарары собрались перед дворцом, чтобы проститься с Азкертом и Михрнерсэ накануне отъезда в Армению. Армянская конница со своими прежними командирами оставалась в составе персидских войск. Не довольствуясь этим, Азкерт повелел армянским нахарарам набрать и выслать к нему дополнительные отряды для войны с кушанами. Гарегин Срвантцян, Арсен и остальные князья стояли на площади. Армянская конница собиралась немного проводить отъезжающих.

В ожидании, пока Азкерт выйдет из своего шатра принять прощальный привет уезжающих, собравшиеся обменивались последними напутствиями. Вардан отозвал Гарегина в сторону и сказал ему:

– Сообщи верным людям, что наше отречение притворно. Подбодри их… Через месяц мы перейдем границу. К этому времени, при первой же возможности, выведи конницу из Персии.

– Будет исполнено! – сказал Гарегин. – Когда вы решили восстать?

– Увидим! Как только сподобит господь… Жду решения народа, он будет мне верной опорой!

– Знаешь ли ты, что у нас в коннице сбежали священники вместе с двенадцатью войнами? – спросил Гарегин.

– Когда?

– Когда вы были освобождены и стало известно о вашем отречении.

– Теперь они принесли эту весть в Армению! – с ужасом вымолвил Вардан. – Что будет?

– Будь что будет!

– Но наш стыд! Наш позор!..

Вардан застонал.

Прозвучали трубы. Все сели па коней и построились. Вышел Азкерт с Михрнерсэ и придворными, и все склонились перед ним.

Азкерт поднял руку и обратился к нахарарам:

– Доверяю вам семьсот жрецов и воинский отряд! Повелеваю с их помощью в кратчайший срок закончить обращение армян в закон маздаизма и сейчас же возвратиться с войском, чтобы продолжать войну с кушанами.

– Будет исполнено! – за всех ответил Васак. Заговорил выступивший вперед могпэтан-могпэт.

– От навасарда к следующему навасарду должны быть закрыты все церкви, а имущество их передано казне. Священникам строго запретить поддерживать старую веру. Жены нахараров должны получать воспитание у жрецов. Введите многоженство. Девушки должны сожительствовать со своими отцами, и сестры- с братьями. Все это должно быть введено в течение одного года. Идите с мирсм!..

Его сменил Мушкан Нюсалавурт, зычным голосом скомандовавший:

– Полк арийцев, вперед!..

Конный отряд двинулся за своим командиром. Далее следовали нахарары, которых

сопровождали, в знак особого почета, Михрнерхэ и Мушкан Нюсалавурт. Шествие прошло по многолюдным улицам города. Дойдя до дворца Михрнерсэ, ехавшие остановились, чтобы попрощаться с Михрнерсэ. В этот момент из дворца выбежали Бабик и Нерсик. Им нужно было пройти мимо Вардана. Бабик обратился к Вардану:

– Возьми нас к себе в отряд, Спарапет!

Вардан с изумлением взглянул на Бабика, не расслышав или не поняв его.

Мальчики подбежали к Васаку и пожаловались, что им не дают коней и не позволяют выходить из дому; они указали на двух рослых воинов, которые издали следовали за ними.

– Вы остаетесь здесь! – сказал им Васак.

– Почему? – с изумлением спросили братья.

– Вам нужно остаться, чтобы получить образование…

– Нам не нужно никакого здешнего образования! Возьми нас с собой! – возразил Бабик с испугом и волнением.

Михрнерсэ ждал. Нельзя было задерживать его… Васак побагровел и раздраженно приказал:

– Сейчас же возвращайтесь во дворец к азарапету!

– Мы не хотим оставаться! Отец, возьми нас!.. – заплакал Нерсик.

– Он оставляет нас, чтоб нас здесь убили! – воскликнул Бабик.

– Ну, скорей! Уходите! – крикнул Васак. – Я скоро вернусь…

Он спешился, обнял сыновей, поцеловал их и почтительно склонился перед Михрнерсэ и Мушканом.

– Ну!.. – сурово и гневно обратился он к детям. – Идите!

Он повторил прощальные приветствия Михрнерсэ и Мушкану и подал знак к отъезду. Бабик и Нерсик громко рыдали, вырываясь из рук удерживавших их прислужников… Нахарары обменивались прощальными речами с Михрнерсэ и Мушканом. Михрнерсэ хмурым взглядом торопил их…

Бабика и Нерсика силой увели во дворец, и Васак, вновь подав знак двигаться, обнял Гарегина Срвантцяна, Арсена и других нахараров.

Отчетливо предстала родина перед мысленным взором Вардана. Родина, которая на Айраратской равнине освятила вынесенное в Арташате решение.

Как встретит его армянский народ? Перебежавшие из Персии воины и священники уже разнесли, наверно, зловещую весть… Пожаром пылает вся страна…

Вардан представил себе этот пожар: обезумевшая мать, жена, сын и тысячи людей пронеслись перед его мысленным взором… Со жгучим упреком глядели они на него и спрашивали, качая головой:

– Это и есть ваш обет?

КНИГА ВТОРАЯ

После отъезда нахараров в Персию тревога и смута охватили всю Армянскую страну. Остальные нахарары, разъехавшиеся после Арташатского собрания по своим уделам, с нетерпением ждали вестей из Персии.

В стране создалось неопределенное, невыносимо тягостное положение.

Азарапет Вехмихр, Деншапух и могпэт Ормизд, которые из страха перед восставшим населением Айраратской равнины поспешили скрыться в Сюнике, вновь подняли головы после отъезда нахараров и пытались через сборщиков податей еще туже затянуть петлю на шее пародa. Эти сборщики врывались в селения и монастыри и обирали их с беспримерной жестокостью.

Насилиям и вымогательствам – столь же безжалостным – подвергались и города и даже столица. Поборы выколачивались непомерные, чуть не в десять раз превышавшие обычные размеры. Спорщики не останавливались перед избиениями и даже убийствами, явно стремясь довести народ до отчаяния и вынудить его отречься от веры.

В результате этих притеснений к восставшим жителям Арташата и Акори начало присоединяться население и других дальних уделов. Ища спасения, люди покидали родные места. Толпы их можно было встретить всюду – и на дорогах и в населенных пунктах; они громко сетовали на свою судьбу, возмущаясь насилиями персов и бездействием нахараров.

К чему могло в конце концов привести подобное положение, не мог предугадать ни католикос, в растерянности сидевший у себя в Эчмиадзине, ни Атом, который видел, что волнение охватывает все большие и большие массы народа, и не знал, что ему предпринять. Он прилагал все усилия к тому, чтобы предупредить стихийный взрыв мятежа, сознавая, что персидское командование в Арташате, Зарехаване и других городах не преминет воспользоваться случаем, чтобы напасть на разрозненные силы нахараров и задушить сопротивление в самом зародыше.

Поскольку же Атом не знал еще, что нахарары-отступники возвращаются с войском обратно в Армению, он настойчиво подготовлял создание общегосударственного войска, как ему предписал Спарапет, хотя нахарары – как принявшие обет сопротивления, так и остальные – отнеслись к этому безразлично, а иногда и прямо выражали еще недовольство. Лишь Гевонд вместе с некоторыми другими пастырями непрестанно кружил по городам и селам, разжигая в народе жажду сопротивления.

Общую тревогу усиливало и полное отсутствие вестей от вызванных в Персию нахараров. Безвестность казалась зловещей и держала страну в напряжении.

Особо тягостным было положение супруги Вардана Мамиконяна. Помимо тревоги за судьбу мужа, которую разделял с нею весь армянский народ, супругу Спарапета крайне беспокоило и состояние здоровья свекрови: хотя престарелой госпоже и стало немного лучше, но было сомнительно, чтоб она оказалась в состоянии выдержать новые потрясения. Всвое время она узнала о грозном указе Азкерта, о его требовании или принять веру Зрадашта, или явиться к нему на суд. Не скрыли от нее и того, что Вардан уже выехал в Персию. Она требовала, чтоб ей сообщали все поступавшие вести; скрывать от нее что-либо – означало бы обманывать ее, а на это не дерзнул бы никто. Старшая госпожа была душой рода Мамиконянов, его совестью. Она была матерью полководца, которого почитали как святого даже в самых отдаленных уделах страны. Матери такого человека можно было говорить только правду.

Поэтому, несмотря на ее слабое здоровье, ей сообщали все доходившие вести.

Красноватый отблеск светильника трепетал на лице Старшей госпожи, когда жена Вардана кэшла снравиться о ее здоровье.

– Что прикажешь, Мать-госпожа? – спросила вошедшая, остаиавливаясь со скрещенными руками у ложа, на котором полусидела больная.

– Вести, какие вести?.. – глухо выговорила старуха, не поднимая головы.

– Нет ничего нового. Опаздывают вести.

– Не предали их еще смерти подвижнической? – пронизывая невестку взглядом, спросила Старшая госпожа.

– Нет.

– Тиран за горло схватил бедных сынков моих! – воскликнула с болью Старшая госпожа.

– Кто знает, Мать-госпожа? Будем уповать на бога! Быть может, спасутся они.

– Запаздывает что-то мой Зохрак!.. – со вздохом проговорила Старшая госпожа.

– Будет дома не сегодня-завтра, Мать-госпожа. Время уже, – печально отозвалась невестка. Ей сразу вспомнилось, для чего приезжает Зохрак.

– Смерть уже ступила на мой порог. Увидеть бы только Вардана и Зохрака моего, поюм бы… Ночью приходил ко мне во сне Спарапет Мушег; присел ко мне на ложе, тряхнул кудрями, молвил: «Душа Спарапета – в огне!..»

Она смолкла. Блеснули слезы в глаоах, она что-то невнятно забормотала.

– Что с тобой, Мать-госпожа?..

– Голос моего Вардана!..

Невестка взглянула на ее одухотворенное лицо и спустила голову. Пылающие глаза свекрови обжигали ее. Согбенная и высохшая, подобно древнему дубу, старуха простирала вперед руки, как бы стараясь что-то нащупать в возаухе.

Невестка не знала, как успокоить Старшую госпожу, которая уже чувствовала себя принадлежащей к миру мертвых. Суровая и властная старуха не принимала никаких утешений.

– Дай священное писание! – протянула руку Старшая госпожа.

Невестка подала книгу, которую старуха прижала к груди.

– Иди к себе! – повелела она.

Княгиня Мамиконян вышла в смятении и тревоге. Едва переступила она порог опочивальни, как у ворот замка послышался шум. Выйдя на террасу, она различила в темноте фигуры женщин на конях. Стража помогала им спешиться. Дворецкий побежал вниз.

– Прибыла госпожа Шушаник с ориорд Анаит и ориорд Астхик! -доложил он, вернувшись, и вновь побежал вниз – проводить гостей в замок.

Княгиня, обрадовавшись, поспешила навстречу дочери и девушкам.

– Слышала о твоей болезни, Анаит, – приласкала она девушку, взяв ее за руку. – А ты как выросла, Астхик! Заходи же, заходи…

Все уселись. Начались взаимные расспросы. Княгиня Шушаник рассказывала о жизни в замке Рштуни, о том, что и там не получали никаких вестей из Персии.

– Мать госпожа в большой тревоге. Уж и не знаю, что мне делать, – поведала ей супруга Вардана.

– Нам тяжело, а ей-то каково должно быть! – вздохнула госпожа Шушаник и пошла навестить бабушку.

Анаиг зячяла свое привычное место – на подушке у ног княгини Мамикоичн. Та ласково провела рукой по кудрям девушки и попыталась представить себе, какими глазами должен был бы смотреть на нее влюбленный юноша. У госпожи невольно мелькнула мысль, что у Артака прекрасный вкус: Анаит казалась созданным из снега сказочным существом, которое могло растаять от дуновения теплого ветерка.

Вернувшаяся княгиня Шушаник с грустью сообщила, что тревога за сына не дает уснуть Старшей госпоже.

– Что же ты делала у Масиса, Анаит? – спрашивала княгиня Мамиконян.

– Рукопись составляла, – смущенно ответила Анаит, как бы опасаясь этим сообщением выдать какую-то сердечную тайну. – Переписала отрывки из творения Мовсеса Хоренаци и разрисовала их…

– Славный подарок! – заметила госпожа Шушаник и незаметно улыбнулась.

Княгиня Мамиконян не разгадала смысла этих слов, но Анаит вспыхнула и выбежала. Астхик последовала за нею.

– Что с нею, что стало с бедной пташкой моею? – покачала головой княгиня.

Шушаник рассказала о сердечных муках Анапт. Княгиня грустно улыбнулась:

– Знать бы, какая судьба ожидает этих бедняжек. Ведь и Артак юноша с благородным сердцем…

– В зимнюю вьюгу распустились розы, долго ли им цвести? – со вздохом сказала Шушапик.

Княгиня встала, подошла к окну. За окном лежала ночь, не было видно ни зги.

Внезапно сверкнула молния, далеко в горах, загрохотал гром: начался ливень.

– Горе запоздавшим путникам, – негромко сказала княгиня. Она долго смотрела вдаль; сердце ег сжималось от острой боли.

– "Что с ними? И весточки нет!.. – прошептала она, продолжая смотреть в окно.

– Одному господу ведомо!.. – грустно отозвалась Шушаник.

Вернулись Астхик с Анаит, что-то прижимая к груди. Не желая мешать беседе княгини с дочерью, Анат неслышно скользнула к Шушаник и села из подушку у ее ног. Астхик

присела рядом с нею. Княгиня обернулась, рассеянным взглядом окинула девушек и обратилась к дочери:

– Ведь ни одного дня покоя у него не было, ни одного дня не посидел дома, никогда не успевал снять с себя доспехи! Сколько лет я вам мать и жена ему – и ни одного дня всех вас вместе под одной кровлей не видела! Всегда вне дома, всегда в походах, всегда в скитаниях… Так и прошла вся жизнь!

– Что же делать? Такова уж судьба Мамиконянов, мать.

– Я не об этом говорю. Принимаешь честь – с нею неразлучны и обязательства. Мы – слуги народа… Я о судьбе своей говорю. А чести ронять нельзя, хотя бы пришлось принять мученический конец!

– Правильно, мать. Пусть не скажет никто, что Мамиконяны остались в долгу перед народом! Пусть уж лучше народ будет в долгу перед нами, и мы этого долга требовать не станем…

– Когда я выходила замуж, старая княгиня Гнуни сказала мне: «В благоустроенный ли дом ты идешь, Дестрик?..» Я говорю: «А чем это он не благоустроен, дом Мамиконянов?» А она мне: «Мамиконяны – слуги народа…» Ее слова я и повторяю. Благодарение господу! Да не оставит он и впредь меня и отца твоего в долгу перед народом! Пусть мы с частой совестью сойдем в могилу. Другие радости я не прошу. Мы – Мамиконяны!

– Он не примет веру Зрадашта! – уверенно продолжала княгиня. – На тысячу кусков его разорвут – не примет! Знаю я его нрав. Знаю и то, что принуждать его будут… Помоги ему, господи, выдержать испытание!

– Да минет его это испытание, мать! – простонала Шушаник. – Род Мамиконянов развеется прахом… Княгиня перекрестилась.

– Господь ему прибежище и сила!.. – простерла она руки к небу. – Господь милостивый, взываю к тебе грешными устами: если жив он – пусть вернется несломленным! Если не сломлен он – пусть живым вернется! – Она опустилась на колени и начала вслух читать молитву.

Княгиня и девушки последовали ее примеру. Когда она кончила молитву, Анаит расплакалась и упала лицом на подушку.

– Не плачь, милая! – приласкала ее Шушаник. – Даст бог, вернутся все незапятнанными и живыми.

– Знаю! Конечно, вернутся незапятнанными. Как же может быть иначе? Но живы ли?

– Живы, милая, не сомневайся!..

Послышался густой лай. К воротам вышла встревоженная стража. В темноте закопошились фигуры и быстро скрылись. Простуженно заскрипели ворога, проехали всадники. Топот был редкий: видимо, народу прибыло не много.

– Зохрак!.. Мой Зохрак!.. – послышался смешанный со слезами радости возглас Югабер, няньки молодого князя.

Во дворе поднялась суматоха. Шушаник, ее мать и обе девушки выбежали из покоя. Факелы, шипя под дождем, еле освещали прибывших. Не обращая внимания на дождь, госпожа первая сбежала вню и кинулась к высокому мускулистому и худощавому юноше. Шущаник, плача, обняла брата – Зохрак!.. Зохрак!.. – слышалось со всех сторон.

Сына Спарапета повели наверх. Слуги снимали с коней его вещи.

Вошли в покои. Зохрак пристально взглянул на мать и сестру, скользнул взглядом по Анаит и Астхик и, проведя рукой по мокрой от дождя одежде, остановился в нерешительности.

– Весь промок!.. – испуганно проговорила княгиня.

– Да, немного.

– Ну иди же, иди переоденься! -торопила мать.

Зохрак, не отвечая ей, озабоченно огляделся, как бы желая вспомнить что-то, и быстро повернулся к сепуху, который командовал замковой стражей и первым встретил его:

– Почему полк еще не в Зарехаване? Давно пора! Ведь они могут войти через

Багреванд, в то время как наши здесь сидят у себя в шатрах! Не понимаю я этого.

– Спарапета ждем, – пояснил сепух.

– Отец еще не вернулся? – обратился Зохрак к матери и в горьком раздумье покачал головой. -Удастся ли ему вырваться из когтей Азкерта? И почему меня так поздно вызвали? Поехал бы и я с ним: если бы случилась опасность – были б вместе, хоть чем-нибудь бы ему помог – Иди, иди переоденься, – прервала Шущаняк с легкой улыбкой, любовно оглялывая брата, сильно возмужавшего за время пребывания в Греции.

– Сейчас, сейчас. А как Старшая мать? Спит уже?

– Пойди к ней. Почти не спит она, – отозвалась княпшя.

Зохрак быстро пошел в опочивальню бабушки. Все последовали за ним. Увидев его, Старшая госпожа крикнула и, дрожа, обняла его.

– Умереть мне за тебя! Прибыл, дитятко!.. – говорила она с плачем.

– Не плачь, Старшая мать! – засмеялся Зохрак. – Пусть плачут матери наших врагов!

– Воин… внучек мой… воин! Умереть мне за тебя, за меч, за оружие твое!

Старшая госпожа не выпускала Зохрака из объятий. Так мягко, как только было возможно для его стальных пальцев, юноша потряс ее за плечо и спросил:

– Ну, а здоровье твое как, здоровье?

– Ой, тише, ягненок кой, ты мне плечо раздавил, – кряхтя от боли и одновременно смеясь, сказала Старшая госпожа.

– Смотри же не вздумай умирать, Старшая мать, до нашей победы! Я приеду, сатв тюзеорсию тебя – с гусанами, с песнями, с плясками!

– Да, ягненок мой! Да, внучек!.. Ах, дождаться б, чтобы ты вернулся, сам опустил меня в родную землю. Тогда смогла бы я уснуть спокойно… – И она с тоской оглядела всех – Сладостна земля родная…

Взор ее упал «а молодых девушек.

– Анаит, дитя мое… и ты… Подойдите ко мне, подойдите! Поцелую вас, цветочки мои!..

Анаит и Астхик подошли. Старшая госпожа поцеловала их и внимательно оглядела.

– Еще не познали жизни… А ну, взгляните-ка мне в глаза… Старшая госпожа глубоко заглянула в глаза Анаит и Астхик, заглянула и в глаза Зохраку.

– Нет, живы подвижники мои: Вардан мой, Артак, Нершапух мой, Гадишо…

Она перевела взгляд на сноху и на Шушанкк:

– Все они – мои дети. Привел бы господь увидеть их всех вокруг себя, страну – спокойной, народ родной – смеющимся!.. Но злобен насильник, гибелью грозит стране!.. Ради этого и пошел на подвижничество сын мой, чтоб добиться мира для страны и народа. Да воздаст господь всем чужим странам, потом уж и стране Армянской!.. Ну, теперь оставьте меня.

Поцеловав руку Старшей госпоже, все вышли.

– Опора нашего дома – Старшая мать!.. – задумчиво проговорил Зохрак, оживление которого пропало после слов Старшей госпожи.

Он последовал за матерью, чтоб переодеться. Княгиня Шушаник увела Анаит и Астхик к себе.

Полное отсутствие вестей от уехавших в Персию нахараров вызывало все большее и большее беспокойство. Могло случиться, что они томятся в заключении или преданы казни… Не было исключено, что Азкерт уже выслал против Армении войска и они приближаются…

Тревога душила католикоса. Он разослал срочных гонцов к оставшимся в стране нахарарам с требованием безотлагательно явиться в Арташат на совещание.

«Если же не прибудете – знайте, что неминуемая гибель настала страны Армянской…»

Арташат переживал томительные, тоскливые дни. Обычно шумная столица умолкла, как бы замкнулась в себе. На улицах замерло движение. Оцепенелую тишину нарушали своим ляагом и стуком лишь кузнецы да паяльщики и лудильщики, но и они намного раньше

обычного закрывали свои мастерские и собирались в узеньком тупичке в конце ремесленного ряда.

На городских стенах, враждебно поглядывая друг на друга, сновали у башенок персидские и армянские воины. Присматривался к персам крепостной воевода, недоверчиво покачивая головой. Горожане также смотрели на персидских воинов со жгучей ненавистью, бормоча проклятия при встречах с ними.

В ожидании вестей толпы бездомных крестьян и монахов, бежавших из родных мест от насилий персидских сборщиков, тесными группами бродили по городу и его окрестностям, сея тревогу и тоску.

От садов и скал расползались вечерние тени. Тоскливый день доживал последние часы. Вдруг у городских ворог закопошились люди: на взмыленных конях подскакал Атом Гнуни со своим телохранителем.

Атом остановил коня перед дворцом, в котором после отъезда нахараров в Персию временно поселился католикос. Служитель проводил Атома в покои. Католикос грустно сидел на коврике, разостланном на полу. Увидев молодого нахарара, он поднялся ему навстречу и радостно его приветствовал.

Атом, слегка покраснев, приложился к руке католикоса. Служитель разложил подушки для нахарара.

С тревогой глядя на Атома, католикос сказал:

– Никаких вестей!.. Страшусь я и опасаюсь: нет у меня надежды на благое завершение дела…

– Видно, плохо оно там обернулось, – задумчиво отозвался Атом.

Католикос с горечью воскликнул:

– Горе стране, против которой выступают ею же избранные сыны! Князья Мамиконян, Арцруни, азарапет, Артак…

– Не оплакивай их преждевременно, святейший отец! Пусть раньше вернутся! Еще посмотрим, какой вери они держатся… – с насмешкой проговорил молодой нахарар.

– Да сподобит меня господь умереть раньше, чем это сбудется! Да сподобит господь! – с горячностью воскликнул каголикос.

– Пока весть эта не подтвердилась, святейший отец. Я послал лазутчиков разведать. Да и зачем нам умирать? Мы еще сражаться должны. И не сомневайся: не останемся мы в долгу перед страной Армянской! Но… – он с досадой опустил взор, – нет известий! Да и я опаздываю!

– С чем ты опаздываешь? – спросил католикос с грустью и надеждой в голосе.

Словно говоря сам с собэй, Атом негромко вымолвил:

– Надо же организовать сопротивление… Не позволим мы им привести в страну вражеские войска!

Католикос в отчаянии ударил руками по коленям:

– И подымется у тебя рука против них?

– Я воин, святейший отец! Щадить я не имею права Католикос задумался, затем испытующе взглянул на Атома:

– А сможешь ли ты пойти с теми, кто остался верен?.. Разве вы готовы?

– Длл воина не может быть вопроса о готовности, святейший отец: на него идут войной – значит, он должен войну эту принять!

Горькие мысли овладели и молодым нахараром.

– Подозрения и сомнения грызут мне сердце! – признался он. – Неужели Спарапет и Артак Мокац могли поступиться своей совестью? Если да, то будет бой! И бой яе на жизнь, а на смерть!

Отрадно было глядеть на этого стройного, как тополь, молодого воина. Прекрасное лицо под шлемом с золотой насечкой горело вдохновением, рука сжимала осыпанную драгоценными камениями рукоятку меча. В глазах искрилась несгибаемая воля, решимость бороться к победить.

С улицы послышался шум большой толпы. Атом подошел к окну. Торопливыми шагами, почти бегом, ко дворцу приближались Гевонд, Езник Кохпаци и Егишэ. Их сопровождали всадники, по-видимому, прибывшие издалека: они были оборванны, имели усталый вид. Со всех сторон валила толпа. И вдруг пронзительный крик прорезал воздух:

– Весть злсзещая!.. Весть зловещая!..

Атом выбежал па террасу. За ним последовал католикос Гевонд бросился им навстречу:

– Святейший отеи, узнай страшную весть!.. Грядет сатана!..

Хриплый вопль пронесся над площадью:

– Горе потомкам Гайка!.. Горе потомкам Гайка!..

Из толпы вырвался обросший человек, весь в пыли, лохмотья его длинной рясы волочились за ш«м по земле.

Простирая вперед исхудалые руки, он вновь издал горестный вопль и, упав на колени, посыпал себе голову пеплом. Затем, обращаясь к Атому и католикосу, он привстал и вновь выкрикнул:

– Горе потомкам Гайка!.. Горе потомкам Гайка!..

Не отводя от него глаз, дрожа, католикос сурово повелел:

– Возвести нам весть зловещую!..

Вестник вновь упал на колени, рыдая обратился к католикосу и к народу:

– Слушайте, слушайте, святейший отец и народ армянский!.. Слушайте страшную весть! Отреклись от веры предков наших, заделались сынами сатаны Спарапет наш, марзпан, азарапет, владетель Арцрупи, владетель Рштуни и другие! Все! Все!.. – скорбно выкрикнул вестник и разорвал на себе ворот рубахи.

Толпа глухо застонала, послышались рыдания женщин. Католикос окаменел. Побледневший Атом злобно сверкнул глазами. Тяжелое молчание обрушилось на всех.

Внезапно с главной дозорной башни донеслись пронзительные ликующие звуки. Это персидские войска узнали об отступничестве нахараров, и трубач возвещал торжество Зрадашта… Зловещим был этот звук, словно возвещавший день страшного суда. Католикос осенил крестным знамением толпу, поднял руки и воззвал:

– Остались мы – и остался дух предков наашх. Да будет же он нам опорой!

Повелев Гевонду и его спутникам следовать за ним, католикос сделал знак рукой вестнику; тот встал и, не отрчхая пепла со своей головы, поднялся по лестнице, ведущей в покои.

Опустившись на подушки, католикос обратился к нему:

– Так говоришь, отреклись все?..

– Все, святейший отец! Все!.. Поклонились солнцу, побратались с Азкертом и вельможами арийскими и идут сюда с жрецами и персидским войском…

Католикос поник головой. Затем в порыве отчаяния он воскликнул:

– Иди сюда, садись рядом со мной! Плачь и скорби вместе со мной днем и ночью!.. Садитесь и вы кругом! Будем стенать о стране Армянской, подобно совам в ночи…

Гевонд, Езник и Егишэ, поникнув головами, сели рядом с католикосом. Вестник сел на пол перед католикосом, который, взяв горсть пепла с его головы, осыпал себя и начал бить себя в грудь.

– Соберитесь все вокруг меня, – зарыдал он, – плачьте о гибели страны Армянской!..

Вскоре и снаружи начали доноситься сгоны и причитания. Послышался громкий плач женщин, к нему присоединились горестные вопли мужчин:

– Горе нам! Горе! Пропали мы!..

– До коих же пор будем мы терпеть все это? Все обернулись в сторону, откуда раздался этот грубый выкрик.

– Не пойму я, к чему все это карканье? – говорил Аракэл. – Наступает бедствие – значит, нужно встать и бороться с ним, а не причитать!

– Бороться будут князья наши, Аракэл, ты не отчаивайся! – откликнулся кто-то в толпе.

– Будут ли князья бороться, или не будут – кровь-то проливать будем мы. Беда валится

на нашу голову, нам и нужно самим о себе подумать. У волка шея толста оттого, что он сам себе пищу промышляет, на других не надеется… Ну, кто вверен присяге – за мной…

– Все! Мы все!

За ним хлынула вся толпа.

Аракэл решительно двинулся к покоям католикоса.

Во тьме слышались стоны, плач, протесты, проклятья, рыдания и причитания женщин. Толпа дошла до входа в покои католикоса и ворвалась внутрь. И это никому не показалось странным: в минуту бедствия люди забыли о различии между великими и малыми мира сего.

Аракэл еще сохранял выжидательное молчание, как бы желая узнать, что намерены сказать или совершить власть нгущие. Но толпа глухо рокотала, проявляла все нараставшее нетерпение.

Задумавшийся Атом стряхнул с себя оцепенение и неприязненно спросил:

– Чего вам здесь надо? Ответ последовал не сразу.

– Ну, говорите же, чего вы хотите? -нетерпеливо повторил Атом, обращаясь к стоявшему впереди всех Аракэлу, который пристально и злобно глядел на него.

Атом перевел взгляд на остальных: перед ним стояли люди с взволнованными, искаженными тревогой и страхом лицами. Поняв, что ничего он от них не добьется ни расспросами, ни если даже прогонит их из дворца, – он почувствовал, что в нем вскипает гнев. Неслыханная дерзость этих крестьян оскорбляла не только княжеское достоинство, но и самолюбие отважного воина. Однако не успел он заговорить, как Аракэл вновь грубо крикнул:

– Как же это получается, князь? Так нам и дожидаться, чтоб изменники наши объединились с нашими врагами, пришли и уничтожили нас?

– Дальше?.. – раздраженно бросил Атом.

– Я тебя спрашиваю, князь: намерены вы послать войско против них или не намерены?

– Да ты… ты!.. – Атом был так возмущен, что не смог закончить начатой фразы.

– Оставь хитрить, князь! – со спокойным пренебрежением прервал его Аракэл. – Если наши нахарары отступились от нас, то скажи нам прямо, и мы сумеем судить их и расправиться с ними.

– Истинно так! Господь правый! – отозвались со всех сторон.

Атом сознавал нравственную силу, вдохновляющую этого простого воина, присягнувшего защищать родину, но был ошеломлен: не так велико было чувство возмущения, как изумление неслыханной дерзостью простолюдина. Сузив глаза, Атом шагнул вперед: ясно было, что он собирается проучить Аракэл?.. Но католикос, лучше него понимавший, что именно вызвало вспышку ярости крестьянина, предостерегающим движением поднят руку:

– Именем бога, отойди, князь!.. Тут дело совсем в ином… Атому остался непонятен смысл этих слов, но, уважая сан католикоса, он остановился, весь дрожа от негодований. Католикос обратился к Аракэлу и к толпе:

– По какому праву восстаете вы против господ ваших, миряне? Изгнали вы страх из сердец ваших? За всех ответ дал Аракэл:

– Святейший отец, выслушай нас: враг, подлинный враг идет на нас! Да и близкие наши тоже оборотились врагами и тоже идут на нас… Нахарары, разъехавшиеся по уделам своим, оставили страну в огне. Какой уж теперь страх! Какое теперь право? Кто теперь господин и кто слуга, коли смерть стоит перед всеми Теперь стереть надо все эти различия с лица земли!

– Сами мы теперь и господа и слуги отчизны нашей! Наша теперь страна Армянская! – послышались голоса из толпы. Атом шагнул к Аракэлу и окинул его суровым взглядом:

– Ты посвятил себя смерти, присягнул воевать за народ – и этим бахвалишься, забыв о всякой пристойности!

Не опуская упорного, недоброго взгляда, Аракэл с глухой угрозой бросил:

– Весь народ присягал защищать отчизну!

Атом так и не успел ничего ответить этому преступившему всякие границы крестьянину: снаружи донесся оглушающий гул толпы, и с воплем вбежал служитель:

– Князь!..

Перед дворцом что-то происходило. Атом поспешил к выходу. Какой-то всадник с разъяренным, налитым кровью лицом, яростно орудуя плетью, расчищал себе дорогу ко дворцу. Это был один из высокопоставленных сановников – письмоводитель Васака. О нем ходили слухи, что он уже отрекся от веры предков. Толпа глухо зашумела:

– Почему он избивает нас, чего он хочет?..

– Разойдитесь, псы мятежные! Кто позволил вам здесь толпиться? – орал всадник.

Выбежавшие из покоев католикоса Аракэл и его спутники с беспокойством смотрели на происходящее.

– Уразумейте, вы, порождение свиней! Раз отреклись первейшие лица страны, значит, отреклась вся страна! Против кого же вы собрались? Разойдитесь!..

– Так ты тоже отрекся от веры?.. – прервал его, дрожа, дед Абраам.

– Отрекся охотно и с радостью! – вызывающе ответил тот, и плеть опустилась на плечи деда Абраама.

Аракэл сбежал с лестницы, подскочил к всаднику, железными пальцами вцепился ему в плечо, стащил с коня и с дергающимся от бешенства лицом крикнул:

– Кончайте с собакой!..

Толпа зарычала, в сброшенного наземь отступника полетели камни. Испуганный конь ускакал, сбив несколько человек по дороге. Избиваемого камнями заслонили люди, творившие самосуд. Пыль стояла столбом, слышались отрывистые восклицания, глухое бухание камней, причитания женщин – и все покрывал гул общей ярости. Все кончилось так быстро, что, пока Атом и католикос опомнились, на площади уже лежал растерзанный труп, почти не видный из-под груды камней.

Лишь сейчас, впервые за всю свою жизнь, Атом воочию увидел, что такое ярость простолюдина, впервые убедился, что когда простолюдин выйдет из повиновения, он не остановится ни перед насилием, ни перед убийством, уже не тая накопившейся в нем горечи и яростной ненависти к власть имущим; что, однажды поднявшись, он снесет с пути и уничтожит все и всех!.. «Так вот на что они способны, если только…» – мелькнуло в голове Атома. Ему не терпелось обуздать толпу, одернуть грубого и дерзкого Аракэла. С дрожью омерзения взглянул он на труп побитого камнями, и лишь самообладание воина помогло ему сдержать себя.

В этот миг Атом заметил смотревшего на него со злорадством начальника персидского отряда, окруженного персидскими воинами. Немного дальше стоял воевода крепости Аветик с армянскими воинами. Атом с яростью почувствовал, как падает в глазах всех его княжеское достоинство, его авторитет военачальника. Он почувствовал ненависть к простолюдину, попиравшему его власть, установленные законы и порядки. В состоянии глубокого душевного смятения он услышал громкий голос Аракэла:

– Вот так и всех сотрем с лица земли!.. После вероотступничества нет ни князя, ни простолюдина, ни господина, ни слуги!

– Не-ет! Не-ет!.. – яростно подхватила толпа, совсем обезумевшая после убийства отступника.

Атом почувствовал, как кровь бросилась ему в голову: это было уже нестерпимым оскорблением для его самолюбия. Рука его рванулась к мечу. Но католикос взмолился:

– Во имя всевышнего, князь, сдержи себя, не время сейчас!.. Не проливай крови безвинных!

Атом не мог успокоиться. Еще более задело его то, что Аракэл поднялся по ступенькам и властно потребовал у католикоса:

– Издай повеление: кто отречется – да погибнет! Повели нам стереть их с лица земли!

Католикос смутился:

– Ты требуешь, сын мой, чтоб я превратил в развалины страну Армянскую!

Атом не успел вмешаться; в сплошной гул слились голоса:

– Отрекшиеся от родины – смерть!..

– Куда они идут? Зачем ведут врагов с собой?

– Мало их было, теперь хотят новых насильников на шею нам посадить!

– Будь они прокляты!..

– В преисподнюю их, пропади они пропадом!

– Сокрушите их, не то мы сами!..

– Не позволим ногой ступить на нашу землю! В порошок сотрем!..

Кипела людская масса, поправшая ьсе старые порядки и законы и обретшая сама себя.

– Святой отец! – настойчиво повторил Аракэл. – Наши нахарары изменили нам. Больше они для нас не существуют. Мы дала клятву защищать страну, и мы будем противостоять врагу. Издай повеление: уничтожать изменников и врагов-малых и великих. Пусть убивают отступников: господин – слугу, слуга – господина, каждый из нас – отца, мать, сына, жену, брата!.. Установи кару! Не то мы сами ее установим, и тогда горе предателям!

Атом разрывался от ярости и от обуревавших его сомнений. Его сжигало страстное желание изрубить, уничтожить этих обезумевших, забывших всяксе закокопочитание людей, но, с другой стороны, его волю сковывало подчинение католикоса и духовенства воле народа. Он с обядой и раздражением смотрел, как Гевонд и Езник, а за ними и Егишэ подошли к католикосу и обратились к нему:

– Разошли воззвание, владыка!.. Прав простолюдин! – настаивал Гевонд.

Воцарилось молчание. Все ждали. Переживая сильную внутреннюю борьбу, католикос заговорил, как бы обдумывая свое решение:

– Подорвано единение наше!.. Преданные вере – отреклась! Простолюдин восстал!.. В преддверии гибели стоим мы всем миром, и нет уже ни князя, ни простолюдина, ни мужа, ни жены, ни старших, ни малых, ни б"?"км и ни чужих…

– Издай попеление! Встань сам и иди к народу, подними его на бой с изменниками! – сурово требовал Саак.

– Господин – на слугу! Слуга – на господина! – словно молотом бил Аракэл.

– Господин – на слугу!. Слуга – на господина! – глухо прогремела толпа.

– Издай повеление, святой отец! Иди подними народ! – раздались со всех сторон голоса толпы, уже беспрепятственно заполнявшей дворцовые покои.

Католикос вздохнул, перекрестился. После короткой внутренней борьбы он как бы обрел успокоение, просветлел яйцом и взволнованно обратился к народу и духовенству:

– Да будет так, как молвил крестьянин: «Господин – на слугу, слуга – на господина!..» Глас народа – глас божий! Провозглашаю войну всенародную в защиту отчизны! Сам посвящаю себя ей, покидаю престол свой – иду поднимать народ на бой с предателями!

– Посвящаю себя защите отчизны и я! – выкрикнул Гевонд.

– И я!.. И я! – отозвались Езиик и Егишэ.

Атом стоял в оцепенении. Молодой воин, хорошо знающий военное дело, не знал, как понимать то, что происходит на его глазах, и как надлежит поступить ему самому. Совершалось нечто неслыханное и невиданное, опрокидывавшее все прежние представления о порядке, законе и власти! Старшие нахарары страны отреклись от веры, объединились с врагом, шли походом на отчизну; остальные нахарары разъединены, общсгосударственвое войско все еще не создано, католикос не противится расшатыванию власти; народ, разрушив все преграды, стоявшие между простолюдином и нахараром, попрал власть и восстал, чтоб стать господином своей судьбы.

Все это больно задевало Атома. Но одновременно он чувствовал и невольное восхищение бесстрашием Аракэла и его товарищей. В душе его росло уважение человека отважного к смелым людям. Это чувство возросло еще болпше, кот да Атом заметал, что начальник персидского отряда, отдав спешные распоряжения своим подчиненным, увел отряд к башням городской стены, очевидно намереваясь подготовиться к нападеиию. Атом взял себя в руки и спокойно вошел в дворцовые покои, как если б ничего не произошло.

Вошел и католикос.

Атом понемногу приходил в себя. Он вспомнил распоряжения и приказы Вардана относительно обороны страны, мысли Спарапета о прелом народе, об отношении военачальника к войску, его завет: «Надейтесь на народ…» И юноша-воин почувствовал, чго до сих пор он недооценивал простой народ. Ведь только на жетании и умении народа бороться зиждилась последняя надежда страны. Атом понял, что единственная сила, которая способна сопротивляться и готова подняться для сопротивления, – это народные массы. Как воин, он оценил это и решил примириться, претерпеть – «пока, на время!.». Понял он и то, что если станет противиться народу, то нанесет своему княжескому достоинству и чести еще больший урон, – ибо не время теперь думать о своем княжеском самолюбии. Страна стояла перед смертельной опсаностью, и он обязан отвечать перед этой страной и перед своей совестью. В нем заговорил храбрый воин и патриот. Он остановился посреди покоя и просто, но с властным оттенком в голосе, заявил:

– Слушайте, пастыри духовные, и вы, братья сельчане!.. Не считайте, что мы, воины, станем попустительствовать изменникам родной страны. И мы не окажем пощады ни владетелю Мамиконяну, ни Аматуни, ни Арцруни и никому-либо иному – будь то мирянин или лицо духовное! Нет пощады отступникам!

– Не будет им пощады! Сотрем с лица земли! – отозвались присутствующие.

– А ты не отчаивайся, святой отец! Страна защитит себя! – обратился Атом к католикосу. – Будь в этом уверен! – Дай бог! На бога уповаю! – откликнулся католикос.

– Будь уверен! – повторил Атом и обратился к своему оруженосцу, статному юноше: – Гайк, вызови ко мне крепостного воеводу!

Гайк вышел из дворца. На площади кипела толпа еще более многолюдная, грозная и взволнованная. Большими группами стояли среди нее персидские воины. Гайк махнул рукой крепостному воеводе, которого окружали воины-армяне.

– Скажи князю, чтоб дозволил он! – крикнул Гайку один из них.

– Да, да, чтоб позволил их прикончить! – подхватил другой, указывая на персов.

– Тише, тише! – быстро обернулся к ним крепостной воевода, направившийся было ко дворцу. – А ну-ка, отойдите назад!.. Вместе с Гайком он поднялся во дворец и вошел в покои.

– Немедленно займешь все башни и входы. Оба конца моста через Аракс будешь охранять сильными отрядами, чтоб персидские войска не захватили мост. Я распоряжусь – тебе пошлют вспомогательные силы. Все будешь делать под предлогом защиты персов от народного бунта, А при первом же сигнале уничтожишь весь персидский отряд!

– Будет исполнено, князь! – с радостью отозвался воевода – Не сдерживай ярость народа! Предоставь ей разгореться…

– Я и себя самого с трудом сдерживаю, князь! Очень уж глубока обида…

– Держи себя в руках! За столицу ты отвечаешь головой, – знаешь ведь…

– Так, князь!

– Поддерживай связь со мной. Отряд свой собери и расставь сейчас же. Начальнику персидского отряда передай мое распоряжение: немедленно вывести вокнол из города. В случае отказа- уничтожь на месте! Иди!

Крепостной воевода удалился, очень довольный приказом Атома.

Атом повернулся к Аракзлу:

– А ты и твои товарищи будьте готовы и ждите приказа! Помни: сражаться – еще не значит доказать храбрость. Храбрость доказывается победой в бою! Грозен час испытаний!

– Мы в бой идем не храбрость показывать, князь! – покачал головой Аракэл. – Да будет ведомо всем – нахарару и простолюдину, – что не видать от нас пощады изменнику, кто бы он ни был! Не отдадим мы страны родной, кто бы на нее ни посягал!

– И правильно! Но чтоб не было опрометчивых, необдуманных действий! Понятно? – подчеркнул Атом.

Из слов молодого нахарара Аракэл заключил, что перед ним человек, преданный

родине. Но недоверие рассеялось не полностью, – Аракэл все еще поглядывал на Атома косо. Зато другие почувствовали, что между ними и этим воинственным нахараром заключен негласный договор: всем было ясно, что Атом также возмущен нахарарами-отступниками.

– Идите же, собирайте оружие и группами расположитесь по селам и садам, поблизости от государственного войска. Но, повторяю, сами в бон не ввязывайтесь!

– Это уж видно будет на месте, князь!.. – отрезал Аракэл.

– Без приказа не начинайте! Иначе мы все проиграем… Надо действовать сообща, поймите это. Ну, идите! Товарищи Аракэла ушли из дворца.

– Будет бой – не станем ждать приказа!.. – упрямо пробормотал Аракэл, уходя.

Задумавшись о том, возможно ли выполнение наказов, оставленных Спарапетом, Атом сидел, забыв обо всем окружающем. Он с нетерпением ждал гонцов, которые должны были явиться к нему, чтобы получить указания и немедленно выступить в путь.

Потребовав от служителя пергамент, перо и чернила, Атом разложил листы пергамента на высоком аналое и принялся за составление послания. Вошли гонцы.

– Немедленно отправитесь к нахарарам! – писал и одновременно наставлял гонцов Атом. – В дополнение к моим посланиям передайте устно все, что произошли. Как только персидские войска вместе с вероотступниками подойдут к нашим границам, отряды нахараров немедленно должны двинуться к Айрарату!

Помолчав, он продолжал:

– От моего имени настоятельно просите нахараров установить непрерывную связь со мной. Скажите, что я остаюсь в Арташате, пока не выяснится положение, после чего выеду к Бзнунийскому морю.

Закончив краткие послания, он запечатал их своей печатью и позвал старшего из гонцов, который не отрывал от него настороженного взгляда, точно имел дело с врагом. Но Атом, как видно, хорошо знал его, – он отозвал его в сторону, чтобы вполголоса сказать ему:

– Возможно, что нахарары Гадишо Хорхоруни и Артак Рштуни тайно послали гонцов в свои отряды Передашь нахарарам, что я сам отправляюсь к Бзнунийскому морю, чтоб возглавить дело объединения общегосударственного войска. Еще до того, как отступники доберутся до места, я соберу их отряды и приведу в Багреванд. Понял?

– Понял! – не отводя взгляда от лица Атома, подтвердил гонец.

Атом позвал остальных:

– Вручите эти послания нахарарам, получите ответы и доставьте мне, где бы я ни находился. Езжайте немедленно!

Гонцы выбежали из покоя.

Была поздняя ночь. Толпа все еще нетерпеливо и беспокойно шумела на площади, выражая недовольство бездействием дворца и требуя, чтоб католикос предпринял что-нибудь.

– Владыка, дело не терпит отлагательств! – обратился к католикосу Гевонд. – Выступи, выполни долг свой перед страной!

Католикос долго сидел задумавшись – то ли молясь в душе, то ли обдумывая какое-то решение. Присутствующие ждали в напряженном молчании. Но вот он снял с себя обувь, взял патриарший посох и со скорбью промолвил:

– Истинное слово – скорбящий я отныне! Нет у меня больше ни пристанища, ни покоя. Иду я, чтоб обойти всю страну Армянскую. Пусть следуют моему примеру все, кто ей предан! В путь!..

Все духовные пастыри в знак скорби тоже разулись, взяли в руки посохи и последовали за католикосом. Оборванный вестник, принесший черную весть, прошел вперед. Беспримерное шествие возглавляли католикос, пастыри и вестник, рвавший на себе одежду в знак скорби. За ними двинулась толпа. Католикос часто останавливался на улицах, собирал народ и взывал к нему:

– Подымайся, народ армянский! Настал для тебя день жизни или смерти!

Пылали факелы, и в их кровавом свете было видно устрашающе огромное, кипящее и

бурлящее скопление народа.

Из одного дома вышла женщина со щитом в руке, препоясанная мечом. За нею выбежал супруг и протянул ей ребенка. Жена передала ребенка обратно и затерялась в толпе. Тогда муж выхватил из-за двери копье и с ребенком на руках присоединился к шествию. Выходили из домов и другие женщины, тоже с оружием в руках. Среди них были Дешхо и Магтах.

Католикос обходил жилища, вызывая хозяев:

– Оставьте дома ваши! Выходите, присоединяйтесь к нам Население высыпало из домов, охваченное страхом. Люди сознавали, что потрясены основы государства, что исчезли все прежние мерила вещей.

– Пусть слуги предводительствуют своими господами в этой войне за веру! – взывал католикос. – И пусть все будут равны в час опасности!

Он направился за черту города.

– Куда ты ведешь нас, святейший отец? – спросил его некяй болезненного вида пастырь.

– Против отступников, отрекшихся от нас!

Блаюдаря умелым и обдуманным мероприятиям крепостного воеводы все башни и все подступы к городским стенам, а также оба конца моста через Аракс были заняты армянскими отрядами.

Атом призвал к себе воеводу.

– Я уезжаю, защиту города передаю тебе.

– Отвечаю головой за безопасность города, князь! – заверил тот.

Атом, сопровождаемый телохранителем, выехал за городские ворота и быстро скрылся в ночном мраке. Почти немедленно вслед за ним покину»: Арташат и католикос во главе огромной толпы священников и верующих.

Часть горожан, смешавшись с крестьянами-беженцами, тоже вышла из города ч собралась на обычном месте -под городской стеной.

– Как же им теперь быть? – заговорил Езрас. – Нахарары и церковники пошли всю страну подымать на ноги.

– Пусть идут, пусть делают что могут! – ответил Аракэл. – Пусть наши силы растут!

– Нахарары они не об одном, о десяти делах сразу думают!.. – заметил кто-то.

– У нас-то дело одно, а не два или три! – отрезал Аракэл и возвысил голос: – Будут вместе с нами-будем действовать сообща? Не будут – сделаем и сами, без них!..

– Будут, Аракэл! Вопрос жизни! Как же иначе? Ведь выхода у них нет!.. – со стоном отозвался Езрас. -Вот только Спарапет.. Хорошо, если бы он был… Ведь он полководец! А без полководца, как мы сможем. Не сможем!..

– Да, был у нас полководец, да изменил! – злобно возразил Аракэл.

– Вот именно… – горько подтвердил Саак.

– Об этом я и говорю: как же нам сражаться, народу од» ному, без войска?..

– А мы по-своему сражаться будем! – оборвал Аракэл.

– Не сможем мы без полководца, Аракэл! Нужно, чтобы нам показали, как воевать. Войско к этому привыкло… А у нас что получится?

– Войдем в бой – и научимся биться!

Аракэл понимал то, что оставалось недосказанным: крестьянам был нужен вожак.

– Ну, идем! – крикнул он и, повернув в сторону Эчмиадзина, решительно двинулся вперед. Крестьяне пошли за ним.

Длинной цепью тянулся караван армянских нахараров-отступников вместе с колонной жрецов и персидских войск, направляясь в Армению через пески персидского плоскогорья. Впереди этого шествия, чем-то напоминавшего похоронную процессию, шли войска, в середине – нахарары, шествие замыкали жрецы. Войска прокладывали путь отрекшимся от своей веры армянски» нахарарам и персидским жрецам, которие должны были силой навязать огнепоклонничество целому народу… Ведь теперь все они были «персами» и

направлялись в страну армян, чтоб покончить со всем, что было в ней армянского, – с религией, языком, нравами, бытом, семейным укладом. Поручение, данное могпэту Михру, касалось также и нахараров.

Войска находились под начальством Дареха. Приподымаясь на стременах, он хищно рыскал глазами по окрестностям. Войска двигались с видом победителей, но настороженно: нахарары хотя и отреклись, но сама страна Армянская еще не была побеждена…

Долговязый, длиннобородый могпэт Михр, сдвинув мохнатые брови над выпуклыми глазами, обдумывал свой будущий обоаз действий. Обслуживавшие его два жреца ни на минуту не спускали с него глаз. Остальные семьсот жрецов, одетые в испачканные сажей черные одежды, весело скалили белоснежные зубы, как бы предвкушая свое беспечальное существование в семьях богатейших армянских нахараров, где многим из них предстояло стать домашними жрецами-наставниками.

Жрецы часто затевали перебранки и ссоры, сильно раздражавшие нахараров, хотя большинство последних оцепенело от горя, и казалось, они ничего уже не видели и не слышали. Чтооы скоротать тягостный путь, нахарары пытались завязать беседу, но ола не клеилась.

Ближайшие соратники Вардана даже и не пытались рассеят» общую скорбь заверениями в том, что искупят свой грех, подняв восстание немедленно по прибытии в Армению. Погруженный в глубокую думу, Вардан чувствовал, что узел завязался сложный и запутанный. Мучительный вопрос возник перед ним: начать ли восстание, едва переступив границу, или же отложить его на некоторое время? Отложив восстание, придется непременно сохранять видимость отречения. Удастся ли ему это?.. И подобает ли это защитнику отчизны, принесшему обет подвижничества в Арташате и в Эчмиадзине Ему – потомку Мамиконянов?.. Вот уже несколько недель, как оч носит личину притворства перед жрецами, – он, никогда не мирившийся с двуличием!.. Его обжигало воспоминание об унизительном суде Азкерта, о темнице, о непристойном помоненри солнцу, о насилии над совестью, над духом…

«Нет, откладывать немыслимо.. – размышлял он.

Подозревая, что Михрнерсэ не преминет подготовить военные силы для отправки в Армению, он тайно поручил Гарегину Срванягцяну проследить за этим. В случае если подозрения подтвердятся, тот должен был через переодетого гонца дать ему знать.

Так думы воина и полководца отвлекали Вардана от того, что угнетало его душу.

Терзания переживал и Артак. В день отречения от веры и поклонения солнцу он пытался успокоить Вардана софизмами, но теперь он уже и сам с трудом сдерживал ярость при мысли о том оскорблении, которому их всех подвергли как во дворце Азкерта, так и в темнице. Псэед его глазами все время стоял Гевонд. который в келье Егики в ту знаменательную ночь воспевал свободу духа. Все выше поднимался в его глазах пылкий пророк, не признававший никакой порабощающей силы. Он вспоминал слова Гевоида: «Священна моя воля!..» Да, вот величайшее сокровище подлинно свободного человека!..

Вардан покачивался в седле и, казалось, дремал на ходу. Артак, беседовавший с Аршавиром Аршаруни и Вааиом Аматуни, пришпорил своего коня и поровнялся с Варданом.

– Спарапет!.. – шепнул он осторожно, словно боясь разбудить его.

– Говори, князь! – спокойно предложил Вардан.

– Приближаемся к границе!.. Наступает час… Вардан полуобернулся к нему и с усмешкой спросил:

– Что же тебя беспокоит?

– Судьба страны… Что с нею будет?

– То, что будет!.. – полушуткой отделался Вардан.

– Как лучше – сейчас восстать, начать войну или…

– И восстание и война давно уже начались, князь! Мы лишь изворачиваемся, пытаемся обмануть друг друга, обрекли себя на вынужденное молчание… А Михрнерсэ, наверное, уже

выслал нам вслед сильное войско с заданием захватить Армению…

– Стало быть, мы пропали? Конец всему? – с горечью произнес Артак и с сомнением, словно спрашивая самого себя, добавил. – А может, оттянуть, пока что-нибудь станет ясно?..

– Нет, князь! – угадал его мысль Вардан. – Пока Азкерт не успел посеять сомнения и раздор среди народа, надо поспешить с объединением страны!

– Но теперь-то, теперь…

– Надо опередить события, взять в руки инициативу! Пока народ восстал, пока он силен – надо возглавить его сопротивление и нанести врагу удар – Да, в этом единственный выход.

– Пока мы еще единодушны, пока мы еще можем рассчитывать на приток свежих сил. – Вардан многозначительно подчеркивал каждое свое слово, – пока мы еще представляем собой – худо ли, хорошо ли – государство самостоятельное и власть… А если Михрнерсэ действительно выслал войска вслед за нами, необходимо действовать, пока они не вторглись в страну, необходимо покончить с этим…

– Когда, где? – задыхаясь, выговорил Артак.

– Скоро! В пути!

И после этих слов, сказанных уже спокойно и уверенно, Вардан погрузился в молчание. Видимо, и он испытывал потребность в беседе, облегчающей душу.

Не менее Вардана был озабочен и Васак. В дни, последовавшие за отречением, он пережил большую радость. Ему чудилось, что его заветные мечты близки к осуществлению, что ему должно удрться его личное возвеличение Но когда Михрнерсэ наложил руку на его детей, душевный покой Васака был нарушен Какая судьба ожидала их.. Каким событиям предстоячо разьпраться в Армении. На какой путь должен бил ступнть он, скольким превратностям подвергнуться Мгла ли представиться возможность спасти детей. Все бы по скрьто кровасой завесой Васаку вспомнились притеснения, побои, нанесенные им детям, и совесть начала мучить его. Он был глубоко подавлен со дня разлуки с Бабиком и Нерсиком. Терзало его и унижение, которому подвергли нахараров и его самого. Он только сейчас почувствовал, что значит подвергаться насилию, и ненависть к персам вспыхнула в нем с новой силой. «Нет, – думал он, – от персов – через персов же!" Избавимся от персов при помощи самих же персов!.. Это было ясно для нею… Но как добитый этого избавления? Тут-то завеса и спускалась перед его глазами. Сделаться персом для того, чтоб избавиться от персов? Это ведь не способ. И если в Сюнийском замке и в Арташоте ему улыбалась мысль добиться своего ценой перевоплощения, то теперь, после суда, заключения и разлуки с отданными в заложники сыновьями, этот путь хитросплетений и игры со смерчепыюй опасностью на краю бездны качался ему просто ужасным. Обдумывать, мечтать – это было невинным занятием. Теперь жизнь поставила его перед неизбежностью кровопролития И по жде всего -перед пролитием крови собственных детей!

Тяжко озабоченный этими мыслями, Васак не обращал внимания на окружающих. Ехавшие рядом с ним Гадишо и Гют беседовали друг с другом Гют рассказывал об избиении Хосрова. Но вместо того, чтоб рассмеяться, Гадишо задумался.

– Привыкли они к этому! – заметил он.

– Вернее, мы их к этому поучили – поправил Гют. – Мало мы били их, нужно было больше. Вот теперь бить будем…

– Чьими руками – усмехнулся Гадишо.

– Руками наших людей.

– Кто же они, эти "наши"?

Васак прислушался к беседе. Его больно задели последние слова. Гадишо как бы отдернул завесу и разбудил его. Действительно, кто те люди, чьими руками можно было бить персов? Не эти ли отрекшияся от веры нахарары?..

О, этот безжалостный Гадишо!.. Не знавшие промаха стрелы его язвительной мысли глубоко ранили Васака, который почувствовал себя государем без подданных. Он смутно чувствовал это давно, но никогда столь ощутимо и явственно. Вот приближаются оки к Армянской стране, к пределам, где должны начаться решительные действия. Как же

собирается он предупредить подготавливаемое Варданом восстание? Ведь он и сам дал слово сорвать с себя личину – открыться на границе!.. Но открыться – это и значило восстать. С тыла над ними нависла угроза персидской армии, – в этом Васак был твердо уверен; это он понял уже тогда, когда был удостоен приема у Михрнерсэ. Несомненно, Михрнерсэ не доверял ему так же, как не верил вообще никому. Он собирал силы… Но мог ли Васак сейчас убедить Вардана отказаться от опасного шага? Мог ли он убедить армянское духовенство покорно принять учение огнепоклонников… Все это было невозможным. Он шел один навстречу неизвестности и бездне. Васак остановил коня. Ею примеру последовали Гадпшо, Гют к Манэч. К ним подъехал Вардан, затем поровнялись и Артак, Нершапух, азаранет, Шмавон.

– Приближаемся к стране нашей, государь Мамиконян! – проговорил Васак, придерживая коня, чтоб оказаться рядом с Варданом.

– Да, приближаемся, – спокойно подтвердил Вардан.

– Что же ты намерен делать? Открыться… Вардан не ответил. Некоторое время ехали молча. Затем Вардан сбоку оглядел Васака.

– Мы ведь так и решили сделать, государь марзпан! Мы поклялись открыться…

На этот раз промолчал Васак. Вардан не стал ждать, пока он ответит.

– Что ж, принудить народ? Заставить его принять веру Зрадашта?

– Пусть его убеждают жрецы…

– «Для видимости»?.. – с колкой насмешкой спросил Вардан. Васак почувствовал, что сила его довбдов может ослабеть, и решил перейти к прямому нападению.

– Все на свете преходяще, государь Мамиконян! Может сгинуть и видимость и истина сама, но народ останется! Почему ты так тревожишься и спешишь?.. Наступят для нас добрые дни… Надо только вырваться из теснины этой, не потерять разума до наступления перемен. Ты знаешь и сан, чго это не какая-нибудь обычная война с кушанами. Целая страна, целый народ ждут нас! Умереть мы всегда успеем. Но кто может сохранить живой страну?

– Правильно! – подхватил Гадишо. – Послушайся государя марзпана, Спарапет! Ведь и мы любим свою отчизну.

– Кто это «мы»? – спокойно переспросил Вардан, пристально оглядывая Гадишо.

– Мы, приверженцы марзпана, «Васакианк»! – подчеркивая каждое слово, ответил Гадишо, так же спокойно и пристально глядя на Вардана. – Мы тоже любим отчизну, хотя и мыслим иначе, чем вы.

– Откажитесь от восстания! – сказал внушительно Васак. – На каких союзников и друзей ты надеешься, собираясь восставать? На Византию, гуннов, на наших нахараров? Чем мы располагаем? Большим государственным войском? Могуществом? Откажись на время от мысли о восстании!..

– Зачем? – спросил Вардан.

Все с изумлением оглянулись на него. Вардан заговорил громче:

– Государь марзпан, пойми, наконец: это не восстание и даже не война – это роковой поединок с насилием, угрожающим нашей духовной свободе. Здесь каждый стоит в одиночку не перед тобой или передо мной, а перед своей свободной совестью. И в деле этом никто не вправе насиловать чью-либо волю. Каждый сам для себя решает – жить ли ему, или умереть…

Они замолкли надолго, мрачные, удрученные.

Вдруг Васак повернулся к Вардану:

– Но ты знаешь, что за нами двигается войско арийцев?

– Куда оно идет? – ответил вопросом па вопрос Вардан. – В Армению или куда-нибудь еще?

– Куда же еще? – спросил Васак.

– К Чорской заставе, против гуннов!

– Возможно и это. Но стоит нам подать малейший повод- и войско арийцев свернет в Армению!

– Оно именно в Армению и идет! – с яростью перебил его Вардан.

Открытое выступление Васака встревожило его. Если подозрение подтвердится – значит, следует принять новое решение. Что же, выходит, что Васак пробует устрашить его могуществом Азкерта?

– Но зачем же вы обращаетесь ко мне, государи «Васакнанк»? – с неожиданной невозмутимостью спросил он вдруг. – Почему вы полагаете, что от метя так много зависит? Поговорите с самим народом…

– С народом будут говорить войска Азкерта! – с раздражением бросил Васак.

– Пусть не бахвалится много этот пес! – поднял голос Вардан. – Пусть он не доводит нас до отчаяния! Мы поднимем против него всю страну, и он еще увидит…

– Всю страну? – вспыхнул Васак. – Ты дерзнешь пойги и на это преступление? Кто дал тебе право ставить всю страну под угрозу гибели?..

– Угроза гибели сака двигается за нами по пятам!.. – махнул рукой Вардак.

Васак огрел плетью когда и проехал вперед. Сильнейшее беспокойство овладело им. Гадишо и остальные его приверженцы догнали его.

– Понимаете ли вы, какое создается положение? – с волнением воскликнул Васак-Предположим, что мы истребим жрецов и отряд, который нас сопровождает. Это нетрудно. Но ведь подоспеет войско арийцев! Вы понимаете?!.

Гадишо ответил только вздохом. Артак Рштуни оглянулся на Манэча, и когда тот немного отстал, он заговорил, как бы сам с собой:

– А нельзя, государь марзпан, избаиться одновременно и от головы и от головной боли?.. Одним ударом меча!

Гадишо понял. Он быстро взглянул на нахарара Рштуни и сделал ему знак молчать, но тот не обратил на это внимания.

– Не понимаю твоей мысли, – сказал Васак, действительно не сообразивший сразу, к чему клонит нахарар Рштуни.

– Так, как мы однажды попробовали на берегу моря, но, к сожалению, неудачно!..

– С этими вещами поосторожнее! – сурово остановил его Васак. – Нам нужно убить не Вардана, а «Вардананк»! Но как убьешь народ? Наконец, от нас требуют ведь не крови, а отречения от веры… – И он обратился к Гадишо: – Это ясно и тебе, не так ли, князь?.. Уж кому-кому, а тебе это должно быть ясно!

– Была допущена ошибка, но яе с моей стороны!.. – со вздохом признался Гадишо.

– Я твердо решил опередить его уаар. Сегодня же ночью мы разошлем гонцов в наши отряды – пусть соберутся в Зарехаване!

– Почему именно в Зарехаване? – осведомился Гадишо.

– На всякий случай! Пусть соединятся с персидским отрядом и сдерживают восстание, пока подоспеют персидские войска, идущие за нами…

– Согласен! – заявил Гадишо. Выразили свое согласие и Пот с Маиэчом.

– Мы сделаем так… – после короткого молчания заговорил снова Васак. – Поторопим могпэта: пусть приступит к делу, пока не начал действовать этот одержимый. А мы сами задержим наше продвижение. До Зарехавана он в наших руках и, стало быть, бессилен…

– Согласен! – повторил Гадишо. – Если мы сумеем опередить его и одновременно задержав его, мы овладеем положением!

– Гонцов нужно послать этой же ночью, иначе…

– Показался Шаваршаван! – прервал Втйка Гадишо. Впереди, сквозь редкий сероватый туман, проглянули горы Шаваршавана.

Васак задумчиво глядел на них.

– Приближаемся…

Караван миновал Тхмут. Это было наполовину армянское и наполовину персидское селение, расположенное среди болот и богатое садами. Вардан с беспокойством присмлривался к крестьянам, которые, скрестив руки, молча склонились у обочин дороги и провожали их равнодушным взглядом.

Артак громко воскликнул:

– Привет дому сему!

Это относилось к Нершапуху Арцруии, в родовой удел которого они вступали.

– Милости прошу! – отозвался, как гостеприимный ходячи Нершапух Арцруни. – Дом сей вам принадлежит!

У Вардана промелькнула горестная мысль о том, что в некий день и к нему, в его «дом», тоже могут войти с таким приветом…

По-видимому, крестьянам Тхмута еще ничего пе было известно об отречении нахараров. Старики, как обычно, при приближении Спарапета вставали с мест и осеняли его кресюм. Казалось, огнем стыда и укоризны опалило лицо Вардана. Он содрогнулся, когда к нему подбежала одетая в рубище женщина, державшая завернутого в тряпки ребенка и потерла ручку ребенка о полу плаща Спарапета. Ребенок залился радостным смехом и поднял на Вардана свои черные глаза-виноградинки.

– Даруй моему сыну каплю храбрости своей, Спарапет! – громко воскликнула женщина.

Вардан усмехнулся, с грустью и горечью взглянув на нее.

День клонился к закату, когда колонна вступила на Аварайрское поле, подошла к реке Тхмут и сделала стоянку на берем у. Персидские воины с веселым гомоном повели коней на водопой. Жрецы раскинули легкие шатры. Служители разостлали копры, и нахарары сошли с коней.

Наступили яетпие сумерки. Река Тхмут катила свои мутные воды. На западе, в зеленоватых небесах, ярко блеснула первая звезда, и ее отблеск заплясал в волнах Тхмута. С противоположного берега вместе с запахом камыша доносилось заглушенное, тонкое и прерывистое кваканье лягушек.

Отказавшись от ужина, Вардан встал и пошел вниз по течению Тхмута. На реке пе слитно было выкриков жрецов и хохота персидских воыюв.

За Варданом, стараясь быть незамеченным, настороженно и неслышно скользил Арцвп.

Немного дальше, на берегу, горел костер; его свет выхватывал из сгустившихся сумерек очертания нескольких скирд.

Вардан медленно направился к костру, отблески которого освещали крупное задумчивое лицо немолодого крестьянина, сидевшего перед огнем. Суровые черты лица, густые усы, доходившие до самых ушей, и широкие плечи придавали ему, скорее, вид воина, чем человека мирного труда; он задумчиво и сосредоточенно смотрел вдаль.

Вардан подошел. Крестьянин, поднявшись, окинул его спокойным взглядом и с достоинством приветствовал его.

– Мир наступившему вечеру, брат-крестьянин! – спокойно и приветливо поздоровался Вардан.

– Да будет мир! – густым грубым голосом отозвался крестьянин и. мельком оглядев Вардана, добавил медленно:

– Не ведаю, князь ты или иного звания воин и как тебя величать полагается,..

– Никакого величания не надо, брат-крестьянин.

– Соблаговоли тогда присесть!.. – Он растолкал спавшего рядом с ним юиошу.

– Встань, Варданик, принеси охапку пшеницы для воина. Юноша, не очнувшись еще ото сна, вскочил и стал растерянно озираться.

– Не тревожь отрока! – сказал Вардан. – Я сяду и так. Крестьянин спокойно возразил:

– Нет, честь оказывать всегда должно!

Варданик принес сноп пшеницы, разостлал перед Варданом и присел у костра. Уселся и Вардан. Арцви стоял чуть поодаль.

– Косовицей занят ты, как вижу? – заговорил Вардан. – Но помощник у тебя очень молод, брат-крестьянин!

– Ушли помощники мои! – спокойно объяснил крестьянин. – Один – в полку нахарара Атома Гнуни. Другой – в армянской коншне, лично известен Спарапету, бог ему в помощь! –

При этих словах крестьянин перекрестился. – На днях сам оч, как дым, пронесся по Аварайрскому полю. Заговорили мы с нг.м, а он исчез…

Опечаленный, Вардан не отводил глаз от огня.

– Трудно тебе, значит, приходится? – сочувственно спросил он крестьянина.

– Да благословит тебя господь, воин! Ты спрашиваешь, трудно ли? Мука из мук! Разве земля дает что-нибудь даром? Труда она требует… – Он задумался и добавил уже мягче: – Да, и то сказать, тому, кто на ней трудится, она дороже становится.

Он замолк, затем вновь заговорил:

– Вот, говорят, Азкерт идет на нас войной. Ну что ж, пусть идет. Придет он – и еще дороже станет нам наша земля!

Вардан поднял на крестьянина взгляд: нет, тот не шутил; наоборот, он был вполне серьезен и спокоен. Помолиав, Вардан спросил мягко и задумчиво, не отводя глаз от огня:

– Ты что ж, войны хочешь, брат-крестьянин?

– Кто войны захочет, брат-воин? – с укором ответил тот. – Война – от злого духа, – он приложил ладонь к земле, – кровью ведь она напоена! А кто крови захочет?.. Да только чем больше пролито на землю крови, тем она дороже сердцу делается. Вот это и есть родное – родина!..

Затем, подумав, он добавил:

– Земля – она впитанной горечью мудра и этой горечью сердцу мила. Жизнь в ней… Великая мудрость в земле, брат-воин!..

Тхмут катил свои воды. С подмытого берега с плеском рухнул в воду пласт земли и пустился в путь вместе с волнами.

Вардан с любопытством внимал скромному крестьянину, который так спокойно и с таким достоинством высказывал свои мысли о земле, о жизни. Как мало он был похож на встреченных Варданом в Александрии и Греции философов, которые выражали лишь заимствованные из книг или друг у друга мысли! А этот крестьянин и не подозревал, что он – философ. Его устами говорили земля, кровь, пот и труд, которые покрыли свинцовым налетом его загорелое, обветренное лицо и наложили иней седины на его волосы.

– Теперь Азкерт тащится сюда. Ну что ж, обломает себе рога о землю!.. – негромко рассмеялся крестьянин. – Когда же это побеждал кто-нибудь землю?

– А не случается разве, что народ погибает в борьбе? – спросил Вардан, стряхивая с себя задумчивость.

– Случается! – спокойно подтвердил крестьянин. – В мире покоя нет, брат-воин! – он показал рукой на реку. – Вот – видишь?

– Вижу.

– Вот и ушла… Не та уже!..

– Да, взглянул – и нет…

Костер затухал. Ветерок устало сложил крылья. Собеседники умолкли. Погруженные в свои мысли, они молча смотрели на огонь. Вардан думал о том, что крестьянин даже не спросил его, что это за лагерь раскинулся на берегу, не посмотрел в сторону каравана, не полюбопытствовал, с кем он говорит.

И Вардан решил не тревожить покоя старого крестьянина – на него подействовало это полное достоинства отсутствие любопытства. Игеьчю так этот человек и представлялся Вардану – как неисчерпаемая сила, идущая от той «горькой», «политой кровью» земли, которая делала родину «милой сердцу».

Пора било возвращаться: приближалась ночь, крестянин нуждался во сне. Да и сам Вардан был утомлен.

– Ну, доброй ночи, друг-крестьянин! Да ниспошлет тебе господь удачу!.. – произнес Вардан, подымаясь.

– Мир утру грядущему, брат-воин! – отозвался крестьянин, также вставая.

Вардан вернулся в заснувший лагерь.

Войдя в отведенный ему шатер, он сел и негромко хлопнул в ладоши. Вошедшему

Арцви он приказал незаметно вызвать азарапета, Нершапуха, Артака Мокац и Шмавона, шатры которых били разбиты неподалеку.

Нахараров разбудили. Несмотря на усталость и недовольство тем, что потревожили их сон, они жаждали узнать, что хочет им сообщить Спарапет. Войдя в его шатер, они расселись. Но Вардан медлил.

– Почему ты не настоял, чтобы мы свернули к Арташату? – спросил Нершапух.

– Хотел выиграть немного времени. Нам надо спешить, – объяснил Вардан, – ведь позади наступает войско!

– Мысль об этом войске сильно меня заботит, – заявил азарапет. – Не можем мы спешить»…

– Нет, я решил не медлить. – возразил Вардан. – И именно из-за этого…

Устремив вдаль полные грусти глаза, он продолжал, как бы беседуя с самим собой:

– Остались в плену, в когтях у зверя, заложниками… Только бы удалось им вырваться! Но когда еще это им удастся.

– А-а… – протянул Нершапух и поник головой. Он понял: Вардан имел в виду армянскую конницу.

– А он-то, глядите, – предал своих детей! Ноет у него теперь сердце… Да он и впрямь достоин проклятия! А их у него двое… Каково же мне предать стольких моих сынов! Через море крови я провел их…

Глаза Вардана наполнились слезами. Он похож был на скорбящего отца, самое драгоценное сокровище сердца которого находится вдали, в смертельной опасности. Вардан как будто забыл, что вызвал к себе нахараров, намереваясь сделать им важное сообщение. Он мысленно унесся в далекую область Апар, увидел тысячи юношей, доверивших ему свей жизни: тоскующими и преданными глазами смотрели они ча него – своего отца, своего бесстрашного Спарапета, с которым вместе проливали кровь и который стал после этого самым близким и родным для них человеком.

Вардана терзала тревога за судьбу своих бесценных бойцов. Правда, события развернулись помимо его воли. Правда, отчизна била драгоценнее и требовала большего внимания, чем эти несколько тысяч всадников, которых он мог бы бросить в бой в случае военной необходимости, как бросал не раз. но Вардаи был так глубоко привязан к своим бойцам; и сознание, что он оставил и беспомощными бешеному зверю на расправу, сильно мучило его.

– А Лшуша? – пробормотал он. – Грех на нашу душу!.. Сын братского народа… наш соратник!.. Но что могли мы сделать? – И Вардан умолк со скорбью в глазах.

Артак нарушил тягостное молчание:

– Спарапет, меня мучают неопределенность и сомнения. Умоляю, скажи – что нам делать? Что ты решил?..

– Решение напрашивается само собой, князь: должна пролиться кровь!

– Но ведь ты работал днем и ночью, готовился, и все тебе не хватало времени. И мы все не готовы?

– Эта пора миновала!.. Теперь должен сказать свое слово сам народ: воевать-то придется ему! И когда он подымется, не пытайтесь сломить его дух! Теперь он – наша сила. Пусть только вырвутся из когтей Азкерта мои заложники, конница моя!.. Но я не стану ждать!.. Над ними кружит смерть… Погиб и Ашуша! Как и те дети – его сыновья…

– Спасибо, Спарапет! – мягко сказал Артак. – А то одолели меня горечь и тоска…

– Ты погоди, погоди! Я еще такую беду обрушу насильнику на голову, что проклянет он самое рождение свое… Ни на день раньше, ни на день позже…

– «Ни на день раньше, ни на день позже…» -задумчиво повторил азарапет.

Нершапух словно ожил:

– Добро!.. Какое же место ты наметил?

– До Зарехавана.

– Почему не начать с Цахкотна? Вардан горько усмехнулся:

– А с какими силами? Мы ведь пленники в этом персидском отряде! Удивляюсь, что нас еще не уничтожили!.. Видно, только потому, что пока мы еще «вероотступники»! На нас еще надеются… Боятся народа… Марзпан-то намеревается загнать нас в Зарехаван, в лапы крепостной охраны. Следовательно, необходимо разгромить этих до прибытия в Зарехаван!

– Разошлем гонцов к нахарарам, пусть явятся со своими отрядами! – предложил Артак.

– Не решатся они сразу. Возникнут разт гласия, запоздают – и дело сорвется. Пошлем к князю Атому, в Айрарат: пусть подоспеет к нам до Зарехавана, поможет уничтожить этот отряд!

– Обдумать бы надо!.. – замялся Нершапух. – Хотя… опаздываем мы!..

– Поэтому и нужно спешить!

Долго еще продолжалось бы это совещание, если бы Вардан не прервал его и не распорядился вызвать гонцов. Когда Ар цен их привел, Вардан приказал им ночью незаметно покинуть лагерь и немедленно отправиться в Айраррт.

Бесшумно выскользнув кз шатра, гонцы растаяли в темноте. Нершапух, азарапет и Артак поспешили разойтись, чтоб не вызвать подозрений. Свет у Вардана погас.

Вардан лег с облегченным сердцем: наконец-то приближался день возмездия!..

Еще долго в его ушах звучали слова крестьянина: «Война – от злого духа…»

«Да, сыты мы кровью, слишком много ее пролилось!» Поглощенный этими мыслями, Вардан долго не мог уснуть, несмотря на крайнюю усталость. Перед его глазами стоял встреченный им на берегу Тхмута человек из народа, бесстрашно и простодушно взиравший на жизнь, умевший извлекать доброе даже из грозившего ему бедствия.

В ту же ночь, пользуясь мраком, из лагеря под предлогом купания коней выскользнуло еще несколько гонцов. Но поскакали они в противоположном направлении.

Рано утром Вардана разбудил необычный шум. Вардан присел и спросил у вызванного служителя:

– Что случилось?

– Не решаюсь и сказать, государь… – полусмеясь, полуобиженно ответил служитель – Это жрецы жребий бросали: кто к какому нахарару войдгт в дом; и вот передрались между собой…

Пробормотав проклятие, Вардан поспешно оделся, вышел и стал перед своим шатром Перебранка между жрецами еще продолжалась, дубинки уже взлетали над головами. Из своего шатра вышел разгневанный могпэт и приказал слугам немедленно разнять драчунов. Но вместо этого слуги сами стали избивать дерущихся, а те в свою очередь набросились иа слуг. Могпэт пошел сам, надеясь своим присутствием положить конец свалке. Не помогло и это – драка продолжалась Люди могпэта с трудом вырвались из рук жрецов и кинулись жаловаться своему господину, но погнавшиеся за ними жрецы снова пустили в ход дубинки. Потасовка кончилась лишь тогда, когда жрецы устали раздавать и получать удары.

Артак со смехом подошел к Вардану:

– Не имеем основания жаловаться на отсутствие развлечений, Спарапет!

– Да, если бы мы были способны плакать – то поводов достаточно!… – с горьким смехом отозвался Вардан.

– И скоро они начнут действовать!.. – с грустью сказал Артак. – Они войдут в наши церкви, дома, семьи…

– Многое еще придется нам претерпеть, князь! – вздохнул Вардан.

А Васак в это же время совещался с Гадишо. Шум, поднятый жрецами, привлек и его внимание. Когда он от служителя узнал, в чем дело, беспокойство охватило его:

– И это они должны наставлять семьи наших нахараров?! Да они накличут на нас беду!

– Они накликали бы на нас беду, даже если бы были наиученнейшими мудрецами! – возразил Гадишо.

Васак не мог успокоиться. На его пуди возникало нечто тягостное, чего невозможно было миновать. Правда, он послал гонца к себе в полк с приказом быть готовым к нападению на врага, и то же самое, по его требованию, сделали остальные нахарары, его

единомышленники. Но его мучила мысль о том, что Азкерт послал его в Армению не для ведения войны, а для того, чтоб он без кровопролития внедрил учение маздаизма. Кроме тою, неизвестно было, чем увенчается его попытка напасть на повстанцев…

Но как бы то ни было, собираясь подавить восстание, Васак учитывал лишь отряды нахараров противного лагеря. Это было величиной определенной. Вса остальное было в тумане и мраке.

Солнце поднималось, близился час поклонения. Могпэт приказал протрубить сигнал. Полк выстроился на Аварайрском поле. Могпэт, сопровождаемый жрецами, выступил пеоед войсками, которые стояли полукругом. Васак и его сторонники пошли на поклонение, но Вардан, асрапет, Нершапух и Артак Мокац, клорые и в дороге под разными предлогами уклонялись от этого обряда, на этот раз категорически отказались участвовать в нем. Вардан просто вигнал явившегося к нему в шатер жреца.

– Убирайся вон немедленно!.. – крикнул он с омерзением.

Дсльне ждать было невозможно. Омнце поднялось и обряд поклонения начался. Гнусавый голос мсгпэта прозвучал на поле Аварайра, сопровождаемый грохотом барабанов, пронзительными звуками труб и бормотанием жрецов. Это было первым поклонением солнцу иа земче Армении.

Немедленно после окончания обряда могпэт подошел к Васаку:

– Государь марзан, что это – прямое неповиновение или отказ от пскюнечия?

– От непривычки то, – просто и грустно ответил Васак, скрывая свою ярость и тревогу. – Потерпи… Вспомни собственных жрецов! Ведь ты даже их не мажешь застрвить подчиниться тебе…

Могпэт умолк, хотя его сомнения не рассеялись.

Колонна поднялась и, перейдя через реку Тхмут, двинулась по направлению к Багреванду.

Арташат продолжал кипеть и после того, как его покинули Атом и католикос. Охранявшие крепость персы и армяне напряженно ждали дальнейших событий, злобно косясь друг на друга. Отсутствие Атома обнадеживало сбе стороны. Воины из армянского отряда надеялись и ждали, что Атом, собрав силы, вернется в Арташат во главе государственного войска и уничтожит захватчиков. А персы, считая отъезд Атома прямым доказательством тсго, что он чувствует недостаточность армпнских сгл в столице, готовились напасть на восставших, как только в Армению вступят персидские войска.

Атом ехал позади шествия, не смешиваясь, однако, с народом. Он был во власти глубокого душевного смятения. Что ему делать? С кем идти? И чем все это кончится? Правда, он желал, чтсб ярость народа не ослабевала: нельзя было позволить, чтоб сломилась та духовная сила, которая должна была противостоять грядущему испытанию. Но у него возникало опасение, что стихийная вспышка даст повод потспить в крови и сорвать все дело восстания.

И действительно, смута уже распространялась из жрая в край по всей стране. Призыв не щадить никого – ни родных, ни близких, ни господ, ни слуг – глубоко проник в сердце народа. Подозрительность и настороженность сменили прежнюю простодушную доверчивость. Каждый в тревоге искал изменников веры и родины в своем окружении. В некоторых отдаленных уделах были даже случаи избиения камнями заподозренных в вероотступничестве. Тревога охватила всю страну. И самым ужасным было то, что нельзя было ни заступиться, ни защищать подозреваемых. Удержать народные массы от вспышек становилось все более и более трудным. Оставалось лишь спешить с организацией общегосударственного войска – крепкого кулака, при помощи которого можно было бы предотвратить насилия персидских отрядов. Народ же следовало держать в состоянии боевой готовности.

Наряду с этими военными заботами Атома терзало еще и скрытое сомнение: действительно ли приняли нахарары веру Зрадашта? А если приняли, то все или только некоторые? И как это произошло – заточили их, сломили их волю, и они, отчаявшись в

спасении, подчинились насилию? Согласны ли они будут на восстание? Вот вопрос!.. Не исключена возможность и того, что, вернувшись на родину, они во главе своих полков положат начало междоусобной войне… И кто с кем будет тогда? Кто пойдет с персами и кто против них? Что сможет сделать тогда он, Атом, с кучкой нахараров, которые сохранит верность клятве? Вот он едет собирать силы, но против кого? И кто последует за ним из подданных других нахараров? Как входить в замки нахараров у Бзнунийского моря – одному или с вооруженными силами? Простительно ли будет такое вторжение, хотя бы и в ферме мирного предложения?.. Ничего, ничего не екдно определенного впереди!..

«Ах, Артак, Артак, что ты натворил, куда ты завел меня?..» – пробормотал он, вглядываясь вдаль – туда, где чернела толпа, которую, словно кровью, окрашивал свет факелов.

Куда двигалась эта народная масса, на что была она способна, до чего могла ее довести ярость?

Но нужно было совладать со своими колебаниями и черными мыслями, нужно было решать и действовать. Атом решил взять с собой в области, расположенные вокруг Бзнунийского моря, Гевонда, с его помощью поднять там на ноги местных жителей и через них воздействовать на воинов нахарарских отрядов.

«Если принесшие клятву стоят за сопротивление – они и сами будут довольны моим вмешательством. Если же они против, если они сами отрекутся… – Атом с силой потряс рукой в воздухе. – Тогда я подымусь против них! Я – и со мной все оставшиеся верными обету!»

Атом решил прежде всего заехать к себе в родовой удел – взять небольшой отряд воинов своего полка и с этим отрядом пройти в Хорхоруник, убедить князя Хорена присоединиться к нему и с ним вместе обойти Тарон, Рштуник и Арцруник. Он имел в виду подготовить удар армянского войска и народа на той окраине, которая, по его убеждению, должна была оставаться в глубоком тылу движущихся на Зарехаван персидских войск.

Полуденное солнце палило нещадно. Несмотря на самое горячее время жатвы, жители Дзмероца, расположенного на дороге между Арташатом и Эчмиадзнном, не выходили на полевые работы. Это было обширное, богатсе садами селение, куда обычно назначались на зимний постой отряды общегосударственного войска, большей частью из полков Вардана Мамиконяна.

Крестьяне и воины собрались на сельской площади, когда в село вступил Аракэл со своими людьми. Жители были взволнованы появлением группы полунагих монахов с сумами на плечах, пришедших со стороны Арагаца.

– Что случилось, святые отцы? И вас обобрали? – расспрашивали их сельчане.

– В смущении и растерянности мы, братья! – ответил согбенный старик монах. – И с бесплодной горы и с развалин налог требуют!.. Последнее зернышко вымели из нашего монастыря, двери запечатали, а нас мукам подвергли.

– Чего же они требовали?

– Чтоб мы от светлой веры нашей отреклись… Рукописи пожгли…

Старик дрожал всем голом, голос его прерывался. Куда они шли, что намеревались предпринять – того не знали и сами монахи.

В это время въехал в селение Атом. Тотчас же вокруг него собрались крестьяне, монахи и люди Аракэл а Усевшись в тени большой шелковицы, Атом вызвал к себе старшин удельного войска, объяснил им создавшееся положение и приказал зорко следить за событиями и быть готовыми кп всякгм неожиданностям.

– Вооружитесь и ждите… Но чтоб никаких нападений на персов! – сурово предупредил Аточ и обратился к одному из пожилых старшин: – Сотник Сеиекерим, помни: ответсвенность возлагаю на тебя лично!

– Как изволить!.. – опуская в знак повиновения глаза, но с плохо скрываемым недовольством ответил сотник.

– Ну, в чем дело? – пристально посмотрел на него Атом, – Говорю тебе: если даже

кожу с вас сдирать будут, и то надо стерпеть! А то испортите все дело…

– Огнем горит у нас душа, князь! – нажаловался сотник.

– Строжайший теое приказ! Понял? – нахмурился Атом.

На всякий случай он решил взять с собой из удельного войска небольшой отряд отборных всаднников в качестве телохранителей, и с ними отправился искать католикоса, Гевонда и Езника, которые находнлись в голове шествия.

Не успел Атом отъехать, как на Арташатской дороге показался небольшой отряд. Крестьяне и воины двинулись к окраине села. Отряд персов с несколькими сборщиками вошел в село и остановился на площади. Начальник отряда выехал вперед и спросил:

– Готова подать?

Из группы крестьян вышел седой староста. Со спокойным достоинством оглядев перса, он холгдно ответил:

Подать давно готова. Но внести ее мы должны нашим властям. Они и доставят ее вашему царю – Мы сами ее возьмем! – так же холодно отрезал перс и пренебрежительно приказал: – Ну, несите! И быстро!

Требование перса было вопиющим беззаконием. Но что было делать старосте?.. Атом приказал не шевелиться, «хотя бы с них и шкуру сдирали…» Староста стал совещаться со взволнованными крестьянами.

Перс, не понимавший армянского языка, уже проявлял признаки раздражения.

– Но как же я сдам? – колебался староста. – Ведь не имеем мы права сдавать им подати!..

– Нужно сдать! Нет у нас иного вывода, – ведь кровь прольется… – уговаривал его Сенекерим.

– К дьяволу! Пусть прольется! Не дам!.. – заупрямился староста.

– Теперь не время говорить о праве да законе, Согомон. Дай им, пусть уберутся! – подал голос один из крестьян.

– Отдай, Согомон! Отдай! – настаивал Сенекерим. – Нельзя нам драться, не то мы бы их в клочья разорвали. Командующий отрядом раздраженно крикнул:

– О чем вы там говорите? Долго буду я вас ждать? Несите!..

– Подождешь, почтенный!.. – с насмешкой отозвался Сенекерим. – Приказа нет у нас, а то…

– Какие еще приказы. От кого? Кончилась ваша власть. Несите скорей подать, а то мы покажем вам «приказ»!

– Кому это вы собираетесь показывать? – спросил, выступая вперед, светловолосый воин и повернулся к крестьянам. – А вы что, онемели?

Крестьяне переглянулись, но продолжали безмолвствовать. Воин, поискав глазами камень покрупнее, спросил:

– Так, значит, перс непременно требует подать?.. – с недоброй усмешкой обратился си к сотнику Сенекериму, хмуро разглядывавшему перса. – А ну, Сенекерим. Дадим-ка мы им «подать»! Уж дозволь!

– Забыл ты, что приказал князь Атом? – прикрикнул на него сотник. – Отойди назад! Воин с ворчанием отошел.

– Копья рука просит, копья! Или косы, по крайней мере, – вырвалось у одного из крестьян.

– Помолчи, Погос, и без того тяжко! – со сдержанным укором обратился к нему Сенекерим.

– Тяжко-то тяжко, а небось отдаете им зерно, да еще с душой вместе! – возмутился Аракэл, с молчаливой злобой наблюдавший за происходившим.

– Да вот, начальник наш говорит, что не ведено, – отозвался другой крестьянин.

– Значит, перс так и уйдет безнаказанный? – спросил Аракэл, делая шаг вперед.

– А ты кто будешь, приятель? – справился Сенекерим.

– Не видишь разве? Я один из тех, кто хлебнул горя из-за персов! До коих же пор

терпеть?

– Давайте всех на клочки разорвем! – предложил кто-то из людей Аракэла.

– А вы не вмешивайтесь! Это наше дело – одернул Сенекерим.

– Тоже еще воин!.. Честь-то есть у вас? – вспылил Аракэл.

– Не приказано! Понятно? – заорал Сенекерим. – Иди себе, не лезь в наши дела!

– Правильно! Не приказано нам!.. – подтссрдили воины. – Вы уж не вмешивайтесь!..

– Да мы и не вмешиваемся! Хочется только посмотреть, до коих пор у вас шкура выдержит.

Староста с обидой махнул рукой и заявил, поворачиваясь, чтоб уйти:

– Вот вам подать, вот вам перс ваш! Отдавайте ему сами, а я своей рукой не дам!

Покачав головами, крестьяне смотрели ему вслед. Немного погодя на площади уже лежало до двадцати больших чувалов зерна, и крестьяне начали грузить их на вьючных лошадей.

– Несите и хлеба! – приказал начальник персидского отряда. – Да еще масла, сыра, припасов на дорогу! – с наглой улыбкой требовал он.

Перс явно стремился вызвать стычку, возмущение, он искал повода к кровопролитию. Окинув сластолюбивым взглядом стоявших немного поодаль женщин, он заявил:

– Скоро в нашу веру перейдут, все нашими будут! Перехватив яростный взгляд Сенекерима, перс обратился к нему.

– Ничего, мы и вас вместе с женами вашими в Персию угоним! И для вас дело найдется!

Сенекерим весь почернел, с трудом сдерживая ярость.

– Во имя отца и сына и святого духа! – широко перекрестился Саак, также задыхавшийся от бешенства. Он исподлобья окинул взглядом крестьян.

– Чтоб люди земли стояли и беспомощно ждали, когда их выбросят из родных мест голыми, в чем мать родила? Горе вам!..

– Проклинай, брат Саак, проклинай! Поделом нам! – отозвался Езрас. – Под плетьми сборщиков ты высох, теперь очередь до этих дошла…

– Чего же вы молчите? Когда же вы восстанете? Поднимайтесь! Восстаньте!.. – призывал Саак.

– И восстанем! Не будем дома с женами сидеть! – весело отозвался один из крестьян.

– А раз не намерены вы дома с женами сидеть, то восстаньте! – говорил Аракэл, потрясая кулаком. – Раз уж отреклись от нас наши нахарары…

Высокий широкоплечий крестьянин быстро шагнул к Аракэлу, почти коснулся крепкой выпуклой грудью его груди, окинул его гневным взглядом с головы до ног и, не отводя от него синих глаз, резко и решительно проговорил:

– Наш Спарапет от народа не отречется! Аракэл пристально на него взглянул:

– Как знать? Вот пойдем, сами узнаем. Если он в плену – освободим, если ж и впрямь отрекся – освободим страну!

– Да будут благословенны уста твои! – воскликнул Погос с жаром.

– Эх, говорю же я – пора за копья взяться!

– Ничего, потерпи! – остановил его Сенекерим. – Наступит и день копья!..

– А у меня тем временем сердце разорвется!.. – с горечью отозвался Погос. – Нет, не усидеть мне дома, пойду поищу на них управы!

Крестьяне принесли выпеченный хлеб и молча набили мешки для персов.

– А-а, давно бы так… А ты там не ворчи! – прикрикнул на Погоса начальник персидского отряда и, проезжая мимо, полоснул его плетью.

Отряд удалился. Все словно онемели, окаменели.

– Эге!.. – внезапно воскликнул Саак, пристально вглядываясь вдаль.

Со стороны Эчмиадзина входила в село толпа с католикосом, Гевондом, Егишэ и Езником Кохпаци во главе. Католикос находился в каком-то исступлении. Чем-то зловещим веяло от всего его облика. Покрытые пылью борода, волосы, брови и ресницы, босые ноги в

грязи и крови придавали ему вид человека, измученного и потрясенного.

Католикос подошел к крестьянам и воинам, которые с непокрытыми головами благоговейно перед ним склонились. Пылающими глазами оглядел он всех, простер руку и возгласил:

– Подымайтесь на войну за свободу!.. Поднимите меч, карающий против изменников!.. Да будут отвергнуты отныне все отступники!.. Да будет гибель уделом изменника – князь он или простолюдин, слуга или господин! Все подымайтесь!..

– Мы поднялись, и мы готовы, святой отец! – отозвался Саак.

– Да будет благословен меч ваш! – возгласил католикос.

Бежавшие от сборщиков монахи с плачем пробились к католикосу и склонились перед ним, лобызая край его одежды. Католикос горестно взглянул и осенил их крестным знамением.

– Идите в мир, с мирянами спасайтесь… И да ниспошлет господь спасение стране Армянской!..

Перекрестившись, католикос поспешно покинул селение и свернул в сторону Аракса. Монахи следовали за ним.

– Вот и кончилась передышка наша! – с горечью и беспокойством воскликнул Погос.

– Правильно! – признал Саак.

По Арташатской дороге, впереди воинского отряда, ехали персидские вельможи – Деншапух, Вехмихр и могпэт Ормизд со свитой, – стремившиеся придать своему появлению, елико возможно, торжественный вид. Деншапух, ревниво следивший за тем, чтсб его скакун всегда шел впереди скакуна Вехмихра, был в шлеме, имевшем форму тигровой головы. Поверх парчового кафтана был надет массивный, литого золота пояс. Вехмихр старался превзойти его в пышности, нарядившись в сафьяновые, цвета граната, сапоги до колен. На могпэте Ормизде был белый кафтан и высокая остроконечная шапка. Воины из их отряда также принарядились и имели вызывающий вид.

Подъехав к селению, Деншапух остановил коня. Остановился вслед за ним и весь отряд.

– Зачем вы собрались? – спросил Деншапух. Искоса разглядывая его, жители безмолвствовали.

– А это что за монахи? – сердито справился Деншапух. – Откуда они?

– Из Огакана мы, государь!.. – ответил за всех старый монах; взгляд его был устремлен в лицо Деншапуха.

– Есть у вас жалобы?

– Есть, государь! – заявил старик, выходя вперед. – Сборщики житья не дают: все у нас отняли и монастырь запечатали!

– А вы молитвой живите! – издевательски рассмеялся Деншапух.

– Молитвой и будем живы! – ответил старый монах, не выдавая своего возмущения.

Могпэт Ормизд подозвал монаха к себе.

– Вам разве не предписали оставить христианство и принять маздаизм?

– Предписывали, государь могпэт. Но разве позволяет закон предписывать душе человека?

– Не позволяет? Вот и приходите судиться к нам, раз не позволяет, – отрезал могпэт.

Монахи замялись, но воины плетьми загнали их в середину отряда.

Нахмуривиись, Деншапух повернулся к крестьянам:

– Есть жалобы на сборщиков? – все с такой же издевательской усмешкой спросил он.

– Нет! – неожиданно резко ответил за всех Саак, впиваясь Деншапуху в глаза злобным взглядом. Деншапух пристально оглядел его:

– Злой у тебя взгляд!.. Что ты задумал?

– Ничего! – отрезал Саак, все так же не сводя с Деншапуха глаз.

– Ну-ка, пойдем с нами! Посмотрим, что ты в себе таишь! – с угрозой произнес Деншапух.

– Что таю?.. – пробормотал Саак. – То, что всегда останется при мне!..

– Гоните сюда эту собаку! – крикнул Деншапух своим воинам.

Персы набросились на Саака и, скрутив ему руки, втолкнули в ряды монахов.

Аракэл рванулся к персам, но Сенекерим железными пальцами сжал ему локоть:

– Не навлекай беды на все село! Говорят тебе, еще не время!..

Аракэл с болью признался самому себе, что сотник прав: село не приняло бы участия в нападении на отряд, вспышка оказалась бы преждевременной. Следовало, стало быть, подумать об освобождении Саака либо на дороге, либо из темницы.

– Ну, в путь! – приказал Деншапух, еще раз окинул крестьян злобным взглядом, хлестнул своего жеребца и повернул к Эчмиадзину.

Подгоняя их плетьми, всадники увели с собой монахов и Саака.

Следуя почти по пятам за католикосом и Атомом, Деншапух стремился узнать, куда и зачем они идут.

– Вот видите! – простонал Аракэл. – Змея обвилась вокруг нас!.. Войсками наводнили они крепости наши, избивают, терзают народ!.. «Потерпите, потерпите!..» Вот вам ваше «потерпите»!..

Окружающие отвели взгляды.

– Будь она проклята, такая жизнь! – воскликнул один из воинов, гневно отшвырнув ногой камень. – Хватит ждать! А, ребята?..

– Ну, что я тебе говорил, Акобос? – прикрикнул на него Сенекерим.

– Невмоготу мне! Я ухожу! – решительно проговорил Погос.

– Не делай этого, Погос! Дождись князя Атома или же Спарапета! – попытался уговорить его Сенекерим. – Погоди, пока они придут…

– Чего ждать-то?! Невмоготу мне!..

– Погоди, настанет день!.. – Сенекерим вздохнул и громче повторил:- Настанет день!

– Но когда же, когда? – с болью откликнулись воины. – Они окружили Сенекерима, злые и на него и на Атома.

– Сидим тут, бездельничаем!.. – Акобос махнул рукой и зашагал прочь.

– Пойдем, от них тут проку не будет! – проговорил и Погос, дергая за рукав Аракэла.

Во дворе у Погоса собрались товарищи Аракэла и все, кто был недоволен проволочками.

– Гм… «Вооружитесь! Будьте наготове, но не нападайте!» – насмешливо повторил слова Атома Погос. – Изменники идут на нас вместе с врагом, Вехмихр наводнил крепости персидскими отрядами, Деншапух выколачивает из нас налоги вместе с жизнью, а он все твердит: «Не нападайте!» Мы и сами знаем, что нам делать!

– У князей сил не гак много, да и у духовенства не хватит, – спокойно и уверенно заговорил Аракэл. – Если по силам кому-нибудь выстоять против врага, то только нам!

– Правильно!.. – раздались голоса со всех сторон.

– Без нахараров мы действовать не можем, – продолжал Аракэл. – Повести нас должен в бой нахарар, без нахараров нам не обойтись. Да и народ войску верит. Но целика полагаться на нахарарв нам тоже нельзя. Как-никак князья! Не тот у них размах. А вдруг станут на полдороге или в свою сторону свернут?.. Наше бремя мы сами должны нести, братья! Пойдем же из села в село, обойдем всю страну, поднимем простой народ и выйдем навстречу персидскому войску.

– Вот это так, вот это правильно! – раздалось со всех сторон.

Воины и крестьяне Дзмероца решили объединиться с людьми Аракэла и незаметно уйти из села. Погос с несколькими односельчанами принесли в дар коней и оружие для всех. В ту же ночь они покинули село и, издали следуя за отрядом Деншапуха, не упускали его из виду.

Атом нашел католикоса в соседнем селении сидящим на площади под шелковицей. Как ни просили его крестьяне войти в один из домов, католикос не пожелал. Атом переговорил с ним, советуя избегать прямого столкновения с персами, но разжигать огонь ненависти к ним

и жажду мести в защиту христианской веры.

– Они еще пока не осмелятся открыто наложить руку на церковь! – объяснил он.

Захватив с собой Егишэ, Атом расстался с католикосом, перешел через Аракс и направился в свою вотчину – Гнуник, лежавшую между Коговитом и Бзнунийским морем. По дороге он продолжал убеждать народ не вступать в столкнсвение с персами, но быть в полной готовности, когда настанет благоприятный момент. Выезжая из селений, он замечал, что за ним издали следуют конные крестьяне, иногда даже и конные монахи. Тщетно он и его телохранители уговаривали крестьян не покидать своих селений – вскоре за ним следовало довольно много всадников, и число их с течением времени все больше и больше увеличивалось.

На следующий день после отъезда Атома в Дзмероц прибыл гонец от Вардана, посланный им из Аварайра с наказом Атому напасть на вступившее в Армению персидское войско и уничтожить его. Не застав Атома, гонец выехал искать его.

События развивались со стремительной быстротой. Вместе с нахарарами в Армению прибыл новый могпэт. Крепости постепенно занимались персидскими гарнизонами. В Арташате и в районах глухо бурлило возмущение народа.

Деншапуха терзало беспокойство. Его направили в Армению для того, чтоб он беспощадными поборами сломил сопротивление армян и принудил их принять учение Зрадашта, а он только вызвал в народе раздражение и осложнил все дело. Вот явится новый могпэт, добьется у армян отречения от веры, и Деншапух станет не только лишним, но даже будет очернен в глазах царя царей… Да минет его гнев Азкерта! Деншапух видел такие расправы, о которых он вспоминал с ужасом. Нужно было какой угодно ценой спасти свою шкуру от царя царей и его палача!

И вот, объезжая селения и монастыри Айрарата, Деншапух силой угонял крестьян и монахов, выступавших с жалобами на сборщиков податей. Его целью было согнать людей с родных мест, измучить их, довести до отчаяния и тем принудить к вероотступничеству. В пути он приказывал избивать пленников, принуждал их поспевать бегом за конными стражами.

Наконец, он свернул в сторону города Зарехаван в области Багреванд, где были сосредоточены персидские силы, решив основать там лагерь для жалобщиков и добиться насильственного отречения их от веры.

Поздно вечером Деншапух с Вехмихром и могпэтом Ормиздом вступил в Зарехаван. Командующий персидскими силами Арташир устроил им торжественную встречу, выведя войска и трубачей.

Вехмихр, еще во время объезда Айраратской равнины убедившийся в тщетности попыток Деншапуха и увидевший, какое раздражение он вызывает в народе, решил действовать против него и ждал лишь удобного случая.

Деншапух принял как нечто само собой разумеющееся все воздаваемые ему почести, надменно ответил на приветствия Арташира и войска и первым вошел в разукрашенный шатер, даже не ожидая, чтоб Вехмихр пригласил его пройти вперед.

– Каково положение у тебя здесь? – справился он у Арташира.

– Смутьяны подстрекают население к мятежу, – ответил Арташир. – А в окрестностях снуют всадники и сколачивают крупные отряды…

– Пора пустить им кровь! – со злобой заявил Деншапух.

Вехмихр давно уже сомневался в том, чтобы войскам удалось подавить восстание. Он с раздражением следил за тем, как Деншапух вместо мирного сбора податей вымогает их силой и нарушает прерогативы его как азарапета. Сейчас он не смог уже сдержать себя.

– Так ты все-таки не желаешь дождаться прибытия наших войск и нахараров? – с укоризной спросил он Деншапуха.

– Мятеж уже начался, азарапет!.. – оборвал его Деншапух. – Куда же я гожусь, если не сумею раздавить мятеж до их прибытия?.. – «Вы только поглядите на него! – с раздражением продолжал он мысленно. – В Арташате небось сам требовал подавления мятежа… Не-ет,

марзпаном в Армении буду все-таки я, а не ты, свиная туша!..»

Вехмихр, однако, задумал иное. Он решил зорко следить за Деншапухом, мешать его начинаниям и, когда их постигнет неудача, выступить с обвинениями против Деншапуха на суде, который, как он надеялся, ждал Деншапуха неминуемо.

Деншапух и сам страшился этого возможного суда, как огня. Поэтому он и стремился выдвинуться и затмить как Вехмихра (хотя и назначенного на пост азарапета благодаря ему, но оказавшегося человеком неблагодарным), так и Васака – могучего соперника, соревновавшегося с ним из-за власти и теперь возвращавшегося с крупной победой. Деншапух решил опередить Васака и привести в исполнение основной наказ, тайно данный ему Михрнерсэ: «Искоренить армянское нахарарство и духовенство; оторвать от них армянский народ, согнать его с земли, сослать в Персию; уничтожить это опасное звено между Персией и Византией, которое оказывает поддержку то нам, то византийцам…» «А зачем предоставлять выполнение этого наказа другим, когда сделать это могу я сам? – думал Деншапух, и лихорадка нетерпения охватила его. – Нужно действовать!.. Еще несколько дней – и будет ноздно!»

– Уже поздно! – как бы прочитав его мысли, насмешливо протянул Вехмнхр. – Говорил я тебе в Арташате – мятеж нужно раздавить! Не послушал меня. И вот разрослось восстание, охватило пожаром всю страну!..

Деншапух не ожидал подобного открытого удара от Вехмихра, до сих пор таившего свой яд. Он понял, что Вехмихр недаром бросает ему это обвинение в присутствии Арташира, но не ответил Вехмихру ни словом, хотя едва не задохнулся от ярости. Проглотив злобу, он произнес, обращаясь к Арташиру:

– Один я, нет у меня толкового помощника… Арташир с изумлением взглянул на него.

– Но все же я выполняю свой долг перед великим азарапетом Персии! Завтра утром распорядишься согнать все население на площадь перед моим шатром. Пленников вели бросить в темницу.

– Как прикажешь, – произнес Арташир, смиренно склоняясь; затем он обратился к Деншапуху, Вехмихру и Ормизду: – Государи, ваши покои готовы, благоволите проследовать.

Он отступил в сторону, пропуская вельмож вперед, и проводил их в предназначенные для них шатры.

Сон охватил весь персидский лагерь. Атрушаны выбрасывали вверх снопы искр; откуда-то слышалось тихое горловое пение магов.

А Деншапуха сон не брал: ему не давали покоя обнаружившиеся злоба и предательство Вехмихра. Он был не очень высокого мнения об его уме и ловкости, но Вехмихр был искушен в придворных интригах, знал, как зыбки положения и звания. В сердце Деншапуха поднялась ненависть и к самому Михрнерсэ, который, назначая человека на какую-нибудь должность, окружал его соглядатаями и охотно прислушивался к их наветам. И опасностью грозили не столько возможные наветы Вехмихра, сколько это коварство, которое присуще было всем азарапетам Персии.

«Погоди ты у меня, ядовитая змея! Не поможет тебе твое вероломство! Я опережу и тебя и царя царей: сам завершу гибель Армении!» – думал, скрежеща зубами, Деншапух, беспокойно ворочаясь в изнурительном тепле постели.

На следующий день город выглядел таким мирным, чго, казалось, все обстоит вполне благополучно. Не принес с собой ничего особенного и вечер. Уже было за полночь, когда Деншапух пригласил к себе Вехмихра, Ормизда и Арташира и заявил, что намерен судить согнанных им жалобщиков – крестьян и монахов. Видно было, что он чем-то недоволен и раздражен.

– «Разори страну, а народ обрати в персов!..» -так повелел мне великий азарапет (он подразумевал Михрнерсэ). Но вот попробуйте – «разоряйте и превращайте в персов», когда они готовят восстание!.. – Он позвал стоявшего на часах у двери сипаха и приказал:- сгоните всех заключенных во двор! Пригоните сюда же все население!

Он пригласил сановников; все вышли из покоев и расселись на поданных служителями подушках.

Персидские воины согнали довольно многолюдную толпу местных жителей. Люди заполнили двор, стояли у ворот и под стенами. Стража вывела из подземных темниц жалобщиков, избитых и истерзанных пытками. Несколько в стороне стал сборщик налогов, состоявший при Деншапухе, когда собирали жалобщиков.

– Подойди ближе! – приказал ему Деншапух, намереваясь доказать могпэту Ормизду всю трудность порученного ему дела и хорошенько проучить Вехмихра за его злоязычие:

– Расскажи, в чем они провинились?

– Государь, эти монахи внесли налог за монастырь, – доложил сборщик, – но когда монастырь был разрушен, они отказались уплатить налог за развалины. Крестьяне внесли налоги за этот год, но отказались уплатить подушный, поземельный и таможенный налоги за прошлые годы!

Деншапух сурово взглянул на него:

– Говори только правду, не то слетит у тебя с плеч голова!

– Воля твоя, государь!

– Есть у вас жалобы? – обратился Деншапух к заключенным, с тревогой глядевшим на него.

– ЕСТЬ, государь! Как не быть? – заговорил один из них, старый, больной крестьянин. – Истощили крестьян непосильными поборами и побоями… По горам да по лесам разбежался народ…

– Есть у кого еще жалобы? Пусть станет туда! – распорядился Деншапух, показывая на правый угол двора.

Большая часть заключенных подалась вправо. Не двинулись с места Саак и несколько его товарищей. Деншапух злобно оглядел их и перенес взгляд на остальных, толпившихся в правом углу. Он ласково обвел взглядом колодников, всклокоченные волосы, окровавленные лица и избитые тела которых свидетельствовали о том, что с ними делали на местах и в темнице, и так же ласково спросил:

– Почему вы не хотите платить налогов?

Из толпы выступил вперед высокий, крепкий старик, на длинной бороде которого запеклась кровь.

– Все уплатили, что с нас причиталось, и остались нищи и наги. Забирайте уж и нас! Отведите к царю, кончайте с нами!..

– А что будет делать с вами парь царей? – с улыбкой переспросил Деншапух.

– Пустит на топливо для атрушанов! – с горькой усмешкой отозвался старик.

– Нет, идите к себе домой и заплатите оставшиеся налоги, – мягко и убедительно проговорил Деншапух, очевидно желавший показать всем, каким отеческим долготерпением государственного деятеля он наделен. – Закон справедлив и милосерден…

Как бы сговорившись, монахи, колотя себя в грудь, выступили вперед:

– Как же нам заплатить, государь? Откуда, где взять? Ведь мы с трудом вносили налоги, когда еще цел был монастырь. Но где взять средства, чтоб выплатить вам налог на развалины?

– Ничего, богата страна Армянская!.. – отшутился Деншапух, со скрытой злобой оглядывая людей, похожих на обтянутые кожей скелеты; истлевшие лохмотья не могли прикрыть их истерзанные тела, высохшие ноги и висевшие плетьми руки. Некоторые колодники были и вовсе наги, едва опоясанные ветхим лоскутом вокруг бедер. Их запавшие, горевшие лихорадочным огнем глаза свидетельствовали о бессоннице, голоде и перенесенных мучениях.

Деншапух перевел взгляд на собравшуюся во дворе толпу и пробормотал:

– Мятежный народ!..

Заключенные смотрели на него с ненавистью.

– Пока вы у себя в стране – вы останетесь армянами! А пока вы останетесь армянами,

вы будете держать сторону византийцев… Переселяйтесь в Персию! Там вы станете персами и будете далеко от византийцев… Даю вам три дня сроку. Приготовьтесь!

Толпа замерла, онемела, не зная, как понять это распоряжение и что делать… Было ли действительно решено угнать их всех в Персию или это только злая шутка?

Из толпы вышел невысокого роста крестьянин с привлекательным лицом и, тряхнув гюлуседой копной волос, спросил:

– Мы же с землей нашей составляем одно, как можем мы сдвинуться с места?

Говоря с заключенными, Деншапух время от времени поглядывал на Саака, который не сводил с него настороженного взора. Вначале Дечшапух не обращал на него внимания, но постепенно какое-то смутное воспоминание начало просыпаться. Где он видел этого человека?.. И вдруг Деншапух вспомнил селение Дзмероц и крестьянина, который именно так смотрел тогда на него – со злобой и ненавистью. Деншапух взглянул еще раз, отвел глаза и вдруг снова в упор уставился на Саака.

– Второй раз вижу, как злобно ты смотришь на меня… Что у тебя на душе?..

– На душе? – вопросом на вопрос ответил Саак. – На душе у меня то, что ты из нас все выжал, кожу с нас содрал и кости обнажил! Осталась у нас лишь душа нетленная. Теперь хочешь и душу убить? Но в душе у нас – истина бессмертная, и душу тебе не убить!..

Деншапух мягко улыбнулся и, откинувшись на подушки, зевнул. Затем он повернулся к могпэту Ормизду:

– Какой здесь воздух, государь могпэт!

– Весьма мне по душе, государь! – ответил могпэт и, потягиваясь, протяжно зевнул в свою очередь, заразившись от Деншапуха.

Деншапух многозначительно взглянул на сборщика податей, который немедленно удалился. Деншапух продолжал вполголоса беседовать с Вехмихром.

Сборщик податей вернулся в сопровождении палача – человека могучего телосложения. Медленно подойдя к Сааку, палач ударил его кулаком прямо в лицо.

Среди заключенных кто-то тихо и протяжно простонал. Деншапух безмятежно продолжал беседовать с Вехмичром. Саак не отводил бестрепетного взора от палача. Страшное безмолвие царило во дворе. Заключенные с мрачным отчаянием смотрели на Саака. Палач продолжал наносить ему удары кулаком. Что-то невыразимо омерзительное было в неторопливом этом, бесстрастном избиении, выдававшем привычное бездушие. Палач ухал при каждом ударе, нанося их деловито, с серьезной простотой, как если бы имел дело с бездушной вещью.

Саак морщился, напрягая мускулы лица, по-видимому, он хотел защитить глаза. Но удары сыпались все быстрее и сильнее. Выскочил выбитый глаз; окровавленное, изуродованное лицо казалось бесформенным куском теста, замешенного на крови. Саак, до этой минуты вздрагивавший и дергавшийся, внезапно, как бы приняв какое-то решение, окаменел и перестал защищаться. Выпятив грудь, он с какой-то непонятной, безумной решимостью приподнял лицо и шагнул к палачу. Как только тот поднимал руку для удара, Саак придвигался к нему ближе. Схватив избиваемого левой рукой за плечо, палач старался правой удержать его, заставить отступить, но с необоримой душевной силой подвижника Саак наступал на палача, для которого самое ужасное было в том, что эта сила была не телесной…

Палач смутился и перестал бить. Его охватило странное оцепенение, какое-то смятение. Саак повернул свое залитое кровью лицо в сторону Депшапуха и медленно зашагал к нему, не отводя от него своего единственного глаза. Это было уже не человеческое лицо, а застывшая уродливая маска, которая как бы плыла в воздухе. Палач пятился, а Саак шел, направляясь к лестнице; дойдя до нее, он стал медленно подниматься по ступенькам. Он точно искал кого-то, вытянув руки, спотыкаясь. Чего он хотел? Убить, уничтожить кого-то, схватить окровавленными руками? Никто не мог сдвинуться с места, все были точно прикованы. Особенно пугало, что он двигался в полном безмолвии.

Могпэт, который смотрел на него, раскрыв рот, как на видение из потустороннего мира,

внезапно вскочил, крича:

– Держите его! Это Ариман…

Ужас охватил всех. Деншапух, который раньше склонен был рассматривать это необычное происшествие как нечто забавное, вздрогнул. Злорадная усмешка застыла на его тонких губах, сердце у него сжалось. С безграничным страхом глядя на ищущие его окровавленные пальцы, он привстал. Простой крестьянин, ничем не выделявшийся в толпе, теперь казался ему грозным призраком из загробного мира…

Нужно было его остановить, а воины мялись, не осмеливаясь подойти к этой истерзанной жертве.

– Держите его! – вопил могпэт. – Проклятие Ариману!

Воины встрепенулись и накинулись на подвижника. Но Саак отбрасывал их, – невиданная сила проснулась в нем, и он упорно сопротивлялся воинам.

Палач, кривя рот и кусая губы, бросился на помощь воинам. Общими силами они пытались оттеснить Саака. Но тот, подняв вверх свое залитое кровью лицо, не давал сдвинуть себя с места. Чем-то грозным веяло от него. Казалось, этот человек будет являться в ночных кошмарах и наводить ужас. Необходимо было уничтожить его, стереть с лица земли. Вот он глядит на всех, не останавливая взора ни на ком, и каждому чудится, что именно его ищет этот ужасный взгляд.

Он отходит, но не потому, что поддается чужой силе, а по собственной воле, преисполненный еще большей ненависти, еще большей жажды мести.

– Скорей уберите его!.. – с тревогой простонал могпэт. Подвижника оттеснили назад в толпу.

– Нет, уведите совсем! Прогоните! – вопил могпэт. – Прогоните злого духа из этого дома!

Вехмихр дрожал всем телом.

Саака довели до ворот и вытолкнули вон…

Как будто страшная тяжесть свалилась у присутствующих с души, как будто миновала большая опасность – все вздохнули с облегчением, хотя тяжелое молчание не нарушалось.

Чтобы как-нибудь развеять общее подавленное состояние, палач набросился на других заключенных. Это было местью за страх, внушенный Сааком. Этой мести жаждали все. Палач как бы выполнял всеобщее желание. Он продолжал избиение, чтобы убить страх.

Деншапух силился вернуть себе душевное равновесие, могпэт бормотал себе под нос заклинания. Один лишь Вехмихр, пряча блестевшие злорадством глаза, с хитрой улыбкой внимал стонам избиваемых: он был уверен, что как бы долго ни продолжалось избиение, оно ни к чему не приведет.

К Деншапуху вновь вернулась наглость; со злобной улыбкой он склонился к могпэту:

– Терпение… Еще немного терпения – и их упрямство будет сломлено!..

Но могпэт не разделял этой уверенности. Он со злобой и завистью глядел на стойко переносивших пытку крестьян: он начинал подозревать, что в этих истерзанных телах живет какой-то могучий дух, который не может быть сломлен, и это вызывало отчаяние у палачей.

А Деншапуха одним своим видом приводила в отчаяние неподвижная туша Вехмихра: Деншапух угадывал, какое скрытое злорадство вызывала у Вехмихра неудача противника и соперника. Он понимал, как радует Вехмихра сопротивление армян, и поклялся самому себе сломить их упорство любой ценой.

– Довольно, государь! – многозначительно и насмешливо сказал ему, наконец, Вехмихр. – Эти людиНалогов не заплатят!

– Заплатят! – кусая губы, с едва сдерживаемым бешенством пробормотал Деншапух.

«Как бы не так!» – мысленно посмеялся над ним Вехмихр.

Между противниками началось какое-то дикое состязание. Деншапух, прикрыв глаза, делал вид, что дремлет. Такое же безразличие проявлял и Вехмихр. Оба, казалось, дремали, лишь изредка полуоткрывая глаза и выжидательно оглядываясь.

Кровь лилась ручьем. Избиваемые валялись на земле, пропитавшейся их кровью,

некоторые уже потеряли сознание; один испустил дух и лежал, прижавшись к земле окровавленными губами.

Деишапух освободился от ужаса, который охватил его ранее. Стоны избиваемых вернули ему самообладание: это было нечто простое и понятное, далекое от сверхъестественного сопротивления Саака…

Деншапух поднял руку. Палачи прекратили истязание.

– Ну как, согласны вы подчиниться? – обратился Деншапух к крестьянам и монахам.

Лишь стоны и рыдания были ему ответом.

– Значит, не подчиняетесь? – угрожающе повторил он свой вопрос.

Никто не ответил. Деншапух вскочил и крикнул, задыхаясь от ярости:

– Всех в темницу!.. Бить без пощады! – И, отвернувшись, направился к двери. Улыбаясь себе в бороду, встал и Вехмихр. Могпэт со злобой и испугом оглядел изуродованных, потерявших человеческий облик крестьян и монахов и, кривя лицо, последовал за Деншапухом и Вехмихром.

– Проклятое непокорное племя!.. – воскликнул Деншапух, стискивая зубы, и со злобой пробормотал: – Разори их, но обрати в персов!

– Прикажи их всех повесить! – с тонкой усмешкой посоветовал Вехмихр.

– Ты многих перевешал, а чего добился? – с ненавистью огрызнулся Деншапух.

– Потому-то я и советую ждать прихода войск! – вновь уколол его Вехмихр.

– Дело не в войсках, государь азарапет! – с насмешкой произнося его титул, ответил Деншапух. – Дело в другом, в другом!

Он со злобой подчеркнул это слово, и сам над ним задумался. Там, позади истязуемых, стояла людская масса, целый народ поднимался во весь рост! Деншапух подумал об этом – и умолк, нахмурясь.

Вехмихр почувствовал, что настает его час. Чтоб все могли воочию убедиться в неспособности Деишапуха управлять страной, он вызвал к себе начальника персидского войска и громко, торжественно приказала – Пошли отряд в Арудж – занять крепость!

– Слушаю! – покорно отозвался тот.

– Гм!.. – пробормотал, скрипнув зубами, Деншапух. – Погоди ты у меня, свинья и порождение свиньи! В Тизбоне я еще велю вспороть тебе брюхо!

Насильственно согнанные по приказу Деншапуха жители в оцепенении внимали воплям истязуемых, ожидая, чем все кончится. Передние ряды раздались перед Сааком, который шел, закрыв лицо руками. Один глаз у него вытек, другой был залит кровью и ничего не видел. Среди мертвого молчания толпы прозвучал хриплый возглас Саака:

– Месть!

Казалось, заговорил убитый, наполняя сердца живых суеверным страхом.

– Месть! – вновь прохрипел Саак. Кровавая пена выступила у него на губах.

Расталкивая толпу, к нему пробивался дрожащий от волнения и ярости старик. Он обнял Саака и повел за собой. Саак шел, тяжело и громко ступая.

– Месть! Месть! – раздались восклицания.

Внезапно сотни рук взмахнули сверкнувшими в воздухе мечами: это персидские воины начали рубить и колоть народ. Раздались вопли, люди разбегались, но персы, преследуя их по пятам, беспощадно убивали всех. Озверев, персидские воины врывались в дома жителей. Начался повальный грабеж. Другие персы, еще находившиеся в своих шатрах, выбежали и тоже кинулись в дома, чтоб не упустить своей доли добычи, из-за дележа которой началась общая свалка.

Уцелевшие жители бежали в поля и в горы, а затем потянулись к Тарону – искать защиты там, где всегда находили ее их предки…

По горным тропам они вскоре догнали всадников, которые выбрались из Зарехавана и окружающих его гор раньше и, слившись в отряды, двигались к Бзнунийскому морю. Среди этих отрядов бросался в глаза отряд Аракэла, усиленный прекрасными наездниками – уроженцами Дзмероца и Зарехавана. Не вняв уговорам, к отряду примкнул и Езрас,

оказавшийся, несмотря на свой хилый вид, весьма выносливым наездником.

Аракэл направлялся в Тарон, в надежде, что там начнется народлое восстание и войска двинутся против нахараров-отступников.

Отряд пробирался через горные перевалы. Аракэл, задумавшись, ехал немного в стороне. Один лишь Погос был в прекрасном настроении и говорил громко и весело:

– Спрашивает меня жена: о чем, мол, вы совещались? Я и говорю: «Уже не крестьянин я, ухожу, прощай!» Она мне: «Опять?!» – «Я из конницы Мамиконяна! – говорю. – Жди меня, я вернусь, не всем же нам умереть!»… Оседлал коня – и…

Погос оглядел горы и с воодушевлением воскликнул:

– Что может сравниться со свободой!.. Вот это жизнь!..

– Ого-го! Ого-го! -перекликались воины, восхищенные горным воздухом, простором и свободой.

– Придется нам на этот раз сражаться? А, братец Погос? – спросил, повернув свое простодушное лицо к Погосу, тонкий я гибкий, как тростинка, юноша Сероб.

– А кто же всегда сражался, если не мы, сынок Сероб? – весело отозвался румяный воин и громко захохотал.

– Кто это спрашивает? Сероб?.. Говори же, Ованес-Карапет, объясни ему, пусть поймет! -подхватил Погос. -Выступят нахарары – мы сражаемся! Мы выступили – опять-таки мы будем сражаться! Намотай это себе на ус, Сероб, намотай хорошенько!.. Мы всегда воевали и будем воевать!.. Всегда с боем отвоевывали себе право на жизнь, с боем отвоюем его и теперь…

– Золотые у тебя уста, Погос! Золотые!.. – воскликнул краснощекий всадник.

– А ну, Ованес-Карапет, затяни песню, – попросил разошедшийся Погос.

У Ованеса-Карапета песня и так просилась на уста: звучным сильным голосом он затянул:

Над вольным, великим нашим Масисом,
Над вольным, превыше всех Масисом
Свет повис; светоч света,
Сиянием сияет над сияющим Масисом…
Эгей, воспоем мы сияющий Масис!..
Эгей, воспоем мы сияющий Масис!..

«Эгей.. Сияющий Масис!..» -дружно подхватили все.

– Давай-давай дальше! – весело крикнул Погос. Ованес-Карапет, глядя своими веселыми глазами то на ясное небо, то на яркие цветы, которые росли на склонах гор, пел дальше:

Острый меч взвивался над Масисом,
Боем била молния над Масисом,
Камни воздвигались века, из века в век, – Не дошли до великого края Масиса!
Эгей, воспоем великий край Масиса!
Эгей, воспоем великий край Масиса!..

Отряд дружно подхватил припев. Погос горящими глазами окинул Ованеса-Карапета и крикнул ему:

– Ну-ка, лети молнией, не то перья твои по ветру развею!..

И внезапно, точно обезумев, он отдал поводья скакуну. Все всаднкчи сделали то же. Как стрелы, сорвавшиеся с тетивы, полетели всадники; щебень и песок сыпались из-под копыт. С пронзительным, ликующим криком взяв последний поворот, отряд остановился на горном перевале. Внизу раскинулась долина. Справа вилась Арацани, местами ослепительно белая, местами отливающая красноватым цветом, местами сверкающая расплавленным золотом в лучах заходящего солнца.

Отряд медленно спустился к Агиовиту, на родину Атома Гнуни, чтоб оттуда пробраться в Тароп.

Спускались сумерки.

Прохладный ветер шелестел в травах, трепал цветы мальвы и разносил над горными тропами острый аромат мяты.

Во главе небольшого конного отряда Атом Гнуни и Егишэ спускались к горному ущелью. На отливающем медью под солнцем выступе скалистого хребта возвышался замок, каменная ограда которого сливалась с гранитом скал. Две горные речки вились вокруг замка. Синяя лента дыма тянулась вверх и таяла в небесах. Отряд подъезжал к родовому замку нахараров Гнуни.

Еще из Арташата Атом послал к князю Хорену гонца с наказом «немедленно, безотлагательно прибыть в Гнуник».

У ворот отряд встретили все обитатели замка с князем Хореном во главе.

– Где мать-княгиня? – не видя матери, спросил Атом у старшего сепуха.

– Она спустилась в село, навестить больных, – объяснил тот.

Атом пригласил Егишэ и Хорена в зал. Егишэ попросил разрешения уединиться и отдохнуть, пока подадут ужин. Дворецкий проводил его.

Оставшись наедине с Хореном, Атом немедленно приступил к делу.

– Грозная пора настала, князь! – обратился он к Хорену. – Конечно, до тебя дошли уже последние вести…

– Дошли! – со вздохом отозвался Хорен.

Но когда Атом подробно рассказал о событиях в Айрарате и Багреване, о скоплении персидских войск, Хорен вскочил с места.

– Да что ты говоришь? Ведь мы погибнем! – воскликнул он.

– Погибнем, если не подготовимся к сопротивлению. Я обратился к нахарарам с призывом выступить с отрядами на помощь и поддерживать постоянную связь со мной через гонцов. Но до сих пор ни помощи, ни гонцов…

Наступившее молчание нарушил Хорен:

– Сами создали войско из верных и преданных воинов. Пойдем на отступников и на персов!

Хорен покраснел, с трудом перевел дыхание и смущенно улыбнулся. Необычайные, неслыханные, не бывалые никогда раньше события волновали его, он не в состоянии был осознать всю их опасность. Атом разбирался лучше, но мудрость воина подсказывала ему кратчайший путь: сперва действовать, а раздумьям предаваться потом.

– Невиданное это дело!.. – со вздохом промолвил Хорен.

– Идти на смерть -тоже дело невиданное, князь! Однако мы идем, когда это необходимо! Конечно, где это слыхано – вносить разруху в страну для того, чтоб эту же страну построить Мы попираем ногами власть, закон, – но делаем это для того, чтоб спасти дух народа! «Все – против всех!..» – таково решение, вынесенное в Арташате. И так решили они сами: Спарапет, нахарары Аматуни, Мокац и все остальные.

– Господь да будет нам опорой! – со вздохом согласился Хорен.

– Выступим сегодня же ночью, – произнес Атом.

Вызвав через дворецкого начальника своего полка, он приказал немедленно выделить отряд, который должен был сопровождать их в Хорхоруник.

Вошла не старая еще женщина, судя по виду – знатная госпожа.

Кудри, перехваченные шитой золотом головной повязкой, падали ей на плечи. Узкий кафтан с разрезными рукавами облегал ее стройный, высокий стан.

Она была очень похожа на Атома, Обменявшись приветствиями с князем Хореном, она обняла Атома и медленно опустилась на подушки высокого сидения.

– Какие у тебя новости, мать? – осведомился Атом, почтительно стоя перед нею.

Княгиня ньчего не ответила. По-видемому, ее сильно взволновали вести, услышанные в селе или в замке. Она молчала, стараясь побороть волнение.

– Говори же мать, – вновь попросил Атом. Княгиня Гнуни печально взглянула на сына.

– Против Спарапета хочешь выступить? – тихо спросила она.

– Не знаю – против ли него, или вместе с ним, – ответил Атом.

– Не делай этого! Спарапет – святой… Не делай этого, сын мой! – сказала она и, дрожа всем телом, обняла сына. – Не иди наперекор божьей воле!..

– Наперекор своей собственной воле, мать… но выступить я должен!

Княгиня перекрестилась. В глазах у нее стояли слезы.

Вошел Егишэ. Он приветствовал княгиню, которая с благоговением склонилась к его руке. Дышавшее спокойной настойчивостью лицо и ясные глаза пастыря рассеяли сомнения княгини.

Сопровождаемый свистом ночного холодного ветра, отряд Атома вместе с Хореном и Егишэ выступил, направляясь в Хорхоруник.

В мрачную жизнь замка Огакан с приездом Зохрака снизошел мир. Бодрость и жизнерадостность сына Спарапета передавались всем.

Старшая госпожа поправилась, прошло ее угнетенное душевное состояние. Крепкая натура и сила воли помогли ей пересилить болезнь, а возвращение Зохрака вдохнуло новые силы.

Встав с постели, она изъявила желание побывать в монастыре Глака – помолиться за Вардана и его товарищей. Ей предложили поехать в княжеской колеснице, но она приказала оседлать коня. Она настолько окрепла, что ее желание поехать верхом не вызывало опасений, тем более что она всегда была бесстрашной наездницей. Всех радовала вернувшаяся к ней бодрость, позволявшая ей предпринять дальнее путешествие. Отъезд ее из замка был желателен еще и по другой причине: близились грозные дни, – хотя никто ничего определенного не знал, но все ждали тяжелых вестей.

Супруга Спарапета часто поднималась на кровлю или на вышку замка и с тревогой вглядывалась вдаль. Она чувствовала, что близятся дни испытаний…

Анаит любила уединяться в зале, из окна которого ее впервые увидел Артак; там она с радостью перебирала в памяти прошлое и мечтала о будущем. Иногда к ней молча подсаживалась со своим рукодельем Астхик, не мешавшая сестре предаваться думам.

Сестры часто сиживали у окна. Анаит часами не отводила затуманенного взора от далекого горизонта, а младшая сестра с интересом смотрела на площадь перед замком, на ущелье с его тропинками и на дорогу, по которой проходили пешие крестьяне с вьючными животными или проезжали конные.

Но в последние дни Астхик обратила внимание на странное явление – крестьяне выглядели раздраженными, озлобленными; они бросали враждебные взгляды на замок, останавливались под оградой, говорили о чем-то, явно волнуясь. С каждым днем это все более и более обращало на себя внимание.

Как-то раз много народу собралось вокруг небольшой группы всадников на прекрасных скакунах, прибывших, по-видимому, издалека. Астхик высунулась из окна, чтоб лучше их разглядеть и услышать, что они говорят.

В комнату вот па супруга Спарапета. Девушки почтительно приветствовали ее.

– Что случилось, милые? -ласково спросила она.

Девушки указали ей на всадников, которые уже сидели на камнях, не выпуская поводьев из рук. Немного в стороне, прислонясь спиной к камню, сидел крестьянин с суровым лицом. Сам он не говорил, предоставляя говорить другим. Выслушав всех, он спокойными, но вескими словами стал убеждать всех в необходимости восстать против Азкерта и нахараров-отступников.

Один из его спутников, которого товарищи называли Погосом, собрал вокруг себя крестьян-таронцев и горячо спорил с ними; его громовой бас перекрывал все голоса.

– Если он в опасности – пусть весточку подаст! От веры отрекся, теперь от народа тоже отрекается?

– Наш Спарапет тысячу раз своей жизнью пожертвует, а народ не предаст! – с гордостью возразил исполин-таронец.

– Как бог свят! – подтвердил стоявший рядом старик, обнажая голову, сверкнувшую серебром на солнце, и крестясь. – Наш князь – Спарапет всей страны Армянской!

– Истинно, дед Оган! – подхватили со всех сторон.

Супруга Спарапета вздрогнула. То, что открылось перед ней, было одновременно и чудесно и ужасно. Ее супруг, земное и смертное создание, внезапно возник перед нею как существо высшего порядка. Ей и раньше приходилось слышать, как возвеличивают Спарапета, но теперь, когда в дни великих народных испытаний она услышала и осознала все величие доверия, какое народ оказывает ее мужу, – она побледнела от сознания грозной ответственности.

Крестьяне беседовали громко, но мирно. Говорил дед Оган.

– Народный Спарапет – значит Спарапет-избранник… В день бедствия отчизна призовет Спарапета и спросит его только об одном: «Как ты охранял мой народ?.. Какой же ответ даст Спарапет отчизне? Понимаете?.. – И дед Оган медленно и торжественно стал объяснять: – Человек грешен – народ свят… Святы только отчизна да еще народ. В народе – дыхание страны родной! Во веки веков!

– Народом мы живем!.. – устремив печальный взор вдаль, задумчиво вымолвила супруга Спарапета и вздохнула. – Ради народа простятся нахарарам их грехи… Господи, ты даруй им помощь! Должна спастись страна, чтоб спаслись и мы!..

В комнату вошла сильно взволнованная княгиня Шушаник и, быстро подойдя к окну, начала пристально всматриваться в дорогу.

– Конница приближается, – обратилась она к матери.

– Наша?.. – с трудом выговорила та.

– В том-то и дело, что не наша. Ах, мать… – замялась княгиня Шушаник.

– Да что случилось? – встревожилась супруга Спарапета, выглянула в окно и быстро вышла.

Шушаник, Анаит и Астхик последовали за нею. Все обитатели замка уже собрались у ворот. Дорога была запружена всадниками. Конный отряд приближался, распустив знамена.

Навстречу помчались конные разведчики и тотчас прискакали обратно. Командир замковой охраны, сепух Давид, с трудом сдерживая скакуна, закричал:

– Войдите в замок! Быстрей!..

– Закрывай ворота! – приказал он старшему привратнику, Ворота замка закрылись.

Отряд приближался спокойно, словно люди шли в родной дом, ничто не изобличало воинскую часть в походе. Вот он подошел ближе – и стали видны фигуры Атома Гнуни, князя Хорена и Егишэ.

Атом был мрачен и явно озабочен; задумчивым выглядел и Хорен; а Егишэ с его вдохновенным лицом и горящими глазами был похож на пророка, которому все равно, через какие земли он проходит и перед какими людьми вещает свои заповеди.

Сепух Давид, задыхаясь от волнения, повернулся лицом к своему отряду и подал знак рукой. Всадники осадили коней, чтоб обеспечить себе пространство для разбгга.

В ворота замка начали сильно стучать изнутри, послышался по-мужски повелительный голос супруги Спарапета, приказывавший Давиду остановиться. Открылась калитка. На площадь выбежала разгневанная госпожа Дестрик. Дочь едва поспевала за ней.

Полк Мамиконянов застыл на месте. Сепух Давид вздрогнул, с налитыми кровью глазами подскакал к супруге и дочери Спарапета и, потеряв всякое самообладание, властным тоном приказал:

– Сейчас же вернитесь в замок!.. Немедленно!..

– Перестань, сепух, тебе говорю! – оборвала его госпожа Дестрик.

– Изволь немедленно вернуться в замок, госпожа!.. Не могу я допустить!.. – задыхаясь, настаивал сепух.

Он обнажил меч и подал знак к атаке. Еще миг – и оба отряда столкнулись бы, если бы Егишэ не погнат коня вперед: один миг и служитель церкви преобразился в отважного воина. Сепух Давид, увидев перед собой лицо духовного звания, с изумлением осадил своего коня. Егишэ, подняв крест, сделал угрожающее движение в сторону замка, на стенах которого стрелки уже натягивали тетивы своих луков. Он с грозным видом повернулся к сепуху.

– Оставьте всякую мысль о сопротивлении! – с гневом воскликнул он. – Вас больше не защитят ни стены замка, ни княжеская власть! Нет больше ни князя, ни крестьянина! Теперь все равны! Записывайтесь в воины отчизны, идите защищать священную свободу!

Призывы Егишэ не смутили бы лишь на миг растерявшегося сепуха: Давид был не из тех людей, которых чьи бы то ни было угрозы могли заставить забыть о своих обязанностях. Но пространство между обоими отрядами было уже все заполнено местными жителями и людьми Аракэла, – и это являлось препятствием для любых военных действий.

Воинов полка Мамиконянов поразило скорбное выражение лица супруги Спарапета. Она соглашалась на нечто беспримерное в истории рода Мамиконянов – на передачу родового замка чужим людям, вместо того, чтобы оказать им самое яростное сопротивление.

Она властно приказала Давиду:

– Перестань! Не видишь разве: они принесли страшную весть. – Затем, повернувшись к Егишэ, она дрогнувшим голосом произнесла:- сообщи, что знаешь, святой отец!..

Молчание наступило мгновенно.

Суровым и скорбным голосом Егишэ возвестил:

– Внемлите мне и плачьте, несчастные! Нарушили свой обет армянские нахарары. Идут на нас, отрекшись от себя и от отчизны!.. Они идут с войском арийским, с жрецами-огнепоклонниками…

Вся краска сбежала с лица супруги Спарапета, и она рванулась к Егишэ.

– Мой супруг верен своему обету! Не может он быть отступником! – сурово выговорила она. -Но горе мне, если о нем, о Вардане Мамиконяне, решились говорить подобное!

В это время на площадь прискакал Зохрак, который с молодыми сепухами Багдасаром, Григором и Суреном выехал утром в ближайшее село. Он с тревогой спросил мать:

– Что случилось?

Госпожа Дестрик ничего не ответила ему. Зохрак с тревогой впился глазами в ее лицо:

– Приняли мученичество… или?.. Говори же, мать! Госпожа Дестрик грустно объяснила:

– Говорят, якобы он отрекся от веры.

Зохрак сначала побледнел, затем вспыхнул и произнес дрогнувшим голосом:

– Неправда! Отец пойдет на смерть, но огнепоклонником не станет!

Супруга Спарапета обратилась к прибывшим:

– Пожалуйте в замок! И ты, святой отец! Войдите!.. – и она со вздохом добавила: – Да охранит ваш сон кровля Вардана Мамиконяна, пока не вернется он сам и не очистит имени своего от злой клеветы!

Она прошла вперед. За нею последовали Егишэ, Атом, Хорен, княгиня Шушаник и Зохрак. Вернулись в замок также Анаит с Астхик и Югабер.

Войдя в покои Вардана, супруга его опустилась на колени и начала молиться. Ее примеру последовали девушки и женщины.

Казалось, в комнату внесли гроб, в который предстояло положить покойника…

Вошел замковый священник, с ужасом взглянул на коленопреклоненных женщин, горестно приветствовал Егишэ и скорбно простонал:

– Горе дому Мамиконянов!..

Захват замка Огакан Атомом был внезапным и ошеломляющим, как удар молнии, и казался чем-то невероятным и зловещим. Двое посторонних – чужой нахарар и чужой князь – вошли со своим войском в замок Мамиконянов и вот распоряжаются в нем…

Потрясенный, Зохрак не мог решить, как ему следует держаться.

Атом решил поговорить с ним о цели своего прибытия.

– Вызови сепухов из вашего полка! – приказал он Зохраку. – Мне к завтрашнему утру нужен отряд вашего полка, чтобы вместе с моим выступить в Рштуник. Подготовить надо сегодня же ночью!

Зохрака обидел повелительный тон Атома, но он постарался сдержать себя: не время

было спорить.

Пришли вызванные сепухи. Давид не в силах был скрыть свое раздражение и крайнюю озабоченность. Остальные старались себя не выдавать. События, которые происходили на их глазах, сбивали их с толку. Кинув недоброжелательный взгляд на госпожу Дестрик, Давид отозвал в сторону Зохрака и шепнул ему:

– Я приказал готовиться к нападению, князь. Зохрак побледнел и глухо пригрозил:

– Не смей! Голову с тебя сниму, глупец!.. Давид отвел в сторону яростный взгляд.

– Приготовьте отряд! – распорядился Зохрак. Сепухи безмолвствовали.

– Кому я говорю? – повысил голос Зохрак и шагнул к сепуху. Тот стоял скрестив руки на груди в знак подчинения, но отвечал сердито:

– Ну и что ж, если даже отрекся? А я буду молча сидеть да смотреть, как у меня возьмут отряд и передадут под командование чужому князю? Светопреставление настало, что ли?..

– Правильно он говорит, князь! – зашептали сепухи.

В приемный зал вошли разъяренные воины, заподозрившие, что тайно от них подготовляется какое-то предательство.

– Отведите его в темницу! – показывая на Давида, приказал им Зохрак.

Со смущением и изумлением глядя на Зохрака, воины неохотно окружили Давида.

– Руки прочь! Я сам пойду в темницу замка моего господина! – воскликнул, расталкивая воинов, Давид и направился к выходу. В дверях он обернулся и с гордостью произнес:

– Я – из дома Мамиконянов!.. Зохрак обратился к остальным сепухам:

– Подготовьте отряд. Завтра на рассвете выступаем!

– Слушаем! – отозвались сепухи, опустив голову.

Молившиеся женщины встали и уселись у стен. В средине зала образовалось свободное пространство. Казалось, там выставленно тело Вардана Мамиконяна и вокруг собрались родные, чтоб оплакать его. Анаит и Астхик разрыдались. Но княгиня Шушаник, неизменно приветливая и внимательная к обеим девушкам, на этот раз даже не взглянула в их сторону.

Наступила тяжкая, мучительная ночь.

Примириться с совершившимся казалось невозможным. Наоборот, чем далее, тем все больше увеличивалось чувство тревоги.

Внезапно за воротами послышался топот коней, донеслись сдержанные голоса; «Тише!.. Тсс!..», заглушенное перешептывание, испуганные голоса, лай собак, – и все это, поднимаясь со двора к террасе, проникало в большой зал.

Югабер вышла.

– Что случилось? Кто там? – спросила она.

– Старшая госпожа вернулась!.. – шепнули ей на ухо.

– Старшая госпожа?.. Горе мне!.. – воскликнула Югабер и стала бить себя по голове. Вбежав в зал, она крикнула:- старшая госпожа!..

Сдерживая свое волнение, госпожа Дестрик быстро вышла навстречу свекрови. Но, едва подойдя к порогу, она увидела Старшую госпожу впереди сопровождавших ее сепухов, воинов и служителей, – она шла в зал, сама с собой разговаривая. Служанки, опасаясь, как бы с ней чего-нибудь не случилось, если ей неожиданно сообщат тяжелую весть, безуспешно пытались проскочить вперед, чтоб предупредить сидящих в зале.

Пока те сговаривались, что и как сказать Старшей госпоже, она вошла в зал. Все затаили дыхание. Старшая госпожа подняла взор на супругу Спарапета, которая выступила ей навстречу.

– Дестрик.. Недобрая весть?.. – в мертвом молчании, голосом, как бы шедшим из потустороннего мира, спросила Старшая госпожа, окидывая госпожу Дестрик настороженным взглядом; нижняя губа ее дрожа та.

Егишэ, Атом и Хорен, подойдя к Старшей госпоже, подхватили ее и повели к высокому сидению, предназначенному для Вардана. Старшая госпожа взглянула на сидение и спросила

глухим голосом.

– Где сейчас Вардан Мамиконян?

Лишь Егишэ решился нарушить тяжелое молчание:

– Государь Спарапет возвращается, Старшая госпожа…

– Возвращается как защитник отечества? – со страхом переспросила Старшая госпожа.

– Это ведомо лишь ему одному да еще совести его! – с глубоким волнением ответил Егишэ.

Наступило напряженное молчание. Внезапно Старшая госпожа ударила себя по коленям:

– Горе мне!.. Душу свою загубил!.. – она горестно оглядела всех и вновь с силой ударила себя по коленям. – Горе мне!..

Ужас объял всех, кто находился в зале, и всех, кто стоял за дверью, где, забыв все приличия и разницу положений, перемешались слуги, сепухи и воины. Тишину нарушало лишь тяжелое дыхание доведенной до исступления старой женщины. Она резко встала и с гневом оглядела всех.

Пытаясь успокоить ее, Егишэ сказал:

– Но ведь об отречении Спарапета еще ничего в точности не известно, Старшая госпожа Пусть судьей Вардану Мамнконяну будет сам всевышний…

– Молчи, святой отец, молчи!.. Молчите и вы! – обратилась она к остальным. – Молчите!.. Что неизвестно? Как может такое дело оставаться неизвестным?.. Не говорите этого, – слова ваши дойдут до места упокоения отошедших… Не говорите этого Все оцепенели. Казалось, сейчас войдет в замок весь род Мамиконянов, вплоть до покойного Амазаспа Мамиконяна.

– Пусть не узнает об этом Амазасп, не узнает Мушег, не узнает святой Саак!.. Чтоб не дошло до их гробниц! Пусть и я не слышу об этом!..

– Но, может быть, притворно отрекся он, Мать-госпожа!.. – склонившись перед нею и обнимая ее колени, с мольбой проговорила супруга Спарапета.

– Притворно?.. – яростно воскликнула Старшая госпожа. – Отрекся от родины?.. Не пошел на подвижничество?..

Потрясенная и оскорбленная, старуха порывисто поднялась и пошла к выходу. Никто не осмелился остановить ее.

Как бы поддерживаемая сверхъестественной силой, она быстро прошла по террасе и, спустившись по лестнице, направилась к воротам замка. За нею последовали не только находившиеся в зале, но и все обитатели замка. К ним присоединились крестьяне и воины.

– Боже, боже, куда она идет?.. – шептала княгиня Шушаник.

– Знаю – куда, – со вздохом тихо отозвалась Югабер. Вперив взор вдаль, что-то шепча дрожавшими устами, Старшая госпожа направлялась к пригорку рядом с замком, где находилась родовая усыпальница Мамиконянов.

Мрачное шествие освещалось факелами. Впереди двигалась престарелая мать Спарапета, за нею – Егишэ, Атом, Хорен, госпожа Дестрик и Шушаник, Анаит, Астхик, Югабер, Зохрак, сепухи, воины и крестьяне. Никто не решался остановить Старшую госпожу, никто не мог не пойти вслед за нею.

Она простерла руки к темным надгробиям, оглядела их и, кивнув головой, остановилась у заросшего мхом надмогильного памятника. Под ним покоился прах Амазаспа Мамиконяна-отца Спарапета.

Внезапно среди ночного мрака раздался глухой возглас, напоминавший хриплый клекот старой орлицы:

– Амазасп, встань!.. Амазасп, встань! Сын твой отрекся от тебя!.. Перед всеми отрекся он от родины, расшатал основание дома Мамиконянов!..

Никто не решался нарушить молчание.

– Мушег!.. Васак!.. Вачэ!.. Встаньте, творите суд праведный!

Все затаили дыхание, как бы ожидая ответа. С такой силой прозвучало это заклинание,

что казалось, все умершие Мамиконяны сейчас поднимутся и встанут перед нею.

– Встань же, Амазасп!.. – вновь воскликнула старуха, как бы ожидая ответа. – Это я тебя зову!.. Если не встанешь, скажи, – я приду к тебе!.. Нет у меня на земле пристанища, нет покоя, нег сына! Осиротела я!.. Восстань же, свободный, верни свободу стране Армянской!..

Глаза старухи как бы видели что-то действительно существующее, живое, она забыла обо всем окружающем и ни на что не обращала внимания.

Переводя взгляд с одной могилы на другую, она говорила сама с собой, как бы задавая вопросы или отвечая кому-то невидимому.

– Слышишь? Говорят, отрекся он… Но как это могло случиться? Чтоб он, мой Вардан?.. Нет, этого не может быть! Вардана никогда не было на свете… Вардан – это сон!.. Сон, облеченный в плоть.. Горе мне..

Она обернулась, обвела взглядом всех окружающих. Егишэ стоял между сломленной горем старухой и толпой, словно олицетворение неотвратимой судьбы. Атом был в этот миг прекрасен и страшен, как обнаженный меч. Жена Спэрапета была похожа на смерть. Остальные застыли, охваченные благоговейным страхом. Старшая госпожа глядела на них, как бы смешивая их с мерещившимися ей тенями предков.

– Кто вы? Также покойники, призраки? Почему вы стоите рядом с предками?.. И где Вардан?.. Почему вы оставили его одного?.. Идите и приведите его на суд матери!..

– Приведем, Мать-госпожа! – послышался суровый и отрезвляющий голос Атома.

Старшая госпожа как будто очнулась. Ее затуманенные глаза озирали собравшихся перед усыпальницей крестьян, крестьянок и монахов, озаренных кровавым светом факелов. Как бы проснулось ее на миг затуманившееся сознание, и старая княгиня задумалась об этих крестьянах и крестьянках, которых она с дней своего детства постоянно, и летом и зимой, видела работающими во владениях нахараров, неизменно покорными и смиренными, с печатью тайных забот и горя на лице, живущими в постоянной нужде.

– Большие тяготы пали на простой народ!.. – промолвила она, словно разговаривая сама с собой. – Разделим же с ним его тяготы, и пусть господь умерит гнев свой… Мы были причиной того, что разразилось бедствие! И мы уронили себя перед богом и перед людьми… Мы обирали крестьянина, угнетали его, не думали о нем. И вот поднялся голос его к небесам! Войско наше, родина, завещанная предками, – ведь это он!.. Это он – кормилец и защитник страны!..

Ночь уже лежала в горах и ущельях. Сидевший на могильной плите Егишэ похож был на сложившего крылья орла, устремившего вдаль немигающие глаза. Поглощенный своими мыслями, он витал в далеком мире, безмолвно ожидая, чтобы все прониклись величием дела, о котором он собирался говорить. Для этого, казалось ему, нужны были время и безмолвие.

И вот он заговорил. В порыве творческого вдохновения он начал с рассуждения о высшей добродетели. Он говорил так, как если бы обращался к самому себе, и одновременно следил за полетом своей мысли.

– Не падайте духом, не печальтесь безнадежно. Будьте сильны волей и свободолюбием! Идите на подвижничество как воители за святую свободу родины. Будьте воистину свободны! Знайте, коротка жизнь человеческая, но вечно человечество! Тлен и прах – нахарар, тлен и прах – простолюдин, близкий, родной – тлен и прах… На дух уповайте! Родное становится чужим, когда обращается в прах, и снова делается родным, возвращаясь из земли, из праха… Будьте семени подобны, что смерть приняло и цветком вернулось! Потоку подобны будьте, что к морю стремился и его вечной жизни причастился. Отрекитесь от личного, чтоб приобщиться к жизни общей. Жить – это и значит умереть за других. И не рождается цветок без смерш породивших его. Бесстрашие к смерти – вот в чем непобедимость!..

Воедино сливается все человечество, и дух каждого стремится к духу общему. Любовью к отчизне крепите дух свой! Вас мало, немногочисленны вы… Да умножит число ваше любовь к отчизне! Воинами свободы станьте, отрекитесь от себялюбия, слабости, страстей, корыстолюбия, честолюбия, освободитесь от деспота- гонителя духа и свободы!..

Так взывал Егишэ. И чем дальше, тем больше менялся смысл жизни в душе каждого его слушателя. Как будто открывался некий иной мир, куда можно было войти, лишь отряхнув с себя все прежнее, старое, преобразившись совершенно. Суровой требовательностью дышали слова Егишэ. Ужас внушали они, как сверкнувший над головой меч правосудия, и ослепляли они, как истина. Суровым было требование – перемениться в одну ночь, умертвить в себе прежнего человека, отречься от близкого и родного, похоронить и забыть его, стать воином родины, подвижником, новым человеком с новой душой.

Егишэ умолк и застыл в каменной неподвижности, как бы превратив в камень все окружающее. Среди напряженного всеобщего молчания он строго и торжественно обратился к супруге Спарапета:

– На тебя смотрит страна Армянская, супруга владетеля Тарона! Скажи, отрекаешься ты от отступника?..

Княгиня вздрогнула и ответила с укоризной и болью:

– Мой супруг не отречется от родины! Он – Мамиконян!..

– А если отрекся он, будешь ли ты отвечать за него перед народом?

Егишэ умолк. Молчала и госпожа Дестрик.

– Пока вернется он и засвидетельствует истину, обязана ты сама держать ответ перед богом и народом. Скажи, до возвращения его отрекаешься ты от отступника?..

Госпожа Дестрик собрала все свои силы. С беспощадной решимостью, ибо знала, что в этот миг свято каждое произнесенное слово, она в порыве вдохновения, сурово и размеренно произнесла:

– От отступника отрекаюсь!..

Казалось, своей собственной рукой обрушила она меч на голову своего мужа. Присутствовавшие с ужасом смотрели на ее побледневшее, застывшее, суровое лицо.

– А ты, князь? – после недолгого гнетущего молчания обратился Егишэ к Зохраку. – Отрекаешься ты от отступника?

Зохрак взглянул на Егишэ с гневом. В его ответе прозвучали гордость и достоинство воина:

– Пока не вернется отец и своими устами не возвестит истину – отрекаюсь… от отступника!..

Лицо его покраснело от негодования и сдерживаемой скорби.

– А вы все?.. Княгиня Шушаник, сепухи и вы, слуги, – отрекаетесь ли вы?..

– Отрекаемся!.. – отозвались в один голос госпожа Шушаник, Астхик, Анаит, Югабер, сепухи, прислужницы и слуги. Егишэ шагнул к толпе и громко спросил:

– А ты, страна Армянская? Отрекаешься ли ты?

– Отрекаемся!.. – прокатился многоголосый ответ народа. Егишэ обвел всех взглядом и торжественно возгласил:

– Да будете вы благословенны, защитники отчизны! Вы вступили в число воинов-подвижников, отреклись от всего, что было вам дорого и близко. Отныне близкой вам да будет лишь страна Армянская, отчизна ваша! Призываю вас на защиту родины и свободы ее! Вперед, воины обета, готовьтесь к бою!

Все присутствовавшие осенили себя крестом, с волнением повторяя последние слова Егишэ. Наступило напряженное молчание.

Опустив суровый взгляд, госпожа Дестрик стояла глубоко задумавшись. Она переживала тягчайшее потрясение.

Старшая госпожа, напряженно внимавшая всему, что происходило вокруг нее, внезапно встрепенулась и обратилась к невестке – Скажи, чтоб принесли меч Мушега Мамиконяна и чгоб оседлали моего коня!

– Бабушка!.. Бабушка!.. – с испугом повторял Зохрак.

– Если он не встал на защиту отчизны, должна встать я! – гневно отстранила его старуха. – Если вы не выступаете против отступников – пойду я. И пусть сразит меня меч врсга!

– Не выдержишь ты, Мать-госпожа!.. – с трепетом обнимая ее колени, умоляла госпожа Дестрик. – Дозволь уж нам идти.

– Куда вы пойдете без меня? Предоставьте мне судить его! Сама пойду я, взгляну, что с моим сыном, в каком огне горит он. Или же Отдам ему меч предков – пусть разит он, убьет меня!..

– Бабушка!.. – молил ее Зохрак.

Статная госпожа взглянула на него ласково и грустно:

– Нет, ягненок мой, дело это мое. И не могу я поручить его никому. Не отговаривайте меня… – Она горестно всплеснула руками. – Горе мне!.. Потомок Мамиконянов, Спарапет народа армянского… как мог он от святыни такой отречься? Значит, отрекся он и от страны своей! Нет! Я подниму страну против него! Пусть держит ответ перед нею!..

Всем известна была железная воля матери Спарапсга: решив что-нибудь, она не останавливалась ни перед чем, и всякое противодействие било лишним.

– Мать-госпожа!.. – в последний раз попыталась убедить ее госпожа Дестрик.

– Я сказала! – отрезала Старшая госпожа. Вернувшись с княгиней Шушаник, Зохраком и Югабер в замок, госпожа Дестрик прошла в оружейную. Дочь и сын с волнением заметили, что она отбирает доспехи и для себя.

Княгиня Шушаник и Зохрак со слезами припали к рукам матери, они поняли: мать посвящала себя делу защиты родины.

– Пойду очищу имя Мамиконянов от бесчестия!.. – шептала госпожа Дестрик, с волнением оглядывая своих детей.

Слуги помогли госпоже Дестрик надеть доспехи и шлем и препоясали ее мечом. Все плакали, как если бы обряжали покойника.

– Перестаньте! Подвижникам не к лицу слезы! – приказал Зохрак. – В бою не плачут, а сражаются. А это -бой!..

Госпожа Дестрик обняла сына и, пересилив себя, отерла глаза.

– Эх, ягненок мой, вместе со слезами уходит от нас и слабость наша. Сегодня мы еще мягкосердечны – завтра будем мужественны. Завтра я должна быть в состоянии поднять меч на него… Так я поклялась перед народом!

Зохрак с благоговением обнял и поцеловал мать.

– Через огонь придется нам пройти, – продолжала госпожа Дестрик, – чтоб народ смог найти себя, воспрянуть духом! Но мы воины родины, и должны вести себя как подвижники. А у подвижника нет никого – ни родителей, ни детей!.. Мы принадлежим народу и родине. На нас смотрит страна! Боже, поддержи нас!

Жена Спарапета хотела заглушить тревогу своего сердца, побороть человеческую слабость. Ее мучило то, что народ верил в Вардана, в его преданность родине. Это было самым страшным и мучительным.

В шлеме и панцире, с мечом на боку госпожа Дестрик имела мужественный вид.

– Возьмите меч Спарапета Мушега и легкий шлем для Старшей госпожи! – приказывала она слугам.

Она пошла к усыпальнице, где все ждали ее молча и не двигаясь с места.

Старшая госпожа спросила:

– Принесли меч?

– Принесли, Мать-госпожа!.. – отозвалась Дестрик, с любовью глядя на нее.

До сих пор у всех еще мелькала надежда, что Старшая госпожа переменит свое решение. Но она твердо стояла на своем.

Мать Спарапета стала над могилой Амазаспа Мамиконяна. Егишэ и остальные последовали ее примеру.

Старшая госпожа громко обратилась к крестьянам:

– Страна Армянская, родная земля, с тобой будет непобедима несчастная мать твоего Спарапета!.. Прими мою кровь!

– Приемлем… Да будет! – загремели со всех сторон голоса крестьян.

– И да сохранит господь страну родную! – воскликнула Старшая госпожа, осеняя их знамением креста.

Она твердым шагом направилась к замку; все последовали за нею. В большом зале все снова сели полукругом.

Госпожа Дестрик чувствовала потребность заглушить скорбь сердца рассказом о возвышенных и героических деяниях. Она приказала достать дорогие сердцу армян книги и рукописи и раздать присутствовавшим. Среди рукописей были и священное писание, и отрывки из исторических трудов Агафангела и Мовсеса Хоренаци, и книги, повествующие о родословной дома Мамиконянов.

Княгиня Шушаник взяла священное писание, подозвала Аааит и Астхик и принялась с ними читать. Иногда прерывая чтение, она беседовала с девушками о подвижничестве. Она понимала, как тяжело на душе у Анаит: ведь среди отступников был и Артак!.. Как должна была поступить Анаит?

Княгиня Шушаник заметила волнение девушки. Но в сердце этой доброй женщины теперь царили чувства воина, прежняя мягкость исчезла.

– Не надо, Анаит, не грусти! – шепнула она. – Если он и впрямь отрекся – он для тебя умер! А мертвого не ждут! Выбрось его из сердца!

Анаит опустила голову.

– Выбрось его из сердца, говорю! Артака нет. Надень черные одежды скорби, оплачь его… Холодной водой полей могилу, чтоб скорей остыло сердце!..

Но Анаит была не в силах совладать с горем: она с плачем прижалась к сестре.

– Что ж, ты хочешь огнепоклонника принять в свои объятия? Слушать наставления жрецов? Хочешь и сама отречься от родины? Хорошо же ты будешь тогда украшать рисунками рукописи, читать отца истории нашей Мовсеса Хоренаци и уподоблять супруга своего потомкам Гайка!.. Нет, Анаит, отрекись от него!..

Ярость княгини Шушаник была направлена не только против Артака, но и против отца. Как он мог пойти на отречение, предаться персам? Она не спрашивала себя: что же мог сделать человек в условиях, в каких находился Вардан? Пойти на гибель? А какая была бы от этого польза родной стране?

Как бы для того, чтобы заглушить в себе эту мысль, она с еще большей суровостью обрушила свои упреки на голову бедной Анаит.

– Преклони колена, дочь моя, молись и выбрось его из сердца навсегда!.. – приказывала девушке княгиня Шушаник. – Затем она обратилась к Астхик:-А ты благодари господа, что у тебя нет нареченного, от которого тебе пришлось бы отрекаться!.. Молитесь, готовьтесь к подвижничеству!..

Анаит и Астхик отошли в угол, начали молиться. Молча смотрел на них Егишэ. Казалось, он за тем и прибыл, чтоб вырвать из сердца Анаит весенний цветок жизни… Тяжело и непонятно было девушкам: как можно изгнать любимого из любящего сердца?!

Артаку отдала Анаит свою первую любовь. Артак был для нее олицетворением жизни – прекрасной, сладостной, ласковой жизни… Как жить без любви? Как представить себе, что возможна жизнь без любви?.. Анаит молилась, ей хотелось найти пороки у любимого, что-нибудь такое, что очернило бы его, сделало бы чужим, помогло бы возненавидеть его, и не только возненавидеть, – даже желать его гибели, его смерти!.. Ведь Артак был сейчас изменником родины! Он был таким же врагом отчизны, как персы: он шел в родную страну, чтоб разрушить храмы, красоту которых восхвалял, сжечь золотую рукопись, которую для него разрисовала Анаит, запретить читать Мовсеса Хоренаци, любить прародителя армян – Гайка, Ара Прекрасного, с которым Анаит в самых заветных мечтах сравнивала Артака. С любовью вернется к ней Артак или с безразличным и суровым взглядом отчуждения? Захочет ли он защищать ее от разнузданных персидских воинов. Кто же теперь защитник Анаит?..

Неопытной душе невыносимо тяжкой казалась задача, неумолимо поставленная жизнью. Жил некогда возвышенный, беспорочный юмоша – и вот нет его, хотя он жив и

приближаемся к стране Армянской… Бьется любимое сердце, но оно мертво, его нужно похоронить, «полить могилу холодной водой», чтоб забыть навсегда… Забыть первую молодую любовь, едва вкусив ее, стать неумолимым ее врагом, вступить с ней в беспощадный бой и погубить ее своею же собственной рукой!..

«Боже, боже, помоги мне!..» -шептала с горечью и отчаянием Анаит, и слезы застилали ей глаза, мешая видеть яркие краски золотой рукописи, лежавшей у нее на коленях.

Нет, не может Анаит отречься от любимого!.. Нет в живых Артака-отступника, – он умер. Но жив тот светлый Артак, который рассказывал Анаит о чудесных и мудрых книгах библиотек Александрии, о героических деяниях предков, о своей любви и жажде подвига.

Подобными рассуждениями Анаит пыталась усыпить свою тоску. Но напрасно: суровое сознание требовало, чтобы она отреклась от отступника, стала ему врагом, была готова выйти на бой против него… Смерть предателю!

Анаит повернула голову, взглянула на Егишэ, в его глаза пророка. Они приказывали…

Анаит с горечью взглянула на золотую рукопись, вспомнила, почему решила разрисовать ее: в рукописи были запечатлены заветы Мовсеса Хоренаци, говорившего, что родина – превыше всего. Превыше всего – значит, превыше и любимого!.. Анаит обязана так поступить: она – дочь своей родины. Как может она стать женой отступника, который отрекся от своего народа?! Какое море крови должно пролиться из-за отступничества Артака! В душе Анаит возник образ безжалостного юноши, который забыл, кто он, забыл о своем народе… Он был безобразен, у него было лицо дьявола, глаза горели ядовитой злобой…

Анаит вздрогнула. Ее сестра, стоявшая на коленях рядом с ней и с болью следившая за ее мучительной душевной борьбой, взяла ее за руку. Это ласковое и умиротворяющее прикосновение родной руки смыло г Лртака чуждые, обезображивающие его черты и восстановило гот прежний, любимый облик, который раз и навсегда запечатлелся в золотой рукописи сердца Анаит. А вдруг эта весть ложна? Быть может, и не отрекался он? Быть может, принял мученический конец и весть об этом еще не дошла до них? Какой же грех совершает Анаит, оскорбляя священную память подвижника!

Сжимая холодные пальцы сестры, Асгхик думала о себе. У нее нет возлюбленного, – так оно спокойнее и легче… Но Астхик, которая видела любовь Анаит, грезила о возлюбленном, который мог у нее быть… Она подумала, что не повторит ошибки Анаит: она прежде всего узнает, подлинный ли подвижник тот юноша, которому она отдает свою любовь. Ведь мог пойти на подвижничество и Артак, однако он избрал постыдный путь отречения. А ныне всякий юноша должен избрать путь подвижничества! Астхик и сама ступила в эту ночь на этот путь, и только с подвижником разделит она любовь или смерть. Перед ее глазами вставал возвышенный образ юноши, который в эти жестокие дни не потерял мужества и, сдерживая боль сердца, ожидал, когда начнется священная война. Вот он сидит рядом со своей героической матерые и готов пойти на смерть… Астхик уже несколько дней следит за ним, она оценила сокровище его души, его наследственную доблесть; он из рода героев. По зову отца он прибыл сражаться во имя спасения отчизны. Уже несколько дней, как он дома, но не ищет ни покоя, ни наслаждений, не чванится своим княжеским титулом, не предается многословию. Он весь поглощен подготовкой к великой войне. Астхик всем сердцем тянулась к Зохраку, ей хотелось любить его, даже без всякой надежды на взаимность, даже ничего не получая в ответ на свою любовь. «Пусть он любит другую, пусть будет счастлив с другой!.. Пусть я умру, лишь бы жил он!..» – так грезила Астхик, не подозревая, что Зохрак уже проник в тайники ее сердца…

Днем во дворе и вокруг замка Огакан начали собираться прибывшие из родовых имений родичи Мамиконянов; всю ночь напролет приходили из окрестных деревень крестьяне. С ньми сметались вышедшие без разрешения из лагеря воины из полка Спарапета, так что вскоре площадь перед замком закипела от множества народа.

В замок явственно доносились голоса. Слышно было, как часто упоминается имя Вардана Мамиконяна, и это бросало в трепет госпожу Дестрик.

Внезапно шум усилился. Югабер, стоявшая у окна, увидела, как толпа вплотную окружила широкоплечего, похожего на кулачного борца черноволосого крестьянина с горящими черными глазами, лицо которого выражало волю и бесстрашие.

Это был таронец, который днем спорил с Погосом.

– Бросьте, бросьте, люди добрые!.. Да разве от родины отрекаются?! – говорил он. – Так я вам и поверил!..

В этот миг, пробиваясь сквозь толпу, вышла вперед группа крестьянок. Выступавшая во главе их высокая худощавая женщина остановилась, расправила плечи, воткнула длинный посох в землю и, оглянувшись, крикнула хриплым, но властным голосом:

– Да хватит, хватит вам языками трепать!..

– Что случилось, Хандут? Что это ты точно с цепи сорвалась? – откликнулись недовольные голоса.

– О чем вы думаете, кого ожидаете? – продолжала Хандут, – Нахарары нас покинули. Остались мы одни-одинешеньки. Враг идет на нас. И коли вы – земля родная, то вставайте, поднимайтесь или пустите нас вперед! За мной, народ деревенский!..

– Правду она говорит! Правду! – отозвались со всех сторон.

– А если правду, то вставайте! – крикнул Погос и решительно поднялся с места. – Вот войско пойдет – и мы пойдем!

– Вперед, Погос! Мы за тобой! – подхватили со всех сторон крестьяне. Окружив Погоса, они направились к Аракзлу.

Аракэл, молча и сосредоточенно смотревший на окружающих, чувствовал, что при всей их решительности эти речи еще не означают готовности немедленно приступить к делу. Крестьянин еще не дошел до того состояния, когда необходимость сохранить самое свое существование заставляет человека восстать и вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть. И Аракзл не ошибался: когда отзвучали пламенные призывы, полилась мирная беседа.

Он встал, опядел крестьян и начал, не повышая голоса:

– Слушай меня, народ!.. – Он опустил глаза, подумал и холодно продолжал: – Враг идет, чтобы подрубить самый наш корень, чтобы превратить нас в рабов, прижимать нас еще сильней, чем прижимали князья, или же и вовсе изгнать нас из страны, сделать бездомными бродягами, рассеять и развеять по миру… Пусть даже и пойдет воевать наш князь, пусть и духовенство подьшется, но силу-то дать должны ведь мы? Только нами и сильна земля родимая. Страна – это мы! Это мы должны воевать за землю, за народ! Мы должны сохраните наше право и честь!

Крестьяне собирались вокруг него, толпа все больше густела.

– Что бы мы ни делали, конец один – война. Князь князем и останется: может, придет, а может, и не придет; может, будет сражаться, а может быть, и нет… Но мы-то должны себя защищать, как по вашему?

– А без князя, без войска и полководца что мы можем сделать? Не можем ничего, Аракэл! – откликнулся кто-то из толпы.

– Вот пойдем – и увидим! – негромко проговорил, усмехнувшись, Аракэл, подумал с минуту и нахмурился – Лучше бы до этого не дошло; а коли дойдет, вы как полагаете, войско да нахарар могут, а мы не сможем? Сможем. Нужда сама заставит… – решительно заключил он.

– Истину говорит… Правду истинную! – откликнулись крестьяне.

– А если так, то беритесь за оружие, вставайте! К чему лишние слова?

– Вот теперь уж встанем так встанем!

– Правильно – встанем, пойдем! А присоединится кто-либо по дороге – пусть идет с нами вместе! – решил Аракэл.

– Идем! Раз нет у нас господина, сами будем себе господами!

– Значит, все согласны? – переспросил еще раз Аракэл, медленно обводя всех взглядом.

– Согласны!.. Все!.. – гулом прокатился ответ.

– Если так, собирайтесь.

Долго еще длилось эю совещание то прерываемое выкриками, то переходившее в мирную беседу. Крестьяне, хотя и охваченные воодушевлением, взвешивали, обдумывали свое решение: восстать или нет; теперь восстать или поздней?..

Аракэл понимал, что раньше чем действительно подняться, крестьянин не раз еще подумает и передумает. Однако он не терял надежды, зная, что угроза потерять землю подымет крестьянина даже помимо его воли. Сдерживая ярость, он терпеливо ждал.

До сидевших в замке отчетливо доносились голоса крестьян. Может быть, впервые власть имущие услышали из их уст грубое, полное укоризны слово по своему адресу. Непривычно звучало для них это слово. Но оно было спраьедливо. Это было слово земли, ее решение, веское, кар сама земля – непрерывно рождающая, размножающая, дающая и жизнь и смертный покой на своем необъятном лоне. Это был голос природы, грозный и мудрый. Все почувствовали, что крестьянин встает, полный ярости, не ожидая подтверждения дошедших до него вестей, и, с прозорливой мудростью предвидя бедствие, выступает ему навстречу, чтоб предупредить гибель. Слово укоризны задевало самолюбие властителей. Однако это было слово и воинов – грубых, но самоотверженных, а они представляли внушительную силу. Атом и Хорен, имевшие постоянное общение с войском и лишь через него знавшие народ, – сердцем воинов приняли брошенное власть имущим крестьянское слово укоризны. Как военачальники, они и не могли иначе расценивать мнение народа. В час опасности против врага вставал грудью весь наоол. Это привлекало князей-воинов, покоряло их.

Уже за полночь к замку начали стягиваться крестьяне, вооруженные копьями, мечами, дубинами и топорами. И насколько шумным было их предыдущее совещание, настолько спокойным и будничным выглядел этот их сбор.

Но вот Егишэ встрепенулся, оглядел всех и твердо заявил:

– Довольно! Приступим к делу. Пора выступать – война не ждет…

Атом приказал сепухам разослать конных гонцов по всему Таронскому краю – оповестить народ, чтоб не доверялся лживым сообщениям, в полной готовности ждал подтверждения вестей и условного знака, чтоб нанести решительный удар персидскому войску, подступающему к границам Армении…

Затем, уже как старший военачальник, Атом не допускающим возражения тоном приказал Зсхраку – Выведи отряд из лагеря. Выступаем немедленно! На миг задумавшись, Зохрак поручил одному ис стоявших у дверей воинов:

– Приведите сепуха Давида!

Вошел Давид; лицо его было искажено яростью.

– Что, еще не успокоился – сурово спросчл Зохрак. – Ты мне скажи, воин ты или нет?

– Воин народа моего!.. – глухо ответил Давид.

– Будешь сражаться против изменников, за народ?

– А кто сказал, что мой Спарапет – изменник?.. – с возмущением выкрикнул Давид, но, видя, что Зохрак вперил в него угрожающий взгляд, оч с полными слез глазами вытянул шею и крикнул:

– На, руби! Не пойду я против моего Спарапета! Атом шагнул к нему и негромко, простым, но страшным голосом приказал:

– Выведи отряд!

Сепух вздрогнул, взглянул на мрачное лицо Егишэ, на доспехи Дестрик, на всех присутствовавших, и взял себя в руки.

– Слушаю! – громко ответил он и повернулся к выходу, Зохрак последовал за ним. По дороге в лагерь он искоса взглянул на Давида и с усмешкой спросил:

– Опомнился? Понимаешь теперь или же еще не понимаешь? Давид быстро повернулся в седле и воскликнул:

– Хоть убей меня, князь, а я вывожу отряд, чтобы подчинялся он только тебе и супруге моего Спарапета Других военачальников я над собой не признаю!

Зохрак понял, что это означало: Давид продолжал свое, никакие доводы переубедить

его не могли. Зохрак счел за лучшее пока с ним не спорить, но зорко следить за его действиями.

В замке также царила обычная предотъездная суматоха, усиленная тревожным настроением обитателей.

Наступил рассвет. Перед замком выстроились отряды Атома и Хорена. Обитатели замка высыпали на площадь. Прискакавший отряд из полка Мамиконьяов, под начальством сепуха Давида, выстроился в стороне, ожидая распоряжений.

Из замка вышли Атом с Егишэ и Хореном. Атом испытующим взглядом окинул отряд Мамиконяна. Егишэ перекрестил воинов. Но различны были чувства, господствовавшие в этот миг на обоих концах площади: на одном конце стоял военачальник, непреклонная воля которого требовала подчинения, на другом-воины Мамиконяна, враждебно относящиеся к чужому и еще не знакомому им начальнику.

Они пристально и настороженно изучали Атома, отмечая его красоту, его волевую мужественную осанку. Они пытались выказать. пренебрежение к самозванному командиру, но невольно подтянулись, когда на них остановился полный ледяного спокойствия взгляд Атома.

У ворот сбились конные и вооруженные крестьяне и крестьянки; видно было, что они собираются присоединиться к выступающему отряду.

Внезапно всеобщее внимание приковала к себе группа женщин во главе со Старшей госпожой, вышедшая из ворот замка. Счорбный вид матери Спарапета внушал благоговейный трепет. За Старшей госпожой следовали госпожа Дестрик и княгиня Шушаник, уже снарядившиеся в дорогу. Глубокое впечатление произвело на толпу появление Анаит, Астхик и Югабер с остальными прислужницами, одетых также в воинские доспехи. Вид женщин, по-мужски вооруженных, отражал то совершенно новое душевное состояние, которое переживали все в замке с момента появления Атома. Все переменилось в замке, быть может, – и во всей стране…

Внушала почтение гордая осанка супруги Спарапета. Неловко чувствовала себя в доспехах одна лишь Анаит. Из-под тяжелого шлема глаза ее с тоской смотрели вдаль, избегая встречаться взглядом с кем бы то ни было. Астхик держалась смело и выглядела веселой, свободно чувствовали себя в доспехах и прислужницы, среди которых была и неразлучная с супругой Спарапета Югабер.

Взгляд Атома упал на группу конных вооруженных крестьян, которые пристально смотоели на стоявших в строю воинов. Погос отделился от этой группы и обратился к Атому:

– Мы готовы, князь!

– Зачем оставили вы свои дома и занятия? Куда направляетесь? – недовольным тоном спросит Атом.

Подавленное и угрюмое молчание было ему ответом.

– Вы же не войско. Вы не знаете, как надо сражаться… Вы нам будете только помехой!

Хандут смело выехала вперед.

– Ты князь и господин наш! – сказала она. – Тебе подобает приказывать. Позволь только сказать, не дано тебе господом права запретить родной земле самой за себя драться.

Старшая госпожа, которая, казалось, была глуха ко всем голосам внешнего мира, перевела суровой взгляд на Атома и глухо вымолвила – Не гони крестьянина, сын мой! В нем твоя сила… Крестьянин – это и есть родная земля… На нем благословение господне!

Атома поразили эти слова старой женщины, с которой он не мог не считаться.

– Приказывай, князь! – с угрюмой решимостью, в которой было что-то повелительное, проговорил Аракэл.

Атом помнил этого крестьянина, дерзко ставшего перед ним в день, когда пришло известие об отречении нахараров. Теперь он показался Атому еще более опасным.

– Князь, – настаивал Аракэл негромко, но твердо, – войско у вас есть, сражаться вам не внове. Мы знаем, что вы умеете и брать страны и отдавать их. Наше дело иное – сражаться

мы не умеем. Но уж мы если будем сражаться, то умрем, а страны не отдадим! Не препятствуйте же нам идти в бой за свое дело. Мы все равно пойдем.

– Истинно! Истинно! – поддержал народ.

Атом не решался обидеть Старшую госпожу, ослушаться ее. Вместе с тем он как будто начинал сознавать истинное значение простого народа. Он окинул вооруженных крестьян внимательным взглядом и кивнул им в знак одобрения – Приказывай, князь!.. Приказывай! – раздались настойчивые голоса крестьян.

– Будете следовать за отрядом и подчиняться мне. Кто ослушается моего приказа, буду накааывать смертью!

– Наказывай смертью! -ответил Аракэл.

– Становись во главе своего отряда! – приказал ему Атом. Крестьяне выстроились, стали креститься. Они подтянулись и выглядели настоящими воинами.

– Ну, в путь! -произнес Егишэ.

Телохранители подвели скакунов. Вслед за Егишэ сели на коней и остальные. Атом обвел всех взглядом и, подняв руку, скомандовал:

– Вперед!

– В добрый час! – прокатилось по отрядам.

Атом выехал вперед. За ним проследовали по порядку группы князей, женщин, воинские отряды и затем крестьяне.

Когда все вышли на равнину, Егишэ громко запел духовную песнь, которая одновременно была и боевой. Воины подхватили припев, – выступление в поход подняло их настроение.

Атом, еле сдерживая плясавшего скакуна, совещался с Хореном и Зохраком. Надо было проникнуть в замок Рштуни и взять там отряд Атом знал своенравный характер нахарара Рштуни и смутно чувствовал, что придется столкнуться с серьезным противником. Он возлагал всю надежду, скорее, на внезапность появления, чем на возможность убедить командиров рштунийского полка.

Спускался туман. Налево поднимала к небу свой исполинский шатер гора Гргур, как бы взлетевшая вверх и окаменевшая в воздухе. Справа высился Сасунский горный хребет, отдельные вершины которого вонзались в облака. Свинцовая Меграгет вилась между камышами, и хмурились темные лесистые горы Рштуника. Туда-то и направлялся Атом, сопровождаемый вооруженными женщинами и крестьянами.

Господа Дестрик ехала молча, погруженная в свои думы. Княиня Шушаник часто поглядывала на Анаит, душевное смятение которой причиняло ей глубокую боль. Шушаник было тяжело думато, что первому чувству молодой девушки суждено погибнуть под тяжелым ударом судьбы. Но она не решалась бередить раны сердца бедной девушки и лишь хотела узнать, как, по мнению Анаит, встретит их ее отец – сепух Гедеон.

– Анаит, ты боишься гнева отца? – тихо спросила Шушаник.

– Нет, княгиня, не боюсь, – отозбалась Анаит грустно, не поднимая глаз.

– Вот и хорошо! Держись перед ним без страха, расскажи ему о сьоем обете. Ведь ты теперь подвижница…

– Знаю, княгиня! – произнесла Анаит, и глаза ее наполнились слезами.

Княгиня Шушаник перевела взгляд на Астхик, которая совершенно не казалась подавленной, наоборот, она была более оживленной, чем оби то, ее прелестное лицо дышало воинственным задором, жаждой подвига. Лишь очень внимательному наблюдателю удалось бы подметить, что в глазах девушки мелькала тоска, а уголки губ опускались в грустной улыбке, когда девушка тайком бросала взгляд на Зохрака. Ее и ргдсчало и одновременно тяготило чувство первой любви. Зохрак качался ей недосягаемым его любовь – невероятной. И вчерашнее смирение перед первыми велениями любви, примирение с лыслью, что Зохрак никогда не узнает о ее чувстве, что она безответно будет прислуживать ему на поле оитвы, – сегодня были вытеснены бурной, страстной и требовательной любовью. Астхик казалось, что она склонилась над рекой любви и беспечно играет с волной; и какой безобидной,

нежной выглядела эта волна. Но вот эта волна подхватила ее и несет к стремнине, и Астхик принуждена бороться с разбушевавшейся стихией… Иногда же какая-то тайная надежда и неукротимая жажда жизни переполняли ее такой страстной радостью, что она задыхалась от счастья, чссго даже забывая, куда они сейчас едут и с какой целью.

Группа крестьян следовала позади. Среди них особым весом и уважением пользовались Погос, дед Оган и Хандут. Они ехали молча, с озабоченными лицами.

Анаит часто и почтительно оглядывалась на Хандут, уверенно правившую своим конем – девушку привлекало врожденное достоинство и чест юеть запечатленные на слегка грустном лице Хандут. Анаит впервые встрече ла подобную женщину.

Астхик, для которой поход был, скорее, каким-то радостным путешествием, с любопытством оглядывала одежду Хандут и следовавших за нею женщин, их непокрыше головы со спускавшимися до пояса косами, их вышитые куртки с разрезными рукавами, туго подпоясанные шерстяными поясами, нитки бус у них на шее. Женщины, как и сама она, были вооружены копьями и умело правили конями. Асгхик осматривала короткие кафтаны крестьян, их плащи, укрепленные на плечах длинными перехватами. Во время езды ветер развевал плащи, открывая шею и грудь. Почти все крестьяне были хорошо вооружены, снабжены кинжалами и мечами. Радостно было смотреть и на воинов, на их броню, на блестящие шяегы, мечи ч булавы. Внимание Астхик привлек молодой воин с тонким лицом: плотно сжав губы, он ехал мопча, точно принимал участие в каком-то торжественном обряде, и высоко держал свою обоюдоострую секиру, чтоб не ранить коня.

Воины были в веселом настроении: они месяцами жили в шатрах или проводили дни в утомительных учениях, а теперь радовались приближению настоящего дела. Молодежь переглядывалась и пересмеивалась. Серьезны и задумчивы были старшие, лучше понимавшие что такое война. Каждый отряд выступал под собственным знаменем: это были знамена нахараров Мамиконяна, Хорхоруни и Гнуни.

Но вот на южном склоне Гргура расплавленным свинцом сверкнуло подернутое рябью Бзнунийское море. Оно дышало неспокойно, точно гневалось на кого-то. Недружелюбно хмурились и Рштунийские горы.

Госпожа Дестрик опасливо поглядывала на Старшую госпожу, на ее застывшее лицо, развевавшиеся пряди волос, похожих на морскую пену. Она боялась, что престарелая женщина не выдержит трудностей гути, простудится и заболеет. Это опасение разделяли с нею все. Но, по-видимому, в Старшей госпоже таится запас сил и возможность огромного душевного напряжения. Она гнала своего скакуна, не проявляя никаких признаков усталости. Она страдала только от душевной тревоги.

На этот раз Атом был гораздо более озабочен, чем во время приезда в Тарон. Прежде всего, его беспокоил неоднородный состав отряда, а затем и прием, ожидавший его в Рштунике. Нет сомнений, что нахарар Артак Рштуни, еще и в Аштараке проявивший себя противником сопротивления Азкерту, уже заслал гонцов к начальнику своего отряда и организовал группу своих единомышленников. Атом, который и сам был независимым няхараром и прекрасно понимал, что всякий независимый нахарар вполне естественно будет сопротивляться попытке ущемить его права. Он сознавал также, что, собирая общегосударственное войско из отрядов отдельных нахараров в отсутствие самих хозяев, предпринял дело неслыханное. Но вместе с тем, когда же еще приходилось стране Армянской переживать такое бедствие, как ныне? А бедствие это надвигались, подобно потопу, и думать о том, что законно и что незаконно, уже не приходилось.

Атом окинул взглядом свое еще столь слабое войско и стал внимательно присматриваться к крестьянам и крестьянкам. И вдруг у него мелькнула мысль: «Хорошо, что они с нами! Они нам помогут!»

Он оглядел женщин из княжеских семей, Егишэ, служанок, И как будто впервые предстало перед ним все величие и значение роли, которую он на себя взял. Он вспомнил ночную проповедь Егишэ, обращение Старшей госпожи к предкам, тревогу людей земли – и понял, что нынешний поход является не простым, обычным воинским выступлением, а

чем-то гораздо более значительным и важным. И Атом почувствовал прилив новых сил, нового воодушевления Он подозвал к себе сепуха Давида. Хлестнув скакуна, тот подскакал и хмуро остановился перед Атомом.

– Возьми десяток всадников и пройди вперед, к замку нахарара Рштуни. Объясни, зачем мы прибыли. Объясни, что мы идем не с войной, – пусть не вздумают сопротивляться нам! Скажешь, что мы не войдем в замок, пока нас не пригласят.

Сепух Давид задумался. Все еще хмурясь, он, однако, не мог скрыть своего удивления перед проявленным к нему доверием.

– Это дело я могу поручить только тебе! – добавил Атом.

– Слушаю! – наконец очнувшись, с жаром отозвался Давид.

Вскоре сепух Давид во главе десятка всадников уже мчался впереди отряда, втайне радуясь, что такое же «поношение», какс; постигло таронский полк, постигнет и рштунийскии.

Отцу Анаит, сепуху Гедеону, доложили, что в замок прибыли конные гонцы из Тарона. Гедеон приказал впустить их, и Давид въехал в ворота. Обитатели замка с удивлением взирали на серьез ные, озабоченные лица прибывших. Еще большее изумление охватило Гедеона, когда в роли обыкновенного гонца он увидел сепуха Давида. События последних месяцев, тревожное состояние в стране заставили всех насторожиться в Рштунике, как и во всех прочих областях Армении. Неожиданное появление сепуха вызвало большой интерес. Давид рассказал Гедеону о вероотступничестве нахараров.

Гедеон содрогнулся:

– Отреклись? Почему? По какому праву? Это не по закону предков! Это не дело мужчины! Не приемлю я этого!

Помолчав, Давид сообщил ему и о том, что к замку приближается отряд Атома.

– А этому кто дал право? – разъярился Гедеон.

Давид объяснил, зачем прибыл Атом. Гедеон слушал недоверчиво и с неудовольствием. Но, услышав, кто сопровождает отряд, он опешил и молча посмотрел на Давида, точно забыв все возражения, какие ему подсказывала его мрачная, своевольная натура. Это было событием неслыханным и невиданным: к отряду, составленному из родовых полков Гнуни, Хорхоруни и Мамиконяна, присоединились мирные крестьяне и женщины и среди них – Старшая госпожа рода Мамиконянов, жена, дочь и сын Спарапета, его крестьянки и слуги… Старшим военачальником является посторонний нахарар, а предводительствует отрядом Егишэ…

Смущенный, Гедеон задумался. Желание сопротивляться отняло. Необычайное сообщение так на него подействовало, что он не решился даже возражать, когда Давид посоветовал ему не препятствовать отряду Атома подойти к замку.

Давид поспешил использовать замешательство Гедеона:

– Соглашайся, сепух! Пусть отряд подойдет! Ведь это ради дела родины. Опасности тут нет никакой.

– Пусть сперва подъедут женщины! – потребовал Гедеон, решив проверить слова сепуха Давида, раньше чем отказать в разрешении.

Гедеона особенно смущало присутствие в отряде Старшей госпожи, супруги и дочери Спарапета и то, что в движении участвовали народные массы. Крайне раздражало его и то, что собственные дочери без его разрешения прибыли с отрядом.

Давид тотчас отправил гонцов к Атому с извещением об условном согласии Гедеона.

У ворот замка собралась большая толпа любопытных, когда Гедеон с женой и старшей дочерью, княгиней Аршалуйс, вышли встречать гостей.

Из ущелья постепенно выходил отряд. Замковая охрана заняла сторожевые посты.

Поручив отряд Зохраку, Атом с Егишэ и женщинами подъехали к замку. Напрягая глаза, Гедеон всматривался в приближающихся женщин, ища своих дочерей, Его внимание немедленно привлек скорбный облик престарелой Старшей госпожи. Вид матери Спарапета сильно на него подействовал. Он поспешно выступил вперед, с благоговением приложился к

ее руке и приказал служителям помочь ей сойти с коня Гелеон склонился в приветствии черед госпожой Дестрик и княгиней Шушаник и оглянулся на дочерей, которые со слезами на пазах смотрели на Старшую госпожу.

Ни сам Гедеон, ни прочие обятятели Рштунийского замка не могли отвести глаз от счомлчмшой горем матери Спарапета. Ока внушала благоговение всем окружающим. Поддерживая ее, Гедеон и госпожа Дестрик проводили Старшую госпожу в замок. Она молчала, поглощенная безутешным горем.

Гости вошли в зал, Гедеон пригласил сперва Старшую госпожу а затем и всех остальных сесть. Княгиня Аршалуйс и госпожа Эстер смиренно склонились к руке Старшей госпожи и расцеловались с гостями. Приложившись к руке Егишэ, Гедеон суровым взглядом предложил жене и дочери последовать его примеру, затем со смиренным видом стал перед Старшей госпожой и Егишэ, как бы ожидая их прикззяний.

Он вьчлядел таким растерянным и испуганным, что Егишэ пригласил ею присесть.

– Присядь, сепух, отдохни! Подумаем, поговорим! Надвигается беда…

Гедеон отказался наотрез.

– Перед Великой госпожой? Не пристало простому сепуху…

– Присядь, Гедеон, присядь, сын мой! – вздохнула Старшая госпожа. – Сгинула, пропала твоя Великая госпожа…

Гедеон не дал себя убедить. Он глубоко задумался, затем с возмущением и яростью воскликнул:

– Но как осмелились они отречься? Родина именно для того и существует, чтоб от нее не отрекались!

– Вот потому-то и поднялись мы на ее защиту, сепух! – ответил Атол – Необходимо, чтоб и Рштуник принял участие в войне за отчизну.

Гедеон пристально взглянул на Старшук госпожу, на ее спутников. По-видимому, какое-то новое чувство овладело этим своенравным человеком. Он приказал вызвать командира рштунийского полка, прочих сепухов и – из соображений, не понятых никем из присутствующих, – также и замкового священника, отца Зангака.

Тэр-Зангак явился вместе с каким-то подозрительным мэнахом. Командира полка сопровождали сепухи Рштуника. Среди них был и синеглазый русый сепух, совещавшийся с Артаком Рштуни в ночь приезда Артака Мокац; это именно его сообщник и погиб на берегу Бзнунийского моря от меча Арцви. Этот русый сепух тайно содержал дома жреца, чтоб постепенно внедрить в семейный быт устои огнепокчогства Подозрительный же спутник Тэр-Зангака был одним из гонцов Артака Рштуни, присланных им с Аварайрского поля; через него нахарар Рштуни прислал наг.аз держать полк наготове, чтоб по условленному знаку выступить в Зарзхаван для борьбы с верными обету нахарарами Самозванно хозяйничавшего в замке Гедеона собирались бросить в темницу и затем вывести полк в Зарехаван, как только нахарар Рштуни достигнет Багреванда.

– Ну, значит, вы согласны! – заявил Гедеон непререкаемым тоном, даже не спрашивая мнения сепухоз. – Итак, мы присоединяемся с нашим отрядом к полку, защищающему отчизну. Конечно, вы также желаете, чтоб мы выступили против отступников. Тогда принесите обет оставаться преданными отчизне и вере, оставаться истинными христианами!

Все молчали. Но это не произвело никакого впечатления на Гедеона, он даже как будто ничего не заметил и так же невозмутимо продолжал:

– Вы, конечно, отказались от всяких внутренних раздоров, и нахарару-отступнику вы уже не подчиняетесь. Вы теперь признаете яолько народ ваш и Христа, господа вашего. Так приложитесь к руке святого отца и отправляйтесь готовить отряд! Сепух Запдаган! – обратился он ко второму из приспешников Артака Рштуни. – Отправляйся в полк и приведи его в замок!

Ошеломленные сспухи не двигались с места. Тогда Гедеон спокойно подошел к командиру рштунийского полка, взял за локоть и, подталкивая подвел к Егицп и насильно заставил ею гре клонить голову и поцеловать руку Егишэ. Командир полка, не ожидавший

подобной грубости, растерялся и выполнил требование Гедеона. Остальные поспешили последовать его примеру, опасаясь подобного же обращения. Но в поведении Гедеона, помимо обычных свойственных ему странностей, была и другая сила – сила убеждения и веры в свою правоту. Действовала на окружающих и та уверенность, с какой он отметал в сторону всякие околичности, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Однако сепух Згндаган, командир рштунийского полка, точно прирос к месту. Гедеон догадался, в чем дело, но не подал и виду.

– А что я отвечу нахарару, когда он вернется? – обратился к нему командир полка.

– Я сам ему отвечу! – спокойно заявил Гедеон.

Сепухи не двигались с места. Тогда Егишэ обратился к ним:

– Вы колеблетесь отдать себя на службу родине? Неужели вы ставите нахарара вашего превыше родного народа? Гедеон оскорбился:

– Вовсе они не колеблются… Они немедленно отправляются выполнять мое приказание!

И он сурово взглянул на сепухов:

– Ну?!

Сепухи вышли. Атом ргзким движением поднялся с места. Он был уверен, что сепухи сейчас выведут свой полк против него.

– Выйдем-ка, сепух! – обратился он к Гедеону. – Последим за ними…

Совершенно неожиданно для всех окружающих Гедеон молодцевато подтянулся и, как подчиненный начальнику, покорно ответил:

– Слушаю, князь!

Они уже подходили к воротам замка, когда услышали гул возбужденной голпы. Атом, тотчас же догадавшись, что происходит, удержал Гедеона. Они стали наблюдать и прислушиваться, не замеченные никем.

За воротами кипела многолюдная толпа. К замку стекались окреаные жителя, обеспокоенные приходом войска и отрядов из Тарона. Все громче начинали роптать и подоспевшие воины-рштунийцы, подозревая что-то неладное. Гул толпы ширился и разрастался.

– Куда хотят нас погнать?

– Зачем пришли к нам Хорхоры и Мамгуны?..

– Умер, что ли, наш князь?!

– А ну, сепух, подай-ка знак!..

Голоса звучали все более угрожающе. У Атома мелькнула мысль, что далее медлить нельзя, иначе может погибнуть все дело. Он весь подобрался. Еще миг – в толпе началась бы общая свалка. Но вот, перекрывая общий шум, послышался хриплый голос Хандут. Протолкавшись вперед, она напустилась на рштунийцев:

– А ну, чего вы тут распетушились? Птенцами Азкерта заделались или прихвостнями отступников?! Вот придут жрецы, займутся вашими женами, да и детей у вас заберут… Вас с земли согнать хотят, головы вы безмозглые! Какие тут могут быть разговоры о мамгунах да рштунах, арцрунах да хорхорах? Бабьим платком повязать бы головы таким мужчинам, как вы! Что ж, и женщин настоящих среди вас нет, чтоб выйти на войну с персом?

– Вот уж правда истинная! Идем, как нам не идти – отозвалась, подбегая к ней, крестьянка-рштунийка… – Неужели мы позволим, чтобы жрець. к нам домой огонь занесли, чтоб перс нас в рабство обратил?! Пойдем, как не пойти! Вот крест истинный!..

– Уйди отсюда! – прикрикнул на нее длиннобородый великан-рштуниец. – Тебя это не касается!

– Как хочешь, Артэн, воля твоя, но родина и меня касается!

– Молчи, бесстыдница! Убью на месте! – орал дядюшка Артэн, замахиваясь на жену.

– Убей, Артэн, воля твоя! Только родину как ты убьешь?

– Србуи!.. Србуи! Смотри! – послышались предостерегающие голоса. Но Артэн почувствовал смущение: горец, не привыкший раскрывать перед посторонними свои

семейные дела, растерялся и умолк.

А Србуи обратилась к женщинам-рштунийкам:

– Идем, сестрицы, идем! Да будет стыдно нашим мужчинам! Эх, умереть за тебя, господь наших зеленых нив, наших синих лесов! И не стыдно вам гнать этих людей, которые пришли к вам на помощь со своей старой княгиней, с женщинами деревенскими? Идем, сестрица, идем вместе! – И она обняла Хандут.

Мужчины-рштунийцы нахмурились, глядя на обнявшихся женщин. Казалось, это еще более разъярило, а не умиротворило упрямых горцев. Сверкнув глазами, Артэн прикрикнул на пришельцев:

– Эй, вы! Не знаю, как вас – мамгуны вы, хорхоры или арцруны! Как явились сюда, так и уходите к себе обратно! Не то – свидетель бог! – прольется кровь.

– Истинно! Бог свидетель! – откликались со всех сторон. Некоторые уже схватились за кинжалы Рштунийцев словно подняло ветром. Послышался грозный гул, крики, брань, засверкали в воздухе занесенные кинжалы. Неизвестно, чем могла кончиться завязавшаяся ссора. Но тут вперед выступил Аракэл. Выхватив меч из ножон, он швырнул его к ногам Артэна.

– Вы что на нас коситесь? Враг нам – пере, враг нам – изменник. Теперь, что же, вы и нас за врагов почитаете или себя за персов считать начали? Чего вы на нас раскричались? Против своих выступать хотите? Мы сюда не для кровопролития пришли, и вы нас кровью не стращайте. Присоединяйтесь к нам! Подымайтесь на защиту родной земли! Не то перс придет и отнимет ее у вас!

Расталкивая стоявших впереди, вырвался разъяренный Артэн и высоко поднял руку. Все умолкли, и Артэн гневно кинул Аракслу:

– Бери свии слова обратно и уходи отсюда! Как это «перс на нашу родную згмлю идет»? Кто ему позволит?!

– Идет-то он идет, а ты скажи: стоишь ты за родную землю?

– Стою, бог свидетель! Земля наша, земля и родина и я – одно! Что ты тут рассказываешь? – Артэн быстро наклонился, ударил ладонью по земле, захватил горсть ее и потряс кулаком в воздухе.

– За этим перс идет? Да я не только тебя, рштуна, мамгуна, перса, князя твоего, – я и своего князя не признаю! В земле этой – вера моя и моя родина! Не отдам я ее, так и знай! В это верую, это исповедую!

Он повернулся к толпе своих земляков:

– Правильно, братья?

– Правильно, Артэн! Правильно!.. – отозвались те.

Пожилой горец сделал знак рукой, чтобы успокоить односельчан; когда все умолкли и обернулись к нему, он степенно заговорил:

– Раз ты это понял, дядюшка Артэа, то пойми и то, что мамгуны перед тобой или рштуны, лорхоры или арцруны – все равно кровь-то у нас одна, земля – одна, горе – одно; и враги у нас одни и те же… Вставайте! Кто г нами не пойдет – бабий платок тому на голову!

– Истинно! Идем все! – загремели ему в ответ горцы. Атом почувствовал, что пора вмешаться. Он быстро выступил за ворота и обратился к толпе:

– Кто любит землю родную, в ком жива честь – пусть присоединяются к нам! Идем выручать нахараров из оков Зрадашта! С многоголосым гулом толпа обступила его:

– Веди нас, князь! Идем с вами!

Конечно, Атом добивался, чтобы против персов выступил рштунийский полк, то есть воины Рштуника, а вевсе не народ его. Но он изменил свое первоначальное намерение, решив обеспечить себе прежде всего сочувствие крестьян.

Намерение заговорщиков натравить рштунийцев на пришельцев потерпело поражение. Зандаган с десятком всадников поскакал к полку Атома и привел его к замку. Лагерь разбили в лесу, окружавшем замок. Атом приказал Зохраку ни на час не отлучаться из лагеря и установить наблюдение за окрестностями и находиться в боевой готовности.

Атому казалось крайне подозрительным то, что удача была достигнута так безболезненно и легко. От его внимания не ускользнули многозначительные взгляды, которыми обменивались командир рштунийского полка и его сепухи. Ясно было, что они пришли к какому-то тайному соглашению. Поэтому Атом приказал и сепуху Давиду не спать этой ночью, выставить усиленную сторожевую охрану и строго остерегаться внезапного нападения.

Ночь казалась мирной, но сна обманчиво прикрывала и хлопоты хозяев по приему гостей, и замыслы Атома и Гедеона, и заговорщические перешептывания сепухов. Госпожа Эстер и княгиня Аршалуйс с помощью госпожи Дестрик и княгини Шушаник пытались уговорить Старшую госпожу прилечь отдохнуть. Но та не соглашалась лечь в постель, заявив, что в знак скорби ляжет на полу, нь снимая одежды.

Анаит и Астхик выбрали себе на ночь комнату, в которой некогда гостил Артак. Атом провел ночь в лагере.

В невзрачном строении, примыкавшем к замку и служившем помещением для стражи, собрались командир рштунийского полка сепух Зандаган, замковый священник тзр-Зангак, гонец нахарара и несколько сепухов и шепотом долго совещались о том, что им предпринять. Решено было открытого сопротивления не оказывать и разрешить взять из пслка отряд для присоединения к полку Атома. Когда же Атом удалится, а нахарар Рштуни прибудет в Зареванд, немедленно с помощью оставшихся отрядов захватить замок и выступить на соединение с нахараром.

Наутро выделенный отряд предстал перед Егишэ, который кратким словом напутствовал воинов:

– Выступаем против изменников святой веры и родины. Воин-армянин всегда так и поступал. Все вы будете самоотверженно сражаться, проливать кровь ради спасения родины. Теперь помолитесь!

Егишэ прочел краткую молитву, после которой отряд двинулся к лагерю и стал рядом с полком Атома. Гедеон приказал командиру полка принять командование над выступающим отрядом. Тит замялся – на тайном совещании было решено, что он должен остаться в замке. Но Гедеон не признавал возражений:

– Командующий возглавляет отряд и выступает с ним, чтобы принять участие в войне за родину! – заявил он.

Затем он взял знамя, приказал Анаит и Астхик стать рядом с княгиней Шушаник и, приложив свободную руку к груди, склонил голову перед Атомом и произнес:

– Теперь повелевай, князь!

Послышались рыдания госпожи Эстер и Аршалуйс.

– Ну-ну!.. – прикрикнул на них Гедеон. – На войне за родину слез не лоют! Прекратите сейчас же, не то…

– Разреши им, сепух, – слезы облегчают сердце, – заступился Егишэ.

– Неверно, святой отец! – разгневался на него Гедеон – Не должно быть никакого облегчения теперь!

Обе госпожи, Эстер и Аршалуйс, с полными слез глазами, приблизившись к Старшей госпоже, склонились к ее руке и хотели сбнять княгиню Шушаник, но Гедеон недовольно пробормотал:

– Сперва приложитесь к руке святого отца!

Они выполнили и это распоряжение Гедеона. Когда они простились с княгиней Шушаник и со слезами обняли девушек, Гедеон позвал отца Зангака, приложился к его руке и распорядился:

– Ежедневно служи обедни в замковой церкви и со слезами моли господа о даровании нам победы. Повтори!

– Со слезами буду молить господа о даровании нам победы, – покорно повторил отец Зангак.

Послышался смех. Но, заметив гнев на лице Гедеона, смеявшиеся умолкли.

– Полк, в дорогу! – подал комалду Атом. Полк пришел в движение. Все осенили себя крестным знамением. Гедеон снял шлем, перекрестился и громко произнес:

– Бог армян, будь ты защитой народу армянскому!.. – Высоко подняв знамя, он поскакал на своем бешеном коне вперед.

Полк взял направление на родину Артака Мокац, чтоб оттуда вернуться в Арцруник и затем направиться на север – к Зареванду.

Мрак безлунного вечера сгущался. Через горный перевал, между Хорхоруником и Апахуником, двигался полк Свободы, пополненный отрядами из войск нахараров Рштуни, Арцруни и Мокац.

Впереди выступало войско, за ним следовало народное ополчение во главе с Аракэлом, Погосом и Хандут. В рядах ополчения находились Старшая госпожа, госпожа Дестрик и Шушаник, Анаит и Астхик, Югабер, прислужницы и крестьянки, которыми окружила себя Старшая госпожа.

На высоком перевале бушевал ветер. Во мраке едва можно было различить сломленную горем мать Спарапета, съежившуюся в седле и покачивавшуюся на ходу. Какую бы неожиданную, необычайную в ее возрасте выносливость и стойкость ни проявляла эта престарелая женщина, бывшая некогда прекрасной наездницей, – ее вид не мог не вызвать жалости. Она молчала, устремив взор прямо перед собой, и лишь иногда глухо вздыхала, крестясь.

За последнюю неделю пути женщин и девушек сильно изменились. В утомительном походе истрепались их одеяния и головные уборы, обветрилась нежная кожа; несмотря на привычку к верховой езде, вымотались их силы.

Стойко держались в седле крестьянки, более привычные к лишениям. Их поношенные куртки трепал ледяной горный ветер, но они ехали, сохраняя сдержанность и спокойствие, готовые к любому повороту судьбы и даже к смерти.

Выслав конников в разведку, Атом медлил с продвижением: он одновременно ожидал сведений и от лазутчиков, которых направил к каравану отрекшихся нахараров.

С запада слепо брела по небу похожая на нахохлившегося филина, черная, дышавшая сыростью грозовая туча. Она все разбухала и ширилась. Вопреки опасениям, она не разразилась грозой, а лишь обложила туманом все небо. Мрак сгустился. Ветер спал; начал моросить мелкий дождь.

По каменистой горной тропе, в тылу полка, загрохотали копыта. Дождавшись, пока всадники подъехали, и опознав их, Зохрак направил их с одним из тыловых разведчиков к Атому. Атом придержал своего скакуна, и запыхавшийся разведчик доложил:

– Князь, прискакали гонцы из Рштуника!

– В чем дело? – спросил Атом, строго осматривая всадников. Один из них выступил вперед:

– Сепух, командующий рштунийским полком, выделил большой отряд и следует позади нас. Он идет на соединение со своим нахараром.

Атом задумался. Известие не предвещало ничего доброго. Ясно было, что здесь кроется предательство, а не простое желание поскорей встретить нахарара Рштуни. Он остановил отряд. Хорен подъехал к нему. Не было смысла двигаться дальше, имея в тылу отряд, который мог в решительный момент нанести предательский удар в спину.

– Остановимся на ночь в Багноце, – предложил Хорен. – Разузнаем, в чем дело.

– Узнавать-то нечего: тут явная измена и желание нанести нам удар! – отозвался Атом. – Придется свернуть с дороги и затеряться в горах.

Он свернул направо и подал команду:

– За мно-ой!.. Бесшумно!..

Передаваясь от передних рядов к последним, прокатилась команда: «Бесшумно…»

Полк свернул в дикое бездорожье горного хребта. Только привычные к горным переходам скакуны могли пробираться в подобную темень. Полк неслышно ушел в сторону от главной дороги. Мягкая трава горного склона едва ли сохранила отпечатки копыт, но и

они смело могли сойти за следы пасшегося здесь скота. Вместе с тем ночной мрак помог полку выйти из поля зрения следовавшего за ним на отдалении отряда, который, продолжая держаться взятого направления, должен был вскоре потерять полк из виду.

Было уже за полночь, когда полк спустился в горную долину и вошел в незнакомое село. Дружный лай деревенских псов разбудил крестьян, с оружием в руках выбежавших из своих хижин. Полк остановился и после недолгих переговоров разместился на ночлег.

Атом, сопровождаемый Хореном, обошел село, разместил посты и отдал необходимые распоряжения. С ним был также и Зохрак, ни днем, ни ночью не смыкавший глаз из опасения неожиданного нападения, представлявшегося весьма вероятным.

Старшую госпожу бережно, под руки, ввели в самую просторную хижину, которая вместе с прилегавшим к жилой комнате помещением для домашнего скота была признана наиболее удобной для размещения всех знатных участников похода. Навстречу гостям выступили хозяева – седой краснощекий старик и почтенная расторопная старушка; с глубокими поклонами они усадили Старшую госпожу и ее спутников на тахту перед очагом. За Старшей госпожой вошел в хижину и Егишэ, который, прочитав благословение, уселся перед огнем. Он ласковыми глазами оглядывал и хозяев хижины и каждый предмет в ней: ему вспомнилось собственное детство, родная деревушка…

Одна из невесток ввела за руку в хижину дряхлую старушку, которая дрожащими губами бормотала что-то невнятное. Когда она подошла ближе, выяснилось, что она шепчет молитву. Это была мать хозяина хижины, «старшая госпожа» семьи. Она подошла к матери Спарапета, склонилась к ее руке, и Старшая госпожа пригласила ее сесть рядом с собой. Растерявшись, та не двигалась с места. Старшая госпожа вновь попросила ее сесть, но старушка все еще растерянно и испуганно оглядывалась. Госпожа Дестрик взяла ее за руку и усадила рядом со Старшей госпожой. Старушка села и словно окаменела.

Дождь па дворе все усиливался. В дымовое отверстие – ердик – врывался горный ветер, занося холод и сырость.

– Приведи крестьян, промокнут они!.. – обратилась к хозяину Старшая госпожа.

– Они не под открытым небом. Старшая госпожа! – с добродушной улыбкой успокоил ее тот.

– Введи, введи их! – настойчиво повторила Старшая госпожа. Хозяин вынужден был подчиниться.

Старшая госпожа видела, что окружающие не совсем понимают ее. Она искала вокруг себя опору, которая помогла бы ей выдержать испытание, пойти на подвижничество. И эту опору она видела в народе. Всю свою жизнь эта женщина с сильной волей питала какой то странный страх перед народом. Крестьянин представлялся ей каким-то особым существом, в которое провидение вложило высшую справедливость. Но в то же время какая-то завеса заслоняла перод ней облик этого крестьянина и во время его службы в войсках, и тогда, когда он трудился, обливаясь кровавым потом, и когда случалось ей видеть его в суровом быту. И вот сегодня эта завеса спала, и народ встал перед нею во весь рост – народ, которому лишь одному по плечу было отвести великое бедствие хотя бы ценою своей праведной крови. Вот почему Старшая госпожа, как христианка, считала теперь за грех отделять себя от простого народа.

Но не только совесть христианки толкала Старшую госпожу навстречу народу. Считая народ «страной родной», она понимала, что, если жив народ, значит, существует и страна. А страна была понятием нерушимым, вечным. И теперь этому нерушимому и вечному грозила опасность. Это было чем-то похожим на конец мира, ужасным, как страшный суд. Поэтому Старшая госпожа всей душой жаждала слияния с народом. Мысль о подвижничестве рядом с народом, в его рядах, придавала ей непреодолимую силу, ина входила в народ, чтоб удержать страну от гибели.

Из крестьянскою ополчения только женщины согласились воиги Мужчины наотрез отказались нарушить покой Старшей госпожи.

Когда крестьянки, томленные и смущенные, вошли в хижину. Старшая госпожа

обратились к ним:

– Войдите, войдите, дечц мои, не стесняйтесь!.. Нет больше ни князя, ни простолюдина! Все мы подвижники, все равны перед богом. В многолюдий – народ!..

Она сказала эти слева с горячим убеждением и верой, полузакрыв глаза. Затем ьня взглянула на своих посетительниц и горестно выговорила:

– Идем вместе, может быть, вашим праведным голосом доведу я мольбу мою до господа Крестьянки молчали. Им не совсем был понятен даже смысл слов старой княгини, но они чувствовали ее большое горе и одновременно ее большую душевную силу. Это внушало им уважение к Старшей госпоже, загогорить с которой они не осмеливались.

Опустившись на корточки, они с интересом глядели на Старшую госпожу, – им очень редко приходилось так близко сталкиваться с лицом княжеского происхождения. Одно только было им хорошо известно: что во время большого горя человек забывает и свею гордость и преимущество своего положения. Большие страдания, бывшие всю жизнь уделом простого народа, помогали крестьянам смутно осознать тяжелые душевные переживания старой княгини. Их собственному существованию также грозили большие перемены: стоявшая на краю бездны родина вот-вот могла быть утрачена безвозвратно…

– Не оставляй надежды, Великая госпожа-княгиня! – набравшись смелости, обратилась к ней Хандут. – Соизволением господа и для тебя откроется дверь радости…

Госпожа Дестрик вздрогнула. Перед ее мысленным взором предстал образ «святого Спарапета», причинившего матери своей то великое горе, в котором пыталась утешить ее эта женщина из народа.

Анаит опустила голову. Она все время думала об Артаке, и грусть ее как бы временно утихла. Но когда вслух заговорили о чужом горе, ее рана как будто снова раскрылась. Слезы навернулись ей на глаза. Астхик заметила это и также приуныла.

Старшая госпожа задумалась и произнесла, словно разговаривая сама с собой:

– Страна потонет в крови… Кто ответит за кровь?..

– Ничего, Великая госпожа-княгиня! – отозвалась Хандут. – Стране гибели нет! Э-э, мы ведь все равно что земля, которую топчут ногами. Топчут нас и топчут, а мы все живы! Выживем, ничего!..

В грубоватом голосе крестьянки звучал голос страны, веками переносившей боль и страх. Это внушало слушателям надежду.

– Да услышит господь слова твои! – крестясь, пробормотала Старшая госпожа.

– Услышит, Великая госпожа-княгиня, услышит! – откликнулась молчавшая до этого старая мать хозяина. – Если что и совершил Спарапет, то, наверно, для того и совершил, чтоб мы жили… Земля-то родная должна жить или нет?!

В глубине ее потухших глаз блеснула затаенная искорка, когда она добавила:

– Чему быть, того не миновать, Великая госпожа-княгиня! Будем мы – будете и вы! Не будет нас – не будет и вас! Что же делать?

Из ердика, с высокого потолка, падали тонкие иголочки дождя, но жар очага и тепло, шедшее из соседнего хлева, защищали от холода. Сладостен был этот дождь своей грустью и одновременно – обещанием жизни. Сидевшие в хижине испытывали радость от сознания, что они защищены от холода. В другое время им, вероятно, показалась бы невыносимой эта темная хижина с прилегающим к ней коровником. Но сегодня вечером этот жалкий потолок, едва защищавший их от дождя, мирное посвистывание сверчка в запечье, дыхание животных, безмятежно пережевывавших жвачку, запах сена – все это придавало особую значительность тому, что в этот вечер происходило в хижине.

Астхик подошла к молодым крестьянкам и разговорилась с ними. А Анаит, прислушиваясь к вою ветра, летела мыслью вдаль, пытаясь силой воображения представить себе Артака, прочесть в его глазах – верно ли, что он отрекся?.. И хотя от Старшей госпожи Анаит слышала, что даже притворное отречение является грехом, но в этой мысли для нее таилчсь надежда, как таилась она в этом холодном дожде, который навевал грусть, но помогал молодым росткам наливаться жизнью. Анаит старалась не глядеть на Егишэ, на

Старшую госпожу, на госпожу Дестрик и княгиню Шушаник, доспехи которых напоминали о надвигающейся буре, о крови.

Хандут внимательно всех разглядывала, затем она толкнула локтем свою землячку и негромко рассмеялась:

– Туго им приходится! Грехи теснят, вот они и тянутся к крестьянину… До чего дело дошло, а?..

Она задумчиво взглянула на Старшую госпожу – то ли сочувствуя, то ли злорадствуя, вспоминая ли о чем, или, быть может, забывая…

– Сестрица Хандут! – подала голос сидевшая в углу пожилая крестьянка со сверкающими глазами. – Порадуй Великую госпожу, спой что-нибудь!

– Спою, отчего не спеть!.. – с готовностью согласилась Хандут, вышла на середину и села лицом к Старшей госпоже.

Она поскребла черным ногтем земляной пол, прикрыла глаза и хрипловатым, но приятным голосом завела сложенный таронскими сказителями плач о Васаке Мамиконяне – том славном армянском Спарапете, который и после смерти продолжал внушать ужас врагам и вдохновлять родной народ, не веривший в смерть своего героя.

Хандут пела о том, как издевался персидский царь Шапух над плененным Васаком:

«Это ты, лиса, истреблял мои армии? Вот прикажу я убить тебя, как убивают лисиц. Что будешь ты делать теперь?..» – «До сего дня я был львом для тебя, теперь ты меня лисой называешь? Но пока я был Васаком, меня считали гсполином: одной ногой опирался я на одну гору, другой – на вторую, И когда переносил я всю тяжесть тела на правую ногу – опускалась правая гора; когда же переносил всю тяжесть на левую ногу – опускалась левая гора!..» – «Но скажи, что это были за горы? Скажи!..» – «Одной горой был ты, другою – кесарь Византийский!..» И велел Шапух кожу содрать с храбреца и повесить велел се перед Аршаком, царем армянским, в темнице заика Ачхуш.

Ах, льва назвала лисой лиса,
Ах, со льва кожу содрать велела лиса!..

Слушатели сидели насупившись. Хандут, воодушевившись, пела дальше чуть хрипловатым своим голосом:

Горе, горе льву мы поем,
Что попал в темницу наш лев
Громко об отчизне споем
Чтоб встал наш лев живым;
Чтоб встал наш лев живым, -
Чтоб встал и тяжко вздохнул:
«Горг, дым мой, дым родной!..
Позабыт я. Но если вспомнит обо мне
Сладостный мой, дым мой родной -
Не в темнице Анхуша буду я, Васак,
Не с ободранной кожей буду я, Васак:
Лишь вдохну запах душистого дыма -
Достигну края коего родного!..»
Горе, горе льву мы поем,
Что попал в темницу наш лев.
Громко об отчизне споем, -
Чтоб встал наш лев живым!
Приди, дым мой, дым дымохода родного,
Приди, дым мой, дым мой родимый…

Послышались заглушенные рыдания. Потом наступило молчание; было слышно только, как дышат люди и как жуют свою жвачку животные… Из ердика вился дым, – а сказание говорило, что одного лишь запаха родного дыма достаточно, чтоб ожил доблестный Спарапет Васак, предательски умерщвленный врагами…

Старшая госпожа покачала головой и задумалась.

Неподвижно застывший на своем месте Егишэ встрепенулся и стал рассказывать о деяниях армянского царя Аршака Второго и Спарапета Васака Мамиконяна.

– Они любили жизнь и за нее отдали свои жизни. Победили они смерть, и вот – живы вечно! Лучше умереть и жить в памяти людей, как живое воспоминание, чем бродить живым мертвецом…

С ужином, который по желанию Старшей госпожи состоял из одного лишь кислого молока и лаваша, покончили быстро. Старшая госпожа усталым голосом благословила хозяев и улеглась на приготовленной для нее постели. Немного погодя легли и все остальные.

Атом, который вместе с Хореном, Зохраком и Гедеоном обходил посты, вызвал к себе младших командиров и наистрожайшим образом приказал укрыть коней и всадников в ущелье, весь день провести в укрытии и, оцепив село, никого не выпускать. Он распорядился расставить вокруг села дозорных, а самый полк подготовить к выступлению следующей же ночью. Затем он выслал лазутчиков на дорогу и к тем местам, куда, как предполагалось, мог двинуться рштунийский отряд Одновременно он распорядился послать сведения своим лазутчикам в Багреванд о новом местопребывании своего полка.

Однако выступлеиие рштунийцев и опасения за участь хорхорунийского полка не давали Атому покоя. Он поделился своими мыслями с Гедеоном.

– Я верну полк обратно! – уверенно заявил тот.

– Сможешь ли? – выразил сомнение Атом.

– Смогу! – подтвердил Гедеон и с удивлением спросил:- Как же это я да не смогу?!

Атом недоверчиво оглядел его.

– Смогу, и выеду, и верну! – повторил Гедеон.

Атом заглянул упрямому сепуху в глаза и почувствовал, что в этом странном человеке действительно таится своеобразная сила. Он дал согласие на отъезд Гедеона в Рштуник и Хорхоруник.

Сопровождаемый несколькими всадниками, Гедеон направился в Арцруник: это был самый краткий и удобный путь в Рштуник.

Положение неожиданно усложнилось. Могло случиться, что караван нахараров уже достиг Багреванда и отступники уже начали свое дело… Атому надо было выступить туда безотлагательно, чтоб оказать им решительное противодействие. Но вот он прикован к этой котловине и принужден скрываться со своим войском в горах, ожидая удобного случая, чтоб вырваться… Расстраивав лись вес распеты Атома. С этим не могла примириться его натура. Надо было спешить с решительным ударом.

Ночь прошла в тяжелом раздумье. Целый день Атом напряженно ждал сведений, обходя посты и проверяя бдительность постовых. Воинам приказано было не выходить из ущелья.

Уроженцы различных местностей, они понемногу привыкали друг к другу и даже начинали дружить, несмотря на то, что младшие командиры косо смотрели на это сближение.

– Эгей, собирайтесь сюда! – из укромной лощинки весело сзывал товарищей Погос. – Собирайтесь, собирайтесь сюда, орлоеды-хорхоры, конокрады-гнунийцы, медвежатники-рппунийцы, толстокожие мамгуны, золотоглоты-арцруны, сварливые могки!..

– Ну, что еще втемяшилось тебе в башку? – засмеялся Ованес-Карапет, направляясь к Погосу. Он не посмотрел себе под ноги, споткнулся о кучу щебня, свалился под откос и, скользк, долетел до самой реки.

– Камни разобьешь, безбожник! – крикнул ему вслед Погос.

Манук и Абгар, продолжавшие коситься друг на друга, хотя и ставили коней у одной коновязи, вместе водили их на водопой и спали рядышком, – дружно вскочили и подбежали к Погосу.

– А ну, братцы, давайте хоронить Азкерта! Закипела хоровая пляска. Сверкнув глазами,

Погос стремглав выбежал на середину круга и стал во главе хоровода. Мечи заблистали и засвистели над головами плясунов, кружившихся в всь явственной пляске. Как удавалось им не поранить друг друга, вероятно, не смогли бы объяснить и они сами. Видно, спасали бесстрашие да молодость.

– Стой! – во зесь голос крикнул Погос и повернулся к Ованесу-Карапету. – А ну, запевай «пляс хромых»! Выделилась группа плясунов, и хор начал запев:

Хоп, хромушка, ковыляя, припадая, -

Тпик, тпик, тпик, тпик!

Хоп о землю, бредет, ковыляя, -

Тпик, тпик, тпик тпик!..

Беспечный смех и восклицания отдавались эхом в долине. Молодые воины совершенно забыли о войне, о походе и об опасности. Вдруг со стороны села донеслись звуки сигнального рожка.

– Выступаем!.. – раздались со всех сторон восклицания. Воины побежали к скакунам.

К вечеру лазутчики донесли, что преследующий Атома отряд рштунийцев свернул на дорогу в Зарехаван и ночью, по всей вероятности, проследует через Багноц. Это было очень на руку Атому: двигаясь по следам Атома, рштунийцы ночью потеряли бы всякий его след и принялись бы разыскивать внезапно исчезнувшего из поля зрения противника». Но раньше, чем они догадались бы, что Атом от них прячется, – он успел бы действительно исчезнуть. Поэтому решено было провести еще одну ночь на месте, чтоб дать рштунийцам уйти подальше.

Однако ночью к Атому прискакал срочный гонец с донесением. о тем, что нахарары прибыли в Цахкотн, что туда уже стянуты персидские войска и ожидаются полки нахараров-отступников. Атом спешно вьпвал к себе Хорена и Зохрака.

– Дольше выжидать мы не смеем! – заявил им Атом. – Нужно быстро добраться до Цахкотна и нанести удар!

– Что же предпринимают нахарары? – спросил Хорен.

– Ничего не известно…

– Нужно было бы узнать… – задумчиво сказал Хорен.

– Нельзя нам медлить, – нужно действовать, пека не подоспели полки нахараров. Но вот вопрос-против кого, для чего и зачем идут в Цахкотн полки нахараров? И не являются ли они все предателями? Нет, нужно спешить и покончить все одним ударом!

– Когда же выступаем? – осведомился Зохрак.

– Немедленно! Оставим наших попутчиков здесь, – они догонят нас позднее, мы же быстро пойдем в обход, чтоб добраться до Зарехавана, не встретившись с рштунийцами.

.Разбудили Егишэ. Когда ему сообщили о полученной вести, он заявил, что намерен один поехать навстречу нахарарам.

Разбудили женщин, сообщили о принятом решении, и полк труднопроходимыми горными тропами выступил к Цахкцтну, в обход Зарехавана.

Медленно, с не вызываемыми никакой необходимостью остановками, караван Васька держал путь к Ангху, центру области Цахкотн. Вардан догадывался, что Васак что-то готовит. Он уже давно заметил, что Васак поддерживает постоянную связь со своими приверженцами в стране Такие же подозрения питал и Васак в отношении Вардана.

Состояние неуверенности в собственных силах царило в обоих лагерях и нельзя было определить, кто сильнее, кто является хозяином положения. Приверженцы обеих групп вынуждены были соблюдать крайнюю осмотрительность в поведении и речи, что необычайно затрудняло приттие каких бы то ни было решительных мер как с одной, так и с друюй стороны, хотя обстановка уже настоятельно требовала решительных действий.

Атмосфера сгущалась. Каждая сторона пришла к самостоятельному решению – нанести другой стороне удар в Зарехаване; затаив это решение, противники напряженно следили за каждым движением друг друга Особенно беспокоило Вардана то, что его гонец запаздывал. Что это могло означать?. Лишь около Цахкотна Вардан, наконец, решился послать в Айрарат

второго гонца, чтоб узнать причину странного исчезновения первого.

Еще не дойдя до Артаза и Цахкотна, Вардан узнал, что в народе идет сильное брожение. Одновременно до него дошли тревожные вести о том, что персидские войска занимают крепости, а в Зарехаване они даже учинили избиение жителей.

Но самым угрожающим было приближение войск, высланных Азкертом. Мысли об этом не покидали Вардана.

Село Ангх, лепившееся среди скал, точно исполинское гнездо хищной птицы, казадось, оправдывало свое название;* на каменного грифа была похожа и цитадель, в которой засело персидское войско Разбросанные тут и там строения напоминали птенцов, пригревшихся под крылом матери. Из цитадели и одного из зданий тянулся к небу дым атрушанов. А внизу, на склоне невысокого холма, лепилась почерневшая церковь.

*** Ангх – по-армянски: гриф.**

Караван остановился лагерем перед цитаделью, на зеленом склоне холма.

Из крепости спустился начальник персидского отряда и смиренно приветствовал нахараров. Дарех тотчас же отозвал его в сторону и начал с ним шепотом совещаться.

– Вот мы уже и сжаты кольцами дракона, – сказал своим друзьям Вардан, когда они стали лагерем в Ангхе.

– Скоро подоспеют полки из наших родовых областей! – отозвался Артак Мокац.

– Гонцы наши не показываются… А все наше дело зависит от быстроты, князь! – сказал со вздохом Вардан. – Пока подоспеют наши полки, пока мы успеем нанести удар – эти проглотят нас!

– Что же нам делать? – спросил Артак.

– Опередить их. Нанести им удар в Зарехаване!

– Не дожидаясь наших нахараров?

– Чем дольше будем ждать, тем больше мы ослабеем. Конец выжиданию! Мы должны опередить противника, для размышлений у нас больше нет времени!

– Не по силам нам это! – возразил Нершапух. – Не смеем мы поднять народ, преждевременно поставить его перед регулярным, прекрасно вооруженным войском. Не можем мы и открыться сейчас народу… Ведь народ, несомненно, еще не готов… А если персы заподозрят нас в мятежных намерениях, они нас схватят, уничтожат и полностью покончат с княжеским сословием. Нет! Марзпан уже сумел опередить нас. Мы находимся здесь на положении заложников, Спарапет! А по нашим пягам движутся главные силы Азкерта.

Вардан решительно тряхнул головой:

– Или теперь же – пока он едва опередил нас – мы одним ударом установим наше превосходство, или мы останемся в хвосте и уж несомненно проиграем…

– Но у нас нет никаких сил, Спарапет! – раздраженно возразил Нершапух. – Ведь простой подсчет сил…

– Да, простой подсчет сил – повторил Вардан, с укоризной взглянув на него.

Нершапух почувствовал непоколебимость его решения, понял, что Вардана уже отговорить нельзя.

– Спарапет, дождись, по крайней мере, чтоб Атом Гнуни или кто-либо из прочих нахараров пришел нам на помощь со своим полком!

– Я буду ждать лишь столько, сколько мне будет нужно для нанесения удара!

Нершапух встал с места и ушел в свой шатер. За ним последовал асарапет. Они обсудили вдвоем решение Вардана.

– Не по силам нам это, ты прав! – покачал головой азарапет. – Попытаемся удержать его… Потонет в крови наше начинание!

Артак, оставшийся в шатре Вардана, грустно задумался над разногласиями среди сторонников Вардана. Что же выходило – Вардан оставался одинок, без поддержки?..

– Больно признаться мне, князь, но даже и близким друзьям моим недоступно многое… – Голос Вардана звучал скорбно. – Нершапух Арцруни – умелый воин, ему я доверил бы ведение любого сражения. Но недоступна ему истина…

Артак не понял – о какой истине говорил Вардан, но, глубоко доверяя Вардану и почитая его, юноша не решился переспрашивать Молчание и бездеятельность Вардана сильно смущали Васака. Почему так скромно и покорно ведет себя этот неукротимый таронец? Что таит он в глубине своей пылкой души, не обдумывает ли какого-нибудь грозного удара?..

– Видите, он все молчит! – заметил и Манэч Апахуни, – Видно, взвешивает силы.

– Словно попавший в капкан старый волк! – усмехнулся Гадишо.

– Уж заюворил бы лучше!.. – сетовал Васак. – Ничего хорошего не предвещает это его молчание. Оно опаснее, чем все его слова.

– Но почему бы нам не упрятать его?.. – воскликнул Манэч, которому эта мысль показалась блестящей. Васак горько усмехнулся.

– Чтоб прославить его как подвижника? – хмуро спросил он. – Чтоб немедленно вызвать мятеж? Нет!.. От меня требуют не кровопролития. Надо предупредить восстание, надо добиться от него покорности без пролития крови – вот в чем моя задача!

– Но каким образом? – с отчаянием спросил Манэч.

– Надо поставить его перед численным превосходством объединенных войск – наших и персидских!

– А возможно ли это?

– В Зарехаване будет возможно.

Однако беспокойство Васака усиливалось. Все поведение Вардана, его молчание, ею замкнутость совершенно не вязались с характером волевого, пылкого и деятельного Спарапета.

«Нет, нет, какое-то большое безумие затевает он!.. – думал Васак, сидя в одиночестве в своем шатре. – Нужно узнать, нужно предупредить…»

Спустилась тьма. Вардан прилег на бурку и, заложив руки за гогаву, стал вслушиваться в голоса ночи, обдумывая предстоящие действия. Он мысленно вернулся к своему прошлому, вспоминая, как служил персидской державе, к своим путешествиям, к испытаиям, выпавшим на долю родной стране, к вековым притеснениям, которым она подвергалась со стороны персов, к вековой борьбе народа с персами.

Что же помогало стране Армянской, чем спаслась она, благодаря чему уцелела? Когда и чем спасется она в непрекращающейся борьбе от постоянно заливающих ее потоков крови? А теперь еще и это, величайшее из испытаний!.. Чем оно кончится? Что предпринять, чтоб предупредить удар?..

Вардан припомнил арташатское собрание, данный там обет, народное восстание, свои военные меры и возложенные на князя Амазаспа тяжелые обязанности. Мелькнула мысль, что час испытания наступил ранее, чем его ожидали, и вот он несет гибель и армянскому народу и ему – спарапету народа. А что, если уже поздно? Но вгдь он не имел возможности действовать раньше! А теперь дракон тесно сдавил их своими кольцами, и он не может пробиться в Зарехаван, чтобы подготовито ответный удар. Но ведь и сил для этого удара пока еше нет; да он и сам не знает, какие силы для этого потребуются… Вести о народных восстаниях радовали и обнадеживали Вардана. Как воин он видел, что это стихийное движение имеет и свои слабые стороны: им трудно было руководить, трудно было бы заставить повстанцев подчиняться правилам ведения боя, и организованные военные силы

герсов легко разгромили бы их.

Вардан давно и не раз задумывался над участью родной страны. Теперь же казьлось, сама жизнь поставила перед ним задачу – решить судьбу армянского народа. Пора бы покончить с этим состоянием длившейся веками агонии Вардан вышел из шатра, стал у входа. В десяти-пятнадцати шагах безмятежно похрустывали кони и били копытом. Спали воины персидского отряда Ветер доносил снизу, из долины, журчание и прохладу речки.

Вардан отошел от шатра. И тотчас же рядом вырос Арцви.

– Спарапет?

– Следуй за мной.

Громко заливались цикады, наполняя воздух ликующим стрекотанием.

Вардан подошел к холму. Внизу шумела речка. Напротив виднелась церковь; окна и двери ее светились, – там служили вечернюю обедню. Перед глазами Вардана сновь возник по арташатское собрание, принесение обега католикосом, пастырями, нахарарами и народом, чтение ответного послания Акерту. Казалось, все это било во сне… Мог ли он представить себе, что когда-нибудь ему придется тайком и издали наблюдать церковную службу, во время которой народ, возможно, вынесет решите против него!..

Горячая волна стыда залила лицо Вардана. Где же подвижничество? Где обет, дангнй «перед лицом бога и народа»? Народ готот выполнить свой обет, не задумываясь над тем, сможет ли он противостоять вражескому войску, не взвешивая своих сил, не учитывая своих возможностей, пе заботясь о том, останется ли он жив, пли бесследно погибнет… Нет! Народ поднялся, чтобы держать ответ «перед богом и людьми» мужественно и прямо, без двоедушия… Но разумна ли подобная отвага? Не приведет ли она иарод к гибели?

Печальная улыбка пробежала по лицу Вардана. Что было бы, если б в Персии он оказал сопротивление и принял мученический конец? Была бы в этом хоть капля надежды на спасение народа? Принесло бы это пользу народу? Над этим он и задумался.

– Так ли это?.. – вполголоса выговорил он. Сердце его билось, как если б он сделал важное открытие. Арцви выступил вперед:

– Что, Спарапет?..

Вардан не отозвался. Всеми силами души ухватился он за это подобие надежды. Неужели впервые почувствовал он ее? Нет, конечно, нет! Она яплялась ему и раньше не раз на протяжении всей его жизни. Но в эту ночь, в этот критический для страны час, когда его душа достигла крайней степэни отчаяния, надежда вспыхнула подобно яркому факелу. Это была надежда на то, что и после гибели воина-подвижника останется нетленным и живым нечто равноценное его жизни, и останется оно не в загробном, потустороннем мире, а в мире живых… В этом и заключается высший смысл подвижничества!

Вардан мысленно вернулся к темнице Азкерта, в которой он хотел принять мученическую смерть. Его товарищи сочли неразумным это желание, уверенные в том, что с их гибелью погибнет и весь народ, что даже если б погиб один только Спарапет, и то гибель угрожала бы всему народу. Была ли истина в этом Мнении? Теперь Вардан ясно видел то, что тогда постигал с трудом: истины в этом не было! Разве может народ погибнуть? Нет! Народ остался бы жить, он бы продолжал борьбу. Именно так и жил армянский народ. Жизнь народа – это жизнь в веках. Из поколения в поколение жил бы народ, борясь, проносил бы он с собой стремление к свободе и когда-нибудь, где-нибудь дошел бы до ее пристанища. И счастливые поколения, спасенные ценой подвижничества своих далеких предков, жили бы свободными. Вот жизнь народа, вот ее смысл!

Во тьме черной громадой высился Масис, хмуро погруженный в свои вечные думы. О чем он думал? О вечности? Только Масис мог думать о ней, в ней была его сила… То, что преходяще, то, что подвержено смерти, не имеет отношения к этой древней горе!

Вардан задумчиво смотрел на Масис, как бы пытаясь разглядеть лампаду, которая, по преданию, незримо подвешена к небу над его вершиной. Он вспомнил слышанный в детстве рассказ няни о том, что пока горит над Масисом эта неугасимая лампада – будет жить и армянский народ. Чудом была эта не поддерживаемая ничем лампада, но не чудом ли был и

этот маленький народ, который жил и живет без могучей поддержки? Да, великий смысл таится в этой древней горе! Именно у подножия Масиса открыл свои глаза народ, на него смотрел и у него учился мудрости. Из века в век этот мудрый исполин вдохновлял глядевший на него народ. Он, этот исполин, вознесся ввысь из земли так же, как и народ Нет! Не надо опасаться за жизнь народа!.. Он будет жить!

«Нужно решительно поднять его на войну, – говорил Вардан сам с собой. – И пусть борется! Он не погибнет…» И если сам Вардан не сможет очиститься от грязи, которую взял на себя, находясь среди врагов; если напрасны будут его попытки и никто не сможет счгчмь несовершившимся совершенное – пусть, по крайней мере, народ останется чист и чистым пойдет на подвижничество!

– Если бы я мог искупить мой грех спасением народа! – пробормотал Вардан.

Трудно, невероятно трудно спасти армянский народ. В подвижничестве его спасение, в подвижничестве непрерывном, из поколения в поколение, – до тех пор, пока не откроется перед ним дверь свободы!

Тяжелой была ночь и для Васака. Он решил приступить к действиям в Згрехаване, сделать там первый шаг, раскрыть карты перед Вардашы и, оставив свою двусмысленную политику, действовать открыто и решительно. Ведь на него глядели Азкерт, Михрнерсэ, жрецы, приверженцы и вся страна!.. Но куда вел избранный им путь? Ведь то, что он задумал, называлось изменой. Именно так называлось в стране Армянской то дело, которому он решил себя посвятить. Но что представляло собой это дело в действительности?

Сейчас, когда Васак сделал окончательный выбор, он еще раз задал себе этот вопрос и принялся обдумывать его.

В шатре трепетал огонь масляного светильника, тень колебалась снизу вверх и слева направо. Уставив глаза в одну точку, Васак думал. Что же было его конечной целью? Создание сильной армянской провинции в составе персидской державы, как он однажды сказал в беседе с Гадишо? Пустое! Этим необдуманным словом он обмолвился только для того, чтобы скрыть свою истинную мысль. «Сильная провинция» не спасет положения. Сильная провинция может ослабеть и потом снова окрепнуть, но и в том и в другом случае она будет зависеть от произвола большой державы. Не какую-то «сильную провинцию», а независимое, сильное армянское государство – вот что надо поставить себе целью и задачей!

– Независимое, сильное мое государство… – прошептал он едва слышно даже для самого себя.

За выпуклым лбом рождались мысли одна другой смелее, Умные проницательные глаза Васака под нависшими бархатистыми бровями, не мигая, устремлены были в ночную даль; на горизонте, выставив горбы, тянулся к западу караван гор Армянского нагорья. На торжественно раскинувшемся небе пылали, точно пламенные мысли, яркие звезды. Это была вселенная, задумавшаяся над своей исполинской тайной.

А внизу перед Васаком раскинулась страна, которую природа, по крутой и беспощадной своей воле, точно изрубила мечом: суровые утесы и ущелья, в которых чувствовалась упрямая сила.

Васак унесся мыслью к своим родным горам, глядя на которые он всегда чувствовал эту извечную неукротимую волю природы. Сколько исколесил он по своей родине – по Айрарату, Кордрику, по суровой Армении, – и повсюду видел устремленный на него повелевающий взгляд родных гор и ущелий, скал и лесов. «Это должно свершиться!..» – точно твердила ему постоянно страна.

– Независимое, сильнее мое государство!.. – повторил он и, сжав смуглую руку в кулак, подпер им подбородок, наклонился вперед, глядя в темноту. «Освободить Армению и от персов и от византийцев? Этого невозможно добиться путем открытого вооруженного сопротивления! Так будем добиваться иным путем!.. Медленно, но неуклонно двигаться к этой цели, выжидая, непрерывно меняя позиции, перекрашиваясь. Вода пробивает камень не силой, а непрерывностью своего падения… Необходимо немедленно избавиться от этого взбесившегося таронца, подавить мятеж, занять страну персидскими войсками… За этим

последует иранизация народа?.. Пусть! Иранизироваться, чтоб вновь стать армянами!.. Иранизироваться, чтоб избавиться от иранцев!.. От ненавистных, деспотичных, насилующих волю и душу народа иранцев! Выместить всю злобу, накопившуюся за порабощение, за вынужденное лицемерие и пресмыкательство! Утолить ненависть, священную ненависть, знакомую лишь рабу, льстецу, униженному…»

– Настал день! – прошептал он и, сильно встряхнувшись, присел на ложе, бросил взгляд в сторону шатра Вардана. Там было темно. Спит, значит, смутьян. Пусть спит! Кончается его время. А в Зарехаване оно и вовсе кончится. Тогда начнется уже новое время – время Васака.

В эту ночь мысли Васака как будто прояснились. Казавшееся трудным, стало легким. Наконец-то всходит его звезда! Васак исполнился новой страсти, страсти деятельности, жажды успеха, славы и власти. И удивительно – как будто потускнели даже образы его детей… Они превратились в какие-то бесплотные видения, потеряли ощутимость. Туман властолюбия поглотил их. Их освобождение стало казаться делом нетрудным, которое можно решить одним ударом… Да и все стало казаться легче достижимым: страсть ослепила Васака.

Глубоко вздохнув, он лег на спину, прикрыл глаза, но не засыпал. Сладостно было бодрствование, рождающее сны наязу, Эти сны убаюкивали Васака. Он не слышал цикад, певших гимн но,чи ни шороха ветерка, ни голоса неведомого и грозного грядущег.

Васак вышел из шатра, взглянул на юг. Звезды плыли по синему бархату неба, трепетали, мигали лучистыми ресницами, глядели глазами вечности.

На рассвете у шатров Гадишо и Артака Рштуни закопошились скользящие тени: прибыли гонцы.

Гадишо велел ввести к себе гонца из Хорхорунька.

– Ну? – холодно и спокойно осведомился он.

– Государь, князь Хорен вместе с нахарарoм Атомом Гнуни выделили отряд из нашего полка и увели в Тарон. Мы следовали за ними тайком. Они побывали в Рштунике, Могке, Арцрунике, повсюду набирали отряды. Сейчас двигаются сюда.

– А вы что, спали до сих пор? – все гак же спокойно спросил Гадишо, поднимая на него глаза. – На краю света я был, что ли?.. Почему не дали знать вовремя?

– Государь, мы направились по кратчайшей дороге, прямо в Артаз…

– Еще короче можно было выбрать путь – через Тизбон. Почему вы не отправились и туда?.. Остальные умники также были с тобой?

– Так точно.

– И никто не догадался оказать сопротивление нахарару Гнуни?

– Никто, государь. С радостью выделили отряд! Ведь с ним был и князь Хорен.

– Ну и глуп же ты, приятель! Ладно уж, ступай.

Гонец вышел.

Протирая спросонья глаза, вошел Артак Рштуни в сопровождении прибывшего своего приверженца – сепуха Зандагана, который сумел ускользнуть от Атома. Нахарар Рштуни поделился с Гадишо новостями, которые привез Зандаган. Дерзкий поступок Атома так разъярил его, что он бочьше не мог спать. А Зандаган доложил, что, не довольствуясь сдачей замка Атому и передачей отряда в его распоряжение, сепух Гедеон вернулся с полдороги назад и запретил отправить полк в Зарехаван к нахарару Рштуни.

Артак Рштуни дрожал от бешенства.

– Он посмел вывести против меня мой же полк! Он задержал и повернул обратно мой полк, шедший мне на помощь!.. Да я велю кожу содрать с него!.

Рассказ Зандагана о дружелюбном отношении населения Рштуника к Атому еще более задел и без того уязвленное самолюбие нахарара Рштуни. Гадишо был мрачен. Вместе с Артаком Рштуни он направился в шатер.

Нахарары, приверженцы Вардана и Васака, сидели в шатре Васака, когда служитель доложил:

– Государь, прибыл Деншапух!

Васак резко выпрямился и с беспокойством в голосе приказал:

– Прикажи встречать!.. Пригласи сюда!

Вардан нахмурился. Азарапет и Нершапух быстро переглянулись.

Деншапух вошел в сопровождении Дареха, Ормизда и могпэта Михра. С ними же был и молодой сепух, родственник Васака, привлекавший всеобщее внимание своим сходством с обезьяной.

Склонившись в приветствии перед Васаком, Деншапух обратился к присутствующим, искривив лицо в лицемерной улыбке.

– Привет владетелям страны Армянской!.. Радости и мирного преуспеяния!

Столь же цветисто приветствовал его и Васак:

– Благодати и исполнения желаний! В добрый час прибыли!.. Благоволите пожаловать!..

В неискренних и высокопарных выражениях Деншапух поздравил нахараров с их обращением в веру Зрадашта. Могпэт дал им свое благословение. А Вехмихр, обрадованный тем, что Деншапух потерпел явную неудачу в своей попытке силой добиться отречения армян от веры, и надеясь, что этого добьется или он сам, или, в крайнем случае, Васак, подчеркнуто заявил о своей искренней радости по поводу прибытия нахараров.

– Вовремя изволили прибыть, государи, а то все пришло в расстройство, – сказал он, чтоб уколоть Деншапуха.

Тот притворился, что не слышит; более того, он старался выставить себя в роли назначенного Азкертом и Михрнерсэ распорядителя судеб страны, которому должен подчиняться и сам марзпан.

– Я ждал тебя и подготовил все для того, чтоб облегчить тебе дело, – заявил он Васаку. – Я распорядился занять крепости и разогнал мятежников… Тебе остается лишь продолжать начатое!

Васак отвел ненавидящий взор и злобно пробормотал:

– Когда приступим к делу, тогда и выяснится – все трудности впереди…

На дороге, ведущей к Ангху с запада, показалось большое скопление народа; подобно спустившейся на землю черной туче, народ направлялся в город. Высокие столбы пыли указывали, что вместе с пешими двигаются и конные.

– Вот он и появился, на радость нам! – не без насмешки обратился азарапет к Вардану. – Идет народ – готовься ответ держать!

– Что это? Что за толпа?.. – спрашивали со всех сторон.

Нахарары высыпали из шатра Васака. Артак подошел к Вардану, который, заслонив глаза ладонью от солнца, сумрачно глядел в сторону приближавшейся толпы. Уже было видно, что толпу ведет за собой человек в монашеском одеянии. Его черты были едва различимы, но Вардан догадался, кто это, и побледнел.

Издали послышался громкий перезвон церковных колоколов. Эти знакомые звуки, которые в обычное время несли людям только мир, сейчас потрясли нахараров, напомнив им события, которые произошли в Арташате. Казалось, опять движется разъяренная толпа с исступленным иереем Гевондом во главе… Этот звон звучал боевым вызовом…

– Свяжемся с народом! Откроемся перед ним, может быть, добьемся успокоения, – предложил Шмавон.

– Наоборот, этим мы только ухудшим положение. Сейчас это означало бы подлить масла в огинь! – со страхом отозвался азарапет. – Весть молнией облетит страну и вызовет страшную смуту.

– Нет, нет, это невозможно! Разве теперь время открываться?! – горько усмехнулся Нершапух.

– Но что-нибудь все-таки следует предпринять. Спарапет, – обратился азарапет к Вардану, – пошлем людей, чтоб отговорить их от необдуманных шагов…

Вардан вспылил:

– Что ж, вы и народ хотите склонить на «притворное» отречение?.. И его совестью

желаете торговать? Оставьте! Народ на это не пойдет. Он знает, что ему делать.

– Но ведь он наткнется на регулярное войско персов! – с гневом подчеркнул Нершапух.

– Ничего, зато душа у него не безоружна, – с насмешкой отозвался Вардан, улыбаясь не то с горечью, не то со злобой.

За приближающейся толпой наблюдал и Васак со своими приверженцами.

– Толпой идут! Смертью пренебрегают!.. – в ярости бормотал Васак. – Точно на праздник идут, на торжество!.. Он не отрывал глаз от приближавшейся толпы.

– И как дерзко, как бесстрашно и спокойно!.. Не знают они, что ли, куда идут? Не думают об этом, не видят?

Толпа текла непрерывно, становилась все плотней и принимала угрожающие размеры.

Васака охватила тревога. Разрушались все его планы. Ставилось под угрозу его решение нанести удар противнику по прибытии в Зарехаван. Теперь уже нельзя было ждать подхода к Зарехавану всех персидских сил. Надо было немедленно по прибытии сюнийского полка исполнить задуманное: уничтожить или заключить под стражу приверженцев Вардача и подавить восстание.

Положение было чрезвычайно напряженное, хотя его и прикрывало внешнее безразличие и спокойствие.

В Ангхе разрасталось волнение. Заметны были скопления жителей, по-видемому, подбивавших друг друга на действия.

Из толпы вырвался всадник и поскакал к шатрам нахараров. Васак выглянул узнать, что случилось.

Пристально вглядывался в скачущего и встревоженный Вардан.

Всадник подскакал и придержал лоня. Видно было, что он хочет обратиться к Вардану, но Васак взглядом остановил его.

– Говори, с какой ты вестью…

Всадник замялся, но, не смея ослушаться приказа Васака, заговорил, обращаясь все же к Вардану:

– Государь Спарапет, прибыла Мать-госпожа с другими женщинами…

Вардан вздрогнул. Это было превыше всяких ожиданий. Это было уже невыносимо! Куда она едет и зачем? Чтоб вершить над ним суд?! О, эта глубокочтимая, могучая и страшная мать!..

В шатре царило оцепенение, стало тяжело дышать, как перед грозой. Все напряженно ждали, чтоб, наконец, разразилась буря. Сознание ложности положения сковывало волю каждого. Никогда еще так отчетливо и грубо не чувствовали и Васак и Вардан этой кричащей ложности своего положения…

Положение ще больше усугублялось поведением прибывшего вместе с Деншалухом молодог сепуха, сына близкого родственника Васака, чуьствсвавшего себя у марзпана свободно. Во время пребывания в Тизбоне он услышал об отречении нахараров, поспешил в Армению и, узнав в Зареванде, где находятся нахарары, направился к ним.

Видно было, что он много общглся с персидскими сановниками и привык пресмыкаться перед ними. Данное ему при крещении имя Степапноса он сменил в Персии на прозвище Пероз-Вшнасп-Тизбони. Одевался он на персидский лад – в короткий кафтан – и завивал локоны. На его бабьем лице блуждала глуповатая улыбка, выражавшая бессмысленную радость.

– Шесть лет я прсжил в Тизбоне! – расска ывал он. – Очень много должностей мне предлагали, но я не соглашался. На одном торжестве царь царей взглянул в мою сторону и, кажется, заметил меня. Когда я спросил служителя азарапета, тот подтвердил, что царь царей действительно посмотрел на меня. По-этому поводу возник большой спор. Один из слуг – повар, с которым я познакомился в доме, расположенном недалеко от кухни царя царей, – твердо и непреклонно утверждал, что царь царей посмотрел на меня. Весьма счастливый был день!..

Пероз-Вшнасп-Тизбони блаженно вгдохиул и мечтательно прикрыл глаза,

наполнившиеся слезами умиления.

– Наши сепухи – люди неотесанные, – продолжал он. – Если бы они, подобно мне, терлись во дворце, общались с каждым поваром, слугой, дворцовым мальчишкой, евнухом – в этом ведь ничего дурного нет!.. – они были бы много образованней! Человек должен стараться быть разумным. Унизят тебя, а ты стерпи; смеются над тобой – стерпи… Веди себя смирно – может быть, и вознесешься когда-нибудь высоко… Так выдвигаются персидские вельможи. Мудрость именно в этом.

Среди напряженного и тягостного молчания нахараров униженные речи Пероза-Вшнаспа-Тизбони звучали особенно раздражающе вызывая глубокое отвращение. Он выкладывал свои изречения с таким самодовольством, что становился похож на павлина, любующегося своим хвостом. Принимая общее молчание за проявление интереса к его болтовне, он расходился все более и более. Отреченпе нахараров окрылило его.

Вардан просто не слушал его, не удостаивал взглянуть на него. Раза два Пероз-Вшнасп-Тизбони обратился к нему с каким-то вопросом, но не получил ответа. Вардан, раздвинув полог шатра, смотрел на равнину, где наблюдалось оживленное движение каких-то всадников. Васак был поглощен своими мыслями. Он слушал глупого родича рассеянно, но считал неудобным прерывать его или целать ему замечания в присутствии нахараров. Гют и Манэч рассматривали Пероза с любопытством. Гадишо хмуро выжидал, когда он замолчит. Один лишь Артак Мокац слушал его внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова. Скопище приближалось и становилось все более и более мноюлюдным. Вскоре оно так разрослось, что Васак встревожился уже не на шутку. Загадочный людской поток разливался, как наводнение.

Васаку вспомнилось одно обстоятельство: начиная от Артаза и до самого Ангха он постоянно замечал позади каравана и по сторонам, по склонам гор и в ущельях, какие-то тени, которые то сгущались, то таяли и исчезали, чтоб вскоре появиться вновь. Васак не мог знать, что такие же тайные пешие и конные лазутчики сопровождали и Атома, и Деншапуха, и персидские отряды, постоянно общаясь друг с другом и ни на миг не прекращая наблюдения.

Васака изумляло и больше всего приводило в ярость то обстоятельство, что народ действовал с каким-то спокойным упорством, не спрашивая разрешения ни у кого, не считаясь ни с каким правом, с препятствиями, с опасностью, ни даже со страхом смерти.

– Не уничтожишь же весь народ! – глядя на приближавшуюся толпу, пробормотал Гадишо. – Нам нужна страна, а не ее гибель…

– Проклятие сеятелям смуты!.. – со злобой и беспокойством шептал Васак.

Да, народные массы становились нешуточным препятствием на его пути Вскоре подоспеют полки приверженцев, тогда он нанесет удар. Но что, если вмешается вот эта разъяренная толпа? Васак почувствовал, как его обдало холодным потом.

Он решил ждать, когда придут полки его приверженцев. Тогда он сможет выйти не только против Вардана, но и против народа, он сразу заставит смириться всех противников и таким образом избежит кровопролития. В противном случае страна превратится в руины, залитые кровью…

Тем временем Пероз-Вшнасп-Тизбони не прерывал своей неумолчной болтовни по-персидски:

– Князь Атрвщнасп весьма одобрял вероотступничество армян и лично выразил мне свое удовлетворение. Сидели мы с ним – он там, а я напротив, в двух шагах. И вот улыбнулся он мне и промолвил: «Это хорошо, хорошо!..» Я уже привез из Тизбона жрецов для нашей семьи и для семей моих родичей-сепухов. Сам-то лично я увезу сына в Тизбон, чтоб он совсем забыл армянский язык. Пока не будет забыт армянский, невозможно хорошо изучить персидский. Ну а ведь мы сейчас уже не армяне, мы – персы. Мы должны знать персидский лучше персов!

Внезапно, среди общего безмолвия, прозвучала оглушительная затрещина. Это Артак Мокац быстрее мысли вскочил с места и бросился к Перозу-Вшнаспу-Тизбонк. И пока тот

одурело тряс головой и потирал точно обожженную крапивой щеку, Артак схватил его за руку, потащил к выходу и с силой вышвырнул вон из шатра. Пероз-Вшнасп-Тизбони пролетел пять-шесть шагов, упал, растянулся и потерял сознание.

Дворецкий Васака вместе с несколькими служителями подняли Пероза-Вшнаспа-Тизбони и унесли в соседний шатер.

Вардан даже не повернул головы в ту сторону. Деншапух, привскочив, с яростью уставился на Васака. Остальные также глядели на марзпана выжидающе. Но Васак не сделал ни одного движения, хотя краска залила его лицо Артак вернулся и уселся на старо? месте как ни в чем не бывало.

Все чувствовали, что его дерзкая выходка, да еще в присутствии персидских вельмож, сильно задела Васака, и ждали, что сейчас марзпан вспылит и произойдет столкновение. Но Васак сдержался, стараясь сохранить достоинство.

Вардан продолжал смотреть вдаль, проявляя полнейшее пренебрежение к Васаку. Остальные спешно обдумывали, как им вести себя в случае, если между Васаком и Артаком произойдет столкновение. Но, взглянув на Васака, сообразили, что тот затаил месть, чтобы наверняка утолить ее при более благоприятных обстоятельствах.

Васак застыл, сидя в кресле, в надменной неподвижности статуи. Не двигался и Вардан…

Было понятно все, что скрывалось за молчанием обоих противников, но никто молчания не нарушал. Лишь два-три нахарара прокашлялись и переменили позу на своих подушках.

– Бывает ли, чтоб сорока замолчала хоть на миг?.. – спросил, наконец, азарапет, как бы обращаясь с вопросом ко всем. – Говорят, она никогда не перестает трещать…

– Нет, иногда случается, что перестает! – возразил Шмавон. – Когда испускает дух!

– А-а-а!.. – отозвался азарапет, кидая ядовитый взгляд на Васака.

Васак величественно поднялся, давая этим знать, что совещание окончено. Вардан почтительно с ним простился и удалился вместе с остальными нахарарами.

Едва сдерживая ярость, Деншапух обратился к Васаку:

– Что же это происходит, государь марзпан?

– Что ж, безмозглый родич – все равно что физическое уродство. К сожалению, от него не избавишься…

– Но князь нанес оскорбление всем нам!..

– Ну а мы не примем оскорбления. Деншапух со злобой кусал губы.

– Государи, – заговорил Васак со спокойным достоинством, – царь царей послал вас сюда не для того, чтоб мы по всякому пустому поводу затевали войны между обоими народами! Вооружитесь необходимым терпением…

Персы удалились. Но подстрекаемый Ормиздом, Деншапухом, Вехмихром и Дарехом, могпэт Михр, не считаясь с положением к званием Васака, поднял на ноги всю массу фанатических жрецов, призывая их готовиться к войне. Положение стало крайне угрожающим.

Людской поток, возглавляемый Егишэ, слился с другим потоком, впереди которого шли католикос, Гевонд, Езник Кохпаци и епископы – участники арташатского собрания; они все вместе вошли в Ангх и расположились вокруг церкви.

В этом многолюдье смешались представители всех слоев населения – крестьяне, ремесленники, монахи. Особо выделялись отряды народного ополчения во главе с Аракэлом, Погосом и Хандут и группа женщин во главе с матерью Спарапета. Разглядывая кресты, хоругви и дубинки в руках монахов, Погос подмигнул Аракэлу:

– Монастырем запахло – крестами и хоругвями!.. Как бы и нас в конахов не обратили, хе-хе-хе!.

– Брось, не время!.. – усмехнулся Аракэл. – Лишь бы сражались…

– И то верно! – согласился Погос.

Люди Аракэла, собравшись вокруг своего вожака, смотрели в сторону персидского

лагеря. Аракэл обратился к товарищам:

– Вот и пришли они с войсками и со жрецами… Чего же мы еще ждем? Ударим!

– Ты так думаешь? – с радостью подхватил Погос.

– Да. Или мы – или они!..

– А князь Атом разрешит? – усомнился Погос.

– Конечно!

– Попросим, чтоб разрешил!

– Разрешит – хорошо, не разрешит – мы на него не посмотрим. Сейчас и ударим!

В это время мать Спарапета со своими спутницами вошла в церковь.

Католикос вышел ей навстречу и воскликнул, воздевая руки:

– Да поддержит тебя сам господь в сей жестокий час, скорбная мать! Неси крест свой, как подобает подвижнице.

Изнемогавшую от усталости Старшую госпожу поспешили усадить. Дестрик и остальные женщины остались стоять на ногах. Старшая госпожа затуманившимися глазами взглянула на католикоса и дрожащими губами спросила:

– А где Спарапет армян, Вардан Мамиконян?

Католикос не знал, что сказать. Он только смог вымолвить:

– Уповай на господа, дочь моя! Спарапет, конечно, поспешит прибыть, чтоб увидеться с тобой.

– Он все еще среди войск тирана?

– Но, может быть, он еще не знает о твоем прибытии, Старшая госпожа…

– Сообщите ему сейчас же, пусть придет!

– Сообщим немедленно, Старшая госпожа. Мера долготерпения госпожи Дестрик переполнилась; вспыхнув, она воскликнула во всеуслышание:

– Он придет и без вызова, Мать-госпожа. Ему нечего скрывать от тебя!..

«Скоро, скоро откроется тайна!.. – думала она про себя. – Тогда имя Вардана Мамиконяна будет так же свято, как прежде. Но если его постигло несчастье, если отрекся он от родины и от самого себя – о, тогда я сама, супруга Спарапета, своей крсвью смою это бесчестие.. Я опять возвышу его имя потомка Мамиконянов!..»

Среди тяжелого молчания раздался исступленный призыв католикоса:

– Будьте готовы к подвижничеству, деги мои!..

– Да будет!.. Приемлем!.. – отозвались со всех сторон.

Гевонд приступил к вечерней службе. Народ готовился вийти против превосходящих сил врага.

Погос глубоко вздохнул. У него отлегло от сердца. Прошел страх смерти, вернее – страх за судьбу родины. Аракэл обра гился к Погосу и Хандут:

– Идите соберите народ!

Они вышли из церкви и направились к месту сбора. Народ тотчас окружил их.

– Что решили? – спрашивали со всех старой.

– Решили выступить. Или мы – или они! – отозвался Погос.

– А-а-а!. – в один голос протянула толпа. – Кончим уж раз навсегда!..

– Лучше раз умереть, чем десять раз бояться смерти! – воскликнула Хандут.

В церкви служили молебен, когда снаружи псслышался сильный шум Выглянув, молящиеся увидели приближавшиеся многочисленные огни. Вначале показалось, что выступило персидское войско, но вскоре стало видно, что это идут одетые в белые хламиды жрецы во главе с могпэтом Михром Залитые кровавым отсветом факелов, они с пением гимнов двигались к церкви и угрожающе поглядывали на народ, стоявший стеной на их пути. Послышались голоса:

– Куда, куда они лезут?!

– Сгинь, богохульственный дьявол. Огонь священный да поглотит тебя! – возгласил могпзт.

Втиснувшись в церковь и высоко над головой подняв свой жезл – храфгдрахнан,

эмблему своей власти, он яростно сверлил толпу своими круглыми черными глазками, пытаясь вместе со жрецами прорваться к алтарю.

Старшая госпожа вскочила; губы се сводила судорога ненависти и гнева.

– Куда?.. – крикнула она.

С неожиданной силой метнувшись вперед, она схватила могпэта за руку и, проклиная его хриплым, прерывающимся голосом, приказала:

– Удались, сатана!.. Уходи!

Могпэт грубо толкнул ее, и она упала. Подбежавшие женщины подняли оскорбленную Старшую госпожу и хотели кинуться на обидчика, но могпэт уже добрался до алтаря.

– Сдай церковь и удались, не ведающий веры истинной! – крикнул он Гевонду.

Толпа ответила гневным рокотом. Не прерывая молебствия, Гевонд метнулся к ризнице, схватил свой пастырский посох из кизилового дерева и ударил могпэта по голове. Могпэт зашатался. Жрецы, вопя, подхватили его и не дали ему упасть. Оправившись, могпэт вместе со жрецами рванулся вперед. Гевонд наотмашь колотил своим посохом. Жрецы пытались сопротивляться, но принуждены были отступить под градом ударов.

Могпэт завопил было:

– Священное избиение!.. – но, не докончив, упал.

Несколько жрецов подхватили его и вынесли из церкви, остальные яростно набросились на молящихся, – те на миг отступили. Гевонд вырвался вперед, призывая верующих к сопротивлению, однако жрецов было много и они продолжали избивать народ внутри церкви.

Но тут снаружи послышался топот многочисленной толпы: это Аракэл напал на жрецов. Раздался зычный голос Погоса и гортанный клекот Хандут:

– Подождите, сейчас померкнет ваше солнце!

– Сейчас потемнеет у вас в глазах!

Почуяв опасность, жрецы высыпали на паперть, и свалка продолжалась уже там. Два-три жреца вскарабкались на выступ стены и начали звать персов на помощь.

Это еще более разъярило толпу.

– Войско на помощь зовут? А ну, выходите против их войска! – воскликнул Аракэл, выхватывая меч.

За ним последовали Погос, Хандут, Ованес-Карапет и Сероб, призывая народ гнать персов. Толпа еще колебалась, когда внезапно появившаяся Старшая госпожа обнажила свой меч и крикнула хриплым старческим голосом:

– Идем! Родина за нами! – Поровнявшись с Хандут, она пошла вперед вместе с нею.

Страшась за ее жизнь и прикрывая ее собой, следовала госпожа Дестрик, увлекая своим примером остальных женщин. За ними хлынул народ: в жестокой игре со смертью он обретал надежду на спасение и жизнь.

Никто не мог предвидеть, как повернутся события, не мог предугадать их или полностью осознать их в этот миг. Они разразились внезапно, как вспыхивает пожар. Люди решили биться с врагом и перестали различать князя и крестьянина. Они забыли все прежние связи и взаимоотношения, перестали остерегаться господ и власть имущих, забыли страх перед ними… Бой воодушевил их, увлек и вознес! Со стихийной йомой, упрямо двинулся народ, превратившийся в монолитную массу. Он взял на себя почин в схватке, ответственность за нес и всех заставил почувствовать его грозную силу.

Крестьянки выбежали вперед и окружили Старшую госпожу, чтоб своими телами оградить ее от ударов. Впереди шагала и госпожа Дестрик Она чувствовала, что настал час действовать: либо она восстановит честь своего мужа, либо погибнет как подвижница. Воодушевление зажгло также и девушек.

Теперь действие перекинулось за пределы паперти, стычка происходила уже в открытом поле. Прибежавшие из своего лагеря персидские воины начали расстреливать толпу из луков. Стрела поразила крестьянку, шедшую рядом с госпожой Дестрик, и та наклонилась, чтобы помочь ей. Подбежавшая Анаит безуспешно старалась остановить

кровотечение раненой.

Выбыло из строя несколько жрецов и несколько человек из нарэда.

Астхик, которая, забыв о себе, следила за Анаит и Старшей госпожой, внезапно заметила, что Анаит упала. Астхик вскрикнула, схватила сестру за руку и прижала к груди, как бы надеясь этим не дать ей умереть. Госпожа Дестрик, оказывавшая помощь раненым, тоже поспешила к Анапт. Девушка лежала неподвижно, и нельзя было пенять, дышит ли она еще, или уже скончалась.

Жрецы были изгнаны и отступали Вдруг в толпе послышались возгласы: «Дорогу, дорогу!»

Показались нахарары Жрецы окружили их и пошли за ними. Недобрым предзнаменованием показалось народу то обстоятельство, что вместе с нахарарами в церковь вошли также и Деншапух, Даре, могпэт Михр, жрецы и персидские военачальники.

На мгновение толпа попятилась перед пахарарами. От них веяло каким-то отчуждением, они внушали странный ужас, точно это были не нахарары, а какие-то оборотни, дэвы.

Но все страхи рассеялись, когда в церковь вошел Аракэл со своими товарищами Народ следовал за ними. А они встали перед нахарграмй и открыто, пренебрегая всякой опасностью, показывали своим поведением, что готовы и к спору и к бою. На нахараров были устремлеш недружелюбные и подозрительные взгляды.

Для Васака создалось крайне опасное положение. С одной стороны, нахарары могли каждую минуту призвать к избиению тех, кто вызвал столкновение; с другой стороны, нахарары могли заявить народу, что их отречение от христианства было притворным. Этого, главным образом, следовало опасаться со стороны Вардана…

На Вардана, затаив дыхание, смотрели все. Он поднял глаза, увидел мать и побледнел. Встречей с матерью Спарапета был потрясен и Васак: он почувствовал, что перед ним стоит олицетворенная совесть армянского народа.

Его немного успокоило то, что Вардан с грустным спокойствием склонился к руке матери и поцеловал ее. Начало казалось мирным, оно внушало надежду, что Вардаь будет отвлечен заботами о матери, а тем временем остычет пыл толпы.

Среди женщин послышались рыдания и стоны в ту же минуту, когда Вардан и Старшая госпожа увидели друг друга. Точно ударом грома поразило Вардана то, что мать была вооружена. Как же глубоко должно было быть ее горе, если она нашла в себе силы и решимость пройти подобный путь.

Сдавленным, глухчм голосом Вардан спросил:

– Зачем ты прибыла, мать?

Старшая госпожа со страхом и укором заглянула ему в глаза; у нее дрожал подбородок.

– Бремя на душе твоей, тяжело тебе! – скорбно воскликнула она. Внезапно голос ее зазвучал сурово. – Не был ты верен перед богом и людьми! Ты нарушил обет, данный отчизне!.. Вот – возьми меч отца и порази свою мать! – Она протянула Вардану меч.

– Ах, мать, бесценная моя мать! – вздохнул Вардан, поцеловал меч и передал его слуге.

Но Старшая госпожа с гневом выхватила меч у слуги и вновь вложила в ножны.

Вардан точно окаменел. Слова, которые он собирался сказать матери, застыли у него на устах. Нахарары, народ, персы – все, затаив дыхание, ждали что он скажет. Но он молча опустил глаза, весь во власти душевной борьбы. Он чувствовал на себе пристальный взгляд матери, видел губы, неслышно что-то шептавшие – то ли молитву, то ли проклятие.

В эту минуту Астхик и Югабер внесли в церковь Анаит. За ними вошли госпожа Дестрик и Шушаник, окруженные крестьянками. Вардан смутился, заметив доспехи на своей супруге, на дочери, на молодых девушках и крестьянках.

Анаит опустилк на пол, женщины занялись ею и другими ранеными. Стоявший в задних рядах Артак лишь теперь увидел Анаит. В глазах у него потемнело.

«Анаит тяжело ранена!.. Она может умереть!» – мелькнуло у него в голове.

Не веря своим глазам, он, как безумный, бросился к Анаит. Но княгиня Шушаник стала

перед ним, и ее голос прозвучал упреком:

– Не подходи к подвижнице!..

Артак вздрогнул, пристально взглянул на Анаит и вновь сделал попытку подойти к ней. Но грустно и еле слышно прозвучал слабый голос девушки:

– Удались, князь!

Артак был сражен. Он хотел крикнуть, что верен обету, но необходимость поддерживать видимость отречения отрезвила его и сдержала. Он молча отошел.

Вардан строго взглянул на него Артак и сам понимал, что он обязан подавить в себе тревогу за жизнь Анаит и стоять рядом со своим Спарапетом.

Толпа расступилась. Крестьяне вносили в церковь тяжелораненых чтоб они испустили дух здесь же, на глазах у отступников.

Умирающих укладывали на пол, подложив им плоский камень под голову, и, как будто не желая дать присутствующим опомниться, вносили все новых и новых раненых.

Это уже начинало сильно действовать на всех. Нахарары замкнулись в себе, как будто дав друг другу слово выжидать, в какую сторону повернутся события.

Высокий пожилой крестьянин внес на руках умирающего юношу. Это был светлокудрый юноша, раненный в живот и весь залитый кровью. Крестьянин, по-видимому, его отец, держался с внушающим уважение достоинством. Он спокойно уложил раненого, стал у его изголовья и устремил взгляд на алтарь. Рядом опустилась на колени не старая еще женщина, по-видимому, мать раненого, и также устремила взгляд вдаль. Их скорбь была молчалива и безропотна; они ничего не делали, чтобы привлечь внимание к своему горю.

Раненых все продолжали вносить, и среди нахараров росло беспокойство: количество сражьнных удручало их.

Вошли Сероб и Погос, неся на руках тяжелораненую крестьянку. Они уложили ее недалеко от того места, где стояли нахарары. Раненая была бледна, глаза ее лихорадочно блестели; подняв дрожавшую руку, она со счастливой улыбкой прошептала, случайно остановив взгляд на Васаке:

– Кровь мою отдаю родине!..

Скользнув по ней недобрым взглядом, Васак хотел что-то сказать, но раненая внезапно побледнела еще больше, вздрогнула и бессильно повисла на руках поддерживавших ее Сероба и Погоса. Она была мертва.

В подавленном молчании, которое стояло в церкви, слышалось лишь хрипение умиравших.

Кто-то громко начал читать отходную.

Старшая госпожа упала на пол и начала целовать камни, подложенные под головы подвижников. Громко рыдали Астхик и другие девушки.

– Не плачьте! Подвижников не оплакивают! – остановила их княгиня Шушаник.

Артак с глубокой болью заметил, что Анаит ни разу не взглянула в его сторону. Его сжигало страстное желание хотя бы на миг встретиться с нею взглядом.

Запыленная, обожженная солнцем и ветром, Анаит в первую минуту показалась ему незнакомой. Доспехи не шли к ее хрупкому сложению. Но вскоре Артак все понял: Анаит посвятила себя защите родины, отказавшись от всего личного, она соединила свою жизнь с жизнью народа…

У входа в церковь что-то происходило, слышались глухие прерывистые стоны. Кто-то питался войти.

– Что это? Кто там? Довольно! Выведите из церкви!.. – раздраженно приказал Васак телолранителям. Те бросились исполнять его приказание. Глухой ропот пробежал по толпе.

– Это мученик! Они пытали его! – послышался испуганный голос, когда пришедший, оттолкнув телохранителей, выступил вперед.

Это был Саак. Все лицо его было в повязках. Уцелел лишь один глаз, да и тот был залит кровью. Саак шел, вытянув вперед руки, как слепец, нащупывающий дорогу.

– Куда идешь? – спрашивали пытавшиеся остановить его телохранители.

– Не троньте!.. Не троньте подвижника! Не троньте! – раздался повелительный голос Старшей госпожи; не вставая, она начала громко читать молитву: «Внемли мольбе нашей из уст мученика, господь милостивый!..»

Ужас охватил всех. Саак продолжал идти вперед, все так же вытянув руки.

– Перс Деншапух, где ты?! Или убей меня, или я тебя буду судить! – громко взывал он.

– Выведите его – приказал Васак Телохранители окружили Саака, пытаясь оттащить его к выходу. Но Саак исступленно вцепился в локоть Деншапуха.

– Месть народная!.. Месть! – восклицал он.

Рядом с Сааком выросла угрожающая фигура Гевонда. Устремив строгий взгляд на Васака, он повернулся затем к остальным нахарарам и воскликнул.

– Владетели земли армянской! Если по вашей воле совершаются эти злодеяния, – вонзите ваши мечи нам в грудь!.. Если же совершается это против вашей воли, – отомстите за них!

– Будем мстить без вас! – крикнул Аракэл.

– Отомстим! – гремела толпа.

Наступило мертвое молчание. Внезапно послышался хриплый, угрожающий голос Старшей госпожи:

– Вардан Мамиконян! Спарапет народа армянского!.. Где ты? Вспомни о родной земле!

Пристальным взглядом она впилась в глаза сына.

Лицо Вардана стало сурово. Не поднимая опущенных глаз, он с упреком вымолвил:

– До коих же пор подчиняться нам насилию и лжи?

Васак вздрогнул. Все напрягли внимание, никто не решался заговорить. Лишь Гадишо, нахмурясь, кашлянул и повторил его счова:

– Насилие?.. Ложь?..

Вардан ответил ему подняв голос:

– Я повторяю: до коих пор терпеть нам насилие и ложь?! Тебе непонятны мои слова? До коих пор будем мы обманывать народ, терзать его, торговать нашей честью и благородством? Неужели притворщиками должны мы вернуться к родным очагам? Как вы думаете, долго будет терпеть все это пород армянский? Стерплю ли это я и кое-кто из вас?! Не знаю, государи, что вы думаете и что намерены предпринять, что же касается меня, то вот – заявляю перед вами и перед страной: я слуга и воин народа армянского!

Все смотрели, затаив дыхание то на Васака, то на Деншапуха, которые настороженно и злобно выжидали откликов на слова Вардана.

Вардан истово перекрестился. Народ подхватил его движение и с жаром стал креститься. Послышался глухой рокот, который, постепенно усиливаясь, вылился в оглушенный возглас:

– С народом он!.. С нами…

– Ныне могу я мирно сойти в могилу! – прошептала Старшая госпожа и начала читать про себя молитву.

Деншапух быстро удалился из церкви, сопровождаемый остальными персидскими вельможами. За ними последовали и жрецы. Повинуясь приказанию Дареха, в свой лагерь удалились и воины. Васак вышел из церкви медленными шагами и вместе со своими приверженцами вернулся к нахарарам.

Старшая госпожа лежала без сознания. С трудом сдерживая волнение, Вардан знаком приказал женщинам поднять ее и унести в одну из келий при церкви.

Нахарары были в сильнейшем замешательстве – Что ты сделал?.. Ведь это восстание!.. – обратился к Вардану азарапет.

Вардан ничего не ответил Со стороны персидского лагеря прибежали воины и сообщили, что персы готовятся к нападению. Вардан и сам уже заметил это. Сверкнув глазами, он воскликнул:

– Мы больше никого не можем ждать! Нужно сопротивляться теми силами, какими мы сейчас располагаем!

Немного поодаль стояли Аракэл и его люди, которые нетерпеливо ждали приказаний. Вардан позвал Аракэла и Погоса.

– Соберите всех способных носить оружие. Готовьтесь!

– Радостно нам твое приказание, Спарапет! – не удержался Погос.

Аракэл и Погос быстро удалились.

Взволнованно следил за событиями Артак. Душа его была в смятении. Рана Анаит оказалась опасной. В любую минуту могла прерваться нить жизни любимой им девушки. Где она сейчас, куда ее унесли?..

Обойдя церковь снаружи, Артак заметил госпожу Десгрик, склонившуюся над раненым. Она была так занята, что даже не заметила Артака.

– Княгиня!.. – с бьющимся сердцем заговорил Артак. Супруга Спарапета подняла голову.

– Она в той келье, князь!.. – и госпожа Дестрик показала рукой на келью в дальнем углу Артак бегом направился туда, но незнакомый молодой крестьянин негромко предупредил его:

– Князь, она при смерти!..

– При смерти?.. – Артак вздрогнул, словно от удара, и подбежал к келье Сн постучал. Вышла Югабер.

– Кто это? – спросила она, но, узнав Артака, склонилась перед ним и заплакала Артак вошел в келыо. В полумраке он увидел лежавшую на циновке Анаит. Голова ее покоилась на коленях госпожи Шушаник, а Астхик держала ее за руку. Монахиня собирачась вытащить стрелу из раны.

В глазах у Артака потемнело. Он стал на колени у ложа Анаит – тревога заставила забыть обо всех условностях.

Девушка была бледна. На лбу ее выступил холодный пот, сознание затуманилось. Она глядела на окружающих безразличным взором и дышала прерывисто.

Монахиня, пожилая женщина со строгим лицом, вся в черном, жила отшельницей на ближайшей горе. Услышав шум сражения, она пришла оказать помощь раненым – Если ее судьба умереть – прими ее душу. Если нет – даруй ей выздоровление!.. – шептала она, склонясь над Анаит.

«Неужели суждено умереть? – У Артака сжалась сердце. – Но если дтрела отравлена?..»

– Увы! Стрела отравлена… – проговорила монахиня.

Артак, задрожав, взял стрелу, повернул ее, стал рассматривать.

Анаит не приходила в сознание.

– Сестра… она скончалась?! – с ужасом пробормотал Артак.

– Яд впитался, – объяснила монахиня, безразличная к переживаниям юноши.

Печальное молчание нарушил глухой, постепенно нарастающий шум. Послышались дальние переливы военных труб, эхом отдавшиеся в горах. Неизвестно было, что это за тревога, но трубы играли сбор.

Артак вскочил на ноги. Нужно было спешить к Спарапету… Он колебался, глядя на Анаит, которая лежала бледная и неподвижная, похожая на покойницу. Хотелось остаться, не отходить от ложа любимой… Но, видимо, приближалось неприятельское войско.

– Иди, куда зовет тебя долг, князь! Время тревожное!.. – сказала княгиня Шушаник, грустно взглянув на Артака.

– Да, надо!.. – прошептал Артак.

Княгиня Шушаник с грустной покорностью произнесла:

– Пробил час смертный страны Армянской… Что теперь наша жизнь!

В дверь настойчиво постучали. Артак подошел. На пороге стоял его телохранитель.

Артак повернулся к княгине Шушаник, горестно глядя на Анаит: редкое и слабое дыхание едва свидетельствовало о том, что она еще жива – Иди, князь!.. Если судил господь – возвращена будет она тебе!.. – смягчившись, попыталась подбодрить Артака госпожа Шушаник. – Иди, начинается бой…

Артак в последний раз с любовью и горечью склонился над бледным лицом Анаит, вздохнул и быстро выбежал из кельи.

На паперти все еще стояли Вардан, Нершапух, азарапет и Шмавон.

– Не можем мы их дожидаться!.. – повторял Вардан, как бы разговаривая с самим собой.

Он оглянулся, подумал немного и обратился к Артаку:

– Возьми командование, князь!

Артак с изумлением взглянул на Вардана, но тот говорил серьезно. И Артак, поняв его мысль, вскочил на коня. Вардан взглянул на толпу и спокойно произнес:

– Пусть выйдут вперед те, кто дал обет!

– Мы все!.. Все! Приказывай, Спарапет!.. – откликался народ со всех сторон.

Густая толпа окружила Вардана и Артака. Вардан разделил бойцов на две части: половину отдал под командование Артаку, вторую половину оставил за собой. Женщин он построил в тылу.

Гевонд вступил в ряды бойцов, а католикос с остальными пастырями вернулся в церковь – служить молебен.

Артак был задумчив. Его терзала мысль о гом, что он стал чужим для Анаит, что она его отвергла. С какой радостью он отдал бы жизнь за то, чтобы вернуть ее любовь! Почему она отвергла его, не выслушав? А если с нею случится что-нибудь? Что ж, значит все кончено!

Артака привел в себя голос Вардана, прозвучавший над его ухом:

– Нанеси удар молниеносно, сразу, не давай им опомниться!..

– Слушаю! – воскликнул Артак, устыдившись того, что позволил себе отвлечься: не время предаваться мечтам!

– Ну, выступайте! – прозвучал голос Вардана.

– Великий день настал, братья! – воскликнул Погос. – Идем!..

Артак поднял выхваченный из ножон меч:

– Вперед, за мной!..

Народ потек за ним. В передних рядах шел Гевонд.

Артак взглянул в сторону персидского лагеря: там было черно от высыпавших из шатров воинов. Артак прекрасно сознавал, что теперь все зависит от решительности и быстроты удара. Повернувшись к своим, он крикнул:

– Поспешай!..

Все ускорили шаг. Этот боевой приказ напомнил крестьянам пахоту на родных полях с тем же возгласом: «Поспешай!..»

Артак подобрался, чувствуя себя стрелой на натянутой тетиве. Лишь на один удар можно было поднять такую толпу, лишь на один стремительный порыв была она способна. Но в этом порыве она могла все разгромить и снести, подобно паводку. И Артак прилагал все усилия к тому, чтобы не допустить спада этого порыва.

Провизжали первые персидские стрелы и пролетели мимо.

– Поспешай!.. – вновь крикнул Артак.

– Господь правый!.. – отозвались сотни голосов.

Персы построились и тронулись. В первых рядах у них яростно метались жрецы. Волна армян опрокинула их. Вторая волна подхватила порыв первой, и передние ряды персов были смяты. Это вдохновило народных бойцов: они самоотверженно врывались в ряды персидских конников, которых превосходили и численностью и моральной силой, и в горячем рукопашном бою наносили им такие тяжелые удары, что персы дрогнули, смешались и стали отступать.

Пронзительные звуки боевой трубы прорезали воздух. Артак увидел всадников, которые мчались к нему со стороны церкви. На сигнал тревоги отозвалась труба со стороны восточного ущелья. Артак оглянулся: оттуда двигалась густая человеческая масса. Какой-то новый отряд вступал в Ангх!..

Артак догадался: это был сюнийский полк!..

Конные гонцы доставили приказ Вардана: с боем отойти вправо, к горному ущелью: только это могло бы несколько ослабить удар сюнийской конницы. Но нелегко дался Артаку этот отход. Сюнийский полк налетел на народных бойцов. Персидские воины, приободрившись, выступили вновь. Положение становилось критическим. Народному ополчению грозил разгром.

Артак с боем отходил. Сюнийцы прижимали его к горам. На своих горных скакунах они поднимались по узким тропам на кручи и оттуда наносили удары. Сюнийцам удалось бы уничтожить плохо организованное народное ополчение, если б не беспримерное воодушевление бойцов. Обрушивая град камней на всадников и скатывая обломки скал на коней, отряд Артака продолжал яростно сопротивляться.

Артак не терял самообладания. Он собрал силы и с передовыми бойцами нанес встречный удар, стараясь выиграть время. Ему была остро необходима помощь Вардана, ему нужно было, чтоб вовремя подоспел Атом…

Артак чувствовал, что долго продержаться не сможет. Но вот, наконец, черная масса у церкви тронулась. Это Вардан с запасным отрядом крестьянского ополчения ударил сюнийцам в тыл. Принужденные сражаться на два фронта, сюнийцы смешались. Вардан отвлек на себя сюнийский полк и тем дал возможность Артаку потеснить персов. Но решительного перелома все еще не было, и неопытные в военном деле ополченцы начинали терять самообладание.

Вардан не сдавался. Он был уверен в победе, и его уверенность передавалась бойцам. Вскоре правое крыло сюнийцев смешалось, начало поддаваться и отходить. Вардан понял, что Атом нанес удар по правому флангу сюнийского полка. Почти одновременно, с противоположных сторон, ураганом налетели на сюнийцев еще два отряда, которыми командовали Хорен и Зохрак. Сюнийский полк был окружен.

– Эй, смотрите вы у меня!.. – прогремел голос командира полка. – Чтоб не смели сдаваться живыми!..

Сюнийцы разъярились. Но не менее разъярены были и окружившие их ополченцы.

– Сложите сейчас же оружие! – крикнул Вардан, вырвавшись на своем коне вперед.

Сюнийцы оцепенели. Но их командир налетел на Вардана, выкрикивая:

– Вот, получай оружие сюнийцев!..

Он хотел было с размаха опустить па голову Вардана свой ыеч, но Вардан отбил удар. Меч вылетел из руки сюиийца. Его бойцы пали духом.

– Сдавайтесь!.. – приказал Вардан Сюпийские воины опустили мечи. Горевший яростью Арцви подлетел к командиру сюнийского полка. Он снес бы ему голову с плеч, но Вардан приказал связать сюнийца и вести его за собой, а сам направился к шатру Васака.

Взволнованные неожиданным счастливым поворотом событий, бойцы повалили за ним, стеной окружив сюнийцев.

Зохрак сгорал от нетерпения, от страстного желания скорей подойти к отцу, обнять его, сказать ему, что не сомневался в нем, но Вардан, охваченный яростью, казалось, и не видел сына. Рядом с Вардаиом шел Говонд. Навстречу им выехали Гадишо и Нершапух. Подошли и Атом с Хореном. Вес с тревогой ждали, что произойдет в шагре Васака.

– Куда он идет? Чего он хочет?.. – озабоченно пробормотал Гадишо.

Никто не отозвался.

– Неужели решится поднять руку па него? – с беспокойством продолжал Гадишо. – Нужно что нибудь предпринять… Он подскакал к Вардану и окликнул:

– Спарапет!

Вардан даже не взглянул в его сторону.

– Полк сдался, бой кончен… Не надо продолжать – Пощади, Спарапет! – шепнул на ухо Вардану Нершапух.

Вардан не отвечал. Это еще больше встревожило всех.

Они доехали до шатра Васака. Вардан спрыгнул с коня и без предупреждения вошел в

шатер. За ним вошли пахарары и духовные пастыри; ополченцы и воины вплотную окружили шатер снаружи.

Басак сидел в такой величественной позе, словно ничего не случилось. Он окинул взглядом Вардана и его спутников: их бесцеремонное появление нарушало правила этьиста. Но, как видно, Вардан не собирался ограничиваться одним этим нарушением.

Издали послышались голоса:

– Поймали!.. Поймали!.. Ведут!

Вошел какой-то сепух – Поймали Деншапуха, Дареха и могпэтов!

– Приведите их сюда! – приказал Вардан. Нельзя было понять, что он намеревался делать. У Вардана от ярссти дергалась щека. Гнев душил Васака.

Народ теснился у шатра. Выглянув, Васак увидел, что это уже не тот народ, каким он был всего час тому назад, – это была разъяренная толпа. Налитые кровью глаза, открытые, кровоточащие раны, окровавленные мечи в руках – все это придавало воинам устрашающий вид. Крестьяне только что вышедшие из сражения, подталкивали Деншапуха, в которого вцепились точно когтями. С грозным рокотом народ все ближе и ближе подходил к шатру. Довольно было ма нейшего знака – и он разорвал бы всех на клочки…

Деншапух был закован. В цепях были и Дарех с могпэтами. Все они со страхом и бессильной злобой исподлобья оглядывали толпу.

Вардан резко повернулся к Васаку:

– Кто ответит за всю эту пролитую кровь, государь марзпан? – спросил он, задыхаясь от бешенства.

– Все мы!.. – отчеканил Васак.

– Все мы? – со злобой переспросил Вардан. – Скажи, зачем привел ты свой полк?

– Чтоб обеспечить порядок и поддержать приличия! – холодно ответил Васак.

– Вот это и есть твой порядок и приличия? – задыхаясь, выговорил Вардан и обратился к воинам: – Введите того, кто называет себя армянином и осмелился вести свой полк против армянского народа!

В шатер втолкнули сспуха, командовавшего сюнийским полком.

– Собака я, а не армянин! – выкрикнул в бешенстве сюниец, сверкнув синими глазами на Вардана, точно дикая кошка.

– Собака?! – гневно рванулся к нему Атом. – Если собака, то уведите его: пусть умрет собачьей смертью!..

Сюнийца подхватили и поволокли к выходу. Но Артак вырвал его из рук воинов и толкнул к Васаку:

– Пусть собака подыхает у ног своего господина! Мы не хотим марать свои руки! Мы – армяне!..

Сепух повалился на Васака, сильно толкнув его. Васак едва удержался на ногах и горящими глазами взглянул на Артака. Унижение было нестерпимо-жгучим, невыносимым, тем более что в этот момент в шатер вошел азарапет.

– Государь Мамиконян!.. – произнес Гадишо; голос его дрогнул.

– Чего ты хочешь от «государя Мамиконяна»? – крикнул Вардан. – Довольно вам плести козни!..

Дрожа от волнения и гнева, он резко обернулся к народу и крикнул:

– Пусть нас рассудят господь мой и народ!.. Берите камни!..

Воины и крестьяне стали хватать камни, подступили вплотную. Все оцепенели, поняв, что Вардан передает Васака на суд народа и сейчас произойдет нечто ужасное…

Васак чувствовал на себе злобные и испуганные взоры Деншапуха и остальных персидских сановников. Он встал и, сохраняя полнейшее внешнее спокойствие, обратился к нахарарам:

– Я пытался предупредить восстание. Но вот заявляю сейчас перед господом моим и народом: дайте мне силы – и я пойду с вами, против персов! Только обеспечьте помощь Византии, гуннов, дайте мне войско!..

Нершапух выступил вперед и с искренней радостью воскликнул:

– Государь марзпан выставляет требование обеспечить помощь Византии и гуннов, дать ему сильное войско… Мы дадим все это, и он будет с нами, против персов!

– И поклянется на евангелии в Арташате!.. – прибавил коварно Ваан Аматуни; сам он не верил в помощь Византии.

Выступил вперед и Гадишо:

– Государь Спарапет, подходит войско Азкерта. Обдумаем наше положение! Не тспчи вес ногами, помоги поднять нашу честь!..

– Растоптано уже все, нечего больше поднимать!.. – откликнулся приободрившийся Васак.

Нахмурившись, Вардан шагнул к нему:

– Что же это ргстоптано? Измена твоя или твое достоинство марзпана, которому ты принес в жертву столько подвижников? От кого ты ждешь спасения страны Армянской?! Вот продал сыновей – что же получил взамен?.. Что ты копошишься у персов под ногами, раб, червь земляной? Ведь ненавидят они тебя, презирают в сердце своем! Пресмыкающийся заслужить любовь не может!

С налившимися кровью глазами Вардан отдернул полог шатра и обратился к воинам и к ополченцам:

– Судите вы – кто прав и кто виноват!..

Поднялся грозный ропот. Тысячи рук судорожно сжимали камни. Еще миг – и вспыхнет ярость, засвистят в воздухе камни… Гадишо, дрожа, обратился к Васаку:

– Скажи народу слово примирения! Скорей!.. Не время было раздумывать. Нужно было спасти то, что было дороже всего.

Васак быстро вышел из шатра, стал перед полками и народом:

– Столь же отважными, какими я вижу вас теперь, будьте и в войне с арийцами!.. Да будет предано забвению прошлое…

Вардан в молчании ждал народного суда. Это чувствовали и Васак и Гадишо.

– Идите сокрушите атрушаны! – крикнул народу Васак.

– Да будет так!.. – загремел народ.

Подкупленная этим искренне прозвучавшим призывом, толпа бросилась к лагерным атрушаинам и со всей силой своего гнева забросала их камнями. Потом все вновь собрались перед шатром Васака и загремели:

– Давайте нам сюда персов!..

Деншапух захлебывался подступившей желчью и что-то бормотал себе под нос. Дарех свирепо глянул на толпу, но ее грозный рокот заставил его съежиться. Деншапух встретился глазами с Васаком, которого ни на миг не покидала смелость.

Если опасность грозила Деншапуху, то она грозила и Васаку. Но Васак сумел ухватиться за удобный случай: он почувствовал, что среди приверженцев Вардана начался разлад и что этот разлад можно использовать. Надо было только притвориться искренним и проявить бесстрашие.

И Васак потребовал:

– Не трогать персов!.. Их мы будем судить в Арташате… Я ставлю это условием моего примирения с вами. – И он обра тился к Нершапуху: – Вот мои условия: союз с Византией, с гуннами, иверами и агванами; единение среди всех наших нахараров и нахараров армянских областей в Византии; сильное государственное войско. Будет так – я с вами, против персов! В противном случае поступайте со мной, как вам будет угодно.

Васак говорил почти искренне: ведь он начинал чувствовать себя хозяином положения…

– Принимаю твои условия! – ответил Нершапух.

– Я тоже! – отозвался Шмавон.

– Также и я! – произнес Ваан Аматуни, желая таким образом укрепить связь с этими двумя отколовшимися приверженцами Вардана.

Удар был очень силен. Вардан сдержался, отложил встречный Удар на будущее время. С чувством глубокой горечи он почувствовал, что, если не считать двух-трех преданных ему нахараров, он одинок. Правда, с ним народ, но народ еще очень слаб и неорганизован. Значит, провалилось дело, не удалось, полетело в бездну. Вытащи его теперь!..

Он молча удалился в свой шатер. Нершапух, Ваан Аматуни и Шмавон последовали за ним.

– Ты хочешь втянуть в опасную игру всю Армянскую страну! – бросил ему с упреком Нершапух.

– Всю Армянскую страну – да! – упрямо подчеркнул Вардан – Война войной остается.

– Да просветит тебя господь! – промолвил Нершапух, крестясь. – Слушай же мое последнее слово, Спарапет: если ты не помиришься с марзпаном и не примешь его условий – считай, что и я против тебя!

– Государи! Объединяйтесь с ним! Но я – не с вами. Вот я, простой смертный, говорю вам прямо: всю страну Армянскую я подниму! Встанет народ и снесет все: и наши нахарарские полки и вместе с ними нас – и сам сумеет защитить свою родину! Поступайте, как знаете. С вами я дела больше не имею.

Нершапух удалился. Следом за ним вышел и Шмавон.

Остался один Аматуни, подавленный, с опущенной головой.

– Тянем мы, тянем, преступно медлим, оставляем народ без помощи!.. – с горечью махнул рукой Вардан.

– Знаю, я знаю! – с болью отозвался Ваан Аматуни. – Но ведь нахарары к нам не присоединятся. Они ставят непременным словием помощь Византии, гуннов, иверов, агванов, нахараров отошедших к Византии областей… Они требуют создания общегосударственного войска… Ты должен уступить им, нет у тебя выхода!..

– А кто противится этой помощи? Кто выступает против создания общегосударственного войска? Мало еще сил у народа, не подготовлен еще он. Но он должен подготовиться!.. Надо его готовить! А вы теряете время… драгоценное время…

Оставшись наедине со своими приверженцами, Васак долгое время хранил молчание. Молчали и присутствовавшие. События ошеломили их, не дали возможности подсчитать, сколько ударов было ими нанесено и сколько получено и каково значение этих ударов. Персидские воины и жрецы разбежались. Но ведь в конце концов соберутся они где-нибудь, что-нибудь предпримут… Что сейчас думают персидские сановники? Что они говорят о сторонниках Васака?.. Недовольны ими или входят в их положение?..

– Ну, и что же получилось, как все обернулось? Что с полками, с военачальниками нашими? Так они и должны остаться в плену у этих?.. – раздраженно воскликнул Пот.

– Таронец восстал против персидской державы, и он обречен! – заявил Васак. – Но если мы сумеем подавить восстание раньше, чем выступит Азкерт, – обречены и мы! Нужно подготовиться. В этом наше спасение!..

– Но мы были унижены на глазах у простолюдинов!.. – скрипнул зубами Гют.

– Теперь наша очередь возвестить, что етречение было притворным! – усмехнулся Васак; он подумал немного и прибавил:- Но семя разлада уже заронено среди них!

– Да!.. – улыбнулся Гадишо.

– Разъединить их – вот наша задача! – ударяя рукой по рукояти своего меча, сказал Васак; он стал ходить по шатру вдоль и поперек. – Этот безумный таронец будет искать союзников, но мы пошлем людей в Византию и в страну гуннов, и помешаем ему! Мы не позволим ему получить помощь от иверов, агванов и нахараров, армянских областей Византии. Это будет нашим ответом и нашей местью ему за унижение, за то, что он поощрял дерзость простонародья!

Приверженцы Васака разошлись по своим шатрам в настороженном ожидании событий.

Оставшись один, Вардан вызвал Зохрака и крепко его обнял. Он был почти мальчиком, когда Вардан отправил его учиться в Грецию. С тех пор прошло почти четыре года, но как

изменился сын! Едва прсбившиеся бородка и усы придавали его лицу мужественный вид. Зохрак возмужал и окреп, в его глазах сверкают теперь воля и уверенность воина. Однс лишь странно: у него появляется нечто вроде покровительственной улыбки, когда он говорит с отцом… Вардана это и смешило и слегка удивляло.

– Очень страдали наши – рассказывал Зохрак. – И совершенно напрасно! Я ни минуты в тебе не сомневался, но решил выступить с нашим отрядом, надеясь, что здесь мы сразимся с персами. Так и случилось!

– Правильно рассчитал! – одобрил Вардан.

– А ты что намерен делать, отец? – озабоченно спросил Зохрак. – Нахарары стремятся к примирению…

Зохрак коснулся больного места Вардан нахмурился. Вопрос о поведении нахараров лежал у него на душе тяжелым камнем. Он описал сыну, что происходит в стране, рассказал о своем решении, затем, пристально взглянув на Зохрака, проговорил:

– Пройдем сквозь огонь и воду – и выйдем закаленными!

Пока отец и сын обменивались мыслями и каждый раскрывал другому тайники своей души, в армянском лагере царило смятение. Рштуны и хорхоры, входившие в состав полка Атома, до прихода в Ангх и не задумывались над тем, что им, возможно, придется выступить против своих же нахараров, но в Ангхе они столкнулись с этой необходимостью и растерялись. Воинов сюнийского полка, которьк находились на положении пленных, едва можно было сдержать. Мамгуны, могки и арцруны всячески успокаивали их, но иногда, потеряв терпение, сами на них набрасывались.

Атому вместе с Хореном пришлось всю ночь объезжать отряды, чтоб предупредить столкновения. Начальник рштунийского отряда и закованный в цепи начальник сюнийскго отряда были посажены в один шатер и не переставали ругать Атома и его соратников. В соседнем шатре лежал Пероз-Вшнасп-Тизбони, еще не оправившийся от удара, который ему нанес Артак.

В поле и на холмах стонали раненые, еще не подобранные и не перевязанные. Старые воины обходили их, оказывая первую помощь.

Близился рассвет, когда Артак соскочил с коня, бросил поводья телохранителю и осторожно подошел к келье, где накануне оставил Аиаит. Вначале ему показалось, что в келье темно. Но, подойдя ближе, он заметил слабое мерцание света: в келье кто-то был…

Артак не знал, как поступить: войти или не войти? Неудобно, неловко… Постучать? Но что сказать тому, кто откроет дверь?.. Да и там ли сейчас княгиня Шушаник?.. Нет, нельзя ни войти в келью, ни вызвать оттуда кого-нибудь.

Одно обнадеживало Артака: за дверью царила мирная тишина, – это было доказательством того, что Анаит жива. Если б она находилась при смерти, в келье царила бы суматоха.

Однако свет был очень уж слаб… А вдруг это горит свеча в изголовье покойника? Не скончалась ли Анаит?.. Может быть, ее оставили в келье до рассвета? Как узнать?..

Артак стал громко шагать перед дверью, стал кашлять: может быть, кто-нибудь выглянет на шум? Никто не показывался. Ясно – в келье никого не было, кроме Анаит. Но если ее оставили одну, значит… она скончалась!..

Артак схватился за голову. Свет в келье вновь мигнул. Кто-то двигался внутри…

Рассвет наступал медленно и безмятежно. Зазвонили к заутрене. Священники молча шли в церковь.

Артак вспомнил день своего отъезда из Арташата в Рштуник. Каким счастливым чувствовал он себя тогда! Он ехал к живой Анаит. Между ними лежали горы и долины, но как легко было на душе у Артака! И вот какая горькая судьба: стоять перед ее дверью и не знать – скончалась любимая или еще продолжает бороться со смертью…

Вдруг дверь заскрипела. Артак вздрогнул и обернулся: из кельи вышла монахиня, перекрестилась и направилась к церкви. Артак поспешил к ней и с бьющимся сердцем приветствовал ее. Монахиня холодно оглядел?, его и негромко ответила на его приветствие:

– Мир утру наступившему!..

– В каком состоянии раненая? – спросил Артак. Монахиня ответила не сразу. Искоса оглядев Артака, она вымолвила с оттенком недоброжелательства:

– Борется плоть ее, князь, но душа склоняется к вечной жизни!

– Неужели так плохо ей, святая мать? – с тревогой спросил Артак.

Монахиня с победным видом взглянула на Артака:

– Тяжко плоти, князь, но легко душе и радостно ей на новом пути! Господь – это свет, князь!..

Но на Артака из этого света холодным, застывшим взором глядела смерть… Это было сверкание меча, а не блеск жизни и радости. Артак впервые почувствовал страх перед богом. Ужасен был этот бог, посылающий смерть, когда от него ждут жизни! И Артак задумался над сущностью божественного. Оно было по ту сторону жизни. Там не было ни любви, ни улыбки, ни солнца, ни тепла… Там не журчали ручьи, не благоухали розы, не трепетали сердца в груди таких лучезарных существ, как Анаит… Там не было и Анаит, было лишь ее мраморное лицо и бледные руки, скрещенные на похолодевшей груди…

«Холод, могила, ужас!.. И к этому богу уходила Анаит. Как безжалостен этот бог!..» – с дрожью подумал Артак.

– И никаким бальзамом нельзя спасти ее, святая мать? – с мольбой спросил он, потрясенный словами монахини.

– Стрела была отравлена, князь! Нет надежды на исцеление.

– Отравлена… – горестно повторил Артак… Монахиня вновь оглядела Артака.

– Господь милостиво примет свою подвижницу и дарует ей блаженство. Помолимся же, князь, и будем радоваться!..

Монахиня пошла в церковь, испытывая счастье и радость: ведь она посылала на небеса подвижницу. Это было как бы даром отшельницы, проведшей жизнь на уединенной горе. Она посвятила себя уходу за больными, и когда ей удавалось поставить кого-нибудь из них на ноги, она не так радовалась, как тогда, когда присутствовала при отходе чьей-нибудь праведной души в мир иной.

Слова этой женщины с каменным сердцем обдали холодом Душу Артака. В бою он яи на один миг не чувствовал того смертного холода, каким повеяло на него от слов этого существа, бывшего как бы олецетворением смерти, вцепившейся когтями в свею жертву…

Артак не стал больше считаться с приличиями, подошел к келье и постучал в дверь.

Вышла Югабер, взглянула на него ласково и, улыбаясь, пропустила внутрь – Можно? – со страхом спросил Артик.

Югабер улыбнулась печально и мягко.

– Свят подвижник, князь! К нему каждый может подойти… Артака больно укололо в сердце: вот, значит, почему можно видеть Анаит. Он тихо, на носках, вошел в келью и остановился перед ложем Анаит. Раненая горела. Она лежала без сознания и не узнала Артака. Лоб ее был покрыт холодным потом. Артак обернулся, чтоб спросить о княгине Шущаник. Но Югабер, как видно, всю ночь бодрствовавшая у постели больной, уже заснула в уголке. Кого же спросить? Артак стоял рядом с Анаит, но как далек он был от нее, каким беспомощным и одиноким чувствовал себя!..

Внезапно Анаит подняла на него блестевшие от жара глаза, Артак не понял – узнала ли она его.

Он склонился над больной.

– Анаит!..

Не отвечая, Анаит грустно улыбнулась, вернее – чуть дрогнула ее пылавшая щека.

– Больно тебе? – спросил Артак.

Анаит пробормотала что-то бессвязное, но когда Артак повторил вопрос, она отрицательно покачала головой.

– Что же беспокоит тебя?..

Анаит не отвечала. Артак повторил вопрос.

– Ничего, спокойна я… – еле выговорила Анаит.

Артак умолк, чтоб не утомлять раненую. Единственное желание владело им – облегчить страдания Анаит, может быть, ее последние минуты… Нужно было забыть о себе, отречься от собственного счастья и стараться подбодрить, утешить, поддержать ее. Новое чувство владело Артаком: отдать все Анаит – и здоровье, и счастье, и самую жизнь, себе оставив смерть…

С этими мыслями Артак устремил взгляд на Анаит. И Анаит не отвела взгляда: ее глаза ласкали Артака, радовались его любви, они сами любили, они горели высоким воодушевлением, – любовь сочеталась в них с героической смертью.

Это был короткий миг достигнутого сверхчеловеческим усилием возврата сознания. Анаит знаком попросила Артака нагнуться. Артак стал на колени рядом с ее ложем, но Анаит беспокойно смотрела то на него, то на пол.

– Не надо на коленях… Сядь!

Артак взял подушку и присел рядом. Он провел рукой по лицу Анаит, наклонился и поцеловал ее. Но жар опять охватил больную и унес ее в забытье. Начался новый приступ боли, и Анаит вновь стала бредить. Артака сжигало желание хотя бы чем-нибудь облегчить ее страдания. Когда же он увидел, что Анаят делает над собой усилия, чтобы скрыть свои страдания, он понял, что надо откинуть в сторону стремление к личному блаженству – нужно уметь помочь страждущему существу прежде всего как человеку вообще, хотя это и было самое любимое существо. Нужно спасти жизнь Анаит как человека вообще и затем уже – как жизнь любимой им Анаит… Но как этого добиться?..

Югабер спала. Артак разбудил ее. Югабер исяугачно вскочила и с виноватой улыбкой подошла к ложу.

– Но что делает княгиня Шушаник? Где она?.. – с волнением спросил Артак, как будто госпожа Щушаник могла разрешить юпрос о жизни и смерти Анаит.

– Княгиня Шушаник у Старшей госпожи, князь! Ведь та нездорова, – объяснила Югабер. Артак упал духом.

– Что же будет с Анаит?

– Господь милостив, кчязь!.. – попыталась подбодрить его Югабер.

– А чем зачята госпожа Десгрик? – спросил Артак.

– Она в поле – подбирает раненых. С нею и ориорд Астхик…

Только сейчас заметил Артак, что Астхик все это время не было видно. Он был изумлен: она оставила родную сестру и ушла подбирать других раненых; супруга Спарапета оставила его престарелую мать и тоже ушла в поле… Как переменились все, посвятив себя защите отчизны! Не переменился лишь он одни: вот сн пришел предъявлять требования своей возлюбленной, как будто судьба раненых бойцов не касается его! Он подумал сб этом – и ему стало стыдно, хотя в этой новой связи между людьми ему почудилась некая суровость, жуткое, холоднее отчуждение.

В келыо вошли две престарелые крестьянки. Они смиренно приветствовали Артака и, перекрестившись, подошли к Анаит. Артака удивила свобода, с какой они вошли, удивило и то, что Югабер не запретила им входить, а, наоборот, приняла кх появление как нечто обычное.

Старухи, просто и не стесняясь, оглядели Артака и вздохнули:

– Да будет ей земля пухом…

– За святую землю жизнь отдала!.. За родину!.. Не замечая душевного состояния Артака, спи покачали головами и почти в один голос произнесли.

– Блаженна подвижница!..

Перекрестившись еще раз, они вышли.

Артаку хотелсь бежать за ними, бить их, кричать, раздирать себе грудь. Но он взял себя в руки. «За святую землю жизнь отдала!..» – звучали в его ушах слова крестьянок. Какое-то суровое спокойствие слышалось в этих слсвах. Земля, которая, по словам этих старух, должна была поглотить Анаит, была ласковой, родной, живой землей. Она растворила бы в

себе Анаит, но вернула бы Артаку его возлюбленную в виде нежных синеглазых цветов…

Сердце у Артака сжалось, он незаметно вытер мокрые глаза.

Анаит застонала. Югабер дала ей напиться и мокрым платком освежила пылающий лоб. Артак вышел, сам не понимая, куда. Быть может, пойти искать помощи…

На паперти были уложены в ряд раненые. Добровольно взявшиеся ухаживать за ними женщины и бойцы обмывали и перевязывали им раны.

Уже совсем рассвело. Артак решился пойти в келью Старшей госпожи в надежде найти княгиню Шушаник. Подойдя к двери, он услышал пронзительный голос Старшей госпожи:

– Подвижники к земле тянутся… На землю уложите их, чтоб у них сердце успокоилось!

Из кельи вышли служанки и поспешно направились к церкви и к лагерю. Артак знал: слова Старшей госпожи – это приказание, которое нужно выполнить.

Чувство странного одиночества охватило Артака. Люди заботятся обо всех раненых всех убитых, и только он один поглощен заботой об одной-единственной раненой… Он почувствовал укоры совести и, будучи не в силах вернуться к Анаит, пошел к раненым и убитым.

У церковной ограды родные готовились предать земле гело умершего в церкви юноши. Отец все так же молча сидел рядом с усопшим; мать стояла на коленях, держа руку на сердце убитого сына, и не сводила глаз с его лица.

Крестьянки раздели убитого, не стесняясь его наготы, принесли воды, обмыли рану, обмыли тело и начали совещаться, где похоронить.

Мать, не отнимая руки, предложила:

– Может, под оградой?

Отец бросил взгляд на ограду и спокойно подтвердил:

– Под оградой.

– Позови священника…

Старик пошел за священником. Мать поднялась и скрестила руки на груди.

Пришел священник.

– Преставился уже? – просто спросил он и начал быстро читать короткую молитву.

Мать слушала молча, оставаясь неподвижной. Когда молитва была прочтена, родители поцеловали погибшего подвижника, понесли тело к ограде, вырыли под нею могилу найденным на паперти заступом, опустили в нее тело и молча удалились.

Ар гак внимательно наблюдал за ними. Их простое отношение к смерти как бы успокаивало его Они предали земле тело своего сына так, как если б вручали другу на хранение драгоценный клад, – другу, которому безгранично верят и который по первому требованию вернет обратно то, что было отдано ему на хранение.

«Как спокойны крестьяне!..» – кетькнуло в голове у Артака. Он почувствовал умиротворение, душа его наполнилась грустью. «Они умеот умирать – думал Артак. – Они жертвуют собой без шума и без притязаний. Они бесстрашны и мужественны… И они победят!»

Гонцы сообщили, что идут нахарары. Из церкви выступили католикос, Езник Кохпаци и Егишэ. Сопровождаемый Гевондом, азарапетом, Нершапухом, Шмавоном и Зохраком, прибыл Вардан. Атом и Хорен остались в лагере охранять порядок.

Зохрак сообщил Артаку, что, согласно полученным известиям, выступивший из Зарехавана персидский полк с полдороги вернулся обратно, не решаясь один на один встретиться с силами Вардана. Но Вардан сам решил послать Атома в Зарехаван разгромить персов, и Атом выступает немедленно.

Подвижников решено было хоронить внутри церковной ограды. Увидев нахараров, крестьяне стали стекаться к церкви. Пришла с поля и госпожа Дестрик. Широко распахнулась дверь в келье Старшей госпожи, и княгиня Шушаник вместе с прислужницей вывели мать Спарапета.

Убитые лежали на паперти. Старшая госпожа склонилась над ними в глубоком

благоговении. Вардан, нахарары и священнослужители стали у открытых мсгил. Народ в почтительном молчании окружил нахараров, гордясь их подвижничеством, благодарный своему Спарапету, который пришел хоронить простых крестьян.

Вардан думал о том, что берет на свою душу бремя ответственности за эги жертвы, что жертвы будут и тогда, когда он поднимет на борьбу весь народ. Но может ли он взять на себя ответственность, правое ли дело он защищает? Пусть об этом судит совесть народа!..

Артак смотрел на Астхик, и ему казалось непонятным ее поведение. Несмотря на всю свою грусть, она вся преображалась, когда глядела в ту сторону, где стоял Зохрак. Как прекрасен был этот юноша со сверкающими, слегка выпуклыми глазами. Вот он встретился глазами с Асгхик, потом взглянул на ее доспехи и улыбнулся. Астхик также с улыбкой опустила взор на свой меч и короткий кинжал. Этим молодым существам чужды были ложь и притворство…

Но когда Астхик, заглядывавшая далеко вперед, снова обернулась в сторону Зохрака, тот уже не смотрел на нее.

Егишэ прочел заупокойную молитву, затем, обведя присутствующих просветленным взглядом, произнес надгрсбпсе слово, которое закончил так:

– Через смерть обретя непобедимость и в подвижничестве найдя добродетель, они победили тирана. Уподобимся же и мы воинству, чистому духом, чтоб удостоиться свободы!.. Умерших начали опускать в мигллъ;

Старшая госпожа дрожащей рукой взяла горсть земли, сила на трупы подвижников и воскликнула:

– Прахом вы были и в прах обратились! Идите, светочи отчизны, откройте путь для нас!..

– Да будет так! – промолвил Вардан.

– Аминь!.. – отозвались нахарары.

Вардан тоже бросил горсть земли. Его примеру последовали остальные нахарары.

В церковном дворе вырос печальный ряд свежих могильных холмов.

Артак подошел к госпоже Дестрик и Астхик. Одежды их были покрыты пылью и пятнами крови, усталость сквозила в их глазах.

– Привет вам!.. – произнес он с трудом.

– Привет, князь! – многозначительно глядя на него, ответила госпожа Дестрик. – Как наша раненая?

– Тяжко ей, госпожа…

Астхик вздрогнула и бегом бросилась к келье.

– Неспокойно в полках, князь, как бы не случилось чего!.. – озабоченно проговорила госпожа Дестрик, быть может этим желая намекнуть Артаку, что он не должен забывать свои обязанности.

– Что делать нам со Старшей госпожой и с ориорд Анаит? – спросил Артак, стараясь не показать, как его задел этот намек.

– Как только они будут в состоянии выдержать дальний путь, я увезу их домой, – ответила госпожа Дестрик.

– А есть наделда на исцеление, княгиня?..

– Господу одному ведомо… Ведо столько погибло за отчизну!.. Пусть будет и паша жертва…

Артак поник головой.

Старшая госпожа, сломленная душевными переживаниями, совершенно обессилела; ее увели в келью. Вардан, сопровождаемый остальными нахарарами, последовал за нею. Но и здесь, в этой замкнутой семейной обстановке, все родные казались охладевшими друг к другу, чужими. Отчужденно глядела на мужа госпожа Дестрик, как-то иначе выглядели все остальные… Неужели родные продолжают негодовать на него, подозревать, чуждаться его, не хотят простить?.. Так глядели они на него и при первой встрече, в церкви. Но почему не радуются они теперь, почему не согрелось их сердце, когда недоразумение рассеялось? Или,

может быть, с трудом забывается однажды запавшее в душу сомнение? Ему причиняло боль отношение жены, хотя он и понимал, как сильно пострадала ее гордость. С сердечной болью подошел он к ложу Старшей госпожи и стал на колени.

Старшая госпожа с любовью перекрестила сперва его, затем и остальных нахараров, которые подошаи к ней со смущением и стыдом. Старшую госпожу лихорадило, она слегка заговаривалась. Но какая-то внутренняя сила боролась в ней с болезнью, – жив был ее дух, пылкий и воинствующий.

– Если умру я, положи со мной горсть земли из могилы подвижников! – печально и задумчиво сказала она.

– Свята воля твоя, мать!.. – ответил Вардан, целуя ей руку.

– Зачем умирать тебе, Мать-госпожа? – обратился к ней азарапет. – Еще увидишь страну Армянскую освобожденной!

– Увидела сына – значит и страну Армянскую увидела свободной! – горячо воскликнула та.

Вардан с нахарарами вышел на паперть.

Артак задержался, чтоб обменяться хотя бы взглядом с княгиней Шушаник, узнать от нее что-нибудь новое об Анаит. Он уже не мог владеть собой. Приказ Вардана не отлучаться выводил молодого князя из себя. Хотелось также выяснить, почему так холодны к нему госпожа Дестрик и княгиня Шушаник.

Нахарары спускались по ступенькам, когда княгиня Шушаник выбежала вслед за ними и, нагнав Артака, незаметно вложила ему в руки небольшую рукопись.

– Что это? – с изумлением спросил Артак.

– Она составила и разрисовала…

«Она!..» – с дрожью в сердце подумал Артак, но тотчас насторожился, почувствовав что-то недоговоренное и тревожное в словах княгини Шушаник.

– Составила и разрисовала, но,..

– Но что? – беспокойно повторил Артак. Княгиня Шушаник махнула рукой:

– После об этом, после! Сам видишь, князь, что происходит…

– Но каково ее состояние, княгиня? Ведь она одна! Может быть, умирает… Я пойду к ней!

– Нет, нет, князь, не надо! – решительно заявила госпожа Шушаник и быстро скрылась за дверью.

Артак оглянулся: Вардан и нахарары стояли и ждали его.

Служитель со смиренным поклоном отвел полог, и в шатер вошел, впереди своих приверженцев, Васак.

– Давайте кончим!.. – произнес он настойчиво и требовательно.

– Что мы должны кончать? – нахмурился Вардан. – Я теперь повстанец. Я восстал против державы арийской и намерен поднять против нее всю страну. Я не дикарь неразумный: знаю, против кого иду войной. Я обращусь ко всем. Кто за родину, за народ – тот пойдет со мной, с нами. Кто против страны – пойдет против нас… Выбирайте же!

– Мы уже выбрали! – заявил Васак. – Мы также повстанцы. Но мы требуем выполнения наших условий.

– Ну что ж, требуйте! – не без насмешки отозвался Вардан. – Значит, приступаем, государи? – обратился он ко всем. – Немедленно идем громить персов, засевших в Зарехаване. Боем будешь рукоьодить ты, государь Гнуни! Выступишь немедленно. Желаю успеха тебе!

– Во имя Господа! – отозвался Атом, просветлевший от предвкушения предстоящил боев. Он поспешил в лагерь.

Беседа на клеилась. Один за другим нахарары разошлись по своим шатрам, чтоб приготовиться к возвращению в Айрарат. Артак Рштуни заявил, что желает раньше съездить к себе на родину, в Рштуник. Он был зол на сепуха, командовавшего рштунийским полком, за то, что тот согласился выделить отряд в распоряжение Атома. Но еще более гневался он

на своего тестя Гедеона, который, как ему донеслч, содействовал Атому. Ему не терпелось поскорее наказать Гедеона, чтоб утолить злобу и успокоиться.

Васак распорядился привести к нему сепуха, командовавшего сюнийским отрядом. Об этом сообщили Вардану, и он разрешил освободить сепуха. Сюнийца привели к Васаку.

– Тяжелая у тебя рана? – спросил Васак.

– В душе у меня рана, князь! – с горечью ответил сепух.

– Терпи! – сказал Васак, окидывая сепуха пристальным, испытующим взглядом. – Иди займись своим делом… Сепух ошепомленно смотрел на него.

– Вновь будешь командовав моим полком!.. Сепух не сводил с него изумленного взгляда.

– И поведешь полк против персов! – закончил Васак.

– Куда прикажешь – хоть в огонь, хоть в воду! – грубовато ответил сепух.

Васак через дворецкого передал Вардану просьбу освободить сепуха из заключения и восстановить его в звании командира сю нийского полка. Вардан не возражал.

Чтоб предупредить подобное же ходатайство со стороны Артака Рштуни, он приказал освободить и восстановить в должности и командира рштунийского полка.

Не возражал Вардан и против намерения Артака Рштуни побывать в Рштунике перед выездом в Айрарат.

Атом пустился в путь на Зарехаван. Вардан же вызвал к себе Артака Мокац и выразил пожелание, чтоб тот отправился к Бзнунийскому морю и на месте проследил за всем тем, что будет происходить в Рштунике и Хорхорунике Он приказал Артаку подготовить все для набора и военной подготовки народного ополчения и лично руководить этим делом. Одновременно он попросил Артака сопровождать с особым охранным отрядом Старшую госпожу и остальных женщин, возвращавшихся домой в замок Огакан.

Артак с понятной радостью принял эти поручения, хотя его глубоко интересовали и предстоящие события в Айрарате и повстанческое движение в центре страны.

Вестей от Атома Вардану пришлось ждать недолго. Уже на следующий день к полудню гонец доложил, что засевшие в Зарехаване персидские отряды разгромлены и рассеяны. Послав Атому приказ идти на соединение с ним, Вардан простился со Старшей госпожой и другими родными и, распорядившись доставить больных в Огакан, выступил из Ангха в направлении Айрарата.

Дороги опустели, местность, только что служившая ареной бурных событий, обезлюдела.

Спустя несколько дней Старшая госпожа заявила, что может пуститься в дорогу. Но Анаит не поправлялась, и Старшая госпожа распорядилась отложить отъезд. По-видимому, выжидать пришлось бы долго, да и неизвестно было, чем завершится это ожидание. Монахиня не подавала никаких надежд на исцеление… Анаит, у которой бывали моменты просветления сознания, заявила, что она в состоянии ехать. Решено было сделать попытку, Артак распорядился привести запряженные буйволами арбы: установили на них шатры и, уложив больных, пустились в дорогу. Первые дни Анаит крепилась, но на полдороге положение ее настолько ухудшилось, что пришлось остановиться в какой-то деревушке и перенести ее в хижину, расположенную у речки, чуть повыше мельницы.

Узнав, кто их гости, хозяева приняли их очень тепло. Это были родители юноши, похороненного у церковной ограды. Артак едва припомнил их – так смятенны и рассеянны были его мысли. Хозяин хижины был сельским мельником. Кроме убитого сына, у него было еще двое: старший, высокий, длинноусый, хмурый на вид парень, работал на мельнице; младший, едва вышедший из отроческого возраста, смотрел за скотом. Дома суетилась слоенная старушка -мать мельника. На пороге мельницы дремал его престарелый отец.

Спокойным выглядело мирное село; казалось, оно никак не откликается на волнения, охватившие всю страну. Обратившись лицом к бледному, словно мраморному Бзнунийскому морю, оно выглядело погруженным в глубокую думу.

Под лучами солнца золотились поля и обнаженные горы. То спокойно, то задумчиво, то

весело плеща, текла небольшая речушка.

В Огакан послали служителей за княжеской колесницей. Артак поместился в соседней хижине.

Состояние Анаит стало угрожающим. Монахиня, которая сопровождала ее, по всей видимости, не знала, как ее лечить. Надвигалась тягостная ночь. Астхик, не отходившая от сестры, истаяла так же, как и она. Жизнерадостная девушка, только что познавшая любовь, надломилась, сникла…

Госпожа Дестрик, остановившаяся вместе со Старшей госпожой в другой хижине, зашла взглянуть на Анаит и стала шептаться с княгиней Шушаник. Анаит все слабела. Возникало опасение, что она не переживет эту ночь.

Госпожа Дестрик решила как-нибудь подготовить Артака к неминуемой печальной развязке Артак впал в полное отчаяние. Жалким утешением могло быть то, что теперь его свободно допускали к Анаит.

Была глухая ночь. Поля и горы как бы задумались во мраке Мельница глухо грохотала. Артак подошел к хижине Анаит. Перед дверью стояла Астхик. Лртак услышал рыдания. Он испуганно схватил ее за руку.

– Астхик!.. – еле выговорил он. Астхик разрыдалась еще громче.

– Сказала что-нибудь монахиня?.. – настаивал Артак.

– Она потеряла надежду… – сквозь рыдания едва выговорила Астхик.

– Но что же делать?

– Не знаю!.. Не знаю… Уходит Анаит, князь!..

Сердце застыло в груди у Артака. Он вошел в хижину. Княгиня Шушаник держала руку Анаит. Она ждала чего-то… У Аиаит остекленели глаза и заострились черты. Трудно было сказать – жива ли она… Как видно, нет более никакой надежды, если монахиня лишь читает молитвы, если княгиня Шушаник ждет конца, а госпожа Дестрик пришла как бы только для того, чтоб засвидетельствовать смерть… Артак как бы состарился в одну минуту, с тоской подумал и о своей смерти: хорошо было бы, если б она скорее пришла и положила конец этому мучительному существованию!

Терпеть дольше не стало сил, в отчаянии он вышел из хижины В темноте показались две фигуры, медленно приближавшиеся со стороны мельницы. Одна прихрамывала. Когда они подошли ближе, Артак узнал мать мельника. Ее молодая спутница держала в руках какой-то сверток.

Старуха кряхтела, с трудем переводила дух. Дойдя до двери хижины, она остановилась и глубоко вздохнула.

– Что скажешь, мать? – мягко и рассеянно выговорил Артак.

Хотя одиночество и беспомощнсгть душили его, но он не искал никого, с кем мог бы обменяться хотя бы словом Т м не ме нее этот нечаянно вырвавшийся у него вопрос слегка облегчил его тяжелое душевное состояние.

– Задержалась я, сынок! Пока отыскала да пока сварила!.. Ведь руки-ноги почти не действуют у меня… Уфф…

– Что ж это ты варила?

– Да травы лечебные. Тяжело очень бедняжке ориорд, мучается она очень.

– Для раны?..

– А для чего же?.. Не дать же ей, упаси господи… Уфф! – отдуваясь, проговорила старуха и шагнула к двери. – Ну, идем Цогик!

Артак вошел вслед за ними. Старуха подошла к Анаит, стала на колени и, положив сверток на пол, взяла в свои руки руки Анаит. Она долго держала их, не то прислушиваясь, не то желая в чем-то разобраться. Затем, кряхтя, уверенно и деловито раскрыла рану, наложила принесенную мазь и присела у ложа на корточки.

– А теперь беги, Цогик, принеси! Уже вскипело, наверно… Ее спутница поспешно выбежала. Старуха, позевывая, задумчиво поглядывала на Анаит. Прибежала Цогик, держа в руках горшочек с жидкостью, от которой поднимался пар. Это было приготовленное

старухой целебное питье.

Старуха принялась растирать руки Анаит, глазами приказал Цогик растирать ноги раненой. Артак вышел, чтоб не мешать им. Ночь продолжала наматывать свою пряжу. Небеса задумались над покоящейся в глубоком сне землей. Сколько жизни было во вселенной Артак спустился к мельнице. От тепловатой пыли, которая пахла пшеницей, у него на минуту перехватило дыхание. Грохотали жернова Мельник ходил от одного жернова к другому, присматривая за их работой Артак подошел к нему. Мельник выпрямился и застыл перед ним, скрестив руки на груди. Артак присел у едва тлевшего очага.

– Не ты ли потерял сына в бою под Ангхом? – спросил Артак – Да, государь, похоронили мы там нашего Тонакана, – спокойно подтвердил мельник.

– Помощник убыл у тебя…

– Господь пополнит убыль.. Что же поделаешь, смерть людям на роду написана. Вот и второй мой хочет вступить в полк к князю Атому…

– А ты позволишь?

– Пусть идет себе Родина зовет, что я могу сказать? Трудно, конечно, с работой справляться, народ кормить… Мы ведь – как мыши полевые: роем, скребем, снуем взад-вперед. Вдруг оглянешься, а жизнь уже катится под гору…

Медленно и тягуче описывал мельник крестьянское житье-бытье, отягченное повседневными заботами о насущном хлебе. Артак слушал, стараясь вникнуть в эту не знакомую ему жизнь. С беспечностью баловня жизни он всегда смотрел сверху вниз на тех, кого обременяли жизненные тяготы, и не чувствовал жалости к ним, хотя понимал всю безрадостность их судьбы. Даже и сейчас его слегка раздражали их земные заботы. Что они в сравнении с заботами более возвышенными и прекрасными!

Артак вспомнил свои заботы об Анаит. Он вздрогнул, все остальные мысли вылетели у него из головы. Острая боль кольнула его сердце. Что будет с Анаит?..

Жернова своим грохотом вытесняли, однако, все мысли. Вода пенилась, стремительно низвергаясь. Жернова кружились, приплясывая, размалывалось зерно, несущее сытую жизнь и довольство.

Опять всплыла мысль об Анаит… Почему бы не жить и ей, если живут вот эта вода, хлеб, люди, даже вон те пауки, затянувшие паутиной весь потолок?..

В сопровождении Цогик вошла старая мать мельника и, кряхтя, села.

– Ну как, полегчало? – спросил мельник.

– Задремала! – просто и тепло отозвалась старуха. Артак встрепенулся:

– Значит, спасена она, матушка?!

– А как же, сынок? Ведь я ее целебным снадобьем наплела! Теперь уж на поправку пойдет!.. Уфф!.. Слушай, что я тебе скажу… – обратилась она к сыну, – поди-ка, набери мне у плотины хаварцила.

Мельник вышел.

– Матушка, скажи мне правду, будет она жить?! – с дрожью в голосе спросил Артак.

– Для каждого, кто умирает, земля припрятала жизнь про запас. Нужно только найти ее… Ну а земля – она ведь большая! Вот и мечешься, ищешь жизнь… Найдешь – твое счастье! Не нашел- земля себе возьмет. Так оно на свете бывает один смеется, а другому свет не мил… Живи живущий!.. Уфф…

Эта старуха, выглядевшая сама больной и беспрерывно кряхтевшая, казалась Артаку источником, дарующим жизнь и здоровье. Он точно и сам ожил.

– Тебе обязаны будем мать, если выздоровеет наша больная!

– Ну а как же, сынок, ведь грех не помочь! Ведь у нее любовь в сердце, у девушки, – отозвалась старуха.

Цогик печально улыбнулась, покачала головой.

Старуха долго молчала, не двигаясь, опустив задумчивые глаза. Затем она заговорила, как бы рассуждая сама с собой.

– Ведь если каждого больного за умирающего считать, куда это годится? Да ты сперва

в поле выйди, у земли выспроси, что у нее для больных припрятано – жизнь или же смерть?!.. Земля тебе и скажет! А то – рядышком присела, смерти, видишь ли, дожидается!..

Артака душили слезы радости.

– Теперь поправится она, правда?.. – переспросил он со сладостной надеждой.

– Здоровье, князь, мало-помалу придет!.. Кровь заиграть должна. На это нужно время. Крови не прикажешь!.. – рассмеялась старуха.

Вернулся мельник, передал матери связку собранных им корней хаварцила. Старуха раздула полупотухший огонь в очаге и начала варить траву в особом горшочке.

«Это ее жизнь кипит в котелке!..» – думал в радостном умилении Артак, не отводя глаз от старухи. В колеблющихся бликах масляного светильника, который держала в руке Цогик, эта старая женщина со своим резкоочерченным добрым лицом и проницательными глазами как бы олицетворяла землю, дарительницу жизни. Артак почувствовал горячую любовь к этой крестьянке, любовь и благоговение.

«Она – народ… Сила таится в этом народе. Кто знает, какие отдаленные его предки нашли тайны земли, овладели ее мудростью. Вот она – дочь простого народа, но в ее руках ключ от сокровищницы жизни! Сейчас только на нее моя надежда, только на ее помощь я уповаю!» – думал Артак.

Старуха готовила варево терпеливо, медленно и уверенно, как нечто давно ей известное и немудрое, – подобно самой природе, которая и отнимает и дарует просто и легко, без лишнего шума.

Артака удивляло, что в этой семье никто не говорил о погибшем сыне. Боли не чувствовали эти люди или не находили слов для ее выражения? Может быть, она уже и не волновала их? Сколько дают они другим – хлеб, пропитание, жизнь, даже сына… Но или не сознают они цены отдаваемого, или скрывают свои чувства… Выносливы они, созданы из иного, более стойкого материала!

«Народ!..» – сказал самому себе Артак.

Новые мысли и чувства овладевали им, хотя он еще плохо в них разбирался, будучи поглощен любовью к Анаит.

Поставив светильник на выступ в стене около старухи, Цогик принялась пересыпать муку в мешки и оттаскивать их в сторону. Она работала с охотой, усердно. Подметая пол, Цогик заботливо собрала в мешочек все рассыпанные зернышки. Когда работы больше не осталось, она вытащила из щели в стене спицы с начатым носком и проворно принялась за вязание.

Отвар поспел. Старуха сняла с огня и отставила в сторону, чтоб остудить. Через некоторое время она взяла котелок и обратилась к Цогик:

– А тесто уж завтра замесим, дочка. Хлеба нам хватит пока. Иди отдохни! – и сама пошла к Анаит.

Подступал камавотн – пятый час утра. У двери мельницы бодрствовал телохранитель Артака. Чуть в стороне, скрестив руки на груди, стоял мельник. Цогик, согрев на очаге воду, принялась замешивать тесто, несмотря на запрет старухи. Но в промежутках она успевала подставлять мешки, пересыпать в них муку, почистить посуду, перевязать ослабевшие прутья веника, подлмть масла в светильник. Она ни минуты не оставалась без дела.

Прислонившись к стене, Артак следил за нею, думая: Ка они любят работать… Неужели они ни о чем не думают? Или им не о чем думать?!..»

– Днем и ночью – все за работой… Когда же отдыхаете вы, брат-крестьянин? – неожиданно спросил он мельника – Да разве работа позволяет нам передохнуть, князь? – отозвался мельник. – Работы уйма, а работников не хватает. Не поспеваем…

– Да ты присядь, – перебил его Артак, только сейчас обратив внимание на то, что мельник все время стоит перед ним.

– Не положено нам, князь… – смущенно произнес мел! чнк – Садись, говорю тебе, садись! – мягко, но властно повторил Артак.

Мельник присел на корточки, положив руки на колени.

Вошла Астхик, мельник снова поднялся на ноги. Артак движением руки заставил его снова сесть.

Астхик казалась спокойной и довольной. Артака это очень обрадовало. Присев у очага, девушка улыбнулась Артаку. Поняв ее, он тоже улыбнулся.

– Точно ножом отрезало! – сообщила Астхик.

– Спасибо матушке!.. – отозвался Артак. Груда углей осыпалась, на мгновение ярко вспыхнула, зчтм погасла.

– Э-э!.. – покачал головой мельник. – К войне это!.. А война прожорлива, ее не насытишь…

Озабоченность, словно тень, неотлучно сопровождала мельника. Его мысли постоянно были заняты мелкими житейскими заботами. Он внимательно следил за жерновами, за тем, как работает Цогик, прислушивался к шуму мельничных валов и воды в желобах, всегда готовый устранить все, что могло помешать работе.

– Цогик! – окликнул он девушку. – Подмети-ка под жерновом, зерно просыпалось!

Девущка заботливо, до последнего зернышка, подобрала просыпавшуюся горсточку пшеницы.

– Так, говоришь, война будет? – переспросил Артак; его настроение сильно поднялось после радостной вести, которую сообщила ему Астхик. – Что ж ты будешь делать, брат крестьянин?

– Буду хлеб постувлять, князь Как бы сильно ни звенели мечи, победу обеспечивает хлеб Вы оружием бейтесь, а мы хлебом будем биться! – ответил мельник. Морщины прорезали его лицо, в глазах заискрился лукавый смешок – А по силам ли будет накормить хлебом столько войска? – спросил Артак улыбаясь.

– Земля даст!

– А если не даст, не уродит?

– Э-э, князь, да вот тебе, к примеру, моя мельница. Подмети, все собери, унеси… А все равно – сколько бы ни унес, в подполье, по углам, в щелях зерно останется! И я же не один – народ есть, мир: доставят, прокормят! Только тому, кто работает, хлеба не хватает, а так-то хлеба много! – негромко закончил мельник.

Артак слышал эти слова, но их смысл не дошел до него, – юноша слишком был поглощен личным счастьем.

Цогик встала и, проходя мимо Астхик и Артака, окинула их пристальным взглядом. Когда она скрылась за дверью, мельник грустно покачал головой – Рану разбередили у бедняжки…

Он рассказал, что они удочерили и вырастили оставшуюся сироткой Цогик. Она была обручена с их погибшим сыном Тонаканом и вот теперь осталась одинокой.

– Не став женой, осталась вдовой! – со вздохом закончил мельник.

Астхик сильно взволновал его рассказ.

– Но что же с нею будет, отец?.. – с сочувствием спросила она.

– То, что должно быть, ориорд! – со вздохом отозвался мельник. – Погорюет, погорюет, да и примирится… Разве у меня, у матери его, у бабки нет сердца? Но уж если пришла смерть, от нее не открестишься…

Старик опустил голову. Астхик казалось, что сейчас он заплачет. Но тот поднял голову и лукаво взглянул на Астхик:

– Ведь у вас, у молодых, все как у пташек небесных: то попискиваете, то попрыгиваете! Прошло – позабыто… Э-эх-эх!..

Артак улыбнулся. Астхик весело и дружелюбно разглядывала мельника. Он казался ей мудрым и добрым, как сама природа. Даже горе и смерть принимал он спокойно и терпеливо.

Цогик вернулась и снова взялась за свое вязание. Пожелав доброй ночи мельнику и Цогик, Артак с Астхик ушли. Перекликались первые петухи. Ночь уже кончала наматывать свою синюю пряжу.

Астхик вошла в хижину и тотчас выбежала обратно:

– Спит она князь! – радостно сообщила она.

– Ну, спокойной ночи!

– Доброй ночи, князь!

Артак пошел к себе, лег, но заснуть не смог Он снова встал, вышел из хижины и начал ходить по двору, один со своим счастьем, и, наконец, присел на камень перед хижиной Анаит.

Кругом не было никого. Лишь со стороны дороги доносилось громыхание проезжавших арб. Но вскоре до слуха Артака донеслись какой-то шорох и шепот. Он напряг внимание: звуки шли от распряженной арбы, стоявшей неподалеку Артак заметил двух женщин: одна положила голову к другой на колени, а та наклонившись, говорила ей что-то. Женщины не замечали Артака В одной из женщин Артак узнал жену мельника. Артак услы шач, как она негромко говорила:

– Ничего, дочка! Пока не остыло у тебя сердце к нашему покойному Тонакану, останешься жить с нами. А если приглянется тебе другой парень – что ж, мы его примем: будет тебе мужем, нам – сыном. И тебе будет хорошо и нам!

Девушка молча плакала. Артак понял: это была Цогик.

– Не плачь, милая! – продолжала мельничиха. – Станет чужой парень сыном нашим, и мы утешимся. Ведь и наш стал сп ном народа; от себя, от счастья своего напод нам и возместит. Не плачь!

«Не поймешь – у этого простонародья ни горя, ни радости», – подумал Артак.

Он вспомнил похороны убитого сына этой крестьянки, прошедшие так просто, как если б юноша переселялся из одного дома в другой; подумал об его отце, который так светло и радостно смотрел на жизнь; подумал об этой матери, которая так легко отдавала свое дитя народу…

«Этим и силен народ! В этом – его сила!..» – промелькнула мысль.

Артак понял, что человек из народа способен глубоко переживать горе, но может вынести его потому, что силен духом. Понял – и почувствовал невольное уважение. Но он был так счастлив, что не смог долго раздумывать о чужом горе или чужой радости, вернулся в свою хижину и быстро заснул легким, молодым сном.

Из Хорхоруника прибыли княжеские колесницы с большими дорожными запасами Мать Гадишо, услышав, что Старшая госпожа вместе со своими спутницами осталась на полпути и ждет перевозочных средств из Огакана, очень встревожилась и немедленно послала за ней своих людей.

Анаит уже настолько хорошо чувствовала себя, что можно было без опасений пуститься в путь; понравилась и Старшая госпожа, – так что решено было выехать через два дня.

Понемногу синел улыбающийся ясный вечер. Старшая госпожа, госпожа Цестрик и Шушаник, Анаит и Астхик, Артак сидели на холме против мельницы. Старшая госпожа радовалась, глядя на возвращающееся с пастбища стадо, на усталые и здоровые лица жнецов, на спускающихся к роднику девушек. Запах мирно вьющегося дыма разносился по селу. То чут, то там раздавался лай деревенских псов.

Анаит сидела на ковре у ног Старшей госпожи, как обычно садилась она в знак почтение и любви.

Болезнь Анаит и простота сельской жизни создали между Артаком и девушкой возможность простого и свободного общения; старшие спутницы этому не препятствовали.

Старшая госпожа рассказывала случай из детства Вардана. Однажды, когда стадо возвращалось с пастбища, девятилетний Вардан сел верхом на осла. Боясь, как бы мальчик не свалился, к нему подбежал пастух. Но осел испутался и сбросил седока. Вардан расцарапал себе все лицо. Разгневанный пастух поймал осла и начал его колотить…

Старшая госпожа рассмеялась и покачала головой. – Очень уж он был непоседлив, мой Вардан. Дня не проходило, чтобы с ним не приключилось какой нибудь беды! Да и сейчас –

разве не новая беда? Эх…

В эту минуту к ним подбежал резвый бычок из стада, остановился и вдруг, высоко взбрыкнув нотами, побежал обратно.

Анаит звонко расхохоталась. Ее смех всех очень порадовал. Артак взглянул на нее и прочел в ее пазах столько любви, что у него закружилась голова Шум на селе умолк. Горный ветерок принес прохладу. Больных и женщин развели по домам. Наспех поужинав, уснули одурманенные усталостью крестьяне. Лишь под стенами мельницы царило оживление: там собрались крестьяне, привезшие зерно для помола и ждавшие очереди. Сложив в круг мешки с зерном, они разожгли костер, готовясь ночевать под открытым небом л, усевшись прямо на земле вокруг костра, с шутками следили за пляшущими язычками пламени. Счастливое душевное состояние сделало Астхик и Артака по-детски любопытными и проказливыми. Решив позабавиться, они незаметно подошли к крестьянам и стали прислушиваться к их беседе.

Мрак сгустился. Светился лишь маленький костер, бросая красный отблеск на лицо крестьян и ближайшую стену мельницы. Крестьянам, как видно, доставляли радость это ночное сборище и ожидаемый помол. То один, то другой, закидывая руку назад, с чувством удовлетворения ощупывал уложенные тут же за спиной мешки с зерном, частою которых уже загрузили тесное помещение мельницы. Они весело перебрасывались шутками и прибаутками, слушали сказы и песни.

Артак удивлялся тому, как богато воображение этих вечно нуждающихся людей, одетых в заплатанную, изношенную и пыльную одежду, людей, добывающих хлеб свой тяжелым и горьким трудом. Они говорили без устали, щедро рассыпая богатства радного языка, чудесные и прекрасные, как драгоценные каменья. Увлеченные беседой, крестьяне не замечали Артака и Астхик.

Одноглазый крестьянин достал рожок и стал наигрывать. Стариной повеяло от этих звуков – казалось, явились тени предков, чтоб поведать о борьбе, горе, мечтах и тоске далеких древник времен.

Но вот крестьянин запел, перемежая пение размеренным сказом. И о чем только не говорилось в этом сказе. Чтобы собрать и запечатлеть всё, о чем пел крестьянин, недостаточно было бы од ной жизни и одной души, – нужна была неизмеримая душа нзро да, чтобы вобрать и осмыслить то, о чем говорилось в песне однл глазого крестьянина.

В полном молчании, с напряженным вниманием слушали крестьяне старинную «Песню обезтоленного бедняка»:

Если бы глубоко запавший голос мой зазвучал, вверх высоко поднялся Если бы вверх высою поднялся, по тем горам взбекал вверх, Если бы взбежал вверх по горам, до звезд огнен шх взлетел, Если бы взлетел и там до подножья господа вплотную подобрался, – Из глубины сердца я бы мою черную жалобу излил, Сказал бы: «Ты на хлеб мой взгляни – он желчь и яд, На ожоги тела моего взгляни, на рубище, на ложе мое.

На труд мой горький иссушающий…»

Но, увы, увы! Скажу вам – господь от нас дальше дальнего, Князь наш – ужас и страх, им жизнь моя горечью горька.

Сердце полно у меня, полным-полно тысячами тысяч болей.

Лишь сердце мое внемлет тайным вздохам моим, в душе затаенным!..

Он умолк, проиграл несколько тактов на рожке и снова запел:

Голос голосом своим я подам, тысячью голосов к миру воззову, Мир на голос мой отзовется, голосом моим я миру отзовусь, Об одном поведаю, тысячу раз «увы» скажу, Переполнилось сердце мое, голос над горем погребен, – «О горе, – тысячу раз скажу я, – горе!..»

Певец умолк. Крестьяне сидели, опустив головы. Песня точно вылилась из их собственных сердец. Разодранные кафтаны, гру бая кожа и обожженные солнцем полунагие тела как бы подчеркивали правду, облеченную в слова песни.

Долгое время никто не заговаривал. Грусть овладела всеми, – ее навевали и ветерок,

трепавший их всклокоченные волосы; и огонь костра, то разгоравшийся, то опадавший; и черная ночь, которая ощупью бродила вокруг, широко раскрыв слепые глаза.

Артак и Астхик внимали сказам и песням, бытоваьшим по гу сторону стены, которая отделяла их счастливый мир от мира крестьян. Именно эта стена не позволяла, чтобы яд горестей и забот, заключенный в этих песнях, проник в мир счастливой, не ведавшей никаких забот княжеской жизни.

Они понимали жалобы исстрадавшихся крестьян, но собственное беспечальное существование и юношеская беспечность мешали им глубоко сочувствовать чужому горю: ведь они с самого рождения не знали ничего, что походило бы на это горе.

Была уже поздняя ночь, когда Астхик с Артаком оставили крестьян за их беседой и удалились. Передав через Астхик пожелание доброй ночи Анаит, Артак вернулся к себе и лег. Долго еще звучали в его ушах сказы и песни крестьян. Артак вспоминал Атома, думал о боях, которые придется выдержать любимому другу, и незаметно для себя уснул.

Рано утром Артак поднялся на холм. На этот день был назначен о ъезд Артак заметил стоявшую перед родником Цогик, которая, задумавшись, не отводила взгляда от своего кувшина. Вода давно уже переливалась в нем через край, а Цогик словно и не замечала этого. Видно, мочила ее тоска о возлюбленном…

Артак искренне пожалел Цогик.

«Много накопилось у крестьян юречи против нас! – думал он. – Как же будут они бороться с надвигающимся бедствием?.. Выдержат ли, или будут сломлены? Крестьянин должен жить по-человечески, – прав Спарапет. Ведь крестьянин – это войско…»

Запрягли колесницы. Все спутники матери Спарапета вышли из хижин Крестьяне, приютившие Анаит, помогали грузить вещи и дорожные припасы. Собрались и остальные жители села.

Все было готово – оставалось лишь усесться. Старшая госпожа подозвала хозяев, чтоб благословить их и пожелать им удачи и здоровья:

– Пребывайте с миром, братья-крестьяне. Да ниспошлет вам господь долгую жизнь. Пусть глаза ваши не знают слез. И пусть господь дарует нам освобождение родной земли. Пребывайте с миром!..

– Да хранит господь ваш путь, Старшая госпожа! – отозвалась мать мельника. -Да снизошлет господь долгую жизнь Спарапету и спасение – земле родной!..

– Аминь! – откликнулись все присутствующие.

– Пребывайте с миром, спасибо вам!.. – промолвила княгиня Дестрик.

– Путь добрый вам, госпожа! – напутствовали уезжающих крестьяне.

Артак и Анаит переглянулись стоявшая у родника Цогик грустно глядела на уезжающих.

– Прощай, Цогик!.. Спасибо! – воскликнула Астхик. Цогик опустила глаза и молча склонилась в поклоне. Артак вскочил на коня, подождал, пока все разместились в колесницах, и отпустил поводья.

– Ну, в путь!

Крестьяне проводили гостей до околицы.

Благоухающие поля раскрыли свои объятия. Солнце ласково пригревало. Артак оглянулся на Анаит. Девушка счастливо улыбалась, о чем-то задумавшись.

В цуртавском дворце царила скорбь.

В одном из покоев сидела в резном кресле старуха с горделивой, величавой осанкой; она молча смотрела на немолодую женщину, которая лежала на полу у ее ног и с плачем рвала на себе волосы. Это были мать и жена Ашуши. Немного поодаль стоял его сын – князь Вазген; держа руки за поясом, он с жалостью глядел на мать и приговаривал, укоризненно качая головой:

– Ну вот видите, что получилось! Я же в свое время предупреждал…

У входа стоял воин, одетый по-дорожному, и равнодушно смотрел на плачущую супругу бдэшха.

Это был гонец Васака, тайно посланный к семье бдэшха и доставивший горькую весть о том, что персы задержали Ашушу заложником. Он поведал Вазгену о событиях в Персии и Армении, придав им желательное Васаку толкование и взваливая всю вину за происшедшее на Вардана. Относительно же Ашуши он заявил, что тот поступил неосмотрительно, послушался бардана и стал жертвой своей доверчивости.

У входа в соседние покои толпились слуги, с сочувствием глядевшие на мать и жену бдэшха Несмотря на свое почетное положение наложницы Вазгена, стояла среди слуг и персиянка, которую тот привез с собой в последний свой приезд из Персии и присоединил к числу своих жен – иверок и персиянок.

– Спаси, мать-княгиня, спаси! – плача, умоляла супруга бдэшха свою свекровь. – Убьют его, мать-княгиня, кожу с него снимут заживо!.. И почему не умираю я, зачем мне такая жизнь!..

Старая мать Ашуши продолжала хранить молчание.

Вазген подошел к матери и наклонился, чтобы помочь ей встать:

– Встань, матушка, встань! Сделаем что-нибудь, спасем отца…

– Не спасете, сынок, не сможете!.. Разве спасался кто-нибудь из рук персов? – с плачем отозвалась жена Ашуши. – Ведь выскользнул же Васак, почему же не удалось мужу моему?

– Не спасся Васак, мать!.. Какое это спасение, если оба сына его остались у персов заложниками? – нахмурился Вазген.

– Ох, не знаю я ничего, не знаю! Горе мне!.. – стонала жена Ашуши Вазген сделал знак рукой гонцу и повел его в свои покои.

– Ну, а дальше что? Как намерены поступать армяне? – с раздражением спросил он.

– Сторонники Спарапета готовятся к войне, – ответил гонец.

Вазген усмехнулся, но промолчал, затем каким-то странным тоном справился:

– К царю ты явишься?

– Явлюсь! – односложно ответил гонец, пристально взглянув на него.

Он явно ждал, чтоб Вазген показал, как он смотрит на это его намерение. Но Вазген сдержался, не желая открываться перед гонцом, и лишь неопределенно проговорил:

– Что ж, иди; расскажи ему все, что знаешь.

– А что прикажешь передать марзпану от тебя? Как вы намерены поступать? – спросил гонец.

– Как намерены? – с гневом повторил его вопрос Вазген. – А ты не видишь сам, какое создалось положение? Сделаем то, что повелит нам разум. Так и скажешь марзпану: обдумаем и дадим ответ.

Гонец удалился, так и не поняв ничего. «Что это за человек? – думалось ему. – Марзпан подает ему разумный совет – не восставать, не подвергать страну опасности. Отец у него взят заложником… А он еще собирается чго-то обдумывать!..» Хлестнув коня, он свернул на Мцхетскую дорогу.

Когда конь и всадник скрылись за поворотом, из дворца бдэшха выехал Вазген, окруженный телохранителями; он направлялся к своим единомышленникам.

«Посмотрим еще, как отнесутся наши князья к царю, если он решится поддержать мятежников!..» – думал Вазген. Он ехал не в Мцхету…

Вести, привезенные гонцом Васака, сильно встревожили престарелого царя. В самом факте задержания Ашуши в качестве заложника он усмотрел даже большую опасность, чем во всем остальном. «Это сделано для того, чтоб разрушить единение князей, – горько подумал он. – Вазген пойдет на все, чтобы угодить Азкерту и вызволить Ашушу…»

– А что делает марзпан? – спросил он у гонца.

– Стремится установить мир между нами и персами! – ответил тот. – Он просит и тебя, государь, содействовать ему в этом.

– О каком содействии может идти речь? – возмутился царь. – Содействием было бы, если бы мы приняли веру Зрадашта и сдали страну персам. Как же иначе? Ты говоришь, что его сыновья остались заложниками? Вот и нашего Ашушу взяли заложником… Что ж,

значит сдать и страну, отказаться от власти? Хоть бы указал нам господь какой-либо путь спасения!..

Встревоженный гонец хранил молчание.

– Где он, этот путь спасения? – повторил царь, но тут же вполголоса, словно говоря сам с собой, пробормотал:- Еще покажет ли господь путь спасения неразумным?..

Гонец выжидающе молчал.

– Вот что передашь от меня своему марзпану! – решительно проговорил царь. – Мой дружеский совет ему – не нарушать единения в стране, действовать единодушно, междоусобица и разлад только погубят всех! Вот погляди – беда подступила вплотную и к нашей стране; бдэшха нашего взяли заложником… Не завтра, так послезавтра наступят и нам на горло. Может разразиться война… Надо быть готовыми!

Гонец склонился в глубоком поклоне перед царем и вышел Он понял, что царь не одобряет путь, избранный Васаком.

Пустившись в обратную дорогу – в Армению, он подводил итог результатам своей поездки, всему тому, что ему довелось видеть и слышать. Ничего определенного относительно того, на чью сторону станут сторонники царя и Вазгена, он с собой не вез.

А Вазген, уже не таясь, заявил князьям-единомышленникам, что он решительно против восстания, и напомнил об опасности, грозящей Иверии со стороны Аланских ворот.

– Гунны!.. Не забывайте о гуннах!.. – настойчиво твердил он.

Князья задумались. Положение и впрямь было не из легких. Среди них были и сторонники восстания, но большинство разделяло мнение Ашуши о том, что необходимо держаться так, чтоб не открывать своих намерений и тем самым отвести опасность.

За стенами Арташата, в открытом поле, был разбит лагерь войск, участвовавших в сражении при Ангхе и под предводительством Вардана вернувшихся в Айрарат. Здесь же раскинулись лагерем и отряды некоторых нахараров.

Атом, которому Вардан приказал очистить крепости от персидских гарнизонов, успешно выполнял это поручение. В самом же Арташате крепостной воевода Аветик разгромил персидский отряд и подоспел на помощь полку Атома.

В Арташат съехались нахарары Нерсэ Урца, Артэн Агавэни, Тнроц Багратуни, Артак Полуни, Муш и Татул Димаксяны, а также сепухи Амаяк Мамнконян и Меружан Арцруни. Некоторые привели с собой небольшие отряды.

Лагерь был еще не полиостью распланирован. Шатры разбивались вокруг оставленной посредине широкой пвдщади. Отряд каждого владетельного нахарара старался разбить свои шатры отдельно от других отрядов, поближе к водопою. Каждый такой отряд отличался от других своим вооружением, знаменами и родовыми стягами своих нахараров. Отряды были к конные и пешие.

Солнце склонялось к вечеру.

Несколько скакунов, сорвавшись с коновязи, с развевающимися гривами скакали по площади, убегая от пытавшихся перехватить их воинов.

Дымились костры, на которых варилась пища. Запах аыма смешивался с запахами военного постоя – коней, кожи, металла и пота.

Вардан пристальным взглядом обвел весь, лагерь: он хотел прикинуть в уме, каковы его силы. Ему, как опытному воину, достаточно было одного взгляда, чтобы все увидеть и учесть.

Он подошел к стоянке рштунийского полка. Навстречу вы бежал начальник сепух Тома с младшими командирами. Тома хорошо знал Вардана и высоко ценил его как полководца.

Он низко склонился перед Варданом. Склонились и его спутники.

– Есть в отряде воины без оружия? – спросил Вардан.

– У меня вооружены все, Спарапет, – слегка задетый вопросом, отозвался сепух.

– У всех шлемы?

– У большинства…

И сепух Тома указал рукой на нескольких караульных в островерхих шлемах. Он

показал Вардану и броню своих воинов – металлические латы, соединенные по бокам кольцами. Но на воинах не было обуви. Тома объяснил, что сандалии для войска были еще в пошиве, когда пришлось неожиданно выступить в поход.

– Но мечи и копья у них отменные, в полном порядке! – заметил Атом. – Вот ж в чем рштуны не знают себе соперников. Замечание Атома польстило сепуху.

– Ну, а скакуны? – справился Вардан.

Тома сделал знак конюхам, и те начали выводить неоседланных скакунов. Горячие кони пританцовывали. Вардан остался дозолен.

– Рштуны хорошие воины, я знаю! – сказал он, обращаясь к Томе. – Ну, будь здоров! Ты свободен.

С глубоким поклоном сепух Тома отступил назад. Вардан прошел к остальным стоянкам.

Вокруг площади стояли горожане и смотрели, как Вардан обходит войска. Был здесь и Вараж, окруженный юношами, которые молили его как-нибудь уговорить Вардана принять их в полк.

– Подождите, полоумные! Подождите! – сдерживал их Вараж.

Атом заметил нетерпеливо поглядывавшего на него Ваража. Вот он, осмелев, выступил вперед.

Обратил внимание на Ваража и сам Вардан.

– Это не наш ли конюший Вараж? – спросил он.

– Он самый, – подтвердил Атом.

– Что-то хочет сказать, видно. Пусть подойдет, позовите его Вараж прошел вперед. Он намеревался подойти к Вардану один, но юноши неотступно следовали за ним. Оказавшись перед Варданом, они растерялись и стали прятаться один за другого.

– Говори, Вараж! – приказал Вардан.

Вараж сделал еще шаг, оправил на себе одежду, поднял голову и заявил:

– Спарапет, эти парни только и видят во сне, как бы попасть к тебе в полк… А они смельчаки, да и обучены как следует! Вардан взглянул на юношей:

– Не те ли это безумцы, которых мы тогда видели на дороге?

– Они самые, Спарапет! – с бьющимся сердцем подтвердил Вараж.

Вардан пристально оглядел Корюна:

– Коня загнать-то ты сумеешь. А смотреть за кояем?.. Корюн залился краской, не смея поднять глаза.

– Лучшие мои помощники по конюшне, Спарапет! Они всё умеют, – ввернул Вараж.

Вардан повернулся к сепуху Давиду, стоявшему несколько поодаль:

– Проверь. Если окажутся достойны, возьмешь в мой полк.

– Слушаю! – отозвался Давид. Вардан улыбнулся Атому:

– Закалятся в боях!

За последнее время юноши окрепли, возмужали; мускулистые руки, широкие плечи позволяли надеяться, что из них выйдут настоящие воины.

Вараж воздел руки вверх и со слезами на глазах воскликнул:

– Счастлив я, счастлив, что подготовил воинов, для войны за свободу! Да будут они достойны тебя, Спарапет!..

Он отвесил глубокий поклон и сделал знак юношам следовать за ним. Те смущенно склонились перед Спарапетом и гурьбой пошли за Варажем, наступая друг другу на ноги, чтобы поскорее выбраться. Народ окружил их тесным кольцом.

– Ну как, что получилось? – с волнением спрашивал кузнен Озаким.

– Принял! Принял безумцев моих. Сам принял! В свой полк записал!.. – всхлипывая, повторял Вараж.

Расталкивая толпу, к юношам пробился Маркос.

– Ветрогоны мои беспутные!.. – кричал он. – Вот теперь простятся вам и копыта сбитые и обиды, которые вы наносили скакунам… Все я вам прощаю!

И Маркоссгреб юношей в объятия, начал тискать их и целовать куда попало.

– Да сподобит господь!.. Да ниспошлет вам победу! – бормотал дед Абраам, глотая слезы и крестя юношей дрожащей рукой Толпа смеялась, крестилась, вздыхала:

– Аминь, аминь! Да будут они примером для всех! Блаженны воины земли родной!..

От городских ворот отделилась процессия нахараров верхом на скакунах. Толпа повернулась в их сторону. Впереди ехал Васак. Он был в роскошном одеянии, выглядел радостным и старался придать своему прибытию торжественный характер. Ехавший рядом с ним азарапег также казался радостным, видом своим свидетельствуя о примирений и единодушии нахараров. Васак поддерживал эту видимость, – она была ему необходима. Он потерял все; теперь ему нужно было восстановить все, что было потеряно.

Со всех сторон заиграли сигнальные рожки, призывая к боевой готовности и достойной встрече марзпана и нахараров. Ла герь тотчас принял торжественный вид. Начальники отрядов выступили навстречу марзпану с докладом о состоянии своих полков. Вардан не подошел к марзпану; он продолжал обходить лагерь.

Во главе группы нахараров, составлявших его свиту, Васак объехал площадь и остановился посредине.

– У полков бодрый, боевой вид! – с удовлетворением заметил он. – Несомненно, они окажут войску Азкерта достойную встречу.

– Ты полагаешь, персидское войско действительно идет на страну Армянскую? – переспросил азарапет, чувствуя, что Васак неясно назвал конечную цель похода персидских войск.

– Двигается именно к стране Армянской! – поняв азарапета, намеренно подчеркнул Васак.

«Говорит: «К стране Армянской», чтоб я подумал, что не на страну Армянскую идут войска Азкерта!.. Безбожник!» – с горечью сказал себе азарапет.

Нахарары сошли с коней и окружили Васака, продолжавшего говорить о персидском войске, которое якобы «нужно все непременно уничтожить для острастки», – так, чтоб после этого ни кому неповадно было переступать границы Армянской страны. Затем Васак заговорил об отправке письма к византийскому императору Феодосию о том, что с этим делом не следует медлить.

– Я бы просил составить письмо сегодня же вечером.

– Соберемся у тебя во дворце, государь, – предложил азарапет.

– Именно это и хотел я предложить! – подхватил Васак, уловив мысль азарапета.

– Теперь мы должны всячески подчеркивать первенство государя марзпана, – произнес с многозначительным ударением Гадишо. – Это придаст нам вес и будет свидетельствовать в глазах императора о нашем единении…

– Именно. Несомненно!.. – подтвердили и нахарары. Подошедший в сопровождении Атома Вардан почтительно приветствовал Васака и кахараров.

– Как ты полагаешь, Спзрапет, не медлим ли мы? – спросил Васак.

– Конечно, медлим, как все: да! – ответил Вардан.

– Снова рассылать гонцов, что ли, чтоб, наконец, собрались нахарары?.. Ведь враг ожидается с часу на час!

– Ничего, подоспеют! – отозвался Вардан.

Вдали, на Вагаршапатской дороге появилось темное облако пыли, которое росло и поднималось все выше. Все устремили взгляды в ту сторону. Стало очевидно, что двигается войско, хотя невозможно было определить, кому принадлежат развевающиеся на ветру знамена.

Но сепух Давид, пристально вглядевшись, уверенно сказал:

– Под передним всадником играет скакун князя Амазаспа! А за ним, как видно, двигается полк нахарара Аршаруни.

Вардан быстро повернулся в сторону дороги. Подходил полк Мамиконянов, мысль о котором не покидала его все эти месяцы, на который он возлагал все свои надежды. Ему не

терпелось хоть на час раньше увидеть пополнение, увидеть результаты усилий Амазаспа, – Амазаспа, который не подоспел в нужную минуту в Ангх. Вардана и сейчас охватывал гнев при одном воспоминании об этом.

Сепухи вскочили на коней и понеслись навстречу полкам.

Спустя некоторое время площадь заполнили воины полков Мамиконяна и Аршаруни. Это были прекрасно вооруженные и одетые юноши, особенно в полку Лмазаспа. Они громким воинским приветствием встретили марзпана и нахараров. Аршавир Аршаруни незаметно окинул Васака и Гадишо подозрнтельным взглядом, но, сообразив, в чем дело, постарался также поддержать видимость единения. Амазасп опасливо поглядывал на Вардана, который, обменявшись с ним взглядом, ничего ему не сказал.

– Полки обновлены с юловы до ног! – весело сказал Арщавир Аршаруни, подходя к Вардану.

Пока они беседовали, густая толпа подошла по Южной дороге к мосту через Аракс. Крупное сторожевое охранение, состоявшее из воинов и вооруженных крестьян, окружало какую-то группу – видимо, это были задержанные персы. Пройдя по мосту, они направились к городским воротам, но, не доходя, остановились, посовещались между собой и свернули в сторону площади. Когда подошли ближе, оказалось, что это ведут Деншапуха, могпэтов Михра и Ормизда вместе с Дарехим. Их вели из Ангха пешком, поэтому они только теперь добрались до Арташата.

Воинам приказано было доставить их в Арташатскую тюрьму, но по дороге толпы крестьян пытались расправиться с пленными. Воины не допустили расправы. Крестьян собралось так много, что они представляли серьезную угрозу. Среди них особенную ярость проявлял одноглазый крестьянин с изуродованным лицом Он возглавлял толпу, которая плотным кольцом окружала заключенных и сопровождавшую их стражу. Это был Саак. На его лице зияли незакрывшиеся еще раны.

Васака передернуло, когда он увидел оборванных и покры тых густой дорожной пылью персидских сановников. Изнемогая от усталости, они остановились перед ним. Глаза их горели не нависть. Но когда Васак заметил, что не только персы, но и сторожевая охрана зажата в кольцо крестьян, державших камни в руках и готовых избить персов насмерть; когда он увидел, что толпой руководит какой-то простой крестьянин, – он пришел в бешенство. Вся кровь бросилась ему в голову.

Он взглянул на Врама. Тот подскакал к нему.

– Гони их ко мне! – приказал Васак.

Врам врезался в толпу. Хлеща плетью направо и налево, он покрикивал:

– Туда, туда!.. К марзпану!

Приготовившаяся к избиению персов камнями толпа хлынула в сторону Васака, и тот громко спросил:

– Кто приказал вам побить пленных камнями? Из толпы выступил старик и, с трудом сдерживая дрожь проговорил.

– Месть, государь марзпан! Месть приказала нам!..

– Вот тебе месть! – крикнул Васак, полоснув старика плетью.

Старик упал. Толпа всколыхнулась и зароптала, злобно глядя на Васака. Но Васак, не опуская глаз, яростно крикнул:

– Князья вы тут? Или судьи?! Головы подняли? Люди были ошеломлены.

– Государь марзпан, – рванувшись к Васаку, воскликнул какой-то юноша. – Ведь мы твою волю выполняем!

Васак хлестнул плетью и его и с угрозой подступил к Сааку:

– А ты кто тут? Полководец? Ты войско ведешь за собой? Кто ты?..

– Во имя отца и сына и святого духа и воинства страны родимой!.. – громко отчеканил Саак, широко осеняя себя крестом и смело выступая вперед.

Опять это ненавистное подвижничество, постоянно и повсюду встающее перед Васаком!

– Что?.. Ты еще разговаривать смеешь? – вспыхнул Васак. – Да я тебя повесить велю, животное!..

– Воля твоя – плоть моя!.. На!.. – Саак разодрал рубаху от ворота вниз, выпятил волосатую грудь и, сжимая огромный камень в руке, исступленно закричал: – Повелели вы -и повеление ваше выполнено! Смерть определили – и смерти мы предаем врагов!

– Смерть!.. – зарычала толпа.

– Дай же дозволение, государь христолюбивый! – с угрозой глядя на Васака, возопил Саак и замахнулся камнем на персов.

Васака била дрожь бешенства. Он взмахнул плетью в воздухе и, сверля Саака горящими глазами, рванулся к нему:

– Ты… ты… ты!.. Да знаешь ли ты, на кого руку подымаешь? Саяк нахмурился, сделал шаг вперед и с яростью выкрикнул:

– Я за отчизну поднялся!.. Пусть меня моя отчизна и судит! А ты… ты против кого поднялся?..

– Думаешь подвижничеством прикрыть свою наглость?.. Я растопчу ногами это ваше подвижничество, мятежные псы!..

Потемнев от ярости и уже не владея собой, Васак пустил скакуна и с размаху полоснул Саака плетью.

– Ударь еще, государь марзпан! – завопил Саак, подставляя грудь. – Еще раз! Погляжу я, чего ты хочешь!

Васак повторил удар.

От оскорбления и ярости Саак пришел в еще большее исступление. Он не ждал подобного отношения к себе со стороны марзпана, который в Ангхе вместе с другими нахарарами призывал к уничтожению персов.

Вардан сделал движение, чтоб вмешаться. Но пока он решал, в какой форме это сделать, Васак потерял последние остатки самообладания, а Саак, который только в Ангхе, во время кровавых событий, вернул себе попранное чувство человеческого достоинства, дерзко восстал против марзпана. И это происходило после того, как Васак с таким трудом восстановил свой авторитет, подорванный кровавыми событиями в Ангхе…

Обуреваемый страстью подвижничества, Саак исступленно подставлял грудь под удары, а взбешенный Васак полосовал его плетью. Началось какое-то состязание, поединок между нахараром и крестьянином, где первый наносил удары, чтоб сломить подвижника, а тот еще неудержимее рвался под удары. Победа над ним становилась невозможной…

Толпа окаменела. Нахараров охватило беспокойство. Никто не решился выступить на помощь Васаку. Гадишо хотел вмешаться, но сдержался. Положение становилось унизительным, нестерпимым. Необходимо было, чтоб одна из сторон сдалась. Но для переступившего все границы Васака поздно уже было отступать, тем более что и народ, и войско, и сами пленные персидские вельможи все видели.

Азарапет ликовал: Васак сам себя разоблачил и опорочил. У Вардана, видевшего это унижение Васака, вновь возникло желание вмешаться. Но положение стало безвыходным, вмешательство уже запоздало, сделалось бесполезным. Васак наступал, а Саак не поддавался. Оставалось лишь, чтоб Васак отказался от своего намерения сломить подвижника…

Высокий, крепкий стан Саака, его скорбное, изуродованное лицо, его безразличие к жизни и смерти, весь его образ бестрепетного человека, для которого не имеют значения ни пытки, ни гибель и никакая сила на свете, заставили Вардана почувствовать восхищение перед такой неукротимостью духа.

– Уберите его! – крикнул Гадишо.

Врам и телохранители накинулись на Саака, но тот со сверхъестественной силой цеплялся за землю, не давая себя оттащить.

– У-у-хх! – с яростью зарычали стоявшие позади Саака воины и стеной встали против напиравших телохранителей, с гневным самозабвением выступив в защиту избиваемого.

Окруженный стеной защитников, Саак простер вперед руки, взывая скорбно и исступленно:

– Народ, встань и твори свой суд!.. Что у нас за жизнь? Князь нас терзает, перс с нас кожу сдирает… Камни мы выбирали, шипы собирали, а все мучения наши не кончились! Или нет для нас справедливости на свете? Вот, взгляните!.. – внезапно повернулся он в сторону Деншапуха. – Взгляните, как изуродовал мне перс образ божий! С кого мне спрашивать за мою обиду?! А ты меня не пугай, государь марзпан! – крикнул он, идя на Васака. – С меня семь шкур сдирали, в семи огнях жгли, я и сквозь страх и сквозь смерть прошел. Сейчас я чище чистого!.. Кого же ты стращаешь?!

Васака словно огнем опалило. Лишь в этот миг узнал он, наконец, исступленного подвижника, виденного в Ангхе, и побледнел. Он опорочил себя непозволительно, сам обрек себя своей неразумной вспышкой на одиночество… Но и событие ведь было неслыханное, непристойное, невообразимое… Нужно было стереть с лица земли этого полоумного – иного выхода не оставалось. Он в бешенстве выхватил меч и пустил коня на Саака, чтоб сразить, растоптать его копытами скакуна, утолить гнев своего сердца. Но этим он лишь усугубил положение. Саак железными руками вцепился в скакуна.

– Господи правый, пособи!.. Господи правый, пособи!.. – возгласил брат Зарэ и подбежал к Сааку, грудью защищая его от гепухов. С рычанием подбежали Погос и другие крестьяне.

– И мы подвижники! И мы подвижники!.. – повторял брат Зарэ и, рыдая, крикнул марзпану:- Истреби уж весь народ…

– Погоди, чего зто хотят от нас?! – воскликнул, вырывая меч из ножон Аракэл и, сверля Васака злобно блестящими глазами, двинулся на него. За Аракэлом последовали его товарищи, за ними хлынул народ.

Вспышка этих доведенных до исступления, отрекшихся от всего личного людей совершила чудо. Как будто неким видением или сверканием молнии озарило толпу, окружавшую Саака. Экстаз охватил всех. Крестьяне, горожане, воины окружили Саана и, увлекая его за собой, ринулись к Васаку, оттиснули его назад вместе со скакуном. Лишь в единодушном порыве, слившись воедино, эти люди увидели – как некое откровение – свою правоту и свою силу, почувствовали то, о чем не раз догадывались и раньше, но подсознательно: что свои права они могут отстаивать и сами, а не так, как это имело место в Ангхе, где они выступили против Васака, против власть имущего лишь по приказу другого, такого же власть имущего…

К чему стремилась эта масса сейчас – не было ясно и ей самой, но поступок крестьянина-подвижника разбудил в ней и душу и мысль, толкнул ее на порыв, которого никто не мог предвидеть.

Но тотчас же сюнийский сепух Арташир и рилунийский – Тома, выхватив мечи, рванулись к Сааку и его защитникам Воины-арташатцы и пришедшие из Ангха народные ополченцы двинулись вперед и плотной стеной стали перед сепухами, пытавшимися пробиться к Сааку. Никто не заметил, как Арташир, прорвавшись, очутился рядом с Сааком и занес меч над его головой. Аракэл успел отбить занесенный удар, и меч сспуха просвистел на волосок от его виска. Подоспевший сепух Тома в свою очередь взмахнул мечом.

– На воина отчизны?.. – уже не в силах сдержать себя, яростно загремел Вардан. – На воина-подвижника? Кто дал тебе право? И кто вы тут? Палачи Азкерта или воины отчизны? Взять их! – приказал он своим воинам – Казнить!..

Воины в замешательстве переглянулись, но, не смея ослушаться, окружили сепухов и, сняв с себя пояса, связали их.

Теперь надо было восстановить попранное княжеское достоинство.

Вардан обратился ко всем:

– Прекратить ссору!.. Встань, брат-крестьянин! – мягко сказал он Сааку. Тот поднялся.

– Склонись перед государем марзпаном – приказал Вардан. Саак повиновался.

– Теперь иди в лагерь к крестьянам! И вы также!.. – приказал Вардан остальным крестьянам – А пленных пусть отведут в темницу.

Один из младших командиров увел Саака и остальных крестьян в лагерь. Персов увели в темницу.

Опустив голову, из толпы выступил рштуниец Артэн:

– Скажу слово истины, не обижайтесь вы на него, государи нахарары, и ты, Спарапет! – начал он сдержанно и с достоинством. – Знаем мы: уж так положено, чтобы вы по-своему жили, мы – по-своему. Да только неведомо вам горе простого народа. А мы из-за этого горя сюда и пришли. Так не невольте нас, дайте нам повоевать с горем нашим!

Вардан не нашелся что ответить, промолчал.

Мрачная подавленность царила среди князей. Васак чувствовал себя настолько глубоко оскорбленным, что у него хватало сил лишь на то, чтобы молчать, скрывать свое унижение и не давать повода для нового унижения. Он чувствовал, что с каждым часом его положение делается все более и более шатким, и еще неизвестно, чем все может кончиться.

Слово взял Вардан:

– Горестно и мне, государь марзпан, что простой крестьянин дошел до такой неслыханной дерзости. Не надо было давать повода…

Васак с холодным высокомерием отозвался:

– Это лишь начало безвластия. Это мятеж против власги, против законности!

– Это – подвижничество, государь марзпан! – повысил голос Спарапет. – Крестьянин стал подвижником, воином родины. Нельзя поднимать руку на подвижника!

Васак не ответил. Он лишь глухим голосом приказал свиге следовать за ним. Уехали и нахарары, на площади остался лишь Вардан. Он окинул стоявших перед ним Атома и Амазаспа беглым взглядом и долго не произносил ни слова.

– Где он? Пусть подойдет ко мне тот крестьянин! – наконец, приказал он.

Пошли за Сааком. Он явился, окруженный группой крестьян, и встал перед Варданом.

Толпа с острым любопытством подалась вперед. Погос, Ованес-Карапет и с ними все те, которые давно мечтали увидеть Спарапета вблизи, поговорить с ним, опережая друг друга, спешили окружить Вардана. К ним примкнули также и вооруженные мечами крестьянки.

Стоявшие поодаль горожане, которых сдерживали воины, внезапно прорвали кольцо и гурьбой хлынули к Вардану. Сепух Давид безрезультатно пытался оттеснить их. Кузнец Оваким, Вараж, Маркос, бормотавший что-то невнятное дед Абраам и неистовый брат Зарэ прорвались сквозь ряды и подбежали к Вардану. раньше других Увидев это, оставили свои стоянки и прибежали к Вардану, несмотря на все запреты сепуха Давида, и воины различных нахарарских полков.

Никто не произнес ни слова. Все с блаженной улыбкой смотрели на Спарапета, следили за каждым его движением, радуясь уже одному тому, что он находится среди них. С острым любопытством и глубоким почтением рассматривали его рштунийцы. Блаженствовали Корюн и его товарищи-новобранцы. Стоя поодаль, Аракэл спокойно следил за происходящим.

Вардан глядел на стоявшего перед ним изувеченного мученика, перенесшего пытки и подвергшегося надругательствам. С перебитым носом, с обезображенным лицом, чудом сохранивший один глаз, этот человек вызывал острую жалость и ненависть к палачам.

– Это Деншапух сделал? – хмуро спросил Вардан.

– Деншапух-перс, Спарапет! – громко ответил Саак. – Деншапух-перс!.. Образ божий стер он с лица моего… Кто же воздаст за это?!

– За тебя воздаст народ армянский, брат-крестьянин! – так же громко отозвался Вардан. – Деншапух-перс не с одного с тебя стер образ божий, он хочет стереть образ божий со всего армянского народа!

– Если так, то какова же будет судьба народа армянского? Или опять будут делить народ на князей и крестьян да еще на мамгунов и рштунов?

– Знай, брат-крестьянин, что на бой этот поднялись и князь с крестьянином, и мамгун с рштунийцем, как ты сказал. Все мы стремимся к свободе, все мы – воины-подвижники во

имя отчизны! Готовьтесь же к войне за свободу!

Все перекрестились. И в глубоком молчании, со странной безнадежностью и одновременно с надеждой прозвучал возглас Саака:

– Будем сражаться, Спарапет! Пойдем, сражаясь, из поколения в поколение: где-нибудь да блеснет свет и для нас!..

До глубины души взвознованный, Вардан взглянул на него, на толпу и печально покачал головой:

– Далеко еще до нашей свободы, трудно до нее добраться!.. Но мы пойдем с боями из поколения в поколение – и дойдем!

Он порывисто встал, еще раз обвел всех взглядом и направился с Атомом в Арташат.

Брат Зарэ посмотрел вслед Вардану затуманенными глазами и со вздохом протянул:

– Э-э-э!.. Хорош божий свет, хорош, да только попал он дракону в пасть!.. Этот поднялся, чтоб вырвать из пасти… Хватит ля силы? А горя-то ведь много, ох много!..

– Хватит! – своим грубым голосом перебил его Аракчл и, немного погодя, добавил: – Поможем, тогда хватит!.. Ему-то хватит, свою родину он вызволит! А ты вот что скажи: ведь кровь-то будет проливаться наша, а нашу родину он вызволит?

Вечерело. Тени поползли, вытянулись. Немного поодаль от костров беседовали усевшиеся в кружок крестьяне.

– Эх, нет на свете справедливости – вот откуда все горе! – твердил Езрас, уставившись глазами в землю.

– Есть справедливость! Должна быть! – возразил другой, не отводя взора от костра.

– Не быть ей, пока совесть своего голоса не подымет!

– А подымет ли когда-нибудь? – усмехнулся четвертый.

– Должна поднять! – с жаром подхватил Езрас. – Голос простого народа должен громом греметь, горы потрясать!

– Когда же это будет? Когда?

– Из всех веков и всех дней – будет век и день!.. Гром прогремит – и откроется судилище. И первым будет на суде говорить простой народ!

– А почему простой народ?

– Потому что он более всех обездолен! Значит, ему быть первым жалобщиком Жаждущему подай воды, народу дай справедливость!

– Правда истинная! – подхватили крестьяне.

– Нет края мучениям народным…

– Как морю края нет!..

– Эх, да разве только простому народу плохо? Вот в Масьяц-Вотне, говорят, человек один объявился, предрекает он: еще раз будет разрушен мир и еще раз снова воздвигнут! – задумчиво молвил Езрас.

– Зачем ему разрушаться, зачем заново строиться? Построен – и стоит! Чего в нем недостает? – удивился один из крестьян.

– Кособокий! Пусть построят заново, чтоб выпрямился!

– Истинная правда! – со всех сторон откликались крестьяне – Пусть построят заново-выпрямится… – с насмешкой повторил один. – Да когда же это будет? Когда?

– «В некий день!..» Ждите, пока наступит этот «день из дней»! Сейчас нам давайте его, этот «день из дней»! Сейчас!..

– Сейчас еще не время! – прервал его светлоглазый крестьянин. – Этот «день из дней» наступит, когда начнется война простого народа…

– Эта война и сейчас идет! – негромко и убедительно сказал свое слово старик с задумчивым лицом.

– Как же это, дед Андриас? Тысячи царей, князей войну заведут – какое же дело до них простому народу?

– Такое дело, что сколько бы ни сражались цари да князья, а простой народ всегда в их войне участвует. Это он весь мир перед собой гонит! И под конец – опять-таки свою

собственную войну ведет, пока не наступит врем ч построить другой мир…

Аракэл, до этого не проронивший ни слова, не вытерпел:

– Куда это забрались, гляди-ка. Другой мир построить, война простого народа… Война простого народа – это война за то, чтоб ему принадлежали и право, и справедливость, и земля. А сейчас все это принадлежит князьям. Кто даст вам замлю, право? Справедливости вы ждете? Придет она, еще много раз придет, но опять ложной правдой окажется, – и так до тех пор, пока не придет правда всех правд и не останется только один мир да еще с ним вместе – один простой народ! А до тех пор много еще нам воевать, пока она придет. Война простого народа!

– Простому народу не много и надо! – оживленно вмешался крестьянин с огрубевшим лицом, до того молча внимавший беседе. – Лишь бы его кто-нибудь на свете хотя бы краем ногтя поддержал!..

– Не понимаю я, что вы тут наговорили! – отозвался другой крестьянин, с интересом слушавший беседу, и обратился к сероглазому старику:- Андриас, растолкуй-ка хоть ты мне: кому же в конце концов мир этот принадлежит?

– Мир простому народу принадлежит! – ответил спокойно и уверенно Андриас.

– Простой народ – всему корень! – подхватил дед Абраам.

– Конечно, корень! – подтвердил Андриас. Все опустили головы в каксм-то благоговейном молчаний. Лишь костер потрескивал весело и громко в наступившей тишине. Ночь подкрадывалась ко дворцу марзпана. Мрак постепенно скрывал очертания ограды и здания. Неосвещенные окна говорили об одиночестве обитателя дворца.

И впрямь одинок был Васак. Он находился во власти мрачных мыслей. События последних дней обрушились на него с яростной стремительностью, смешали все его планы Восстание, кото: рое он стремился подавить столь суровыми мерами, опрокинуло все и, подобно внезапно сорвавшемуся урагану, прокатилось пи всей стране. Разгромленные персидские отряды, бежавшие из Ар мении, несут уже весть о случившемся и с безобразными преувеличениями распространяют ее по всей стране.

«Что подумают там?» – мелькало у Васака в мыслях каждый раз, когда он вспоминал о недавних событиях.

Взятие под стражу Деншапуха, Дареха и могпэтов; то, что они видели его, марзпана, в обществе Спарапета и во время военного смотра, – все это сильно отягчало положекне Васака. Мысль об этом, точно раскаленным железом, жгла ему мозг.

Лампадка в виде юлубя тускло освещала покои. Лишь трепетание светильника, иногда резко вспыхивавшего, придавало видимость оживления застывшему суровому лицу Васака, сидевшего с неподвижностью статуи.

Вошедший вместе с Дворецким служитель принес более яркий светильник. Васак даже «не заметил этого. Его мысли летели через пустыни Персии к далекой стране Апар, где находились его сыновья, азарапет Персии, царь царей Азкерт. О том, что происходило там сейчас, можно было лишь со страхом догадываться…

В одном из уголков души Васака притаился, казалось, некий скорбный лик, глядевший или, вернее, не глядевший на него: это сам Васак с болью всматривался в него. Этот лик был неподвижен, как Васак, задумчив и сосредоточен, как Васак. Но самым тревожным в этом лице была его гордая печаль – печаль возвышенной души, которая, поборов материнское горе, обрекла вместе с ним на подвижничество и себя. Ее не сломишь ни яростью, ни приказаниями, ни даже угрозой смерти! Так же, как и сегодняшнего крестьянина!.. Васак мысленным взором всматривался в этот женский лик, со страхом ожидая, что вот пиесрнется к нему и скорбно взглянет застывшими от горя глазами она, Парандзем.

Вновь вошел дворецкий. Васак вздрогнул.

– Что такое, в чем дело? – резко спросил он.

– Нахарар Хорхоруни… – замялся дворецкий. Васак встрепенулся:

– Проси!

У занавеса хмуро остановился Гадишо. Васак медленным жестом пригласил его сесть.

Гадишо понял состояние Васака. Усевшись, он внимательно посмотрел ему в лице и со своей обычной безжалостной прямотой заявил:

– Эти мятежники когда-нибудь погубят тебя!

– Растопчу я этот мятеж! Имени, следа его не оставлю! – вспылив, громко ответил Васак – Этот мятеж попирает законы, топчет князей ногами, приведет к гибели нахарарства! Защиту родины простонародье использует как предлог для того, чтоб безнаказанно заводить смуту, нарушать порядок и законность! Стереть с лица земли нужно это подвижничество!.. И я сотру!

Гадишо бесстрастно выслушал его и перешел к другой занимавшей его мысли:

– Михрнерсэ, наверно, взбесился там у себя…

Васак промолчал.

– Казнит он теперь несчастных заложников… Не пощадит! – не считаясь с чувствами Васака, безжалостно продолжал Гадишо, занятый своими мыслями.

У Васака перехватило дыхание. Гадишо не сказал ничего нового, Васак и сам часто с ужасом думал об этом. Но в чужих устах эта мысль потрясла Васака, как нечто неожиданное. Из-под густых бровей он бросил полный ненависти взгляд на Гадишо. – Казнит!.. Непременно казнит!.. – повторил Гадишо, продолжая высказывать вслух свои мысли об участи, ожидающей Бабика и Нерсика.

Гадишо не имел ни малейшего желания причинить боль Васаку. Мысленным взором он окидывал события, обдумывал их, а затем точно и добросовестно сообщал собеседнику свои заключения. Гадишо стремился определить реально существующие отношения, ему важны были действительные события, факты: имел ли место данный факт, произошло ли в действительности такое-то событие. Если да, то нужно заявить об этом, обсудить это. А что тогда почувствуют другие и как поступят, к какому результату приведут его высказывания и как развернутся события в дальнейшем – это совершенно не занимало Гадишо.

Он даже и не взглянул на Васака, чтоб увидеть, как тот изменился в лице, слыша подобные слова об участи, ожидающей его сыновей.

– Теперь вести уже дошли, конечно, до Азкерта, – продолжал Гадишо. – Чего только не раззвонили, наверно.. Вот когда он, вероятно, встал на дыбы, этот бешеный бык!.. Тебя-то он будет обвинять больше всех и обвинять во всем. О том же, что могпэт Михр допустил необдуманный шаг и стал причиной всех событий в Ангхе, что Дарех жаждал кровопролития, что этот наш полоумный разжег огонь мятежа, – об этом никто и говорить не будет! За все чужие грехи спросят только с тебя. Попробуй объяснять, указать на истинных виновников, – кто тебя станет слушать? Сейчас разгорается война, разворачиваются события: у кого найдете! время и желание выслушать тебя?.. Таковы государственные дела, Такова и сама жизнь!..

Васак молча пил из этой горькой чаши и, вздыхая про себя, все глубже прятал свою боль и ярость в глубине души. Он знал о грубом безразличии Гадишо к чужим переживаниям и не делал никаких попыток остановить его.

– Но жаль Бабика и Нерсика, – с невеселой улыбкой, покачивая головой, сказал Гадишо. – Славные были юноши!.. Я говорил с ними в день отъезда, да и в дороге мы часто беседовали. Чудесные юноши!.. Этот зверь предаст их ужасным пыткам. Да, жаль…

Было очевидно, что Гадишо еще не утолил своей страсти делать выводы и заключения и оповещать о них собеседника. Наоборот, он все больше и больше распространялся. Новые основания, новые факты, подтверждающие его мысль, не давали ему покоя. Он неотступно следовал за нитью своих мыслей, перейдя на этот раз к схваченным в Ангхе Деншапуху, Дареху и могпэтам Михру и Ормизду.

– Ну, конечно, растерзают их, бросят в пасть народу, на клочки разорвут. И чтоб Азкерт это проглотил? Да ты понимаешь, какое это бесчестие для него? После этого какие уж там Бабик и Нерсик! Ты и сам находишься под угрозой в эту минуту! Если даже Азкерт захватит Вардана, он не так будет требовать ответа с него, как с тебя. И ответа самого сурового, так и знай! Он скажет тебе: «Вардан – Спарапет своего народа, он мог бы изменить

мне. Но ты – ты же марзпан, мой сановник!..»

Васак чувствовал, что скажи он хоть слово – и они рассорятся. Но и терпеть далее было выше его сил. Он заставлял себя молчать, тем более что Гадишо и не ждал ответов: он довольствовался тем, что последовательно развивал свою мысль.

– Тебя уже считают изменником. Изменником народа!.. – уточнил он. – Но где же этот народ? Народу пришел конец. Нет у нас силы, нет власти, да после этого и не будет! Какие же тут разговоры об изменниках или не изменниках?.. Но если ты хочешь стать персом, отказаться от народа, обреченного на смерть, – тебе грозят смертью!.. И больнее всего то, что те ничего не понимают и начинают враждовать с тобой; а с другой стороны – тебя не понимают и арийские сановники!.. Обе стороны считают тебя изменником… Да, тяжко твое положение!..

Гнев туманил голову Васаку, ему хотелось броситься па Гадишо, кричать, выбранить его. Но разум переборол чувства, Васак стойко вынес мучительную пытку, которой подвергал его Гадишо своим непониманием его жизненной цели, положения его дел и его душевного состояния. Чаша горечи, которую заставлял его испить Гадишо, вначале вызвала в нем гнев и возмущение, но, пригубив, он этой горечью залил свое внутреннее смятение.

Жизнь послала ему много испытаний в последнее время, и Гадишо был одним из самых тяжких испытаний в этот грозный час. «Говори себе, говори!.. Никто из вас не понимает моего дела… Это я его должен понимать и понимаю! Погодите вы у меня!..» – мысленно твердил Васак. Он встал с места и подошел к окну.

Гадишо перешел к вопросу о Деншапухе и остальных схваченных персах:

– Что же теперь будет? Ведь наш безумец расправитсй с ними!

– Что с ними будет? – гневно переспросил Васак. – Их судьба – теперь моя судьба, наша судьба!.. За убийство Михрнерсэ объявит мне беспощадную месть!

– Я и говорю именно о тебе!.. – сгустил краски Гадишо. Васак отошел от окна. Бросив беглый и злой взгляд на Гадишо, он сел на свое место. Уставившись в одну точку на полу.

Гадишо коротко усмехнулся. Васак подобрался, ожидая новой капли яда. Ждать пришлось недолго.

– Ты о Варазвагане скажи!.. Сейчас чернит он тебя, наверно, перед Михрнерсэ, настраивает против тебя. Слов нет – повод к этому самый удобный!.

Даже и ненавидя Гадишо, Васак ценил его верность: при всей своей грубости Гадишо неспособен был предать Васака, он был самым преданным из его приверженцев. Если сейчас он прижигал сердце Васака раскаленным железом, то не по его вине, – так сложились события. Он говорил лишь истину, хотя и преподносил ее безжалостно и бездушно.

Васак негромко вздохнул, чтоб облегчить теснившее грудь бремя. Он думал о тех нечеловеческих усилиях, которые ему пришлось претерпеть в последние дни, чтобы выстоять. Перед его мысленным взором прошли Деншапух, Дарех, Вехмихр, могпэты Михр и Ормизд, закованные в цепи и опозоренные… Необходимо было любыми усилиями, во что бы то ни стало освободить их!

Тьма сгущалась в саду удельного дворца. Сторож несколько раз обошел дорожки сада и окончательно убедился, что в саду никого нет, кроме Спарапета и его телохранителя. Он привык видеть Вардана в глубине сада, задумчиво сидящим на каменной скамье до поздней ночи. В этот вечер Вардан оставался в саду даже позже обычного.

Сторожу не раз приходилось видеть, как по дорожкам сада скользят какие-то тени, какие-то неизвестные ему люди встречаются с нахарарами и незаметно исчезают в темноте.

Он еще раз прошел мимо Вардана, огляделся кругом, заметил только стоявшего в отдалении Арцви и удалился в свою сторожку.

Арцви, казалось, только и ждал, чтобы сторож ушел. Он внимательно осмотрелся, подождал еще немного и, подойдя к узкому проходу в глиняной ограде, по ту сторону которой лежал глухой пустырь, шепнул:

– Заходи…

Через минуту перед Варданом выросла какая-то тень.

– Спарапет, это я, Мелкон, – шепнул тихий голос.

– Подойди ближе, – отозвался Вардан.

Мелкон рассказал, что в страну агванов вошло персидское войско, сопровождаемое тремястами магов К нему присоединился марзпан Морской заставы Себухт со своим отрядом и принял командование над соединенными персидскими силами. Жрецы разрушают иеркви и воздвигают атрушаны. Агваны бежали в горы. Их азаранет выехал в Армению – просить помощи армян.

– А на Армению Себухт пойдет? – спросил Вардан.

– Пойдет, Спарапет! – подтвердил Мелкон.

– Из чего это видно?

– Я встретил по дороге военных поставщиков, Спарапет. Они направлялись в Армению, чтоб обеспечить войска продовольствием – Понятно… А велико войско?

– До десяти тысяч. Смешанное – конница и пехота. Вардан, немного подумав, спросил:

– А насчет гуннов что ты скажешь?

– Гунны ждут своего хакана Атиллу. По этой причине они пока не принимают никаких решений. Вардан встрепенулся:

– А куда намерен идти Атилла и по какой дороге?.. Наверно, ты не справлялся! – сказал он, укоризненно покачав головой – Как же можно было не справиться, Спарапет? Но они это скрывают. Судя по некоторым признакам, он пойдет по другому берегу Понта – на Византию…

– Почему ты полагаешь, что именно на Византию? – настаивал Вардан.

– Так из уст в уста передавали, Спарапет.

– Нужно проверить! – бросил Вардан, встав, и начал прохаживаться перед каменной скамьей.

– Тебе придется снова пуститься в путь! – заявил он.

– Прикажи, Спарапет!

– Этот поход на Византию по северному или южному побережью Понта имеет большое значение… Надо все узнать наверняка Мы хотим разрушить Чорскую заставу… Ну а потом? А если полчища Атиллы хлынут через нее сюда?.. Если бы ворвались одни гунны – еще ничего: ворвутся – и уйдут. Но Атилла!.. Понял, в чем дело?

– Понял, Спарапет…

– Я объясняю тебе это, чтобы ты вернулся назад и все проверил. Путь Атиллы… гм!.. Путь Атиллы!.. Даже если он по на шей стране только пройдет и сгинет – мы все равно погибли. Проверишь все это. На этот раз возьмешь с собой лазутчиков, обыщешь все дороги; затем снова отправишься в страну гуннов: вновь заверишь царя гуннов, что мы сдержим наше обещание разрушить Чорскую заставу. Но узнаешь точно, когда ждут Атиллу, чтоб я мог встретиться с ним.

– Так, Спарапет… – кивал в ответ Мелкон.

– А теперь укройся у конюшего Ваража; там подберешь себе лазутчиков.

– Будет исполнено, Спарапет.

Мелкон выскользнул обратно через пролом в стене. Вардан сидел неподвижно, погруженный в свои мысли.

От затемненных стволов деревьев поплыли по дорожкам сада новые тени. Они приближались к Вардану. Арцви выступил вперед. Это были служители из удельного дворца. Один из них обратился к Вардану:

– Прибыл азарапет агвапов. Нахарары просят тебя пожаловать во дворец.

Вардан очнулся.

В зале удельного дворца среди нахараров сидел сероглазый, русобородый азарапет агванов. Очевидно было, что он уже успел поведать о цели своего приьзда, но ждал прихода Спарапета. Увидев его, он быстро встал.

Вардан подметил замешательство среди нахараров. Агванский азарапет рассказал, что Себухт осел в Агванке и разослал своих жрецов по всей стране силой насаждать

огнепоклонничество.

– Персы грабят, режут людей, разрушают церкви, возводят атрушаны, под страхом смерти принуждают народ принимать учение маздаизма!.. – вздыхая и жалуясь, поведал агванец.

– С большим войском вошел к вам Себухт?

– Для нас оно большое, Спарапет: до двадцати тысяч конницы и пехоты.

Вардан задумался.

– Но куда он двинется дальше? – настойчиво допытывался Спарапет: видно было, что этот вопрос очень интересовал его.

– Полагаю, что намерен двинуться в Иверию, – объяснил азарапет.

На нахараров его рассказ произвел удручающее впечатление: общий враг уже вошел в соседнюю страну, убивает и грабит; люди ищут убежища в горах…

Вардан ни о чем больше не стал спрашивать. Он замолчал, погрузился в раздумье.

Было уже за полночь когда в опочивальню к Нершапуху вошел дворецкий и разбудил его В обычное время это вызвало бы сильнейший гнев, но теперь сам Нершапух поручил дворецкому обязательно будить егс в важных случаях.

– Спарапет просит спешно пожаловать к нему, государь. Вардан принял Нершапуха приветливо: по-видимому, он был в мирном настроении духа.

– Я припасил тебя, князь, с тем, чтоб закончить дело, – сказал он мягко, но деловым тоном. – Враг подходит.

– Закончим! – согласился Нершапух.

– Прежде всего следует составить отряд, способный немедленно выступить в поход, и поспешить с ним в Агванк – навстречу персидскому войску. Нершапух заметил:

– Персы могут войти также и через Атрпатакан!

– А туда двинешься ты – предупредить вторжение.

– А страна?..

– Об этом я тебя и спрашиваю!

Нершапух вспыхнул, поняв намек Вардана. Но не время было препираться, нужно было что-то решать. Это понимали и Вардан и Нершгпух.

– Ну, Васак ведь останется! – промолвил Нершапух. – Нужно только подумать о том, кого поставить над войском: князя Атома или Артака Мокац?..

– Это удобнее чсего. Остальные будут заняты иным. Очень опасно, но придется; иного выхода нет! – произнес Вардан. – А заыро составим послание императору Феодосию и распределим войска.

– Дэ, письмо императору Феодосию… – задумчиво повторил Нершапух.

Помолчав немного, Вардан сказал:

– Желал бы поведать тебе нечто… Как завещание мое.

– Прьму его как святыню и великую честь.

– Честь тебе – от страны Армянской!.. Раза два я намекал тебе… Знает об этом и азарапет… Я задумал заключить с гуннами союз против персов и, если они согласятся присоединиться к нам, разрушить Чорскую заставу, чтоб пропустить гуннов на юг… Надеюсь, ты согласишься со мной?..

– А если гунны хлычут в нашу страну? – с сомнением в голосе возразил Нершапух.

– Персы не допустят! – улыбнулся Вардан. – Они займутся гунлами. Да и гуннам захочется облегчить персов от награбленных богатств.

Вардан ударил в ладоши и приказал вошедшему дворецкому:

– Пригласи азарапета, нахараров Гнуни, Аршаруни и Андзеваци. Также князя Амазаспа Мамиконяна!

Дворецкий вышел.

– Время сейчас суровое, неблагоприятное, – заговорил Вардан, глядя в окно, – Византийцев разбили персы. Кушаны и персы не могут одолеть друг друга. А теперь носятся слухи, что и Атилла намерен идти на Византию. Мы остаемся одинокими… Нужно чудо,

чтоб мы выскользнули невредимыми!

– Как говорится – ввязались в большую войну, – протянул Нершапух, качая головой.

– В грозную войну. Стоит вопрос – жить нам дальше или погибнуть. Среднего пути нет! Персам надоело затягивание вопроса о том, как сделать нас персами. Начал еще Шапух, а Азкерт решил закончить. Тупоголовый упрямец!.. Жаждет стереть Византию с лица земли. А его в свою очередь мечтает уничтожить другой безумец – кесарь Феодосии. И это в то время, когда следовало бы всем объединиться, чтоб отразить страшное нашествие, которым грозит им обоим Атилла.

Вошли встревоженные нахарары, выжидательно взглянули на Вардана. Вардан рассказал им о своих намерениях, объяснил суть дела и попросил вынести решение.

– Мы согласны! – отозвались нахарары единогласно.

– Ну, тогда за дело! – сказал Вардан, вставая. – Выступаю послезавтра.

По коварному предложению азарапета, которое всенародно принял Васак, послание императору Феодосию составлялось во дворце марзпана. При составлении присутствовали все нахарары – как приверженцы Вардана, так и сторонники Васака. Самого Вардана с большим трудом убедили пойти к Васаку.

– Согласно твоему повелению, явились мы составить послание кесарю Византии! – торжественно возгласил азарапет, с самого начала перекладывая этим все бремя ответственности на плечи Васака.

– Рад весьма, государи! – отозвался Васак. – Приступим к делу.

Явился писец со свитками пергамента, чернилами и пером. Нахарары уселись и сообща принялись за составление обращения к византийскому императору. Оно гласило:

«Католикос армянский Овсеп со своими епископами многими и всем воинством армянским, марзпан Васак и Нершапух, владетель Арцрунийский, вместе со Спарапетом и старейшими нахарарами, шлют тебе, августейший кесарь Византии, свой привет и любовь».

Напоминая о тех тесных связях, которые всегда поддерживались между двумя странами – армянской и византийской, – армяне просили помощи в своей борьбе против персидской деспотии:

«…Избрали мы смерть свободную, но не жизнь рабскую. А если протянете вы нам руку помощи – вновь вернемся мы к жизни от смерти. Но если хотя бы немного запоздаете, пламя этого пожара перекинется на многие другие страны…»

Прочтя вслух текст послания, азарапет сказал:

– Подпишемся все и приложим наши печати!

Нахарары подписали свои имена и приложили родовые печати. Но азарапет потребовал, чтоб таким же образом была заверена и черновая копия послания.

– А это для чего? – возмутился Гадишо.

– Для полной достоверности! – пояснил азарапет. – Все случается: письмо может затеряться в дороге… все мы смертны… О чем тут думать?..

Все согласились и приложили руку и печать также к черновику послания. Азарапет свернул пергамент и взял его себе. Васак чувствовал, что этот пергамент когда-нибудь станет неопровержимой уликой против него в глазах Азкерта, но буря уже подхватила его и несла с собой. «Кто вошел в реку, дождя не испугается», – подумал он.

Азарапет, угадывая его мысли, продолжал изыскивать новые способы прижать его.

– Кто же отвезет письмо императору? – спросил Аршавир.

– Подобает это сделать лишь государю азарапету. Сопровождать его могут сеггухи, – сказал Шмавон.

– Правильно. Спутниками назначить сепуха Амаяка – брата Спарапета и сепуха Меружана – родича владетеля Арцруни! – дополнил Аршавир.

– Согласны? – спросил Шмавон, обращаясь к нахарарам.

– Согласны!.. – с недоброй усмешкой отозвался за всех Гадишо. Настаивать на том, чтоб с посольством отправился Атом Гнуни, он не решился, чтоб не вызвать подозрений: ясно было, что приверженцы Вардана не согласятся удалить из страны такого испытанного

воина.

Составлено было послание и к князю Васаку Мамиконяну, как представителю нахараров армянских областей, отошедших к Византии после раздела Армении.

Затем Нершапух предложил разделить войско на три части: для похода в Агванк, для посылки на границу Атрпатакана и для оставления в Айрарате. Последняя часть выделялась для охраны центральных областей страны. Состав этих трех основных групп должен был быть смешанным: в них вошли бы отряды из полков всех нахараров – как выступающих в походы, так и остающихся в стране.

Васак понял, что такое распределение является результатом договоренности между приверженцами Вардана.

– Льщу себя надеждой, – торжественно заговорил азарапет, – что владетель сюнийский согласится остаться в Айрарате, как первейший среди нас…

Нахарары выразили свое согласие.

– В Агванк выступит Спарапет, а в Атрпатакан направится владетель Арцруни…

Никто не возражал. У Гадишо мелькнула мысль: «А в сущности это неплохо, что не мы решаем, что фактически мы как бы находимся еще в плену. Оставаясь же в стране, мы можем добиться многого…». Он многозначительно взглянул на Васака, и они поняли друг друга.

Вардан, проявлявший странное безразличие и неохотно внимавший обсуждению, встал и заявил, что удаляется: ему надо подготовиться к походу. Холодно простившись с Васаком и нахарарами, он удалился, сопровождаемый Амазаспом и Атомом.

По дороге Вардан задумчиво сказал:

– Опасную игру мы затеваем… Кончилась бы она добром!..

В полночь в покоях Вардана состоялось совещание, на котором решено было установить строжайшее наблюдение за приверженцами Васака, когда тот останется в Айрарате «охранять страну».

– Ну, в помощь нам господь и народ армянский! Приступим с богом!.. Доброй ночи! – вставая, сказал Вардан.

– Доброй ночи. Спарапет!

Нахарары разошлись по своим покоям. С Варданом остались Амазасп, Артак Мокац и Атом. Они догадывались, что Вардан хочет передать им свой завет. Так и было. Вардан обратился сперва к Атому:

– Будешь держать войска всегда наготове, зорко следить за сюнийцем и его друзьями. С самой беспощадной суровостью и решительностью пресекать малейшие попытки к возмущению, не щадя никого, от мала до велика! Нахарарские полки понемножку перетянешь на свою сторону. Остерегайся, как бы они не заняли крепостей. В случае крайней опасности вызовешь Артака, – будете действовать вместе.

– Будет исполнено, Спарапет! Затем Вардан обратился к Артаку:

– Постараешься сковать силы врага на побережье моря. Но одновременно попытайся любой ценой перетянуть их полки на нашу сторону.

– Будет исполнено, Спарапет.

В заключение Вардан обратился к Амазаспу:

– А ты пойдешь набирать пополнение для полка Мамиконянов!

– Будет исполнено! – негромко отозвался Амазасп. Вардан обнял всех троих, поцеловал их в лоб. Они склонились к его руке.

– А в остальном – возложим наши упования на господа бога и народ армянский! – и Вардан с улыбкой взглянул на всех. – Отправленный мною послом к иверскому царю сепух уже добрался, наверно, до Мцхеты… – сказал он. – Надеюсь, что царь выполнит мою просьбу и покончит с персидским гарнизоном Тбилиси. – Пронзительно и весело прозвучала сигнальная трубз. Лагерь закипел. Воины быстро построились, и полк Вардана молодцевато зашагал к середине лагерной площади.

Нахарары прибыли верхом на скакунах. Во всем блеске своего величия вновь занял

Васак свое место во главе нахараров. Рядом с ними выстроилось духовенство во главе с католикосом Овсепом. Младшие командиры полка – молодые князья Артак Палуни и Хорен Хорхоруни, известные своей отвагой, ждали сигнала к выступлению.

Вардан галопом проскакал перед полком, повернул к нахарарам и приветствовал их. Васак и нахарары ответили на его привет. Затем Вардан обнажил свой меч, подавая сигнал к выступлению. Немедлонно прозвучала громкая команда, и полк прошел перед Васаком и нахарарами, принимая их прощальные приветы, как это было заведено исстари.

Васак послал торжественное приветствие войскам, уходящим на войну, католикос благословил их. Народ, толпившийся в стороне, провожал полк шумными пожеланиями победы и благополучного возвращения.

Вардан простился с нахарарами, еще раз проскакал перед собравшимся народом, затем проехал к полку и стал во главе его, лицом к нахарарам и народу. Сняв шлем, он осенил себя крестом. Его примеру последовали все воины, нахарары и народ. Вардач надел шлем, наполовину обернувшись в седле, глядел полк л подал команду. – Полк, в поход!.. И тронул коня. Полк двинулся за ним. Трубы играли поход, полк пошел рысью.

На следующий день пустилась в путь выезжавшие в Византию послы, а также посольства в Иверию, Агваик, Армению Византийскую и в Сирию.

Но под покровом ночной тьмы в те же страны отправились также и послы Васака, которые везли письма местным князьям с советом держаться подальше от Вардана и его начинаний.

Спустя два дня после отъезда Спарапета направился к границе Атрпатакана и Нершапух. В Арташаге наступило спокойствие и тишина.

Сторонники Васака притаились; созывая тайные совещания, они ас показывались на людях. Остерегались выдавать свои намерения и сторонники Вардана.

Выйдя на лагерную стоянку, Атом закалял и обучал свой отряд, превращая его в отменно крепкий полк. Одновременно он принялся и за обучение нахарарских полков. В лагерь Арташата стянуты были полки нескольких нахараров. Вместе с вооруженным народным ополчением они составляли довольно значительную силу, способную сдержать любое выступление сторонников Васака. Опасность представляли лишь полки этих сторонников, находившиеся в их родовых областях: они могли занять крепости и захватить власть в свои руки.

Армянская конница, стоявшая в области Апар, подвергалась тягчайшим испытаниям. Она находилась под неослабным наблюдением; воинам было запрещено выходить из лагеря, их принуждали поклоняться огню.

Князь Гарегин Срвантцян, который давно все это предвидел и твердо решил увести конницу обратно в Армению, начал подготовлять осуществление своего замысла. Он разъяснил и остальным князьям – командирам полка, что хотя по приказу Нюсалаврта армянская конница обязана постоянно оставаться пригвожденной к своему месту в стане Азкерта, но именно это и позволяло тайно подготовить ее к побегу или к решительным действиям. Арсен переживал тяжелое душевное состояние. Помимо того, что ему очень редко удавалось теперь встречаться с Хоришей, он должен был подготовиться и к длительной разлуке с нею Срок подходил. Не сегодня – так завтра, не завтра – так послезавтра… Арсен пытался не думать о Хорише. Он уносился мыслями к родимой стороне, к лесам Айраратской равнины, к охотничьим угодьям, вспоминал синий дым, над хижинами родного края, золотые грозди на изумрудной листве виноградников… Как стосковался он по стройным тополям, по трепету их листвы! Как он жаждал увидеть красивое молодое лицо среди родных садов… И, вглядываясь в это лицо, узнавал Хоришу – прекрасную язычницу со сказочным взглядом…

Тоска овладевала Арсеном. Юноша-воин впервые начинал чувствовать, что война сковывает, насилует дшу, накладывает суровые обязательства, грубо разрывает самые заветные и драгоценные нити. Он глядел на свою грядущую жизнь со смяте «ем в сердце. Что оставалось ему делать? Так или иначе он принужден будет оставить Хоришу, уехать в

свою далекую отчизну, с оружшм в руках защищать ее от персов…

Гарегин Срвактцян ежедневно собирал у себя князей – командиров конницы и обсуждал с ними возможности освобождения. Это приводило Арсена в еще большее смятение. Преданный родине юноша-воин стыдился сам себя за то, что не мог всей душой отдаться делу, которого требовало благо отчизны. В его душе боролись две любви: к отчизне и к Хорише!.. «И отчизна, и Хориша» – мысленно отвечал Арсен, хотя и сознавал, что это несовместимо: Хоришу он должен был покинуть, чтобы уйти на войну за родину…

Однажды князь Гарегин уже открыто заявил, что ждет лишь удобного момента для побега.

– Ты полагаешь, что это возможно? – спросил Арсен, чувствуя, что совесть у него нечиста.

– А есть ли какая-нибудь иная возможность спасения для нас, кроме побега? – вопросом на вопрос ответил Гарегин.

Чтоб отвлечь всякие подозрения, Гарегин решил сблизиться с персидскими вельможами. Он начал с Нюсалавурта. Скопец-полководец даже у себя, в собственном шатре, наедине с самим собой, выглядел злобным и неприветливым. Он встретил Гарегина неприязненным взглядом.

– Привет великий! – произнес, склоняясь перед ним, Гарегин.

Ни на лице, ни во взгляде Нюсалавурта не отразилось ничего. Казалось, перед Гарегином сидел каменный истукан.

Гарегин не садился, чтоб подчеркнуть, что не получил от Нюсалавурта приглашения сесть.

Нюсалавурт молчал. Заговорил Гарегин.

– Государь Нюсалавурт! – начал он решительным тоном – Зачем сидит без дела армянская конница? Или отправьте нас сражаться с кушанами, или верните нас на родину – сражаться с вами!

Свирепая усмешка исказила лицо Нюсалавурта.

– Так… Еще что?..

– Больше ничего!.. – коротко и сухо отрезал Гарегин.

– Будете сидеть в своем лагере и делать то, что вам прикажут.

Гарегин пристально разглядывал Нюсалавурта.

– В лагере мы сидим не в качестве воинов. Если решено и впредь так обращаться с нами – отберите у нас оружие, отведите в темницы, чтобы мы стали мирными заключенными! А если нет, если у нас в руках оружие, – то мы равны вам, мы – воины. Тогда пошлите нас на войну! Ведь жаль и оружия и воинов! Ты сам воин, ты поймешь меня.

Нюсалавурт как будто размяк. Заговорила душа воина…

– Заключению подверг вас не я. Заключению вас подвергли царь царей и азарапет.

– Тогда скажи царю и азарапету, чтоб нас отправили на войну! Ведь мы прибыли сюда не затем, чтоб даром есть хлеб, а воевать!

Нюсалавурт пробормотал что-то себе под нос. Непонятно было, как подействовали на него слова Гарегина.

– Мне воины нужны… – проговорил он, наконец, вслух. – Нужны воины, а не бездельники, которые бьют поклоны солнцу! Мое дело – проливать кровь. Но меня не слушают… Хотят всех воинов превратить в жрецов!..

Как видно, у Нюсалавурта накопилось немало желчи, и он пользовался случаем излить ее, тем более что перед ним стоял храбрый воин, свидетелем подвигов которого он много раз был на войне с кушанами.

– Вышел я из себя и говорю: «Тогда давайте приведем слонов, растопчем эту армянскую конницу!..» – «Нет, говорят, нужно принудить их поклоняться огню…» Ну, а где это слыхано запирать воинов, оставив им их оружие?

Немного погодя он промолвил:

– Ладно, я поговорю!.. – и снова застыл каменным изваянием.

– Оставайся с миром! – простился Гарегин и вышел.

Войдя в шатер, где с нетерпением ждали его собравшиеся князья-командиры, Гарегии уверенно сказал:

– Пошлют нас на войну с кушанами.

Весть о событиях в Ангхе в конце концов дошла и до Апара. С большими преувеличениями и прикрасами расписывалгсь возвращение нахараров к христианству, избиение жрецов разгром персидских войск, захват Деншапуха и остальных персидски? вельмож, развернувшееся восстание.

Азкерт рассвирепел, обезумел от ярости. Вдогонку выступившему войску, которое шло в Армению с нахарарами. и должно было лишь следить за соблюдением порядка, внушая страх населению, полетели срочные гонцы с приказом немедленно ворваться в страну, предать ее огню и мечу.

Тайные гонцы Вардана еще раньше сообщили весть о событиях в Ангхе томившейся в Апаре армянской коннице и доставили ее князьям-командирам приказ во что бы то ни стало вырваться из пленения.

Посетив князя Вахтанга, Арсен поведал ему о событиях в Ангхе, умолчав о намерениях армянской конницы. Вахтакг вспылил и начал громко угрожать Вардану, заверяя, что его постигнет заслуженная кара. Хотя беседа происходила в саду, но гулявшие поблизости Хориша и Вараздухт смогли услышать все подробности событий.

В тот же вечер Вараздухт тайком пробралась к Кодаку. Увидя ее в своих покоях, куда женщинам входить и запрещалось и не подобало, изумленный Кодак тревожно спросил:

– Что служилось?

– Знаешь о падении маозпана?

– Знаю… – пробормотал Кодак, в действительности узнавший об этом только сейчас. – Печальная весть…

– Но есть нечто, еще более печальное! – поспешила добавить Вараздухт, догадываясь о его неосведомленности.

– Да!.. – подтвердил Кодак.

– Понимаешь, все мы – и я и ты – находимся в опасности. Эх, князь! – польстила ему этим обращением Вараздухт. – Если даже и захочешь ты теперь помочь ему – ничего не выйдет! Теперь и я боюсь его защищать. Он изменой истребил персидские отряды и жрецов, прикрываясь тем. что это якобы дело рук Спарапета; приказал схватит и заключить в темницу Деншапуха, могпэтов и Дареха; поклялся на евангелии бороться с персами… приложил свой перстень к посланию о помощи, направленному к императору Византии… И это еще не все: он послал Спарапета и Нершапуха против.персидских войск, а сам сидит в Арташате, рассылает приказы разбивать атрушаны и истреблять персидских воинов в крепостях!.. Мыслимо ли ему после этого спастись от Азкерта?! Я пришла предостеречь тебя: не вмешивайся! Жаль мне тебя: голову снимут с плеч!..

Кодака изумило, что Вараздухт, вместо того чтоб самой использовать полученные сведения, как бы «преподносит» их ему, Кодаку, а сама отходит в сторону… Он догадался, однако, что Вараздухт твердо решила спасти Васака и отрекается от него только на словах, чтоб добиваться своей цели тайком. «Напрасно! Не спасти теперь его!..» – мысленно подумал Кодак, смеясь в душе над наивной хитростью Вараздухт.

– Да и не стоит мучиться из-за него! Пусть погибает! – закончила Вараздухт.

Кодак утвердился в своем мнении. Но он был так ошеломлен и напуган всем услышанным, что поверил в падение Васака и решил немедленно перекинуться на службу к Варазвагану Именно к этому и стремилась Вараздухт. Она давно уже заметила, что Кодак склонен изменить Васаку, и решила поставить ему западню.

Кодак не стал медлить: в полночь конь его остановился у дворца Варазвагана.

Варазваган с радостью ухватился за подвернувшийся повод. Все спало во дворце азарапета Персии. Михрнерсэ сидел, уставя змеиный взгляд в одну точку, когда Варазваган показался у занавеса. Азаранет медленно перевел взгляд на Варазвагана и движением век дал

ему понять, что он может приблизиться. Варазваган осторожно прошел вперед несколько шагов и снова остановился.

– Говори все, что тебе известно! – вымолвил Михрнерсэ.

Варазваган расписал ему события в Ангхе и Арташате так красочно, как только позволяло ему его воображение Михрнерсэ пристально взглянул на него, помолчал и внезапно нанес удар:

– Кто сообщил тебе это?

Варазваган вдруг опомнился: «А если это ловулка Кодака?!» – И он поспешил заявить:

– Я узнал все от Кодака, государь азарапет! Нахмурившись, Михрнерсэ хлопнул в ладоши, приказал вбежавшему дворецкому:

– Немедленно поймать ту армянскую девушку, которая однажды приходила ко мне, и обезглавить се!

– Будет исполнено! Дворецкий выбежал. Михрнерсэ перевел взгляд на Варазвагана:

– Женские пересуды ты осмеливаешься сообшато мне?.. Варазвагана обдало холодным потом, но он сделал усилие и, слегка повысив голос, ответил:

– Женские пересуды?.. Ты полагаешь, что я попал в ловушку?.. Но то, что я сообщил тебе, – истинная прасда: можешь приказать меня обезглавить, если не подтвердится, что марзпан поклялся воевать против арийцев и бросил в темницу Деншапуха, могнэтов и полководца Дареха!

Вечер развернул и раскинул свой черный бархат. В тенистом саду, на берегу речушки, сидели Диштрия и Хориша. Оттуда, где они расположились, видна была дорога в город. Обе они смотрели в ту сторону. Хориша ждала Арсена.

– А вдруг не приедет он, Хориша? – в голосе Диштрии звучали страх и озабоченность.

Хориша вздрогнула и широко раскрыла испуганные глаза:

– Не приедет? Что ты говоришь, Диштрия!..

– Ведь война идет, Хориша!.. – напомнила Диштрия, которая в последнее время старалась исподволь подготовить Хоришу к грядущим испытаниям.

Но Хориша не могла сообразить, о какой войне идет речь. Она простодушно спросила:

– Не понимаю тебя, Диштрия: против кого может воевать Арсен?

– Против нас.

– Ну что ты, зачем Арсену воевать против нас?

– А Вахтангу зачем воевать против армян?

– Против армян? Зачем это Вахтангу враждовать с армянами? Не понимаю, почему им надо воевать друг с другом? – в смятении твердила Хориша.

– Требуют, чтоб армяне приняли нашу веру, – объяснила Диштрия.

– А у армян разве своей веры нет? – с недоумением, растерянно спросила Хориша.

– Есть. Но наши хотят заставить их принять нашу веру и слиться с нами.

– А почему бы нам самим не принять веру армян и слиться с ними?

– Не говори так, жрец услышит, – озираясь, предупредила Диштрия.

– Но разве бог армян – не бог?

– Для них – бог. Так же как наш – для нас.

– Но если у всех есть бог, значит, хорошо: люди живут свободно, каждый для себя… Что тут дурного?

– Хориша, молчи, не говори таких слов! Узнает Вахтанг- убьет тебя.

– Но, Диштрия, что я такого сказала, чтоб меня убивать? – И Хориша разрыдалась. – Горе мне! Несчастная я Горе Арсену!..

– Не плачь, моя Хориша, не плачь! – кинулась к ней Диштрия. – Не всю жизнь будет воевать Арсен, вернется к тебе после войны…

Тьма подступала. Арсен не показывался. Долго ждали они – его все не было. Темнота уже полностью скрыла Хоришу. Съежившись на камне, она дремала от усталости. Вдруг Диштрии показалось, что во мраке задвигалась какая-то тень. Она насторожилась, встала и пошла посмотреть. Из темноты выплыл человек, обменялся с ней парой слов и спустился к

берегу. В темноте слабо наметилась фигура Вахтанга. Хориша очнулась.

– Соловей на родину собирается, да? Что же будет с розой?.. – спросил Вахтанг.

Смиренно стоявшая в стороне Диштрия не нашлась что ответить на образный вопрос Вахтанга. Тот перешел на простую речь:

– Арсен не показывался сегодня – Нет, князь! – отозвалась Диштрия.

– Как же это? Неужели он так и уедет, не простившись? Диштрия вновь не решилась ответить.

– А, Хориша? – обратился Вахтанг к девушке. – Чем же все это кончится?

– Не знаю, ничего не знаю… – печально ответила Хориша.

– Тьфу!.. Да будет проклят тот, кто войну выдумал! Вахтанг даже плюнул.

Едва успела скрыться в темноте его удалявшаяся фигура, как во двор въехал всадник. Диштрия воскликнула:

– Конь Арсена! – и побежала навстречу.

Действительно, это был Арсен. Вместе с Вахтангом он спускался к берегу речки.

Подойдя к Хорише, Арсен ласково погладил ее кудри и присел на камень. Молча уселся рядом с ним и Вахтанг, сделав знак Диштрии распорядиться, чтоб им принесли ужинать Диштрия бегом направилась к дому и вскоре вернулась со слугами. Принесли факелы, и слуги стали накрывать стол.

Все молчали. Вахтанг несколько раз встречался взглядом с Арсеном, который тоже хранил молчание. Оба были во власти своих дум. К речке спустилась свекровь Вахтанга, Фраваши, с младшей сестрой Хориши – Ормиздухт.

– О чем задумались, дети мои? – спросила Фраваши. Молчание было ей ответом.

– Проклятие этой войне! – пробормотала Фраваши, сама поддаваясь общему настроению.

Сели ужинать. Вахтанг осушал одну чашу за другой. Он был чем-то раздражен, какая-то внутренняя борьба не давала ему покоя. Ему известно было, что армянская конница фактически находится в плену, что всем персам сделано предупреждение – следить за армянами. Он любил Арсена и не питал вражды к армянам, но какое-то новое чувство начинало копошиться у него в душе, и объяснения этому чувству он не находил: захватнические миродержавные стремления Азкерта, азарапета и персидской знати то вызывали в нем возмущение, то невольно покоряли его воображение. Та же двойственноегь была и в его отношении к Арселу: он с теплотой вспоминал самоотверженность и дружбу, проявленную Арсеном, но по временам какая-то животная злоба и ненависть к армянину поднимались из далеких, темных глубин его души. В такие минуты ему хотелось броситься на Арсена, убить его.

– Уезжаешь в Армению? – внезапно спросил Вахтанг, Арсен не ответил. Это усилило раздражение Вахтанга.

– Уезжаешь, значит!.. – пренебрежительно, с ударением повторил он. – Конечно, поедешь, чтоб привести своих армян против нас?!

Хориша с испугом взглянула на зятя: ей еще не приходилось видеть его в таком необычном настроении.

– Почему ты молчишь? – грубо спросил Вахтанг.

– О чем же мне говорить? – спокойно отозвался Арсен.

– О многом. Например, что ты намерен делать?.. – злобно настаивал Вахтанг.

– То же, что делал всегда, – с насмешкой ответил Арсен. Вахтанг замолчал. Он налил себе вина, выпил и отшвырнул чашу.

– Ты намереваешься сбежать, присоединиться к вашему войску и нагрянуть с войной на нас! Вот что ты намерен сделать!

– Раз тебе все известно, зачем ты спрашиваешь меня? – спокойно ответил Арсен, отставляя свою чашу.

– Значит, хочешь изменить нам?..

– А когда это я давал клятву Азкерту, что пойду с его войсками против моей отчизны?..

– А своим армянам ты дал, значит, клятву прийти с войной на мою родину?

– Вместе с «моими армянами» я верен клятве защищать мою родину!

– Против кого?! Против Персии? – И Вахтанг, до этого полулежавший, привстал. – Ну, отвечай: против Персии?!

– Почему же только против нее?.. – поднял голос и Арсен, – Против всех, кто посягнет на мою родину.

Вахтанг резким движением поднялся на ноги, сделал несколько шагов к дому и громко позвал:

– Эй, люди! Кто тем есть? Подите сюда!.. Фраваши с изумлением и беспокойством взглянула на него и с укоризной сказала:

– Что с тобой, Вахтанг, что ты затеваешь?..

– Люди, сюда! – еще громче крикнул Вахтанг.

Из темноты выплыли фигуры вооруженных слуг.

– Возьмите князя, заприте в погреб! – приказал Вахтанг.

– Горе мне! – заплакала Фраваши, ударяя себя по коленям и с испугом оглядываясь на Хоришу которая вскочила с места и стояла, точно окаменгв.

Никто не ожидал подобного поступка от Вахтанга. Фраваши пыталась успокоить зятя, но пьяный Вачтанг был страшен. Все же можно было надеяться, что вспышка пройдет и он образумится. Фраваши решила немного переждать.

Вахтанг осушал одну чашу за другой, продолжая бормотать:

– Персия!.. Персия!..

Фраваши сделала попытку вмещаться:

– Вахтанг!.. Подумай, что ты делаешь!

– Молчи, старая ведьма! – свирепо прикрикнул Вахтанг и приказал слугам:

– Возьмите его!

Слуги подошли к Арсену, но тот вынимал меч из ножон:

– Взять-то возьмут в конце концов, не спорю… Но у меня на родине не сдаются, пока нескольких чедовек не уложат!

Вахтанг молча и испытующе оглядывал его, но покуда он решал, как ему поступить, Хориша бросилась к Арсену и с мольбой склонилась к его ногам. Арсен, уже наполовину вытащивший меч, ударом кулака по рукояти вогнал клинок обратно в ножны и положил руку на кудри Хориши.

– Хорошо, не буду… Пусть ведут,..

– Ведите! – пьяным голосом приказал Вахтанг. Слуги подступили Сыло к Арсену, но тот снова вырвал меч и пошел к дому, лишь раз оглянувшись на Хоришу со словами:

– Ты этого хотела, и я послушался тебя…

– Не этого я хотела!.. Нет! – зарыдала Хориша и, подойдя к Вэхташу, стала на колени перед ним и обняла его ноги. Вахтанг, нахмурившись крикнул:

– Удались, не то расстанешься с жизнью, изменница!.. Не довольно того, что ты любишо врага, ты хочешь еще, чтоб я выпустил его?.. Знай, не увидит он утра!..

Фраваши вновь хотела сделать попытку образумить зятя, но вид Вахтанга удержал ее. Вахтанг точно обезумел: налившиеся кровью глаза смотрели с неутолимой злобой, и он все повторял одно и то же:

– Персия!.. Персия!.. Чтоб в Персии жили, воду ее пили, любили ее девушек – и потом пошли на нас войной?.. Задушу его в темнице!

Хориша молча плакала, закрыв лицо руками. Факелы освещали ее трепетной игрой света и тени. Фраваши горько вздохнула и замолчала. Ормиздухт подошла к Хорише и молча обняла ее.

Вахтанг встал и направился к дому.

– Что он хочет делать?! Горе мне, как бы он его не убил… – с плачем воскликнула Фраваши и, вскочив, пошла за ним.

Вахтанг приказал подать светильник и спустился в винный погреб. Тяжелый запах

плесени в соединении с острым ароматом вина действовал одуряюще. Выстроились в ряд вдоль стен гигантские карасы с раздутыми от вина брюхами; на их крышках расставлены были расписные чаши и винные кувшины.

Прислонившись к почерневшей от времени стене, Арсен, не шевелясь, мрачно смотрел в землю. Правая рука крепко сжимала рукоять меча.

Вслед за Вахтангом вошли в погреб и слуги. Они опасливо поглядывали на меч, который не решились отнять у Арсена, запирая его в погребе. Один из них, осмелев, подступил к Арсену и знаком предложил сдать меч. Арсен лишь пристально взглянул на него, не двигаясь с места.

Вахтанг остановился против Арсена, заложив руки за пояс, и начал молча разглядывать его пьяными глазами. Арсен не повернул головы.

– Гордый вы народ!.. – пробормотал Вахтанг.

– Но не бесчестный, – еле слышно произнес Арсен.

– Горды очень!.. Не будете вы жить!

– Горды – потому и будем жить.

– Будете жить?

– Будем жить!..

Арсен поднял глаза и выпрямился:

– Я по своей воле пришел, но почему ты привел меня и запер? Потому что я защищаю мою родину?

– Нет, – мягко ответил Вахтанг, – потому что я защищаю мою родину.

– Предательством, подлостью?

– Злобой, враждой! – повышал голос Вахтанг. – Насилием Оба, не отводя глаз, глядели друг на друга.

– Это – Персия! Ну-ка, произнеси это имя: «Персия»! Что ж, Дарий для того высек на Бехистунской скале имя Персии, чтоб какой-то армянин поднял руку на эту страну?

Сверкнув глазами, Арсен пристально взглянул на Вахтанга, поднял меч и приказал слугам:

– А ну, убирайтесь!

Не поняв его, слуги продолжали толпиться у двери.

– Не слышали, что я сказал!

Один из слуг поднял меч и бросился на Арсена. Меч Арсенэ поразил его в правое плечо; слуга упал. Остальные, испугавшись, отбежали от двери в глубину погреба. Арсен захлопнул дверь, стал спиной к ней и взмахнул мечом.

– Разите его! – отступая к стене, испуганно крикнул Вахтанг.

Никто не двинулся.

– Разите, говорят вам! – гремел Вахтанг. Слуги молча оглядывались, точно окаменев.

– Думаю, что раньше все вы будете мертвы! – спокойно сказал Арсен.

Вахтанг вышел из терпения:

– Не слышите, что ли, отродье Аримана?! Разите!

Слуги не двигались, со злобой и страхом выжидая удобной минуты, когда можно было бы нанести удар, не подвергая себя опасности: слишком грозен был вид Арсена.

– Что ты намерен делать? – спросил, наконец, Вахтанг, на которого подействовало спокойствие Арсена.

– Бросьте оружие в этот карас с вином! – вместо ответа приказал Арсен.

– Что ты намер.ен делать? – уже мягче повторил Вахтанг.

Слуги тотчас же уловили это смягчение в голосе господина. Они поняли и то, что Арсен не боится смерти и победить его они не смогут… Переглянувшись, они стали ждать, что он скажет.

– Не вам приказывают, что ли? Бросьте оружие! – крикнул Арсен, нанося удар одному из слуг.

Ужас овладел остальными. Они побросали оружие в полные вина карасы.

– Ну, теперь усаживайтесь наземь… Быстрее! Слуги сели – Дальше?.. – спросил озадаченный Вахтанг; опьянение постепенно проходило у него.

– Дальше? Мы останемся тут, пока не вынесут наши трупы – Но как ты осмелишься?

– Как видишь!

Ватстанг умолк, все более трезвея.

Арсен с насмешкой пробормотал:

– Насилием?.. Так ты сказал, не правда ли? Ну вот, получай теперь насилие!

Вахтанг злобно взглянул на него:

– Да ты не шутишь?!

– Знай же – ты умрешь здесь вместе со мною! «Но как ты осмелишься»? А вот ты как осмелился тронуть армянского князя?!

– Ты поднялся против Персии!

– Ты еще увидишь, как поднимаются против Персии! И против твоей Персии, и против твоей веры, и против твоего закона! И говорю вам снова: малейшее движение – и головы слетят у вас с плеч!..

– Ты нас бесчестишь.

– Не признаю я вашей чести. Вы сами обесчестили себя! И таковы вы и здесь и у меня на родине. Вы не считаетесь ни с чужой честью, ни с чужим самолюбием, ни с чужой родиной, ни с чужой свободой! Ваш царь силой принудил наших поклониться солнцу, и это в то время, когда наша конница защищала вашу страну!.. Неблагодарные!..

– Вот каким вы оказались народом!.. – злобно глядя на Арсена, сказал Вахтанг.

– Да, таковы мы со дня создания, мы не терпим посягательств на нашу свободу!

Снаружи послышались плачущие голоса. Кто-то закопошился у двери, постучал. Арсен не двинулся с места. В дверь снова постучали. Ответа не было.

– Там зовут, за дверью. Открой ее! – предложил Вахтанг.

– Эта дверь не откроется!.. – упрямо заявил Арсен.

– Открой дверь, Арсен! – с плачем просила Фраваши.

– Уходи отсюда, мать! Уходи! – мягко ответил Арсен. – Не откроется эта дверь, и никто не выйдет отсюда живым!

– Князь, воин прискакал к тебе из лагеря! – послышался голос Диштрии.

– Воин? – встревожился Арсеи.

– Призывают тебя в лагерь… Иди же! – сказал Вахтанг совершенно мирным тоном.

Арсен с беспокойством и сомнением взглянул на Вахтанга.

– Призывают тебя: видно, собираются сбежать в твою Армению. Иди же, ну!.. – полунасмешливо-полусерьезно повторил Вахтанг.

Арсен распахнул дверь погреба. У порога стояли теща Вахтанга, Диштрия и воин из армянской конницы с плетью в руке.

Арсен взволнованно шагнул к нему, и тот в знак привета приложил руку к груди.

– Что случилось? – спросил Арсен.

– Приказано к завтрашнему дню быть обязательно в лагере… – сообщил воин. – Обязательно! – многозначительно повторил он.

Вышедший вслед за Арсеном Вахтанг слушал, стоя рядом. Не желая усиливать подозрений, Арсен обратился к воину:

– Хорошо, возвращайся. Я приеду.

Воин повернулся и быстро зашагал к воротам, где, очевидно, был привязан его копь.

Арсен поспешил к берегу: он искал Хорншу. Спустившись, он увидел ее. Она сидела у стола, покачивая головой, закрыв лицо руками.

– Хориша!.. – тихо окликнул он. Хориша разрыдалась.

– Оставь слезы, Хориша, меня вызывают в лагерь. Хориша вскочила с места, стала перед Арсеном. Не время было плакать… Она поняла: Арсен обязан немедленно ехать, а ехать – значило пуститься в далекий путь, в Арч чжю или в страну кушанов… Это был конец всему!

К стоявшим в смятении Арсену и Хорише подошли ссталиные. Вахтанг сел на свпе место и движением руки пригласил Арсена занять место за столом. Остальные также присели, чтоб сгладить впечатление от недавнего происшествия и успокоить противников.

Вахтанг пригласил веех наполнить чаши. Слуги принесли вина.

– Возьми чашу! – обратился к Арсену Вахтаиг. – Возьми, выпьем кровь земли! Кроаь друг у друга будем пить после…

– Проклятие козням Аримана!.. Не поминай прошлого! – укорила Фраваши.

Арсен, раздираемый смятением и заботой, непроизвольно обернулся к Вахтангу:

– Ив радости ты приказываешь?

– Значит, и в радости приказывать нельзя? – косо глянул на него Вахтанг. – Нехороший ты человек!

Арсен с горечью опустил взор, судорога свела его губы.

– Ну, о чем задумался? – насмешливо окликнул Вахтанг. Арсен горько сказал:

– Да, веками властвовали вы над нами и, лишь властвуя, «любили», принимали нас как друзей… И поскольку мы молчали, это стало для вас привычным. Вот видишь – стоило мне оказать тебе сопротивление, и уже я стал для тебя «нехорошим человеком»! Мигом делаетесь вы врагами… Да, плохо приучили мы вас!

– Могуча няща страна, непобедима!

– Именно это могущество и испортило вас: не любите вы чужеземцев, не уважаете их!

– Во имя Ормизда, не начинайте вы снова!.. – намолилась Фраваши.

Арсен оглянулся па Хоришу. Испуганный, любящий и молящий взгляд ее был обращен к нему. Взгляд этот молил смягчиться, успокоиться, примириться. Не было ничего общего между этим взглядом и взглядом Вахтанга: в нем были не повеление, не насилие, а только любовь, в нем выражалась готоиность принять смерть. Он был непобедим его и самоотверженностью – этот взгляд.

Арсен долго не отводил глаз от Хориши. Странно – в ее взгляде те было ни мзллшгсто отражения того, что произошло только что. Ведь Арсен ранил двух слуг в ее доме, поссорился с Вахтангом, чернил ее народ, говорил о нем с ненавистью, – но Хориша как будто не видит этою, не способна этого осознать. Ее взгляд так близок сердцу Арсена, он такой же родной, как горные цветы у него на родине, как дым из родных срдиков, как сверчок вечером в родном доме… Как будто Хориша – дочь народа Арсена, Родная ему со дня рождений! Теплая любоаь сестры светилась в этом взоре, готовность жертвовать собой. Как будто сама природа смотрела на Арсена, – не возлюбленная, а мать-защитница.

Арсен смягчился, примиренным и ласкающим взглядом ответил на взгляд Хоришк. Он не заметил, что Вахтанг ревниво и насмешливо следит за ним.

– Гм… Завладел, да?.. – пробормотал Вахтанг вполголоса. Арсен не ответил. Мать и сестра Хоришн глядели на него с ласковой, печальной улыбкой. Фраваши вздохнула:

– Ах, как же это получилось?..

– А что же должно было получиться? – отозвался со злобой Сахтанг. – Явился к нам, завладел нашей девушкой, а теперь замахивается на нас мечом! Осквернил хлеб-соль нашу…

– Этого ты не говори! – с гневом оборвала его Фраваши. – Не говори хотя бы этого! Вспомни войну с кушанами и воздержись хотя бы от этого!..

– Ну и что ж! – воскликнул Вахтанг, резко поворачиваясь в ее сторону. – Своей услугой он должен колоть мне глаза?

– Он не говорил ни слова, не клевещи на него…

– Если б даже он тысячу раз спас меня от смерти – все равно: Персия – это Персия!

– Вот это правда! – сказал Арсен. – Наконец-то ты хоть раз обмолвился истинным словом!

– Истинным? – раздумчиво откликнулся Вахтанг. – Истин много на свете. Хотя, чему быть, того не миновать… – проклятье Ариману! Эй, – крикнул он слугам, – зовите певцов!

Слуги побежали к пристройке, где жили домашние музыканты Вахтанга.

– «Истинным…» – медленно повторял Вахтанг. – Истинное – не это… Истинное… –

Он умолк, опять забормотал и протянул руку, как бы что-то ища.

– Чего тебе? – удивилась Фраваши.

– Налейте вина!.. – бормотал пьяный Вахтанг. Музыканты явились, расселись на земле и стали настраивать инструменты, протирая сонные глаза.

– А ну, глотните вина, чтоб смыть рхавчину с лица! – с беспричинной радостью приказчл опьяневший Вахтанг.

Музыкантам поднесли вин? Оги стряхнули сон и начали играть. Музыка оживила всех. Задумчив и неспокоен был один лишь Арсен. Что же случилось в лагере?.. Может быть, выступление на войну? Может быть, готовятся к побегу?.. Так или иначе, ему придется покинуть Хоришу. Это омрачало радость предвкушаемого возвращения на родину.

Звезды мигали своими огненными ресницами, небо становилось бездонным, свод его все поднимался. Сонно бормотала речушка… Время было отдохнуть.

Утомленный Вахтанг дремал на ковре, облокотившись на подушку. Фраваиш с дочерьми напряженно ждала, чтоб его дремота перешла в крепкий сон: все чувствовали потребность умилостивить Арсена, смягчить нанесенную ему обиду. Когда Вахтанг, наконец, крепко уснул, Фраваши сказала:

– Уходите в дом спать, дети мои. Пусть он спит здесь; я останусь следить за ним.

Все разошлись. Арсен с Хоришей направились к дому. Атрушан у входа в покой вспыхнул и предательски осветил их лица. Затем мрак поглотил их, – они вошли в комнату Хориши.

В маленькой комнатке слабое отражение огня атрушана ласково скользнуло по Арсену и Хорише. Они уселись на край ложа и, тихо взявшись за руки, долго молча глядели друг на друга глазами, которые говорили больше и красноречивее, чем все человеческие слова. Арсен только сейчас почувствовал, чем объяснялась его выдержка в стычке с потерявшим голову Вахтангом, – и простил себе… Но от событий этой ночи у него остался на душе осадок; он впервые задумался над тем, что он и Хориша – дети разных народов. Яд Вахтанга не подействовал, но какое-то неприятное ощущение не проходило. Арсен попытался рассеять его.

– Обезумел он… Словно околдовали его!.. – подумал он вслух. – Таким я его еще не видел!..

– Пьян был, – шепнула, точно про себя, Хориша.

– Значит, вино вынесло наружу грязь его сердца?

– Нет, Арсен, сердце у него хорошее, – с грустной улыбкой возразила Хориша.

– Чего же он хотел достичь, бросая меня в темницу? Здоровье мне сберечь или удержать меня как украшение?

– Но ведь потом он обо всем забыл!.. – старалась оправдать Вахтанга Хориша.

– Да, как будто… А потом все-таки сказал, что мы будем пить кровь друг у друга!.. – вспомнил Арсен и задумался.

Хориша была полна счастья. От ее нежного взгляда рассеивались черные мысли Арсена. Чувство, которое владело ею, возносило ее над всеми событиями этой ночи, С бархатной нежностью она скользнула в объятия Арсена.

– Не надо! Забудь!.. – шепнула она, слегка прижимаясь щекой к его устам. Сердце Арсена забилось, сладко замерло, он обнял Хоришу. Как было хорошо в этих объятиях, как легко несла их жизнь на своих крыльях!..

Как ни хотелось Арсену забыть поскорей все пережитые неприятности, он все же вновь возвращался к словам Вахтанга. Но ни к какому заключению не смог прийти, так как или не помнил их достаточно хорошо, или не уловил их точного смысла.

А время текло. Арсен вспомнил, что его вызывали, что ему нужно вернуться в лагерь.

– Хориша!.. – тихо сказал он.

Хориша вздрогнула, с испугом взглянула на него.

– Хориша, мне нужно ехать…

Хориша окаменела, продолжала молчать. Лишь глаза ее говорили о том, как глубоко

она потрясена. Так уходит жизнь – внезапно и безжалостно!.. Значит, все кончено. Но как может Арсен, ее ласковый, добрый, родной Арсен, так легко оставить ее и уйти?..

Хориша в смятении взглянула на Арсена, улыбнулась жалобно, ожидая, чтоб он хоть словом смягчил удар.

– А разве нельзя не ехать?.. – спросила она, надеясь на что-то.

– Нет, Хориша!.. Я же воин…

– Тогда возьми и меня с собой! – как бы найдя выход, попросила Хориша. Арсен обнял ее.

– Возьми меня с собой, возьми! – заплакала Хориша. – Я буду жить в вашей стране, как живут ваши, я поклонюсь вашему богу, стану вашей… Возьми!

– Станешь нашей? – улыбнулся Арсен.

– Я тебя хочу, больше мне ничего не надо! Я не ненавижу ни наших, ни ваших, я не хочу воины ни с кем! Что мне может помешать? Я смогу, я приеду к тебе, стать твоей женой, а хочешь – служанкой твоей… Возьми меня с собой!

Нежно и любовно Арсен прижал Хоришу к своей груди.

– С войском ехать тебе не подобает, да и не выдержишь ты, – ласково сказал он, приглаживая ее кудри. – Приеду за тобой после войны, будешь моей женой…

Хориша с тоской вздохнула.

– Как же может быть иначе, Хориша? – серьезно сказал Арсен. – Жди, непременно приеду за тобой!

Хориша прижалась головой к груди Арсена, не шевелясь, безмолвно. Казалось, она слилась с Арсеном, стала неотделима от него. Так сладостно было это слияние, что Арсен вновь забыл о непосредственном своем долге и отдался любви.

Ночь текла. Хориша спала, склонив голову на плечо Арсену. Заложив руки за затылок, Арсен задумался, глядя в потолок.

Воин не заехал за ним вторично. Значит, особой спешки не было, можно было остаться до утра. Но все равно -если и не в эту ночь, то завтра или в иной день должен был пробить час бегства. Придется покинуть Хоришу – это кизбсмно; напрасно оттягивать час разлуки, он неотвратим… Арсену взгрустнулось, сердце его сжалось: ему было жаль Хоришу, не повинной ни в чем и не заслужившей такого грубого удара судьбы.

Арсен смутно сознавал, что в этот прощальный час в его душе теплилось то, что помогало ему снести удар: любовь к отчизне. Теперь, когда близился час возвращения на родину, в душе Арсена оживали забытые воспоминания детства. Он только теперь почувствовал, что стосковался по родине, что эта тоска все время жтет, затаившись, у него в душе. Он мечтательно закрыл глаза, призывая воспоминания. Видением пронеслись перед ним картинн далекой отчизны. Сколько лиц улыбалось ему, прослезившись, отвечало ему глубоким любовным взглядом!.. Вот родной замок, залитый лучами утреннего солнца. Яркий мох лепится по стенам и ограде северной башни. Внизу, в ущелье, еще лежит туман. Похожая на снежно-белую косу река будто расплетается на порогах. Гремит эхо в пещерах, на скалах щебечут птицы…

Повернувшись, Арсен взглянул на Хоришу, о которой забыл, которая как бы стала ему на миг чужой. Сон овладел любимой, подхватил, унес в свою бездну… Закрытые глаза под стрельчатыми ресницами не глядят на Арсена. Лишь в наружных уголках губ едва намечается тоскливая и грустная улыбка, от которой морщатся эти уголки: сжались жалобно губы. Хориша положила руку на сердце Арсену. Так спокойно лежала эта рука, столько доверчивой надежды на защиту было в ней, что он почувствовал и умиление и укор совести. Не потому, что он покидал ее, нет… Кончится война, и они встретятся снова. Арсен почувствовал раскаяние оттого, что, увлекшись мыслями о родине, он как бы на миг забыл о Хорише, почувствовал отчуждение. Он с нежностью сжал маленькую сонную руку. Хориша ответила во сне таким же пожатием. Арсен долго глядел на лицо Хориши. Хотя глаза ее были закрыты, но на лице лежала печать чего-то нового, какого-то нового познания. Арсен с благоговением подумал об этой тайне. Как велика она и возвышенна!.. Любимая женщина

носит в себе то маленькое существо, которое в некий день появится на свет, прижмется к груди матери и невинными глазами взглянет на нее и Арсена. Что же представляет собой это существо? Оно и чужое им обоим и в то же время родное им по крови. Оно сливает в себе две родины, объединенные в одной жизни. И оно прежде всего будет человеком. По зову Арсена и Хориши оно явится в мир, чтоб спросить: «Вот я, – зачем вызвали вы меня?..»

Легко дышала Хориша. Тайна весенней земли осенила ее – земли, которая полнится зачатием растений и скрывает в себе обещание весеннего цветения и урожая. Ни у кого она не спрашивает разрешения, никого не боится. Рождает только – принимай!..

На ступеньках лестницы послышалось шарканье. Кто-то медленно поднимался. Арсен прислушался. Вошедший пытался в темноте нащупать дверь. Арсен понял, кто это, и не двинулся с места. Дверь открылась, вошла Фраваши.

– Подойди, мать, – шепнул Арсен, не поднимаясь.

Фраваши осторожно прикрыта дверь, подошла и опустилась на подушку, брошенную на коврик. Когда взгляд ее упал на Хоришу, вернее, на ее руку, которую та положила на грудь Арсену, Фраваши грустно улыбнулась, и глаза ее наполнились слезами. Она опустила голову и молча заплакала. Арсен безмолвно смотрел на нее, не шевелясь.

– Уходишь? – шепнула Фраваши. – Что же будет?.. Когда вернешься? И кто знает?.. Ох, эта война, война!.. Не устали руки у вас, безбожные вы люди, не надоело еще вам? Довольно же, довольно!..

– Но ведь воюем не мы, армяне, – мягко объяснил Арсен, – нас вынуждают воевать.

– Ох, не знаю я, не знаю!

Фраваши задумалась, озабоченно взглянула на Арсена и перевела многозначительный взор на Хоришу:

– Ребенка ждет… Узнает она что-нибудь – погибнет плод.

– Тебе поручаю заботу о ней, мать: утешай ее, говори всегда, что получила добрые вести.

– Э-э, сын мой, это-то я буду делать!.. – грустно отозвалась Фраваши. – Как же иначе? Но вот тревогу за тебя – как мы ее выдержим? Война ведь! Беда на каждом шагу…

Она вновь заплакала. Взволнованный, Арсен осторожно снял со своей груди руку Хориши, встал, подошел к Фраваши и, присев рядом, прижался головой к ее груди.

Фраваши обняла его и поцеловала.

– Вернусь я, мать, не грусти!

– Эх, сынок, смерть всегда лучших забирает. Упаси, Ормизд! Приляг уж, отдохни. Я пойду, – ласково сказала Фраваши.

Вдруг, точно раненые птицы с подбитыми крылами, влетели в окно и разлетелись по комнате пучки цветов, это Диштрия, не желая стучать в дверь, подавала Арсену знак.

У Арсена молнией мелькнула мысль: «Из лагеря…»

Подняв с полу слегка поникшие от дыхания осени цветы, Арсен взглянул на них: как похожи они были на цветы его родной страны. Нет, не «похожи», а те же самые…

Хориша проснулась, с испугом схватилась за руку Арсена, как бы стараясь удержаться на краю пропасти – Арсен!.. Уезжаешь?

Арсен обнял ее, прижался устами к ее сонным глазам Хориша прикоснулась своим нежным лицом к щеке Аргона, но вдруг резким движением присела в постели:

– Уезжаешь?..

– Поцелуй, попелуй ее, сынок… – жалостливо и растроганно шепнула Фраваши Арсен крепко сжал Хоришу в ибъятиях.

– Дашь ли ты знать ему, наконец, дьявол тебя возьми? – послышался грубый мужской голос в темноте под окном.

– Да тише ты!.. – испуганно остановил его юлос Диштрии. – Здесь он…

– Ну, быстрей извести его! – чуть тише, но так же повелительно произнес мужчина.

– Из лагеря!.. – вскочил Арсен и поспешно начал одеваться. Хориша последовала его примеру.

– Ну, в чем дело? – спустившись вниз, обратился он к воину, освещенному светом лампадки, которую держала Диштрия.

– Приказано всем собраться, князь! – раздраженным голосом сообщил воин.

– Спешно это? – спросил Арсен.

– Да, спешно, князь! – с оттенком укоризны отозвался воин и, осмелев, добавил:- Не тяни, князь, едем немедленно!

– Но что случилось? – спросил Арсен, подходя к нему вплотную.

– Поход на кушанов, – вполголоса объяснил воин.

– Когда выступаем?

– На рассвете.

Подошла Фраваши с Хоришей и Ормиздухт.

– Сейчас? Немедленно? – тихо спросила Фраваши. Арсен озабоченно взглянул на нее.

У ворот послышались шаги, голоса. Один из сторожей подбежал к Фраваши.

– Что случилось? – спросила Фраваши.

– Госпожа, у входа та девушка армянка. Мы говорим ей, что сейчас ночь, никого не можем впустить, но она плачет, хочет видеть тебя.

– Впусти ее! – приказала Фраваши.

Из темноты выбежала Вараздухт и бросилась в ноги Фраваши:

– Спаси, госпожа!..

– Что случилось, дочь моя?

– Азарапет повелел схватить меня… Казнить меня хотят… Оклеветали меня, будто я распространяю слухи, обеляющие марзпана.

Вкратце описав свое положение, Вараздухт стала просить Фраваши устроить ей свидание с сестрой Михрнерсэ, чтоб вымолить у азарапета Персии прощение.

– Опасно это, дочь моя! – задумалась Фраваши. – Если откажет она тебе – простишься с жизнью…

– Пусть! Я объясню азарапету. Ведь я только говорила, что это марзпан повелел заключить в темницу персидских вельмож… Кнлзь, замолви слово за меня перед госпожой!.. – обратилась она к Арсену.

Арсен сжалился над нею.

– Исполни, мать, ее просьбу: ведь она говорила только правду. Если хотят покарать – пусть берутся за мятежника! Но он далеко… А девушку жалко.

– Да, да, матушка, – присоединилась к его просьбе и Хориша.

Фраваши согласилась приютить Вараздухт.

Даже в миг грозившей ей смертельной опасности Вараздухт заметила смятение, царившее кругом. Часто посещая эту семью, Вараздухт знала о близости, существовавшей между Арсеном и Хоришей. Когда взгляд ее пал на Арссна, стоявшсто рядом с армянским воином, на полные слез глаза Фраваши, Хороши и Диштрии, она преисполнилась таким острым желанием помочь им, что забыла об опасности, грозившей ей самой.

Хмуро и неодобрительно поглядывал на всех воин, опустив руку с плетью.

– Ну, в путь! – произнес Арсен.

Он подошел к Фрааааши, склонился к ее руке. Фраваши горячо обняла его. Арсен повернулся к Хорише, поцеловал ее в лоб, который она подставила ему в каком-то оцепенении, простился и с остальными. Распахнулись ворота, схакун взвился под Арсеном Приближался рассвет. Восток начал алеть. Глухо плакала Диштрия. Хоркша и Фраваши еле сдерживали слезы.

– Да будут оплотом тебе Амеша Спента, благие блюстители! Путь добрый! – повторяла Фраваши.

В застланных слезами глазах Хоришн мелькали Арсен, его скакун… Долго смотрела она, пока холм не закрыл маячившие в полумраке очертания всадников. Теп чая рука Вараздухт коснулась ее плеча.

– Зайдем в покои, – шепнула Вараздухт и слегка потянула помертвевшую Хоришу за

руку. Уединившись с ней, Вараздухт как бы забыла об угрожавшей ей опасности. Она обняла Хоришу, прижала ее голову к своей груди. Вараздухт испытывала невольную зависть к этой глубокой, самоотверженной любви, и счастье и горе которой были так велики. Чувство умиления охватило Вараздухт, она и сама жаждала глубокой и чистой любви. Мысли ее унеслись к Сюпийским горам, к обители «будущего царя армянского». У нее было теплое чувство к Арсену и Хорише, ко всем людям на земле, она готова была пожертвовать жизнью, чтоб помочь всем страдающим от любви. В этот момент Вараздухт была кротка и незлобива, как ягненок…

«Лишь бы спасся он!..» – молила она в душе.

Но как может спастись он, если находится в смертельной опасности та, которая должна была его спасти?! Она едва успела выскользнуть через черный ход, когда люди Михрнерсэ пришли за нею в дом Варазвагана. «Что ожидает его, если он будет схвачен и, закованный, приведен к Азкерту?» – думала Вараздухт. Кровь застыла у нее в жилах. Закрыв глаза, она постаралась представить себе тот счастливый день, когда Васак победит всех своих врагов и в блеске царственного величия будет объезжать Армянскую страну… Но кем будет тогда она, Вараздухт? Ей не кадо ничего, пусть она будет его служанкой, последним человеком в его дворце, пусть даже убьют ее – лишь бы спасся он!.

Близился рассвет. Запел жрец, призывая обитателей дворца идти поклониться солнцу.

Все высыпали во двор. Разбудили и спавшего на берегу речки Вахтанга. Он встал злой и недовольный, еще не протрезвившийся. Все собрались на берегу речушки приветствовать восходящее солнце. Впереди, обратив к востоку смуглое лицо с длинной бородой, стоял жрец в белых одеждах.

Листья, уже начинавшие желтеть, падали от малейшего дуновения ветерка. Берега речушки были еще в зелени. Восток раскрывался, точно ворота. Горловым голосом жрец запел «Песнь восхода», напоминавшую перезвон бубенцов каравана. К жрецу присоединились его молодые спутники. Внезапно тусклый, рассеянный свет на полях сменился сияющей улыбкой: взошло солнце. И, следуя примеру жреца, все преклонили колена.

После молитвы Вахтанг пригласил жрецов к завтраку. Виночерпий разлил красное вино, и оно всех оживило, смыв также и ржавчину с настроения Вахтанга. Быстро оглядев сидевших за столом, он спросил:

– А где армянин?..

– Уехал, – грустно ответила Фраваши.

Вахтанг что-то раздраженно буркнул и снова спросил:

– А где же Хориша?

– У себя.

– Позовите ее! – распорядился Вахтанг.

Хориша пришла вместе с Вараздухт. Она была бледна и грустна. Вахтанг исподлобья взглянул на Вараздухт и обратился к Хорише:

– Куда уехал возлюбленный твой?

– В лагерь, князь. Вахтанг нахмурился:

– Нет, не в лагерь, а в Армению! Уехал, чтоб вернуться с войском и погубить Персию!.. Скажи – ты дочь Персии или дочь Армении?..

– Персии, князь…

– А-а!.. Ну так знай, что он жаждет погубить твою Персию! Зто утро, эти деревья, эта речка, это сладкое журчание, священный огонь, солнце, небеса – это все Персия… Ты только произнеси это слово: «Персия»!..

Жрец осушил чашу с вином и, отставляя ее, сказал:

– Велик на небе Агурамазда, велика на земле – Персия!

– Вечная истина! – подтвердил Вахтанг.

– И два блаженства на земле, – продолжал жрец – Одно блаженство – жить! Другое блаженство – властвовать над миром!

– Истинно! – возликовал Вахтанг. – Персия – властитель мира; и арчйцы – самый лучший, избранный из народов! Остальные народы хороши, если подчиняются Персии. Виночерпии, вина! Музыканты, идите сюда все!..

Виночерпий налил вина всем из кувшина с высоким горлышком.

– Изволь пожаловать, дочь армян! – Любезным жестом Вахтанг пригласил к столу Вараздухт, отошедшую было в сторону.

Музыканты начали играть. Простая и нежная мелодия, улыбающееся раззолоченным деревьям солнце, виноградник на другом берегу речки несли радость взору. Грустны были лишь Фраваши с Хоришей и Диштрией. Они молчали. Напряженное состояние переживала Вараздухт, колебавшаяся между страхом смерти и надеждой.

Неожиданно резким движением Вахтанг обернулся к Хорише:

– Из гордого народа происходит твой возлюбленный, гордого духом!.. Не его хочу я убить – гордый дух хочу я убить в нем!..

Молчание, последовавшее за этими словами, нарушалось лишь слившимся в одну мелодию шумом речушки, деревьев и птиц.

Вараздухт следила за беседой, не упуская ни слова. Для нее была неожиданностью весть о предполагаемом побеге армянской конницы.

Солнце было уже довольно высоко, когда сотрапезники встали из-за стола.

Вахтанг ушел к себе, жрецы и музыканты разошлись. Хориша с Вараздухт прошли в виноградник на другом берегу речки.

– Князь Арсен уехал? – спросила Вараздухт, сочувственно глядя на Хоришу.

– Уехал… – печально подтвердила Хориша.

– Если удастся… если не узнают…

– Армянская конница хочет бежать?..

– А не узнают?

– Нет. Один лишь князь Вахтанг подозревает об этом…

– А вдруг он сообщит? – высказала опасение Вараздухт.

– Не знаю… Может случиться…

Вараздухт задумалась. Она нашла временное пристанище в доме Вахтанга, но знала, что ей грозит смертельная опасность. В ее душе вспыхнуло страстное желание сохранить жизнь. Спастись самой, спасти и его, помочь ему вознестись и вновь зажечь его любовь, которая начинала остывать в сердце марзпана, поглощенного государственными заботами. Но пока нет смысла думать о любви, о счастье Нужно спасать две жизни. Уныние охватило Вараздухт, она умолкла.

Хориша, которая еще не успокоилась после разлуки с Арсеном, не глядела на Вараздухт, но, случайно обернувшись в сторону гостьи и заметив глубокую тоску на ее лице, почувствовала сострадание к ней и встрепенулась:

– А твое дело, Вараздухт? Идем попросим матушку поторопиться, пока за тобой не пришли люди азарапета. Пусть она пойдет к Михрнерсэ…

Они вернулись в дом. Но Фраваши решила переждать:

– Нет, пусть стемнеет. Сейчас еще опасно… Вараздухт не надо показываться… А слугам я прикажу молчать, если кто-либо явится и будет спрашивать о ней…

Через унылую равнину направлялась в Византию группа всадников. Впереди ехали вельможи, за ними следовали телохранители и слуги – всего человек двадцать-двадцать пять. В числе вельмож были Вааи Аматуни, Меружап Арцрупн и Амаяк Мамнконян. В пути к ним присоединился также направлявшийся в Византию сановник кесаря сириец Елфариос – невзрачный человек с вьющейся бородкой и морщинистым лицом. Вторым попутчиком был крепко сложенный, синеглазый и краснолицый стратилат Византии – Анатолий. С его широкого лица не сходило выражение недовольства: видно было, что он не пугает особой прилсни к армянским нахарарам. Елфариос, наоборот, держался очень приветливо, хотя глаза его не теряли холодного и настороженного выражения, даже когда он смеялся и шутил. Затаенная ненависть к армянам чувствовалась в этом человеке, хотя он и старался скрыть ее.

Видно было, что и армяне не очень роди своим попутчикам, с которыми свело их стечение обстоятельств.

Положение в Византии сложилось неблагоприятное – ожидалось нашествие гуннов. Одновременно косились слухи, что император Феодосии занемог.

Попутчики присоединились к армянским послам у Даранаги и с тех пор не расставались с ними. Это казалось слегка подозрительным Баану Аматуни: они сами двигались далеко не с походной быстротой, тогда как Анатолий с Елфариосом могли бы, сменяя коней на стоянках императорской дороги, достигнуть Византии гораздо раньше их.

Анатолий редко разжимал уста, но и то, что сн говорил, дышало неприязнью.

– Не понимаю, что может сделать косарь для вас, имея против себя Азкерта?.. – заявил он как-то, уже недалеко от Византии.

– Кесарь может помочь нам обуздать Азкерта, который является врагом не только Армении, по и Византии, – отозвался Ваан Аматуни.

– Но Азкерт – Друг нам, насколько мне известно. У нас с ним заключен союз. Помогать вам – значит, разорвать союз с ним.

Мыслимо ли это?

– Так, говоришь, «немыслимо», князь? – с горечью повысил голос Ваан Аматуни. – Но ведь кесарь может убедить Азкерта оставить в покое христиан-едивоверцев греков, дать ему понять, что армяне могут перейти на сторону Византии.

– На сторону Византии армяне перейдут и без тою. Но каковы силы армян? У армян сил нет, – с грубой и оскорбительной прямотой отрезал Анатолий.

Сепух Меружан с усмешкой взглянул на Анатолия:

– А не соблаговолит ли князь объяснить мне: почему же августейший кесарь пошел на такие уступки во время заключения последнего союза с Азкертом?..

Анатолий побагровел от ярости:

– Какие уступки?

– Известные тебе уступки, которые являются прекрасным доказательством того, что есть сильнейший над сильным.. Вспомни города в Междуречье ведь уступили вы их Азкерт!..

– Это только из-за Атиллы. На Византию идет Атилла!.. – принужден был объяснить Анатолий.

Но сепух Меружан не удовлетворился этим объяснением.

– Что из того А разве Азкерт не ожидает нашествия кушанов?.. Эх, разума нет у этого Азкерта: оч стремится уничтожить народ, который мог бы ему помочь!

– Народ, который мог бы ему помочь?.. Гм…

– Вот именно! – пренебрежительно бросил Меружан, хлестнул коня и проскакал вперед, не желая продолжать беседу с высокомерным византийцем. Вспыльчивого сепуха уже начинало выводить из себя это высокомерие, спорое он почувствовал, едва послы ступили ногой на землю Византии. Пренебрежение они чувствовали всюду, где сталкивались с треками, а песпедние слова Анатолия задели Меружана до глубины души.

– Молодому сенуху не хватает выдержки, необходимо?.. послу! – усмехнулся Анатолий.

– Успеет он приобрести выдержку, время у него есть! – отразил удар Ваан Аматуни. – Не успел еще он испортиться… Да и сейчас он направлен к кесарю не в качестве посла, а как знаток по военным вопросам – чтобы дать объяснения о вооруженных силах страны Армянской, вместе с сепухом Амаяком, хорошо разбирающимся в военном снаряжении.

– Значит, у вас имеются и военпье силы и снаряжение? – с насмешкой переспросил Анатолий.

– Жало есть и у пчелы, князь.

– Ого… – усмехнулся византиец.

Он умолк было, но потом заюворил снова.

– Разумно поступил соплеменник раш, князь Васак Мамиконян, отказавшись иметь

пело с вами. Да и вообще разумно было бы не иметь дела с вами! – с пренебрежением кинул он.

Насмешливый тон Анатолия становился уже прямо оскорбительным. Ваан Аматуни умолк. Он не глядел в сторону Анатолия. Когда его скакун поравнялся со скакуном Меружана, старик азарапет с горечью вздохнул:

– Куда нас посылают, боже милосшвый, куда?!

– Но почему ты согласился, азарапет?.. – хмуро спросил Меружан.

– Почему согласился?.. Да потому, что нужно было поддержать единение между нашими нахарарами, нужно было собрать все силы, не дать нашим отчаяться и рассеяться, нужно было, чтобы они сплотились хотя бы в надежде на помощь греков. Почему согласился?!..

Надвигался мрак. Подул холодный, сырой ветер. Начал накрапывать дождь. Путники накинули на плечи плащи, замолкли, прислушиваясь к хлюпанью грязи под копытами коней. Ваан Аматуни опустил капюшон, с тоской думая о теплом ночлеге. Старому азарапету тяжело давался долгий путь, но наглость и грубые насмешки византийца действовали на него сильнее, чем все дорожные тяготы.

«Куда послали нас, куда мы едем?! Как можно возлагать какие-нибудь надежды на армянских нахараров, пригревшихся на службе у коварной Византии?..» – с горечью размышлял опальный азарапет армян. Сам он сильно сомневался в том, чтоб нахарары армянских уделов, отторгнутых Византией при разделе Аршакидской Армении, чем-либо могли помочь своим соотечественникам в их борьбе с персами; сомневался даже в том, что они пожелают ходатайствовать за них перед императором…

Старый полководец, не раз громивший на полях своего родового удела шайки горцев, прорывавшихся через сторожевые заслоны на северной окраине Армении, ехал ныне послом в Византию- вымаливать помощь у спесивыч и двуличных греков… «Осмеяние привезем мы на родину, а не военную помощь… И поделом мне, поделом! Почему я не разубедил пылкого Нершапуха, который верит в помощь Византии?.. Вот вам Византия, вот вам ее наглый полководец!»

Холод все усиливался. Но дрожавший от стужи старый азарапет не стал больше кутаться в свой плащ: все равно не согреть одряхлевшего, иссеченного ранами тела, как не согреть старого сердца, раненного бессердечными словами чужеземца!

Супруга Гадишо Хорхоруни почтительно и радушно приняла в своем замке Старшую госпожу с ее спутницами, направлявшимися в Тарон. Столица Хорхоруника, расположенная на побережье Бзьунийи ого моря, в ознаменование прибытия гостей приняла праздничный вид.

Княгиня Ашхен Хорхоруни обратилась к гостям с просьбой провести с нею первые осенние месяцы. Супруга Спарапета решила поскорее добраться домой, чтоб сделать запасы на зиму, поскольку в Огакане ожидалось большое скопление народа. Но у княгини Ашхен был особый довод:

– Давайте повенчаем моего Артака с ориорд Анаит, тогда не стану вас удерживать.

Госпожу Дестрнк не сразу удалось уговорить:

– Намерение у тебя доброе, госпожа Ашхен. Но ведь война… Время ли сейчас?

– Война войной!.. – настаивала княгиня Ашхен. – Справим свадьбу, пусть молодые порадуются.

– Но не сегодня-завтра князя Артака призовут на войну, госпожа Ашхен! – пробовала возражать супруга Спарапета.

– Так пусть не останется у него тоски на сердце перед выступлением! – настаивала на своем госпожа Ашхен.

– И отца Анаит нет здесь. Как же можно без него? Да он нас всех на шампуры нанижет! – вмешалась княгиня Шушаник.

– Отца вызовем! – нашлась и тут госпожа Ашхен. – Ведь он в Ахтамаре, рукой подать.

И госпожа Ашхен поведала о последнем чудачестве отца Анаит: считая свой воинский

долг выполненным, Гедеон заявил, что теперь он намерен поступить в монастырь и показать всем, как нужно поддерживать святую веру. Всем были известны странности сепуха Гедеона, поэтому рассказ госпожи Ашхен вместо сочувствия вызвал общий смех.

Матримониальные планы княгини Ашхен встретили одобрение и у матери Гадишо. С легкой улыбкой на круглом, как луна, лице она заявила:

– Да, да, обвенчайте их! Узнав об этом, и сам Гадишо, возможно, приедет домой!

Госпожа Ашхен принялась за приготовления к свадьбе с таким увлечением, что сумела поднять настроение гостей.

Госпожу Дестрик эти приготопления не радовали. Зная отношения Гадишо и Артака Рштуни, она всячески старалась оттянуть свадьбу. Но княгиня Шушаник привела матери другой довод:

– Пусто между нашими семьями будет единение: жены нахараров должны держать нашу сторону и не допустят измены мужей. Кто знает, ведь все бывает на свете…

– Спарапет на войну собирается. Не подобает сейчас свадьбы праздновать, Шушаник! – возражала госпожа Дестрик.

– Поздно возражать сейчас, мать.

– Не знаю, дочь моя. Пусть тогда Мать-госпожа даст разрешение…

Обратились к Старшей госпоже, и она спокойно сказала:

– Жизнь требует своего, дети мои. Если разразится война, неужели не должна наступить весна, не должна родить земля? Обвенчайте их, ко благу это.

Госпожа Ашхен спешно разослала приглашения семьям нахараров Арцруника, Могка, Рштуника – пожаловать на свадьбу Артака и Анаит. Особое посольство было направлено в Ахтамар за Гедеоном, а также к матери Артака в Могк.

– А уж уломать Гедеона я берусь сама! – заверила госпожа Ашхен.

Все приглашенные изъявили согласие прибыть: среди приморских нахараров супруга Гадишо пользовалась доброй славой за свой приветливый и веселый нрав. В Хорхоруник прибыли все, за исключением нахарара Рштуни, который не стал утруждать себя даже ответом на приглашение.

– Хорош! – покачав головой, заметила госпожа Ашхен. – А все-таки я заставлю приехать и его!

Сам Артак и не подозревал об этих приготовлениях. Он поехал в Тарон по заданию Спарапета и ждал лишь вести о дне отьезда Старшей госпожи и княгини Дестрик, чтоб проводить их в Огакан.

Когда гости съехались, госпожа Ашхен вторично послала гонца к Артаку Рштуни с просьбой пожаловать вместе с супругой на свадебное торжество.

Трогательна была встреча с матерью Артака Мокац – приветливой женщиной с добрым лицом, похожим на сморщенное яблоко, и с постоянно улыбающимися тонкими губами.

– Где же сынок мой?.. – спросила она, войдя в зал.

– В Тарон уехал княгиня. За ним послали гонца, чтоб соизволил пожаловать!

– А домой не должен он заехать? – огорчилась старушка. – Нужно бы повидаться перед войной.

– Не о войне идет речь, госпожа, – на свадьбу приглашаем мы князя Артака – засмеялась госпожа Ашхен.

Мать Артака была ошеломлена, когда супруга Гадишо сообщила о своем неожиданном плане.

– Княгиня Хорхоруни… У нахарара Мокского есть свой дом, есть родители!.. – мягко укорила она госпожу Ашхен.

– Сейчас дом нахарара Мокского – здесь, а родительница его – я! – смеясь, возразила госпожа Ашхен. – Мою Олимпию бери себе, а Артака беру я! Не согласна, княгиня?

Все рассмеялись.

– Ну конечно, Олимпия для меня – что родное дитя, но… Неужели дом нахараров Мокских должен был навязать свои хлопоты владетелям Хорхоруника?! Пощади мою честь,

княгиня…

– Ив дом нахараров Могка явимся мы, госпожа, не беспокойся! Явимся все – от мала до велика! -добродушно убеждала ее госпожа Ашхен.

– А кто же нареченная? Можно мне узнать хотя бы это? – несколько обиженно спрашивала княгиня Могка.

– Она дочь сепуха Гедеона Рштуни. Сейчас она на берегу моря с Олимпией.

Мать Артака расстроилась: как, ее сын, кахарар, берет в жены дочь простого сепуха?! Она сочла неудобным сказать что-либо в присутствии Старшей госпожи рода Мамиконянов, тем более что нужно было дождаться приезда Артака для выяснения всех подробностей. Однако она не смогла скрыть своей обиды.

– Но все-таки более подобало бы, чтобы свадьба нахарара Мокского происходила в его родном доме! – сказала она. Старшая госпожа махнула рукой:

– Дом домом остается, княгиня! На родине ты везде дома. Твоему Артаку счастье улыбнулось под этой кровлей. А со счастьем не спорят, дочь моя!..

– Раз велит Старшая госпожа, мы обязаны повиноваться! – спокойно, примиренно произнесла супруга Нершапуха Арцруни. – Не прекословь, соглашайся!

– Да будет по слову твоему! – склонив голову перед Старшей госпожой, сказала мать Артака.

Готовясь к свадьбе, супруга Гадишо поставила на ноги весь замок: главный повар отправился на пастбища отбирать откормленных бычков и баранов; хранитель погребов распечатал карасы с выдержанным вином; из села были вызваны замковые гусаны.

К вечеру того же дня госпожа Ашхен повела гостей на морской берег. Изъявила желание пойти к морю и Старшая госпожа. На береговой гальке разостлали ковры, набросали подушек и уселись, – всего на шаг от линии прибоя. Дети бегали по берегу под наблюдением служанок и, набрав полные горсти обкатанных водой камешков, метали их в набегавшие на берег волны. Некоторые кормили хлебом чаек, которые с визгом отнимали добычу друг у друга.

– Вот и твоя будущая невестка, княгиня! – сказала вдруг супруга Гадишо. Анаит приближалась к ним, сопровождаемая Астхик, Олимпией и дочерью Нершапуха Арцруни – Шамунэ. Они шли, взявшись за руки, в венках из осенних цветов. Анаит все еще выглядела немного бледной. Когда девушки подошли ближе, супруга Гадишо шепнула на ухо матери Артака:

– Угадай, которая…

Мать Артака внимательно оглядела девушек и остановилась на Анаит. В умных глазах девушки еще лежала печать недавно пережитой болезни.

– Почему она так бледна? – спросила шепотом княгиня Мокац.

– Была ранена в битве при Ангхе… Подвижница она…

– Подвижница?.. Да за нее душу бы отдать! – умилилась княгиня. Осенив себя крестом, она встала с места, подошла к Анаит и поцеловала ее в глаза. Затем, отирая слезы, взяла Анаит за руку и усадила рядом с собой. Остальные девушки смущенно остановились в стороне.

– А вы почему стоите? – обратилась к ним госпожа Ашхен. – Идите садитесь рядом с Анаит!

Девушки застенчиво подошли и сели.

Мягкий и теплый осенний вечер тихо угасал над морем. Кое-где беспокойная волна еще всплескивала серебряным крылом, спеша поскорее добраться до берега.

– Пусть выведут из пристани «Шамирам», – приказала госпожа Ашхен.

– Да, да, да!.. – радостно кричали дети, хлопая в ладоши.

– Из-за холма, позади которого лежал залив, выскользнул убранный коврами корабль. Описав полукруг, он повернулся носом к берегу, где сидели княгини, и остановился прямо против них. Кудрявый смуглый моряк спрыгнул на берег и, склонившись перед княгиней Ашхен, пригласил подняться на борт. Спустили сходни, и ловкие моряки, поддерживая

гостей под руку, помогли им подняться на корабль. На палубе был раскинут ковер, ышитые подушки служили сидениями. На носу находилось изображение женской головы с косами. Это и была «Шамирам».

Гости расположились на корме. Позади них стал кормчий – крепкий моряк с обнаженной грудью и густыми усами; на носу расселись мускулистые, загорелые молодые "ребцы. Между ними и гостями устроились гусаны.

Кормчий перекрестился и обратился к гостям:

– Да минет вас беда на море, госпожи!

– Бог в помощь! – отозвались те и тоже перекрестились.

– Ну, благослови, господь! Налега-а-й!.. – скомандовал кормчий гребцам.

Корабль дрогнул, качнулся и выскользнул на морской простор.

Волны шумели вокруг «Шамирам», летевшей в голубую даль. Дети с развевающимися на выбритых головках хохолками столпились вокруг Старшей госпожи.

– Расскажи нам что-нибудь, Мать-госпожа! – упрашивали они, обнимая ее.

– Что же мне рассказать вам, птенчики мои?.. Перезабыла я все.

– Нет, нет, не забыла!.. Расскажи! – не отставали малыши. Старшая госпожа сдалась:

– Ну вот… взгляните на это синее море: это ведь сестричка пятерых братьев, А кто же эти пять братьев? Вон, видите? – показала она на берега Тарона:- Вот это – Мамгун. Рядом с ним – Рштун. Вон тот, что немного отодвинулся назад, – Могк. Рядом с ним… – тут Старшая госпожа остановилась, произнесла «кш» и ладонью стряхнула с платья залетевшие водяные брызги:

– Кш, не брызгай на меня, море! Дети залились веселым смехом:

– Кш, кш, море!

– Да, вот так!.. – продолжала Старшая госпожа. – А рядом с Могком, ближе к нам, – Арцрун. А там, где мы сидели, – там Хорхор. Что же делает море, сестрица пятерых братьев? Оно выбрало место как раз посредине пятерых своих братьев – всех ласкает, всех уговаривает: «Смотрите не ссорьтесь!..»

– И хорошо делает: нельзя братьям ссориться! – подхватили дети.

– Так… Значит, потому и находится море посредине пятерых братьев – и этого приласкает и того приголубит, чтоб дружно они жили. И говорит братьям сестрица-море: «А если вы очень хотите воевать – то воюйте с Немрутом, который вон как нахмурился – сердится на вас!..»

– Вот та гора, Мать-госпожа? – заинтересовались дети.

– Ну да. Наш Гайк-прародитель сразился с Немрутом-Бэлом и победил его. Но, умирая, Немрут-Бэл сказал: «Я умру, но дух мой останется жить в этой горе, чтоб помнили вы меня, глядя на эту гору…» Эта гора и есть Немрут. Видите, как он нахмурился, как косо и злобно глядит на нас?

– Это он там? – переспросили дети, опасливо поглядывая на гору Немрут – Он самый – дух Немрут-Бэла. И пока он там, не переведутся враги у армян… Поняли, птенчики мои?

Незаметно подобравшись поближе, хотя и сохраняя почтительное расстояние, слуги и служанки тоже слушали рассказ матери Спарапета, стараясь не упустить ни слова.

– Эх, Мать-госпожа, – вздохнула жена Нершапуха Арцруни, – когда же переведутся враги у народа армянского?!

– Когда ветры, песчинка за песчинкой, развеют всю гору Немрута! – объяснила та.

– И до тех пор все воевать придется нам, Старшая госпожа? – с горечью спросила жена Гадишо, – Не выдержим ведь, пропадем!

– А вы думаете – легко душу сохранить? – печально проговорила Старшая госпожа. – Думаете, у Вардана моего есть покой, есть отдых? Ослепнуть мне!.. Всегда в боях, всегда в походах,. Э-э, да будет свята воля народа!..

– Чего же хотят от нас враги наши, Старшая госпожа? – задала вопрос мать Артака.

– Душу хотят отнять у нас.. А что мы – без души?..

Дети, не понявшие ни слова из этой беседы, вновь принялись упрашивать Старшую

госпожу рассказать им еще что-нибудь. Один из малышей показал пальцем на нос корабля:

– А это что за женщина там, Мать-госпожа?

– Это Шамирам, птенчик мой: она уронила свои бусы в море, хочет их отыскать…

– А кто эта Шамирам, Мать госпожа? Какие это бусы? – встрепенулись дети. – Расскажи нам, Мать-госпожа!

– Рассказы об этом – на дне моря, птенчики мои. Прислушайтесь-ка – море рассказывает…

Перегнувшись за борт корабля, дети начали прислушиваться.

– Не хочет рассказать, Мать-госпожа! – пожаловались они.

– У Шамирам на шее было ожерелье из заколдованных бус, и оно помогало ей побеждать храбрых юношей-воинов, – начала Старшая госпожа. – И вот добрый старец Алкун похитил ожерелье, когда Шамирам купалась, и, держа его в руке, побежал к морю. Шамчрам сплела пращу из своих кос, метнула камень ему вслед, но не попала в Алкуна. Алкун бросил заколдованные бусы в море и спас храбрых юношей от колдовства Шамирам…

– Вот сейчас гусаны расскажут нам обо всем этом, – вмешалась супруга Гадишо и повернулась к гусанам, уже приготовившим свои инструменты.

Анаит, которая до этого задумчиво полулежала на подушках, встала и принялась смотреть вдаль.

– Кого ты высматриваешь там, Анаит? – лукаво спросила супруга Гадишо – Хочу разглядеть край моря, госпожа Ашхен, – простодушно объяснила Анаит.

Вслед за нею поднялась и дочь Гадишо Олимпия, сероглазая красавица с рыжеватыми кудрями, рассыпавшимися по плечам. Две прелестные девушки, обнявшись и склонив головы друг к другу, смотрели вдаль, тихо о чем-то переговариваясь.

Кормчий, который сосредоточенно правил рулем, уже давно не сводил своего острого взгляда с юго-западного края горизонта Неожиданно раздалась его команда:

– Сто-ой!..

Гребцы замерли, подняв весла.

– В чем дело, Бартух? – спросила госпожа Ашхен.

– Корабль, княгиня! – объяснил кормчий.

Его голос выдавал тревогу. И действительно, одинокому кораблю с женщинами и детьми не столь уж безопасно было находиться в открытом море, вдали от города: охраны не взяли, не собираясь отдаляться от берега.

– Наш! – наконец, объявил кормчий и спокойно вернулся к кормилу.

Далекая точка все росла и росла. Наконец, корабль подплыл совсем близко. Велика была всеобщая радость, когда с него раздался голос Артака:

– Привет всем!..

– Привет князю Артаку! – послышалось в ответ.

– Князь Артак! Артак!.. – подняли крик дети, хлопая в ладоши.

Мать Артака вскочила с места, точно собиралась прямо по морю побежать к сыну.

– Не вставай, мать! – окликнул ее весело Артак. – На берегу встретимся, не убегу я!

Взгляд Артака искал и нашел Анаит. Они глядели друг на друга как бы во сне, – таким сказочным казалось все в закатных лучах солнца.

С Артаком были его телохранитель и несколько воинов по его приказу оба корабля поплыли рядом.

Берег был уже довольно далеко. На западе плыли облака. Солнце переливало золотой сплав из своего горна в море. Клочья пены, разрываясь, как бусы рассыпались по поверхности моря. Между ними сверкали пляшущими огоньками волны. Весь корабль с нарядными княгинями, слугами, моряками и гусанами, казалось, был охвачен пожаром.

Приземистый и упитанный старший гусан стал настраивать свой бамбирн. Один из его товарищей достал похожий на лук струнный инструмент, а другой – маленький барабан. Гусаны пе реглянулись и заиграли. Артак приказал своему кормчему подплыть ближе, чтобы

слышать гусанов.

Мелодия сплеталась с рокотом волн и плеском весел. Плыла мелодия, покачивались корабли. Старший гусан воодушевился, встал с места и, возвысив голос, начал песню о Шамирам. От его звучного голоса, казалось, присмирели волны, не смея мешать ему разговаривать с морем.

Младшие гусаны начали вступление к песне:

Бусы ожерелья Шамирам,
Заколдованного ожерелья Шамирам,
В глубине моря сияли,
По морю сияние разливали!..

Старший гусан запел:

Ожерелье пламенное на груди пламенной,
Привораживают буш, любовью низанные,
Смельчаков без числа сжигают огнем
Заколдованные бусы Шамирам.

Гусаны повторили припев:

Бусы ожерелья Шамирам,
Заколдованного ожерелья Шамирам!..

Артак перехватил слова песни:

Прелесть лика – точно солнца луч,
Груди – точно две луны,
Ни оружием, ни войском нельзя было
Противиться чарам ее.

Женские голоса с первого корабля подхватили припев:

Бусы ожерелья Щамирам,
Заколдованного ожерелья Шамирам!

Старший гусан продолжал:

Лишь добрый старец Алкун
Отнял у колдуньи талисман,
Кинул в море ожерелье -
Заколдованные бусы Шамирам!.

Гусаны загремели припев:

Бусы ожерелья Шамирам,
Заколдованного ожрелья Шамирам,
В глубинах моря сияли,
По морю сияние разливали!..

Умолкла песня. Но еще качались волны, покачивались на волнах корабли, и на поверхности моря тысячами нитей тянулись и рассыпались пенные бусы Шамирам… Царило молчание, полное покоя, убаюкивающее…

Внезапно раздался голос Старшей госпожи:

В муках рождения – небо и земля,
В муках рождения – и пурпурное море…

Казалось, это ветер неожиданно запел в снастях – так странно и непривычно прозвучал ее голос. Все с полуулыбкой молча внимали этой древней песне. Даже дети слушали внимательно и благоговейно. Когда песня умолкла, супруга Гадишо промолвила:

– Да не омрачит никакое горе закат твоей жизни, Мать-госпожа!

Остальные повторили ее благопожелание.

– Светлого века и вам, дети мои! – ответила Старшая госпожа. – Да расцветет семя Ваагна, да будут дети ваши драконо-борцами!

– Мать-госпожа, а кто же был Ваагн? – опять пристали к ней дети.

Старшая госпожа принуждена была рассказать им предание о Ваагне.

– Мы тоже будем драконоборцами! – воскликнули дети. Старшая госпожа вдруг

опечалилась.

– Ах, опасный дракон стал у нашего попога, не сегодня-завтра ворвется он к нам в дом… Когда же вырастете вы, птенчики мои?..

– Скоро, очень скоро! Завтра! Ты помоги нам вырасти, Мать-госпожа!..

Все рассмеялись.

Долго еще плыли корабли. Положив головы на подушки или на колени старшим, уснули дети. Их прикрыли расшитыми золотом покрывалами.

Ночь пряла свою нить. Берега хмуро чернели вдали, тени скал опрокинулись в море. В восточной стороне, по ту сторону гор, свершалось что-то таинственное. Казалось, там проходит факельное шествие и свет факелов отражают небеса. Отблеск этот все усиливался, и внезапно над горой вспыхнул тонкий серп месяца, заливая серебряным сиянием поверхность моря.

Печальное очарование луны разлилось по морю. Очертания гор растаяли в тусклом полумраке, и сном стало казаться все – волны, корабль, берега и горы…

Давно умолкла песня, но шепот волн, казалось, повторял это пленительное предание.

– Хорошо поступил старик прародитель, отняв ожерелье Шамирам! – проговорила Анаит. – Не то сгорели бы все смельчаки юноши.

– Но ведь они сгорели бы от любви! – мечтательно возразила дочь Гадишо.

– Что ты говоришь, Олимпия? Кто же защищал бы отчизну?

– Да сама Шамирам! – проговорила Олимпия. – Она заколдовала бы все вражеское войско! Разве не жаль тебе заколдованных бус, которые бросили в море?..

Анаит мечтательно следила за посеребренными луной волнами, вызывая в воображении образ Артака и их любовь, которая давала им силы жить и бороться.

Дыхание моря становилось сырым и прохладным. На берегу замелькали факелы: это замковые слуги встречали запоздавший корабль. Все сошли на берег и направились к замку. Повидавшись с матерью, Артак ушел в отведенный ему покой. Он очень неловко. ко чувствовал себя в этом замке, владелец которого совершил предательство. Хотя теперь Гадишо как будто и искупил свою вину, но Артак все же не мог спокойно и уверенно говорить с его сепухами. И действительно, в замке Хорхоруни создалось странное положение: часть сепухов продолжала хранить преданность своему нахарару, занимая выжидательную, или, скорее, даже враждебную позицию в отношении мероприятий Артака. Эни всячески старались скрыть от Артака подлинные сведения о боевом составе и снаряжении хорхорунийского полка. Но среди них были и сторонники князя Хорена а следовательно, и Спарапета. Эти тайно оказывали Артаку всяческое содействие, остерегаясь, однако, проявлять свое доброжелательство открыто. Сам же молодой нахарар держался так, как если б имел дело с преданными соратниками, не показывая и виду, что замечает настороженность одних и расположение других. Он вел себя в замке Хорхоруни как гость, как попутчик матери и супруги Спарапета.

Дружеская обстановка, еозчанная хозяйкой замка, заставляла на время забыть о военных делах и княжеских неурядицах и возбуждапа жечание установить мирные, родственные взаимоотношения.

Артаку сообщили о решении отпраздновать его свадьбу. Он был поражен и смущен: брак представлялся ему самому делом еще очень отдаленным и даже не совсем реальным. Ему не верилось, что его любовь к Анаит, претерпевшая столько тяжких испытаний, может так быстро и легко получить счастливое завершение. Он был поглощен военными приготовлениями, объезжал владения нахараров, подсчитывал численность отрядов, их снаряжение, их боевую готовность и вс всех этих трудах искал возможность забыться.

Сообщение о свадьбе вызвало у него робость, гильно и сладостно сжалось у него сердце. Будучи не в силах побороть свое волнение, он вышел из зала и поднялся на башню. Широкая грудь моря раскрылась переп, ним. Полная луна царила на небесах и властвовала над землей.

«Но что представпяет собой война, кому она приносит радость?.. – думал Артак,

постоянно возвращавшийся к своим мыслям. – Пусть бы вовсе не было ее, чтобы люди могли свободно дышать».

Пройдя к парапету башни, он присел. Было еще не поздно, не все в замке спали. Артаку послышался какой-то шорох внизу на лестнице. Не успел он подойти, как по каменным ступенькам, сдерживая смех, поднялось несколько девушек. Среди них были Олимпия, Анаит, Астхик и дочери других нахараров.

– Князь Артак, – обратилась к нему Олимпия, – когда же кончится эта война?

– Она еще только начинается, ориорд! – засмеялся Артак.

– Как грустно слышать!.. Мы хотели проехать по морю…

– Это вы можете сделать и теперь, ориорд! – ответил Артак. – Море никуда еше не сбежало.

– Да ведь говорят, что скоро придут персы!..

– Не допустим, ориорд.

– Разве в силах мы победить персов, князь? – не без насмешки спросила Олимпия.

– Иного выхода, кроме сопротивления персам, у нас нет, ориорд.

– Но как это сделать, князь? – спросила Шамунэ, дочь Нершапуха, застенчиво отводя черные виноградинки глаз.

– Нужно вооружиться всем – мужчинам и женщинам, старым и малым, крестьянам и князьям. Всем, кто жив, здоров, кто дышит!.. Персы идут на нас, чтоб предать уничтожению все в стране, – самый дух наш. Поэтому и мы должны напрячь все наши силы, до самого крайнего предела – и воевать!

– Они хотят все уничтожить?.. – со страхом переспросила Шамунэ, которая не совсем поняла Артака, но, угадывая что-то ужасное, упала духом. – И ничего, ничего не оставят?

– Ничего! Ничего! – сурово подчеркнул Артак. – Ни этого моря, ни этого неба, ни земли. И ничего живого на ней! Все умолкли.

– А если мы станем персами, князь, – не все ли равно?.. Разве не останутся такими же и это море, к небо, и зсмпя, И жизнь? – неожиданно задала вопрос Олимпия.

– Ах! – почти в один голос, с ужасом воскликнули девушки.

– Ну да, конечно! Разве перс не способен смотр сто на все это, радоваться всему этому? Нет, что ли, у персов ни моря, ни неба, ни жизни?..

– Что ты говоришь, Олимпия? – с укоризной воскликнула Шамунэ. Она в известной мере разделяла мнение Олимпии, но ей было неловко перед Артаком, который слыл человеком глубоко образованным.

– Я же не говорю: «Сделаемся персами!» – продолжала отстаивать свою мысль Олимпия. – Я говорю: «Если б мы стали персами». Разве страна не осталась бы той же страной?

– Страна-то осталась бы, ориорд Олимпия, – задумчиво ответил Артак. – Но что бы ты сделала, если бы из этого дома, из города, сел, моря, всей нашей страны ушли все родные, близкие, весь народ, все живое – словом, все? Если б, уходя, взяли с собой селения, монастыри, могилы твоих прадедов, вырвали у тебя из памяти все старое, прежнее, самое воспоминание о предках твоих? Отняли бы все, все это – иначе говоря, душу твою?.. Оставили бы у пустынного моря, на пустынной земле, под пустынными небесами. Что бы ты сделала?..

– Господь упаси нас, князь! Какую ты ужасную вещь сказал!.. – испуганно воскликнула Шамунэ.

– Ну что ж, была бы у нас персидская душа, – упорствовала Олимпия, очевидно, унаследовавшая настойчивый нрав отца.

– Подумай, что ты говоришь, Олимпия! – вновь остановила ее Шамунэ.

– Что же я такого говорю? Разве душа перса – не душа?

Артак быстро повернулся к Олимпии и внимательно оглядел ее. В серых глазах девушки ему почудилось что-то коварное. Он не мог предполагать, что найдет в ней такого опасного противника. Олимпия опровергала все его аргументы, опрокидывала логику его

высказываний, ожидая его ответа с еле заметной насмешливой улыбкой.

– И у перса есть, конечно, душа, есть своя отчизна, своя жизнь, – ответил Артак. – Но если из моего тела выкачают кровь и перельют чужую – мое тело ведь погибнет… А зачем ему погибать?

– Но персы могущественны! Они принуждают нас. Что же нам делать?

– Но ведь Атилла – могущественнее персов!.. И, наверное, найдется на свете еще кто-нибудь посильнее Атиллы.

– Лиса съедает курицу, волк – лисицу, лев – волка. А в конце концов торжествует все-таки жизнь. Что бы ни случилось – жизни конца нет… Вот я и спрашиваю: какой вред для жизни от всего этого?

Приведенный Олимпией пример рассмешил всех. Спор перешел в мирную беседу. Артак рассказывал девушкам случаи из своей жизни в Александрии, Византии, Сирии, описал Александрийскую академию, где мудрецы-философы беседуют со своими учениками о вселенной.

Девушкам не совсем было доступно содержание этих бесед, но они с удовольствием внимали рассказам о незнакомой жизни под далеким солнечным небом. Лишь Олимпия догадывалась, к чему клонит Артак.

– Когда же будут академии и у нас, чтоб и мы могли получать образование? – с грустью проговорила Шамунэ.

– Вот разобьем персов и тоже откроем у себя такие академии! – заявила Астхик.

– Академии есть и у нас, ориорд! – возразил Артак. – Но они за монастырскими стенами. И философы, предающиеся размышлениям о природе человека и вселенной, у нас тоже есть!

– Кто же они, князь? – с любопытством спросили девушки.

– Мовсес Хоренаци, Езник Кохпаци… Это большие философы, они получили образование в Александрии, в Византии и Сирии. Мовсес Хоренаци только что закончил последние главы своего труда о деяниях великих мужей армянского народа. Все княжеские дома уже спешат приобрести свитки этого труда. А Езник Кохпаци исследует тайны вселенной и природы.

Артак говорил с волнением и страстью, которые не всем были понятны. Он как будто осуждал то, что в стране Армянской процветают письменность, науки, поэзия, искусство. Но Олимпия поняла: Артак страшился, что всему этому грозит гибель со стороны персов.

Артак заметил, что его воодушевление передалось и девушкам, хотя ему и не удалось разбить софизмы Олимпии. Он сознавал, что в нем сильно лишь чувство любви к родине, но формулировать его, защищать его он еще не умел. Он умолк и задумался.

Пока юноша-нахарар и молодые княжны спорили о сущности души и страны, родины и жизни, природа вращала колесо этой жизни на бездонном небе, на поверхности земли и на морях, наполняя души живущих острой тоской по любзи и по ее радостям. Рассказывая о своих путешествиях, Артак иногда встречался взглядом с Анаит и читал в ее глазах такую любовь, на которую только способна живая душа и молодая кровь. Хотя он и не обращался к ней непосредственно, но чувствовал, что она понимает его, – понимает не разумом, а сердцем. Артаку казалось, что и в этот миг, как всегда, Анаит смотрит туда же, куда смотрит он сам, что она чувствует то же, что и он, что она всегда и везде душою с ним. И это, именно это, так глубоко и связывало его с Анаит – родство душ.

«Такова отчизна, – думал Артак. – Такова и жизнь. – И вдруг он задал себе вопрос:- Жизнь?.. Но почему жизнь?»

Мысль эта тотчас улетела от него. Он так и не смог схватить, удержать ее Он оставил попытки разобраться в ней, хотя чувствовал, что перед ним на мгновение открылся новый мир, чтоб тотчас исчезнуть снова.

В эгу минуту по лестнице поднялся Зохрак, еще весь в дорожной пыли.

– Князь Зохрак вернулся!

С радостными криками девушки побежали ему навстречу.

Зохрак с улыбкой приветствовал их.

Окинув девушек взглядом, Зохрак заметил, что Астхик не сводит с него глаз. Он не придал этому особого значения, но у него мелькнула мысль что Астхик не так красива, как Анаит, Олимпия или Шамунэ.

Астхик перехватила взгляд Зохрака и правильно объяснила себе его значение. Со смирением отвергнутой и примирившейся со своей участью девушки она думала о том, что сама себя обрекла на муки неразделенной любви и должна безропотно нести ее бремя Она бы не могла сказать – почему, но считала себя недостойной любви Зохрака. Это самоунижение угнетало ее, она пала духом. Девушке казалось, что ей остается в жизни только одно: издали смотреть на любимого человека, выжидать случая оказать ему услугу и умереть, так и не открыв ему своей тайны. Когда же взгляд ее случайно встречался с безразличным взглядом Зохрака, она смотрела на него глазами раненой лани, как бы моля о пощаде.

Артака заинтересовала Олимпия, ему понравилась смелость ее суждений «У изменника – и такая дочь… Жаль» – одумал он.

Заметив, что Аптак задумался, а Зохрак многозначительно поглядывает на него, видно, желая что-то сообщить ему наедине, девушки пожелали молодым князьям доброй ночи и удалились.

Когда юноши остались одни, Артак спросил «то нового в Арташате. Зохрак сообщил весьма неутешительнье вести о поведении сторонников Васака. По-видимому, и положение Атома было довольно шатким.

В свою очередь Артак рассказал о своих делах, посетовал на то, что присутствие Артака Рштуни сильно мешает объединению военных сил нахарагюв Бзнунийского побережья.

Зохрак устало потянулся.

– Ну, я пойду спать! У меня с дороги все кости болят! Спокойной ночи!

Артак остался один. Он глядел на Бзнунийгкое море, которое казалось удивительно мирным и задумавшимся, затем перевел взгляд на луну, холодно озиравшую землю, точно не замечая на ней ни страстей, ни жизни, ни смерти.

Мысли Артака умчались вдаль, к воспоминаниям раннего детства. Из тумана выплыл трепетный и нереальный, как сон, образ покойной бабушки. Вот в неясном полумраке сидит она на подушке в зале, опустив голову, и говорит сама с собой. Артак вспомнил, что говорили о бабушке: «Она разговаривает с предками…» Считалось, что тени предков бродят по замку и прячутся в уголках. Артак чувствовал их присутствие в родовом замке, который казался ему древним и вечным, как сама жизнь. Артак зспомнил, что как-то раз пошел он с бабушкой на кладбище. Боковую стенку одной из могил размыло дождем Артак с любопытством рассматривал осевшую глину; бабушка сказала, что с этой глиной смешался прах его дедов, и рассказала ему об их подвигах. «Осторожнее ступай по этой земле – это прах твоих предков!» – сказала бабушка. Артак подумал, что глина – это мертвые предки, и почувствовал страх перед землей. И после этого, где бы он ни был, при взгляде на землю ему всегда казалось, что в ней живут неумирающие предки. В земле ему чудилась непрерывающаяся нить жизни, тянущаяся к неизвестному, бесконечному началу. Не похожа была на окружающих бабушка Артака, и именно поэтому внук был так привязан к ней. Сколько раз поднимался он с нею на крышу замка! Она любила смотреть оттуда на ущелья и горные долины. Глядя на горы, бабушка рассказывала, на каком склоне и на какой вершине вели бои их предки. Вдали, в туманной синеве, чернели монастыри и замки. Бабушка рассказывала Артаку, что там хранятся потемневшие от времени книги с описаниями подвигов его предков. Артака снедало желание увидеть эти книги, и каждая потемневшая от древности книга казалась ему историей деяний его предков.

Затем на долину спу жался вечер, ущелья начинали хмуриться, все кругом синело, чернело, из бездны небес выплывали звезды. Слуги расстилали постели на крыше, и бабушка укладывала детей спать. Она показывала детям на рассыпанные по небу звезды и, выделив

какое-нибудь одно созвездие, поясняла: «Там живет наш предок, патриарх Гайк: побед в злого Бэла, он переселился на небо…» Артак глядел на указанные бабушкой звезды и видел сверкающие доспехи героя, его огненный лук и стрелы. Он ясно видел огненного человека с огненной бородой и волосами, бровями и ресницами, видел – и чувствовал благоговение. «Сколько же времени должен оставаться на небе Гайк-прародитель? – спросил он у бабушки. «Всегда, вечно, во веки веков!..» – отвечала бабушка. И хотя Артак не понимал этого, но почему-то по его телу пробегала дрожь.

Забывшись, Артак погрузился в мир видений навеянных воспоминаниям, о родной стране. Где только не приходилось ему бывать, жить, встречаться с людьми, общаться с ними!.. Сколько чувств встает перед ним, волнующих и близких… И чем глубже погружался он в эти воспоминания, тем более углублялось, росло, делалось бесконечным представление об отчизне.

Артак снова прикрыл глаза, чтоб мысленно окинуть взором всю отчизну, представить себе бесконечную, бескрайнюю жизгь. Он точно прожил в этой отчизне долгие века, жил с предками прародителем Гайком, как будто сам был свидетелем их битв, их жизни. Ему не давалось определить свои чувства, разъяснить себе их смысл Он чувствовал, что его отчизна велика, что это безкрайняя страна, полная жизни. Он чувствовал, что самое драгоценное для человека то, чго называется жизнью, глубже всего ощущается на родине и что на родине эта жизнь именно потому особенно глубока что она – древняя, населена духами людей и воспоминаниями событиях. Когда произносят слово «родина», сразу возникают тысячи представлений, и эти бесчисленные представления, эти близкие, знакомые люди, эти воспоминания – все это и есть жизни.

Астхик вернулась к себе встревоженная и подавленная. Внезапное появление Зохрака совершенно смутило ее. Во время боен в Ангхе и затем в заботах об Анаит жить общей жизнью с окружающими качалось легко. Но потом, когда все как будто успокоилось, мечты вновь овладели душой Астхик. И всю ночь она, не смыкая глаз, смотрела в темноту, и всю ночь перед нею рисовался обргз прекрасного молодого воина с орлиным взором.

Что же будет после этого, что ожидает ее?..

И Астхик тихо заплакала.

Все было готово для свадьбы Артака и Анаит. Ждали только, когда приедут Артак Рштуни, родители Анаит и ее сестра, супруга нахарара Рштуни.

Приготовления были уже закончены, припасы щедро выдавались из кладовых и погребов, замок приведен в праздничный вид.

К вечеру второго дня звуки рогов возвестили прибытие нахарара Рштуни и родных Анаит, приехавших сушей. Но Гедеона не было. Это очень всех огорчило: без отца немыслима была и свадьба.

Его супруга, госпожа Эстер, объяснила, что со дня отъезда из Рштуника Гедеон не возвращался более домой, безвыездно проживая в Ахтамаре. Она это сказала с тревогой, которая была понята дочерью.

Семья Гадишо приняла Артака Рштуни как человека близкого. Настроение у всех поднялось. Его приезд доказывал большую близость между обоими нахарарами и то, что Рштуни одобрял план госпожи Ашхен.

Артак Рштуни прибыл в Хорхоруник со своими гончими, в сопровождении воинов и слуг, предполагая, как видно, долго прогостить в замке. Следовательно, оставалось лишь дожидаться Гедеона, приезд которого Рштуни ставил непременным условием свадьбы.

– Без согласия отца никакой свадьбы не может быть! – объявил он.

На правах близкого человека он позволял себе шутить с Анаит:

– Как видно, отец твой жаждет увеличить и без того великое множество святых отцов армянского духовенства! Не так ли, ориорд Анаит?

Анаит, не отвечая, грустно опустила голову.

– Ничего, ничего, ориорд Анаит, ты не грусти! – засмеялся Рштуни. – Монахи вышвырнут твоего отца из Ахтамара, и ему придется вернуться домой!

Все невольно рассмеялись.

На следующий день, рано утром, когда весь замок еще спал, прибыл морем и Гедеон. Едва добравшись до ворот, он стал громко ругать стражу за то, что она не держала ворота открытыми с вечера, хотя знала, что его ждут. Стража сочла за лучшее промолчать. Продолжая шумно возмущаться, Гедеон поднялся по замковой лестнице.

Узнав, в котором из покоев находятся его жена и дочери, он подошел к двери и заколотил в нее кулаками. Когда ему открыли, он стая укорять жену и дочерей за то, что они разрешили себе уснуть в ночь, когда можно было ждать его приезда.

Госпожа Ашхен распорядилась тотчас же подать ему завтрак.

Усевшись за стол, Гедеон позвал жену и дочерей и принялся за расспросы.

– Так Анаит сама решила выйти замуж?

– Нет, как она посмела бы! – поспешила заявить госпожа Эстер. – Это супруга нахарара Хорхоруни…

– Значит, это по решению супруги нахарара Хорхоруни? – насторожился Гедеон.

– Если будет твое согласие… – поспешила исправить обмолвку госпожа Эстер.

– Я согласия не давал! – как ножом отрезал Гедеон и, помолчав, потребовал подать ему воды вымыть руки.

Эстер умолкла, зная по опыту, что противоречить ему бесполезно и даже опасно.

Несмотря не сопротивление Гедеона, которое не было неожиданным, свадебные приготовления поспешили закончить. Госпожа Ашхен собрала всех своих гостей в главном зале и послала торжественное приглашение Артаку Рштуни и Гедеону «соизволить пожаловать». Одновременно Гедеону сообщили, что Старшая госпожа дома Мамикочянов изъявила жетание видеть его. Услышав это, Гедеон поспешил в зал, подбежал к Старшей госпоже, склонился к ее руке и, пятясь, отступил к двери. Сел он лишь после приглашения Старшей госпожи. Усмехаясь себе под нос, Артах Рштуни следил за смиренным поведением тестя.

Разговор о браке Артака и Анаит завершился так же быстро, как и начался. Старшая госпожа заявила Гедеону, что судьба молодой четы определилась в Хорхорунике, следовательно, и венчать их нужно здесь же.

– Да будет так, как тебе чгодно, Старшая госпожа! – смиренно ответил Гедеон и присел у двери.

– Пожалуй ближе, сепух Гедеон, – пригласила его Старшая госпожа.

Но Гедеон не позволил себе пересесть на более близкое к ней место. Артака Рштуни очень забавлял его вид.

– Следовательно, ты дозволяешь приступить к обряду венчания, отец сепух? – с подчеркнутой торжественностью обратило он к Гедеону.

Гедеон исподлобья взглянул на него и отрезал:

– Как прикажет Старшая госпожа Все вздохнули с облегчением.

Госпожа Ашхен торопила всех поскорее покончить с обрядом венчания.

– Пока он не передумал, – говорила она, намекая на всем известную переменчивость Гедеона, – сегодня же ночью отведем их в часовню и обвенчаем.

Все обитатели замка, начиная от господ и кончая слугами, приоделись, принарядились. От зала, в котором сидели гости, и до самой часовни разостлали ковры Вечером весь замок наполнился звуками рожков и бараба нов. Жителям юрода было разрешено войти во двор замка и принять участие в увеселениях. В танцах, с разрешения сепухов, приняли участие и воины. Образовав круг во дворе замка, они с воодушевлением притопывали ногами.

Молодые девушки спустились вместе с Зохраком во двор полюбоваться плясками. Зрелище было такое красочное, что даже Астхик не могла отвести восхищенных глаз. Она звонко рассмеялась, когда воины начали потешный пляс. Зохрак случайно взглянул на нее. Перехватив его взгляд, Астхик умолкла и взглянула на него, будто умоляла: «Не сердись». Зохрак нахмурился и отвел глаза. «Чего она все смотрит на меня? Кем она себя считает?..» – с раздражением подумал он. Астхик опустила голову. «Он не желает даже, чтоб я смотрела

на него!..» – с болью подумала она. «Но я же отдала ему мою душу… Как бы он ни поступал, я должна терпеть, мириться, жертвовать ему всем… Я для него всем пожертвую, всем, всем!..»

Созвездия лампадок заливали радостным сиянием внутренность часовни, сложенной из красного туфа. Минута была торжественная. Уже не казался смешным Гедеон со своими странностями, и даже Артак Рштуни не находил удобным посмеиваться над ним. Анаит, с которой прошли в часовню только княгиня Шушаник и Астхик в качестве «подружки», смущали устремленные на нее взгляды. Артаку казалось, что все происходит во сне. Полусознательно слушал он слова обряда, полусознательно отвечал на вопросы священника и даже не заметил, как все кончилось. Лишь тогда, когда выходили уже из часовни, он заметил толпу и услышал голоса.

Перед часовней свадебный поезд ненадолго остановился полюбоваться плясками. Когда подошли к замку, на крыше показался рыжебородый замковый казначей с полным передником денег. Гусаны заиграли, казначей подал знак, и старший гусан пропел сгрофы старинного сказания:

Золотой дождь шел на свадьбе Арташеса, – Жемчужный дождь шел на свадьбе Сатеник!..

Толпа загремела и кинулась подбирать сыпавшиеся монеты.

Поднялась давка и толкотня, слышались веселые восклицания и громкий хохот. На середину выбежал безбородый горбун. Это был замковый шут. Он сделал вид, что ищет что-то на земле, затем, поднявшись, громко захохотал:

– Погляди-ка! Сколько посеяли князья, а ничегошеньки не выросло!..

Толпа громко захохотала.

– Да и то ведь: сеять – дело крестьянское, а княжеское – урожай собирать!

Вновь раздался смех.

Свадебный поезд прибыл в замок. Гости поднялись в зал. Народ пригласили к накрытым во дворе столам.

При свете факелов люди весело пировали.

Наверху, в зале замка, прямо против входа, окруженная женами нахараров, восседала Старшая госпожа. Новобрачные подошли к ней, опустились на колени. Наступило молчание. Старшая госпожа взглянула на молодых и, возложив им руки на головы, возгласила:

– Живите, цветите, радуйтесь! Будьте достойны увидеть свободу Она умолкла, как бы прислушиваясь к чему-то. Замерли и все присутствовавшие.

– Спите с миром, отошедшие в вечность, спите, предки наши! Не сгинула отчизна, в руках у нас оружие, не утихает бой! Освободимся мы…

Затем, как бы очнувшись, она оглядела присутствовавших и спокойно произнесла:

– Ну, садитесь теперь, пируйте! Поздравляю вас с радостью…

– Да не минет радость и тебя, Мать-госпожа! – отозвались присутствовавшие.

– Долгоденствия тебе!

– Спарапету твоему – долгоденствия, Зохраку – такой же радости Артак и Анаит подошли за благословением и к Гедеону. Но он отмахнулся от них рукой, делая знак, что достаточно и благословения Старшей госпожи.

Столы были расставлены вдоль стен; гости, нахарар Рштуни и Гедеон сидели на покрытых подушками сидениях.

– Помянем отсутствующих, тяготы терпящих, странствующих и воюющих!.. – взволнованно произнесла Старшая госпожа.

Все на минуту умолкли: старуха имела в виду отсутствующих нахараров. Весть о разладе между ними не дошла еще до Хорхоруника, а смутные отклики были заглушены известием о достигнутом примирении. Семьи нахараров чувствовали себя связанными общим делом и охотно приняли здравицу в честь отсутствующих.

Артак Рштуни внимал всему происходящему с тайным озлоблением. Но умение владеть собой и насмешливый характер помогали ему скрывать свои чувства. Он чего-то

выжидал, искусно тая свои намерения. Но на этой необычайной свадьбе, где почти отсутствовали мужчины, Артак Рштуни считал неподобающим для мужчины и нахарара омрачать общую радости. Он принял участие в общей беседе и внес много оживления своими шутками.

Осушая одну чашу за другой, Артак совершенно не поддавался действию вина. В противоположность зятю Гедеон восседал на своей подушке торжественно и являл пример воздержания. Ему явно было не по душе, что зять так налегает на еду и выпивку, но он сдерживал себя из почтения к Старшей госпоже.

Со двора доносились песни и гулкий топот пляски. Раздвинув занавес, в зал заглянул замковый шут:

– Старшая госпожа, велишь мне войти вон или выйти внутрь?

– Зайди, Хохоб, зайди – рассмеялась Старшая госпожа – Посмеши, развесели нас!

– Старшая госпожа, меня к вам народ послал: беспокоятся люди, как бы за княжеским столом нехватки не было!..

Он махнул рукой, и в зал вошел красивый молодой парень, несший на голове круглое деревянное блюдо – «хонча», с плодами и цветами, и вслед за ним – смеющаяся девушка; на плече она несла винный кувшин с высоким горлышком. Предшествуемые краснощеким бодрым стариком, они подошли к Старшей госпоже и поставили «хончу» перед ней. Старик выступил вперед, налил вино в чашу и возгласил:

– Примите дар от крестьянина страны Армянской молодым – князю с княгиней!

Старшая госпожа ответила благословением:

– Да будет с вами благословение господне, дети мои! Долгая жизнь крестьянину!..

– Ничего, Старшая госпожа, выживет крестьянин: раз князь за него кушает – долго ему жить! – подхватил Хохоб.

– Ну и язык – режет без ножа! – расхохотались гости.

Супруга Гадишо наполнила монетами чашу, из которой пил старик. Тот мигнул юноше и девушке. Оставив на столе «хончу» и кувшин с вином, они удалились.

Артак понял намек, брошенный Хохобом, и долгим взглядом проводил удалявшегося старика-крестьянина и его молодых спутников.

Во дворе зшка царило безудержное веселье. За низкими столами прямо на земле сидели крестьяне. Вино развязало им языки, голоса звучали громко. Мишенью для острот и шуток был краснощекий веселый крестьянин по имени Самэл, с которым заговаривали и которого окликали со всех сторон. Вокруг стола вертелся и Хохоб.

– Дядюшка Самэл, видишь, куда тебя пригласили? – крикнул кто-то с дальнего конца стола.

– С князьями смешался, за их стол уселся! – поддел кто-то. – Крепче держись, Самэл, как бы не вылететь…

– И то держусь – чего мне не хватает?.. Под задом у меня-то ведь не подушка – все та же земля! – отозвался Самэл, на которого, видно, подействовало выпитое вино.

– Вот нагрянет Азкерт – из-под тебя землю выдернет!

– Сиди, молчи! Подушки-то он повыдергает, а землю не выдернет!

– Выдернет, Самэл! И не сомневайся! – настаивал собеседник Самэла.

– Смотри, Самэл, зазеваешься, – вытянут из-под тебя страну, и останешься ты без земли, без страны!..

– Пусть себе тянет, сколько хочет: подо мной земля есть, подо мной и останется!

– А князь не на земле, что ли, сидит, Самэл?

– Князь не на земле, а на шее у меня сидит – вот здесь, – ответил Самэл, стукнув кулаком себя по шее.

– Эге, да так у тебя дыхание перехватит, Самэл! – поддел его кто-то.

– Зачем у меня? Дыхание короткое у князя, у него и перехватит. Ему конец, а мне жить да жить…

– Ах, чтоб тебя, Самзл!.. И не жалко тебе князя?

– Мне своей башки жалко; чего ей из-за князя болеть? Крестьяне загоготали.

– Ну, довольно, хватит языками трепать! – остановил кто-то. – Вставайте-ка, спляшем…

В брюхе густо, в башке пусто -

Вот и тянет парня в пляс. – сострил Хохоб, вприпрыжку убегая в замок.

– Ну, погоди ты у меня, Хохоб!.. – воскликнул Самэл, смеясь. Крестьяне поднялись, чтоб поплясать.

Свадебное торжество длилось до самого рассвета. В зале завязалась веселая беседа, прерываемая песнями гусанов и шутками Хохоба. Нахарар Рштуни, на которого уже подействовало выпитое вино, подсел к новобрачному и, вопреки всяким приличиям, стал вышучивать всех присутствующих. Молодые сепухи вели себя пристойно, а гости госпожи Ашхен так увлеклись мирной беседой, словно на свете не было ни забот, ни войны, ни вражды. Казалось, всей стране Армянской суждено вкушать бесконечную и безоблачную радость в объятиях безмятежного мира…

Рядом со Старшей госпожой сидела мать Гадишо. С благосклонной улыбкой на круглом, как луна, лице она оглядывала новобрачных, говорила несколько слов Старшей госпоже и вновь погружалась в сосредоточенное молчание. Остальные гости перешучивались и пересмеивались вполголоса, не желая, чтоб их услышали старшие княгини.

Ясный осенний полдень сиял над морской гладью. Волны, точно, исполняли какую-то языческую пляску. Поднявшись на башню, Артак и Анаит любовались видом.

Артак глядеч на далекие берега, на горы, на тающие в небе золотые тучки, на чаек, мелькавших над морем и похожих издали на огромные хлопья снега. Смотрел и не ощущал действительности: он чувствовал на своем плече легкое прикосновение теплой руки, и его подхватывала на своих крыльях мечта, точно песня или дуновение ветерка.

Как во сне протекали дни… Артак пытался очнуться, но мысли отступали перед мечтой, и душа вновь плыла по морю счастья, как по волнам Бзнунийскою моря.

– Теперь я готов идти в бой! – произнес Артак, глядя вдаль и чувствуя у своего плеча лиио Анант.

– Я так люблю жизнь! Я готов умереть за нее… Как дорого мне все, все это – вон тот голубоватый дым крестьянских ердиков, эти пласты чернозема, вывернутые из земли, это солнце, этот народ.. Отчизна!

Он замолчал; на башню поднимались Артак Рштуни и Гедеон. Так захотелось нахарару Рштуни, который ни на минуту не расставался с Гедеоном. Он громко пыхтел и не переставал смеяться.

– Привет «царю» с «царицей»! – весело приветствовал он новобрачных. – Не заботитеси вы о нас, смиренных ваших подданных – Мы знаем, что наши подданные о себе сами позаботятся! – отозвался Артак и почтительно пошел навстречу Гедеону, зная, каким строгим блюстителем обычаев является его тесть.

Анаит подхватила отца под руку и усадила на свою подушку.

– Отцу почет, а зятю нет? – упрекнул ее нахарар Рштуни.

– Тебе почет от нового родственника! – отозвался Артак, предлагая свояку свою подушку.

– Вчера поехал на охоту, – начал рассказывать нахарар Рштуни. – Тебя не стал приглашать, ведь ты свою охоту закончил Удачно!.. Но никакой дичи я не встретил. Видно, владетель Хорхоруника припрятал всю дичь в надежном месте… Ха-ха-ха!..

Гедеон хмуро и сосредоточенно разглядывал каменный пол башни, будто это было самое интересное для него зрелище на свете.

– Взгляни-ка, отец, – воскликнул Артак Рштуни, указывая ему на какое-то пятнышко, появившееся на вершине далекой скалы. – Орел там сидит…

Гедеон медленно и спокойно повернул голову.

– Козел это! – определил он решительно и безоговорочно.

– Орел, отец! – настаивал нахарар.

– Козел! – невозмутимо повторил Гедеон.

– Почему ты упорствуешь, отец? – не уступал нахарар Рштуни. – Ясно видно, что орел; сейчас взлетит!

– Пускай взлетит, все равно козел! – твердил свое Гедеон. Артак незаметно мигнул свояку. Тот сделал своеобразную оговорку:

– Может быть, это и козел, но он взлетит…

В глазах шутника нахарара вспыхивал, но быстро потухал недобрый блеск.

Нахарар Рштуни недолго оставался на вышке, – он был не из любителей красивых видов. Он встал. За ним поднялись и Артак с Анаит, так же как и Гедеон. Спустившись, все разошлись по своим комнатам. Анаит сказала Артаку, что хочет пойти навестить Олимпию. Проходя под окном нахарара Рштуни, она невольно остановилась: Артак Рштуни и Гедеон как будто спорили о чем-то, хотя нахарар по своему обыкновению говорил посмеиваясь.

– Так, говоришь, это был козел, да?.. Ха-ха-ха!

– А ты хотел бы, чтоб орел? – пробурчал Гедеон.

– А как же?

Анаит заинтересовала эта странная беседа. Она стала слушать.

– Ладно, оставим. А вот почему ты домой не возвращаешься, разреши тебя спросить? – спросил нахарар.

– Дело у меня есть.

– Ах, дело?.. А может быть, боишься?

– Чего мне бояться?

– Откуда мне знать!

– Не боюсь я ничего! – глухо произнес Гедеон.

– Боишься, – дразнил нахарар. – А если не боишься, возвращайся домой!

– И вернусь.

– Не вернешься!

– Вернусь, говорят тебе! Вставай, едем сейчас! – предложил Гедеон.

Артак Рштуни, помолчав, заявил:

– Поедем завтра. Давно следовало тебе приехать, нужно кожу для войска собрать.

– Я тебе не сборщик кожи. Ты хочешь со мной посчитаться за то, что я отправил твой полк в Ангх. Вот приедем домой – посчитаемся.

Нахарар Рштуни ничего не ответил. Анаит долго ждала, но больше они не говорили ничего. Она поняла смысл их беседы. Сердце ее сжалось, она повернулась и побежала обратно в свою комнату.

– Что случилось, Анаит? – удивился Артак. Анаит с плачем упала в объятия мужа. Успокоившись немного, она рассказала ему все.

– Убедим отца не ехать! – предложил Артак.

– Его не убедишь! Он поедет!

– Но если даже и поедет, что с ним может случиться? Анаит заплакала, не отвечав. Взгляд ее объяснил Артаку, как она рстревожена и напугана.

Анаит кликнула служанку и велела укладывать вещи.

– Зачем это, Анаит? -забеспокоился Артак.

– Я тоже еду с отцом! – объяснила Анаит.

– Не пущу я тебя, Анаит! Зачем это?..

– Я поеду, князь! – печально, но решительно повторила Анаит. – Как могу я оставить его одного?

– Но что может сделать с ним Рштуни?

– Не знаю! Но я не оставлю его…

Артак безмолвно и нежно смотрел на Анаит, надеясь, что она передумает, но та резко обернулась к нему и с гневом воскликнула:

– Ведь это мой отец.л И он тоже воин родины! – Она сноса разрыдалась.

– Анаит… Но я ведь ничего не говорю…

– И у него есть душа!.. – сказала Анаит, отерла слезы и решительно докончила:- Я должнапоехать! Разреши мне это, князь. Недолго пришлось нам радоваться!.. Что ж, такова наша судьба. И ты не грусти, князь!..

Артак почувствовал укор совести, ему стало стыдно перед А.наит. Он сознавал, что она права, и не стал противоречить.

Как будто потускнел свет, смолкла песня счастья, и безмолвие воцарилось повсюду…

Приготовления к отъезду нахарара Рштуни послужили как бы сигналом и для других гостей. Все стали готовиться в путь.

Старшая госпожа изъявила желание, чтоб все отъезжающие собрались в большом зале, где справлялась свадьба. Все оделись по-дорожному. Старшая госпожа уселась на возвышении и подозвала к себе Артака, Анаит, Зохрака и девушек.

– Беда нависла над страной Армянской… – заговорила она. – Стереть хотят нас с лица земли… Дети мои стали на путь подвижничества… Кто знает, какие тяготы они несут, каким опасностям подвергаются? Да ниспошлет им помощь господь!..

Старшая госпожа, прослезившись, прижала платок к глазам.

– Аминь! – провозгласили все, крестясь.

– Отчизна взывает к нам!.. – продолжала Старшая госпожа. – Да не останемся мы непричастны к делу, за которое проливают кровь наши близкие! Дадим обет оставаться верными отчизне в час испытаний!

– Обет наш нерушим, Старшая госпожа! – с воодушевлением откликнулась госпожа Ашхен. – Наши мужья проливают кровь за отчизну, – не отстанем от них и мы!..

Нахарар Рштуни с удивлением и раздражением внимал словам супруги Гадишо.

– Да ниспошлет господь силы и удачи нашим близким! – проговорила супруга Нершапуха Арцруни.

– Аминь!.. Аминь!.. – отозвались все.

– Да будет светла жизнь новобрачных! – провозгласила Старшая госпожа и прибавила:- Спасибо тебе и дому твоему, старшая госпожа дома Хорхоруни, да хранит господь Гадишо и Хорена твоего! Ну, нам время двигаться! Уезжающим – путь добрый, остающимся – счастливо оставаться!

Все встали, склонились к руке Старшей госпожи, затем простились друг с другом.

Слуги доложили, что корабль ждет у пристани.

Анаит побежала в свою комнату. Артак последовал за нею:

– Анаит!.. Что же будет дальше?

– Что будет? Разве это мне известно? – со слезами ответила Анаит.

Артак обнял ее:

– Не падай духом, Анаит! Поедешь, все разузнаешь и тотчас дашь мне знать!

– Ох!.. – вырвалось у Анаит; она и сама чувствовала, что расстается с мужем слишком сухо.

– Ничего, князь, все будет хорошо! Приедешь поскорее взять меня домой, – и она поцеловала Артака.

– Приеду, конечно, и скоро!

И, как это бывает часто, когда люди глубоко и сильно взволнованы, Артак и Анаит расстались просто и легко.

Все остававшиеся в замке вышли провожать. Зохрак стоял рядом с молодым сепухом, с которым сблизился в последние дни, славным юношей, другом князя Хорена, и смотрел на Астхик, которая заботливо оправляла одежду на Анаит, поудобнее усаживая ее на палубе.

– Золотая девушка! – шепнул Зохраку молодой сепух, указывая на Астхик. – И сердце у нее золотое…

Зохрак вновь взглянул на Астхик. Но та не смотрела на него.

– А как хороша!.. – вздыхая, шептал сепух.

Зохрак взглянул, – и точно какая-то пелена упала с его глаз: перед ним возник новый

дивный образ девушки. Астхик точно похорошела. Как это случилось? Произошло чудо? Зохрак не знал, что бывают такие волшебные изменения: довольно случайного слова со стороны, чтобы огненным видением вспыхнула красота, которая ранее не была замечена, именно потому, что она слишком самобытна, необычна, нова…

Зохрак увидел красоту Астхик, увидел -и обрадовался… И пока он радостно и уверенно, с видом человека, сделавшего счастливое открытие, ждал, чтоб Астхик взглянула на него, та повернулась спокойным и печальным лицом ко всем провожающим, склонила голову в приветствии и, не глядя на Зохрака, села рядом с Анаит. Она не подняла головы до самого момента отплытия.

Гедеон твердыми шагами взошел на корабль, который должен был их отвезти прямо в Рштуник.

Прощаясь с нахараром Рштуни, Артак сказал ему: – Скоро увидимся!

– Будем ждать тебя, дорогой свояк! – засмеялся нахарар Рштуни. – Приезжай!

Корабль дрогнул и медленно скользнул в море. Артак весело улыбнулся Анаит, задержался взглядом на Астхик и долго стоял на берегу, пока корабль не скрылся из виду.

Рядом с ним стоял на берегу Зохрак.

В тот же день выехала в Огакан семья Спарапета.

Над азарапетом Михрнерсэ нависла угроза казни. Он утратил свое значение в глазах Азкерта, и для его врагов открылась возможность злословить на него. Во главе их стоял самый заклятый враг и соперник Михрнерсэ – князь Пероз, тот, который советовал бросить нахараров под ноги слонам. Он давно добивался падения Михрнерсэ, чтоб самому стать азарапетом арийцев.

Тревога снедала первого сановника арийской державы. Он сам не мог простить себе роковой ошибки, которую ставили ему в вину, того, что он доверил Васаку марзпанство Армении. Михрнерсэ просиживал ночи напролет без сна, тщетно ища выхода. Выход могло показать будущее, а будущее было покрыто мраком, Нужно было спасать жизнь. Но как?

Тревога снедала также и Вараздухт, которую задержали во Дворце Михрнерсэ, пока не подтвердятся сообщенные ею вести.

Не меньшую тревогу переживал и Варазваган, ждавший распоряжений Михрнерсэ…

Однажды, во время совещания в верховном совете, Пероз обратился к Михрнерсэ:

– Как полагает великий азарапет арийцев, не пора ли предать суду тех, кто ввел его в заблуждение, изображая Васака подходящим кандидатом на должность марзпана?

– Не знаю, государь, мне еще ничего не ясно. Мысль моя в ту чане. Хочу посоветоваться с вами, чтоб вы просветили мысль мою… – Михрнерсэ с деланным смирением опустил голову.

Пероз осмелел и заговорил еще громче:

– Не время ли нам всем засвидетельствовать перед царем царей самоотверженную преданность великого азарапета арийцев? Во всем виноват лишь Васак: пусть Васак и несет должную кару! Нам всем дорого имя великого азарапета, хоть он и допустил большую ошибку…

– Истинно!.. Так! – отозвались со всех сторон.

Михрнерсэ сидел, все так же опустив голову.

Но надо было представить царю царей результаты расследования, надо было предупредить опасность. Надо было обелить Васака, пока не поздно, и лишь затем перейти к дальнейшей самозащите.

В безмолвии глубокой ночи, при свете тройной лампады Михрнерсэ вполголоса говорит с Кодаком, вызванным по его приказанию. Кодак понадобился снова, им уже не пренебрегали…

– Скажешь ему – пусть искупит свою вину. Пусть предупредит гнев царя царей! Пока Себухт еще не вошел в Армению, пусть освободит и отправит в Персию заключенных вельмож и разгромит приверженцев Вардана… Потом все это не будет иметь значения, потом он будет обыкновенным преступником, осужденным на смерть!

– Повелитель, но если марзпан не сможет оправдаться, не жаль разве твоих трудов?

Михрнерсэ остановил на Кодаке тяжелый взгляд и холодно сказал:

– Спасая Васака, я спасаю и тех, кто восхвалял его и ввел меня в заблуждение!

Кодак задрожал: он понял намек.

Не двигаясь с места, Михрнерсэ с ненавистью проводил его глазами, когда он пятился к выходу. Опасность была большая, действовать было трудно. Враги лязгали зубами. Михрнерсэ это видел.

– Приведи ту девушку!.. – приказал он дворецкому.

Вошла Вараздухт. Лицо ее было покрыто смертельной бледностью. Что могло побудить Михрнерсэ вызвать ее в такой поздний час?..

В дверь заглянула Арамаида. Михрнерсэ заранее знал, что сестра не замедлит появиться. Он пригласил ее войти, и Арамаида уселась рядом с ним.

– Отвечай мне! – обратился Михрнерсэ к Вараздухт. – Ты армянка, и здесь ты чужая. Какое ты имеешь отношение к далеким странам, к назначениям и смещениям марзпанов? Скажи, кто ты – возлюбленная марзпана?!.

– Я посвятила себя подвижничеству во имя спасения Васака! – смело ответила Вараздухт. – Я хочу спасти его, хотя бы ценою своей собственной жизни…

Михрнерсэ побледнел и, приподнявшись, крикнул с яростью:

– Опять это армянское упорство? Опять «подвижничество»?! Я прикажу содрать кожу с твоего марзпана и набить ее сеном раньше, чем ты совершишь свое «подвижничество»!

Вараздухт точно обожгло. Она поняла: на этот раз ей или суждено сложить голову на плахе и Васаку не избежать кары, или же настал час спасения. Она упала к ногам Михрнерсэ:

– Брось меня палачам, государь азарапет, пусть сдерут кожу с меня… Но поверь мне, Васак предан тебе, он клянется твоим именем! Если б Васак не упрятал ваших вельмож в темнице, Спарапет велел бы перебить их. Марзпан спасает им жизнь, окружив их стенами темницы!

– Говори все, что знаешь, и готовься к смерти, – со злобной улыбкой сказал Михрнерсэ.

– Скажу! Я все скажу! -уже со смертельной дрожью в сердце воскликнула Вараздухт. – Я скажу, что вот ты оказываешь доверие тысячам людей, например, воинам армянской конницы, которые готовятся бежать на родину, а меня предаешь смерти! Я знала об этом, но молчала…

Михрнерсэ выпрямился. Он подумал немного, затем произнес:

– Так…

Он взглянул на Арамаиду, которая молча, не вмешиваясь, сидела рядом с ним. Арамаида сделала ему знак.

– Отведите ее! Пусть дожидается палача… – приказал Михрнерсэ дворецкому.

Дрожавшую Вараздухт увели.

– Какой смысл предавать ее казни, брат?.. – спросила Арамаида.

Михрнерсэ, задумавшись, молча глядел на нее.

– Какая тебе польза, бесценный мой, в падении марзпана? Как только падет Васак, Варазвагаиа возвысят помимо тебя. И это как раз и будет твоим падением. Кто такой Васак -изменник, обманщик или обманутый, – сейчас разбирать не время. Ты возвысь его, бесценный мой, не отступайся от него! Этим возвысишься и ты сам, бесценный мой. Поддерживай Васака, возвышай его, возвышай!..

– Истина, сестриа, истина из истин… – бормотал Михрнерсэ, просветлев. – Пусть падет Васак жертвой вместо меня. И пусть он послужит возвышению моему! Но я не жизнь свою спасаю, я не смерти страшусь: я спасаю честь свою, свое имя. Если даже я и ошибся, все-таки я прав!..

– И не забудь рассчитаться с армянской конницей. Эта девушка подала тебе хорошую мысль…

– Но откуда у нее эти сведения?

Арамаида рассказала брату о связях Вараздухт с доком Вахтанга. Михрнерсэ вызвал

Нюсалавурта и приказал покончить с армянской конницей. После долгих пререканий Нюсалавурту удалось добиться решения послать конницу на войну, где она должна была бы погибнуть в самых опасных боях с кушанами.

Наутро Михрнерсэ вызвал Вараздухт и приказал ей выехать в Армению, к Васаку, следить за ним, убедить оставаться верным Михрнерсэ, а также пересылать ему, Михрнерсэ, все сведения о Васаке.

Вараздухт спаслась и на этот раз…

Перед армянской конницей раскинулась пустынная равнина с чередующимися солончаками и болотами, с предательскими топями Конница вытянулась в длинную цепь, по три всадника в ряд. Во главе ехали князья. Они выглядели задумчивыми, даже встревоженными. Веселы были только воины, довольные тем, что кончилась томительная жизнь в лагере. Им было известно, что они идут на войну с кушанами. Это было не очень приятно, но все надеялись, что найдется какой-нибудь выход: в награду за удачные бои царь царей мог бы даровать им право вернуться на родину… Согретые этой надеждой, воины беспечно переговаривались и с любопытством оглядывали окрестности.

Недружелюбно глядела на них пустынная равнина. Осень дышала печалью и смертью. Слева, спереди и вдали громоздились беспорядочные скопления каменистых холмов и гор. Окрестности были выжжены палящим солнцем. Дороги не было. Ветер заметал все следы, все опознавательные знаки. Дорогу указывали только кости верблюдов и коней: шакалы и гиены раздирали падаль под покровом ночной тьмы, с наступлением дня разбегаясь по своим логовищам в ущельях и оврагах.

На одном из холмов, с левой стороны, показалась круглая и широкая каменная башня, мимо которой коннице предстояло проехать. Башня, казалось, не имела ни дверей, ни бойниц. Вызывали изумление бесчисленные стаи птиц, усеивавшие стены башни или реявшие вокруг нее, как черные тучи. Сшибаясь друг с другом, они то летали над башней, то поднимались в воздух.

– Что это? – с удивлением спросил один из молодых воинов. Сосед объяснил ему, что это кладбище персов, обитель мертвых Персы приносят своих умерших в эту башню на съедение птицам Таиов персидский похоронный обряд. Как только приносят труп, пгицы моментально налетают и в мгновение ока оставляют чистый скелет. Затем могильщики выбирают черепа и раскладывают в нишах, во внутренней стене башни, рядом с тысячами других, ранее выставленных черепов,.

С приближением конницы у стервятников поднялось лихорадочное оживление. Видно было, что внутри башни происходит какая-то оргия. Отяжелевшие от мертвечины хищники, потерявшие способность подняться в воздух, с трудом выбирались на стены башни, испуская хриплый клекот. Из их кривых клювов торчали обрывки жил, клочья одежды мертвецов, вырванные в бою с соперниками перья и пух. В воздухе метались стаи еще не насытившихся хищников. Смердящим дыханием смерти несло от этой башни…

Перед Арсеном возникла жуткая картина ожидающей их судьбы.

«Кто знает, скольким из нас суждено стать добычей этих отвратительных хищников в безрадостных равнинах Персии?» – подумал он.

Уродливое зрелище смерти камнем легло на его и без того опечаленное сердце.

Вдруг перед его затуманенным взором возникла Хориша. Светлое, как солнечный луч, и полное жизни видение рассеяло жуткую картину. Жизнь, надежда жизни согрела душу Арсена. Он легко вздохнул и улыбнулся.

Но сколько еще путей предстояло пройти, чтоб добраться до Хориши! Нужно было объехать Гирканское море, войти в Армению, сразиться с персами, победить их и только после этого вернуться во дворец Вахтанга, чтоб увидеть любимую… Кто знает, когда это будет, да и будет ли?..

Полк проехал мимо Башни мертвых и углубился в безлюдную пустыню. Местами дорога почти терялась между двумя болотами; приходилось двигаться с величайшей осторожностью: могла засосать бездонная топь.

– Напоминает своих хозяев эта страна – коварная, предательская! – сказал Гарегин, догоняя князей.

– И у нас есть топи: кто виноват, что мы не умеем использовать их? – спросил молчаливый и немногословный по натуре князь Тачат Гнтуни.

– Возможно, что ты прав, – сказал Гарегин, глядя ему прямо в глаза.

– Отдаем мы любовь свою безоюворочно, любим искренне, враждуем открыто!.. – вновь заговорил Тачат. – Хитрости нет у нас – вот самая большая наша беда.

– Так! Именно так!.. – с горечью подтвердил Гарегин.

Кончилась узкая тропка между болотами Конница вновь выехала на просторную песчаную равнину Нюшапух остался далеко позади.

Гарегин озабоченно оглядел равнину и обратился к князьям-командирам.

– В случае попытки окружить нас – тотчас же развернуться и ударить на врага с флангов! Ну, князья, по отрядам!

Командиры отъехапи. Их было пять человек, не считая Гарегина Срвантцяна. Каждый стал во главе своего отряда. Полк построился и привел оружие в боевую готовность. На востоке смутно наметились очертания пограничных гор страны кушанов.

Полки Вардана быстро обошли озеро Севан; не останавливаясь ни днем, ни ночью, спустились к дремучим лесам Ссвордийского края и, покинув его ущелья, попали на равнину Агванка.

Вардан лишь изредка допускал дневные переходы, предпочитая продвигаться по ночам, если только это позволяли дороги, которые вились по опушкам горных лесов.

От высланных вперед лазутчиков Вардан ждал сведений о том, где находятся персидские войска. Полки были разделены и над ними поставлены командиры. В числе командиров был Аршавир Аршаруни, помощником его состоял князь Муш Димаксян, затем Хорен Хорхоруни с помощником в лице Татула Димаксяна. При Вардане находился Артак Палуни, а также азарапет агванский, совершенно сломленной тяжелой дорогой. Непосредственно за Варданом двигался полк Мамиконянов во главе с сепухом Давидом. В этом же полку были и арташатские юноши, неразлучно следовавшие рядом друг с другом в задних рядах полка. Лишь одно омрачало их счастье: сечух Давид не поставил их в передней шеренге, откуда они имели бы возможность видеть Спарапега, слышать его голос. Когда же Корюн осмелился сообщить сепуху Давиду об этом их желании, тот грозно спросил: «В каких это Марвиротах сражались вы рядом с ним, проливали кровь, чтоб занимать место старых соратников Спарапета?! Мальчишки!..»

После этого арташатцы присмирели и довольствовались тем, что следили глазами за Варданом издали. Юноши преобразились: в военных доспехах и при оружии они казались более статными и возмужавшими.

На золотом раз пиве следующего утра был замечен черный дым, тянувшийся кверху.

По рядам воинов пробежало оживление.

– Это лагерь Себухта! Значит, его конница уже добралась сюда, – сказал Аршавиру Вардан.

– Хорошо было бы встретиться с ним, перейдя Куру…

– Наоборот, пусть перейдет ее он!

Глядя на далекий дым, Тигран ножнами ткнул в спину ехавшего впереди Корюн а:

– Видишь-это твоя бабушка печет для тебя пироги!

– Голову тебе снесу, если еще раз ткнешь меня в бок! – рассвирепел Корюн.

– Ничего, на поле боя найду другую, приложу вместо той, что гы снесешь! – отшутился Тигран.

Вардан придержал коня и поднял правую руку. Сепух Давид тотчас же отъехал в сторону и гаркнул:

– Полки, стой!..

Полки подтянулись.

Сепух Давид подскакал к Вардану. Тот приказал отобрать от каждого полка по

нескольку десятков воинов для передового отряда, выступить с ним в разведку и узнать точно численность и намерения персов.

Юноши арташатцы попали в число отобранных. Они ехали с такой радостью, словно и впрямь приглашены были на свадьбу.

Их первый бой!..

В ночном мраке едва можно было разглядеть бесшумно продвигавшуюся по правому берегу Куры Боннскую часть, которая к тому же часто останавливалась. Это был иверский полк, направлявшийся в Тбилиси. Князь Вахтанг, командовавший этим полком, ждал сообщения о том, что осталшые отряды, продвигавшиеся по ту сторону Тбилисского хребта на запад и юг, уже добрались до назначенного места и готовы перейти в наступление.

Засевший в Тбилиси персидский гарнизон был велик численностью и хороню вооружен, и попытка уничтожить его грозила многими неожиданностями и опасностями.

За два дня до этого в царском дворце вновь разгорелся жаркий спор относительно нападения на Тбилисский гарнизон и вообще о выступлении против персидскою владычества. Часть князей высказалась против восстания, ссылаясь на близость Аланских ворот и опасность вторжения гуннов. Но взволнованная горячая речь царя подействовала на собравшихся. Большинство князей, поддержанное Вахтангом, высказалось за восстание против персов и за помощь Вардану, выступившему против Себухта.

Вахтанг остановил скакуна и спешился. Отерев вспотевшее лицо, он передал поводья телохранителю и присел у обочины дороги. Младшие командиры окружили его.

– А ты еще спорил! – упрекнул Вахтанг одного из них. – Все твердил, пусть, мол, сперва Спарапет Вардан уничтожит войска Себухта, а уж тогда и мы нападем на персидский гарнизон Тбилиси…

– Твердил и сейчас повторяю! – возразил тот. – Мы можем Упустить часть гарнизона, и тогда она сбежит, присоединится к войску Себухта. Если же Спарапет его разгромит, подкрепление Себухту не поможет!

– Рассуждаешь ты неплохо, Соломон! – засмеялся Вахтанг. – Но ведь и Спарапет может дать части войск Себухта уйти в нашу сторону. Что же лучше – нанести удар в хвост или же в голову?

– А где тут голова и где хвост? – спросил Соломон. Князья захохотали.

– Пусть сатана займется персами! – откликнулся кто-то из темноты. – Погибель им и в хвост и в голову, тьфу!..

– Голова – это Себухт, засевший в Агванке! – уже без смеха пояснил Вахтанг. – А отряд, укрепившийся в Тбилиси, – это, конечно, хвост! Вот и все!

– Что ж, поживем – увидим! – упорствовал Соломон. – Кто окажется сильней, тот и голова…

– А вернее всего, что головой окажется тот, кого мы не успеем разгромить! – решительно произнес Вахтанг. – Тбилиси ближе к нам, чуть ли не под носом. Да и спят там сейчас… Ударим и покончим с ними, будь они прокляты! Плохо только, что лазутчики опаздывают; не можем ведь мы стоять тут всю ночь… Проедем вперед ещенемного.

Полк тронулся.

Вдали, во мраке, похожая на пирамиду, встала гора на западной окраине Тбилиси. Каждую минуту полк мог наткнуться на сторожевую охрану персов или на случайных путников.

К счастью, подоспевшие лазутчики сообщили, что оба отряда добрались до намеченных исходных пунктов и ждут лишь, когда в Тбилиси начнется бой, чтобы выступить на помощь своим.

С рассветом начался приступ Застигнутый врасплох, персидский гарнизон не смог отразить нападение и оказать организованное сопротивление. Нападающие перебили гарнизон, «раздавив свернувшуюся в Тбилиси клубком ядовитую змею», – как выразился царь, и страна была освобождена от персов.

Вахтанг послал гонцов к Вардану поведать об одержанной победе и обрадовать армян

вестью о том, что им будет оказана братская помощь.

Вардан отвел полки к опушке леса и приказал стать на отдых. Утром вернулся из разведки сепух Давид и донес, что персы перешли Куру и идут на Хагхазу. Вардан приказал привести полки в боевую готовность. Аршавир и Муш со своим полком заняли правое крыло. Левое занял Хорен Хорхоруни с Татулом Димаксяном. Вардан принял командование над центром Начальником полка, оставленного в засаде, был назначен опытный воин Артак Палуни.

Леса и холмы обрывались, впереди лежала долина Куры. Полки Вардана засели за холмами и лесами. Сам он, стоя на опушке, разглядывал движение противника. Персы нашли удобный брод, перешли реку и выстроились на берегу. Ясно было, – они знали о присутствии неприятеля и пытались нащупать его, чтоб перейти в наступление.

Из глубины леса вышел довольно.значительный отряд конницы, повернул в сторону полков Вардана. Через некоторое время отряд замедлил движение и, наконец, остановился. По знаменам можно было определить, что это агваны. С боем отступив, они перешли реку, намереваясь пробраться в Армению. От главного отряда отделились двое конных и поскакали к Вардану. Молодые сероглазые всадники радостно подъехали к опушке, соскочили с коней и почтительно приветствовали Спарапета, который движением руки подозвал их к себе.

– Ну, как сражались? – спросил Вардан, когда юноши подошли к нему.

– Сражались, Спарапет, но многочисленно войско у персов…

– А народ ваш?

– Спасается в горах и лесах.

– Пусть подъедет конница.

Всадники ускакали обратно. Чуть погодя подошла на рысях конница агванов Это были великолепные бойцы. Несмотря на усталость, подавленными они не выглядели. Из рядов выступил их командир, агванский князь Ваган.

– Почему не дождались нас? – спросил Вардан.

– Не могли дольше ждать, Спарапет: персы начали жечь села и вырезывать крестьян…

– Да, тяжело вам пришлось. Азкерт старается нанести стране самый чувствительный удар… Ну, что было, то было. – Вардан испытующе оглядел конников. – Времени у нас мало. Приступим к делу.

– Жду приказаний! – откликнулся князь Ваган.

– Выдели местных жителей, знающих, где броды, придай отрядам…

Приказ Вардана был немедленно выполнен. Полки построились в боевом порядке.

Фланги полков Вардана были довольно удалены друг от друга. Вардан обратил внимание на то, что Себухт построил свои войска так, чго у него создался сильный центр и сравнительно слабые фланги. Вардан тотчас же выделил из своего центрального отряда подкрепления флангам и приказал последним перейти в стремительное наступление на фланги Себухта.

Из прикрытий внезапно вылетели отряды Хорена и Аршавира и с налета ударили по флангам Себухта. Разгорелся жаркий бой. Перевес армянских сил на флангах уже внес замешательство в ряды персов. Себухт, ожидавший нападения сильного центра противника, оставался в бездеятельности, а тем временем оба крыла Вардана крошили его фланги. Пока Себухт находился в нерешительности, думая, перейти ли ему в наступление на центр противника, или выжидать, – его фланги поддались. Себухт бросился на помощь левому крылу, но в этот миг Вардан со своим немногочисленным, но отборным отрядом ударил ему в спину. Персидские войска смешались, растеряли своих командиров и в панике отхлынули к берегу реки, куда оттесняли их армяне. Началось паническое бегство.

Себухт с несколькими вельможами едва успели сесть в лодку, чтоб переправиться на другой берег Куры. Персы, теснимые армянами, начали убегать вниз по течению. Армяне и агваны преградили и этот путь. Тогда беглецы свернули в реку, и начался бой в воде. Воины Вардана или убивали персов, или загоняли их в стремнину, где они тонули. Часть персов,

удержавшаяся на конях, успела перебраться на другой берег, но большую часть персидских воинов поглотила река.

Лодку Себухта засыпали стрелами. Большинство сопровождавших его вельмож было перебито…

Наконец, Вардан велел трубить отбой и прекратить преследование. Неприятель потерпел решительное поражение, победа досталась неожиданно легко.

Покрытые пылью и потом армянские воины, тяжело дыша, снова построились. Подъехали и командиры. Аршавир Аршаруни трясся в седле от смеха. Он подъехал к Вардану, желая, очевидно, сделать ему доклад, но взрыв неудержимого смеха вновь потряс его. Своим смехом он заразил тех, кто стоял поближе, и вскоре смеялся весь полк. Хохот ураганом пронесся над полем битвы.

– Не приводилось мне видеть ничего подобного! – сказал, улыбаясь, Вардан и покачал головой. – И как это получилось?

– Только-только повернулся Себухт, чтоб… – давясь смехом, начал Аршавир, но не сумел закончить, схваченный новым приступом смеха – И боя-то настоящего не было! – вставил Хорсн.

– Какой там бой? – ответил Татул Димаксян. – Они с разинутыми ртами смотрели, как мы крошили их фланги!

– Как будто затем и явились, чтоб быть побитыми! – добавил Артак Палуни.

Задумавшись, Вардан слегка улыбнулся.

– Но Себухт – полководец отважный и опытный! – сказал он. – И войско у него хорошо обученное… При иных обстоятельствах нам пришлось бы нелегко. Стремительность нашего удара повергла его в смятение. Он не сумел предугадать, как будет развиваться сражение. Да, удачно у нас получилось, удачно! Быть может, и не повторится больше никогда такая удача!.. – с усмешкой заключил он. – Как бы то ни было, нехорошо это, конечно, для такого прославленного полководца…

– Полководец-то он, конечно, прославленный… – уже серьезно заметил Аршавир.

– Ну, как бы то ни было, воздадим хвалу богу армян! – закончил Вардан. – Ловко выскочили мы!.. – И сам залился громким смехом. Вдруг он тревожно оглядел всех и резко спросил: – Князь Муш… Где он?

– Да, князь Муш… Где князь Муш? – спрашивали друг друга встревоженные командиры.

– Погиб в бою, Спарапет… – сказал сепух Давид. – Я послал за его телом.

Лица у всех омрачились. Немного погодя воины принесли тело убитого Муша. Вардан снял шлем, остальные последовали его примеру.

Полки двинулись в путь. Тело Муша предали земле в первом же встречном селении, во дворе церкви.

Вардан дал полкам два дня на отдых. После передышки решено было выступить к Чорской заставе. В этот же день к Вардану прибыл нарочный от Атома с сообщением, что в Арташате назревает смута и ожидаются враждебные выступления.

– Нужно спешить… очень спешить!.. – заявил Вардан. – Боюсь, что пока мы подоспеем, все перемешается в стране!

Он приказал гонцу вернуться в Арташат и передать, чтоб Атом как-нибудь продержался с помощью Нершапуха и народа, пока они покончат со своей задачей.

К вечеру прибыли гонцы и от Вахтанга. Царь извещал, что персидский гарнизон в Тбилиси уничтожен.

Постоянно находясь в пути под угрозой неожиданного нападения кушанов, армянская конница, наконец, добралась до места расположения персидских войск.

Навстречу коннице выступил небольшой отряд под командованием заместителя Нюсалавурта полководца Зора. Он встретил новоприбывших, весело приветствовал конницу, обменялся воинским приветом с князем Гарегином и громко справился о здоровье конников. Гарегин доложил, что они благополучно достигли места назначения и готовы к выполнению

боевых заданий. Конницу отвели на предназначенное ей место стоянки, а армянских князей Зора пригласил в свой шатер.

Подали ужин. Зора – живой и приветливый человек лет пятидесяти с лишним – отличался от армянских князей своей веселой разговорчивостью Он держался очень дружелюбно, с особым почтением отозвался о Вардане Мамиконяне.

– Мною в Персии боевых полководцев, но ни одного – подобного Вардану! Как можно было подвергать такого полководца заточению? – с сочувствием в голосе заявил он.

Заметив, что гости утомлены, Зора не стал задерживать их долго за ужином и вскоре отпустил с пожеланиями мирного сна.

Ночь прошла спокойно. Но на рассвете персидский трубач заиграл сигнал тревоги. Войска быстро начали строиться. Гарегин побежал к Зора.

– Ожидается нападение кушанов, – сообщил ему Зора. – Сейчас выступим.

– Конечно, ты разрешишь выступить и нам, – сказал Гарегин.

– Нет, князь Вы будете отдыхать еще несколько дней. Персидское войско выступило, разделившись на две части. В лагере осталась только армянская конница.

– Этот Зора кажется мне порядочным человеком, – заметил Арсен. – Быть может, посчастливится нам честно отвоеваться с ним…

Наутро к Гарегину прибыл гонец – скороход от Зора, с приказом немедленно выступить на подмогу персидским войскам. Гарегин созвал своих князей-командиров и наказал, если сам он падет в бою, командование взять в порядке последовательности Арсену Энцайни, Тачату Гнтуии, Нерсэ Каджберуни, сотнику Аршаму.

Конница выступила. Перед воинами расстилалась бескрайняя пустыня. Никакого следа врага – мертвые волны песка и безжизненный горизонт…

Армянским конникам отвели место в центре, между двумя персидскими флангами. Войска были приведены в боевую готовность, но кушаны не показывались. Армянской коннице, однако, хорошо были известны все уловки сынов пустыни. Безлюдие и отсутствие всяких признаков близости кушанов не могли удивить Гарегина.

Зора назначил смотр армянской конницы. Он с удовлетворением переводил взгляд с конников на командиров, пристально одного за другим оглядел князей, и вдруг на глазах у него показались слезы. Он что-то шепнул про себя, и Гарегир как будто расслышал слово «жаль» Зора повернулся ч нему:

– Дождетесь, пока оба наши крыла перейдут в наступление, ввяжутся в бой, и только тогда двинетесь. Наступать стремительно, во весь опор, врезаться в самую гущу вражеских сил!

– Будет исполнено! отозвался Гарепин. Зора обнял Гарегира горячо поцеловал его и затем обратился ко всем.

– Ну, дети мои, сражайтесь храбро, как всегда! Да хранит вас Ормизд!

– Аминь!.. – отозвалась конница обычным своим приветствием. Зора ускакал.

Он еще не доехал до своих полков, как из-за холмов высыпали кушаны. Они мчались во весь опор, перегоняй друг друга, и, внезапно остановившись, выстроились полукругом: нельзя было понять, готовятся ли они к нападению, или к обороне.

Правое крыло персидских войск медленно выступило вперед. Также медленно выступило левое. Армянская конница осталась стоять на месте.

«Странный боевой порядок!..» – пробормотал про себя Гарегин.

По-видимому, подобное же подозрение зародилось у кушанов. Они не трогались с места. Персидские войска продвинулись уже довольно далеко, а кушаны все стояли неподвижно. От Зора примчался гонец с приказом: «Перейти в стремительное нападение».

– Вперед! – скомандовал Гарегин, и конница лавиной помчалась на кушанов.

Даже во время скачки Гарегин не переставал думать о том, какова же была цель странного боевого порядка персов. Когда конница поровнялась с персидскими войсками, он заметил, что те постепенно замедляют шаг и останавливаются.

«Западня!» – молнией мелькнула догадка у него в голове. Он понял все: Зора

намеревался так же стремительно отвести назад свои войска, как стремительно он бросал в пасть кушанам армянскую конницу. Первые ряды армянских конников были уже недалеко от кушанов, когда персидские войска быстро начали отходить назад. К счастью, кушаны все еще не решались перейти в ответное наступление. Гарегин громко приказал замедлить ход, подозвал своих командиров и поделился с ними своими предположениями. Пораженные князья начали присматриваться. Конница подскакала так близко к кушанам, что уже ясно были видны лица отдельных всадников. Пять-шесть кушанов выехали было из рядов, но вновь придержали коней.

– За мной! – скомандовал Гарегин, поворачивая коня обратно, и армянская конница вслед за ним помчалась на персов.

Поняв, что чамысел их разгадан, персы уже открыто перешли к враждебным действиям против армян. Смяв передние отряды персов и расстроив их боевой порядок, Гарегин вновь стремительно повернул обратно и помчался к кушанам, размахивая в воздухе снятым с головы шлемом. Его примеру последовали и армянские конники. Кушаны догадались, в чем дело, и, расступившись, приняли конницу с громкими приветствиями.

Персы замялись в нерешительности, но чувствуя, что теперь перевес явно на стороне кушанов, быстро отступили. Гарегин тотчас же послал воинов с лекарями подобрать раненых конников и оказать им помощь, а сам во главе конницы направился к вождю кушанов.

Охватив конницу тесным кольцом, кушаны молча ждали повелений своего вождя. Коротконогие и косоглазые наездники, словно слившиеся в одно целое со своими конями, с любопытством обшаривали армян глазами. Они выглядели хитрыми и одновременно простодушными.

Вождь кушанов – почти безбородый, на удивление коренастый юноша могучего сложения – проницательно и весело оглядел армянских конников и приветствовал их через толмача, понимавшего персидский язык:

– Мир и благополучие отважным воинам!

– Мир и благополучие сынам пустыни! – ответил Гарегин. Вождь начал расспрашивать:

– Почему ушли вы от персов?

– Они враги нам! – объяснил Гарегин.

– Под каким небом родились вы?

– Под небом, где заходит солнце! – перевел Аршам, который бывал в стране кушанов и знаком был с их речью.

– Кто вождь ваш.

– Полководец Вардан, владетель Мамиконянов.

– Вардан?! А-а знаю… Отважный воин! Где же он?

– Сражается против персов.

– Против персов? Почему?

Гарегин объяснил. Вождь кушанов слушал внимательно и сосредоточенно, но постепенно лукавая улыбка осветила маленькие его глаза, и он громко захохотал:

– А разве не хватит земли для всех? Немного вы потеснитесь немного они, вот и поместитесь! Хо-хо-хо!..

Гарегин попытался снова объяснить, но кушанский вождь так и не понял ничего. Кушан перешел к делу:

– Благоприятно ли это место? – спросил он стоявшего рядом всклокоченного шамана – Благоприятно. Пусть с миром разожгут свой костер! – ответил шаман.

– Ну, оставайтесь с миром в нашей стране! – обратился вождь к Гарегину.

Гарегин открыл ему свое намерение: вдоль берега Гирканского моря добраться до роаной страны, чтоб сразиться с напавшими на нее персами. Вождь кушанов, не отвечая, наморщил лоб.

– Вождь кушанов не доверяет нам?..

– Как могу я не доверять? – серьезно ответил кушан. – Вот!.. – Он протянул руку к

полю сражения, где еще лежали тела армянских конников. – Кровь скрепляет доверие! Но наши пустыни покорны только волкам да нам!

– Князь, мы решили пройги через огонь и воду, через страх и смерть! – решительно ответил Гарегин. – Снабди нас лишь паролем и дай проводника.

– В этом не откажу. Да будет с вами судьба ваша!

Вождь кушанов объяснил, что к востоку от Гирканского моря простираются его владения и конница сможет продвигаться от стоянки к стоянке. Но дальше начинаются владения эфталитов, и коннице придется самой договариваться с ними о свободном пропуске через их страну.

– Где же предел ваших владений? – справился Гарегин. Вождь ухмыльнулся, открыв широкий рот с белоснежными зубами, и безудержно захохотал:

– Предел? Какой может быть предел для сыпучего песка, для летящего коня и обнаженного меча? Мчатся всадники, меняют пастбища, кто спрашивает, мое это или твое? Наша страна всегда перелетает с места на место. А ваша, видно, стоит на месте?! Хо-хо-хо!..

Гарегин спросил, когда будет им дозволено выступить.

– Отдыхайте пока! – ответил вождь. – Шаман определит по звездам благоприятный для выступления час.

Вождь кушанов решил отойти со своими отрядами назад. Оставив армянской коннице проводника, который должен был указать ей путь к стоянке, он вихрем умчался со своими воинами и пропал в песках пустыни.

Прежде чем пуститься в путь, Гаре/ин отвел конницу к полю сражения – подобрать павших воинов. Раненых посадили на коней, убитых подобрали, чтобы предать земле.

Несколько воинов принялось копать могилы. Всадники, окружив их, с грустью смотрели на убитых, остекленевшие глаза которых уставились в чужое небо. Молодой конник беззаботно подхватывал тела и укладывал их в ряд у края могилы. Пожилой воин, копавший могилу, глухо ворчал на него и, опуская тела в землю, бережно отирал с их лиц кровь и пыль.

Гарегин глядел, погруженный в раздумье, точно окаменев. Сняв шлем, он подошел к открытым могилам.

– Во имя отца и сына и святого духа! – произнес он и перекрестился. – Да сподобит господь и нас кончины подвижнической!.. Друзья! – вдруг вспыхнув, заговорил он. – Вот перед нами подвижники, павшие за отчизну и веру! Мы оставля м их в чужой земле. – Волнение душило Гарегина. – Быть может, всем нам суждено пасть в войне за отчизну. Мы воины. Много раз приходилось мне посылать воинов на смерть. Много раз видел я и сам смерть перед собой… Воину не подобает плакать.. Но вот я плачу перед вами… Вместо их матерей! Больно мне, разрывается сердце из-за того, что приходится покидать товарищей на чужбине, что не привелось им увидеть оодную страну. Достаньте ваши ладанки, насыпьте родной земли на сердце убитым товарищам, чтоб спокойно уснули они, не тосковали, когда мы уйдем!..

Не выдержали и конники. Послышались глухие рыдания. Воины достали свои паданки, посыпали оодной землей грудь павших товарищей.

Полковой священник, который после мнимого отр«чения скрывался под одеждой простого воина, прочел краткую молитву над павшими. Могилы быстро засыпали. Гарегин вскочил на коня и вновь обратился к воинам:

– Друзья, если бы это зависело от меня одного, я бы строго-настрого приказал вам: не умирайте, пока не доберемся до родины! Ведь каждый из вас дорог мне, как родной сын… Берегите друг друга, помогайте друг другу, чтоб все мы могли выбраться невредимыми из этих чужих краев!

– Исполним наказ твой, князь, – ответил за всех сотник Аршам.

– Ну, бог в помощь вам! Предстоит нам пройти огонь и воду, преодолеть страх и смерть… Вперед!

Конница рысью двинулась вслед за исчезнувшими кушанами. Вдали показалась их

стоянка.

– Почему выступили вы против персов? – спросил Гарегин проводника-кушана – Песок гонит нас, князь! – ответил кушан. Гарегин задумался над этими словами. А проводник продолжал, как бы думая вслух:

– Засыпает песком стоянки, села, пастбища, реки… Двигается неотступно за нами, точно смерть…

– У каждого народа, видно, свое горе, – сказал себе Гарегин.

После ухода Вардана и Нершахупа положение в Арташате ухудшилось. Оба лагеря – и Вардана и Васака – уже опомнились после событий в Ангхе и Арташате и трезво расценивали создавшееся положение. Персидские отряды были изгнаны из крепостей, частично уничтожены, Деншапух и остальные вельможи заключены в темницу. Все более и более тревожные слухи распространялись о приближающемся со стороны Агванка персидском войске. Сторонники Вардана и единомышленники Васака напряженно следили за событиями и друг за другом, выжидая удобной минуты для выступления.

Тревога Атома росла. У южной ограды Арташата раскинули отдельный стан нахарарские полки, число которых все увеличивалось. Туда же перешел из лагеря Атома и сюнийский полк. Правда, не все эти нахарары были сторонниками Васака, но не примыкали они и к Вардану. Трудно было предугадать, как они будут держаться, если Васак выступит открыто, но нельзя было и надеяться на то, что эти нейтральные нахарары помогут Атому в случае столкновения.

Дело Атома осложнялось. Князь Амазасп отправился в Пархар набирать пополнение. Требовалась большая осмотрительность и умение, для того чтоб сохранить су шествующее положение. Основная часть верных сторонников Вардана ушла сражаться с врагами, уступив свое место людям весьма сомнительным, а для Атома и прямо враждебным. Единственной его опорой могли считаться оставшиеся отряды сторонников Вардана, которые, однако, сильно уступали в численности силам сторонников Васака. Положиться же на народное ополчение, опереться на него, как на основу сопротивжния, Атом не решался, привыкнув иметь дело с регулярными войсками Находящимлся в его распоряжении силами он мог еще кое-как поддержать существующее положение, но с каждым днем росли силы противников, пополняемые прибывающими нахарарскими полками. Равновесие начинало нарушаться, а чем кончатся походы Вардана и Нершапуха – оставалось загадкой. Кто знает, какой будет исход черного же их столкновения с неприятелем?

Исключительно тяжелое положение создалось, однако, для Васака Истребление жрецов и персидских арннзонов, заключение в темницу Деншапуха и персидскьх сановников налагало страшною ответственность на него перед Михрнерсэ. Приближалось персидское войско… Вот вторгнется оно в Армению, утопит в крови восстание, – и его призовут к ответ. Что же сможет сказать он в свое оправдание? Кто поверит его клятвам? Кто поверит, что он не изменял царю персов? И чего стоит марзпан, который не сумел предупредить позорные события в Ангхе?

Нет у него полной поддержки и среди нахараров: сторонники торопят его, не считаясь ни с чем, а приверженцы Вардана и нахарары, стоящие в стороне, мешают приступить к делу.

Полуночная тьма скрывала расстроенное лицо Васака. Столица давно спала.

Во дворе послышался шум и лязг ворот. Вошел дворецкий и доложил о прибытии Кодака.

Дрожь охватила Васака. Какие вести сообщит ему проскользнувший между складками занавеса Кодак.

– Приветствую государя марзпана! – смертельно уставшим, беззвучным голосом заговорил Кодак.

Он казался высохшим, как мумия. Густые синие тени под глазами выдавали недомогание и мучительное душевное состояние. Недоброжелательство сквозило в его взгляде – злоба изменника, которому силой навязали опасное поручение.

– Живы они? – внезапно охрипшим голосом спросил Васак.

– Живы еще. – безжалостно ответил Кодак. – Михрнерсэ выжидает, государь…

Васак умолк. После долгого молчания он глухо приказал:

– Рассказывай…

Кодак поведал о событиях в Персии, о положении Михрнерсэ, о его угрозах и требованиях. Васак слышал все как сквозь тяжелый сон. Рассказ Кодака преисполнил ето горечью. Он чувствовал прикосновение чего-то холодного к своему сердцу при каждом враждебном взгляде Кодака и, вспыхнув от гнева, оборвал старика.

– Говори только то, что было на самом деле! Что ты гримасничаешь, как обезьяна?

– То, что было на самом деле, конечно, более неприглядно, чем то, что поведал тебе, государь! – со все нарастающей ненавистью отозвался Кода?.. – Михрнерсэ хочет спасти свою шкуру. Если ты поможешь ему в этом, спасен и ты. Не поможешь…

– Ну…

– Не поможешь, и я тоже буду набит травой… как ты! Васак скривил губы с пренебрежением и ненавистью:

– Значит, и твоя шкура чего-то стоит?

– К счастью, так, государь! Если я спасу ее из когтей Михрнерсэ, считай, что спасена и твоя!

– Как ты смеешь, животное?! – в бешенстве крикнул Васак и топнул ногой вызывая дворецкого:- Бросить его в темницу!

Дворецкий мплча схватил за плечо старика, который с такой покорностью взглянул на Васака, словно и не ожидал от него ничего иного. Он только глухо и болезненно простонал. – Старик был явно сломлен опасным поручением и трудностями долгого и тяжкого пути. Растерявший хозяев старый себялюбец с душой раба платился за все свои промахи… И кто мог спасти его, когда он сам ступил на путь измены? Все прежние уловки и изворотливость изменили ему.

Кодака увели Васак отдался тревожному раздумью. Что сделать, чтобы опередить Себухта? Как спасти Деншапуха из заключения? Кто знает, чем закончится бой Вардана с Себухтом? Вполне обоснованным было требование Михрнерсэ – действовать, пока не поздно. Следовало очистить себя, оправдаться перед Азкертом, дать ощутимые доказательства своей верности. Тянуть было невозможно, события не ждали… С каждым часом положение ухудшалось. Но и предаваться отчаянию было неразумно. Нужно было искать выхода, спасти свое дело, себя, своих детей…

Васак срочно вызвал к себе Гадишо. Тот вошел с воспаленными глазами сонный и мрачный и молча сел. Васак рассказал ему о приезде Кодака – Не казнил еще, видно! – пробормотал Гадишо и добавил раздумчиво: – Не время еще…

Васак хмуро смотрел на этого безжалостного человека. Помолчав, он сообщил Гадишо о требованиях Михрнерсэ.

– Жалеешь ты кровь проливать!.. – укоризненно заявил Гадишо – Вот в чем твоя ошибка!

– Кровь была пролита в Ангхе…

– Поздно И мало. И не по своей воле пролил.

– Уж не стать ли мне царем над безлюдными развалинами? Опустошить всю страну Армянскую? – вспыхнув, бросил Васак.

– Да, всю страну Армянскую! Тебе удивительно это? Затеял игру с миродержцем, так не бойся крови! Васак с горечью улыбнулся.

– Играть с кровью?

– Нет у тебя иного спасения помимо крови! Только кровью должен ты доказать свою невиновность. Поверят только крови! Иначе ты проиграл в этой игре взаимных уловок…

Васак горестно задумался:

– Значит, я предатель?! Я предаю отчизну?!..

Приказав крепостному воеводе Аветику усилить бдительность, Атом спустился с

башни и направился к удельному дворцу. Войдя в зал, он увидел нахараров, с серьезным видом что-то обсуждающих.

– Не надеюсь я ни на что хорошее, если Спарапет победит! – говорил Нерсэ Урца. – Если же он будет разбит, может тоже произойти кое-что… И весьма неприятное…

– Дело не в этом… Он может быть разбит или не разбит – это неважно! – возразил Тироц Багратуни. – Самое ужасное в том, что опаздывает наш азарапет!

– И что мы принуждены ждать! – докончил Артен Габегени с широким ленивым зевком.

– Но где же обещанная помощь? – с раздражением спросил Тироц Багратуни. – Она также опаздывает, эта помощь! А Себухт уже у наших дверей…

Как бы между прочим Атом обратился к Тироцу:

– А помощь греков так уж необходима? Греки могут ведь и отказать. Но зато с нами иверы и агваны!

Все с удивлением и насмешливыми улыбками повернулись к Атому.

– Что? Без греков? Да кто же выйдет против персов один на один, без помощи греков? – продолжая зевать, ответил Артен Габегени.

Атома неприятно поразило присутствие Гюта Вахевуни: полуприкрыв глаза, тот сидел в углу, молча внимая беседе. Ясно было: нахарары стали падать духом. Атом счел за более разумное воздержаться от участия в беседе.

– А греки не захотят вмешаться! – вновь заговорил Нерсэ Урца. – Посмотрим, что сделает тогда Спарапет!

– Что бы он ни сделал, не по силам ему победить персидскую державу!

Атом мысленно проклял обязанности, которыми сковал его Вардан. Будь он свободен, он бы знал, как заткнуть рот тем, кто сеял неверие и уныние.

– Но если это так, – вяло продолжал Артен Габагени, – зачем же мы тогда гноим в темнице персидских сановников? – Он вдруг порывистым движением обернулся к остальным нахарарам и раздраженно выкрикнул: – Чтоб еще больше разъярить Азкерта?!

– Как видно! – пробормотал кто-то из сидевших в углу.

Атом с горечью прислушивался к разговору нахараров, с трудом удерживаясь от вмешательства.

Подступала темнота. Нахарары сидели нахохлившись. Артен Габегени сказал, что хорошо было бы собраться на охоту.

– Только это и остается! -отозвался Тироц Багратуни. – А то здесь скука невыносимая..

– Никакой охоты! – решительно заявил Нерсэ Урца. – Пойдем к марзпану и попросим отпустить нас по домам. Нечего тут сидеть!

– Правильно, пора по домам! – откликнулись отовсюду голоса.

Атома изумляло не только то, чтс нахарары, уже не стесняясь, так откровенно высказывались в его присутствии, но главным образом то, что их, видимо, совершенно не занимал вопрос о том, что же будет со страной, если они уйдут в сторону и оставят и родину и свое собственное будущее на произвол судьбы?!

Продолжая хранить молчание, Атом уголком глаза рассматривал Гюта, догадываясь, что тот недаром находится среди нахараров и не первый день отравляет души ядом сомнения. Знаменательным показалось Атому и самое молчание Гюта. Нужно было бы узнать, какой подготовляет он удар. Но как это узнать?

Атом отправился в лагерь и приказал держать отряды наготове, избегая, однако, всякого лишнего шума Затем он составил срочное письмо Нершапуху:

«Князю Арцруни – привет. Ставлю тебя в известность, что дела здесь очень запутаны Спарапет еще не встретился с Себухтом; азарапет еще не достиг Византии; марзпан тайно сносится с заключенными персидскими сановниками; собравшиеся же здесь нахарары решили не приступать к действиям, пока не подоспеет помощь из Византии. Видя их колебания, изменники воспряли духом. Марзпан многих уже перетянул на свою сторону. Мне с трудом удается сдерживать открытое восстание предателей. Идет борьба не на жизнь,

а на смерть. Если персидского нашествия нет – возвращайся, так как я не в состоянии продержаться без кровопролития. Требую, чтоб с персидскими сановниками было покончено.

Атом, нахарар Гнуни».

В ожидании возвращения Нершапуха Атом не знал ни сна, ни отдыха; все свои силы и все свое время он посвящал организации и обучению общегосударственного войска. Для этого нужно было взять у нахараров их отряды и слить воедино. Помимо того, что было очень трудно добиться выделения этих отрядов из нахарарских полков, разлад среди самих нахараров и все возраставшая опасность выступления предателей мешали предприятиям Атома. Его приводила в ярость та медлительность, с которой нахарары откликались на его призыв поддерживать с ним постоянную связь и явиться в Арташат со своими полками.

От Артака Мокац поступали безрадостные вести: в областях вокруг Бзнунийского моря царила смута, нахарар Рштуни крепко засел в своей вотчине, поддерживал связи с сепухами Хорхоруника – противниками сопротивления – и, по-видимому, готовился к каким-то враждебным действиям.

В ответном письме Атом советовал Артаку собрать и держать наготове военные силы Тарона, Арцруника и Могка, чтоб сковать силы противника в Рштунике и Хорхорунике.

В большой спешке прибыл в Арташат Нершапух. Он мог оставаться лишь очень короткое время и сильно был раздражен на Атома за вызов. Едва успев соскочить с коня и войти во дворец, он вызвал Атома и начал без всяких предисловий.

– Поведай мне, князь, ты жаждешь отличиться подвигами на скачках или на охоте?

– Ни то и ни другое, князь. Чем заслужил я твои упреки? – холодно ответил Атом.

– Значит, ты так жаждешь кровопролития, что тебе не по душе мир и спокойствие?

– Я не остановлюсь и перед кровопролитием, если оно будет необходимо. Но что взволновало тебя так, князь? – В голосе Аюма прозвучала суровость. – «Мир и спокойствие», говоришь ты?..

Нершапуха точно кипятком обдало:

– Что-о-о?! Ты забрал себе уже такую власть, что самостоятельно вершишь дела, когда тебе велено лишь ждать, чтоб выгадать время!

Атом попытался разъяснить ему положение более подробно, чем сообщал в послании.

– Греки еще не подоспели. Спарапет не закончил дел в Агванке. Я прикован к границе. Следовательно, никакого кровопролития здесь нет – решительно заявил Нершапух, выслушав Атома.

В тот же день Нершапух отправился в лагерь, внимательно осмотрел все и удалился весьма подавленный; перевес сил был явно на стороне приверженцев Васака. Они легко могли захватить власть. Большие опасения вызывала у Нершапуха и безоглядная смелость Атома.

После этого Нершапух отправился к Васаку. Он застал у марэпана, помимо его открытых сторонников, также и Нерсэ Урца, Артена габегени и Тироца Багратуни.

Васак принял Нершапуха с подчеркнутой почтительностью, но спокойно и сдержанно. Нершапуха неприятно поразила дружеская обстановка, царившая среди собравшихся. Он пытался посоветоваться с Васаком о том, нельзя ли отозвать войска из Атрпатакана, поскольку оттуда никакой опасности пока не грозило. Васак не согласился, как этого и ожидал Нершапух, – он догадался, что Нершапух приехал, обеспокоенный вестями из Арташата. Нершапух в свою очередь убедился в том, что Васак задумал какое-то предательство, пользуясь благоприятным стечением обстоятельств Привлекло внимание Нершапуха и присутствие у Васака новых нахараров.

– Опаздывает что-то наш азарапет, государь Арцруни! – сказал Нерсэ Урца. – Если греки идут к нам на помощь, подождем их здесь. Если же нет, разъедемся по домам.

– Греки явятся, юсударь Урца! -коварно заявил Гадишо. – Не отчаивайся, они непременно явятся!.

– Несомненно! – подтвердил и Васак, стараясь, чтоб голос его звучал по возможности

искренне. – Я нисколько не сомневаюсь в этом!

– Тем лучше! – заявил Артен Габегени. – Будем ждать, если так.

– Да, да! – подхватил Тироц Багратуни. – Можно и подождать с отъездом домой!

Эта беседа утвердила Нершапуха в убеждении, что он был прав, настаивая на помощи греков: только твердым обещанием этой помощи можно было пытаться объединить армянских нахараров в борьбе против Азкерта. Но одновременно Нершапух осознал и шаткость дела, если эти люди ставили условием своего содействия помощь извне.

Все увиденное и услышанное у Васака тяжело удручало Нершапуха. Что оставалось делать? Очистить столицу? Отнять власть у Васака, начать междоусобицу в момэнт, когда над страной нависла угроза?

Нершапух вновь утвердился в прежнем решении: да необходимо выиграть время, выждать, пока улыбнется удача. Поэтому, едва вернувшись во двореД, он вновь вызвал Атома и заявил:

– Строжайше запрещаю тебе князь, подавать повод к столкновению! Положение создалось опасное – Повод возникнет сам собой, государь. Но боюсь, что события нагрянут сразу и сами подхватят нас! – возразил, на этот раз резко, задетый за живое Атом..

– Решительно предписываю тебе не раздражать приверженцев Васака, соблюдать умеренность, не трогать заключенных персов! – еще более повелительно заявил Нершапух. – Приказываю тебе, слышишь?! – И Нершапух, вспыхнув, ударил ладонью по рукояти своего меча.

Атом холодно оглядел его и медленно проговорил:

– Если первотронный владетель Арцруни и в священном обете не забывает о праве первенства и местничестве, определенном в разрядной книге армянских нахараров, чего же мы можем требовать от нахарара Нерсэ Урца или Тироца Багратуни?! И, кроме того, пытаться запугать меня? Чем это ты пугаешь меня, государь?.. Может быть, вызовешь мать, чтобы она прикрикнула на меня?

Довольно! – крикнул совершенно потерявший самообладание Нершапух. – Перестань читать мне поучения! Тебя на этот пост назначили нахарары, которые дали обет! Повинуйся и исполняй приказания!

– Государь Арцруни! Ведь и я дал обет… И я воин родины… Не забывай этого!

Атом хотел было продолжать, но сдержался из уважения к возрасту и положению Нершапуха.

Под Арташатом они разъехались: Нершапух свернул на юг, Атом проехал в лагерь.

В пути Нершапух составил короткое послание Вардану и отправил со срочным гонцом. Послание заканчивалось следующими словами:

«…Спеши, Спарапет. Здесь царит смятение и нет никого, кто был бы способен объединить наши силы и продержаться. Твой Атом – настоящий безумец и может погубить все дело…»

Силы Васака разрастались угрожающе. Каждый день можно было ожидать вооруженного выступления.

Атом, умудренный событиями в Ангхе и уже начинавший считаться с боеспособностью вооруженного народного ополчения, разделил войско Аргашатского лагеря на три полка. Один он отдал под начальство Аракэла, вокруг которого группировались крестьяне из Багреванда, Туруберана и Тарона, во главе с Ованесом, Карапетом, Погосом, Серобом и их товарищами. Второй полк, в который входило народное ополчение Арташата, был поставлен под командование Саа,а. В этом полку были кузнец Ованим, брат Зарэ, дед Абраам, Вараж и Маркос. Отдельную воинскую часть составляли женщины, возглавляемые Хандут. Общим руководителем всего ополчения считался все-таки Аракэл.

Из ближних и дальних областей продолжали стекаться в Арташат крестьяне, пополняя отряды. Вскоре организовалось и снабжение: народ со всех сторон приносил съестные припасы и фураж, приводил коней.

Нахарары воспряли духом, с воодушевлением принялись за организацию и обучение

своих полков.

Дзмероц стал центром формирования государственного войска. Там и раньше стоял отряд, считавшийся резервным. Теперь его перевели на положение боевий часчи: обули, одели и вооружили, привели в полную походную готовность.

Таким образом, нахарары понемногу осознали силу простого народа. Заметив, что и собственный их полки воодушевились, когда увидели, что и народ принимает участке в защите родины, они почувствовали невольное уважение к народу.

Артак Рштуни со своими спутниками добрался домой к вечеру второго дня. По-видимому, нахарар был в мирном настроении: тотчас же велел он приготовить ужин и, несмотря на усталость, пригласил всех к столу. Ужин прошел мчрно и спокойно. Нахарар шутил, весело поглядывая на своего тестя. Гедеон с большим достоинством сидел на своем месте и хотя не принимал участия в беседе, но выглядел спокойным. Княгиня Аршалуйс несколько раз с подозрением оглядела мужа и отца, но, как будто уверившись, что ничего не произойдет, успокоилась. Лишь Анаит не сводила с них тревожного взгляда: ничего хорошего она не ждала.

Дня два Артак Рштуни был весел и со всеми шутил. Вечером второго дня, после ужина, он знаком дал понять сидевшему рядом с ним Гедеону, что просит его остаться. Легким наклонением головы Гедеон выразил согласие. Княгиня Аршалуйс, госпожа Эстер, Анаит и Астхик удалились, встревоженные и взволнованные.

Когда зять с тестем остались одни, Артак, ухмыльнувшись, взял чашу с вином и, пристально глядя на Гедеона, произнес:

– А теперь выпьем за здравие «орла»!

– «Козла»! – поправил Гедеон.

– «Орла»! – настаивал Артак, впиваясь в Гедеона глазами.

– «Козла!» – поправил Гедеон. Артак опустил чашу.

– Хорошо, пусть будет «козел». Дай-ка мне ответ за этого «козла»: войска владетеля Рштуника ты выводишь против самого владетеля Рштуника? Ты о скольких это головах, а?

– На плечах – одна.

– Слетит она с плеч!

– Не слетит! Убьешь, и то не слетит!

У Артака от злобы перехватило дыхание… Он поднялся, медленно подошел к Гедеону и, став прямо перед ним, прошипел, глядя сверху вниз:

– Не убью, нет! Пока не заставлю тебя целовать мне ноги, – не будет тебе смерти.

Наступило молчание. Мстительный и злопамятный нахарар обдумывал, как ему сломить упорное сопротивление Гедеона.

– Ну, а дальше? – спросил он своего тестя.

– Что дальше? – переспросил упрямец, ничем не показывая, как на него подействовало оскорбление.

– Не будет ничего дальше! Скажи: «Отрекаюсь от своей веры»!

– Не отрекаюсь!

– Почему?

– Я стою за народ мой, борюсь за народ мой! И пусть псы едят твоего Азкерта вместе с твоим Васаком.

Артак Рштуни побелел от гнева. Он начал бить Гедеона кулаком по лицу, повторяя при каждом ударе:

– Стоишь?! Стоишь?! Стоишь?!.

– Стою! – глухо и хрипло повторял Гедеон при каждом ударе. – Стою! Стою!..

Он не менял позы, даже не смотрел на потерявшего голову от ярости оскорбителя. Изо рта и поса Гедеона лилась кровь, но он не уступал. Артак начал задыхаться и перестал бить. За дверью слышались рыдания жены и дочерей избиваемого.

Артак Рштуни кликнул дворецкого и велел позвать палача. В ожидании его прихода он снова опустился в свое кресло и с улыбкой рассматривал окровавленное лицо Гедеона; он

улыбался как после какой-нибудь забавной шутки…

Вошел палач – скопец с бабьим лицом.

– Проводи сепуха! – распорядился Артак Рштуни. Затем деловито прибавил: – Кстати, украсишь ему заодно руки и ноги!

Палач внимательным и наметанным взглядом окинул Гедеона и затем оглянулся на Артака Рштуни, как бы молчаливо спрашивая что-то. Тот ответил ему утвердительным кивком.

Палач подступил к Гедеону – и вдруг со страшной силой прозвучала оглушительная пощечина. Гедеон содрогнулся, но не отвел лица. Палач повторил удар еще раз и еще раз…

За дверью послышалось рыдание Астхик и молящий возглас:

– Князь!..

Артак Рштуни сделал знак палачу увести Гедеона.

Палач схватил Гедеона за руку и поволок к двери. Дворецкий откинул занавес и смиренно склонился перед нахараром.

Домашние, толпившиеся за дверью, с ужасом отшатнулись, увидев залитого кровью Гедеона и злобно ухмыляющегося палача, который продолжал тащить старика за собой. Но еще ужаснее выглядело смеющееся и одновременно разъяренное лицо Артака Рштуни, освещенное дрожащим светом светильника.

– Господи! Господи!.. – с ужасом воскликнула жена Гедеона.

Остальные молчали, онемев от ужаса. Артак Рштуни направился к выходу. Анаит метнулась за ним. Княгиня Аршалуйс схватила ее за руку.

– Анаит, не делай этого!

– Оставь! – повелительно сказала Анаит и, вырвав руку. догнала Артака.

– Князь! – громко и насюччиво окликнула она.

– Ну?! – угрожающе обернувшись к ней, спросил Артак Рштуни.

– Князь, есть же бог у нас, есть же справедливость!..

Артак Рштуни вернулся назад. Палач остановил Гедеона.

– Князь! – вновь воскликнула Анаит. – Есть ведь бог, есть справедливость!..

Артак Рштуни, не отвечая, смерил ее взглядом с головы до ног, как бы определяя, куда нанести удар, сбил ее с ног и начал топтать. Напрасно пытались домашние оттащить Анаит: он продолжал беспощадно избивать и топтать ее ногами Окровавленная Анаит стонала под ударами, которые все усиливались, но, не умолкая, выкрикивала, все больше повышая голос:

– Не смей!.. Не смей!.. – И еще яростнее, с угрозой: – Не смей!..

Внезапно она умолкла, потеряв сознание. Домашние с плачем кинулись в ноги Артаку Рштуни, моля его прекратить избиение. Он остановился, оглядел всех со злобной улыбкой, взглянул на Анаит и приказал дворецкому:

– Зови помощника палача!

Дворецкий выбежал. Эстер, Астхик и княгиня Аршалуйс на коленях умоляли Артака пощадить Анаит, тщетно стараясь привести ее в сознание. Но нахарар хранил каменное молчание. Вбежал помощник палача и по знаку нахарара уволок бесчувственную Анаит. Сестры и мать с громкими рыданиями выбежали на террасу. Оглянувшись, Артак Рштуни гаркнул на них, чтоб они тотчас же вошли в комнаты, а сам спустился в подземную темницу, куда поволокли Гедеона и Анаит. Захлопнулась маленькая дверь. Женщины с плачем вернулись в зал, но Эстер не плакала. Подняв взор к небесам, она начала вслух молиться. Остальные со слезами внимали ей, опустившись на колени.

Полуночный осенний ветер, жалобно воя, носился по черным холмам. Языки пламени колебались над костром в Арташатском лагере, посылая вверх клубы удушливого дыма.

Саак находился во власти необычного волнения. Аракэл, Сероб, Зарэ, дед Абраам, Оваким, Маркос, Вараж, Ованес-Карапет, Погос да и остальные ополченцы также выглядели взволнованными и раздраженными.

Осень наводила тоску. В лагере собрались землепашцы и люди иных занятий, оставив на произвол судьбы родные места и семьи. Но дело не двигалось вперед. Со всех концов

страны поступали тревожные вести. А марзпан продолжал оставаться во главе власти; разнеслись слухи, что он тайно оказывает почести заключенным персам; нахарары заняли безразлично выжидательное положение… Что же должно было последовать за всем этим? По-видимому, ничего доброго…

– Слепнет глаз у меня… – бормотал Саак, – слепнет глаз! Не доведется мне увидеть свободу!.. Э-э, Спарапет говорил: «Нет теперь ни князя, ни простолюдина». Полно, так ли это? Есть они! Есть и князь, есть и простолюдин! Вот двигается Азкерт, чтоб стереть с лица земли страну Армянскую… Вы скажете: как можно стереть страну Армянскую, ведь вот она, страна Армянская! – он ударил кулаком по земле. – Пропитана земля эта потом и кровью наших дедов. Страна Армянская – вот этот народ, вот эта душа! – он кулаком ударил себя в грудь. – Сможет Азкерт уничтожить нашу страну Армянскую? Сможет. Сможет и сотрет… если мы не удержим ее зубами!

– Удержим, братец Саак, удержим! – отозвались воины, собравшиеся у костра Саака.

– Удержим!.. – гневно повторил Саак. -Как же! Жди, чтоб ее удержал марзпан, удержали князья наши!.. Вот так всегда и бывает; только покажут тебе какую-нибудь правду – глядь, она и обернулась неправдой! Нет настоящей правды на свете… Образа человеческого не оставил мне перс… глаз мне выколол… И что это хотел он растоптать – голову мою, глаза мои или мою землю?!. Нет! Он душу хотел мне растоптать, душу! Душу народа армянского растоптать хотят! Душа наша у них в плену. Душу народа армянского освободить надо!

– Перс Деншапух! – грозя кулаком в сторону города, повысил голос Саак. – Ты хочешь душу армянского народа растоптать? Смотри ты у меня!

Среди крестьян пробежал шепот!

– Попадет он в беду…

– Попал уже раз, ему не впервые!

Какое-то пятно отделилось от темной громады погруженного во мрак города и, быстро увеличиваясь, приближалось к лагерю. Вскоре стало видно: спотыкаясь, бежит какой-то челоЕсх. Вот он остановился, тяжело дыша, и крикнул:

– Кто здесь христиане? Помогите!

Это был старший тюремщик, сильно взволнованный, видимо, совершенно растерявшийся от страха.

– В чем дело, тюремный ангел, убыло острожников у тебя? – спросил его один из сидевших у костра.

– Повесит меня князь Атом! – простонал тюремщик. – Там, в тюрьме, сюнийцы потайную дверь ломают, хотят персов освободить…

– Во имя отца и сына и святого духа! – возгласил Саак, крестясь. – Если написан мне день смерти, то вот он пришел. Крестьяне окружили Саака:

– Братец Саак, не время…

– Бросьте! Как это не время?! -злобно оборвал Аракэл. – Именно самое время! Вставайте! – громко крикнул он.

Сам Саак уже не в состоянии был прислушиваться к чьим-либо словам. Он крупными, решительными шагами направился в сторону города. Что намеревался он сделать?

Аракэл следовал за Сааком. К ним присоединилась толпа, охваченная тревогой и подстегиваемая любопытством.

Ужасен был вид Саака, его одноглазое, изуродованное лицо с нависшими густыми бровями и дрожащими губами…

У городских ворот начальник стражи Лусерэс сделал вид, что не позволяет войти в город, но, признав тюремщика и услышав его рассказ, приказал приоткрыть и снова закрыть ворота. Но Саак оттолкнул стражу, и в город хлынула вся толпа. Выскочившие на шум горожане присоединились к ней. Многолюдное скопище двинулось к тюрьме.

Тюремные ворота были на запоре. Саак схватил с земли камень и начал с силой колотить в них. Рядом, готовые защитить его, стояли Овакнм, дед Абраам и брат Зарэ.

– Перс Деншапух, я несу тебе смерть! Выйди, прими смерть от меня! – вопил Саак; ворота трещали под его ударами.

Тщетно умолял его тюремщик удалиться. Саак был глух к увещаниям.

Подбежавшие воины сюнийского полка замахнулись было на Саака.

– Как? На подвижника? На подвижника?! – исступленно зарычал брат Зарэ, собой заслоняя Саака. – Да отсохнут у вас лапы, исчадие сатаны! Сгиньте!

– Высаживайте ворота! – приказал Аракэл.

Толпа стала ломиться в тюремные ворота. Сюнийские воины оробели, увидя такое огромное скопление народа. Бесстрашный подвижник внушал им какой-то необъяснимый ужас; они отошли в сторону и стали издали следить за всем происходившим.

Саак, сжимая в огромной руке тяжелый камень, со страшной силой исступленно бил в ворота. Лицо его юрело мстительной радостью. Он был грозен в эту минуту, прекрасен страшной красотой… И он поднял толпу, увлек ее за собой своим порывом.

Один из горожан, рядовой, незначительный человек, в оцепенении глядевший на Саака, вдруг вздрогнул. Глаза его сверкнули, и он, как бы осененный светом какого-то открытия, рванулся к Сааку. Он понял самого себя, почувствовал непреодолимую потребность быть свободным… Почувствовал то, чего не чувствовал за всю свою будничную жизнь. Сладостный трепет охватил его, душа его затрепетала, – и ему захотелось бороться с насилием, отдать себя целиком этой борьбе. И хотя на мгновение перед ним возникло сее то, от чего он должен был отречься – дом, очаг, семья, – но сладость стремления к свободе уже покорила его душу.

Он подбежал к Сааку и с необыкновенной силой начал колотить в ворота Его пример заразил сперва еще двух-трех человек, а затем и многих.

Обратились к тюремщику, требуя отдать ключи. Не отвечая им, тюремщик просил всех разойтись. Ему пригрозили, и он поспешил скрыться, пообещав принести ключи.

Тайным ходом он проник в тюрьму и подошел к скрытой в стене двери, которая вела во дворец Васака. Кто-то сильно постучал в эту дверь: очевидно, марзпан узнал, что происходит. Тюремщик открыл. В проход ворвался Гют с воинами и быстро направился в помещение, где содержались персы.

– Благоволите следовать за мной, государи! – обратился Гют к перепуганным, забившимся в угол персидским вельможам.

– Куда вы хотите повести нас? – со страхом спросил Ормизд.

– Хотим спасти вам жизнь! Не слышите вы разве этого шума? – удивился Гют. – Идите за мной, скорей!

Персы последовали за ним. Когда они скрылись, тюремщик удалился в один из тайников тюремного здания и заперся там.

В этот час во дворце Васака сидели за ужином вместе с его сторонниками и новоприбывшие нахарары – Нерсэ Урца, Тироц Багратуни и Артен Габегенч. На этот раз ужин был скромный – без музыки и без танцев. Васак невозмутимо сидел во главе стола и спокойно беседовал с гостями. О последних событиях не было сказано ни слова, как будто и не было никакой войны…

Но вот ворота поддались, и толпа хлынула в тюрьму. Спотыкаясь во мраке, ворвавшиеся разбрелись по проходам в поисках заключенных персов, но, не найдя никого, принялись звать тюремщика.

– Помог им бежать, проклятый.. Схватить изменника! – загремел грозный голос кузнеца Овакима.

Толпа с яростью кинулась обыскивать закоулки и тайники, но тюремщика так и не нашли. Тогда стали громить тюрьму, разбили орудия пытки, посуду, двери.

С улицы, перед дворцом Васака, послышался грозный рокот толпы, постепенно все более усиливавшийся. Воины побежали к воротам. Начальник сюнийского полка Арташир дрожал от злобы и нетерпения. Васак с нахарарами поднялся на террасу.

Разбушевавшаяся толпа уже подступала ко дворцу, но нигде не было видно воинов

марзпана, которые могли бы ее оттеснить и рассеять. А ведь не представило бы никакого труда подавить смуту с помощью сюнийского полка, поскольку ни Атома, ни воеводы Аветика в эту ночь в Арташате не было. Никто во дворце не задумывался над вопросом: чем же была вызвана эта вспышка, хотя, собственно говоря, задумываться и времени не было…

– Вытащить персов!.. – гремела толпа.

– Марзпан укрыт персов у себя! -прозвучал голос кузнеца Овакима.

Словно разъяренный вепрь, бросился вперед Саак.

– Куда он? Куда? – послышались вслед ему голоса. Но через мгновение уже вся толпа хлынула вслед за Сааком, устремившимся во дворец.

Опасность подступала вплотную. Тревога росла. Кровавое столкновение казалось неминуемым, но ни у кого не наблюдалось упадка духа. Толпа неслась, возбуждая и подхлестывая сама себя. Даже при желании, она уже не могла бы остановиться в своем стремительном движении. Впереди всех бежал Саак. Дворцовая стража пыталась было не пропустить их, но вскоре вынуждена была отступить. Толпа невозбранно хлынула к внутренней ограде дворца. Саак, стоявший у дверцы ограды, начал яростно колотить в нее, крича хриплым, исступленным голосом:

– Выходи, перс Деншапух, вот я принес тебе смерть!.. Деншапух содрогнулся, поняв, какая гибель ему грозит. Саак все сильнее колотил в ворота. Никакого ответа… Нерсэ Урца порывисто обернулся к Васаку:

– Отдай же приказания, государь марзпан!

Васак ответил ему только взглядом. Послышался неприязненный ропот, выражавший возмущение нахараров.

Откинув дверной занавес, дворецкий хотел войти с докладом к марзпану. Но, оттолкнув его, в покои быстрыми шагами вошел Атом. Он так смело и спокойно оглядел нахараров, как будто за дверью стоял целый полк его воинов.

– Привет, государи! – холодно проговорил он.

Нахарары удивленно и нехотя ответили на его приветствие.

– Привет, князь! – отозвался и Васак, стараясь не показать проснувшегося подозрения. – Соблаюволи присесть.

Выразив знаком признательность, Атом опустился на сидение.

– Почему освобождены заключенные персы, государь марзпан? – обратился он к Васаку, с трудом сдерживая волнение. – И они здесь, у тебя?

– Здесь, как в единственно безопасном месте! – ответил Васак. – Не мог же я бросить их в пасть толпе!

– Но тогда не обвиняйте ни в чем толпу: она восстала и будет творить справедливый суд!

Атом еще говорил, когда из соседней комнаты вышли Деншапух, Ормизд и могпэты вместе с Дарехом и Арташиром. Кровь бросилась в голову Атому, когда он увидел их умытыми и одетыми в новые одежды. Васак почтительно пригласил персов занять почетные места. Те подошли и сели.

– Немедленно отошли их обратно в темницу, государь марзпан! – уже со злобой сказал Атом. – Иначе не миновать столкновения!

Он встал с места, спокойно и смело взглянул нахарарам прямо в глаза. Чувствовалось, что он все взвесил и принял окончательное решение.

Васак счел его поведение в присутствии персов крайне неподобающим и почувствовал себя глубоко оскорбленным. И действительно, до какой степени должно было дойти у этого молодого безумца пренебрежение к марзпану страны, к стольким нахарарам, к их военной силе, чтобы войти во дворец и держать подобные речи?

– Ты обдумал свое поведение и слова свои перед тем, как войти сюда, князь? – со зловещим спокойствием спросил Васак.

– Зачем мне обдумывать что-либо, государь марзпан? – с холодной усмешкой возразил Атом. – Я простой воин. Мое дело сражаться, когда это требуется. А тогда пусть встанет

против нас кто пожелает, не все ли равно?..

Поведение Атома возымело свое действие. Его бесстрашная речь и явное безразличие к опасности мешали расправиться с ним немедленно.

Но прошло время колебаний, сомнений, оттяжек и уловок… Васак махнул рукой. За занавесом послышался шорох, затем звон мечей. Атом быстро обернулся и обнажил свой меч. В следующее мгновение он был уже на террасе. Там на него напал сепух Арташир. Началась схватка, в которой приняли участие телохранитель Атома и дворцовая стража. Атом получил ранение в правое плечо, но, перекинув меч в левую руку, продолжал сражаться.

Толпа напала на стражу. Разгорелась кровавая схватка. Силы противников были неравны… Толпе не хватало боевой выучки, но она была многочисленна. Аракэл и Саак бились с редким бесстрашием, так же как и все их товарищи. Но Саак был ранен в голову, кровь заливала ему все лицо. Оваким и Вараж оттащи ли его в сторону. Силы толпы убывали…

В этот миг с грохотом распахнулись дворцовые ворота, и небольшая группа всадников внезапно и смело напала на окруживших Атома воинов Васака. Раньше, чем они успели опомниться, Атом вскочил на подведенного ему скакуна, скомандовал толпе:

– Отходите к садам! – и поскакал в лагерь.

Толпа начала отступать. Сепух Арташир с двумя десятками всадников помчался в погоню за Атомом. Наскакивая друг на Друга, мчались по узким уличкам убегавшие и преследователи. Атом, вырвавшись вместе со своим отрядом из окружения, помчался за город. Арташир неотступно продолжал преследовать его. Ни у одной из сторон не было обдуманного плана, и все опомнились только в открытом поле. Атом свернул к лагерю. Там уже издали заметили вылетевшую из городских ворот группу всадников и с оружием в руках высыпали навстречу. Заметивший это Артащир счел за лучшее повернуть обратно, чтоб получить дальнейшие распоряжения от Васака. Городские ворота захлопнулись за ним.

Атом достиг лагеря и скомандовал: «К оружию!» Его полк быстро построился и вышел в поле. К полку присоединилось и народное ополчение.

Положение было тревожным Перевес сил был явно на стороне Васака. У Атома на мгновение мелькнула мысль с безрассудной отвагой кинуться в бой, не думая, чем он может кончиться. Но чувство ответственности перед Варданом заставило его одуматься. Как опытный воин, он тотчас же все взвесил и отдал приказ:

– Слабо вооруженным и необученным из крестьянских отрядов немедленно укрыться в садах! А полку и конным крестьянам следовать за мной!..

Он помчался к лагерю нахарарских войск и коротким стремительным ударом разгромил сюнийский полк Васака. Эта схватка, вызвавшая панику и смятение, имела то преимущество, что пока разбитый полк сюнийцев и растерявшиеся нахарарские полки пришли в себя, пока из города пришло распоряжение преследовать Атома, – последний со всеми силами беспрепятственно отошел к Эчмиадзину.

Поднявшись на городскую стену, Васак издали следил за стычками противников. Он колебался, отдать ли приказ о преследовании Атома, как настаивали нахарары, или нет. Но у него мелькнула мысль: не время ли сейчас приступить к давно задуманному искоренению подвижничества? Искоренить зто хжасное, мощное движение, которое сковывало, парализовало каждую его мысль, каждое действие, расшатывало власть и делало простонародье разнузданным, дерзким и неуязвимым. Он решил объявить Атома мятежником, сеятелем раздоров; переждать в освобожденной столице еще дня два, а затем полностью захватить власть, перешедшую к нему «помимо его желания» Он распорядился укрепить город и перевести полки на боевое положение В городе царил сильнейший переполох. Горожане прятались в темных погребах, в давильнях пригородных виноградников или с оружием в руках стояли у своих домов, ожидая нападения. Вопли и причитания, проклятия и плач слышались по всему городу. На улицах подбирали убитых и раненых.

Сильно встревоженные нахарары собрались в дворцовом зале. Безмолвно вошел Васак и в полном молчаниии занял свое место. Стояло напряженное безмолвие.

Наконец, Нерсэ Урца, чувствуя за собой поддержку нахараров и сам не менее остальных разъяренный, прервал молчание:

– Чем же заслужили мы такое бесчестие, как это неслыханное нападение, государь марзиан?

– Государь Урца! – обратился к нему Гадишо. – Успокойся и отпей этого горьковатого вина, напоминающего судьбу нашу!

– Что ж, выпьем! – отозвался Нерсэ Урца. – Будем пить, если ни на что иное надежды нет!

– Веселитесь, государи! – обратился к гостям Васак. – Не омрачайте веселья вашего! Не должна была бы пролиться кровь…

Но раз она пролилась, все равно! Все равно! Вина!.. – приказал он виночерпию, который с кувшином в руках стоял позади гостей.

Виночерпий долил всем вина в чаши.

– За здравие царя царей! – возгласил Васак со зловещим блеском в глазах.

За Азкерта все выпили стоя и лишь после этого уселись вновь. Нахарары пили без удержу, точно стараясь утопить в вине мрачные мысли. Но Васака точило беспокойство. Он стремился ничем не выдать себя, скрыть свое душевное смятение под личиной внешнего оживления.

Вино бросилось нахарарам в голову. Они стали требовать музыки и танцев. Васак кивнул дворецкому. Тот выбежал и вскоре появился в сопровождении музыкантов и танцовщиц.

– Забудьте обиды и не таите мести, государи! -громким и пьяным голосом обратился к Деншапуху Нерсэ Урца. Он встал и нетвердой походкой подошел к персу.

– Что ты говоришь, государь Урца? – со лживым смирением возразил Деншапух. – Мы можем только питать и питаем чувство чистой признательности к государю марзпаиу и к вам!

– Как ваше здоровье, государи могпэты? – обратился к могпэтам Гадишо.

– Благодаря попечениям вашим и государя марзпана пребываем в полном здравии! – отозвался могпвт Михр.

Но беседа не клеилась. Было очевидно, что чувство глубокого оскорбления и жажда мести обуревали персов. Гадишо начал объяснять им обстоятельства дела, пытаясь заставить их понять, что для них было сделано все возможное. Это был исчерпывающий доклад о создавшемся положении, доклад толковый и последовательный. Но злобу персов никак невозможно было смягчить. Гадишо обратился и к военачальникам. Арташир отделывался немногосложными ответами. Дарех отмалчивался, глядя недобрым взглядом исподлобья, словно попавший в капкан волк, у которого лишь одно яростное желание – кинуться на поймавших его, растерзать их.

Гадишо возмутился, наконец, не видя со стороны персов и проблеска признательности за освобождение. Он еще яснее дал им понять, как нелегко было добиться их освобождения из темницы и с какими опасностями оно было сопряжено. Он говорил уже прямо, с целью уколоть их.

– Мы довольны, – решительно заявил Деншапух. – Как можем мы забыть, что государь марзпан спас нас от ярости толпы? Ему обязаны мы спасением нашей жизни. Как можно забыть это? Пиршество все более разгоралось. Васак и сам пил, не останавливаясь, чтоб заглушить глубокое душевное смятение. Нахарары опьянели. Умеренно пили и ели лишь персидские сановники, перед которыми усердно раболепствовал Пероз-Вшнасп-Тизбони. Усевшись среди них, он трещал не переставая:

– Князь Шхом-Шапух изволил сказать мне в Тизбоне: «Сильное войско победит!» Это было сказано очень мудро. Или:

– Приближенный царя царей Ормзтар всегда питается воловьим мясом. Великий

философ! Поэтому-то я утверждаю постоянно, что человек живет благодаря пище. И я также с этим согласен!..

Персидские вельможи переглядывались, слушая с насмешливым вниманием.

– Я поведаю тебе еще более удивительную вещь, – обратился к Перозу-Вшнаспу-Тизбони Вехмихр. – Одному мальчику давали есть финики, чтобы вылечить его от желудочной болезни. И что же? Несмотря на это, он как-то упал с пальмы и сломал себе ногу!

Персы кивали головами в знак одобрения.

Деншапух перегнулся к Дареху:

– И они полагают, что хотя бы один из них выскользнет из моих когтей, начиная с марзпана и кончая последним их нахараром?

Дарех со злобной улыбкой окинул нахараров взглядом.

Васак перехватил этот взгляд, понял смысл сказанного Деншапухом и с горечью шепнул сидевшему рядом с ним Гадишо:

– Змея накапливает яд…

Он мрачно и безмолвно смотрел, как разнузданно веселились гости. Незаметно удалившись, он вновь поднялся на башню – оглядеть окрестности и удостовериться, к каким результатам привело преследование. Ничего не увидев, Васак снова вернулся в зал, начал прохаживаться вдоль стены. Нахарары были пьяны и безразличны ко всему окружающему, словно никакого мятежа не было. Васак, подавив злобу, вернулся на свое сидение и потребовал вина. Виночерпий наполнил его чашу. Васак осушил ее, вновь велел наполнить, снова осушил. Гнев душил его, он пил, чтоб заглушить ярость и тревогу. Вино начинало уже действовать на него, когда вошедший дворецкий осторожно шепнул ему на ухо:

– Государь, прибыл гонец… Сюда прикажешь ввести или примешь отдельно?

Извинившись перед гостями, Васак прошел в отдельный покой. Вошел гонец, злой и измученный: видно было, что он ехал очень быстро. Васак глухо приказал:

– Говори!

– Государь, Спарапет разгромил армию Себухта!

Это поразило Васака. Еще миг – и… Но тотчас же перед его глазами возникли два маленьких тела. Содранную с них кожу набили травой. Маленькие чучела глянули на него пустыми глазницами…

– Себухт со своими приближенными был на волосок от гибели. Говорят, что и он тяжело ранен…

Перед глазами Васака быстро пронеслись многие позабытые события и люди.

– А Спарапет направился к Чорской заставе…

– Наверняка знаешь? – с трудом переспросил посиневший Васак.

– Своими глазами видел, как он перешел Куру и пустился в дорогу.

Еще немного расспросив гонца, Васак отпустил его и глубоко задумался. Удар был ошеломляющий. Как будто молния зловеще сверкнула над его головой, осветила ожидавшую его черную судьбу. Что значил он со своим званием марзпана среди всех этих событий и людей Что представлял он собой? Игралище судьбы! Не довольно ли, не пора ли откинуть в сторону всякие колебания и приступить к решительным действиям? Не пора ли пролить народную кровь, не останавливаться ни перед чем, лишь бы достигнуть цели?

Из зала доносились хохот и нестройное пение захмелевших нахараров. Это были люди, не способные доводить до конца начатое, нерешительные, изменчивые, мягкотелые, не понимающие своего долга перед лицом бедствия, надвигающегося на отчизну…

Он вернулся в зал. Его встретили хриплыми возгласами и языческими песнями.

Васак почувствовал глубокое отвращение к своим гостям, но, не показывая вида, прошел на свое место.

– Какие нсаости, государь марзпан? – спросил Нерсэ Урца. – Если добрые, прикажи выпить за них! Если же недобрые, опять-таки прикажи выпить!

Васака передернуло.

– Добрые, добрые! – с горькой усмешкой ответил он. – Спарапет наголову разбил Себухта!

– Что-о?! Как?! – раздались голоса как бы сразу протрезвившихся нахараров.

Персы не сводили с Васака настороженных и злобных взглядов.

– Так всегда бывает, когда медлят, когда бездействуют! – с горечью воскликнул Деншапух.

– Итак, государи, можете выпить за долгоденствие Спарапета! -договорил Васак.

– Возьмите чаши- завопил Артен Габегени. – Да здравствует Спарапет!

Некоторые нахарары последовали его примеру. Подбежал виночерпий. В напряженной тишине слышалось лишь бульканис льющегося в чаши вина.

– Погодите, государи! – внезапно опомнившись или ужаснувшись, вскричал Нерсэ Урца. – Спарапет победил Себухта? Ну, а дальше?..

– Что дальше? – переспросил Тироц Багратуни.

– Государь марзпан! – торжественно обратился Нерсэ Урца к Васаку. – Я тебя спрашиваю: ну, а дальше? Дальше что будет?

– Что дальше?.. Он победил Себухта, а дальше победит и Нюсалавурта! – хрипло и ядовито отозвался Васак.

Он уже совершенно перестал считаться с присутствием персов.

– Да ты шутишь, что ли, государь марзпан? – громким пьяным голосом воскликнул Нерсэ Урца. Васак злобно глянул на него:

– Шучу?! По-твоему, война с арийской державой – это шутка? Нет, это не шутка! Это дело серьезное. Кровь – вещь серьезная, государи! С кровью не шутят. И особенно властители страны – марзпаны и нахарары… Мы затеяли крупную игру и должны докончить ее. Иначе она покончит с нами! Виночерпий, полны ли чаши у всех?

– Полны, полны… – отозвались гости.

– Раз полны, осушите их за удачу Спарапета! Да победит он также и Нюсалавурта, чего, надеюсь, нам недолго ждать, – и да спасет господь всевышний страну Армянскую!..

Васак быстро поднял чашу и на этот раз осушил ее до дна. Все последовали его примеру.

Воцарилось тягостное молчание.

Нерсэ Урца поднялся с места и, с трудом удерживаясь на ногах, устремил помутневшие глаза на Васака:

– Прости меня, государь марзпан, что я поднимаю этот во прос за твоим столом… Но твои слова наполняют сердца страхом и сомнением. Мы слышим осуждение в твоих словах. Осуждение не только нам, но и всей стране Армянской! Как же может Спарапет победить державу арийцев?! Да ты шутишь?! Не шути с нами так, государь марзпан!

– Я не шучу, государь Урца! -мрачно отрезал Васак-Это вы шутите!

– Как это, государь марзпан? -так же мрачно спросил Нерсэ.

– Это вы шутите! – еще более резко повторил Васак, гневно повышая голос. – Шутите, бросая зверю в пасть горсточку разумных и трезвых людей и отходя в сторону! Спаралет победил Себухта. Победит он, быть может, и Нюсалавурта. Но удастся ли ему победить арийскую державу?

– Не удастся, государь марзпан! Ты прав, – отозвались нахарары.

– Не удастся. И вот нагрянет на нас арийская держава всей своей мощью? Кто будет тогда в ответе? Спарапету какое горе? Он спокойно укроется у себя, в Пархарских горах. Кто же будет гореть в огне? Вот где таится шутка!

«Я ничего не вижу… Ничего нет вокруг меня! Одни лишь животные лица, бессмысленные глаза! -бормотал Васак про себя. – Туман, кровавое месиво толпы, бессмысленно стремящейся в бездну… Я знаю, чего они хотят от меня! Я это вижу!» -И, задрожав, он крикнул: – Удалите их, чтоб я их не видел!..

– Кого удалить, государь марзпан? – в смущении спросил Нерсэ Урца.

– Удалите, чтоб я не видел!.. Не видел пустые глазницы, кожу, набитую травой!.. Пусть

они не преследуют меня во сне!..

– Пойдем, государь марзпан, приляг у себя, отдохни! – предложил, подойдя к нему, Тироц Багратуни.

– Оставь, вино бросилось ему в голову! -шепнул Нерсэ Урца.

Гадишо взял марзпана за руку и попытался увлечь его в опочивальню, но Васак не трогался с места. Он дрожал всем телом и прерывисто дышал.

– Если эта изнурительная тревога не должна покидать нас ни днем, ни ночью, ни на пиру, то все мы скоро превратимся в живых мертвецов!.. Ужасен этот молох огнепоклонников, пожирающий и отца, и детей, и все, все кругом… Кому по силам такие жертвы? Чье сердце способно выдержать горе отца, страдания матери, ядовитые укоры совести? И какова награда за все это? Отвратительная кличка! Кличка!..

– Государь марзпан, иди отдохни немного! – настаивал Гадишо.

– Я не устал… Простите меня, государи, я дал волю страстям своим… Да, пойдем отдыхать, привыкнем жить именно так! Большие дела требуют и больших жертв. Не стоит волноваться! Пойдем к себе, постараемся, чтобы отдых вернул нам хладнокровие… Дворецкий, отведи князей в их покои! Государи, утром вы увидите меня уже здоровым, с обновленными силами! Мирного сна!

– Спокойной ночи, государь марзпан! -отозвались госги. Васака проводили в опочивальню.

Узнав о поражении Себухта, Михрнерсэ решил опередить Азкерта и сам сообщил ему зловещую весть. Ярость уже начинала туманить голову Азкерту, когда Михрнерсэ посоветовал:

– Повелитель, пора положить конец мелким действиям! Дай приказ крупными силами нанести окончательный удар!

– Пора! Дай приказ! Дай крупные силы! – кривя рот, передразнил его разъяренный Азкерт. – Зачем ты тянул до сих пор, собака?!

Михриерсэ побледнел, вздрогнул и с холодной злобой стал ждать, пока Азкерт выпустит весь накопившийся яд.

– Ну, отвечай же, чего ты молчишь? Отвечай! – продолжал бесноваться Азкерт. – Жрецов послал на гибель! Себухта послал на гибель! Кого еще желаешь погубить?! Персию?! Меня?! Или Же себя?!

– Себя! – негромко и сдержанно ответил Михрнерсэ. – Да бы не коснулась опасность ни Персии, ни тем паче моего повелителя! В чем дело, повелитель? В конце концов надо было подождать, пока греки откажут армянам в помощи, или же нет? Надо было подождать, пока Васак накопит силы, захватит власть, спасет наших вельмож, займет крепости, объединит вокруг себя нахараров, прижмет армянский народ, введет жрецов в армянские семьи, или же не надо было? Э-э, повелитель, трудности все преодолены, остались пустяки… Пусть же теперь явится князь Пероз и все закончит со славой для себя. А меня пошли на плаху, чтоб тебе могли принести мою голову.

Азкерт злобно скосил на него глаза:

– Что-о, разжалобить меня хочешь? Запугиваешь? И без тебя Персия обойдется, не беспокойся!

– Только это и хотелось бы мне знать, пока еще держится у меня голова на плечах. А государей не пугают. Государей боятся. Это я понимаю.

– И ты меня испугаешься, навоз! – в бешенстве крикнул Азкерт и обратился к дворецкому:- Главного палача, быстрей!.. Вбежал главный палач.

– Уведи его. Пришлешь голову! – приказал Азкерт. Палач с пугающей вежливостью ждал, чтоб Михрнерсэ сам направился к выходу.

– Выволоки его! – приказал Азкерт.

Палач взял Михрнерсэ за локоть. Но у дверей он с глубоким поклоном спросил:

– Куда велишь проводить тебя, государь азарапет: к тебе во дворец или на заседание?

– В темницу! – гневно приказал Михрнерсэ.

Они еще не вышли из дворца, как запыхавшийся дворецкий сообщил, что Азкерт требует их обратно.

Михнерсэ вернулся, почерневший от уязвленной гордости.

Азкерт взглянул на нею со злобой укрощенного зверя и властно приказал:

– Вызовешь Нюсалавурта. Пусть соберет большую армию. Покончить со страной Армянской!

– Повеление твое к исполнению принимаю! – негромко ответил Михрнерсэ, выжидая дальнейших распоряжений.

– Покончить со страной Армянской!.. Больше ничего.

Молча склонившись перед Азкертом, Михрнерсэ удалился.

Вскоре по всей области Апар громом прокатилась весть о приказе Азкерта. В лагере закипело сильнейшее оживление.

В ту же ночь во дворце состоялся военный совет, на котором присутствовали Нюсалавурт и его помощник Догвэч, начальник «полка бессмертных». Совет заседал очень долго. Самым трудным был вопрос о сроках выступления войск в Армению: стояла уже глубокая осень, и пока армия была бы подготовлена к походу, пока она дошла бы до места назначения, – ее встретила бы жесточайшая армянская зима.

– Время не терпит, государь азарапет. – сказал Догвэч. – Нужно поспешить нанести удар до наступления зимы!

– Мы сможем и зимой нанести удар! – возразил Михрнерсэ.

– Я не поведу зимой моих слонов, чтоб они перемерзли в проклятых ледниках Армении! – заявил Догвэч.

– Весной будет еще труднее! – возразил Михрнерсэ, которого пугала не столько армянская зима, сколько оттяжки, дворцовые козни и интриги, неустойчивое положение дел в Армении и всевозможные осложнения. – Нужно нанести удар именно зимой – и положить всему конец!

– Торопиться мы не можем, но и опаздывать нам нельзя! – заговорил Нюсалавурт. – Попробуем поспешить, нанести удар до зимы.

– Срочно и безотлагательно собирайте армию! – приказал Михрнерсэ. – Нужно.нанести удар! И конец! Нюсалавурт и Догвэч встали.

– Нанесем удар! – пробормотал Нюсалавурт.

Сквозь просветы в осенних тучах солнце освещало почерневшее лагерное поле и вооруженные части персидской армии. Нюсалавурт и Догвэч верхом на скакунах принимали смотр, проверяя проходившие перед ними полки, которые затем выстраивались в дальнем конце поля.

Огромная толпа жителей Нюшапуха собралась неподалеку, с интересом наблюдая за передвижением войск. Придворные расположились на коврах вокруг Михрнерсэ. Шепотом передавался слух, что князь Пероз потерпел поражение в затеянном им дворцовом перевороте. Следя змеиным взглядом за победившим противником, Пероз мысленно посылал ему проклятия.

В числе придворных был и Вахтанг, который не мог равнодушно глядеть на проходящие войска – свидетельство военной мощи Персии. Развевались по ветру конские гривы. Стремительным весенним потоком промчался конный полк Мелькали смуглые загорелые лица молодых наездников, бряцало оружие, фыркали и ржали скакуны. Гордая сила Персии!.. Увлажнились глаза Вахтанга, в груди у него теснило. Он почувствовал боевое воодушевление и странное, непреодолимое желание истребить армян, желание, внезапно вынырнувшее из тайников души и безраздельно им овладевшее. И Вахтаиг решил вступить в ряды войска, которое должно было идти против Армении.

Вернувшись к обеду домой, Вахтанг распорядился приготовить ему оружие и скакунов. Домашние начали плакать. Теща в тревоге подошла к нему и, набравшись смелости, спросила:

– Разве нельзя тебе не идти, сын мой?

– Не идти? – косо глянул на нее Вахтанг. – Поздно я сообразил, поздно иду! Давно следовало мне вступить в ряды войска. – И вдруг он с яростью топнул ногой: – Как, чтоб этот раб осмеливался поднять меч на своего господина – на Персию, на меня?! Я не убил вашего Арсена тогда. Да здесь это и не имело бы смысла! Но там я его душу убью! Вот это имеет смысл! Пусть узнает, чьим рабом он является и почему… Где Хориша?

Вызвали Хоришу.

– Отправляюсь на войну, чтоб вонзить твоему возлюбленному меч в сердце… Выкинь его из памяти, Хориша. Арсен был сном, ты проснулась – и нет его. Слышишь?!

Он поцеловал Хоришу. Хориша также поцеловала его, что-то шепча.

– Что ты говоришь? – спросил Вахтанг.

– Вонзи твой меч в мое сердце! – заплакала Хориша, падая к его ногам.

Вахтанг был тронут, слезы навернулись на его глаза.

– Проклятая любовь, которую ничем нельзя победить! -пробормотал он, отталкивая Хоришу. Он обнял и поцеловал Фраваши, сестру Хориши. – Ормиздухт, даже Диштрию и, вскочив на коня, выехал из своего дворца.

Все вернулись во внутренние покои. Одна Хориша направилась в западную часть сада Она поднялась на небольшую башенку, присела на скамью.

Перед нею широко раскинулась осенняя равнина во всей своей унылой наготе. День клонился к вечеру. Заходящее солнце окрасило в оранжевый цвет дворец, глиняную садовую ограду, деревья, воду в ручейке Оранжевым огнем горел на юге и весь город Нюшапух.

Хориша устремила взор в пылающий горизонт, облачный полог которого был местами разорван, словно для того, чтобы открыть уходившие вдаль просторы. Далеко-далеко плыла золотая лодочка, плыпа асе дальше и дальше, туда, куда уехал он, если только не погиб он от меча, не пал жертвой диких зверей или ветров пустыни…

Все, все ушло из жизни Хориши так же, как уходит сейчас солнце, постепенно тускнея и угасая Зсе было опустошено, все померкло…

Необозрима была раскинувшаяся на все четыре стороны равнина в стране гуннов. Изумруд отсыревшей по-осеннему земли сильно потускнел. Лужи застывшим бессмысленным взглядом смотрели в побледневшее небо. Вода пряталась во впадинах и в корнях растений, кое-где поблескивая, как обнаженное лезвие кинжала. Вдали, скрашивая безотрадность пустыни, вился дымок над юртами, чернели табуны лошадей и бродили верблюды.

По едва заметной бесконечной дороге ехал Вардан со своей свитой и гуннами-проводниками во главе с гунном Самдаджем-баном, взятым на Чорской заставе. В числе спутников Вардана бил и Мел кон, который, выехав ему навстречу, сообщил последние сведения о положении дел в стране гуннов и в резиденции их царя – Итиле.

Справа и слева вдоль дороги разбросаны были одиночные юрты гуннов, мимо которых армяне проезжали без всякого опасения.

Скупое солнце слегка смягчало утреннюю прохладу после морозной ночи. Все чаще начали встречаться табуны коней и стада верблюдов – знак того, что путники приближались к Орде Отряд обогнал несколько верблюдов. Двое гуннов крепко спали, положив головы верблюдам на передний горб, накрытый войлоком. Чуть поодаль десяток конных, крепко сжимая коленями бока неоседланных скакунов, носились взад и вперед, пытаясь заарканить выпущенных на свободный выпас и уже успевших одичать жеребцов Начали показываться группы конных гуннов. Они то следили за отрядом, не двигаясь с места, то вдруг пускались навстречу и, неожиданно повернув на всем скаку назад, исчезали из виду. Мелкон объяснил, что это отряды разведчиков, которые непрерывно разъезжают вокруг Орды, чтобы предупредить всякую попытку напасть на нее неожиданно.

Однако Вардан и его свита ехали так спокойно и открыто, что не возбуждали у разведчиков никаких подозрений. Лишь иногда, словно из-под земли, вырастал одинокий всадник, внимательно всматривался и, заметив проводников-гуннов, так же внезапно исчезал Но вот, наконец, на краю равнины показались дымки юрт Великий Орды. По мере

приближения, все ясней и ясней видны были расставленные отдельными группами юрты. Посредине чернела Орда – огромный юрод войлочных, редко поставленных шатров. Но обе стороны от него, чуть поодаль, были расположены два военных лагеря.

Юрты были размещены вокруг большой площади – «куреня»; в центре стоял огромный шатер с белыми войлочными куполами, разделенный внутри на множество отдельных частей. Вход охраняли вооруженные копьями воины. Это и была тронная юрта царя гуннов.

Сам царь выехал навстречу Атилле – грозному предводителю черных гуннов, подобно урагану налетевших с далекого Востока.

А время шло… Там, на родине, вероятно, все во власти смятения… Там, на родине, с тоской ждут возвращения Спарапета, армян и его воинов…

Дни проходили, не принося никакого результата. И вот в довершение неудач в Орде появился етратилат Анатолий в сопровождении сирийца Элфария. Они прибыли как послы нового византийского императора Маркиана. Их появление не сулило ничего хорошего. Заключив договор о дружбе с гуннами, они, несомненно, помешали бы гуннам заключить такой договор с армянами. Пусть уж заключали бы свой договор, но не мешали армянам! Но на это надеяться не приходилось…

Со дня на день в Орде ждали прибытия Атиллы. Все пришло в расстройство, все дела были отложены до возвращения хакана. Но византийские послы не дремали. С первого же дня они стали чернить армян. Блюститель дворца гуннского царя внимательно слушал Элфария, который утверждал, что Вардан стремится поссорить Атиллу с Византией, эфталитов – с персами, подобно тому как успел уже поссорить персов с кушанами. После этого блюститель дворца насторожился и стал более непризненно относиться к армянам.

Как-то утром конный гунн привез Вардану письмо от Атома Гнуни. Вести были тревожные: византийский император отказал армянам в помощи; Васак отступил от данного обета, восстал и занял крепости, а заключенных персидских вельмож освободил. Атому пришлось отойти в горы, и он старается непрерывными нападениями приковать Васака к Айрарату…

«Не медли, торопись, государь Спарапет! – писал Атом. – И знай, что многочисленная армия персов двигается не то на Агванк, не то на Армению…»

Вардан побледнел. Жесток был удар, требовались все силы и все самообладание, чтобы его выдержать.

– Бросим тут все, вернемся, Спарапет! – предложил Аршавир.

Вардан не отвечал. Он прикидывал в уме, когда удастся покончить дела в Орде, успеет ли он вернуться вовремя домой, подавить восстание, организовать общегосударственное войско для сопротивления врагу… Наступало время испытаний, опасность была велика: не учитывать все это было бы непростительным преступлением. Вардан глубоко задумался. Никогда еще на полях сражений не приходилось ему задумываться так глубоко. Там вставала перед ним лишь опасность проиграть бой или же самому пасть на поле битвы. Это – задачи, разрешение которых вполне по силам полководцу. Но здесь Вардан наткнулся на хитросплетение дворцовых интриг, здесь было необходимо найти такое оружие против грязной клеветы и злословия, которое было бы и достаточно действенно и в то же время не роняло бы его достоинства. Перед Варданом предстали большие трудности, они внушали ужас. Создалось положение, напоминавшее ему то, что он пережил, сидя в темнице Азкерта, – душевная раздвоенность, трудность найти разумное решение.

Вардан был лично знаком со стратилатом Анатолием и Элфарием. Юрты, где поместили византийских послов, были расположены неподалеку от юрты Вардана. Встреча была неизбежна. Но, по-видимому, и византийцы, подобно армянам, не очень стремились к встрече и были иеловольны, когда все-таки пришлось столкнуться с армяками.

Как-то утром все были разбужены грохотом барабанов и долгим пронзительным воем труб. Вардан вышел. Сильная суматоха говорила, что в Орде происходит что-то необычайное. Слга, всегда спавший у входа в юрту, сообщил, что приближается Атилла и Орда готовится встретить его.

Юрты были почти совершенно безлюдны. Гунны понеслись на восток – встречать Атиллу. До самого полдня его не было. Но вот вдали загрохотали барабаны, и под вой труб, звуки кимвал, гонгов, свирелей в Орду вступил Атилла, окруженный многолюдным войском. Впереди выступал чернолицый седой шаман на гнедом коне, ведя на шелковом поводу скакуна в богатом уборе. Это был скакун Атиллы. На носилках с балдахином сидел сам Атилла, откинувшись на синие, шитые золотом подушки. Носилки хакана былиокружены кольцом отборных всадников. Сзади медленно шагал белоснежный верблюд, которого вел на шелковом аркане молодой гунн. Верблюд был украшен желтыми шелковыми лентами: на нем, по верованию черных гуннов, восседало божество, которое водило войска Атиллы в победоносные бои.

Жители Орды, вышедшие встречать Атиллу, лежали по обеим сторонам дороги, лицом вниз: простым людям возбранялось смотреть на хакана.

Смуглое лицо Атиллы выглядело не очень старым. Узко и косо прорезанные глаза смотрели по-рысьи зорко и зло. Он казался безразличным к проявлениям фанатической преданности встречавших, ни на кого не глядел. И это открытое пренебрежение к огромной толпе как бы делало его недоступным, недосягаемым.

Вслед за Атиллой, подобно сдвинувшемуся с места дремучему лесу, необозримой массой шло огромное войско на малорослых, уродливых, но бойких конях. Безусые и безбородые, дочерьа смуглые низкорослые люди с несоразмерно большими головами, короткими ногами и раскосыми глазами производили устрашающее впечатление. Они носили кольчуги и были вооружены копьями, луками и мечами.

Вперемежку с ним шли полки Орды, вооруженные почти так же.

За войсками двигались кибитки, верблюды и вьючные лошади со скарбом и семьями; женщины с обожженной дочерна кожей, обвешанные бубенцами, ехали в кибитках или же шли пешком, посадив детей в перекинутые за спину торбы.

Сзади гнали табуны коней, стада овец и верблюдов. Все это оставляло такое впечатление, точно какая-то подвергшаяся нападению страна снялась с родных мест и переселяется вся в новые края, неся с собой разрушение и страх. Это человеческое наводнение заливало все на своем пути, все подавляло и уничтожало, всему предвещая безнадежность и гибель.

Шествие остановилось перед юртой хакана. Всадники соскочили с коней и кинулись снимать Атиллу с носилок. Шаман ждал. Атиллу бережно пересадили на вынесенный из юрты раззолоченный трон и, высоко подняв, понесли в юрту.

Шаман пошел впереди и вошел первым. За ним вошли правители покоренных Атиллой стран вместе с царем Орды. Трон установили в середине, правители стали перед ним полукругом. Вошли полководцы Атиллы и составили второй полукруг. Шаман выступил вперед и объявил, что место и час прибытия благоприятны. Атилла слегка приподнял руку, и все вышли. Атиллу повели в покой, предназначенный для отдыха.

Вопреки опасениям Вардана, не только царь эфталитов, но и сам Атилла выказали к армянскому посольству большой интерес. Вардана вместе с Аршавиром, Артаком Полуни и Хореном предупредили, что великий хакан хочет их видеть, одновременно объяснив и ритуал, которому они обязаны были подчиниться во время приема.

Вардан не знал, чего ждать от этого приема. То ему казалось, что все кончится удачей, то одолевало сомнение, особенно когда он вспоминал о присутствии и поведении византийцев.

Пройдя мимо стражи, армянские послы вошли в юрту хакана и у входа опустились на колени. Атилла обратил внимание на Вардана, который выделялся среди своих спутников высоким ростов и седой головой. Заметив, что смотритель юрты приказывает армянам снять и вручить страже мечи, хакан нахмурился и знаком повелел оставить Вардану его меч. Когда смотритель подвел к нему Вардана со спутниками и приказал снова опуститься на колени перед троном, Атилла громко проговорил:

– Пусть подойдет без этого обряда! Почтим седые волосы полководца, которого его

родичи послали в такую даль… Вардан вышел вперед и низко склонился перед Атиллой.

– Каких морей и какой суши ты сын, из какой страны прибыл в нашу страну? – спросил Атилла.

Через служившего толмачом Самдаджембу Вардан ответил:

– Я рожден в стране армян, что лежит на побережье Гирканского и Понтийского морей. В стране, которую хочет уничтожить царь персов – наш и ваш враг…

– Волен он, если сможет- не то в насмешку, не то серьезно прервал Аткчла.

– Встанем с оружьем, великий хакан, не позволим ему…

– Вольны вы, если сможете! – тем же тоном отрезал Атилла и, не ожидая, пока Вардан скажет еще что-либо, сам задал вопрос:- А чего же вы ищете в нашей стране?

– Я прибыл, чтобы заключить военный союз с вашим царем.

– Союз держится на острие меча, чужестранный князь! Есть ли меч у вас?

– Есть. Мы уничтожили персидское войско в Агванке, взяли приступом и овладели Чорской заставой.

Вардан лишь в эту минуту заметил стоявших по другую сторону трона византийских послов, настороженно прислушивающихся к словам, которыми он обменивался с Атиллой. В глазах стратилата Анатолия он заметит злорадный блеск и понял, что они были приняты Атиллой раньше, чем армянское посольство.

Атилла странно улыбнулся, не сводя взгляда с Вардана. Вспомнил ли он что-либо неприятное, или знал что-то, вызывавшее в нем сомнение и недоверие – Говорят, вы происходите из племени, которое любит ссо рить всех со всеми! – проговорил он с насмешкой.

На лииах византийских постов заиграла злорадная улыбка; они почувствовали, что ядовитые наговоры возымели свое действие.

– Что ж, может, и справедливо говорят, великий хакан: чего только не случается на свет – спокойно отозвался Вардан. – Но какой же смысл моему народу ссорить всех со всеми, как ты сказал, если все те, которых он перессорил между собой, будут сводить свои счеты в нашей же стране, топча нас ногами?! И потом что за смысл всем ссориться между собой по наущению такого маленького народа, как армянский? У всех этих племен нет, значит, своего ума? Умом обладаем, значит, только мы?!

Стратилат Анатолий шагнул вперед и склонился перед Атиллой.

– Ну что ж, пусть скажет свое слово муж, прибывший из Византии! -произнес Атилла.

– О повелитель вселенной, изволь всемилостивейше спросить у армянского князя, какие победы одерживал он над твоими войсками в войне, которую персы вели против твоих кушанов…

Атилла злобно повернулся к Вардану, с угрозой взглянул на него.

– Победы были одержаны в войне, которую я обязан был вести как полководец, находясь на службе у персидского царя! – невозмутимо объяснил Вардан.

– Тогда зачем же обращался князь армян к Византии, испрашивая ее помощь для борьбы с этим же царем? – ядовито спросил Анатолий.

– Мы просили, чтобы Византия помогла нам отразить нападение войск персидского царя, которые он вероломно бросил на нашу родину! -ответил Вардан. Повысив голос, он обратился уже непосредственно к Атилле:- соизволь всемилостивейше спросить византийского князя, о великий хакан, почему же Византия отвергла нашу просьбу о помощи? Или хотя бы о том, какой союз заключила она с Персией против ваших же кушанов? Почему дано право Византии искать союзников против своих врагов, а нам, маленькому народу, это возбраняется?

Атилла задумался. Затем он медленно сказал:

– Каждый волен поступать, как пожелает… И как сможет. А что можете вы сделать против персов и для нас?..

– Мы разрушим Чорскую заставу. Пусть твои войска беспрепятственно проникнут в пределы Персии.

Атилла вновь задумался. По-видимому, его занимала какая-то серьезная мысль. Подняв голову, он сказал:

– Хорошо. Теперь скажи мне, положа руку на сердце: если я пожелаю отправиться в гости к царю Византии, открыта ли будет мне дорога через вашу страну?

Бледность покрыла лицо Анатолия. Все присутствовавшие затаили дыхание.

– Дорога открыта, – ответил Вардан, подавив волнение, охватившее его. – Но только в Византию. Обратной не будет: тебя встретят голод и безлюдие, которые ты оставишь позади себя. Зима у нас очень долгая…

– Хорошо! – произнес Атилла. – Царь нашей Орды придет в вашу страну, чтобы помочь вам в борьбе с персами!

– Прикажешь заключить союз? Мы выполним наш долг! – отозвался Вардан.

– Ну что ж, заключайте, если вы так верите союзам! -засмеялся Атилла. – Вот мы заключили союз с ураганами нашей страны, которые гонят пески на нас, как мы гоним вас или людей Бюзанда… Все враги всем… Ха-ха-ха! А ты что думал? И у нас есть враг – сильнейший из сильнейших! Это песок: он вытесняет нас… Ну-ка, попробуй заключить союз с ним! Хорошо! Пусть великий шаман проложит наш будущий путь по северному или южному берегу Понта!

Атилла умолк и нахмурился.

Смотритель дворца подошел к Вардану и, поклонившись, знаком дал понять, что пригм закончен. Склонившись перед Атиллой, Вардан со спутниками, пятясь, вышли из тронной юрты.

– Горе нам.. Горе нашему союзу с ураганами и песком!.. – с невеселой улыбкой промолвил Вардан, возвращаясь к себе в юрту.

Царь Орды оказался очень скромным и разумным человеком. Он приветливо предложил Вардану сесть на вышитую подушку прямо против себя. Сам он сидел на расшитой пестрыми узорами кошме Па его лице лежала печать забот и горького жизненного опыта. Он отнесся к вопросу о заключении договора как к чему-то обычному, вызываемому жизненной необходимостью. В числе пунктов договора значилось, что Вардан сносит Чорскую заставу и открывает гуннам дорогу во владения персов. Вардан же потребовал, чтобы гунны действительно ударили по персидским войскам, а не занимались одним только разорением страны и грабежом населения, как они поступают обычно. Одновременно он требовал подтверждения того, что гунны не войдут в Агванк и Иверию. Последним условием Вардан выставил требование о том, чтоб гунны до поры до времени вели мелкие разведовательные бои, собирали войско для главной битвы и ударили на персов одновременно с армянами.

Царь гуннов согласился на все условия, оговорившись, однако, что войско его не сможет воевать, если ему не будет разрешено грабить и наживаться.

– Ведь этим-то мы и живем! – объяснил он.

– Это уж ваше дело, – пожал плечами Вардан. – Но разбой и грабеж развращают войско.

– Только не наше! Наоборот, нашему войску именно это и придает мощь! – убежденно и деловито возразил царь гуннов.

Процедура заключения союза оказалась крайне несложной и простой: царь гуннов приказал принести чашу с водой, отпил из нее и предложил отпить Вардану.

Увидев лее, что Вардач вынул из-за пазухи маленькое евангелие и на нем поклялся быть верным союзу, царь гуннов выразил желание также поклясться на евангелии. И Вардан, скрывая изумление, протянул ему евангелие, на котором царь гуннов серьезно повторил свою клятву.

После заключения договора царь гуннов угостил Вардана и его спутников обедом. Поданные за обедом блюда – дичина, провяленная под седлами коней и затем подогретая на костре, кумыс и овечий сыр, испеченный в золе ячменный хлеб, – а также примитивное обслуживание (несмотря на золотую посуду, в которой подавались пища и напитки)

раскрывали перед Варданом незатейливый быт патриархального правителя кочевников, живущих разбоем и не знающих отечества Царь гуннов рассказал, что они явились в эти края «из земель, которые лежат под восточным небом»; вспомнил царь и рассказы своего отца и деда о том, что они пришли из пастбищ, «лежавших под еще более восточным небом»…

– А теперь небесный повелитель открывает нам путь в страны, которые лежат под западными небесами! – улыбнулся он. Вардан молча внимал этим словам, чреватым ужасами.

– Все меньше становится средств пропитанья, – продолжал царь гуннов. – Племена на востоке гибнут, отнимая пастбища друг у друга и у песков. Вытесняют друг друга на запад. И тот, кто здесь кажется сильнейшим, кто первым вступает на дорогу, ведущую к западу, – тот на самом деле слабейший – он изгнан с востока другими…

– А что же делает великий хакан? – спросил Вардан.

– Лишь небесный повелитель в силах наложить руку одновременно на восток и запад и держать племена в повиновении- ответил царь гуннов.

Вардан попросил сообщить ему, чем кончились переговоры с византийцами. Царь улыбнулся:

– Чем же может кончиться дело, которое только-только должно начаться? Они хотели заключить договор о дружбе здесь. А небесный повелитель сказал, что он заключит договор в Византии, во дворце их императора Вардан понял, что царь не так прост, как кажется на первый взгляд, что он наделен своеобразной хитростью воинственного племени кочевников. Решив положить конец беседе, он сказал:

– А мы заключим договор здесь же Как только мы начнем войну с персами, я разрушу Чорскую заставу, – это и будет выполнением договора с моей стороны. А вы приступите к выполнению тогда, когда я дам вам знать об этом через юнцов. И вы одновременно с нами ворветесь в Пайтакаран – Взглядом, выражая доверие, царь гуннов кивнул головой. – Ты военачальник и храбрый человек. А человеку храброму можно помогать. Мы ворвемся в Пайтакаран, как только начнется бой. Ну, ты начни, начни!.. – взглянул он весело на Вардана и повторил: – Да, да, начни! – словно речь шла о забавной игре.

Начальник отряда, который должен был двинуться на Чорскую заставу, опустился на колени у входа в царскую Юрту. Царь знаком велел ему встать и подойти ближе. Начальник остановился перед ним, сложив руки на животе.

– Это тот полководец, вместе с которым мы будем воевать против персов – указал царь на Вардана.

Начальник отряда дерзко и пристально оглядел Вардана. Дикарь-кочевник предвкушал возможности набегов и разбоя, и это вызывало у него желание крикнуть от ликования, расхохотаться. Но он сдержался Когда же царь сообщил ему о том, что предстоит делать у Чорской заставы, он словно опьянел от радости.

Царь с помощью Вардана подробно наметил путь будущего нашествия и программу действий.

На следующий день Вардан явился на прощальный прием к царю и пустился в путь, сопровождаемый начальником отряда Тойголасом.

Вардан уезжал из Орды в тяжелом душевном состоянии. Он чувствовал себя даже более подавленным, чем в темнице Азкерта. Чем же это объяснялось? Он даже не мог сразу уяснить себе этого. Ведь для отражения персидского нашествия ему удалось привлечь на свою сторону довольно сильного союзника. Чем же объяснялся ьтот горький осадок от посещения Орды? Он высоко держал честь своего народа, не уронил и своей чести и достоинства. Почему же так давит ему на сердце этот договор с Ордой? Вспоминая спор с Анатолием перед Атиллой, Вардан чувствовал себя униженным тем, что, вынуждаемый необходимостью, он применил в борьбе с Анатолием тот же прием, которым привыкли пользоваться византийцы – разоблачение врага…

Добравшись до Чорской заставы, Вардан велел срыть эту пограничную твердыню. Гунны, агваны и армянские воины с большим трудом разрушили укрепленные проходы и

самые значительные из башен.

Покончив с этим, Вардан самым подробным образом условился с Тойголасом насчет того, как они будут поддерживать по стоянную связь, и направился – вернее было бы сказать полетел – в Армению. Он торопился: ведь восстание Васака разрасталось, Васак захватывал власть; приближалось и самое страшное – нашествие персов – Ну, набьем мы теперь себе зады о седла! – проворчал Аршавир, намекая на привычку Вардана к быстрым передвижениям. – Теперь он душу вытрясет из нас, скача уж не знаю по сколько фарсахов в день!.. Кушаны славятся своей волчьей перебежкой… Не знают люди, что такое скачка Вардана Мамиконяна!

Встречаясь на Агванской равнине с группой Вардана, пораженные путники останавливались и долго смотрели вслед клубящейся за ним пыли не в силах понять, что это за безумная скачка, не знающая жалости ни к скакунам, ни к самим всадникам…

– Все твердят одно. «Надо приковать силы врага к морскому побережью». Вот я и приковал их. Но ведь одновременно я и сам оказался прикованным! – жаловался Артак Мокац Зохраку, когда тот зашел к нему в покои, отведенные ему княгиней в замке Огакан. – Где же конец этому?

Зохрак молча слушал его.

– Я собрал и держу здесь огромные силы из полков Тарона, Могка и Арцруника, а там, в Арт amp;шате, приверженцы Васака подняли голову и вот-вот могут восстать! – продолжал Артак.

– Но ведь неспокойно и на побережье. Нахарар Рштуни засел в своем уделе с недобрыми намерениями, Хорхоруни мутит здесь воду, сидя в Артзшате… Нельзя угадать, какая измена грозит нам из-за угла.

– Мне уже удалось убедить в правоте нашего дела нескольких сепухов из Рштуника и Хорхоруника. Вот я и думаю, нельзя ли возложить на них охрану безопасности прибрежных областей, а нам с нашими полками двинуться на помощь Атому?

– Но если отцу удастся окончательно разгромить Себухта, это их быстро образумит! – с особенной гордостью отозвался Зохрак.

– Нет, Зохрак, тогда опи с еще большим усердием станет готовиться к восстанию!

Зохрак присел на подоконник и устремил взор в сторону Рштунийских гор чуть синевших на горизонте.

Там оставалось существо, все обаяние которого он постиг в минуту расставания… Что делала она, о чем думала, что чувствовала?

Душа Зохрэка была охвачена мягкой грустью, которая нередко наносит глубокие раны. Он жаждал хотя бы еще раз увидеть ее, еще раз услышать ее нежный голос. Зохрака страстно интересовал вопрос, почему Астхик постоянно глядела на него, почему так ласков был ее взор, о чем молила она его без слов. И почему в час расставания она разорвала эту тонкую нить, ни разу не взглянула на него… Оскорблена ли была ее гордость, или же ничего не было для него в ее сердце, и смотрела она на него просто так, без всякого чувства?..

Зохрэк тихо вздохнул.

Ничего не подозревавший Артак даже не обратил на это внимания. Его душевное состояние также было не из счастливых. Правда, он не представлял себе всех ужасных последствий вражды Артака Рштуни и Гедеона, но понимал, что даже незначительная семейная неприятность тяжело отразится на Анаит. Артака терзала тоска по любимой… Вместе с тем его снедало беспокойство за судьбу родной страны, тревога за успешное решение боевой зтдачи, поставленной перед ним Спаранетом: собрать и организовать из нахарарских полков вокруг Бзнунийского моря ядро общегосударственного войска, которое должно было стать оплотом грядущего сопротивления.

Эти важные заботы отодвигали на задний план личные горести и переживания Артака. Он чувствовал, что теперь преступно замыкаться в личном счастье. На нею смотрели с упреком его соотечественники, от него ждали они ответа на вопрос: предстоит ли им жизнь или гибель…

Юноши были охвачены тяжелыми мыслами, и ни один не замечал подавленности другого, не догадывался спросить другого, какая тревога его гложет?

– Долой эту скованность! – решительно сказал Артак, вставая. – Двинемся в Хорхоруник, в Рштуник, подымем на ноги наших сторонников из числа сепухов, пока их нахарары не открыли враждебных действий и не поднялись против вас!

– Но ведь нужно держать в готовности наши полки! -отозвался Зохрак.

– А я давно уже позаботился об этом и обсудил этот вопрос с сепухами Тарона, Арцруника и моего Могка. В назначенный день выступим неожиданно и опередим наших врагов!

Артак задумчиво покачал голосой и снова подошел к окну.

– А куда мы двинемся первым делом? – спросил с забившимся сердцем Зохрак.

– Пожалуй, в Рштуник!.. – ответил Артак» едва сдерживая счастливую улыбку.

Зохраку показалось, что сейчас он задохнется от волнения.

Чувство полного счастья – у одного, мечта о счастье – у другого вызывали у каждого желание уединиться, предаться грезам. Зохрак сказал, что хочет пройти к себе, и Артак не стал его удерживать.

Зохрак, не раздеваясь, прилег и, устремив взор в потолок, начал мысленно рисовать себе предстоящий поход в Рштуник и другие приморские области, военные приготовления к отечественной войне, будущие подвиги – и одновременно видел чей-то ласковый взгляд, полный нежости и любви..

А в это время Артак вел серьезный разговор с сепухом Багдасаром. Основной полк Мамиконянов уже получил пополнение и был в полной боевой готовности. Артак потратил немало трудов и усилий, чтобы добиться такого результата, и поэтому давал особенно обстоятельные наказы сепуху на время своего отсутствия.

– Вероятно, нахарар Рштуни засылал к нам лазутчиков, будет засылать их и впредь. Старайся обмануть их ложными сведениями… Главное же, как только я дам тебе знать, – тотчас выведешь весь полк по направлению к Рштунику под предлогом военных игр и будешь наготове ждать моих дальнейших распоряжений!

– Будет исполнено! – отозвался сепух Багдасар: распоряжения Артака он принимал, как если бы они исходила от самого Спарапета.

На следующий день рано утром Артак и Зохрак с усиленным отрядом телохранителей и полусотней воинов отправились в Рштуник.

Стоял ясный осенний день. Солнце еще дарило приятную теплоту. А на дороге, выглядевшей так, словно ее только что подмели, ужасно хотелось пуститься вскачь.

Молодые князья чувствсвали себя как гости на веселом празднике. Военные заботы как будто отошли. Крепкое здоровье, приятное тепло, живительный, пьянящий воздух и чувства, переполняющие сердца, давали им ощущение полноты жизни.

Весело глядели также телохранители. А молодые воины, обычно сдержанные и молчаливые в присутствии Вардана и его строгих сепухов, чувствовали себя более свободно с такими же молодыми, как и они, князьями.

Отряд остановился на отдых у родника. Разостлали ковер, достали припасы, и молодые князья уселись. Вино еще больше подняло настроение. Воины завтракали чуть поодаль. Вдруг раздался хохот.

– Что там случилось, Алексаниос? – спросил Зохрак.

– Дурачатся парни, князь, дразнят Махкоса! – доложил командир полусотни Алексаниос.

– Ну-ка, подойдите сюда все! – приказал Зохрак. Воины подошли.

– Рассказывайте, что у вас происходит. И который тут Махкос?

Вперед выступил воин с серьезным лицом и широко открытыми серыми глазами.

– Чего они хотят от тебя, Махкос? – спросил Зохрак. Махкос внимательно взглянул на него и, вытянувшись в струнку, сообщил:

– Ничего не хотят от меня, князь!

– Ну-ну, не выдумывай! Пусть Алексаниос расскажет нам, почему тебя дразнят товарищи.

Алексаниос помялся немного и неопределенно ответил:

– Истории он рассказывает, князь!

– Пусть расскажет и нам!

– Да он небылицы рассказывает!

Воины фыркнули. Махкос стоял, все так же вытянувшись и вперив широко открытые глаза в Зохрака.

– Расскажи и нам что-нибудь из этих твоих правдивых историй!

Махкос откашлялся и громко начал, сохраняя серьезность:

– Проходил я летом по зеленому полю. Вижу – куропатка.

В руках у меня ничего не было. Снял я сандалию, швырнул в куропатку. И сидела-то она недалеко – четыре-пять шагов. Швырнул – гляжу: ни куропатки, ни сандалии! Вот тебе раз, пропала куропатка, это еще понятно, а где же сандалия моя? Искал я, искал, – нет и нет! А я так и хожу себе в одной сандалии. На следующий год мы с товарищем (Навуходоносором его звали) поехали в Египет поразвлечься. Проходим по улице и вдруг видим – посреди рынка храм. Я говорю: «Послушай, Навуходоносор, разве место храму на рынке?» А он мне отвечает: «Конечно, нет!» Спрашиваем мы одного египтянина, а он говорит, что в прошлом, мол, году прямо в середину рынка (простите меня, туда, где мочатся) упала сандалия с неба. Вымыли эту сандалию, очистили и построили для нее храм: ведь сандалия святая – с неба упала! «Послушай, Навуходоносор, – говорю я товарищу, – пойдем посмотрим!» Ну, пошли. А жрец у входа останавливает: «Снимите, говорит, обувь, потом входите!» Ну, сняли мы, вошли. Смотрим. И вдруг что же я вижу? Моя сандалия! Я говорю: «Слушай, Набуходоносор, да ведь это моя сандалия!» А он: «Как это твоя?» А я ему: «А вот смотри: одна сандалия там, а другая вот у меня в руке!» Тут уж Навуходоносор говорит: «Правда твоя, Махкос!..» Правда-то правда, а только как попала моя сандалия в Египет? Не можем мы в толк взять. Говорю жрецу: «А может, караван какой-нибудь с неба сбросил?» А он: «С ума ты сошел, что ли? Что каравану делать на небе?» Говорю: «Может, кто-нибудь подбросил? Ведь эта сандалия из моей страны, Армянской, а вот и пара к ней, у меня в руках находится!» А жрец вытаращил глаза, стал на колени, молится на мою сандалию. Стоим мы, ничего не понимаем. И вдруг входит в это время царь египетский вместе с женой своей и дочкой: «Эй, жрец, чем это ты занят?» – спрашивает. А жрец ему: так, мол, и так. И тут стали все – и царь, и жена с его дочкой, и все придворные -передо мной на колени, начали молиться. Говорю: «Слушай, Набуходоносор, что нам делать? К добру все это или ко злу?» Я говорю – недобрым пахнет, а он твердит, что хорошо получилось. И вдруг вижу я – царь глазом жрецам знак подает. Схватили меня жрецы, повели, усадили за стол. Я говорю: «Пустите меня, мне пора уходить», а они мне: «Не-ет, конечно, теперь ты нашим богом стал, должен у нас оставаться, чтоб мы тебе поклонялись…» Я говорю: «Слушай, Набуходоносор, давай ходу отсюда!» А он мне: «Погоди, увидим, чем это пахнет!» А главный жрец мне шепчет на ухо: «Слушай, оставайся в этом храме: и богом станешь и царскую дочку получишь, – царь хочет ее за тебя выдать!» Тут уж Набуходоносор мне говорит: «Плохо дело, Махкос, давай удерем!» А я подумал: «Сам я армянин и христианин, какое мне дело до египтянок и язычниц?..» Плюнули мы себе на пятки, сели на мою сандалию; дунул я на нее, что было сил и… фьиить! – взлетели и упали вжнивье около нашего села. Взглянул я на то место, откуда в прошлом году куропатка взлетела, и догадался, в чем дело: сандалия-то моя на куропатку тогда упала, а куропатка взлетела нею – и прямо в Египет! А все остальное случилось так, как уже рассказал.

Махкос умолк и остался стоять, с серьезным видом уставив шись на Зохрака.

– Значит, все рассказанное тобой – правда истинная? – с напускной серьезностью переспросил Артак.

– Самая что ни на есть истинная, государь нахарар удела Могк! – скороговоркой серьезно и простодушно отбарабанил Махкос, браво вытягиваясь перед Артаком и переводя

на него широко открытые глаза Грянул взрыв хохота.

– Ну еще… – весело воскликнул Зохрак, – расскажи еще что-нибудь!

Не меняя позы и не моргнув глазом, Махкос принялся рассказывать:

– Значит, дело было так: прислал к нам один сепух из Хорхоруника и похваляется, что он на расстоянии в один фарсах в дерево попадет. А наши сепухи ему в ответ: «Это что?! Есть у нас воин один, так он еще дальше в цель попадает!» Завязался спор. Позвали меня, спрашивают: «На каком расстоянии ты в цель попадешь?» А я в ответ: «От Тарона до Рштуника – вот па каком расстоянии!» Не поверил хорхорунийский сепух, смеется надо мною: «Стреляй – погляжу!» Взял я лук и говорю: «Видишь дерево на опушке леса в Рштунике?» Говорит: «Нет, не вижу». Я говорю: «А я вот вижу!» Он спрашивает: «Ну и что же ты можешь с деревом зтим сделать?» Говорю: «Семь стрел возьму и все семь в него всажу;» -«Давай!» -говорит. Взял я семь стрел, выстрелил. Говорю: «Видишь?» А он в ответ: «Да что тут видеть-то?» Говорю: «Едем в таком случае!» Сели мы на коней, поехали. Едем, едем, подъехали через день к тому дереву. Смотрим – в стволе дыра. А он говорит: «А кто его знает, что за стрела и когда она в дерево попала?.. Вовсе это не твоя стрела, и потом если даже и твоя, где шесть остальных?» А я ошалел. Говорю себе: а ну, присмотрись получше… Обошел я дерево, смотрю – сзади из ствола кончик стрелы торчит… Потянул я – еще одна показалась! Срубил я дерево и что же вижу? Все шесть стрел в одной дырке! «Вот, говорю, ведь все шесть одна за другой в одно и то же место угодили, ствол пробили и рядком нанизались, как на шампуре! Одна только первая стрела чуть вторую задела, да и то с разгона, а то все шесть на ширину мизинца друг от друга лежали!»

– Значит, и этот твой рассказ – правда истинная? – спросил Зохрак.

– Истина из истин, князь! – подтвердил Махкос, не отводя глаз и все с тем же простодушным и серьезным выражением лица.

Артак громко расхохотался.

– Ну и что сказал сепух, увидев все это? – заинтересовался Зохрак.

– Говорит: «Теперь я стрелу выпущу! Только мы иначе сделаем: я положу себе на голову яблоко, и ты себе положи. Будем стрелять в эти яблоки!..» Вижу я, что сепуха за живое задело, говорю. «Будь по-твоему!» А сам ионимгю, что ев хочет в меня стрелу всадить. Положили мы себе на головы по одному яблоку, стали друг от друга на расстояний одного фарсаха. Начали выпускать стрелы. Да только каждый раз, как он выпустит стрелу, я тотчас же своей стрелой его стрелу отбиваю, прямо наземь ее сбиваю. А он этого не замечает. Стреляем мы, стреляем, а яблоки все на месте… Рассвирепел сепух, подбегает ко мне – в чем, мол, дело? А я ему показываю: вот мое яблоко! И у него яблоко на месте. Он кричит: «В чем же дело?» А я ему в ответ: «Что же поделаешь, сепух, оба мы не умеем в цель стрелять! Выходит, что так!»

Артак повалился на траву. Воины громко хохотали. Но на лице Махкоса не дрогнул ни один мускул.

– Молодец, Махкос, иди к себе!

– Повинуюсь и готов защищать страну Армянскую до последней капли крови! -не переводя дыхания, выпалил Махкос.

– Ну-ну… – вполголоса оборвал его Алексаниос, которому не нравилось то, что молодые князья «балуют» воинов.

Махкос отдал воинский привет, ловко повернулся и широкими шагами пошел к своим.

Артак все еще смеялся.

– Ну, в путь! – вскоре скомандовал Зохрак.

Все вскочили на коней. Отдохнувшие, сытые, скакуны нетерпеливо грызли удила. «Вишап» Зохрака, поводя глазами, плясал на месте. Артак не сводил с него глаз.

– Ну, давай! – крикнул он, оглядываясь назад и отдавая поводья своему скакуну.

Отряд сорвался, словно вой, спущенных с тетивы стрел. Дробный цокот каменным градом рассыпался по дорою. Радость молодых князей при мысли о предстоящей встрече с Анаит и Астхик, хмель от вина и солнца, безумие молодости, гордость Алексаниоса,

любующегося своими «дьяволятами», – все смешалось в этой бешеной скачке. Сияющими глазами глядели на открывающийся взору Рштуник влюбленные юноши. За ними скакали телохранители. Не нарушая равнения в рядах, стройной колонной мчалась за ними полусотня. Один из воинов на скаку нагнулся и, сорвав с ноги Махкоса сандалию, поднял ее высоко в воздух, потряс над головой. Смех прокатился по рядам, всадники хохотали, пряча лица.

– Шагом! – подал команду Зохрак, натягивая поводья.

Воины перешли на шаг. Кони мотали головами.

И вот открылось взору Бзнунийское море. У молодых князей забились сердца…

«Пусть я умру, лишь бы была жива она…» – думалось Зохраку.

То же подумал и Артак.

Рштуник переставал быть миром мечты. Перед ними расстилался реальный Рштуник, со своими лесами и горами. Приветливо приподнял голову над кронами деревьев замок. Вился гад кровлей дымок, поднимаясь к небу…

Кружным путем – через Артаз – Гадишо спешно направился в Хорхоруник, чтобы взять свой полк и отгести его в Арташат. Он намеревался посоветовать то же и Артаку Рштуни. Предстоявшая ему задача была не из легких. Надо было все сделать, избегая столкновения с Атомом Гнуни и сохраняя свои намерения в тайне от Артака Мокац, поддерживая внешне дружественные отношения с ним. А это было, пожалуй, самой тоудноч частью задачи, которую поставил перед собой Гадишо. При этом необходимо было и спешить с выполнением, пока весть об измене не дошла доА.ртака Мокац.

Пробыв в свой родосой зачи., Гадишо узнал, что семья его уехала е Арцруник и должна зерниться к вечеру.

Он вызвал к себе всех своих сепухов и полковых старшин, разговорился с ними, нащупывая их настроение. Ему сильно не понравилось, что старшины мялись, не выказывая сочувствия к замыслам ссоего нахарара. Правда, сотрудничество с Васаком было для них делом новым.

Сепух Гаспар, с таким восхищением говоривший об Астхик в день ее отъезда из Хорхоруника. давно уже склонялся к мысли послужить тому делу, служить которому дала обет Астхик, – борьбе, возглавленной Варданом. Он-то и задал первым вопрос, неприятно поразивший Гадишо:

– Когда же начнется война, государь Гадишо?

Нахарар молча, пристально взглянул на него и ничего не ответил.

Сепухи по очереди отчитывались перед Гадишо. Выяснилось, что и после ухода князя Хорена оставалось достаточно войска, которым можно было усилить боеспособность Васака.

Гадишо распорядился держать полк в боевой готовности.

– Не показались еще персы, государь? – задал вопрос сепух Гаспар.

– Какие персы? – рассеянно переспросил Гадишо и вдруг вспылил: – Разве воеевать придется только против одних персов?

– Правильно, государь Гадишо, – поддержал его Шапух. – И внутри страны не везде спокойно…

Гаспар молк, переглянувшись с остальными сепухами, среди которых было несколько единомышленников Вардана. Они сообразили, что Гадишо держит сторону Васака, и молча условились внимательно следить за всем дальнейшим.

– Когда должен выступить полк, государь Гадишо? – спросил Шапух.

Тот отмахнулся от вопроса.

– Идите и действуйте, как было приказано…

Сепухи удалились. Но напрасно старался Гадишо утаить свое намерение: все поняли, что полк этой же ночью может получить приказ о выступлении.

– Надо быть готовыми и нам – шепнул Гаспар одному из своих друзей, сепуху Хосровику.

– Другого выхода нет, – согласился Хосровик. – Но ты заметил? Что-то несомненно

произошло..

– Где? – заинтересовался Гаспар – Видно, в Арташате. Князь озабочен и невесел…

Они направились в полк.

Несмотря на усталось, Гадишо сидел в зале, просматривая записи о наличии оружия и припасов для войска. Вдруг со двора послышались женские голоса и конский топот. Гадишо прислушался.

Прозвенел смел Олимпии, и в зал зошли мать, жена и дочь Гадкшо.

– Отец! Дорогой отец! – бросилась на шею Гадишо Олимпия.

У Гадишо задрожали руки Нежность и ласка неузнаваемо изменили его хмурое лицо. Мать и жена с улыбкой ждали своей очереди обнять Гадишо, но Олимпия прижалась к груди отца и не отходила от него.

– Ну, довольно, милая, дай и нам!.. – уговаривала внучку мать Гадишо.

Наконец. Олимпия отпустила отца, он смог обнять мать и жену, и все уселись.

Олимпия отбросила в сторону записи, которыми занимался Гадишо.

– Спрячь, от этих списков пахнет войной! Гадишо ласково погладил кудри дочери:

– Хорошо, моя красивая, пусть будет по-твоему, ты только не сердись!

– Да, отец, ты ведь сторонник Спарапета, не правда ли? – вдруг серьезно спросила Ол.ыпия, глядя отцу прямо в глаза.

– Да, моя хорошая, да! – ответил Гадишо, целуя ее.

– И мы все также стоим за дело Вардана, мы также дали обет быть воинами отчизны!

– Кто это «все»? – небрежно, со снисходительной улыбкой переспросил Гадишо.

– Я, бабушка и мать, все жены и дочери нахараров Рштуника, Арцруника, Могка и Тарона! Мы условились, что все девушки и женщины страны Армянской должны подняться на защиту родины, все должны стать ближе к простому народу! Теперь все стараются помогать простому народу, чтобы он смог освободить страну! Нахарары, сепухи… Все, все! И мы тоже…

– И хорошо делаете, дорогая… Олимпия пристальней взглянула на отца.

– Я серьезно говорю, отец!

– Пусть будет по-твоему, моя бесценная!.. – мягко сказал Гадишо.

Принесли ужин. Он прошел так мирно и весело, словно етрчне ничто не угрожало. Родные рассказали Гадишо о свадьбе Артака и Анаит, об остротах Артака Рштуни, о чудачествах Гедеона и выходках шута. Гадишо хохотал до упаду. Утомленные путешествием, мать и жена Гадишо вскоре удалились в свои опочивальни, и он остался с Олимпией: домашние знал», что отец и дочь не разойдутся, пока вдоволь не наговорятся после разлуки.

– Отец! – решительным тоном заявила Олимпия. – Ты так и знай, что бы ни случилось, даже если сам Азкерт придет к нам и велит отрубить мне голову, я все равно ни за что не отрекусь!

– Да, милая, – ласково отозвался Гадишо. – Зачем тебе отрекаться? Отстаивай свободу своей воли, борись! Ты ведь свободна…

– Ага, вот именно! Ты хорошо сказал, отец!.. Я не питаю ненависти к персам. Знаю, что и ты не ненавидишь их. Я не религиозна. Ты, я знаю, тоже. Перс, армянин, византиец, сириец – все равны в моих глазах. Знаю, что и ты смотришь на это так же. Но моя воля, свобода моей души – все для мевя! И именно потому я не отрекусь!

Гадишо быстро повернулся к Олимпии:

– И именно потому я тоже…

– Ну? – спросила Олимпия, удивленная тем, что он внезапно замолчал.

– Потому-то я и сражаюсь! – договорил Гадишо. Теперь уже Олимпия взглянула на отца с подозрением: – Отец, ты ведь не с Васаком, правда?

– Нет, родная, не сомневайся!

Олимпия еще раз взглянула на отца и вдруг воскликнула:

– Я не буду с тобой, я буду с Варданом!

– Ты будешь там, где пожелаешь, родная! Кто может отнять у тебя свободу?

Ночь была на исходе, когда они расстались.

Но Олимпия пошла к матери и к бабушке и, плача, рассказала им, что подозревает в отце приверженца Васака. Мать Гадишо молча заплакала. Заплакала и его жена.

– Если он что-нибудь такое задумал, то не отступится! – сквозь слезы сказала мать Гадишо.

Отряд Артака подъезжал к Рштунийскому замку Ласково смотрело на Артака и Зохрака обиталище приверженца Васака. Еще немного – и их встретят два дорогих существа. Зохрак почувствовал, как забилось у него сердце…

Ворота распахнулись, начальник стражи уступил место дворецкому, который с приветливой улыбкой сообщил, что нахарар просит гостей пожаловать.

Артак и Зохрак уверенно и спокойно поднялись по лестнице.

Артак Рштуни встретил гостей в дверях зала с радушной улыбкой.

– Добро пожаловать, любезный свояк, добро пожаловать! – весело воскликнул он, обнимая Артака. – Забывчив человек, эх, забывчив! Но если бы ты только меня забыл, зто бы еще ничего! Почему ты забываешь свою жену?

– Где она? – с волнением спросил Артак.

– Где она? Да у своего отца! Упрямец забрал ее и вместе с нею отправился в паломничество, в монастырь святого Акопа. А потом дошли до нас вести, что оттуда уехал он в другие монастыри…

– Не понимаю!.. Зачем это? – встревожился Артак. Нахарар Рштуни поспешил успокоить:

– Умойтесь с дороги, отдохните немного, государи, потом и поговорим… Я также встревожен и хотел бы поделиться с вами своими сомнениями…

– Сепух Гедеон уехал со всей семьей или только с княгиней Анаит? – с тревогой в голосе спросил Зохрак.

– Со всей семьей, со слугами и служанками! И княгиню мою с собой забрал… Обезлюдел мой замок, сижу я один, словно сыч!

Зохрак опечалился. Когда еще удастся ему увидеть Астхик?

Нахарар пригласил гостей к столу и завел беседу издалека: он, мол, сам был в числе сторонников Вардана, хотя вначале не совсем верил в успех его начинания. А вот Васака все считали человеком разумным, который сумеет смягчить сердце Азкерта и одновременно добиться единодушия среди нахараров. Но события в Ангхе показали, что Васак не сумел справиться с этой задачей, и потому сейчас нахарар Рштуни склоняется на сторону Спарапета, но хочет обдумать свое решение…

Артак пристально и сумрачно глядел на нахарара, не зная, что сказать и что делать. Артак Рштуни перешел на другие темы, начал шутить и острить, стараясь развеселить гостей. Приказав виночерпию наполнить чаши, он поднял свою и весело произнес:

– Не грусти, дорогой свояк, после каждой ночи наступает угро! Наступит оно и для тебя… Выпьем за здоровье твоей Акант! Артак со сдержанной улыбкой поднял свою чашу – И ты что-то грустен, князь! – обратился нахарар Рштуни к Зохраку. – Пей, вино умнее нас, оно подаст тебе совет: ведь мы, мужчины, очень нуждаемся в разуме!

– А если человек уже обладает необходимым разумом- отозвался Зохрак.

– Мужчина не может быть слишком разумен: он применяет свой разум в жизни, тратит его и уменьшает запас. А женщина много разумней, – она своего разума не растрачивает, и запас остается неприкосновенным!

Зохрак расхохотался.

Они осушили чаши.

– Но, конечно, предпочтительней вовсе не обладать разумом, – продолжал развивать свою мысль нахарар Рштуни. – Как легко себя чувствуешь тогда!…

– А есть такие люди? – с улыбкой спросил Зочрак – А влюбленные? Помню, в молодости своей, в пору, когда полюбил я свою княгиню, я был совсем безмозглый, все

время хотел ее целовать.

– Что в этом плохого – Каждый раз, как поцелуе шь женщину, разума убудет!

– А что скажешь ты насчет жизни вообще, князь? -засмеялся Зохрак.

– Жить – это значит укорачивать жизнь.

– Значит, лучше не жить – Нет, зачем? Мы будем жить, а жизнь пусть себе укорачивается. Разве мы не мужчины. Жить – это тоже значит совершать подвиг!

Развеселился и Артак. Он со смехом спросил:

– Ну, а принимать пишу, пить, спать, лениться?..

– Мои слова относятся ко всему в равной мере: а ну, пусть-ка попробует камень есть, пить, спать и лениться!

Виночерпий опять наполнил чаши.

Нахарар Рштуни был в исключительно веселом настроении. Лишь один раз он многозначительно глянул на дворецкого, спросив:

– Опочивальни приготовил?

– Как ты приказал, государь «Чтобы ничто не помешало сну князей…» -подчеркивая последние слова, ответил лворецкий.

– А если бы тут были жена моя и ее сестры, вот тогда был бы нарушен наш покой, – расхохотался нахарар Рштуни. Он задумался и заговорил, словно мечтая вслух: – Эхе-хе! Вспомнился мне один день из моей молодости… Поехал я повидаться с царицей сердца моего. А у них сад был разбит прямо над пропастью. Вошел я, вижу – ока стоит рядом с отцом у самого края бездны. Роза рядом с терновником! Глаз оторвать не могу, – и впрямь роза огненная! И захотелось мне поцеловать ее, так захотелось… Думаю: один только поцелуй – и весь мир розами покроется! Но вот терновник мешает… Смотрим мы вниз, в пропасть. И вдруг я показываю пальцем на цветок, выросший внизу между камнями. Говорю: «Погляди-ка, отец, на скале растет цветок «райский поцелуй»! – «Где?» – спрашивает он и нагибается, чтобы рассмотреть. А я в это время запечатлел поцелуй на щечке возлюбленной. Тесть мне: «Да нет, это цветок «отвод глаз»! Я ему: «Это «райский поцелуй», отец!..» А он: «Да, нет, «отвод глаз»… Я свое, он свое. «Ну ладно, говорю, пусть будет для тебя «отвод глаз», а для меня «райский поцелуй».

Артак и Зохрак расхохотались. Веселился и нахарар Рштуни. Закончив рассказ, он мечтательно вздохнул:

– Эх, улетели те дни, словно птицы!..

Жестом он приказал позвато музыканта. Вошел живой смуглый юноша. Он молча направился в дальний угол зала и, по-видимому, хорошо знакомый с привычками и вкусами хозяина, начал наигрывать какую-то нежную и печальную мелодию. Неторопливо лились задушевные звуки. Артак Рштуни слегка покачивал головой в такт мелодии, внимательно следя за пальцами музыканта. Артак Рштуни казался в эти минуты ребенком.

– И как тонко, легко он касается струн, словно нити сердца перебирает! – улыбаясь, тихо вымолвил он.

Было уже поздно, когда встали из-за стола. Хозяин так и ге дал Артаку поговорить о том деле, ради которого тот приехал. В душе Артак не верил хозяину замка, но что-то мешало укрепиться его неясному подозрению. Все же Артак сделал попытку заговорить о деле, – попытку, заранее обреченную на неудачу:

– Государь Рштуни, беда подступила к самым дверям нашим. Но разве страна Армянская зависит только от владетелей Тарона и Сюника? А если бы их и вовсе не было? Как же нам должно поступить? Ведь страна Армянская принадлежит не тебе одному и не мне. Неужели ты не выступишь против общего врага нашей отчизны?

– О-о, какое справедливое слово! – с восхищением покачал головой нахарар Рштуни. – Самое справедливое слово из всех!

– Тогда готовься к встрече с врагом!

– Всей душой согласен, государь Мокский! – тем же тоном отозвался нахарар Рштуни.

Артак взглянул на хозяина замка с сомнением. Искренно он говорит или притворяется?

Ну, конечно, притворяется! Но что тут поделаешь, если человек сам говорит, что «готов встретиться е врагом»…

Трудная дорога и долгое сидение за столом не сломили еще Артака, но он чувствовал настоятельную потребность уединиться, привести в порядок мысли. Он попросил отвести его в опочивальню.

Но и он и Зохрак тщетно пытались заснуть, – это им не уда валось. И поскольку у каждого была своя причина тревожиться – открытая у Артака и скрываемая от всех у Зохрака, – ни одному из них не хотелось говорить, и каждый предпочитал думать и терзаться сомнениями в одиночку.

Помимо тревоги за Анаит Артака терзало сознание, что он неудовлетворительно выполняет возложенное на него задание. Вардан доверил ему дело, требовавшее крайнего напряжения сил и точного выполнения, а он занялся свадьбой, любовью и развлечениями!.. Можно ли себе представить большее посрамление, худшее клеймо на челе сподвижника Спарапета? Боевой сподвижник и истинный воин – Атом, а не он, Артак! Бог весть, какие трудности испытывает сейчас Атом, от каких опасностей спасает он родной народ…

На этот раз гостям отвели не те покои, в которых Артак жил в свой первый приезд. Теперь их поместили в глубине, в глухой части замка. Ни одного звука, никаких голосов не было здесь слышно. Казалось, кругом нет жизни, все вымерло.

«Неужели нам с Анаит суждены одни страдания?» – думал Артак.

Было далеко за полночь, когда Артак Рштуни в сопровождении палача осторожно начал спускаться по лестнице, ведущей в подземную темницу. Они вошли в тесную келью без окна, стены которой были сложены из нетесаного камня. Неяркий огонь светильника вырвал из мрака ужасное зрелище: к стене были прикованы Гедеон и Анаит. Цепи были так укорочены, что заключенные не могли ни приблизиться друг к другу, ни прикоснуться рукой. Они лежали на каменном полу, прислонившись головами к сырым стенам.

Молча оглядев заключенных, Артак Рштуни засмеялся:

– Принес вам радостную весть: прибыл в гости нахарар Мокский! Спит сейчас наверху…

Ни Анаит, ни Гедеон не пошевельнулись.

– Ну, – обратился владелец замка к Анаит, – скажи: «Да продлятся дни Азкерта!» – и иди к своему супругу… Анаит холодно взглянула на него.

– Ну, говори же: «Да продлятся дни Азкерта!»

– Спарапета! – глухо поправила Анаит таким тоном, который показывал, что это слово произносит она не впервые.

– Чьи?

– Спарапета!

Артак Рштуни принялся избивать Анаит. С каждым нанесенным ей ударом он свирепел все больше. Он сгорал и от ярости и от стыда и одновременно испытывал странное наслаждение, избивая свою беспомощную жертву. Наконец, оставив Анаит, он подступил к Гедеону:

– Ну, а ты до коих пор намерен оставаться в темнице?

– До тех пор, пока не умрем или ты, или я, или оба вместе! – ответил Гедеон.

– Я бы давно приказал умертвить тебя, если бы не сорвалось у меня с языка, что сломлю я твою волю! Он снова подошел к Анаит:

– И супругу своему не уступишь? Не хочешь увидеться с ним?

– У меня нет супруга! – твердо произнесла Анаит.

– И отца своего не жалеешь?

– У меня нет отца!

– Кто же они тебе?

– Воины отчизны!

Артак Рштуни на минуту растерялся. Он схватил Анаит за волосы.

– Что ж, значит, не хозяин я здесь? Не повелитель, не нахарар? Кому же ты

подчиняешься, кто твой повелитель?

– Спарапет!

– Спарапет?! – заорал Артак Рштуни, снова ударив ее.

– Спарапет!

– Спарапет?!

В дверь постучали, на пороге стал дворецкий.

– Как ты посмел явиться?! – крикнул на него Артак Рштуни.

– Смилуйся, государь! – дрожа, пробормотал дворецкий. – Нахарар Хорхоруни изволил прибыть… по срочному делу… И рассвет близок…

Артак Рштуни вышел.

Он был подавлен, он чувствовал себя во власти какого-то отчаяния. Медленно поднимаясь по каменным ступеням, он временами останавливался: ему приходило на мысль, что отец и дочь держат его железными клещами, что по сути дела скованы цепями не они, а он сам… Вдруг до его слуха донеслись рыдания и горестый возглас Эстер: «Господи милостивый, или даруй нам избавление, или прими наши души!» Он бросился к двери и негромко, но с яростью заколотил в нее. Дверь открылась, он вошел. В опочивальне находились Эстер, княгиня Аршалуйс, Астхик и служанка. Видно было, что никто не ложился. Артак Рштуни сел и, оглядывая всех по очереди, справился:

– Ну, как вы тут? Никто не ответил.

– Прибыли нахарар Мокский с ЗохракОм. Они наверху. Спят. Дела неплохи. С помощью господа все уладится. В ответ то же молчание.

– Ну, а сейчас раздевайтесь и спите! Поздно уже. Пойду и я отдохну немного.

И он широко, протяжно зевнул, пожелал всем «доброй ночи» в ушел. В зале его ждал Гадишо, насквозь промокший и посиневший: он приехал морем и попал в шторм. Его била дрожь.

Они обнялись. Гадишо хмуро оглянулся на дворецкого. Тот немедленно вышел. Гадишо ровным голосом сообщил:

– Спарапет разбил Себухта. Марзпан сбросил личину, изгнал князя Атома Гнуни и захватил крепости в Айрарате. Требует войск от нас. Атом теснит его.

– Ага! – произнес Артак Рштуни. – Началось, значит…

– Да, началось. Завтра же надо вывести войска. У меня полк готов к походу. В кратчайший срок надо подвести марзпану подкрепления.

Гадишо наскоро выкупался, переоделся в одежду Артака Рштуни и прошел в зал подкрепиться. Его очень встревожило известие о том, что в замке находятся Артак и Зохрак.

– Скажи, что ты порвал с Васаком…

И Артак Рштуни махнул рукой.

Уже светало, когда Гадишо пошел спать. …Дверь темницы закрылась, мрак поглотил заключенных. Как только шаги кахарара и его подручного палача затихли, Анаит разрыдалась, тщетно пытаясь заглушить рыдания.

– Плачь, доченька, плачь! – ласково говорил ей отец. – Плачь, пусть очистится душа твоя слезами, пусть душа у тебя закалится.

Анаит умолкла.

– Молодец, доченька, бесценная моя, героиня моя! Спасибо за то, что высоко держала честь отца! Анаит молчала.

– А защитнику родной земли отчаяние не подобает! – утешал ее Гедеон и громко запел; у него был сильный и красивый голос:

Молвил Бэл так:

«Тебе говорю, грозный Гайк, надменный Гайк, храбрый Гайк, Грозным не будь, грозный Гайк, о Гайк, храбрый Гайк!

Есть поражение на свете, есть меч, есть кара, безумный Гайк, На колени пади, взгляни – кто перед тобой – вот стою я перед тобой!»

Молвил Гайк так:

«Тебе говорю, грозный Бэл, надменный Бэл, храбрый Бэл, Грозным не будь, грозный Бэл, о Бэл, храбрый Бэл Есть меч – коди женщина я, есть кара – коли трус я, Не склоню, не склоню, нет, нет, выи моей перед тобой!…»

Анаит молчала. Она была взволнована.

– Да, доченька моя, да, моя бесценная! Держись крепко, нас победить нельзя! – сказал Гедеон. И через минуту громко воскликнул:

– Пусть и взлетит, все равно козлом будет! Да будет проклят день рождения твоего, изменник родины! Все равно жить народу армянскому! Хоть лопни, хоть разорвись, хоть в огне гори – все равно это козел!

Анаит невольно рассмеялась:

– Говори, дорогой отец, говори!

– Буду говорить, конечно, буду! Победили мы, бесценная моя! А нас победить нельзя!

Вино ли шумело у Артака в ушах, или ему лишь показалось, но он был уверен, что слышал стоны и голоса. «Господи милостивый, или даруй нам избавление, или прими наши души!..» И голос этот был странно похож на голос Эстер, матери Анаит… Но мирная, безмятежная тишина поглотила все звуки. Лишь шипела однотонно горная речка в ущелье, над которым навис замок. Артак поЕернулся на другой бок и заснул… или проснулся?

Солнце стояло уе ьисоко, когда он и Зохрак спустились в зал. Нахарар Рштуни стоял у окна, задумчиво глядя вдаль. Лицо его казалось слегка побледневшим словно после бессонной ночи. У окна же Артак Рштуни стоял не без цели: он сильно опасался, что из Тарона можьт прибить гонец и сообщить Артаку о восстали Васака. А рштунийскому нахарару необходимо было выиграть воемя, чтобы самому кое-что решить и по возможности дольше держать в неведении приверженцев Вардана.

Вошел Гадишо. Он дружески приветствовал Артака и Зохрака. Нахарар Рштуни пригласил всех к столу. Гадишо рассказал о положении в Арташате, то, что знал сам в момент выезда из столицы.

– Почему ты порвал с марзпаном? – спросил рштунийский нахарар.

– Я с марзпаном не порвал, – спокойно ответил Гадишо. -Не порвал, но с ним не пойду. Не умеет он управлять своими страстями. Точно так же, как и… Спарапет!

Нахарар Могка молча присматривался к Гадишо.

– С завтрашнего же дня переведи свой полк на боевое положение – обратился Гадишо к Рштуни. – В Айрарате царит смятение.

– Да, это необходимо, необходимо! – согласился нахарар Рштуни.

Артак размышлял, не прерывая молчания. Можно ли доверять этим двум? Но если даже не доверяешь, то что можно сделать? Пойти на них войной, когда они объявят себя «нейтральными»? О, это отвратительное выжидание! Надо было нанести удар, проверить их на деле… Но разве сейчас это возможно? Какими силами?

Опаздывает Атом, непоправимо опаздывает!

Ласковый день вставал над горами и дальним морем. К просторному плато позади замка двигались отряды, вооруженные мечами, секирами и копьями.

– Проведи смотр, государь Мокский! – полунасмешливо предложил Артак Рштуни.

Артак постепенно освобождался от владевшей им скованности.

Незадолго до этого по Таронской дороге промчались всадники, на короткое время остановились у ворот замка и затем т скакали к медленно двигающемуся отряду рштунийцев.

– Наши… Узнать бы, с какими вестями!.. – встревожился Артак.

Нахарар Рштуни побагровел от гнева.

Покрытые потом л пылью гонцы повернули коней назад и остановились перед нахарарами. Достав письмо из-за пазухи, один из гонцов протянул его Артаку Мокскому. Тот вскрыл письмо, прочел. Известия потрясли его. Но Артаку показалось очень странным молчание нахараров Хорхоруни и Рштуни: или они считали непристойным спросить его, какие он получил известия, или же они и сами все знали…

Артак решил сообщить то, о чем рассказывалось в письме. Это могло многое

выяснить… Он прочел выдержки из письма.

– Нехорошо, если дело действительно обстоит так… – спокойно проговорил Гадишо. – Нехорошо получилось…

– Да, да! – подтвердил и нахарар Рштуни.

Артак окинул взглядом их равнодушные лица, и ему стало окончательно ясно, что эти двое давно знали то, о чем ему стало известно только сейчас. Понял он и то, что войска, которым он устроит сейчас смотр, предназначаются в помощь Васаку. Кровь бросилась ему в голову. Значит, вот какие дела творятся в Арташате и здесь, в Рштунике, а он спит!.. Но нет, скорее, он умрет, но не допустит, чтобы заговорщики выполнили свое намерение. Пока Артак Рштуни и Гадишо выравнивали ряды войска и говорили с сотниками, Артак подозвал к себе сепуха Барда, доставившего ему письмо, и спросил, какие настроения царят среди рштунийских воинов. Вард сказал, что на них надежды мало Артак был зол на самого себя: под самым его носом заговорщики готовились «законным образом» отправить подкрепления противнику Вардана…

Артак не обратил внимания на то, что с самого утра начали стекаться к замку огромные толпы народа; среди собравшихся преобладали мужчины, вооруженные маленькими щитами, копьями и короткими кинжалами. Но тот факт, что крестьяне были вооружены, не мог вызвать удивление Артака: ведь и в его родовом уделе крестьяне не расставались с оружием.

Расположившись чуть поодаль широким полукругом, собравшиеся внимательно следили за приготовлениями к военному смотру.

Артак Рштуни вернулся зачем-то в замок, а Гадишо, уже приготовившийся пуститься в путь, гарцевал на своем горячем коне.

Артака возмутило одно обстоятельство: нахарары Хорхоруни и Рштуни ни о чем не говорили в его присутствии, но по всему видно было, что они уже успели сговориться и собираются вести свои полки в Арташат. А Артак не имел права давать указания независимому нахарару, который был полновластным хозяином в своих владениях. Но ведь вместе с тем существовало же вынесенное в Ангхе решение о совместных действиях нахараров; существовало постановление Арташатского съезда об организации общегосударственного войска из нахарарских отрядов, был известен приказ Спарапета о том, что нахарару Мокскому поручается наблюдение за военными формированиями па побережье Бзнунийского моря.. И все это сейчас отметалось в сторону, со всем этим не желали считаться!

Из ворот замка выехал нахарар Рштуни, подскакал к ним. Лицо его было искажено злобой, он с трудом дышал, на щеке у него дергался мускул. Что-то произошло там, в замке… Артак присмотрелся – и вдруг заметил у нахарара кровь на обуви. Он только что собирался сказать об этом Артаку Рштуни, когда его внимание привлек нарастающий шум. Вооруженные крестьяне вплотную подступили к полку, окружили его тесным кольцом. Они о чем-то громко переговаривались, враждебно поглядывая на нахараров. Чуть в стороне от толпы стоял величественный длиннобородый старик, еще бодрый, со смелыми и проницательными глазами. Он был в полном вооружении. Артак Рштуни с раздражением повернулся к толпе. Послышался голос:

– Абэл-Наапэт, задай нахарару вопрос!.. Старик выступил вперед.

– Прочь с дороги, животное! – прикрикнул на него Артак Рштуни.

Абэл-Наапэт сделал еще один шаг вперед.

– Во имя отца и сына и святого духа! – широко перекрестился он. – Как бог, свят ты, владетель наш и князь наш. Но сыновья наши – за Спарапета армян. Так вот скажи нам, ты за кого? За Азкерта?..

– Что-о?.. – едва смог выговорить пораженный нахарар.

– Да будет ведомо тебе, князь… – продолжал Абэл-Наапэт со спокойным достоинством. – Если ты против отчизны задумал выступить, скажу тебе прямо: нет нашего согласия на то, чтобы ты повел сыновей наших против Спарапета Вардана!

– Разорвать на куски, затоптать наглеца! -зарычал Артак Рштуни.

Дрожа от ярости, побагровев, он схватился за рукоять ыеча и, пустив коня, с силой толкнул старика ногой в грудь. Старик упал.

– Кого это ты собираешься растоптать, безбожник? От народа своего отступился? – крикнул он, быстро вскакивая.

Выхватив меч из ножон, старик повернулся к крестьянам и, сверкнув глазами, крикнул:

– А ну, говорите, за кого вы – за Азкерта или за землю родную?

И, не дожидаясь ответа, он кинулся с мечом на нахарара. Налетели телохранители, пытаясь зарубить смельчака. Но крестьяне хлынули со всех сторон, оттеснили телохранителей и начали их избивать. Никто не сообразил вызвать на помощь полк Поднялась общая свалка, все смешалось – телохранители, крестьяне, князь, сепухи… Часть воинов пыталась отбросить крест; ян, другие накинулись друг на друга…

Все это настолько ошеломило Артака и Зохрака, что они с трудом верили своим глазам. Опомнившись, Артак подъехал к Абэлу-Наапэту и крикнул ему в самое ухо:

– Уведи народ!..

Но Абэл-Наапэт поднял руку:

– Хватит, князь, хватит! Отправляйся на свою войну А мы себе сами хозяева! Родина наша, и кровь за нее будет литься тоже наша…

Горная долина представляла сплошную свалку. Знаменосцы рштунийского нахарара смешались с толпой, которая поглотила большую часть воинов. Сепухам, оставшимся верными нахарару, едва удалось отбить Артака Ритни и Гадишо и ускакать по горным тропинкам. Отступавшие по той же тропинке воины с трудом отбивались от крестьян, которыми поедводительствовач Абэл-Наапэт.

Артак вернулся в долину, собрал своих воинов и оставшихся на месте рштунийских крестьян в один отряд. Им владели радость и смущение: такого поворота событий он не ждал. Ему всегда казалось, что он может направлять события по своему усмотрению. Но сейчас он видел, что упустил эту возможность: народ поднялся на своего нахарара, и поднялся во имя защиты своей родины.

«Может быть, именно это и хорошо», махнув рукой, подумал Артак и обернулся к Зохраку, который хмуро смотрел на удалявшуюся толпу.

– Ну, пойдем возьмем доспехи и будем биться! – предложил Артак.

Обуреваемые самыми противоречивыми чувствами, они подъезжали к замку, который как бы не принадлежал уже своему владельцу и где свободно могли хозяйничать чужие.

Темнело. Замок казался насупившимся. Артак взглянул на арку ворот. Сколько раз под ними проходила она! Где же она сейчас, в стенах какого монастыря она скрывается?

Внезапно он почувствовал жгучую боль в предплеч!с и, обернувшись, увидел, как свалился наземь Зохрак. Торопливо промчавшись мимо него, сепухи выхватывали на скаку мечи. Потом он услышал жалобный женский плач, который все удалялся и удалялся, постепенно слабея, словно проваливаясь куда то. Потом все закачалось и растворилось в небытии…

Луссрэс решительно отказывался впустить в город незнакомого всадника с раной на лице, которую прикрывала широкая повязка. Напрасно уверял его всадник, что он прислан с вестями к Васаку. Лхсерэсу не впервые было впускать в город и выпускать разных гонцов. Но у тех всегда бывали на руках документы, а у этого никакой бумаги не было. Раздраженный настойчивостью незнакомца, Лусерэс вышел за ворота, вплотную подступил к всаднику, присмотрелся и вдруг прошептал:

– Ты?

– Тише!.. – шепотом ответил тот.

Лусерэс открыл дверцу в воротах. Всадник провел коня и пропал в лабиринте узких уличек. Он направлялся в дальний конец города, в сад Ваража. У потайного входа всадник остановил коня, внимательно огляделся, соскочил наземь и исчез в густом кустарнике.

Выскочивший откуда-то пес начал скулить и радостно визжать. Затем кинулся назад и

громко залаял.

Из-за дерева выбежал кто-то, над головой всадника поднялась дубинка.

– Стой! Куда идешь?

– К Варажу! Дело есть.

– Ни с места! – крикнул человек с дубинкой.

Гонец остановился. Появилось еще несколько человек, также вооруженных дубинками. Один из них подступил ближе, всмотрелся и решительно определил:

– Из предателей, ясно!

– Прямо в точку попал! -засмеялся гонец. – Вы бы лучше укрыли моего скакуна, не то могут увести… – при этом он махнул рукой в сторону ограды. – И быстрей, у меня нет лишнего времени.

Спокойный голос гонца внушал доверие. Его повели к Варажу. На пороге дома показалась Луис, вгляделась – и обернулась назад, выкрикивая точно безумная:

– Дэшхо!.. Скорей, Дэшхо… Выбежала испуганная Дэшхо.

– Смотри, Дэшхо, – Арцви!..

Потеряв голову от радости, Дэшхо кинулась Арцви на шею. Обняла его и Луис, обе начали целовать смутившегося юношу.

– Да погодите… – шепнул он. – Дело у меня!

Девушки повели его в дом. У Ваража обычно укрывались беглецы и люди, жизни которых в те смутные дни грозила опасность. Тут же были и Аракэл со своими товарищами. Вараж о чем-то совещался в углу с Махкосом. Увидев Арцви, все встали и окружили его, с нетерпением ожидая, чтобы он заговорил. Арцви чувствовал, что этим людям можно довериться. Считая излишними дальнейшие предосторожности, он сообщил:

– Завтра вечером Спарапет будет в городе. Готовьтесь! Он приказал поднять шум в северной части города, будто там завязался бой.

– Бог в помощь ему! Бог в помощь! – радостно повторяли присутствующие.

Вараж мигнул Дэшхо. Она выбежала. Чуть погодя вошли крестьяне во главе с Сааком.

– Порадую вас доброй вестью, братья: завтра ночью Спарапет войдет в город!

– Жизнь свою положу за Спарапета! Да будет к добру его приезд! – с ликованием воскликнул Махкос. – Будем сражаться, чтобы победить!

– Аминь! – тихо откликнулись со всех сторон. Вараж, сияя, взглянул на Аракэла:

– Эгей, Аракэл, пришел и наш день!

Аракэл сумрачно взглянул на него, оглядел всех и негромко сказал:

– Собирайтесь!

Собралось довольно много крестьян и горожан. Нельзя было сказать, чтобы они очень остерегались выдать себя. Вид у них был совершенно спокойный. Большую часть составляли крестьяне-беглецы; они безразлично относились и к опасности и к самой смерти.

Показался и Лусерэс. Аракэл поручил ему тайно выпустить из города несколько гонцов, которых он отправлял в отдаленные районы страны – сообщить весть о возвращении Спарапета. Арцви передал одному из них письмо Спарапета, которое следовало вручить Атому Гнуни.

Остальным крестьянам Аракэл велел прятаться в садах, пока не будет дан приказ о выступлении. Все разошлись за исключением старшин.

Вараж распорядился принести ужин для Арцви, хотя тот и отказывался, торопясь скорее вернуться к Спарапету. Несмотря на усталость, Арцви улыбался, поглядывая на Луис и Дэшхо, которые стояли в дверях. Казалось, ничего не произошло со дня их последней встречи, – так он был спокоен и невозмутим. Нельзя было, глядя на него, усомниться, что все пойдет хорошо и кончится благополучно.

– Слушай, как это вы там разгромили персов, а? – спросил Вараж.

Арцви взглянул на него и весело улыбнулся.

– Ну, разгромили – только и всего.

– И много их было?

– А кто их считал?

– Атиллу видел? Какой он с виду?

– Обыкновенный человек! – засмеялся Арцви.

– Большое у него войско?

– Большое!..

Веки у Арцви смыкались, его неодолимо клонило ко ену. Вараж распорядился:

– Постелите ему, пусть поспит. Видите, как он устал… С слипающимися глазами Арцви через силу улыбнулся:

– Да нет, я должен вернуться… Пусть только конь отдохнет.

– А тебе отдохнуть не надо, что ли?

– Сиарапет будет ждать! – И вдруг вскочил: – Где мой конь?

Он почти бегом пустился к коню, которого нашел в давильне жующим ячмень. Увидев Арцви, конь тряхнул головой и тихонько заржал Вслед за Арцви прибежали и Дэшхо с Луис и стали любовался скакуном.

– Какие красивые глаза! – поцеловав коня, сказала Дэшхо.

Арцви очень обрадовался, слыша, как хвалят его скакуна. По-детски счастливой улыбкой смотрел он на девушек и, прислонившись спиной к связкам хвороста, начал рассказывать о своем скакуне. Забыты были и Себухт, и Морская застава, и Атилла. О ловле одичавших жер.ебцов в стране гуннов Арцви рассказывал с воодушевлением и восхищением.

– Значит, страна гуннов – хорошая? – спросила Луис.

– Очень.

Луис вышла. Арцви и Дэшхо остались одни. Прижавшись к Арцви, Дэшхо сияющими глазами снизу вверх заглянула ему в лицо.

– Арцви, кроме своего скакуна, ты никого больше… никого другого не любишь? – тихо спросила она.

– Почему не любить? Люблю и других, – простодушно ответил Арцви.

– А меня? Меня ты любишь?

– Почему нет?

– А почему ты меня любишь, Арцви?

– Как это почему? Ты такая добрая, как же не любить тебя?

– Будешь часто, часто приходить к нам? – с трэдом выговорила Дэшхо.

– Когда кончится война, – да.

– Ах, эта война!..

– А как же? Ты ведь знаешь, что армянский народ в плену. Нужно его освободить! У бедного Спарапета ни сна, ни отдыха! Как взгляну на него, сердце на части разрывается!

На глаза Арцви навернулись слезы.

– Арцви, ты что это плачешь? -удивилась вошедшая с только что выпеченными хлебами Луис. Разрезав хлеб, она дала коню, Растроганный Арцви обнял Луис. Та рассмеялась.

– А как мы тут соскучились Если бы ты знал, как соскучились!..

Дэшхо не почувствовала ни малейшей ревности к сестре, – она знала, как относится Луис к Арцви.

– Арцви должен на войну идти, – обратилась она к Луис, словно сообщая какую-то новость.

– И не говори! Какое горе! -отозвалась Луис. – Не грустно тебе, Арцви, что надо идти на войну?

– А что ты думаешь? Конечно, грустно! Жалко и Спарапета и народ… Зачем должно погибнуть столько народу? Он задумался, затем покачал головой:

– А как бессовестно мы поступаем во время этой проклятой войны! Мы-то ведь люди: мы можем пойти на войну, можем и не пойти. И уж если идем, то берем всю вину за это на себя А бессловесные кони чем виноваты? За что мы подводим их под мечи? Очень это бессовестно! Ну, как это я моеги скакуна под смерть подведу? Как подумаю я об этом,

сердце сжимается…

На глаза Арцви опять навернулись слезы Он потянул скакуна за челку и прижался к нему щекой. Тот перестал жевать, поднял голову, ожидая ласки хозяина, затем мотнул головой, высвободил ее из рук Арцви и, вновь уткнувшись в торбу с ячменем, принялся с хрустом есть: он проголодался в пути.

Луис и Дэшхо рассмеялись, хотя глаза были полны слез и у них.

– Очень уж ты любишь своего коня, Арцви! – вздохнула Луис. – Да хранит его господь от опасностей!

– Эх, тоже сказала! – упрекнул ее Арцви. – Мне со Спарапета глаз спускать нельзя. Если – не дай бог – Спарапету будет грозить опасность, разве стану я жалеть себя или коня моего?

Арцви был занят какими-то мыслями. Внезапно он поднял голову и заговорил, но голос его звучал так, точно говорил кто-то другой, а не прежний Арцви:

– Может, вы думаете, что я не живой человек, не знаю, что такое молодость, что такое любовь? Много лежит у меня на сердце! Да только, если хотите всю правду знать, обет я дал, что не войду в мир, а сердцем своим и жизнью пожертвую ради Спарапета Ведь Спарапет-это и есть народ армянский!

Дэшхо опустила голову. Луис ласково гладила кудри Арцви.

– Хороший ты, Арцви. И хорошо сражаешься, правда? Арцви широко улыбнулся, сверкнув зубами.

– А я откуда знаю? – Помолчав, он добавил:- Не позволяет Спарапет, а то я не знаю, куда силу свою девать! Ведь на что это похоже? К чему людям война? Чтобы человек человека истреблял? Дали бы нам персы жить!

– Что бы ты тогда делал? – заинтересовалась Луис.

– Вернулся бы к себе домой, разводил бы коней.. И еще седла бы шил. Хорошие я шью седла, не натирают коням спины…

В давильню заглянула встревоженная Магтах, жена Ваража:

– Говорят, марзпан хочет завтра устроить избиение народа. Словно день потемнел, солнце затмилось для девушек и Арцви…

– Ну, я еду! Спарапет приказал не задерживаться! – сказал Арцви.

Пока он седлал коня, крестьяне окружили давильню.

– Значит, так, – обратился к ним Арцви, – Спарапет сказал, что, как только услышите шум, сейчас же начали выступление!

– Скажешь Спарапету – будет сделано, как он приказывает! – спокойно отозвался Саак.

Лусерэсу удалось незаметно вывести Арцви из города, выдав его за тайного юнца Васака.

Отряды Васака, встревоженные вестью о том, что с Бзнунийского побережья и из других областей стремительно двигается к Арташату восставший народ, начали особенно сильно прижимать население расположенных вокруг Айрарата местностей и усилили нажим на Атома. А в это время Вардан спустился со своим полком в Котайк через перевал Сота. Он избрал для своего полка этот сопряженный с неимоверными трудностями путь для того, чтобы ввести в заблуждение Васака, который держал под наблюдением всю линию Арташат – Хагхаз, предполагая, что Вардаи пойдет по северному побережью Севанского моря.

И вот в один прекрасный вечер, когда Васак ждал возвращения одного из своих карательных отрядов, в городе распространился слух, что приближается Вардан.

Пронзительно завизжали трубы, возвещая тревогу. Все всполошились. Все полки были поставлены на ноги. Удар ожидался со стороны Севанской дороги, а конники Вардана ворвались в город с востока. Паника поднялась в войсках Васака. Ночной мрак усиливал ее. Со всех концов города и из пригородов высыпали жители и вооруженные крестьяне и неожиданными нападениями из засад окончательно расстроили боевой порядок в войсках Васака.

Сепух Арташир метался по городу, как разъяренный барс, пытаясь собрать

растерявшихся от неожиданности бойцов.

Васак понял, что ему надо или немедленно укрепиться в городе, или же вывести войска и быстро отойти по южной дороге к Сюнику, пбка этот путь отступления не перерезан, отойти – как бы ни был похож этот отход на бегство.

Молча смотрели на него растерявшиеся наларары. Васак принял решение: он приказал бросить все и быстро уходить по Сюнийской дороге.

Едва успев надеть доспехи и взять оружие, он вскочил на коня и, предложив нахарарам следовать за ним, помчался к городским воротам. А там, по Сюнийской дороге, уже беспорядочно отступали не дождавшиеся приказа об отступлении и охваченные паникой войска.

Полк Вардана вошел в Арташат и был встречен чикованием и благословением народа, запрудившего все улицы. Факелы освещали победоносные войска, город имел праздничный вид.

Вардан тотчас приказал выделить сил лшй отряд для преследования отступающих, окончательно разгромить которьо должны были главные силы. Победители заняли сторожевые башни и подходы к городу. К Атому и Артаку помчались гонцы сообщить обо всем, что произошло, и предписать по возможности быстрей подтянуть силы к Арташату.

Помощь подоспела Артаку и Зохраку в тот момент, когда их положение было очень тяжелым. Телохранители Артака Рштуни напали на них из засады и ранили их обоих, когда выбежавшие из опочивальни Эстер, княгиня Аршалуйс и Астхик подняли тревогу и спасли их от гибели.

Артаку почудилось, что к нему как будто подошла Анаит, но лицо ее было закрыто густым покрывалом, она казалась больной.. Его уложили в постель, за ним ухаживали жена и дочери сепуха Гедеона. Рядом стонал Зохрак, и Астхик подносила ему воду… Артак не мог даже спросить, что с ним происходит; сильный жар помутил его сознание. Как сквозь сон слышал Артак голос еепу ха Варда, рассказывавшего, что Гадишо и нахарар Рштуни бежали в горы Рштуника; что они якобы намерены уйти в Сгоник, гдесобираются все нахарары-предатели…

Но сепух Вард ни словом не упомянул о Гедеоне и Анаит; Артак слушал и тотчас все забывал.

В замке сейчас распоряжался сепух Вард. Он собрал всех приверженцев Вардана из числа воинов и крестьян, выдал оружие тем, у кого его не было, и держал их в боевой готовности, чтобы не быть застигнутым врасплох в случае неожиданного нападения. Всех раненых он поручил заботам лекарей.

Вскоре прибыла в замок и мать Артака и вместе с Анаит стала ухаживать за раненым сыном. Никто не мешал и Астхик заботиться о Зохраке.

Анаит уже сбросила покрывало, не считая нужным дольше скрывать раны, нанесенные ей истязателем Артаком Рштуни. Едва сдерживая слезы, рассказала она, что тот убил ее этца.

Пережитые события, весть о предательстве Васака, неопределенное положение и опасности, угрожавшие Рштунику, – все это держало обитателей замка в напряжении и тревоге.

Медленно поправлявшийся Артак начал постепенно проявлять интерес к окружающему. Он пытался встать с постели, но не мог.

– Анаит. едет мать Спарапета, с ней жены нахараров! – как-то вечером, вбежав в покой и с трудом переводя дух, сообщила Астхик.

– Почему же ты так испугалась, милая? – сказала Эстер.

Мать Артака, Эстер и княгиня Аршалуйс поспешили навстречу новоприбывшим, в числе которых были жены и дочери нахараров Мамиконяна, Хорхоруни, Гнуни, Апауни. Их сопровождал отряд вооруженных крестьянок. Все были верхом на конях; женщины княжеского происхождения носили черные одежды, у крестьянок в знак скорби были распущены косы. Несмотря на холода, все были босые. Так велела Старшая госпожа.

Сама она, войдя, направилась прямо к Зохраку, осмотрела его, помолилась, поцеловала

в лоб и затем присела у его ложа. Присели и остальные гостьи.

В дверях показались крестьянки.

– Войди, Елиса! Войдите, сестрицы и дочки! – с мягкой грустью пригласила их Старшая госпожа.

Держась с большим достоинством, без той неловкости и скованности, которые проявила бы крестьянка, попав в замок при других обстоятельствах, вошла почтенного вида старуха. Остальные, одетые по-праздничному, вошли вслед за нею. Елиса молча, не волнуясь, поцеловала Зохрака в лоб, села рядом с матерью Спарапета. Остальные крестьянки не решались садиться в присутствии Старшей госпожи.

– Господь уберег твою жизнь, ягненок, чтобы ты сподобился участвовать в великой войне! – с любовью сказала Зохраку Старшая госпожа.

Зохрак показал глазами на босые ноги своей бабки:

– Зачем это, Старшая мать?

Та строго и торжественно кивнула головой:

– В скорби сейчас народ и страна, ягненок мой… Взгляд ее упал на Анаит, она раскрыла объятия:

– Подойди, доченька, подойди! Вот теперь ты мне истинная дочь!

Анаит разрыдалась.

– Не надо, не плачь, дочь моя, отец твой спит в родной земле.

– Да успокоит господь его душу! – со слезами на глазах отозвались присутствующие.

Больше всех были потрясены мать и жена Гадишо и дочь его Олимпия. Как только до них дошла весть об измене Гадишо и Артака Рштуни. они поспешили в замок Огакан и вместе со Старшей госпожой прибыли в Рштуник. Увидя Анаит, Олимпия подбежала к ней, крепко обняла и разрыдалась. Анаит поняла ее и плакала вместе с нею.

Елиса взглянула на мать Спарапета, склонилась перед нею и обратилась ко всем:

– Наши сыновья, которые служат в коннице сражаются сейчас против кушанов… Пожелаем же им, чтобы они удостоились счастья сражаться за родину! Ах, князь, считай себя счастливым. Что делать детям нашим, прах которых должен оставаться в чужой земле? Кто им родную землю даст?..

– Родина освободит их, – надейся, Елига! – утешала мать Спарапета.

Новоприбывшие перешли к Артаку Несмотря на слабость, он присел на ложе и поцеловал руку Старшей госпожи.

– Крепись, дитя мое! Береги свою жизнь для большого дня! – сказала ему мать Спарапета.

– Слово твое принимаю как приказание! – отозвался Артак.

Мать Спарапета прибыла в Рштуник по серьезному делу. На побережье Бзнунийского моря она собирала особый отряд из нахарарских жен и дочерей и из крестьянок Через особых гонцов она разослала призыв ко всем – собраться в замке Рштуни, чтобы почтить могилы сепуха Гедеона и других рштунийских подвижников – воинов и крестьян, павших во время выступления нахараров-предателей.

На следующий день в замок прибыли другие – жена и дочь нахарара Арцруни с несколькими десятками женщин из княжеских семей и с крестьянками Арцруника. Старшая госпожа приказала всем приготовиться к посещению могил погибших.

К шествию присоединились также восставшие рштунийские крестьяне во главе с Абэлом-Наапэтом и воины с сепухом Бардом. Погибшие покоились на родовом кладбище Рштуни. Анаит и Олимпия с плачем упали на могилу Гедеона. Рыдали, стоя чугь поодаль, и Эстер с княгиней Аршалуйс. Мать Спарапета строго взглянула на них и воскликнула:

– Не плачьте!.. Радоваться нужно, – погибшие победили! Она молча помолилась, затем обратилась к женщинам:

– Дал бы господь и нам удостоиться победы! Наши воины-защитники, наш Спарапет, наши военачальники посвятили себя великому делу… Дадим же и мы, женщины страны Армянской, клятву пренебречь лишениями и опасностями и до конца остаться верными

родине и народу!

– Аминь! – в один голос отозвались и знатные женщины, и крестьянки.

Елиса повернулась к Старшей госпоже, склонила голову перед нею и обратилась ко всем:

– Зло в мире сильнее, чем добро. Зло – страшный зверь, добро – светлое дитя. Зло хочет задушить, уничтожить его… но не по силам ему это! Так уж ведется в мире, что в конце концов побеждает все-таки добро. Поможем ему, пусть оно победит! Великая госпожа, да разит без промаха меч нашего Спарапета, поднявшегося на защиту страны и народа! А нам пусть господь придаст силы и терпения. Надо держаться – и мы будем держаться. Надо бороться – и мы будем бороться.

– Да будут благословенны твои уста, Елиса! – отозвалась мать Спарапета. – Да будет наш обет нерушим, вера наша – чиста! Пойдем по всей стране, будем выполнять наш обет…

Все опустились на землю вокруг Старшей госпожи. Рядом с нею с одной стороны села мать Гадишо, с другой – Эстер. Анаит и Шамунэ отошли в сторону вместе с Олимпией: они утешали подругу, убеждая ее, что преступление отца не ложится пятном на их семью.

– Всю надежду я на моего Гадишо возлагала… Думала – вот вернется, будет оплотом Спарапету, -сокрушалась она.

– Раз он предал родину, откажись от него, княгиня Хорхоруни! – строго сказала Эстер. – Нет у тебя сына!

– Ах, – вздохнула мать, – разве повернется язык у матери сказать, что у нее нет сына?

– Перебори печаль, княгиня Хорхоруни! – произнесла мать Спарапета. – Наступили великие дни, изменились сердца наши. Нет теперь ни сыновей, ни матерей, – теперь родная земля стала нам матерью, и все мы стали ее детьми!

– Правда истинная, правда! – откликнулись все.

– Нет теперь ни сына, ни мужа, ни родственника! – со вспыхнувшей яростью воскликнула Эстер. – Предателям полагается смерть, а не сожаление и слезы! И если попадется мне в руки мой зять-предатель, мечом изрублю его и куски в пропасть покидаю!

– Не надо, мать, не говори так! – с испугом остановила ее княгиня Аршалуйс. – Не то камни донесут, и он еще явится сюда, этот зверь!

– Скажу и повторю снова! – твердила несчастная Эстер. – Пусть явится! Смерти я, что ли, боюсь? Он давно меня убил…

Чем больше пыталась дочь успокоить Эстер, тем больше разгоралась в ней ярость.

– Оставь, дочь моя, оставь! – вмешалась мать Спарапета.

– Эстер – воин, пусть воюет!

– Пусть воюет! А за нас кто воевать будет?! – со злобой кричала старая крестьянка, высоко поднимая свои почерневшие сухие руки, в которых держала пригоршни земли из могилы своего сына.

Это была Мариам – рштунийская крестьянка, присоединившаяся к отряду Хандут. Она с горечью повторила:

– Кто за нас воевать будет? Все молчали.

– Поглядите-ка, один сепух погиб от руки тирана, а какой плач подняли все княгини и девушки из княжеских семей! А сколько гибнет наших молодых цветущих жизней! Мы из камня сделаны, если мы такое горе выдерживаем! За кого мы всегда стеной вставали, за кого воевали, чью страну охраняли? Не ваша разве была эта страна, не ваша земля, не вам принадлежали ее блага? А мы? Была разве у нас наша страна? Вашей была и земля, вашей была и страна… И теперь снова мы вашу страну для вас охраняем! Как же можно нас доводить до того, до чего вы нас довели? Это справедливость ваша?!

– Знаю я об этом, знаю, дочь моя, терпи… Терпи, сестрица Мариам! Господь возложил на князей грех, а на крестьян страдания. Потому и послал он теперь кару на головы князей!

Мать Спарапета была уверена, что общий обет «князя и крестьянина», общая война за родину, общие жертвы сравняют, примирят непримиримое – господина со слугой. Но чем больше углублялась она своим мудрым, живым умом и строгой своей совестью в смысл

событий, тем очевидней становилось ей все усиливавшееся расхождение.

– Вместе смерть подвижническую примем – сравняемся! Пожертвуем жизнью отчизне, искупим грехи наши… Что мне сказать вам еще? Пусть сам господь всемилостивейший будет опорой сперва вам, потом нам!

Вечерело. Все склонились над могилами Гедеона и других убитых и вернулись в замок.

Старшая госпожа приказала всем быть готовыми выступить утром в Могк, Арцруник и остальные области по северному побережью Бзнунийского моря, чтобы поднять и там на ноги женщин страны Армянской – всех без исключения, как в княжеских, так и в крестьянских семьях, объединить их в одну тесную семью вокруг борьбы за общее дело.

В полночь недалеко от замка послышались крики и шум. Цокали копыта коней, лязгали щиты, звенели мечи, смешались в нестройном гуле вопли, проклятия и крики.

Превозмогая слабость, Артак вскочил с ложа и, схватив меч, выбежал в одной рубашке. За ним последовал Зохрак. Впереди бежал сепух Вард.

– Государь, нахарар подступает!

– Воинов наружной охраны – к воротам, внутренней – к башне! – распорядился Артак.

Вард немедленно спустился во двор и выполнил этот приказ. Артак и Зохрак поспешили к главной башне.

Вдогонку им бежали Анаит и Астхик, неся плащи. Молодые князья приняли командование и успокоили воинов, которые растерялись было от неожиданности нападения. Нахарар Рштуни хорошо учел благоприятные возможности, которые могло ему принести внезапное ночное нападение.

– К воротам! – громко скомандовал Артак. Воины толпились под сводами ворот; в то же время башенные стрелки осыпали нападавших дождем стрел, не давая им подойти близко.

Из окон замка женщины с тревогой наблюдали за ходом боя. Ночная темнота не позволяла им разобраться в происходящем достаточно ясно, но приблизительное понятие о том, на чьей стороне перевес, они смогли себе составить.

– Боже милостивый, боже милостивый! – убивалась княгиня Аршалуйс. – Сейчас он ворвется!

– Не ворвется! Закатится сейчас его звезда! – с ненавистью воскликнула Эстер. Взяв меч, она быстро спустилась во двор.

– Не надо! Вернись! – кричали вслед ей женщины.

Но Эстер не слушала.

К глухим голосам сражавшихся временами примешивались пронзительные женские вопли, которые придавали схватке какой-то странный, особенно тревожный характер. Ясно можно было различить яростные выкрики Мариам:

– Эй, народ, напирай! Разобьем ему голову!..

Голоса усиливались и стали слышны уже у самых ворот.

Артак понял, что настал удобный миг, и приказал распахнуть ворота. Засовы с лязгом откинулись, половинка ворот медленно отошла, и воины хлынули за ворота. Эстер и Мариам вместе с Елисой и остальными крестьянками кинулись на нападающих.

Вылазка большого результата не дала, но хорошо было я то, что нападающим не удалось захватить замок и перебить его защитников. Однако Артак видел, что рштунийский нахарар и его телохранители все ближе подступают к воротам. Положение становилось угрожающим.

Возможно, что нахарару и удалось бы в конце концов захватить замок, если бы в тыл ему не ударили вооруженные крестьяне. Начался ожесточенный рукопашный бой.

Эстер настойчиво пробиралась в самую гущу сражающихся. Или не понимая опасности, или сознательно пренебрегая ею, она искала Артака Рштуни, который, вырвавшись вперед, увлекал за собой густые ряды нападающих. Не дожидаясь, пока крестьяне или восставшие воины рштунийского полка нападут на нахарара-предателя, Эстер подбежала к нему, подняв меч.

Крестьянки почувствовали, что имению в эту минуту им дается возможность утолить терзавшую их жажду мести за всю их горькую и безрадостную крестьянскую жизнь.

– Бейте собаку! Кончайте с ним! – крикнула Елиса, вместе с Мариям кидаясь к Артаку Рштуни. Остальные крестьянки следовали за нею. Телохранители, отбиваясь, сразили двух женщин, но самые испытанные воины были ошеломлены стремительностью и отвагой крестьянок. Они железным кольцом сжали нахарара и его телохранителей. Ударом меча Мариам свалила нахарара и стала над ним, не давая еле опомнившимся телохранителям отбить его. Крестьяне и воины усилили натиск. Понеся большие потери, нападавшие отступили.

Из замка выбежали женщины и бросились оказывать помощь раненым.

Схватив Артака Рштуни, Эстер тащила его за собой, исступленно тряся его, осыпая его проклятиями и плюя на него.

– Куда ты его тащишь, госпожа Эстер, пусть его прикончат здесь! – уговаривали ее крестьяне и воины.

– Дайте его мне! – подступила Мариам. – Он нам душу и тело огнем жег, терзал нас.

– Нам дайте, нам! – кричали в ярости остальные крестьянки, осыпая ненавистного нахарара бранью.

– Зверь кровожадный…

– Собака ненасытная…

– Жизнь нам отравлял…

– Налогами задушил нас да поборами…

– Прошли его денечки, пусть подыхает!.. Крестьяне и воины плотным кольцом окружили Эстер и нахарара, которого она продолжала тащить за собой. Эстер кричала:

– Я своей рукой свершу свою месть!

Казалось, она обезумела. Мать Спарапета горестно качала головой:

– Огонь пожирает их души! Им надо утолить жажду мести! До чего же довели крестьянина, до чего довели…

Эстер притащила нахарара к дверям темницы, втолкнула внутрь и бросила к стене, где недавно был прикован и умерщвлен Гедеон.

– Не оскверняй места его гибели, – он был воин родины! – уговаривали ее обитательницы замка.

– Ничего, сейчас я всю скверну смою! – прохрипела Эстер, замыкая на руках и ногах нахарара цепи, которые носил покойный Гедеон.

Она остановилась и взглянула на зятя. Артак Рштуни глухо стонал. Она подождала, пока он открыл глаза.

Княгиня Аршалуйс выбежала вперед и стала перед матерью:

– Сжалься надо мною, мать! Он свое уже получил…

– Отойди! – в гневе крикнула Эстер.

Артак Рштуни собрался с силами, произнес слабым голосом:

– Сумей разглядеть человека в предателе… Над человеком смилуйся!..

– Если не умер в тебе человек, как же ты пролил кровь человеческую?

– Зачем ты бесчестишь звание воина родины? – простонал Артак Рштуни.

– Предатель, собака врага, ты еще поднимаешь голос?! Так подыхай же в цепях, в которых ты замучил свою жертву! Козел, не орел!.. – выкрикнула Эстер и начала рубить мечом, пока Артак Рштуни не испустил дух.

– Ну, протянул, наконец, ноги! Пусть теперь снизойдет покой на душу замученных! – тяжело вздохнув, произнесла Эстер.

Мариам пошарила рукой по земле и, взяв камень, бросила в труп Артака Рштуни. Другие женщины последовали ее примеру, и мертвое тело скрылось под грудой камней.

– Нет нам спасения! Нет спасения от зверей! Разорвали они нас в клочья… Нет, нет, нет нам спасения! Один уходит – другой приходит… Нет нам спасения, нет!.. – с плачем твердила Мариам.

– Есть спасение, Мариам, есть! Есть суд правый, есть! Переполнилась чаша, кончилось терпение! – возразила Елиса.

Эстер била крупная дрожь. Она несколько минут молча смотрела на труп, уже наполовину закрытый грудой камней, вздохнула и медленно направилась к себе наверх.

Конюший, который, стоя в сторонке, наблюдал за расправой, попытался разогнать крестьянок:

– Эй, а ну разойдитесь, да поскорей! Мариам взяла камень и швырнула в него:

– Убирайся сам отсюда, княжеская собака!

Схватили камни и остальные, и конюший с быстротой зайца шмыгнул за угол и убежал.

Эстер медленно вошла в зал. Всех находившихся там охватил трепет, все расступились перед нею. Сопровождавшая ее Аршалуйс опустилась на колени в углу, начала плакать.

– Ну, ну, никаких слез!.. О подохших псах не плачут!

Никто не отозвался на эти слова. После долгого молчания Эстер снова заговорила:

– Перса называют врагом. Перса-врага убивают. Зачем же щадить врага большего, чем перс? Жаль, опоздала я! Раньше нужно было его прикончить, не пролилось бы столько невинной крови…

– Да, но разве теперь конец? – вздохнула Старшая госпожа. – Еще сколько ее должно пролиться, еще сколько…

Плачущую Аршалуйс окружили Анаит, Астхик, Шамунэ и Олимпия с матерью. Аршалуйе сквозь слезы спрашивала, неужели нельзя было образумить нахарара, вернуть его в ряды воинов родины. Ее слушали молча. Жена и дочь Гадишо с тревогой думали о том, находился ли он среди нападавших, или нет.

Ночь была почти на исходе, когда к воротам замка подскакали какие-то всадники. Артак, который не спал, приказал сидевшему у его двери телохранителю узнать, в чем дело. Телохранитель вернулся с одним из прибывших, который сообщил, что на Рштуник двигается нахарар Хорхоруни.

– По какой дороге? – спросил Артак.

– Через Арцруник, – объяснил телохранитель. – Население Тоспа уже поднялось.

– Что делает сепух Гаспар?

– Он в числе наступающих…

– Значит, он идет на нас?

– Идет на нас!

– Значит, даже те, которые дали обет, тоже оказались предателями?

Артак обратился к собравшимся воинам:

– Хорошо вы бьетесь, слов нет, но много несете потерь. Видимо, вы считаете, что одной-двумя стычками все дело кончится. А оно только начинается… Вот и князь-предатель из Хорхоруника идет на нас. Значит, предстоит серьезное сражение. Не забывайте, война идет по всей стране Армянской с предателями армянами и персидским тираном!

– Народная война! – воскликнул дядюшка Артэн. – Война за свободу, против князей-предателей, которые хотят продать нас персидскому тирану. Бейтесь, ребята, иначе не освободиться нам во веки веков!

– Верно! – поддержал его старый воин.

– Будем сами сражаться и пойдем поднимать страну Армянскую против тирана, против князей!

– Долго нас князь топтал! – горько отозвался крестьянин, стоявший в переднем ряду.

– Знаем, мы сами из крестьян! – сказал старый воин.

– До кости уже дошло… – сказал еще кто-то. Артак поднял руку, призывая к молчанию.

– Ну, раз вы все это поняли, то считайте эту войну своей, сражайтесь единодушно и подчиняйтесь дисциплине!

– Так и будет! – откликнулись воины.

– А теперь идите, готовьтесь: завтра выступаем против князя Хорхоруни.

Артак чувствовал, что разгорается большой пожар, который охватит всю страну Армянскую, и погаснет лишь тогда, когда будут расстроены все вражеские происки, когда будут сломлены все попытки тиранов сокрушить волю армянского народа.

Он немедленно послал гонца в Арцруник с приказом начать сопротивление и ждать, пока подоспеет помощь из Могка и Рштуника. Если же придется отступить, то отходить не к Могку, а к Рштунику. В свой родовой удел он послал других гонцов с приказом немедленно выйти на помощь населению Арцруника. Поскакали всадники и в Тарон, и в Гнуник, и, наконец, к самому Атому, в окрестности Арташата, – сообщить ему о событиях. А дядюшка Артэн разослал по селам своих людей – поднимать народ и с вспомогательными силами спешить в Рштуник.

Войдя в покой, где лежал не оправившийся еще от раны Зохрак, Артак сообщил, что завтра выступает вместе с отрядом. Зохрак встревожился.

– Я еду вместе с тобой! – решительно заявил он, приподнимаясь.

– Не сможешь! – покачал головой Артак. – Я и сам еще не знаю, будет ли мне поход по силам.

– Где ты, там и я. Не отговаривай меня! – настаивал Зохрак, – Какие теперь разговоры о раненых и здоровых? Артак не ответил. Его занимала иная мысль.

– Не вижу я конца этому! – с горечью произнес он. – Что получается? В конце концов против Азкерта собираемся мы воевать или против наших же изменников? Я вижу, что начинается тяжкая междоусобная война, которая пожрет всех нас еще раньше, чем вторгнется Азкерт. Каков же будет конец всему этому? И хотя бы скорее вернулся Спарапет…

Не ожидая ответа Зохрака, он удалился к себе.

К Зохраку вошла Астхик с каким-то рукописным фолиантом в руках и молча села около старой крестьянки, лечившей раненого, скорее, своим мудрым и ободряющим словом, чем отварами и притираниями. Раскрыв рукопись, Астхик погрузилась в чтение, Она свободно входила к Зохраку, который всегда был рад встрече с ней.

Зохрака несказанно радовало ее присутствие, ее заботливый ход, он не уставал любоваться ее красотой. Ему было приятно думать, что посещения Астхик вызваны не простой заботой о нем, как о раненом, что под этой заботой таится и чувство любви. «Несомненно, в сердце у нее есть и что-то другое…» – утешал себя Зохрак.

А девушка, с первой же встречи мечтавшая о том, чтобы когда-нибудь быть полезной Зохраку, была счастлива, что судьба подарила ей эту возможность. Она читала молча. И так же молча любовался Зохрак ее длинными ресницами, прикрывавшими опущенные глаза. Неужели содержание рукописи так поглощало все ее внимание? Зохрак не решался спросить, что это она читает.

Он мечтал о том, что, подобно урагану, великая война пронесется и исчезнет, а Астхик останется, как уцелевший в грозу цветок, и он будет счастлив рядом с нею… «О, биться, побеждать, любить, жить!» – почти вслух пробормотал Зохрак. Астхик читала, не поднимая головы.

Присутствие Анаит вливало новые силы в душу Артака. Предстоящий поход радовал его, несмотря на трудности и заботы.

– Как хорошо жить, Анаит! – говорил он. – Я верю: будут жить эти горы воды, люди, будет жить вся страна – следовательно, буду жить и я! Без минуты колебания я отдам жизнь за это!

Анаит порывисто прижалась к нему:

– Нет, о нет!..

– Ты не волнуйся, я не об этом говорил…

– Разве ты не любишь жизнь?

– Люблю жизнь, Анаит, люблю ее горячо и страстно, ведь она так сладостна! Верю в жизнь! И именно потому готов умереть!

– Но почему, зачем?

– Не знаю, как объяснить тебе это, Анаит. Всей душой люблю я жизнь, родину, народ свой-и вот говорю: пусть он живет! Лишь бы осталось, жило все родное нам, жило вечно, и пусть это будет добыто хотя бы ценой моей жизни! Умереть так – это ч есть жизнь. Умереть, веря в это, – это и есть жизнь. Ведь без всего этого жизнь человека жалка, преходяща и тленна! А я хочу жить вечно. А жить вечно можно лишь в жизни родины… Не знаю, может, и в этом таится какая-то тайна, какая-то тайная душевная мощь… Я расскажу тебе случай, удивительный случай. Это было у нас на пчельнике. Мед из улья вылился прямо на муравейник: муравьи не могли ни войти, ни выйти из него. И знаешь, что случилось? Муравьи, оставшиеся снаружи, стали падать в мед и тонуть в нем. И их упало столько, что вся поверхность покрылась ими. Но тогда остальные муравьи смогли пройти по трупам и подоспеть на помощь оставшимся в муравейнике товарищам. Все были спасены.. Есть в человеке некое стремление к бессмертию, стремление передавать жизнь другим поколениям и человечеству и жить в них… Ты думаешь, зря умер сепух Гедеон? Нет! Взгляни, какое движение вызвала в людях его смерть, взгляни, как люди бьются!

На глаза Анаит навернулись слезы. Она вспомнила пытки, которым подвергалась в темнице, и поняла Артака, почувствовала, что и сама готова принести жизнь свою в дар родине и народу.

На следующее утро на площади перед замком построились воины и крестьяне. Жены и девушки страны Армянской вышли сказать им напутственное слово. Мать Спарачета благословила объединенные полки воинов и крестьян, и они выступили в Арцруник, против Гадишо. Во главе шли Артак, Зохрак, дядюшка Артэн и сепух Вард.

Впереди ехал Артак, рядом с ним – дядюшка Артэн. Молодой князь чувствовал, что сейчас предводитель отряда уже не он, а дядюшка Артэн. Это и радовало его и одновременно тревожило.

Таким образом, в местности, где никто не мог этого ждать, поднялось и стремительно разлилось, подобно вышедшему из берегов могучему потоку, подхватывающему все встречающееся по пути, подлинное народное восстание, – движение народа, сбросившего с себя иго нахараров, господ, тиранов. Это движение потрясло Могк, Арцруник, Тарон, Хорхоруник, оно стихийно разливалось вдаль и вширь.

И яростно поднялись друг против друга приверженцы Вардана и Васака – «Вардананк» и «Васакианк» Васак занял Айраратскую долину; приверженец Вардана Атом Гнуни занял Аршарупик, Тайк, Туруберан и Гнуник; нахарар Артак Мокский – Тарон, Арцруник и Могк. И все они готовились бить и истреблять друг друга, как открытые и жаждущие крови друг друга враги.

В Арташате и в городах и селах Айрарата царили смерть и разрушение. Как охотничьи псы, рыскали повсюду разведчики и лазутчики. На виселицах качались повешенные крестьяне, Деншапух, могпэты Ормизд и Михр, собрав рассеянные по стране персидские гарнизоны, укрепляли крепости, в которых им удавалось отсиживаться.

И в этих условиях, среди нахарарских междоусобиц, кипело и бурлило море всенародного гнева. Оно, как щепку, бросало и швыряло нахарарское сословие со всеми его личными и сословными интересами и страстями Крестьяне, горожане, а также войска, большей частью состоявшие именно из крестьян и ремесленников, отнюдь не имели намерения истреблять друг друга. Народ в своей мудрости зорко глядел туда, за пределы страны, на ту черную грозовую тучу, которая неуклонно надвигалась на страну Армянскую.

Именно народ и сдерживал своим могучим влиянием внутреннюю нахарарскую междоусобицу, готовясь не только возглавить все силы страны, но и направить их против внешнего врага.

На следующий же день после вступления в Арташат Вардан послал Татула Димаксяна во главе крупного отряда на преследование Васака и одновременно пригласил всех нахараров страны съехаться в Арташате.

Один за другим приезжали они в столицу. Их появилось больше, чем когда-либо

видела у себя столица. Прибыл Нершапух Арцруни, прибыл и Атом Гнуни, изгнавший из страны персидские гарнизоны.

С самого дня вступления в Арташат Вардан ни единым словом не обмолвился ни о предательстве Вагака, ни о событиях последних месяцев. Когда же нахарары или намеком, или прямо заговаривали сб этом, он обрывал разговор Вообще он казался раздраженным и обозленным Нахараров он созвал лишь один раз.

– Подступает Нюсалаврт. Он или подоспеет до наступления зимы, или задержится и нанесет удар весной. Соберем же силы – общегосударственное войско и союзников. Азарапет, вероятно, находится еще по дороге в Византию. Дадим знать нашим верным собратьям – нверам и агванам, пусть готовятся встретить наших общих врагов. И чтобы к весне поспешили в Арташат. А гунны пусть вторгаются в Персию, как только здесь начнется война…

Через несколько дней армянские послы пустились в путь.

Азарапет армян и сопрсвождаюшие его князья сели на корабль и после долгого, мучительного путешествия по Понтийскому морю прибыли в столицу Византии.

Неприветливостью, сыростью повеяло на прибывших от мрачного деревянного строения, стоявшего на каменном фундаменте. В неверном свете, струившемся в узкие окна, едва можно было разглядеть не лишенную притязаний на роскошь обстановку: много случайных украшений, обычных и на Востоке и на Западе – пестрые ковры на стенах и на полу, кресла красного дерева, украшенные перламутром, светильники в виде горлинок, расшитые золотом подушки.

Косоглазый смотритель дворца раболепно склонился перед прибывшими и распорядился протопить камин. Тепло слегка рассеяло первое мрачное впечатление.

Через короткое время появился один из придворных императора – Зенон, мужчина с вьющимися волосами и кошачьими глазами. Лицо его расплылось в широкую улыбку, но глаза оставались неподвижны. Он поздравил армянских послов с благополучным прибытием и сообщил, что во дворце уже знают об их приезде.

– Дела запутаны, и Багрянородный очень занят, – многозначительно заявил он.

Один за другим проходили дни, Зенон показывался все реже и реже. Аудиенции армянским послам все не назначали.

– А как нас дома ждут, наверно! – с горечью сказал как-то сепух Амаяк.

– Бсюсь, как бы не перестали ждать, – пробормотал азарапет.

– Тем лучше, сами примемся за свое дело! – вспыхнул сепух Меружан.

– Тем лучше? – с сомнением повторил азарапет.

Связь с императорским двором постепенно обрывалась. Под конец к армянским послам показывался лишь косоглазый смотритель. Он проверял, как обслуживают послов, подолгу бродил из комнаты в комнату, прислушиваясь к обрывкам разговоров. Когда же азарапет, рассердившись, спросил как-то, где Зенон и почему он не показывается, смотритель бесстрастно сообщил, что тот сильно болен. И словно затем, чтобы изобличить его в лживости, из императорского дворца вышел Зенон в сопровождении сирийца Элфария, и армянские послы видели, как они долго и деловито беседовали, стоя под портиком.

Азарапет счел ниже своего достоинства пререкаться со лжецом смотрителем. Лишь когда он удалился, азарапет задумчиво сказал.

– Или придется дать взятку, или же надо немедленно собираться домой…

– Едем домой, отец азарапет! – решительно предложил Меружан. – По крайней мере сможем принять участие в войне!

– Молите бога, падите ниц и молите его, чтобы там не почувствовали нашего отсутствия! – с глубокой грустью отозвался азарапет. – Боюсь, ждут, очень ждут нас на родине…

На следующий день азарапет приказал явившемуся смотрителю:

– Отыщи сейчас же Зенона и сообщи ему, что мы его ждем! Смотритель мялся, переступая с ноги на ногу.

– Благородный князь, – проговорил он, понизив голос, – неблагоприятное время: Багрянородный гневается, сильно гневается на Элфария…

Оказывается, сириец, который ведал взиманием в государственную казну податей и налогов, не полностью показал императору налог с публичных домов Когда же разгневанный император потребовал у него объяснений, Элфарий утверждал, что, считая этот налог непристойным, он якобы не полностью взыскал его. Однако, испугавшись ярости Багрянородного, заявил, что внесет недостающую часть налога из собственных средств.

– И вносит? – усмехнулся Меружан.

– Вносит… Конечно, кое-что все-таки прилипает у него к рукам!.. Но Зенон не из простаков.

– И Багрянородный соглашается, чтобы платили такой налог – с насмешкой спросил Амаяк.

– Ну конечно Ведь самому Багрянородному благоугодно было установить этот налог!

– А налога на воров и разбойников ему еще не было благоугодно установить? – с серьезным видом спросил Меружан. – Вот откуда поступали бы большие деньги!

– Конечно, поступали бы, но пока еще такого налога не вводили, – бесстрастно ответил смотритель. Азарапет нахмурился.

– Пойди и сейчас заяви Зенону, что армянские послы торопятся, и если аудиечция будет не скоро, им придется уехать, не представившись императору.

– Спешу, лечу, благородный князь! – заверил смотритель и очень медленно удалился.

– Ясно, надо дать взятку даже этому лжецу! – с возмущением заметил Меружан – Да я хоть в грязи выкупаюсь, если надо! – гневно воскликнул азарапет. – Сохранить себя чистым в грязи – вот что трудно, а в чистом месте немудрено оставаться чистым!

– Что же нам делать, отец азарапет? – спросил Меружан.

– Дать взятку… Пусть это и грязнит нас, но ради дела. На следующий же день азарапет вызвал смотрителя и сказал ему:

– Справься у Зенона, какую взятку надо ему дать, чтобы он немедленно устроил нам прием у императора.

Смотритель быстро ушел и так же быстро вернулся с ответом Зенона:

– Пятьсот золотых.

– А ты получишь взятку в сто золотых! – раздельно проговорил азарапет, вновь подчеркивая слово «взятка».

– Премного благодарен великому князю… Покорный слуга благородного князя! – повторял смотритель, кланяясь и улыбаясь Армянским послам была назначена аудиенция у императора.

Зеноп сам ввел послов в тронный зал. Несмотря на дневаэе время, в зале было полутемно и душно. Убранство поражало крикливой роскошью, стены были обиты богато расшитыми тканями, на полу лежали яркие ковры.

На троне восседал маленький, съежившийся человек с рябым, землистого цвета лицом. Его дрябтые ркп вяло покоились на подлокотниках. Под глазами висели мешочки На рябом лице застыла мертвая улыбка, хотя маленькие круглые глазки не улыбались. Не двигая ни одним мускулом, император вперил взор в вошедших послов. Элфарий рукой сделал им знак подойти ближе.

Рядом с троном, холодно глядя на армянских послов, стоял стратилат Анатолий; можно было подумать, что он видит их впервые в жизни.

Азарапет выступил вперед и низко склонился перед императором. Сепухи последовали его примеру. Император чуть заметно кивнул головой и приоткрыл рот, словно ожидая, чтобы послы заговорили. Свободно изъясняясь погречески, азарапет объяснил цель приезда посольства.

– Армянская страна ныне устремила глаза на тебя, великий христолюбивый монарх, – сказал он, – и ждет братской вашей помощи. Ты спасешь не только народ армянский, но и все христианство от ига варваров!

Император криво улыбнулся и повернул голсву к Анатолию:

– Послушаем, что скажет стратилат Византии. Анатолий низко склонился перед троном.

– Я уже в дороге объяснял этим армянам, чго у нас с арийской державой заключен договор о мире. Должен к этому добавить, что мы ждем нашествия Атиллы… Пусть же из этого станет понятно нашим единоверным армянам, что помочь им не в наших силах.

Император слегка приподнял потные ладони и чуть пожал тощими плечами, но слабой улыбкой взглянул он на азарапета, как бы говоря: «Вот видишь…»

– Избави бог, чтобы мы навязали вам войну! – слегка повысив голое, заявил взволнованный азарапет. – Я хотел бы лишь указать на то, что одного вашего дружеского слова в защиту моего народа, хотя бы в порядке посредничества, было бы достаточно для предотвращения угрожающего нам страшного бедствия!

Император вновь повернул голову к Анатолию. Уже не скрывая улыбки, он сделал ему знак говорить. Можно было подумать, что он поручил стратитату выступать вместо него… Анатолий усмехнулся:

– Если интересы Азкерта требуют покорения армян, то какой интерес нам чинить Азкерту неприятности? В случае столкновения между персами и нами, что представляете для нас вы, армяне? Какая вам цена?

Азарапет вспыхнул:

– Значит, армяне не имеют цены? Да если бы армяне не имели цены, Азкерт не стремился бы покорить их. Он прекрасно учитывает, что если будут сломлены армяне, то произойдет то же самое с иверами и агваиами, а потом с сирийцами. Но когда вся Армения, Иверия и Агванк, когда весь север и весь юг будут включены в арийскую державу, – наступит и ваш черед, Багрянородный!.. И тогда конец. Тогда вашим караванам не будет дороги ни в страну скифов, ни в страну кушанов, ни в страну индов!

Император приподнял руку и слабо, равнодушно произнес:

– Мы подумаем об этом. Сделаем что-нибудь Стратилат Византии найдет какую-нибудь возможность. Приходите через несколько дней. Идите с миром.

Азарапет склонился, посольство удалилось.

С чувством обиды, но и с некоторой надеждой вернулись послы во дворец.

Через два дня, в глухую полночь, какой-то неясный шум разбудил их. В окнах мелькал свет факелов. У ворот наблюдалось какое-то движение.

Азарапет послал телохранителя узнать, в чем дело. Телохранитель бегом возвратился и сообщил, что скончался император.

– Не миновать кровопролития! – заметил Амаяк.

– Не думаю, если новый успеет занять трон, – покачав головой, заметил азарапет. – А вот и он – легок на помине!

И действительно, освещенный багровым светом факелов, сопровождаемый многочисленными воинами, быстро прошел перед окнами желтобородый голубоглазый старик, довольно бодрый на вид. Он почти бежал. Глаза его горели лихорадочным огнем, словно он спешил овладеть чем-то, чго могли у него отнять. Обнажив мечи и угрожающе выставив копья, воины бежали за ним, с трудом его догоняя. Старик вбежал во дворец, через несколько минут все окна дворца ощетинились копьями; выглянули солдаты в шлемах, выставились луки, гремели трубы С противоположной стороны подошел еще один полк. Перед дворцом собралось много народа.

И вот послышался зычный голос глашатая:

– По воле господа бога и желанию народа, императором Византии избран сенатор Маркиан Фракиец. Повинуйтесь и прославляйте его!

Толпа загремела:

– Да здравствует кесарь!.. Да славится император Византии!.. Целую ночь разносили глашатаи весть о смерти одного и избрании другого императора. Утром смотритель рассказал армянским послам, что сестра скончавшегося императора даже не стала ждать,

пока остынет тело брата. Император был еще в агонии, когда она послала гонцов к Маркиану, торопя его явиться и захватить освободившийся трон.

– У них заранее было решено, что Пульхерия избирает его себе в мужья и уступает ему право наследования, – рассказывал смотритель.

– Да, устроились наши дела, нечего сказать! – со вздохом произнес азарапет. – Когда еще успеют похоронить императора, помазать на царство нового, чтобы мы могли возобновить переговоры?

– Не тревожьтесь, – холодно и спокойно возразил смотритель. – Похоронят молниеносно, забудут на следующий день, помажут на царство и перейдут к делам. В Византии все делается быстро…

Действительно, через несколько дней все вошло в свое русло, словно не умирал император и не взошел на его трон новый человек.

Как раз в эти дни к азарапету явился гонец от Атома. Доставленное им письмо сильно взволновало азарапета.

– Обет верности родине не объединил нахараров. Они не согласовали между собой вопроса о сопротивлении. Страна ждет помощи от греков… Горе сединам моим, горе, горе!.. Почему не умер я в тот день, когда родился? – заплакал престарелый азарапет, ударяя себя по голове.

Молодые князья побледнели.

– Пишет: «Ускорь помощь Византии»!.. Значит, нахарары ждут помощи Византии, чтобы присоединиться к тем, кто дал обет? Горе мне…

Несмотря на все просьбы, аудиенция у нового императора все откладывалась. Пришлось снова дать взятку.

Перед тем, как принять армянских послов, император спросил Элфария:

– Какими военными возможностями обладают армяне? Представят ли они какую-нибудь опасность для арийской державы, если перейдут на нашу сторону?

– Об этом лучше твоего смиренного слуги осведомлен стратилат Анатолий, о Багрянородный! – ловко увильнул от ответа Элфарий.

Император обратился с тем же вопросом к вошедшему в тронный зал Анатолию. Тот не преминул излить яд, накопившийся у него против армян, и дал армянскому войску уничтожающую оценку.

– Одним лишь опасны армяне для нас, Багрянородный! – заключил он. – Вероятно, персы знают, что армяне обратились за помощью к нам. Стало бьпь. необходимо дать знать персам, что мы в нашей помощи отказали, иначе персы на нас обидятся.

– Но следует подать надежду и армянам, пообещать им… Кто знает, может быть, даже придется когда-нибудь выполнить обещание… А если даже и не выполним, то останется доброе воспоминание о нас, а это может пригодиться в будущем! Пригласите послов.

Ввели азарапета и сепухов. На троне византийских императоров сидел перед ними бесстрастный старик со скользящим взглядом хитрых глаз. И чем более взволнованно и убедительно говорил азарапет, тем холоднее и равнодушнее становился взор императора.

– Неблагоприятное время для посылки вам вспомогательного войска, – бесстрастно промолвил император. – Сейчас мы заняты гуннами; это вам известно.

– Багрянородный затрудняется решить вопрос о помощи также и потому, что, как заверяют армянские князья наших западных областей, Азкерт обещал полную свободу исповедания вашим армянам, но вы не желаете внимать слову примирения, упорно готовите мятежи… – заявил Анатолий.

– Ложь это, низкая ложь, клевета армянских князей-предателей! – воскликнул азарапет, дрожа от возмущения.

– Багрянородный, конечно, не преминет помочь вам, как только представится возможность! – очень ласково, с улыбкой заверил Элфарий. – И вскоре, вероятно, эта возможность представится! Не теряйте надежды!

Император размеренно и апатично произнес:

– Окажем вам помощь… пселе… Но вам не стоит ждать здесь. Возможно, что это произойдет не скоро. Да минуют вас опасности в пути.

– С твоего соизволения, Багрянородный… – вмешался Анатолий. – Пусть хранят в памяти армянские князья, что мы видим страдания армян и всегда готовы помочь им – Конечно, несомненно! – подхватил Элфарий. – Страдания армян – наши страдания!

Когда покидали дворец, азаралет, горестно покачивая головой, прошептал:

– Господь всемилостивый да поможет стране Армянской…

С моря дул колючий ветер, старику азарапегу было холодно, он дрожал, слезы стыли у него в глазах. Когда вошли в дом. азарапет остановился посреди комнаты и, потрясая поднятыми кулаками, стал кричать:

– Вернусь на родину – ноги умою первому встречному армянскому воину, на родине камни буду таскать, корчевать пни буду, но к этим двуличным предателям обращаться не стану! Чем дальше от них, тем ближе к богу! Горе народу, горе, горе, если друг у него – змея…

Он велел тотчас вызвать косоглазого смотрителя и узнать, какая сумма была израсходована на содержание армянского посольства за время пребывания в столице Византии. Смотритель замялся.

– Но вы были гостями Византии… – нерешительно заявил он казначею азарапета.

– Назови сумму! – с гневом крикнул азарапет из соседней комнаты. – Назови в двойном, тройном размере… Возьми ее и удались!

Смотритель не упустил подвернувшегося случая, назвал довольно внушительную сумму. Казначей азарапета молча уплатил, и в тот же день армянское посольство пустилось в путь на родину.

Вытянувшись длинной колонной, пробиралась армянская конница по пустынным степям восточного побережья Гирканского моря. Снег густо покрывал землю. Пар вырывался из ноздрей у скакунов. Оборванные, изможденные конники, похожие на обтянутые кожей скелеты, молча покачивались в седлах. Гарегин Срвантцян расставил всех командиров на равном расстоянии одного от другого. Впереди ехал Арсен Энцайни, замыкал колонну сам Гарегин с сотником Аршамом.

Начиная с того самого дня, когда конница углубилась в пустынные степи кушанов, вся жизнь ее превратилась в нескончаемую цепь невыносимо тяжких страданий и лишений. Дружелюбный прием предводителя не избавил конницу от жестокости и предательства кочевников, и горькой ценой пришлось ей оплатить гостеприимство кушанского хакана. Армянскую конницу заставили сражаться в безводных и безлюдных степях на востоке от Оксоса с племенами, с которыми кушаны враждовали. Правда, ни полководец, ни хакан кушанов не проявляли к армянам открытой враждебности, но они оказались забывчивы к принятым обязательствам и коварны, что, впрочем, свойственно кочевникам вообще. Строго говоря, они не нарушали договорных обязательств, ибо обязательство было для них пустым словом, которое забывалось на следующий же день.

Не отказываясо от навязываемых ему в стране южных кушанов поручений, Гарегин, иод предлогом их выполнения, постепенно продвигался на север. Он делал вид, что преследует племена, против которых его посылали, но ему зачастую удавалось сговориться с этими племенами и без потерь проходить через их земли.

Тяжелому походу с вооруженными стычками сопутствовали голод и потери в людском составе. Пернатые хищники парили над изможденной конницей, шакалы, волки и гиены тянулись за ней следом. Но тяжелее всего были для конников горький хлеб чужбины, бессердечие и коварство ее людей.

Налетали смерчи и засыпали конников раскаленным песком, колодцы с горько-соленой водой не утоляли мучительной жажды, и часто казалось конникам, что ни один из них не выберется из этих мертвых, безлюдных пустынь. Вместо привычного мира кругом был первозданный хаос, в котором исступленно буйствовали разнузданные дикие стихии, разрушая и губя все, лишая человека приюта и убежища, отнимая у него установленный

порядок жизни, самое право на жизнь.

В этом стихийном враждебном хаосе глаз человека тщетно искал безопасного угла, гнезда, согретого человеческим теплом строения, огня, улыбки, жизни, свидетельства человеческого существования в бескрайнем, безжалостном безлюдии, в страшном царстве смерти…

Именно здесь люди остро чувствовали ценность любого шатра, палатки, домика, селения и, наконец, города – творения созидательного духа человека, человечества, присутствия этого духа.

Необходимость вынуждала иногда требовать от «союзных» племен платы за военные операции. За этим следовал сбор оставленных побежденными припасов. Еще позднее голод и угроза гибели от истощения вынудили согласиться на дележ добычи с «союзниками». А под конец стали и сами брать добычу… Началось одичание, против которого лишь вначале протестовал Гарегин, но с которым впоследствии ему пришлось примириться.

Начальника армянской конницы терзала мысль о том, чем кончится их побег. Ведь он душой и кровью своей отвечал за конницу перед родной страной. Князья-командиры также не раз говорили между собой об этом, но, щадя Гарегина, не поднимали этого вопроса в его присутствии. Вместе с тем все сознавали, что, кроме этого чреватого смертельными опасностями побега, другого спасения у них нет и что лишь этот путь мог привести их в родную страну.

В коннице было много раненых. Привязанные к седлам или уткнувшись лицом в гриву своих коней, тащились они, глухо стеная или вскрикивая от боли.

Один из тяжелораненых, вцепившись в гриву своего коня, скрежетал зубами от невыносимой боли. Рана, полученная им в одной из последних стычек с кушанами, открылась и кровоточила, а в длительном походе не было возможности залечить ее.

В нескольких шагах от него ехал Гарегин, всегда державшийся поближе к раненым.

Раненый бормотал что-то себе под нос – не то жалобу на судьбу, не то проклятия, не то родную песню.

– Держись, Аршак! – окликнул его всадник с усталыми, потухшими глазами, ехавший позади него. – Держись, чтобы добраться домой! Не оставлять же нам тебя волкам на обед.

– А разве я не держусь, что ли? – простонал в ответ Аршак, окидывая снежную пустыню скорбным и полным надежды взглядом.

Он снова забормотал. Затем, сделав усилие, поднялся на стременах, оглядел товарищей и громко запел:

Родная земля – отец мой, мать моя,
Родная земля – надежда моя, свет мой, -
Где ты, где?
Желанная моя – огонь мой, вода моя,
Возлюбленная – гнездо мое, дом мой, -
Где ты, где?

Аршак горящими черными глазами тоскливо обвел товарищей. Он дышал с трудом, задыхался. Товарищи чувствовали, что ему не выдержать. Подъехал Гарегин. Его схватила тревога.

– В каком положении раненые? – спросил он.

– Держатся еще, князь, – послышалось в ответ.

– Терпите, дети мои! Надо домой добраться! Гарегин оглядел Аршака. В глазах раненого была такая тоска, т: хое страстнее желание жить, что Гарегину стало тяжело, он отвернулся.

Но вот Аршак вздохнул, глаза его закатились. Он слабо выговорил:

– Спустите меня наземь. Больше не могу. – Он с мольбой взглянул на товарищей.

– Спустите его! – приказал Гарегин.

Несколько человек спешились, сняли Аршака с седла.

Запавшие глаза его открылись, он долгим взглядом проводил удалявшихся товарищей,

потом поднял руку и слабо помахал им вслед:

– Идите! Унесите с собой мои глаза, чтобы и я увидел…

Всадники проезжали мимо, опустив голову.

Казалось, умирающий весь обратился в зрение. Его взгляд разрывал сердце. Все понимали: Аршака ожидает смерть, Аршак останется здесь, на злой и неприветливой чужбине.

Прошли последние ряды. Гарегин приказал проехать вперед и тем воинам, которые остались с Аршаком. Остались лишь он, Гарегин, сотник Аршам, телохранитель и лекарь, который, осмотрев раненого, покачал головой, давая понять, что смерть наступит еще не скоро. В душе Гарегина говорили два голоса: суровый военачальник спорил с мягкосердечным по натуре человеком. С того дня, как конница вступила в войну во иыя защиты родины, Гарегин иными глазами смотрел на своих всадников, и жизнь каждого из них приобрела новую цену в его глазах.

Аршак лежал на снегу.

– Уезжай, князь! – слабо проговорил он. -Уезжайте, братья, я и сам…

Никто не ответил. Аршак поднял запавшие глаза на Гарегина. Невозможно было выдержать этот взгляд. Гарегин опустил голову, затем гихо сказал телохранителю и лекарю:

– Оставайтесь до…

Вместе с Аршамом они сели на коней, еще раз оглянулись. В памяти Гарегина запечатлелся устремленный на него взгляд Аршака- взгляд одинокого, покидаемого, умирающего с тоской в душе человека. Острая боль пронзила сердце Гарегина. На него глядел человек, он бросил человека…

Гарегин поднялся на холм, чтобы оглядеть весь полк, редкой и прерывающейся линией растянувшийся в степи. Он окинул взглядом горизонт – мертвая даль, бескрайнее море снега, угнетающее безлюдие… Он перевел взгляд на восток, и увиденное им заслонило даже безотрадность снежной пустыни. Вдали быстро поднималось и раскидывалось похожее на саван большое белое облако. Солнце стремительно закатилось. Вечер подползал со всех сторон. Облако быстро заняло полнеба и обрушило на землю лавину холодного снега. На склонах холмов завились маленькие столбы снежной пыли и закружились в зловещем танце. Выл и стонал ветер, и было похоже, что это сама смерть плачет жалостным детским голосом.

– Трубить тревогу! – приказал Гарегин.

Трубач поднес к губам трубу. Полк остановился.

От всадника к всаднику передавалась команда, пока не дошла до первого отряда. Гарегин приказал всадникам арканами, поводьями, ремнями привязать себя друг к другу, чтобы не потеряться в надвигающейся снежной буре и не сбиться с дороги Командирам – беспрерывно объезжать ряды.

Опустилась ночь.

Закружила бешеная вьюга по необозримым просторам, защелкала бичами, взметнула пласты снега. Точно вспарывая огромные мешки, она вытряхивала из них тучи известки. Небо слилось с землей. Выл и кружился ветер, неистовствуя носился он с оглушающим свистом, со злорадным хохотом и визгом, то грозя, то заливаясь похоронным плачем. Вьюга окружила снежной стеной, оплела весь полк, столкнула его с дороги.

Куда они плелись – назад или вперед, к жизни или смерти, – никто этого не знал.

«Дойдем ли?.. – с тревогой думал Арсен, едва различая воинов, которые, полузакрыв глаза, грудью продирались сквозь вьюгу. – И о чем думает сейчас она? С какой любовью, жалостью и заботой взглянула бы она сейчас на меня. И не только на меня – на них!..» Но Хориша далеко. Странна самая мысль о ее любви, жалости и заботе среди этого разгула враждебной стихии. Хоть бы кто-нибудь встретился сейчас, пусть враг, пусть волк или nit via вышли бы в поисках добычи, но кто-нибудь живой.

Гарегин приказал воинам остановиться и сбиться в кучу. Не дошли до всадников ни звуки трубы, ни приказ. Но они сами остановились и сами сбились в кучу. Гарегин приказал далее, чтобы несколько человек, привязав себя друг к другу арканами, вышли из рядов и

двинулись в разные стороны: может быть, удалось бы угадать направление, отыскать какой-либо след, почувствовать запах дыма, услышать человеческий голос. Напрасные усилия! Все разведчики вернулись ни с чем. Полк стоял неподвижно на месте. Все чувствовали, что смерть близка, неминуема. Надо было двигаться, чтобы не замерзнуть. Движение привело бы или к жилью, или к смерти.

Гарегин приказал двигаться вперед. Вьюга все усиливалась.

Продвижение стоило нечеловеческих усилий. Люди останавливались, отказывались идти. Гарегин хлестал их плетью, ругал, грозил мечом. Чтобы никто не мог отбиться, впереди снова ехал Арсен; последний ряд замыкал сам Гарегин. Один из раненых свалился. Гарегин приказал привязать его к седлу. Упал еще один, Гарегрв приказал лекарю перевязать ему рану и поехал догонять полк, почти скрывшийся из виду. Пал конь под телохранителем, но тот встал, догнал Гарегина и пошел рядом, держась за его стремя и с трудом волоча ноги.

– Не могу больше, князь, – сказал он вскоре. Гарегин посадил его на круп своего коня. Телохранитель с трудом поднялся. Но скоро стал и конь.

– Слезай теперь! – приказал Гарегин.

Телохранитель сошел. Ясно было – погибают… Гарегин понял: или он доведет полк до места, или погибнет и сам.

– Шагай вслед за мной, сколько сможешь! – приказал он телохранителю и погнал коня в том направлении, в котором, как он представлял себе, двигался полк.

Конь прошел немного и остановился. Плеть уже не действовала на него. Гарегин начал колоть его острием кинжала. Конь прошел еще несколько шагов, колени его подогнулись, он повалился. У Гарегиима оставалось еще достаточно сил, чтобы шагать. Он поднялся, бросил коня, зашагал, громко браня покинувших его князей – командиров конницы, хотя и сам сознавал, что вьюга пе позволяла ничего видеть на расстоянии пяти-шести шагов Неужели кругом так-таки нет дыхания жизни? Все мертво?.. До слуха донесся какой-то глухой протяжный звук… Голос человека? Нет, похоже на волчий вой О, пусть хотя бы это! Пусть волк.. Лишь бы хоть какое-нибудь живое существо. Арсен, который ехал впереди, вызвал к себе одного старого испытанного воина. Это был густо обросший человек, с мужественным, словно из камня высеченным, лицом Наклонившись к земле, он все время искал дорогу. Конь его часто останавливался, набирался сил и снова шз!ал медленно, но упрямо. Всадник грепал его по шее, поглаживал ему гриву, ласково подбадривая:

– Шагай, мой ягненок! Шагай, мой бесценный!..

Арсен смотрел на старого воина, который стал теперь подлинным вожаком. Доверие внушал его спокойный взгляд, в сердце проникала надежда.

Пройдя несколько шагов, конь стал Воин крикнул тоном приказа:

– Всем спешиться, идти пешком за конями. Всадники шли, держась кто за гриву, кто за хвост своего коня кто за стремя.

– Спасемся, Саркис? Как по-твоему? – громко спросил Арсен старого воина.

– Спасемся, почему не спастись? – спокойно отозвался Саркис. Он шел рядом со своим конем, положив ему руку на шею.

Прошли еще немного. Вдруг конь Саркиса остановился, поднял голову и шумно вдохнул воздух.

– Нашел, мой бесценный, нашел! – радостно воскликнул Саркис.

Конь встряхнулся, пошел быстрей…

– В чем дело, Саркис? – спросил Арсен.

– Дымом пахнет, князь, жилье недалеко! – объяснил Саркис.

– Дым!.. Дымом пахнет!.. – передалось по рядам.

Люди встрепенулись, зашагали быстрей.

И вот конь Саркиса остановился перед стойбищем гуннов. Поднялась суматоха. Залились сторожевые псы. Из юрт выскочили мужчины с оружьем в руках. Толмач обратился к старейшине с просьбой накормить людей и коней. Гунны наотрез отказались и напали на армянских воинов. Началась свалка, но гуннам пришлось туго, они угомонились и

объявили, что готовы поделиться своими запасами.

Конница стала на отдых.

Словно густой лес под снегом, раскинулся лагерь под Арташатом. Вардан собирал здесь нахарарские полки, переформировывал и, переписав, направлял их или домой, или в другие области – переждать зиму. Еще не было решено, предстоят ли зимой военные действия, или же нет. Правда, Нюсалаврут двигался медленно, с долгими остановками на отдых, и, по-видимому, боялся зимней кампании. Но все же не исключалось, что, внезапно сменив медленное передвижение на стремительный марш, он ворвется в страну, застанет ее неподготовленной к отпору. Исходя из этого, Вардан наказал всем отрядам быть готовыми по первому сигналу срочно выступить в Арташат. Поэтому отряды и были расквартированы на зиму в ближайших к Арташату местностях.

Сам же Вардан непрерывно разъезжал по стране, проверяя боевую готовность войска и трудясь над увеличением его численности.

От армянской конницы не было никаких вестей. Ее считали погибшей.

В последние дни Вардан перебрался в сторожку одной из башен Арташатских укреплений, откуда обычно воевода Аветик обозревал окрестности и подступы к столице. Отсюда ясно виден был лагерь, к которому все время обращался взор Вардана, как взор воина, стоящего на посту. Аветик же перебрался в соседнюю башню, готовый немедленно прибежать к Вардану, во всякую минуту.

Над Айраратской долиной спускался непогожий вечер. Вардан сидел перед маленькой печкой с открытой топкой. Огонь мягко освещал неприхотливую сторожку, которой пестрые ковры, чаши для вина и блюда для фруктов, принесенные из дворца, придавали уютный вид. Маленькое оконце глядело на раскинувшееся перед башней поле. Мирными казались и Айраратская долина, и Масис, и Арагац, и Аракс…

Задумчиво и медленно спускались с неба мелкие хлопья снега. Они так осторожно ложились лапками на уснувшую землю, точно боялись разбудить ее.

Вардан был во власти дум, которые с недавних пор не давали ему покоя. Приближается весна. Скоро она откроет все двери и дороги. Подходит все ближе Нюсалаврут. Подступает война. Армянский народ вручил Вардану право все решать самому. Предатели укрылись.

И вот теперь, когда устранены все прежние препятствия, перед Варданом возник вопрос, – вопрос к самому себе: какие силы двигаются на страну Армянскую и какие силы может она выставить против врага? Кончились разговоры о надвигающемся бедствии, теперь оно предстало в виде реальной армии, у которой есть своя численность, свое вооружение, свои пути следования, свой боевой порядок, – в виде армии, против которой Вардан должен также выставить реальные силы, оснащенные боевыми средствами. Каково же будет предстоящее сражение? Везде и повсюду он призывал народ к восстанию, к войне без уступок. Но нигде и никогда не говорил он о том, какова должна быть эта война. И вот она подступает вплотную, и вся ответственность за нее перед армянским народом лежит на нем, на Вардаие. Сумеет ли он нести эту ответственность?

Непроницаемая завеса скрывала от глаз Вардана грядущую судьбу армянского народа. Он чувствовал, что не все события будут развиваться так, как он предполагал и хотел. Умение разгадывать хитрости врага и его замыслы поможет лишь до известного предела. А уж дальше исход дела будет определять вековая судьба народа, та его мудрость, которая помогла ему пройти сквозь все бури и огни, лежавшие на его историческом пути…

Раздумье Вардана было прервано появлением на горизонте крупного конного отряда, видимо, направлявшегося в лагерь. Судя по тому, что к отряду со всех сторон бежали толпы воинов и жителей, можно было заключить, что отряд этот незнакомый, чужой. Вардан подошел к оконцу сторожки. Внезапно у него мелькнула догадка: – Конница из Персии!..

Арцви подбежал к выступам башни. Снизу что-то кричали. Арцви повернулся, бегом направился к сторожке.

– Спарапет, вернулась наша конница!..

Вардан вспыхнул от волнения, шагнул к двери сторожки. Подъехали всадники,

спешились и быстро поднялись по внутренней лестнице. Вардан толкнул дверь. Никогда еще не билось у него сердце так, как в эту минуту.

В дверях стояли Гарегин Срвантцян, Арсен Энцайни, Нерсес Каджберуни и Тачат Гнтуни. Они были совершенно неузнаваемы. Вооружение, островерхие шапки и одежда из звериных шкур делали их, скорее, похожими на гуннов. Вардан догадался, по какой дороге они вернулись, и ни о чем не стал спрашивать. А они улыбались кривой улыбкой, которая только уродовала их почерневшие, исхудалые лица. Волосы у всех выбелила седина.

– Господь милостивый!.. Во что вы превратились?.. – вырвалось у Взрдана, когда он по очереди обнимал их.

– И за то слава богу! Мы были на волосок от гибели, – отозвался Гарегин.

– Потерь много? – быстро спросил Вардан.

– Много, – глухо ответил Гарегин, опуская голову. Вардан помрачнел – Аршак? Нерсес? Паруйр?.. – начал он перечислять.

– Нет их, Спарапет… – с болью отвечал Гарегин.

– Тяжко нам было! – тихо сказал Тачат Гнтуни.

– Понимаю, дорогие! – негромко говорил Вардан. – Чужбина – всегда чужбина… Эх! Ну, пойдем принимать конницу, устали люди, должно быть…

Все спустились с башни, поскакали в лагерь.

Когда войска расступились и Вардан увидел всех вернувшихся из Персии, у него потемнело в глазах. На одних была разодранная одежда гуннского образца, клочья звериных шкур, другие были без шапок, третьи – босые… Не на живых людей были они похожи, а на обтянутые высохшей кожей скелеты.

– Добро пожаловать, дети мои! – крикнул Вардан, приветствуя их высоко поднятой рукой.

– Привет Спарапету! – загремели радостные голоса.

– Сподобил нас господь увидеться на родной земле! Долгой жнзни вам, храбрецы!

– Долгой жизни Спарапету! – пронеслось по рядам.

– Подай команду спешиться и отдыхать, – сказал Спарапет Гарегину.

Тот подал команду, конники спешились и тотчас перешли к обычным лагерным делам. Им помогали местные воины и крестьяне.

Гарегин сообщил Вардану важные сведения о стране гуннов. Атилла уже двинулся по северному побережью Понта в Византию. Возникло опасение, что гунны ослабят засаду у Чорской заставы, хотя Тойголас – непосредственный союзник армян в войне с Персией – заверял, что отряд у Чорской заставы не будет ослаблен, чтобы не дать персам возможности вновь укрепить ее и оттуда ударить по гуннам. Тойголас подтвердил Гарегину также, что гунны ворвутся в Атрпатакан, как только Вардан через срочных гонцов подаст им условленный знак Вардан немедленно отправив Мелкона на Чорскую заставу – сообщить гуннам, чтобы они готовились перейти в нападение или зимой, или в начале весны, в зависимости от сведений, которые он периодически будет им посылать.

Светало.

Природа улыбалась робко, как больной, только что перенесший тяжелую болезнь. Зима только недавно отступила, оставив после себя слабость и усталость; весна едва начинала вливать новые силы, и природа словно дремала, полузакрыв глаза. Деревья наливались соками, почки набухали. Земля жадно, ненасытно дышала. Кое-где на солнцепеке удивленно и наивно выглядывал запоздавший подснежник. Молодая весна неопытной рукой осторожно ткала свой ковер.

На краю ущелья застыл в раздумье монастырь из розоватого камня. Дыхание весны то доносилось, подхваченное ветерком, то замирало. Где-то между камнями несмело попискивали пташки.

На плоском камне, у самого края ущелья, сидел немолодой монах. Бледное лицо его выдавало усталость. Лицо монаха окаймляла кудрявая борода, синие глаза глядели строго из-под густых русых бровей. Простой подрясник с кожаным поясом обтягивал его

согбенный стан. Весна, по-видимому, не привлекала его внимания, не радовала его. Застывший, сосредоточенный взгляд был устремлен вниз, в пропасть, лежавшую под ногами. Внизу, на берегу речки, вырисовывалась в водной пене крохотная мельница. Перед ее узкой дверцей, как хлопотливый муравей, сновал взад и вперед сгорбившийся мельник. Пожилой монах сосредоточенно наблюдал за нил!.

Из строения, стоявшего во дворе монастыря, вышел еще один монах. Он нес на спине мешок. Придерживая его сильными, узловатыми руками, он подошел к пожилому монаху.

– Принес кожу для пергамента, святой отец! – доложил он, улыбаясь и дружелюбно глядя своими большими глазами.

Первый монах поднял глаза и спокойно кивнул в знак приз нательности.

Второй внимательно взглянул на него и, заметив грустное выражение его лица, повернулся и зашагал к горловине ущелья.

Монах достал из за пазухи свиток потемневшего пергамента и, развернув, стал рассматривать строки, начертанные древними армянскими церковными письменами. По-видимому, оставшаяся неразгаданной строка пергаментного листа давно занимала внимание монаха. Он то удалял пергамент от глаз, то приближал его к глазам; поскреб ногтем кончик одного из начертанных знаков, поглядел на него сбоку и, свернув пергамент, вновь спрятал за пазуху.

Из долины поднимался тучный монах с одутловатым лицом, Он остановился на краю ущелья, отер пот с багрового лица и широкого, приплюснутого носа, присел рядом с первым монахом и, отдышавшись, сокрушенно заметил:

– Овощи запаздывают, жаль…

– Да!.. – с еле заметной насмешкой подтвердил первый монах.

– А как бывает в это время в Александрии? – спросил тучный монах, морща покрытый рябинками нос и поворачивая потное лицо к собеседнику.

– Что именно? – равнодушно переспросил тот.

– Как в отношении овощей и других припасов?

– Изобилие!

– И, вероятно, много масла оливкового! – завистливо вздохнул тучный монах, – Мы-то оливкового масла и не видим! – с новым вздохом закончил он.

Беседа не клеилась.

– Отцу Григориосу не нравится, что ты получил образование в Александрии и в Греции. Он прозябает в невежестве! Ведь какое счастье жить в просвещенных городах.

Тропа ожила. К монастырю поднимался довольно большой отряд всадников.

– Князья!.. – встревожился тучный монах, вставая. -Пойдем в монастырь!..

– Ты иди! Я посижу здесь, – отозвался первый монах.

Оставшись один, он, не меняя положения, устремил спокойный взгляд на приближавшихся всадников.

Из монастырских келий высыпали монахи и во главе с настоятелем направились к горловине ущелья.

– Отец Мовсес, воздадим князьям подобающие почести! – предупредил настоятель.

Монах молча встал, пошел вслед за остальными.

Всадники не скоро выбрались из ущелья. Впереди ехал Вардан, за ним Артак, Атом, Хорен, Аршавир, Татул, Гевонд, Егишэ, Езник Кохпавд, католикос, нахарары, сепухи и священнослужители. Немного позади следовал большой отряд телохранителей.

– Привет святым отцам! – негромко произнес Вардан, подъехав.

– Привет князьям и пастырям духовным страны Армянской! – ответил настоятель, приветствие которого хором повторили монахи.

Всадники спешилясь, все пошли в монастырь. Храм имел величественный вид. Он раскинулся широко и чем-то был похож на огромного каменного орла. Гений зодчего запечатлел в камне стремление ввысь.

Все собрались вокруг Вардана, которому настоятель поднес фолиант в переплете из

резной слоновой кости. Рукопись была украшена многоцветными миниатюрами на мифологические темы, с изображением фантастических полузверей-полуптиц и полурыб.

Егишэ подошел к монаху, которого звали Мовсес, отвел его в сторону, тепло и ласково спросил:

– Пу, как ты, бесценный мой, как?

– Не забыл еще меня господь бог, следовательно, слава ему! – со сдержанной улыбкой ответил Мовсес.

– Значит, продолжаешь писать?

– Буду писать, пока жив!

– Пиши, бесценный мой, на тебя весь народ смотрит… Монсес молча взглянул на Егишэ, чьи слова, видно, не обрадовали его.

– Слишком сильно ты скорбишь! Ободрись, укрепись духом! – пристально глядя Мовсесу в его мудрые глаза, убеждал Егишэ.

– А кого трогает моя скорбь? – не то с горечью, не то с укором возразил Мовсес и добавил еле слышно, словно разговаривая сам с собой:- Никогда мы их не забудем и никогда не утешимся.

– Ты прав, тысячу раз прав! И я гляжу вокруг со скорбью… Пока они были живы, я почитал себя философом. Но теперь, когда их уже нет, я чувствую себя одиноким и немощным мыслью… Больно, что не позволяют дела хотя бы часто посещать их могилы…

Мовсес молчал.

– Потеряли мы их и словно храм рухнул… К кому теперь обращаться нам, на кого уповать? Кто теперь будет указывать нам путь в жизни? Кого радовать нам познаниями, которые мы привезли из Александрии?!

Слова Егишэ волновали Мовсеса, бередили его раны. Память о людях, о которых говорил Егишэ, была священна для обоих: это были скончавшиеся еще до их возвращения в Армению Саак и Месроп Маштоц – творцы национальной письменности армянского народа, настаьикки и покровители Мовсеса и Егишэ, пославшие их для получения высшего образования в Александрию и Грецию.

Мовсес молчал, весь во власти скорби и одновременно гордый. Вардан перелистывал фолиант. Он остановился на одной миниатюре и долго ее рассматривал: в башне на спине слона сидел лев, а внизу, среди переплетавшихся растений, высоко подняв голову, свернулась кольцом огромная золотая змея. Закрыв фолиант, Вардан выразил желание осмотреть монастырское хранилище рукописей. Настоятель провел его в келью, расположенную рядом с алтарем. В стенных нишах лежали украшенные росписью пергаменты в роскошных переплетах с инкрустацией из перламутра, слоновой кости и драгоценных каменьев. Здесь были произведения сирийских, греческих, персидских авторов, а также разные художественно исполненные предметы из драгоценных металлов. Вардан осмотрел этот маленький музей, тихо покачивая головой.

«Вместо того чтобы изучать и пополнять эту сокровищницу, иди, воюй!.. Горькая судьба!» – проносилось у него в мыслях.

Полными тяжкой тревоги были для Вардана последние дни: не поступало никаких вестей ни из Византии, ни от гуннов, А война уже началась..

Вышли во двор монастыря, уселись на каменных скамьях под огромным ореховым деревом с еще обнаженными ветвями.

– Проходили сегодня войска перед монастырем или где-либо в окрестности? – спросил Вардан.

– Не проходил никто, Спарапет, – ответил настоятель.

– А не слышно, чтобы где-нибудь в других местах проходили войска?

– Слышал я об этом, государь Спарапет! – несмело вмешался молодой монах.

– Какие были войска и куда направлялись?

– Не знаю, Спарапет… Не спросил.

– Армяне это были?

– Армяне, Спарапет.

Вардан с укором покачал головой:

– Проходит армянский отряд, а вы и не подумаете спросить, куда он идет?!

Монахи смотрели на Вардана молча и безмятежно.

Какое им дело до того, что происходит в мире, этим людям, живущим своей обособленной жизнью в заброшенных, глухих местах? Вардан понял их безмолвный ответ и с укоризной заговорил снова:

– Бедствие стучится в двери страны Армянской, а армянские монахи ничем не интересуются, не спрашивают, какая участь ожидает родную страну?

– А зачем нам спрашивать, государь Спарапет? – набрался смелости настоятель. – Ведь бедствие накликали не мы, и не нам его отразить. Оно само придет, само и уйдет. Когда это бывало, чтобы бедствие не проходило само собой?

Вардан слушал с горькой усмешкой.

– Бедствие преходяще! Таков закон жизни, Спарапет.

– А жизнь ваша не преходяща? – задал вопрос Вардан.

Настоятель мягко улыбнулся.

– Преходяща…

– Хорошо Значит, бедствие – преходяще, ваша жизнь – преходяща, наша жизнь – преходяща. Что же есть вечного?

– Страна Армянская вечна, Спарапет.

– Нет, святой отец! На этот раз нет! – с волнением прервал его Вардан. – На этот раз враг, если он не будет уничтожен, сам уничтожит страну Армянскую. Быть может, нам скажет отец Хоренаци, что ее спасет?

Мовсес Хоренаци с горделивым спокойствием взглянул на Вардана:

– Что спасет страну Армянскую? Сама страна Армянская, Спарапет.

Большая пушистая кошка из Васпуракана подошла к Вардану и спокойно прыгнула к нему на колени. Вардан улыбнулся и не мешал ей расположиться в царственно-небрежной позе. Все улыбались.

Вардан сказал, обращаясь к Хоренаци:

– Так рассуждать нетрудно, свитой отец, пока не стоишь перед неминуемой смертью. Вы-то укроетесь в недоступных пещерах, переждете, пока все кончится. Но страна Армянская – то есть народ армянский – в пещерах не спрячется. Он будет стоять от крыто, и ему придется принять удар, чтобы или жить, или умереть.

– Да будет, как ты сказал! Да будет жив народ! Но тревога и смятение снедают мою душу. Как может спастись народ армянский? Где царственные Аршакиды, которые смогли бы возглавить страну Армянскую, поддержать государственную власть? Увы, утеряны они для нас! Ибо утеряна нами идея, результат вековых усилий, идея государственной власти, идея государства, которое равнозначаще власти!

Вардан резко повернулся лицом к Хоренаци. От этого движения кошка чуть было не слетела наземь и, чтобы удержаться, вцепилась когтями в куртку. Вардан подхватил кошку, вновь усадил ее к себе на колени. Кошка замурлыкала и лизнула рукоятку его меча.

– Народ армянский идет на величайший подвиг – завоевать свою свободу! – с загоревшимися глазами воскликнул Вардан. – Неужели это тебя не удовлетворяет?

– Говорю тебе истинно, Спарапет: если народ армянский не проявит в испытании высокого своего духа, не завоюет он себе свободу! Сим победиши!. – Хоренаци показал рукой на рукописный фолиант. – Пламенным языком его и дивным искусством! Вот в чем свидетельство высочайшего духа и высшего благородства! В этих рукописях человеческий дух исследовал вселенную, зипечатлел благородство мысли и стремящуюся ввысь добродетель.. Будет ли у народа армянского то, чем он мог гордиться в прошлом?.. Если не будет, значит, народ армянский – простая былинка в мироздании, неосмысленное творение. А что такое неосмысленное творение? Пусть живет, где хочет и как может. Не трогает меня его судьба…

Возмущение охватило Вардана. Но оч не решался навязывать свои взгляды мудрецу, историку, философу. Он опустил глаза, медленно поглаживая кошку, которая уже вскарабкалась ему на грудь и лапкой теребила бороду. Видя снисходительность Спарапета к балованному зверьку, присутствовавшие переглядывались, улыбаясь.

– Велики эти чудесные произведения Признаю их и склоняюсь перед ними, – неторопливо заговорил Вардан. – Но веры не хватает тебе в народ армянский! А он полон свежих соков, и не убудет их у него и впредь. Пусть только отстоит он свою свободу… Нам необходимо создать новое государство. Аршакиды сгинули… Необходимо создать новое государство!

– Новое государство?! – сверкнув глазами из-под густых бровей, воскликнул Мовсес Хоренаци. – Да, это верно: новое государство…

– И с помощью господней ты будешь стоять во главе его! – убежденно подхватил азарапет.

– Почему именно я? Тот, кто сумеет его создать, сумеет им и руководить. Вы, я, другой – все равно – страна Армянская…

– Она должна возродиться! Мы обязаны возродить нашу силу, наше государство! Надо собрать воедино все разрозненные, враждующие между собой, стремящиеся к взаимному уничтожению силы. Наш народ надо собрать и объединить. Иначе нас уничтожат, сотрут с лица земли, вырвут с корнем истребят самое имя наше…

Взволнованный встречей и беседой с Мовсесом Хоренаци, Вардан не мог не раскрыть свои сокровенные мысли.

Какое-то возвышенное волнение охватило всех. Все почувствовали, что среди них находится тот. кто действительно может и достоин выполнить великую миссию, дело, которое обгединяет всех, дело, достойное царя…

К Артаку подошел его телохранитель.

– Князь, по ту сторону ущелья показались конные., Артак и Атом поспешили за ворота. Действительно, по краю ущелья двигался отряд, держа путь на восток.

– Какие у них значки? – справила Артак.

– Хорхорунийские, – уверенно ответил телохранитель. Отряд неожиданно остановился. Всадники пытливо смотрели в сторону монастыря.

– Есть среди них и рштунийцы, – добавил телохранитель.

– Не попытаться ли разогнать их? – сказал Артак.

– Возможно, это лишь головной отряд… – хмуро ответил Атом. – Подождем, пока подойдут основные силы. Нет смысла связываться.

Но вот три всадника отделились и стали быстро спускаться а ущелье. Высланные лазутчики донесли, что обнаружили остатки полка Гадишо, смешавшиеся с рштунийцами. Все направлялись в Сюник – Следовательно, Сюник – оплот будущего нападения! – с горечью вымолвил Вардан, когда ему сообщили об этом.

Все ждали, пока подымутся из ущелья три всадника. Они показались не скоро. Подъехав к Атому и Артаку, передовой склонился перед ними в воинском привете.

– Сепух Гаспар!.. Сепух Вард!.. Сепух Хосровик! – обрадованно воскликнул Артак.

Гаспар доложил, что отряд, состоявший из хорхорунийцев и рштунийцев, бежавших из полка Гадишо, отдает себя под начальство князя Хорена, чтобы присоединиться к войскам Вардана. Сами они пошли с полком Гадишо именно затем, чтобы при первом удобном случае увести с собою верных обету воинов.

Артак лично поручился за преданность этих воинов, и через некоторое время отряд построился перед Варданом.

– Ну, двигаемся!.. И пусть каждый будет чист перед судом своей совести! – произнес Ваодан. Он вызвал Арцви и праказал:

– Возьмешь несколько человек телохранителей. По окрестным селам соберите сведения, какой это полк проходил здесь недавно.

Четверо телохранителей вместе с Арцви тотчас выехали из монастыря.

Настоятель пригласил гостей в трапезную. Слегка подкрепившись, Вардан уединился в горнице монастырского подворья. Аршавир с Татулом ушли в отведенную им келью и тотчас уснули. Католикосу предоставили келью самого настоятеля. Атом с Артаком, Гевонд с Егишэ и Езником пошли к Мовсесу Хоренаци.

Узкое оконце скупо освещало полутемную келью. Посредине, рядом с каменным столом, стоял высокий аналой. Стенные ниши были забиты рукописными фолиантами и пергаментными свитками. В углу стояла убогая постель Из деревянного ящика выглядывал разбитый мраморный торс – изображение армянского царя Трдата.

– Сильно озабочен Спаьапет! – промолвил Егишэ. -И каким он стал раздражительным…

– Больно мне видеть его в такой тревоге! – отозвался Хоренаци- Но больно что и марзпан в таком же сильном смятении…

Атом вздрогнул; с гневом и изумлением взглянул он на Мовсеса Хоренаци. Присутствующие насторожились. Но Атом сдержал себя.

– Прости, святой отец! – глухо сказал он. – Но марзпан – предатель и недостоин быть упомянутым рядом со Спарапетом! Мовсес Хоренаци с грустью взглянул на него.

– Но какая для меня разница в том, что марзпан – предатель, а Спарапет – верен? Или же если бы предателем оказался Спарапет, а верным обету – марзпан? Ведь и предатель – сын того же народа… Больно мне это, и я страдаю. Марзпан – муж разумный, и мысль его неутомима. Знаю, он задумал восстановить царство армянское… И если неудача постигнет его начинание, скорбеть об этом надо, а не проклинать его.

– Мы не скорбит, святой отец. Мы уничтожаем! – резко сказал Атом.

– Еще прискорбнее.

Наступило неловкое молчание. Такие страстные, фанатично преданные делу Вардана люди, как Гевонд, Езник, Егишэ и Артак, были подавлены и молчали.

– Святой этен! – взволнованно заговорил Артак, до сего не решавшийся рта раскрыть в присутствии Хоренаци. – Все мы признаем тебя отцом и наставником. Не думай, что легко у нас на душе. Мы также взываем к духу, на него уповаем в час великого бедствия! Мы также преклоняемся перед нашим славным прошлым, перед великими его мужами! Но они обратились в прах, от них остались только воспоминания. Теперь же мы жаждем отстоять нашу страну. И Спарапет – избранный нами предводитель. За ним должен следовать весь народ армянский!

– Не будь несправедлив к нему, отец Мовсес! – воскликнул Гевонд. – Спарапет проявил прямо-таки преступную снисходительность по отношению к предателю-сюнийцу! Васак Сюни пролил кровь…

– Увы! Еще больше прольется крови в будущем, и это грозит гибелью стране Армянской…

– И пусть эта кровь прольется! – воскликнул Гевонд. – Омыть должна она душу нам!

– Жестоки слова твои, отец Гевонд! – упрекнул его Мовсес Хоренаци.

– Когда примирение невозможно, спасение в жестокости! Хоренаци задумался и потом продолжал, видимо, следуя за течением своей мысли:

– Со мной-то уже покончено. Я немощен, я пленник смерти. Я скорблю о гибели народа моего, о смерти моих наставников. Меня же самого смерть лишь обрадует…

– Не говори так, святой отец! – уверенно прервал его Гевонд. – Слова твои подобают человеку немощному, но дело твое полно силы. Ты будешь жить и еще увидишь свободу!

Заговорил и скованный до этого молчанием Езник Кохпаци:

– Дух твой в плену скорби, отец Мовсес. Да, священных для нас Саака и Месроца уже нет с нами… Глубоко скорбел о них и я. Но мир остается, и жизнь в нем вечна. Не всякая смерть есть конец, – бессмертна материя, и она чревата чудесами. С народом бывает точно так же, как с землей: вот она перестает родить, вот начинает снова. И если родит неодушевленная земля, то какие сокровища духа может создать человек!

Долго еще говорил Езник с Мовсееом. Философ убеждал философа. И лицо Мовсеса

Хоренаци начало светлеть.

– Снизойдет на нас снова дух предков! – горячо воскликнул Гевонд. – И осенит наш народ!

– Да! – с воодушевлением подхватил Хоренаци. – И тогда будет жить народ армянский! И меня посещала иногда эта надежда… Да, тот дух, который некогда возвышал наш народ, – он не умер, он должен быть бессмертен! Должен – и будет!

– Верно ты сказал, святой отец! – радостно проговорил Артак и спросил:- А когда думаешь ты закончить «Летопись страны Армянской»?

Мовсес Хоренаци грустно взглянул на него.

– Если только книга эта раньше не покончит со мной, то надеюсь дописать в два-три года…

– Кончай свой труд, святой отец! Армянский народ будет шагать в грядущее, прижав твою книгу к груди!

Хоренаци внимательно всмотрелся в Артака, взгляд его потеплел.

– Кончай ее, кончай! – горячо настаивал Артак. – Первая твоя книга зажгла сердце армянского народа. Пусть и вторая, и третья, и все последующие делают то же.

Пока в келье шла эта беседа, вверх по тропинке поднимались к монастырю три всадника. Медленный шаг коней и беспечный вид всадников как будто говорили, что это мирные путники.

Выйдя из кельи, Вардан пристально вглядывался в них. Всадники подъехали ближе и, заметив Вардана, подтянулись. Рысью въехали они во двор монастыря, спешились и, подойдя к Вардану, склонились перед ним. Это были его лазутчики, посланные на дальние рубежи страны.

– Какие веста? – спокойно спросил Вардан.

– Узнали мы, что двигается персидское войско, Спарапет, – доложил старший.

– Где? – так же спокойно спросил Вардан.

– По ту сторону больших песков. Двигается очень быстро, крупными отрядами. Есть конница. Идет и «полк бессмертных», ведет с собой пятьдесят слонов.

– Численность?

– Двести-триста тысяч.

– До какого места дошли их разведчики?.. – Видели их в Хэре и Зареванде.

– Куда направят удар? На запад?

– Нет, Спарапет. Видимо, на Айрарат.

– Из чего это видно?

– Разведчики пробираются на запад. И потом, Спарапет, неспокойно в Атрпатакане: они прослышали, что гунны или уже ворвались, или собираются ворваться.

– Хорошо! – задумчиво вымолвил Вардан.

– Так!.. Значит, самое позднее – через месяц война?! – не выдержал Артак.

– Да, – просто подтвердил Вардан.

– А из Византии и из страны гуннов нет никаких вестей?

– Помощь подоспеет вовремя… Если только они уже выступили! – подсчитал Атом.

– То есть как?.. Значит, может случиться, что она и не подоспеет, а война начнется? – смутился Артак.

– Война – это не родная мать, чтобы терпеливо дожидаться, пока ребенок наиграется и вернется домой! – усмехнулся Вардан и приказал: – Вызовите сепуха Арандзара!

Бородатый сепух Арандзар вытянулся перед Варданом.

– Возьмешь отряд из пограничного полка, отправишься в Хэр и Зареванд. Будешь следить за продвижениями Нюсалавурта и сообщать мне.

– Слушаю, Спарапет! – проговорил сепух. Наступил час прощания. Монахи стали в стороне. Мовсес Хоренаци выступил вперед и протянул руку Вардану:

– Полный тягчайших испытаний путь предстоит тебе в борьбе за свободу духа и отчизны… И чем более велико мужество твое, тем больше надежда твоя! Иди. Пусть не

притупится меч твой, и да спасет господь страну Армянскую!

Вардан приложился к руке Мовсеса Хоренаци и, простившись с монахами, выступил в путь, окруженный свитой и только что присоединившимися к его отряду воинами.

Вардан ехал, и грусть омрачала его взгляд. Все, что он слышал и что узнал от мудрейших мужей страны Армянской, не могло успокоить его смятенный дух. А бедствие уже подступило вплотную…

Полученные вести повергли в ужас собравшихся в Арташате нахараров и священнослужителей. Они совершенно правильно поняли, что гибель в первую очередь грозит их власти, а то и самой жизни. Наступал час решительной борьбы. Властно заговорил инстинкт самосохранения.

Набат возвестил народу, что огромное персидское войско идет на страну и передвигается быстро и безостановочно. Народ, словно впервые узнавший, что персы могут ворваться, высыпал на площадь и столпился у храма. Мрачные монахи собрались гурьбой на паперти, во главе с отцом Антоном, и были похожи на тревожное сновидение.

– Настал последний час! День судный! Конец мира! Исповедуйтесь, кайтесь, молитесь о спасении! – вопили монахи, вселяя слепой страх.

Послышались слова молитвы, люди били себя в грудь, стонали, громко плакали дети.

Под звуки набата и крики народа нахарары вместе с католикосом и духовенством собрались во дворце. Слово взял Вардан:

– Государи, говорить сейчас долго не приходится. Не берусь укорять вас за допущенные ошибки. Быть может, больше всех вас ошибался я сам. Быть может, я должен был выносить суровые решения и заставлять и вас и врагов наших подчиняться им… Но не сделал я этого. А теперь я говорю: готовьтесь к борьбе не на жьзнь, а на смерть! Или мы уничтожим Азкерта, или Азкерт ункчтожит нас… Другого выхода нет!

– Весь ужас в этом!.. – с отчаянием выговорил Шмавон.

Наступило тяжкое, тревожное молчание.

Поднялся Аршавир и торжественно, убежденно заявил:

– Правду истинную ты сказал, Спарапет! Да будет впредь так, как ты скажешь. Да будет по твоей воле.

– По воле страны Армянской! – поправил Вардан. – Она бдет сражаться!

– Весь ужас в этом!.. – повторил Шмавон.

Вновь воцарилось гнетущее молчание.

Вардана не радовала готовность его приверженцев слепо повиноваться и не огорчала подавленность остальных. Ему лишь не хотелось бы оставаться одному в час испытаний, как не хотелось бы слышать нареканий и сомнений.

Но нарекания и сомнения не заставили себя ждать…

– Погодите!.. – вдруг злобно прозвучал голос сидевшего поодаль нахмурившегося Нершапуха. – Погодите! Значит, весь народ должен пойти на смерть? Значит, это война на уничтожение? Не понимаю!.. – И он обратился к нахарарам, ища у них одобрения;- Почему необходимо уничтожение? Кто на это согласен?

– Я! – отрезал Вардан. – Я согласен! Это решение я принял, сидя в темнице Азкерта Именно он поставил нас перед выбором: или стать персами, или быть уничтоженными. И я решил быть воином родины и сопротивляться!

Злоба душила Нершапуха.

– Война на уничтожение! Арийская держава-или страна Армянская? Бой насмерть, весь народ на войну! Да это бред! Самоубийственное решение!

Никто не отозвался на его слова.

– Предположим, что уничтожена будет арийская держава, – продолжал Нершапух. – Это было бы хорошо. А если она не будет уничтожена? Значит, должна погибнуть страна Армянская? Не понимаю я этого!

– Когда уничтожен будет враг, тогда поймешь! – повысил голос выведенный из терпения Вардан.

– У нас на это нет сил! – с яростью откликнулся Нершапух.

– Об этом враг не спрашивает Он заставит, – силы найдутся. Должны найтись! Нельзя уступать Азкерту, не можем мы не воевать. Нет у нас иного спасения, кроме победы, – значит, мы должны победить!

– Бог тебе судья! – сердито сказал Нершапух, крестясь, и стал то вытаскивать меч, то вгонять его обратно в ножны. – Уничтожить! И кого?! Азкерта!

– И на что надеетесь вы, поднимаясь против могущественной арийской державы? На наше войско? – Он горько усмехнулся. – Вы полководцы и должны знать, возможно ли справиться с арийской державой? Или вы надеетесь на ваши нахарарские полки? Помяните мое слово, вы уже побеждены заранее с вашими дедовскими методами ведения войны. Азкерт раздавит вас!

– Чего же ты хочешь? – подойдя близко к Нершапуху, спросил Вардан. – Если ты не раздавишь Азкерта, ты сам будешь раздавлен. И тогда не помогут тебе ни твое нахарарство, ни духовенство!

– Зачем же мы Поднялись? – крикнул Нершапух.

– Значит, не надо было подыматься? – сверкнув глазами, спросил Вардан. – Не известно разве тебе и другим, что мы для того и поднялись, чтобы раздавить Азкерта?

– Опять: мы – Азкерта!.. Опять: мы – Азкерта!.. У Нершапуха дрожали руки.

– Именно так! Имей это в виду! – кричал Вардан.

– Ты требуешь немыслимого, Спарапет! – кричал Нершапух.

– Немыслимого? Ну да, немыслимого!

– Вы втягиваете нас в опасную игру…

– Всю страну Армянскую!

– Государь Мамиконян, – с укором заговорил католикос, – сомнениями наполняешь ты души наши… Если нахарары и духовенство не в силах спасти положение, то кто же еще может спасти нас?

– Народ! Если спасение возможно, то спасет нас именно он. Иначе на что надеяться? Весь народ необходимо поднять на борьбу, если мы хотим победить! Весь народ должен записаться в воины свободы.

– Весь народ?

– Что иное можешь ты предложить? Нахарарские полки? Или ты предпочтешь отказаться от войны? Быть может, откажетесь и вы, государи?

– Да как мы можем?! – вышел из себя Нершапух – Дело не в этом. Дело в том, можем ли мы развязать войну, не имея союзников и в расчете только на этот твой народ?

– То есть как это, не имея союзников? – в свою очередь вспылил Вардан. – А разве с нами не будут наши друзья иверы и ьгваны, которым грозит та же опасность, что и нам? Кроме того, мы договорились и с гуннами!

– Что ж это, язычники будут спасать христианство? – нахмурился католикос. – Ты обращаешься за помощью к язычникам?

– А хотя бы и к властителю преисподней! Хотя бы ко всем дьяволам и злым духам ада! – вспылил Вардан. – Хотя бы к волкам и гиенам! Надо страну спасать, поймите! Вопрос идет о жизни! Сам сатана мне друг, если он – враг Азкерту!

И Вардан с оскорбленным видом повернулся к нахарарам:

– В конце концов, кто я здесь, государи нахарары? Не вы ли избрали меня Спарапетом страны Армянской?!

– Мы! Наш Спарапет – это ты!

– А если я Спарапет ваш и если я настоящий Спарапет, то как же могу я выйти на войну, не заручившись союзниками, не взвесив силы? И могу ли я не готовиться, если враг подступает, а союзники не подоспели? Могу ли я уступить страну врагу? Я жду помощи союзников, не перестал ждать. Пошлю вновь к ним гонцов – поторопить. Верю, подоспеют наши друзья. Но дальше ждать их здесь я не могу. Если я не выступлю тотчас же, если я не остановлю врага на границе, если он войдет в страну, – война кончена, еще не будучи начата.

Промедление смерти подобно! И неужели вы захотите, чтобы я стоял здесь и ждал прибытия союзников, с тем чтобы дать бой врагу в самом сердце страны?!

– Опасно это! – воскликнул Нершапух. – Не можем мы дать бой в сердце страны! Бой надо дать на границе…

Вардана тронула эта непосредственность старого воина. Он смягчился.

– Государи, сама судьба навязывает нам эту войну. Необходимо объявить в опасности всю страну Армянскую, призвать на войну против тирании персов весь народ! Часть его – увы! – погибнет, но, погибнув, спасет страну…

Не отводя глаз от Вардана, все молча внимали его беспощадной правде.

– Но какой ужас!.. – хватаясь за голову, говорил Нершапух. – Подступает такое страшное бедствие, и оказывается, что не может принести спасения никто, кроме простолюдина!

– Только на пего надежда, на простой народ. И он вышел уже в бой против тирана! – твердо говорил Вардан. – И мы тоже должны принять участие в этой войне простолюдина! На него вся наша надежда, хотим мы этого или не хотим. Государи, иного выхода нет: я должен двигаться к границе. Если я останусь один, то лучше, чтобы это случилось на границе. Оттуда я смогу с боями отходить, выматывать силы врага. Если же я останусь один здесь, я сам буду разгромлен. Повторяю, иного выхода нет, я должен выступить!

Тяжело было согласиться с этим, но ничего другого не оставалось.

– Да, простой народ!.. Иной надежды не остается! – вздохнул Аршавир.

Зловещим ощущением одиночества повеяло от этих слов. Страшная правда раскрылась перед нахарарами во всей своей наготе, когда они поняли, что могут рассчитывать лишь на простой народ. И, подгоняемые слепым страхом смерти и столь же сильным инстинктом самосохранения, они всей душой прильнули к этому своему последнему оплоту.

Аршавир встал и, дождавшись, пока все умолкли, сказал с подчеркнутой торжественностью:

– Обстоятельства вынуждают нас призвать на войну всю страну Армянскую. Призовем же ее, ибо только это спасет нас от окончательного уничтожения!

– Это необходимо! – откликнулся Шмавон. Артак, избегавший выступать не только в торжественных случаях, но и в будничной обстановке, изменил своему обыкновению:

– Война по всей стране Армянской уже объявлена. И объявил ее сам народ! Я так представляю себе мысль Спарапета: кто бы ни пришел нам на помощь, – народная война неминуема…

– Теперь выслушайте меня!.. – сказал Вардан. – Что бы ни делал наш народ, какие силы он бы ни собрал, к чьей помощи ни обратился бы, он вступает в неравный, до ужаса неравный бой! Отступать он не может, некуда ему отступать. Он вынужден принять эту навязанную войну и должен бороться до последнего… Сила армянского народа – в воинах, добровольно давших обет, это страшная сила людей, решившихся бороться до конца. Сопротивление насмерть! Сопротивление в бою и во время отхода, и в поле и дома, – сопротивление, не знающее предела и пощады! Изматывать, утомлять, подтачивать силы врага по всей стране Армянской!

– Лишь в этом спасение…

– Правда истинная! – послышались голоса нахараров.

У всех просветлели лица, все с облегчением взглянули друг на друга и каждый впервые увидел в другом товарища, родного человека…

– Хорошо! – заявил, вставая с места, и Нершапух. -Хорошо! Пусть будет так! Моя совесть чиста. Я соглашаюсь со Спарапетом. Чувствую, мы погибнем… Но и я воин. Пришла война – значит, нужно воевать! Я не из тех, кто бежит и укрывается! Да будет ваша воля! Жизни мне не жаль – отдаю ее вам, отчизне нашей!

– Будем воевать! – вспыхнув, прервал его Артак. – Не бараны же мы, чтобы безропотно идти мяснику под нож.

– Истинная правда! – уже дружнее откликнулись нахарары.

Грозная опасность, ставшая еще более ощутимой и страшной после выступления Вардана, внушала страх, но одновременно породила и новое, непонятное, неожиданное воодушевление, страстное желание добиться победы во что бы то ни стало. Вынудив всех взглянуть смерти прямо в глаза, Вардан как бы заставил их свыкнуться с мыслью о ней, и смерть стала меньше пугать их, они стали считать, что ее можно укротить.

Словно тяжкое бремя свалилось у вгех с души, кончились неопределенность, нерешительность, сомнения Прояснилась атмосфера. Нахарары ожили.

– Государи! – с воодушевлением воскликнул Татул. – Пусть наш сегодняшний жаркий спор будет началом нашего примирения! Будем дружны и единодушны, чтобы выжить. А если предстоит нам смерть, – умрем!

– А если мы и не выживем, – будут жить после нас другие поколения! – дополнил Хорен.

– Будет жить страна родная! – подхватил Шмавон.

Развязались языки у всех. Заговорили молчальники, сомневавшиеся, предававшиеся отчаянию: они как бы вновь вернулись к жизни.

Улыбался даже Нершапух. Он молча встал, подошел к Вардану и, схватив его руку, крепко ее потряс.

– Не знаю, раздавим ли мы арийскую державу, но знаю одно: я готов умереть за наше дело. Будь здоров, Спарапет! Сказал свое слово и Татул:

– Государи, слишком много занимались мы предателями, позволяли им ослаблять нас междоусобицами л грязнить наши души… Хватит! Покончим с этим, надо действовать!

– Да, дорого обошелся нам внутренний враг, дорого! – вздохнул католикос.

– Итак, решаем! – несколько торжественно и взволнованно произнес Вардан. – Объявляем отечественную войну!

– Быть по сему! – в один голос подтвердили нахарары и священники.

– Тогда идем к народу и войску. Объявим всем! – предложил Вардан, вставая.

Нахарары последовали за ним.

Когда все они покинули дворец и пешком прошли по улицам, народ и духовенство повалили за ними гурьбой.

– Исповедуйтесь!.. Молитесь!.. – исступленно, усиливая тревогу, выкрикивали бродившие среди войска и населения монахи.

Народ все прибывал, все чаще слышались воинственные выкрики, заглушавшие причитания монахов. Над этим смутным гулом поднялся голос Егишэ:

– Народ армянский, встань на защиту свободы родной страны! Иначе ждет тебя ярмо рабства!.. Поднимись против тирана!..

Как только нахарары появились в лагере, со всех сторон начали к ним стекаться народ и войска.

– Да будет вам ведомо, что персидское войско уже показалось на границе и приближается, – громко заговорил Вардан. – Вскоре мы должны будем выступить против персов. Готовьтесь!

Тысячи глаз были устремлены на Вардана. Толпа словно окаменела. Война становилась реальностью.

– Войско пойдет в обычном походном порядке! – продолжал Вардан. – Но пусть знают все те, кто решил сражаться во имя отчизны, что они должны подчиняться самой строгой воинской дисциплине. Соблюдайте порядок и строй!

Строгий приказ Вардана, по-видимому, кое-кого напугал и среди воинов народного ополчения. Но из рядов спокойно выступил Аракэл.

– Это будет война за родную страну, и мы дали обет собой пожертвовать, но страну спасти. Видишь, Спарапет, враг сам нашу руку поднял. Выходит так, что бремя войны опять ложится на простой народ. У князей и священников дыхания не хватит, а здесь выдержит тот, у кого дыхание долгое. А врагу мы дышать не дадим. Мы жизни не пожалеем, а страну спасем! С тем и идем, чтобы победить его. Это уж знай твердо, наверняка!

– Истинно! – послышались голоса из народа.

– Истинно! Идем, чтобы победить! – воскликнул радостно Вардан. – Поднимем всю страну Армянскую, поведем ее на отечественную войну!

– Верно! Правильно! Верно! – откликались со всех сторон.

– Так тому и быть, как ты сказал, Спарапет. Вот тебе только еще одно слово: пусть не предадут нас князья, не надругаются над кровью нашей! Не то – слушай слово вокна родины – не пощадим мы предателя и изменника! Сотрем, уничтожим, как было решено!

– Так решили мы все! – с гневом оборвал его Вардан.

– Ну, раз все решили, пусть все и знают! Нершапух помрачнел даже больше, чем во время спора с Варданом. Его передергивало.

– Поглядите только, до чего дошла наглость простолюдина!.. – бормотал он в ярости. Он рванулся было к Аракэлу, и Шмавон едва успел его удержать.

– Оставь, князь, неужели ты не видишь, какие времена настали, как дерзко поднял голову простолюдин?.. Погоди, не тронь его: он свою голову спасет, а вместе со своей и нашу…

Нершапух пересилил себя, смолчал.

Сопровождаемый нахарарами, Вардан обошел весь лагерь, осмотрел все, дал наказы сепухаи и войсковым старшинам, распорядился привести в боевой порядок полки и отряды ополчения. Тревога, вызванная смотром, перекинулась из города в окрестные села. Крестьяне стекались к лагерю и напряженно смотрели, что там происходит.

Вардан, имея по правую руку Атома Гнуни, обходил войска и молча обдумывал предстоящие действия. Старый военачальник, прекрасно знакомый не только с армянской, но и с персидской и с византийской науками ведения войны, – он хорошо понимал, что надвигающаяся война будет стоять вне обычных законов стратегии, что это будет война на полное уничтожение…

Но чем дальше Вардан шел, чем глубже проникал он в народную душу, тем крепче в его душе пускал корни росток надежды.

– Скажи, Спарапет, ты шутил, говоря, что мы будем участвовать в войне простого народа? – спросил Атом.

– Нет, князь, не шутил! Я простой человек, мне не по силам двигать горы. Мне никто не давал большого общегосударственного войска, чтобы я мог сражаться по правилам не знаю уж какой стратегии – византийской, персидской или армянской. Не будем скрывать – нахарарство боится этой войны. Духовенство заботится о своих духовных делах, оно спасает души. Но духовные пастыри могут делать это и удалившись в любую пустыню или пещеру и даже в том случае, если погибнет вся страна… А простой народ будет сражаться. И он спасет страну, ибо сам он и есть эта страна. Не поддавайся отчаянию!

– Я и не поддаюсь, Спарапет.

– Да, не поддавайся отчаянию никогда! – с волнением повторил Вардан, словно подбадривая не только Атома, но и себя самого. – слушай меня! – и он положил рук на плечо Атому. – Сколько бы ни было у нас союзников, какие бы надежды ни возлагали мы на них, прежде всего и больше всего должны мы надеяться на народное ополчение! Конечно, я всеми силами буду добиваться помощи со стороны. Если даже эта помощь будет величиной с муху, я с радостью приму и ее Но будем твердо помнить: нам необходимо войско, которое ни при каких обсюятельствах не уступит страны врагу, которое будет стоять за нее насмерть, защищать ее до последней капли крови. Вот такое войско и есть войско народа! Самый верный, самый преданный, не знающий измены друг – это наша собственная кровь!..

Искры, вспыхнувшие в Арташатском лагере, разожгли пламя сопротивления, и оно охватило всю страну Народ притекал отовсюду, чтобы вступит!, в ряды ополчения Нахарары же и духовенство с тревогой и страхом обращали взоры к Византии и стране гуннов. Но там все словно окаменело, и нахарары с духовенством поневоле стали держаться ближе к народу. У некоторых просыпались и подлинно патриотические чувства.

Снявшиеся с родных мест народные массы день и ночь текли в Арташат. Люди

требовали, чтобы их приняли в народное ополчение. Большинство было вооружено плохо или вовсе не имело оружия, но их решимость, их готовность бороться не вызывали сомнений. Было ясно, что народ взял в свои руки право распоряжаться своей судьбой Это внушало уверенность прежде всего нахарарам, а среди них в первую голову Нершапуху, который до этого всегда противодействовал Вардану. Предателей не было, оставались верные присяге нахарары, преданное войско и преданный народ.

Значение и авторитет Вардана возрастали. Его приказам повиновались все, нахарары переуступили ему все свои права. Он часто задумывался над этим. Он видел, как по его слову приходят в движение огромные массы, как принимают воинский облик неподготовленные люди, как формируются боевые полки.

Перейдя мост через Аракс, явились в лагерь бежавшие от Гадишо крестьянин-хорхоруниец Самзл и шут Хохоб.

– Без нас на свадьбу собрались? Не годится так! – со смехом сказал Самэл, нисколько не смущенный тем, что очутился среди незнакомых людей, – Он объяснял: – Крестьяне мы, хорхоры, – вы слыхали, верно. От князя-предателя бежали.

Крестьяне неприязненно поглядывали на странную фигуру шута, который, уныло ссутулившись, сидел на камне.

Самэл сказал ему;

– Чтоб тебе ни дна, ни покрышки, Хохоб! Из княжеского шута ты вдруг стал воином! Как это получилось? А?

Хохоб криво улыбнулся и беззлобно взглянул на Самэла. Он был в угнетенном состоянии. Решив пойти воевать за родину, он совершенно отказался от своего шутовства, хотел забыть его.

– Ладно уж, присядьте к нам, ешьте с нами! – радушно пригласил обоих пришельцев Погос. Он задумчиво смотрел вдаль.

– Хороша жизнь, вы только поглядите… Эй ты, бог зелени и синевы, как ты славно разукрасил землю – Добрая весна! – вздохнул Ованес-Карапет. – Да только пользы от нее нет: так и осталась земля невозделанной…

– Так, говоришь, осталась? – грустно переспросил Езрас.

– Разве нет? Ведь земля-то вроде скита, она подкормки требует. А семена солнца просят, воды. Таков уж порядок у земли, она свое требует! А где все это взять?

– Если б не война, начали бы уже пахоту! – вмешался Махкос.

– Что-о? – грозно уставясь на Махкоса, взревел Вараж с таким выражением, словно мир вот-вот провалится в преисподнюю. – Это теперь-то время пахоты?!

– Ну, если не теперь, то дней через десять. Вараж схватил его за плечо и стал трясти.

– Голова-то у тебя на месте или нет? Как это через десять дней?

– Самое время. А ты сам что-нибудь в пахоте понимаешь?

– Это я не понимаю?

– Именно ты!

Они сцепились. Еле удалось их разнять. Вараж дрожал от злобы:

– Из крестьян, а в земле ничего не понимает! Да разве это человек?..

Широко раскинулся город Пайтакаран, Глинобитные домишки лепились друг к другу бесконечными рядами, утопая в грязи. Уже расцвели фруктовые деревья в садах, наступила жаркая пора. Над городом висела густая завеса пыли, пара и дыма атрушанов. Исхудалые, измученные желтой лихорадкой люди бессильно слонялись или сидели перед домами, уставившись в одну точку затуманенным взглядом. Лениво и равнодушно лаяли псы. В застоявшихся лужах темными глыбами лежали буйволы.

Аракс катил свои желтые воды на южной окраине города, и желтые воды несла Кура, протекавшая на северной окраине.

В восточной части города возвышалась старинная крепость. У ее окованных железом ворот сошли с коней Васак и Гадишо и прошли к азарапету Персии.

Михрнерсэ говорил о создавшемся положении, рассказал о безмерной ярости Азкерта,

об огромной армии, которая двигалась к границам Армении, о поражении, которое нанес персидским войскам Вардан, тем самым облегчивший гуннам возможность нанести удар арийской державе; рассказал он и о том, как изменнически бежала армянская конница и перешла на сторону кушанов…

Васак слушал его, поглядывая то на Пероза, то на Варазвагана. Он не мог понять, как это случилось, что такие заклятые враги, как Пероз и Михрнерсэ, были посланы сюда для совместной деятельности во время войны… Не понимал он и того, почему оказался вместе с ними и личный его враг и соперник – Варазваган…

Михрнерсэ говорил, стремясь сохранить мирный, дружеский тон. Но временами в его мутном взгляде, в глубине затененных глаз вдруг вспыхивал холодный блеск, подобный сверканию кинжала.

Васака тревожила участь сыновей. Но он боялся спросить о них.

– Много было неудач!.. – говорил Михрнерсэ. – И, конечно, их можно было бы избежать. Но ты оказался добросердечен. Конечно, это соплеменники твои ты не мог не щадить их. Но теперь, когда бой идет не на жизнь, а на смерть, надо, чтобы ты прямо сказал твоему повелителю, с кем же ты, наконец…

– Горестно мне, государь азарапет, если до сих пор тебе еще не ясно, с кем я!.. – оскорбленным тоном ответил Васак.

– Ну, ничего, перейдем к делу, тогда все и выяснится, – продолжал Михрнерсэ. – Что у гебя готово, чтобы помочь нам?

– Все готово, если только угодно будет это признать представителю арийской державы, – колко ответил Васак.

Пероз потемнел, переглянулся с Вахтангом. Варазваган с ядовитой улыбкой опустил глаза. Михрнерсэ стиснул зубы.

– Повелитель арийцев всегда и щедро вознаграждает за каждую услугу, государь марзпан! – проговорил Пероз.

– Доказательство – мой сан марзпана Армении! – прервал его Васак. – Никто в этом не сомневается.

И Васак начал отчитываться перед Михрнерсэ.

Азарапет арийцев слушал молча, его усталое лицо ничего не выражало. Однако его явно бесило, что в беседу то и дело вмешивается Пероз, который становился все смелее:

– Как же это случилось, что князь дома Мамиконянов взял власть в свои руки и ныне собирается выступить против нас?

– Случилось точно так, как было бы, если бы на вас напала Византия и ты, князь, выступил бы против нее! – резко ответил Васак.

– Так!.. – Пероз не сразу нашелся, что ответить. – Но ты, государь марзпан, мог бы покончить эта дело, подкупив нахарара Мамиконяна, – сказал он, подумав. – Повелитель приказал бы возместив тебе затраченную сумму.

Васак пристально взглянул на Пероза и четко ответил:

– Нахарар Мамиконяы восстал против Персии. Но он не презренный негодяй – Если это так, почему же ты не с ним?

– Потому что он – не со мной!

– Но тогда ч чему ты стремишься?

– А это я объясню там и тогда, когда будут судить очень многих, а меня спросят, как свидетеля! Теперь же оставим это, перейдем к делу…

И Васак сообщил Михрнерсэ, что собравшиеся в Сюнике нахарары готовы присоединиться со своими полками к Нюсалавурту.

Михрнерсз ожил:

– Вот это дело!.. – Чтоб уколоть Пероза, он добавил: -На смотр вы все выйдете с вашими нахарарскими знаменами!

– Это наше неоспоримое право, – спокойно ответил Васак, еще сильней задев этим Пероза.

Все здесь прекрасно понимали, почему Михрнерсэ так спокойно сносит пренебрежительные ответы Васака Перозу. Пероз готов был кусать себе руки от обиды и бешенства.

– Но ты не тревожься, государь марзпан! – попробовал нанести ответный удар Пероз. – Повелитель незлопамятен: хоть и много выдвигается лучших кандидатов на пост марзпана, но повелитель не отбирает обратно того, что даровал…

– Меня не тревожат перемены в моей судьбе, князь. Я боюсь отвечать лишь перед своей совестью.

Эти препирательства и нравились и не нравились Михрнерсэ: конечно, Васак своими смелыми ответами ставил Пероза в унизительное положение, но вместе с тем Васак позволял себе дерзко говорить с персидским вельможей. Поэтому Михрнерсэ решил внести точность.

– Мы говорим о государственных обязанностях, государь марзпан! – напомнил он.

– Государству мы все обязаны служить в равной степени усердно! – склонив голову, признал Васак. – И сам высокородный князь не в меньшей степени, чем я…

– А высокородный князь отклоняется от дела, – послышался грубый низкий голос Гадишо. -Мы прибыли сюда по делам войны, к времзни у нас мало.

– Да, да, времени у нас мало! – засуетившись, согласился Михрнерсэ и неожиданно обратился к Варазвагану: – Каково твое мнение об использовании армянских полков?

– Если бы государь марзпан сделал попытку предотвратить войну, он оказал бы этим неоценимую услугу повелителю, – заявил Варазсаган. – Это вполне возможно…

Васак даже не повернул головы в его сторону.

– То есть как это возможно, когда вся страна Армянская поднялась против персов?! – резко сказал Гадишо.

– А что значит «поднялась»?! – вспылил Пероз. – Что она представляет собой? Государство, новую Византию, страну гуннов? Это мы снисходим до того, что разговариваем с ней, а ведь с рабами…

– Стой, князь! – прервал его Гадишо. – Можешь сказать о народе армянском, что он безумен, нерасчетлив, не знает своей выгоды, но никогда не называй его рабом! Глубокое почтение, которое мы питаем к повелителю арийцев и к его мудрому азарапету, исходит не из чувств раба, а из благородного чувства собственного достоинства! И наконец, – повысил голос Гадишо, – перейдем все-таки к делу, ради которого мы прибыли!

Михрнерсэ понравился и этот ответ, нанесший новый удар Перозу. Михрнерсэ перешел к делу. Было решено, что он отправится в Сюник, чтобы на месте ознакомиться с силами, которыми располагает Васак, и определить форму их участия в войне.

Когда было обсуждено положение в Армении, уточнена численность войск Вардана и войск Васака, Михрнерсэ отпустил Васака и Гадишо. Им отвели покои во дворце.

– Вечером в дворцовом саду к аим подошли Вахтанг и Пероз.

– Самое дорогое для отца – его дети! – с мягкой улыбкой заговорил Вахтанг. – Думаю, что я не мог бы ничем порадовать тебя более, чем вестью о том, что твой старший бежал…

Васак почувствовал, что бледнеет.

– А другой? – спросил он внешне безразлично. – Надеюсь, что он оказался умнее?

Вахтанг пристально взглянул на Васака и промолчал.

– Зачем молчать, князь? – заговорил Пероз. – Мы все, так же как и сам государь марзпан, склоняемся перед волей повелителя…

Васак задрожал:

– Да, конечно. Но довольно! Ни слова больше…

– Мы все воины царя царей! – повторил Пероз.

– Да. Я сказал, довольно! – резко оборвал его Васак и нечеловеческим напряжением воли сдержал свое волнение. – Весна в этом году наступила очень рано, – обратился он к Вахтангу.

– Да, рано, – отозвался Вахтанг и переменил тему.

– Добралась армянская конница до дому?

– Добралась, – ответил Гадишо.

– Сильно потрепали ее в стране кушанов?

– Нет. Большая часть вернулась без потерь и входит сейчас в войска Вардана! – подчеркнул Гадишо.

– А как поживает князь Арсен Энцайни?

– Готовится к войне вместе с Варданом.

Пероз молчал, весь почернев от злобы. Вахтанг отвел глаза, усмехнулся.

До поздней ночи не мог Пероз успокоиться. Он рычал от бешенства, изливая свое раздражение перед Вахтангом, который тоже не спал.

– Мне не надо, чтобы у них было большое войско, чтобы они были сильны, чтобы они были большим народом!.. Не надо, чтобы они помогали нам охотно и любили нас! Но эта гордость, это неистребимое чувство превосходства над нами! Эта дерзость, эти притязания! Вот что невыносимо, вот что душит меня! Что у них есть, чем они велики, что лежит в основе этой их гордости? Я хочу доказать этому армянину Арсену, что он раб, заставить его признать, что он ничто, что все они благоденствуют лишь по нашей доброте, что они живут только благодаря тому, что мы им бросаем крохи, а большего они не стоят Доказать это ему, и тогда мне больше нечего делать в стране Армянской! – воскликнул Вахтанг. – Лишь бы не убили его в бою и чтобы он попал в плен и достался мне…

Не спали в своих покоях Васак и Гадишо.

– Если бы не бы по этого недоверия, этой неприязни между мной и сторонниками Вардана, если бы он был рядом со мною в борьбе против персов, я бы показал этому бешенному быку, что гордость Вардана – это и моя гордость! Знаю, Вардан ведет страну к гибели! Вардан не хочет вместе со мной возродить наше царство. Но Вардан из одного со мной племени! А ты погляди, на кого замахивается тот убогий дикарь с душой обезьяны…

– Меня больше тревожит это порождение волка и лисицы… – задумчиво произнес Гадишо. – Он пустил в ход Варазвагана… Смотри, мол, старайся, че то – вот, кто тебя сменит… И вгдь он не задумается оклеветать тебя и отстранить после того, как полностью использует! Ясно, марзпаном намечен Варазваган…

– Не Варазваган! – громко откликнулся Васак. – Варазваган – волк, стремящийся подражать лисе. Не удастся ему это! Михрнерсэ нуждается в умном предателе…

– И этот умный предатель – ты?

– Он и считает меня умным, но… предателем. – Васак умолк. Ему не давала покоя мысль о судьбе сыновей. – Бабик бежал… А Нерсик?

– Наверно, чучело из него сделал этот «мудрейший из персов» и набил соломой. Говорил же я! – грубо откликнулся Гадишо. – А где его ум?

Выдержка изменила Васаку.

– А где ум у этого взбесившегося таронца? А у этого народа, готовящего самоубийственную войну? Нет у них ума, и меня они тоже сведут с ума!

Гадишо воскликнул:

– А не пора ли отказаться от всего этого и не примешивать пустяков к великому делу?

Васак взглянул на него с изумлением: никогда еще не видел его марзпан таким взволнованным, таким озлобленным.

– Примешивать пустяки?

– Ну да, пустяки, не имеющие значения мелочи!

– А именно?

– А хотя бы сыновья, жена, кровопролитие, народ – уж и не знаю, что еще! Когда же ты приступишь к беспощадной расправе? Начиная с собственной семьи, с родичей своих, с близких, с армян и персов в равней мере? И до конца, до последнего человека, пока не дойдешь до бессловесно покорного, до слепого исполнения твоей воли? Запустил ты болезнь, марзпан, позволил ей распространиться!

Васак слушал молча, словно впервые понимая, чего ему не хватает.

– Какая разница, принесешь ты жертвы в конце или в начале, – все разно Молох

требует жертв? Ты стремишься стать царем, а не умеешь втаствовать над самим собой! Царь истребляет, душит, уничтожает, царь все топчет ногами, все – совесть, честь, гордость, жалость! А ты? Царь предает и продает свою страну, свой народ! Да, государь марзпан! Да, государь и повелитель! И я говорю тебе это, ибо знаю, что и ты можешь все это сделать, но не хочешь! Не хочешь щедро проливать кровь, а ее нужно лить потоками!

В беспросветной тьме, казалось, сверкнула молния и осветила бездонную пропасть… Васак молчал.

Гадишо выглядел странно спокойным. Он также не нарушал молчания и вскоре уснул.

Васак задумался над его словами. Гадишо говорил грубо, злобно, но говорил он правду. Васак почувствовал, что действительно медлил, действительно щадил противников, не проливал крови потоками. А дело требовало именно потоков крови. Слишком чувствительным оказался он в отношении сыновей. Ведь, к сожалению, история не считается ни с детьми, ни с родными, ни с народом, ни с честью, ока ничего не признает.

На следующий день Васак и Гадишо были приглашены к Михрнерсэ.

– Я взял Варазвагана с собой, чтобы за время моего отсутствия повелитель не вздумал назначить его марзпаном Армении, – заявил Михрнерсэ. – И желательно мне, чтобы никогда не встала перед нами такая необходимость. – Он окинул Васака испытующим взглядом. – Но пробил час, государь марзпан! Нюсалавурт идет с большой армией, но немалыми будут, несомненно, и силы Вардана. Предстоит кровопролитие… А нам прежде всего надобно овладеть страной! И вот тебе на выбор: или убеди Вардана подчиниться нам, или же вместе с нами иди уничтожать народ армянский.

– Или одно, или другое!.. Конец и лжи и правде, азарапет! – решительно произнес Васак.

– В таком случае – к делу! Мы с тобой выезжаем в Сюник… Ознакомлюсь с делами на месте. Выедем в ближайшие два-три дня.

Васак встал. Лицо его подергивалось. Михрнерсэ пристально взглянул на него и спокойно сказал:

– У государственного мужа детей нет. Насколько мне известно, ты замыслил сесть на царский трон? А у трона ступенек нет. На трон поднимаются по трупам детей, родителей, народов… Не очень сладко на троне!

Обнадеживал ли он, укорял ли, насмехался ли – Васак так и не понял. Быть может, все это было в его словах…

– Государственный муж стремится всего достигнуть. В этом и честь его и его гибель… Если тебе по силам, то имеешь право! Васак молчал – Тот, друюй, – бежал… – снова заговорил Михрнерсэ, не то со злобой, не то испытующе глядя на него, – уГнжал из моего дворца. Но в действительности от кого бежал он – от повелителя! А этого так оставить нельзя. Надеюсь, ты понял меня.

Васак не отвечал.

– Надо позаботиться также о том, чтобы Вардан не получил помощи от своих союзников… Как нам стало известно, иверы и агваны собираются помочь ему. Помешать какому-либо делу легче всего в последнюю минуту. Действуй! Ты уверяешь, что послал уже людей в Византию и в страну гуннов? Пошли теперь в Иверию, Агванк и к армянским князьям в Византии!

– Понимаю, – через силу выговорил Васак. – Я уже послал.

В эту минуту он так сильно ненавидел Михрнерсэ, что если бы не задуманное им великое дело, он с радостью рассек бы пополам конусообразную голову злобного старика.

Через два дня Михрнерсэ, Пероз, Вахтанг и Варазваган вместе с Васаком и Гадишо выехали в Сюник.

Васак много думал в дороге о том, что говорил ему Михрнерсэ, вспоминались и укоры Гадишо. Он переоценивал заново свои поступки, снова взвешивал свои сомнения и переживания. Поставленный перед беспощадным выбором, он чувствовал себя как бы зажатым в тисках: или – или… Или порабощение, или кровь… На выбор! Ни дети, ни

родные, ни народ никакой цены не имеют. Чего-нибудь стоит только цель.

«Или одно, или другое! – беспокойно думал Васак. – Конец теперь и лжи и правде…»

Весенним утром на тигровой шкуре, разостланной у обрыва скалы, сидели княгиня Парандзем и Дзвик. Они смотрели на дорогу, которая то скрывалась за уступами скал, то, снова показываясь, тянулась из ущелья к замку.

Черные одежды и черное покрывало делали измученное лицо Парандзем еще бледнее.

– Вчера проезжал мимо замка всадник. Говорил, будто Спарапет большое войско собрал, – рассказывала Дзвик.

Парандзем не слушала. Мысли ее летели туда, по ту сторону гор. Дзвик умолкла. В сияющей синеве неба проплывали с запада белые тучка, Парандзем устремила глаза на них.

– Посмотри, сколько туч носится по небу. И ни одной оттуда!

– Ничего, тут нет, – сами приедут! – отозвалась Дзвик.

– Кэк бы не вышло наоборот!..

Дзвик встрепенулась. Она закрыла глаза, снова широко раскрыла их и вдруг, точно безумная, сорвалась с места:

– Говорила я! Говорила я!..

По горной тропе поднимались Вараздухт и Бабкк в сопровождении вооруженного всадника. Они подъехали незамеченными почти вплотную, покуда внимание Парандзем и Дзвик было поглощено созерцанием облаков.

Язык отнялся у Парандзем, она вскочила и кинулась к Бабику.

Бабик быстро побежал навстречу матери и бросился в ее объятия. Парандзем покрывала поцелуями голову сына. Грустно глядела на них обоих Вараздухт. Дзвик побледнела и одними глазами молча спросила, где второй мальчик. Та отвела взгляд.

– А Нерсик? – воскликнула княгиня Парандзем, расширившимися от тревоги глазами глядя на Бабика и на Вараздухт.

– Он там! Он остался, мать, – ответил Бабик.

– Как это остался? Почему?

– Не смог бежать…

– Есть кто-либо из персов в замке, княгиня? Марзпан здесь? – спросила Вараздухт.

– Нет его. Но есть персидские вельможи. Почему ты спрашиваешь?

Вараздухт объяснила, что Бабик бежал из дворца Михрнерсэ. Если персы узнают, что он у отца, они донесут азарапету арийцев.

– Что ж нам делать? – с тревогой спросила Дзвик.

– Как что? – вспыхнул Бабик. – Пусть они за себя боятся в моем доме! Я – воин Спарапета!..

– Осторожней, бога ради, Бабик! – с испугом остановила его Дзвик.

Страх и восхищение боролись в сердце Парандзем. Она не знала, как заглушить в себе чувство материнской любви и целиком отдаться той гордости, которая проснулась в ее душе, когда она услышала, что сын ее говорит подобающим защитнику родины языком. Ей не терпелось спросить у Вараздухт, кто помог бежать Бабику, но она не пожелала унизить себя, создавая некое подобие близости между собой и любовницей своего супруга.

В воротах замка показался Кодак, он направлялся к Парандзем. Приблизившись, он заметил Вараздухт и Бабика, и в его маленьких и живых глазках мелькнуло изумление.

– Поздравляю, княгиня! В добрый час пожаловал молодой князь! – обратился он к Парандзем. Не обращая внимания на ее мелчание, он продолжал: – Сбежал, видно, наш князек? Ты по могла? – спросил он Вараздухт.

– Если ты спрашиваешь, чтобы предать ее, то знай: она мне помогла, и сама тоже хочет отправиться к Спарапету! – заявил Бабик.

– Бабик! – с тревогой остановила его Парандзем. Кодак сделал вид, что ни о чем не догадывается.

– Да что ты, князь, какое предательство? Не дай бог узнают – ведь тотчас же отправят тебя обратно к Михрнерсэ, да и ориорд Вараздухт тоже…

– А с ними и князя Кодака! – дополнила Вараздухт, сверкнув на него рысьими глазами.

– Ну да, ну да!.. – схитрил Кодак.

Парандзем мучила мысль, как ей поступить. Спрятать Бабика? Это она могла сделать. Жизнью своей пожертвовала бы, но сделала бы. Однако дело было не в том, чтобы спрятать сына. В защитники родины вступают не для того, чтобы прятаться и спасать свою жизнь, а для того, чтобы доказать святость своего обета перед миром и людьми, для того, чтобы бороться и побеждать! Это Парандзем знала. Знал, вероятно, и Бабик.

– Пойдем! – сказала она сыну и спокойно оглянулась на Вараздухт, давая ей понять, что приглашение относится и к ней.

Впереди шли Парандзем и Бабик, за ними – Дзвик, затем Вараздухт с Кодаком.

Возвращение сына перевернуло княгине Парандзем всю душу. Его внезапный приезд, его заявление о том, что он – воин Спарапета, то, что спутницей его была Вараздухт и что о них стало известно Кодаку, – все совершилось с такой головокружительней быстротой, что Парандзем даже при желании не смогла бы скрыть появление Бабиха. В тот день персидские вельможи отсутствовали: они отправились в одну из пограничных крепостей Сюника, куда подтягивались бежавшие из Айрарата и Зарехавана персидские отряды. Но Деншапух, могпэты Михр и Ормизд, Дарех и Арташир могли вернуться завтра же… И, наконец, каждый день ожидалось возвращение и самого Васака из Пайтакарана.

Княгиня повела Бабика в свои покои и вновь принялась настойчиво расспрашивать:

– Что это ты говоришь, что Нерсик остался? Почему должен был остаться в Персии?

– Ну, остался!.. Не смог бежать! – не находя более убедительных объяснений, пробормотал Бабик.

Он обнял мать, прижался головой к ее груди.

– Не мог? Нет, нет! – с ужасом вскрикнула Парандзем. – Нет!..

Бабик отвернулся.

Парандзем упала без чувств. Дзвик подбежала, подхватила ее, начала растирать ей руки и виски, потребовала воды. Бабик цетовал руки матери. Парандьем очнулась, повела глазами, как бы ища кого-то.

– Кого ты ищешь, княгиня? – спросила Дзвик.

– Позови ориорд.

Когда Дзвик вышла, Бабик склонился к матери.

– Это она спасла меня, мать… Она обманула сестру Михрнерсэ. Она сказала ей, что получено распоряжение отца убедить меня согласиться на отречение от веры и что она якобы должна поговорить со мной наедине. Она повела меня в сад и…

Вошла Вараздухт.

– Ты спасла моего сына. Благодарю тебя…

– Я ведь христианка, княгиня! – тихо сказала Вараздухт.

– Бабик – защитник родины! – произнесла в ответ Парандзем.

Нельзя было понять, что она хочет сказать этими словами.

Но только такой ответ и могла она дать молодой женщине, которую связывали с ее супругом неясные дела и близость которой с Васаком не была тайной для Парандзем. Хотелось бы, чтобы спасительницей сына была не эта женщина, но чувство матери вынуждало с благодарностью принять такой драгоценный дар, как жизнь сына.

– Он защитник родины! – настойчиво повторила Парандзем и с ужасом спросила: – Но Нерсик?! Скажи! Скажи мне все, что произошло!..

– Княгиня! – взмолилась Дзвик.

– Скажи все, что было, слышишь?! – крикнула Парандзем, взглянув прямо в лицо Вараздухт.

– Ну, что я могу сказать? Что я знаю? – сквозь слезы ответила та.

Бабик громко разрыдался. Парандзем взглянула на Вараздухт – и вдруг все поняла.

– Кожу с живого сняли! – простонала она. – Кожу сняли!.. Кожу сняли с моего Нерсика…

Она словно окаменела, застыла. Глаза ее были устремлены в одну точку.

– Ну что ж! Так и должно было случиться! – прошептала, словно смирившись, Парандзем. – Мои дети погибли уже в тот день, когда их увезли к тем зверям.

– Княгиня, надо спрятать Бабика! – обратилась к ней Дзвик.

– О нет!.. Никогда! Пусть прячется его отец, ставший предателем!.. Проводи ориорд Вараздухт в ее покои, Дзвик…

Через несколько дней вернулся из Пайтакарана Васак. Тотчас же был отправлен гонец за Деншапухом и остальными персидскими вельможами.

Прибытие высокопоставленных гостей перевернуло всю жизнь в замке. С трудом удалось их разместить, тем более что в их числе были и нахарары – приверженцы Васака, которые приехали в резиденцию сюнийского владетеля из своих полков.

Этот приезд сторонников Васака задумал Михрперсэ: он хотел лично и, как он сам выразился, «на месте познакомиться с делами». Он также имел в виду собрать наиболее подробные сведения о войске Вардана и объединить его противников.

Васак придавал большое значение своей беседе с Михрнерсэ в Пайтакаране, полной знаменательных намеков; решение же созвать у него в замке на совещание столько высокопоставленных лиц он рассматривал как проявление большого доверия к нему.

Васак был во власти глубокого волнения. Точно удар обуом по голове подействовала на него весть о казни Нерсика и бегсве Бабика. Обижало его и тревожило и то обстоятельство, что его кровного врага, Варазвагана, прислали в Пайтакаран и оказывают ему столь большое внимание. Деншапух и остальные персидские вельможи не упускали ни одного случая очернить и оговорить его, Васака, а Пероз источал яд… И Васак невочъно задавал себе вопрос: чем же является он сам в глазах Михрнерсэ – государственным деятелем с определенным весом и значением или же чем-то вроде тряпки, которую небрежно отбрасывают в сторону?

А Бабика он обязан сам передать Азкерту тотчас же по обнаружении…

Гостей приняли с большой торжественностью и поместили в покоях, обставленных с самой изысканной роскошью. Замок принял праздничный вид, безрадостные будни сменились шумными пиршествами. Действительно, съезд представлял собой благоприятный повод для организации празднеств. Когда еще азарапет арийцев и самые высокопоставленные вельможи персидского двора могли бы пожаловать в гости к нахарару Сюни? Следовало бы почтить высоких посетителей пышными пирами с музыкой и танцами, если бы не буря, которая уже погромыхивала вдали, надвигаясь с каждым днем все ближе.

Васак гостеприимно заботился о гостях и одновременно напряженно следил за каждым шагом своих противников, чтобы предупредить и обезвредить их козни. Подобного напряжения и тревоги он не переживал за всю свою жизнь.

А Гадишо внимательно следил за Васаком, сознавал всю сложность его переживаний, всю трагичность его положения и не раз предостерегал его:

– Судьба твоя разрешится сейчас или никогда…

– Да, да… Надо покончить с сумасбродством! – говорил Васак.

Он чувствовал себя брошенным в бушующем море: или плы ви, или иди на дно… И он решил плыть.

– Возможно, что эта помесь волка с лисицей будет отстаивать тебя. Он ведь должен доказать своим врагам, что не ошибался в тебе! И в этом – твое спасение. Только будь решительней…

– Быть решительным – значит уничтожить страну Армянскую!.. – ответил Васак.

– Уничтожь!..

– К этому идет. Уничтожим, чтобы создать ее вновь! Но разве это не странно?! «У государственного мужа нет народа…» – вспомнил Васак. – Можно с ума сойти!

– Нужно будет – и сойдем!

– Да, нужно..

Один-единственный раз решился Васак зайти к Парандзем – спросить о ее здоровье. Но

встретив суровые, полные отчаяния глаза и молчание, он вернулся к себе. Ни один из них не сказал ни слова ни о Бабике, ни о Нерсике.

Михрнерез выразил желание осмотреть войска Васака. Лагерь был разбит неподалеку от замка, на плато. Сепух Арташир провел полки перед персидскими вельможами: скакали хорошо вооруженные и обученные конники на прославленных армянских скакунах, стремительно проходили полки крепких, мускулистых пехотинцев.

Михрнерсэ разглядывал воинов затуманившимися глазами, о чем-то злобно задумавшись. Пероз шипел на ухо Вахтангу:

– Ты погляди только: и оружие есть, и прекрасные наездники, и лучники… А как они обучены строю!..

– Нюсалаврт может не скупиться на потери! – смеясь, заметил Деншапух.

– Ну, а как Вардан?

– Разобьет их.

– Не так-то легко это будет! – усмехнулся Дарех.

Михрнерсэ выразил свое удовлетворение состоянием войск. Однако, когда возвращались в замок, он предложил Васаку отправить послание Вардану с советом воздержаться от военных действий.

– Страха перед войной у нас нет. Страшное – это кровь… Кто ответит за нее? Я бы не желал, чтобы отвечать пришлось тебе…

Васака сильно задели эти слова. Мысль о том, что в конце концов отвечать за все будет только он один, ужаснула его. «Сами затеяли войну, бросились в нее всеми своими силами, а ответственным отят сделать меня, Васака…» – Как зловещее предчувствие, как похоронный звон, преследовала его эта мысль.

Он стал раздражительным, нервы напряглись до крайней степени, глаза налились кровью от постоянно сдерживаемого бешенства: ведь он видел себя окруженным личными заклятыми врагами, которые прибыли в сюниккий замок только для того, чтобы добиться падения его владельца. Да! «Или одно, или другое, или порабощение, или уничтожение!» И перед этим роковым выбором Васак должен поставить весь народ. Сам он свой выбор сделал… Но сколько еще мучительного сопротивления должен он подавить в себе самом?

Когда все вернулись в замок и собрались в зале, Михрнерсэ повторил свой совет -обратиться со специальным посланием к Вардану, а к союзникам его направить посольства, чтобы расстроить дело оказания ему какой бы то ни было помощи.

В своих письмах к правителям Иверии и Агванка Васак советовал воздержаться пока от посылки Вардану подкреплений, поскольку Азксрт согласился предоставить свободу вероисповедания всем христианам; что же касается Вардана, то хотя он и собирается двинуть войска к границе, но там будет заключен мирный договор с персами, и Вардан будет воевать с кушанами на стороне персов. Поэтому совершенно излишним было бы отправлять иверские и агванские полки ему в помощь. Одновременно Васак давал понять, что намерен помириться с Варданом.

Армянским князьям областей, захваченных Византией, Васак отправил особое письмо через князя Дхдзника. В письме повторялось, что якобы Азкерт предоставил армянам свободу вероисповедания, но Вардан не желает и слышать о мире, решив восстать против персов..

Через срочных гонцов, в числе которых был рштунийский священник Зангак, Васак отправил в Арташат следующее письмо:

«Спарапету, князю дома Мамиконян, от марзпача и князя дома Сюни – привет.

Да будет ведомо тебе, что подступает к стране войско арийское и близок день великого кровопролития. Азкерт склоняется к мысли о предоставлении свободы вероисповедания, если только ты смиришься и перестанешь готовиться к войне. Склонись же к примирению и покорности, устрани опасность войны, спаси страну Армянскую!

Васак, марзпан страны Армянской».

Все ждали ответа на это письмо. Бывали минуты, когда Васак начина ч надеяться, но,

вспоминая характер Вардача, немедленно подавлял в себе проблески надежды. И действительно, Вардан прислал устный ответ, в котором выставлял единственное условие: чтобы персидское войско вернулось в Персию, а персидский двор прислал посла для заключения мира.

Этот ответ, полный пренебрежения, чуть не свел с ума Пероза.

– Да у них нет не только государства, порядка и силы! У них нет рассудка и предусмотрительности!.. Уничтожить их – и конец!

«Да, уничтожить!» – окончательно решил в глубине души и Васак.

Он ожесточился. Как будто выпали из сердца сыновья, забылись личные невзгоды. Он унесся мыслью в грядущее, в будущую страну Армянскую, решив не щадить ничего и никого – ни сыновей, ни себя, ни народ; ценой хотя бы и большой крови, но достичь своей цели: создать государство, хотя бы половине страны пришлось погибнуть… Его терзало страстное желание испепелить, развеять по ветру прах расположившихся в его замке персидских вельмож. И в первую очередь – Михрнерсэ, а затем уже Пероза с Деншапухом А у ворот замка повесить Варазвагана и с ним вместе всех, всех остальных, которые змеиным клубком вьются вокруг него!.. Набить сеном их шкуры, расставить чучела в зале, сесть за стол пиршества и поднимать чашу с вином перед каждым из этих набитых трухой чучел!

Замок переживал лихорадочные дни. События словно спешили к своему завершению.

Михрнерсэ держался так, точно находился у себя, в своем пайтакарансхом дворце. Он назначал дни приема, заставлял посетителей часами ждать, во все вмешивался, всем распоряжался.

Но что-то странное чудилось Васаку в его поведении. До слуха Васака то и дело доходили бросаемые вскользь намеки на необходимость «восстановления царства», заявления о том, что «единственную силу в этой стране представляет марзпан Васак»… Но вместе с тем Михрнерсэ продолжал подчеркнуто внимательно относиться и к Варазвагану, который чему-то молча и многозначительно улыбался. Что все это означало?.. Что означало постоянное молчание Деншапуха, Дареха, Арташира и могпэтов и постоянное их присутствие при встречах Васака с Михрнерсэ?

Мрачно молчал Михрнерсэ. Перед ним полукругом расселись персидские вельможи и армянские чахарары: только что вынесли решение воевать.

Через несколько дней предстояло выступить на соединение с Нюсалавуртом. Уже прибыли вести о том, что он двигается к Хэру и Зареванду – пограничным городам страны Армянской.

– Мы все тут воины! – заговорил Михрнерсэ. – Все служим одному делу, все кы единодушны. Не должно быть никакой неприязни и недоверия среди нас. Очистимся душой! Слово мое относится к Перозу. Его огорчает, что от него прячут здесь сына марзпана. Да очистится совесть его!

Персы рассмеялись. С затаенной злобой рассмеялся и лязгнул зубами Пероз, ядовитым злорадством засветился взгляд Деншапуха. Михрнерсэ ласково улыбался Васаку.

– Ну конечно, это понятно: ведь ты отец… Может быть, и я поступил бы так же. – Он рассмеялся тонкими и злыми губами, открывая беззубый рот.

Васак смотрел на него, растерянный, покрасневший.

– Я ничего об этом не знаю…

– Да, да, он здесь вместе с Вараздухт! Проказник сбежал! Но напрасно! Повелитель, вероятно, оказал бы ему милость. Впрочем, мы еще сможем умилостивить повелителя! Ну, вот и все, князь Пероз! – Михрнерсэ повел глазами в сторону Пероза Васака бросило в дрожь. Но он опомнился. Он вызвал Врама и приказал немедленно найти и привести Бабика. Все происходило точно во сне, в кошмаре…

– А я думал, что государю марзпану известно! – насмешливо сказал Пероз.

– Да нет же! Ну, как мог он знать и покрывать того, кто осмелился бежать от повелителя? Ах, проказник! – вновь ехидно рассмеялся Михрнерсэ.

Продолжалось обсуждение будущих действий. Васдк был в страшном смятении, его

охватила мучительная тоска по сыну, горе, гнев и жгучая ненависть к персам, которые, как хищники, обступили вырвавшуюся на волю дичь. Если б не его положение, его решение, его дело!

Совещание затягивалось, а Врак все не появлялся. Васака снедала глубокая тревога. Если Поимка и привод Бабика возлагали на Васака мучительные обязательства, то и исчезновение его явилось бы не меньшем бедствием: могли бы заподозрить, что его спрятал сам Васак, что сам Васак помог ему бежать…

Уже была ночь, когда Врам вернулся с двумя воинами. Они ввели связанного Бабика и развязали его. У Васака потемнело в глазах, ему страстно хотелось броситься к сыну, обнять его… Но он пересилил себя, – нельзя было поставить все под удар.

Михрнерсэ с кривой улыбкой оглядел Бабика:

– Не остался дома, сын мой? Нашалил?

– Мой дом здесь! – грубо ответил Бабик. – Я вернулся домой.

– Ты должен был дождаться разрешения повелителя. Ведь мы все повинуемся его воле, – поучал Михрнерсэ.

– Мне он не повелитель! – спокойно осветил Бабик.

– Еабик! – простонал Васак.

– Да чего они хотят от меня. Я вернулся к себе домой, я не хочу жить в Персии!

– Но ты же заложник! – подчеркнул Васак; это был удар по Михрнерсэ.

– Я не хочу быть заложником! Нерсик тоже был заложником. А что они с ним сделали? Кожу с него содрали, сеном набили! Васак почернел от боли – Мы все – слуги повелителя, сын марзпана! – более строго заметил Михрнерсэ. – Воля повелителя священна для нас!

– Не поминай имени пса! – крикнул Бабик. – Не признаю я твоего повелите пя!

Васак рванулся к Бабику:

– Да ты… ты… ты!..

– Я теперь защитник родины, я воин Спарапета! Не боюсь я ни тебя, ни их. Плюю и на них и на их Азкерта!

– А-а!.. Это Ариман!. Ариман говорит в нем!.. – возопил в ужасе могпэт Ормизд – Грешен я… грешен. – простонал Михрнерсэ и с яростью обернулся к Васаку: – Ну отвечай!

Васак движением руки приказал Враму увести Бабика и покончить с ним. В эту минуту ярость, горе, укоры совести и страх за себя смешались в Васаке со сложными государственными соображениями. Васак был близок к тому, чтоб пронзить себе грудь мечом.

Врам увел Бабика.

Персы твердили слова молитвы, чтобы оградить себя от зла, которое вырвалось из преисподней и возникло перед ними. Они хрипло и испуганно переговаривались, бросая злобные взгляды на Васака: смерти Бабика им было мало…

Васак ждал, что в замке послышатся причитания и плач. Но донеслись лишь заглушенные голоса, и все быстро умолкло. Он понял, что Бабика уже нет…

Михрнерсэ повернулся к персидским вельможам:

– Угодно было вам видеть верность? Вот она! – он указал рукой на Васака. – У вас самих есть дети, вы поймете отца…

Васак, окаменев, смотрел в одну точку. Казалось, вот-вот он проснется, и тогда окажется, что все виденное было только сном…

Бабика похоронили не сразу. Васак приказал перенести тело к нему, в его покои. Поздней ночью, когда персы уснули, он вошел к себе.

Бабика уложили на ковер. Над ним горела семисвечная лампада. Лицо было прикрыто тонкой вышитой тканью, ковер усыпан собранными в долине скромными цветами, У изголовья сидел на низком стуле Зангак и читал молитвы. В ногах у Бабика стояла на коленях Дзвик, бессильно уронившая руки на пол.

Когда вошел Васак, Дзвнк поднялась и придвинула маленький стул. Васак сел рядом с телом сына и застыл в неподвижности. Вошли замковые слуги и служанки, приложились к

покрывалу на теле Бабика, перекрестились и молча вышли.

Васак снял покрывало с лица Бабика. Лицо было бледно. Полоска белых зубов блестела между полуоткрытыми губами. Глаза были закрыты, Бабик словно улыбайся. Он выглядел таким спокойным, как если бы спал обычным сном Но было что-то страшное, что-то угнетающее в нем, застывшее, не меняющееся выражение – печать вечного покоя Васак хотел поцеловать сына, но не смог. Он боялся всполошить весь замок безумным криком. Он сидел неподвижно, впившись взглядом в лицо Бабика.

Вошла Парандзем. Медленно подошла, села на поданный стул, начала смотреть на сына.

Васак жаждал услышать хоть бы одно слово, хоть чей-нибудь голос: ему страстно хотелось, чтобы хоть кто-нибудь заговорил с ним. Но Парандзем молчала Хотя бы вчглянула она на него… Но Парандзем не глядела в его сторону. Нечеловечески тяжело было в этот миг заговорить, заставить говорить с ним. Все было давно покончено между Васаком и Парандзем. Все умерло еще до смерти Бабика.

Васак встал, еще раз взглянул на сына. Еще раз сердце ему стиснула скорбь при виде этой мертвой неподвижности. И он вышел, как если бы он был пришелец из потустороннего мира, спустился во двор и поскакал в лагерь.

В замке стояла могильная тишина.

Поздно ночью тело Бабика перенесли в часовню, чтобы похоронить в родовой усыпальнице. Он лежал на носилках в богатом убранстве, весь усыпанный цветами, рядом с ним положили меч, На погребении присутствовали все обитатели замка, начиная с Парандзем и кончая последним конюшенным служителем. Молитвы читал замковый священник. Пришел и Кодак с Перозом-Вшнаспом-Тизбони. На кладбище собрались и сельские жители. Заупокойная служба кончилась, когда тело Бабика опускали в могилу. Послышались громкие рыдания Плакали женщины, плакали мужчины, и громче всех плакал Пероз-Вшнасп-Тизбони.

Не плакала только одна Парандзем. Она стояла спокойно и молча, не отводя пристального взгляда от лица Бабика. Лишь один раз нагнулась она и кинула горсть земли на тело сына. Могилу засыпали. Пероз-Вшнасп-Тизбони сам носил камни, обложил могилу, сам украсил цветами могильный холм.

Все молча разошлись, осталось лишь несколько человек. Парандзем долго стояла у холмика, молча глядела на него.Потом повернулась и так же молча направилась к замку. Ее покои наполнились женами сепухов к служанками, которые свободно входили к ней.

– От мира были, за мир умерли… – промолвила старая служанка и, осенив себя крестом, вышла.

Рано утром на следующий день в замке поднялась суматоха. Из лагерей пришли полки, выстроились на площади перед замком. Все оделись и сели за завтрак. Впереди был долгий путь через горные перевалы. А в это время сепух Аргашир, заместитель самого нахарара в сюнийском полку, ведавший общим надзором за порядком и во всех прочих полках приверженцев Васака, выравнивал строй и плеткой подгонял воинов, недостаточно быстро выполнявших команду.

Обитатели замка вместе с собравшимися крестьянами из окрестных сел, стоя в стороне, молча и неприязненно следили за приготовлениями к походу. Хмурые воины не глядели в их сторону, боясь их недобрых и укоризненных взглядов. На лицах самих воинов тоже было написано недовольство. Отъезжающие вышли из ворот в дсргжном платов и вооружении Лишь на Васаке и Михрнерсэ бьпи легкие и нарядные одеяния. Они поднялись на возвышение около ворот, сг:едя за прохождением полков. В глазах Михрнерсэ мелькнуло выражение завистливой злобы, он пожевал губами, глстнул горькую слюну. С той же завистью глядели на войска Псроз, Дарех, Арташир, Деншапух. Их не успокаивало даже то, что эти полки должны служить их делу.

Васак бросил взгляд на обитателей замка. Он искал глазами Парандзем, с которой так и не обменялся ни одним словом. Ему хотелось хотя бы взглядом проститься с нею. Он

чувствовал, чго между ним и женой порвались все связи.

Но порваны были все связи также между ним и этим человеческим множеством, которое неподвижной стеной выстроилось по обе стороны от ворот и хранит каменное молчание. В глазах крестьян поблескивав! иногда искра глубокой ненависти и гнева и говорит, что эти люди готовы уничтожить и Михрнерсэ с его вельможами, и Васака с его сообщниками-предателями. Внимание Васака привлек престарелый крестьянин, губы которого беззвучно шевелились, шепча слова проклятия и ненависти. Взгляд Васака скрестился со взглядом старика, и Васак отвел глаза.

На террасе замка стояла Вараздухт. Васак кинул на нее безразличный взгляд и тотчас позабыл о ней. Ему даже не пришла в голову мысль хотя бы увидеться с той, которая не раз подвергала свою жизнь опасности, чтобы спасти его жизнь, положение и честь, – с женщиной, которая вырвала его сына из плена. Теперь она была полностью забыта.

Вараздухт и Кодак – соперники, которые, соревнуясь в кознях и интригах, стремились завоевать благосклонность и милость, она – у Васака, он – у Варазвагана, стояли рядом.

Васак и Варазваган уезжали, не обмолвившись и словом о будущей судьбе своих пособников.

Михрнерсэ повернулся к Батьку, приподнял руку, и Васак повторил то же движение, повернувшись к Арташиру. Запели трубы. Рокот пробежал по рядам крестьян и обитателей замка. Послышался плач.

Стоявшие у ворот внезапно расступились, пропуская Парандзем. Босая, с распущенными волосами, она кинулась к Васаку. Вся площадь окаменела. Подняв безумные глаза, она хрипло, не своим голосом крикнула Васаку:

– Дети мои!

Присутствовавшие вздрогнули и стали креститься, чувствуя, что происходит нечто непоправимое.

Васак побледнел и приказал Дзвик и дворецкому, выбежавшим вслед за Парандзем:

– Отведите княгиню в ее покои!

Больная и сломленная горем, Парандзем повторила тем же голосом, словно ничего не слыша:

– Дети мои!

– Иди к себе, княгиня, – глухо проговорил Васак.

– Дети мои! – уже повелительно выкрикнула Парандзем, заглушая его слова.

– С ума ты сошла, что ли? – не зная, что ему делать, бормотал Васак.

– Дети мои!.. – повторила Парандзем.

– Опомнись! – приказал Васак -Подумай, что ты говоришь!

– Дети мои! Дети!.. – все громче и громче выкрикивала Парандзем. Широко раскрыв обезумевшие глаза, она подступила к Васаку.

Тот махнул рукой, подавая сигнал к выступлению. Вновь запели трубы, полки двинулись. Толпы народа повалили вслед за ними. Васак отвернулся от Парандзем, огрел плегью скакуна.

Но Парандзем побежала рядом, крича:

– Куда ты ведешь их?

Васак начал терять самообладание. Персы онемели; даже Пероз поглядывал на Парандзем растерянно, не понимая, что происходит. А Парандзем все бежала рядом со скакуном Васака, раня свои босые ноги о щебень и кочки.

Васак щелкнул плетью в воздухе и приказал:

– Вернись сейчас же в замок, слышишь!

– Куда ты ведешь их?! – твердила Парандзем.

Она вдруг встрепенулась и пустилась бегом вниз в ущелье к шедшим впереди полкам. Израненные ноги оставляли на камнях следы крови. Парандзем падала, камни осыпались у нее под ногами и несли ее вниз. Казалось, вот-вот она упадет в пропасть. Но она бежала, не обращая внимания ни на что.

Васак совершенно растерялся. Вначале он решил молчать, надеясь, что Парандзем все же образумится и вернется в замок. Но Парандзем бежала вниз, словно сознательно искала гибели. И за нею, под грохот оползней и гул проклятий, бежала вниз по откосу толпа.

Васак погнал коня прямо на Парапдзем. Все замерли – и воины и персы.

– Не слышишь?! Говорю тебе, вернись! – с угрозой крикнул Васак.

Оч потрясал мечом и гневно обратился к народу:

– А вы куда?! Назад! Сейчас же назад, животные! Но народ не обращал на него внимания. Исступление Парандзем все росло – Дети мои! Бабик мой! Нерсик! Воины!.. -выкрикивала она, указывая рукой на воинов – Куда ты ведешь их? Куда?!. – Она повернулась лицом к полкам. – Против святого Спарапета идете? Против страны Армянской?! Не дерзайте поднимать руку на Спарапета. на воинство его! Да придаст вам силы кровь детей моих!

– О-о!.. – вырвалось у Васака не то как стон, не то как крик ярости, и меч его опустился на плечо Парандзем. Она упала. Дзвик и дворецкий подбежали к ней.

– Подвижница! Подвижница! – прокатилось по рядам; люди подходили к Парандзем, истово крестя ее.

– Что же ты сделал, государь марзпан? – шепнул Гадишо.

– Государь марзпан! – негромко укоряли его и другие нахарары.

– Оставьте!.. Замучила она меня!.. – дрожа, прошептал Васак.

Он лишь взглянул на Парандзем и начал хлестать скакуна, который взвился и стремительно поскакал вниз, перепрыгивая через камни. Жизни Васака грозила опасность. Нажарары поскакали за ним, перехватили его коня под уздцы Воины удивленно, а некоторые и явно неприязненно и хмуро смотрели на Васака.

– Эх! – громко и укоризненно вздохнул пожилой воин.

– Подавись своим «эх», собака! – огрел его плетью сотник.

– Ровняйте строй, негодяи! – налетел на воинов сепух Арташир.

Еще поворот – и полки скрылись из виду.

– Бедная моя госпожа! Горе мне! – с плачем бросалась Дзвик к Парандзем и начала бить себя по кол«»ям.

– Горе им обоим!.. – скорбно покачал гблотой дворецкий.

Обитатели замка и население окрестных еел свбралкеь вокруг Парандеем. Она была мертва.

Спускались с Сюнийского перевала полот Васака. Обходя области, где могло произойти столкневение с войсками Вардана, Васак двигался осторожно, высылая вперед лазутчиков и передовые отряды.

Был уже полдень, когда дешли до монастыря, где жил Мовсес Хоренаци, и стали на отдых.

Растерявшиеся поначалу монахи узнали чьи это войска подошли к монастырю, и не вышли навстречу. И лишь когда Васак со своими спутниками подъехал к воротам, показался настоятель в сопровождении двух монахов.

– Ослепли, что ли? Не могли выйти встречать? – с гневом крикнул Васак.

Настоятель молчал.

– А теперь еще и оглохли впридачу? – еще громче кричал Васак, направляя на настоятеля своего коня. – Сейчас же открой ворота!

Настоятель подчинился.

Васак пропустил вперед Михрнерсэ, и тот верхом въехал во двор. За Михрнерсэ последовали персидские вельможи и нахарары.

– Ну, а дальше? – злобно спросил настоятеля Васа,к.

– Что тебе угодно, князь? – спросил настоятель.

– Не можете догадаться оказать гостеприимство?

Настоятель что-то пробормотал себе под нос, выпрямился и строго взглянул Васаку в глаза. Взгляд его смутил Васака. Это был тот же знакомый взгляд, которым встречал его

каждый армянин, взгляд, означавший непреодолимое сопротивление, которым встречали Васака повсюду. «Начинается!» – мелькнуло у него в голове. Ему не хотелось устроить еще одну неприятную сцену в присутствии персов, и он ограничился приказанием:

– Прикажи приготовить обед для гостей!

Настоятель приказал сопровождавшим его монахам позаботиться об обеде, а сам, стараясь подавить свое возмущение, продолжал неподвижно стоять перед Васаком. Васак молчал. Поняв, что он не хочет подчеркивать перед персами «недогадливость» монахов, молчали и нахарары.

Гости уселись на каменных скамьях под ореховым деревом и начали рассматривать монастырь.

– Я бы всех их побросал в ущелье! – вырвалось у Нерсэ Урца Все с улыбкой оглянулись на него.

– Выведи во двор всю братию! – прикачал Васак. Настоятель «вздрогнул и настороженно взглянул на Васака.

– Не слышишь, что ли? – прикрикнул Васак.

Настоятель приказал вызвать всех монахов. Они пришли и стали перед Михрнерсэ.

Персы хмуро разглядывали храм и монастырские строения; могпэты чувствовали себя осквернеными пребыванием в христианском монастыре и вспоминали события в Ангхе.

– Смотри-ка, и искусство есть у них!.. – сердито пробормотал Пероз на ухо Вдагангу.

– И еще какое! – с болью, завистью и гневом отозвался Вахтанг.

Он вздохнул, чувствуя горечь при мысли, что против проявления величия народного духа в искусстве бессилен всякий гнет, всякая тирания. Искусство существовало, его невозможно было убить!

Пероз не смог сдержать свою ярость.

– Тащите сюда все, что есть внутри! Посмотрим! – крикнул он.

Телохранители кинулись выполнять приказание. Они охапками приносили рукописи, утварь, церковное облачение и сваливали во дворе. Монахи молча крестились.

Михрнерсэ молчал. Ему весьма понравился варварский приказ Пероза: Пероз сам себя опозорил… Михрнерсэ испытующим взглядом обвел армянских князей. Некоторые казались безразличными, другие смотрели на разгром с любопытством. Васак понял, что его подвергают испытанию, и сдержал себя. Но глаза Гадишо уже явно пылали возмущением и яростью. Васак испытывал жгучее чувство обиды; его самолюбие, его достоинство были задеты. Он не был настолько религиозен, чтобы остановиться перед святотатством. Но варварский поступок персов оскорблял его как человека, в лице которого стремятся оскорбить его народ. Вместе с тем он сознавал, что достаточно одного его необдуманного слова, – и он может потерять все. Надо было молчать. И Васак молчал. Подобных оскорблений немало еще предстояло в будущем. Из них тягчайшее ждало его на поле битвы. Следовало вытерпеть все, пока пробьет час мести… Час, который постепенно отодвигался, превращался в мираж…

Персы начали перелистывать рукописные фолианты, бросая наземь один и хватая другой. Они грубо ощупывали разукрашенные миниатюрами листы, соскребали ногтями позолоту, краски… Лишь Вахтанг да еще отчасти Пероз понимали ценность этих рукописей. Но как раз это и раздражало их обоих даже больше, чем пренебрежительное отношение персов к этим армянским национальным сокровищам раздражало Васака и Гадишо.

Вахтанг молча показал Перозу миниатюру, на которой кисть художника соединила в многокрасочной, яркой и фантастической картине извивающихся змей, цветы, птиц и плоды. К восхищению обоих персов примешивались, все сильней разгораясь, удивление, зависть и ненависть.

– Ну что ж?! – со злобой пробормотал Пероз – Выходит, они не хотят склонить голову перед могучей арийской державой потому, что у них есть такое искусство и есть свои мудрецы? Зачем же позволяем мы им дышать свободно? Пусть переселяются в нашу страну и работают для нас, а не для себя!

Резким движением показывая на храм, он повернулся к могпэтам:

– Священные могпэты, дозволено ли превратить в храм огня это варварское здание?

Могпэт Ормизд скорчил гримасу и пожевал губами с таким видом, точно поел что-то горькое.

– Над этим зданием тяготеет проклятие! Сроем его до основания и на его месте воздвигнем светлый атрушан.

А перед ними возвышался величественный храм, теперь ставший скорбным пленником в руках злобствующего врага. Чем больше вглядывались в него, тем больше раскрывалась его красота. Вахтанга подавлял вид этого прекрасного памятника зодчества, и он не находил определения тому чувству, которое в этот момент владело им. Одно было ясно: его волновало совсем не то, что волновало Пероза. Нахмурив брови, он осматривал храм все внимательней.

Монахи продолжали молчать. Их молчание уже становилось дерзостью, оно перерастало в сопротивление. Васак понял, что еще немного – и будет нарушена всякая благопристойность.

– Что же вы онемели? – обратился он к монахам. – Когда не надо, вы соловьями заливаетесь! Говорите!

– Что же нам говорить, государь марзпан? Ты уже все сказал! – возразил настоятель.

Васак вздрогнул: удар был нанесен метко…

– Сейчас все на свете изменилось, – заговорил он, словно давая кому-то объяснения. – Старый мир отошел в прошлое. Мы должны основать новое государство Армянское. Под эгидой великого Азкерта. И вы должны радоваться этому, а не противодействовать!

Могло показаться, что вместо монахов стоят каменные статуи.

Никто не двинулся, не отозвался. Васак вспыхнул.

– Поразмыслите над этим! Или вам не по силам мыслить? Разве не нужна нам собственная власть? Сгинуло наше царство. Что же, с этим вы миритесь? А вот я не мирюсь! Не бессмысленно ли сопротивляться такой могущественной державе, в то время как она дает нам возможность существовать? Что предпочтительней – красивые и лживые посулы византийцев или же то, что в действительности предлагают нам персы? – Васака охватывало все большее раздражение. – Но нет!.. Вы, скорее, дадите увлечь себя бреднями фанатического безумца! Вы пойдете на гибель! Вам это гораздо легче, чем жить! – Он вскочил с места, яростно топнул ногой. – Что ж вы молчите, как бессловесные животные?! Вы такие же тупые упрямцы, как ваш Спарапет, который ведет народ армянский к гибели! Вы тоже не сознаете, что такое арийская держава! А ты?! Ты?! – указал он пальцем на Мовсеса Хоренаци. – Говорят, ты ученый, философ? Что ж, ты против создания армянского царства?

– Неправильно ты говоришь, государь марзпан. Не вижу я мудрости в твоей брани, и не пристала она тебе в годину скорби отчизны нашей. Путями рабства намерен ты повести народ к духовной свободе и к созданию царства? Через уничтожение свободы возродить нацию? И ждешь сих заветных благ от этих вот? Напрасна твоя надежда и тщетны твои усилия!

Васаку страстно хотелось дать волю всей накопившейся ненависти и обрушить ее на бесстрашного монаха. Удерживала только мысль, что в глазах присутствовавших это, скорее, уронило бы его самого, чем Хоренаци. Он удовлетворился тем, что пренебрежительно произнес:

– Напрасно именуют тебя мудрым, недоступно тебе возвышенное мышление!

Пероза разъярило смелое поведение монаха, и он злобно повернулся к Васаку:

– Что это- не желают подчиняться власти арийцев? Возомнили, что могут одолеть арийскую державу? Чем? Силы у них есть или войско, или же они могут похвалиться благоустройством? Или этим монастырем и рукописями своими они кичатся? Растопчем, сожжем все это! – И он крикнул персидским воинам:- Уничтожьте всех! Подожгите храм!..

Приказ привел Васака в смятение. Смутились и остальные нахарары. Но монахи

стояли, не дрогнув.

Воины разворошили стог сена, стали разрывать рукописи и подкладывать их вместе с хворостом под стены храма.

Михрнерсэ радовался в душе, что все намеченное им свершается руками Пероза, тем более что это давало возможность подвергнуть испытанию верность Васака и нанести удар авторитету монахов. Но даже радуясь тому, что Пероз будет опорочен и унижен, он не мог допустить, чтобы такое положение длилось долго. Он чувствовал, что должен проявить власть, заставить склониться перед нею этих мятежных, непреклонных людей.

Пристально глядя на монахов, он заявил холодно и непреклонно:

– Ваш монастырь упразднен. Можете разойтись. Храм и все достояние будут уничтожены.

Вперед выступил один из монахов и спокойно ответил:

– Нет у нас иного достояния, кроме вечно живого духа, а его уничтожить нельзя, государь азарапет!

Вахтанг, который со злорадством следил за всем происходящим, вскочил с места. Подбежав к настоятелю, ев поднес к самому его лицу кулак:

– И именно этот дух ваш мы убьем, растопчем ногами! Для того мы и пришли!

– Невыполнимую задачу взяли вы на себя! – повысив голос, сказал Хоренаци. – Сперва обогатитесь сами возвышенным духом к лишь потом тешьте себя надеждой уничтожить наш дух!

– И запугать нас не пытайтесь! – воскликнул настоятель. – Мы от страха смерти свободны.

Васак разрывался между чувствами гордости и оскорбленного властолюбия. А языки пламени уже охватили храм; горели, коробились рукописи. Занялись кельи и смежные подсобные строения.

Стиснув зубы, следил за пожаром Пероз. Задумавшись, неподвижно смотрели Вахтанг и нахарары.

Армянские воины крестились и не двигались с места, несмотря на то, что сепух Арташир разгонял их плетью. Многие из них плакали.

– Снизойди, господь праведный! Воздай им своим мечом разящим! – воскликнул настоятель.

– Аминь! – простонали монахи.

В пути Гадишо старался все время ехать рядом с Васакоы. Он что-то бормотал про себя, и лицо его дергалось. Наконец, он спросил:

– Задумывался ли ты, государь марзпан, над тем, что к Аварайру придут из Арташата тысячи и тысячи людей, подобных этим?

– Придут, чтобы могла потоками литься кровь! Чтобы быть уничтоженными! – отозвался Васак, – Вот из таких-то людей и будем мы строить государство наше!.. Даровал бы нам лишь господь победу, и поскорей.

Погруженные в задумчивость, подавленные ехали бок о бок Пероз и Вахтанг Казалось, они прозрели. Особенно был потрясен Вахтанг.

– Над чем задумался, князь? – спросил Пероз, который чувствовал потребность поговорить Точно продолжая думать вслух, Вахтанг негромко ответил:

– Опасаюсь, что наша сила становится нашей слабостью, а слабость армян – их силой…

– Это будет видно в сражении! – возразил Пероз.

– Опасаюсь, что сражение мы уже проиграли… Оно уже произошло.

– Где? Не в этом ли монастыре?

– Нет. Внутри.. В душах у людей!..

Грохотал Айрарат.

По всем ведущим в Арташат дорогам раскатывался гром копыт и гул шагов. Многолюдные потоки народа армянского со всех концов страны бурно приливали и расплескивались вокруг Арташата. Туда прибыли все верные обету нахарары вместе с

сепухами и остальными родичами, готовые выступить на фронт со своими полками. Были здесь, помимо Вардана Мамиконяна, Нершапух Арцруни, Артак нахарар Мокский, Аршавир Аршаруни, Шмавон Андзеваци, Атом Гнуни, Хорен Хорхоруни, Татул Ванандеци, Гарегкн Срвантцян, Арсен Энцайни, Нерсэ Каджберуни, Артак Палуни, Тачат Гнтуни и многие другие, которые ранее держались в стороне, а теперь поднялись, подгоняемые охватившей всех тревогой.

Они прибыли, чтобы следить за переформированием и обучением своих полков.

Было за полночь, когда прибывшие из Иверии и Агванка гонцы сообщили, что иверские и агванские полки готовы к выступлению в Армению Вардан передал полученные вести нахарарам, которые приняли их с великой радостью. Однако Вардан заявил, что хочет переждать еще неделю, и все согласились с ним.

Иверы давно готовили свое войско. Гонцы и послы Вардана поддерживали постоянную связь между Иверией и Арменией. Иверы решили принять участие в сопротивлении арийской державе.

Большая часть их князей была в этом единодушна. Как ни следили люди Вардана, им не удавалось обнаружить каких-либо засланных Васаком тайных лазутчиков. И действительно, Васак никого не засылал в Иверию. Он старался создать впечатление, что, хотя и не будучи сторонником Спарапета, он все же стоит за то, чтобы Вардан возглавил сопротивление, сам же он остерегается открыто выступить против Азкерта, чтобы не рисковать жизнью своих сыновей.

Но за последние дни марзпан напряг все силы и ему удалось, благодаря коварному, предательскому ходу, помешать оказанию помощи Армении ее союзниками – Иверией и Агванком. Как раз, когда армянские полки подходили к месту предполагаемой встречи с персами, Васак спешно направил одного посла в Иверию, другого – в Агванк. В письмах к царю Иверии и к агванским князьям он сообщал, что между армянами и персами состоялось примирение и войны не будет…

Скромно и без шума готовились к военным действиям отряды народного ополчения, часть которых, по приказу Вардана, была посажена на коней.

С раннего утра до поздней ночи Аракэл не уходил из отрядов, руководя распределением одежды, вооружения и припасов. Он исхудал, измучился, охрип, но продолжал работать, ни на что не жалуясь. Он лишь как будто становился строже, давал приказания коротко и спешил. Помощниками у него были дядюшка Артэн, Саак, Езрас, дед Абраам, кузнец Оваким, Сероб, Погчс, Ованес-Карапет. Отряд непрерывно пополнялся крестьянам, прибывавшими из Тарона, Туруберана, Зарехавана, Дзмероца и дальних местностей Айрарата. Спокойно и твердо командовал своим отрядом рштунийцев Артэн, под спокойствием которс.о скрывалась суровая властность воинственного горца. Из ремесленников Арташата и населения окрестных сел был составлен арташатский отряд под начальством деда Абраама. Старый всин как будто набрался новых сил, он бодро занимался делами.

В число давших обет женщин страны Армянской входили жены и дочери нахарарских домов Мамиконянов, Мокских, Арцруни, Аршаруни, Гнуни и других. По распоряжению Старией госпожи руководство отрядом крестьянок было востожено на Хандут. Как свидетельство христианского смирения и во искупление «грехов княжеских» Старшая госпожа передала под начальство Хандут также женщин и девушек из княжеских семей.

– Да вознесутся праведные! – заявила она.

В течение нескольких дней площадь перед Артзшатом была черна от народа. Огромные людские потоки стека чпсь сюда, сливались и, построившись, торопились получить оружие, коней, припасы. В воздухе сверкали копья, шлемы, развевались Знамена, слышался лязг мечей и щитов, ветер трепал конские гривы.

Днем под жгучими лучами солнца, а по ночам при свете факелов перед Варданом и нахарарами проходили последние колонны ополчения; ведающие делом провиантского снабжения записывали отряды по их принадлежности к нахарарским полкам и по роду

вооружения – называли им имена командиров и указывали места стоянки. Измученный, обливающийся потом, Вардан, несмотря на крайнее утомление, тщательно сам все осматривал и проверял. Непрерывно слышался голос писца:

– Из рода Димаксэни, танутэр Амаяк Димаксян… Из княжеского дома – двадцать два, конницы – две тысячи, пехоты – три тысячи, щитоносцев – пятьсот, лучников – тысяча двести… Отряды проходили один за другим. Назначен был денп смотра народного ополчения. Усевшись на несколько положенных одно на другое седел, Вардан приказал выступить вперед начальникам отрядов. Тотчас вышли Аракэл, Артэн, Саак и Хандут. Хлынувшие вслед за ними воины народного ополчения сперва образовали тесный полукруг, а потом окружили Вардана многолюдным кольцом. Немного погодя к Спарапету присоединились Нершапух, Артак и Атом. Вардан стал приводить в порядок «народное войско», как он говорил, и утвердил состав начальников С мягкой улыбкой оглядев ряды, он сказал:

– Трудно утверждать, чтобы мы были очень крупными знатоками в военном деле, скажем по правде. Как по-твоему, дядюшка Артэй, а? Ваш начальник Аракэл хорошо меня понимает… – И сн с уважением взглянул на Аракзла. – Ну что ж, важно, чтобы у воина была отвага, любовь к родине, преданность ей. В этом ваша сила. И увидите, что мы победим. Правильно я говорю или нет, братья крестьяне?

– Правду истинную! – с воодушевлением откликнулись со всех сторон.

Нершапух, так и не переборовший до кыш а свою неприязнь к простому народу, следил за всем происходившим полуподозрительно-полупрезрительно. С досадой обратил он внимание на то, что воины нахарарсккх полков, оставив свои стоянки и шатры, смешались с народом. Но как будто мало было и этого: из рядов выступил воин по имени Абгар и, нарушая всякую дисциплину, обратился прямо к Вардану:

– Спарапет, ты сам знаешь – мы воины. Знаешь ты и то, сколько мы боев провели, как бились. Но окажу тебе: они, эти крестьяне-ополченцы, многому нас научили…

– Когда дело дойдет до боя, они, пожалуй, лучше нас будут сражаться! – подхватил другой воин.

– Они и есть наша родина, наша земля… С ними мы пройдем сквозь огонь и воду!

– Вот молодцы!.. Долгой жизни вам, сынки! -откликнулись крестьяне, окружая и обнимая воинов.

– Народ вдохнет в войска силы… Хорошо это, очень хорошо! – радовался Вардан. Он встал и громко обратился ко всем:

– Братья крестьяне, скажем прямо – вы еще не войско, ие воины. Правда, в Ангхе вы неплохо бились. Но сейчас нам предстоит не Ангх. Будет настоящее сражение. Знаю, воину, давшему обет, страх незнаком Но вот вам мой наказ: иеоГдуманно, зря в бой не кидайтесь! А вот когда надо будет ударить, тогда нанесите удар настоящий и бейте дружно, быстро, сильно, так, чтобы там, где был враг, и следа его найти нельзя было!

– Ха-ха-ха-ха! – грохнула толпа смехом.

– И одно еще: крепко запомните, крепко держите в душе – мы должны победить! – повысил голос Вардан. – Приказываю вам: победить!

– Приказал – значит, будет исполнено! – коротко и решительно грянуло в ответ Смотр нарушили хлынувшие со всех дорог, ведущих в Арташат, новые потоки крестьян. Они требовали, чтобы их тоже немедленно зачислили в народное ополчение, Заведующие провиантом и вооружением ие хотели взять их на учет, указывая, что новоприбывшие босы, не одеты, не имеют ни оружия, ни ксней.

– Расходитесь, пет у нас запасов, нет для вас места! Но те разъярились:

– Это для кого тут места нет? Для нас? А разве это не война босого и голого? С ума вы спятили, что ли?..

– Мы сюда пришли, чтобы душу успокоить, расправиться с собаками – сборщиками дани и с нашими предателями, а вы нам оружия не дадите? А ну, бей их!..

Новоприбывшие окружили заведующих вооружением и провиантом, началась свалка.

Шум и крики привлекли внимание Вардана. Он поднял голову:

– Что там происходит? Зачинщики выступили вперед:

– Да разве это дело? Не принимают нас в войско? Для этого мы пришли из такого далека?

Вардан внимательно оглядел их. Действительно, одежда их обратилась в лохмотья, но сами-то они выглядели крепкими, сильными. Один из них, весь в дорожной пыли, растолкал толпу и пробился к Вардану:

– Спарапет, мы назад не вернемся, хоть убей нас! Говорю тебе, как бог свят, все равно мы с вами пойдем!..

– Зачем же мне вас убивать? Мы охотно возьмем вас с собой! – сказал Вардаи, улыбаясь и обратился к заведующим вооружением и провиантом: – Переверните все склады, но всех оденьте, всем дайте оружие! И поскорее!

Закончив смотр, Вардан удалился, сопровождаемый Нершапухом, Артаком и Атомом.

Лагерь все разбухал и разбухал из-за притока новых отрядов. Регулярные общегосударственные полки растворялись среди разнобоя народного ополчения, теряли воинскую выправку и боеспособность. Это сильно тревожило и волновало некоторых нахараров. Громче всех жаловался Нершапух.

Нахарарам было странно, что Вардан, обычно строгий и требовательный, относился так мягко и снисходительно к ополчению. Многие нахарары сомневались, в состоянии ли будут эти необученные народные массы сражаться, помогать регулярным войскам, или станут им только обузой. Вардан уже давно не отказывал ни одной группе крестьян, охотно всех выслушивал и всех зачислял в войска, приказывая немедленно одеть и вооружить тех, кто был плохо одет и безоружен.

Нершапух, видевший боевую мощь лишь в регулярном войске, мысленно порицал Вардана и едва сдерживался от ссоры с ним.

Сам Вардан смотрел совершенно иначе. Он не был новичком в военном искусстве, но видел, что поднимавшаяся народная волна поднимала также дух и регулярного войска. Проникая в причины народной ярости, он видел глубокую мудрость народа и ценил ее. И если временами тень сомнения и прокрадывалась к нему в душу, он спешил отогнать его:

– Бог народа спасет нас!..

После полудня в лагерь пришли встревоженные лазутчики и принесли весть о том, что Нюсалавурт вошел в Багреванд и Хэр и быстро двигается походным маршем.

– Надо поспешить, чтобы встретить его на границе! – заявил Вардан.

– Не дожидаясь союзников? – с горечью возразил Нершапух – Что же еще остается делать? В промедлении – наша гибель! Двинемся, союзники потом подоспеют, – возразил Вардан.

Он отдал приказ готовиться к выступлению.

Ветер стих. Наступила душная, жаркая ночь.

Подходили к концу последние приготовления. Предстояло выступить на рассвете.

Вардана просили пойти прилечь, отдохнуть перед походом, но он не соглашался, хотя нечеловеческое напряжение последних дней страшно утомило его. От бессонницы у него покраснели глаза, пожелтело лицо.

Он не смог сдержать волнение, когда проезжал перед женским полком. Хандут, смело потряхивая чернокудрой головой, молодцевато выехала навстречу. Всадницы сидели на конях, словно влитые, держа равнение в строю не хуже мужчин.

Ловко управляли конями Анаит, Астхик, Луис, Дешхо. Не уступали им другие молодые девушки и женщины из княжеских и крестьянских семей.

– Куда он ведет их, куда ведет? – тихо пожаловался Аршавиру Нершапух. – Как Он берет на свою душу ответственность за них?

– Передумает! – предположил Аршавир. – Просто возложит на них уход за ранеными…

Поздней ночью войска остановились на отдых. Воины и ополченцы улеглись прямо на земле и тотчас уснули.

Задремал, опустив голову, и Вардан.

Анаит не спалось. Сидя перед костром, она – в который раз! – перечитывала какой-то пергаментный свиток. Она выглядела грустной; быть может, в грусть ее приводило чтение, – она читала письмо Олимпии, полученное из Хорхоруиика:

«Анаит, дочери сепуха Гедеона, привет и благопожелания!

Бесценная сестра, да будет тебе ведомо, что мы с матерью не хотим своим присутствием навлекать позор на священный стан воинов Спарапета Посыпая пеплом головы, мы скорбим о предателе – отце и супруге… Мы узнали, что и овдовевшая сестра твоя также предается скорби и не решается присоединиться к вам, чтобы не напоминать и о своем супруге-предателе. Господь да будет вам опорой!

Скорбящая Олимпия, княжна Хорхоруни».

– Что это ты читаешь, почему ты не спишь? – спросила Эстер.

– Письмо от Олимпии, матушка, – объяснила Анаит.

– Бедняжка!.. Но ложись, ложись, дорога предстоит долгая…

Мрак постепенно рассеивался. На востоке небо загорелось.

Пронзительный звук трубы разбудил спящий лагерь. Ночную духоту сменила утренняя прохлада. Загудели тысячи голосов.

– Готовсь! – гремел голос сепуха Давида, объезжавшего на коне лагерь.

Войска выстроились: с одной стороны – регулярные полки, с другой – народное ополчение. Сак ни старались начальники ополчения придать своим отрядам вид строевых полков, отсутствие воинской выправки все же выдавало добровольцев. Разнокалиберное вооружение, малое число воинов в броне, копейщики рядом с секироносцами, щитоносная пехота рядом с воинами без щитов… Стояли они скромно и спокойно, с видом людей, относящихся к предстоящему просто, хотя и знающих, на что идут. Вокруг них суетились жители ближних и дальних селений: раздавали им дорожные припасы, осыпали их благопожеланиями и благословениями.

Аракэл подъехал к толпе крестьян, движением руки попросил внимания и заговорил просто, гесмотрй на владеющее им волнение:

– Ну, братья, сами знаете, что это война за родную землю, за народную землю. Земля и мы – это одно. Возьми горсть земли, выжми, – наш кровавый пот из нее закапает! Пусть мы уйдем – земля все равно останется. Давайте же будем биться, не отдадим землю. Победим, земли не отдалим и, если даже умрем, все равно не отдадим! Будьте стойки – и тогда мы победим. Идем, братья, отстоим землю родную, не осрамим ее!

– Как бог свят, не отдадим!

– Победим! Господь нам поможет!

Дядюшка Артэн, который был немногословен, пглагая, что все понятно и без слов, стал перед своим отрядом и громким голосом, который слышали все земляки-горцы, сказал:

– Слушайте меня! Кто в бой идет, пусть помнит, что на голове у него – папаха. Пусть не думают княжья, что мы из черного теста слелленъ. Смотрите не уроните сети простого народа. Ну, все.

Погос, которого прямо-таки душило волнение, не стерпел и, взобравшись на возвышение, крикнул:

– Прощай, народ армянский! Мы идем в бой! Вернемся пли не вернемся – все равно, лишь бы ты был жив!.. Смотрите за родной землей! Сейте и собирайте урожай. Мы уходим, но земля наша бессмертна, и она останется.

В воздухе переплелись голоса:

– Счастливо оставаться, Мариам, Сого, Цахик!.. Счастливых дней вам дождаться.

– И вам дай бог удачи!.. Чтобы с победой домой вернулись! Чтобы родину спасли – и вернулись!

Слышались негромкие голоса остающихся:

– Да будет вам удача!

– Счастливы вы, что увидите свободу!

Уходящие построились.

Вардан надел броню, взял оружие. Ему и нахарарам подвели коней.

По его приказу передовой коняпк полк встал перед знаменем.

Вардан выехал вперед. Глаза его сверкнули, он громко провозгласил:

– Вперед! Пробил час!..

– Сми-и-рно! Готовсь!.. – подхватили сепухи.

– Готовсь!.. Готовсь! – перекатилось по рядам. Войско подтянулось. Нахарары, сепухи, сотники и старшины заняли свои места. Вардан медленно обводил взглядом все войско – и регулярное и народное.

Его жена и дочь, княгиня Шушаиик, поддерживая Старшую госпожу под руки, подвели ее к Вардану.

Престарелая женщина, босая, еле прикрытая поношенным плащом, подошла к сыну и, склонившись к его руке, прижалась к ней дрожащими устами. Это потрясло ьсех. Смущенный, Вардан вырвал руку, но Старшая госпожа так взглянула на него, что Вардан понял: сейчас она ввддт в нем не сына…

– Ты пришел в мир – стой за мир, освободи мир! Да разит без промаха меч твой, Спарапет зешщ Армянской! – благословила Старшая госпожа.

Вардан наклонился, чтоб приложиться к ее руке, но она не позволила, давая понять ему и всем окружающим, что сейчас Вардан – ваше всех. Низка склонившись перед ним, она отошла в сторону, не отвода, однако, от сына полных благоговения материнских глаз.

Войско и народ замерли, все устремили взоры на престарелую мать Спарапета. Старшая госпожа оглядела сюявшие перед Варданом войска; глаза ее сияли, и, простирая высохшие руки, она воскликнула:

– Мир праведный! Ты был, ты есть и будешь вечно! В тебе благоденствие, в тебе жизнь… Да не прерывается дыхание твое, да будет слышен голос твой и пусть долго светит тебе солнце! Идите, дети мои!.. Молю господа грешными устами своими о том, чтобы вернулись вы ео свободой и расцвела земля родная!..

– Аминь! – грянуло в ответ войско.

Старшая госпожа повернулась в сторону Масиса в помахала ему рукой:

– Эгей, высокий Масис, наш гордый и вольный Маске! Мы емертны, ты вечен!.. Запомни и расскажи! – и потом снова повернулась к войску и народу:- Идите, дети мои! И да рассудит вас господь праведный с врагами!

Точно теплым, широким дыханием повеяло на ьссх. С вооруженными людьми говорила мать, Великая мать как бы мать всей страны посылала на бой своих любимых сыновей…

Сепухи подхватили ее под руки.

Легкий утренний ветерок повеял ей в лицо, и со скорбных глаз скатились две крупные слезы. Она повернулась к Вардану И махнула рукой.

– Ступай, сын мой, я догоню тебя…

– Не надо, мать… – с тревогой выговорил Вардан.

– Смилуйся, Старшая госпожа, пощади нас! – взмолился и Нершапух.

Даже не вэгляув на него, Старшая гоеножа опустила голову и медленно направилась к женскому отряду. На лице ее читалась непоколебимая решимость: или умереть в дороге, или увидеть победу и освобождение.

– Убеди ты ее, княгиня! – обратился Нершапух к жене Спарапета. – Отвези ее домой!

Скромная, немногословная жена Вардана, всегда старавшаяся остаться незамеченной, застенчиво и беспомощно взглянула на Нершапуха:

– Как же я могу? Ведь и я…

И, не договорив, она покраснела, как девушка. Опустив глаза, она последовала за матерью Спграпета и стала в ряды полка женщин страны Армянской.

Вардан проскакал и, взмахнув мечом, повернул коня в сторону Арташатского моста, бросив команду:

– За мной!

Войска снялись с места. Первым вышел полк всадников, который должен был выступать впереди как конная разведка. За ним двинулись полки под знаменами Арцруни, Мамиконянов, Аматуни, Гнуни, Аршаруни и других нахараров. Далее шли отряды народного ополчения во главе с Аракзлом, Артэном, дедом Абраамом и Сааком. Потряхивая выбившимися из-под шлема черными кудрями, ведя за собой полк женщин страны Армянской, проехала Хаидут.

– Долгой жизни Спарапету! – воскликнул, проезжая, Погос.

– Аминь! – отозвались воины-крестьяне.

– Да здравствует свобода! – кричал Саак.

– Да здравствует родная земля!

– Будет жить родная земля, – будем жить и мы!

Следуя за шестидесятишеститысячным регулярным общегосударственным войском, лились бесконечным потоком народные отряды, направлявшиеся к границе, чтобы грудью встретив надвигавшегося врага.

Громом раскатился по настилу моста через Аракс топот коней передового полка. Под командованием сепуха Арандзара полк быстро оторвался от остального войска и скрылся в облаках пыли. Перед Арандзаром поставлена была задача разведовать обстановку по пути следования войска, засылать отдельные отряды в тыл врагу и немедленно сообщать командованию все данные разведки.

Командование арьергардным полком Вардан порчил Нершапуху, основные силы доверил нескольким нахарарам Приказов отрядам народного ополчения следовать за регулярным войском, сам он выехал вперед в сопровождении Атома, Артака и Армавира и взял с собой Зохрака, относительно которого еще не било решено, какой полк ему выделить.

Полк Вардана Мамикопяна был воодушевлен. Сепух Давид скакал впереди, часто оборачиваясь, чтобы окинуть взглядом стройные ряды. Всадники ехали молча, гордясь тем, что их полк назначен в авангард. Уголком глаза Абгар следил за скакавшим рядом с ним Мануком, стараясь, чтобы конь его не вырывался вперед и не отставал от коня Манука. Не отрывал взгляда от земли задумавшийся Махкос. То и дело с восхищением оглядывали свои доспехи и оружие юноши арташатцы, держась в седле молодцевато, как на параде. Только Тигран удивлялся, что Корюн не заговаривает и не шутит с ним Оборачивали головы назад и остальные йрташатские юноши, бросая последний взгляд на родной город.

Труднее всех приходилось Арцви. Его скакуну не хотелось оставаться в задних рядах, и бедному телохранителю Спарапета приходилось все время туго натягивать поводья.

За полком Вардана Мамиконяна следовала конница. Закаленные прошлыми испытаниями, всадники ее оправились и восстановили силы после отдыха. Вел конницу Гарегин Срзантцян.

Бодро двигались отряды народного ополчения, среди которых выделялся женский полк. Старшая госпожа поражала всех непостижимой неутомимостью, как физической, так и духовной. Еще большее изумление вызывал сам Вардан, который, разрешив женщинам принять участие в войне наравне с мужчинами, че воспротивился тому, чтобы в женский полк вступили не только его супруга и дочь, но и престарелая мать. Вардан видел в этом проявление того высокого воодушевления, ко юрог одно только и могло обеспечить победу.

Двигались отряды народного ополчения, возглавленые Аракэлом, дедом Абраамом, Хандут… Двигались так, словно шли на работу – молча, деловито. Обменивались иногда немногословными замечаниями – и снова шли, серьезно и спокойно.

Войско огибало восточное подножие Масиса, вытянувшись вдоль правого низкого берега Аракса. Солнце взошло и заиграло на шлемах, щитах и доспехах.

Вардан оглянулся назад и кивнул головой.

Воины оживились, сигнал передавался по рядам, и Манук, сдвинув назад Шлем, звучным голосом запел:

О лев, приди, о лев,

Приди, лев непобедимый,

День мщения настал,

Зовет он нас на бой!

Вскоре над каждым полком звенела его песня. А ополченцы слушали Сероба, запевшего протяжную песню пахаря.

Постепенно полки отрывались друг от друга. Конные проскакали вперед и, останавливаясь через определениые времени, поджидали отставшую пехоту.

Показались всадники, скакавшие навстречу передовому полку. Выяснилось, что это лазутчик Арандзар, очевидно, с важными сведениями. Весь покрытый пылью, обливаясь потом, он подлетел к Вардану, отдал воинский привет и, задыхаясь, доложил:

– Численность превышает двести тысяч… С армией идет весь «полк бессмертных», ядро конннцы и тяжеловооруженная пехота в большом количестве…

– Войско продолжает подходить или подтянулся весь тыл? – спросил Вардан.

– Разведчики говорят, что войску конца еще не видно… Я приказал, чтоб продолжали доставлять сведения.

Вардан задумался.

Его охватила тревога. Теперь, когда споры о том, как быть и что делать кончились, пришла чреватая тягчайшими испытаниями необходимость действовать. Вардана смущала ответственность, которая была возложена на него и по его же собственному требованию. Что, если он потерпит поражение?.. Что, если неблагоприятное стечение обстоятельств вырвет у него из рук всякую возможность победы?.. Ведь тогда конец армянскому народу! Это означало бы, что пустыми и беспочвенными были все данчые им заверения Эти разуышления, эти псаытки приоткрыть завесу будущего рождали в ьзм непреодолимую потребность поговорить с людьми, разделяющими его мысли и также озабоченными судьбой родины.

Вардан был бы готов смиренным образом выслушать разумное слово самого незначительного человека из народа Лишь бы встретить этого человека! Уже не впервые стремился Вардан услышать голос страны. Еще в самом начале, когда донеслись первкэ порывы бури, он пошел в Аштишатский храм – выслушать Егишэ, Гевонда, Езника. Он помнил крестьянина, встреченного им на берегу реки Тхмут, беседу с ним ночью. Перед его глазами вставали Аракэл, Саак, дядюшка Артэн, Погос Хандут, дед Абраам, Зарэ, весь народ армянский… Они были мудрецами. И все, все они требовали войны. Все возлагали на Вардана обязательство вести эту войну. Но насколько удачно сумеет он ее повести?

Необходимо было решать: принять ли бой, или уклониться от него?

– Что же нам теперь делать, Спарапет? – с тревогой задал запрос Аршавнр.

Вардан понял, что его беспокойство разделяют и другие.

– Может быть, кто-нибудь считает, что сейчас было бы разумнее отступить и дать персам бой Е глубине страны? – спросил он.

– Никто так не считает! – воскликнул Нершапух.

– А вот у меня такая мысль мелькает! – ко всеобщему удивлению, заявил Вардан. – Но я не страшусь, что персы сомнут нас и по нашим трупам ворвутся в страну, непобедимым враг окажется, лишь если прорвется в глубину. Тогда наша комариная война нам не поможет: зверь будет слишком силен! Он разорвет нас на куски раньше, чем мы сумеем как еледует искусать его…

– Да, нужно идти, иного выхода нет! – со вздохом признал Нершапух.

– Да, нужно идти! – подтвердил Вардан. – Быть может, там решим…

– Идем, и да поможет нам господь! – сказал Аршавир.

– Да поможет нам господь! – откликнулись остальные нахарары, одни с сомнением, другие с воодушевлением.

Приведя регулярные полки в приаракскую низменность у подножия Масиса, Вардан приказал им стать на отдых, пока подтянется пехота. Надо было собрать все войско, – враг был недалеко.

Воины бросились к реке. Коней нельзя было оторвать от воды, – так жадно оив пили.

Разбили легкие шатры, нахарары отдыхали. Вардан разослал сепухов по пслкгм проверить, отдыхают ли воины.

Вскоре подоспела пехота, и ополчение смешалось с регулярным войском. На извилистом берегу реки закипела жизнь.

Конники привязали коней и, расположившись на траве, принялись закусывать, перебрасываясь шутками и распевая песни. Вдруг показался Мартирос, запыхавшийся, падающий от усталости, обливающийся потом. Он тащил на спине свернутый толстый и тяжелый тулуп, в руке сжимая огромное копье – свое единственное оружие.

– А-а, добро пожаловать, добро пожаловать, брат Мартирос! – весело приветствовали его юноши арташатцы. – Пожалуй сюда, к нам!

– А полк мой? Где мой полк? – стонал Мартирос.

– Вон твой полк, напротив нас. Поджаривается без шампура! Да ты присядь, присядь!

Заплывший жиром Мартирос, кряхгя, уселся рядом с юношами арташатцами. Он изнемогал от зноя и усталости.

– Ну как, не холодно тебе, братец Мартирос? – с сочувствием справился Махкос. – Как бы ты не простудился в этом своем тулупе?

– А что поделаешь? – не поняв шутки, отвечал Мартирос. – Весь народ погибает…

– Где, где? – притворно испугался Махкос. – Вставай, ребята, пойдем спасать!

Мартнросу поднесли холодной воды в фляжке из тыквы, разложили перед ним хлеб и сыр. Мартирос просиял.

– Вот спасибо, молодцы! – промолвил он и набросился на еду. – Сильно я проголодался.

– А ну, попробуй-ка этого шашлыка, братец Мартирос! – предложил Тиграп, накладывая ему куски жареного мяса. – Повар Спарапета жарил…

– Ишь ты, врет-то как! Хо-хо-хо-хо! – рассмеялся Мартирос. – Повар Спарапета?.. Да такого повара близко подпускать нельзя!

– Это ж почему?

– Духа шашлыка он не понимает. Не считал, когда жарил. А ведь разное мясо бывает: одно до четырехсот пятидесяти надо отсчитать, другое – до трехсот довольно!

– А бывает, и до трех тысяч! – подсказал Махкос.

– Хо-хо-хо-хо! – покатывался Мартирос. – После трех тысяч уголь получится, дурень!

Вараж и Маркос, которым был поручен уход за сменными конями, по обыкновению, сцепились и бурно спорили. Группа гусанов в шлемах и доспехах, с перекинутыми за спину бамбир-тми пришла в шатер Вардана.

А в это время Дешхо искала Арцви. Она долго искала его на берегу, ведя на поводу своего коня, но Арцви все не было. Дешхо поднялась вверх по течению и тогда только увидела его: вместе со своим помощником он купал двух скакунов.

– Ардзи, почему ты так далеко забрался? – обрадованно воскликнула сна.

– Замутили внизу воду! – объяснил Арцви, улыбаясь.

– Можно и мне тут выкупать моего коня?

– Что ж, купай, только ниже…

Дешхо быстро выкупала своего коня и, пустив его на волю, подошла к Арцви, который обрадовался ей и улыбался.

– Арцни, что говорит Спарапет, мы победим?

– Победим! – уверенно заявил Арцви.

Выведя коня на берег, он выпустил узду и побежал вперед. Конь поскакал за ним. Арцви заставил коня бегать, пока у того шерсть не обсохла.

Арцви и Дешхо направились к шатру Вардана.

Дешхо остановилась в изумлении. Образовав широкий круг, все войско, затаив дыхание, внимало гусанам. В шатре Вардана сидели все нахарары, рядом расположилась Старшая госпожа с остальными женщинами и девушками.

Арцви и Дешхо подоспели как раз, когда гусаны изображали ожесточенную схватку

храбрецов. Они рвали струны, били кулаками по своим бамбирнам, ходили широкими шагами взад и вперед по площадке, топали ногами и, потрясая своими инструментами, скандировали сказание Это было древнее воинственное сказание, восхваляющее храбрецов, ликующих в победоносном бою, и оплакивающее горечь поражения, – эпическое сказание, которое древние гусаны исполняли под музыку перед боем. Гул и звон струн и голосов гусаны сопровождали жестами ь мимикой.

«Нет в бою победителей двух,

Один – победитель, побежденный – другой!

Смельчак побеждает, робкий терпит пораженье Час пробил, зловещий час, Гвоздь победы пораженья вбит.

Рок промолвил: «Бей!»

Черная судьба сказала: «На!»

Талисман молвил: «Смерть»

Черная смерть сказала. «Конец!»

Завершилась мера, кара, -

Бум… – прокатилось с холма на холм,

Пошло раскатилось по всему полю:

Сраженный – сражен, разгромленный – развеян, Сгубленный – пыиб, смерть зловещая», – Гак поведала «руна бамбирна.

Храбрый из храбрейших, коли бьешься ты,

Могучим ударом по шее ударь..

Если в рке твоей храбреца острый меч – Руби и кроши, пока не повергнешь врага!…

– Молодцы! – грянуло восхищенное войско.

– Долгой жизни Спарапету! – послышалось со всех сторон, Гусаны смолкли и, потрясая бамбирнаыи, склонились перед Варданом и отошли в сторону, багровые, обливающиеся потом, Вардан обратился к воинам;

– Ну, трусишки, понравилось, как расхваливали вас гусаны?

– Трусу рядом с тобой невыгодно находиться, Спарапет! – отшутился Манук.

Воины рассмеялись. Сотники отворачивались, стараясь не показать воинам, что тоже смеются. Народ с любовью смотрел на повеселевшего Вардана.

Вдали показались конные. Они быстро приближались.

– Вероятно, вести от союзников! – предположил обрадовавшийся Шмавон.

Наконец, они подъехали достаточно близко. Атом узнал их.

– Это отец азарапет! – крикнул он.

Подъехал азарапет – похудевший, разбитый усталостью, подавленный. Вардан, догадавшись о неудаче посольства, сказал лишь:

– Слава богу, что хоть вернулся благополучно…

– Приветствую воинов родины – едва смог произнести прослезившийся азарапет.

– Садись отдохнуть Обойдемся и без Византии! – подбодрил его Вардан Азарагет, потративший последние силы, чтобы догнать армию, сел в тени ив и рассказал о своих злоключениях в Византии, об отказе императора помочь ярмянам. Амаяк и Меружан Арцруни своим молчанием подтверждали слова азарапета.

Полуденный зной делался уже невыносим. Воины рассыпались, ища тени под деревьями и кустами, на берегу реки. Смолкли голоса.

Погос лежал рядом с Серобом и Ованесом-Карапетом и смотрел на сидящего под деревом Саака, который, казалось, никогда не стл. Чуть поодаль сидели вокруг Старшей госпожи Хандут, Анаит, Астхик и жена Спарапета. Погос смотрел и думал об окруж вших его крестьянах и босых крестьянках… Сердце у него щемило «Ну, что им здесь надобно?» Он привык видеть их всех за тяжкой крестьянской работой, и в зной, и в стужу, и в дождь стонущими под гнетом, вечно борющимися с упрямой природой… Сейчас подходит время сенокоса. А потом земля родит и застонет: Облегчите мое бремя!» А они все побросали и тащатся через горы и долы на войну с персом…

Ветерок принес сладостный запах полей. Погос глубоко вдохнул этот запах, нежный, ласкающий, и мыслями унесся в родной Тарон, к мирным пастбищам, к золотым нивам, к журчанию родников Вспомнил он торжественный покой полей, нарушаемый лишь стрекотанием цикад и лепетом ручейков. Земля жила здоровой, изобилующей благами и ликующей, радостной жизнью. Погосу даже показалось, что он слышит ее благоухание. И таким живым было это благоухание, так сильно сжалось сердце у Погоса, что если бы не война, он вскочил бы на коня, полетел бы домой, упал бы ничком на родную землю, на эту темную, полную тайн землю, положил бы голову на ее широкую, теплую грудь и заснул бы сладостным сном.

Погос чтил землю, но неясно сознавал причину своего почитания. Он никогда и не задумывался об этом. Лишь в самых сокровенных тайниках души чувствовал он, что родная земля – это для него не просто земля, а нечто иное, большее, но неясное. Вот вдали, над срдиками, мирно поднимаются к небу столбы дыма Вот выпочзают из села арбы. Миловидные молодки, сгорбившиеся старухи, крепкие, мускулистые парни выходят в поле.

Взвивается жаворонок. Задумчиво сгибается над водой камыш. А вот Сасунский хребет, опоясанный жемчужными облаками. Вот просторное полутемное помещение в селе: вьюга бушует на дворе, но внутри тепло; расселись в два ряда крестьяне и, затаив дыхание, слушают сказителя, который с воодушевлением повествует о подвигах Арташеса, о злоключениях Артавазда…

Вот покачивается темная, цвета крови, трава между замшелыми могильными плитами. Чьи это могилы? Никто в селе не знает. Лишь древние старики смутно помнят, что там покоятся бесстрашные предки, павшие на поле битвы. Они умерли, но отстояли равнину Тарона… И сон переходит в явь. Бегут со смехом черноглазые ребятишки по улицам, звенит смех девушек у родника. Люди, деревья, небо, голубой туман и Бзнунийское море, серебро его волн…

От сепуха Арандзара приехали разведчики и доложили Вардану, что вражеская рать стала лагерем на Аварайрском поле, на другом берегу реки Тхмут и, по-видимому, пока двигаться не намерена.

Вардан приказал немедленно выступить походным маршем.

– Сегодня же вечером надо добраться. Враг не решитря на ночной бой!

Войско быстро снялось.

Гряда холмов закрывала горизонт. Полк Вардана скрылся ва нею. Когда холмы обогнуло ополчение, Сероб воскликнул:

– Люди добрые, лес!

– Лес?! – усмехнулся Погос. – Да ты присмотрись хорошенько: это неприятель!

Долгий вздох покатился по рядам.

Люди вгляделись. Вдали, на замкнутой горами обширной равнине, действительно было черно от запрудившей ее вражеской армии…

Все умолкли, подтянулись. Слышался лишь мерный шаг пехоты и топот копыт.

Война дохнула людям прямо в лицо.

С правой стороны дороги выплыла из котловины одинокая часовня. Монахини стояли у дверей и осеняли проходившие войска крестом. Вардан наклонился и что-то сказал азарапету.

Тот резко повернул коня и поскакал к шедшему позади женскому полку. Поровнявшись с матерью Спарапета, он сказал ей твердым голосом:

– Старшая госпожа, слушай приказ Спарапета: ты останешься здесь, в этой часовне, до нашего возвращения!

– Умоляем тебя, Старшая госпожа! – поддержали его женщины.

Мать Спарапета точно очнулась, внимательно взглянула на азарапета и молча последовала к часовне. Монахини поспешили навстречу, почтительно окружили ее. Она еще раз оглянулась на войско, на сына. Подняв руку, она всех перекрестила и вошла в часовню. Азарапет помчался обратно.

Вечер спускался на Аварайрское поле. Из расщелин Артазского хребта тени сползали вниз, к равнине, на которой широко и густо осела персидская рать. Неприятельские войска, стоявшие вначале вокруг шатров, хлынули внезапно вперед, как вышедшие из берегов воды, и направились к берегу реки Тхмут. К другому берегу начало стягиваться армянское войско. Полки перестраивались. Между армиями лежали широкая полоса воды и камышовые заросли у обоих берегов.

Сопровождаемый группой яахараров и сепухов, Вардан поднялся на холм и окинул персидскую армию взглядом. Фронт оказался необычайно растянутым. Против левого крыла армянского войска видно было сильное скопление частей противника, группировавшихся вокруг многочисленных знамен. Вправо начал выстраиваться центр; к заиаду от центра отдельными подразделениями стало располагаться левое крыло персов. Позади правого крыла и центра отдельно построился «матьян гунд» – прославленный «полк бессмертных». Прямо позади него стояли боевые слоны с башенками на спинах.

Вардан стал удивительно спокойно и неторопливо расставлять полки. Дслго взвешивал он и совещался с нахарарами о том, кого назначить командующим войсковыми соединениями на флангах и в центре. Командующим левым крылом предложили назначить Атома. Тот на это надеялся и с бьющимся сердцем ждал, чтобы Вардан утвердил это назначение. Но Вардан, бросив г.имолетный взгляд на Атома, предложил назначить Татула и помощником к нему – Тачата Гнтуни. Атом почувствовал себя обиженным, но промолчал. Затем перешли к назначению командующих на яравый фланг и в центр, и Атом с удивлением услышал, что в центр назначили Нершапуха, а помощником – Артака. Атом был уверен, что хотя бы правый фланг достанется ему. Но туда назначили Херена и помощником ему – Арсена. Азарапет оставался в арьергарде. Он не возражал.

Вардан не показывал, что заметил обиду Атома. Оставив командование арьергардом за собой, Вардан взял себе помощниками Амазасна и Аршавира. Атому назначения не дали. Неужели ему придется лишь помогать командиру какого-нибудь регулярного полка? Что это означает? Забыл о нем, что ли, Спарапет, упустил из виду? Атом решил безропотно принять эту обиду, храбро сражаться в качестве простого воина и умереть, если понадобится. Не время и не место было считаться со своим самолюбием.

Но тут Вардан пристально взглянул на Атома и негромко сказал ему:

– Будешь у меня замыкающим в арьергарде, князь!

– Слушаю, Спарапет, – покорно отозвался Атом.

Распределив представителей остальных нахарарских родов в помощь командирам основных частей, Вардаи ста т молча следить за передвижениями в персидском стане. Назначенные начальники и помощники ждали, чтобы Спарапет разрешил им разойтись: они торопились к своим частям, опасаясь, что неприятель может нанести удар неожиданно. Но Вардан спокойно объяснил, что скоро стемнеет и топкие берега Тчмута не дадут развернуться сражению.

На правом крыле персидских войск наметилось необычайное оживление. Все взгляды устремились туда.

– Знамена Сюника! – вдруг воскликнул Татул.

– Где, где? – раздались голоса.

Татул указал на отделившуюся от центра персидских войск колонну, шедшую под распущенными знаменами. Кпгда она приблизилась, стало ясно, что это полки приверженцев Васака. Великолепные аргамаки, изогнув шеи, несли всадников к месту стоянки…

– Воины отборные! – словно сам себе сказал Вардан.

– Скапливаются на левом крыле! – заметил Нершапух.

– Да, на левом! – подтвердил Вардан.

Все Аварайрское поле кишело персидскими воинами. Покачивались их кувшинообразные головные уборы, сверкали наконечники копий, мотали головами кони, развевались по ветру гривы. Полки занимали места.

Спустилась ночь.

Нахмурилось Аварайрское поле. В слабом свете звезд река была едва видна. Из-за реки доносился непрерывный глухой шум, то затихавший, то усиливавшийся, словно гул горного потока: неприятельские полки готовились к бою. И чем более темнело, тем больше скапливалось войск на берегу.

Разворачивалось и армянское войско. Оно расположилось вдоль берега, прямо напротив врага. Вардан приказал, чтоб отряды народного ополчения находились у него в тылу, вместе с запасными полками, рядом с полком Мамнконянов. Впереди народного ополчения стали Абэл-Наапэт, Аракэл, Саак, Хандут…

Вардан заметил, что ополченцы меньше устали, чем воины. Наиболее бодрыми казались женщины. Глядя на них, Вардан все более укреплялся в убеждении, что они будут биться храбро, и это его не удивляло: он хорошо знал женщин родной страны.

Азарапет взглянул на них и не выдержал:

– Пощади их, Спарапет, пусть они только ухаживают за ранеными.

Стоя на холме, Вардан пытался проследить характер происходящих в темноте передвижений врага. Центр кое-как проступал из мрака, но на правом крыле ничего не было видно.

Вардан проехал к левому крылу; его сопровождали Хорен, Нершапух и Татул. Как раз в это время на левом крыле врага, медленно и тяжело колышась, показалась какая-то масса.

– Откуда они подтянули щитоносную пехоту? – с беспокойством спросал Вардан. – Ведь она была у них на правом крыле!

– Видке, сна стояла позади «полка бессмертных», – предположил Нершапух.

– Там у них щитоносной не было, – возразил Вардан и обратился к Зохраку: – Ну-ка, скачи на наше правое крыло, спроси у князя Эпцайни, какие части переместились оттуда влево.

Зохрак поскакал, сопровождаемый телохранителем.

– Что это они задумали, зачем перебросили щитоносную пехоту влево? – спросил Хорен.

– Усиливают левое крыло, – объяснил Нершапух.

Текли ночные часы, приближался рассвет. Армии тяжело дйшали. Воины были крайне утомлены. Вардан приказал дать им отдых, строжайшим образом распорядившись, чтобы отряды спали по очереди и бодрствующий полк выступал вперед, к реке, дабы предупредить всякий неожиданный удар.

Стремление окинуть мысленным взглядом все поле боя, предугадать исход будущей битвы держало в напряжении всех. Но Вардан, напрягая все свои силы и способности на то, чтобы разгадать намерения врага и подготовить наиболее действенный контрудар, был охвачен и другими думами. Он думал о том, что цель ради достижения которой вышел на Аварайрское поле армянский народ, будет, пожалуй, достигнута совершенно иными способами и средствами, чем те, которые наметил он. Какая-то Смутная догадка, подобная далекому огоньку, мерцала в глубине его сознания. Он действовал, выносил решения, а эта мысль мелькала у него уже давно-давно и в Огакане, и в Арташате, и пр дороге в Агванк, и во время возвращения оттуда…

Прискакал Зохрак и сообщил:

– Князь Энцайни заявляет, что стоявшая перед ним щитоносная пехота двинулась влево и что сейчас позиции врага против него ослаблены.

– Ну-ка, поглядим, – проговорил Вардан и поскакал к центру.

Начальники соединений следовали за ним. Доехав до центра, они заметили густое скопление лучников, за которым стояла легкая конница. Это ясно доказывало намерение персов перейти реку вброд в этом месте. Атом слегка улыбнулся.

– Значит, упор на центр. Оттуда и нанесен будет удар? – спросил Нершапух.

Но Вардан задумчиво молчал.

– В центре удара не будет, – медленно сказал Атом. – Они побоятся завязнуть в топях… – Он с минуту подумал и дополнил свою мысль:-Несомненно, основной удар они

нанесут на правом крыле!

Вардан ласкоао взглянул на юношу, незаметно улыбнулся, но продолжал хранить молчание. Начальники соединений задумались.

Но вот Вардан перешел к изложению своего плана: измотать силы врага. Когда шли на Аварайр, он намеревался осуществить этот план при помощи регулярного войска. Но вид огромной персидской рати вынудил его тогда отказаться от намеченного порядка боя и быстро перестроиться.

– Придется принять тактику народного воина, – сказал он с облегчением, словно освободившись от тяжкого бремени сомнений, и улыбнулся. – Здесь никакая иная тактика не годится. Только та, которую провозгласили народные воины: биться насмерть!..

– Но это опасно, – возразил Нершапух.

– Только так можно победить! И мы победим! – подчеркнул Вардан.

– Дай бог! Дай бог! – насмешливо, взволнованно и одновременно покорно произнес Нершапух, в котором заговорил привычный к суровой дисцкшшне старый воин.

– Дай бог! – с волнением повторили и начальники соединений.

– Бог даст, он всегда с народом! – утверждая свою мысль, повторил Вардан – Ведь война эта народная… – Он обратился к начальникам соединений. – Несомненно, до рассвета будут и иные перемещения у противника. Но основное расположение его сил таково: фланги укреплены для перехода реки вброд; на правом фланге он решил яе пропускать нас ни в коем случае. В центре топь преграждает путь и ему и нам. Он, наверно, опять перебросит свои силы против нашего правого крыла. Но он попытается стянуть нас к центру, чтобы охватить с флангов и раздавить нас. Так что осторожней на флангах!

– А мы и не будем стягиваться к центру! – заявил Нершапух.

– Предоставим ему думать, что мы дали себя обмануть! – сказал Вардан и вдруг, словно осененный какой-то догадкой, резко обернулся к окружавшим его нахарарам. – В эту ночь и завтра нам предстоит одним получить огромной силы удар. Какой бы жестокой ни показалась вам истина, но я ее вам открою: из всех возможностей нам доступна только одна – выматывать врага, ибо уничтожить его нам не под силу. Да, государи, скажем правду, – уничтожить ею нам не под силу. Выматывать его непрерывно, неожиданными нападениями, короткими сильными ударами! Нанести ему здесь крепкий удар, отступить и заставить нас преследовать… Пусть тащится за нами, истекая кровью! Будем наносить удары из центра, откуда он их не ждет! Сдерживайте его, сковывайте его в это время на флангах, не давайте ему ни в коем случае двигаться ни вперед, ни назад. Получив удар, он взбесится и кинется на нас. И вот здесь-то и надо будет начать правильное, изнурительное, выматывающее неприятеля отступление Придется напрячь все силы и все умение! И пусть вся страна Армянская напрягает силы, пусть она вся борется непрерывно, на равнине, в горах, в ущельях – всюду! Вот в чем наше спасение, или, вернее, вот в чей наша победа!

– Будет исполнено! – промолвил Нершапух, отдавая воинский привет: он начинал постигать стратегию Вардана.

– И когда враг будет вымотан так, как я намерен его вымотать, то есть когда он будет окрашивать путь своей кровью, пусть он тогда попробует догонять нас! Мы, несомненно, сумеем поставить его где-нибудь на колени. Судьба избрала меня, чтобы нанести врагу этот первый удар И я его нанесу? А вы делайте свое, – вы не дайте ему подняться?.

– Будет исполнено – повторили остальные нахарары, послушные воинской дисциплине.

Взволнованный Вардан все снова и снова возвращался мысленно к своему решению. До самого конца в течение всего боя, который протекал с переменным успехом, он напряженно решал все один и тот же вопрос: нанести персам удар регулярными силами или же енлзий народного ополчения? Или же нанести один удар вслед за другим? У него росла надежда, что в критический миг сверкнет молнией правильное решение. Тягчайший, мучительный час раздумий?

Во всяком случае, он решил сохранить обычный порядой ведения боя и лишь в решительный момент выпустить ополчение и нанести персам удар рукой простого народа.

Вардан обратился к сепухам:

– Постройте полк Мамикоияиа, конницу, воинов Дзмероца, по одному подразделениию из полков Арпрупи и Вананди, всех перешедших к нам из полков Ршгтуни и Хорхоруни и все отряды народного ополчения!

Сепухн поскакали выполнять это приказание.

– На ночное сражение едва ли они пойдут, – закончил Вардан. – Но на всякий случай будьте бдительны. Идите по местам, господь вам в ггомощь.

– Господь – наше прибежище и сила! – откликнулись начальники соединений и разъехались гго местам.

С Варданом остались Аршавир, Амазасп и Атом. Долгое время все молчали. Вардан продолжал обдумывать свое решение:

«Нанести удар и заставить истекающего кровью врага начать преследование?» Легко сказать!.. Но как выполнить это решение? Да и выполнимо ли оно? Не ошибается ли он? Ведь пришлось бы сознательно принести в жертву передовой заслон армянского войска! Во имя чего? Быть уничтоженным, чтобы уничтожить врага? Поставить армянский народ перед лицом величайшей опасности, чтобы спасти его? Нет! Требовалась величайшая жертва, Вардана терзала мысль об этой жертве. И он принял свое великое решение: подвергнуть опасности и себя и всех своих, чтобы тем самым получить право подвергнуть опасности армянский народ.

И вот перед ним стоял созданный им передовой, ударный отряд. Вардан приказал, чтобы все народное ополчение выстроилось и двинулось вперед под объединенным командованием Аракэла, Артэна, Саака и Хандут. Он вызвал их к себе и объяснил им, что самым простым и целесообразным для них будет всем следовать за регулярными полками:

– Все вместе за мной! Будете биться до последнего вздоха, пока рука держит меч или копье!

Вардан мягко улыбнулся и грустно пошутил, обращаясь к Атому:

– Видишь, князек, до чего дошло? Подаст ли нам победу господь?.. Выведет ли сам себя из пропасти народ армянский? Это будет видно не в тот миг, когда мы вступим в бой, а тогда, когда мы его закончим. А закончим мы его, вероятно, много позднее. Не сегодня и не на этом поле куется наша победа, а в глубине наших гор. Если я паду в бою и среди наших возникнет растерянность, вся моя надежда на тебя, на то, что тебе помогут крестьяне и все, кто останется в живых! Не теряясь, спокойно вступишь в бой, всех успокоишь и наладишь постепенный отход. Отступать будешь, непрерывно нанося врагу удары, завлечешь его в горы – там уничтожишь!

– Будет исполнено! – спокойно ответил Атом.

Оба умолкли.

Азарапет взглянул на Зохрака: глаза юноши были влажны.

– Жесток ты к сыну, Спарапет, – упрекнул он Вардана.

– Ничего, ои Мамиконян, – ответил Спарапет, обнимая Зохрака. – Мой сын знает, что мы не на свадьбу прибыли…

Зохрак прижался головой к его груди. Холодная кольчуга оцарапала ему лоб.

– Зачем ты стремишься предопределить свою судьбу, Вардан? – покачал головой азарапет – Она ведома лишь господу богу.

Вардан грустно взглянул на него.

– Эх, отец азарапет!.. Они молоды еще, ты – муж зрелый, но я много старше.. Разве шуточное нагрянуло на нас бедствие?! Бой не на жизнь, а на смерть – вот наша победа!

– Господь да придаст тебе сил! – со вздохом скгнал азарапет и перекрестился.

Центр персидских войск, прямо напротив них, продолжал уплотняться. Близился рассвет. Вардану хотелось увидеть, как расположит свои войска Нюсалавург утром. Сам Вардан не предпринимал больших перемещений, предоставляя врагу думать, что армяне находятся в нерешительности и но донашиваются о направлении главного удара персов Затем он не хотел дать им понять, что угадал их намерения – пусть персы еще более

неосторожно и открыто производят свои перемещения. Намеренно стянув большие силы к центру, он предупредил командиров соединений, что они должны быть готовы во всякую минуту, без промедлений бросить свои силы на фланги.

Движение у персов не прекращалось. Непрерывно слышался топот конницы, лязг оружия, ржание коней, окрики командиров и глухой, неумолкающий рокот. Получившие многодневный отдых войска могли позволить себе одну ночь не спать.

Факелы освещали вражеский стан. Войска раздвинулись, образовав каре. Вынесли знамена. Какие-то фигуры метались на площади: очевидно, там происходил смотр или какой-нибудь религиозный обряд.

Зрелище было Вардану знакомо: это могпэт возносил моления о даровании победы. После этого должен Лыл выступить Нюсалавурт, сказать войскам ободряющее слово.

– Ты погляди только! – с горечью сказал Аракэл, обращаясь к сидящим рядом. – Пришли погубить народ, да ешс молитву читают! Ну-ка, вставайте, скажем и мы наше слово войску!

В сопровождении Артэна, Саака и Хандут он подошел к Вардану:

– Спарапет, дозволь и нам обратиться со словом к войску!

Вардан понял мысль Аракэла, она ему понравилась. Простой народ пришел затем, чтобы воевать, он будет тверд и непоколебим. Вардана обрадовало, что оправдываются его слова: – Эта война народная…

– Ступайте, говорите! – сказал он с чувством почтения к зтим простым людям.

А они, проходя перед рядами войск, стоявших в центре и на флангах, говорили бойцам:

– Крепко стойте, ребята!.. Не пожалеем жизни ради родной страны! Будем биться, как подобает мужчинам!

– Раз пришли – значит, будем сражаться и победим!

– Раз пришли – значит, победим!

– Крепко стойте!

То, что враг занят какими-то обрядами, вселило уверенность в отсутствие непосредственной угрозы. Воины вышли из рядов. Подошли к ним и бойцы из ополчения.

Аракэл выступил вперед и громко воззвал:

– Воины! Отцы, братья, сыны наши! Запомните наш священный завет: пусть те, кто останется в живых, крепко любят и крепко берегут родную землю и родной народ!

– Как зеницу ока! Как сокровище души! – послышались голоса – Аминь!

– Да будем мы достойны победы!

Что-то заставило войске вскотыхпуться. Кто-то приближался с огромным факелом в руках – Спарапет! Спарапет!.. – пронеслось по рядам.

Вардан подходил в сопровождении нахараров, Говонда, католикоса, Егишэ, Езника и сепухов.

Полки не сводили глаз с Вардана. Сверкая глазами, Егишэ пришпорил вздыбившегося жеребца, вырвался вперед и заговорил:

– Привет воинам, давшим обет, братьям моим в смерти и жизни! Готовьтесь к победе! Завтра от вашей руки умрет смерть отчизны вашей! Бейтесь, и да будет благословен меч ваш, несущий свободу!

– Аминь! Аминь!.. – откликался народ. Выступил Вардан.

– Воины, братья, народ армянский! – сказал он. – Завтра – день свободы. Завтра мы будем биться. Если есть среди вас не верящие в победу, малодушные, – отпустим их, пусть идут от нас! А отважным воинам вот просьба моя и приказ: братья, да не знают малодушия защитники страны Армянской! Не пугайтесь численности врага! Мы победим! Ибо на нашей стороне справедливость! Бейтесь за свободу родины!

– Будет исполнено.. Аминь!.. Истинно!.. – загремело в ответ.

– Желаю вам победы! – закончил Вардан и повернул коня к другим полкам.

Время шло. Войскам нужен был хотя бы недолгий сон. Все кругом было тихо. Молчал и враг. Природа взяла свое.

На пригорке разостлали плащ, Вардан растянулся на нем.

Лишь дозорные бродили по берегу Тхмута, всматриваясь в каждую тень и прислушиваясь к каждому шелесту; сторожевые заслоны сидели с оружием наготове.

У мельницы, под ивой, стояли в темноте Артак и Анаит и прощались. Чуть поодаль сидела оберегавшая их Югабер, а в стороне – Зохрак и Астхик, не осмелившиеся заговорить друг с другом. Они сидели на камнях, в глубочайшем молчании. Они даже не решались взглянуть друг на друга, боясь выдать то, чем были полны их сердца.

– Встретимся мы еще друг с другом или – конец?.. – тихо спросили Анаит.

– Встретимся, конечно! – не сразу ответил Артак.

Аиаит не спросила, когда и где про изойдет эта встреча. Артак не знал, что ответить, по оба почувствовали какое-то душевное успокоение. Однако Анаит, у которой не было никакой надежды на то, что Артак останется в живых, не спросила, почему именно Артак уверен, что они еще увидятся. С нее было достаточно, что он верит. Не спросила она и о том, думает ли Артак о смерти. Потому что она сама не думала о смерти. Но и Артак о смерти не думал в эту ночь: он испытывал радость и умиротворение. Он надеялся встретиться с Анаит не в потустороннем мире. Но где именно, об этом ей не думал. У него было глубокое, как будто неопределенное, не вместе с тем еильиее убеждение: «Мы встретнмея! И это не было мечтой. Это чувство не допускало ни сомнений, ш подозрений. Оно вытекало из могучего источника, из которого вытекала и его любовь, его радость, вера, надежда и отсутствие стража перед смертью. Артам так верил в это чувство, что не боялся смерти. Смерть че одолеет его, смерти для него нет! Он есть и будет, и овн с Анаит будут а останутся!.. В нем говорила жнэвь, любовь, радость.

Этот экстаз умиротворял и Артака и Анаит.

Иными были переживании Зохрана и Астхик. Они так и не сказали друр другу ничего, дог.еряясь безмолвному языку сердца. Оба сохранили в тайне друг от друга владевшее ими чувство, опасаясь, что оно межет остаться безответным.

Но наступил час разлуки. Артак и Аваит нслшо обнялись. И только когда надо было расставаться, Зохрах и Астхик взглянули друг ва друга без страха: в глазах блеснуло прозрение, и они кинулись друг другу в объятия. Мимолетный поцелуй – и они рсстались…

В тот краткий миг, который принес покой душам нескольких людей, небо внезапно побледнело: кончалась ночь, уступая место.

Остановившись на том порядче расположения войск, который он принял ночью, Вардан сосредоточил большие силы в центре, имея в виду убедить персов, что поддался на их обман. Персы выдвинули в первые ряды лучников, поставив легкую конницу позади. То же самое сделал и Вардан.

Прошел предутренньй час, гчшул час рассветный, открылось утро.

Войска взгданули друг на друга. Все осле было занято. Всюду войска, войска, войска!..

– Ну и ну-у-у! – прсбежало по рядам.

– Ишь ты!.. – засмеялся дед Абраам. – Всю свою Персию, можно сказать, до дна выскребли!

– Да разве и мы не сделали того же? – спросил кузнец Озаким.

– Так ведь мы народ маленький! – возразил дед Абраам.

– Маленькийто маленький, а погляди, как перс испугался, сколько их высыпало! – захохотал Сероб.

Прямо против них, на берегу реки, выстроены были полки легкой щитоносной, вооруженной луками пехоты. Перевесив по удобнее набитые стрелами колчаны, персы с угрозой поглядыва ли на армян. Тяжелое впечатление производили эти бесчислен ные смуглые морщинистые лица, заросшие черными, как смоль волосами. Позади них колыхались конные полки. Тысячи коней взмахивали головами, покачивались в седлах густые ряды всад пиков, вздрагивали в воздухе поднятые вверх копья.

Справа, слева, позади – всюду выстраивались войска Стоявший прямо напротив полк, как видно, слишком выдвинулся вперед. Сутулый старшина отпихивал выдвинувшийся

передний ряд, толкая бойцов коленом в живот.

Воины притихли и продолжали внимательно следить за персами.

Погос взглянул вниз, и его внимание привлек маленький желтый цветок. Он задумался, толкнул в бок стоявшего рядом Саака:

– Слушай, разве не одна земля повсюду? Как же она красит одно растение в желтый цвет, другое в красный или в черный, дает одному сладость, другому – горечь, яд или молочный сок, помогает расти одним в высоту, другим в ширину?.. Как это, а?

Но Саак вперил свой единственный глаз на поле боя. Погос очнулся. По спине у него пробежала дрожь: он почувствовал, что с минуты на минуту может начаться сражение. Оглянувшись кругом, он увидел, что все преобразились и ждут.

И вот зловеще завыли у персов длинные витые трубы. Им ответил громкий сигнал армянских труб. Вардаи высоко поднял руку.

– Полки, сми-ирно! – хрипло, словно не своим голосом, скомандовал сепух Давид.

– Полки, сми-рно! – прокатилось по всему войску.

– К бою готовсь! – ясно послышалась команда Вардана.

И на Аварайрском поле начался бой…

Десятки тысяч воинов одновременно пустили в ход свое оружие.

Завизжали, засвистели стрелы; послышались вопли первых раненых, слова команды и треск натягиваемых тетив.

В центре неприятельских сил кипело. Персидские лучники, натянув тетивы, откинув корпус назад, опускались на одно колено, выискивая лучшее положение, чтобы вернее попасть в цель. Их лица подергивала злорадная усмешка. Наиболее бесстрашные выступали из рядов, подходили вплотную к реке и даже входила в воду.

Это обозлило армянских воинов: они также вошли в реку со СПОРИ стороны и, подбадриваемые своими командирами, начали осыпать стрелами выдвинувшихся вперед персов.

На правом крыле у армян создалась не очень благоприятная обстановка: стоявшие против них персы непрерывно получали подкрепления. Вместе с тем создалась угроза и на сильно укрепленном центральном участке: хотя, по мнению Вардана, персы не намеревались перейти здесь реку вброд, но в любую минуту они могли перебросить силы на свой правый фланг.

Хорен сдерживал напор неприятеля, Арсену не терпелось самому перейти в наступление: «Натиск армян – бедствие для персов!» Но Хорен не давал своего согласия.

Командовававший центральным участком Нершапух был озабочен: стало не хватать стрел. Его успокаивали лишь заверения Артака, что в центре персы в нападение не перейдут; когда же они свернет вправо, армянские полки смогут перейти в атаку. Артак пристально следил за ходом боя, страстно желая хотя бы еще раз увидеть всех: Вардака, Атома, Анаит, Астхик, Зохрака… Но где ж увидишь их? Теперь все как будто окутаны мглой. «Втретимся ли мы еще?» -вспомнились Артаку слова Анаит. «Да! – мысленно ответил ей Артак. – Встретимся в грядущих веках, которым завещаем наше дело из поколения в поколение…» Так нашел он ответ на вопрос Анаит.

Примчался Арцви с приказом Вардана не жалеть стрел.

– Ну, как дела, Арцви? – смеясь, окликнули его воины.

– Не жалейте стрел! – Он с детской улыбкой взглянул в сторону персов, слоено речь ппа об игре, и поскакал обратно к Вардану.

– Дорогой мой, вся наша надежда – на народное ополчение! – сказал Вардан и с полуулыбкой испытующе посмотрел на Атома. – Чем все это кончится, а?

– На что бы ни надеялись, бой сам по себе надежда, Спарапет! – отозвался Атом. – Если они хорошо будут биться, что дурного в том, что это простой народ?

Вардан, обрадованный ответом, обнял и поцеловал его в лоб:

– Да, милый мой князек, простой народ сражаться будет, в этом можно быть уверенным!

В эту минуту из тыла подошел к реке персидский отряд и стал как раз напротив стыка армянского центра и левого крыла. Вардан нахмурился. Что это могло означать? Внезапное изменение тактики боя? Конный полк смело вошел в реку, стремительно перешел ее и, собравшись на берегу, начал осыпать армян стрелами. Под прикрытием этого полка мелкие отряды персидской пехоты начали перебираться вброд и скапливаться вокруг своей конницы. Вардан понял этот маневр в гом смысле, что персы стремятся сковать Нершапуха, не дать ему перебросить силы из центра на левое крыло, к Хорену, или же пытаются окружить левое крыло и вклиниться между центром и правым крылом армян. И Вардан решил не менять обдуманной им тактики боя, не снимать с места ни одного полка! Он взглянул на Атома, Амазаспа, Аршавира. Нет, ими жертвовать в этот опасный момент он не может! А опасность и впрямь была немалой, Вардан взглянул на Зохрака. Да, только сына может он подвергнуть такой опасности! Тогда никто не сможет его упрекнуть.

– Возьмешь отряд из полка Мамиконянов, – сказал он Зохраку. – Отбрось этих персов обратно на их берег и оставайся у реки до моего приказа!

– Спарапет, пощади… – не выдержал Аршавир.

– Молчать! – оборвал его Вардан.

Зохрак быстро спустился с холма и снизу простодушно и доверчиво улыбнулся отцу. В сопровождении телохранителя он поскакал к полку. Вардан смотрел ему вслед, и сердце его ныло. Эта улыбка и этот взгляд напомнили ему детство Зохрака. Словно он что-то приказал своему маленькому мальчику, и ребенок повиновался, не догадываясь, что отец послал его на неминуемую смерть. Но Вардан это сознавал.

С вершины холма ясно видно было, как отряд из полка Мамиконянов во главе с Зохраком опрокинул конных персов в реку. Бой шел в реке.

Со стороны армянского тыла послышалась все более приближающаяся песня. На лицах воинов засияла улыбка.

– Подоспели, наши голосистые! – весело воскликнул один лучник, вытаскивая стрелу из колчана.

Действительно, это выступали на передовую линию гусаны: они проходили между рядами разгоряченных воинов, громко распевая боевые песни:

Ударом на удар – и еще сильней,

Смертью на смерть – и еще сильней.

Просто и однообразно звучала эта старинная боевая песня. Но было в ней что-то грозное и одновременно бодрое. Она приводила воинов в состояние экстаза: близкое дыхание смерти пробуждало в них надежду на жизнь и веру в свои силы.

Послышались восклицания:

– Ударом на удар – и еще сильней!..

Центр персидских войск постепенно приближался к реке. На флангах не замечалось никакого движения, персы ограничивались тем, что осыпали стоявших против них армян стрелами. Зато в кипучем движении был персидский центр. Вардан послал с Амазаспом повторный приказ Нершапуху: если центр персидских войск направится к правому флангу армян, к полкам Хорена, то ему, Нершапуху, надо немедленно идти на соединение с Хореном и сковать врага, не переходя, однако, реку.

– Строжайше приказываю действовать именно так, не думая о том, что будет делать сам Спарапет!

Вардан пристально всматривался в расположение персидских войск. Неподвижно застыл на месте, между центром и левым крылом, «полк бессмертных». Неподвижно стояли боевые слоны. Знамена князей-изменников развевались против левого крыла армян.

Персы продолжали посылать тучи стрел. А у армян запасы стрел иссякали. С минуты на минуту персы должны были перейти к решительному натиску, бой должен был стать рукопашным.

– Затянулось дело! – с тревогой заметил Аршавир.

– Затянулось! – озабоченно подтвердил Вардан. -И нужно положить кон:ц, иначе

положат коней они, и тогда юре нам!..

Он напряженно ждал удара со стороны правого фланга персов, одновременно сомневаясь, будет ли нанесен этот удар. И так ли он будет нанесен, как он, Вардан, полагает? Все предвидеть в бою невозможно. Надо действовать. И действовать быстро, молниеносно… Вардан кинул взгляд на сепухов:

– Готовьтесь! По полкам!

– Несут молодого князя… Спарапет!.. – шепнул Арцви каким-то странным голосом.

Случайно ли, намеренно ли, но Вардан не услышал.

– Спарапет!.. – с трудом повторил Арцви.

– Да? – обернулся Вардан. Он понял, конечно. – Что несут? Что случилось? – спросил он, точно Арцви мог знать это лучше, чем он сам.

Вардан смотрел на группу воинов, которая медленно подходила к холму. Он увидел руку Зохрака, странно свисавшую с носилок. Ранен? Или убит?..

Зохрака молча опустили у подножия холма. Лицо его было белым, как мел. В широко раскрытых глазах застыло удивление, смешанное со страхом.

Вардан подошел. Воины опустили глаза, избегая его взгляда. Вардан слегка приподнял плащ и тотчас снова прикрыл лицо Зохраку: ему стало страшно. Он молча наклонился, поцеловал лоб, кудри.

– Унесите!.. – сказал он.

Зохрак был мертв. Воины подняли тело.

Вардан вновь взошел на холм. Он был словно во сне. Но, бросив взгляд на поле битвы, тотчас опомнился. Перебравшийся через реку персидский отряд был отброшен назад, но левое крыло персов двинулось к реке и теснило армян.

«Окружают!» – мелькнуло у Вардана.

– Спарапет! – услышал он голос Арцви.

Бардан поднял глаза. Наклонившись вперед, Атом, Аршавир и Амазасп напряженно вглядывались влево. Скопившиеся там персидские полки решительно двинулись на Татула. Тот попытался отбросить их. Но натиск был слишком силен: персы перебрались через Тхмут и бросились на Татула. Стоявшие в центре персидские полки внезапно свернули вправо и двинулись на Хорена. Вардаи с тревогой смотрел вперед. Сепухи делали все, чтобы сдержать натиск. Но персы все наступали и наступали. Все армянское войско – конница, полки Дзмероца, Мамиконяна, народное ополчение – постепенно отходило К холму, где стоял Вардаи, прибежали Араюл, Артэн, Саак, Хандут. Лица их были искажены тревогой.

– Спарапет, во имя бога единого, ударь! – кричал Аракэл – Самое время сейчас! Ударь, Спарапет! – поддержл его Артэн.

– Ударь! Ударь! – повторяли со всех сторон.

«Сам господь говорит устами народа!..» – подумал Вардан.

Никогда еще не испытывал он в бою такого воодушевления. Точно какая-то неведомая сила подняла его. Он взглянул: на него были устремлены тысячи глаз, глаза народа Вардан поверил в победу.

– Ударь! – в исступлении кричал Аракэл. – Ударь, разбей, уничтожь проклятого тирана! Покажем ему силу простого народа! Пусть почувствует, что такое народ Он считает нас животными, пусть увидит зверя! Ударь Но Вардан обдумывай решение, осматривался. Вот перед ним сильный враг, богатый оружием и боеприпасами, имеющий много воинов и боевых слонов; он накапливает силы и подступает, чтобы померяться с Варданом. На что же решиться? Дать бой по обычным правилам боевой тактики? Мираж, иллюзия! Прославленный знаток римского, персидского и армянского военного искусства с горечью и болью оглядел бедное войско своего маленького народа. Да, пробил час народа армянского… Смертный час!..

Вардан резко обернулся назад:

– Киязь Гнуни, слушай меня: я поведу полки конницы, Дзмероца, Мамиконянов и ополчения. На тебя оставляю полки Гнупика, Вананда, Аршаруника, Хорхоруника,

Рштуника, Арцруника… Также и те, которые уцелеют.. – Вардан мягко улыбнулся. – Да и армянский народ там!.. Если здесь начнется смятение, беспощадно подавишь его, железной рукой поддержишь порядок в случае отступления. Государь Аршаруни, Амазасп, брат мой, – будете с князем Гнуни! – Он оглядел окруживших его сепухов, бросил взгляд на Аракэла, Саака, Артэна. – Все по местам!

Все кинулись к своим отрядам.

И в мгновенно наступившем молчании произошло то, что было хорошо знакомо старым соратникам Вардана: лицо Спарапега побелело, глаза сверкнули, он оглядел всех, кого должен был повести на подвиг, на бой, в котором не было места страху смерти и, следовательно, не было места и самой смерти. Он всех бросал по ту сторону смерти, но все были охвачены одним лишь стремлением – добиться победы хотя бы ценой жизни.

Вардан почувствовал, какая грозная сила стояла за ним. Ему многое хотелось сказать, но он смог лишь скомандовать:

– За мной!

Огнем пронеслись по рядам эти слова. Сверкнул меч Вардана, Спарапет пришпорил своего «Вишапа» и, вырвавшись вперед, врезался в реку, в тину. Хотел ли он прорваться к центру персидских войск, или в приступе внезапного умоисступления решил увязнуть в болотной топи и погибнуть?

Но нет, Вардан вырвался на противоположный берег. И за ним -войско. Ураганом летела справа конница, слева – воины Дзмероца, позади – полк Мамиконянов… И не отставало от них народное ополчение во главе с Аракэлом, Артэном, Сааком и Хандут.

Персидский центр дрогнул, попытался перестроиться и повернуть обратно. Но тут нанес свой удар Нершапух: перейдя реку, он поставил под угрозу персидский заслон. Это вынудило персов оставить мысль о том, чтобы вернуться в исходное положение. Теперь им надо было направить все силы против Нершапуха и Корена; а те повисли у персов на левом крыле, давая возможность Вардану нанести свой непредвиденный удар.

Вардан стремительно ворвался в ослабевший персидский центр.

Михрнерсэ, Пероз и другие персидские вельможи, вместе с Васаком и Гадишо следившие за боем с холма в восточном углу Аварайрского поля, не могли понять маневра Вардана. Нюсалаврт решил, что Вардан просто пытается отвлечь его внимание от юнко задуманного главного удара. Ему и в голову не пришло, что это и был главный удар Спарапета: такого несложного, простого маневра он от прославленного полководца и ждать не мог.

Смятение в персидском лагере росло по мере того, как Вардан продолжал мчаться, врезавшись в гущу персидского расположения. Чего он хотел Чтобы его окружили, схватили? Что за безумие?

Нюсалаврта, который приказал было своим флангам окружить армянские полки, охватило сомнение. Не переменить ли тактику? Но это потребовало бы времени, тогда как необходимо было остановить безумный удар Вардана немедленно, отозвав силы с флангов, где персы теснили армян.

А в это время Татул, поняв, что сейчас нужно Вардаиу, стремительно переправился через реку и сковал персов на правом фланге. Тот же маневр повторил и Нерщалух на своем фланге, быстро подступив к реке, но не переходя ее. Этим они оба выполнили свою роль и, повиснув на флангах Нюсалаврта, не давали им двигаться. Это сейчас же сказалось на всем ходе сражения.

Бардам продолжал стремительно мчаться на «шлк бессмертных». Это уже было чем-то неслыханно дерзким, выше всяких ожиданий. Полк Мамиконянов вместе с армянской конницей врезался в «полк бессмертных». Персы дрогнули, расстроенные ряды их попятились, отдельные группы ударились в бегство по направлению к стоянке боевых слонов. Смятение перебросилось и туда, огромные туши заметались взад и вперед, размахивая хоботами.

Вардан, как ему того ни хотелось, не стал преследовать разгромленный «полк

бессмертных». Он повернул назад и начал описывать круги, налетая на полки Васака и других князей-изменников. Весь правый фланг персов пришел в смятение, все перемешалось. Ни Арташиру, ни Дареху, ни другим персидским военачальникам никак не удавалось восстановить порядок.

На правом фланге совершенно потерявшие строй персидские полки не смогли перестроиться и ответить достоточно сильным ударом на удар Вардана, несмотря на то, что здесь у персов были сосредоточены крупные силы. Вардан смешал все обычдые представления о боевой тактике; стремительно налетая на неприятельские ряды, он быстро поворачивался, не давая им опомниться и нанося удар там, где менее всего ждали. Едва успевали персы разгадать силу и направление его очередного удара, как Вардан устремлялся в противоположную сторону.

Конечно, ему было не по силам окончательно разгромить правое крыло персов. Это понимали обе стороны. Одной четверти сил врага на этом фланге хватило бы, чтобы раздавить Вардана. Казалось, что он сам добровольно бросился в ловушку и поймать его будет легко и просто. Но персов приводило в ярость то, что эта, казалось бы, легкая и простая задача, все более и более осложнялась: Вардан вырвал у цих из рук инициативу Правда, он попал в ловушку, и кольцо окружения постепенно сужалось. Но это делалось не в силу превосходства персов, а по его собственному замыслу. Это было настолько неожиданно, что Нюсалавурт не мог понять, в чем же тут дело. Вардан навязывал ему самое неожиданное, самое несложное: войну с простым народом. Это и было самым невыносимым!

Столь же невыносимым было избиение персов, которое Вардан вел с невиданным ожесточением. Три его полка разчетались, сливались, переплетались, поспевая на помощь друг другу, вклинивались в персидские ряды, трепали и мяли их, не останавливаясь ни на миг.

И, постепенно догоняя полки Дзмероца, Мамиконянов и конницу, а затем и опередив их, показало всю свою страшную ударную силу народное ополчение. Оно придало новый дух и новые силы битве Вардана. Это была битва простого народа. Она покачала, что представляет собой и на что способна боевая ярость простого народа, хотя и не обученного военному искусству, но сильного своей страстью и своей вековой ненавистью к насильникам и угнетателям.

Ополчение вырвалось вперед с такой силой, какой не ожидал даже такой много перевидавший в жизни полководец, как Вардан. Ярость и стремительность натиска ополчения передавалась и регулярным полкам. Сила нового удара была потрясающей. Всеобщее внимание привлекал Аракэл, го пропадавший в свалке, то вновь выплывавший. Его окружал образовавшийся тут же, в пылу боя, конвой соратников. Аракэл был неузнаваем. Злобно сверкая глазами, налетал он на персидскую пехоту. Он и его товарищи сшибались с персами с таким остервенением, словно перед ними были личные их враги, обиравшие лично их, бывшие виновниками их тяжелой жизни. В лице персидских воинов они бчли вековое насилие, вековое угнетение, они били сборщиков податей и налогов, похитителей свободы, тех, кто нес им плен, рабство, иго, кто отнимал у них землю, пищу, жизнь. Они вели свой бой, бой за себя, и вкладывали в него старую жажду мести и ненависти к поработителю, в том числе и ненависть, которую питали они к собственным князьям, также угнетавшим и обиравшим их, лишавшим их всех радостей жизни, терзавшим их отцов, их дедов. Это окрыляло воинов, воодушевляло их. Поистине страшна была эта народная ярость.

Так началось то «великое смятение», то «никогда не виданное», о чем с удивлением должны были поведать впоследствии очевидцы.

Все ширился и рос оглушающий шум битвы.

Все страшнее разгоралось великое побоище, взаимное уничтожение. Две многотысячные рати уничтожали друг друга. Сшибались щитоносные пехотинцы, копейщики, секироносцы, пешие и конные. Груды изломанного оружия и щитов, груды убитых воинов, груды убитых коней напоминали лес, по которому, все разрушая и губя на своем пути, лронесся неистовый ураган, имя которого было Спарапет. Уже был ясен

избранный им тактический прием – новое слово в военном искусстве.

Мрачно глядел на все происходящее Васак. На его глазах происходило то, что было ему более всею ненавистно, то, против чего оя всегда боролся, – всенародный подвиг армян. От зрелища их страшной силы, от сознания этой силы дрожали подчиненные Нюсалавурта, побледнел Михрнерсэ, смутился Рахтанг и грыз самого себя от бессильной зависти Пероз. Васак смотрел – и не в состоянии был ни осознать, ни принять эту силу, ни примириться с нею…

Нюсалавурт, который со своим помощником Доврэджом стоял на холме и оттуда руководил сражением, также долгое время не понимал, что происходит. Ему был непонятен, его смущал маневр Вардана. Никогда не случалось ему видеть ничего подобного. Какой смысл был такому старому, бывалому воину, как Вардан, очертя голову врываться в самую гущу огромной армии, в три-четыре раза превосходящей численностью его маленькие силы? Какая польза правому и левому флангам армян от безумной атаки Вардана? Ведь им грозит неминуемое окружение и гибель!

– Хоть бы даровал мне Ормизд способность понять! – бормотал Нюсалавурт. – Понять!

– Да ведь все равно он окружен!

– А ты на побоище взгляни, на побоище!..

Нюсалавурт метался в ярости на холме, точно грузная, неуклюжая обезьяна. По его рябым побагровевшим щекам катился горячий пот, губы кривились. Не то плача, не то смеясь, он громко кричал Доврэджу:

– Ноги тебе облобызаю, только обьясни мне, что делают эти наши скоты, эта ослиная челюсть Арташир, эта падаль Дарех? Ах, чтоб вам, чтоб вам, чтоб вам!.. Отродье Ариыана, верблюжьи шкуры! – Внезапно заметив полк женщин, Нюсалавурт совсем обезумел. – Да ты туда погляди! Они женщич привели, чтобы я с женщинами сражался! – Он ударил себя кулаком по голове и заорал сипахам: – Передайте этим кучам мусора, пусть ударят, пусть сомнут женщин!

Перепуганные сипахи помчались с приказом Пюсатавурта.

К холму подъехали Михрнерсэ, Деншапух, Васак, Варазваган, Гадишо, Пероз, Вахтанг и могпэты.

Едва удерживаясь на коне, с пересохшим от волгська горлом, Михрнерсэ, заикаясь, выкрикнул:

– Полководец! Теснят? Что случилось?..

У Нюсалавурта не было никакого настроения объясняться, по не ответить «тени Азкерта» он не мог.

– Смятение! Сейчас все выяснится…

– Выведи «полк бессмертных»… – прокричал Миихрнесрэ.

– Если уж дело дошло до «полка бессмертных», тогда либо вешайся, либо в воду бросайся! – не вытерпел Нюсалавурт, добавив вполголоса несколько крепких ругательств.

Но его тревога и его раздражение против помощников не имели оснований. Этому посредственному полководцу трудно было понять возвышенную руководящую идею, которую вкладывал Вардан в свою боевую тактику. Трудно ему было понять, что Вардан сознательно отбросил в сторону все старые правила и переступил границу человеческого разумения, потому что совершал подвиг, потому что он спасал отчизну.

Вардан пошел на безумный шаг – в окружение. Нюсалавурт не понимал, что ему остается лишь одно – схватить Вардана и раздавить его. Он не осознал того, что не сумел понять смысла и силы подвижнической битвы народной армии. Он все продолжал ждать конца, то есть полного окружения и уничтожения Вардана. Л это уничтожение не приходило, оно роковым образом опаздывало Доврздж предложил:

– Отзовем войска с флангов, пусть придут и окружат их…

– Не надо! – отмахнулся Нюсалавурт. -Не надо, у флангов своп задачи… Закончить окружение должны другие! Они хоть целую страну чауватят! Эй, там, боевой сигнал…

Прояжно завыли трубы.

– Вывести «полк бессмертных»! – приказал Нюсалавурт. Сипахи полетели к войскам с приказом полководца.

– А если сожрут и «полк бессмертных», придет наша очередь! – выкрикнул Нюсалзвурт.

С холма на армянской стороне заметили движение в «полку бессмертных» и на стоянке слонов. Находившиеся под командованием Атома, Аршавпра и Амазаспа полки стояли в боевой готовности. Атом имел полную возможность подоспеть на помощь Вардану. Но, повинуясь воинскому приказу, он ждал условленной минуты, с тоской следя за тем, как вокруг Вардана безнадежно сжимается кольцо.

– Гибнет Спарапет армян! – со стоном выговорил Аршавир, и на его глазах блеснули слезы.

Амазасп молча опустил голову.

Атом нахмурился, бросил взгляд в сторону отрядов Нершапуха и Хорена. Они еще сопротивлялись… Там, именно там таилась надежда страны Армянской. А Вардан был обречен…

Вступил в сражение «полк бессмертных», и персидские полчища, придя в себя, вплотную окружили Вардана: со всех сторон посыпались удары. Но Вардан еще держался. Он сумел сохранить боевой порядок своих полков, которые сокрушали все на своем пути.

Михрнерсэ и остальные персидские вельможи онемели, подавленные этим ужасным зрелищем. Казалось, Вардан несокрушим и только растет; возникало опасение, что он уничтожит все…

Родовой полк Спарапета, Дзмероца, конницы и остальные нахарарские полки еще крепко держались, хотя потеряли половину и даже больше половины бойцов. Еще крупнее были потери народного ополчения.

Надвигалось неизбежное. Это осознал и Вардан: опыт бесчисленных боев подсказал ему, чго приближается конец.

Но вот произошло ужасное: вырвался вперед полк женщин страны Армянской И тогда стало ясно, на что способны крестьянки. Они были неузнаваемы. Впереди всех, точно взмахнувшая крылами птица, летела Хандут. Беспрерывный глухой гул сражения прорезал ее хриплый голос, похожий на клекот орлицы:

– Да погибнет тиран! Бейте его!

Против женщин был немедленно брошен в сражение отборный персидский полк. Распущенные косы, залитые кровью лица, разодранные одежды женщин вызвали испуг и смятение среди простых воинов. Но женщины ударили дружно и стремительно. Перси опомчились и ответили ударом. Первые ряды женского полка стали падать.

– Ребята, где же честь наша?! – с отчаянием крикнул Погос и кинулся стремглав мстить за павших. За ним последовали Сероб, Ованес-Карапет, исступленный Саак и крупный отряд ополченцев. Отчаянный, беспощадный удар остановил персов. Все перемешалось. Женский полк оправился и вновь ударил на врага со всей силой ярости. Промелькнула на мгновение супруга Спарапета со знаменем в руках и рядом с ней Анаит и Астхик. Емдан заметил окровавленные кудри Анаит, ее испачканную в крови одежду. Он повернул коня, помчался к женскому полку. Стена персов преграждала ему путь. Он пробился. Но княгини и девушек не было. Нечто омерзительное творили с женщинами персы. Наматывали их косы на стремена и шигы, разрывали их одежды. Какую-то девушку топтали копытами Не Анаит ли это? Как будто она… Какая-то крестьянка душила персидского воина, другой перс вонзил копье ел в бок.

Вардан искал глазики и не нашел ни княгини, ни девушек. С удивлением осознал сн, что забыл о дочери, и горько вздохнул Он почувствовал, чго лишь смерть может заглушить ту сгорбь, которая обожгла ему сердце. Но эта боль забывалась, когла Вардан видел, как наравне с его женой и дочерью подставляют себя под вражеские мечи жены и дочери крестьян и как они сами наносят удары.

Но вот косы какой-то молодой девушки запутались в стремени персидского всадника,

она упала. Конь волочил ее…

– Эгей, на помощь!.. – криклул обезумевший Погос.

За персом поскакал Тигран. Он догнал, сразил всадника и стал осторожно перерезать кслом запутавшиеся в стремени девичьи косы. Зто промедление дало персам возможность расплатиться с защитником девушки. Тигран погиб. Но его гибель привела в бешенство Кюрюна остальных арташатских юношей. Они врезались в ряды персов, и бой закипел снова.

– Дети мои!.. – заголосила Хандут и уже одна полетела на персов, на сей раз как наседка, защищающая своих птенцов.

Она сразила одного перса, но в следующую минуту сама упала. Гибель нависла над арташагцами. Пали еще трое из них. Но женщины подоспели на помощь, за ними воины. Люди жертвовали собой, спасая друг друга, отнимали друг друга у смерти, даруя друг другу жизнь…

Вардан почувствовал: кончились родовые муки, родился тот возвышенный дух, на который возлагал он надежду, думая, об армянском народе.

Выполнена была задача армянского народа: совершился потрясающий разгром персидской армии. И хотя Вардан сознавал, что это его последний бой, он смотрел вокруг себя с улыбкой утоленной мести. Свершилось!.. Армянский народ победил! Подобного избиения персидские армии не видели еще никогда. Осталось нанести последние удары, по возможности дороже продать собственную жизнь.

Вардан привстал на стременах, повернулся в седле и стал описывать мечом круги в воздухе: сигнал сбора. Тотчас вокруг него собрались верные соратники – оставшиеся соратники. Подскакали Срвантцян Гарегин, Каджберуни Нерсэ, Гнтуни Тачат, Абэл-Наапэт, Саак, Арцви, сотник Аршам из конницы, сепух Давид, Мелкон Абгар. Но не показались кузнец Овак»м, Ованес-Карапет, Сероб и еще многие другие. Неожиданно выплыл из свалки Мартирос со своей тяжелой палицей. Он ухватился за стремя Вардана, пошел рядом с его конем. Пот струился по его лицу, глаза словно вот-вот выскочат из орбит. Прибежал Погос.

Но уже с бешенством отчаяния двигался на них «полк бессмертных». Смчв ряды вокруг Вардана, персы пробивались к нему.

У Вардана уцелели лишь остатки его полков, но они все теснее жались к нему. Близился конец. Это понимали и персы и воины Вардана.

Вардан подал знак, нахмурившись и с улыбкой тряхнув головой Засмеялся смехом, оставшимся неуслышанным. Еще раз сильно потряс головой. Все поняли: самая сильная бойня – теперь!

Настал час последнего подвига. Вардан первый подал пример. Он бросился на вражеские ряды, начал разить их мечом. Навстречу ему вырвался исполин-всадник и с размаху ударил его мечом. Кольчуга на груди разорвалась. Но в это время появился Арцви и отбросил занесенный над головой Вардана меч. Перс обрушил удар на скакуна Арцви. Арцви обезумел от ярости, вскочил на коня, на котором сидел перс, и стал душить всадника. Персу удалось высвободиться. Над головой Арцви сверкнул меч другого перса, но Вардан отвел удар и сбросил с коня противника Арцви.

Теснее сжались ряды вокруг Вардана. У некоторых уже были убиты кони, и воины сражались в пещем строю. Пал и скакун Вардаиа, зарубленный топором. Гарегин отдал Вардану своего коня. Но все теснее сжималось кольцо. Что-то цеплялось за ноколенник Вардана. Он сделал движение, чтобы освободить ногу. Но ее как будто что-то держало. Вардан взглянул, это был сотник Лршам. Он бежал, обливаясь кровью с головы до ног. Он все порывался поцеловать колено Вардану. Вардан наклонился, сам поцеловал его окровавленную голову. Аршам выпустил колено, упал.

Путь был закрыт. Рядом с Варданом были сепух Давид с двумя сотнями воинов полка Мамиконянов, конницы и крестьянского ополчения. Натиск врага становился все сильней.

– Ну-ка! – воскликнул Вардан и двинулся на персов.

Стрела пробила разорванную кольчугу Вардана и вонзилась ему в грудь. Брызнула кровь. Вардана подхватили Арцви и Давид и увели. Впереди показался слон. Персы

раздались, открыли дорогу. С башенки на спине слона сипах и трое воинов осыпали армянских воинов стрелами.

– Сдавайтесь! – крикнул сверху персидский сипах.

– Сам сдавайся! – крикнул в ответ Гарегин. Сепух Давид остановился.

– А ну, кто здесь Мамиконян?

– Мы все, – откликнулись соратники Вардана. Тогда Давид сорвал с головы шлем, швырнул его оземь и скомандовал:

– За мной!

Аракэл, Артэн, Погос пошли с копьями в руках на слона. К. ним присоединились Гарегин, Тачат и целая группа копейщиксв. Пьяный слон бросился на них. Воины разделились на две части: одни подобрались под брюхо, нанесли удар снизу, другие вонзили копья слону в бока. Раненое животное захрипело, попятилось, начало кружить на месте и рухнуло на бок, раздавив несколько персов.

Но Вардан выбился из сил. Он следил за боем уже затуманенными глазами. Корюн подбежал, обнял его. Железным кольцом окружили его все оставшиеся в живых арташатские юноши. Отбиваясь мечами, они прикрывали Вардана своим телом. Подоспел Арцви, обнял Вардаьа. И Вардан опять двинулся вперед, правда, уже неверными шагами.

Воины шли вперед, разили и падали.

Саак со своим единственным глазом на залитом кровью и потом лице наводил страх на персов, сражаясь, словно во сне. Стремительный, как разъяренный тигр, Артэн разил точно, как истинный горец, рассчитывая каждый удар: он не хотел умирать. Вардан все больше и больше бледнел. Он опустил руку, меч волочился за ним по земле. Корюн поднял меч, поцеловал и прижал к груди. Мартирос выбежал вперед и начал бешено размахивать своей палипей, не глядя, куда попадают его удары. Подскочивший сбоку коренастый персидский воин замахнулся на Вардана. Мартирос хвалил его палицей и тот свалился. Но секира врага опустилась на незащищенную сипну Мартироса. Он упал.

Пролетела стрела, впилась Вардану в горло и застряла. Вардан хотел вырвать ее, – хлынула кровь, он захлебнулся, потерял сознание, голова его упала на грудь. Его опустили наземь. Гарегин обернулся, взглянул пристально, вопросительно на Арцви и Давида:

– Да?

– Да…

Все остановились. Конец. Свершилось. Последние удары. Хлынули персы, стремительно и беспощадно изрубили последпих бойцов.

К холму, где находился Нюсалавурт, помчались всадники.

– Вардан погиб!

Но гибель Вардана уже заметили с холма. Могпэш с фанатическим ликованием воздели руки высоко над головой.

– Да славится Ормизд, даровавший победу, – вопил могпэт. – Слава царю царей!

– Слава! – откликнулись все. – Погиб Вардан! Но сумрачны были лица у Васака, Гадишо, Пероза и Вахтанга. Нюсалавурт пош.ыал их – Погиб Вардан, а побежден Нюсалавурт!.. – с презрением и горечью воскликнул он, швыряя наземь свай шлем. – Плевал я на таких воинов Но необходимо было руководить все еще продолжавшимся боем. Правое крыло армян еще не было сломлено. Левое, участвовавшее в выступлении Вгрдзпа, отходило назад.

– Перейти в наступление! – свирепо крикнул Нюсалавурт. – Смять правое и левое крыло!

Сингхи помчались.

Но Нершапух угадал намерение персов. Он стянул свои полки, перешел назад за реку. Ему принесли весть о том, что погибли Арсен и Хорен, а на левом крыле. – Татул, и что сопротивление сломлено. Когда стало ясно, что на них идут вспомогательные силы персов вместе с «полком бессмертных», поднялось смятение. Оно усичилось. когда на левом крыле был замечен поспешный отход, уже походивший на бегство.

Атом вскочил на коня.

– Время! – крикнул он Амазаспу и Аршавиру и на всем ст:гку вре?ался в ряды полков Нершапуха и Хорена.

– Куда это, куда?! – с угрозой стал он размахивать мечом. – Назад, бессовестные, назад!

Воины, охваченные то жаждой боя, то мыслью о спасении, беспорядочно метались взад и вперед, кидаясь из стороны в сторону. Малейшего повода было довольно, чтобы вызвать панику, и тогда погибло бы все.

Полки Нершапуха и Хорена разбились, часть воинов пыталась рассеяться, но Атом молнией носился повсюду.

– Назад, назад, в ряды! Построиться!.. – кричал он. Вид его был ужасен.

Войско стало успокаиваться и строиться и, наконец, повернулось лицом к врагу.

Смешавшись с персами, отбиваясь от них, вырвались из окружения остатки регулярных полков и ополчения. Здесь были Саак и Аракэл. Они бросились к войску.

– Как, бежать хотите, негодяи? – заорал Аракэл. – Да я вас… – И он начал наносить удары мечом направо и налево. Один за другим воины подхватили крик:

– Назад! Назад! Стройся…

Этого и ждал Атом. Уловив момент, он привстал на стременах и подал оглушительную команду:

– За мной!.. Вперед!

И погнал коня в самую гущу. Его бойцы понеслись за ним. Персы отхлынули. Армянские воины повторили удар. Персы остановились было, но опять поддались под новым ударом. Армяне поняли тактику своего командира: попеременно удар и отход.

Началась мучительная, затяжная битва. Оборачивались к врагу, ударяли и отходили. Вновь ударяли и вновь отходили.

Появился Нершапух.

– Погиб?!

– Погиб… – холодно и горько подтвердил Атом.

Амазасп молча плакал. Аршавир отвернулся, чтобы никто не видел его слез.

Все спуталось: и бились и шли; узнавали, что погиб такой-то, пал такой-то, и продолжали биться в каком-то ксступлснии и уже не разрешали себе искать своих блигких. Никто не спрашивал о Старшей госпоже, о других женщинах и девушках. Так и осталась неизвестной судьба многих из них.

Спасался армянский народ. Что значит в сравнении с этим судьба отдельного человека?

Армянский народ в нечеловеческом напряжении совершал почти немыслимое – он спасал себя… Страшно и беспощадно было это напряжение, но оно имело высокую цель: спасение народа. Кровь Вардана, кровь Вардананка сделала спасение возможным.

Атом, Аршавир, Амазасп время от времени оглядывались на пройденный путь, вспоминая смельчаков, которые прошли здесь, чтоб обеспечить победу…

Вот и часовня, в которой осталась Старшая госпожа. И – о ужас! – она сама!.. Она выбежала навстречу отступающему армянскому войску с распущенными косами, босая, с искаженным тревогой лицом. Напрасно пытались монахи удержать ее. Но сердце матери Спарапета уже чуяло, что произошло. Воины проходили, опустив головы, Атом не приказывал остановиться.

Мать Спарапета взглянула на него. Упав на колени, она посыпала голову пеплом и хрипло выкрикнула:

– Черный ворон прокаркал над домом Мамиконянов!..

– Была б жива страна Армянская, Старшая мать! – отозвались воины. – Была бы жива страна Армянская…

– Да будет жива она кровью моего Вардана, кровью воинов, давших обет, пусть она будет жива! Живите, дети мои!.. – И с силой ударив костлявой рукой по земле, она схватила горсть земли, швырнула в сторону врага, но вдруг покачнулась и упала ничком: скорбь и переутомление сразили ее.

Атом соскочил с коня, наклонился и поцеловал серебряные волосы старой женщины. Не дожидаясь приказа, воины уложили тело матери Спарапета на длинный щит и четверо сильных бойцов понесли ее…

– К грядущим битвам! – призывал Атом, и в грозном его голосе звучало: «Мы победим!..»

И войско начало проникаться верой, надеждой.

– К грядущим битвам! – восклицали овладевшие боевым искусством Аракэл и Саак; их отряды уже слились с регулярным войском, сражались с еще большей силой, с еще большей ярсстью.

Крестьянские отряды были уже внушительны своей численностью. Регулярное войско тянулось к ним. согревалось их горячей верой.

Веру в силы вливала страна. Сопротивление народа разворачивалось и росло; на персидское войско сыпались удары со всех сторон; персов били днем и ночью. Армяне выматывали врага, разбивали его на части, тащили его в горы и ущелья, не давая ему ни отдыха, ни срока.

Тащились вслед за армянским народом Нюсалаврт, Доврэдж, тащились Михрнерсэ, Пероз, Вахтанг, могпэты, а также Васак со своими изменниками.

Правда, раненый зверь упорствовал в своей погоне за армянами. Он лазгал и гремел оружием, рычал, он трубил хоботами своих боевых слонов, ржали тысячи его коней. Он двигался по-С °дно. Но он не в силах был победить. Призраком, иллюзией была его победа: уничтожалось персидское войско, оно уплывало из рук.

Начиналась длительная затяжная борьба.

Обливающееся кровью армянское войско ценой великих жертв, вызванных черной изменой, закладывало в этой борьбе основы своей грядущей победы.

На пути мучительного преследования армян гонец с приказом Азкерта догнал Михрнерсэ и Нюсалаврта: «Покончить немедленно с армянскими делами и поспешить в Пайтакаран, чтобы противостоять гуннам, ворвавшимся через разрушенную Чорскую заставу…»

Между Михрнерсэ, Перозоы и другими персидскими вельможами, которые устали преследовать армян, и Васаком с остальными князьями-изменниками начался ожесточенный спор:

– Кто допустил, чтобы Вардан заключил договор с гуннами?

– Кто скрывал силы армян?

– Почему не предупредили царя царей?

– Кто был причиной поражения?

– Кто должен отвечать за все?

Михрнерсэ… Нюсалаврт… Васак…

Они спорили, оскорбляли друг друга и злобно грозили:

– Будут тебя судить!.. Ответишь!..

А военные писари перечисляли им потери:

– Из высшей знатн – девять вельмож… Три-четыре тысячи войска отборного… Убитых до сорока тысяч… Сколько окажется раненых? А у армян из знатных всего тысяча человек да десять – пятнадцать тысяч простых воинов…

– Кончай с армянскими делами, выступай в Пайтакаран!.. – рычал в ярости Нюсалаврт. – Кончай! …Артак смотрел вдаль, оглядывался кругом – и его взгляд падал на тех, кому судьба предназначила выжить и поведать о том, как все произошло. В рядах сражающихся он видел упорного и настойчивого Нершапуха, стойкого Амазаспа, скорбного азарапета, обновившего свои былые силы, Аршавира, дышащего надеждой, бодрого…

А вот и Езник, Гевонд и Егишэ, мудрый, вдохновенный. Артак слышит голос Егишэ, слышит, как он рассказывает:

«…Из рода Мамиконянов храбрый Вардан; из рода Хорхоруна мужественный Хорен; из рода Палуни доблестный Артак; из рода Гнтуни дивный Тачат; из рода Димаксэни

мудрый Амаяк; из рода Каджберуни чудесный Нерсэ; из рода Гнуни юный Ваан; из рода Энцайни правосудный Арсен; из рода Срвантцян просвещенный Гарегин… …И знатные жены страны Армянской, в неге и роскоши взлелеянные, и крестьянки бесстрашные и выносливые… И весь народ армянский, присягу принявший…»

Внимал Артак, вспоминал близких, любимых, тысячи погибших – знакомых и незнакомых, и, словно во сне, продолжал сражаться рядом с теми, кто остался в живых, – ему надо было облегчить сердце.

А из гор и полей страны Армянской группами и в одиночку, иногда и многочисленными отрядами приходили крестьяне, вооруженные чем попало, приходили бесконечно и бессчетно и пополняли сражающиеся воинские части. И чем дальше, тем больше закалялись бойцы и становились упорными, грозными и бесстрашными.

Так проходили дни, годы и века…

Одинокий могильный холм охраняет вечный покой погибшего воина.

Говорят, там покоится прах Вардана.

Трудно сказать, верно ли это. Но в прозрачной тишине поля изредка слышатся гортанные переливы протяжной мелодии. Иногда это поет монах, иногда одинокий путник, иногда группа путников. Но они поют свою мелодию, только когда они проходят по Аварайрскому полю: это песня вековой давности, посвященная Вардананку.

В этой неумирающей песне запечатлено бессмертие Вардана и Вардананка.

СЛОВАРЬ

Агафангел – армянский историк V века, ему приписывается труд «История Армении»

Агваны – армянские произношение названия древних племен албан, обитав¬ших на территории нынешней Азербайджанской ССР.

Агванк – так древпеармянские писатели называли страну агванов – Алба¬нию (Кавказскую).

Азарапет (буквально «тысяцкий») – назначался из знатных князей, ведал государственными налогами и податями.

Азкерт – армянская форма имени персидского царя Иездигерда II Сасанида (438-457).

Айрарат – центральная область в древней Армении по среднему течению реки Аракс. Здесь находились почти все древние столицы Армении, а сейчас находится столица Армянский ССР – г. Ереван.

Аланы – предки современных осетин Аматуни-княжеский род в Дровней Армении.

Анаит – богиня в древнеармяпоком культе, покровительница материнства и плодородия Апар – восточная область персидских владений с главным городом Нишапур (Нюшапух).

Ара Прекрасный – по преданию, сын «прародителя» армян Арама. Ара отверг предложение влюбившейся в нею ассирийской царицы Шампрам (Се¬мирамиды) оставить жену и родину, чтоб разделить с ней ассирийский трон, и был убит в войне с вторгшимися в Армению ассирийцами. Опечаленная Шамирам тщетно взывала к божествам, чтобы те оживили Ара Арийцы – так называли себя древние персы, подчеркивая этим свое «бла¬городное» происхождение в отличие от других народностей, которые, по их мнению, были «низшего» происхождения.

Ариман – олицетворение злого начала в религии древних персов.

Арташат – одна из древних столиц Армении на берегу реки Аракс, по-проеиа в 170-160 гг. до н. э.

Арташес I (189-160 гг. до н. э.) – армянский царь, основатель династии Арташесидов, первый собиратель земли армянской Аршакиды – династия царей в древней Армении.

Аршак II (350-368) – армянский царь из династии Аршакидов, умер в заточении в Персии.

Арцруни – княжеский род в древней Армении.

Астхик (буквально «звездочка») – богиня любви, красоты и небесного све¬та в древнеармянском культе.

Атрпатакан (Атропатена) – древнее название нынешнего Южного (Иран¬ского) Азербайджана.

Атрушан – алтарь для возжиганкя священного огня.

Аштишат – один из главных духовных центров христианской церкви в древней Армении на берегу реки Евфраг.

Багреванд – провинция в Айрарате.

Башня забвения («Анхуш берд») – замок для заточения политических пре¬ступников в Персии. Свое название получила потому, что заключенные преда¬вались «забвению»: у произнесшего их имя в присутствии «царя царей» слета¬ла с плеч голова.

Бамбирн – струнный музыкальный инструмент древнеармянских певцов.

Бдэшх – титул крупнейших феодалов окраинных областей страны.

Бзнунийское море – название озера Ван в древней Армении.

Ваагн – в дрсвнеармянском культе бог грома и молнии, позднее бог войны и охоты Вагаршапат – в древности – одна из вдрсдих резиденций Армении.

Варпет (буквально «мастер») – здесь: старший, наиболее одаренный из армянских певцов.

Васпуракан – одна из обширнейших областей в древней Армении, в райо¬не озера Ван.

Вишап – дракон, крылатый змей древнеармянской мифологии.

«Гайк и Бэл» – эпическое сказание о иашвеш» тирана Бэла, явившегося со своими полчищами исполинов поработиiь армян и сраженного «прародите¬лем» армянского народа Гайком.

Гирканское море – древние название Каспийского моря Гохтан – местность в Васпуракане, по преданию – родина армянских на¬родных певцов.

Гусан – сказитель, певец в древней Армении.

Девы – злые духи, обычно горные, в древнеармянской мифологии.

Егишэ – известный древнеармянский писатель-историк, современник войны Варданидов. В своем труде «О Вардане и о войне армянской» вдохновенно описал героическое сопротивление армянского народа персидским угнетателям.

Езник Колпица (Езник Кохпский) – древнеармянский философ-богослов, современник войны Вардалидов.

Зрадашт – армянское произношение Заратуштры (Зороастра) – мифиче¬ского пророка, основателя государовенной религии персов в описываемую в романе эпоху. В основе этой религии лежал культ поклонения очистительным стихиям природы, заимствованный из более древнего культа священного огня – учения маздаизма; религия персов отличалась резко выраженным дуализмом: признанием борьбы доброго начала со злым, света – с мраком.

Иверия (Иберия, Картли) – древнее название восточной части нынешней Грузии.

Иверы (иберы) – древние племена, населявшие Восточную Грузию.

Караван – помимо обычного торгового значения, в древности это слово имело и основное, отличное от современного, содержание и означало «военный стан», «поезд свиты и охраны».

Карас – большое глиняное кувшинообразное хранилище для вина и зерна, иногда вместимостью до нескольких десятков ведер и Даже бочек.

Католикос – патриарх, духовный глава армянской церкви.

Кушаны – кочевое племя.

Маздаизм – древнее религиозное учение, признающее поклонение священ¬ному огню, у народов древнего Востока. Названо по имени «доброго» божест¬ва Мазды; оказало сильное влияние на религию Заратуштры.

Мамиконян – один из знатнейших княжеских родов в древней Армении.

Марвирот – река у оазиса Мерва, вблизи которой армянская конница, вхо¬дившая в

состав персидской армии, наголову разбила кушанов, воевавших с Персией.

Марзпан – здесь: наместник, назначаемый персидским царем в завоеван¬ных им странах Масис – собственно армянское название горы Арарат. По библейским преданиям, к Арарату пристал Ноев ковчег после потопа.

Мецамор – большое болото в Айрарагской долине, образуемое разливом реки Мецамор (Черной воды).

Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) – знаменитый армянский писатель-историк V века. Его «История Армении» переведена на многие языки мира.

Могпэт (мобед) – жрец, служитель священных стихий.

Могпэтан-могпэт (буквально: жрец жрецов) – верховный жрец.

Мокац (Мокский) – владетель одной из провинций в древней Армении.

Навасард (буквально: новый год) – по языческому летосчислению, пер¬вый месяц года, в V веке был приурочен к 11 августа.

Нахарар – владетельный князь-феодал в древней Армении.

Огакан – неприступный замок Мамиконянов на берегу реки Евфрат.

Ориорд – незамужняя женщина.

Ормизд (Ормузд, Агурамазда) – олицетворение доброго начала в религии древних персов.

Рштуни – княжеский род в древней Армении.

Сакастан (Сеистан) – страна саков (скифов).

Сандарамет – здесь: князь преисподней, сатана.

Сасаниды – династия царей в древней Персии.

Сепух (сипах) – член княжеского рода; обычно младшие сыновья владе¬тельных князей, избиравшие себе профессией военную службу в коннице Спарапет – военачальник, главнокомандующий войсками страны. Долж¬ность, вначале выборная, стала, по существу, наследственной в роду Мамиконянов Стратилот – военачальник, полководец.

Сюни – первый по старшинству княжеский род в древней Армении.

Сюник – наследственный удел князей Сюнийских Танутэр (буквально: господин Дома) – старейший в княжеском роду в древней Армении.

Тарон – наследственный удел князей Мамиконянов. Вардана Мамиконяна часто называли просто «таронец».

Тигран II (95-55 гг. до н.э.) – армянский царь, при котором Армения стала могущественным государством.

Тигрис – армянское название реки Тигр.

Тизбон – армянское произношение столицы Персии Ктезифон (Ктесифон).

Туруберан – область в древней Армении.

Фарсах – мера длины в странах древнего Восюка. Фарсах везде был оди¬наков: равнялся примерно от трех до семи километров.

Шампур – вертел (железный или деревянный) для нанизывания шашлыка.

Шапух (Шапур) – имя персидского царя.

Шапух I (242-272) и Шапух II (310-379) – стремились ассимилировать Армению.

Чорская застава – в Дербентском ущелье Эрпэтан-эрпэт – здесь: мудрейший ич мудрых.

Эчмиадзин – резиденция главы армянской церкви, ныне город в 18 километрах от г. Еревана.